

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
ТЕРНОПІЛЬСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ ПЕДАГОГІЧНИЙ УНІВЕРСИТЕТ ІМ. ВОЛОДИМИРА ГНАТЮКА
ІСТОРИЧНИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА СТАРОДАВНЬОЇ І СЕРЕДНЬОВІЧНОЇ ІСТОРІЇ

ІСТОРІЯ СТАРОДАВНЬОГО РИМУ

ХРЕСТОМАТІЯ

**ТЕРНОПІЛЬ
2015**

Історія Стародавнього Риму. Хрестоматія. Посібник для студентів історичного факультету / Підг. Шама Олександр Іванович. — Тернопіль: ТНПУ ім. В. Гнатюка, 2015. — 352 с.

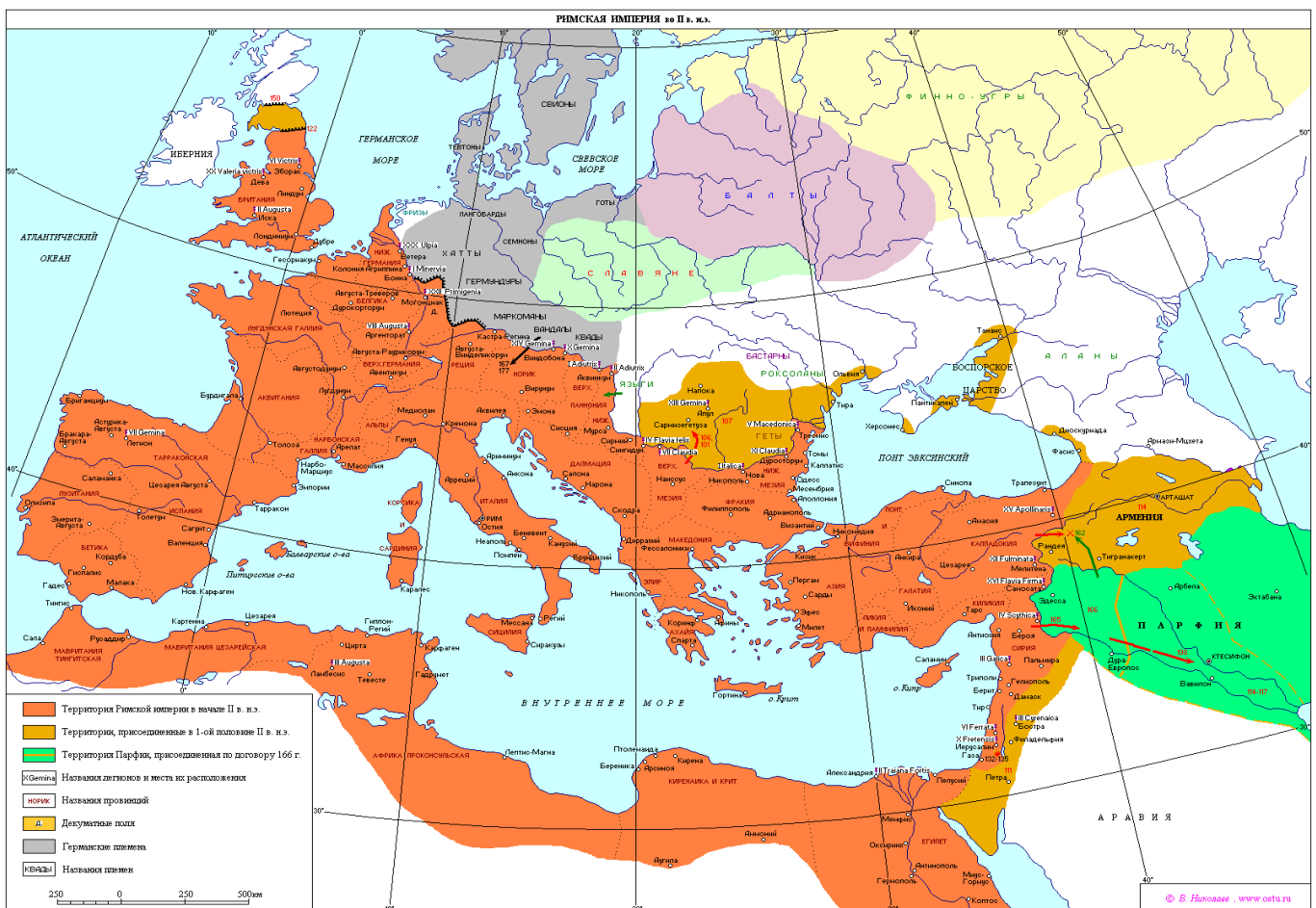
Рецензенти:

Бармак М.В. - доктор історичних наук, професор (Тернопільський національний педагогічний університет ім. В. Гнатюка)

Дацків І.Б. - доктор історичних наук, професор (Тернопільський національний економічний університет)

Криськов А.А. - кандидат історичних наук, доцент (Тернопільський національний технічний університет ім. І. Пулюя)

Рекомендовано до публікації і використання в навчальному процесі науково-методичною радою ТНПУ ім. В. Гнатюка від 23.04.2014 (протокол №9)

ЗМІСТ

РОЗДІЛ І. СТАРОДАВНЯ ІТАЛІЯ І РАННІЙ РИМ	9
І. ПРИРОДА І НАСЕЛЕННЯ СТАРОДАВНЬОЇ ІТАЛІЇ	9
№1. Полібій. Загальна історія, II, 14-17.....	9
№2. Страбон. Географія, V, 1, 1-3; 2, 1-2; 3, 1.....	10
№3. Діонісій Галікарнаський. Римські старожитності, I, 26-30.....	12
ІІ. РИМ В ЦАРСЬКУ ЕПОХУ (753-510 рр. до н.е.)	12
№1. Марк Туллій Цицерон. Про державу, 2, VII—X, XII—XIV, XVII—XXII, XXIV—XXV.....	12
№2. Діонісій Галікарнаський, Римські старожитності, II, 9-10, 14, 74; III, 43-45, 67-69, 71; IV, 13-14, 22.....	15
№3. Плутарх, Порівняльні життєписи, Нума, 17.....	17
№4. Плутарх, Порівняльні життєписи, Ромул, 13.....	17
№5. Тит Лівій, Римська історія від заснування міста, I, 8, 35-36, 41-43, 46-47, 49, 56.....	18
№6. Падіння царської влади в Римі, 510 р. до н.е. (<i>Тит Лівій, Римська історія від заснування міста, I, 57-60</i>).....	19
ІІІ. РИМСЬКЕ СУСПІЛЬСТВО ЗА ЗАКОНАМИ ХІІ ТАБЛИЦЬ	21
№1. Дігести (Кн.1, Гл. 31, §3-4).....	21
№2. Вибори і діяльність Комісії децемвірів, 451 р. до н.е. (<i>Тит Лівій, Римська історія від заснування міста, III, 33-34</i>).....	21
№3. Закони ХІІ таблиць.....	21
ІV. БОРОТЬБА ПАТРИЦІВ І ПЛЕБЕЇВ (494-287 рр. до н.е.)	26
№1. Перша сецесія і виникнення трибунату, 494 р. до н.е. (<i>Тит Лівій, Римська історія від заснування міста, II, 23-24; 32-33</i>).....	26
№2. Аграрний законопроект Спурія Кассія, 486 р. до н.е. (<i>Тит Лівій, Римська історія від заснування міста, II, 41</i>).....	27
№3. Закони Валерія і Горація, 449 р. до н.е. (<i>Тит Лівій, Римська історія від заснування міста, III, 55</i>).....	27
№4. Закон Канулея про шлюби і установа посади «військові трибуни з консульською владою», 445 р. до н.е. (<i>Тит Лівій, Римська історія від заснування міста, IV, 1, 2, 6</i>).....	28
№5. Закони Ліцинія і Секстія, 367 р. до н.е. (<i>Тит Лівій, Римська історія від заснування міста, VI, 35-36, 42</i>).....	29
№6. Скасування в Римі боргового рабства, 326 р. до н.е. (<i>Тит Лівій, Римська історія від заснування міста, VIII, 28</i>).....	30
№7. Плебісцит Огульнів про надання плебеям права обиратись в жрецькі колегії, 300 р. до н.е. (<i>Тит Лівій, Римська історія від заснування міста, X, 6</i>).....	30
V. ДЕРЖАВА І АРМІЯ РИМСЬКОЇ РЕСПУБЛІКИ	30
№1. Полібій про римський державний лад (<i>Загальна історія, VI, 11-14</i>).....	30
№3. Полібій про організацію римської армії (<i>Полібій, Загальна історія, VI, 19-42</i>).....	31
VI. ПІДКОРЕННЯ РИМОМ ІТАЛІЇ (510-265 рр. до н.е.)	36
№1. Взаємовідносини римлян з етрусками. Битва при Кремері. Загибель роду Фабіїв (<i>Тит Лівій, Римська історія від заснування міста, II</i>).....	37
№2. Війни римлян з галлами <i>Тит Лівій, Римська історія від заснування міста, V, 34-47</i>	39
<i>Полібій, Загальна історія, II, 18-20</i>	41
№3. Самнітські війни і поразка римлян в Кавдінській ущелині, 321 р. до н.е. (<i>Тит Лівій, Римська історія від заснування міста, IX, 1-6</i>).....	42
№4. Війни римлян з епірським царем Пірром (<i>Плутарх, Пірр, 13-25</i>).....	44
№5. Підкорення римлянами Південної Італії (<i>Полібій, Загальна історія, I, 6-7</i>).....	47
РОЗДІЛ 2. БОРОТЬБА РИМУ ЗА ПАНУВАННЯ НАД СЕРЕДЗЕМНОМОР'ЯМ (264-146 рр. до н.е.)	47
І. ПЕРЕДУМОВИ РИМСЬКО-КАРФАГЕНСЬКОГО ПРОТИСТОЯННЯ. ПЕРША ПУНІЧНА ВІЙНА (264-241 рр. до н.е.)	47
№1. Географічні умови Карфагена (<i>Аппіан, Римська історія, Лівійські справи, XIV, 95-96</i>).....	47
№2. Договори Риму з Карфагеном до початку Пунічних війн (<i>Полібій, Загальна історія, III, 22-25</i>).....	48
№3. I Пунічна війна (<i>Полібій, Загальна історія, I, 10-13, 16-61</i>).....	49
№4. Мирний договір Риму з Карфагеном після закінчення I Пунічної війни (<i>Полібій, Загальна історія, I, 62-64</i>).....	60
ІІ. ДРУГА ПУНІЧНА ВІЙНА (218-201 рр. до н.е.)	61
№1. Заснування Нового Карфагена, 237 р. до н.е. (<i>Полібій, Загальна історія, II, 13</i>).....	61
№2. Військові сили сторін перед II Пунічною війною (<i>Полібій, Загальна історія, II, 24; III, 33</i>).....	61
№3. Початок II Пунічної війни. Перехід Ганнібала через Альпи (<i>Тит Лівій, Римська історія від заснування міста, XXI, 32-38</i>).....	61
№4. Тактика Фабія Максіма (<i>Тит Лівій, Римська історія від заснування міста, XXII, 13-15</i>).....	63
№5. Битва при Каннах, 216 р. до н.е. (<i>Тит Лівій, Римська історія від заснування міста, XXII, 44-54</i>).....	64
№6. Перехід Капуї на бік Карфагена після Каннської битви (<i>Тит Лівій, Римська історія від заснування міста, XXIII, 3-7</i>).....	67
№7. Переговори Філіппа V з Ганнібалом (<i>Тит Лівій, Римська історія, XXIII, 33-34</i>).....	68
ІІІ. ЕКСПАНСІЯ РИМУ В СХІДНОМУ СЕРЕДЗЕМНОМОР'І. ОСТАТОЧНИЙ РОЗГРОМ КАРФАГЕНА	69

№1. Друга Македонська війна (200-197 рр. до н.е.). Битва при Кіноскефалах (197 р. до н.е.). «Звільнення» Греції (Плутарх, Порівняльні життєписи, Тім Фламінін).....	69
№2. Сірійська війна (192-189 рр. до н.е.). Битва при Магнесії, 190 р. до н.е. (Аппіан, Римська історія, Сірійські справи, 28-38).....	71
№3. Третя македонська війна (171-168 рр. до н.е.). Битва при Підні, 168 р. до н.е. (Плутарх, Емілій Павел).....	73
№4. Третя пунічна війна (149-146 рр. до н.е.) Плутарх, Порівняльні життєписи, Катон Старший, 26-27.....	75
РОЗДІЛ 3. РИМСЬКЕ СУСПІЛЬСТВО II—I ст. до н.е.	76
I. РАБОВЛАСНИЦЬКА ВІЛЛА. СТАНОВИЩЕ РАБІВ І РЕМІСНИКІВ	77
№1. Марк Порцій Катон, Про землеробство, Передмова; 1-6, 10-13, 39, 56-61, 103-104, 135-137, 142-150).....	77
№2. Колегії рабів і ремісників (Надписи з Риму, Пренесте, Мантуї, Кори, Сполето, Мінтурнів, Капуї).....	81
II. ПЕРШІ ПОВСТАННЯ РАБІВ	82
№1. Війна римлян з рабами громадян етрусського міста Вольсінні (Зонара, Хроніка, VIII, 7).....	82
№2. Спроба повстання рабів в Італії, 199 р. до н.е. (Тім Лівій, Римська історія від заснування міста, XXXII, 26).....	83
№3. Змова рабів в Етрурії, 196 р. до н.е. (Тім Лівій, Римська історія від заснування міста, XXXIII, 36).....	83
№4. Перше сицилійське повстання рабів, 137-132 рр. до н.е. (Діодор Сицилійський, Історична бібліотека XXXIV—XXXV, 2, 1-23).....	83
№5. Друге сицилійське повстання рабів, 104-101 рр. до н.е. (Діодор Сицилійський, Історична бібліотека, XXXVI, 2-9, 1; 9, 2; 10).....	84
III. РЕФОРМИ ГРАКХІВ (133-122 рр. до н.е.)	86
№1. Аппіан, Громадянські війни, I, 7-8.....	86
№2. Плутарх, Порівняльні життєписи, Тіберій Гракх.....	87
№3. Надпис Попілія Лената (132 р. до н.е.).....	91
№3. Плутарх, Порівняльні життєписи, Гай Гракх.....	91
№4. Веллей Патеркул, Римська історія, II, 2, 3, 6, 7.....	95
РОЗДІЛ 4. РИМ В КІНЦІ II — НА ПОЧАТКУ I СТОЛІТТЯ ДО Н.Е.	96
I. ЮГУРТИНСЬКА ВІЙНА, ВТОРГНЕННЯ ГЕРМАНЦІВ І РЕФОРМИ ГАЯ МАРІЯ	96
№1. Гай Саллюстій Крісп. Югуртинська війна.....	98
№2. Плутарх. Порівняльні життєписи, Гай Марій.....	103
II. ПОЛІТИЧНА БОРОТЬБА РУБЕЖУ II—I ст. до н.е. СОЮЗНИЦЬКА ВІЙНА	108
№1. Боротьба оптиматів і популярів на переломі II—I ст. до н.е. Тім Лівій, Епітома XIX книги.....	109
Плутарх, Порівняльні життєписи, Гай Марій.....	109
Веллей Патеркул, Римська історія, II, 13, 14.....	110
№2. Союзницька війна (91-88 рр. до н.е.) Авл Геллій, Аттичні ночі, X, 3.....	110
Аппіан, Громадянські війни, I, 38-53.....	110
Веллей Патеркул, Римська історія, II, 1 5-17.....	113
Плутарх, Гай Марій, 32-33.....	113
№3. Декрет Гнея Помпея Страбона про дарування римського громадянства іспанським вершникам, що брали участь в Союзницькій війні (91-88 рр. до н.е.) на боці римлян (бронзова дошка з Риму, 89 р. до н.е.).....	114
№4. Боротьба Марія і Сулли Аппіан, Громадянські війни, I, 55-61.....	114
Плутарх, Порівняльні життєписи, Гай Марій, 35.....	115
III. МІТРИДАТОВІ ВІЙНИ. ДИКТАТУРА СУЛЛИ	115
№1. Плутарх, Порівняльні життєписи, Корнелій Сулла.....	115
№2. Аппіан, Громадянські війни, I, 95-104.....	125
РОЗДІЛ 5. РИМСЬКА РЕСПУБЛІКА В 70-х — 50-х рр. до н.е.	127
I. ПОВСТАННЯ КВІНТА СЕРТОРІЯ В ІСПАНІЇ (80-72 рр. до н.е.)	127
№1. Плутарх, Порівняльні життєписи, Серторій.....	127
№2. Плутарх, Порівняльні життєписи, Помпей, 17-20.....	132
№3. Аппіан, Громадянські війни, I, 107-115.....	133
II. ПОВСТАННЯ СПАРТАКА (74-72 рр. до н.е.)	135
№1. Аппіан, Громадянські війни, I, 116-120.....	135
№2. Плутарх, Порівняльні життєписи, Марк Красс, 8-11.....	136
III. РИМСЬКА РЕСПУБЛІКА В 60-х рр. до н.е.	137
№1. Плутарх, Порівняльні життєписи, Помпей, 21-46.....	137

№2. Плутарх, Порівняльні життєписи, Цицерон, 1-23.....	144
№3. Аппіан, Громадянські війни, II, 1-7.....	148
IV. РИМСЬКА РЕСПУБЛІКА В 50-х рр. до н.е.: ПЕРШИЙ ТРИУМВІРАТ (60-53 рр. до н.е.)	
I ГАЛЛЬСЬКІ ВІЙНИ ЮЛІЯ ЦЕЗАРЯ (58-51 рр. до н.е.).....	150
№1. Аппіан, Громадянські війни, II, 8-22.....	150
№2. Діон Кассій, Римська історія, XXXVII, 55-58; XXXVIII, 1-3.....	152
№3. Плутарх, Порівняльні життєписи, Цезар, 1-27.....	153
№4. Плутарх, Порівняльні життєписи, Помпей, 46-55.....	159
РОЗДІЛ 6. ПАДІННЯ РИМСЬКОЇ РЕСПУБЛІКИ (49-31 рр. до н.е.).....	162
I. ГРОМАДЯНСЬКА ВІЙНА 49-45 рр. до н.е.....	162
№1. Аппіан, Громадянські війни, II, 23-105.....	162
№2. Плутарх, Порівняльні життєписи, Цезар, 48-56.....	173
II. ДИКТАТУРА ЮЛІЯ ЦЕЗАРЯ (45-44 рр. до н.е.).....	175
№1. Аппіан, Громадянські війни, II, 106-107.....	175
№2. Гай Светоній Транквілл, Життєписи дванадцяти цезарів, Божественний Юлій, 40-44.....	175
№3. Плутарх, Порівняльні життєписи, Цезар, 57-59.....	176
№4. Змова сенаторів і смерть Юлія Цезаря <i>Гай Светоній Транквілл, Життєписи дванадцяти цезарів, Божественний Юлій, 76-82.....</i>	177
<i>Аппіан, Громадянські війни, II, 110-118.....</i>	179
III. ГРОМАДЯНСЬКІ ВІЙНИ ПІСЛЯ СМЕРТІ ЦЕЗАРЯ, ДРУГИЙ ТРИУМВІРАТ І ПАДІННЯ РИМСЬКОЇ РЕСПУБЛІКИ.....	180
№1. Аппіан, Громадянські війни, III, 1-6; IV, 5-11, 19-23, 31-35.....	180
№2. Діон Кассій, Римська історія, XVI, 50-56.....	183
№3. Плутарх, Порівняльні життєписи, Брут, 36-53.....	184
№4. Плутарх, Порівняльні життєписи, Антоній, 9-10, 24-29, 54-68.....	186
№5. Гай Светоній Транквілл, Життєписи дванадцяти цезарів, Божественний Август, 9-18.....	189
РОЗДІЛ 7. РИМСЬКА ІМПЕРІЯ В ЕПОХУ ПРИНЦИПАТУ (30 р. до н.е. — 284 р. н.е.).....	191
I. ПРИНЦИПАТ АВГУСТА (30 р. до н.е. — 14 р. н.е.).....	191
№1. Діон Кассій, Римська історія, LIII, 12-18.....	191
№2. Діяння Божественного Августа.....	194
№3. Гай Светоній Транквілл, Життєписи дванадцяти цезарів, Божественний Август, 20-21, 23-25, 28, 30-32, 34-38, 40-42, 47-50, 52-56, 58, 62-65, 84.....	196
№4. Публій Корнелій Тацит, Анналі, I, 2-4.....	201
II. ПРИНЦИПАТ ЮЛІЇВ-КЛАВДІЇВ (14-68 рр.).....	202
№1. Тіберій (14-37 рр.) <i>Публій Корнелій Тацит, Анналі, I, 10, 15-17, 20-21, 23, 31-37, 78.....</i>	202
<i>Гай Светоній Транквілл, Життєписи дванадцяти цезарів, Тіберій, 21-22, 24-28, 30, 32, 36-43, 48-49.....</i>	204
№2. Калігула, 37-41 рр. (<i>Гай Светоній Транквілл, Життєписи дванадцяти цезарів, Гай Калігула, 9-13, 15, 17, 19, 21-33, 37-45, 48, 54-56, 58-60.....</i>)	206
№3. Клавдій, 41-54 рр. (<i>Гай Светоній Транквілл, Життєписи дванадцяти цезарів, Божественний Клавдій, 2-8, 10-12, 15-16, 18-25, 29, 40-43, 45.....</i>)	211
№4. Нерон, 54-68 рр. <i>Гай Светоній Транквілл, Життєписи дванадцяти цезарів, Нерон, 6-13, 15-16, 18, 20-24, 26-31, 33-34, 37-45, 47-49, 51-53, 56-57.....</i>	213
<i>Повстання Боудікки в Британії 61 р. (Тацит, Анналі, XIV, 34-39).....</i>	218
III. ДИНАСТІЯ ФЛАВІЇВ (69-96 рр.).....	219
№1. Гай Светоній Транквілл, Життєписи дванадцяти цезарів, Божественний Веспасіан.....	219
№2. Гай Светоній Транквілл, Життєписи дванадцяти цезарів, Божественний Тіт.....	222
№4. Гай Светоній Транквілл, Життєписи дванадцяти цезарів, Доміціан.....	224
IV. РЕЛІГІЙНО-ІДЕОЛОГІЧНІ ТЕЧІЇ В ПАЛЕСТИНІ. КУМРАНСЬКІ ДОКУМЕНТИ.....	227
№1. Античні письменники про есеїв <i>Філон Александрійський. Про те, що кожен добродієць вільний, XII, 75-87.....</i>	227
<i>Пліній Старший. Природничая історія, V, 17, 73.....</i>	228
<i>Йосиф Флавій, Іудейська війна, II, 8.....</i>	228
№2. «Статут» Кумранської общини.....	230
№3. «Дамаський документ» (Цадокідські фрагменти).....	232
№4. Кумранський коментар на книгу Хабаккука («Пешер Хабаккук»).....	234
№5. Кумранський коментар на книгу Наума («Пешер Нахум»).....	236

№6. Кумранські «Гімни».....	238
№7. «Книга Таїн», I, 27.....	238
V. «ЗОЛОТИЙ ВІК» АНТОНІНІВ (96-192 рр.).....	239
№1. Нерва (96-98 рр.)	
<i>Флавій Євтропій, Коротка історія від заснування міста, VIII, 1.....</i>	239
<i>Секст Аврелій Віктор, Цезарі, XII.....</i>	239
<i>Секст Аврелій Віктор, Записки про життя і нрави римських імператорів, XII.....</i>	239
№2. Траян (98-117)	
<i>Флавій Євтропій, Коротка історія від заснування міста, VIII, 2-5.....</i>	240
<i>Секст Аврелій Віктор, Цезарі, XIII.....</i>	240
<i>Пліній Молодший, Панегірик Траяну.....</i>	241
<i>Пліній Молодший, Листи, X.....</i>	242
№3. Адріан (117-138 рр.)	
<i>Флавій Євтропій, Коротка історія від заснування міста, VIII, 6-7.....</i>	244
<i>Секст Аврелій Віктор, Цезарі, XIV.....</i>	244
<i>Секст Аврелій Віктор, Записки про життя і нрави римських імператорів, XIV.....</i>	245
№4. Антонін Пій (138-161 рр.)	
<i>Флавій Євтропій, Коротка історія від заснування міста, VIII, 8.....</i>	245
<i>Секст Аврелій Віктор, Цезарі, XV.....</i>	245
<i>Секст Аврелій Віктор, Записки про життя і нрави римських імператорів, XV.....</i>	246
№5. Марк Аврелій (161-180 рр.) і Луцій Вер (161-169 рр.)	
<i>Флавій Євтропій, Коротка історія від заснування міста, VIII, 9-14.....</i>	246
<i>Секст Аврелій Віктор, Цезарі, XVI.....</i>	247
<i>Секст Аврелій Віктор, Записки про життя і нрави римських імператорів, XVI.....</i>	247
№6. Коммод (180-192 рр.)	
<i>Флавій Євтропій, Коротка історія від заснування міста, VIII, 15.....</i>	247
<i>Секст Аврелій Віктор, Цезарі, XVII.....</i>	247
<i>Секст Аврелій Віктор, Записки про життя і нрави римських імператорів, XVII.....</i>	248
VI. СОЦІАЛЬНО-ЕКОНОМІЧНІ ВІДНОСИНИ В I—II ст.....	248
№1. Колумелла, Про сільське господарство, I, 1-9; II, 12; III, 3.....	248
№2. Лукіан Самосатський, Сновидіння, або Життя Лукіана, 9.....	253
№3. Надписи з Алюстреля в Іспанії.....	253
№4. Настінні передвиборчі написи з Помпеїв.....	255
№5. Гай про рабів і відпущеників (Інституції, I, 9-27; 36-44).....	256
№6. Колумелла про рабів, колонів, відпущеників (Про сільське господарство, I, 7-9).....	256
VII. РИМСЬКА ІМПЕРІЯ ПРИ СЕВЕРАХ (193-235 рр.).....	258
№1. Септімій Север (193-211 рр.)	
<i>Діон Кассій, Римська історія, LXXV, 1; 2.....</i>	258
<i>Історії римських імператорів, Елій Спартіан, Север.....</i>	259
№2. Каракалла (211-217 рр.)	
<i>Едикт імператора Каракалли 212 р.....</i>	261
<i>Діон Кассій, Римська історія, LXXVII, 9, 22-23.....</i>	261
№3. Елагабал (Історії римських імператорів, Елій Лампрідій, Антонін Елагабал).....	262
№4. Александр Север (Історії римських імператорів, Елій Лампрідій, Александр Север).....	264
VIII. КРИЗА РИМСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА І ДЕРЖАВИ (235-284 рр.).....	268
№1. Фасцій Цецилій Кіпріан. З послання Донату.....	268
№2. Галлієн, 253-266 рр. (Требелій Полліон, Галлієн).....	268
№3. Клавдій, 268-270 рр. (Требелій Полліон, Божественний Клавдій).....	271
№3. Авреліан (Історії римських імператорів, Флавій Вопіск Сіракузянин, Божественний Авреліан).....	275
РОЗДІЛ 8. РИМСЬКА ІМПЕРІЯ В ЕПОХУ ДОМІНАТУ (284-476 рр.).....	278
I. СТАНОВЛЕННЯ СИСТЕМИ ДОМІНАТУ (284-337 рр.).....	278
№1. Діоклетіан (284-305 рр.)	
<i>Флавій Євтропій, Коротка історія від заснування Міста, IX, 19, 22-28.....</i>	278
<i>Едикт Діоклетіана про ціни.....</i>	279
№2. Констанцій Хлор, 305-306 рр. (Панегірик Констанцію Хлору, VIII, 1; 8; 9; 21).....	281
№3. Константин I (306-337 рр.)	
<i>Флавій Євтропій, Коротка історія від заснування Міста, X, 2-8.....</i>	281
<i>Секст Аврелій Віктор, Про цезарів, XL—XLI.....</i>	282
<i>Євсевій Памфіл, Церковна історія.....</i>	284
<i>Зосім, Римська історія, II, 32-34.....</i>	284
<i>Панегірик Константину, V, 4-12.....</i>	284
II. РИМСЬКА ІМПЕРІЯ В 337-395 рр.....	285
№1. Констанцій II, 337-361 рр. (Амміан Марцеллін, Римська історія, XVI, 8, 10).....	285

№2. Юліан, 361-363 рр. (Амміан Марцеллін, Римська історія, XXII-XXIII, XXV).....	286
№3. Валентиніан (364-375 рр.) і Валент (364-378 рр.).....	
<i>Повстання Прокопія (Амміан Марцеллін, Римська історія, XXVI, 6).....</i>	288
<i>Народні хвилювання в імперії (Амміан Марцеллін, Римська історія, XXVII, 3: 8-15; 9: 6-7, XXVIII, 2: 10-14).....</i>	291
<i>Імперія і готи. Битва при Адріанополі (Амміан Марцеллін, Римська історія, XXVII, 4, 5; XXXI, 4-6, 12-13).....</i>	292
<i>Арбогаст (Зосім, Римська історія, IV, 53).....</i>	294
III. РИМСЬКА ІМПЕРІЯ В 395-476 рр.	295
№1. Гонорій (395-423 рр.).....	
<i>Зосім, Римська історія, V, 42; VI, 1-13.....</i>	295
<i>Йордан, Гетіка (145-175).....</i>	297
№2. Валентиніан III, 425-455 рр.	
<i>Вождь гуннів Аттила (Йордан, Гетіка, 176-190).....</i>	301
<i>Битва на Каталаунських полях 451 р. (Йордан, Гетіка, 191-228).....</i>	302
<i>Сальвіан, Про боже правління, V, 15-45.....</i>	305
РОЗДІЛ 9. ПІВНІЧНЕ ПРИЧОРНОМОР'Я В ЕПОХУ АНТИЧНОСТІ	308
I. ПІВНІЧНЕ ПРИЧОРНОМОР'Я В ЕПОХУ АРХАЇКИ І КЛАСИКИ (VIII—IV ст. до н.е.)	308
№1. Скіфія за «Історією» Геродота (IV, 16-25, 28, 64-66, 70-73, 78-80, 99-101).....	308
№2. Ольвія і Херсонес.....	
<i>Ольвійський декрет про грошовий обіг.....</i>	311
<i>Понтійська експедиція Перікла (Плутарх, Порівняльні життєписи, Перікл, 20).....</i>	311
<i>Декрети полісів про дарування іноземцям проксенії (IV—III ст. до н.е.).....</i>	311
№3. Боспорське царство.....	
<i>Територіальний ріст Боспорського царства.....</i>	311
<i>Есхін, Проти Ктесіфонта, 171.....</i>	312
<i>Хлібна торгівля Боспору в IV ст. до н.е.....</i>	312
<i>Демосфен, Промова проти Лептіна, 31-33.....</i>	312
<i>Проксенія пірейця в Боспорському царстві.....</i>	312
<i>Афінський декрет на честь правителів Боспору — Спартока і Перісада, синів Левкона, і брата їх Аполлонія.....</i>	312
II. ПІВНІЧНЕ ПРИЧОРНОМОР'Я В ЕПОХУ ЕЛЛІНІЗМУ (336-30 рр. до н.е.)	313
№1. Ольвія.....	
<i>Юстін, XII, 2,6.....</i>	313
<i>Макробій, I, 11, 33.....</i>	313
<i>Договір між Ольвією і Мілетом.....</i>	313
<i>Будівництво укріплень в Ольвії (кінець IV — поч. V ст. до н.е.).....</i>	314
<i>Декрет на честь Протогена.....</i>	314
№2. Херсонес.....	
<i>Присяга херсонеських громадян.....</i>	315
<i>Розмежування на приналежній Херсонесу території виноградників.....</i>	316
<i>Надпис на честь Сіріска.....</i>	316
<i>Полієн, Військові хитроці, VIII, 56.....</i>	316
<i>Договір Херсонеса з понтійським царем Фарнаком (179 р. до н.е.).....</i>	316
<i>Херсонеський декрет на честь Діофанта.....</i>	317
<i>Боротьба племен Тавриди проти Діофанта (Страбон, Географія, VII, 4, 3-4; 3, 17; 4, 7).....</i>	317
<i>Посольство херсонесців до Юлія Цезаря.....</i>	318
№3. Боспорське царство.....	
<i>Міжусобна боротьба синів Перісада I (Діодор Сицилійський, Історична бібліотека, XX, 22-25).....</i>	318
<i>Полієн. Військові хитроці, VI, 9.....</i>	319
<i>Страбон, Географія, VII, 4, 3; 4.....</i>	319
III. ПІВНІЧНЕ ПРИЧОРНОМОР'Я В ЕПОХУ РИМСЬКОЇ ІМПЕРІЇ (30 р. до н.е. — 476 р. н.е.)	320
№1. Природні умови і побут племен Північного Причорномор'я.....	
<i>Страбон, Географія (VII, 3, 14-19, 4, 1; 4, 2-6; XI, 2, 2-11).....</i>	320
<i>Пліній Старший, Природнича історія, IV, 80-81.....</i>	320
<i>Птолемей, Географічне керівництво, III, 5, 1-7.....</i>	320
<i>Помпоній Мела, Землеопис, III, 4, 33-34.....</i>	321
<i>Йосиф Флавій, Іудейська війна, II, 16, 4.....</i>	321
№2. Ольвія і Тіра.....	
<i>Декрет на честь ольвіополіта Теокла.....</i>	321
<i>Діон Хрисостом, Борисфенітська промова.....</i>	321
<i>Посвячення бані в Ольвії, 198 р. н.е.....</i>	321
<i>Посвячення з Ольвії, 248 р. н.е.....</i>	321
<i>Посвячення з Тіри.....</i>	321
<i>Листування з приводу звільнення громадян Тіри від мита.....</i>	321
№3. Таврійський півострів і Боспорське царство за Страбоном (Географія, XI, 2, 2-11).....	322
№4. Надпис Тіберія Плавція Сільвана.....	323
№5. Херсонес.....	

Посвячення статуї легата провінції Мезії в Херсонесі.....	324
Державний устрій Херсонеса в II ст. н.е.....	324
Декрет херсонесців на честь громадян Гераклеї Понтійської.....	324
Посвячення з Херсонеса.....	324
Посвячення з Харакса.....	324
№6. Боспорське царство	
Діон Кассій, Римська історія, XLII, 45-47; IV, 24).....	325
Діон Кассій, Римська історія, LX, 28, 7.....	325
Тацит, Аннали, XII, 15-19.....	325
Постанова громадян Сінопи на честь боспорського царя Савромата I.....	326
Відпускна раба з Боспора.....	326
Надгробок воїна з Пантікапея.....	326
Посвячення боспорського царя на честь імператора.....	326
Храмове землевладіння.....	326
Торгівельна діяльність храмів.....	326
№7. Припонтійські племена і Імперія	
Дексінп, Літопис, фрагмент 16-а.....	326
Зосім, Нова історія, I, 31-33.....	326
Амміан Марцеллін про аланів (Історія, XXXI, 2, 13-25).....	327
Амміан Марцеллін про гуннів (Історія, XXXI, 2, 1-12).....	327

ГЛОСАРІЙ..... 329

Древняя Италия в VIII — начале III в. до н. э.

РОЗДІЛ 1 СТАРОДАВНЯ ІТАЛІЯ І РАННІЙ РИМ

І. ПРИРОДА І НАСЕЛЕННЯ СТАРОДАВНЬОЇ ІТАЛІЇ

№1 ПОЛІБІЙ ЗАГАЛЬНА ІСТОРІЯ, II, 14-17

Полібій (205-125 рр. до н.е.) — один з найбільших істориків Стародавності. Народився в Греції (Аркадія), після III Македонської війни (171-168 рр. до н.е.) був відправлений заручником в Рим. Тут він прожив 16 років, обертався у вищих колах римського суспільства, зокрема був близький до Сципіона Еміліана (184-129 рр. до н.е.) і його гуртка «еллінофілів». Полібій був палким прихильником римського державного устрою, в якому, на його думку, гармонічно поєдналися елементи монархії, аристократії і демократії і який завдяки цим особливостям обумовив успіхи римлян в області як внутрішньої, так і зовнішньої політики. Полібій — автор праці «Загальна історія» у 40 книгах, з яких до нас дійшло повністю 5 книг. Полібій сумлінно і критично ставився до своїх джерел, надаючи великого значення особистому ознайомленню історика з досліджуваними ним країнами і народами, театрами воєнних дій і т.п., чим був близький до свого попередника — великого давньогрецького історика — Фукидіда (454-396 рр. до н.е.).

Кн. II, Гл. 14. ...Вся Италия представляет подобие треугольника, одну сторону которого, обращенную к востоку, омывают Ионийское море¹ и примыкающий к нему Адриатический залив², другую сторону, обращенную к югу и западу, омывают Сицилийское и Тирренское моря. Сближаясь между собою, стороны эти образуют в вершине южный мыс Италии, именуемый Кокинфом и разделяющий моря Ионийское и Сицилийское. Третью сторону, идущую на север по материку, образует во всю длину Альпийский хребет³, который начинается от Массалии и земель, лежащих над Сардинским морем, и тянется непрерывно до наиболее углубленной части Адриатики: лишь на небольшом расстоянии от моря хребет оканчивается. Южный край названного хребта следует принимать как бы за основание треугольника: к югу от неё простираются равнины, занимающие самую крайнюю северную часть Италии, о которых и идет теперь речь: по плодородию и обширности они превосходят остальные известные нам равнины Европы. Общий внешний вид этих равнин — также треугольник: вершину его образует соединение так называемых Апеннинских и Альпийских гор⁴ недалеко от Сардинского моря⁵ над Массалией. На северной стороне равнины тянутся, как сказано выше, Альпы на 2 200 стадиев⁶, а вдоль южной стороны тянутся Апеннины на пространстве 3 600 стадиев. Линией основания всей фигуры служит побережье Адриатического залива: длина основания от города Сены⁷ до углубления залива более 2 500 стадиев, так что объем упомянутых равнин составляет немного меньше 10 тыс. стадиев.

II, 15. Нелегко перечесть все достоинства этой земли! Так, она изобилует хлебом в такой степени, что в наше время нередко сицилийский медимн⁸ пшеницы стоит четыре обола⁹, медимн ячменя — два обола, столько же стоит метрет¹⁰ вина; гречиха и просо рождаются у них в невероятном изобилии. Как много растёт желудей на этих равнинах в дубовых лесах, раскинутых на некотором расстоянии один от другого, всякий может заключить лучше всего из следующего: в Италии убивают огромное количество свиней частью для домашнего употребления, частью для продовольствия войск; животных привозят главным образом с этих равнин. О дешевизне и обилии различных съестных припасов можно судить вернее всего по тому, что путешественники в этой стране, заходя в таверну, не расспрашивают о стоимости отдельных предметов потребления, но платят столько, сколько возьмет хозяин с человека. Обыкновенно содержатели таверн, давая всего вдвое, берут за это пол-асса, что составляет четвертую часть обола¹¹; лишь в редких случаях взимается более высокая плата. Многолюдство населения, высокий рост его и телесная красота, а равно и военная отвага будут выяснены самой историей событий. С обеих сторон Альп, как с той, которая обращена к реке Родану¹², так и с другой, спускающейся к названным выше равнинам, холмистые и низменные местности густо заселены: лежащие по направлению к Родану и к северу заняты галатами, которые называются трансальпинами¹³, а обращенные к равнинам заселены тавриками¹⁴, агонами¹⁵ и многими другими варварскими народами. Трансальпинами галаты называются не по своему происхождению, но по месту жительства, ибо слово транс значит «по ту сторону», и римляне называют трансальпинами тех галатов, которые живут по ту сторону Альп. Вершины гор вследствие скудности почвы и скопления на них вечных снегов совершенно необитаемы.

II, 16. Апеннины в самом начале над Массалией, у соединения с Альпами, заселены лигистинами как с той стороны, которая обращена к Тирренскому морю, так и с той, которая идёт к равнинам: вдоль моря поселения их простираются до города Писы¹⁶, первого тирренского города на западе, а внутри материка — до области арретинов¹⁷, за ними следуют тиррены. К ним при-

¹ Собств. Ионийский переезд: море между Нижней Италией и Элладой.

² По словам Ливия (V, 33) получил своё название от этрусской колонии Адрии, или Атрии.

³ *Альпийский хребет* — начиная этот хребет от Массалии (Марселя), Полибий альпийскими называет и горы салиев.

⁴ Полибий, древнейший свидетель, дающий этим горам одно общее имя — Апеннина или Апеннинских гор. На северо-западе он протягивает их над Массалией до Ронской долины. Со времени Страбона (I в. н.э.) и до настоящего пределы Апеннина отодвинуты на восток, так как высочайшие кряжи в середине Лигурийского берега отнесены к системе Альп.

⁵ В более широком смысле так называется западная часть Средиземного от Сардинии до Геракловых Столбов, в смысле более ограниченном море, кругом омывающее Сардинию.

⁶ *Стадий* — греческая мера длины ≈ 185 м.

⁷ *от города Сены* (ныне Senigaglia) — город, основанный сенонами в Умбрии на берегу Адриатики.

⁸ *Медимн* — 52 л.

⁹ *Обол* — мелкая греческая монета.

¹⁰ *Метрет* = 9,4 л.

¹¹ Т.е. у Полибия обол = 2 ассам. Первоначальный *асс* (ass libralis) в 12 унций меди с небольшою примесью олова ≈ 330 г. С введением в употребление серебряной чеканной монеты в 269 г. до н.э. (lex Fabia Ogulnia) произошла редукция *асса* на $\frac{1}{2}$ — триентальный *асс*. С 194 г. до н.э. единственной ходячей монетой стала серебряная — *сестерций* (sestertius), от чего ценность медного *асса* понизилась ещё больше, именно на половину унициальной суммы, что и было окончательно установлено Папириевым законом 89 г. до н.э. Эту последнюю стоимость и имеет в виду Полибий.

¹² Ныне река Рона — граница между Галлией и Гельвецией.

¹³ *Трансальпины* — галлы, поселившиеся в равнине Пада (теп. р. По), усвоили себе между прочим римскую одежду и начали называться «галлами, носящими тогу» в отличие от трансальпийских, «носящих штаны» (Полиб. II, 28, 30).

¹⁴ *Тавриски* — по словам Стеф. Визант., жили подле альпийских гор и назывались ещё тавринами, как у Полиб. III, 60. Страб. приурочивает таврисков к нескольким странам и всех их причисляет к кельтскому племени (IV, 6; V, 1; VII, 3).

¹⁵ *Агоны* — имя нигде более не встречающееся, может быть, вместо *лингоны*.

¹⁶ *Писы* (ныне Пиза) — важный этрусский город при слиянии Аузера и Арно.

¹⁷ *Арретины* — жители города Арретия (теп. Ареццо), у истоков реки Арно, на восток от Апеннин в Этрурии.

мыкают умбры¹, занимающие оба склона этих гор. Дальше, уклоняясь вправо от равнин, Апеннины на расстоянии стадиев пяти-сот от Адриатического моря разделяют Италию на всём протяжении до Сицилийского моря, а освободившаяся от гор равнина простирается до моря и города Сены. Река Пад, прославленная поэтами под именем Эридана², берёт начало из Альп, почти у вершины очерченной выше фигуры и в направлении к югу изливается в равнины. Дойдя до ровных местностей, река изменяет своё направление и протекает по ним к востоку, впадая двумя устьями в Адриатику: равнину река разделяет таким образом, что большая часть её прилегает к Альпам и Адриатическому заливу. Ни одна река Италии не несет столько вод, как Пад, ибо в него вливаются все потоки, со всех сторон стекающие с Альп и Апеннин в равнину. Наиболее обильна водой и наиболее величественна река бывает в пору восхода «Пса», когда количество воды в ней увеличивается от тающего на обоих хребтах снега. Из моря через устье, называемое Оланой, корабли по ней поднимаются тысячи на две стадиев. Вначале у истоков река течет по одному руслу, потом разделяется на две части у так называемых Тригабал³, причём одно из устьев называется Падуей, другое — Оланой. У последнего есть гавань, которая в смысле безопасности для заходящих в нее кораблей не имеет себе равной во всем Адриатическом море. У туземцев река называется Боденком⁴. Всё остальное, что рассказывают эллины о Паде, а именно историю Фазтона и его падения, о слезах тополей и об одетых в чёрное тамошних жителях, которые, говорят, и теперь носят такое же платье в горе по Фазтону, и все другие подобные рассказы, пригодные для трагедий, мы оставляем теперь в стороне...

II, 17. Равнинами владели некогда тиррены⁵, также как и полями, называемыми Флегрейскими⁶ в окрестностях Капуи⁷ и Нолы⁸, которые многим хорошо известны и пользуются славой за своё плодородие. Таким образом, при изучении истории тирренского владычества следует иметь в виду не только ту страну, которую они занимают теперь, но названные выше равнины и те богатые средства, какие извлекали они из тех местностей. По соседству с тирренами и в контакте с ними были кельты. С завистью взирая на блага этой страны, они по незначительному поводу внезапно напали на тирренов с огромным войском, вытеснили их из области Пада и завладели равнинами⁹. Ближайшие у истоков Пада местности заняли лаи и лебени; за ними поселились инсубры, многолюднейший из кельтских народов; вдоль реки к ним примыкали гонманы. Страна, прилегающими к Адриатике, завладело другое очень древнее племя, называющееся венетами¹⁰. В смысле нравов и одежды они мало отличаются от кельтов, но языком говорят особым. Писатели трагедий упоминают часто об этом народе и рассказывают о нём много чудес. По сю сторону Пада, подле Апеннин, первыми поселились ананы, за ними — бои, дальше, в направлении Адриатики, — лингоны¹¹, а крайние области у моря заняли сеноны.

Таковы были важнейшие народы, завладевшие названными раньше странами: селились они неукреплёнными деревнями и не имели никакого хозяйства, так как возлежали на соломе¹², а питались мясом¹³. Кроме войны и земледелия, не имели никакого другого занятия, вообще образ жизни вели простой: всякие другие знания и искусства были им неизвестны. Имущество каждого состояло из скота и золота, потому что только эти предметы они могли легко брать с собой при всяких обстоятельствах и помещать их всюду по своему желанию. Величайшую заботу проявляли кельты к образованию дружин, так как могущественнейшим и грознейшим среди них считался тот, кто имел наибольшее число слуг и дружинников.

№2 СТРАБОН ГЕОГРАФИЯ

Страбон (60 р. до н.э. - 25 р. н.э.) похвалившись богатой информацией и одержав хорошую репутацию. Благодаря путешествиям, видя различные географические условия Средиземноморья и попутно различных народов. Его основная работа «География» складывается из 17 книг и посвящена описанию стран Европы, Африки и Азии. Страбон не ограничивается только географическими данными, а часто даёт ценные исторические сведения. Его можно считать родоначальником исторической географии.

Кн. 5, Гл. I, 1. На склоне Альп начинается нынешняя Италия. Древние называли Италией Ойнотрию, от Сицилийского пролива до заливов Тарантского и Посейдонийского; впоследствии название Италии сделалось преобладающим и распространилось на всю страну до подошвы Альп. Оно охватило даже часть Лигурии от пределов Тирренских до реки Вара и до тамошнего моря, а также от Истрии до Пола. Вероятно, народ, называвшийся первый *италийцами*, передал своё имя соседям; впоследствии оно получило дальнейшее распространение до времени владычества римлян. Ещё позже, когда римляне даровали италийцам право гражданства, они соблюдали почти те же и *галатов* по эту сторону Альп и *венетов* и назвали всех одинаково италийцами и римлянами; они основали там много колоний, одни — раньше, другие — позже; нелегко указать поселения лучше этих...

I, 3. Об отдельных частях полуострова можно сказать следующее. Основание Альп изогнуто и похоже на залив, обращённый к Италии; середина залива — у *салассов*, а оконечности загибаются с одной стороны к горе Окре и углу Адриатики, а с дру-

¹ Умбры — к востоку от этрусков, занимали значительную часть Средней Италии до Адриатики, где у устья Пада основали торговые города Спину и Гадрию; главный союзный город умбров Америя. Народ родственного латинского и этрусского происхождения. Границы Умбрии: рр. Рубикон, Тибер, Нар, Эзис, Адриатическое море.

² Эридан — название своей река Пад (теп. По) получила, возможно, от кельтского сл. *radī* — сосны. О ней упоминает уже Гесиод под именем Эридана, называя его янтарной рекой (Theog. 338). С именем этой реки связаны были смутные представления о получении в этих местах янтаря с берегов Немецкого, или Балтийского моря. Мифология обратила янтарь в слезы сестер Фазтона, оплакивающих гибель брата и по превращении в тополи или ольхи (Ovid. *Metam.* I. 755 сл.; Plin. XXXVII 2; *Hug. fab.* 152. 154 и др.).

³ Тригабалы — поселение в Циспаданской Галлии, где от р. По отделяется южный рукав Олана и северный Падуя. Вергилий, Плиний и др. называют этот последний рукав *Padusa*, искусственно вырытый канал.

⁴ Боденк — лигурийское сл. *fundo carens* — бездонный (Plin., III, 16).

⁵ Тиррены (этруски) — равнины верхней Италии между По и Альпами занимали некогда этруски, или тиррены (Liv., V, 33); тогда же принадлежали им и Флегрейские поля в Кампании; впоследствии они были вытеснены *галлами* из области Пада и *самнитами* из Кампании (Страб., V, 4).

⁶ Флегрейские поля — приморская долина в Кампании между Кумами и Капуей (ныне Terra di Lavoro), знаменитая своим плодородием (Plin., III, 5; XVIII, 11). Почва вулканического происхождения; к ней приурочивается сказание о борьбе Геракла с гигантами, владевшими этой землей. При помощи богов Геракл одолел гигантов и устроил эту область (Diod. Sic., IV, 21; Страб., V, 4). Во Фракии также была Флегрейская равнина, на которой гиганты поражены были перунами Зевса (Eurip., *Hercul. fur.* 11, 94; Aristot., *meteor.*, II, 8).

⁷ Капуя — древн. *Volturnum*, переименованный *самнитами* в Капуя в 420 г. до н.э. (Liv., IV, 37).

⁸ Нолы — город в Кампании, основан авсонами. Нынешний город заложен на расстоянии часа пути от древнего.

⁹ Расселение кельтов (*галлов*), по Италии может быть восстанавливаемо только гадательно. О нём сложились в Италии предания, сообщаемые Полибием, Ливием, Юстином.

¹⁰ Венеты — народ иллирийского племени, занимал Венетию, на востоке от Цизальпинской Галлии (Страб. V. 1; XII 3; XIII. 1).

¹¹ Лингоны — кельтское племя, жило на границе лугдунской и белгской Галлии. Часть их выселилась в Италию (Liv., V, 35).

¹² Посейдоний у Афеня (IV, р. 151) говорит, что кельты за пиршествами сидят на сене, за низкими деревянными столами. По словам Диодора (V, 28), все кельты обедают сидя на земле, подстилая под себя волчьи или собачьи шкуры.

¹³ Эллины употребляли главным образом растительную пищу и предпочтение мясной считали признаком варварства. Также у Афеня говорится, что кельты употребляют в пищу мало хлеба и много мяса, которое варят в воде или жарят на углях и вертелах.

гой — к берегу Лигурии до Генуи, торгового города *лигурийцев*, где с Альпами соприкасаются Апеннины. Непосредственно перед Альпами простирается значительная равнина, имеющая почти одинаковую ширину и длину, именно 2100 стадиев; южная сторона её замыкается частью морским берегом венетов и частью Апеннинскими горами, простирающимися до Аримина и Анкона. Апеннинские горы, начинаясь от Лигурии, тянутся до Тиррены, отрезая узкую береговую полосу; затем, отступая постепенно в середину страны, они, достигши Писатиды, поворачивают к востоку и Адриатике до окрестностей Аримина и Анкона, где по прямой линии соединяются с морским берегом *венетов*. В этих пределах заключена Кельтика по эту сторону Альп, и длина берега вместе с горами доходит почти до 6300 стадиев, а ширина немного меньше двух тысяч¹. Остальная Италия узка и длинна, с двумя оконечностями, из которых одна обращена к Сицилийскому проливу, а другая — к Япигии. Она сужена с двух сторон: сводной — Адриатическим морем, а с другой — Тирренским. По форме и величине Адриатическое море похоже на Италию, которая отрезана Апеннинскими горами и морями с обеих сторон, простираясь до Япигии и перешейка между Таранским и Посейдонийским заливами. Наибольшая ширина обоих — около 1 300 стадиев, а длина — немного менее шести тысяч. Остальную часть Италии населяют *бреттии* и *луканы*. По словам Полибия, сухой путь по морскому берегу от Япигии до пролива имеет 3 тыс. стадиев; омывается он Сицилийским морем. Морской путь имеет меньше 500 стадиев. Апеннинские горы касаются окрестностей Аримина и Анкона, где, определивши ширину Италии от одного моря до другого, делают поворот и прорезают в длину всю Италию. В направлении к *пекетиям* и *луканам* они недалеко удаляются от Адриатического моря, а у *луканов* отклоняются больше к противоположному морю и, перешедши через середину земли *луканов* и *бреттиев*, оканчиваются у так называемой Левкопеты² в области Регия...

Гл. II, 1. Второй частью Италии мы назовем Лигурию, лежащую в самых Апеннинских горах, между ... Кельтикой и Тирренией. Она вовсе не заслуживает описания, разве следует заметить, что живут здесь деревнями, пахут и копают неровную землю, или, точнее, разбивают камни, как замечает Посейдоний. Третьей частью владеют примыкающие к ним *тиррены*, занимающие равнины до реки Тибра и омываемые с восточной стороны главным образом этой рекой, а с противоположной стороны — Тирренским и Сардинским морями. Тибр вытекает из Апеннинских гор и наполняется водами многих рек; он протекает частью через самую Тиррению, затем отделяет от нее, во-первых, Омбрику, во-вторых, *сабинян* и *латинов*, живущих подле Рима до берега. В ширину народы эти живут вдоль реки и Тиррении, а в длину — один подле другого. Все три народа простираются от моря до Апеннинских гор, близко подходящих к Адрии: прежде всего — *омбрики*, за ними — *сабиняне* и, наконец, *латины*. Следовательно, область *латинов* лежит между морским берегом от Остии до города Синоэсы и Сабиной ... в длину она тянется до Кампании и Самнитских гор. Область *сабинян* лежит между *латинами* и *омбриками*, простираясь до Самнитских гор или, скорее, касаясь Апеннинских гор у *везтинов*, *пелигнов* и *марсов*. *Омбрики* живут посредине между Сабиной и Тирренией, переходя через горы и простираясь до Аримина и Равенны. *Тиррены* начинаются у их моря [т.е. Тирренского] и реки Тибра и кончаются у подошвы самых гор, охватывающих Тиррению от Лигурии до Адрии...

II, 2. *Тиррены* называются у римлян *этрусками* и *тусками*, а эллины называли их так от Тиррена, сына Атия, который, как говорят, послал туда некогда колонистов из Лидии. Вынуждаемый голодом и бесплодием, Атий, один из потомков Геракла и Омфалы, отец двух сыновей, удержал при себе одного из них по жребию, Лида, а другого, Тиррена, с большей частью народа выселил из родины. Тиррен назвал страну, в которую прибыл, от своего имени Тирренией и основал в ней 12 городов. Строителем их он назначил Таркона, по имени которого город был назван Тарквиний³. Так как Таркон с детства отличался большим умом, то и сочинили басню, будто он родился седым. В то время *тиррены*, подчинённые одному правителю, были очень сильны; но впоследствии союз общин... рушился, власть разделилась между городами, и народ попал под власть соседей; иначе они не покинули бы богатой страны и не обратились бы к морскому разбою на различных морях; будучи соединены вместе, они были бы достаточно сильны не только для отражения нападений, но и для наступательных действий и для отдаленных походов. После основания Рима выльется из Коринфа Демарат⁴ с большим числом людей; принятый *тиррениами*, он приживается с местной женщиной сына Лукумона. Последний, сделавшись другом римского царя, Анка Марция [641-616 г. до н.э.], воцарился после него под именем Луция Тарквиния Приска [616-579 г. до н.э.]. И он, и прежде отец украсили Тиррению: один — вывезши с собой из родины много художников, а другой — имея богатства из Рима. Говорят, что обстановка триумфа, одяния консулов и вообще всех должностных лиц перенесены в Рим от *тирренов*; равным образом пучки розог, топоры, трубы, жертвенные обряды, искусство гадания, общественная музыка, насколько ею пользуются римляне. Сын этого Тарквиния был Тарквиний Второй Гордый [535-510 г. до н.э.], последний римский царь, изгнанный из Рима [в 510 г. до н.э.]. Порсена, царь Клузия, тирренского города, пытался было силой возвратить ему престол [508 г. до н.э.], но, будучи не в состоянии сделать это, прекратил борьбу и возвратился домой другом римлян с почестями и большими подарками...

Гл. III, 1. *Сабиняне* занимают узкую страну, имеющую в длину тысячу стадиев, от Тибра и городка Номенты до *везтинов*. Города у них небольшие и запустевшие от беспрестанных войн: Амитерны, Реата близ деревни Интерокреи... *Сабинянам* принадлежат также Форулы, скалы, годные больше для востаний, чем для жительствова. Квирис [лат. *Quiris*] теперь — деревенька, а некогда был значительным городом, откуда родом были римские цари: Тит Таций и Нума Помпилий; поэтому же народные ораторы называют римлян *квиритами* [лат. *Quirites*]... Вся земля *сабинян* производит в изобилии маслину, виноград и множество желудей; она удобна также для всевозможного скота, но особенной славой пользуется известная порода реатинских мулов. Говоря вообще, вся Италия — прекрасная кормилица животных и плодов; только в различных частях её преобладают различные породы. *Сабиняне* — древнейшее и туземное племя. *Пикентинцы* и *самниты* — колонисты сабинян, *луканы* — самнитов, а *бреттии* — луканов. Древность их может считаться свидетельством их мужества и других достоинств, благодаря которым они сохранились до настоящего времени⁵. Историк Фабий говорит, что римляне впервые узнали богатство только тогда, когда сделались господами над этим народом. Через их землю проведена небольшая Салариева дорога, с которой соединяется Номентанская у Эрета⁶, сабинянского селения, расположенного над Тибром. Дорога эта начинается у Коллинских ворот.

¹ Полибий называет эту часть Италии «треугольником» и дает (II, 14) следующие цифры: северная сторона — 2200 стадиев, южная — 3600; основание (побережье Адриатики от Сены до впадины Адриатического моря) — 2500.

² Букв. «Белая скала» (совр. итал. *Capo dell'Armi*).

³ По-гречески *Tarkunia*.

⁴ Он стал правителем города.

⁵ Простота и суровость сабинян вошли в поговорку (Гораций, Оды, III, 6; Послания, II, 1, 25). Ввиду этого Дионисий Галикарнасский (Римские древности, I, 1) считают их выходцами из Лакедемона.

⁶ В 17 г. до н.э. Август продолжил ее до Адриатического моря.

№3
ДІОНІСІЙ ГАЛІКАРНАСЬКИЙ
РИМСЬКІ СТАРОЖИТНОСТІ, I, 26-30

Діонісій Галікарнаський (I ст. до н.е.) — грецький історик, ритор і критик. Його біографія майже невідома. Був сучасником Тіта Лівія (59 р. до н.е. - 17 р. н.е.), у 30-х роках до н.е. жив в Римі. Його головна праця — «Римські старожитності» — складається з 20 книг. До нас дійшли повністю перші дев'ять книг, від інших збереглися лише фрагменти. Оскільки Діонісій при викладі раннього періоду римської історії користується іншими і часто більш надійними, ніж Тіт Лівій, джерелами, його праця може служити корективом до викладу Лівія.

Кн. I, Гл. 26. ...Одни считают *тирренцев* исконными жителями Италии, другие считают их пришельцами. Про их название те, кто считает их туземным народом, говорят, что оно им дано от того вида укреплений, которые они первые из живущих в той стране стали у себя воздвигать: у *тирренцев*, как и у эллинов, окружённые стенами и хорошо прикрытые строения-башни называются тирсами, или тиррами: одни полагают, что их название дано им из-за того, что у них имеются такие постройки, подобно тому как и моссинойки, живущие в Азии, названы так из-за того, что живут за высокими деревянными частоколами, словно в башнях, которые у них называются моссинами.

I, 27. Другие, которые считают их переселенцами, говорят, что вождем переселенцев был Тиррен и что от него получили своё название тирренцы. А сам он был по происхождению лидиец из земли, ранее называвшейся Меонией... У Атиса... родились два сына: Лид и Тиррен. Из них Лид, оставшийся на родине, унаследовал власть отца, и по его имени и земля стала называться Лидией; Тиррен же, став во главе уехавших для поселения, основал большую колонию в Италии и всем участникам предприятия присвоил название, происходящее от его имени...

I, 28. ...Гелланик Лесбосский говорит, что тирренцев раньше называли *пеласгами*; когда же они поселились в Италии, то приняли название, которое имели в его время... Пеласги были изгнаны эллинами, они оставили свои корабли у реки Спинеты в Ионическом заливе, захватили город Кротон на перешейке и, двинувшись оттуда, основали город, называемый теперь Тирсенией...

I, 29. Мне же кажется, что ошибаются все, считающие тирренцев и пеласгов за один народ; что они могли заимствовать друг у друга название, не вызывает удивления, так как нечто подобное происходило и у других народов, как эллинских, так и варварских, как, например, у троянцев и фригийцев, живших поблизости друг от друга (ведь у многих народов происхождение считается общим, и такие народы отличаются между собой только по названию, а не по своей природе). Не меньше, чем в других местах, где происходило смешение названий у народов, такое же явление наблюдалось и среди народов Италии. Было же такое время, когда эллины называли латинов, умбров и авзонов и многие другие народы тирренцами. Ведь продолжительное соседство народов делает затруднительным для отдалённых жителей их точное различение. Многие историки предполагали, что и город Рим — тирренский город. Я соглашаюсь с тем, что у народов происходит перемена названий, а потом перемена в образе жизни, но я не признаю, чтобы два народа могли обменяться своим происхождением; я опираюсь в данном случае на то, что они при этом отличаются друг от друга во многих отношениях, особенно же речью, причём ни одна не сохраняет в себе никакого сходства с другой. «Ведь кротонцы, — как говорит Геродот, — не говорят на одном языке ни с кем из живущих по соседству с ними, ни плакийцы не имеют общего с ними языка. Ясно, что они принесли с собой особенности языка, переселяясь в эту страну, и оберегают свой язык». Разве покажется кому-нибудь удивительным, что кротонцы говорят на том же диалекте, как и плакийцы, живущие в Геллеспонте, раз те и другие первоначально были пеласгами, и что язык кротонцев не похож на язык тирренцев, живущих с ними в близком соседстве...

I, 30. Опираясь на такое доказательство, я и думаю, что тирренцы и пеласги разные народы. Не думаю я также, что тирренцы выходцы из Лидии, ведь, они говорят не на одинаковом языке, и даже про них нельзя сказать, что если они говорят и не на одинаковом языке, то всё же сохраняют некоторые обороты речи родной земли. Они и сами полагают, что и боги у лидийцев не такие же, как у них, и законы, и образ жизни совсем неодинаковые, но во всем этом они больше отличаются от лидийцев, чем даже от пеласгов. Ближе к истине находятся те, кто утверждает, что это ни откуда не прибывший, но туземного происхождения народ, поскольку к тому же обнаруживается, что это очень древний народ, не имеющий ни общего языка, ни образа жизни с каким-либо другим племенем. Эллинам же ничто не мешает обозначать его таким названием как бы из-за постройки башен для жилья или как бы по имени их родоначальника. Римляне же обозначают их другими названиями, а именно: по имени Этрурии, земли, в которой те проживают, они и самих людей называют этрусками. А за их опыт в исполнении священнослужений в храмах, которым они отличаются от всех других народов, римляне называют их теперь менее понятным названием тусков, раньше же называли, уточняя это название по греческому его значению, тиосками... сами же они себя называют точно так же... по имени одного из своих вождей — расеннами... Филадельфия же пеласгов, которая не погибла, рассеялась по другим колониям и в небольшом числе из прежнего большого своего состава, смешавшись в политическом отношении с аборигенами, оставалась в тех местах, где со временем их потомки вместе с другими основали город Рим...

II. РИМ В ЦАРСЬКУ ЕПОХУ (753-510 рр. до н.е.)

№1 **МАРК ТУЛЛІЙ ЦИЦЕРОН** **ПРО ДЕРЖАВУ, Кн. 2**

Трактат «Про державу» Марка Туллія Цицерона (106-43 рр. до н.е.), створений між 55 і 51 рр. до н.е., це найбільш ранній твір, що розповідає про царську епоху. Він написаний у формі діалогу, головною дійовою особою якого є полководець і державний діяч Сципіон Молодший (185-129 рр. до н.е.). Джерельна база трактату доволі значна і включає праці грецького історика Полібія, втрачені для нас книги старших анналістів, насамперед Катона Цензора, а також римське право, в якому Цицерон дуже добре розбирається. Письменнику властивий критичний погляд на історичні перекази, зокрема на хронологію ранніх царів. Разом з тим, слід брати до уваги певну модернізацію у висвітленні історії Цицероном, який інколи переносить реалії свого часу в далеке минуле (наприклад, в його викладі Рим перших царів виглядає цілком розвиненим державним утворенням).

Кн. 2, Гл. VII, 12. Ромул... заснував місто, яке велів на свою честь назвати Римом, а для зміцнення нової громадянської общини... велів викрасти благородних сабінських дівчат, які в день консулій з'явилися до Рима, щоб бути присутніми на вперше тоді введених Ромулом щорічних іграх в цирку¹, і віддав цих дівчат заміж до краших сімей. (13) Коли сабіняни через це пішли на

¹ Очевидно, майбутній Великий цирк (Circus Maximus), місце бігових змагань і перегонів. Був розташований у низині між Палатинським і Авентинським пагорбами.

римлян війною, успіх в якій був невизначеним, а кінець видавався сумнівним, Ромул уклав договір з сабінським царем Тітом Тацієм. При цьому викрадені дівчата, тепер уже матрони¹, самі благали про це. За цією угодою Ромул прийняв сабінян до числа громадян, прилучивши їх до священнодійств, і розділив свою царську владу з їх царем².

VIII, 14. Ромул разом з Тацієм обрав до царської ради найперших людей, які через свій вплив були названі «отцями»³. І від свого імені, а також Тація і Лукумона (союзника, що поліг в бою з сабінянами) розділив народ на три триби і тридцять курій, надавши тим куріям імена тих викрадених сабінських дівчат, які просили про укладання договору. І хоч все було саме так встановлено ще за життя Тація, після того, як він був вбитий, до Ромула повернулася вся повнота влади, і він став царювати, ще більше спираючись на авторитет і мудрість «отців».

IX, 15. Зробивши це, Ромул передусім зрозумів і визнав правильним саме те, що трохи раніше в Спарті зрозумів Лікурґ⁴: через одноосібний імперій і царську владу можна краще поведувати і правити державою в тому разі, коли до цього виду влади приєднується авторитет всіх кращих громадян. І ось, знайшовши собі опору і захист в цій раді і «сенаті», Ромул досить вдало вів багато воєн з сусідами⁵ і, сам не вносячи нічого зі здобичі до себе в дім, безперестанку збагачував своїх співгромадян. (16) Надалі — ми зберігаємо це і понині для кращої безпеки держави — Ромул незмінно зважав на ауспіції⁶. Бо він і сам (що було разом з тим і началом нашої держави) заклав місто, здійснивши ауспіції, а потім вибрав з кожної триби по авгуру⁷, щоб той, перебуваючи при ньому, здійснював ауспіції кожного разу, коли Ромул приступав до якоїсь державної справи. Нарешті, він також розподілив плебс⁸ на клієнтели у перших людей... і вдався до заходів примусу, накладаючи пеню у вигляді овець і волів (оскільки в ті часи майно складалось з худоби і земельних володінь, через що людей називали «багатими худобою» і «володіючими землею»), а не вдаючись до насильства і страт.

X, 17. І ось Ромул, процарювавши тридцять сім років, заклавши дві чудових підвалини держави — ауспіції і сенат, досягнув так багато, що коли зник під час несподіваного затемнення сонця, його зарахували до сонму богів. А такої честі ніколи не міг би удостоїтися жоден смертний, що не здобув великої слави за свою доблесть... (20) ...Очевидно, що в безсмертя Ромула повірили тоді, коли життя людей уже ввійшло в колючу, і вони пізнали його і набули досвіду. І все ж такою великою була в Ромула сила розуму і мужності, що стосовно нього, за словами Прокула Юлія⁹, людини простої, прийняли на віру те, чому ще багато віків раніше не повірили б, якби це було розказано про будь-кого іншого зі смертних. Говорять, правда, що Прокул за намовою «отців», які бажали відвести від себе підозру щодо загибелі Ромула, сказав на народній сходці, ніби бачив Ромула на тому пагорбі, який нині називається Квірінальським, і що Ромул доручив йому просити народ про те, щоб на цьому місці йому було встановлене святилище: він — бог і називається Квіріном...

XII, 23. Отже, — сказав Сціпіон, — сенат Ромула складався з оптиматів, яким цар виявив велику честь, побажавши називати їх «отцями», а їх синів — «патриціями»¹⁰. Після смерті Ромула сенат сам, без царя, спробував правити державою, але народ цього не стерпів і, сумуючи за Ромулом, з тих пір не переставав вимагати для себе царя. Тоді найперші люди, виявивши розважливість, придумали незвичний і нечуваний серед інших народів вихід — ввели міжцарювання¹¹ з тим, щоб, доки не буде обрано постійного царя, держава не залишалась без царя і в той же час не мала царя на довгий строк...

XIII, 25. ...Сам народ, поминувши своїх власних громадян, при схваленні «отців» прийняв в царі іноземця [Нуму Помпілія] і закликав його, сабінянина, царювати до Рима з Кур. І він, як тільки сюди прибув (хоч народ, постановою куріатних коміцій, і велів йому бути царем), сам вніс куріатний закон про свій імперіум¹². А побачивши, що римляни, дотримуючись порядків, встановлених Ромулом, палко бажать воювати, визнав за потрібне трохи відучити їх від цього.

XIV, 26. В першу чергу він розділив поміж громадянами, по наділу на кожного чоловіка, ті землі, які завоював Ромул, і довів, що, обробляючи землю, можна, і не вдаючись ні до розорення інших народів, ні до грабунків, користуватись рясотою всіх благ. Він прищепив громадянам любов до спокою і миру, якими краще за все зміцнюється правосуддя і вірність і під захистом яких особливо добре забезпечуються обробіток полів і збір урожаю. Той же Помпілій, ввівши «великі ауспіції», додав до попереднього числа авгурів ще двох. А священнодійства доручив п'ятьом понтіфікам¹³ з числа найперших людей. Запропонувавши ці закони, що збереглись в наших пам'ятках, він релігійними обрядами пом'якшив нрави людей, що звикли до війн і жадали воювати. Крім того, до числа жерців додав фламінів¹⁴, саліїв¹⁵ і дів-весталок¹⁶ і оголосив всі частини нашого релігійного статуту недоторканими. (27) ...Цей же цар завів і торговища, і громадські ігри, і знайшов всілякі приводи для багатолюдних зібрань...

XVII, 31. Після смерті царя Помпілія народ, на пропозицію інтеррекса, в куріатських коміціях обрав царем Тулла Гостілія, а він, за прикладом Помпілія, запитав народ по куріях щодо свого імперія. Тулл Гостілій зажив значної військової слави і здійснив великі подвиги під час війни. На кошти, одержані від продажу військової здобичі, він влаштував і обгородив коміції¹⁷ і курію. Він ввів правила оголошення війн. Ці правила, цілком справедливо придумані ним, він потвердив феціальним статутом, згідно з яким всяка війна, яка не була сповіщена і оголошена, визнавалась несправедливою і нечесливою. А щоб ви зрозуміли, наскільки мудро вже наші царі передбачили, що деякі права повинні бути дані народові..., я вкажу, що Тулл Гостілій навіть знаками своєї царської гідності наважувався користуватись тільки з волі народу. Навіть на те, щоб дванадцяти лікторам було дозволено йти перед ним,

¹ Матрона — заміжня жінка, перебуваюча в законному шлюбі матір сімейства.

² Це легендарне двовладдя можна пов'язати з фактом існування двох консулів.

³ Отці — patres, голови сімей, що входили до роду.

⁴ Лікурґ (друга пол. VII ст. до н.е.) — легендарний законодавець, що заклав основу устрою Спарті.

⁵ Головним чином з Веями і Фіденами.

⁶ Ауспіції — гадання по небесних явищах і знаменнях, по польоту і по дзьобанню птахів. Відбувались в Римі перед кожним запланованим заходом в призначений день у визначеному місці.

⁷ Колегія жерців-птахогадателів, що здійснювала ауспіції. За легендою, була введена Ромулом і спочатку складалась з патрицій.

⁸ Анахронізм в тексті Цицерона. Слід розуміти «народу», «простий народ».

⁹ За переказом, патрицій з Альби Лонґи.

¹⁰ Латинське слово «patricius» — прикметник, що утворився від слова «pater» (отець). Пізніше він став іменником.

¹¹ Лат. «interregnum». В епоху Республіки у випадку смерті обох консулів сенатори-патриції обирали зі свого середовища правителя на п'ятиденний строк («інтеррекс» — «міжцар»).

¹² Кожна курія складалась з 10 родів. 10 курій складали трибу. Куріатні коміції (збори) були патриціанськими. Закон про імперіум приймався куріатними коміціями.

¹³ Понтіфіки — верховна жрецька колегія. В їх віданні був релігійний календар і нагляд за рештою жрецьких колегій.

¹⁴ Колегія з 15 жерців: трьох фламінів головних божеств (Юпітера, Марса і Квіріна) і 12 фламінів молодших божеств. Найбільші права і значення мав фламін Юпітера.

¹⁵ Колегія жерців бога війни Марса.

¹⁶ Весталки — жриці Вести, богині вогню, загальноримського вогнища. Її храм круглої форми був побудований на Форумі, завжди відновлювався в первісно-му вигляді.

¹⁷ Коміцій — місце на Форумі, де відбувались коміції — народні збори.

він просив згоди народу... (32) ...Тулл Гостілій, третій римський цар, перемігши етрусків, перший увів у Римі курульне крісло, супровід лікторів і вишиту тогу з багряною облямівкою — приналежності етрусських магистратів (Макробій).

XVIII, 33. ...Після Тулла Гостілія народ обрав царем Анка Марція, онука Нуми Помпілія від дочки, і він також провів куріатський закон про імперіум. Вшент розбивши латинян, він прийняв їх до числа громадян. Він приєднав до Рима пагорби Авентінський і Целій, розділив захоплені землі, а всі ліси, захоплені ним біля моря, оголосив державною власністю. В гирлі Тібри він заснував місто [Остію] і зміцнив його, поселивши в ньому колонів¹. Процарювавши таким чином двадцять три роки, він помер...

XIX, 34. Але в ті часи громадяни, очевидно, стали більш освіченими — спершу завдяки деяким чужоземним вченням. Адже до нашого міста з Греції не малий, а б сказав, струмок притік, а повновода ріка наук і мистецтв. За переказом, був якийсь Демарат з Корінфа, без сумніву, найперший серед громадян за своїм почесним становищем, авторитетом і багатством. Не стерпівши правління корінфського тирана Кіпсела, він буцімто втік, захопивши все своє велике майно, і вирушив до Тарквініїв, квітучого міста в Етрурії... Він був прийнятий тарквініями до числа їх громадян і оселився в цій міській общині. Коли його дружина, що була родом з Тарквініїв, народила йому двох синів, він дав їм хорошу освіту в грецькому дусі...

XX, 35. ...Легко одержавши права громадянства, [син Демарата] завдяки своїм знанням і освіті став приятелем царя Анка, тож його вважали учасником всіх задумів царя і мало не його співправителем. Крім того, він вирізнявся великою приязністю, дивовижною готовністю допомагати всім громадянам, підтримувати і захищати їх і навіть щедро їх обдаровувати. Тому після смерті Марція народ одностайно обрав його царем під іменем Луція Тарквінія. Саме так він змінив своє грецьке ім'я, щоб здавалось, що він в усіх відношеннях перейняв звичаї нашого народу. Провівши закон про свій імперій, він передусім подвоїв попереднє число «отців» і назвав вже раніше існуючих «отцями старших родів»; їм він в першу чергу пропонував висловлювати свої думки², а тих, кого він сам прийняв до сенату, він назвав «отцями молодших родів». (36) Потім він створив кінноту за зразком, що зберігся і понині, але не зміг, хоч і дуже хотів цього, змінити найменування Тіціїв, Рамнів і Луцерів, тому що високо прославлений авгур Атт Навій на це не погодився... В кожному разі, він, додавши до вже існуючих загонів кінноти нові, довів її чисельність до тисячі восьмисот, тобто подвоїв її склад. Пізніше він підкорив велике і хоробре плем'я еквів, що загрожувало добробуту римського народу; а сабіян, відкинувши від стін міста Рима, розсіяв своєю кіннотою і погромив уцент. Він же... перший влаштував великі ігри, названі Римськими³, а під час війни з сабіянами, під час самої битви, дав обітницю побудувати в Капітолії храм Юпітера Всеблагого Найвеличнійшого і помер, процарювавши тридцять вісім років...

XXI, 37. ...Після нього... вперше без обрання народом царював Сервій Туллій, який начебто народився від рабині з дому Тарквінія, яка зачала його від одного з клієнтів царя. Коли він, вихований серед рабів, прислужував за царським столом, цар не міг не помітити іскри розуму, що вже тоді палала в хлопцеві. Таким удатним був він і в усякій роботі, і в бесіді. З цієї причини цар, чий діти були ще дуже малими, полюбив Сервія так, що його в народі вважали за царського сина, і з величезною старанністю навчав його всім тим наукам, які колись осягнув сам, і дав йому чудову освіту за грецьким зразком.

38. Після того, як Тарквіній загинув через підступи синів Анка, царювати почав Сервій. Але, як я вже говорив, не внаслідок обрання громадянами, а за їх бажанням і згодою, так як Тарквіній, згідно фальшивої чутки, в той час хворів після поранення, але ще був живий. Тому Сервій в царському вбранні почав вершити суд, на свої гроші звільнив неспроможних боржників і, виявивши велику приязнь до народу, переконав його в тому, що чинить суд за велінням Тарквінія. Сервій не став довірятись «отцям», а після похорону Тарквінія сам запитав народ стосовно себе і, одержавши веління царювати, провів куріатський закон про свій імперій. Передусім він пішов війною на етрусків і покарав їх за кривди. Коли він у цій війні... захопив просторі землі, віднявши їх у церетанів, тарквінян і вейєнтів, то розподілив їх між новими громадянами. Потім заснував ценз, установлення, вельми корисне для такої держави, якій долею призначено стати великою. На основі цензу податки і в мирний, і у воєнний час бралися не без розбору, а відповідно до майна. Він установив вісімдесят центурій, що склалися з громадян, які мали по 100 000 сестерціїв⁴ і більше, тобто сорок старших і сорок молодших центурій» До них приєднав центурії вершників числом вісімнадцяти, з найбільшим майновим цензом.

XXII, 39. Потім Сервій, відібравши велике число вершників з усього народу, розділив решту народу на п'ять розрядів і відокремив старші розряди від молодших⁵. Він розподілив їх так, щоб підсумок голосування залежав не від натовпу, а від людей заможних. Потурбувався і про те, щоб (цього завжди слід дотримуватися в державних справах) більшість не мала найбільшої влади. Якби цей розподіл не був відомий, я розповів би про нього докладніше. Але ви вже бачите, що розрахунок був таким, щоб центурії вершників разом з шістьма голосами і перший розряд з доданням до них центурії (для більшої користі міста Рима), наданої майстрам-теслям, разом складали вісімдесят дев'ять центурій. Якщо зі ста чотирьох центурій (адже в остачі було саме стільки) до цих вісімдесяти дев'яти центурій додавалося хоча б вісім⁶, то в народі створювалась перевага, і решта величезної більшості людей у складі дев'яноста шести центурій не усувалася від голосування (що було б виявом зарозумілості), але і не була надто сильною і небезпечною.

(40) При цьому Сервій уважно поставився також і до слів, і навіть до назв: багатих він назвав «ассоподателями»⁷..., а тих, хто при цензі або пред'явив не більше п'ятисот ассів, або не пред'явив нічого, крім самого себе, він назвав пролетарями⁸, щоб було зрозуміло, що від них чекають нащадків, тобто як би продовження існування держави. Але тоді в кожній центурії із тих дев'яноста шести перебувало, на основі цензу, більше людей, ніж майже у всьому першому розряді. Таким чином, з одного боку, ніхто не позбавлявся права голосу; з іншого боку, при голосуванні найбільш впливовими були ті, хто був найбільш зацікавлений в тому, щоб держава перебувала в найкращому стані. Більше того, акценсам⁹, допоміжним військам, трубачам, горністам, пролетарям... він надав права...

XXIV, 44. ...Терпіли (сваволю Тарквінія Гордого). Адже цьому несправедливому і суворому владиці протягом деякого часу щастило: він завоював весь Лацій, взяв багате, всім наповнене місто Суессу Помецію і, захопивши велику здобич з золота і срібла,

¹ Вірніше, колоністів.

² «Висловлювати думки» (sententiam dicere) — технічний термін, що означав: виступати з промовою в сенаті, вносити мотивовані пропозиції. Число сенаторів було доведено до 300.

³ «Великі ігри» проводились на честь Капітолійських богів: Юпітера, Юнони і Мінерви. Вони відбувались від 5 до 19 вересня.

⁴ Анахронізм, вірніше — ассів.

⁵ «Молодші» розряди були складені з чоловіків віком до 45 років, здатних нести військову службу. «Старші» розряди були резервними.

⁶ «Шість голосів» — це 6 центурій римських вершників, які завів Тулл Гостілій. Таким чином, 12 + 6 центурій вершників + 70 центурій першого розряду + 1 центурія теслів склали 89 центурій. «Вісім центурій», про які мовиться далі, — це центурії другого розряду. 89 + 8 = 97, тобто більшість.

⁷ «Ассоподатель» (assiduus) походить від латинського слова «as» — монета і «do» — даю.

⁸ Пролетарі (від лат. proles — діти) — найбільшні громадяни, що мали тільки дітей.

⁹ Акценси (accensi) — приписані до V майнового розряду.

виконав обітницю батька, побудувавши Капітолій; він вивів колонії і, дотримуючись звичаю предків, послав чудові дарунки, як би жертву Аполлону, в Дельфи.

XXV, 45. ...Тому що цар, про якого я говорю, заплямований вбивством кращого царя [тобто Сервія Тулія], перш за все не був при здоровому глузді і, сам боячись вищої кари за здійснене ним злочиння, хотів, щоб його боялись. Крім того, він покладаючись на свої перемоги і багатства, не знав удержу в своїй зарозумілості і не міг справитись ні зі своїми пороками, ні з розбещеністю своїх родичів.

(46) І от, коли його старший син вчинив насильство над Лукрецією, дочкою Тріціпітіна і дружиною Коллатіна, а цнотлива і знатна жінка після такої образи сама покарала себе смертю, то Луцій Брут, чоловік видатного розуму і хоробрості, скинув з громадян це несправедливе ярмо жорстокого рабства... За його пропозицією і під його началом громадяни, згадавши і свіжі в їх пам'яті скарги батька і близьких Лукреції, і гордість Тарквінія, і багато образ, перенесені і від нього самого, і від його синів, повелили і самому царю, і його дітям, і Тарквінієвому роду видалитись у вигнання.

№2 ДЮНІСІЙ ГАЛКАРНАСЬКИЙ РИМСЬКІ СТАРОЖИТНОСТІ

Кн. II, Гл. 7. ...Поделив весь народ на 3 части, Ромул поставил над каждой из частей наиболее выдающихся из людей в качестве предводителя. Затем, поделив вновь каждую из трех частей на 10, он назначил и над ними предводителей, равных между собой и самых храбрых. Большие части он назвал трибами, а меньшие — куриями, как они называются еще и в наше время. На греческий язык эти названия можно перевести так: триба — фила и триттия, курия — фратрия и лох. А мужи, стоящие во главе триб, которых римляне называют трибунами, — это филархи и триттиархи, стоящие же во главе курий, которых римляне называют курионами, — это филархи и лохаги. Фратрии поделены Ромулом на декады, и во главе каждой стоит предводитель, называемый на местном языке декадархом (декурионом). Когда же все были расписаны и распределены по филам и фратриям, Ромул, разделив землю на 30 равных клеров¹ назначил каждой фратрии клер, выбрав достаточный для храмов и священных участков, оставив какую-то часть (земли) в качестве общей.

II, 8. ...Ромул отделил знатных по роду и прославленных доблестью и богатством в те времена людей, у которых уже были дети, от безвестных, бедных и неудачливых. И назвал он людей незавидной судьбы плебеями, как сказали бы эллины — «демотиками», а людей лучшей доли — «отцами», то ли по старшинству возраста по сравнению с другими, то ли потому, что у них были дети, то ли по знатности рода, то ли из-за всего этого вместе, взяв, как можно судить, пример Афинского государства, сохранявшего еще в то время свое прежнее положение. Ведь афиняне, поделив народ на 2 части, назвали эпатридами тех, кто был из знатных домов и состоятельным. И на них было возложено руководство полисом. Сельчанами же они называли других граждан, которые участия в общественных делах не принимали, но со временем и они были приобщены к управлению. Одни, действительно сообщая достоверные сведения о государственном устройстве римлян, говорят, что по этим причинам те мужи были названы отцами, а потомки их — патрициями. Другие же, исходя из собственной вражды, обвиняя римский полис в низком происхождении, рассказывают, что они не поэтому получили название патрициев, но потому, что лишь одни могли указать своих отцов, в то время как другие, будучи беглыми, не могли назвать свободных отцов. В доказательство эти авторы приводят то, что всякий раз, как царям казалось нужным созвать патрициев, глашатаи выкликали их по имени и отчеству, демотиков же всех вместе собирали на народное собрание какие-то слуги, трубя в трубы из бычьих рогов. Но призыв глашатая не является свидетельством благородства патрициев, а звук трубы — признаком безвестности демотиков, а одно — знаком почести, другое — быстроты. Ведь нельзя было в короткое время созвать во именованное множество людей.

II, 9. Когда же Ромул отделил лучших от худших, он занялся законодательством и определил, что надлежит делать каждым из них: патрициям — быть жрецами, управлять и судить, вместе с ним верша государственные дела и заботясь о полисе; демотиков же решил освободить от всего этого из-за их неопытности и неосведомленности, за недостатком у них средств. Он назначил им занятия земледелием, скотоводством и прибыльными ремеслами, чтобы они не восставали, как в других полисах, или, чтобы не оскорбляли низших, или чтобы, будучи ничтожными и неимущими, не завидовали знатным. И он счел целесообразным поручить демотиков патрициям, каждому из них предоставив выбор, кому из народа он пожелает стать патроном. В качестве наилучшего примера он взял эллинский древний обычай, которым фессалийцы пользовались длительное время, а афиняне — с самого начала. Ведь они с презрением относились к клиентам — пелатам, поручая им работу, не подобающую свободным людям, и применяя побои всякий раз, как те не выполняли приказаний, обходясь с ними в других случаях словно с купленными рабами. Афиняне называли пелатов за их труд фетами, а фессалийцы — пенестами, тут же с помощью названия и порицая их за их тяжкую долю. Ромул же украсил дело и благопристойным наименованием, назвав защиту бедных и низших патронатом, предназначив обоим сторонам честные деяния и таким образом установив связи между ними человеколюбивые и гражданственные.

II, 10. И были тогда определены Ромулом надолго оставшиеся у римлян, касающиеся патроната следующие обычаи: патрициям надлежало разьяснять своим пелатам (клиентам) права и обязанности, в которых те были несведущи, и заботиться о них и в присутствии их и в отсутствии таким же образом, как пекутся отцы о своих детях по поводу имущества и долговых обязательств; вчинять в суде иск за обиженных пелатов (клиентов), если кому-нибудь из них нанесен ущерб в связи с договорными обязательствами, и помогать вызванным в суд, коротко говоря — как можно лучше обеспечить клиентам спокойствие в частных и общественных делах. Пелатам (клиентам) же надлежало помогать своим патронам выдавать замуж дочерей, если отцы нуждались в средствах, и выплачивать врагам выкуп, если кто-нибудь из патронов или их детей окажется в плену, и оплачивать из собственных средств убытки от частных процессов и штрафы государству за осужденных, не требуя с них проценты, а из расположения, и принимать участие в делах управления и в священных обрядах и в других тратах и расходах на общие нужды, как подобает людям, принадлежащим роду. И было нечестивым и недозволенным для обеих сторон выступать в суде или свидетельствовать друг против друга и голосовать за неблагоприятное для другой стороны решение и действовать заодно с врагами. А если кто-нибудь оказывался уличенным в совершении чего-либо из перечисленного, он подлежал закону о предательстве, который утвердил Ромул: было дозволено всякому желающему убить уличенного в указанных преступлениях в качестве жертвы Зевсу Подземному. Ведь у римлян был обычай посвящать кому-нибудь из богов, особенно подземным, тела тех, кто хотел умереть, не претерпев наказания. И это тогда установил Ромул...

¹ Клер — ділянка, одержана за жеребом.

II, 12. Когда же Ромул упорядочил эти дела, он смог вскоре учредить сенаторов, с которыми намеревался управлять государством, набрав 100 человек из патрициев. И он установил между ними следующее различие: назначил одного, лучшего из всех, которому счел нужным поручить руководство полисом, когда сам он поведет войско за его пределы. Каждой из трех фил (триб) он предписал выбрать трех мужей, бывших наиболее разумными благодаря своему возрасту и наиболее знаменитыми по происхождению. После же этих девяти он приказал каждой фратрии (курии) назначить трех самых достойных из патрициев. Затем, добавив к первым девяти, выдвинутым филами (трибами) еще 90, которых заранее избрали фратрии (курии), и назначив из них предводителя, которого он сам наметил, Ромул дополнил число сенаторов до 100. Этот совет (сенат) в переводе на греческий может обозначать герусию и вплоть до настоящего времени римлянами так и называется. То ли из-за старости выбранных в него мужей, то ли из-за доблести его произошло это название, не могу точно сказать, ибо древние имели обыкновение называть наиболее почтенных и лучших старейшинами. И принимающие участие в работе совета (т.е. сената) были названы *patres conscripti*¹, и это название сохраняется до моего времени. Так вот и этот обычай эллинский. Ведь у царей, к которым переходила власть от отца и которых сами народные массы ставили в качестве своих предводителей, существовал совет, состоящий из лучших людей, как свидетельствуют Гомер и древнейшие из поэтов. И власть древних царей не была, как в наши дни, своенравной и единоличной.

II, 14. Ромул, установив это, определил всем почести и права, какие, он считал, нужно иметь каждому. Так вот, царю он назначил такие привилегии: во-первых, возглавлять священнодействия и жертвоприношения и совершать все ритуалы, касающиеся богов. Затем охранять законы и отеческие обычаи и заботиться о справедливости во всем сообразно с природой явлений или в соответствии с договорами, тягчайшие из преступлений расследовать самому, а меньшие — поручать сенаторам, внимательно следя, чтобы не происходило ничего незаконного, созывать сенат и народ, высказываясь, направлять мнение людей и обеспечивать кажущееся необходимым большинству. Такие почетные обязанности он предоставил царю и еще сверх того — неограниченную военную власть на войне. На собрание же сенаторов он возложил почет и власть следующие: прежде всего обсуждать, что бы ни сказал царь и какое бы ни внес предложение, и что бы ни показалось верным большинству, то пусть это мнение и побеждает. И это было перенято от государственного устройства лакедемонян. Ведь и лакедемонские цари не были самодержцами и не действовали по своему желанию, но всей властью в государстве обладала герусия. А народной массе он дал 3 таких полномочия: выбирать магистратов и блюсти законы, а также решать вопрос о войне, всякий раз, как сказал царь. Но он не имел в этих делах полной свободы действий, разве что то же самое покажется нужным сенату. А голосовал народ не весь вместе, а созванный по фратриям (куриям). И что казалось верным большинству фратрий (курий), то и вносилось в сенат. Но в наше время обычай изменился. Ведь не сенат обсуждает решения народа, а народ является властителем сенатских постановлений.

II, 74. ...Нума приказал каждому описать свое владение и установить на его границах камни, повелел эти камни посвятить Юпитеру Охранителю границ. И он постановил, чтобы ежегодно в определенный день все сходились в этих местах для совершения жертвоприношений, учредив очень чтимое у них празднество пограничных божеств. Римляне называют его Терминалиями. Название это происходит от слова «граница». А сами границы они именуют «терминами», позаимствовав слово из нашего языка, изменив в нем одну букву². Нума издал закон, по которому повинный в уничтожении или изменении границ предавался богу, а тому, кто пожелает убить его как святотатца, обеспечивалась безопасность и незапятнанность от скверны. И этот закон он установил не только относительно собственных, но и общественных владений, обозначив и их границами, чтобы боги разделяли и римскую землю от соседней, и общую от частной. И римляне хранят память об этом вплоть до наших времен вследствие нерушимой традиции. Ведь они считают границы божествами и приносят им ежегодно жертвы, но только ничего из живого, — ибо обагрять кровью камни нечестиво, — а Деметровы пироги³ и первинки разных плодов. А дело это, ради которого Нума издал закон о том, что границы — это боги, нужно было еще им охранять равным образом, чтобы они довольствовались своими владениями, и не присваивали ничего чужого ни силой, ни хитростью...

III, 43. Так как этот холм (Авентин) предназначен быть крепостью на границе Рима, когда какое-нибудь войско подходит к городу, царь Анк Марций окружает его стеной и рвом. А всех, переведенных из Теллен и Политория и других городов, которые он победил, он поселяет там же, на Авентине⁴. Уже эта политическая деятельность Анка Марция представляется удачной и дельной. Благодаря ей с прибавлением населения другого города Риму удалось стать более могущественным. Уменьшилась и угроза захвата Рима, если враги с большим войском пойдут на него войной.

III, 44. Он сделал Рим самым богатым из всех и побудил население к занятию благородными делами. Ведь Тибр, спускаясь с Апеннинских гор, протекая по городу и вырываясь на неизрезанные, лишенные гаваней берега Тирренского моря, мало пользы приносит Риму, так как при устье нет сторожевого поста, где принимались бы товары, привозимые по морю и доставляемые с рынков в верхнем течении и где платили бы тем, кто ввозил эти товары. Так как Тибр был пригоден для плавания вплоть до истоков на крупных речных судах, а до самого Рима — и на больших морских кораблях, Анк построил якорную стоянку в самом устье реки при впадении в море...

Итак, ведущие большие нагруженные корабли или грузовые суда, когда им случалось появляться здесь, вносили около трех тысяч пошлыни, проходя через устье реки и отправляясь вплоть до Рима, и корабли тянули на весельных судах и бечевой. А очень большие корабли разгружались, находясь на якорных стоянках перед устьем, и груз с них брали на речные суда и на лодки.

В излучине между рекой и морем царь Анк основал город, которому по месту впадения реки в море дали имя Остия, что мы назвали бы «воротами». Анк сделал так, что Рим стал не только материковым, но и морским городом, и предоставил ему заморские богатства.

III, 45. Он укрепил стеной и так называемый Яникул, высокую гору, лежащую на противоположном берегу Тибра, и поместил там сильный гарнизон для охраны плавающих по реке; ведь тиррены [т.е. этруски], владея всей областью по ту сторону реки, грабили торговцев.

Говорят, что он соорудил на Тибре деревянный мост⁵, который надлежит делать без меди и железа. И он стоит до наших дней и его охраняют до настоящего времени, считая его священным. В случае повреждения какой-нибудь его части жрецы (понтифика) совершают некие священные обряды, выполняя их одновременно с починкой моста.

¹ *Conscripti* — внесенные в список, т.е. добавленные к прежним. Дионисий здесь ошибается, так как *patres conscripti*, существовавшие в его время, появились в эпоху Республики.

² *Termen*, или *Terminus*, по-гречески, в латинском написании — *Termon*.

³ *Siba Cerealia*, пироги, приносившиеся в жертву Церере, богине плодородия и хлебных злаков, во время Цереалий.

⁴ Жителей Политория Анк включил в состав римских триб, а переселенцев из других городов оставил вне гентильной (родовой) организации. Они составили ядро плеба.

⁵ *Pons sublicius* — свайный мост.

III, 67. ...А дела его (Тарквиния Приска) в мирное время на государственном поприще следующие... Вскоре после принятия на себя царской власти он, стремясь привлечь к себе чернь, как делали это и предыдущие цари, достиг этого с помощью таких благодеяний. Выбрав из всех плебеев 100 мужей, которые отличались военной доблестью и гражданской мудростью, он сделал их патрициями и включил в число сенаторов. Тогда у римлян впервые стало 300 сенаторов, до того бывших в числе 200. Затем к четырем священным девам, которые охраняли неугасимый огонь, он добавил еще двух. Оттого, что священнодействия, совершавшиеся во имя полиса, в которых должны были принимать участие жрицы Весты, стали многочисленными, оказалось, что четырех уже недостаточно. Остальные цари последовали этому начинанию Тарквиния, и вплоть до наших времен избирается 6 жриц Весты. И, кажется, он первый изобрел кары, которыми наказываются жрицы, не сохранившие девственность. Сделал он это то ли по размышлению, то ли, как думают некоторые, на основе сновидения, в соответствии с тем, как объясняют толкователи пророчество, найденное после его смерти в Сивиллиных книгах¹. И в его царствование была уличена некая жрица Пинария, дочь Публия, принимавшая участие в священнодействиях, не будучи непорочной. А каким было наказание, которым карали совращенных, об этом будет сказано дальше. Тарквиний привел в порядок форум, где производили суд, проводили народные собрания и вершили другие государственные дела, окружив его лавками и портиками. И городские стены, грубо сделанные на скорую руку, он первый построил из огромных правильной формы камней. И он же начал прорывать и подземные каналы, по которым отводилась в Тибр вся стекавшая из лощин вода. Это было достойным удивления делом, превыше всяких слов.

III, 68. Тарквиний же построил Великий цирк, расположенный между Авентином и Палатином, первым соорудил крытые сидения, — до этого ведь зрители смотрели представления стоя, — с деревянными навесами на брусках, установленных на настилах. И зрительские места он поделил между 30 фратриями (куриями), предоставив каждой одну их часть, чтобы смотреть представления, сидя в отведенном для родственников месте.

III, 69. Этот царь (Тарквиний), дав обет, который он исполнил по окончании войны с сабинянами, принял на себя строительство храма Юпитера, Юноны и Минервы... Но он не успел заложить основание храма, прожив после окончания войны только четыре года. А много лет спустя третий после этого Тарквиния царь, лишенный впоследствии власти, заложил фундамент и возвел большую часть здания. Но и он не закончил этот труд, а завершен был храм в течение трех лет правления годичных магистратов, консулов.

III, 71. Этот Навий² когда Тарквинию захотелось добавить к трем филам (трибам) новые из им самим отобранных заранее всадников и дать этим трибам имена себе и по своим приверженцам, единственный решительно возразил ему, не позволяя нарушать ничего из Ромуловых установлений. Царь же, удрученный запретом и разгневавшись на Навия, попытался низвести его искусство и унижить его как хвастуна, не говорящего никакой правды.

IV, 13. Вскоре после принятия власти Сервий Туллий разделил общественную землю (ager publicus) между батраками из числа римлян. Затем он на собрании фратрий (куриатных комиций) утвердил законы о заключении сделок и о правонарушениях. Было их около пятидесяти... К полису он присоединил два холма, так называемый Виминал и Эсквилин, каждый из которых имеет величину, достойную целого полиса, и распределил их между бесприютными римлянами, чтобы они построили там дома, и сам построил себе жилище в наилучшем месте Эсквилина.

IV, 14. Когда же Туллий семь холмов обвел одной стеной, он поделил полис на четыре трибы, назвав их по холмам: первую — Палатинской, вторую — Субуранской³, третью — Коллинской, а четвертую из триб — Эсквилинской. Так, состоявший до того из трех триб полис он сделал состоящим из четырех триб. И он постановил, чтобы люди, живущие в каждой из четырех триб, как и сельчане не меняли местопребывание и не уплачивали в другом месте налог (трибут). И набор воинов, и взимание налогов на военные нужды и на другие надобности, которые каждый должен вносить государству, он осуществлял не по трем родовым филам (трибам), как раньше, но по четырем территориальным, введенным им. И он назначил предводителей каждого подразделения, т.е. магистратов триб и пагов⁴ которым предписал знать, кто каким хозяйством живет. Затем Сервий Туллий приказал, чтобы соседи построили на всех перекрестках часовни в виде деревянных ниш покровителям-ларам и утвердил законом, чтобы они ежегодно совершали им жертвоприношения путем возлияний от каждого дома. И он установил, чтобы совершающим священнодействия за ларов — покровителей соседей, помогали не свободные, а рабы, чтобы они в них участвовали, так как ларам приятно их служение. И это празднество римляне справляют еще и в наше время, спустя несколько дней после Сатурналий, очень почитаемое и в высшей степени пышное. Именуют они его по перекресткам Компиталиями. Ведь они называют перекрестки compta.

IV, 22. ...Сервий Туллий дозволил отпущенным на волю рабам получать римское гражданство, приказав, чтобы вместе со всеми другими свободными записывались по цензу и отпущенники, и распределил их по четырем городским трибам. Он допустил их ко всему, что касается общественных дел, наравне с остальными плебеями.

№3

ПЛУТАРХ

ПОРІВНЯЛЬНІ ЖИТТЄПИСИ, НУМА

17. ...Из остальных установлений [Нумы Помпилия (716-673 гг. до н.э.)] заслуживает особого восхищения распределение народа по ремёслам. Было же оно таково: трубачи, золотых дел мастера, плотники, красильщики, сапожники, сукновалы, медники, горшечники. Остальные ремёсла он соединил вместе и сделал из них всех одну корпорацию. И каждому роду ремесленников он назначил подходящие объединения, собрания и священнодействия...

№4

ПЛУТАРХ

ПОРІВНЯЛЬНІ ЖИТТЄПИСИ, РОМУЛ

Гл. 13. Основав город, Ромул разделил всех, кто мог служить в войске, на отряды. Каждый отряд состоял из трех тысяч пехотинцев и трехсот всадников и назывался «легионом», ибо среди всех граждан выбирали только способных носить оружие. Все

¹ Сивиллины книги — книги предсказаний пророчицы Сивиллы из Кум, которые она предложила купить Тарквинию Древнему. После его отказа часть их была сожжена, но оставшаяся часть все же по совету авгура была куплена. Книги эти хранились на Капитолии, по ним консультировались в особо сложных случаях гаданий.

² Атт Навий, авгур.

³ Субура — лощина между холмами Эсквилин, Виминал и Книринал.

⁴ Паг — территория первоначально родовых, а потом соседских общин, могла принадлежать одному или нескольким поселениям.

остальные считались «простым» народом и получили имя «популус» (populus). Сто лучших граждан Ромул назначил советниками и назвал их «патрициями» (patricii), а их собрание — «сенатом» (senatus), что означает «совет старейшин». Советников звали патрициями либо потому, что они были отцами законнорожденных детей, либо, вернее, потому, что сами могли указать своих отцов; среди тех, кто стекался в город в первое время, сделать это удалось лишь немногим. Некоторые выводят слово «патриции» от «патрония» — так называли и теперь называют римляне заступничество: среди спутников Эвандра¹ был якобы некий Патрон, покровитель и помощник нуждающихся, от него-то, говорят, и пошло название самой заботы о более слабых. Однако ближе всего к истине мы подойдем, пожалуй, если предположим, что Ромул считал долгом первых и самых могущественных отеческое попечение о низших и одновременно хотел приучить остальных не бояться сильных, не досадовать на почести, которые им оказывают, но относиться к сильным с благожелательством и любовью, по-сыновнему и даже называть их отцами. До сих пор чужестранцы именуют сенаторов «повелителями», а сами римляне — «отцами, внесенными в списки»²... Сначала их звали просто «отцами», позже, когда состав сената значительно пополнился, стали звать «отцами, внесенными в списки». Таково было особо почетное наименование, которым Ромул отличил сенаторское сословие от простого народа. Ибо он отделил людей влиятельных от толпы еще по одному признаку, назвав первых «патронами», то есть заступниками, а вторых «клиентами», то есть приверженцами, и вместе с тем установил между ними удивительное взаимное доброжелательство, ставшее впоследствии источником важных прав и обязанностей. Первые объясняли вторым законы, защищали их в суде, были их советниками и покровителями во всех случаях жизни, а вторые служили первым, не только платя им дань уважения, но и помогая бедным патронам выдавать замуж дочерей и рассчитываясь за них с работодателями, и ни один закон, ни одно должностное лицо не могли заставить клиента свидетельствовать против патрона или патрона против клиента. Впоследствии все прочие права и обязанности сохранили силу, но брать деньги у низшего стало для человека влиятельного недостойным и позорным...

№5 ТІТ ЛІВІЙ РИМСЬКА ІСТОРІЯ ВІД ЗАСНУВАННЯ МІСТА

Кн. I, Гл. 8. Для увеличения населения открыто было убежище, которое находится за загородкой между двумя рощами, если спускаться с Капитолия. Руководствовался Ромул при этом старым обычаем основателей городов, которые, привлекая к себе толпу темного и низкого происхождения, сочиняли потом, что народ родился у них из земли. Туда сбегался из соседних племен всякий сброд, без различия, свободные и рабы, желавшие перемены своего положения, и это было основанием слагавшегося величия. Когда уж не было недостатка в людях, он учреждает совет, избрав сто старейшин, или потому, что считал это число достаточным, или потому, что было всего сто человек, которых можно было выбрать в «отцы». Вследствие почета, которым пользовались, они названы были «отцами», а дети их «патрициями»...

I, 35. Анк царствовал 24 года и был равен любому из предшествующих царей славой и умением править в мирное и военное время. Его сыновья были близки к совершеннолетию. Тем более Тарквиний настаивал, чтобы поскорее были созваны комиции для избрания царя; когда они были назначены, то к этому самому времени он отослал отроков на охоту. Рассказывают, что он первый, обходя всех, просил царства и держал речь, составленную так, чтобы привлечь на свою сторону народ...

...Римский народ с замечательным единодушием высказался за передачу ему царской власти. Этого мужа, отличного во всех отношениях, и на троне преследовало то же честолюбие, как и при домогательстве царства; заботясь столько же об укреплении своей власти, сколько об усилении государства, он избрал сто человек в сенаторы, которые потом были названы младшими, эта часть сената конечно была на стороне царя, благодаря которому попала в курию.

I, 36. ...Тарквиний не произвел никакой перемены в организации центурий всадников, но только прибавил к существующим такое же число всадников, так что в трех центуриях стало 1800 всадников; теперь, ввиду удвоенного числа, эти центурии считаются за шесть, а тогда прибавленные центурии, сохраняя прежние имена, назывались только «младшими».

I, 41. ...Сервий, окружив себя крепкой стражей, первый принял царство не по решению народа, а только с согласия отцов. Сыновья же Анка удалились в изгнание в Свессу Пометийскую еще тогда, когда разнеслась весть, что совершившие злодеяние схвачены, царь жив, а Сервий заручился такой силой.

I, 42. Для укрепления своей власти Сервий не ограничился государственными мероприятиями, а прибег и к частным: чтобы дети Тарквиния не были против него так враждебно настроены, как дети Анка против Тарквиния, он выдал двух дочерей своих за царских сыновей Луция и Аррунта Тарквиниев. Но человеческие действия не отвратили предопределения судьбы: жажда царской власти породила вероломство и вражду даже среди домашних. Для сохранения спокойствия в настоящее время как нельзя более кстати предпринята была, за исполнением срока перемирия, война с вейентами и другими этрусками. В этой войне проявилась и доблесть Туллия, и счастье, и, рассеяв огромное войско неприятелей, он вернулся в Рим несомненным царем, испытывал расположение и сената и народа. Затем он приступил к великому мирному труду и, как Нума был творцом религиозного права, так молва среди потомства назвала Сервия основателем сословного деления государства, которое установило различие в правах и положении. Он определил ценз, учреждение в высшей степени благотворное для государства, которому суждено было достичь такого величия; на основании его военные и гражданские обязанности были распределяемы не поголовно, как прежде, а по имущественному положению; тогда установлены были классы и центурии, и это распределение, удобное и для мирного и для военного времени, сделано было на основании ценза.

I, 43. Из имевших 100 000 ассов или больший ценз он образовал 80 центурий — по 40 центурий старших и младших; входившие в состав их граждане названы были первым классом; старшие предназначены были для охраны города, младшие — для ведения войн вне города. Оружие для защиты тела определено им: шлем, круглый щит, поножи, панцирь — все из бронзы, оружие наступательное — копье и меч. К этому классу присоединено было 2 центурии ремесленников, которые несли службу без оружия; на них возложено было сооружение военных машин. Второй класс образован был из имеющих ценз от 100 до 75 тыс. ассов, и из них составлены 20 центурий старших и младших. Оружие назначено вместо круглого щита продолговатый, а все остальное то же, кроме панциря. Ценз третьего класса определен в 50 тыс. ассов; из них образовано столько же центурий и с тем же подразделением по возрасту. В вооружении также не сделано изменений, кроме того, что отняты поножи. Ценз 4-го класса 25 000, из него образовано столько же центурий, вооружение изменено: им назначены только длинное копье и дротик. Пятый класс многочисленнее: из него образовано 30 центурий; они носили с собой только пращи и пращные камни; к ним присоединены были гор-

¹ Эвандр, аркадянин, согласно преданию, переселившийся из аркадского города Паллантия в Италию и обосновавшийся на месте будущего Рима, на Палатине.

² Patres conscripti — отцы, внесенные в список, т.е. добавленные к прежним.

нисты и трубачи, разделенные на две центурии; ценз этого класса был 11 тысяч. Из остального населения, имевшего меньший ценз, образована была одна центурия, свободная от военной службы. Устроив и распределив таким образом пехоту, он набрал 12 центурий всадников из самых состоятельных граждан. Кроме того, хотя Ромул образовал всего три центурии, он сделал из них шесть, дав им те же имена, которые были утверждены авгурами. На покупку лошадей назначено было по 10 тыс. ассов ежегодно из казны, а по 2000 на прокормление их должны были вносить вдовы. Все эти повинности с бедных сложены были на богатых. Затем прибавлены были почести: не дано было одинакового права подачи голоса всем поголовно, как это было установлено Ромулом и сохранялось при следующих царях, а установлены степени, так что, казалось, будто никто не лишен права голоса, и все же вся сила сосредоточена была у первого сословия государства; прежде всего приглашались к подаче голосов всадники, затем 80 центурий первого класса; если там возникало разногласие, что случалось редко, то должно было приглашать и второй класс, и почти никогда не спускались так низко, чтобы дойти до последних. И нечего удивляться, что тот порядок, который существует теперь, по установлении 35 триб, каковое число удваивается вследствие деления их на центурии старших и младших, не сходится с числом установленным Сервием Туллием. Разделив весь город, все его части и заселенные холмы на 4 отдела, он назвал их трибами, как я думаю, от слова *tributum*, налог, идущий на чрезвычайные нужды государства, взимание коего равномерно сообразно с цензом, установлено было им же; но эти трибы не имеют никакого отношения к разделению на центурии и числу их.

I, 46. Будучи на деле вне всякого сомнения царем, Сервий тем не менее решил обратиться к народу, расположение которого он предварительно снискал, разделив поголовно отнятую у неприятелей землю, — желает ли он и повелевает ли ему царствовать; это вызвано было слухами о заявлениях, делаемых порой молодым Тарквинием, что Сервий царствует без воли народа. И он провозглашен был царем с таким единодушием, с каким не был избран после ни один царь...

I, 47. (Ливий влагает в уста Тарквиния речь, порочащую Сервия Туллия). «...Став царем он покровительствовал людям низшего класса, к которому принадлежал сам, и, завидуя почетному положению других, разделил самым презренным людям поле, отнятое у первых людей государства; все повинности, некогда бывшие общими, он сложил на первое сословие; он установил ценз, чтобы имущество богатых было известно и возбуждало зависть, а вместе, чтобы был готов источник, откуда, в случае желанья, можно было бы раздавать нуждающимся»...

I, 49. Затем начал царствовать Л. Тарквиний, прозванный по делам своим Гордым за то, что не позволил похоронить тестя, говоря, что и Ромул умер без погребения, и за то, что он истребил сенаторов, которых считал сторонниками Сервия. Затем он окружил себя телохранителями, сознавая что с него самого против него же можно взять пример приобретения царства преступлением; и в самом деле, он не имел никакого другого права царствовать, кроме права силы, так как правил без решения народа и без утверждения отцов. Кроме того, так как он вовсе не мог полагаться на расположение граждан, то ему приходилось утверждать свою власть страхом; чтобы внушить его большому числу людей, он производил сам, без советников, расследование уголовных дел и таким образом получал возможность казнить, отправлять в изгнание и лишать имущества не только людей подозрительных или ненавистных, но и таких, от которых мог ждать только добычи. Уменьшив таким образом число сенаторов, он решил никого не выбирать на их место, чтобы этим сословием по малочисленности можно было пренебрегать и чтобы меньше было неудовольствия на то, что все решается без него; он первый из царей уничтожил существовавший прежде обычай совещаться обо всем с сенатом и управлял государством, привлекая на советы лишь домашних. Он начинал и кончал войны, заключал и нарушал мир, договоры, соглашения, с кем хотел, сам, без воли народа и сената.

I, 56. Стараясь окончить храм и вызывая мастеров отовсюду из Этрурии, он пользовался для этого не только общественными деньгами, но и работой простого народа. Хотя этот труд, присоединенный к военной службе, был весьма тяжел, но народ не так тяготился, сооружая своими руками храм богов, как после, когда его стали переводить на другие работы, менее почетные, но более трудные — сооружение лож в цирке и проведение под землей трубы для вмещения всех городских нечистот. Современное великолепие едва ли может дать что-нибудь равное этим двум сооружениям. Заняв этими работами народ и в то же время полагая, что, по исчезновении надобности, такое население будет в тягость городу, а также желая выведением колонии расширить пределы государства, он основал колонии Сигнию и Цирцею, будущий оплот города на море и на суше...

№6

ПАДІННЯ ЦАРСЬКОЇ ВЛАДИ В РИМІ (510 р. до н.е.) (ТІТ ЛІВІЙ, РИМСЬКА ІСТОРІЯ ВІД ЗАСНУВАННЯ МІСТА, I, 57-60)

Кн. I, Гл. 57. (1) Рутулы, народ весьма богатый по тем местам и по тому времени, владели Ардеей¹. Это-то обстоятельство и было причиной войны, так как царь римский [Тарквиний Гордый (535-510 гг. до н.э.)], истощив средства на великолепные общественные сооружения, желал обогатиться сам и задобрить поживой граждан, (2) которые за проявления гордости царя, негодуя на царскую власть, возмущались и тем, что он так долго пользуется ими, как ремесленниками и рабами. (3) Попробовали, нельзя ли взять Ардею приступом; когда же это не удалось, то начали теснить врага блокадой и осадными сооружениями.

(4) При таком положении, как это обычно при более продолжительной, чем ожесточенной войне, отпуска были довольно свободные, хотя больше для знатных, чем для простых воинов; (5) так царские юноши проводили свободное время в своем кругу, иногда в пирах и попойках. (7) Когда они пировали у Секста Тарквиния, в числе их находился и Тарквиний Коллатин², сын Эгерия, случайно вспомнили о женах; каждый чрезвычайно расхваливал свою. Когда спор разгорелся, то Коллатин заметил, что нечего тратить слова, так как через несколько часов можно убедиться, насколько его Лукреция выше других. «Если в нас есть юношеские силы, то сядем на коней и увидим воочию характер наших жен: что представится взорам неожиданно приехавшего мужа, то и должно быть наиболее убедительным». (8) Они были разгорячены вином; «Ну, конечно!» — заявили все. Пришпорив коней, они поскакали в Рим. Прибыв туда под вечер, (9) они отправляются в Коллацию, где и находят Лукрецию не как царских невесток, которые проводили время на роскошном пире со сверстницами, а занятой пряжей до поздней ночи, сидящей посреди дома, окруженной прилежными служанками. Преимущество в этом состязании жен было за Лукрецией. (10) Приветливо были приняты прибывший муж и Тарквиний. Супруг-победитель любезно приглашает царственных юношей. Тут Секстом Тарквинием овладела преступная страсть опозорить силой Лукрецию; возбуждала его и её красота и целомудрие. (11) Но тогда они возвращаются в лагерь с ночной прогулки.

I, 58. Через несколько дней Секст Тарквиний без ведома Коллатина, с одним провожатым отправляется в Коллацию. Не зная о его намерении, его приняли приветливо и после обеда отвели в комнату для гостей; пылая страстью и видя, что вокруг все

¹ Рутулы — италийское племя, родственное латинам. Ардея — столица рутулов, находилась в 26 км от Рима в некотором отдалении от моря.

² Тарквиний Коллатин — родственник Тарквиния Гордого, живший в Коллации — селении, находившемся в 7-8 км к востоку от Рима.

спокойно и все спят, обнажив меч, он явился к спящей Лукреции и, схватив её левой рукой, сказал: «Молчи, Лукреция! Я Секст Тарквиний, в руке меч: умрешь, если испустишь звук!» Испуганной со сна, беспомощной женщине, видевшей угрозу смерти, Тарквиний стал признаваться в любви, просить, примешивая к мольбам угрозы, действуя различно на женский ум. Но, видя её упорство, не склоняемое даже страхом смерти, он к угрозе смерти добавляет бесчестие: что с мертвой положит обнаженного и зарезанного раба, чтобы говорили, что она убита в момент гнусного прелюбодеяния.

Когда страсть с помощью угрозы одержала кажущуюся победу над целомудрием и Тарквиний удалился оттуда, гордый бесчестием женщины, огорчённая столь большой бедой Лукреция послала одного и того же вестника в Рим к отцу и в Ардею к мужу, прося их явиться, каждого с одним верным другом: так-де нужно и притом очень скоро; случилось ужасное. Спурий Лукреций является с Публием Валерием, сыном Волеза, Коллатин — с Луцием Юнием Брутом; случайно возвращаясь в Рим, он повстречался с вестником жены. Они находят печальную Лукрецию сидящей в спальне. При появлении своих она заплакала и на вопрос мужа: «Все ли благополучно? — отвечала: «Нет. Какое может быть благополучие для женщины, когда она потеряла честь? На твоём ложе, Коллатин, следы чужого мужчины; но осквернено только тело, душа же невинна! Моя смерть будет ручаться за это! Дайте руку и слово, что это не пройдёт безнаказанно прелюбодею! Секст Тарквиний — тот, кто под видом гостя пришёл, как враг, в прошедшую ночь насильно, с оружием в руках, унёс отсюда наслаждение, роковое и гибельное для меня, и если вы мужи, то и для себя!»

Все по порядку берут слово; утешают огорченную, возлагая ответственность на виновника позора: погрешает дух, но не тело, и где нет намерения, там нет и вины. «Вы решите, — сказала она, — чему он повинен, я же, не признавая за собою греха, не освобождаю себя от наказания; и никто, нарушив честь, не будет жить, ссылаясь на пример Лукреции!» И она вонзила в сердце нож, который был спрятан под одеждой, и, склонив голову к ране, упала мертвой. Муж и отец вскрикнули!

I, 59. Пока те плакали, Брут, держа перед собою окровавленный нож, извлеченный из раны Лукреции, сказал: «Этой непопорочною до царской обиды кровью я клянусь и вас, боги, призываю в свидетели, что буду преследовать Луция Тарквиния Гордого с его преступной женой и всеми потомками мечом, огнём и чем только буду в состоянии и не позволю ни им, ни кому-либо другому царствовать в Риме». Затем он передает нож Коллатину, затем Лукрецию и Валерию, оцепеневшим от удивления, откуда это в Бруте неведомый доселе ум.

Они клянутся, как им было приказано; затем, сменив слезы на гнев, следуют за Брутом, повелевшим прямо оттуда же идти, чтобы силой низвергнуть царскую власть. Вынесши тело Лукреции из дома, они идут с ним на Форум и возбуждают население, дивящееся и, как следовало ожидать, негодующее на небывалое дело. Каждый жалуется на царское насилие и злодеяние. Производит впечатление печаль отца, порицания, высказываемые Брутом слезам и бессильным жалобам, и его совет поднять оружие против дерзнувших на безбожное дело: так подобает мужам, так подобает римлянам. Наиболее смелые юноши добровольно явятся с оружием, за ними следуют и остальные.

Затем, оставив часть у ворот Коллатии для охраны и поставив стражу, чтобы кто-нибудь не известил царскую семью об этом движении, остальные вооруженные во главе с Брутом отправились в Рим. Прибыв туда, вооруженная толпа возбуждает смятение и волнение всюду, где ни появляется. Однако люди, видя, что впереди идут знатнейшие, полагают, что это, как бы там ни было, что-то серьезное. Ужасное событие произвело в Риме не меньшее возмущение, чем в Коллатии. И вот со всех частей города бегут на форум. Когда все собрались туда, глашатай призвал народ к трибуну «Быстрых»¹, каким случайно был тогда Брут². Он обратился с речью, обнаружив далеко не такой слабый рассудок и способности, какие он притворно показывал до того дня, о насилии и похотливости Секста Тарквиния, о неслыханном оскорблении Лукреции и её печальной кончине, о сиротстве Триципитина³, для которого причина смерти дочери более возмутительна и прискорбна, чем сама смерть.

Было добавлено и о гордости самого царя, и о страданиях и трудах народа, принужденного копать рвы и клоаки; римские граждане, победители всех окрестных народов, из воинов превращены в ремесленников и каменщиков. Упомянуто и о возмутительном убийстве царя Сервия Туллия и что безбожная дочь проехала на колеснице по трупам отца; воззвал к богам-мстителям за предков. Упомянувши об этих ужасных преступлениях, а вероятно, и о других, что вызывало негодование против настоящих событий и что не легко воспроизвести писателю, он побудил возмущенную толпу лишить царя власти и изгнать Луция Тарквиния с женою и детьми. Сам же, выбрав и вооружив юношей, вызвавшихся добровольно, отправился оттуда в лагерь под Ардею поднять на царя войско. Высшую власть в городе он оставил Лукрецию, который был раньше назначен царем префектом Города⁴. Среди этого смятения Туллия бежала из дома, и, где она ни появлялась, мужчины и женщины проклинали её и призывали фурий, мстительниц за предков.

I, 60. Когда весть об этом дошла до лагеря, царь, смущённый неожиданностью, отправился в Рим, чтобы подавить мятеж, а Брут, узнав о его приближении, свернул с дороги, чтобы не встречаться; и почти в одно время разными дорогами прибыли Брут к Ардее, а Тарквиний к Риму. Перед Тарквинием были заперты ворота, и ему было объявлено изгнание; наоборот, освободитель города был с радостью принят в лагере, дети же царя изгнаны оттуда. Двое последовали за отцом, отправившись в изгнание в Церу, в Этрурии. Секст Тарквиний, ушедший в Габии, точно в свое царство, был убит в отмщение за прежние убийства и грабежи.

Луций Тарквиний Гордый правил 25 лет. Царская же власть в Риме от основания города до его освобождения существовала 244 года. Затем центуриатными комициями, созданными префектом города, были выбраны на основании записок Сервия Туллия⁵ два консула⁶ — Луций Юний Брут и Луций Тарквиний Коллатин [510 г. до н.э.].

¹ «Быстрыми» назывался отряд царских телохранителей, организованный, по преданию, первым римским царем Ромулом. Возможно, что «быстрыми» в древнейшие времена назывались вообще все всаднические отряды.

² Сомнительно, что Брут, считавшийся «тупицей», мог занимать такую должность. По Цицерону (О Государстве, II, 46), Брут был частным лицом. Однако, по римским законам, частное лицо не имело права держать речь перед комициями. Римские историки, желая показать, что установление Республики было легитимным, облекло Брута подобающими полномочиями.

³ Триципитин — прозвище Спурия Лукреция.

⁴ Префектом Города называлось лицо, облеченное на время отсутствия царя (позднее — консулов) высшими полномочиями.

⁵ Подобные записки были, возможно, чем-то вроде руководства по проведению определенных церемоний и мероприятий (таких, например, как народные собрания и религиозные обряды). Не исключено, однако, что и они придуманы римскими историками для легализации совершившегося переворота. Образцом для них могло послужить назначение должностных лиц Антонием «по запискам Юлия Цезаря» (Плутарх, Антоний, 15; Аппиан. III, 5, 16-17; Цицерон, Филиппики, I, 16-17).

⁶ В первые времена Республики лица, обладавшие верховной властью, назывались прэторами (лат. praetor, от praesire — «идти впереди», «предводительствовать»).

III. РИМСЬКЕ СУСПІЛЬСТВО ЗА ЗАКОНАМИ XII ТАБЛИЦЬ

Вигнання царів і установа Республіки було результатом загострення соціально-політичної боротьби в Римі в кінці VI ст. до н.е. В античній історіографії цей переворот зображувався всенародною справою. Але фактично республіканське правління було перемогою патрициїв, які встановили порядки, що закріпили їхнє панування. З цією метою вони зберігали елементи родової організації. Однак римське суспільство достатньо далеко пішло в своєму розвитку. Плебс організаційно зміцнів і посилює боротьбу за свої права. Важливим етапом цієї боротьби було опублікування Законів XII таблиць. Це найдавніший зі збережених збірників римських законів. Він дійшов до нас тільки в цитатах або переказі пізніх авторів: Гая, Авла Геллія, Цицерона, Ульпіана, Гордіана, Діоклетіана, Павла, Тіта Лівія, Плінія Старшого, Помпонія, Юстиніана, Таціта, Тріфоніана, Порція, Марціана, Сальвіана, Феста, Макробія і ін. Згідно історичної традиції, законодавство XII таблиць відноситься до 451-450 рр. до н.е. Архаїчність мови і характер відбитих у пам'ятнику соціальних відносин підтверджує це датування. Для джерелознавчої характеристики XII таблиць необхідно врахувати зафіксовані в них пережитки первісності, а також норми, що сходять до царських законів, що може бути визначене тільки за допомогою зіставлень з повідомленнями античних письменників. Так, засудження до смертної кари за порушення вірності клієнтських відносин (VIII, 21), як і дозвіл вбивати немовлят-калік (IV, 1), визначається Діонісієм Галікарнаським (II, 10 і II, 15) як установа Ромула. Почесне становище жриць Вести (V, 1), згідно Плутарха (Нума, 10), засноване Нумою. Закон про емансипацію сина після троекратного продажу його батьком (IV, 2) Діонісій (II, 27) відносить до незапам'ятних часів, тобто до початку царської епохи. Необхідна квота в 5 свідків (VI, 1; 5б) згадується Діонісієм стосовно часів Ромула (753-717 рр. до н.е.). Слід також звернути увагу на порівняння Законів XII таблиць з законами Солона. Працюючи з законами, варто звернути увагу на те, що вони майже не називають плебеїв. В цьому проявляється основа пам'ятника, тобто звичаєве право патриціанської общини. Але воно вже пристосоване до нових соціальних умов, тому що враховує патрициїв і плебеїв, вільних і залежних, багатих і бідних. Таким чином, Закони XII таблиць змальовують складну структуру римської общини початку Республіки, різні форми власності, що в ній співіснували. Щоб краще уявити собі обставини, за яких приймалися і оформлялися Закони XII таблиць, корисно звернутись до Дігест^{*}. Вони були творчістю римських юристів, що знали не тільки римське право, але і історію його створення.

№1

ДІГЕСТИ (Кн. I, Гл. 31)

§3. ...После изгнания царей, по предложению трибунов, все те законы¹ потеряли силу и римский народ опять начал пользоваться более неустановленным правом и обычаем, чем изданными законами; и так длилось почти двадцать лет.

§4. Затем, чтобы это не продолжалось дальше, было по постановлению народа, решено назначить десять мужей [децемвиров], чтобы они позаимствовали законы у греческих полисов, и таким образом римский полис украсился бы. И они их составили и записали на медных досках, выставленных перед рострами², чтобы законы были яснее видны. И децемвирам было дано в тот год высшее право в государстве, чтобы они и исправляли, и, если нужно, толковали законы и чтобы не применяли против них права провокации, как на остальных магистратов. И они сами обратили внимание на то, что чего-то не хватает в тех первых законах, и потому в следующий год добавили к имеющимся две другие таблицы. И по такому случаю законы были названы законами XII таблиц. Некоторые передают, что для издания законов децемвиры пользовались услугами некоего эфесца Гермодора, изгнанника, эмигрировавшего в Италию.

№2

ВИБОРИ І ДІЯЛЬНІСТЬ КОМІСІЇ ДЕЦЕМВІРІВ (ТІТ ЛІВІЙ, РИМСЬКА ІСТОРІЯ ВІД ЗАСНУВАННЯ МІСТА, III, 33-34)

В 302 г. после основания Рима [451 г. до н.э.] снова меняется форма правления, так как власть от консулов перешла к *децемвирам*, как раньше от царей к консулам... Были избраны Ап. Клавдий, Т. Генуций, П. Сестий, Л. Ветурий, Г. Юлий, Л. Манлий, П. Сульпиций, П. Куриаций, Т. Ромилиий, Сп. Постумий. Клавдию и Генуцию, которые были выбраны консулами на тот год, вместо одной почести была дарована другая, а равно Сестию, одному из консулов предшествовавшего года, так как он против воли товарища докладывал сенату об этом деле. К ним присоединены были трое, бывшие в качестве послов в Афинах: с одной стороны, чтобы почтить их за столь далекое путешествие, с другой стороны, в том предположении, что они, как люди, познакомившиеся с иноземными законами, будут полезны при составлении нового кодекса. Остальные послужили для пополнения числа десяти. Говорят, что при дополнительном голосовании избраны были люди зрелого возраста, чтобы с меньшим ожесточением сопротивлялись предложениям товарищей. Главенство в коллегии принадлежало Аппию, так как он пользовался расположением плебеев; и он до того изменил свой образ мыслей, что из сурового и ожесточенного преследователя плебеев сразу стал поклонником их и усердно искал народного расположения. В 10-й день каждый по очереди творил суд народу. И в тот же день руководивший судом имел 12 ликторов; в распоряжении остальных девяти товарищей было по одному курьеру...

В то время как знатные и незнатные одинаково пользовались этим быстрым и неподкупным судом, точно по решению оракула, децемвиры заботились и о составлении законов; ...выставив десять таблиц, они пригласили всех на собрание и предложили идти и читать законы..., [в которых они постарались уравнивать] права всех, знатных и незнатных... Пусть каждый обсудит каждый пункт, пусть посоветуются между собой, а затем изложат перед всеми, где и какие есть излишки или недостатки; тогда римский народ будет иметь законы, не предложенные другими и принятые с общего согласия, а как бы составленные им самим. Когда, согласно мнению народа, высказанному по поводу каждой статьи, законы 10 таблиц были признаны правильными, то они были проведены в центуриатных комициях; и по настоящее время среди массы нагроможденных один на другой законов они остаются источником всего уголовного и гражданского права. Затем распространяется молва, что недостает двух досок, с прибавлением которых может быть завершен сборник римского права...

№3

ЗАКОНИ XII ТАБЛИЦЬ

Таблица I

1. Если вызывают кого-нибудь на судоговорение, пусть вызванный идет. Если он не идет, пусть тот, кто вызвал, подтвердит свой вызов при свидетелях, а потом ведёт его насильно.
2. Если вызванный измышляет отговорки для неявки или пытается скрыться, пусть тот, кто его вызвал, наложит на него руку.

¹ Т.е. царские законы, включенные в Папириев сборник.

² Орагорская трибуна на форуме, которая впервые была украшена корабельными носами (rostra) после победы римлян в Латинской войне 338 г. до н.э. Отсюда и название.

3. Если препятствием для явки вызванного на судоговорение будет его болезнь или старость, пусть сделавший вызов даст ему вьючное животное (*jumentum*). Повозки (*arcega*), если не захочет, представлять не обязан.

4. Пусть поручителем на судоговорении за живущего своим хозяйством будет только тот, кто имеет своё хозяйство. За бесхозяйственного гражданина поручителем будет тот, кто пожелает.

5. *Nex... foreti, sanates*¹.

6. На чём договорятся, о том пусть истец и просит на судоговорении.

7. Если тяжущиеся стороны не приходят к соглашению, пусть они до полудня сойдутся для тяжбы на форуме² или на комициуме*. Пусть обе присутствующие стороны по очереди защищают своё дело.

8. После полудня магистрат утвердит требование той стороны, которая присутствует при судоговорении.

9. Если на судоговорении присутствуют обе стороны, пусть заход солнца будет крайним сроком судоговорения.

Таблица II

1. (Гай, Институции, IV, 14: По искам в 1 тыс. и более ассов взыскивался в кассу понтификов судебный залог в сумме 500 ассов, по искам на меньшую сумму — 50 ассов. Если спор шёл о свободе какого-нибудь человека, то, хотя бы его цена была наивысшей, однако, тем же законом предписывалось, чтобы тяжба шла о залоге за человека, свобода которого оспаривалась, всего лишь в размере 50 ассов.)

2. Если одна из таких причин, как ... тяжкая болезнь или совпадение дня судебного разбирательства с днём, положенным для обвинения кого-либо в измене, будет препятствовать судье, третьейскому посреднику или тяжущейся стороне явиться на судебное разбирательство, то таковое должно быть перенесено на другой день.

3. Пусть тяжущийся, которому недостает свидетельских показаний, идёт к воротам дома не явившегося на разбирательство свидетеля и в течение трех дней во всеуслышание вызывает к нему.

Таблица III

1. Пусть будут даны должнику 30 льготных дней после признания им долга или после постановления против него судебного решения.

2. По истечении указанного срока пусть истец наложит руку на должника. Пусть ведёт его на судоговорение для исполнения решения.

3. Если должник не выполнил добровольно судебного решения и никто не освободил его от ответственности при судоговорении, пусть истец ведёт его к себе и наложит на него колодки или оковы весом не менее, а, если пожелает, то и более 15 фунтов.

4. Во время пребывания в заточении должник, если хочет, пусть кормится за свой собственный счёт. Если же он не находится на своем содержании, то пусть тот, кто держит его в заточении, выдает ему по фунту муки в день, а при желании может давать и больше.

5. (Авл Геллий, Аттические ночи, XX, 1, 46: Тем временем, [т.е. пока должник находился в заточении], он имел право помириться с истцом, но если стороны не мирились, то такие должники оставались в заточении 60 дней. В течение этого срока их три раза подряд в базарные дни приводили к претору на комициум³ и при этом объявлялась присуждённая с них сумма денег. В третий базарный день они предавались смертной казни или поступали в продажу за границу, за Тибр.)

6. В третий базарный день пусть разрубят должника на части. Если отсекут больше или меньше, то пусть это не будет вменено им в вину⁴.

7. Пусть сохраняет свою силу навеки иск против изменника.

Таблица IV

1. (Цицерон, О законах, III, 8, 19: С такой же легкостью был лишён жизни, как по XII таблицам, младенец, отличавшийся исключительным уродством.)

2. Если отец трижды продаст сына, то пусть сын будет свободен от власти отца.

3. (Цицерон, Филиппики, II, 28, 69: Ссылаясь на законы XII таблиц, приказал своей жене взять принадлежащие ей вещи и, отняв у нее ключ, изгнал её.)

4. (Авл Геллий, Аттические ночи, III, 16, 12: Когда женщина ... родила на одиннадцатом месяце после смерти мужа, то из этого возникло дело, будто бы она зачала после того, как умер её муж, ибо децемвиры написали, что человек рождается на десятом, а не на одиннадцатом месяце.)

Таблица V

1. (Гай, Институции, I, 144-145: ...Даже совершеннолетние женщины вследствие присущего им легкомыслия должны состоять под опекою... Исключение допускалось только для дев-весталок, которых древние римляне в уважение к их жреческому сану освобождали от опеки.)

2. (Гай, Институции, II, 47: ...*res mancipi*⁵, принадлежащие женщине, находившейся под опекою агнатов⁶, не подлежали давности, за исключением лишь того случая, когда сама женщина передавала эти вещи с согласия опекуна.)

3. Как кто распорядится на случай своей смерти относительно своего домашнего имущества или относительно опеки над подвластными ему лицами, так пусть то и будет ненарушимым.

¹ *foreti et sanates* — источники не содержат данных для восстановления смысла отрывка. Высказывалось предположение, что *foreti et sanates* — это жители тех покорённых Римом общин, которые сдались с оружием в руках, но такое толкование не получило признания в литературе.

² Фóрум — центральная площадь в Риме между холмами.

³ Комициум (комиций) — место в Риме между форумом* и курией*, предназначенное для проведения народных собраний.

⁴ Ср. Авл Геллий (Аттические ночи, XX, 1, 48): «Если должник отдавался судом нескольким кредиторам, то децемвиры разрешали им, если они того пожелают, разрубить и разделить на части тело отданного им человека. Но я не читал и не слышал, чтобы в старину кто-нибудь был разрублен на части».

⁵ К *res mancipi* относились недвижимое имущество, рабы, тягловая сила. Их продавали, совершая особый обряд в присутствии пяти свидетелей.

⁶ Агнаты — члены большой отцовской семьи, находившиеся во власти главы семьи (*pater familias*), а также его кровные родственники по отцу и деду.

4. Если кто-нибудь, у кого нет подвластных ему лиц¹, умрёт, не оставив распоряжений о наследнике, то пусть его хозяйство возьмет себе его ближайший агнат.
5. Если у умершего нет агнатов, пусть оставшееся после него хозяйство возьмут его сородичи.
6. (Гай, Институции, I, 155: По закону XII таблиц опекунами над лицами, которым не было назначено опекуна по завещанию, являются их агнаты.)
 - 7а. Если человек впал в безумие, то пусть власть над ним самим и над его имуществом возьмут его агнаты или... сородичи.
 - 7б. (Ульпиан, I, 1 пр. D. XXVII, 10: ...расточителю воспрещалось управление принадлежащим ему имуществом.) (Ульпиан, Lib. sing. regul., 2: ...безумному и расточителю, на имущество которых наложено запрещение, надлежит стоять на попечении их агнатов.)
 - 8а. (Ульпиан, Lib. sing. regul., XL, I: Закон XII таблиц передавал патрону наследство после римского гражданина из вольноотпущенников в том случае, если последний, не имея подвластных ему лиц², умирал, не оставив завещания.)
 - 8б. (Ульпиан, I, 195, §1, D. L. 16: Говоря об отношениях между патроном и вольноотпущенником, закон XII таблиц указывает, что имущество вольноотпущенника переходит из той семьи в эту семью, причём в данном случае закон говорит о семье как совокупности отдельных лиц.)
 - 9а. (Гордиан, 1, 6, с. III, 36: ...имущество, состоящее в долговых требованиях умершего к другим лицам, непосредственно, [т.е. без выполнения каких-либо юридических формальностей], распределяется между сонаследниками в соответствии с их наследственными долями.)
 - 9б. (Диоклетиан, 1, 26, с. II, 3: ...долги умершего непосредственно разделяются между его наследниками соразмерно полученным ими долям наследства.)
10. (Гай, 1, 1, пр. D. X, 2: «Иск о разделе наследства основывается на постановлении закона XII таблиц».)

Таблица VI

1. Если кто заключает сделку самозаклада³ или отчуждения вещи в присутствии пяти свидетелей и весовщика (Mancipatio⁴), то пусть слова, которые произносятся при этом, почитаются ненарушаемыми.
2. (Цицерон, Об обязанностях, III, 16: По XII таблицам считалось достаточным представить доказательства того, что было произнесено при заключении сделки, и отказывавшийся от своих слов подлежал штрафу вдвое.)
3. (Цицерон, Тор., IV, 23: Давность владения в отношении земельного участка устанавливалась в два года, в отношении всех других вещей — в один год.)
4. (Гай, Институции, 1, 3: ...женщина, не желавшая установления над собой власти мужа фактом давностного с нею сожителства, должна была ежегодно отлучаться из своего дома на три ночи и таким образом прерывать годичное давностное владение ею.)
5. (Авл Геллий, Аттические ночи, XX, 17, 7, 8: Собственноручно отстоять свою вещь при судоговорении ... это значит наложить руку на ту вещь, о которой идет спор при судоговорении, т.е. иными словами, состязаясь с противником, ухватиться рукой за спорную вещь и в торжественных выражениях отстаивать право на неё. Наложение руки на вещь производилось в определенном месте в присутствии претора⁵ на основании XII таблиц, где было написано: «Если кто-нибудь собственноручно отстаивает свою вещь при судоговорении».)
6. (Павел, Fragm. Vatic., 50: Закон XII таблиц утвердил отчуждение вещи путём сделки, совершавшейся в присутствии 5 свидетелей и весовщика, а также путём отказа от права собственности на эту вещь при судоговорении пред претором.)
7. (Тит Ливий, III, 44: Защитники Вергинии требуют, чтобы Аппий Клавдий, согласно закону, им же самим проведенному, дал предварительное распоряжение относительно девушки в благоприятном для её свободы смысле.)
8. (Ульпиан, I, 1 пр. D. XLVII, 3: Закон XII таблиц не позволял ни отнимать, ни требовать как свою собственность украденные бревна и жерди, употребленные на постройку или для посадки виноградника, но предоставлял при этом иск в двойном размере стоимости этих материалов против того, кто обвинялся в использовании их.)
9. Когда же виноград будет срезан..., пока жерди не убраны.

Таблица VII

1. (Фест, De verb. signif., 4: Обход, [т.е. незастроенное место], вокруг здания должен быть шириною в 2½ фута.)
2. (Гай, 1, 13. D. X, 1: ...при иске о размежевании границ необходимо соблюдать указание закона XII таблиц, установленное как бы по примеру следующего законодательного распоряжения, которое, как говорят, было проведено в Афинах Солоном: если вдоль соседнего участка выкапывался ров, то нельзя было переступить границы, если ставить забор — то нужно отступать от соседнего участка на один фут, если — дом для жилья, то отступить на два фута, если копают яму или могилу, отступить настолько, насколько глубоко выкопана яма, если колодезь, — отступить на 6 футов, если сажают оливу или смоковницу, отступить от соседнего участка на девять футов, а прочие деревья — на 5 футов.)
3. (Плиний, Естественная история, 19, 4, 50: В XII таблицах не употреблялось совершенно слово «хутор»⁶, а для обозначения его пользовались часто словом hortus [огороженное место], придавая этому значение отцовского имущества.)
4. (Цицерон, О законах, 1, 21, 55: XII таблиц запрещали приобретение по давности межшириною в 5 футов.)
5. (Цицерон, О законах, 1, 21, 55: Согласно постановлению XII таблиц, когда возникает спор о границах, то мы производим размежевание с участием 3 посредников.)

¹ В тексте suus heres, возможен перевод: «У кого нет прямого наследника».

² В тексте suo herede, возможен перевод: «Не имея прямого наследника».

³ У Варрона (De lingua latina, VII, 105) сказано: «Nexus назывался свободный человек, отдавший себя в рабство за деньги, которые он был должен до тех пор, пока не выплатит этого долга».

⁴ Mancipatio — вид торговой сделки. Совершалась при пяти свидетелях и весовщике. Покупатель, держа кусок меди, по установленной формуле делал заявление о том, что вещь является его собственностью по праву квиритов, так как покупается за кусок меди, взвешенный на весах. После этого он бросал кусок меди на весы и передавал его продавцу якобы в качестве покупной цены.

⁵ Для V в. до н.э. надо иметь в виду преторов-консулов, так как должность претора-судьи появилась в Риме в 366 г. до н.э.

⁶ В тексте «villa», возможен перевод «имение».

6. (Гай, 1, 8. D. VIII, 3: ...ширина дороги по прямому направлению определялась в 8 футов, а на поворотах — в 16 футов.)
7. Пусть собственники придорожных участков огораживают дорогу, если они не убивают её камнем, пусть едет на выючном животном, где пожелает.
8. Если дождевая вода причиняет вред...
- 8б. (Павел, I. 5. D. XLIII, 8: Если протекающий по общественной земле ручей или водопровод причинял ущерб частному владению, то собственнику последнего давался иск на основании закона XII таблиц о возмещении убытков.)
- 9а. (Ульпиан, I, 1, §8. D. XLIII, 27: Закон XII таблиц приказывал принимать меры к тому, чтобы деревья на высоте 15 футов кругом обрезывались для того, чтобы их тень не причиняла вреда соседнему участку.)
- 9б. (Помпоний, I, 2, D. XLIII, 27: Если дерево с соседнего участка склонилось ветром на твой участок, ты... можешь предъявить иск об уборке его.)
10. (Плиний, Естественная история, XVI, 5, 15: Законом XII таблиц разрешалось собирать желуди, падающие с соседнего участка.)
11. (Юстиниан, I, 41. I. II, 1: Проданные и переданные вещи становятся собственностью покупателя лишь в том случае, если он уплатит продавцу покупную цену или обеспечит ему каким-либо образом удовлетворение его требования, например, представит поручителя или даст что-либо в виде залога. Так было постановлено законом XII таблиц.)
12. (Ульпиан, Lib. sing. regul., II, 4: Если наследователь делал следующее распоряжение: отпускаю раба на волю при условии, что он уплатит моему наследнику 10 тыс. сестерциев, то, хотя бы этот раб был отчуждён от наследника, он все-таки должен получить свободу при уплате покупателю указанной суммы. Так было постановлено в законе XII таблиц.)

Таблица VIII

- 1а. Кто злую песню распевает¹.
- 1б. (Цицерон, О государстве, IV, 10, 12: XII таблиц установили смертную казнь за небольшое число преступных деяний и в том числе считали необходимым применение её в том случае, когда кто-нибудь сложил или будет распевать песню, которая содержит в себе клевету или опозорение другого.)
2. Если причинит членовредительство и не помирится с потерпевшим, то пусть и ему самому будет причинено то же самое.
3. Если рукой или палкой переломит кость свободному человеку, пусть заплатит штраф в 300 ассов, если рабу — 150 ассов.
4. Если причинит обиду, пусть штраф будет 25.
5. Сломает, пусть возместит.
6. (Ульпиан, I, 1. пр. D. IX, 1: Если кто пожалуется, что домашнее животное причинило ущерб, то закон XII таблиц повелевал или выдать потерпевшему животное, причинившее вред, или возместить стоимость нанесенного ущерба.)
7. (Ульпиан, I, 14. §3. D. XIX, 5: Если жёлуди с твоего дерева упадут на мой участок, а я, выгнав скотину, скормлю их ей, то по закону XII таблиц ты не мог предъявить иска ни о потраве, ибо не на твоем участке паслась скотина, ни о вреде, причинённом животным, ни об убытках, нанесённых неправомерным деянием.)
- 8а. Кто заворожит посевы...
- 8б. (Апулей, Апология, 47: Эта самая магия, насколько мне известно, — занятие, порученное бдительности законов и уже издавна запрещенное XII таблицами из-за её таинственной власти над урожаем.)
- 8в. Пусть не переманивает на свой участок чужого урожая.
9. (Плиний, Естественная история, 18, 3, 12: ...Смертным грехом для взрослого было отравить или сжечь в ночное время урожай с обработанного плугом поля. XII таблиц предписывали такого обречённого богине Церере человека предать смерти. Несовершеннолетнего, виновного в подобном преступлении, по усмотрению претора или подвергали бичеванию, или присуждали к возмещению причинённого вреда в двойном размере.)
10. (Гай, I, 9, D. XLVII, 9: Законы XII таблиц повелевали заключить в оковы и после бичевания предать смерти того, кто поджигал строения или сложенные около дома скирды хлеба, если виновный совершил это преднамеренно. Если пожар произошел случайно, т.е. по неосторожности, то закон предписывал, чтобы виновный возместил ущерб, а при его несостоятельности был подвергнут более легкому наказанию.)
11. (Плиний, Естественная история, 17, 1, 7: За злостную порубку чужих деревьев виновный уплачивал по 25 ассов за каждое дерево.)
12. Если совершавший в ночное время кражу убит на месте, то пусть убийство его будет считаться правомерным.
13. При свете дня... если сопротивляется с оружием в руках, сзови народ².
14. (Авл Геллий, Аттические ночи, XI, 18, 8: Децемвиры предписывали свободных людей, пойманных в краже с поличным, подвергать телесному наказанию и выдавать головой тому, у кого совершена кража, рабов же наказывать кнутом и сбрасывать со скалы; но в отношении несовершеннолетних было постановлено: или подвергать их по усмотрению претора телесному наказанию, или взыскивать с них возмещение убытков.)
- 15а. (Гай, Институции, III, 191: По закону XII таблиц был установлен штраф в размере тройной стоимости вещи в том случае, когда вещь отыскивалась у кого-либо при формальном обыске или когда она была принесена к укrywателю и найдена у него.)
- 15б. (Гай, Институции, III, 192: Закон XII таблиц предписывает, чтобы при производстве обыска обыскивающий не имел никакой одежды, кроме полотняной повязки, и держал в руках чашу.)
16. Если предъявляется иск о краже, при которой вор не был пойман с поличным, пусть суд решает спор присуждением двойной стоимости вещи.
17. (Гай, Институции, II, 45: Законом XII таблиц запрещается приобретение краденой вещи по давности.)
- 18а. (Тацит, Анналы, VI, 16: Впервые XII таблицами было постановлено, чтобы никто не брал более одного процента в месяц, тогда как до этого бралось по прихоти богатых.)

¹ Кто злую песню распевает... — «в законе XII таблиц было постановлено наказывать палками за публичную брань» (Cornutus, Comment in Flacci Pelii Satyras). Сенека (Natur. quaest.): «И у нас в XII таблицах предписывалось не заклинять чужих плодов (т.е. урожая на деревьях)».

² Цицерон (Pro M. Tullio Oratio) писал: «...Он также сообщил мне постановление XII таблиц, которым разрешалось убить ночного вора, а также и дневного, оказывавшего вооружённое сопротивление (20.47). XII таблиц запрещают убивать дневного вора, если он, как сказано там, не защищается с оружием; поэтому не может быть убит тот вор, который принёс с собою оружие, но не пользовался им и не сопротивлялся; если же он оказывал сопротивление при задержании, то пусть потерпевший кричит, чтобы его услышали и сбежались на помощь» (там же, 21.50).

18б. (Катон, О земледелии, Предисловие, 1: Предки наши имели обыкновение и положили в законах присуждать вора к уплате двойной стоимости украденной вещи, ростовщика к взысканию в четырехкратном размере полученных процентов.)

19. (Павел, Libri V sentiarum, II, 12, 11: ...за вещь, сданную на хранение, даётся иск в двойном размере стоимости этой вещи.)

20а. (Ульпиан, I, 1 §2. D. XXVI. 10: Следует заметить, что обвинение опекуна в недобросовестном отправлении своих обязанностей вытекает из закона XII таблиц.)

20б. (Трифониан, I, 1, §55, D. XXVI. 7: В случае расхищения опекунами имущества их подопечного следует установить, не допустим ли в отношении каждого из этих опекунов в отдельности тот иск в двойном размере, который был установлен в XII таблицах против опекунов.)

21. Пусть будет предан богам подземным, [т.е. проклятию], тот патрон, который причиняет вред своему клиенту.

22. Если кто-либо участвовал при совершении сделки в качестве свидетеля или весовщика, а затем отказывается это засвидетельствовать, то пусть он будет признан бесчестным и утратит право быть свидетелем.

23. (Авл Геллий, Аттические ночи, XX, 1, 53: Уличённый в лжесвидетельстве сбрасывался с Тарпейской скалы¹.)

24а. Если брошенное рукою копье полетит дальше, чем целил, пусть принесёт в жертву барана.

24б. (Плиний, Естественная история, XVIII, 3, 12, 8-9: За тайное истребление урожая назначалась смертная казнь... более тяжкая, чем за убийство человека.)

25. (Гай, I, 236 pr. D. L. 16: Если кто-нибудь говорит об яде, то должен добавить, вреден ли он или полезен для здоровья, ибо и лекарства являются ядом.)

26. (Порций, Lampo. Decl. Im Catil., 19: Как мы знаем, в XII таблицах предписывалось, чтобы никто не устраивал в городе ночных сборищ².)

27. (Гай, I, 4. D. XLVII, 22: Закон XII таблиц предоставлял членам коллегий [сообществ] право заключать между собою любые соглашения, лишь бы этим они не нарушали какого-нибудь постановления, касающегося общественного порядка. Закон этот, по-видимому, был заимствован из законодательства Солона.)

Таблица IX

1-2. (Цицерон, О законах, III, 4, 11, 19, 44: Привилегий, [т.е. отступлений в свою пользу от закона], пусть не испрашивают. Приговоры о смертной казни римского гражданина пусть не выносят иначе, как в цензуриатных комициях... Преславные законы XII таблиц содержали два постановления, из которых одно уничтожало всякие отступления от закона в пользу отдельных лиц, а другое запрещало выносить приговоры о смертной казни римского гражданина иначе, как в цензуриатных комициях³.)

3. (Авл Геллий, Аттические ночи, XX, 17: Неужели ты будешь считать суровым постановление закона, карающее смертной казнью того судью или посредника, которые были назначены при судоговорении для разбирательства дела и были уличены в том, что приняли денежную мзду по этому делу?)

4. (Помпоний, I, 2, §23. D. 1. 2: Квесторы, присутствовавшие при исполнении смертных приговоров, именовались уголовными квесторами, о них упоминалось даже в законе XII таблиц.)

5. (Марциан, I, 3. D. XLVIII, 4: Закон XII таблиц повелевает предавать смертной казни того, кто подстрекает врага римского народа к нападению на Римское государство, или того, кто предаёт врагу римского гражданина.)

6. (Сальвиан, О правлении божьем, VIII, 5: Постановления XII таблиц запрещали лишать жизни без суда какого бы то ни было человека.)

Таблица X

1. Пусть мертвеца не хоронят и не сжигают в городе.

2. Свыше этого пусть не делают. Дров для погребального костра пусть топором не обтёсывают.

3. (Цицерон, О законах, II, 23, 59: Ограничив расходы на погребение тремя саванами, одной пурпуровой туникою и десятью флейтистами, закон XII таблиц воспретил также и причитания по умершим.)

4. Пусть на похоронах женщины щёк не царапают и по умершим не причитают.

5. (Цицерон, О законах, II, 23, 59: Пусть костей мертвеца не собирают, чтобы впоследствии совершить погребение, за исключением лишь того случая, когда смерть постигла на поле битвы или на чужбине.)

6а. (Цицерон, О законах, II, 23, 59: Кроме того, в законах устанавливаются ещё следующие правила: отменяется бальзамирование, умащивание рабов и питьё круговой чаши. «Без пышного окропления, без длинных гирлянд, без курильниц».)

6б. (Фест, De verb. signif., 154: В XII таблицах постановлено не ставить перед умершими напитков с миррою.)

7. (Если кто-нибудь был награжден венком или сам лично или за своих лошадей и рабов, выступавших на играх, или если венок был дан ему за его доблесть, то при его смерти не возбранялось возложить венок на умершего как у него дома, так и на форуме, равным образом его родным дозволялось присутствовать на похоронах в венках.)

8. А также золота с покойником пусть не кладут. Но если у умершего зубы были скреплены золотом, то не возбраняется похоронить или сжечь его с этим золотом.

9. (Цицерон, О законах, II, 24, 61: Закон запрещает без согласия собственника устраивать погребальный костер или могилу на расстоянии ближе чем 60 футов от принадлежащего ему здания.)

10. (Цицерон, О законах, II, 24, 61: Закон запрещает приобретать по давности место захоронения, а равно и место сожжения трупа.)

¹ Тарпейская скала (лат. Saxum Tarpeium) — название отвесной скалы в Древнем Риме, с западной стороны Капитолийского холма. С этой скалы сбрасывали осуждённых на смерть преступников, совершивших предательство, инцест, побег (рабов от хозяина). По легенде, название утёса происходит от имени Луция Тарпея, которого сбросили оттуда за выступление против царя Ромула. По другой легенде, Тарпеей звали весталку, дочь начальника Капитолийской крепости Спурия Тарпея, которая во время войны с сабинами показала врагам тайный ход и была сброшена со скалы. Последняя казнь состоялась при императоре Клавдии в 43 г., и позднее они были запрещены. В современном Риме Via di Monte Tarpeo ведёт от Капитолия к форуму, скала не сохранилась.

² В тексте — coetus. В противоположность законным собраниям — comitia, concilia.

³ Закон о провокации, согласно традиции, был внесен консулом 509 г. до н.э. Валерием Публиколой.

Таблица XI

1. (Цицерон, О государстве, II, 36, 36: Децемвиры второго призыва, прибавив две таблицы лицепрятных законов, между прочим санкционировали самым бесчеловечным законом запрещение браков между плебеями и патрициями.)

2. (Макробий, Sat., I, 13, 21: Децемвиры, которые прибавили две таблицы, предлагали народу утвердить исправление календаря.)

Таблица XII

1. (Гай, Институции, IV, 28: Законом был введён захват вещи в целях обеспечения долга, и по закону XII таблиц это было допущено против того, кто приобрел животное для принесения жертвы, не уплатил за него покупной цены, а также и против того, кто не представит вознаграждения за сданное ему в наём выючное животное, с тем условием, чтобы плата за пользование была употреблена им на жертвенный пир.)

2а. Если раб совершит кражу или причинит вред.

2б. (Гай, Институции, IV, 75, 76: Преступления, совершённые подвластными лицами или рабами, порождали иски об ущербе, по которым домовладыке или собственнику раба предоставлялось или возместить стоимость причинённого вреда, или выдать головою виновного... Эти иски установлены или законами или эдиктом претора. К искам, установленным законами, принадлежит, например, иск о воровстве, созданный законом XII таблиц.)

3. (Фест, De verb. signif. 176: Если приносит на судоговорение поддельную вещь или отрицает самый факт судоговорения, пусть претор назначит трех посредников и по их решению пусть возместит ущерб в размере двойного дохода от спорной вещи.)

4. (Гай, 3. D. XLIV, 6: Законом XII таблиц было запрещено жертвовать храмам ту вещь, которая является предметом судебного разбирательства; в противном случае мы подвергаемся штрафу в размере двойной стоимости вещи, но нигде не выяснено, должен ли этот штраф уплачиваться государству или тому лицу, которое заявило притязание на данную вещь.)

5. (Ливий, VII, 17, 12: В XII таблицах имелось постановление о том, что впредь всякое решение комиций* должно иметь силу закона.)

IV. БОРЬБА ПАТРИЦІВ І ПЛЕБЕІВ (494-287 рр. до н.э.)

№1

ПЕРША СЕЦЕСІЯ І ВИНІКНЕННЯ ТРИБУНАТУ (494 р. до н.э.) (ТІТ ЛІВІЙ, РИМСЬКА ІСТОРІЯ ВІД ЗАСНУВАННЯ МІСТА, II, 23-24; 32-33)

Кн. II, Гл. 23. ...С одной стороны, грозила война с *вольсками*, с другой — внутри государства царило несогласие вследствие непримиримой ненависти между *патрициями* и *плебеями*, преимущественно из-за связанных долговыми обязательствами. Последние громко роптали, что, сражаясь в чужих краях за свободу и власть, они находятся в плену и угнетении у сограждан, что свобода плебеев в меньшей опасности на войне, чем во время мира, и среди врагов, чем среди сограждан; и это раздражение... разожгло крайне несчастное положение одного человека. Какой-то старик... бросился на форум; одежда была запачкана грязью, ещё более жалкий вид имело тело его, по бледности и худобе похожее на скелет; отросшая борода и волосы делали выражение лица его диким. Но при всем таком безобразии его можно было узнать; говорили, что он был центурионом, упоминали... и о других его военных отличиях; сам он показывал раны на груди, свидетельствовавшие о нескольких доблестных сражениях. Когда окружавшая его толпа, очень похожая на *народное собрание*, спрашивала, откуда эта одежда и этот безобразный вид, он ответил, что задолжал, служа в сабинскую войну, так как вследствие опустошения поля потерял урожай, мало того, пожар истребил его дом, всё имущество было расхищено, скот угнан и в это тяжелое время потребован был взнос на военные потребности. Увеличившийся от процентов долг сперва лишил его отцовской и дедовской земли, затем и остального имущества, а наконец, точно тля, добрался и до тела: кредитор не только взял его в рабы, но отвел на работы в подземелье и предал на мучения. При этом он показал спину, обезображенную следами от недавно полученных ударов. Видя это и слыша его рассказ, народ поднимает страшный крик. И шум уже не ограничивается форумом, а распространяется по всему городу. Должники в оковах и без оков вырываются отовсюду на улицу и взывают к квиритам о защите. Всюду являются готовые следовать за мятежниками; везде многочисленные толпы по всем улицам с криком бегут на форум. Случайно находившиеся на форуме сенаторы, подвергаясь большой опасности, попали в эту толпу; и она дала бы волю рукам, если бы консулы П. Сервилий и Аппий Клавдий не поспешили явиться для подавления мятежа. Тогда толпа обратилась на них и начала указывать на оковы и обезображенный вид свой; ссылаясь на службу в разных местах, они говорили, что вот-де до чего дослужились. Гораздо более угрожая, чем прося, они требуют созвания сената и окружают курию, собираясь сами решать и руководить общественным советом. Лишь очень немногие сенаторы, случайно подвернувшиеся, были собраны консулами; прочие боялись показаться не только в курии, но и на форуме и по малочисленности сената не могло быть никакого совещания. Тогда народ решил, что над ним насмеются и затягивают дело; не явившиеся сенаторы отсутствуют-де не случайно и не из страха, а чтобы затормозить дело; сами консулы отстраняются и, несомненно, издеваются над их бедственным положением. И дело было уже близко к тому, что даже высокое звание консулов не сдержит раздражения толпы, как наконец сенаторы собираются, не зная, что рискованнее: медлить или идти; когда же, наконец, собрание курии было многолюдно, то ни сенаторы, ни даже консулы не могли прийти к соглашению между собой: Аппий, муж крутого нрава, полагал, что следует воспользоваться консульской властью: схватить одного-другого, и все успокоится; Сервилий, более склонный к кротким мерам, считал и более безопасным и более легким успокоить, а не сокрушить возбужденный народ.

II, 24. Тем временем появилась другая, бóльшая гроза: прискакали латинские всадники с страшной вестью, что вольски двигаются с армией осаждать город... Плебеи радовались, говоря, что боги являются карателями гордости патрициев, подстрекали друг друга не записываться в войско: лучше вместе погибать, чем поодиночке; пусть патриции служат, пусть берутся за оружие, чтобы одни и те же подвергались опасности войны и пользовались выгодами от неё! Между тем сенаторы, опечаленные и напуганные двойной опасностью — со стороны граждан и со стороны врагов, стали просить консула Сервилия, который лучше умел ладить с народом, спасти государство... Тогда консул, распустив сенат, является в *народное собрание*. Здесь он сообщает, что сенат озабочен улучшением положения народа; но обсуждению вопроса хоть и о бóльшей, но всё же о части государства помешал страх за всё государство. Да и невозможно, так как неприятель почти у ворот города, предпринять что-нибудь прежде войны; вме-

сте с тем если бы и последовало с этой стороны какое-нибудь облегчение, то и для плебеев не было бы почетно, что они взяли оружие за отечество лишь по получении награды, да и для патрициев неприлично, что они позаботились о бедственном положении своих сограждан под давлением страха, а не после, по доброй воле. Доверие к своей речи он вызвал эдиктом, которым запрещал кому бы то ни было держать римского гражданина в оковах или в заключении, лишая его тем возможности записаться у консулов в войско и владеть или продавать имущество воина, или докучать его детям или внукам, пока он находится в лагере. По издании этого распоряжения и бывшие налицо записывались в войско, и отовсюду со всего города бежали на форум для принесения присяги узники, вырвавшиеся из домов, так как право держать их было отнято у кредиторов. Таким образом составилась большой отряд, и доблесть и усердие его в войне с вольсками выделялось более всех других. Консул выводит войска против неприятеля и разбивает лагерь на небольшом расстоянии от него...

II, 32. Патрициями овладел страх, как бы в случае роспуска войска не начались опять тайные сходки и совещания. И вот, полагая, что так как воины давали присягу консулам, то она для них обязательна и теперь, хотя набор произведен был диктатором, они приказали вести войска из города под предлогом возобновления эквами военных действий. Это распоряжение ускорило мятеж. И сперва... шла речь об убиении консулов, чтобы освободиться от присяги; но, узнав, что никакое религиозное обязательство не уничтожается преступлением, они по совету некоего Сициния без позволения консулов ушли на Священную гору (она находится за Аниеном в 3 тыс. шагов от города; это предание более распространено, чем сообщаемое Пизоном, что удаление последовало на Авентинский холм); здесь без всякого вождя, укрепив лагерь валом и рвом, забирая с полей лишь необходимое для пропитания, они держались несколько дней спокойно, никем не задеваемые и не задевая никого. В городе распространилась сильная паника, и обоюдный страх держал всех в напряжённом состоянии: покинутые своими, плебеи опасались ярости патрициев, патриции боялись оставшихся в городе плебеев, не зная, чего лучше желать: чтобы они оставались или уходили?.. Что будет, если тем временем разразится какая-нибудь внешняя война? Тут, конечно, остается надежда лишь на согласие граждан! Правдой или неправдой, но его надо восстановить в государстве! Ввиду этого решено было отправить к плебеям посредником Менения Агриппу, человека, обладавшего даром слова и приятного плебеям, из среды которых он сам происходил. Допущенный в лагерь..., он сказал... следующее: «В то время, когда в организме человека не было такой гармонии, как теперь, а каждый член имел свою волю, свои речи, все части тела вознегодовали, что их хлопоты, их труды и услуги достают все для желудка, а он, сидя спокойно в середине, наслаждается доставляемыми ему благами; поэтому состоялось соглашение, чтобы руки не подносили пищу ко рту, рот не принимал предлагаемого, зубы не жевали; желая в раздражении своем усмирить желудок голодом, сами отдельные члены и все тело исхудали до крайности. Из этого выяснилось, что и служба желудка не лишена значения, что он столько же питается, сколько питает, так как возвращает во все части тела, распределяя равномерно по жилам изготовленную из съеденной пищи кровь, благодаря которой мы живы и сильны». Сравнивая, как похоже возмущение членов человеческого тела на раздражение плебеев против патрициев, он изменил настроение умов. Затем начались переговоры о примирении и дано было согласие на выставленное плебеями условие, чтобы у них были свои неприкосновенные магистраты¹, которые имели бы право подавать помощь против консулов, и чтобы никто из патрициев не мог занимать эту должность. ...Были избраны два народных трибуна — Г. Лициний и Л. Альбин. Они избрали себе трёх товарищей; в числе их был и Сициний, виновник удаления...

II, 33. ...Во время удаления плебеев вступили в консульство Сп. Кассий и Постум Коминий. При них заключен союз с латинскими народами. Для заключения его один из консулов остался в Риме, другой, посланный для ведения войны с вольсками, разбил и обратил в бегство антиатских вольсков и, преследуя их до города Лонгулы, овладел стенами его. Вслед за тем он взял Полуску, также вольсский город; а после того сделал ожесточенное нападение на Кориолы. В то время находился в лагере в числе знатнейших юношей Г. Марций, молодой человек, и умный и храбрый, прозванный впоследствии Кориоланом. Он случайно стоял на сторожевом посту, когда римское войско, осаждавшее Кориолы, сосредоточив своё внимание на запертых в городе гражданах, нисколько не опасалось войны с другой стороны, а между тем подверглось нападению вольских легионов, пришедших от Антия; в то же время осаждённые сделали вылазку из города. С отборным отрядом воинов он не только отразил нападение сделавших вылазку, но чрез открытые ворота мужественно ворвался в город, произвел резню в ближайшей части его и, схватив поспешно огонь², зажег здания, прилегавшие к стене. Крик горожан... прибавил храбрости римлянам и напугал вольсков... потому, что город, на помощь которому они пришли, был взят. Таким образом, антиатские вольски были разбиты, а город Кориолы завоёван. Этим отличием Марций настолько затмил славу консула, что совсем исчезло бы воспоминание о войне Постума Коминия с вольсками, если бы не оставался памятником договор с латинянами, вырезанный на бронзовой колонне и заключенный за отсутствием товарища одним Сп. Кассием. В том же году умер Менений Агриппа, всю жизнь свою пользовавшийся одинаковым расположением патрициев и плебеев, а после удаления сделавшийся ещё дороже плебеям. Этому посредника и третейского судью в восстановлении согласия среди граждан, посла патрициев к плебеям, вернувшего плебеев в город, не на что было похоронить; погребение было устроено плебеями, внесшими поголовно по 1/6 асса.

№2

АГРАРНЫЙ ЗАКОНОПРОЕКТ СПУРИЯ КАССИЯ (486 р. до н.е.) (ТИТ ЛІВІЙ, РИМСЬКА ІСТОРІЯ ВІД ЗАСНУВАННЯ МІСТА, II, 41)

Кн. II, Гл. 41. Затем консулами стали Спурий Кассий и Прокул Вергиний. С *герниками* заключен был договор; 2/3 полей у них было отнято. Половину их консул Кассий полагал разделить *латинянам*, а половину — *плебеям*. К этому дару он хотел присоединить часть общественного поля, с упреком указывая, что оно, будучи собственностью государства, находится в руках частных лиц. Многим *патрициям*, состоявшим владельцами этой земли, такая мера грозила опасностью для их капиталов; но беспокоились они и за государство, полагая, что своею щедростью консул создаёт могущество, опасное для свободы. Тогда в первый раз опубликован был аграрный закон, обсуждение которого в последующее время до наших дней всегда сопровождалось великим потрясением государства. Этой задаче воспротивился другой консул, опираясь на сенат и встречая противодействие со стороны не всех плебеев, которые сперва начали роптать, что дар этот теряет цену, делаясь общим для граждан и союзников; затем они неоднократно слышали в собрании предсказания консула Вергиния, что предлагаемый товарищем дар гибелен, что эти поля приведут к рабству их будущих владельцев, что они открывают путь к царской власти. С какой стати, в самом деле, было привлекать сюда же союзников и латинское племя? Какая иная цель была возвращать третью часть поля *герникам*, недавно бывшим врагами, как не та, чтобы эти народы вместо Кориолана считали вождем Кассия? И уже противник, мешавший проведению аграрного за-

¹ Посягнувший на трибуна считался посвященным богу подземного царства; становясь вне покровительства законов, он мог быть безнаказанно убит.

² Здесь не ясно, откуда взят был огонь; вероятнее всего, с какого-нибудь жертвенника или очага ближайшего дома.

кона, стал делаться популярным. Затем оба консула наперерыв друг перед другом стали угождать народу. Вергиний заявлял, что он допустит отвод полей лишь в том случае, если он будет произведён только гражданам; Кассий, стремившийся раздачею полей заслужить симпатии и союзников и потому не особенно угодивший гражданам, желая склонить их на свою сторону иным даром, приказал разделить народу деньги, вырученные от продажи сицилийского хлеба. Но плебеи отвергли этот дар, считая его не чем иным, как наличной платой за царскую власть: до такой степени вследствие зародившегося подозрения в домогательстве царской власти граждане презирали в душе его подарки, точно всё у них было в изобилии. Известно, что немедленно по сложении должности он был осуждён и казнён. Некоторые передают, что виновником казни его был отец; он, расследовав дело дома, высек и казнил сына, а имущество его посвятил Церере; на эти деньги была изготовлена статуя, и на ней вырезано: «Дар дома Кассиев». У других я нахожу известие..., что квесторы Цезон Фабий и Л. Валерий привлекли его к суду за государственную измену и он осуждён был судом народа, а дом его разрушен по распоряжению властей. Это — площадь, находящаяся перед храмом Земли. Во всяком случае, был ли то суд домашний или общественный, осуждение его состоялось в консульство Сервия Корнелия и Кв. Фабия.

№3

ЗАКОН ВАЛЕРИЯ І ГОРАЦІЯ (449 р. до н.е.) (ТІТ ЛІВІЙ, РИМСЬКА ІСТОРІЯ ВІД ЗАСНУВАННЯ МІСТА, ІІІ, 55)

Кн. ІІІ, Гл. 55. [Правление консулов Л. Валерия и М. Горация в 449 г. до н.э.], хотя и не сопровождалось обидами по отношению к патрициям, но все же возбуждало недовольство последних; ибо всякую меру, служившую к ограждению свободы плебеев, они считали умалением своего могущества.

Прежде всего, ввиду того, что представлялось спорным, обязательны ли для патрициев решения плебеев, они провели в центуриатных комициях закон, в силу которого решения трибутных комиций должны были быть обязательны для всего народа. Этот закон открыл трибунам широкую возможность вредить своими предложениями.

Затем другой консульский закон о праве протеста, этом единственном в своем роде средстве защищать свободу, уничтоженный *децемвирами*, они не только восстанавливают, но и закрепляют на будущее время, санкционируя новый закон, чтобы не были выбираемы магистраты без права протеста на них, а кто внесёт такое предложение, то чтобы того можно было убить и чтобы это убийство не считалось уголовным преступлением.

Обеспечив достаточно плебеев и правом протеста, и защитой трибунов, они восстановили и почти уже забытую неприкосновенность трибунов, возобновив после долгого промежутка некоторые церемонии; достигли они этого столько же религиозным путем, сколько установив закон, в силу которого оскорбивший народного трибуна, эдила или судью из коллегии десяти считался посвященным Юпитеру, а его имущество продавалось в пользу храма Цереры, Либера и Либеры. Юристы объясняют, что на основании этого закона никто не признаётся неприкосновенным, а только кто причинит вред кому-нибудь из упомянутых лиц, голова того посвящается Юпитеру; и так высшие магистраты подвергаются аресту эдила; хотя этот факт и представляется противозаконным, так как вред причиняется лицу, упомянутому в законе, но служит доказательством, что эдил не признается неприкосновенным; напротив, трибуны, при самом избрании их, были признаны неприкосновенными на основании клятвы, произнесенной всеми плебеями. Некоторые объясняли, что тот же самый Горациев закон ограждает и консулов, и преторов, избираемых при одних и тех же ауспигиях, как и консулы, ибо консул именуется судьей. Но это толкование опровергается тем, что в то время консула не именовали судьей, а претором. Таковы были законы, предложенные консулами.

Они же постановили, чтобы сенатские решения были доставляемы в храм Цереры¹ плебейским эдилом, тогда как прежде они были утаиваемы и подделываемы по произволу консулов.

Затем народ согласился на меру, предложенную народным трибуном Г. Дуилием, чтобы оставивший плебеев без трибунов и избравший магистрата без права протеста подвергался наказанию розгами и казни.

Все эти законы были проведены, хотя и против воли патрициев, но все-таки без протестов с их стороны, так как отдельные лица ещё не подвергались нападению.

№4

ЗАКОН КАНУЛЕЯ ПРО ШЛЮБИ І УСТАНОВЛЕННЯ ПОСАДИ «ВІЙСЬКОВІ ТРИБУНИ З КОНСУЛЬСЬКОЮ ВЛАДОЮ» (445 р. до н.е.) (ТІТ ЛІВІЙ, РИМСЬКА ІСТОРІЯ ВІД ЗАСНУВАННЯ МІСТА, ІV, 1, 2, 6)

Кн. ІV, Гл. 1. (1) Следовавшие затем консулы были Марк Генуций и Гай Курций. То был год [445 г. до н.э.] тревожный как внутри, так и вне государства. Уже в самом начале его народный трибун Гай Канулей обнародовал законопроект (2) о разрешении браков между патрициями и плебеями, законопроект, который, по мнению патрициев, должен был повлечь за собой осквернение крови их и смешение родовых прав. Вместе с этим трибуны возбудили вопрос, сначала скромно, о дозволении одного консула из плебеев, а потом дело дошло до того, что девять трибунов обнародовали законопроект (3) о предоставлении народу власти избирать консулов по своему усмотрению, из плебеев ли то или из патрициев. Патриции же были того мнения, что с утверждением подобного закона высшая власть не только разделится с людьми низшего сословия, но она прямо перейдет от первых лиц в государстве к простому народу.

(4) Поэтому-то они обрадовались, услышав об отпадении ардейского народа, обиженного отнятием у него земли, об опустошении границ римской территории вейентами и о волнении вольсков и эквов, по поводу возведения укреплений вокруг города Верруго: до такой степени патриции предпочитали хотя бы и неудачную войну унижающему достоинство их миру. (5) Итак, превеличив ещё более слухи о грозящих опасностях с целью заставить трибунов замолкнуть со своими требованиями среди говора о стольких войнах, сенат отдает приказ произвести набор и сделать заготовку военных снаряжений, не щадя средств, а если бы оказалось возможным, того и с большим напряжением сил, чем то было в консульство Тита Квинкция. Тогда Гай Канулей в коротких словах громко объявил в сенате, что консулы напрасно страшат плебеев, стараясь отклонить их от заботы о новых законах; что при жизни его им никогда не удастся произвести набора, пока народ не утвердит обнародованных им и его коллегами проектов, и за сим немедленно созвал народ на сходку.

¹ Храм Цереры — там находился архив плебеев, состоявший под надзором плебейских эдильов; таким образом, без ведома (и согласия) трибунов нельзя было провести ни одного постановления в сенате. Важно было доставление в плебейский архив копий с решений сената ещё потому, что в то время для действительности плебисцита нужно было утверждение сената.

IV, 2. (1) Одновременно консулы со своей стороны возбуждали сенат против трибуна, а трибунов в свою очередь возбуждал народ против консулов. Консулы говорили, что нет уже сил долгие сносить неистовства трибунов; что дело дошло до крайних пределов; что внутри государства возбуждается больше войн, чем вне его; (2) раз что-либо в государстве награждается, то всегда развивается с наибольшим успехом: этим объясняется появление достойных людей в мирное время, этим же объясняется появление подобных людей и на поле брани; (3) что в Риме высшие награды даются за мятежи и они всегда служили источником почёта как для отдельных лиц, так и для всех вообще. (4) Пусть-де припомнят, какое величие сената они сами унаследовали от отцов и какое думают передать своим детям; можно ли им будет, как плебеям, похвалиться, что оно возросло и вызывает к себе уважение в большей степени. Следовательно, нет конца смутам и не будет, пока почет виновников мятежей будет соответствовать степени удачи их. (5) Какие же и сколь важные дела задумал Гай Канулей? Он задумал произвести смешение родов, внести расстройство в государственные и частные ауспиции, чтобы не оставалось ничего чистого, ничего незапятнанного, чтобы, устранив всякое различие, никто не узнавал ни себя, ни своих. (6) Ведь какое же иное значение имеют смешанные браки, как не то, чтобы, чуть не наподобие диких зверей, плебеи и патриции вступали во взаимные сожительства? Чтобы полупатриций, полуплебей, человек, находящийся в разладе даже сам с собой, не знал, каково его происхождение, какой он крови, какие священнодействия он должен совершать? (7) Им кажется мало важным, что они вносят беспорядок во все божеские и человеческие установления: возмутители черни добиваются уже до консульства. И раньше они делали попытки к тому, чтобы один консул избирался из плебеев; но ограничивались только разговорами. А теперь предлагают формальный законопроект о предоставлении народу права избирать консулов, из кого он захочет, из патрициев ли то или из плебеев. А из плебеев, конечно, они имеют в виду выбирать самых отчаянных бунтовщиков: значит, консулами будут Канулеи да Ицилии. (8) Да не допустит же всеблагий и всемогущий Юпитер, чтобы власть с её царственным величием пала так низко! И мы, консулы, готовы скорее тысячу раз умереть, чем допустить столь великое унижение...

IV, 6. (1) Когда в свою очередь и консулы выступили с речами и дело от бесконечных разговоров перешло в пререкания, тогда на вопрос трибуна: почему плебею не подобает быть консулом? — (2) был дан ответ, хоть, может быть, и основательный, но принесший мало пользы в настоящем споре: потому-де, что ни один плебей не имеет права совершать ауспиции, вследствие чего и децемвиры решительно воспретили брак между двумя сословиями, чтобы не нарушалась строгость порядка ауспиций от участия в них лиц сомнительного происхождения. (3) Тут негодованию плебеев не было границ, потому что основанием для отказа в разрешении им совершать ауспиции приводилось как бы такое соображение, что плебеи ненавистны бессмертным богам. И благодаря тому, что плебеи на этот раз нашли в трибуне горячего борца за законопроект, да к тому же и сами не уступали ему в настойчивости, споры кончились тем, что патриции, вынужденные наконец уступить, согласились предложить на разрешение вопрос о браке в том, главным образом, (4) расчёте, что, вследствие этой уступки, трибуны или вовсе откажутся от борьбы за плебейских консулов, или будут ждать окончания войны, а народ, удовольствовавшись на этот раз получением права на брак с патрициями, не откажется от набора.

(5) Но, видя, какое громадное значение приобрел Канулей своею победою над патрициями и расположением к нему плебеев, другие трибуны тоже под влиянием соревнования вступают со всею энергией в борьбу за свой законопроект и продолжают противодействовать набору воинов, несмотря на то, что слухи о грозящей войне росли с каждым днем. (6) Консулы же, лишённые всякой возможности вследствие трибунских протестов действовать через сенат, стали на дому собирать старших сенаторов и там совещаться с ними. Все ясно видели, что им приходится отказаться от победы или в пользу врагов, или в пользу граждан. (7) Из бывших консулов в этих совещаниях не принимали участия только Валерий и Гораций. Гай Клавдий в своем мнении высказывался за то, чтобы консулы вооружились против трибунов; но оба Квинкция, Цинциннат и Капитолийский, высказывались против убийства и оскорбления лиц, которых по заключенному с плебеями договору они признали неприкосновенными. (8) Результатом этих совещаний было позволение избирать военных трибунов с консульскою властью совместно из патрициев и плебеев; касательно же избрания консулов решено было оставить всё без перемены. Этим удовлетворились трибуны, удовлетворились и плебеи. (9) Назначается день комиций для избрания трех трибунов с консульскою властью. Едва было сделано объявление об этих комициях, как тотчас же все, кто только когда-либо словом или делом хоть сколько-нибудь проявил себя мятежником, а в особенности бывшие трибуны, облекшись в одежду кандидатов, стали приставать к гражданам с просьбами подавать за них голоса и при этом бегали по всему форуму, (10) так что патриции держались в стороне сначала только вследствие неуверенности получить должность от настроенной против них толпы, но потом и вследствие негодования при мысли, что им придется отправлять должность с подобными людьми. В конце концов, однако, уступая настоянию влиятельнейших людей, патриции выступили в качестве соискателей из боязни, чтобы не подумали, что они отказались руководить делами государства. (11) Исход этих комиций показал, однако, что одно настроение господствует во время борьбы за свободу и почёт, другое — после прекращения борьбы, когда суждение не омрачено уже страстью. В самом деле, народ, довольный уже тем, что плебеи приняты во внимание, всех трибунов выбрал из патрициев. Где теперь можно было бы найти даже у одного человека такую скромность, беспристрастие и великодушие, какие были тогда у целого народа в совокупности?

№5

ЗАКОНИ ЛІЦІНІЯ І СЕКСТІЯ (375-367 рр. до н.е.) (ТІТ ЛІВІЙ, РИМСЬКА ІСТОРІЯ ВІД ЗАСНУВАННЯ МІСТА, VI, 35-36, 42)

Кн. VI, Гл. 35. (1) Огромная сумма долговых обязательств, казалось, представляла удобный случай произвести переворот, так как на облегчение этого бедственного положения плебеи могли надеяться, лишь поставив своих людей во главе управления; (2) к этой-де мысли следует подготовиться; попытки и мероприятия уже поставили плебеев на такую ступень, откуда при дальнейших усилиях можно достичь верха власти и сравняться с патрициями как доблестью, так и почётным положением. (3) В настоящий момент решено было назначить народных трибунов, чтобы, находясь в этой должности, они могли сами открыть себе путь к остальным должностям. (4) И вот выбранные в трибуны Гай Лициний и Луций Секстий [375 г. до н.э.] обнародовали законы, направленные всецело против силы патрициев и в пользу плебеев, один — относительно долговых обязательств, чтобы по вычете из капитала уплаченных процентов остаток был внесён в течение трех лет равными частями; (5) другой — относительно размеров поля, чтобы никто не владел более, чем 500 югеров; третий — чтобы не созывались комиции для выбора военных трибунов и чтобы одним из консулов был непременно плебей; все эти права были очень важны, и без ожесточенной борьбы их нельзя было добиться.

(6) Итак, на карту поставлено было зараз всё, до чего люди непомерно жадны, — земли, деньги, почести; напуганные этим, патриции на общественных и частных совещаниях обнаруживали лишь смущение и, не найдя другого средства, кроме испытанно-

го уже во многих предшествующих спорах протеста, вооружили против предложений трибунов их товарищей. (7) Увидев, что Лициний и Секстий приглашают трибы подавать голоса, они, сопровождаемые отрядом патрициев, не позволили ни прочесть предложения, ни совершить другое какое-нибудь действие, обычное при постановлении народного решения. (8) И уже много раз напрасно созывалось собрание, и предложения считались отвергнутыми; тогда Секстий сказал: «Хорошо, так как протест должен иметь большое значение, то этим самым оружием мы будем защищать плебеев. (9) Объявите-ка, отцы-сенаторы, комиции для избрания военных трибунов; я сделаю так, что не будет вам приятно это veto, которое вы теперь с таким удовольствием слышите из уст наших товарищей». (10) Не напрасными оказались эти угрозы: не состоялись ни одни комиции, кроме тех, на которых избирались плебейские эдилы и трибуны... Выбранные вторично в народные трибуны Лициний и Секстий не допустили выборов никаких курульных магистратов; и пять лет не было в городе магистратов, так как плебеи выбирали вновь двух трибунов, а эти не допускали комиции для выбора военных трибунов.

VI, 36. ... (10) Секстий и Лициний [избранные в 369 г. до н.э. народными трибунами в восьмой раз] с частью коллег и военным трибуном Фабием, многолетней практикой уже изошрившиеся влиять на настроение плебеев, вынуждали патрициев являться пред народом и надоедали отдельным лицам вопросами относительно вносимых к народу предложений: (11) решатся ли они требовать права владеть более чем 500 югеров, тогда как плебеям дают по два югера, так что каждый патриций владеет землей чуть не 300 граждан, а плебею едва дается достаточно места для необходимых построек или для могилы? (12) Угодно ли им, чтобы плебеи, опутанные ростовщичеством, вместо уплаты капитала без процентов предавали свои тела в оковы и на истязания, чтобы ежедневно толпы осужденных были уводимы с форума и наполняли узниками дома знатных, чтобы при жилище всякого патриция находилась частная тюрьма?..

VI, 42. ... (2) Избранные в десятый раз трибунами Секстий и Лициний [в 367 г. до н.э.] провели закон об избрании из плебеев части духовных децемвиров. Пять было выбрано из патрициев, пять — из плебеев; и казалось, что этот шаг открыл уже доступ к консульству. (3) Довольствовавшись этой победой, плебеи уступили патрициям, чтобы, не упоминая даже о консулах, были выбраны военные трибуны...

... (9) Дома последовал страшный мятеж; упорная борьба заставила диктатора и сенат принять предложения трибунов; несмотря на нежелание патрициев, состоялись консульские комиции, на которых Луций Секстий был избран первым плебейским консулом. (10) Но и на этом борьба не окончилась. Так как патриции отказывались утвердить избрание, то дело дошло почти до удаления плебеев и других угроз, обычных в гражданских распрях, (11) но наконец диктатор, предложив условия, усмирил несогласия: патриции сделали уступку плебеям относительно избрания плебейского консула, а плебеи — патрициям относительно избрания одного претора, который должен был творить суд в городе. Так после продолжительного озлобления водворилось наконец согласие между сословиями...

№6

СКАСУВАННЯ В РИМІ БОРГОВОГО РАБСТВА (326 р. до н.е.) (ТІТ ЛІВІЙ, РИМСЬКА ІСТОРІЯ ВІД ЗАСНУВАННЯ МІСТА, VIII, 28)

Кн. VIII, Гл. 28. (1) Для римских плебеев этот год [326 г. до н.э.] был как бы новым началом свободы, потому что уничтожено было рабство за долги; эта перемена в законах объясняется как необыкновенной жестокостью, так и распутностью одного ростовщика, (2) Луция Папирия, к которому за отцовские долги попал в кабалу Гай Публилий. Хотя возраст и красота последнего могли бы вызвать только сострадание, однако они воспламенили душу ростовщика к похоти и нанесению бесчестия. (3) Считая юность и красоту Гая Публилия дополнительным дивидендом на свой капитал, он пытался сначала соблазнить юношу неприличными речами; затем Папирий стал пугать его угрозами и постоянно напоминая ему о его положении; (4) наконец, видя, что юноша больше думает о свободе, чем о настоящем своем положении, он приказал раздеть его и высечь. (5) Но когда истерзанный таким образом юноша бросился на улицу и стал жаловаться на сладострастие и жестокость ростовщика, масса народа, негодуя на дурное с ним обращение, (6) частично из сострадания к его возрасту, частично принимая во внимание своё собственное положение и положение своих детей, устремилась на форум, а оттуда толпою в курию. (7) Внезапная суматоха заставила консулов созвать сенат, и народ, падая к ногам каждого из сенаторов, по мере того, как они входили в курию, показывал им истерзанную спину юноши.

(8) В этот день гнусное попрание прав одного человека привело к уничтожению крепких цепей долговой кабалы и консулам приказано было предложить комициям закон, чтобы никто не содержался в колодках или оковах, кроме действительных преступников, пока они не подвергнутся наказанию; (9) за долги же должно отвечать имущество должника, а не тело его. Таким образом закабаленные были освобождены, и запрещено на будущее время брать должников в кабалу...

№7

ПЛЕБІСЦИТ ОГУЛЬНІЙ ПРО НАДАННЯ ПЛЕБЕЯМ ПРАВА ОБИРАТИСЬ В ЖРЕЦЬКІ КОЛЕГІЇ (300 р. до н.е.) (ТІТ ЛІВІЙ, РИМСЬКА ІСТОРІЯ ВІД ЗАСНУВАННЯ МІСТА, X, 6)

Кн. X, Гл. 6. ... (2) В Риме успокаивала и облегчала народ отправка в колонии массы народонаселения. (3) Впрочем, повсеместному полному спокойствию помешали раздоры, посеянные народными трибунами, Квинтом и Гнеем Огульниями, между знатнейшими лицами в государстве из патрициев и плебеев. (4) Ища повсюду случая очернить патрициев перед плебеями, они, после других тщетных попыток, затеяли дело, которым задели не просто народье, (5) а самую верхушку плебеев, а именно тех, которые отправляли должности консулов и удостоились триумфа, и почестям которых недоставало только жречества, которое не было ещё общедоступным. (6) Поэтому, так как в то время было 4 авгура и 4 понтифика, и число жрецов желали увеличить, они обнародовали проект закона относительно прибавки 4 понтификов и 5 авгуров и избрания их из плебеев. (7) Каким образом число авгуров в этой коллегии могло дойти до четырех, я могу объяснить только смертью двоих из них, так как у авгуров существует неизменное правило, по которому число их должно быть нечётным с тем, чтобы три старинные трибы, Рамны, Тиции, Луцеры, имели каждая своего авгура, (8) или же увеличивали число авгуров, в случае надобности, так, чтобы они распределялись между тремя этими трибами поровну. Таким именно образом было увеличено число авгуров прибавкою к четырем прежним пятерых новых, что довело число их до девяти, и таким образом на каждую трибу приходилось их по три человека. (9) Впрочем, так как они должны были избираться из плебеев, то патриции отнеслись к этому делу с таким же почти недовольством, с каким встретили они предложение сделать общедоступной должность консула. (10) Они лицемерно уверяли, что это дело касается скорее богов, чем их; что боги сами позаботятся о том, чтобы их священные установления не подвергались поруганию, а что они, патриции, желают

только того, чтобы не приключилось с государством какой-нибудь беды. (11) Впрочем, сопротивление их было не особенно энергично, ибо они привыкли уже терпеть поражения в подобного рода борьбе; к тому же пред их глазами были противники, уже не стремящиеся только к достижению высоких, почетных должностей, на получение которых в былое время они с трудом могли рассчитывать, но уже достигшие всего того, за что ранее вели борьбу с сомнительной надеждой на успех, получавшие уже много раз должности консулов, цензоров и триумфы.

V. ДЕРЖАВА І АРМІЯ РИМСЬКОЇ РЕСПУБЛІКИ

№1

ПОЛБІЙ ПРО РИМСЬКИЙ ДЕРЖАВНИЙ ЛАД (ЗАГАЛЬНА ІСТОРІЯ, VI, 11-14)

Кн. VI, Гл. 11. ... Итак, в государстве римлян были все три правления, поименованные мною выше [т.е. аристократическое, демократическое и монархическое], причём все было распределено между отдельными властями и при помощи их устроено столь равномерно и правильно, что никто даже из туземцев не мог бы решить, аристократическое ли было всё управление в совокупности, или демократическое, или монархическое. Да это и понятно. В самом деле: если мы сосредоточим внимание на власти консулов, государство покажется вполне монархическим и царским, если на сенате — аристократическим, если, наконец, кто-либо примет во внимание только положение народа, он, наверное, признает римское государство демократией. Вот то значение, каким пользовалась тогда и, за немногими исключениями, пользуется до сих пор каждая из этих властей в римском государстве.

VI, 12. Консулы, пока не выступают в поход с легионами и остаются в Риме, вершат все государственные дела, ибо все прочие должностные лица, за исключением трибунов, находятся в подчинении у них и покорности; они также вводят посольства в сенат. Кроме того, консулы докладывают сенату дела, требующие обсуждения, и наблюдают за исполнением состоявшихся постановлений. Ведению консулов подлежат и все государственные дела, зависящие от решения народа: они созывают народные собрания, вносят предложения, они же исполняют постановления большинства. Далее, они имеют почти неограниченную власть во всем, что касается приготовлений к войне и вообще военных походов, ибо они властны требовать по своему усмотрению войска от союзников, назначать военных трибунов, производить набор солдат и выбирать годных к военной службе. Кроме того, они властны подвергнуть наказанию всякого, кого бы ни пожелали, из подчиненных им в военном лагере. Они вправе расходовать государственные деньги сколько угодно, так как за ними следует квестор, готовый исполнить каждое их требование. Поэтому всякий, кто обратит свой взор только на эту власть, вправе будет назвать римское государство... монархией, или царством. Высказанное здесь мнение сохранило бы свою силу и тогда, если бы в том, что мы сказали или скажем ниже, наступила какая-либо перемена.

VI, 13. Что касается сената, то в его власти находится прежде всего казна, ибо он ведает всякий приход, равно как и всякий расход. Так, квесторы не могут производить выдачи денег ни на какие нужды без постановления сената, за исключением расходов, требуемых консулами. Да и самый большой расход, превосходящий все прочие, тот, который употребляют цензоры каждые пять лет на исправление и сооружение общественных зданий, производится с соизволения сената, который и дает цензорам разрешение. Равным образом все преступления, совершаемые в пределах Италии и подлежащие расследованию государства, каковы: измена, заговор, изготовление ядов, злонамеренное убийство, ведает сенат. Ведению сената подлежат также все те случаи, когда требуется решить спор по отношению к отдельному лицу или городу в Италии, наказать, помочь, защитить. На обязанности сената лежит отправлять посольства к какому-либо народу вне Италии с целью ли замирения, или для призыва к помощи, или для передачи приказа, или для принятия народа в подданство, или для объявления войны. Равным образом от сената зависит во всех подробностях и то, как принять явившееся в Рим посольство и что ответить ему. Ни в одном деле из поименованных выше народ не принимает ровно никакого участия. Таким образом, государство представляется совершенно аристократическим, если кто явится в Рим в отсутствие консула. В этом убеждены многие эллины и цари, ибо все почти дела римлян решаются сенатом.

VI, 14. По этой причине не без основания можно спросить, какая же доля участия в государственном управлении остается народу, да и остается ли какая-нибудь, если сенату принадлежит решение всех перечисленных нами дел, если — и это самое важное — сенат ведает все доходы и расходы, если, с другой стороны, консулы имеют неограниченные полномочия в деле военных приготовлений и в военных походах. При всем этом остается место и для участия народа, даже для участия весьма влиятельного. Ибо в государстве только народ имеет власть награждать и наказывать, между тем только наградами и наказаниями держатся царства и свободные государства, говоря вообще, все человеческое существование. В самом деле, там, где или не сознается разница между наградой и наказанием, или хотя сознается, но они распределяются неправильно, никакое предприятие не может быть ведено правильно. Да и мыслимо ли это, если люди порочные оцениваются наравне с честными? Часто народ решает и такие дела, которые влекут за собою денежную пеню, если пеня за преступление бывает значительна, особенно если обвиняемыми бывают высшие должностные лица: смертные приговоры постановляет только народ. В этом отношении у римлян существует порядок, достойный похвалы и упоминания, именно: осуждаемым на смерть в то время, как приговор постановляется, они дозволяют согласно обычаю уходить явно, осудить себя на добровольное изгнание, хотя бы одна только треть из участвующих в постановлении приговора не подала ещё своего голоса. Местами убежища для изгнанников служат города: Неаполь, Пренесте, Тибур и все прочие, состоящие в клятвенном союзе с римлянами. Народ же дарует почести достойным гражданам, а это — лучшая в государстве награда за доблесть. Он же властен принять закон или отвергнуть его и — что самое важное — решает вопросы о войне и мире. Потом народ утверждает или отвергает заключение союза, замирение, договоры. Судя по этому, всякий вправе сказать, что в римском государстве народу принадлежит важнейшая доля в управлении и что оно — демократия.

№2

ПОЛБІЙ ПРО ОРГАНІЗАЦІЮ РИМСЬКОЇ АРМІЇ (ЗАГАЛЬНА ІСТОРІЯ, VI)

Кн. VI, Гл. 19. ...Когда консулы выбраны, избирают военных трибунов, причём четырнадцать избираются из числа тех, которые совершили уже пять годовых походов, а остальные десять — из тех, которые участвовали в десяти таких походах... Что касается остальных граждан, то они обязаны до 46-летнего возраста совершить десять походов в коннице или двадцать в пехоте, кроме тех, имущественный ценз коих ниже четырехсот драхм; эти последние все оставляются для службы во флоте. Впрочем, эти

граждане, если обстоятельства к тому вынуждают, обязаны совершить двадцать годичных походов в пехоте. Занять государственную должность никто не может прежде, чем не совершит десяти годичных походов.

Когда выбранные в консулы лица пожелают произвести набор, они обязаны заранее в народном собрании назначить день, в который должны явиться в Рим все римляне, достигшие положенного возраста. В назначенный день, когда явятся в Рим и затем соберутся на Капитолий обязанные военной службой люди, младшие военные трибуны, поставлены ли они народом или консулами, распределяются на четыре части, потому что у римлян четыре легиона составляют основное и первоначальное деление войска. Избранных первыми четырех трибунов они определяют в так называемый первый легион, трех следующих — во второй, дальнейших четырех — в третий и трех последних — в четвертый. Что касается трибунов старшего возраста, то двух первых они определяют в первый легион, трех других — во второй, двух следующих — в третий и трех последних — в четвертый.

VI, 20. По назначении и распределении трибунов так, что все легионы получают равное число начальников, трибуны потом размещаются вдали друг от друга по своим легионам и кидают жребий по трибам, вызывая одну за другою каждый раз согласно жребию. Из солдат первой по жребию трибы консулы выбирают четырех одинакового приблизительно возраста и сложения. Когда эти солдаты приблизятся к начальникам, из них выбирают прежде всего трибуны первого легиона, потом второго, далее третьего и наконец четвертого. Когда затем подойдет четверо следующих солдат, выбор начинают трибуны второго легиона и так далее, так что последними выбирают трибуны первого легиона. Когда вслед за сим подойдут новых четверо, первыми выбирают трибуны третьего легиона, а последними — второго. Так как в том же порядке выборы производятся от начала до конца, то выходит, что все легионы получают одинаковых солдат. Когда необходимое число солдат выбрано, определяется оно в 4200 человек пехоты или 5 тыс., если предвидится более трудная война; в старину набирали обыкновенно конницу уже после набора 4200 человек пехоты; теперь конницу набирают раньше по имущественному списку всадников, составленному цензором; на каждый легион набирается 300 конных воинов.

VI, 21. По окончании набора описанным выше способом подлежащие трибуны собирают новобранцев по легионам, из числа всех их выбирают пригоднейшего и требуют от него клятвы в том, что он будет повиноваться и по мере сил исполнять приказания начальников. Все прочие воины, выступая вперед один за другим, также принимают клятву, гласящую, что они будут во всем поступать так, как обязался первый.

В то же время новые консулы уведомляют власти тех италийских союзных городов, от коих желают получить вспомогательные войска, причём определяется количество солдат, назначается день и место, когда и куда должны явиться новобранцы. Города производят набор, приводят новобранцев к присяге приблизительно описанным выше способом и, давши им начальника и расходчика, отправляют в путь.

После того военные трибуны в Риме по приведении новобранцев к присяге назначают день и место, когда и куда солдаты каждого легиона должны явиться безоружными, и затем распускают их. Когда в назначенный день новобранцы соберутся, самых молодых из них и беднейших трибуны зачисляют в легковооруженные, следующих за ними — в так называемые гастаты, людей наиболее цветущего возраста — в принципы, а старейших — в триарии. Таковы у римлян и в таком числе деления каждого легиона, различающиеся не только по названиям и возрастам, но и по роду оружия. Распределение солдат производится таким образом: старейших, так называемых триариев, полагается 600 человек, принципов — 1200, столько же гастатов, а прочие, наимладшие, образуют разряд легковооруженных. Если число солдат превышает 4 тыс., соответственно изменяется распределение солдат по разрядам, за исключением триариев, число которых всегда остается неизменным.

VI, 22. Самым юным из солдат трибуны предписывают вооружаться мечом, дротиками и легким щитом. Щит сколочен крепко и для обороны достаточно велик. По виду он круглый и имеет три фута в поперечнике. Легковооруженные, кроме того, носят на голове гладкую шапку, иногда волчью шкуру или что-нибудь в этом роде как для покрытия головы, так и для того, чтобы дать отдельным начальникам возможность отличать по этому знаку храбрых в сражении от нерадивых. Древяк дротика имеет обыкновенно в длину два локтя и в толщину один дюйм. Наконечник его длиною в пядень и так тонок и заострен, что непременно гнется после первого же удара, и потому противник не может метать его обратно, иначе дротиком пользовались бы обе стороны.

VI, 23. Воинам второго возраста, так называемым гастатам, отдается приказание носить полное вооружение. В состав его прежде всего входит щит шириною в выпуклой части в два с половиною фута, а длиною в четыре фута; щит большого размера на одну пядень длиннее. Он сколочен из двух досок, склеенных между собою бычьим клеем и снаружи обтянутых сначала холстом, потом телячьей кожей. Далее, по краям сверху и снизу щит имеет железные полосы, которые защищают его от ударов меча и позволяют воину ставить его наземь. Щит снабжен ещё железною выпуклостью, охраняющею его от сильных ударов камней, сарис и всякого рода опасных метательных снарядов. Кроме щита, в состав вооружения входит меч, который носят у правого бедра и называют иберийским. Он снабжен крепким, прочным клинком, а потому и колет превосходно, и обеими сторонами наносит тяжелый удар. К этому нужно прибавить два метательных копья, медный щит и поножи. Копья различаются на тяжелые и легкие. Круглые тяжелые копья имеют в поперечнике пядень, четырехгранные — столько же в каждой стороне. Легкое копьё походит на рогатину средней величины, и его носят вместе с тяжелым. Длина древка в копиях обоюродо около трех локтей. Каждое древко снабжено железным наконечником с крючком такой же длины, как и древко. Наконечник соединяется с древком очень прочно а для дела весьма удобно, потому что его запускают в дерево до середины и укрепляют множеством заклепок, поэтому связь частей не нарушается от употребления никогда, разве изломается железо; между тем толщина наконечника в основании, там, где он соединяется с древком, всего полтора пальца. Вот какое внимание обращают римляне на связь частей копья. Помимо всего сказанного, они украшают шлем султаном, состоящим из трех прямых перьев красного или черного цвета почти в локоть длиною. Утвержденные на верхушке шлема перья вместе с остальным вооружением как будто удваивают рост человека и придают воину красивый и внушительный вид. Большинство воинов носит ещё медную бляху в пядень ширины и длины, которая прикрепляется на груди и называется нагрудником. Этим и завершается вооружение. Те из граждан, имущество коих определяется цензорами более, чем в 10 тыс. драхм, прибавляют к остальным доспехам вместо нагрудника кольчугу. Совершенно так же вооружены принципы и триарии с той только разницей, что триарии имеют копья вместо дротиков.

VI, 24. Во всех поименованных выше разрядах легиона, за исключением наимладших, трибуны выбирают во внимание к личным достоинствам по десяти человек в начальники отрядов; затем в каждом легионе производится новый выбор других десяти начальников. Все они называются центурионами, и один из них, выбранный первым центурионом, входит в состав военного совета. Центурионы в свою очередь выбирают сами такое же число помощников себе. Засим трибуны вместе с центурионами делят возрастные отряды, за исключением легковооруженных, каждый на десять частей, причём каждая часть получает из среды уже выбранных двух центурионов и двух помощников. Что касается легковооруженных, то падающее на легион количество их распределяется поровну между всеми частями. Отдельная часть носит у римлян название *ordo*, манипула, *vexillum*, а начальники их — центурионов и начальников отрядов. Начальники, каждый в своей манипуле, выбирают из всех воинов двух человек, самых

сильных и храбрых, в знаменосцы. Назначение двух начальников в каждом отряде имеет следующее основание: не зная, как будет действовать начальник, не случится ли с ним чего, между тем военное дело не допускает перерыва, римляне не желают оставлять манипулу когда бы то ни было без вождя и начальника. Если оба центуриона на месте, то один из них, выбранный первым, ведёт правое крыло манипулы, а выбранный вторым — левое; если один из центурионов отсутствует, то остающийся командует целой манипулой. От центурионов римляне требуют не столько смелости и отваги, сколько умения командовать, а также стойкости и душевной твердости, дабы они не кидались без нужды на врага и не начинали сражения, но умели бы выдерживать натиск одолевающего противника и оставаться на месте до последнего издыхания.

VI, 25. Равным образом и конницу римляне делят на десять эскадронов, турм, в каждом из них выбирают трёх начальников, которые сами назначают ещё себе троих помощников. Эскадронный начальник, выбранный первым, ведёт эскадрон, а два других имеют звание десятников; все трое называются декурионами. За отсутствием первого из них эскадроном командует второй. Вооружение конницы в наше время походит на эллинское. В старину первоначально конные воины не имели панцирей и шли в битву опоясанные передниками. Благодаря этому они легко и ловко спешивались и быстро снова вскакивали на лошадь, зато в стычках подвергались большой опасности, потому что дрались обнаженные. Употреблявшиеся тогда копья не пригодны были в двойном отношении: они были тонки и ломки, при взмахе большею частью ломались от самого движения лошадей, раньше ещё, чем наконечник копья упирался в какой-либо предмет, вот почему воины не могли попасть ими в цель. Потом копья делались с одним только наконечником на верхнем конце, благодаря чему воин наносил только один удар копьём, засим наконечник ломался, и копьё становилось совершенно негодным и ненужным. Римский щит изготовлялся из бычьей кожи, имел форму лепёшек с выпуклостью посередине, какие употребляются римлянами для жертвоприношений. Для отражения ударов щиты эти были неудобны по своей непрочности, к тому же от дождей кожа их портилась, сырела, и тогда они становились уже негодными да и без того не были удобны. Так как вооружение это оказалось непригодным, то римляне вскоре переняли вооружение от эллинов. Здесь первый уже удар верхним наконечником копья бывает обыкновенно меток и действителен, так как копьё сделано прочно и не гнётся; к тому же и нижний конец копья, которым можно повернуть его, наносит верный и сильный удар. То же самое и относительно щита, который у эллинов отлично приспособлен для отражения ударов, наносимых издали и вблизи. Римляне сообразили это и вскоре переняли эллинский щит. Так и вообще римляне оказываются способнее всякого другого народа изменить свои привычки и позаимствоваться полезным.

VI, 26. Когда таким образом разделение войска произведено и отданы распоряжения относительно оружия, трибуны отпускают граждан по домам. С наступлением срока, когда все воины в силу общей клятвы обязаны собраться в указанных консулами местах, — обыкновенно консул назначает место сборов для своих легионов, ибо каждому консулу предоставляются часть союзников и два римских легиона, — все неукоснительно являются, ибо для уклонения от присяги не существует никакого оправдания, за исключением знамений или непреодолимых препятствий. Когда вместе с римлянами соберутся и союзники, устроение их и начальство над ними принимают на себя назначенные консулами начальники в числе двенадцати человек, именуемые префектами. Из всех наличных союзников они прежде всего выбирают для консулов в конницу и пехоту наиболее годных к действительной службе, так называемых экстраординарии, что в переводе значит отборные. Общее число пеших союзников обыкновенно приравнивается к римской пехоте, а союзническая конница вдвое многочисленнее римской. Из них в разряд отборных начальники принимают около одной трети конницы и пятую часть пехоты. Остальных союзников они разделяют на две части, из коих одна называется правым крылом, другая левым.

По надлежащем завершении этого трибуны принимают под своё начальство римлян и союзников и начинают разбивать лагерь, всегда и везде неизменно соблюдая одни и те же правила в размещении войск. Поэтому, мне кажется, и теперь уже своевременно будет, если мы попытаемся дать читателям, насколько это возможно в письме, понятие о расположении римских войск в походе, в стоянке и в боевом строю...

VI, 27. Лагерь римляне устраивают следующим образом: всякий раз, как только площадь для лагеря выбрана, под консульскую палатку отводится место, наиболее удобное как для наблюдения за всем лагерем, так равно для отдачи приказаний. Водрузивши знамя там, где должна быть поставлена консульская палатка, вокруг знамени отмеривают четырехугольное пространство, причём каждая сторона его отстоит от знамени на сто футов, а отмеренная поверхность площади имеет четыре плетра. Всегда вдоль одной из сторон этого четырехугольника, той именно, с которой ожидается вернейшее обеспечение лагеря водою и припасами, римские легионы располагаются в таком порядке: в каждом легионе, как мы только что сказали, имеется по шести трибунов, а каждому из двух консулов подначальны всегда у римлян два легиона; ясно отсюда, что консула сопровождают в поход непременно двенадцать трибунов. Итак, все палатки трибунов ставят по прямой линии, параллельной отмеченной выше стороне четырехугольника и отстоящей от неё на пятьдесят футов, дабы иметь достаточно места для лошадей, вьючного скота и для прочих запасов трибунов. Упомянутая выше фигура находится позади палаток, которые обращены к наружной стороне четырехугольника; её-то раз навсегда мы и будем считать и называть лицевой стороной всего лагеря. Палатки трибунов находятся на равном расстоянии одна от другой и непременно на таком протяжении, что захватывают римские легионы во всю ширину.

VI, 28. Далее отмеривается ещё пространство в сто футов на всём протяжении палаток трибунов впереди их и начиная от прямой линии, которая ограничивает эту широкую площадь и идёт параллельно палаткам трибунов, возводятся стоянки легионов, причём поступают таким образом: намеченную выше прямую разделяют пополам, в точке деления проводят линию под прямым углом, вдоль которой по обеим сторонам размещают конницу двух легионов, одну против другой, на расстоянии пятидесяти футов, причём отвесная линия проходит как раз посередине промежутка. Палатки для конницы и для пехоты разбиваются приблизительно по одному и тому же способу, именно: всё пространство, занимаемое как манипулой, так и эскадроном, составляет четырехугольник. Фигуры манипулы и эскадрона лицевой стороной обращены к проходам и вдоль улиц имеют определенную длину — сто футов; обыкновенно стараются делать её такую же и в ширину, только не у союзников. Всякий раз, когда употребляются в дело легионы большего состава, соответственно тому увеличивается длина и ширина четырехугольников.

VI, 29. Так как стоянка конницы находится против средних палаток трибунов, то этим образуется нечто вроде полосы, идущей под прямым углом к только что упомянутой прямой и к площади перед трибунами. Дело в том, что все проходы между палатками имеют вид улиц, по обеим сторонам коих в длину размещены или манипулы, или эскадроны. Итак, в тылу конницы, о которой сказано выше, римляне помещают триариев обоих легионов, за каждым эскадроном — по манипуле, все теми же четырехугольниками, притом так, что все четырехугольники смежны между собою и триарии обращены лицом в сторону, противную от конницы. При этом ширина каждой манипулы триариев наполовину меньше длины, ибо и самый состав триариев обыкновенно наполовину малочисленнее прочих родов оружия. Вот почему, хотя число солдат часто бывает неодинаково в манипулах, тем не менее все манипулы одинаковой длины и разнятся только в ширине. Потом, на расстоянии пятидесяти футов от триариев обоих легионов, насупротив их располагаются принципы. Так как и эти последние обращены лицом к упомянутым выше свободным

промежуткам, то опять образуются две улицы; и они начинаются и открываются у той самой прямой линии, что и улицы конных воинов, именно от площади перед трибунами во сто футов ширины; оканчиваются эти улицы на стороне лагеря, противоположной трибунам, которую мы с самого начала приняли за лицевую сторону всего лагеря. Вслед за принципами, спиною к ним и лицом в противоположную сторону, помещаются гастаты в смежных стоянках. Так как согласно первому объяснению все части легиона имеют по десяти манипулов, то все улицы получают одинаковое протяжение и все оканчиваются у лицевой стороны лагеря; к ней же обращены и крайние манипулы.

VI, 30. Снова отступивши пятьдесят футов от гастатов, насупротив их располагается союзническая конница, начинаясь от той же самой прямой линии, что и гастаты, и у одной с ними кончаясь. Число союзников, как я сказал выше, в пехоте такое же, как и в римских легионах, за вычетом отборных; союзническая конница вдвое многочисленнее римской, даже за вычетом третьей части, составляющей отборную конницу. Соответственно большему составу увеличивают ширину стоянки союзнической конницы, но длину стараются сохранить за ними одинаковую с римскими легионами. Когда все пять проходов образовались, помещают манипулы союзнической пехоты соответственным расширением их стоянки, в направлении, обратном тому, в каком стоит конница, так что эти манипулы обращены лицом к валу и к обоим боковым сторонам лагеря. В каждой манипуле в обеих частях лагеря первые палатки занимают центурионы. Разбивая лагерь вышеописанным способом, римляне при этом оставляют с обеих сторон между шестым и пятым эскадронами промежутков в пятьдесят футов; то же самое и в манипулах пехоты. Благодаря этому получается новый проход посередине лагеря, поперек пересекающий вышеупомянутые улицы и параллельный палаткам трибунов. Его называют пятым, *quintana*, так как он тянется вдоль пятых отрядов.

VI, 31. Пространство, находящееся в тылу палаток трибунов и с обеих сторон прилегающее к стоянке консула, отводится с одной стороны под площадь, с другой — под квартиру квестора с находящимися при нем запасами. Позади крайних палаток трибунов по обоим сторонам их и как бы под углом к ним располагаются конные воины, выделенные из отборных, и часть добровольцев, идущих в поход из расположения к консулам; все они находятся у боковых сторон лагеря и обращены по одной стороне к квартире квестора, по другой — к площади. Обыкновенно эти воины не только в лагере помещаются вблизи консулов; они и в походах, и всегда, когда нужно, находятся при консуле или квесторе и оказывают им всевозможные услуги. Спиною к этой коннице, лицом к валу расположены пешие воины, обязанные такою же службой, как и те конные. Тотчас за ними оставлен свободный проход во сто футов шириною, параллельный палаткам трибунов, тянущийся по другую сторону площади, консульской квартиры, квесторской, вдоль всех поименованных выше частей лагеря.

По верхней стороне этого прохода расположены стоянки отборной союзнической конницы, обращенные к площади, к консульской квартире и квесторской. Посередине стоянки этой конницы прямо против консульской палатки оставляется проход в пятьдесят футов, ведущий к оборотной стороне лагеря под прямым углом к только что помянутой широкой улице. Далее, позади этой конницы занимает место отборная пехота союзников, лицом к валу и к задней стороне всего лагеря. Остающееся по обоим сторонам её свободное пространство у боковых сторон лагеря отводится для иноземцев и случайно прибывающих союзников.

При таком расположении весь лагерь имеет вид равностороннего четырехугольника, а проложенные в нём улицы и прочее устройство уподобляют его городу. Палатки со всех сторон удалены от вала на двести футов. Это свободное пространство доставляет большие и разнообразные удобства. Так, оно весьма пригодно для вступления в лагерь войск и выступления из него, ибо отдельные части, каждая своей улицей, выходят к этому свободному пространству, и потому солдаты не сталкиваются на одной дороге, не опрокидывают и не топчут друг друга. Сюда же римляне уводят захваченный скот, сносят взятую у неприятеля добычу, что и находится здесь под верной охраной в ночную пору. Но — что самое важное — благодаря этому к солдатам, за весьма редкими исключениями, не долетают при ночных нападениях ни огонь, ни метательные снаряды: все это на значительном расстоянии от палаток не причиняет солдатам почти никакого вреда.

VI, 32. Когда определена численность пехоты и конницы по двоякому расчету, состоит ли каждый легион из четырех или из пяти тысяч человек, когда показаны также ширина, длина и численный состав манипул, когда, наконец, определены величина промежуточных проходов и широких улиц и выяснены все прочие подробности, всякий желающий легко может определить размеры занимаемого лагерем пространства и весь объем стоянки. Если только число союзников бывает больше обыкновенного с самого ли начала похода или потом с присоединением случайных союзников, тогда этим последним римляне отводят, сверх того помещения, о котором сказано выше, ещё и свободные места близ консульской палатки, причём сокращается, насколько возможно, то пространство, которое назначается под площадь и квартиру квестора. Союзникам, участвующим в походе с самого начала, если число их слишком велико, римляне отводят ещё одну полосу справа и слева римских легионов параллельно боковым сторонам лагеря — и это сверх мест, уже раньше отведенных. Если все четыре легиона с обоими консулами во главе соединены бывают в одной стоянке, то их следует представлять себе не иначе, как в виде двух армий, которые расположены только что описанным способом и обращены в противоположные стороны, причём армии соприкасаются между собою теми частями, которые заняты отборными войсками обоих легионов, теми самыми войсками, которые по нашему описанию обращены лицом к тылу всего лагеря. Тогда фигура стоянки получается удлинненная, площадь её увеличивается вдвое, а вся окружность — в полтора раза. Так устраивается лагерь всегда в том случае, если оба консула имеют общий лагерь. Если же они располагаются отдельно, всё остается в том же виде, только площадь, квартира квестора и палатка консула помещаются в середине между двумя армиями.

VI, 33. По устройении лагеря трибуны собираются вместе и приводят к присяге одного за другим всех свободных и рабов. Присяга гласит: «Ничего не воровать из стоянки и доставлять трибунам всё, что бы кто ни нашел». Вслед за этим трибуны назначают в каждом легионе две манипулы из принципов и гастатов для содержания в порядке площади перед палатками трибунов. Так как огромное большинство римлян проводит всё время дневного пребывания в лагере на этой улице, то они постоянно следят за тем, чтобы она тщательно поливалась и чистилась. Что касается прочих восемнадцати манипул, то каждый трибун получает по жребию три из них; как мы только что объясняли, на какое именно число манипул делятся гастаты и принципы в каждом легионе, а трибунов в легионе шесть, каждая из трёх манипул по очереди исполняет при трибуне следующего рода службу: по разбивке лагеря она ставит палатку трибуна, вокруг неё расчищает место и, если бы ради сохранности потребовалось огородить часть вещей трибуна, обязана позаботиться и об этом. Эти же манипулы доставляют два сторожевых поста из четырёх человек каждый; двое из них исполняют сторожевую службу перед палаткой, а двое других — позади её при лошадях. Так как в распоряжении каждого трибуна находятся три манипулы, а в каждой манипуле числится более ста человек, не считая триариев и легковооруженных, — эти подобной службы не несут, — то служба их не тяжела, потому что каждая манипула исполняет её лишь через три дня на четвертый; между тем она доставляет необходимые удобства трибунам и придает почёт и значение их званию. Манипулы триариев освобождаются от службы при трибунах; зато каждая из них ежедневно доставляет стражу стоящему за ней эскадрону. Всё подлежит надзору стражи; но больше всего она наблюдает за лошадьми из опасения, как бы они не запутались в веревках и не сделались через то негодными к службе, как бы они не сорвались с привязей, не кинулись одна на другую и не произвели бы в стоянке

шума и смятения. Наконец, ежедневно по очереди одна из всех манипул находится при консульской палатке как для охраны консула от покушений, так и для придания важности его званию.

VI, 34. Что касается проведения рва и сооружения вала, то работы эти с двух сторон лагеря, с тех именно, на которых помещаются оба крыла союзников, возлагаются на союзников; на двух других сторонах, по легиону на каждой, работают римляне. Работа на каждой из сторон лагеря распределяется между манипулами, наблюдают за нею по отдельным участкам центурионы, а общая оценка работы по всей линии производится двумя трибунами.

На трибунах же лежат и все прочие заботы о стоянке, именно: в течение шести месяцев трибуны чередуются по двое, которым и принадлежит власть в двухмесячный промежуток времени; те же самые трибуны, на коих пал жребий, стоят во главе войска и на поле сражения. Точно так же очередь в командовании соблюдается и среди префектов союзников. На рассвете всадники и центурионы вместе являются к палаткам трибунов, а трибуны — к консулам. Консул отдаёт все нужные приказания трибунам, трибуны сообщают их всадникам и центурионам, а эти последние, когда приходит пора исполнить приказания, передают их остальному войску.

Во избежание ошибки в передаче ночного пароля римляне поступают так: в каждом роде оружия, в десятой манипуле или эскадроне, занимающем крайнее место в полосе, выбирается один солдат, освобождаемый от службы на сторожевом посту. Ежедневно с заходом солнца он является к палатке трибуна, получает пароль, который начертан на дощечке, и удаляется обратно. По возвращении к своему отряду солдат при свидетелях вручает дощечку с паролем начальнику ближайшего отряда, а тот таким же образом — следующему. Так точно поступают и все прочие начальники, пока пароль не достигает первых отрядов, ближайших к трибунам. Табличка должна быть возвращена трибунам ещё засветло. Если возвращены все выданные таблички, трибун знает, что пароль объявлен всем отрядам, что он обошел всех прежде, чем вернуться к нему. Если какой-нибудь таблички недостает, трибун тотчас производит расследование, зная по надписям, от какого отряда табличка не поступала, и виновный в задержании таблички подвергается установленному наказанию.

VI, 35. Ночную стражу римляне устраивают так: консула и палатку его охраняет расположенный подле манипул, а палатки трибунов и эскадроны конницы — выделенные из каждой манипулы отряды, о чём сказано выше. Точно так же имеется стража при каждой манипуле; её поставляют из своей среды все солдаты отряда. Прочие сторожевые посты назначает консул. Обыкновенно при квесторе бывает три сторожевых поста, а при каждом из легатов и советников — по два. Наружная сторона лагеря занята легковооружёнными, которые стоят на страже вдоль всего вала изо дня в день. Такова возлагаемая на них служба. Они охраняют и лагерные ворота, располагаясь по десяти человек у каждых ворот. Младшие начальники манипул приводят вечером к трибуну по одному от всех сторожевых постов тех солдат, назначенных в стражу, которые исполняют первую смену. Всем этим солдатам трибуны выдают таблички со значками, очень маленькими, по одной на сторожевой пост; по получении табличек солдаты отправляются на свои посты.

Объезд сторожевых постов доверяется коннице. Первый центурион в каждом легионе обязан ранним утром отдать приказание одному из своих помощников, дабы до завтрака ещё уведомлены были четыре солдата его собственного эскадрона, которые должны совершить объезд. Потом, к вечеру, он же обязан дать знать начальнику ближайшего эскадрона, что на следующий день его очередь наряжать объезд. По получении уведомления третий начальник обязан распорядиться о том же на третий день, и так далее. Четыре солдата первого эскадрона, которых выбрали помощники центуриона в объезд, по жребию распределяют между собою сторожевые смены, затем отправляются к трибуну и получают от него расписание о том, в какие часы и сколько сторожевых постов им нужно объехать. После этого четыре солдата располагаются на страже подле первой манипулы триариив, на обязанности центуриона коего лежит подавать сигнал трубою каждой смене стражи.

VI, 36. Когда приходит пора, конный солдат, попавший по жребию в первую смену, начинает объезд совместно с несколькими друзьями в качестве свидетелей. Он объезжает все упомянутые посты, не только те, что стоят у окопов и лагерных ворот, но и все те также, что подле манипул и эскадронов. Если стражу первой смены он найдёт бодрствующею, то отбирает от неё табличку, если застанет её спящею или не найдёт кого-либо из стражи на месте, то зовет спутников своих в свидетели и едет дальше. Точно так же поступают объезды и следующих смен. Ежедневная забота о том, чтобы каждая смена возвещалась сигнальной трубой и через то получалось согласие между дозором и сменой, лежит, как у только что сказал, на центурионах первой манипулы триариив обоих легионов.

Каждый дозор на рассвете доставляет трибуну дощечку. Если дощечки сданы все, столько, сколько было взято их, дозорщики удаляются обратно и никто не отвечает. Если же кто из них возвращает дощечек меньше, чем сколько сторожевых постов, то по начертаниям на дощечках трибун узнаёт, от какого поста дощечка не доставлена. Когда этот пост обнаружен, трибун велит позвать соответствующего центуриона, а этот последний вызывает наряженных на стражу солдат, которым и дается очная ставка с дозором. Если вина падает на стражу, дозорщик тут же и доказывает её при помощи свидетельских показаний своих спутников: он обязан сделать это, ибо в противном случае обвинение падет на дозор.

VI, 37. Тотчас собирается совет трибунов, который и судит. В случае обвинения виновный подвергается наказанию палками. Наказание это производится приблизительно так: трибун берет палку и ею как бы только касается осуждённого; вслед за этим все легионеры бьют его палками и камнями. Наказуемых забивают большею частью до смерти тут же, в самом лагере, а если кто-нибудь и выходит ещё живым, то не на радость себе. Да и какая ему радость, если возврат на родину ему не дозволен и никто из родственников не осмелится принять такого человека к себе в дом. Поэтому, раз постигло кого подобное несчастье, он погиб бесповоротно. Та же участь угрожает помощнику центуриона или самому центуриону, если они своевременно не дали надлежащих указаний: первый — дозорщикам, второй — начальнику ближайшего эскадрона. Благодаря беспощадной строгости наказания ночная охрана у римлян исполняется неукоснительно.

Солдаты обязаны повиноваться трибунам, а трибуны — консулам. Во власти трибуна или у союзников префекта налагать денежную пенью, брать в залог, сечь розгами. Наказанию палками подвергается также тот, кто утащит что-либо из лагеря, даст ложное показание, а также молодой человек, провинившийся в мужеложстве, наконец, всякий, кто трижды был наказан за одну и ту же вину. Таковы деяния, наказуемые у римлян как преступления. Трусостью и позором для солдата римляне почитают проступки вот какого рода: если кто ради получения отличия ложно припишет себе перед трибунами долбестный подвиг, потом, если кто из трусости покинет пост, на который он поставлен, или тоже по трусости бросит какое-либо оружие в пылу битвы.

Вот почему иные солдаты, стоя на посту, обрекают себя на верную смерть и в виду гораздо более многочисленного неприятеля не решаются покинуть свои посты из страха наказания, которое ждёт их по возвращении с поля битвы. Другие, потерявши в сражении щит или меч, или какое-нибудь иное оружие, кидаются, как безумные, в ряды неприятелей или в надежде обрести потерянное, или в сознании, что только смерть может избавить их от неизбежного позора и обид от своих же товарищей.

VI, 38. Если иной раз попадает в одну и ту же беду довольно большое число солдат, если под натиском неприятеля целые манипулы покидают свои места, то римляне не имеют обыкновения подвергать наказанию палками или смертью всех виновных. Выход из этого положения они находят в одно и то же время и удобный, и устрашающий, именно: трибун собирает легион, вперед выводит солдат, покинувших свои места, и жестоко укоряет их, а затем из числа всех, проявивших трусость, выбирает по жребию пять — десять — двадцать человек, словом, в каждом случае столько, чтобы получилось около десятой доли всех виновных, и тогда тех, на кого падает жребий, подвергает беспощадному наказанию палками, как оно описано нами только что, остальным велит выдавать положенную меру ячменя вместо пшеницы, палатки их приказывает ставить за окопами, ограждающими лагерь. Так как страх и опасность попасть под жребий, решение которого неизвестно, висят одинаково над всеми, так как, далее, никто не обеспечен от позора получать в пищу ячменный хлеб, то такой обычай составляет невероятно действенную меру и устрашения солдат, и восстановления понесённых потерь.

VI, 39. Прекрасно также умеют римляне возбуждать отвагу в солдатах. Так, если было какое дело и некоторые солдаты отличились в нём храбростью, консул созывает в собрание всё войско и ставит подле себя тех солдат, которым молва приписывает выдающиеся подвиги. Сначала он произносит похвальное слово о заслугах каждого воина отдельно и обо всём, что было в его жизни достойного доброй памяти, затем дарит солдату, ранившему неприятеля, копье, солдату, убившему врага и снявшему с него доспехи, дарит чашу, если он пеший, или конскую сбрую, если конный; прежде, впрочем, дарилось только копье. Однако награды даются не тогда, когда воин ранил нескольких врагов или снял с них доспехи в правильной битве или при взятии города, но тогда только, когда враги ранены или убиты в лёгкой стычке и вообще при таких обстоятельствах, которые нисколько не обязывали отдельных воинов отваживаться на опасность и в которых солдаты по доброй воле и собственному побуждению шли в дело. Золотым венком консул награждает солдат, которые при взятии города первые взойшли на стену. Он отличает наградами и тех из римлян или союзников, которые в битве прикрыли кого-либо щитом и тем спасли его. Спасенные также награждают своих спасителей венком или по собственному побуждению, или, если этого не сделают, то по судебному приговору трибунов. Да и во всю жизнь спасенный чтит своего спасителя, как отца, и обязан угождать ему во всём, как родителю. Такого рода поощрения возбуждают к соревнованию в военной доблести не только свидетелей и очевидцев, но и остающихся дома граждан. Ибо солдаты, удостоенные подобных наград, помимо того, что слава о них идёт в лагере и теперь же достигает родины, участвуют в торжественных процессиях со знаками отличия; носить подобные украшения может тот лишь, кого консул наградил ими за доблесть; в домах своих они кладут снятые с неприятелей доспехи на самых видных местах, как памятники и свидетельства своей доблести. При столь внимательном и заботливом отношении к военным наградам и наказаниям неудивительно, если военные предприятия римлян увенчиваются блестящими успехами.

Что касается жалования, то пешие воины получают в день два обола, центурионы — вдвое больше, а конные воины — по драхме. Хлебом пешие воины получают около двух третей аттического медимна пшеницы на месяц, конные воины — по семи медимнов ячменя и по два пшеницы, союзники же пешие получают столько, как и пешие римляне, а конница — по одному медимну с третью пшеницы и по пяти медимнов ячменя. Содержание это выдается союзникам в дар; с римлян квестор вычитает по установленной цене из жалованья за хлеб, одежду, за оружие, если кто нуждается в нём.

VI, 40. Снятие со стоянки производится у римлян так: с первым сигналом все разбирают палатки и складывают пожитки; при этом никому не дозволяется снять, также как и раскинуть, свою палатку раньше палаток трибунов и консула. По второму сигналу солдаты выючат животных, с третьим сигналом передние ряды снимаются с места и весь лагерь приходит в движение. Обыкновенно во главе движения римляне ставят отборных; за ними следует правое крыло союзников в сопровождении обоза тех и других. Дальше сопровождаемый собственным обозом едет первый легион римлян; за ним следует второй легион с своим обозом и с пожитками тех союзников, которые поставлены в тылу армии; движение замыкается левым крылом союзников. Что касается конницы, то частью она идет в тылу отрядов, к которым причислена, частью следует по бокам выючных животных для того, чтобы держать их в сборе и защищать от нападений. Если нападение ожидается с тыла, то всё остаётся в том же порядке, только отборные из союзников замыкают собою движение, а не идут впереди. Положение каждого легиона и каждого крыла то впереди, то сзади меняется через день, дабы все войска, занимая попеременно переднее место в походе, в равной мере пользовались выгодами запастись водою и съестными припасами, ещё не тронутыми. Впрочем, в тех случаях, когда грозит опасность со стороны неприятеля и когда войско находится в открытой местности, римляне совершают поход в ином порядке, именно: они двигаются тремя параллельными рядами — гастаты, принципы, триарии, причём обоз первых манипул помещается впереди всего, за первыми манипулами следует обоз вторых, за вторыми — третьих, в том же порядке чередуются все обозы и манипулы. Такой походный строй дает войску возможность на случай какой-либо опасности выдвигать манипулы вперед из обозов и, поворачивая их то влево, то вправо, ставить против неприятеля. Таким образом, все войско тяжеловооруженных в короткое время одним движением выстраивается в боевой порядок, если только не нужно выдвинуть вперед и гастатов. Выючные животные и следующая за лагерем толпа, находясь под прикрытием боевой линии, самим положением достаточно защищены от опасности.

VI, 41. Когда войско во время похода приближается к месту стоянки, трибун и несколько центурионов, для этого каждый раз выбираемые, отправляются вперед. Они исследуют всю местность, где должен быть разбит лагерь, и на ней прежде всего выбирают ту часть, на которой, согласно вышесказанному, должна находиться палатка консула, и на окружающем эту палатку пространстве определяют, в каком направлении и по какой стороне должны быть размещены легионы. Когда это решено, они отмеривают площадь вокруг консульской палатки, проводят затем прямую линию, на которой должны быть поставлены палатки трибунов, потом параллельную ей линию, начиная от которой и располагаются легионы на стоянку. Равным образом размечается линиями и та другая часть пространства вокруг палатки, о которой подробно и обстоятельно мы говорили выше. Измерения производятся легко, все расстояния определены раз навсегда, а потому работа исполняется быстро. Вслед за этим вколачивается первое знамя на том месте, где должна помещаться консульская палатка, потом — второе на отмеченной заранее стороне лагеря, третье — посередине линии, занятой палатками трибунов, четвертое — на той линии, начиная от которой расставляются легионы. Все знамена красного цвета, только консульское — белое. На противоположной стороне стоянки вколачиваются или одни копыя, или знамена, только других цветов. Как только эта работа кончена, римляне проводят улицы и на каждой из них вбивают по знамени. Отсюда само собою следует, что, когда легионы приближаются к месту стоянки и начинают различать его, для них все делается ясно тотчас; они руководствуются в своих соображениях знаменем военачальника. Таким образом, при неизменном размещении воинов на одних и тех же местах стоянки каждый в точности знает и улицу, и ту часть ее, где должна находиться его палатка; все происходит приблизительно так, как если бы войско входило в родной город. В самом деле, в городе воины, разделившись у ворот, быстро идут дальше каждый своей дорогой и безошибочно попадают в свои жилища, ибо всякий из них хорошо знает, в какой части города находится его жилище. Нечто подобное бывает обыкновенно и при расположении воинов в римском лагере.

VI, 42. Для римлян в устройении лагеря важнее всего удобства, почему они в этом деле применяют... способ, противоположный эллинскому, именно: эллины при устройении лагеря имеют в виду прежде всего занятие местности, укрепленной самой природою, с одной стороны, желая избежать трудностей по возведению окопов, с другой — воображая, что никакие искусственные ограждения по степени крепости не сравнятся с теми, какие даны от природы. Поэтому-то для них неизбежно сообразоваться с свойствами местности, менять общую фигуру всей стоянки и отдельные части её располагать то здесь, то там, смотря по местности. Вот почему в стоянке эллинов нет определенных мест ни для отдельных воинов, ни для целых частей войска. Римляне, напротив, предпочитают выносить труды по проведению рва и по другим сопутствующим работам, лишь бы облегчить устройство стоянки и лишь бы расположение её было известно солдатам и оставалось всегда неизменным.

VI. ПІДКОРЕННЯ РИМОМ ІТАЛІЇ (510-265 pp. до н.е.)

№1

ВЗАЄМИНИ РИМЛЯН З ЕТРУСКАМИ. БИТВА ПРИ КРЕМЕРІ. ЗАГИБЕЛЬ РОДУ ФАБІЇВ (ТІТ ЛІВІЙ, РИМСЬКА ІСТОРІЯ ВІД ЗАСНУВАННЯ МІСТА, II)

Кн. II, Гл. 44. ...Потом они [т.е. консулы 480 г. до н.э. Марк Фабий и Гней Манлий] отправились воевать с вейянами, к которым стеклись вспомогательные отряды со всей Этрурии, — не столько из расположения к вейянам, сколько в надежде, что римское государство может наконец распасться от внутренних раздоров. Первейшие мужи всех этрусских племен кричали на шумных сходках, что мощь римлян будет вечной, если только сами они не истребят себя в мятежах. Это единственная пагуба, единственная отравка для процветающих государств, существующая для того, чтобы великие державы были тоже смертны. Это зло, долго сдерживавшееся и мудростью отцов, и терпением простого народа, дошло уже до предела: единое государство раскололось на два, у каждой стороны свои власти, свои законы. Вначале неистовствовали лишь при наборе войска, но на войне подчинялись вождям; как бы ни шли дела в Городе, могло государство держаться воинским послушанием. Теперь же привычку к непослушанию властям римский воин принес и в лагерь. В последней войне, говорят, прямо в строю в разгар сражения все войско по сговору уступило победу побежденным эквам и, оставив знамена, покинув полководца на поле боя, самовольно вернулось в лагерь. Действительно, если постараться, может быть побежден Рим его же воинами. Для этого нужно только объявить и начать войну, об остальном позаботятся судьба и боги. В таких надеждах вооружились этрусски, не раз уже бывшие и побежденными и победителями.

II, 45. Да и римские консулы не боялись ничего, кроме собственных воинов и собственного оружия. Память о горчайшем уроке последней войны предостерегала их от сражения, в котором пришлось бы ждать худа от обоих войск сразу. Ввиду этой двойной опасности отсиживались они в лагере, ожидая, что, может быть, время и обстоятельства сами собой смягчат гнев и отрезвят души. Тем сильнее спешили враги — вейяне и этрусски; они подстрекали римлян к битве — сначала приближаясь к их лагерю и выманивая на бой, потом, ничего не добившись, громко понося то самих консулов, то войско: нашли, мол, средство от страха — притворные раздоры, ведь не своих воинов опасаются консулы, но их трусости. А молчаливое безделье, оказывается, новый род военного мятежа; да что там, сами они — новый род и племя. Дальше в ход шли и правда и выдумки о происхождении римлян. Эта шумная брань из-под самого вала, из-за ворот не действовала на консулов; но сердца множества неискушенных воинов мягутся стыдом и негодованием, отвлекаясь от внутренних неурядиц. Не желают они оставить врагов без отмщения, не желают и подчиняться сенаторам и консулам; ненависть к чужим и к своим борется в их душах. Ненависть к чужим побеждает — до того нестерпимо и нагло издевались враги. Воины толпой собираются к палатке консулов, просят битвы, требуют дать знак к бою.

Консулы, как бы раздумывая, склоняются друг к другу, долго переговариваются. И сами они хотели сражения, но следовало сдержаться и скрыть это желание, чтобы промедлением и противодействием прибавить пыла возбужденным воинам. Консулы отвечают: рано, ещё не время для боя, пусть все остаются в лагере. И объявляют: от столкновения воздерживаться, а кто ослушается приказа, тех казнить как врагов. С тем воины и разошлись, и, чем меньше видели они у консулов желания сражаться, тем больше пылали сами. А враги, как только стало известно, что консулы постановили не начинать сражения, расходятся ещё пуще: им понятно теперь, что и дальше безнаказанно будут они глумиться над римлянами, оружия воинам не доверят, дело вот-вот дойдет до мятежа, конец пришел римскому владычеству. Положившись на это, подбегают они к воротам лагеря, выкрикивают ругательства, едва удерживаются от приступа. Но и римляне не в силах дольше терпеть оскорблений: по всему лагерю с разных сторон бегут воины к консулам, подступают к ним... не через центурионов, как раньше, а все наперебой с громкими криками. Час настал, но консулы медлят. И тут Фабий, когда товарищ его из страха мятежа был готов уступить нарастающему волнению, дал трубный знак к тишине и сказал: «Я знаю, Манлий, что победить они могут, но их вина, что не знаю, хотят ли. Поэтому твердо решено не давать знака к выступлению, покуда не поклянутся они, что вернутся из этого боя победителями. Римского консула воины раз обманули в битве, но богов никогда не обманут». Был тут центурион Марк Флаволей, среди первых рвавшийся к битве. «Победителем я из боя вернусь, Марк Фабий!» — возглашает он, призывая на себя гнев отца-Юпитера, Марса Градива и других богов, если солжёт. Ту же клятву, каждый за себя, даёт и все войско. После клятвы дают сигнал к наступлению, хватаются за оружие, бросаются в бой, исполненные надежды и гнева. Пусть теперь посмеют браниться этрусски, пусть теперь, перед оружием, придержит враг языки! В этот день все, и плебеи и патриции, выказали редкую доблесть и самой блистательной стала слава Фабиев. Озлобившие плебеев во многих гражданских распрях, этой битвой пожелали они их с собой примирить.

II, 46. Строят ряды, не уклоняется и враг: ни вейяне, ни этрусские легионы. Почти твёрдой была их уверенность, что и с ними сражаться будут не лучше, чем недавно с эквами; больше того, что при таком раздражении римских воинов и в столь двусмысленных обстоятельствах их нельзя считать неспособными даже на худшее преступление [т.е. на убийство консулов]. Вышло же всё по-иному; грозно, как ни в какой прежде войне, начали сражение римляне, так их разъярили враги насмешками, консулы промедлением. Этрусски едва успели развернуть строй, среди первой сумятицы не метнув даже, а наугад пустив дротики, как дело уже дошло до рукопашной; меч на меч, когда бой всего неистовой. В первых рядах лучшее зрелище, лучший пример являл согражданам род Фабиев. Квинта Фабия, позапрошлого консула, первым бросившегося на строй вейян и забывшего осторожность в толпе врагов, этрусский воин, умелый и сильный, поразив мечом в грудь, пронзает насквозь; вырвавши клинок, Фабий падает ничком. Гибель одного этого мужа сразу сделалась ощутимой в обоих войсках; и римляне уже было начали отступать, когда консул Марк Фабий, перепрыгнув через простертое тело и выставив вперед круглый щит, воскликнул: «В том ли клялись вы, воины, что вернетесь в лагерь беглецами? Или вы больше боитесь трусливейшего врага, чем Юпитера и Марса, которыми вы клялись? А я, не клявшийся, либо вернусь победителем, либо тут найду смерть в бою возле тебя, Квинт Фабий!» Отозвался консулу Цезон Фабий, консул предыдущего года: «Словами ли этими, брат, ты думаешь призвать их к бою? Призовут их боги, которыми они поклялись; нам же, как и подобает лучшим, как достойно имени Фабиев, должно убеждать воинов боем, а

клялись; нам же, как и подобает лучшим, как достойно имени Фабиев, должно убеждать воинов боем, а не увещаниями!» С копьями наперевес устремляются оба Фабия вперед и увлекают за собою все войско.

II, 47. Итак, на этом крыле сражение возобновилось, а на другом столь же деятельно разжигал битву консул Гней Манлий, и удача была там такой же изменчивой. Как за Квинтом Фабием на другом крыле, так и здесь, за консулом Манлием, гнавшим врагов, словно уже разбитых, неумолимо следовали воины; но, когда он, тяжело раненный, покинул строй, воины, думая, что он убит, подались назад и покинули бы поле, если бы не прискакал сюда во весь опор другой консул с несколькими конными турмами, крича, что жив товарищ его, а сам он, разбив врага на другом крыле, явился сюда победителем. Этим он поддержал пошатнувшееся усердие, а тут и сам Манлий объявляется перед войском, чтобы восстановить строй. И знакомые лица обоих консулов воодушевляют воинов. Неприятельский строй между тем поредел, так как враги, понадеявшись на свое численное превосходство, послали запасные отряды брать римский лагерь. Здесь их натиск не встретил больших препятствий; и пока они, больше думая о добыче, чем о сражении, тратили время впустую, римские триарии, не сумевшие отразить первого нападения, отправили консулам донесение о положении дел, а сами, собравшись у консульской палатки, на свой страх возобновили сражение. Консул Манлий возвратился к лагерю и, поставив отряды у всех ворот, преградил врагам путь к отступлению. Отчаяние пробудило в этрусках не отвагу даже, а бешенство. Мечась в поисках выхода, они сделали несколько бесплодных попыток прорваться, а потом кучка молодежи бросилась на самого консула, узнав его по доспехам. Первые удары приняли на себя его спутники, но им не хватило сил для защиты: консул падает, смертельно раненный, и все разбегаются по сторонам. Этруски воодушевляются; перепуганные римляне в ужасе бегут по лагерю; и не миновать бы самого худшего, если бы легаты, подхватив тело консула, не открыли одни ворота, освободив путь врагам. Устремясь в эти ворота беспорядочной толпой, враги сталкиваются со вторым консулом, уже победоносным — и здесь их вновь бьют и гонят. Победа была блистательная, но омраченная гибелью двух славных мужей. Поэтому на решение сената о триумфе консул ответил, что если может войско без полководца справлять триумф, то в этой войне оно его заслужило, и он охотно даст свое позволение; но сам из-за смерти брата, Квинта Фабия, погрузившей в скорбь его дом, из-за утраты второго консула, наполовину осиротившей государство, не примет лаврового венка, неприличного ему в государственных и домашних печалях.

Славнее любого отпразднованного был этот отвергнутый им триумф; так, отстраненная в свой час слава иногда возвращается сторицей. Дважды кряду затем совершил он похоронный обряд — над товарищем и над братом; тому и другому сказал он похвальное слово и, уступая им свою славу, прославился сам. Не забыл он и о том, что задумывал в начале консульства: чтобы восстановить доверие плебеев, он распределил раненых воинов по патрицианским домам для лечения — Фабии приняли к себе очень многих, и нигде уход за ранеными не был лучше. С той поры Фабии были любимы народом, и только за их честность и благородство, спасительные для общего дела.

II, 48. И вот, стараниями как патрициев, так и плебеев консулом стал Цезон Фабий в паре с Титом Вергинием [479 г. до н.э.]. Ни о войне, ни о наборе войска, ни о чём другом он не заботился столько, сколько о том, чтобы вслед открывшейся надежде на общее согласие поскорей примирить с патрициями плебеев. Поэтому уже в начале года высказал Фабий мнение: покуда не объявился с земельным законом какой-нибудь трибун, самим сенаторам следовало бы его упредить, взяв это на себя, и по возможности поровну распределить между плебеями захваченную землю: ведь справедливо, чтобы ею владели те, кому досталась она потом и кровью. Сенаторы пренебрегли предложением Цезона; иные даже посетовали, что в излишней погоне за славой расточился и изнемог его живой некогда ум. Никаких раздоров потом в городе не было. Латинцы тревожимы были набегами эквов. Цезон, посланный туда с войском, вступил в земли эквов и стал их разорять. Эквы отошли в города и прятались за стенами. Поэтому никаких достопамятных сражений не было.

Но в войне с вейянами опрометчивость второго консула привела к поражению и войско было бы погублено, не подоспей вовремя Цезон Фабий на помощь. С той поры не было с вейянами ни войны, ни мира — действия их были чем-то вроде разбоя: завидев римские легионы, они прятались в город, а зная, что легионов нет, разоряли поля, как бы в насмешку оборачивая войну миром, а мир — войной. Так что нельзя было ни бросить все это дело, ни довести его до конца. Угрожали и другие войны: угроза исходила от вольсков и эквов, остававшихся спокойными, лишь пока свежа была горечь последнего поражения, или — на недалекое будущее — от всегда враждебных сабинян, а также от всей Этрурии. Но враждебные Вейи досаждали скорей неотвязностью, нежели силою, чаще обидами, чем опасностью, поскольку все время требовали внимания и не позволяли заняться другим.

Тогда род Фабиев явился в сенат. От лица всего рода консул сказал: «Известно вам, отцы-сенаторы, что война с вейянами требует сторожевого отряда скорей постоянного, чем большого. Пусть же другие войны будут вашей заботой, а вейских врагов предоставьте Фабиям. Мы порукою, что величие римского имени не потерпит ущерба. Эта война будет нашей, как бы войной нашего рода, и мы намерены вести её на собственный счет, от государства же не потребуются ни воинов, ни денег». Сенат отвечает им великой благодарностью. Выйдя из курии, консул в сопровождении отряда Фабиев (они дожидались решения сената, стоя у дверей) отправился домой. Получив приказ на следующий день в оружии явиться к дому консула, они расходятся по домам.

II, 49. Молва расходится по всему Городу. Фабиев превозносит до небес: один род принял на себя бремя государства, вейская война передана в частные руки, частному оружию. Будь в Городе ещё два рода такой же силы — один взял бы на себя вольсков, другой — эквов, и римский народ мог бы подчинить все соседние, сам благоденствуя в безмятежном мире. На другой день Фабии берутся за оружие и сходятся, куда ведено. Консул, выйдя из дому в военном плаще, видит род свой построеным для похода; став в середину, он приказывает выступать. Никогда ещё ни одно войско, столь малое числом и столь громкое славой, при всеобщем восхищении не шествовало по Городу. Триста шесть воинов, все патриции, все одного рода, из коих любого самый строгий сенат во всякое время мог бы назначить вождём, шли, грозя уничтожить народ вейян силами одного семейства. Их сопровождала толпа: тут были и свои — родственники и друзья, забывшие про обыкновенные надежды и страхи, помышлявшие лишь о великом; были и другие, взволнованные заботой об общем деле, охваченные сочувствием и восхищением¹. Им желают сил, желают удач, чтоб не хуже начинания был исход; а на дальнейшее — и консульских должностей, и триумфов, и всех наград, всех почестей. Когда проходили они мимо Капитолия, Крепости и других храмов, то всем богам, которых видел и вспоминал народ, всякий раз возносил он молитвы, чтобы счастлив был поход и удачен, чтобы вскорости вернулись все невредимыми в отчизну к родителям. Тщетны были эти мольбы. Несчастливой улицей² вышли они через правую арку Карментальских ворот из Города и дошли до реки Кремеры. Это место показалось подходящим для постройки укрепления.

¹ *охваченные сочувствием и восхищением...* — по сообщению Дионисия Галикарнасского (IX, 15), Фабиев сопровождали четыре или пять тысяч клиентов.

² *Несчастливой улицей...* — так эта улица стала называться после гибели Фабиев.

Затем Луций Эмилий и Гай Сервилий стали консулами [478 г. до н.э.]. И, пока действия ограничивались лишь разорением полей, Фабиев хватало не только для защиты своего укрепления, но и всех земель вдоль границы римлян и этрусков; охраняя своё, тревожа врагов, бродили они по обе стороны границы. Потом в набегах был небольшой перерыв — вейяне, вызвав войско из Этрурии, осадили укрепление на Кремере, и римские легионы, приведенные консулом Луцием Эмилием, сошлись лицом к лицу с этрусками. Впрочем, у вейян почти не было времени развернуть войско: ещё среди первой сумятицы, пока они после данного знака выстраивали ряды и размещали запасные отряды, внезапно налетевшая сбоку конная ала римлян не дала им не только начать сражение, но даже и устоять на месте. Отброшенные назад, к Красным Скалам, где был у них лагерь, смиренно запросили они мира; а получив его, по прирожденному непостоянству стали о том жалеть ещё до отвода римских войск с Кремеры.

II, 50. И вновь начались столкновения вейян с Фабиими — без подготовки, какой требовала бы настоящая война; и все же дело не ограничивалось разорением полей и внезапными нападениями на разорителей; несколько раз сражались и под знаменами в открытом бою. И часто один только римский род одерживал победу над сильнейшим по тем временам этрусским городом. Вейяне сначала огорчились и негодовали; но потом, рассудив по обстоятельствам, задумали заманить неустрашимого врага в ловушку и даже радовались тому, что от успехов дерзость Фабиев всё росла. Не однажды, когда выходили Фабии на добычу, навстречу им, как бы случайно, выпускали скот, селяне разбегались, оставляя свои поля, а вооруженные отряды, высланные для отпора, обращались в бегство, чаще в притворном, чем в действительном страхе.

А Фабии уже настолько презирали врага, что поверили, будто он нигде и никогда не сможет их победить. Эта самонадеянность и довела их до того, что, увидев с Кремеры стадо, пасущееся далеко в поле, они к нему ринулись, хотя кое-где и можно было разглядеть вооруженных врагов. И, когда Фабии, ничего не замечая, стремительно пронеслись мимо расставленных вокруг дороги засад и, рассыпавшись по полю, стали ловить разбежавшийся в переполохе скот, вдруг перед ними из засад появились враги. Со всех сторон сперва поднялся пугающий крик, затем полетели дротики; сходясь отовсюду, этрусски окружали Фабиев уже плотной толпой вооруженных, и, чем сильнее был напор врагов, тем меньше оставалось места для кольцевой обороны и делалось всё заметней, как малочисленны Фабии и как много этрусков, теснивших их все умножающимися рядами.

Тогда, перестав отбиваться по всему кругу, обратились они в одну сторону. Действуя и оружием, и собственным телом, они, построившись клином, пробивают себе дорогу. Путь их привел на высокий пологий холм. Здесь они сначала остановились; а затем, когда выгодное местоположение позволило им перевести дух и приободриться, даже отбили поднимавшихся к ним врагов. В столь удобном месте малый отряд стал было побеждать, но посланные в обход вейяне вышли на вершину холма. Превосходство опять было у врагов. Фабии были все до одного перебиты, а их укрепление взято. Все сходятся на том, что погибло 306 человек и в живых остался только один почти взрослый отпрыск Фабиева рода, чтобы впоследствии в обстоятельствах трудных для римского народа приносить ему величайшую пользу.

II, 51. Когда стало известно об этом несчастье, консулами были уже Гай Гораций и Тит Менений [477 г. до н.э.]. Менений тотчас был послан против этрусков, гордых своей победой. Но опять битва была неудачна: враги заняли Яникульский холм, и не миновать бы осады Города, теснимому, помимо войны, и бесхлебьем (ведь по обе стороны Тибра стояли этрусски), если бы не подоспел консул Гораций, вызванный из земли вольсков. Война настолько приблизилась к самым стенам Города, что сражаться пришлось сначала у храма Надежды, где не осилил никто и ещё раз — у Коллинских ворот. Тут римляне получили — пусть незначительный — перевес, и это вселило в воинов прежнюю уверенность, укрепив их для будущих битв.

Консулами сделались Авл Вергиний и Спурий Сервилий [476 г. до н.э.]. Потерпевшие только что поражение, вейяне воздержались от битвы и начали разорять поля; с Яникульского холма, как из крепости, они нападали на все римские земли — ни скот, ни селяне нигде не были в безопасности.

Пойманы были враги точно так же, как сами раньше поймали Фабиев. Гонясь за выгнанным там и сям для приманки скотом, они угодили в засаду. Насколько их было больше, настолько кровопролитней была резня. Злость и ярость от этой неудачи послужили причиной и началом ещё худшего поражения. Переплыв ночью Тибр, они подступили к лагерю консула Сервилия. Отбитые, с большими потерями, кое-как возвратились они на Яникул. Консул тотчас сам переходит Тибр и становится лагерем под Яникулом. Утром следующего дня он, ободренный вчерашней удачей и жаждавший битвы, а главное, побуждаемый нехваткою продовольствия к предприятиям хоть опасным, да более скорым, опрометчиво повел строй вверх по Яникулу на вражеский лагерь, но был отбит с ещё большим позором, чем накануне враги, и только прибытием второго консула он и войско его были спасены. Оказавшись между двух консульских армий и обращая тыл то к одной, то к другой, этрусски были полностью уничтожены. Так счастливая опрометчивость положила конец вейской войне.

№2

ВІЙНИ РИМЛЯН З ГАЛЛЯМИ

(Тіт Лівій, Римська історія від заснування Міста, V)

Кн. V, Гл. 34. Вот что мы узнали о переходе галлов в Италию: когда в Риме царствовал Тарквиний Приск [616-578 гг. до н.э.], высшая власть у кельтов, занимающих треть Галлии, принадлежала битуригам, они давали кельтскому миру царя. В доблестное правление Амбигата и сам он, и государство разбогатели, а Галлия стала так изобильна и плодами, и людьми, что невозможно оказалось ею управлять. Поскольку население стремительно увеличивалось, Амбигат решил избавить свое царство от избытка людей. Белловезу и Сеговезу, сыновьям своей сестры, он решил назначить для обживания те места, на какие боги укажут в гаданиях. Они могли взять с собой столько людей, сколько хотели, дабы ни одно племя не было в состоянии помешать переселенцам. Тогда Сеговезу достались лесистые Герцинские горы, а Белловезу, к огромной его радости, боги указали путь в Италию. Он повел за собой всех, кому не хватало места среди своего народа, выбрав таких людей из битуригов, арвернов, сенонов, эдуев, амбарров, карнутов и аулерков. Тронувшись в путь с огромными силами пехоты и конницы, он пришел в земли трикастинов. Впереди вздымались Альпы. Мне ничуть не удивительно, что преодолеть их показалось ему невозможным: ведь если справедливы исторические предания, никому до тех пор не удавалось перейти через них, разве что мы поверим сказкам про Геркулеса. Горы стенами высились со всех сторон. Потрясенные вышиной уходящих в небо хребтов, галлы принялись искать, как бы им перебраться через них в лежащий по ту сторону мир. Задержало их ещё и суеверие: они узнали, что некие пришельцы, искавшие себе земель, подверглись нападению племени саллювиев. То были массивилицы, приплывшие кораблями из Фокеи. Считая это предзнаменованием своей судьбы, галлы помогли им закрепиться в том месте, где они обосновались, как только высадились на сушу; и саллювии это стерпели. Сами же они перешли Альпы по Тавринскому ущелью и долине Дурии и разбили тусков в сражении при реке

Тицине. Узнав, что выбранное ими для поселения место называется Инсубрское поле, они сочли это благим предзнаменованием, поскольку инсубрами именуется одна из ветвей племени эдуев. Они основали там город Медиолан [ок. 396 г. до н.э.].

V, 35. Затем новая орда, ценоманы, под водительством Этитовия, идя по следам первых галлов, перешла Альпы по тому же ущелью. Но им уже помогал Белловез. Они заняли те земли, где теперь находятся города Бриксия и Верона. После них осели либуи и саллювии, поселившись вдоль реки Тицина, рядом с древним племенем левых лигурийцев. Вслед за тем по Пеннинскому перевалу пришли бои и лингоны, но, поскольку все пространство между Падом и Альпами было уже занято, они переправились на плотках через Пад, выгнали не только этрусков, но и умбров с их земли, однако Апеннины переходить не стали. И наконец, сеноны, переселившиеся последними, заняли все от реки Утента вплоть до Эзиса. Я уверен, что именно это племя напало потом на Клузий и Рим, неясно только, в одиночку или же при поддержке всех народов Цизальпинской Галлии.

Клузийцы боялись надвигавшейся войны: им было известно, сколь многочисленны галлы, сколь неслыханно велики ростом, как вооружены; они были наслышаны, сколь часто этрусские легионы бежали пред их лицом как по эту, так и по ту сторону Пад. И вот клузийцы отрядили послов в Рим. Они просили сенат о помощи, хотя с римлянами их не связывал никакой договор, ни о союзе, ни о дружбе. Единственным основанием могло служить то, что они в свое время не выступили против римского народа на защиту вейян, своих единоплеменников. В помощи было отказано, но к галлам отправили посольство — трех сыновей Марка Фабия Амбуста, чтобы они именем сената и народа римского потребовали не нападать на их друзей и союзников, которые вдобавок не причинили галлам никакой обиды; если потребуется, римляне-де вынуждены будут защищать клузийцев с оружием в руках; однако предпочтительнее, если возможно, вовсе отказаться от войны и познакомиться с галлами, этим новым народом, в мирной тиши, а не в грохоте битвы.

V, 36. Это посольство было бы мирным, не будь сами послы буйными и похожими скорее на галлов, чем на римлян. Когда они изложили всё, что им было поручено, на совете галлов, те ответили: хоть они и слышат имя римлян впервые, но верят, что это храбрые мужи, раз именно к ним бросились за помощью клузийцы, оказавшись в беде. Они, галлы, предпочитают искать союзников во время переговоров, а не боев, и не отвергают предложенного послами мира, но только при одном условии: клузийцы должны уступить нуждающимся в земле галлам часть своих пашен, поскольку все равно имеют их больше, чем могут обработать. Иначе они на мир не согласятся. Пусть им немедленно, в присутствии римлян дадут ответ, и если в их требовании о земле будет отказано, то они в присутствии тех же римлян пойдут в бой, дабы послы могли дома рассказать, насколько галлы превосходят доблестью прочих смертных.

Когда римляне спросили, по какому праву галлы требуют землю у её хозяев, угрожая оружием, и что у них за дела в Этрурии, те высокомерно заявили, что право их — в оружии и что нет запретов для храбрых мужей. Обе стороны вспылили, все схватились за мечи, и завязалось сражение. А над Римом уже нависал рок, ибо послы, в нарушение права народов, также взяли за оружие. И это не могло пройти незамеченным, коль скоро трое знатнейших и храбрейших римских юношей сражались впереди этрусских знамен — доблесть сих чужеземцев бросалась в глаза. И в довершение всего Квинт Фабий, выехав на коне из строя, убил галльского вождя, неистово рвавшегося к этрусским знаменам. Он насквозь пробил ему бок копьем, а когда начал снимать доспехи, галлы узнали его, и по всем рядам разнеслось, что это римский посол.

Клузийцы были тотчас забыты; посылая угрозы римлянам, галлы затрубили отбой. Среди них нашлись такие, кто предлагал немедленно идти на Рим, но верх одержали старейшины. Они решили сперва отрядить послов с жалобой на обиду и потребовать выдачи Фабиев за осквернение права народов. Когда галльские послы передали то, что им было поручено, сенат не одобрил поступка Фабиев и счёл требование варваров законным. Но поскольку речь шла о мужах столь знатных, то угодничество преградило путь долгу и решение не было принято.

Итак, сенат передал это дело народному собранию, чтобы снять с себя ответственность за возможные поражения в войне с галлами. А там настолько возобладало лицепрятие и подкуп, что те, кого собирались наказать, были избраны военными трибунами с консульскими полномочиями на следующий год. После этого недостойного деяния галлы ожесточились и, открыто угрожая войной, вернулись к своим. Военными же трибунами, кроме трех Фабиев, были избраны Квинт Сульпиций Лонг, Квинт Сервий в четвертый раз, Публий Корнелий Малугинский [390 г. до н.э.].

V, 37. Вот до какой степени ослепляет людей судьба, когда она не хочет, чтобы противились её всепокрушающей силе! Уже надвигалась громада беды, уже от Океана, от самого края мира приближался с войною невиданный и неслыханный враг — а государство не учредило никаких особых полномочий и не обратилось ни к кому за помощью, в то время как даже в войне с фиденянами, с вейянами и прочими окрестными народами оно принимало крайние меры, да и диктатора назначало множество раз. Во главе всех приготовлений стояли те самые трибуны, из-за дерзости которых и началась война; они проводили набор ничуть не более тщательно, чем для обычной войны, ещё даже умаляя ходившие о ней слухи.

А галлы, узнав, что осквернители общечеловеческих законов избраны на высшую должность, а посольство их подверглось оскорблению, вскипели гневом, коего народ сей не умеет обуздывать. Немедля подняли они знамена и спешным маршем выступили в путь. При виде их стремительно проходящих полчищ жители городов в страхе бросались к оружию, а поселения разбежались. Однако они громким криком возвещали, что идут на Рим. Двигавшиеся колонны занимали огромное пространство; массы людей и лошадей растянулись и в длину, и в ширину. Впереди врагов неслась молва о них, за ней спешили вестники от клузийцев, а потом и от других народов поочередно — и всё же наибольший страх вызвала в Риме стремительность неприятеля: вышедшее ему навстречу наспех собранное войско, как ни торопилось, встретило его всего в одиннадцати милях от города, там, где река Аллия, по глубокой ложбине сбегающая с Крустумерийских гор, впадает в Тибр несколько ниже дороги. Не только впереди, но и вокруг все уже было полно врагов. Галлы и вообще по своей природе склонны производить бессмысленный шум, а тогда весь воздух был наполнен леденящими душу звуками: это варвары издавали дикие крики и горланили свирепые песни.

V, 38. Тут военные трибуны, не выбрав заранее места для лагеря, не соорудив загодя вал на случай отступления, выстроили боевой порядок. Не позаботились они не только о земных, но и о божественных делах, пренебрегши ауспигиями и жертвоприношениями. Римский строй был растянут в обе стороны, чтобы полчища врагов не могли зайти с тыла, однако все равно уступал по длине неприятельскому — между тем в середине этот растянутый строй оказался слабым и едва смыкался. Резерв решили поставить на правом крыле, где была маленькая возвышенность; именно она послужила впоследствии как источником паники и бегства, так и единственным спасением для беглецов.

Галльский вождь Бренн, при малочисленности неприятеля, весьма опасался какой-то хитрости, и вот он решил, будто этот холм занят для того, чтобы ударить резервом во фланг и тыл галлов, когда те столкнутся с легионами лицом к лицу. Тогда он развернул строй против резервов в твёрдой уверенности, что, если он выбьет их с холма, победу на ровном поле при таком численном перевесе будет одержать легко. Вот до какой степени не только судьба, но и рассудительность была на стороне варваров!

А в противоположном стане ни вожди, ни воины не напоминали римлян. Во всех душах царил лишь страх и мысль о бегстве; мрачение умов было таково, что, несмотря на препятствие в виде Тибра, подавляющее большинство бросилось в Вейи, чужой город, вместо того, чтобы бежать прямым путем в Рим, к женам и детям. Лишь резервы ещё недолгое время находились под защитой возвышенности, остальное же войско, как только передние сбоку, а задние с тыла услышали крики, враз обратилось в бегство от неведомого врага ещё раньше, чем его увидело. Римляне бежали, не только не пытаясь померяться силами с неприятелем, не только не сразившись с ним и не получив ни одной царапины, но даже и не ответив на его клич. Никто не погиб в сражении, все убитые были поражены в спину, когда началась давка, а толчея затрудняла бегство. Страшная резня произошла на берегу Тибра, куда, побросав оружие, бежало целиком все левое крыло. Многих не умеющих плавать или ослабевших под тяжестью доспехов и одежды поглотила пучина. Тем не менее огромное большинство без затруднений добралось до Вей, откуда они не послали в Рим не только подмоги, но даже вести о поражении. С правого крыла, стоявшего далеко от реки, под горой, все кинулись в Город, где укрылись в Крепости, даже не заперев городских ворот.

V, 39. Галлы онемели от этого чуда. Повёрнутые в страх своей собственной молниеносной победой, они сперва застыли, не понимая, что произошло. Потом начали подозревать засаду. Затем принялись собирать доспехи убитых и по своему обычаю нагромождать их оружие в кучи. И лишь тогда, не видя никаких признаков неприятеля, они тронулись в путь и незадолго до захода солнца подошли к Риму. Когда высланные вперед всадники донесли, что ворота не заперты, перед ними не выставлены заставы, а на стенах не видно караулов, это диво поразило галлов, как и первое. Опасаясь ночи и не зная расположения Города, они заночевали между Римом и Аниеном и разослали лазутчиков вокруг стен и ворот, чтобы разузнать, что намерены делать враги в своем бедственном положении. Поскольку большая часть войска бежала в Вейи и лишь немногие в Рим, горожане решили, что почти никому не удалось спастись. Весь Город наполнился причитаниями и по мертвым и по живым. Но, когда стало известно о приближении неприятеля, личное горе каждого отступило перед лицом всеобщего ужаса. Вскоре стали слышны завывания и нестройные песни варваров, шайками рыщущих вокруг стен. Время до утра тянулось в страхе, так как в любой момент ожидалось нападение на Город. Зачем они явились, как не для того, чтобы напасть? Не будь у них этого намерения, они остались бы на Аллии. Потом, перед заходом солнца, когда светлого времени осталось уже немного, решили, что нападение произойдет вечером; позже стали думать, что оно для пущего страха отложено на ночь. К утру римляне окончательно обессилели. И тут после долгих часов страха разразилась и сама беда: вражеские силы стали в воротах. И тем не менее ни той ночью, ни на следующий день люди уже не напоминали тех трусов, что бежали при Аллии. Не было никакой надежды защитить Город оставшимися столь малыми силами, и потому римляне решили, что способные сражаться юноши, а также самые крепкие из сенаторов должны вместе с женами и детьми удалиться в Крепость и на Капитолий, свезти туда оружие, продовольствие и оттуда, с укрепленного места, защищать богов, граждан и имя римское. Фламину и жрицам-весталкам поручили унести как можно дальше от резни и пожара общественные святыни, чтобы о почитании богов было забыто не раньше, чем сгинет последний из почитателей. Если грозящее Городу разрушение переживут Крепость и Капитолий..., если уцелеет боеспособная молодежь и сенат..., то можно будет легко пожертвовать толпой стариков, оставляемых в Городе на верную смерть. А чтобы чернь снесла это спокойнее, старики — триумфаторы и бывшие консулы — открыто заявляли, что готовы умереть вместе с ними: лишние люди, не способные носить оружие и защищать отечество, не должны обременять собою воюющих, которые и так будут во всем терпеть нужду.

V, 40. Вот какие речи раздавались среди старцев, которые сами обрекали себя на смерть. Потом напутствия были обращены к колонне юношей, которую они провожали до Крепости и Капитолия. Они веряли Город их молодой доблести. А ведь какая бы судьба ни была ему уготована, в прошлом он на протяжении трехсот шестидесяти лет всегда выходил победителем из всех войн. Для тех, кто уходил, была ужасна мысль, что они уносят с собой последнюю надежду и заступу остающихся, они не смели даже взглянуть на людей, решивших погибнуть вместе с захваченным городом. Но вот когда поднялся женский плач, когда матроны стали в беспомощности метаться, бросаясь то к одному, то к другому, вопрошая мужей и сыновей, на какую судьбу те их обрекают, тут уж человеческое горе дошло до последнего предела. Все же большая часть женщин последовала за своими близкими в Крепость. Никто не звал их, но никто им и не препятствовал: если бы непригодных к войне было меньше, это давало бы выгоду осажденным, но было бы уж слишком бесчеловечно. Остальная масса людей, в большинстве своем плебеи, которым не хватило бы ни места на столь маленьком холме, ни продовольствия, высыпала из Города и плотной толпой, напоподобие колонны, устремилась на Яникул. Оттуда часть рассеялась по деревням, а часть бросилась в соседние города. Не было у них ни предводителя, ни согласованности в действиях, но каждый искал спасения как мог и руководствовался собственными интересами, махнув уже рукой на общие...

V, 41. Между тем в Риме были закончены все приготовления к обороне Крепости... За ночь воинственность галлов несколько приутихла. Кроме того, им не пришлось сражаться, не пришлось опасаться поражения в битве, не пришлось брать Город приступом или вообще силой — поэтому на следующий день они вступили в Рим без злобы и рвения. Через открытые Коллинские ворота они добрались до форума, обводя глазами храмы богов и Крепость, которая одна имела вид изготовившейся к отпору. На тот случай, если из Крепости или Капитолия совершат вылазку против разбредшихся воинов, галлы оставили небольшую охрану, а сами кинулись за добычей по безлюдным улицам...

V, 42. ...Римляне из Крепости видели, что город полон врагов, видели, как они рыщут по улицам, как бедствие пожирает квартал за кварталом... Этот ужасный день сменила тревожная бессонная ночь; наконец наступил рассвет. Всякий миг приносил с собой новую беду. И все же римляне не падали духом... Пусть пожары и разрушения на их глазах сравнивали город с землей, пусть холм, который они занимали, был беден и мал — они все равно готовились храбро защищать этот последний клочок свободы...

V, 43. Галлы тоже решили прибегнуть к силе. Война, которую они несколько дней вели против одних только домов захваченного города, не принесла результатов: хотя после пожаров и разрушений там не уцелело уже ничего, кроме вооруженных защитников, тех не удалось ни запугать угрозами, ни склонить к сдаче. И вот галлы отважились на крайнюю меру — штурм Крепости. На рассвете все их полчища по команде выстроились на форуме; оттуда они, образовав «черепаху», с криком двинулись к подножью холма. Римляне действовали против врага без робости, но и не безрассудно: все подъемы к Крепости, на которых наблюдалось продвижение галлов, были укреплены, и там поставлены самые отборные воины. Однако неприятелю не мешали взбираться наверх, полагая, что, чем выше он вскарабкается, тем легче будет сбросить его с кручи. Римляне удерживались примерно на середине склона, где крутизна как бы сама толкает воина на врага. Оттуда они вдруг обрушились на галлов, избивая их и сталкивая вниз. Разгром был столь сокрушителен, что противник ни разу более не осмелился на подобные предприятия, ни отдельным отрядом, ни всем войском. Итак, потеряв надежду победить силой оружия, галлы начали готовиться к осаде, о которой до этого момента не помышляли...

V, 47. ...Галлы... обратили внимание, что у храма Карменты начинается пологий подъем на скалу. Под покровом ночи они сперва выслали вперед безоружного лазутчика, чтобы разведать дорогу, а потом полезли наверх уже все. Там, где было круто, они

передавали оружие из рук в руки; одни подставляли плечи, другие взбирались на них, с тем чтобы потом вытащить первых; если было нужно, все подтягивали друг друга и пробралась на вершину так тихо, что не только обманули бдительность стражи, но даже не разбудили собак, животных столь чутких к ночным шорохам. Но их приближение не укрылось от гусей, которых, несмотря на острейшую нехватку продовольствия, до сих пор не съели, поскольку они были посвящены Юноне. Это обстоятельство и оказалось спасительным. От их гогота и хлопанья крыльев проснулся Марк Манлий, знаменитый воин, бывший консулом три года назад. Схватившись за оружие и одновременно призывая к оружию остальных, он среди всеобщего смятения кинулся вперед и ударом щита сбил вниз галла, уже стоявшего на вершине. Покатившись вниз, галл в падении увлек за собой тех, кто поднимался вслед за ним, а Манлий принялся разить остальных — они же, в страхе побросав оружие, цеплялись руками за скалы. Но вот уже сбежались и другие римляне: они начали метать стрелы и камни, скидывая врагов со скал. Среди всеобщего обвала галльский отряд покотился к пропасти и рухнул вниз...

(Полібій, Загальна історія, II)

Кн. II, Гл. 18. [На протяжении VI в. до н.э.] кельты не только утвердили за собою [долину р. Пад], но подчинили себе и многие соседние народы, наводя на них ужас своей отвагой. Некоторое время спустя кельты разбили римлян и союзников их в сражении [в 390 г. до н.э.], преследовали бегущих и через три дня после битвы овладели самим Римом, за исключением Капитолия. Однако, будучи вызваны домой вторжением венетов¹ в их землю, кельты заключили мир с римлянами, возвратили города и вернулись на родину. После этого они вовлечены были в междоусобные войны; кроме того, на них нередко нападали соединенными силами некоторые альпийские народы, наблюдавшие их благосостояние вблизи. Тем временем римляне достигли прежнего могущества и снова стали во главе латинов. На тридцатом году по взятии города [360 г. до н.э.] кельты снова с большим войском явились к Альбе. Так как неожиданным вторжением римляне захвачены были врасплох и не успели собрать силы союзников, то и не отважились выступить против врага с войсками. Но когда потом, двенадцать лет спустя [в 348 г. до н.э.], кельты с большим войском вторглись вторично, римляне, будучи заранее уведомлены о том и собравши союзников, мужественно пошли навстречу врагу с намерением дать решительную битву. Устрашенные наступлением римлян и раздираемые междоусобными распрями, галаты с наступлением ночи отступили назад в свою страну подобно убегающему войску. После этого в течение тринадцати лет страх удерживал кельтов в покое, а потом, видя усиление римского могущества, они заключили с римлянами мирный договор [335 г. до н.э.].

II, 19. Договор этот кельты соблюдали верно в продолжение тридцати лет, пока не двинулись на них трансальпины; тогда, опасаясь, как бы не началась трудная для них война, кельты подарками и напоминанием о родственных отношениях отвратили от себя нашествие трансальпинов, уже было покинувших свои земли, направили их на римлян и сами приняли участие в походе. В римские владения они вторглись через Тиррению с участием самих тирренов и, собравши огромную добычу, беспрепятственно отступили [299 г. до н.э.]. Однако по возвращении на родину в среде кельтов возникли распри из-за награбленного добра, причем они потеряли и большую часть добычи, и много собственного войска. Так обыкновенно поступают галаты, когда возьмут добычу у соседей, главным образом, вследствие неумеренного пьянства и обжорства.

На четвертом году после этого [295 г. до н.э.] самниты и галаты вошли в соглашение между собою и дали сражение римлянам в земле камертиев², причем многих из них убили в самой схватке. Между тем римляне, раздраженные понесенным поражением, через несколько дней выступили в поход со всеми легионами и сражались с теми же самыми неприятелями в области сентинов, большую часть их истребили³, а остальных принудили разбежаться по своим землям. По прошествии новых десяти лет галаты явились с большим войском для осады города арретинов [285 г. до н.э.]. Римляне поспешили на помощь, но в битве перед городом понесли поражение. Так как в этом сражении пал начальник Луций, то на его место римляне назначили Манья Курия. В землю галатов он отправил посольство для переговоров о пленных, но те предательски умертвили послов. Римляне в гневе тотчас вывели свои войска и при встрече с галатами, именуемыми сенонами, дали битву. В сражении римляне одержали победу, большую часть неприятелей перебили, остальных прогнали и вступили во владение всей страной. Сюда они послали первую галатскую колонию, которая называется Сеною по имени галатов, раньше занимавших это поселение. Мы только что упоминали о ней, сказавши, что Сена лежит на Адриатике на краю равнины, омываемой Падом.

II, 20. При виде того, как выгнаны были сеноны, страшась за такую же участь своей земли, бои на зов тирренов выступили со всем войском в поход [283 г. до н.э.]. Собравшись возле Вадимонского озера⁴, они сразились с римлянами. В этом сражении большинство тирренов было убито, а из бойев спаслись бегством лишь весьма немногие. Тем не менее в следующем же году галлы и тиррены соединились снова, вооружили молодежь, едва достигшую зрелого возраста, и дали битву римлянам. Разбитые в сражении наголову, они с трудом смиряли свою гордость, когда отправляли посольство к римлянам для переговоров о мире и заключали с ними договор. Случилось это года за три до появления Пирра в Италии [280 г. до н.э.] и лет за пять до гибели галатов в Дельфах [277 г. до н.э.]. Действительно, в это время судьба заразила всех галатов страстью к войне, как бы чумой какой.

Вышеупомянутые войны оказали римлянам двойную, весьма важную услугу. Так, свыкшись с неудачами, какие терпели от галатов, римляне не могли уже ни иметь в настоящем, ни ожидать в будущем чего-либо более ужасного, как испытанные ими положения. Поэтому против Пирра римляне выступили совершенными в военном деле бойцами. Потом, вовремя смиривши дерзость галатов, римляне прежде всего могли беспрепятственно вести войну с Пирром за Италию, а затем бороться с карфагенянами за владычество над сицилийцами.

№3

САМНИТСЬКІ ВІЙНИ І ПОРАЗКА РИМЛЯН В КАВДІНСЬКІЙ УЩЕЛИНІ (321 р. до н.е.) (ТІТ ЛІВІЙ, РИМСЬКА ІСТОРІЯ ВІД ЗАСНУВАННЯ МІСТА, IX, 1-6)

Кн. IX, Гл.1. Следующий год [321 г. до н.э.], когда консулами были Тит Ветурий Кальвин и Спурий Постумий, ознаменовался Кавдинским миром, памятным из-за тяжкого поражения римлян. В тот год военачальником у самнитов был сын Геренния Гай Понтий; родитель его славился среди *самнитов* своею мудростью, а сам он — воинской доблестью и военным искусством. Когда посланные от самнитов для возмещения причиненного римлянам ущерба возвратились, так и не добившись мира, Понтий

¹ Венеты — народ иллирийского происхождения, занимал Венетию, на востоке от Цизальпинской Галлии (Страбон, V, 1; XII, 3; XIII, 1).

² Камертием раньше назывался этрусский город Клузий (Ливий, II, 9; V, 36; X, 25).

³ По сведениям греческих историков, в сражении пало 100 тыс. галлов и их союзников, в том числе выдающийся самнитский полководец Геллий Эгнаций.

⁴ В Этрурии.

сказал: «Не думайте, будто посольство было напрасным: гнев небес пал на нас за нарушение договора — теперь мы от этой вины очистились. Я уверен: если кому-то из богов и любо было принудить нас вернуть все требуемое договором, им всем, однако, не по душе, что римляне так надменно презрели наше желание искупить содеянное. Что же сверх сделанного можно ещё сделать, дабы умиловать богов и умилосердить людей? Имущество неприятеля, ставшее нашей добычей и по закону войны нам принадлежащее, мы возвратили, зачинщиков, коль скоро выдать их живыми оказалось невозможно, выдали хотя бы и мертвыми, и добро их, дабы не осквернять себя прикосновением к нему, отвезли в Рим. Что ещё я задолжал тебе, римлянин?! Чем ещё искупить разрыв договора? Какой иной долг возратить богам, его блюстителям? Кого нам поставить судьёю твоих притязаний и моих истязаний? Пусть это будет народ, пусть один какой-нибудь человек, я на все согласен. Но если на этом свете правда и закон уже не защищают слабого от сильнейшего, мне остается звать к богам, карающим спесь, преступившую всякую меру. Я стану молить их обратить гнев свой на тех, кому мало и возвращенного им собственного имущества, и гор чужого добра в придачу; на тех, чью жестокость не насытит ни смертью обидчиков, ни выдачей мертвых их тел, ни имуществом их, отданным следом, — не насытит, если не дать упиться нашей кровью и пожрать нашу плоть. Война, самниты, праведна для тех, для кого неизбежна, и оружие благочестиво в руках у тех, у кого уже ни на что не осталось надежды. И раз уж в делах человеческих ничего нет важнее благоволения и враждебности богов, то знайте: прежнюю войну вы вели скорее против богов, чем против людей, зато в предстоящей боги сами поведут вас в бой!»

IX, 2. Чего ни посулили эти его пророчества, всё исполнилось. Понтий двинулся с войском в поход и, соблюдая строжайшую тайну, разбил лагерь у Кавдия. Отсюда он посылает в Калатию, где, по слухам, уже стояли лагерем римские консулы, десять воинов, переодетых пастухами, приказав им пасти скот подальше друг от друга, но поближе к римским заставам, а повстречавшись с грабщиками округу римскими воинами, пусть твердят одно: дескать, самнитские легионы в Апулии, осаждают там всем воинством Луцерию и со дня на день возьмут её приступом. Об этом заранее нарочно распустили слухи, успевшие уже дойти до римлян, а когда то же самое стали повторять все, кого захватывали в плен, им нельзя было не поверить. Было ясно, что римляне окажут помощь жителям Луцерии, своим добрым и верным союзникам, стремясь вместе с тем предотвратить в столь опасных условиях отпадение всей Апулии. Раздумывали они только о том, какой выбрать путь, ибо к Луцерии вели две дороги. Одна, широкая и открытая, шла по берегу Верхнего моря [т.е. Адриатического моря] — путь этот был более безопасным, но и более далёким; другая дорога, покороче, вела через Кавдинское ущелье. Вот каково само это место: два глубоких ущелья, тесных и заросших лесом, окружены непрерывными горными кряжами; между ущельями — довольно широкая поляна, болотистая и заросшая травой, через эту поляну и пролегает путь. Но, чтобы дойти до неё, нужно пробраться через первую теснину, а потом возвращаться назад тою же дорогой, которой сюда проникли, или, продолжая путь, пройти по второму ущелью, ещё более глубокому, ещё менее проходимому. Когда, избрав второй путь, римляне по скалистому распадку спустились в эту долину, то сразу же двинулись гурьбою ко второму ущелью, но наткнулись там на завал из деревьев и нагроможденных друг на друга огромных камней. Стало ясно, что это вражеская хитрость, и тут же повернувшись над ущельем замаскировали неприятельские отряды. Римляне спешат назад к дороге, которой пришли, но и она оказывается прегражденной завалами и вооруженными людьми. Тогда без всякого приказа все остановились в полной растерянности, словно скованные каким-то странным оцепенением; и, поглядывая друг на друга в надежде найти в соседе больше самообладания и сообразительности, они долго молчат, не шелохнувшись. Потом, видя, что ставятся консульские шатры, что некоторые достают орудия для земляных работ, римляне, хоть и понимая всю смехотворность возведения укреплений в столь отчаянном и безнадежном положении, чтобы не усугубить его ещё и по собственной вине, каждый сам по себе, без всяких понуканий и приказаний, принимаются за дело и, разбив у воды лагерь, окружают его валом. И враги осыпали их тем временем бранью и насмешками, и сами римляне с горькой откровенностью высмеивали свой труд и тщетные усилия. Удручённые консулы не созывали совета: совещаться было не о чем, как и подмоги ждать было неоткуда; но легаты и трибуны сами подошли к ним, а воины, обернувшись к консульскому шатру, взывали к вождям о помощи, как будто не знали, что им самим уже всё совершили.

IX, 3. Как уже сказано, консулы и трибуны сами подошли к ним, а воины, обернувшись к консульскому шатру, взывали к вождям о помощи, как будто не знали, что им самим уже всё совершили. Многие больше спорили, потому что каждый твердил то, что отвечало его нраву. «Давайте пойдём, — говорил один, — через завалы на дорогах, через горные преграды, через леса, где только можно пройти с оружием, — лишь бы подойти поближе к супостатам, ведь уже чуть ли не тридцать лет они терпят от нас поражения. Чтобы драться с вероломным самнитом, всякое место будет для римлян и равно, и удобно». «Куда и как мы пойдём? — возражал другой. — Что мы, горы станем сдвигать с места? Как ты кинешься на врага, если над тобой высятся эти кряжи? С оружием или без, храбрые и трусы, все мы равно взяты в плен и побеждены. Нам не дано даже достойно погибнуть от меча противника: враг выиграет войну, не трогаясь с места». В таких разговорах, забыв о еде и сне, римляне провели ночь. Однако и самниты не знали, что им предпринять при такой своей удаче, и все сообща решили написать Гереннию Понтию, отцу своего полководца, дабы испросить у него совета. Этот Геренний Понтий в свои преклонные годы уже отошёл не только от военных, но и от гражданских дел, однако воля и пронизательность в дряхлом его теле оставались прежними. Когда он узнал, что римское войско заперто между лесистыми склонами Кавдинского ущелья, то на вопрос о его мнении передал посланцу сына: как можно скорей отпустить всех римлян, не причиняя им никакого вреда. А когда это было отвергнуто и тот же гонец, возвратясь, вторично просил совета, Геренний предложил перебить их всех до единого. Ответы были столь противоречивы, словно их дал таинственный оракул, и, хотя сын сам первый склонялся к мысли, что в ветхом родительском теле одряхлел уже и разум, он уступил все же общему желанию и вызвал отца на совет. Старик не заставил себя упрашивать, и его, говорят, привезли на телеге в лагерь. Приглашённый на совет, он повторил примерно все то же, что говорил раньше, ни в чём не отступил от своего мнения, но объяснил, на чём оно основано. Давая первый совет, в его глазах наилучший, он стремился, чтобы столь великое благодеяние обеспечило вечный мир и дружбу с могущественнейшим народом; смысл второго совета был в том, чтобы избавить от войны многие поколения, ибо после потери двух войск римское государство не скоро вновь соберется с силами; третьего же решения, сказал он, вообще нет. Когда же сын и другие предводители стали добиваться от него, что если они изберут средний путь, то есть отпустят римлян невредимыми и в то же время по праву войны свяжут их как побежденных определенными условиями, старик сказал: «Это как раз такое решение, что друзей не создаст, а врагов не уничтожит. Вы только сохраняете жизнь людям, озлобленным унижением, а нрав римлян таков, что, потерпев поражение, они уже не ведают покоя. Нынешнее безвыходное положение вечно будет огнем жечь их души, и не будет им успокоения, покада не отомстят вам стократ». Ни тот, ни другой совет принят не был, и Геренния увезли из лагеря домой.

IX, 4. Тем временем многие из окружённых попали в плен при тщетных попытках пробиться, а в лагере уже во всем ощущалась нехватка, и римлянам волей-неволей пришлось отправить послов просить сперва мира на равных условиях, а не добившись мира, вызывать на бой. На это Понтий отвечал, что война уже завершена, а раз римляне, даже потерпев поражение и попав в плен, не способны смириться со своею участью, то он прогонит их под ярмом — раздетых и безоружных; в остальном же условия мира будут равными для побеждённых и победителей: если римляне уйдут из владений самнитов и уведут обратно своих поселенцев, то оба народа будут впредь подчиняться лишь собственным законам и жить как равноправные союзники; вот на таких ус-

ловиях он-де готов заключить договор с консулами, а если в них что-то им не по нраву, то послов пусть больше не присылают. Когда послы объявили о данном им ответе, раздался такой дружный вопль и такое всех охватило уныние, что, казалось, римляне предпочли бы этому услышать известие о предстоящей здесь им всем погибели. Долго все хранили молчание, когда же ясно стало, что консулы не решаются высказаться ни в пользу столь позорного договора, ни против него, ибо он был неизбежен, заговорил наконец Луций Лентул, в то время первый из легатов по доблести и заслугам: «От своего отца, консулы, я часто слышал, что он один на Капитолии отговаривал сенат золотом выкупать у галлов государство, когда враг, на редкость ленивый в работах и строительстве укреплений, ни рвом, ни валом не запер римлян, когда была ещё возможность прорваться, идя на большую опасность, но всё же не на верную гибель. Будь у нас возможность броситься на врага, как тогда с Капитолия, с оружием в руках — ведь так нередко нападают осажденные на осаждающих, — будь в нашей власти хоть в выгодном, хоть в невыгодном положении, но сразиться с врагом, я, давая совет, не уступил бы решимостью своему родителю. Я признаю, конечно, что смерть за отечество прекрасна и ради римского народа и его легионов готов обречь себя подземным богам и броситься в гущу врагов; но здесь я вижу перед собой моё отечество, здесь все до единого ратники римлян, и какое такое достояние они спасут ценой своей жизни, если они не хотят сложить головы за себя же самих? "Родной кров, — скажет кто-нибудь, — стены Города и толпы его жителей". Нет, клянусь вам! Погибни только это войско, и мы не спасем всё это, а выдадим врагу. Кто ж тогда станет охранять Город? Очевидно, толпа мирных безоружных граждан. Спору нет, они защитят его так же успешно, как при галльском нашествии! Может быть, они позовут из Вей войско во главе с Камиллом?»¹ Но нет, вся наша надежда и все наши силы — здесь! Сохранив их, мы спасем отечество, а погубив, покинем и отечество, отдавши его на поток и разграбление. "Но сдача позорна, — скажут иные, — позорна и унижительна!" Так в том ведь и состоит преданность отечеству, чтобы спасти его, хотя бы ценой унижения, точно так, как спасли бы его, если нужно, свою смертью. И пусть нас подвергнут какому угодно бесчестию, мы покоримся неизбежности, неодолимой даже для богов. Ступайте, консулы, выкупайте оружием государство, которое отцы ваши выкупали золотом». IX, 5. Консулы отправились к Понтию для переговоров, а когда победитель завел речь о договоре, отвечали, что без вельствия народа договор заключить невозможно, так же как без фециалов и без прочих торжественных священнодействий. Так что, вопреки общепринятому мнению и даже письменному свидетельству Клавдия, Кавдинский мир был скреплен не договором, а только клятвенным поручительством. Зачем, в самом деле, понадобились бы поручители договора или заложники, если бы дело завершилось молением к Юпитеру поразить своим гневом народ, отступивший от условий, подобно тому как фециалы поражают жертвенного кабана. Клятвенное обещание дали консулы, легаты, трибуны и квесторы, причём известны имена всех клявшихся, тогда как при заключении мира по договору были бы указаны только имена двух фециалов. И ещё потребовалось шестьсот всадников в заложники, которые должны были поплатиться головой за нарушение обещаний; и это тоже было сделано только потому, что пришлось отложить заключение самого договора. Наконец, назначили срок, когда передадут заложников, а разоруженное войско отпустят. С приходом консулов горькое отчаяние вновь охватило воинов: едва удерживались они, чтобы не поднять руку на тех, кто безрассудно завёл их в такое гиблое место, а теперь малодушно уводит из западни, навлекши на них этим позор ещё больше прежнего. Не нашлось-де у них ни проводников, ни лазутчиков, зато дали заманить себя в ловушку, как безмозглых тварей! Римляне то взглядывали друг на друга, то не сводили глаз с оружия, которое вот-вот придется отдать, и смотрели на свои руки, которые лишатся оружия, и на тела, у которых не будет защиты от врага. Во всех подробностях они представляли себе и вражеское ярмо, и насмешки победителей, их надменные взоры, и свой проход, безоружных сквозь строй вооруженных, а потом злощастное странствие через союзные города и возвращение в отечество, к родителям — в Город, куда те и сами, и предки их не раз вступали с триумфом. Только они разбиты, хотя целы и невредимы, хотя оружия не подняли и в бой не вступили, только им не пришлось ни мечей обнажить, ни с врагом сразиться, только им не впрок было оружие, сила и отвага. В этих сетованиях застал их роковой час бесчестия, когда суждено было изведать такое, что превзошло самые мрачные их ожидания. Для начала римлянам приказали безоружными и раздетыми выйти за вал, и в первую очередь были выданы и взяты под стражу заложники; потом лекторам приказали покинуть консулов и с консулов сорвали их облачение. У тех самых воинов, которые только что готовы были с проклятиями отдать консулов на растерзание, зрелище это вызвало такую жалость, что, забыв о собственном положении, все, словно ужасом охваченные, отворачивались, дабы не видеть, как поругано столь высокое достоинство.

IX, 6. Консулов, чуть не нагих, первыми прогнали под ярмом, затем тому же бесчестию подвергся каждый военачальник в порядке старшинства и, наконец, один за другим все легионы². Вокруг, осыпая римлян бранью и насмешками, стояли вооруженные враги и даже замахивались то и дело мечами, а если кто не выражал своим видом должной униженности, то оскорбленные победители наносили им удары и убивали. Так и провели их под ярмом, причём на глазах врагов, что было, пожалуй, самым мучительным. Хотя, выбравшись из ущелья, римляне, словно выходцы из преисподней, казалось, впервые увидели белый свет, но и самый свет для взиравших на своё столь опозоренное войско был чернее мрака смерти. Вот почему, хотя ещё засветло можно было добраться до Капуи, римляне, не надеявшиеся на верность союзников и к тому же их стыдившиеся, не доходя до Капуи, легли, как были, у дороги на голую землю. Когда весть о том достигла Капуи..., сочувствие к союзникам взяло верх над присущим кампанцам высокомерием. Они тотчас посылают консулам знаки их достоинства, фаски и ликторов и не спускают на оружие, коней, одежду и продовольствие для воинов. Когда же римляне приблизились к Капуе, навстречу им вышел весь сенат и весь народ и было сделано всё, что от частных лиц и от государства требуют законы гостеприимства. Однако ни радушие союзников, ни их приветливое обращение, ни ласковые речи не могли заставить римлян не то что слово проронить, но и глаза поднять и взглянуть в лицо утешавшим их друзьям, — настолько стыд вкупе с унынием понуждал их избегать и разговоров, и людского общества. На другой день, когда знатные юноши, посланные сопровождать тронувшихся в путь римлян до границ Кампании, возвратились и были призваны в курию, то на расспросы старших они отвечали, что римляне показались им ещё более подавленными и ещё более павшими духом; шли они в таком полном безмолвии, словно это шествие немых; сокрушился былой дух римлян, вместе с оружием они лишились и мужества; на приветствия они не откликаются, на вопросы не отвечают, никто не смеет рта раскрыть от стыда, будто все ещё несут они на шее то ярмо, под которым их прогнали; а самниты... добились победы не только славной, но и прочной, ибо взяли в плен даже не Рим, как некогда галлы, но доблесть и отвагу римлян, а эта победа куда блистательней.

№4

¹ В то время как Рим был занят галлами, сенат обратился к Камиллу, жившему в изгнании в городе Ардее, и назначил его диктатором. Тогда Камилл, собрав в Вейх часть воинов, бежавших сюда после битвы при Алии, двинулся на Рим и прогнал галлов.

² По рассказу Орозия (III, 15), римское войско ушло из Кавдинского ущелья «без оружия и даже без одежды; оставлено им было только самое дешёвое тряпье, понемногу на каждого».

ВІЙНИ РИМЛЯН З ЕПІРСЬКИМ ЦАРЕМ ПІРРОМ (ПЛУТАРХ, ПОРІВНЯЛЬНІ ЖИТТЄПИСИ, ПІРР, 13-25)

13. ...Римляне напали на тарентинцев... [а те] задумали призвать и сделать военачальником... Пирра, отличного полководца... В Эпир отправили послов, чтобы отвезти Пирру дары от имени не только тарентинцев, но всех вообще италиотов, и сказать, что им нужен разумный и прославленный полководец и что в их распоряжении есть большие силы луканцев, мессапов, самнитов и тарентинцев: всадников около 20 тыс., а пехотинцев 350 тыс. Эти речи воспламенили не только Пирра, но и эпиротам внушили нетерпеливое желание выступить в поход.

14. Жил тогда некто Киней, фессалиец, человек... очень разумный, ученик Демосфена и, кажется, единственный среди ораторов того времени, чья речь силой и страстностью заставляла слушателей вспоминать его учителя. Пирр, которому он служил... говорил, что Киней своими речами взял больше городов, чем он сам с мечом в руках...

15. Сперва он послал к тарентинцам Кинейя во главе 3 тыс. солдат, затем погрузил на прибывшие из Тарента грузовые суда 20 слонов, 3 тыс. всадников, 20 тыс. пехотинцев, 2 тыс. лучников и 500 пращников. Как только всё было готово, Пирр отчалил; но когда он вышел на середину Ионийского моря, его суда понёс необычный для этого времени года бурный северный ветер... Погибли [почти] все корабли... Пирр выбросился в море... и только на рассвете... выбрался на берег... Тут сбежались мессапы, на землю которых его вынесло море, по мере сил оказали ему помощь и подвели к земле немногие уцелевшие корабли, на которых было несколько десятков всадников; меньше двух тысяч пехотинцев и два слона.

16. С этими силами Пирр направился в Тарент. Киней, узнав о прибытии царя, вышел с солдатами ему навстречу. Вступив в город, Пирр ничего не предпринимал против желания тарентинцев, пока не подошли спасшиеся корабли и не собралась большая часть его войска. К этому времени Пирр увидел, что чернь в Таренте по доброй воле не склонна ни защищаться, ни защищать кого бы то ни было, а хочет лишь отправить в бой его, чтобы самой остаться дома и не покидать бань и пирушек. Потому он закрыл все гимназии и портики, где тарентинцы, прогуливаясь, вершили военные дела на словах, положил конец неуместным пирам, попойкам и шествиям и многих призвал в войско. Производя этот набор, Пирр был так неумолимо суров, что многие из тарентинцев, которые не привыкли повиноваться и жили в своё удовольствие, а всякую иную жизнь считали рабством, покинули город.

Когда пришло известие, что римский консул Левин с большими силами опустошил Луканию и наступает на Тарент, Пирр... выступил с войском, не дождавшись прихода союзных отрядов... и расположился лагерем на равнине между Пандосией и Гераклеей. Узнав, что римляне остановились неподалеку, за рекой Сиросом, Пирр верхом отправился к реке на разведку; осмотрев охрану, расположение и всё устройство римского лагеря, увидев царивший повсюду порядок, он с удивлением сказал своему приближенному Мегаклу, стоявшему рядом: «Порядок в войсках у этих варваров совсем не варварский. А каковы они в деле — посмотрим». И, уже опасаясь за дальнейшее, он решил дождаться союзников, а на тот случай, если римляне попытаются перейти реку раньше, поставил стражу, чтобы помешать переправе. Но римляне, чтобы не дать Пирру выполнить задуманное, поспешили начать переправу, причем пехота переходила реку там, где был брод, а конница — в разных местах, так что греки, боясь окружения, отступили. Узнав об этом, Пирр встревожился и приказал своим военачальникам построить пехоту и держать её в боевой готовности, а сам во главе 3 тыс. всадников поскакал вперед, надеясь застигнуть римлян до того, как они, переправившись, встанут в боевой порядок. Приблизившись, он увидел над рекой множество щитов и конницу, двигавшуюся строем, и первым бросился вперед, прищпорив коня. Во время битвы красота его оружия и блеск роскошного убора делали его заметным отовсюду, и он делом доказывал, что его слава вполне соответствует доблести, ибо, сражаясь с оружием в руках и храбро отражая натиск врагов, он не терял хладнокровия и командовал войском так, словно следил за битвой издали, поспевая на помощь всем, кого, казалось, одолевал противник. Один македонянин, по имени Леоннат, заметил, что какой-то италиец неотступно скачет вслед за Пирром, направляя своего коня туда же, куда он, и следя за каждым его движением. «Видишь, царь, — сказал Леоннат, — того варвара на вороном коне с белыми бабками? Кажется, он замышляет грозное и страшное дело. Он полон злобы и дерзости, он не спускает с тебя глаз и повсюду преследует тебя, ни на кого больше не обращая внимания. Остерегайся его!» А Пирр ответил: «От судьбы, Леоннат, не уйдешь. А безнаказанно сойтись со мной врукопашную ни ему, ни иному кому из италийцев не удастся!» Пока они так разговаривали, италиец, занеся копьё и дав шпоры коню, напал на Пирра. Он поразил копьём царского скакуна, и одновременно Леоннат, метнув копьё, поразил его коня. Кони упали, Пирра унесли окружавшие его приближенные, а италийца, продолжавшего сопротивляться, убили. Он был френтан родом, командовал конным отрядом и звали его Оплак.

17. Этот случай научил Пирра осторожности; видя, что его конница отступает, он послал за пехотой и выстроил её в фалангу, сам же отдал свой плащ и оружие одному из приближённых, Мегаклу, надел его вооружение и повёл войско на римлян. Те выдержали натиск, и завязался бой, исход которого долгое время не мог определиться: говорят, что семь раз противники поочередно то обращались в бегство, то пускались в погоню за бегущими. А обмен оружием, который в другое время послужил бы на пользу царю, чуть было не погубил его дело и не отнял у него победу, ибо за Мегаклом гналось много врагов, и первый, кому удалось сразить его, римлянин по имени Дексий, сорвал с него шлем и плащ, подскакал к Левину и показал ему добычу, крича, что убил Пирра. Когда шлем и плащ стали передавать по рядам и показывать всем, римляне подняли радостный крик, а греки пали духом и ободрились лишь после того, как Пирр узнав о случившемся, проехал по полю боя, открыв лицо, простирая к сражающимся правую руку и громко окликая их, чтобы его могли узнать по голосу. В конце битвы римлян сильно потеснили слоны, так как римские кони не выносили вида этих чудовищ и мчались вместе со всадниками вспять, не успев приблизиться к врагам, а Пирр, напав во главе фессалийской конницы на пришедших в замешательство противников, обратил их в бегство и многих перебил. Дионисий сообщает, что в битве пало без малого 15 тыс. римлян, Иероним утверждает, что только семь, Пирр же потерял, согласно Дионисию, 13 тыс. человек, согласно Иерониму — меньше 4 тыс., но зато самых сильных и храбрых... Зато он взял лагерь, покинутый римлянами, привлёк на свою сторону многие союзные с Римом города, опустошил обширную область и продвинулся вперед настолько, что от Рима его отделяло лишь 300 стадиев*. После битвы к нему пришло множество луканов и самнитов, и хотя Пирр упрекнул их за промедление, было ясно, что он радуется и гордится, одержав победу над огромными силами римлян только со своими воинами и с тарентинцами.

18. Римляне не лишили Левина власти, хотя... Гай Фабриций, считавший, что поражение потерпел полководец, а не войско, заявил: «Не эпироты победили римлян, а Пирр — Левина». Пополнив свои легионы и набрав новые, римляне продолжали говорить о войне так, что Пирр был поражен их бесстрашием и надменностью. Полагая, что разгромить римлян окончательно и взять их город дело нелегкое, а при его военных силах и вовсе невозможное, он решил отправить в Рим посольство и разведать, не расположены ли там пойти на соглашение... Киней, отправленный послом, встретился с самыми знатными римлянами, а их женам и сыновьям поднёс от имени царя подарки. Этих подарков никто не принял, но все отвечали, что если их государство заключит с царем союз, то и они с радостью предложат ему свою дружбу. Когда же Киней привели в сенат и он в пространной и дружелюб-

ной речи сказал, что царь без выкупа отпускает всех взятых в бою пленных и обещает римлянам помощь в завоевании Италии, ничего не требуя взамен, кроме дружеского союза с ним и неприкосновенности Тарента, никто не высказал ни радости, ни готовности принять это предложение, хотя многие открыто склонялись к заключению мира, считая себя побеждёнными в решительном сражении и ожидая новых неудач после того, как итальянцы присоединятся к Пирру и силы его возрастут.

19. Тем временем о царском посольстве узнал Аппий Клавдий. Прославленный муж, он по старости и слепоте уже оставил государственную деятельность, но когда распространились слухи, что сенат собирается принять решение о перемирии, не выдержал и приказал рабам нести его на носилках через форум в курию. У дверей его окружили сыновья и зятья и ввели в зал; сенат встретил его почтительным молчанием. А он, тотчас же взяв слово, сказал: «До сих пор, римляне, я никак не мог примириться с потерей зрения, но теперь, слыша ваши совещания и решения, которые обращают в ничто славу римлян, я жалею, что только слеп, а не глух. Где же те слова, которые вы всем и повсюду твердите и повторяете, слова о том, что если бы пришёл в Италию великий Александр и встретился бы с нами, когда мы были юны, или с нашими отцами, которые были тогда в расцвете сил, то не прославляли бы теперь его непобедимость, но своим бегством или гибелью он возвысил бы славу римлян? Вы доказали, что все это было болтовней, пустым бахвальством! Вы боитесь молоссов и хаонов, которые всегда были добычей македонян, вы трепещете перед Пирром, который всегда, как слуга, следовал за каким-нибудь из телохранителей Александра, а теперь бродит по Италии не с тем, чтобы помочь здешним грекам, а чтобы убежать от своих тамошних врагов. И он обещает доставить нам первенство среди итальянцев с тем войском, что не могло удержать для него самого и малую часть Македонии! Не думайте, что, вступив с ним в дружбу, вы от него избавитесь, нет, вы только откроете дорогу тем, кто будет презирать нас в уверенности, что любому нетрудно нас покорить, раз уж Пирр ушёл, не поплатившись за свою дерзость, и даже унёс награду, сделав римлян посмешищем для тарентинцев и самнитов». Эта речь Аппия внушила сенаторам решимость продолжать войну, и они отослали Киней, передав с ним такой ответ: пусть Пирр уходит из Италии и тогда, если хочет, ведёт переговоры о дружбе, а пока он остаётся с войсками в Италии, римляне будут воевать с ним, доколе хватит сил... Киней во время своего посольства старался присмотреться к жизни римлян, понять, в чем достоинства их государственного устройства, побеседовать со знатнейшими из них и., рассказав обо всем Пирру..., прибавил, что сенат показался ему собранием царей, а если говорить о народе, то он, Киней, боится, как бы не пришлось сражаться с неким подобием Лернейской гидры: ведь у консула насчитывается уже вдвое больше войск, чем было раньше, а в Риме остаётся ещё во много раз больше людей, способных носить оружие.

20. После этого к Пирру отправилось из Рима посольство вести переговоры о пленных, и среди послов был Гай Фабриций, человек крайне бедный, но доблестный и воинственный, чьё слово, как утверждал Киней, было для римлян решающим. Пирр наедине дружелюбно убеждал его принять в подарок золото, уверяя, что даёт ему деньги не в награду за позорную измену, а просто в знак дружбы и гостеприимства. Фабриций отказался, и Пирр в тот день ничего больше не предпринял, но, желая поразить римлянина, никогда не выдавшего слона, приказал на следующий день во время переговоров поставить самое большое из этих животных позади послов, скрыв его занавесом. Так и было сделано: по знаку царя занавес отдернули, слон неожиданно протянул хобот над головой Фабриция и оглушительно затрубил. Но тот спокойно улыбнулся и сказал Пирру: «Право, сегодня вид этого чудовища смутил меня не больше, чем вчера — золото»...

21. ...Пирр, которого обстоятельства заставляли искать нового сражения, выступил и встретился с римлянами близ города Аскула, но неприятель оттеснил его в места, непроходимые для конницы, к лесистым берегам быстрой реки, откуда слоны не могли напасть на вражеский строй. Много воинов было ранено и убито в этом сражении, пока ночь не прервала его. На следующий день, задумав перенести битву на равнину и бросить в бой слонов, Пирр заранее укрепил наиболее уязвимые позиции караульными отрядами и, расставив между слонами множество метателей дротиков и стрелков из лука, стремительно двинул на врага плотно сомкнутый строй. Римляне не могли уклониться в сторону и ударить с фланга, как в предыдущем сражении, и встретили противника на равнине лицом к лицу, стремясь скорее отбросить тяжелую пехоту, пока не подошли слоны. Римские воины упорно бились мечами против сарисс и, не щадя себя, не обращая внимания на раны, думали только о том, как бы поразить и уничтожить побольше врагов. Говорят, что много времени прошло, прежде чем они начали отступать, и именно там, где их теснил сам Пирр. Но и ему принёс успех главным образом мощный натиск слонов, ибо против них воинская доблесть была бессильна и римляне считали, что перед этой силой, словно перед прибывающей водой или разрушительным землетрясением, следует отступить, а не упорствовать и гибнуть понапрасну самой страшной смертью там, где нельзя помочь делу. Римляне бежали в свой лагерь, который был неподалёку.

Иероним говорит, что погибло бтыс. римлян, а воинов Пирра, как сказано в царских записках, было убито 3500 человек. Дионисий же отрицает, что под Аскулом было два сражения, и пишет, что римляне не признавали себя побеждёнными; по его словам, всё произошло в течение одного дня, битва продолжалась до захода солнца, и враги разошлись лишь после того, как Пирр был ранен дротиком в руку, а самниты разграбили его обоз, причем и из войска Пирра, и у римлян погибло более чем по 15 тыс. человек. Сигнал к отступлению подали обе стороны, и говорят, что Пирр заметил какому-то человеку, радовавшемуся победе: «Если мы одержим ещё одну победу над римлянами, то окончательно погибнем»¹. Погибла большая часть войска, которое он привёз с собой, и почти все его приближенные и полководцы, других воинов, которых можно было бы вызвать в Италию, у него уже не было, а кроме того он видел, что пыл его местных союзников остыл, в то время как вражеский лагерь быстро пополняется людьми, словно они притекают из какого-то бьющего в Риме неиссякаемого источника, и что после всех поражений римляне не пали духом, но гнев лишь приумножил их упорство.

22. В этот трудный момент у Пирра появились новые надежды. Ему даже пришлось выбирать, потому что одновременно к нему обратились сицилийцы, предложившие занять Акрагант, Сиракузы и Леонтины и просившие изгнать карфагенян и освободить остров от тиранов, и вестники из Греции, сообщившие, что Птолемей Керавн пал в битве с галатами и теперь самое время явиться в Македонию, лишившуюся царя. ...Решив, что в Сицилии его ждут более славные подвиги и что оттуда недалеко до Африки, он предпочёл двинуться на остров и, как обычно, тотчас же послал вперед Киней для предварительных переговоров с сицилийскими городами. В Таренте он поставил караульный отряд, а тарентинцам, с негодованием требовавшим, чтобы он либо вел войну с римлянами, ради которой явился, либо покинул страну и оставил им город таким, каким его принял, отвечал высокомерно, советуя спокойно ждать, пока придет их черед. Затем он отплыл в Сицилию, где все шло так, как он предполагал: города с готовностью присоединялись к нему, так что на первых порах ему нигде не приходилось прибегать к военной силе, и всего с 30 тыс. пеших, 2500 конных воинов и 20 судами он разбил карфагенян и занял их владения...

23. ...Карфагеняне, стремящиеся к миру, согласны были заплатить ему деньги и прислать суда, если он заключит с ними союз, но Пирр, жаждавший добиться большего, ответил, что заключит мир только в том случае, если они покинут Сицилию, что-

¹ Эта «Пиррова победа» произошла в 279 г. до н.э., т.е. ещё до консульства Фабриция.

бы границей между ними и греками стало Ливийское море. Гордый своей мощью и успехами, стремясь осуществить то, ради чего он и приплыл в Сицилию, а больше всего мечтая об Африке, Пирр стал набирать по городам гребцов, которых не хватало на многих его кораблях, и при этом действовал уже не мягко и снисходительно, а властно и жестоко, прибегая к насилиям и наказаниям. Сначала он не был таким, напротив, как никто другой, привлекал к себе приветливым обхождением, всем доверял и никого не стеснял, зато позже, превратившись из вождя народа в тирана, своею суровостью стяжал себе славу человека жестокого и коварного... И тут дела царя сразу же приняли иной оборот: города возненавидели его страшной ненавистью... В эту пору, когда Пирр повсюду видел измену, заговоры и восстания, к нему прибыли письма от самнитов и тарентинцев, которые, лишившись своих земель и с трудом отстаивая от врагов города, просили его о помощи. Это помогло Пирру скрыть, что его отплытие означает отказ от всех замыслов и бегство, ибо на самом деле Сицилия, словно потрясаемый бурей корабль, уже не повиновалась ему, и он, ища выхода, поспешно бросился в Италию. ...Покидая остров и оглянувшись, он сказал стоявшим рядом с ним: «Какое ристалище для состязаний оставляем мы римлянам и карфагенянам, друзья!» И спустя недолгое время то, что он предугадал, сбылось¹.

24-25. ...Пирр... с 20 тыс. пехотинцев и 3 тыс. всадников прибыл в Тарент. Пополнив там войско самыми храбрыми из тарентинцев, он тотчас выступил против римлян, стоявших лагерем в Самнии. Дела у самнитов в это время шли совсем плохо: разбитые римлянами во многих сражениях, они пали духом, да и отплытие Пирра в Сицилию у них вызвало недовольство, так что присоединились к нему лишь немногие. Разделив свое войско, Пирр половину послал в Луканию, желая задержать там одного из консулов, чтобы тот не пришел на помощь товарищу по должности, а другую часть сам повел на Мания Курия, стоявшего лагерем в безопасном месте возле города Беневента и ожидавшего подкреплений из Лукании (впрочем, он бездействовал ещё и потому, что его удерживали предсказания жрецов и птицегадателей). Пирр спешил напасть на римлян прежде, чем подойдет второй консул, и поэтому, собрав самых сильных людей и самых свирепых слонов, ночью двинулся на лагерь врага. Но дорога была длинная, шла через густой лес, воины заблудились в темноте, и таким образом время было потеряно. Наступило утро, на рассвете враги ясно увидели Пирра, двигавшегося по гребню холмов. В лагере римлян поднялись шум и суматоха, и так как обстоятельства требовали решительных действий, а жертвы предвещали Манию удачу, консул вышел из лагеря, напал на передние ряды наступавших и обратил их в бегство, чем привел в смятение и остальных. Было перебито множество солдат Пирра, захвачено несколько слонов, брошенных во время отступления, и эта победа позволила Манию перенести бой на равнину. На глазах врага собрав свои легионы, он в одних местах обратил противника в бегство, но в других под натиском слонов отступил к самому лагерю и вызвал оттуда караульных, которых много стояло на валу в полном вооружении. Со свежими силами выйдя из-за укреплений, они забросали слонов копьями и повернули их вспять, а бегство слонов вызвало беспорядок и замешательство среди наступавших под их прикрытием воинов, и это не только принесло римлянам победу, но и решило спор о том, кому будет принадлежать верховное владычество над Италией. Доказав в этих битвах свою доблесть, они обрели уверенность в своей мощи и, прославив непобедимыми, вскоре захватили всю Италию, а через некоторое время и Сицилию.

№6

ПІДКОРЕННЯ РИМЛЯНАМИ ПІВДЕННОЇ ІТАЛІЇ (ПОЛБІЙ, ЗАГАЛЬНА ІСТОРІЯ, I, 6-7)

Кн. I, Гл. 6. Был 19-й год после сражения при Эгоспотамах [405 г. до н.э.], за шестнадцать лет до битвы при Левктрах, когда лакедемоняне заключили с царём персов так называемый Анталкидов мир [387 г. до н.э.]; тогда же Дионисий Старший², одержав победу над италийскими эллинами в битве при реке Эллепоре, приступил к осаде Регия, а галаты завоевали самый Рим и заняли весь город, кроме Капитолия. Римляне заключили мир с кельтами на условиях, предложенных этими последними, сверх всякого ожидания получили обратно родной город, начали восстанавливать свои силы, а затем вели войну с соседями. Благодаря мужеству и военному счастью римляне покорили своей власти всех жителей Лациума, потом воевали с тирренами, далее с кельтами, вслед за сим с самнитами, которые живут у восточных и северных границ земли латинов.

Некоторое время спустя тарентинцы в страхе перед римлянами, послам которых нанесли обиду, призвали на помощь Пирра; случилось это за год до нашествия галатов на Элладу, которые разбиты были под Дельфами и переправились морем в Азию. В это-то время римляне, покорив уже тирренов и самнитов, одолев во многих сражениях италийских кельтов, впервые обратили свои силы на остальные части Италии. В битвах с самнитами и кельтами они изошрились в военном деле и теперь собирались воевать за земли, большую часть коих почитали уже не чужим достоянием, но как бы своею собственностью и своими владениями. Войну эту они вели доблестно и, наконец, выгнали из Италии Пирра с его войсками, потом предприняли новые войны и сокрушили союзников Пирра. Покорив неожиданно все эти народы, подчинив своей власти всех жителей Италии, кроме кельтов, они затем приступили к осаде Регия, занятого в то время римлянами³.

I, 7. Необычайная, сходная участь постигла оба города, лежащие у пролива, Мессену и Регий, именно: незадолго до описываемого нами времени кампанцы, некогда служившие наёмниками у Агафокла и давно уже с завистью взиравшие на красоту и общее благосостояние города, воспользовались первым удобным случаем, чтобы предательски завладеть городом. Будучи допущены в город как друзья, они завладели им, часть жителей изгнали, других перебили, а женщин и детей несчастных мессенян, какие кому попались в руки при самом совершении злодеяния, кампанцы присвоили себе, затем остальное имущество и землю поделили между собою и обратили в свою собственность.

Так как прекрасная страна и город взяты были быстро и легко, то кампанцы скоро нашли себе подражателей. Дело в том, что регияне пришли в ужас от вторжения Пирра, когда он проник в Италию, в то же время страшились и морского владычества карфагенян, а потому просили у римлян гарнизона и вспомогательного войска. По прибытии на место в числе четырех тысяч человек с Децием Кампанцем во главе римляне некоторое время оставались верными стражами города. Наконец они возревновали к мамертинцам, помощью которых воспользовались: соблазняемые благосостоянием города и богатством отдельных регийских граждан, римляне нарушили договор и точно так же, как кампанцы, выгнали одних граждан, умертвили других и завладели городом. Римляне были сильно возмущены случившимся, но не могли воспрепятствовать этому, так как вовлечены были в упомянутые выше войны. Покончив с войнами, они немедленно заперли тех римлян в Регии и осадили его, о чем сказано выше. Одержав

¹ Имеется в виду I Пуническая война Рима и Карфагена за обладание Сицилией (264-241 гг. до н.э.).

² Дионисий Старший (431-367 гг. до н.э.), сын Гермocrates, тиран Сиракуз, воевал, между прочим, с италийскими эллинами и взял г. Регий голодом в 387 г. до н.э.

³ Регий (ныне Реджо) — город на бруттийском берегу Италии при Сицилийском проливе. Римский гарнизон из кампанцев овладел городом и подвергал жителей убийствам и грабежам. В 270 г. до н.э. город возвращён был уцелевшим прежним жителям его, а разбойники жестоко наказаны.

верх в сражении, римляне большую часть врагов истребили при самом взятии города, потому что те в предвидении будущего зашищались отчаянно; в плен взято было более трехсот человек. Пленные отправлены были в Рим, где по приказанию консулов выведены на площадь, высечены и по обычаю римлян все обезглавлены секирой. Наказанием виновных римляне желали, насколько возможно, восстановить доверие к себе у союзников. Самая земля и город были тотчас возвращены регианам.

РОЗДІЛ 2 БОРОТЬБА РИМУ ЗА ПАНУВАННЯ В СЕРЕДЗЕМНОМОР'І (264-129 рр. до н.е.)

І. ПЕРЕДУМОВИ РИМСЬКО-КАРФАГЕНСЬКОГО ПРОТИСТОЯННЯ. ПЕРША ПУНІЧНА ВІЙНА (264-241 рр. до н.е.)

№1

ГЕОГРАФІЧНІ УМОВИ КАРФАГЕНА (АПІАН, РИМСЬКА ІСТОРІЯ, ЛІВІЙСЬКІ СПРАВИ, XIV, 95-96)

Аппіан (сер. II ст. н.е.) народився в Александрії Єгипетській, якийсь час жив в Римі і був великим імператорським чиновником. Більш докладних біографічних відомостей про нього не збереглося. Аппіан — автор «Римської історії» в 24 книгах. В його праці викладається історія окремих народів. До нас дійшли наступні книги: Іберійська, Ганнібалова, Лівійська (VI—VIII книги) і опис громадянських війн в Римі (XII—XVII книги). Аппіан не приховує свого захоплення величчю римської держави. На його думку воно було досягнуто завдяки планомірній мудрості, доблесті, витриманості, твердості (все це не без покровительства Фортуни), — завдяки чому Рим зумів досягти всесвітнього панування і існував так багато століть. Разом з тим, він прагнув зрозуміти матеріальну основу громадянських воєн в Римі і чітко заявляє, що вона в кінцевому рахунку велась через земельну власність.

Кн. XIV, Гл. 95. Карфаген был расположен в углу очень большого залива и всего более походил на полуостров. Перешеек шириной в 25 стадиев отделял его от материка; от этого перешейка к западу выступал между озером и морем узкий и длинный язык, самое большее в полстадия шириной. Там, где город был обращен к морю, он был окружен простой стеною, так как в окрестностях находилось много отвесных скал. К югу же и к материка, где находилась также цитадель Карфагена, Бирса, стена была тройная.

Каждая из этих стен имела в высоту 30 локтей, помимо брусчатых и башен, которые отстоят друг от друга на расстоянии двух плетров, и у каждой было четыре этажа; ширина же была 30 футов. Каждая стена заканчивалась в высоту двумя крышами. И так как стены были внутри пустыми и сводчатыми, то внизу были устроены стойла для 300 слонов, и тут же были расположены запасы корма для них. Далее помещались конюшни для 4 тыс. лошадей и склады сена и ячменя, а также пристанища для людей — примерно для 20 тысяч пехотинцев, для 4 тысяч конницы. Такое воинское снаряжение было распределено для пребывавших в самих стенах. Угловая стена, которая мимо упомянутого языка загибалась от стены к гаваням, одна была слабой и низкой и в начале находилась в полном небрежении.

XIV, 96. Карфагенские гавани были расположены так, что из одной можно было проплыть в другую, и со стороны моря в них был один общий вход шириною в 70 футов, который запирался железными цепями. Первая была купеческая, и в ней были многочисленные и разнообразные причалы для кораблей. Посреди внутренней гавани был остров. Его, как и самую гавань, охватывали большие плотины. Они избобиловали доками, которые могли принять 220 кораблей, и кладовыми на этих доках, хранившими все необходимое для оборудования кораблей. У каждого дока спереди были две ионийские колонны, придававшие и гавани, и острову подобие галереи.

На острове же сооружено было здание для командира флота, откуда и трубач мог подавать сигналы, и глашатай — объявлять, и командир флота — наблюдать. Остров расположен был возле входа в гавань и сильно выдавался своей высотой, так что командир флота мог наблюдать всё происходившее на море, а подплывавшие не могли точно рассмотреть того, что было в гавани. Да и купцам, вплывавшим в гавань, нельзя было сряду рассмотреть доки. Ибо на пути лежала двойная стена и были особые ворота, через которые купцы из первой гавани попадали в город, не проходя через доки.

№2

ДОГОВОРИ РИМУ З КАРФАГЕНОМ ДО ПОЧАТКУ ПУНІЧНИХ ВІЙН (ПОЛІБІЙ, ЗАГАЛЬНА ІСТОРІЯ, III, 22-25)

Кн. III, Гл. 22. Первый договор¹ между римлянами и карфагенянами был заключен при Луции Юнии Бруте и Марке Горации, первых консулах после упразднения царской власти, при тех самых, которыми освящен был храм Зевса Капитолийского, т.е. за 28 лет до вторжения Ксеркса в Элладу [509 г. до н.э.]. Мы сообщаем его в переводе, сделанном с возможною точностью, ибо и у римлян нынешний язык настолько отличается от древнего, что некоторые выражения договора могут быть поняты с трудом лишь весьма сведущими и внимательными читателями.

Содержание договора приблизительно следующее: «Быть дружбе между римлянами с союзниками и карфагенянами с союзниками на нижеследующих условиях: римлянам и союзникам римлян возбраняется плыть дальше Прекрасного мыса², разве к тому они будут вынуждены бурей или неприятелями. Если кто-нибудь занесен будет против желания, ему не дозволяется ни покупать что-либо, ни брать сверх того, что требуется для починки судна или для жертвы. В 5-дневный срок он обязан удалиться. Явившиеся по торговым делам не могут совершить никакой сделки иначе, как при посредстве глашатая или писца. За всё то, что в присутствии этих свидетелей ни было бы продано в Ливии или в Сардинии, ручается перед продавцом государство. Если бы кто из римлян явился в подвластную карфагенянам Сицилию, то во всем он пользовался бы одинаковыми правами с карфагенянами. С другой стороны, карфагенянам возбраняется обижать народ ардеатов, анциатов, ларентинов, цирцеитов, таррацинитов³ и всякий иной латинский народ, подчиненный римлянам. Если какой-либо народ и не подчинен римлянам, карфагенянам возбраняется на-

¹ Первый договор... — Диодор Сицилийский относит это событие к 348 г. до н.э.

² Прекрасный мыс — в Зевгитане, недалеко Карфагена. По мнению некоторых исследователей, это — нижняя часть Гермесова мыса к востоку от Карфагена, именуемого теп. Сар Вон, у туземцев Ras-Adder.

³ ардеатов... таррацинитов... — по именам городов Лациума: Ардеи, Анция, Лаврента, Цирцеи, Террацины.

падать на их города; а если бы и какой город они взяли, то обязуются возвратить его в целости римлянам. Карфагенянам возбраняется сооружать укрепления в Лации, и если бы они вторглись в страну как неприятели, им возбраняется проводить там ночь».

III, 23. Прекрасный мыс — тот, что тянется перед самым Карфагеном по направлению к северу. Карфагеняне находили нужным воспретить римлянам плавание на длинных кораблях [т.е. военных] дальше Прекрасного мыса с целью, как мне кажется, воспрепятствовать ознакомлению римлян с местностями Биссатиды и Малого Сирта, которые называются у них эмпориями¹ и отличаются высокими достоинствами. Если бы кто занесён был туда против желания бурей или загнан неприятелем и нуждался бы в чём-либо необходимом для жертвы или для поправки судна, карфагеняне позволяют взять это, но ничего больше и притом требуют непременно удаления приставших сюда в пятидневный срок. По торговым делам римлянам дозволяется приезжать в Карфаген и во всякий другой город Ливии по сю сторону Прекрасного мыса, а также в Сардинию и подчиненную карфагенянам часть Сицилии, причём карфагеняне обещают от имени государства обеспечить каждому это право. Из этого договора явствует, что карфагеняне говорят о Сардинии и Ливии как о собственных владениях; напротив, относительно Сицилии они ясно отличают только ту часть её, которая находится во власти карфагенян, и договариваются только о ней. Равным образом и римляне заключают договор только относительно Лации, не упоминая об остальной Италии, так как она не была тогда в их власти.

III, 24. После этого договора они заключили другой [в 306 г. до н.э.], в который карфагеняне включили тирийцев² и народ Утики. К Прекрасному мысу прибавляются теперь Мастия и Тарсея³, и они требуют, чтобы дальше этих пунктов римляне не ходили за добычей и не основывали города.

Вот каково приблизительно содержание договора: «Быть дружбе между римлянами с союзниками и карфагенянами, тирянами, народом Утики с союзниками на следующих условиях: римлянам возбраняется плавать по ту сторону Прекрасного мыса, Мастии и Тарсея как за добычей, так и для торговли и основания города. Если бы карфагеняне овладели в Лации каким-либо городом, не зависимым от римлян, то они могут взять деньги и пленных, а самый город обязаны возвратить. Если бы какие-либо карфагеняне взяли в плен кого-либо из народа, который заключил с римлянами писанный договор, но не находящегося под властью римлян, карфагенянам возбраняется привозить пленных в римские гавани; если же таковой будет доставлен туда и римлянин наложит на него руку, то пленный отпускается на свободу. То же самое возбраняется и римлянам. Если римлянин в стране, подвластной карфагенянам, возьмет воды или съестных припасов, ему возбраняется с этими съестными припасами обижать какой-либо народ, связанный с карфагенянами договором и дружбою. То же самое возбраняется и карфагенянам. Если же случится что-нибудь подобное, обиженному запрещается мстить за себя; в противном случае деяние его будет считаться государственным преступлением. В Сардинии и Ливии никому из римлян не дозволяется ни торговать, ни основывать городов, ни приставать где-либо, разве для того только, чтобы запастись продовольствием или починить судно. Если римлянин будет занесен бурей, то обязан удалиться в пятидневный срок. В той части Сицилии, которая подвластна карфагенянам, а также в Карфагене, римлянину наравне с гражданином предоставляется совершать продажу и всякие сделки. То же самое предоставляется и карфагенянину в Риме». И в этом договоре карфагеняне ещё более определённо заявляют право собственности на Ливию и Сардинию и запрещают римлянам всякий доступ к ним; напротив, относительно Сицилии они определённо называют только подвластную им часть её. Точно так же выражаются римляне о Лации, обязывая карфагенян не причинять обид ардеатам, анциатам, цирцеитам и таррацинитам. Это те города, которые лежат при море на границе латинской земли, в отношении которой и заключается договор.

III, 25. Последний договор до войны карфагенян за Сицилию римляне заключили во время переправы Пирра в Италию. В нём подтверждается все то, что было в прежних договорах, и прибавляются следующие условия: «Если бы римляне или карфагеняне пожелали заключить письменный договор с Пирром, то оба народа обязаны выговорить себе разрешение помогать друг другу в случае вторжения неприятеля, какая бы из двух стран ни подверглась нападению. Тот или другой народ нуждался бы в помощи, карфагеняне обязаны доставить суда грузовые и военные, но жалованье своим воинам каждая сторона обязана уплачивать сама. Карфагеняне обязуются помогать римлянам и на море в случае нужды; но никто не вправе понуждать команду к высадке на сушу, раз она того не желает». Что касается клятвы, то она должна была быть такого рода: первые договоры карфагеняне утвердили клятвою во имя отеческих богов, а римляне, согласно древнему обычаю, — во имя Юпитера Камня, последний же договор — именами Марса и Эниалия. Клятва Юпитером Камнем состоит приблизительно в следующем: утверждающий клятвою договор берет в руку камень и, поклявшись от имени государства, произносит такие слова: «Да будут милостивы ко мне боги, если я соблюду клятву; если же помыслию или учиню что-либо противное клятве, пускай все люди невредимо пребывают на собственной родине, при собственных законах, при собственных достатках, святынях, гробницах, один я да буду повергнут, как этот камень». При этих словах произносящий клятву кидает камень.

№3

I ПУНІЧНА ВІЙНА (264-241 РР. ДО Н.Е.) (ПОЛБІЙ, ЗАГАЛЬНА ІСТОРІЯ, I, 10-13, 16-61)

Кн. I, Гл. 10. Мамертинцы*... потеряли помощь Регия; теперь... и собственные силы их были сокрушены вконец. Поэтому одни из них искали убежища у *карфагенян*, передались им сами, передали и акрополь; другая часть мамертинцев отправила посольство к римлянам с предложением принять их город и с просьбою помочь им, как родственным с ними по крови. Римляне долго колебались, что предпринять, ибо помощь мамертинцам было бы явною непоследовательностью. Так, ещё недавно римляне казнили жесточайшею казнью собственных граждан за то, что они нарушили уговор с региянами, и тут же помогать мамертинцам, почти в том же виноватым не перед мессенцами только, но и перед городом региян, было бы непростительною несправедливостью. Все это римляне понимали; но они видели также, что карфагеняне покорили своей власти не только Ливию, но и большую часть Иберии, что господство их простирается и на все острова Сардинского и Тирренского морей, и сильно боялись, как бы не приобрести в карфагенянах в случае покорения ими Сицилии опасных и страшных соседей, которые окружают их кольцом и будут угрожать всем частям Италии. Было совершенно ясно, что, если римляне откажут в помощи мамертинцам, карфагеняне быстро овладеют Сицилией; ибо, имея в своих руках Мессену, которая передалась им сама, карфагеняне должны занять вскоре и Сиракузы, так как вся почти Сицилия была уже в их власти. Прозревая это и находя для себя невозможным выдавать Мессену и тем самым дозволить карфагенянам как бы сооружение моста для переправы в Италию, римляне долгое время обсуждали положение дела.

¹ *эмпорий* — торговая фактория.

² *тирийцев* — по разрушении Тира Александром Македонским большая часть тирийцев на своих и карфагенских кораблях бежала на запад, в места своих древних колоний в Ливии и Испании, причем некоторые из них могли поселиться подле Карфагена в виде независимого, дружественного с Карфагеном города.

³ *Мастия и Тарсей* — города южной Испании недалеко от Геракловых Столбов, в области мастианов и тарсеян.

I, 11. ...Сенат не принимал никакого решения, ибо, насколько и непоследовательно, настолько же и выгодно было оказать поддержку *мамертинцам*. Однако народ, истощённый предшествовавшими войнами и жаждавший поправить свои дела каким бы то ни было способом, решил по внушению консулов оказать помощь мамертинцам; в дополнение к тому, что было только что сказано о пользе войны для государства, они исчисляли частные выгоды войны для отдельных граждан. Когда предложение принято было народом, римляне выбрали одного из консулов, Аппия Клавдия, в военачальники и повелели ему идти в Мессену на помощь. Мамертинцы частью угрозами, частью хитростью вытеснили уже карфагенского военачальника из кремля, призвали Аппия и передали ему город. Карфагеняне распяли своего вождя Ганнона, обвинивши его в выдаче кремля по безрассудству и трусости; сами же поставили флот у Пелориады, сухопутное войско — подле так называемых Син и ревностно повели осаду Мессены.

В это время Гиерон заключил союз с карфагенянами, находя настоящий момент удобным для того, чтобы совершенно очистить Сицилию от варваров, занимавших Мессену. Вслед за этим он вышел из Сиракуз и двинулся к этому городу, расположился лагерем с противоположной стороны подле горы, называемой Халкидскою, и запер выход жителям города в этом направлении. Римский военачальник ночью с большой отвагой переправился через пролив и явился перед Мессеной. Но, видя, что неприятель жестоко теснит город со всех сторон, и понимая предосудительность и вместе с тем опасность осады, пока неприятель господствует на суше и на море, Аппий прежде всего обратился через послов к обеим сторонам, дабы избавить мамертинцев от войны. Только после, когда ни одна сторона не вяла ему, Аппий вынужден был отважиться на битву и решил начать нападение на сиракузян. Он вывел войско из лагеря и построил его в боевой порядок; царь сиракузян быстро вышел ему навстречу. После продолжительного жаркого боя Аппий одолел неприятеля и прогнал всех бегущих до самого вала. Сняв доспехи с убитых, он возвратился в Мессену, а Гиерон в страхе за самую власть с наступлением ночи поспешно удалился в Сиракузы.

I, 12. Узнавши на следующий день об отступлении сиракузян, Аппий почувствовал себя смелее и решил напасть на карфагенян немедленно. Солдатам своим он отдал приказ готовиться поскорее и на рассвете выступил в поход. В сражении с неприятелем он многих истребил, а остальных принудил спастись поспешным бегством в ближайшие города. После этих побед и по снятии осады Аппий ходил теперь беспрепятственно по разным направлениям, опустошал поля сиракузян и союзников их, причём никто не выступал против него в открытое поле; наконец он расположился у самых Сиракуз и начал осаду города...

I, 13. ...Во введении кратко перечислим важнейшие события. Из них первые по порядку относятся к войне между римлянами и карфагенянами из-за Сицилии. За ними следовала война ливийская, а к ней примыкают подвиги Гамилькара в Иберии и затем деяния Гасдрубала и карфагенян. В это же самое время последовал первый переход римлян в Иллирию и прилегающие к ней части Европы. Далее следовали битвы римлян с италийскими кельтами...

I, 16. Когда из Сицилии пришли вести в Рим о победах Аппия и его легионов, римляне выбрали в консулы Мания Отацилия и Мания Валерия, стали снаряжать все войска с двумя вождями во главе в Сицилию. У римлян всего войска, не считая союзников, четыре римских легиона, которые набираются ежегодно; в каждом из них 4 тыс. пехоты и 300 конных воинов. Когда войска эти явились в Сицилию, большинство городов отложилось от карфагенян и сиракузян и перешло на сторону римлян¹. Гиерон замечал тревогу и ужас сицилийцев, видел многочисленность и силу римских легионов и из всего этого заключал, что расчеты римлян на победу более основательны, чем карфагенян. Соображая это и склоняясь к такой мысли, он отправил посольство к римским вождям с предложением мира и союза. Римляне согласились на это больше всего из-за продовольствия: они опасались, что при господстве карфагенян на море им отрезан будет подвоз съестных припасов откуда бы то ни было, тем более что и переправившиеся прежде легионы терпели сильную нужду. Вот почему они охотно приняли союз с Гиероном в ожидании от того больших для себя выгод. По условиям договора царь должен был возвратить римлянам пленных их без выкупа и сверх того заплатить 100 талантов серебра. С этого времени римляне пользовались услугами сиракузян, как друзей и союзников, а царь Гиерон поставил себя под покровительство римлян, коим по мере надобности он и доставлял всё нужное, сам после этого спокойно царствовал над сиракузянами, мечтая только о венках да о славе у эллинов. И в самом деле, кажется, никогда не было столь знаменитого владыки и никто долгие его не наслаждался плодами своей мудрости как в частной жизни, так и в делах государственных.

I, 17. Когда условия договора стали известны в Риме, народ одобрил и утвердил заключенный с Гиероном мир, и римляне постановили посылать впредь не все свои войска, но лишь два легиона, как потому, что с присоединением царя бремя войны, казалось им, уменьшилось, так ещё больше потому, что войска их, думали римляне, ни в чём не будут теперь нуждаться. Напротив, карфагеняне, видя, что Гиерон стал врагом их, что римляне все сильнее вмешиваются в дела Сицилии, почитали необходимым усилить свои военные средства, дабы иметь возможность бороться с врагом и удержать за собою сицилийские владения. Поэтому они набрали большое число наёмников в противоположной стране из лигистингов, кельтов и особенно иберов, и всех их отправили в Сицилию. Они видели, что для этих приготовлений наилучше приспособлен самою природою город акрагантян², что он значительнее всех городов этой области, а потому собрали туда войска и запасы и решили сделать его опорным пунктом военных действий. Что касается римлян, то консулы, заключившие договор с Гиероном, возвратились домой, а назначенные после них Луций Постумий и Квинт Мамиллий прибыли в Сицилию со своими легионами. Они постигали замыслы карфагенян, узнали и о военных приготовлениях в Акраганте, а потому нашли нужным вести дело решительнее. Консулы приостановили военные действия в прочих частях Сицилии и обратили все силы против одного Акраганта, разбили лагери на расстоянии восьми стадий от города и заперли карфагенян внутри стен. Так как наступила пора жатвы, а осада обещала затянуться надолго, то солдаты устремились собирать хлеб с большею поспешностью, чем следовало. Лишь только карфагеняне увидели, как неприятели рассеялись по полям, они сделали вылазку и напали на убиравших хлеб, быстро обратили их в бегство, и затем одни бросились грабить лагерь, другие ударили на сторожевые посты. Как случалось не раз и прежде, превосходство в дисциплине спасло римлян, ибо смертью наказывался у них каждый, кто покинет своё место или совсем убежит с поста. Поэтому и теперь римляне оказали мужественное сопротивление неприятелю, во много раз превосходившему их численностью, и, хотя много потеряли своих, ещё больше истребили врагов. Наконец они окружили кольцом тех карфагенян, которые почти уже прорвали валы, часть их истребили, а остальных, тесня и избивая, загнали в город.

I, 18. После этого карфагеняне делали вылазки не так смело, а римляне выходили за продовольствием с большею осторожностью. Так как карфагеняне не выходили против римлян и довольствовались мелкими стычками, то римские военачальники разделили свое войско на две части: одна оставалась на месте перед городом у святилища Асклепия, другая расположилась лагерем с той стороны города, которая спускается к Гераклее. Пространство между двумя лагерями по обеим сторонам города они оградили канавами. Одну канаву, внутреннюю, римляне провели против города для того, чтобы обеспечить себя на случаи вылазки неприятелей; другая, наружная, шла кольцом и назначалась к ограждению от нападений извне, а также к тому, чтобы препятствовать подвозу припасов и вступлению кого-либо в город, как бывает обыкновенно с городами осажденными. На

¹ По словам Диодора, страх перед римлянами стал так велик, что 67 городов разом перешли на сторону римлян.

² Акрагант (Agrigentum), ныне Джирдженти, город на южном берегу Сицилии, дорийская колония Гелы.

подвозу припасов и вступлению кого-либо в город, как бывает обыкновенно с городами осажденными. На промежуточном пространстве между канавами и лагерями поставлены были сторожевые отряды, а удобные пункты на некотором расстоянии один от другого были укреплены. Жизненные припасы и вообще все нужное собирали и доставляли в Гербес все союзники римлян, а из этого города, недалеко отстоявшего от лагеря, римляне сами непрерывно подвозили и переносили к себе припасы, так что имели всё нужное в изобилии.

Месяцев пять дела оставались в неизменном положении, решительного перевеса не имела ни одна сторона, и между противниками происходили только легкие схватки. Так как в городе заперто было много людей, не меньше 50 тыс., то карфагеняне стали терпеть голод. Тогда Ганнибал¹, начальник запертых в городе войск, и прежде уже удрученный таким положением дел, отправляя в Карфаген посла за послом с вестями о нужде и с просьбою о помощи. Карфагеняне поместили на корабли воинов и слонов, сколько могли собрать ещё, и отправили их в Сицилию к другому военачальнику, Ганнону. Ганнон стянул в Гераклею войско, собрал там средства вооружения и прежде всего хитростью овладел городом гербесян, благодаря чему лишил неприятельские стоянки съестных припасов и всего нужного. Вследствие этого римляне оказались столько же осаждающими, сколько и осажденными, ибо нужда в хлебе и в прочих предметах необходимости угнетала их так, что, они не раз помышляли о снятии осады и, наконец, сделали бы это, если бы Гиерон не действовал с большою ревностью и старанием и не доставил войскам нужнейших припасов хоть в умеренном количестве.

I, 19. Упомянутый выше Ганнон видел, что римляне живут в зараженном болезнями воздухе, что болезнь и нужда ослабили их, напротив, свои войска считал достаточно сильными для битвы. Тогда он взял с собою около 50 слонов и всё войско и поспешно выступил из Гераклеи, при этом отдал приказ нумидийской коннице² идти вперед и, приблизившись к неприятельскому валу, дразнить и вызывать на бой неприятельскую конницу, затем оборачивать тыл и отступать до тех пор, пока не соединятся с ним. Нумидийцы исполнили приказание и бросились на один из неприятельских лагерей; римская конница тотчас устремилась на нумидян и стала жестоко теснить их. Согласно данному приказанию, ливийцы отступили, пока не достигли войска Ганнона, тут они оборотились лицом к неприятелю и ударили на него со всех сторон, многих убили, остальных преследовали до самого вала. После этого войска Ганнона разбили лагери на виду у римлян, заняв так называемый холм Тор, стадиях в десяти от неприятеля.

В продолжение двух месяцев стороны оставались в одном и том же положении, не предпринимая ничего важного, если не считать таковыми ежедневных легких стычек. Так как Ганнибал посредством сигнальных огней и вестников из города не переставал уведомлять Ганнона, что голод становится невыносимым для массы населения и что многие из нужды перебегают к неприятелю, то военачальник карфагенян решил попытаться счастья в битве, чего по объясненному выше причинам не меньше Ганнона желали и римляне. Противники вывели войска на разделявшее лагери пространство и ударили друг на друга. Сражение длилось долго, пока, наконец, римляне не обратили в бегство карфагенских наёмников, сражавшихся в первых рядах. Когда бежавшие устремились на слонов и на задние ряды, все войско финикийян пришло в смятение. Бегство сделалось всеобщим, большинство карфагенян было истреблено, и лишь немногие спаслись в Гераклею; римляне захватили большую часть слонов и весь обоз.

С наступлением ночи, когда римляне от радости по случаю победы и вследствие усталости были менее бдительны на своих постах, Ганнибал, отчаявшийся было в успехе, решил, что теперь наступил удобный момент спасти остаток войска, и в полночь вышел из города с наёмными войсками. Наполнив канавы плетенками, набитыми мякиной, он тайком от неприятеля увел свое войско. Римляне узнали о случившемся на рассвете, сделали легкое нападение на задние ряды Ганнибала, а затем все устремились к городским воротам. Не встретив здесь никакого сопротивления, они ворвались в город, разграбили его, захватили большое число пленных и множество всякой добычи.

I, 20. Когда весть об акрагантском деле дошла до римского сената, римляне сильно обрадовались и воспрянули духом. Они не довольствовались уже первоначальными планами, ни спасением мамертинцев, ни полученною в этой войне добычею и надеялись даже совершенно очистить остров от карфагенян и тем усилить свое могущество; к этому-то обращались все надежды их и помыслы. Касательно сухопутного войска они видели, что все идет как должно, ибо находили, что Луций Валерий и Тит Отацилий, выбранные после тех консулов, которые завоевали Акрагант, ведут сицилийские дела успешно. Но так как на море неоспоримое господство принадлежало карфагенянам, то вообще в этой борьбе не было перевеса ни на той, ни на другой стороне. Вслед за покорением Акраганта многие материковые города перешли на сторону римлян в страхе перед их сухопутными силами, зато большее ещё число городов приморских отложилось от них из страха перед карфагенским флотом. По этой причине перевес в войне, как становилось для них яснее с каждым днем, клонился то на одну, то на другую сторону; кроме того, римляне видели, что Италия подвергается частым опустошениям от карфагенского флота, тогда как Ливия остается совершенно невредимою. Вот почему они решили померяться силами с карфагенянами и на море. ... Они видели, что война затягивается и истощает их, а потому в первый раз теперь принялись за сооружение судов в числе 100 пятипалубных и 20 трёхпалубных³. Но так как для сооружения пятипалубных судов не было опытных строителей, ибо в то время никто в Италии таких судов не употреблял, то предприятие это поставило римлян в большое затруднение. Но здесь-то и можно видеть со всею ясностью величие духа римлян и отвагу в начинаниях. Действительно, не имея средств к морской войне не то что значительных, но каких бы то ни было⁴, никогда раньше не помышляя о морских завоеваниях и впервые задумав это теперь, они принялись за дело с такою уверенностью, что решились тотчас, ещё до испытанья себя, померяться в морской битве с теми самыми карфагенянами, которые со времен предков их неоспоримо владычествовали на море. Подтверждением только что сказанного мною о необычайной отваге римлян может служить следующее: когда они в первый раз задумали переправить свои войска в Мессену, у них не было не только парусных кораблей, но длинных судов вообще и даже ни одной лодки; 50-весельные суда и трехпалубные они взяли у тарантян и локров, а также у элейцев и жителей Неаполя и на них смело переправили войска. В это время на римлян в проливе напали карфагеняне; один палубный неприятельский корабль в порыве усердия бросился вперед, очутился на берегу и попал в руки римлян: по образцу его римляне и соорудили весь свой флот, так что, очевидно, не будь такого случая, они при своей неопытности не могли бы выполнить задуманное предприятие.

¹ Отец знаменитого полководца Ганнибала Барки (247-183 гг. до н.э.), в течение семи месяцев защищал от римлян Акрагант. Умер, распятый на кресте.

² Нумидия, приблизительно нынешний Алжир, прилегал на востоке к землям Карфагена, от которых отделялась р. Тускою; западная граница р. Мулухат. Заселена была разными племенами, в это время находившимися в полудиком состоянии. Нумидяне часто служили в войсках карфагенян, также римлян, ходили на войну и с собственными царями. Поставляли прекрасную конницу.

³ Суда в пять рядов и в три ряда вёсел, один над другим. До I Пунической войны римляне употребляли только военные барки и триеры; пентеры, по карфагенскому способу построенные и назначавшиеся исключительно для военных целей, до тех пор в Италии не строились.

⁴ Как пишет Ф. Мищенко, «всё это место о неопытности римлян в морском деле, о том, будто римляне в ту пору первый раз замочили весла и в воде, есть не больше, по словам Моммзена, как детская сказка. "Торговый флот Италии около этого времени должен был быть очень обширен, и в итальянских военных кораблях равным образом недостатка не было" (Римская история I)».

I, 21. Пока одни заняты были возложенным на них сооружением судов, другие собирали команду и на суше обучали её гребле следующим образом: они посадили людей на берегу на скамьи в том самом порядке, в каком они должны были занимать места для сидения на судах, посередине поставили келевста¹ и приучали их откидываться всем разом назад, притягивая руки к себе, а потом с протянутыми руками наклоняться вперед, начинать и кончать эти движения по команде келевста. Когда люди были подготовлены, римляне спустили на море едва конченные корабли, а после кратковременных серьезных упражнений суда направились по приказанию консула вдоль Италии. Дело в том, что вождь римского флота Гней Корнелий отдал приказ корабельным начальникам плыть по снаряжении кораблей к проливу, а сам с семнадцатью судами за несколько дней раньше пошёл в Мессену, чтобы принять необходимые меры к приему флота. Когда представился случай овладеть городом липарян с помощью измены, Гней Корнелий слишком легковерно понадеялся на это и, отплыв с помянутыми выше кораблями, пристал к самому городу. Получив известие об этом в Панорме, военачальник карфагенян Ганнибал отправил сенатора Боодеса с двадцатью кораблями. Подошедши сюда ночью, Боодес запер в гавани флот Гнея. На рассвете команда решила бежать на сушу, а оробевший Гней не знал, что делать, и сдался неприятелю. Имея в своих руках неприятельские корабли и начальника их, карфагеняне тотчас возвратились к Ганнибалу. Несколько дней спустя, когда несчастье Гнея было ещё свежо и памятно, Ганнибал едва не стал жертвою подобной же ошибки. Он слышал, что римский флот, идущий вдоль Италии, уже близко; желая точнее узнать численность и вообще расположение сил неприятеля, Ганнибал пустился в море с пятьюдесятью кораблями. Он обогнул уже оконечность Италии, как столкнулся с неприятельским флотом, который шёл в стройном порядке: большую часть своих кораблей он потерял, а с остальными успел бежать, хотя не имел уже никакой надежды на спасение.

I, 22. По прибытии к Сицилии римляне узнали о поражении Гнея, тотчас послали за Гаем Билием, начальником сухопутных войск, и поджидали его. Вместе с тем они стали готовиться к морскому бою, когда получили весть, что флот неприятельский недалеко. Так как корабли римлян вследствие дурного устройства были неловки в движениях, то на случай битвы придумано было кем-то следующее приспособление, в позднейшее время называвшееся *вороном*²: на передней части корабля утверждался круглый столб в четыре сажени длиною и в три ладони в поперечнике, с блоком наверху. К столбу прилажена была лестница, подбитая с помощью гвоздей поперечными досками в четыре фута ширины и в шесть сажен длины. В дощатом основании лестницы было продолговатое отверстие, коим лестница и накладывалась на столб в двух саженях от начала её; по обоим продольным краям лестницы сделаны были перила вышиною до колен. На конце столба прикреплено было нечто наподобие железного заостренного песта с кольцом наверху, так что все вместе походило на орудие хлебопёка; через кольцо проходил канат, с помощью которого во время схватки судов *ворон* поднимался на блоке и опускался на палубу неприятельского корабля спереди или с боков, когда во избежание бокового нападения нужно было повернуть корабль в сторону. Как только *вороны* пробивали палубные доски и таким образом зацепляли корабли, римляне со всех сторон кидались на неприятельское судно, если сцепившиеся корабли стояли бок о бок; если же корабли сцеплялись носами, тогда воины переправлялись по самому ворону непрерывным рядом по двое. При этом шедшие во главе воины держали щиты перед собою и отражали удары, направляемые с фронта, а следующие за ними опирались краями щитов о перила и тем ограждали себя с боков. Сделав такого рода приспособления, римляне выжидали благоприятного момента для морской битвы.

I, 23. Как скоро Гай Билий узнал о неудаче, постигшей вождя морских сил, он передал сухопутное войско трибунам, а сам отправился к флоту, здесь получил известие об опустошении неприятелями Милейской области, и отплыл со всеми кораблями. При виде этого карфагеняне, преисполненные презрения к неопытности римлян, с радостью и поспешностью спустили на море 130 кораблей, которые все носами вперед пошли навстречу неприятелю; карфагеняне не находили даже нужным соблюдать боевой порядок и шли как бы на верную добычу. Флотом их командовал Ганнибал. Он ночью тайком вывел свое войско из Акраганта и шёл на пятипалубнике, некогда принадлежавшем царю Пирру. По мере приближения карфагеняне замечали на передних частях всех кораблей поднятые вороны; сначала они недоумевали и удивлялись никогда невиданным орудиям. Наконец, движимые пренебрежением к врагу, первые корабли смело открыли сражение. Во время схватки суда каждый раз сцеплялись с помощью описанных орудий, причем люди немедленно переправлялись по самому ворону, и бой происходил на палубах. Часть карфагенян была истреблена, другие в ужасе сдавались неприятелю сами, ибо морская битва обратилась в подобие сухопутной. Таким образом, карфагеняне потеряли те тридцать кораблей вместе с командою, которые начали сражение; вместе с ними захвачено и судно начальника. Сам Ганнибал неожиданно для себя и с великою опасностью убежал в челноке. Остальное войско карфагенян продолжало путь, как бы собираясь напасть на врага, но по мере приближения оно узнавало об участи, постигшей передние корабли, а потому уклонялось от боя и спасалось от ударов орудий. Рассчитывая на быстроту своих кораблей, карфагеняне надеялись оградить себя от ударов, если будут заходить сбоку и с кормы неприятельских кораблей. Но орудия поворачивались во все стороны и направлялись на них отовсюду, так что приближающиеся корабли непременно сцеплялись с римскими, пока, наконец, карфагеняне, уstraшенные необычайным способом битвы, не бежали, потеряв 50 кораблей.

I, 24. Когда, вопреки ожиданию, надежды римлян на море исполнились, военная ревность их удвоилась. Теперь они пристали к Сицилии, освободили от осады эгестян, уже доведенных было до крайности, и по отступлении от Эгесты взяли приступом город Макеллу. Между тем военачальник сухопутных сил карфагенян Гамилькар, находясь у Панорма, узнал, что в римском лагере после морского сражения возникли распри между союзниками и римлянами из-за того, кому из них принадлежала в битве честь победы. По получении известия, что союзники располагаются отдельным лагерем между Паропом и гимерскими Фермами, Гамилькар внезапно со всем войском напал на них в то время, как они разбивали лагерь, и истребил около 4 тыс. человек. После этой удачи Ганнибал с уцелевшими кораблями отплыл в Карфаген. Немного спустя он, увеличив число своих судов и взяв с собою несколько славных начальников кораблей, переправился отсюда к Сардинии. Вскоре после этого Ганнибал заперт был римлянами в какой-то сардинской гавани, потерял большое число кораблей, а вслед за этим спасшиеся карфагеняне схватили его и распяли тут же. Действительно римляне, как только вступили на море, стали помышлять и о завоевании Сардинии. Находившиеся в Сицилии римские легионы не совершили в следующем году ничего достопамятного; затем они получили новых начальников — Авла Атилия и Гая Сульпиция и пошли на Панорм, так как там зимовали карфагенские войска. Приблизившись к городу, консулы выстроили всё войско в боевой порядок. Но неприятель не выходил; тогда римляне снялись отсюда, обратились против города Гиппаны и взяли его приступом с набега. Взяли они и Миттистрат, долго выдерживавший осаду благодаря укреплённости своего положения. Городом камаринян, который отложился незадолго перед тем, римляне также овладели с помощью осадных орудий и

¹ *Келевст* (лат. *pausarius* или *hortator*) — флейтист, под звуки игры которого гребцы ударяли веслами.

² *Ворон* — это было подобие абордажного моста, который перебрасывался на неприятельский корабль и благодаря которому римляне обращали морское сражение в сухопутное. Для той же цели служили т.н. железные руки (*ferreae manus*). Описание ворона у Полибия не совсем ясно.

срыли его стены; взяли они тоже Энну и большинство других меньших городов карфагенян; после этого приступили к осаде города Липарян.

I, 25. В следующем году римский консул Гай Атилий, стоя на якоре у Тиндарида и увидев мимо проходящий карфагенский флот в беспорядке, приказал собственным командам следовать за передними кораблями, а сам с десятью судами пошел вперед. Карфагеняне заметили, что часть неприятелей уже в открытом море, тогда как другая только садится на корабли, что передние далеко отошли вперед, а потому повернули назад, ударили на неприятеля и окружили его кольцом, причём потопили все корабли и едва не захватили консульский корабль вместе с командою; но он сверх ожидания избежал гибели благодаря искусным гребцам и быстрому ходу. Тем временем подходил и мало-помалу собирался остальной римский флот. Выстроившись в боевую линию, римляне напали на врага, 10 кораблей вместе с командою взяли в плен, 8 затопили. Прочие суда карфагенян отступили к... Липарским островам. Вследствие этого сражения... каждая сторона ещё больше была озабочена устройением своего флота и утверждением за собою господства на море. Сухопутные войска не совершили за это время ничего замечательного, довольствуясь легкими случайными стычками.

Итак, по окончании приготовлений..., к следующему лету римляне вышли в море с 330 длинными палубными судами и высадились в Мессене. Снявшись оттуда, они продолжали путь, имея с правой стороны Сицилию, обогнули Пахин и пристали у Эконома, потому что в этих же местах находилось и их сухопутное войско. С другой стороны карфагеняне вышли в море с 350 палубными кораблями, пристали к Лилибею, а оттуда перешли на стоянку к Гераклею Миное.

I, 26. Римляне намеревались плыть в Ливию и туда перенести войну, дабы угрожать карфагенянам не в Сицилии, но в их собственной земле и в самом существовании их. Обратные этому планы питали карфагеняне. Они понимали, что Ливия легкодоступна и что всё население её покорится без труда, раз завоеватель вторгнется в страну; допускать до этого они не желали, а потому жаждали попытать счастья в морской битве. Так как одна сторона старалась воспрепятствовать тому, чего добивалась другая, то обоюдное упорство должно было неизбежно привести к войне. Римляне делали соответствующие приготовления двоякого рода: на случай морских битв и для высадки на неприятельский берег. Поэтому они выбрали храбрейших солдат из пехоты и разделили всё войско, которое намеревались взять в поход, на четыре части. Каждая часть носила два названия: первая называлась первым легионом и первым флотом; точно так же и остальные по порядку. Четвертая часть имела ещё и третье название; солдаты её назывались триариями, как называют обыкновенно в сухопутном войске. Всего войска в римском флоте было около 140 тыс., причем на каждом корабле помещалось по триста гребцов и по сто двадцати солдат. С другой стороны, и карфагеняне снаряжали свое войско с величайшим старанием, но вооружение их всецело рассчитано было только на морскую войну. Число войска их, суда по кораблям, превышало 150 тыс. человек. Не только свидетель-очевидец, но и каждый слушатель, соображающий на основании числа воинов и кораблей, был бы изумлен величию борьбы, богатством и мощью обоих государств.

Римляне знали, что им предстоит плавание в открытом море, что неприятель превосходит их быстротою кораблей, поэтому всячески старались обеспечить себя и сделать несокрушимым самое расположение своих сил. С этою целью они поставили впереди близко друг к другу два шестипалубника, на которых находились консулы Марк Атилий и Луций Манлий; за каждым из них следовали корабли по одному в ряд, так что за одним кораблем стоял первый флот, а за другим второй; с каждым следующим кораблем оба флота расходились все больше. Корабли стояли один за другим так, что носы их обращены были наружу. Выстроив первый и второй флот правильным клином, римляне присоединили к нему третий легион, расположенный в одну линию, благодаря чему весь боевой строй их имел вид треугольника. За линией третьего флота они поместили ластовые суда и от них протянули канаты к кораблям третьего флота. За ластовыми судами поставлен был четвертый флот, так называемые триарии; он вытянут был в одну линию так, что с обеих сторон выступал за передние корабли. Когда все флоты выстроены были указанным выше способом, общий вид строя представлял подобие клина, одна часть которого, у вершины, была полая, другая, у основания, сплошная; целое же приспособлено к сопротивлению и нападению, и в то же время разорвать строй было нелегко.

I, 27. В это самое время военачальники карфагенян обращались к войскам с краткими увещаниями и, напомнив, что в случае победы в морском сражении они будут вести войну за Сицилию, напротив, после поражения они подвергнут опасности собственную родину и присных своих, затем отдали приказ садиться на корабли. Все с ревностью исполняли приказание, потому что в речах военачальников они прозревали будущее, бодро и угрожающе вышли в море. Римские консулы видели, как построился неприятель, соответственно тому выстроили три части собственного войска в одну линию, причем вытянули далеко в море правое крыло с целью охватить неприятеля кольцом; все корабли свои они обратили против карфагенян носами. Четвертый флот образовал левое крыло всего строя, в виде крюка поворачивая к суше. Правым крылом карфагенян командовал потерпевший неудачу при Акраганте Ганнон; в его распоряжении были боевые корабли и пятипалубники, по своей быстроте наиболее пригодные для того, чтобы обойти неприятеля с фланга; левое крыло поручено было Гамилькару, который сражался на море у Тиндарида, а теперь, оставляя самый жаркий бой на центр, придумал следующую военную хитрость: когда римляне увидели, что карфагеняне выстроились в длинную тонкую линию, то устремились на центр; это и было началом сражения. Находившиеся в центре карфагеняне согласно команде быстро обратились в бегство, дабы расстроить неприятельскую линию. Чем быстрее карфагеняне отступали, тем ревностнее преследовали их с тыла римляне. Первый и второй флот напирала на бегущих; третий и четвертый отделились от них, потому что последний тянул ластовые суда, а третий находился при них для охраны. Когда первый и второй флот отошли, казалось, на значительное расстояние, Гамилькар подал сигнал со своего корабля, карфагеняне все разом повернули назад и ударили в преследующих. Завязался жестокий бой, в котором значительный перевес на стороне карфагенян зависел от того, что при быстроте своих кораблей они заходили за неприятельскую линию, легко подплывали и быстро отступали. С другой стороны, и римляне питали не меньшую надежду на победу, потому что в схватках дрались с ожесточением, зацепляли с помощью воронов всякий приближавшийся корабль; к тому же в битве участвовали оба консула, и солдаты сражались на виду у начальников. Таков был ход битвы на этом месте.

I, 28. В то же время правое крыло карфагенян с Ганноном во главе, при первой схватке находившееся на некотором расстоянии, пронеслось по морю и ударило на корабли триариев, чем поставило их в большое затруднение. Те из карфагенян, которые стояли было вдоль берега, переменили прежнее свое положение, вытянулись в линию и, обратив корабли носами вперед, напали на флот, тянувший ластовые суда; но римляне сбросили канаты, сразились с неприятелем и держались твердо. Таким образом, все дело разбилось на три части, завязалось три морских сражения на значительном расстоянии одно от другого. Так как борющиеся части обоих войска были почти равны согласно первоначальному распределению сил, то перевеса не было ни на одной стороне. Как бы то ни было, битва решалась отдельными схватками: так и бывает обыкновенно в тех случаях, когда противники совершенно равносильны, ибо первые... и расходились, пока, наконец, корабли Гамилькара не были оттеснены и не обратились в бегство. Тогда Луций взял на буксир захваченные корабли, между тем как Марк, завидев бой у флота триариев и у ластовых судов, поспешил к ним на помощь с нетронутыми ещё кораблями второго флота. Когда он подошел к Ганнону и вступил с ним в

бой, триарии быстро воспрянули духом и, хотя положение их становилось уже трудным, снова ринулись в битву. Карфагеняне, теснимые одними с фронта, другими с тыла, сильно терпели и, будучи окружены неожиданно подоспевшими на помощь кораблями, не выдержали и стали отступать в открытое море. В то же самое время Луций, уже уходя из сражения и заметив, что левое крыло карфагенян заперло третий флот у берега вместе с Марком, поставившим ластовые суда и триариев в безопасное положение, поспешил на помощь теснимым кораблям. Эти последние как бы находились уже в осаде, и они, наверное, давно бы уже погибли, если бы карфагеняне из страха перед воронами не довольствовались тем, что заперли корабли у берега и не выпускали их; нападать они не решались, потому что боялись быть захваченными, и держались вдали. Вдруг появились консулы и, окружив карфагенян, захватили пятьдесят неприятельских кораблей с командою; спаслись только немногие, проскользнувшие вдоль берега. Так шли дела в отдельных схватках; что касается всей битвы, то и здесь перевес был на стороне римлян. Из их кораблей погибло двадцать четыре, из карфагенских больше тридцати. Из римских кораблей ни один не попал в руки неприятелей вместе с командою, тогда как карфагенских шестьдесят четыре.

I, 29. После этого римляне вновь заготовили съестные припасы, исправили захваченные корабли, дали воинам угощение, какое они заслужили победою, и пустились в открытое море к Ливии. Передовые корабли пристали к так называемому Гермесову мысу, который закрывает весь карфагенский залив и тянется в открытое море по направлению к Сицилии. Здесь они дождались следовавших за ними кораблей, собрали весь флот и направились вдоль страны, пока не достигли города, именуемого Аспидом. Там римляне высадились, вытащили корабли на берег, окружили их канавой и валом и приступили к осаде города, ибо жители его не желали сдаваться добровольно. Между тем те из карфагенян, которые избежали гибели в морском сражении, возвратились домой. Они были убеждены, что неприятель, ободренный победою, немедленно обратится против самого Карфагена, а потому лежащие перед городом местности охранялись сухопутными и морскими силами. Но когда они узнали, что римляне уже невредимо высадились на берег и осаждают Аспид, то отказались от мысли предотвратить нападение римлян и собирали воедино свои силы, дабы защитить город и его окрестности. Однако римляне овладели Аспидом, оставили в городе и его окрестностях гарнизон, а кроме того, отправили в Рим посольство с известием о случившемся и с приказанием относительно дальнейшего образа действий: что делать и как поступать в будущем. Затем поспешно, со всем войском римляне снялись со стоянки и начали опустошать страну. Противодействия они не встретили никакого, разрушили множество роскошных жилищ, захватили много скота и увели на корабли больше двадцати тысяч пленных. Тем временем явились из Рима гонцы с требованием, чтобы один из консулов с достаточными силами оставался на месте, а другой возвращался бы в Рим с флотом. Марк остался на месте с сорока кораблями, пятнадцатью тысячами пехоты и с пятьюстами всадниками, а Луций с командою и множеством пленников прибыл в Рим, благополучно миновав Сицилию.

I, 30. Когда карфагеняне увидели, что римляне готовятся к весьма продолжительной войне, выбрали прежде всего двух военачальников, Гасдрубала, Ганнонова сына, и Бостара, потом послали к Гамилькару в Гераклею требование явиться поскорее домой. Гамилькар взял с собою пятьсот человек конницы и 5 тыс. пехоты и прибыл в Карфаген. Там он был назначен третьим военачальником и держал совет с Гасдрубалом о настоящем положении дел. Военачальники решили оказать помощь населению страны и не допускать безнаказанно разорять ее. Между тем Марк по прошествии нескольких дней стал совершать набеги на поселения, причем те из них, которые не имели укреплений, грабил с набега, а укрепленные осаждал. Подошедши к значительному городу Адису, он обложил его войском и с поспешностью занялся приспособлениями к осаде. Карфагеняне, желая помочь городу и решив отнять у неприятеля поле сражения, выступили с войском, заняли холм, господствовавший, правда, над неприятелем, но столь же неудобный и для их собственных войск, и расположились там лагерем. И в самом деле, возлагая надежды больше всего на конницу и воинов, карфагеняне покинули равнину и заперлись на местности крутой и трудной для нисхождения, тем самым давали понять неприятелю, какого плана нападения ему держаться. Так и случилось. Ибо вожди римлян благодаря своей опытности сообразили, что самая сильная и грозная часть неприятельского войска становится бесполезною при таких свойствах местности, поэтому не стали дожидаться, пока карфагеняне спустятся в равнину, и выстроились в боевом порядке. Выждав удобное для себя время, они с рассветом подошли к холму с двух сторон. Конница и слоны оказались совершенно бесполезными для карфагенян; зато наёмники с жаром и стойкостью бросились в дело и заставили первый легион отступить и бежать. Но как скоро они прошли вперед, их окружили римляне, подоспевшие с другой стороны холма и обратили в бегство; вслед засим все карфагеняне кинулись из лагеря. Лишь только слоны вместе с конницей вступили на равнину, отступление карфагенян стало неизбежным. Римляне недолго преследовали пехоту, разграбили стоянку, а затем ходили по всей стране и беспрепятственно разоряли города. Овладев городом, который назывался Тунетом и был удобно расположен для выполнения задуманных планов и для нападения на Карфаген и его окрестности, римляне разбили здесь свой лагерь.

I, 31. Карфагеняне, незадолго перед тем разбитые на море, а теперь на суше не по недостатку мужества в войске но по нерассудительности вождей его, переживали весьма тягостные чувства. В довершение бедствия в одно время с римлянами напали на них нумидяне, причиняя стране не только не меньший вред, нежели римляне, но скорее больший. Напуганные этим туземцы искали убежища в городе, а скопление народа и ожидание грозящей осады вызвали в нем жестокий голод... Между тем Марк видел, что карфагеняне сокрушены на суше и на море, и ждал, что вскоре взят будет и город. Однако его сильно смущала мысль, что консул, который явится из Рима ему на смену, предвосхитит у него честь окончания войны, а потому Марк обратился к карфагенянам с мирными предложениями. Карфагеняне с радостью выслушали эту весть и отправили к нему знатнейших граждан для переговоров; но карфагеняне были так далеки от принятия суровых предложений Марка, что не в силах были даже выслушивать их, а Марк со своей стороны, как бы одержав уже полную победу, полагал, что карфагеняне обязаны принять от него как дар и милость все, что бы он ни предложил им. Карфагеняне видели, что самое завоевание их не могло бы повлечь за собою более унижительных последствий, чем предъявляемые Марком требования, а потому не только отвергли условия и возвратились домой, но и негодовали на беспощадность Марка. Сенат карфагенян, выслушав предложения римского консула, хотя не питал почти никакой надежды на спасение, обнаружил столько мужества и величия духа, что предпочитал претерпеть все.., лишь бы не совершить чего-либо постыдного и недостойного прежнего поведения.

I, 32. Около этого времени прибыл в Карфаген один из раньше посланных в Элладу вербовщиков с огромным числом наёмников. В среде их был некий лакедемонец Ксантипп, человек лаконского воспитания, превосходно испытанный в военном деле. Выслушав рассказы о понесённом поражении, о том, как и при каких обстоятельствах это произошло, рассчитав остающиеся военные силы карфагенян, количество конницы и слонов, Ксантипп тотчас сообразил все обстоятельства и объяснил друзьям, что карфагеняне понесли поражение не от римлян, но от себя самих благодаря неопытности своих вождей. Речи Ксантиппа, как и следовало ожидать при тогдашних обстоятельствах, быстро распространились в народе, дошли до военачальников, а потому правители государства решили призвать иноземца к себе и испытать его искусство. Тот явился на собеседование, представил начальникам свои доводы и объяснил, почему до сих пор они терпели поражения, а также сказал, что, раз они последуют его совету и бу-

дуг выбирать для походов, для стоянок и сражений ровные местности, то не только завоюют себе безопасное положение, но и одолеют противника. Начальники согласились с мнением Ксантиппа и тут же передали ему войска. Уже одна весть о таких речах Ксантиппа вызвала возбуждение в народе и говор, преисполненный надежд; но когда он вывел войско из города и выстроил его в порядке, когда начал передвигать с места на место отдельные части и командовать по правилам военного искусства, карфагеняне поняли огромную разницу между опытностью его и неумелостью прежних вождей, в громких криках выражали свою радость и жаждали поскорее сразиться с неприятелем: с Ксантиппом во главе, они были убеждены, им нечего бояться. При виде того, как необычайно народ воспрянул духом, вожди обратились к нему с подобающим случаю воззванием, а несколько дней спустя выступили в поход. Войско их состояло из двенадцати тысяч пехоты, четырех тысяч конницы; число слонов доходило почти до ста.

I, 33. Когда римляне увидели, что карфагеняне совершают переходы по местностям открытым и разбивают свои лагеря на равнине, то, хотя и были смущены этой неожиданной переменой, однако горели желанием встретиться с неприятелем. Приблизившись к карфагенянам, римляне в первый же день разбили свой лагерь стадиях в десяти от неприятеля. На следующий день вожди карфагенян советовались о том, как поступить и что сделать при таком положении. Войско рвалось в битву, воины собирались кучками, произносили имя Ксантиппа и требовали, чтобы он вел их возможно скорее в бой. Ввиду возбуждения и рвения массы и потому еще, что, как видел и сам Ксантипп, не следует пропускать благоприятного момента, войску отдан был приказ вооружаться, а Ксантиппу предоставлено действовать по своему разумению. Облеченный полномочиями Ксантипп вывел слонов из стоянки и поставил их в одну линию в челе всего войска, фалангу карфагенян выстроил в тылу их на умеренном расстоянии. Одну часть наёмников он поместил на правом крыле; другая часть, самая легкая, вместе с конницей заняла место впереди обоих флангов. Римляне видели, как строится неприятель в боевой порядок, и решительно пошли ему навстречу. Страхась нападения слонов, которого они ожидали, римляне выставили вперед легковооруженных, в тылу их поместили один за другим многочисленные манипулы, а конницу разместили на обоих флангах. Таким образом, всю боевую линию они сделали короче сравнительно с прежней, зато глубже, чем на случай битвы оградил себя от слонов, но против неприятельской конницы, во много раз превосходившей их собственную, не приняли никаких мер. Так обе стороны поставили свои войска в надлежащий порядок, в отдельных частях и в целом, и затем оставались в этом строю в ожидании удобного момента для нападения на противника.

I, 34. Лишь только Ксантипп отдал приказание вести слонов вперед и разорвать неприятельские ряды, а коннице велел окружить неприятеля с обоих флангов и напасть на него; тогда же и римляне по существующему у них обычаю забряцали оружием и с дружным криком ударили на неприятеля. Карфагенская конница была гораздо многочисленнее римской, а потому римская скоро на обоих флангах обратилась в бегство. Что касается пехоты, то левый фланг её частью из желания уклониться от нападения слонов, частью из презрения к наёмникам, ударил в правый фланг карфагенян, принудил их к отступлению и гнался за ними по пятам до самого лагеря. Напротив, передние ряды, которые стояли против слонов, при столкновении с ними были оттиснуты напором зверей, опрокинуты и гибли в борьбе толпами; благодаря многочисленности задних рядов, общий строй всего войска оставался некоторое время нерушимым. Но потом, когда последние ряды были окружены со всех сторон конницею и вынуждены оборотиться и вступить в битву с нею, когда те из римлян, которые пробились меж слонов вперед и, находясь уже позади зверей, натолкнулись на непочатую стройную фалангу карфагенян и были истребляемы, тогда положение римлян стало безнадежным: большинство их было раздавлено непомерно мощными животными, остальные гибли на поле битвы под ударами копий многочисленной конницы, и лишь немногие бежали. Так как отступление совершалось по равнине, то часть римлян была раздавлена слонами и конницей; около пятисот человек, бежавших вместе с консулом Марком, скоро попали в руки неприятелей и вместе с начальником взяты в плен. Со стороны карфагенян пало около восьмисот наёмников, поставленных против левого неприятельского фланга. Из римлян спаслось около двух тысяч человек, тех самых, которые избежали опасности в то время, как неприятель преследовал остальных римлян. Все прочее войско погибло, за исключением консула Марка и бежавших вместе с ним солдат. Уцелевшие манипулы римлян пробились сверх всякого ожидания в Аспид. Карфагеняне сняли доспехи с убитых и, ведя за собою консула с прочими пленниками, возвратились ликующие в город...

I, 36. Карфагеняне, удачи коих соответствовали их желаниям, дали полнейшее выражение своему ликованию, как в благодарственных жертвах божеству, так и в любезном обращении друг с другом. Между тем Ксантипп, столько содействовавший восстановлению сил карфагенян, вскоре после этого отплыл домой по здоровому и верному размышлению. И в самом деле, славные, необыкновенные подвиги порождают сильную неприязнь и злостные клеветы, и если туземцы благодаря многочисленным узам родства и дружбы в силах побороть эти чувства, то люди чужие скоро изнемогают в борьбе с ними и гибнут... По получении неожиданных известий о событиях в Ливии римляне тотчас позаботились о пополнении своего флота и об освобождении граждан, оставшихся в Ливии в живых. С другой стороны, карфагеняне после этого разбили лагеря у Аспида и занялись осадой города, желая захватить в свои руки бежавших сюда из сражения римлян. Но при мужестве и отваге римлян они никак не могли овладеть городом и, наконец, сняли осаду. Когда карфагеняне прослышали, что римляне снаряжают флот и собираются идти вторично на Ливию, то начали починять старые суда и сооружать новые. Быстро вооружили они двести кораблей и вышли в море, чтобы наблюдать за наступлением неприятеля. Римляне в начале лета спустились на море триста пятьдесят судов и под командою консулов Марка Эмилия и Сервия Фульвия отправили их на войну. Снявшись с якоря, они направились по пути в Ливию мимо Сицилии. У Гермесового мыса они встретились с карфагенским флотом и с легкостью при первом же натиске обратили его в бегство, причем захватили сто четырнадцать кораблей с командою; затем взяли с собою остававшихся в Ливии молодых воинов из Аспида и направились к Сицилии.

I, 37. Римляне счастливо переплыли уже море и подошли к берегу камаринян, как вдруг захвачены были такой бурей и подверглись таким злоключениям, которые превосходят всякое описание. Так, из 364 судов уцелело только 80; остальные или поглощены были волнами, или отброшены прибоем волн и, разбившись о скалы и мысы, покрыли берег трупами и обломками. История не знает более тяжкого несчастья, разом обрушившегося на море; причина его лежит не столько в судьбе, сколько в самих начальниках. Дело в том, что кормчие долго и настойчиво убеждали не идти вдоль наружного берега Сицилии, обращенного к Ливийскому морю, так как море там глубоко и высадка на берег трудна: они говорили также, что одно из двух зловещих созвездий ещё не скрылось, а другое приближается; плавание их совершалось в промежутке между восходом Ариона и Пса. Всем этим консулы пренебрегли и пустились в открытое море, желая устрашить одержанною победою некоторые из лежащих по пути городов Сицилии и таким образом овладеть ими. Лишь только тогда, когда из-за слабых надежд они попали в большую беду, консулы поняли своё безрассудство...

I, 38. Между тем карфагеняне узнали о гибели римского флота и решили, что они достаточно сильны на суше и на море как вследствие одержанной перед тем победы, так и потому, что римлян постигло такое бедствие; тем ревностнее занялись они устроением морских и сухопутных сил. Немедленно карфагеняне снарядили в Сицилию Гасдрубала, и кроме тех войск, какие раньше были под его командою, дали ему прибывших из Гераклеи воинов, а при них 140 слонов. По отправке Гасдрубала карфагеняне

оснащали ещё двести кораблей и заготавливали всё прочее к морской войне. ...Гасдрубал благополучно переправился к Лилибею и занимался упражнением слонов и войска с целью помериться с врагом в открытом сражении. О случившемся римляне узнали подробно от солдат, избегнувших кораблекрушения, и были сильно огорчены; но, не желая уступать ни за что, они вторично постановили соорудить заново двести двадцать судов. Когда все это в продолжение трех месяцев было кончено, чему нелегко верится, выбранные вновь консулы, Авл Атилий и Гней Корнелий, снарядили флот и вышли в море. Переплыв пролив, они в Мессене взяли с собою спасшиеся от крушения суда, пристали к сицилийскому Панорму с тремястами кораблями и приступили к его осаде; в карфагенской части Сицилии это был самый значительный город. В двух местах они... возвели осадные сооружения, затем подвезли машины. Находившаяся у моря башня скоро разрушилась; тогда солдаты силою проложили себе путь в Панорм, и так называемый новый город взят был приступом. Та же участь грозила и той части города, которая называется старым городом, почему жители скоро сдали её неприятелю. Овладев Панормом, римляне отплыли назад в Рим, оставив в городе гарнизон.

I, 39. В следующее за сим лето выбранные в консулы Гней Сервилий и Гай Семпроний вышли в море со всем флотом, прибыли в Сицилию, а оттуда направились в Ливию. Проходя вдоль берега, они делали очень частые высадки, в которых, однако, не совершили ничего замечательного; наконец пришли к острову лотофагов, именуемому Менингом и лежащему в небольшом расстоянии от Малого Сиртиса. По незнанию римляне попали там на мелкое место, а когда с наступлением отлива корабли сели на мель, положение их стало весьма затруднительно. Впрочем, по прошествии некоторого времени неожиданно наступил прилив, и, только выбросив весь груз, римляне едва облегчили свои корабли настолько, чтобы сдвинуть их с мели. После этого они пошли назад, что походило на бегство. Подошедши к Сицилии, римляне обогнули Лилибей и стали на якорю у Панорма. Отсюда они неосторожно пустились в Рим через открытое море и снова застигнуты были бурей, так что потеряли больше 150 судов. После этого испытания римляне... вынуждены были... отказаться от мысли снаряжать новый флот и, возлагая последние надежды на сухопутные силы, отрядили в Сицилию легионы с консулами Луцием Цецилием и Гаем Фурием и вооружили командою 60 кораблей только для доставки войску продовольствия. ...Неудачи римлян снова поправили положение карфагенян... Когда среди римлян распространилась молва о том, как слоны в ливийской битве разорвали боевую линию и растоптали множество воинов, они были так напуганы, что в продолжение двух лет, следовавших за этими событиями, они у Лилибея.. или в окрестностях Селинунта строились в боевой порядок на расстоянии 5-6 стадиев* от неприятеля и в страхе перед нападением слонов ни разу не отважились ни начать битву, ни спуститься в равнину. За это время они взяли с помощью осады только Ферму и Липару, держась всегда местностей гористых и труднопроходимых. Поэтому римляне, замечая упадок духа и уныние в сухопутных войсках, переменили решение и отважились снова вступить на море. Затем они выбрали консулов Гаю Атилию и Луцию Манлию, соорудили 50 судов и усердно занялись набором солдат и изготовлением флота.

I, 40. Главнокомандующий карфагенян Гасдрубал видел, что до сих пор римляне робели в боевых схватках; потом, он знал, что один из консулов с половиною войска возвратился в Италию, а другой, Цецилий, с остальным войском находится в Панорме для охраны созревшей жатвы у союзников. По этим причинам он быстро выступил со всем войском из Лилибея и разбил лагери на границах Панормской области. Цецилий замечал самоуверенность Гасдрубала и с целью вызвать его на решительные действия не выводил и своего войска из города. Воображая, что Цецилий не отваживается выйти против него, Гасдрубал становился все смелее и со всем войском стремительно двинулся через теснины в самую Панормскую область. Хотя он истреблял жатву до самого города, но Цецилий оставался верен принятому раз решению, и, наконец, довел Гасдрубала до того, что тот переправился через реку, протекающую перед городом. Когда карфагеняне перевели слонов и войско, Цецилий отрядил легковооруженных и тревожил неприятеля до тех пор, пока Гасдрубал не вынужден был выстроить в боевом порядке всё свое войско. Таким образом, план Цецилия удался. Тогда он поставил часть легковооруженных перед стеною и канавою и отдал приказание нещадно пускать стрелы в слонов, если они будут наступать на них, если же будут подаваться назад, то бежать в канаву и оттуда метать стрелы в приближающихся животных. Находящимся на площади кузнецам он велел носить метательное оружие и класть его снаружи стены у основания. Сам Цецилий с легионерами стоял у ворот против левого неприятельского крыла, посылая легковооруженным все новые и новые подкрепления.

Когда битва разгорелась, вожатые слонов, соревнуя Гасдрубалу и желая стяжать себе честь победы, устремились все на передовой отряд, легко обратили его в бегство и преследовали до канавы. Нападающие слоны получали раны от стрелков, поставленных на стене; вместе с тем в них метали с ожесточением и в массе дротики и копья те свежие ещё воины, которые в боевом порядке стояли впереди канавы. Тогда поражаемые со всех сторон дротиками и раненые, звери вскоре пришли в исступление и, повернув назад, кинулись на своих, причем отдельных воинов топтали и давили, а ряды их приводили в беспорядок и разрывали. При виде этого Цецилий выступил поспешно с своим войском, нетронутым ещё и стройным, ударил с фланга на расстроенные ряды неприятелей и вынудил их к поспешному отступлению, при этом многих карфагенян перебил, остальных обратил в стремительное бегство. Десять слонов вместе с индийцами были взяты в плен; остальные скинули с себя индийцев и, окруженные конницею, были все захвачены после сражения. Этой удачей Цецилий, по общему мнению, восстановил бодрость духа в сухопутных войсках римлян, которые теперь снова отваживались овладеть полем сражения.

I, 41. Когда в Рим прибыла весть об этой победе, римляне ликовали не столько потому, что с потерей слонов силы неприятеля были ослаблены, сколько потому, что победа над слонами ободрила собственных их граждан. Поэтому они снова смело обратились к первоначальному своему плану — отправить на войну консулов с флотом и морским войском и напрячь все силы к тому, дабы положить конец войне во что бы то ни стало. Заготовив все нужное к походу, консулы вышли по направлению к Сицилии с двумястами кораблями. Это был четырнадцатый год войны. Консулы пристали к Лилибею и, лишь только соединились с тамошними сухопутными легионами, приступили к осаде города, ибо, имея Лилибей в своей власти, они легко могли перенести войну в Ливию. Почти так же, как римляне, думали об этом и начальники карфагенян; почти так же и они представляли себе ход дел. Поэтому, отложив все прочее в сторону, карфагеняне заняты были только тем, чтобы оказать этому городу помощь, отваживаясь из-за него на борьбу и всяческие усилия, потому что иначе у них не оставалось никакой опоры в военных действиях, и вся Сицилия, за исключением Дрепан, попадала в руки римлян. Однако, чтобы сделать рассказ понятным и для читателей не знающих Лилибея, мы постараемся в немногих словах представить выгоды его положения.

I, 42. ...[Город Лилибей] был укреплен сильными стенами, окружен глубоководным рвом и лагунами; через лагуны идет путь к гаваням, требующий, однако, большой опытности и навыка. У этого города с обеих сторон его римляне расположились лагерем, а в промежутке двумя стоянками провели ров с валом и стеною; затем начали придвигать осадные сооружения к той башне, которая находится у самого моря и обращена к ливийским водам. К прежним сооружениям они присоединяли постоянно новые, подвигаясь все дальше, пока не разрушили шести башен, следовавших за тою, о которой сказано выше; в то же время все остальные башни они начали брать с помощью тарана. Так как осаждающие действовали настойчиво и беспощадно и каждый день башни или грозили падением, или падали, а сооружения все дальше и дальше подвигались внутрь города, то среди осажденных распростра-

нилась сильная тревога и уныние, хотя в городе было помимо массы граждан около 10 тыс. наёмников. Мало того: военачальник их Гимилькон делал все, что было в его власти; он причинял врагу немало затруднений тем, что сооружал новые стены изнутри города или делал подкопы под сооружения неприятелей. Кроме того, он каждый день отправлялся в разные стороны, пытаясь узнать, нельзя ли поджечь неприятельские сооружения, ради чего выдерживал частые не в меру отважные стычки с неприятелем, дневные и ночные, в которых иной раз бывало убитых больше, нежели обыкновенно бывает их в правильных сражениях.

I, 43. Тем временем некоторые из важнейших вождей наёмников составили заговор для передачи города римлянам. В том убеждении, что подчиненные последуют за ними, они ночью тайком прошли из города в римский лагерь и с консулом вступили в переговоры об этом. Однако ахеец Алéксон, который раньше спас акрагантян, когда сиракузские наёмники замыслили измену, теперь первый узнал о заговоре и заявил о том карфагенскому главнокомандующему. При этом известии главнокомандующий тотчас собрал оставшихся в городе вождей, убеждал и просил их, обещая при этом большие подарки и милости, если только они останутся верны ему и не примут участия в замыслах покинувших город товарищей. Так как предложение было принято охотно, то он немедленно отправил с ними к кельтам Ганнибала, сына того Ганнибала, который кончил жизнь в Сардинии, участвовал вместе с ним в походе и был им хорошо известен; к прочим наёмникам послан был Алéксон, пользовавшийся их расположением и доверием. Посланные созвали отряды, обратились к ним с увещанием и, поручившись за подарки, обещанные каждому из них военачальником карфагенян, без труда уговорили их пребывать в верности договору. Поэтому, когда вожди, бежавшие чрез укрепления, возвратились, подошли к городским стенам с целью склонить солдат к измене и передать им обещание римлян, наёмники не только не последовали за ними, но не хотели и слушать их: метали в них камни и стрелы и так прогнали от стены. Таким-то образом карфагеняне при указанных выше обстоятельствах едва не потеряли всего по случаю измены наёмников. От окончательной гибели уберег их теперь Алéксон, тот самый, который своею преданностью спас не только город и поля акрагантян, но самые учреждения их и свободу.

I, 44. Между тем в Карфагене не знали об этом ничего. Принимая в соображение обычные нужды осаждаемых, карфагеняне посадили команду на 50 кораблей и, обратившись к воинам с подобающим увещанием, повелели начальнику их Ганнибалу, сыну Гамилькара, триерарху и первому другу Атарбала, поспешно выступить в поход, при этом велели не медлить и при первом удобном случае смело подать помощь осаждённым. Ганнибал вышел в море с 10 тыс. войска, бросил якорь у так называемых Эгусс, что между Лилибеем и Карфагеном, и там выжидал момента для дальнейшего движения. Воспользовавшись попутным сильным ветром, он распустил все паруса и за ветром понесся прямо к самому входу в гавань. Команду свою вооружил и готовую к бою поставил на палубах. Римляне частью вследствие внезапности появления неприятеля, частью из опасения, как бы ветер не загнал их вместе с неприятелем в гавань противника, решились задержать движение вспомогательного войска и, изумленные отвагою врага, остались на месте у морского берега. Между тем толпа людей, находившихся в городе, собралась на стенах в страхе за успех предприятия; теперь они были преисполнены радости по случаю неожиданного прибытия помощи и рукоплесканиями и криками ободряли подходящее войско. Смело и быстро пошел вперед Ганнибал, бросил якорь в гавани и беспрепятственно высаживал свою команду. Все горожане радовались не столько тому, что получили подкрепление, хотя через это надежды и силы их значительно возросли, сколько тому, что римляне не осмелились воспрепятствовать движению карфагенян.

I, 45. При виде возбуждения и ревности в горожанах по случаю прибытия вспомогательного войска, а равно и в новоприбывших воинах, которые не испытали невзгод осаждаемых, начальник горожан Гимилькон желал воспользоваться не охладевшим ещё пылом тех и других, чтобы бросить огонь в неприятельские сооружения и напасть на них, а потому созвал всех в собрание. Он обратился к ним с пространном приличным случаю увещанием и воспламенил в них рвение к битве обещанием щедрых наград, какие получит каждый за храбрость, напоминанием о милостях и подарках, какие всем им будут следовать от карфагенян. Все в один голос изъявили согласие и громко требовали, чтобы их немедленно вели в битву. Гимилькон похвалил справившихся за ревность и распустил, отдав приказ пока отдыхать и ждать дальнейших распоряжений начальников. Вскоре после этого он созвал начальников, разделил между ними удобные для нападения пункты, объявил время и сигнал к нападению и приказал быть со своими подчиненными на назначенных местах ранним утром. Распоряжения были точно выполнены. Тогда Гимилькон на рассвете вывел свое войско из города и во многих местах напал на сооружения. Римляне предвидели нападение и потому были готовы и не бездействовали; они поспешно являлись на помощь всюду, где было нужно, и сражались мужественно. Вскоре все силы противников были в деле, и около стены завязался жестокий бой, ибо из города вышло не менее 20 тыс. человек, ещё больше находилось за городом. Сражение было тем ожесточеннее, что боевой строй не соблюдался, солдаты дрались в беспорядке, кто с кем попало; в такой массе войск отдельные воины или отряды дрались между собою с жаром, обыкновенно отличающим единоборство. Шум и смятение были особенно слышны у самых сооружений. С обеих сторон те воины, которые сначала получили назначение одни оттеснить защитников сооружений, другие не выдавать этих последних, проявляли величайшее усердие к тому, чтобы выбить противника с занимаемого им места, а другие, чтобы ни за что не уступать его; потому сражающиеся погибали на тех самых местах, на которые поставлены были вначале. Между сражающихся кидались люди с факелами, паклей и огнём. Они нападали на машины разом со всех сторон и с такой отвагой, что римляне очутились в опаснейшем положении и не в силах были отражать нападение врага. Однако карфагенский военачальник видел, что многие его воины уже пали в битве, что он всё-таки не может взять сооружений, ради чего и было начато дело; поэтому приказал играть отступление. Зато римляне, едва не потерявшие всего, овладели, наконец, своими укреплениями и все их удержали за собою нерушимо.

I, 46. После этой битвы Ганнибал в ночную ещё пору тайком от неприятеля отплыл во главе своих кораблей в Дрепаны к карфагенскому военачальнику Атарбалу. Удобства местоположения и высокие достоинства дрепанской гавани побуждали карфагенян неослабно заботиться об охране местности. От Лилибея отстоит она на 120 стадий. Оставшиеся дома карфагеняне желали узнать о положении дел в Лилибее, но не имели к тому возможности, ибо часть их была заперта, а за другими существовал бдительный надзор. Тогда некий знатный гражданин Ганнибал, по прозванию Родосец, предложил, что он проникнет в Лилибей и потом как очевидец доставит обо всем точные сведения. С радостью выслушали это предложение карфагеняне, но не верили в его осуществление, так как римский флот стоял на страже у входа в гавань. Между тем Ганнибал снарядил свой собственный корабль и вышел в море. Достигши какого-то острова из тех, что лежат перед Лилибеем, он в четвертом часу на следующий день, гонимый попутным ветром, вошел в гавань на виду у всех римлян, пораженных его отвагой. На другой день он немедля пустился в обратный путь. Между тем римский консул с целью надежнее охранить вход в гавань снарядил ночью десять быстрейших кораблей, сам стал у гавани и наблюдал за происходящим; тут же было и все войско. По обеим сторонам от входа в гавань корабли подошли возможно ближе к лагунам и с поднятыми веслами выжидали момента, когда карфагенский корабль будет выходить, чтобы напасть на него и захватить. Родосец вышел в море на глазах у всех и до того изумил неприятелей дерзостью и быстротою, что не только вышел невредимым со своим кораблем и командою и миновал неприятельские суда, остававшиеся как бы в оцепенении, но, отойдя на небольшое расстояние вперед, остановился и вызывающе поднял весло. При быстроте его гребли, никто не дерзнул

выйти против него в море, и Ганнибал с единственным кораблем ушел, к стыду всего неприятельского флота. Так как он повторял то же самое многократно и впоследствии, то оказал карфагенянам большую услугу, их он извещал обо всех нуждах осаждаемых, ободрял, а римлян повергал своею смелостью в смущение.

I, 47. Помимо смелости ему помогало больше всего то, что он по опыту в точности знал, как проникнуть в гавань между мелями. Проплыв открытое море и показавшись перед гаванью, он делал такой поворот, как бы выходил из Италии, и направлялся к приморской башне так, что эта последняя прикрывала собою все прочие башни, обращенные к Ливии; только этим способом и можно было попасть при попутном ветре в устье гавани. Отвага Родосца внушала смелость многим другим людям, сведущим в местности к подобному образу действий, что ставило римлян в затруднительное положение. Они попытались было запереть устье гавани плотиною. Но на очень многих пунктах попытки их при значительной глубине моря не вели ни к чему: все, что ни бросали они в море, не держалось в нем на месте, но при самом опускании в воду относилось в сторону и разбивалось на части волною и быстрым течением. Наконец, в одном мелком месте удалось с большим трудом возвести плотину; на ней-то сел на мель четырехпалубник, вышедший в море по ночам, и попал в руки римлян: он сколочен был замечательно искусно. Захватив судно и вооружив его отборной командой, римляне наблюдали за всеми входящими в гавань, особенно за Родосцем. Случилось как раз так, что в ночную пору он проник в гавань, а затем снова на виду у всех вышел в открытое море. При виде четырехпалубника, который покинул стоянку в одно время с его собственным судном, Ганнибал узнал корабль и смутился. Сначала он пытался было ускорить ход и бежать, но, так как искусные гребцы уже настигали его, Ганнибал вынужден был повернуть судно назад и вступить в борьбу с неприятелем. Однако корабельные воины, превосходившие карфагенян численностью и состоявшие из отборных граждан, взяли верх, и Ганнибал попал в плен. Овладев и этим прекрасно сколоченным кораблем, римляне приспособили его к битве и теперь положили конец смелым попыткам проникать в Лилибей.

I, 48. Между тем как осажденные настойчиво восстанавливали то, что разорял неприятель, и отказались уже от мысли повредить или разрушить сооружения римлян, поднялась буря, с такой силою и стремительностью обратившаяся на передние части машин, что сорвала навесы и опрокинула стоявшие перед навесами и прикрывавшие их башни. Некоторые из эллинских наемников находили этот момент благоприятным для разрушения неприятельских укреплений и сообщили свой план военачальнику. Гимилькон принял совет, быстро изготовил все нужное для приведения замысла в исполнение, затем молодые люди соединились и в трех местах бросили огонь в осадные машины. Сама давность этих построек, казалось, подготовила легкое воспламенение их, к тому же ветер дул прямо против башен и машин; поэтому огонь распространялся быстро и неуправляемо, и все меры римлян задержать пламя и защитить постройки оказывались бесполезными и недействительными. Пожар наводил такой ужас на защитников, что они не могли ни видеть, ни понимать того, что творилось. Многие из них, покрываемые налетавшею золою, искрами и густым дымом, падали и погибали прежде, чем подойти к огню и защитить горевшее. Одно и то же обстоятельство делало затруднительным положение противника и благоприятствовало поджигателям. Ибо все, что могло затемнять свет и причинять ушибы, относилось ветром в сторону неприятеля; напротив, все, что бросали и метали карфагеняне в защитников укреплений или в самые укрепления с целью разрушить их, падало по назначению: летающие видели перед собою местность, а сила полета увеличивалась от дуновения ветра. Наконец разрушение охватило все до такой степени, что самые основания башен и наконечники таранов сделались негодными от огня. После этого римляне покинули надежду осадить город с помощью сооружений и кругом обвели его канавою и валом, впереди своей стоянки возвели стену и предоставили все времени. Наоборот, жители Лилибея восстановили разрушенную часть стены и теперь спокойно выдерживали осаду.

I, 49. Когда весть об этом пришла в Рим, а вслед затем стали приходить многие свидетели с извещением о гибели большей части команд при защите сооружений и вообще при осаде, римляне поспешно набрали моряков и в числе почти десяти тысяч человек отправили их в Сицилию. Когда римляне переправились через пролив, а затем сухим путем прошли в лагерь, консул их Публий Клавдий собрал трибунов и объявил, что теперь пора идти всем флотом в Дрепаны, ибо, говорил он, вождь карфагенян Атарбал, состоящий в городе начальником, не приготовлен к нападению, ничего не знает о прибытии римской команды и пребывает в том убеждении, что римляне вследствие понесенных при осаде потерь не в силах выйти в море со своим флотом. Так как все одобрили его план, то Публий тотчас посадил на корабли прежнюю и новую команду; в воины выбрал способнейших солдат из всего войска; они шли охотно, потому что поход был недалекий и сулил верную добычу. Снарядив корабли, консул около полуночи выступил в море, не будучи замечен неприятелем. Сначала он шел тихо, оставляя берег по правую руку. На рассвете передовые корабли начали показываться у Дрепан; завидев их неожиданно, Атарбал сначала смутился. Однако он скоро оправился, понял наступательные замыслы неприятеля и решил испытать все меры, выдержать всякое испытание, лишь бы не дать осаду, которая подготавливалась столь явно. С этою целью Атарбал поспешно собрал команду на берег и через глашатая вызвал из города наемников. Когда все были в сборе, он краткою речью постарался внушить им надежду на победу, если они отважатся на морскую битву, и, напротив, предсказывал им лишения, сопряженные с осадю, если они не пойдут тотчас навстречу опасности. Собравшиеся жаждали боя и громко требовали вести их в дело немедленно. Атарбал похвалил воинов за усердие и отдал приказ садиться поскорее на корабли, не терять из виду его корабля и следовать за ним. [Он] отчалил первый и отправился в открытое море прямо под скалы не с той стороны гавани, по которой входил неприятель, но с противоположной.

I, 50. Когда римский консул Публий увидел, что неприятель сверх всякого ожидания не уступает и не смущается его появлением, его собственные корабли находятся частью уже в гавани, частью у входа в нее, а третьи приближаются ко входу; он приказал всем кораблям повернуть назад и выйти из гавани. Находившиеся в гавани корабли столкнулись при повороте с теми, что были у входа в нее, а это вызвало невообразимое смятение среди людей; кроме того, сшибающиеся корабли ломали весла. Невзирая на это, корабельные начальники ставили у самого берега в боевую линию каждый вышедший в море корабль и быстро поворачивали их носами против неприятеля. Что касается самого Публия, который вначале следовал позади и замыкал собою весь флот, то теперь он на ходу повернул свой корабль в открытое море и занял левое крыло целого флота. В это самое время Атарбал с пятью боевыми кораблями миновал левое крыло неприятеля, свой собственный корабль поставил носом против неприятельского со стороны открытого моря; вместе с тем отправлял через гребцов приказ каждому подходящему кораблю становиться подле него и поступать точно так же, как он. Когда все корабли выстроились в одну линию, он дал условленный сигнал и сначала наступал на врага в боевом порядке, тогда как римляне все ещё держались берега в ожидании вышедших из гавани кораблей. Большие неудобства были для римлян от того, что им предстояло сражаться вблизи берега.

I, 51. Когда противники приблизились друг к другу, с обеих сторон на начальнических кораблях даны были сигналы, и последовала схватка. Сначала бой был равный, потому что с обеих сторон сражались лучшие солдаты сухопутного войска. Однако все более и более перевес склонялся на сторону карфагенян, потому что положение их во всем этом деле было гораздо выгоднее неприятельского. Благодаря лучшему устройству кораблей и ловкости гребцов они далеко превосходили неприятеля в быстроте движений; много помогала им и постановка флота их в открытом море. Действительно, были ли корабли их тесными неприятелем?

лем, они быстро и благополучно отступали в открытое место; поворачивали ли они потом свои корабли назад против выступивших вперед неприятельских, они или быстро огибали их, или нападали на них сбоку; в то время, как римские корабли при своей тяжести и неумелости команды поворачивались с трудом, карфагенские наносили им непрерывные удары и многие потопили. Если опасность угрожала какому-либо из собственных кораблей, карфагеняне своевременно являлись на помощь без вреда и опасности для себя, ибо заходили от кормы по открытому морю. В совершенно ином положении были римляне, именно: теснимые корабли не имели возможности отступить, так как римляне сражались у самого берега, а всякий раз, когда судно подвергалось жестокому натиску со стороны стоящего напротив неприятеля, оно или попадало на мель и садилось кормою, или оттеснялось к берегу и разбивалось. При тяжести своих кораблей римляне не могли врываться в середину неприятельских кораблей или нападать с тыла на те корабли, которые уже сражались с другими, — полезнейший прием в морском сражении. Наконец, римские корабли не могли помогать своим, нуждающимся в помощи с кормы, ибо заперты были у берега, и желающие подать помощь не имели даже небольшого свободного пространства для движений. Вообще положение римлян в этой битве было весьма невыгодно. При виде того, как одни корабли садятся на мель, другие выбрасываются на берег, консул решил бежать и с левого фланга пробирався у берега с тридцатью кораблями, которые случайно были подле него. Прочими судами в числе девяноста трех завладели карфагеняне, равно как и всюю командою их, за исключением лишь тех людей, которые вместе с кораблями выброшены были на берег и спаслись бегством.

I, 52. Такой исход битвы стяжал Атарбалу славу у карфагенян, ибо успех её они приписывали его личной проницательности и отваге. Напротив, Публий потерял всякое уважение у римлян и подвергся тяжким укорам за легкомысленное и безрассудное поведение, причинившее Риму столь большие потери. Вот почему даже спустя некоторое время он был предан суду, наказан тяжелой пенёй, и ему угрожала ещё большая опасность. Однако и после этих неудач римляне до того были преисполнены жаждою всемирного владычества, что изыскивали все средства, какие были в их власти, дабы продолжать борьбу без перерыва. Поэтому, как только наступили выборы, они выбрали новых консулов и одного из них, Луция Юния, немедленно отправили в поход с тем, чтобы он доставил осаждающим Лилибей войскам хлеб вместе с другими жизненными припасами и прочими предметами необходимости; сверх этого снарядили 60 кораблей для прикрытия продовольственных судов. По прибытии в Мессену Юний присоединил к своим те корабли, которые вышли ему навстречу из римской стоянки и из остальной Сицилии, и поспешно переправился к Сиракузам, имея при себе сто двадцать судов и около 80 ластовых кораблей с продовольствием. Здесь он отпустил квесторов с половиною ластовых кораблей и с несколькими длинными кораблями для... скорейшей доставки войску жизненных припасов. Сам он остался в Сиракузах, поджидая запоздавшие из Мессены корабли и принимая ещё хлеб от материковых союзников.

I, 53. Около того же времени Атарбал отослал в Карфаген взятых в морском сражении пленных и захваченные корабли. Товарищу своему по командованию войском, Карталону, он дал 30 кораблей в дополнение к тем семидесяти, с которыми тот явился, и приказал ему напасть внезапно на неприятельские корабли, стоящие на якоре у Лилибея, захватить из них столько, сколько можно будет, а остальные предать пламени. Во исполнение приказа Карталон к утру напал на врага, часть судов его сжег, другие увлек за собою, что вызвало сильное смятение в стоянке римлян. Римляне с криком поспешили на помощь к кораблям; наблюдавший за Лилибеем Гимилькон слышал это, а с рассветом увидел, что творится, и отрядил из города против неприятеля наёмников. Опасность угрожала римлянам со всех сторон, и они пришли в большое смущение. Между тем начальник карфагенского флота увлек на буксире несколько неприятельских судов, другие разрушил, затем прошел некоторое расстояние от Лилибея по направлению к Гераклею с целью заграждать путь подходящим к стоянке римским судам. Когда соглядатаи известили, что близко подошло уже множество римских судов разного вида, он вышел в море, горя желанием сразиться, потому что после недавней победы презрительно относился к римлянам. В то же время лодки, обыкновенно опережающие флот, дали знать квесторам, ранее отправленным из Сиракуз, о наступлении врага. Квесторы находили свои силы недостаточными для морской битвы, а потому причалили к одному из подчиненных римлянам городков; гавани город не имел, но представлял удобную якорную стоянку, будучи закрыт береговыми утесами. Здесь квесторы сделали высадку, поставили добытые из города катапульты и камнеметательницы и ожидали наступления врага. Подошедши к этому месту, карфагеняне сначала решили было повести осаду, полагая, что неприятель в страхе отступит в городок, а они беспрепятственно завладеют его судами. Но надежды карфагенян не оправдались, ибо римляне защищались храбро; к тому же самая местность представляла для карфагенян многие всевозможные неудобства. Поэтому они довольствовались тем, что взяли на буксир несколько судов со съестными припасами и отошли к какой-то реке; там бросили якорь и наблюдали за выходом в море неприятелей.

I, 54. Между тем остававшийся в Сиракузах консул привёл свой план в исполнение, затем, обогнув Пахин, направился к Лилибею, ничего не зная о том, что случилось с отплывшими раньше судами. С другой стороны, начальник карфагенского флота, уведомленный о приближении нового врага своими соглядатаями, поспешно вышел в море, желая сразиться с римлянами возможно дальше от остального флота. Юний издали ещё завидел карфагенский флот и многочисленность судов его; но не решался вступать в бой, хотя не мог уже и бежать от неприятеля, который был близко; поэтому он уклонился к берегу и бросил якорь у крутой, во всех отношениях опасной местности. Юний предпочитал претерпеть все, лишь бы своего флота с командою не дать в руки врагам. Начальник карфагенского флота заметил это движение неприятеля, но почитал неудобным выходить на бой с ним и приближаться к столь опасным пунктам; поэтому он занял некий мыс, стал там на якоре между обоими флотами римлян и внимательно наблюдал за ними. Когда поднялась буря, а море угрожало ещё большими опасностями впереди, карфагенские кормчие, благодаря знанию местности и опытности в своем деле, предусматривали и предсказывали грядущее, советуя Карталону обогнуть мыс Пахин и тем спастись от бури. Карталон благоразумно последовал их совету, и карфагеняне, правда, с большим трудом и опасностями, обошли мыс и заняли надежную стоянку. Зато флоты римлян, стоявшие у берегов, лишенных гаваней, пострадали настолько, что от них остались ни к чему негодные обломки. Разрушение обоих флотов было полное...

I, 55. После этого карфагеняне снова воспрянули духом, и надежды их опять оживились. Напротив, римляне, и раньше испытывавшие неудачу, а теперь потерпевшие полное крушение, очистили море, хотя суша все ещё была в их власти; карфагеняне господствовали на море, но не теряли надежды и на обладание сушею. Под тяжестью рассказанных выше бедствий горевали все римляне, как те, что оставались в Риме, так равно и те, что были в легионах у Лилибея; и все-таки не думали о снятии осады: одни с неослабленным рвением подвозили по суше съестные припасы, другие напрягли все свои силы к осаде города. Консул Юний после кораблекрушения отправился в лагерь. Горюя о понесенных потерях, он жаждал новых славных подвигов, чтобы в бою загладить прежние неудачи. Поэтому лишь только представился ему удобный случай, Юний хитростью захватил Эрикс, овладел святилищем Афродиты и городом. Эрикс — тянущаяся вдоль моря гора Сицилии, на той стороне ее, которая обращена к Италии, между Дрепанами и Панормом, ближе к границе Дрепан; по величине Эрикс далеко превосходит все горы Сицилии, кроме Этны. На плоской вершине этой горы находится святилище Эрикской Афродиты, по общему мнению значительнейшее из всех святилищ Сицилии по богатству и роскоши. Город расположен под горной вершиной; к нему ведет очень длинный и крутой путь. Гребень

горы консул занял стражей, равно как и проход к ней от Дрепан; зорко оберегал он оба пункта, особенно подъем на гору, в том убеждении, что этим именно способом обеспечивает за собою обладание и городом, и целою горою.

I, 56. Между тем карфагеняне избрали себе в военачальники Гамилькара, по прозванию Барка, и ему доверили командование флотом. Гамилькар взял с собою флот и отправился опустошать Италию. Был 18-й год войны. По опустошении Локриды и Бруттийских полей Барка отплыл со всем флотом к Панормской области и занял местность, лежащую между Эриксом и Панормом и называющуюся «на Герктах»; по безопасности и удобствам для стоянки и долговременного пребывания войска она представляет наилучший пункт в Сицилии... Отправляясь отсюда своими кораблями, он прежде всего занялся опустошением италийского побережья до области кумеян. Потом, когда римляне на суше перед городом Панормом расположились против него лагерем на расстоянии стадий пяти, Гамилькар в течение почти трех лет давал им битвы на суше частые и многообразные...

I, 58. Вдруг судьба... заперла [противников] на меньшем ещё пространстве, именно: так как римляне занимали вершину Эрикса и его подножье..., то Гамилькар овладел городом эриклян, лежащим между вершиною и разбитым у подошвы горы лагерь. Теперь те римляне, которые занимали вершину горы, мужественно выдерживали борьбу и лишения осаждаемых. С другой стороны, карфагеняне обнаруживали невероятную стойкость, ибо неприятель теснил их со всех сторон, жизненные припасы получались с трудом, потому что сообщение с морем они имели в одном только месте и в одном направлении. И здесь обе стороны пустили в ход одна против другой всю изворотливость и силу, какие потребны в деле осады, претерпели всевозможные лишения, испытали все виды нападения и обороны, пока, наконец «не пожертвовали победного венка богам» не потому..., что не в силах были терпеть дольше, но потому что сделались нечувствительными к страданиям и неодолимыми. И в самом деле, прежде чем одним удалось одолеть врага, хотя и на этом месте противники боролись в течение двух лет, конец войне положен был иным способом. ...Римляне и карфагеняне, утомлённые трудами непрерывной борьбы, истощены были вконец, а налоги и расходы, удручавшие их долгое время, подорвали их силы.

I, 59. ...Римляне... уже в течение почти пяти лет совершенно отказались от моря... Теперь они увидели, что расчеты их не оправдались... Покинуть море в первый раз вынудили их обрушившиеся случайно бедствия, второй раз поражение в битве при Дрепанах. Теперь они делали третью попытку и, победив карфагенские войска на Эриксе, лишив их подвоза жизненных припасов со стороны моря, завершили борьбу... По мере своих средств каждый гражданин сам по себе или вдвоем и втроем с другими обязывался доставить оснащенное пятипалубное судно... Таким-то способом быстро было заготовлено 200 пятипалубных судов; сооружены они были по образцу корабля Родосца; затем римляне выбрали в консулы Гая Лутаций и в начале лета отправили флот в море. Неожиданно появился он у берегов Сицилии, овладел гаванью Дрепан и якорными стоянками у Лилибея, так как весь флот карфагенян возвратился домой. Возведя укрепления вокруг города Дрепан и сделав все прочие приспособления, римский консул повел осаду всеми возможными средствами. Вместе с тем он предвидел прибытие карфагенского флота и памятовал первоначальное решение, что война может быть кончена только морским сражением; поэтому, не желая терять время в бездействии, он каждый день испытывал свою команду, делал с нею соответствующие упражнения..., так что в самое короткое время сделал своих моряков совершенно годными для предстоящего дела.

I, 60. Получив... известие, что римский флот находится в море..., карфагеняне тотчас снарядили свои корабли. Нагрузив их хлебом и всеми нужными припасами, они немедленно отправили флот свой в море, будучи озабочены тем, чтобы войско на Эриксе ни в чем не терпело недостатка. Начальником морских сил они назначили Ганнона. Выйдя в море и пристав к острову, именуемому Гиерою, Ганнон старался тайком от неприятелей проникнуть к Эриксу с целью выгрузить там припасы и облегчить корабли, забрать с собою годных наёмников в корабельные воины, в том числе Барку, и потом вступить в битву с неприятелем. Между тем Лутаций узнал о прибытии Ганнона с войском и угадал его замыслы, отобрал из сухопутного войска наилучших солдат и подошел к острову Эгусе, лежащему перед Лилибеем. Здесь он обратился к войску с подобающим возвращением, а кормчим объявил, что на следующий день будет морское сражение. Утром, когда рассвело уже, Лутаций видел, что неприятелю благоприятствует сильный ветер, что для его кораблей плавание будет затруднено противным ветром, притом на сильно волнующемся море; поэтому сначала колебался, как поступить. Но в то же время он соображал, что, если решится на бой невзирая на бурю, то будет иметь дело с Ганноном, только с его войсками и с флотом, нагруженным хлебом. Если, напротив, он будет выжидать погоды и медлительностью своею допустит, чтобы неприятель переправился и соединился с сухопутным войском, то будет сражаться против кораблей быстрых, не имеющих на себе груза, против отборнейшей части сухопутных войск и, что самое главное, против отважного Гамилькара: более грозной опасности тогда не было ничего. Итак, Лутаций решил не пропускать удобного случая. Завидев неприятельские корабли с распущенными парусами, он поспешно вышел из гавани. Ловкая команда с легкостью преодолевала силу волны, и поэтому он быстро выстроил свои корабли в одну линию и носами вперед поставил против неприятеля.

I, 61. Когда карфагеняне увидели, что дальнейший путь им отрезан римлянами, они убрали паруса и, находясь на своих кораблях, ободряли друг друга и начали битву. Так как военные средства врагов были противоположны тем, с какими они сражались на море у Дрепан, то соответственно тому и исход обоих сражений должен был получиться обратный. Действительно, римляне изменили устройство своих кораблей и удалили с них весь груз, ненужный для морской битвы; хорошо обученные гребцы прекрасно исполняли свое дело; наконец, корабельными воинами у них были отборнейшие люди из сухопутного войска, не привыкшие отступать. Что касается карфагенян, то положение их было совершенно иное. Корабли их, нагруженные припасами, были неловки в боевых движениях; гребцы их были совсем не обучены и посажены на корабли лишь в минуту опасности; воины их были новобранцы и совершенно не испытанные в трудностях и опасностях войны. Дело в том, что к морским силам римлян они относились весьма пренебрежительно и никак не рассчитывали, что римляне попытаются снова утвердиться на море. Вот почему с самого начала битвы карфагеняне оказались слабее римлян на многих пунктах боевой линии, были побеждены, причем пятьдесят кораблей их потоплено, а семьдесят вместе с командою взято в плен. Остальной флот с распущенными парусами под попутным ветром отступил к острову Гиере; на их счастье ветер неожиданно переменялся и вовремя помог им.

№4

МИРНИЙ ДОГОВОР РИМУ С КАРФАГЕНОМ ПІСЛЯ І ПУНІЧНОЇ ВІЙНИ (241 р. до н.е.) (ПОЛІБІЙ, ЗАГАЛЬНА ІСТОРІЯ, I, 62-64)

Кн. I, Гл. 62. Итак, римский консул возвратился под Лилибей к своему войску и принял необходимые меры относительно захваченных кораблей и людей, что было нелегко, ибо пленных взято было немного меньше десяти тысяч человек. С другой стороны, карфагеняне, хотя сверх всякого ожидания потерпели поражение, обнаруживали прежнюю готовность к борьбе, прежний воинственный дух и рвение, но затруднялись в способах вести ее. Ибо море было теперь во власти неприятеля, и они не могли уже доставлять продовольствие своему войску в Сицилии, а отказавшись от надежд на то войско и как бы даже выдав его неприятелю, карфагеняне не знали, откуда добыть для войны и солдат, и вождей. Поэтому они немедленно отправили гонцов к

ятелю, карфагеняне не знали, откуда добыть для войны и солдат, и вождей. Поэтому они немедленно отправили гонцов к Барке и давали ему неограниченные полномочия. Барка исполнил долг военачальника честно и разумно, именно: до тех пор пока положение дел допускало какую-нибудь надежду на успех, он не останавливался ни перед какими усилиями и опасностями и, как подбаивает военачальнику, испытал все средства, обещавшие победу. Но когда положение ухудшилось и у него не оставалось более никакой надежды на спасение вверенных ему воинов, Барка сознательно и благоразумно покорился обстоятельствам и отправил к римлянам послов для переговоров об окончании войны и заключении мира. От вождя требуется, чтобы он умел одинаково верно определять моменты как для победы, так и для отступления. Лутаций с радостью принял предложение Барки, ибо ему известно было, что сами римляне истощены войною и тяготятся бременем ее; поэтому войне положен был конец на таких приблизительно условиях: «На нижеследующих условиях, если они угодны будут и народу римскому, должна быть дружба между карфагенянами и римлянами: карфагеняне обязаны очистить всю Сицилию, не воевать с Гиероном, не ходить войною ни на сиракузян, ни на союзников их; карфагеняне обязаны выдать римлянам всех пленных без выкупа; карфагеняне обязаны уплатить римлянам в продолжение 20 лет 2200 эвбейских талантов серебра».

I, 63. Когда условия эти были доставлены в Рим, народ не принял их и отправил десять граждан в Сицилию для расследования дела. По прибытии на место уполномоченные оставили неизменным существо договора, лишь некоторые обязательства карфагенян усилили, именно: срок уплаты они сократили наполовину, прибавили ещё тысячу талантов и обязали карфагенян очистить все острова, лежащие между Италией и Сицилией.

...Длилась [война] непрерывно 24 года... Не говоря о прочих битвах и средствах вооружения..., в одном из сражений противники выставили более пятисот, а в другом немного меньше семисот пятипалубных судов. В этой войне римляне потеряли до семисот пентер, считая и погибшие в кораблекрушениях, а карфагеняне до пятисот. Поэтому люди, в коих вызывают удивление морские сражения и флоты Антигона, Птолемея и Деметрия, наверное должны быть поражены чрезмерностью этих событий. Далее, если кто пожелает сравнить между собою пятипалубные и те трехпалубные суда, на каких персы воевали с эллинами, а потом афиняне с лакедемонянами, то он увидит, что раньше никогда ещё подобные силы не вступали в борьбу на море. Отсюда ясно, что римляне не случайно и бессознательно, как думают о том некоторые эллины, но с верным расчетом и по изощрению своих сил в столь многочисленных... битвах, не только возымели смелую мысль о подчинении и покорении мира, но и осуществили ее...

I, 64. ...В описанной выше войне оба государства оказались равносильными как по смелости замыслов и могуществу, так в особенности по ревнивому стремлению к господству; но что касается граждан, то во всех отношениях римляне проявили большую доблесть. Наконец, величайшим вождем того времени по уму и отваге должен быть признан Гамилькар, по прозвищу Барка, родной отец того Ганнибала, который впоследствии воевал с римлянами.

II. ДРУГА ПУНІЧНА ВІЙНА (218-201 рр. до н.е.)

№1

ЗАСНУВАННЯ НОВОГО КАРФАГЕНА (237 р. до н.е.) (ПОЛБІЙ, ЗАГАЛЬНА ІСТОРІЯ, II, 13)

Кн. II, Гл. 13. Около того же времени Гасдрубал... мудрым и заботливым управлением достиг вообще больших успехов, а основанием города, у иных именуемого Карфагеном, у других Новым Городом, значительно приумножил могущество карфагенян. Действительно, город этот расположен весьма удобно как для Иберии, так и для Ливии... Когда римляне увидели, что Гасдрубал приобрёл большую и опасную власть, они решили серьезно заняться иберийскими делами. Римляне находили, что прежнюю нерадивостью и беспечностью они дали образоваться значительному могуществу карфагенян, и потому делали попытки поправить прошлое. Тотчас они не отваживались ни предьявлять свои требования карфагенянам, ни воевать с ними, ибо угнетал их страх перед кельтами, нападения которых они ждали со дня на день. Они желали сначала задобрить и успокоить Гасдрубала, а потом приняться за кельтов и начать борьбу с ними в том убеждении, что нельзя будет не только господствовать в Италии, но даже жить спокойно в родной стране, пока будет угрожать им этот народ. Поэтому римляне отправили к Гасдрубалу посольство для заключения договора, в котором, умалчивая об остальной Иберии, устанавливали реку по имени Ибер пределом, за который не должны переступать карфагеняне с военными целями. Немедленно после этого они начали войну против кельтов.

№2

ВІЙСКОВІ СИЛИ СТОРІН ПЕРЕД II ПУНІЧНОЮ ВІЙНОЮ (ПОЛБІЙ, ЗАГАЛЬНА ІСТОРІЯ, II, 24; III, 33)

Полібій зазначає: «...В Лацинії ми знайшли цей перелік військ на мідній дошці, виготовленій за наказом Ганнібала, коли він перебував в Італії».

Кн. II, Гл. 24. Чтобы определить ясно и точно те силы, на какие впоследствии дерзнул напасть Ганнибал, и то могущество, которое он с изумительной отвагой задумал сокрушить, успевши в своих замыслах настолько, что нанёс римлянам жесточайшие поражения, необходимо показать военные средства римлян и исчислить войска, имевшиеся у них в то время. С консулами вышли четыре римских легиона, каждый в 5200 человек пехоты и 300 человек конницы. Оба консула имели при себе союзников, общее число их доходило до 30 тыс. пехоты и двух тысяч конницы. На помощь римлянам в трудном положении их явились в Рим от *сабинов* и *тирренов* до 4 тыс. конницы и больше 50 тыс. пехоты. Римляне соединили их вместе и поставили перед границами Тиррении с претором во главе. От *умбров* и *сарсинов*, занимающих Апеннины, прибыло всего до двадцати тысяч, с ними соединились также в числе 20 тыс. *венеты* и *гономаны*. Эти войска римляне поставили на границах Галатии, чтобы вторжением в землю *боев* заставить вышедших на войну возвратиться домой. Таковы были войска римлян, выставленные для охраны страны.

В Риме... содержалось запасное войско в 20 тыс. пехоты из самих римлян, вместе с ними 1500 конницы, а от союзников — 30 тыс. пехоты и две тысячи конницы. На доставленных списках значилось: *латинов* 80 тыс. пехоты и пять тысяч конницы, *самнитов* 70 тыс. пехоты и семь тысяч конницы; от *япигов* и *мессапиев* было всего 50 тыс. пехоты и 16 тыс. конницы, от *луканов* — 30 тыс. пехоты и 3 тыс. конницы, от *марсов*, *маррукинов*, *ферентанов* и *вестинов* — 20 тыс. пехоты и 4 тыс. конницы. Кроме того, в Италии и Сицилии помещено было два запасных легиона, каждый в 4200 человек пехоты и в 200 человек конницы. Из римлян и кампанцев набрано было всего около 250 тыс. пехоты и 23 тыс. конницы. Таким образом, для защиты римских владений выставлено было всего более 150 тыс. пехоты и около 6 тыс. конницы, а общее число способных носить оружие как римлян, так и союз-

ников превышало 700 тыс. пехоты и до 70 тыс. конницы. На них-то пошёл Ганнибал, при вторжении в Италию не имея полных 20 тыс. войска...

Кн. III, Гл. 33. Руководствуясь верным, умным расчётом, [Ганнибал] переместил ливийские войска в Иберию, а иберийские — в Ливию и тем соединил обе части войск... В Ливию перешли *терситы*, *мастианы*, кроме того, *ореты* и *олькады*. Из этих племён набрано было... 1200 человек конницы и 13 850 пехоты. Сверх этого числа было 870 человек *балеарян*. Настоящее имя их пращники; употребление пращи дало одинаковое название как народу, так и занимаемому им острову. Большую часть поименованных выше войск Ганнибал послал в ливийские Метагонии, а некоторых назначил в самый Карфаген. Из... метагонийских городов он снарядил в Карфаген ещё 4 тыс. пехоты, которые должны были служить заложниками и вместе с тем подкреплением ему.

В Иберии Ганнибал оставил брату Гасдрубалу 50 пятипалубных кораблей с командою, 32 корабля пятипалубных и все 5 трирем. Конницы оставил он 450 человек ливии-финикиян и ливийцев, триста лергетов, 1800 нумидян, а именно: массолиев, массайлиев, мамгоев и... мавров; пехоты оставил 11 850 человек ливийцев, 300 лигистян, 500 балеарян и 21 слона.

...[Ганнибал] повёл за собою 50 тыс. пехоты и около 9 тыс. конницы; перевалил с ними через... Пиренейские горы к месту переправы через реку [Родан]. Войско его отличалось не столько многочисленностью, сколько крепостью здоровья и было превосходно испытано в непрерывных битвах в Иберии.

№3

ПОЧАТОК II ПУНІЧНОЇ ВІЙНИ. ПЕРЕХІД ГАННІБАЛА ЧЕРЕЗ АЛЬПИ (ТІТ ЛІВІЙ, РИМСЬКА ІСТОРІЯ, ХХІ, 32-38)

Кн. ХХІ, Гл. 32. Консул Публий Корнелий... приблизительно через три дня после того, как Ганнибал оставил берег Родана... с... войском прибыл к неприятельскому лагерю, намереваясь немедленно дать сражение. Когда же он увидел, что укрепления покинуты и что ему нелегко будет догнать неприятеля, так далеко зашедшего вперед, он вернулся к морю и к своим кораблям, думая, что ему будет легче и безопаснее, переправив войско в Италию, выйти Ганнибалу навстречу, когда он будет спускаться с Альп. А чтобы Испания... не осталась без римских подкреплений, он послал туда... своего брата Гнея Сципиона с большею частью войска, поручив ему не только защищать прежних союзников и привлекать на свою сторону новых, но и изгнать Гасдрубала из Испании. Сам он с очень незначительными силами отправился в Геную, чтобы защищать Италию с помощью того войска, которое находилось в долине Пада. Ганнибал же, перешедши Друенцию, отправился вверх по лугам, не встречая никаких препятствий со стороны населявших эту местность *галлов*, пока не приблизился к Альпам. Здесь, однако, воины... были... поражены ужасом, видя вблизи эти громадные горы, эти ледники, почти сливающиеся с небесным сводом, эти безобразные хижины, разбросанные по скалам, эту скотину, которой стужа, казалось, даже расти не давала, этих людей, обросших волосами и одетых в лохмотья. Вся природа, как одушевлённая, так и неодушевлённая, казалась окоченевшей от мороза, всё производило удручающее впечатление... Вдруг, когда войско поднималось по откосу, показались горцы, занявшие господствующие посты. Если бы они устроили такую засаду в более скрытой части долины и затем внезапно бросились бы в бой, то прогнали бы неприятеля со страшным уроном. Ганнибал велел войску остановиться и выслал вперед *галлов* разведать местность; узнав от них, что взять проход невозможно, он расположился на самой широкой ровной полосе, какую только мог найти, имея на всём протяжении лагеря по одну руку крутизну, по другую пропасть. Затем он велел тем же *галлам*, которые ни по языку, ни по нравам особенно не отличались от туземцев, смешаться с ними и принять участие в их разговорах. Узнав таким образом, что проход оберегается только днём, ночью же осаждающие удаляются восвояси, он с рассветом опять двинулся под занятые неприятелем высоты, как бы желая открыто и при свете дня пробиться через теснину. Проведши целый день в попытках, ничего общего с его настоящими намерениями не имеющих, он снова укрепился в том же лагере, в котором войско находилось в предыдущую ночь. А как только он убедился, что горцы покинули высоты, оставивши только редкие караулы, он для отвода глаз велел развести гораздо больше костров, чем этого требовало число остающихся в долине, а затем, покинув обоз, конницу и основную часть пехоты и взяв с собою только самых смелых и легковооружённых, быстро прошёл через теснину и занял высоты, на которых до тех пор сидели враги.

ХХІ, 33. С наступлением дня остальное войско вышло из лагеря и двинулось вперед. Горцы по условленному знаку уже покинули свои крепостцы и с разных сторон приближались к прежним позициям, как вдруг заметили, что одна часть врагов заняла их твердыню и находится над их головами, а другая по тропинке переходит через теснину. И то и другое представилось их взорам одновременно и произвело на горцев такое впечатление, что некоторое время они стояли на месте неподвижно; но затем, убедившись, что в ущелье царит замешательство, что войско своей же собственной тревогой расстроено и более всего беснуется лошади, они решили, что стоит им хоть сколько-нибудь увеличить это смятение — и врагу не избежать гибели. И вот, одинаково привыкшие лазить как по доступным, так и по недоступным скалам, горцы с двух различных склонов стремительно спускаются на тропинку. Тогда пунийцам пришлось одновременно бороться и с врагами, и с неблагоприятной местностью; каждый старался скорее спастись от опасности, и потому пунийцы едва ли не более дрались между собою, чем с врагом. Более всего подвергали войско опасности лошади. Уже один резкий крик неприятелей, раздававшийся с особенной силой в лесистой местности и повторяемый эхом гор, пугал их и приводил в замешательство; когда же в них случайно попадал камень или стрела, они приходили в бешенство и сбрасывали в пропасть и людей, и всякого рода поклажу в огромном количестве. В этом ужасном положении много людей было низринуто в бездонную пропасть, так как дорога узкой полосой вела между стеной и обрывом; погибло и несколько воинов. Но особенно страдали выючные животные: со своей поклажей они скатывались вниз, как лавина. Ганнибал, хотя и был возмущён этим зрелищем, стоял, однако, неподвижно и сдерживал свой отряд, не желая увеличивать ужас и замешательство войска. Когда же он увидел, что связь между обеими частями колонны прервана и что ему грозит опасность совсем потерять обоз, — а в таком случае мало было бы пользы в том, что вооружённые силы прошли бы невредимыми, — он спустился с высот и одною силой своего натиска прогнал врага, но зато и увеличил смятение своих. Это смятение, впрочем, тотчас же улеглось, как только распространилась уверенность, что враг бежал и проход свободен; все войско было переведено спокойно и даже, можно сказать, при полной тишине. Затем Ганнибал взял главную крепостцу в этих местах¹ и окрестные хутора и добыл в них столько хлеба и скота, что войску хватило продовольствия на три дня; а так как испуганные горцы в первое время не возобновляли нападения, а местность особенных препятствий не представляла, то он в эти три дня проделал довольно длинный путь.

ХХІ, 34. Продолжая свой поход, он прошел в другую область, довольно густо населённую, насколько это возможно в горах, земледельческим людом². Здесь он едва не сделался жертвой не открытой борьбы, а тех приёмов, в которых сам был мастером, —

¹ По-видимому, Эбуродун — укрепленный пункт племени катуригов, с которыми Ганнибал столкнулся при переходе Альп.

² Именно в область медуллов, занимавших верховья Друенции и Дурий.

обмана и хитрости. Почтенные годами представители селений приходят к Ганнибалу в качестве послов и говорят ему, что они, будучи научены спасительным примером чужих несчастий, предпочитают быть друзьями пунийцев и не желают испытать на себе их силу; они обещают повиноваться его приказанием, а пока обещают съестных припасов, проводников и — в виде поруки своей верности — заложников. Ганнибал решил не доверять им слепо, но и не отвергать их предложения, чтобы они, оскорбленные его отказом, не превратились в открытых врагов; поэтому он дал им ласковый ответ, принял заложников, которых они предлагали, и воспользовался припасами, которые они сами вынесли на дорогу, но последовал за их проводниками далеко не в том порядке, в каком он провел бы свое войско через дружественно расположенную область. Впереди шли слоны¹ и конница, а сам он с лучшими отрядами пехоты замыкал шествие, заботливо оглядываясь по сторонам. Едва успели они войти в тесный проход, над которым с одной стороны повисала гора, как вдруг варвары отовсюду высыпали из своих засад; и с фронта, и с тыла напали они на войско, то стреляя в него издали, то вступая в рукопашный бой, то скатывая на идущих громадные камни. Главные их силы беспокоили задние ряды войска; пехота обернулась, чтобы отразить их нападение, и скоро стало ясно, что, не будь тыл войска защищен, поражение, которое они могли потерпеть в том ущелье, было бы ужасным. Да и так они подверглись крайней опасности и едва не погибли. Пока Ганнибал стоял на месте, не решаясь повести в теснину пехоту, — ведь никто не оберегал её тыла подобно тому, как он сам оберегал тыл конницы, — горцы с фланга ударили на идущих, прорвали шествие как раз посередине и заняли дорогу, так что Ганнибалу пришлось провести одну ночь без конницы и без обоза.

XXI, 35. Но на другой день ряды врагов, занимавших среднюю между обеими частями войска позицию, стали редеть и связь была восстановлена. Таким образом, пунийцам удалось миновать это ущелье хотя и не без урона, но все же потеряв не столько людей, сколько вьючного скота. Во время дальнейшего шествия горцы нападали на них уже в меньшем числе, и это были скорее разбойничьи набеги, чем битвы; собравшись, они бросались то на передние ряды, то на задние, пользуясь благоприятными условиями местности и неосторожностью пунийцев, то заходивших вперед, то отстававших. Слоны очень замедляли шествие, когда их приходилось вести по узким и крутым дорогам, но зато они доставляли безопасность той части войска, в которой шли, так как враги, никогда этих животных не видавшие, боялись подходить к ним близко. На девятый день достигли они альпийского перевала, часто пролагая себе путь по непроходимым местностям и несколько раз сбиваясь с дороги: то их обманывали проводники, то они сами, не доверяя им, выбирали путь наугад и заходили в глухие долины. В продолжение двух дней они стояли лагерем на перевале; воинам, утомленным работами и битвами, было дано время отдохнуть; а несколько вьючных животных, скатившихся прежде со скал, ступая по следам войска, пришли в лагерь. Воины всё ещё были удручены обрушившимися на них несчастьями, как вдруг, к их ужасу, в ночь заката Плеяд² выпал снег. На рассвете лагерь был снят и войско лениво двинулось вперед по дороге, на всем протяжении занесённой снегом; у всех на лице лежал отпечаток тоски и отчаяния. Тогда Ганнибал, опередив знамена, велел воинам остановиться на горном выступе, откуда можно было обозревать широкое и далёкое пространство, и показал им Италию и расстилающуюся у подножия Альп равнину Пада. «Теперь вы одолеваете, — сказал он им, — стены не Италии только, но и Рима. Отныне всё пойдёт как по ровному, отлогому склону; одна или, много, две битвы отдадут в наши руки, под нашу власть крепость и столицу Италии». Отсюда войско пошло дальше в таком добром настроении, что даже враги не посмели тревожить его и ограничивались незначительными грабительскими вылазками. Надобно, однако, заметить, что спуск был гораздо затруднительнее восхождения, так как альпийские долины почти повсеместно на итальянской стороне короче, но зато и круче. Почти на всём своём протяжении тропинка была крута, узка и скользка, так что воину трудно было не поскользнуться, а раз, хотя и слегка, поскользнувшись — удержаться на ногах. Таким образом, одни падали на других, животные — на людей.

XXI, 36. Но вот они дошли до скалы, где тропинка ещё более суживалась, а крутизна была такой, что даже воин налегке только после долгих усилий мог бы спуститься, цепляясь руками за кусты и выступавшие там и сям корни. Скала эта и раньше по природе своей была крута; теперь же вследствие недавнего обвала она уходила отвесной стеной на глубину приблизительно тысячи футов. Пришедшие к этому месту всадники остановились, не видя далее перед собой тропинки, и когда удивлённый Ганнибал спросил, зачем эта остановка, ему сказали, что перед войском — неприступная скала. Тогда он сам отправился осматривать местность и пришёл к заключению, что, несмотря на большую трату времени, следует повести войско в обход по местам, где не было ни тропинки, ни следа человеческих ног. Но этот путь оказался решительно невозможным. Сначала, пока старый снег был покрыт достаточно толстым слоем нового, ноги идущих легко находили себе в нём опору вследствие его рыхлости и умеренной глубины. Но когда под ногами стольких людей и животных его не стало, им пришлось ступать по голому льду и жидкому месиву полурастаявшего снега. Страшно было смотреть на их усилия: нога даже следа не оставляла на скользком льду и совсем не могла держаться на покатоном склоне, а если кто, упав, старался подняться, опираясь на руку или колено, то и эта опора скользила, и он падал вторично. Не было кругом ни колод, ни корней, о которые они могли бы опереться ногой или рукой; в своей беспомощной борьбе они ничего вокруг себя не видели, кроме голого льда и тающего снега. Животные подчас вбивали копыта даже в нижний слой; тогда они падали и, усиленно работая копытами, чтобы подняться, вовсе его пробивали, так что многие из них оставались на месте, завязнув в твердом и насквозь заледеневшем снегу, как в капкане.

XXI, 37. Убедившись наконец, что и животные, и люди только понапрасну истощают свои силы, Ганнибал опять велел разбить лагерь на перевале, с трудом расчистив для этого место: столько снегу пришлось срыть и вынести прочь. На следующий день он повел воинов пробивать тропинку в скале — единственном месте, где можно было пройти. А так как для этого нужно было ломать камень, то они валят огромные деревья, которые росли недалеко, и складывают небывалых размеров костер. Обождав затем появления сильного и благоприятного для разведения огня ветра, они зажигают костер, а затем, когда он выгорел, заливают раскалённый камень уксусом, превращая его этим в рыхлую массу. Потом, ломая железными орудиями растрескавшуюся от действия огня скалу, они делают её проходимой, смягчая плавными поворотами чрезмерную её крутизну, так что могли спуститься не только вьючные животные, но и слоны. Всего у этой скалы было проведено четыре дня, причём животные едва не издохли от голода; действительно, верхние склоны гор почти везде состоят из голых скал, а если и есть какой корм, то его заносит снегом. В низовьях долины напротив, есть согреваемые солнцем холмы, и ручьи, окаймляющие рощи, и вообще места, заслуживающие быть жилищем человека. Здесь лошадей пустили пастись, а людям, утомлённым сооружением тропы, был дан отдых. Отсюда они через три дня достигли равнины; чем дальше, тем мягче делался и климат страны, и нравы жителей.

XXI, 38. Таким образом, Ганнибал совершил путь в Италию, потратив... пять месяцев на дорогу от Нового Карфагена до подножия Альп и 15 дней на переход через Альпы. Сколько было войска у Ганнибала после его прихода в Италию..., источники совершенно не согласны друг с другом: самая высокая цифра — 100 тыс. пехоты и 20 тыс. конницы, самая низкая — 20 тыс. пехоты и 6 тыс. конницы. Более всех поверил бы я Луцию Цинцию Алименту, который, по его собственному признанию, был взят в

¹ Из 37-38 слонов после похода Ганнибала на Рим уцелел только один, лично принадлежавший полководцу. Звали его Сурус, что означало «сириец».

² Закат Плеяд (в созвездии Тельца) приходится по астрономическому календарю на 20 (7) ноября.

ПЛЕН ГАННИБАЛОМ; но он не даёт определённой численности пунийского войска, а прибавляет галлов и лигурийцев и говорит, что вместе с ними Ганнибал привёл (я думаю скорее, что эти силы соединились с Ганнибалом уже в Италии...) 80 тыс. пехоты и 10 тыс. конницы; сверх того, он сообщает, что Ганнибал, по его собственным словам, со времени своего перехода через Родан потерял 36 тыс. человек и несметное число лошадей и других вьючных животных. Первым народом, в пределы которого Ганнибал вступил, спустившись в Италию, было полугалльское племя тавринов. В этом все согласны; тем более я нахожу странным, что относительно дороги, которой он перешёл через Альпы, может существовать разногласие; а между тем наиболее распространено мнение, по которому Ганнибал перешёл Пенинские Альпы, и отсюда этот хребет получил своё имя; Целий же утверждает, что он избрал для перехода Кремонский перевал. Но и тот и другой путь привёл бы его не к *тавринам*, а к горному племени салассов и отсюда к либуйским галлам; к тому же невероятно, чтобы эти два прохода в Галлию уже тогда были доступны и, во всяком случае, долины, ведущие к Пенинским Альпам, были заняты полугерманскими народами. Если же кого убеждает название, то пусть он знает, что ни седунам, ни вераграм, жителям этой области, ничего не известно о том, будто их горы получили своё имя от какого бы то ни было перехода пунийцев; а получили они это имя, по их словам, от бога, которого горцы называют Пенином и почитают в капище, выстроенном на главной вершине.

№4 ТАКТИКА ФАБИЯ МАКСИМА (ТИТ ЛІВІЙ, РИМСЬКА ІСТОРІЯ, XXII)

Після розгрому римської армії 21 червня 217 р. до н.е. в битві при Тразіменському озері і загибелі консула Гая Фламінія диктатором і головнокомандуючим був призначений Квінт Фабій Максім на прізвисько Кунтатор (Повільний).

Кн. XXII, Гл. 13. Ганнибал из области *гурпинов* перешёл в Самний, опустошил окрестности Беневента и взял город Телезию; он сознательно дразнил Фабия, надеясь, что может быть, возмущённого бедствиями и притеснением союзников, его удастся выманить на равнину. Среди многочисленных союзников-италийцев, попавших у Тразименского озера в плен и отпущенных Ганнибалом, было три кампанских всадника, которые, соблазнившись подарками и обещаниями Ганнибала, привлекли на его сторону своих земляков. Они уверяли: если он войдёт с войском в Кампанию, то сразу же овладеет Капуей. Дело было серьёзное, а люди пустые, и Ганнибал, колеблясь, доверяют ли им, или нет, всё-таки направился из Самнии в Кампанию. Настойчиво потребовав делами подтвердить обещания, он приказал им явиться к нему с несколькими знатными горожанами и отпустил их. Проводнику он велел вести себя к Казину: люди, знающие эти места, уверили его: если он захватит там перевал, то римляне будут отрезаны от союзников и помогать им не смогут. Но пунийскому рту трудно было сладить с латинскими именами: проводнику послышалось не «Казин», а «Казилин», он свернул с верного пути и через Аллифскую, Кайатскую и Каленскую области спустился на Стеллатскую равнину. Увидев вокруг себя горы и реки, Ганнибал позвал проводника и спросил: где они находятся? Тот ответил, что Ганнибал сегодня же остановится в Казилине. Тут ошибка выяснилась — Казин совсем в другой области — Ганнибал высек проводника и распял его на страх другим, укрепил лагерь и отпустил Магарбала грабить Фалернскую область. Опустошили все вплоть до Синуэских вод. Бедствие было велико, люди бежали, нумидийцы навели страх на всю округу; всюду хозяйничали огонь и меч, но верность союзников не поколебалась: управляли ими справедливо, власти не превышали, а добровольное повиновение лучшим — единственная порука верности.

XXII, 14. Ганнибал разбил лагерь у реки Вултурн: теперь он выжигал этот чудный край; над горевшими усадьбами подымался дым, Фабий шёл по хребту Массика, и у него в войске чуть снова не вспыхнул мятеж. Солдаты несколько дней были спокойны; так как Фабий вёл их скорее, чем обычно, они думали, что спешат остановить опустошение Кампанию; но вот они дошли до последнего перевала; на глазах у них неприятель жёг фалернские поля, дома жителей Синуэссы, а о сражении не было и помину. И Минуций сказал: «Ужели пришли мы сюда наслаждаться приятнейшим зрелищем — смотреть, как убивают союзников и жгут их жилища! Если нам никого не стыдно, то постыдимся хотя бы граждан, которых отцы наши поселили в Синуэссе, чтобы всему этому краю была защита от самнитов. А сейчас пожары устраивает не сосед-самнит, а чужеземец, пуниец, который по нашей беспечности и медлительности пришел сюда с края света! Мы не сыновья наших отцов — мы выродки! Они считали для себя позором, если пунийский флот проходил мимо их земли; мы ещё увидим, как тут будет полным полно нумидийцев и мавров. Был осаждён Сагунт, мы негодовали, взывали не только к людям, но к святости договоров, к богам — теперь спокойно смотрим, как Ганнибал поднимается на стены римской колонии. Дым от горящих усадеб и полей ест глаза, мы гложем от крика и плача союзников, которые чаще взывают к нашей, чем к божьей помощи, а мы ведем войско, как скот, по летним пастбищам и непроходимым дорогам, прячась в лесах и за облаками. Если бы Марк Фурий рассчитывал взять у галлов Рим, разгуливая по горам по долам, как этот наш новый Камилл, несравненный диктатор, сысканный нами в несчастье, — собирается отвоевать Италию у Ганнибала, Рим был бы галльским. Боюсь, при такой нашей медлительности не вышло бы, что предки наши столько раз спасали Рим для Ганнибала и пунийцев. Фурий, истинный муж и римлянин, в тот самый день, когда в Вейи пришло известие, что он избран диктатором по воле сената и приказу народа, спустился на равнину (хотя Яникул достаточно высок, чтобы, сидя, издали увидеть врага) и в тот же день в центре города — там, где сейчас «галльское пожарище», — а на следующий день перед Габиями уничтожил галльские легионы. Что ж? А когда спустя много лет самниты, наши враги, у Кавдинского ущелья заставили нас пройти под ярмом, — как сумел тогда Луций Папирий Курсор сбросить ярмо с шеи римлян и надеть его на гордеца-самнита? Разве бродя по самнийским горам? Или осаждая Луцерии, не давая покоя врагу-победителю? И разве не быстрота обеспечила победу Гаю Лутацию, когда он, увидев неприятельский флот с грузом припасов и всяческого снаряжения, на следующий же день потопил его? Глупо думать, что можно победить, сидя сиднем и вознося молитвы; возьми оружие, сойди на ровное место и сражайся с врагами грудь с грудью. Римское государство возросло потому, что было отважно и отвергало робкие решения, которые трусы зовут осторожными».

Слова Минуция, ораторствовавшего, словно на сходке, расходились среди трибунов и всадников; докатывались неистовые речи и до солдатских ушей, и если бы дело зависело от солдатского голосования, то, конечно, Минуция предпочли бы Фабию.

XXII, 15. Фабий, с равным вниманием следивший и за согражданами и за врагом, оставался непоколебим: он прекрасно знал, что его бранят не только в собственном лагере, что уже и в Риме его ославили за медлительность, но провел остаток лета, не отступая от своих замыслов. Ганнибал, отчаявшись в решительном сражении, которого желал всеми силами души, уже выискивал места для зимней стоянки, ибо область, где он находился, богата была виноградом и вообще только тем, чем дарит лето и что ласкает зрение и вкус, но не тем, что поддерживает жизнь. Всё это Фабию сообщили разведчики. И он, прекрасно зная, что Ганнибал пойдет обратно по тем же теснинам, какими прошел в Фалернский округ, поставил небольшие отряды на горе Калликуле и в Ка-

зилине (этот город, который пересекает река Вултурн, отделяет Фалернскую землю от Кампании), а сам по тем же горам повёл войско назад и выслал на разведку 400 всадников — из союзников — во главе с Луцием Гостилием Манцином. Манцин был из юношей, часто слушавших свирепые разглагольствования начальника конницы; сначала он прошёл вперед как разведчик, выслеживая врага и не подвергая себя опасности, но, когда увидел нумидийцев, разбредшихся по деревьям, а нескольких подвернувшихся и убил, то увлечённый боем, забыл наставления диктатора: идти вперёд, пока все спокойно, и возвращаться, не дожидаясь, пока окажешься на виду у неприятеля. Нумидийцы то выезжали вперед, то скакали обратно, истомили у Манцина и лошадей и людей и завлекли его к самому их лагерю. Оттуда Карфалон, командовавший всей вражеской конницей, гоня лошадей во всю прыть почти пять миль безостановочно преследовал бегущих римлян, пока не подошел к ним на перелёт дротика. Манцин, видя, что враг преследования не прекратит и убежать от него не удастся, ободрил солдат и вступил в бой с врагом, во всем его превосходившим. Сам он и лучшие его конники были убиты; остальные, рассеявшись, бежали в Калы, а оттуда почти непроходимыми тропами добрались до диктатора. Как раз в этот день к Фабию присоединился Минуций. Его Фабий посылал занять сильным отрядом проход через горы к морю, который выше Таррацины суживается в тесное ущелье, и тем не позволить Пунийцу пройти от Синуэссы Аппиевой дорогой в римскую область. Соединив свои войска, диктатор и начальник конницы поставили лагерь ниже — на дороге, которой должен был пройти Ганнибал. Враги стояли в двух милях от них.

№5

БИТВА ПРИ КАННАХ (216 р. до н.е.) (ТІТ ЛІВІЙ, РИМСЬКА ІСТОРІЯ, XXII, 44-54)

Кн. XXII, Гл. 44. Консулы, разведав пути, преследовали карфагенян. Придя к Каннам и оказавшись вблизи неприятеля, они укрепили два лагеря, оставив между ними примерно такое же расстояние, как под Гереонием, и разделив, как и раньше, войско. Река Ауфид омывала оба лагеря, и водоносы ходили за водой, где кому было удобно, но без столкновений не обходилось; однако, из меньшего лагеря, который был поставлен за Ауфидом, римлянам брать воду было свободнее, потому что там на противоположном берегу не было неприятельского поста. Ганнибал надеялся, что консулы дадут ему возможность завязать сражение в месте, природой созданном для конных битв, в которых он был непобедим. Выстроив войско, он послал вперед нумидийцев, чтобы они раздражили врага. И опять в римском лагере началось волнение: солдаты готовы были возмутиться, а консулы не согласны между собой; Павел напоминал Варрону о глупом удалестве Семпрония и Фламиния, а Варрон попрекал Павла Фабием как образом всех робких и ленивых полководцев. Варрон, призывая в свидетели богов и людей, объявлял: не его вина, если Ганнибал давностью владения уже как бы приобрел для себя Италию, — ведь он, Варрон, связан сотоварищем по рукам и ногам: у разгневанных рвущихся в бой солдат отнимают оружие. Павел отвечал: «Если с войском, безрассудно брошенным в это сражение и обреченным, случится беда, то моей вины в этом нет, а общую участь я разделю со всеми. А Варрон пусть следит, чтобы те, кто смел и скор на язык, сумели воевать и руками».

XXII, 45. Время шло больше в таких препирательствах, чем в совещаниях; Ганнибал, продержав большую часть дня войско в строю, вернулся в лагерь, но послал нумидийцев через реку напасть на водоносов из меньшего римского лагеря. Едва выйдя на берег, они с криком напали на эту нестройную толпу, погнались её и в общей сумятице доскакали до передовых постов и почти что до самых ворот лагеря. Римлян возмутило, что какой-то вспомогательный отряд уже пытается навести страх на римский лагерь, и если они тут же не перешли реку и не вступили в бой то, потому лишь, что командование в тот день принадлежало Павлу. И вот, на следующий день Варрон, командовавший в свою очередь, подал, не посоветовавшись с товарищем, сигнал к выступлению, выстроил войско и перевел его через реку. Павел шел с ним: он мог не одобрить его решение, но не мог отказать ему в помощи. Перейдя реку, они присоединили к себе тех, кто стоял в меньшем лагере, и выстроили все римское войско в таком порядке: на правом фланге (он был ближе к реке) римская конница, а за ней пехота; крайние на левом фланге — конница союзников, а за ней их пехота, в середине строя примыкавшая к легионам; на передней линии стояли копейщики и другие легковооруженные из вспомогательных войск. Консулы находились на флангах: Теренций на левом, Эмилий на правом, серединой строя командовал Гемин Сервилий.

XXII, 46. Ганнибал на рассвете, выслав вперед балеарцев и других легковооружённых, перешёл реку; переводя каждую часть, он тут же указывал ей место в строю: конных испанцев и галлов поставил он ближе к реке на левом фланге против римской конницы; нумидийских конников — на правом; в середине строя стояла пехота; по краям африканцы, а между ними испанцы и галлы. Африканцев на вид можно было бы принять за римлян, потому что оружие у них было римское, подобранное у Требии и ещё больше — у Тразименского озера. У галлов и у испанцев щиты были вида почти одинакового, а мечи различные: у галлов очень длинные с закругленным клинком; у испанцев, которые в бою больше колют, чем рубят, — короткие и острые. Племена эти внушали особенный ужас и огромным ростом воинов, и всем их обличем: галлы, обнажённые до пупа, испанцы в туниках ослепительной белизны, окаймлённых пурпуром. Пехоты в строю было 40 тыс., конницы — десять. Левым крылом командовал Газдрубал, правым — Магарбал, центром — сам Ганнибал с братом Магоном. Случайно или сознательно, но оба войска были поставлены боком к солнцу, что было очень удобно для тех и других — пунийцы стояли лицом к северу, римляне — к югу; но ветер — местные жители называют его волтурном — дул римлянам прямо в лицо, неся тучи пыли, он засыпал ею глаза, мешая зрению.

XXII, 47. Поднялся крик, завязалось сражение между легковооружёнными из вспомогательных войск, выбежавшими вперед, затем испанские и галльские конники, стоявшие на левом фланге, сшиблись с конниками римского правого фланга, но сражались совсем не по правилам конного боя: бились лицом к лицу — обойти неприятеля было невозможно: с одной стороны река, с другой — выстроившиеся пехотинцы. Противники, двигаясь только вперед, уперлись друг в друга. Лошади сбились в тесную кучу, воины стаскивали друг друга с коней. Сражение уже стало превращаться в пешее. Бились ожесточенно, но недолго — римских конников оттеснили, и они обратились в бегство. К концу конного боя в сражение вступила пехота, вначале, пока ряды испанцев и галлов не были расстроены, противники и силами, и духом были друг другу равны; наконец римляне после многократных усилий потеснили врагов, наступая ровным плотным строем на выдвинутую вперед середину их строя, своего рода клин, который был недостаточен крепок, так как строй здесь был неглубок. Затем, тесня и преследуя победивших в страхе врагов, римляне разорвали середину строя и ворвались в расположение неприятеля и, наконец, не встречая сопротивления, дошли до африканцев, которые были поставлены на отведенных назад флангах того самого выступа в середине строя, где были испанцы и галлы. Когда их потеснили, вражеская линия сначала выровнялась, а затем, прогибаясь, образовала посередине мешок, по краям которого и оказались африканцы. Когда римляне неосторожно туда бросились, африканцы двинулись с обеих сторон, окружая римлян, и заперли их с тыла. Теперь римляне, выигравшие без всякой пользы для себя первый бой, бросив испанцев и галлов, которых сильно побии-

ли с тыла, начали новое сражение с африканцами. Оно было неравным не только потому, что окруженные сражались с окружившими, но и потому, что усталые бились со свежим и бодрым врагом.

XXII, 48. Уже и на левом фланге римлян, где против нумидийцев стояла союзническая конница, завязалось сражение. Сначала оно шло вяло, и враги применили пунийскую хитрость. Около пятисот нумидийцев в своем обычном воинском снаряжении, но ещё и с мечами, спрятанными под панцырем, прискакали как перебежчики со щитами за спиной к римлянам; они вдруг соскочили с коней, бросили под ноги неприятеля щиты и дротики и были приняты в середину строя, затем их отвели в самый тыл и велели там оставаться. Они и не трогались с места, пока сражение не разгорелось и не захватило все внимание сражавшихся; тогда-то, подобрав щиты, валявшиеся среди груд убитых, они напали на римский строй с тыла, разя воинов в спину и подсекая поджилки. Потери были велики, но ещё больше — страх и сумятица. Кое-где римляне, перепугавшись, бежали, а кое-где бились упрямо, ни на что не надеясь. Карфагенским войском в той части поля, где римляне побежали, командовал Газдрубал; он вывел из строя нумидийцев, которые сражались вяло, и послал их в погоню за беглецами, а испанских и галльских конников присоединил к африканцам, которые, убивая врагов, уже утомились больше, чем от сражения.

XXII, 49. В другой части бранного поля Павел, хотя и тяжело раненный в самом начале сражения камнем из пращи, с плотным строем солдат не раз нападал на Ганнибала: охраняемый римскими конниками, он в нескольких местах заставил солдат вновь идти в бой; под конец конники спешились, видя, что у консула уже нет сил справляться с конем. Рассказывают, что Ганнибал, узнав о приказе консула всадникам спешиться, воскликнул: «Лучше б, связав их, привёл ко мне!» Всадники сражались пешими; победа неприятеля была несомненной, однако побежденные предпочитали умирать, не сходя с места, но не бежать. Победители, досадуя на тех, кто мешал полной победе, стали избивать тех, кого отогнать не смогли. Немногих уцелевших, усталых от боя и ран, все-таки отогнали: началось беспорядочное бегство; кто мог, вскакивал на своего коня и несся прочь. Гней Лентул, военный трибун, проезжавший мимо верхом, увидел консула: он, весь в крови, сидел на камне. «Луций Эмилий, — обратился к нему Лентул, — ты один неповинен в сегодняшнем поражении, и боги должны бы тебя пожалеть; пока у тебя есть ещё силы, я посажу тебя на коня и пойду, прикрывая, рядом. Не омрачай этот день ещё смертью консула; и так хватит слез и горя». «Хвала твоей доблести, Гней Корнелий, — ответил консул, — не теряй времени, попусту сокрушаясь; его и так мало — спеши, спасайся из вражеских рук. Уходи, объяви всенародно сенаторам; пусть, пока ещё не подошёл враг-победитель, укрепят Рим и усилят охрану; Квинту Фабию скажи, Луций Эмилий помнил его советы, пока жил, помнит и теперь, умирая. Меня оставь умирать среди моих павших солдат: я не хочу второй раз из консула стать обвиняемым и не хочу стать обвинителем своего коллеги, чтобы чужою виной защищать свою невиновность». За этим разговором их застигла сначала толпа бегущих сограждан, а потом и врагов: не зная, что перед ними консул, они закидали его дротиками; Лентула из переделки вынес конь. Тут повсюду началось общее беспорядочное бегство.

Семь тысяч римлян укрылись в меньшем лагере, десять — в большем, тысяч около двух — в самой деревне, в Каннах; здесь они сразу же были окружены Карфалоном и его конниками, так как деревня не была укреплена. Второй консул не присоединившись — то ли случайно, то ли намеренно, — ни к какому отряду беглецов: с пятьюдесятью примерно всадниками добрался до Везувия. Убито было, говорят, 45 тыс. 500 пехотинцев и 2700 конников — граждан и союзников почти поровну. В числе убитых были два консульских квестора, Луций Атилий и Луций Фурий Бибакул, 29 военных трибунов, несколько бывших консулов, бывших преторов и эдилов (среди них Гней Сервилий Гемин и Марк Минуций, бывший... несколько лет назад — консулом); убито было 80 сенаторов и бывших должностных лиц, которые должны были быть включены в сенат: люди эти добровольно пошли воинами в легионы. Взято в плен в этом сражении было, говорят, 3 тыс. пехотинцев и 1500 всадников.

XXII, 50. Такова была битва при Каннах, столь же знаменитая печальным исходом, как и сражение при Аллии, впрочем, по последствиям беда оказалась менее тяжкой из-за того, что враг замешкался, но по людским потерям — и тяжелей и позорнее. Бегство при Аллии предало город, но сохранило войско; под Каннами за бежавшим консулом следовало едва ли и 50 всадников; войско погибшего консула почти всё было истреблено.

В двух лагерях оказалось множество полувооруженных солдат без военачальников, и из большего лагеря в меньшей отправили после с предложением перебраться к ним, пока враги, утомленные и сражением, и веселым пиром, спят тяжким сном; тогда все римляне единым отрядом уйдут в Канузий. Это предложение одни отвергали совсем: «Почему приглашающие не идут к нам, ведь и так можно присоединиться? потому, конечно, что своя жизнь им дороже чужой, а опасность велика: вокруг повсюду враги». Другие и согласились бы с предложением, но им не хватало мужества. Публий Семпроний Тудитан, военный трибун, обратился к солдатам: «Вы предпочитаете, чтобы вас взял в плен жадный в жестокий враг, чтобы головы ваши оценивали, чтобы оценщики спрашивали у каждого: "Римский ты гражданин или союзник латинян?" и твоим унижением, твоим позором возвышали другого? Конечно, нет, если в самом деле вы сограждане консула Луция Эмилия, который предпочел славную смерть позорной жизни, и тех храбрейших мужей, которые грудями полегли вместе с ним. Пока не застиг нас рассвет, пока ещё большие отряды врагов не преградили нам путь, пробьемся через эту беспорядочную толчею у ворот. Меч и мужество пролагают пути через сомкнутые ряды неприятеля. А этот слабый нестройный отряд мы раскидаем, выстроившись клином — он нам не преграда. За мной, кто хочет спастись сам и спасти отечество». После этих слов он обнажил меч, построил солдат клином и повёл через самую гущу врагов; нумидийцы бросали в них дротики — в правый, ничем не прикрытый бок. Солдаты переложили щиты в правую руку; около шестисот человек добрались до большого лагеря и, оттуда, соединившись с другим большим отрядом, направились в Канузий, куда и пришли невредимыми. Побеждённые действовали так, скорее по какому-то душевному порыву, или повинувшись случайности, чем по обдуманному плану или чьему-либо приказанию.

XXII, 51. Все, окружавшие победителя-Ганнибала, поздравляли его и советовали после такого сражения уделить остаток дня и следующую ночь отдыху для себя самого и усталых солдат; один только Магарбал, начальник конницы, считал, что так нельзя мешкать. «Пойми, — сказал он, — что это сражение значит: через пять дней ты будешь пировать на Капитолии. Следуй дальше, я с конницей поскачу вперед, пусть римляне узнают, что ты пришёл, раньше, чем услышат, что ты идешь». Ганнибалу эта мысль показалась излишне заманчивой, но и чересчур великой, чтобы он сразу смог её охватить умом. Он ответил, что хвалит рвение Магарбала, но чтобы взвесить все, нужно время. «Да, конечно, — сказал Магарбал, — не всё дают боги одному человеку: побеждать, Ганнибал, ты умеешь, а воспользоваться победой не умеешь». Все уверены в том, что однодневное промедление спасло и город, и всю державу.

На следующий день, чуть рассвело, карфагеняне вышли на поле боя собрать добычу; даже врагу жутко было смотреть на груды трупов; по всему полю лежали римляне — тысячи пехотинцев и конников, — как кого с кем соединил случай, или бой, или бегство. Из груды тел порой поднимались окровавленные солдаты, очнувшиеся от боли, в ранах, стянутых утренним холодом, — таких пунийцы приканчивали. У некоторых, ещё живых, были подрублены бедра или поджилки, — обнажив шею, они просили выпустить из них остаток крови; некоторые лежали, засунув голову в разрытую землю: они, видимо, сами делали ямы и, засыпав

лицо вырытой при этом землей, задыхались. Взгляды всех привлек один нумидиец, вытащенный ещё живым из-под мертвого римлянина; нос и уши у него были истерзаны, руки не могли владеть оружием, обезумев от ярости, он рвал зубами тело врага — так и скончался.

XXII, 52. Добычу собирали почти до вечера; затем Ганнибал пошёл брать меньший лагерь и прежде всего отрезал его от воды, соорудив вал; осажденные, замученные трудом, отсутствием сна, ранами, сдались даже скорее, чем он надеялся, на таких условиях: они выдадут оружие и коней, выкуп римлянина будет стоить 300 серебряных денариев, союзника — 200, раба — 100; по уплате они уйдут в одной одежде. Они впустили врагов в лагерь и были отданы под стражу, римляне отдельно, союзники отдельно. Пока пунийцы там тратили время, из большого лагеря около 4 тыс. пехотинцев и 200 всадников — все, у кого хватило сил и мужества — одни строем, другие вразброд полями — безопасно прошли в Канузий; самый же лагерь был сдан врагу ранеными и трусами на тех же условиях, что и меньший. Добыча была огромной: всё, кроме коней, людей и некоторого количества серебра (главным образом блях с конской сбруи — серебряной посуды в те времена было мало, во всяком случае в войске), Ганнибал отдал на разграбление. Он велел собрать и похоронить тела своих солдат. Их было, как рассказывают, около 8 тыс. — все храбрейшие воины. Тело римского консула, как сообщают некоторые писатели, тоже нашли и похоронили. Бежавших в Канузий жители только приняли в город и к себе в дома, но одна женщина, уроженка Апулии, по имени Буса, известная родом своим и богатством снабдила в дорогу хлебом, одеждой и деньгами. По окончании войны сенат за эти щедроты воздал ей должные почести.

XXII, 53. Среди бежавших в Канузий было четыре военных трибуна: из первого легиона — Фабий Максим, чей отец в прошлом году был диктатором; из второго — Луций Публиций Бибул и Публий Корнелий Сципион, из третьего — Аппий Клавдий Пульхр, бывший недавно эдилом; с общего согласия главное командование было вручено ему и Публию Сципиону, хотя он и был совсем юным. Они в узком кругу совещались о положении дел, и там Публий Фурий Фил, сын бывшего консула, заявил: напрасно они ещё на что-то надеются: положение государства отчаянное, плачевное; некоторые знатные юноши — главный у них Марк Цецилий Метелл, поглядывают на море, на корабли, намереваясь покинуть Италию и убежать к какому-нибудь царю. Этот новый — сверх стольких бед — жестокий удар, своей чудовищностью потряс присутствовавших. Все оцепенели, потом стали говорить, что нужно по этому поводу созвать совет, но юноша Сципион — судьбой назначенный быть вождем в этой войне — заявил, что в такой беде надо действовать, а не совещаться; пусть сейчас же вооружатся и идут с ним те, кто хочет спасти государство, ведь поистине вражеский лагерь там, где вынашивают такие замыслы. В сопровождении нескольких человек он отправился к Метеллу и застал у него собрание юношей, о которых и было донесено. Выхватив меч и размахивая им над головами совещающихся, Сципион воскликнул: «По велению души моей я клянусь, что не брошу в беде государство народа римского и не потерплю, чтобы бросил его другой римский гражданин. Если я умышленно лгу, пусть Юпитер Всеблагий Величайший погубит злой гибелью меня, мой дом, мое семейство, мое состояние. Я требую, Марк Цецилий, чтобы ты и все, кто присутствует здесь, поклялись этой же клятвой; на того, кто не поклянется, поднят мой меч». Все, перепуганные не меньше, чем если бы видели перед собой победоносного Ганнибала, поклялись и сами себя отдали под стражу Сципиону.

XXII, 54. Тем временем, как это происходило в Канузии, к консулу в Везузию явилось около 4500 пехотинцев и всадников, которые в бегстве рассеялись по полям. Везузийцы гостеприимно приняли всех бежавших.. разместили их по домам, каждому всаднику подарили по тоге, тунике и по 25 серебряных денариев, а каждому пехотинцу — по 10 денариев; тех, у кого оружия не было, вооружили. И в остальном городские власти и частные лица вели себя так же радушно, стараясь не допустить, чтобы женщина из Канузия не превзошла везузийцев своими благодеяниями. Но Бусе становилось уже тяжело снаряжать столько людей — их было около 10 тыс. Аппий и Сципион, узнав, что второй консул цел и невредим, немедленно послали к нему сообщить, сколько с ними пехоты и конницы, и спросить, привести ли солдат в Везузию или оставаться в Канузии. Варрон сам привёл войско в Канузий, оно уже имело некое подобие консульского и, если не в открытом поле, то в городских стенах могло обороняться. А по дошедшим до Рима вестям выходило, что и этого не осталось, что войско — и римляне, и союзники — с обоими консулами полностью истреблено, и все силы государства исчерпаны. Никогда в невредимом Городе, в римских стенах, не было столько смуты и страха... И в предыдущем году у Тразименского озера погибли консул и войско, но теперешнее бедствие было не просто очередным поражением — оно превосходило все. Ведь сообщали, что оба консула и оба консульских войска погибли, и уже нету у Рима ни лагеря, ни полководца, ни солдата; что Ганнибал завладел Апулией, Самнием, да уже почти всей Италией. Нету, конечно, другого такого народа, который устоял бы под тяжестью подобного поражения. Сравнишь ли с ним то поражение, которое потерпели в морской битве у Эгатских островов карфагеняне? А ведь, сломленные им, они вынуждены были уступить Сардинию и Сицилию, сделаться налогоплательщиками и данниками. Или то поражение, которое впоследствии потерпел в Африке и которым сломлен был сам Ганнибал? Ни в чем эти поражения не сравнимы с каннским, разве только в одном — их перенесли с меньшим мужеством.

№6

ПЕРЕХІД КАПУЇ НА БІК КАРФАГЕНУ ПІСЛЯ КАННСЬКОЇ БИТВИ (ТІТ ЛІВІЙ, РИМСЬКА ІСТОРІЯ, XXIII, 3-7)

Антиримський рух в Капуї після поразки Риму при Каннах загострився соціальними протиріччями всередині самого міста.

Кн. XXIII, Гл. 3. Тогда созвал Пакувий народное собрание и сказал следующее: «Кампанцы! Ваше давнишнее желание — излить месть и справедливое негодование на ваших бессовестных и ненавистных сенаторов — исполнилось, и не нужно вам для этого с большой для вас опасностью брать силой дом каждого сенатора, защищённый толпою клиентов и рабов; можете вы казнить сенаторов без малейшей для вас опасности. Они в вашей власти, все заперты в здании сената, безоружные и бессильные. Об одном прошу вас: не действуйте торопливо и необдуманно. О каждом из сенаторов отдельно выскажете вы ваш приговор, и пусть каждый примет то наказание, какого вы его признаете достойным. Впрочем, давая волю негодованию вашему, не забудьте о том, чего требует ваша собственная польза и безопасность. Вы, я знаю, ненавидите теперешних сенаторов; но, конечно, не желаете все не иметь сената. Одно из двух: или в вольном государстве необходимо иметь общественный совет из лучших граждан, или вам нужно будет избрать царя; но и говорить вам об этом ненавистно. А потому должны вы иметь в виду два обстоятельства: уничтожить прежний сенат и на место его выбрать новый. Я прикажу вызывать бывших сенаторов каждого поочередно и поодиночке и буду опрашивать вашего о нём мнения; с ним поступят так, как вы определите; но прежде чем казнить виновного, выберите на его место человека хорошего и достойного». Сказав это, Пакувий сел на своё место; он приказал имена сенаторов, написанные на билетиках, перемешать в урне и какое первое вынулось, того сенатора привести из места заседаний. Когда провозглашено было имя одного из сенаторов, то все граждане в один голос закричали, что человек он дурной, зловерный и достоин казни.

Пакувий сказав на це: «Хорошо, вижу ваше мнение об этом сенаторе, его не будет; но вместо этого дурного и зловерного человека выберите прежде хорошего и честного». Сначала слова Пакувия встречены были общим молчанием; каждый совестился сказать; наконец кто-то, преодолев это чувство совестливости, назвал одно имя. Тут-то поднялись крики: одни говорили, что вовсе его не знают, а другие прямо укоряли его дурными поступками или низостью происхождения и гнусностью занятия и ремесла. То же самое... случилось при выборе второго и третьего сенатора. Препный сенатор не нравился гражданам, но кем заменить его они никак не могли согласиться между собою. Бесполезно было бы вновь называть тех, имена коих были уже отвергнуты; а те, которые вместо них были предложены, оказались принадлежащими таким людям, которые как по качествам душевным, так и по значению их в обществе далеко были ниже первых. Таким образом, народное собрание разошлось, не сделав ничего, граждане остановились на том, что лучше переносить то зло, мера которого известна, и на этом основании велели сенаторов выпустить из заключения.

XXIII, 4. Так Пакувий, убедив сенаторов в том, что они обязаны жизнью больше ему, чем простому народу, стал хозяином города уже с общего согласия — братья за оружие не пришлось. Сенаторы, забыв о своем достоинстве и свободе, стали льстить людям низкого звания: первые здоровались с ними, ласково приглашали их в гости, угощали отборными кушаньями, вели их дела в суде, всегда были на стороне простого люда, будучи судьями решали тяжбу так, чтобы угодить народу и расположить его к себе...

XXIII, 6. С этими словами¹ консул отпустил послов... Один из них, Вибий Виррий, сказал: «Пришло время кампанцам вернуть не только землю, когда-то несправедливо отнятую римлянами: они могут подчинить себе всю Италию; с Ганнибалом они заключат договор на условиях, каких захотят, а когда Ганнибал, победоносно закончив войну, уйдет в Африку и переправит туда свое войско, никто не станет спорить, что владычицей Италии останется Кампания». Все согласились со словами Вибия и, отчитываясь в посольстве, сказали, что по их общему мнению римскому народу пришел конец. И чернь, и большая часть сената теперь только и думали, как бы отпасть от римлян; старейшие сенаторы оттянули такое решение на несколько дней, но победило большинство, которое требовало отправить к Ганнибалу тех же послов, что недавно были у консула. ...Кампанцы, прежде чем... решиться на отпадение, отправили в Рим послов требовать: если римляне хотят от них помощи, то пусть один из консулов будет кампанцем. Сенаторы возмутились; послам велели убраться из курии и послали ликтора, чтобы он вывел их из города и приказал им в тот же день покинуть римскую землю...

XXIII, 7. Кампанские послы, придя к Ганнибалу, заключили с ним мир на следующих условиях: ни главный вождь карфагенян и никто из сенаторов не имеет права суда над кампанским гражданином. Ни один кампанский гражданин не может быть принужден против его воли идти да военную службу. Кампанцы сохраняют свои законы и своих должностных лиц. Карфагеняне должны дать кампанцам на выбор 300 человек из пленных римлян для обмена на кампанских всадников, находившихся на службе римлян в Сицилии. Таковы были условия договора; впрочем, кампанцы не замедлили решиться и на такие злодейские поступки, на которые они ничем вынуждены не были: они схватили всех римских граждан, находившихся в Кампанской области или по обязанности военной службы, или по своим частным делам, и заперли их в бани будто бы для того, чтобы держать их там под караулом; но те погибли мучительной смертью — задохлись от тесноты и жара... Этому преступлению и намерению отправить послов к Ганнибалу всеми силами сопротивлялся Деций Магий, человек, которому, чтобы играть первую роль между его соотечественниками, недоставало только того, чтобы они были в полном уме. Услыхав, что Ганнибал шлет в Капую свой гарнизон, Деций Магий во всеуслышание, пока тот не прибыл, кричал, чтобы его не принимать. Живо напоминал он надменное господство Пирра и бедственное порабощение тарентинцев. Когда же карфагенский гарнизон уже прибыл в город, то Деций уговаривал граждан или выгнать его, или загладить преступление, сделанное ими против старинных и верных союзников, связанных с ними узами крови, — поступком смелым и решительным: истребив карфагенский гарнизон, передаться снова римлянам. Все эти слова и действия Магия, каковых он и не скрывал, переданы были Ганнибалу. Он сначала послал звать Магия к себе в лагерь. Тот наотрез отказался, не признавая за Ганнибалом права суда против кампанского гражданина. Взбешенный этим, Ганнибал велел было связать Магия и притащить к себе, но, опасаясь, как бы вследствие воодушевления народа и могущего возникнуть мятежа, не открылось какой-либо опасной вспышки, последствий которой вперед и рассчитать невозможно, Ганнибал послал гонца к претору кампанскому, Марию Блозию, предупредив его, что он, Ганнибал, на другой день сам приедет в Капую, куда тот действительно и отправился с небольшим конвоем. Марий, созвав народное собрание, приказал гражданам, чтобы они на другой день с женами и детьми вышли навстречу Ганнибалу. Приказание это было исполнено гражданами не только с большой готовностью, но и с усердием; все они были расположены к Ганнибалу и очень хотели видеть знаменитого вождя... Деций Магий не вышел навстречу Ганнибалу, но и не оставался дома для того, чтобы не дать повода думать, будто он делает это из робости: он с сыном и немногими друзьями спокойно разгуливал по площади тогда, как все граждане суетились, спеша навстречу Ганнибалу... Ганнибал, вступив в город, тотчас было велел собрать сенат. Главные кампанские сановники просили его не заниматься в этот день важными делами, а спокойно и весело провести день, сделавшийся праздничным вследствие его прибытия. Хотя Ганнибал и не любил сдерживать гнев свой, но, не желая на первый раз огорчить знатнейших кампанцев отказом, провел большую часть дня, осматривая город.

№7

ПЕРЕГОВОРИ ФІЛІППА V З ГАННІБАЛОМ (ТІТ ЛІВІЙ, РИМСЬКА ІСТОРІЯ, XXIII)

Кн. XXIII, Гл. 33. За этой борьбой сильнейших на земле народов следили все племена и цари, и особенно Филипп, царь македонский: его царство было ближайшим к Италии, отделяло его от нее только Ионийское море. Услышав о переходе Ганнибала через Альпы, Филипп обрадовался войне между римлянами и карфагенянами, но пока было неизвестно, на чьей стороне перевес, он колебался, кому желать победы. Когда в третьем сражении карфагеняне в третий раз оказались победителями, Филипп склонился к тем, кому счастье благоприятствовало, и отправил послов к Ганнибалу. Миновав охраняемые римским флотом Брундизий и Тарент они высадились у храма Юноны Лацинии, оттуда через Апулию направились в Капую, но на пути наткнулись на римский гарнизон и были отведены к претору Валерию Левину, стоявшему лагерем подле Луцерии. Ксенофан, глава посольства, смело заявил, что он послан царем Филиппом заключить дружественный союз с римским народом: у него поручения к консулам, сенату и римскому народу. Старые союзники отпадали одни за другими; претор очень обрадовался новому союзнику, славному царю, и дружелюбно принял врагов, как гостей, дал им провожатых, заботливо рассказал, какой дорогой идти, какие места, леса и

¹ В разговоре с кампанскими послами консул, не скрывая, рассказал о том бедственном положении, в котором оказался Рим после поражения в Каннской битве. Это окончательно убедило послов в выгоде присоединения к Ганнибалу.

ущелья во власти римлян и какие — врагов. Ксенофан прошёл среди римских гарнизонов в Кампанию и оттуда ближайшей дорогой прибыл к Ганнибалу и заключил с ним дружественный союз на таких условиях: царь Филипп переправится в Италию с флотом как можно большим (полагали, что он сможет снарядить 200 кораблей) и будет опустошать морское побережье, на его долю выпадет война на суше и на море; по окончании войны вся Италия и самый Рим будут принадлежать Карфагену и Ганнибалу, и вся добыча достанется Ганнибалу; окончательно покорив Италию, они отплывут в Грецию и поведут войну, с кем укажет царь; государства на материке и острова, принадлежащие к Македонии, будут принадлежать Филиппу и войдут в его царство.

XXIII, 34. На таких примерно условиях заключен был союз между пунийским вождем и македонскими послами; вместе с ними к царю для утверждения им договора отправлены были послами Гисгон, Бостар и Магон. Они пришли к храму Юноны Лацинии, где стоял на причале спрятанный корабль, но, когда они вышли в открытое море, их заметил римский флот, охранявший берега Калабрии. Валерий Флакк послал вдогонку легкие суда с приказом захватить этот корабль; царские послы сначала пытались убежать, но, видя, что преследователи превосходят их скоростью, сдались римлянам. Их привели к префекту флота, который спросил, кто они, откуда и куда держат путь. Ксенофан, счастливо сочинивший уже одну лживую выдумку, заявил: он послан Филиппом к римлянам, к Марку Валерию он добрался единственной безопасной дорогой, пройти через Кампанию он не смог, так как она вся в кольце неприятельских отрядов. Пунийская одежда и всё обличье Ганнибаловых послов внушали подозрение; их стали расспрашивать, речь их выдала. Их, до смерти напуганных, разьединили, нашли письма от Ганнибала к Филиппу и договор между царём македонян и вождём карфагенян. Хорошо с ними ознакомились, сочли наилучшим поскорее отвезти пленников и их спутников в Рим, к сенату и консулам... Выбрали пять самых быстрых кораблей и командиру их, Луцию Валерию Антиату, велели рассадить послов по всем кораблям, держать их под стражей и следить, чтобы они не разговаривали друг с другом и не делились бы замыслами.

III. ЕКСПАНСІЯ РИМУ В СХІДНОМУ СЕРЕДЗЕМНОМОР'І ОСТАТОЧНИЙ РОЗГРОМ КАРФАГЕНА

№1

II МАКЕДОНСЬКА ВІЙНА. БИТВА ПРИ КІНОСКЕФАЛАХ (197 р. до н.е.). «ЗВІЛЬНЕННЯ» ГРЕЦІЇ (ПЛУТАРХ, ТІТ ФЛАМІНІН)

Перші два роки II Македонської війни (200-197 рр. до н.е.) пройшли без вирішальних успіхів. Пожвавлення наступило тільки з появою на театрі воєнних дій консула 198 р. до н.е. Тіта Квінкція Фламініна зі значними підкріпленнями. Це була молода ще людина років 30, енергійна, здібна і вкрай честолюбна. Він належав до сципіоновського кола, був гарячим шанувальником грецької культури і мріяв стати визволителем Греції від ярма Македонії. Якщо до цього додати, що Фламінін мав справжній талант дипломата, то його призначення на Балканський півострів стане цілком зрозумілим.

3. Зная, що його предшественники — сначала Сульпиций, а потом Публий вторгались в Македонию и начинали военные действия слишком поздно, что они тратили время попусту, оспаривая у противника выгодные позиции и вступая с ним в мелкие стычки из-за дорог и подвоза провианта, Тит считал невозможным, следуя их примеру, провести год дома, принимая почести и занимаясь государственными делами, и лишь затем выступить в поход, выгадывая таким образом ещё год власти: год он был бы консулом и год — главнокомандующим. Напротив, страстно желая использовать свою власть для войны, он отказался от почестей в Риме, испросил у сената позволение, чтобы его брат Луций отправился вместе с ним в должности начальника флота, выбрал из числа воинов, под командованием Сципиона победивших Гасдрубала в Испании и самого Ганнибала в Африке, тех, кто сохранил ещё храбрость, крепость и силу, и с этим 3-тыс. отрядом, образовавшим как бы ядро войска, благополучно переправился в Эпир. Публий уже долгое время стоял лагерем против Филиппа, который удерживал тесные проходы у реки Апсоса. Неприступность неприятельских позиций сковывала Публия, и Тит, приняв войско, отпустил Публия и велел разведать местность. Она была так же неприступна, как Темпы, но лишена тех прекрасных деревьев, зеленых лесов, приятных мест для отдыха и душистых лугов, какими славится долина Пеней. Высокие горы... образуют широкое и глубокое ущелье, по которому несется Апсос, стремительностью и всем своим видом напоминая Пеней, и заливаает подошвы гор, оставляя только узкую каменистую тропу вдоль реки; по ней и так-то нелегко пройти войску, а если её охраняют, то она и вовсе непроходима.

4. Некоторые советовали Титу повести войско безопасной и легкой дорогой в обход, через Дассаретиду к Лику. Но Тит опасался, что оказавшись вдали от моря в бесплодных и нищих краях, гонясь за Филиппом, уклоняющимся от сражения, он останется без хлеба и, подобно своему предшественнику, вынужден будет отойти назад к морю, так ничего и не добившись, а потому решил силою проложить себе путь через горы. Но так как в ущелье засел со своей фалангой Филипп, на римлян со всех сторон полетели стрелы и копья, посыпались удары, завязались жестокие стычки, убитые падали с обеих сторон, и конца сражению не было видно. И тут к Титу явилось несколько тамошних пастухов. Они сообщили, что есть окольный путь, не замеченный врагами, и обещали провести римлян так, чтобы самое большее на третий день добраться до вершин. Свидетелем своей верности Риму и поручителем они назвали Харопа, сына Махата, первого человека в Эпире, сочувствовавшего римлянам и тайком... им содействовавшего. Тит поверил ему и послал с проводниками одного из военных трибунов во главе 4 тыс. пеших и 300 всадников. Их повели связанные по рукам пастухи. Днем воины укрывались в пещерах или в лесной чаще, ночью передвигались при свете луны... Отправив этот отряд, Тит дал всему войску двухдневный отдых и тревожил врага лишь незначительными перестрелками, а на заре того дня, когда посланные в обход должны были показаться на вершинах, разом двинул всю свою пехоту... Разделив войско на три части, Тит под стрелами македонян сам повел выстроенные в колонну когорты вдоль реки к теснинам, преодолевая сопротивление врагов, а остальные два отряда одновременно по обе стороны от него упорно карабкались по круче, стараясь не отстать; между тем вошло солнце, и вдали показался легкий дымок, похожий на горный туман, но македоняне его не замечали, он поднимался у них за спиной над вершинами, уже захваченными неприятелем... Когда же дым усилился и... поднялся большими клубами над всей местностью и стало очевидным, что огонь разведен руками друзей, римляне с воинственным кличем ринулись на врагов и с новыми силами стали теснить их к скалам, а те, кто был на вершинах, позади врага, отвечали им сверху таким же кличем.

5. Тотчас все македоняне обратились в стремительное бегство, но убитыми пало не более двух тысяч: пересечённая местность делала погоню невозможной. Римляне захватили деньги, палатки и рабов, овладели проходами в горах и двинулись через Эпир в строгом порядке. Их самообладание было так велико, что, находясь вдали от моря и своих кораблей, не получив месячного пайка и не имея возможности купить вдоволь хлеба, они тем не менее удержались от грабежа, хотя страна сулила богатую добычу. Дело в том, что Филипп, проходя через Фессалию, вел себя как беглец — угонял жителей из городов в горы, города жёг, а

имущество, брошенное жителями потому ли, что его было слишком много, или же потому, что оно было слишком тяжелым, отдавал своим воинам на разграбление, словно уже уступая страну римлянам. Узнав об этом, Тит загорелся честолюбием и стал убеждать солдат щадить страну, по которой они идут: ведь она отдана им и стала их собственностью.

Скоро римляне смогли убедиться, какие преимущества дают им выдержка и порядок. Как только они подошли к Фессалии, её города начали присоединяться к ним, греки к югу от Фермопил с нетерпением ждали Тита, чтобы вступить с ним в союз, ахейцы, разорвав соглашение с Филиппом, решили воевать против него на стороне римлян. Жители Опунта, которым этолийцы, в то время храбро сражавшиеся вместе с римлянами, предложили взять город под свою защиту, ответили отказом, послали за Титом и вверили ему свою судьбу. Рассказывают про Пирра, что, когда ему впервые пришлось наблюдать боевой порядок римских войск, он сказал, что строй этих варваров не кажется ему варварским; и у греков, впервые встречающихся с Титом, невольно вырывалось такое же восклицание. Ведь греки слышали от македонцев, что вражеский полководец разрушает и поработачивает всё и всех на своем пути, и были поражены, когда затем встретились с ним и увидели прелестного молодого человека, прекрасно говорившего по-гречески, стремящегося к истинной славе; возвратившись к себе, греки рассказывали о нём только одно хорошее и называли его борцом за их свободу. Когда в разговоре с Филиппом, пожелавшим вступить с ним в переговоры, Тит предложил ему мир и дружбу при условии, что тот вернет грекам независимость и выведет войска из греческих городов, — на что Филипп, конечно, не пошёл, — все, даже приверженцы Филиппа, поняли, что римляне пришли воевать не против Греции, а против Македонии за освобождение Греции.

6. Все греческие города беспрекословно переходили на сторону римлян. Когда Тит, не обнажая оружия, вступил в Беотию, ему навстречу вышли знатные фиванцы (благодаря усилиям Брахилла Фивы сочувствовали Македонии); они радушно и почтительно приветствовали Тита, как будто были в дружественных отношениях с обеими сторонами [т.е. и с Римом, и с Македонией]. Тит любезно ответил на их приветствие и, обменявшись с ними рукопожатиями, спокойно продолжал путь впереди них; об одном он расспрашивал их, чтобы знать самому, о другом сам пускался в рассуждения, нарочно оттягивая время, чтобы дать солдатам подтянуться после совершенного перехода. Так Тит повёл войска и впереди них вошёл в город вместе с фиванцами, которым это совсем не нравилось, но помешать ему они не решились, так как за ним следовало большое войско. Однако, войдя в город, Тит выступил перед собранием фиванцев и стал убеждать их перейти на сторону римлян, как будто не понимал, что город был уже в его власти; в доводах ему помогал царь Аттал, которому очень хотелось показаться в глазах Тита более красноречивым оратором; он, как видно, превысил свои старые силы, когда он говорил, то ли у него началось головокружение, то ли случился удар, он, внезапно лишившись чувств, упал; вскоре его переправили морем в Азию, где он и умер. Беотийцы присоединились к римлянам.

7. Филипп отправил посольство в Рим, и Тит тоже послал от себя несколько человек просить у сената продлить срок его командования, если война затянется, а в случае отказа — позволить ему самому заключить мир. Тит был честолюбив и страшно боялся, как бы на его место не прислали другого полководца и не лишили бы его славы. Друзья Тита приложили все усилия, чтобы Филиппу отказали в его просьбах, а Титу сохранили бы предводительство в этой войне. Едва только Тит получил постановление сената, как... тотчас двинулся в Фессалию с 26-тыс. войском, в котором было 6 тыс. пехих и 400 конных этолийцев. ...У Филиппа были примерно такие же силы. ...Оба войска подошли к Скотусе; там намеревались они дать решительное сражение; против ожидания солдаты не боялись близкого соседства с неприятелем... Римляне мечтали одолеть македонцев, сила и мощь которых славилась у них благодаря доблести и мужеству Александра, а македонцы, ставя римлян выше персов, надеялись в случае победы, что Филипп превзойдет славою самого Александра. Перед сражением Тит говорил солдатам, что они должны быть особенно храбрыми и мужественными, ибо на глазах у всей Греции им предстоит сразиться с достойным противником. И Филипп тоже произнес речь..., чтобы ободрить солдат перед битвой, но при этом, то ли в спешке, то ли случайно, взобрался на холм, возвышавшийся неподалеку от лагеря, который служил могилой павшим в сраженье; увидев в этом дурное предзнаменование, его войско впало в глубокое уныние, — это смутило Филиппа, и он переждал этот день, не начав сражения.

8. На заре следующего дня после сырой и дождливой ночи пал туман и вся долина покрылась густой мглой, непроницаемая пелена, сошедшая с гор, разделила лагеря, так что даже с наступлением рассвета вся местность оставалась скрытой во мраке. Посланные с обеих сторон для засад и разведок солдаты вскоре столкнулись друг с другом и вступили в бой неподалеку от так называемых Киноскефал, длинных рядов островерхих противостоящих друг другу холмов, названных так за сходство с головой собаки. Как часто бывает, на холмистой местности бегство попеременно сменялось преследованием и тем, кого теснили и кому приходилось отступать, время от времени из лагеря приходила помощь; только когда туман рассеялся и стало видно, что происходит, противники ввели в битву все свои войска. На правом фланге победа была на стороне Филиппа; он налетел со всей своей фалангой и вниз по склону холма согнал римлян, не выдержавших стены сомкнутых щитов и силы ударов македонских копий. Бросив разбитый фланг, Тит быстро поскакал к другому, где строй войск был нарушен и рассеян по холмам, и там напал на македонцев, которым неровность и холмистость местности не позволяла выстроиться в фалангу и создать плотно сомкнутый по всей глубине строй, что составляло победоносную силу их войска, — вступать в рукопашную они не могли: им мешало тяжелое, затрудняющее движение оружие. Ибо фаланга похожа на сильное животное, неуязвимое, пока тело его составляет единое целое, охраняемое сомкнутым рядом щитов; если его расчленишь, каждый сражающийся лишается своей собственной силы как из-за характера вооружения, так и потому, что он силен не сам по себе, а взаимной поддержкой частей единого целого. Вскоре македонцы обратились в бегство, часть римлян начала преследовать бегущих, другие напали на ещё сражавшихся на первом фланге македонцев и заставили недавних победителей бежать, бросая на ходу оружие. Было убито не менее 8 тыс. человек, 5 тыс. взято в плен. Однако Филипп благополучно ушёл, и в этом виноваты этолийцы; они занялись грабежом и разорением неприятельского лагеря ещё в то время, когда римляне продолжали преследование; вернувшись после погони, римляне уже ничего не нашли для себя.

9. Это послужило началом взаимных ссор и обвинений, и впоследствии этолийцы всё больше и больше оскорбляли Тита, приписывая себе победу, и они сумели так прославиться у греков, что их ставили на первое место и поэты, и историки, воспевая или описывая это событие. Наибольшую известность приобрела следующая эпиграмма:

Здесь на холме без могил, лишены погребальных обрядов,
Путник, услышь и замри, мёртвые воины спят.
Тридцать тысяч погибло от рук этолийцев и римлян,
Что вслед за Титом, стране страшное горе неся,
Шли из широкой Италии. В бегство Филипп обратился
С поля быстрей, чем олень, гордость спасая свою.

Эти строки написал Алкей; издаваясь, над Филиппом, он сильно преувеличил число убитых; стихи повторяли все и повсюду, и это более огорчало Тита, нежели Филиппа. Филипп только посмеялся над Алкеем, ответив ему двустихием:

Здесь без коры, без листвы возвышается кол заострённый.
Путник, взгляни на него! Ждёт он Алкея к себе.

Тит, старавшийся снискать добрую славу у греков, был этим в высшей степени возмущён. Поэтому в дальнейшем он действовал самостоятельно, не считаясь с этолийцами. Те были недовольны, и, когда Тит принял посольство македонян и начал переговоры о мире, этолийцы пустились по всем городам Греции, громогласно обвиняя Тита в том, что он продаёт Филиппу мир, тогда как в его силах выкорчевать с корнем войну и низвергнуть державу, впервые поработившую эллинский мир. Речи этолийцев смущали союзников римского народа, но Филипп сам уничтожил все подозрения, отдав себя и свое государство во власть Тита и римлян. Вот на каких условиях Тит заключил мир: он вернул Филиппу Македонское царство, но приказал ему не вмешиваться в дела Греции, наложил на него контрибуцию в тысячу талантов отнял флот, оставив лишь десять кораблей, взял заложником одного из двух его сыновей, Деметрия, и отправил его в Рим. Тит не только наилучшим образом использовал сложившиеся обстоятельства, но и предвидел будущее: дело в том, что африканец Ганнибал, злейший враг римлян, находившийся в изгнании, был в ту пору при дворе царя Антиоха и побуждал его действовать, пока счастье благоприятствует его начинаниям. Антиох, за свои великие дела прозванный Великим, и сам думал о всемирном господстве и с особенной враждою взирал на римлян. И если бы Тит не принял всего этого в соображение и не выказал благоразумия, пойдя на заключение мира, к продолжающейся войне с Филиппом прибавилась бы война с Антиохом в Греции, эти в то время сильнейшие и могущественнейшие цари объединились бы для борьбы против Рима и римлянам снова пришлось бы пережить испытания и опасности не меньшие, чем в войне с Ганнибалом. Тит вовремя установил мир, разделивший две войны, и покончил с предыдущей, прежде чем началась следующая, тем самым лишив Филиппа его последней надежды, Антиоха — первой и главной.

10. Отряженное сенатом посольство из десяти человек предложило Титу дать независимость всей Греции, но оставить войска в Коринфе, Халкиде и Деметриаде, чтобы обезопасить себя от Антиоха, и тут этолийцы стали открыто возмущать города и громогласно обвинять Тита, требуя, чтобы он снял с Греции оковы (так Филипп называл вышеупомянутые города), и вопрошая греков, нравятся ли им носить теперешние колодки, более гладкие, но гораздо более тяжёлые, чем те, что они носили раньше, и по-прежнему ли они считают Тита своим благодетелем за то, что, развязав Греции ноги, он накиннул веревку ей на шею. Тита жестоко удручали эти нападки, он долго убеждал сенат и, наконец, добился разрешения освободить от римских караульных отрядов и эти три города, чтобы милость, которую он оказал грекам, была действительно полной. И вот начались Истмийские игры, и на ристалище огромные толпы народа сидели и смотрели на гимнастические состязания — ведь Греция справляла этот праздник, положив конец многолетним войнам, во время прочного мира и в надежде на свое освобождение, — и вдруг при звуке трубы, призвавшей всех к молчанию, на середину вышел глашатай и объявил, что римский сенат и Тит Квинций главнокомандующий и консул, победив царя Филиппа и македонян, возвращают независимость и право жить по отеческим законам коринфянам, локрийцам, фокейцам, эвбейцам, ахейцам, жителям Фтии, Магнесии, Фессалии и Перребии, освобождают их от постоя войск и от податей. Однако на первый раз не все достаточно ясно расслышали слова глашатая, и среди собравшихся на ристалище поднялось волнение и шум: удивлялись, переспрашивали, требовали повторить; когда же восстановилась тишина и глашатай громко повторил сказанное, так что услышали все, раздался радостный крик такой невероятной силы, что он долетел до моря, весь театр встал, никому уже не было дела до состязаний, все рвались приветствовать спасителя и защитника Греции. Тут можно было наблюдать явление, которое часто приводят как пример огромной силы человеческого голоса: вороны, пролетавшие над толпой, упали на ристалище. Причина тому — разрыв воздуха, ибо когда раздается сильный и громкий звук, он разрывает воздух, который больше не может поддерживать летящих, и те словно проваливаются в пустоту и гибнут, падая на землю...

№2

СИРІЙСЬКА ВІЙНА. БИТВА ПРИ МАГНЕСІЇ (190 р. до н.е.) (АППІАН, РИМСЬКА ІСТОРІЯ, СИРІЙСЬКІ СПРАВИ, 28-38)

За час II Македонської війни (200-197 рр. до н.е.) селевкідський цар Антиох III (242-187 рр. до н.е.) колосально розширив свої володіння. Він остаточно завоював Келесірію, заволодів єгипетськими землями на південному узбережжі Малої Азії, зайняв Ефес, Абідос, перейшов Геллеспонт і заволодів фракійськими приморськими містами, які раніше належали Єгипту, а потім були захоплені Філіппом V. Переоцінивши свої сили, Антиох розв'язав війну з Римом (Сирійська війна, 192-189 р. до н.е.), в якій зазнав нищівної поразки.

28. ...Антиох старательно укреплял Херсонес и Лисимахию, считая это важным делом... для войны против римлян; да и вся Фракия была бы для них неудобной для прохода с войском и труднопроходимой вследствие плохих дорог, если бы Филипп не проводил их. Но Антиох был и в остальных делах человеком легкомысленным и с быстро меняющимся настроением. Когда он узнал о поражении при Мионнесе, он совсем пал духом, считая, что против него действует злой рок. Всё идёт против всяких ожиданий: римляне властвуют на море, где он считал, что намного их превосходит; родосцы заперли Ганнибала в Памфилии; Филипп провёл римлян по непроходимым дорогам, а он думал, что Филипп должен был особенно помнить зло, которое он претерпел от римлян. Всем этим он был приведен в расстройство, а божество, как это случается со всеми при наступлении несчастий, лишило его способности здраво рассуждать; поэтому он неразумно покинул Херсонес, прежде чем встретиться лицом к лицу с неприятелем, и не увёз оттуда, сколько у него было собрано там хлеба, оружия, денег, машин, не сжёг даже их, но в неприкосновенности оставил врагам все эти запасы. Он не обратил никакого внимания на жителей Лисимахии, сбегавшихся к нему с жёнами и детьми, с великим плачем, как будто из осаждённого им города. Он думал только о том, как бы помешать врагам переправиться у Абидоса, и всё ещё оставшуюся у него надежду на благополучное окончание войны он полагал в этом. Как бы поражённый от божества слепотою, он и переправу не сумел охранить, но поспешил уйти в глубь страны, торопясь предупредить врагов, а на переправе не оставил никакой охраны.

29. Когда Сципионы узнали о его отступлении, они стремительно заняли Лисимахию и, овладев всеми богатствами и оружием в Херсонесе, они спешно перешли через Геллеспонт, оставленный пустынным и без охраны, и успели оказаться в Азии раньше, чем это стало известно Антиоху, оставшемуся в неведении в Сардах. Поражённый этим, Антиох впал в отчаяние, и, собственные ошибки свои приписывая злему року, он послал византийца Гераклида к Сципионам вести переговоры о прекращении войны, отдавая им Смирну, Александрию на Гранике и Лампсак, из-за которых он и начал с ними войну, и обещая уплатить половину военных расходов. Он поручил, если будет необходимо, отдать им из ионийских и эолидских городов те, которые в этой

войне стояли на стороне римлян, и то, чего Сципионы потребуют. Гераклид получил право говорить об этом открыто, частным же образом он нес от Антиоха Публию Сципиону обещание уплатить крупную сумму денег и отпустить на свободу его сына. Антиох взял его в плен в Греции, когда он плыл в Деметриаду из Халкиды. Этот мальчик был тот Сципион, который позднее взял Карфаген и его разрушил, и после этого Сципиона он вторым получил имя Африканского; он был сыном Павла, победившего Персея, царя Македонского; Сципиону же он по роду был сыном дочери, а по усыновлению — сыном. Сципионы совместно дали Гераклиду ответ, что если Антиох нуждается в мире, то он должен отказаться не только от ионийских и эолийских городов, но и ото всей области по сю сторону Тавра; он должен оплатить все расходы по этой войне, происшедшей из-за него. Частным же образом Публий сказал Гераклиду, что если бы Антиох предложил такие условия, когда он ещё владея Херсонесом и Лисимахией, то римляне охотно их бы приняли; может быть, даже и в том случае, если бы он хотя бы охранял переправу через Геллеспонт; теперь же, когда они переправились и находятся в безопасности, когда они, как говорится по пословице, наложили на коня узду и сверх узды сели на коня верхом, они не примут заключения мира на меньших условиях. Сам он очень признателен царю за его любезное предложение и ещё больше будет чувствовать признательность, получив от него сына; он готов отвечать ему тем же и советует ему принять предложенные условия, прежде чем ему придется испытать предъявление более тяжких требований.

30. Сказав так, Публий вследствие болезни удалился в Элею, оставив брату в качестве советника Гнея Домиция. Антиох, так же как и Филипп Македонский, полагая, что даже если он проиграет войну, у него не будет отнято больше, чем заключено в предъявленных ему требованиях, стянул своё войско на равнину Тиатир, недалеко от неприятелей, а Сципиону отослал его сына в Элею. Привезшим его Сципион советовал, чтобы Антиох не вступал в сражение, пока он сам не вернется назад. Следуя этому совету, Антиох разбил второй лагерь около горы Сипила и окружил его крепкой стеной; он воспользовался рекой Фригием как передовым укреплением против врагов, чтобы не быть вовлечённым в сражение против своей воли. Домиций, полный честолюбивого стремления, чтобы война была окончена только при нём, очень смело перешёл через реку и на расстоянии стадий 20 от Антиоха стал лагерем. Четыре дня подряд оба они выстраивали свои войска около этого укрепления, но боя не начинали. На пятый день Домиций вновь выстроил своих и самоуверенно стал подниматься в гору. Так как Антиох не выступал против него, он расположил другой лагерь ближе к врагам и, прождав ещё один день, во всеуслышание объявил врагам, что завтра Антиоху, если даже он не хочет, придется вступить в сражение. Антиох, приведённый всем этим в волнение, вновь изменил своё решение. И, хотя он мог просто стоять под стенами своего лагеря или отбиваться вполне успешно под их защитой, пока Публий не поправится, он счёл для себя постыдным, имея более многочисленное войско, избегать сражения. Поэтому он двинул свои силы в бой.

31. Еще ночью, перед концом стражи, оба вывели свои войска, и каждый из них следующим образом расположил их. Левое крыло занимали 10 тыс. римских тяжеловооруженных, у самой реки, за ними шли другие десять тысяч италийцев; все они стояли в три ряда в глубину. Рядом с италийцами стояло войско Эвмена и ахейские легковооружённые в количестве 3 тыс. Так было выстроено левое крыло, на правом же стояла всадники: римские, италийские и Эвмена всего тоже не более 3 тыс. К ним всем были присоединены в большом количестве легковооруженные и стрелки, а вокруг самого Домиция было четыре отряда всадников. Таким образом, всех было около 30 тыс., во главе правого крыла стоял сам Домиций, в центре он поставил консула, а левое крыло он поручил Эвмену. Что касается слонов, которых он получил из Ливии, то, считая, что от них не будет никакой пользы, — их было меньше, чем у врагов, и они были менее крупными, как все ливийские слоны (а меньшие боялись более крупных), — он их поставил позади всех.

32. Так были построены римляне. У Антиоха все войско состояло из 70 тыс.; из них самой сильной частью была македонская фаланга — 16 тыс. человек, выстроенная так, как её организовали Александр и Филипп. Антиох поставил её в центре, разделив на десять частей, по 1600 человек в каждой, и в каждой этой части по фронту было 50 человек, а в глубину — 32; на флангах каждой части стояли слоны, всего 22. Вид этой фаланги представлял подобие стены, а слоны — башен. Таково было пешее войско Антиоха; что касается конницы, то с каждой стороны стояли галаты, одетые в тяжелое вооружение (катафракты), и так называемая гвардия (агема) македонян. То были отборные всадники, и потому они носили такое название. Оба эти отряда, равные по численности, стояли с той и с другой стороны фаланги. Рядом с ними фланги занимали: правый — некоторые легковооруженные и другие всадники с серебряными щитами и конные лучники в количестве двухсот; на левом же фланге стояли племена галатов — тектозаги, трокмы, толистобии, некоторые каппадокийцы, которых прислал Ариарат, и смешанные отряды иноземных войск, за ними конница в панцирях и ещё другая, легковооруженная, которую называли «конницей гетайров». Так Антиох построил свое войско. Кажется, что все свои надежды он возлагал на конницу, которую густыми рядами он поставил по фронту, фалангу же, вопреки всем правилам войны, он поставил скученно, на небольшом пространстве, ту фалангу, на которую он должен был бы особенно надеяться, как на хорошо обученную военным приемам. Было у него большое число и других пращников и стрелков из Фригии, Ликий, Памфилии, Писидии, Крита, Тралл и Киликий, снаряжённых по образцу критян. Кроме этих, ещё другие, конные лучники, дай [даки?], мизийцы, элимеи и арабы, которые, сидя на очень быстрых верблюдах, искусно стреляют сверху вниз, а при близком столкновении пользуются длинными и узкими ножами. Колесницы с косами были поставлены между двумя войсками, чтобы начать бой по фронту; и им было приказано после первого же столкновения уходить назад.

33. На вид, казалось, стояли два войска: одно, которое должно было начать бой, другое же, находившееся в резерве, каждое из них своей численностью и снаряжением должно было внушать страх. На правом крыле конницей командовал сам Антиох, на левом — Селевк, сын Антиоха, фалангой — Филипп, начальник отряда слонов, а передовыми застрельщиками — Миндис и Зевксис. День был тусклый и туманный; таким образом, боевой порядок пропадал из поля зрения, а сила выстрелов становилась слабее, как это и естественно во влажном воздухе. Когда это заметил Эвмен, то на всё остальное он перестал обращать внимание, но, боясь удара стоящих против него колесниц, он, собрав всех пращников, стрелков и других легковооруженных, приказал им налетать на колесницы и поражать коней вместо возниц; ведь если конь в боевой колеснице начнет биться в своей упряжке, то и вся колесница становится бесполезной, да и остальной правильный распорядок сильно нарушается, так как воины боятся своих кос... Когда кони были ранены и колесницы понеслись на своих же, то этот беспорядок почувствовали прежде всего на себе верблюды, стоявшие ближе всего к колесницам, а за ними броненосная конница, которой из-за своей тяжести не легко было избегать кос. Произошло большое замешательство и беспорядок, начавшийся прежде всего от этих колесниц и распространившийся на всё пространство между обоими войсками. Люди подозревали большее, чем было на самом деле: как это бывает при таком растянутом фронте, при густоте рядов, при разнообразных криках и великом страхе, узнать точно, что происходит, было не так легко даже для тех, которые находились рядом с происходящим событием, и страх передавался от одного к другому, все нарастая.

34. Когда первое предприятие Эвмена оказалось удачным и пространство между войсками, поскольку оно было занято верблюдами и колесницами, оказалось свободным, он повёл своих всадников и всадников римских и италийских, какие у него были, на стоявших против него галатов, каппадокийцев и на остальное сборище иноземных войск, громко крича и побуждая идти против людей, неопытных в военном деле и лишенных уже своего передового прикрытия. Войска охотно следовали за ним, и их

удар был настолько тяжёл, что они обращают в бегство не только галатов и каппадокийцев, но и стоявших рядом с ними всадников и катафрактов, уже сильно приведённых в беспорядок колесницами. Последних, которые из-за тяжести своего вооружения не так легко могли бежать или повертываться, они больше всего захватывали и избивали.

Вот что происходило на левом фланге македонской фаланги. На правом же, где стоял сам Антиох, он пробил сплошную фалангу римлян, разделил её и далеко преследовал.

35. И вот македонская фаланга, поставленная для связи с конницей на узком четырехугольном пространстве, лишившись прикрытия всадников с обеих сторон, расступилась, и приняла в себя легковооруженных, сражавшихся ещё перед её рядами, а затем опять сомкнулась. Когда же Домиций легко окружил её большим количеством всадников и легковооруженных, так как она представляла плотно поставленный четырехугольник, она не могла ни двинуться вперед, ни развернуть своего строя ввиду его большой глубины; поэтому она стала терпеть бедствие. Они досадовали, что не имеют возможности сами воспользоваться своей военной опытностью, а представляют удобную мишень для нападения неприятеля со всех сторон. Однако, выставив со всех четырех сторон целый лес своих сарисс, они вызывали римлян вступить с ними в рукопашный бой и всё время делали вид, что хотят напасть. Но они нигде не делали ни шагу вперед, будучи пешими и отягченными своим оружием, а врагов видя всюду на конях, особенно же потому, что боялись нарушить крепость своего строя; перестроиться иначе они бы не успели. Римляне же к ним не приближались и не вступали в рукопашный бой, боясь опытности людей, привычных к военному делу, их твердости и отчаянной решимости, но бросали всё время в них дротики и стреляли из луков. И ни один удар их не был напрасным: такой массой стояли они на небольшом пространстве, что не могли уклониться от бросаемых в них копий и стрел. Поэтому, неся уже большие потери, они стали шаг за шагом отступать, ...обороняясь, вполне сохраняя порядок и внушая римлянам страх: они ведь и тогда не решались приблизиться к ним, но, нападая со всех сторон, наносили им потери, пока, наконец, слоны в македонской фаланге не были приведены в беспорядок и перестали слушаться своих вожakov; тогда весь их боевой порядок превратился в нестройное бегство.

36. Домиций, одержав здесь победу, спешно подошел к лагерю Антиоха и захватил охранявших его. Между тем Антиох, преследуя далеко тех из римской фаланги, против кого он стоял, так как у них не было ни всадников, ни легковооруженных (Домиций не подкрепил их, считая что этого не нужно благодаря реке), дошёл до римского укрепления. Когда же военный трибун, охранявший лагерь, встретив его свежими силами из охраны лагеря, задержал его стремительное нападение, а бегущие, вновь осмелев благодаря слившимся с ними вспомогательным силам, обратились против врага, Антиох повернул назад, полный гордости, как бы одержав победу, и ничего не зная о том, что произошло на другом фланге его войска. С ним встретился Аттал, брат Эвмена, с большим количеством конницы. Без большого труда Антиох их порубил и проехал через их ряды, не обращая внимания, что они наносили ему незначительные потери. Но когда он увидел своё поражение и всю равнину, покрытую трупами его воинов, коней и слонов, увидел, что его лагерь взят уже штурмом, тогда Антиох бежал без оглядки и до полуночи прибыл в Сарды. Из Сард он дальше отправился в город Келены, который называют Апамеей: он услышал, что сюда же бежал его сын. На следующий день он уехал из Келен в Сирию, оставив в Келенах военачальников, чтобы собирать и принимать бегущих. Он отправил к консулу послов с предложением о прекращении войны. Консул был занят похоронами своих, снимал оружие с убитых врагов и собирал пленных. У римлян оказалось убитых: римских всадников двадцать четыре и пеших самое большее триста, которых убил Антиох; у Эвмена всего 15 всадников. У Антиоха же, считая с пленными, можно думать, потери доходили до 50 тыс., так как вследствие большого количества погибших сосчитать их было не так легко. И из его слонов одни были убиты, а 15 слонов были захвачены.

37. Как бывает при победе чересчур блестящей и для некоторых казавшейся невероятной (считалось невозможным одержать такую победу более малочисленному войску над гораздо большим и при этом в чужой земле, и особенно над македонской фалангой, хорошо вымуштрованной и состоящей из отборных людей, имеющей славу непобедимой и грозной), с одной стороны, друзья Антиоха упрекали его за необдуманную поспешность в разрыве отношений с римлянами, за его проявленную с самого начала неопытность и отсутствие ясною плана, за то, что он выпустил из рук Херсонес и Лисимахию со всем оружием и со всеми запасами, прежде чем испытать силы неприятеля, за то, что охрану Геллеспонта он оставил на произвол судьбы, когда сами римляне не надеялись им так легко овладеть. Упрекали Антиоха и за его последний неразумный поступок, за то, что всю силу своего войска он сделал бесполезной, поставив в тесном и узком пространстве, и всю свою надежду основал на численности людей, собравшихся со всех сторон, людей, неопытных в военном деле, предпочтя их тем, которые благодаря долгому упражнению стали специалистами военного дела и у которых приобретённая в стольких войнах уверенность возросла до отваги и смелости. Такие мнения высказывались относительно Антиоха. С другой стороны, у римлян возросло самомнение; они считали, что для них нет ничего неисполнимого вследствие их доблести и помощи богов. Ведь, действительно, за счёт их счастья и удачи можно отнести, что они, столь немногочисленные, прямо с похода, в первой же битве, да ещё в чужой стране, в один день одержали верх над столькими племенами, над доблестью наёмников и славой македонян, над царем, приобретшим огромное царство и имя «Великого». И для них великая песня славы заключалась в словах: «Был да сплыл царь Антиох Великий».

38. С такою гордостью хвалились римляне своими победами. Консул, когда к нему вернулся из Элей его поправившийся брат Публий, допустил на аудиенцию послов Антиоха. Они просили сказать им, что должен сделать царь Антиох, чтобы стать другом римлян. Вот что ответил им Публий: «Антиох сам виноват в своих несчастьях, как теперешних, так и прежних, из-за своей жадности. Он имел огромную державу, и римляне не мешали ему ею владеть, но он отнял у Птолема, своего близкого родственника и друга римлян, долинную Сирию и, вторгнувшись в Европу, до которой ему не было никакого дела, завоевал Фракию, укрепил Херсонес, вновь отстроил Лисимахию; дойдя до самой Эллады, он стал поработать эллинов, недавно с помощью римлян ставших автономными, пока, наконец, не был побежден в битве при Фермопилах. Бежав оттуда, он даже и при таких обстоятельствах не отрешился от своей жадности, но, не раз побеждённый на море, когда мы только что перешли Геллеспонт, он хотя и просил мирного договора, однако в своей надменности презрительно отнёсся к предложенным ему условиям и, собрав вновь огромное войско и заготовив против нас неисчислимое снаряжение, продолжал воевать с нами. Принужденный вступить в решительный бой с более сильным противником, он дошел до теперешнего своего тяжелого положения. Следовало бы, чтобы мы наложили на него большее наказание за то, что он не раз заставлял римлян вступать с ним в рукопашный бой. Но мы не становимся надменными от удач и не отягчаем несчастья других. Мы предлагаем ему те же условия, которые мы предлагали ему и раньше, прибавив только очень немного, что и для нас будет полезным, и для него на будущее время послужит на пользу в смысле безопасности: он должен отказаться от всей Европы и от Азии по эту сторону Тавра (границы будут установлены впоследствии), должен выдать слонов, сколько у него есть, и кораблей, сколько мы прикажем; в дальнейшем он не должен иметь слонов, а кораблей столько, сколько мы прикажем; должен дать двадцать заложников, каких укажет военачальник, и оплатить расходы на эту войну, которая произошла по его вине; немедленно пятьсот эвбейских талантов, а когда сенат санкционирует этот договор, — ещё 2500, и в течение следующих двенадцати лет — ещё 12 тыс., внося в Рим ежегодно соответствующую часть; выдать нам всех пленных и пере-

бежчиков и отдать Эвмену то, что ещё остается у него в нарушение договора, заключенного с Атталом, отцом Эвмена. Если Антиох сделает всё это без всякого коварства, мы даруем ему и мир и дружбу, когда сенат это санкционирует».

№3

ТРЕТЯ МАКЕДОНСЬКА ВІЙНА. БИТВА ПРИ ПІДНІ (168 р. до н.е.) (ПЛУТАРХ, ПОРІВНЯЛЬНІ ЖИТТЄПИСИ, ЕМІЛІЙ ПАВЕЛ)

Після смерті Філіппа V в 179 р. до н.е. македонський трон зайняв його син Персей (213-166 рр. до н.е.), останній цар Македонії (179-168 р. до н.е.). Прагнучи відновити могутність своєї держави, підірвану війнами Філіппа V з Римом (Перша Македонська війна 215-205; Друга — 200-197 рр. до н.е.), Персей організував і очолив антиримську коаліцію, уклавши союз з племенами іллірійців, фракійців, державою Селевкідів, Родосом і ін. Він також підтримував всюди ворожі Риму демократичні угруповання. В розпочатій у 171 р. до н.е. Третій Македонській війні (171-168 рр. до н.е.) проти Риму Персей спочатку одержав кілька перемог на суші (у Фессалії) і на морі (біля Евбеї), але 22-23 червня 168 р. до н.е. в битві при Підні (Македонія) македонська армія була розбита; взятий в полон, Персей був вивезений в Італію і там помер.

12. ...Персей... засыпав золотом себя самого, своих детей и царство, не пожелал спастись, пожертвовал малой толикой своих денег, но предпочёл, вместе с неисчислимыми сокровищами, богатым пленником покинуть отечество, чтобы самолично показать римлянам, как много он для них скопил.

13. Он не ограничился тем, что обманул галлов и отправил их восвояси: подстрекнул иллирийца Гентия за 300 талантов принять участие в войне, он приказал отсчитать и запечатать деньги в присутствии его посланцев, когда же Гентий, уверившись в том, что получил свою плату, решился на гнусное и страшное дело — задержал и заключил в тюрьму прибывших к нему римских послов, — Персей, рассудив, что теперь незачем тратить на Гентия деньги, поскольку он сам дал римлянам неопровержимые доказательства своей вражды и своим бессовестным поступком уже втянул себя в войну, лишил несчастного его трехсот талантов, а немного спустя равнодушно глядел на то, как претор Луций Аниций с войском изгнал Гентия вместе с женой и детьми из его царства, как сгоняют птицу с насиженного гнезда. На такого-то противника и двинулся теперь Эмилий. Презирая самого Персея, он не мог не подивиться его мощи и тщательности приготовлений: у царя было 4 тыс. всадников и без малого 40 тыс. воинов в пешем строю. Он засел на берегу моря, у подножья Олимпа, в местности совершенно неприступной, а к тому же ещё и укрепленной им отовсюду валами и частоколами, и чувствовал себя в полной безопасности, рассчитывая, что время и расходы истощат силы Эмилия. Последний был человеком живого ума и стал тщательнейшим образом взвешивать все способы и возможности приступить к делу. Замечая, однако, что войско, привыкшее в прошлом к распущенности, недовольно промедлением и что солдаты беспрепятственно докучают начальникам нелепыми советами, он строго поставил им это на вид и приказал впредь не вмешиваться не в свои дела и не заботиться ни о чём другом, кроме собственного тела и оружия, чтобы выказать свою готовность рубиться истинно по-римски, когда полководец найдёт это своевременным. Ночным дозорам он велел нести службу без копий, полагая, что карательные будут зорче наблюдать и успешнее бороться со сном, если не смогут отразить нападения неприятеля.

14. Более всего римлян тяготила жажда: вода была лишь в немногих местах, скверная на вкус, да и та не текла, а скорее еле сочилась на самом берегу моря. Разглядывая вздымавшуюся над их лагерем громаду Олимпа, густо заросшего лесом, и по зеленым листьям определив, что в недрах горы бьют источники, а ручьи сбегают вниз, так и не выходя на поверхность, Эмилий приказал пробить у подножья побольше отдушин и колодцев. Эти колодцы немедленно наполнились чистой водой — сдавленная со всех сторон, она стремительно хлынула в образовавшиеся пустоты...

15. Несколько дней Эмилий пребывал в полном бездействии; говорят, что это единственный случай, когда два огромных войска, находясь в такой близости друг к другу, стояли так мирно и спокойно. Когда же, перепробовав и испытав все средства, Эмилий, наконец, узнал, что остаётся один неохраняемый проход в Македонию — через Перребию, близ Пифия и Петры, он созвал совет, скорее с надеждой думая о том, что проход не занят противником, нежели страшась явных невыгод этой позиции, из-за которых противник её и не занял. Сципион, по прозвищу Назика, зять Сципиона Африканского, впоследствии пользовавшийся громадным влиянием в сенате, первым из присутствовавших вызвался принять на себя командование отрядом, который должен будет зайти неприятелю в тыл. Вторым поднялся и с жаром предложил свои услуги Фабий Максим, старший из сыновей Эмилия, в ту пору ещё совсем юный. Эмилий весьма охотно дал им людей... 3 тыс. италийцев-союзников и всё своё левое крыло, состоявшее из 5 тыс. воинов. Прибавив к этому 120 всадников и 200 человек из смешанного фракийско-критского отряда Гарпала, Назика двинулся по дороге к морю и разбил лагерь близ Гераклия, словно собираясь войти в плавание и высидеться в тылу у македонян. Но когда воины поужинали и наступила темнота, он открыл начальникам свой истинный замысел и ночью повёл отряд в противоположном направлении, остановив его на отдых лишь немного не доходя Пифия. В том месте высота Олимпа более 10 стадиев...

16. Там Назика оставался до утра. Тем временем к Персею, который ни о чём не подозревал, видя, что в лагере Эмилия всё спокойно, явился критянин-перебежчик, бросивший Назика в пути, и сообщил царю, что римляне его обходят. Персей был испуган, однако с места не снялся и лишь отправил 10 тыс. наёмников и 2 тыс. македонян под командованием Милона с приказом как можно скорее занять перевал. Полибий говорит, что римляне застигли этот отряд во время сна, Назика же утверждает, что на вершинах завязался ожесточенный и кровавый бой, что на него ринулся какой-то фракийский наёмник и он уложил своего противника, пробив ему грудь копьем, и, наконец, что враг был сломлен, Милон позорно бежал — безоружный, в одном хитоне, — а римляне, преследуя неприятеля и не подвергаясь сами ни малейшей опасности, спустились на равнину. После этой неудачной стычки Персей, объятый ужасом, лишившись всякой надежды, поспешно снялся с лагеря и двинулся назад. И всё же он видел себя перед необходимостью сделать выбор: либо остаться у Пидны и попытаться счастья в бою, либо расчленив свои силы и ждать неприятеля у стен нескольких городов, имея, однако, в виду, что колы скоро война вторгнется в пределы страны, изгнать её оттуда без большого кровопролития будет невозможно. Но численное превосходство по-прежнему было на его стороне, и он мог предполагать, что воины будут храбро сражаться, защищая своих детей и жён, в особенности — на глазах у царя, в первых рядах разделяющего с ними опасность. Такими доводами ободряли Персея друзья. И вот, разбив лагерь, он стал готовиться к битве, осматривал местность, назначал задания начальникам... Рядом была и равнина, что благоприятствовало передвижениям фаланги, которые требуют совершенно гладкого места, и тянущиеся непрерывной чередой холмы, за которыми легковооружённые пехотинцы могли укрыться или совершить неожиданный для врага поворот. Протекавшие посредине речки Эсон и Левк, хотя и не очень глубокие в ту пору года (лето приближалось к концу), всё же, по-видимому, должны были оказаться препятствием на пути римлян.

17. Соединившись с Назикой, Эмилий выстроил воинов в боевой порядок и двинулся на македонян. Увидев их построение и число, он остановился в растерянности и задумался. Молодые военачальники, которым не терпелось помериться силами с неприятелем, подъезжали к нему и просили не медлить, а больше всех — Назика, которому придал самонадеянности успех при Олимпе. Но Эмилий ответил, улыбаясь: «Да, будь я ещё в твоих летах... Но многочисленные победы объясняют мне ошибки по-

беждённых и не велят с ходу нападать на изготовившуюся к бою фалангу». После этого он приказал передним рядам, находившимся у неприятеля перед глазами, стать по манипулам, образовав своего рода боевую линию, а тем, кто двигался в конце колонны, — повернуться на месте и приступить к сооружению рва и частокола для лагеря. К ним, отступая, непрерывно присоединялись все новые группы воинов, и таким образом Эмилию удалось, избегнув какого бы то ни было замешательства, ввести всех своих людей в лагерь, неприметным образом распустив боевую линию. Пришла ночь, воины после ужина располагались на отдых и готовились ко сну, как вдруг луна, полная и стоявшая высоко в небе, потемнела, померкла, изменила свой цвет и, наконец, исчезла вовсе. И в то время, как римляне, призывая луну снова засиять, по своему обыкновению, стучали в медные щиты и сосуды и протягивали к небу пылавшие головни и факелы, македоняне держались совсем по-иному: лагерь их был объят страхом и тревогой, потихоньку пополз слух, будто это знамение предвещает гибель царя. Эмилий обладал некоторыми сведениями о законах затмений, в силу которых луна через определенные промежутки времени попадает в тень земли и остается невидимой до тех пор, пока не минует тёмного пространства и пока солнце снова её не осветит, но, благоговейно чтя богов, часто принося им жертвы и зная толк в прорицаниях, он, едва лишь заметил первые лучи освобождающейся от мрака луны, заколол в её честь 11 телят. На рассвете он принёс в жертву Гераклу 20 быков, одного за другим, но благоприятных предзнаменований не получил, они явились лишь с двадцать первым животным, обещав римлянам победу в том случае, если они будут защищаться. И вот, посулив богу 100 быков и священные игры, Эмилий приказал военным трибунам строить войско к бою, а сам, сидя в палатке, обращённой в сторону равнины и неприятельского лагеря, стал ждать, пока солнце повернёт и склонится к закату, чтобы его лучи во время сражения не били римлянам прямо в лицо.

18. Бой завязался уже к вечеру по почину врагов, как сообщают иные — благодаря хитрости Эмилия: римляне выпустили на македонян невзвужданного коня, те погнались за ним, и началась первая стычка. Но другие говорят, что фракийцы под командованием Александра совершили нападение на римский обоз с сеном, а на них, в свою очередь, яростно бросились 700 лигурийцев. С обеих сторон стали подходить значительные подкрепления, и бой закипел. Эмилий, точно кормчий, уже по этим первым бурным колебаниям обоих станов предвидя, какие размеры примет предстоящее сражение, вышел из палатки и, обходя легионы, стал ободрять солдат, а Нэзика на коне поспешил туда, где уже летели копья и стрелы, и увидел, что в деле участвует почти вся македонская армия. Впереди шли фракийцы, вид которых, по словам самого Нэзика, внушил ему настоящий ужас: огромного роста, с ярко блиставшими щитами, в сияющих поножах, одетые в черные хитоны, они потрясали тяжелыми железными мечами, вздымавшимися прямо вверх над правым плечом. Рядом с фракийцами находились наёмники, они были вооружены неодинаково и смешаны с пеонийцами. За ними помещалась третья линия, состоявшая из самих македонян, — отборные воины, в расцвете лет и мужества, сверкавшие позолоченными доспехами и новыми пурпурными одеждами. В то время как они занимали своё место в строю, из-за укреплений показались ряды воинов с медными щитами, и равнина наполнилась ярким блеском железа и сиянием меди, а горы загудели от крика и громогласных взаимных увещаний. Так отважно и быстро устремились они вперёд, что первые убитые пали не больше чем в двух стадиях от римского лагеря.

19. Битва уже завязалась, когда появился Эмилий и увидел, что македоняне в первых линиях успели вонзить острия своих *сарисс* в щиты римлян и, таким образом, сделались недосыгаемы для их мечей. Когда же и все прочие македоняне, по условленному сигналу, разом отвели щиты от плеча и, взяв копья наперевес, стойко встретили натиск римлян, ему стала понятна вся сила этого сомкнутого, грозно ошестинившегося строя; никогда в жизни не видел он ничего более страшного и потому ощутил испуг и замешательство, и нередко впоследствии вспоминал об этом зрелище и о впечатлении, которое оно оставило. Но тогда, скрыв свои чувства, он с весёлым и беззаботным видом, без шлема и панциря, объезжал поле сражения.

Что же касается македонского царя, то он... в первый же час битвы оробел и ускакал в город якобы для того, чтобы совершить жертвоприношение Гераклу, но этот бог не принимает жалких жертв от никчемных трусов и глух к несправедным молитвам... Молитвам же Эмилия бог внял: ведь он молился об успехе в войне и о победе, держа в руке копье, и призывал бога на помощь, сам доблестно сражаясь. Впрочем, некий Посидоний, сообщающий о себе, что был участником событий того времени, и написавший обширную историю Персея, утверждает, будто царь удалился не из трусости и не ссылаясь ни на какое жертвоприношение, но что накануне битвы лошадь копытом повредила ему голень. В разгар боя Персей, невзирая на своё недомогание и не слушая советов друзей, якобы приказал подать себе вьючную лошадь и, сев на неё верхом, присоединился к сражающимся. Панциря на нём не было, и так как с обеих сторон тучами летели копья, дротики и стрелы, одно копье, сплошь железное, угодило в царя, правда, не остриём, а скользнув вдоль левого бока, но с такой силой, что разорвало на нём хитон и оставило на теле легкий кровоподтёк; этот след от удара сохранился надолго. Вот что рассказывает Посидоний в оправдание Персея.

20. Римляне никакими усилиями не могли взломать сомкнутый строй македонян, и тогда Салий, предводитель *пелигнов*, схватил значок своей когорты и бросил его в гущу врагов. Пелигны дружно устремились к тому месту, где он упал (покинуть знамя у италийцев считается делом преступным и нечестивым), и тут обе стороны выказали крайнее ожесточение и, обе же, понесли жестокий урон. Одни пытались мечами отбиться от *сарисс*, или пригнать их к земле щитами, или оттолкнуть в сторону, схватив голыми руками, а другие, ещё крепче стиснув свои копья, насквозь пронзали нападающих, — ни щиты, ни панцири не могли защитить от удара *сариссы*, — и бросали высоко вверх, выше головы, тела *пелигнов* и *марруцинов*, которые, потеряв рассудок и озверев от ярости, рвались навстречу вражеским ударам и верной смерти. Таким образом первые ряды бойцов были истреблены, а стоявшие за ними подались назад; хотя настоящего бегства не было, всё же римляне отошли до горы Олокр, и тогда Эмилий, по словам Посидония, разорвал на себе тунику, ибо, видя, что те отступили и что фаланга, окруженная отовсюду густой щетиной *сарисс*, неприступна, точно лагерь, пали духом и прочие римляне. Но поскольку местность была неровной, а боевая линия очень длинной, строй не мог оставаться равномерно сомкнутым, и в македонской фаланге появились многочисленные разрывы и бреши, что, как правило, случается с большим войском при сложных перемещениях сражающихся, когда одни части оттесняются назад, а другие выдвигаются вперед; заметив это, Эмилий поспешно подбежал ближе и, разъединив когорты, приказал своим внедриться в пустоты неприятельского строя и вести бой не против всей фаланги в целом, а во многих местах, против отдельных её частей. Эмилий дал эти наставления начальникам, а те — солдатам, и как только римляне проникли за ограду вражеских копий, ударяя в незащищенные фланги или заходя в тыл, сила фаланги, заключавшаяся в единстве действий, разом иссякла и строй распался, а в стычках один на один или небольшими группами македоняне, безуспешно пытаясь короткими кинжалами пробить крепкие, закрывавшие даже ноги щиты римлян и своими легкими щитами оборониться от их тяжёлых мечей, насквозь рассекавших все доспехи, — в этих стычках македоняне были обращены в бегство.

21. Бой был жестокий. Среди прочих в нём участвовал и Марк, сын Катона и зять Эмилия, который выказал чудеса храбрости, но потерял свой меч. Юноша..., сознающий свой долг перед великим отцом и желающий дать ему... доказательства собственной доблести..., решил, что недостойн жизни тот, кто сохранит её, оставив в добычу врагу своё оружие; пробегая по рядам и видя друга или близкого человека, он каждому рассказывал о своей беде и просил помощи. Набралось немало храбрых охотников, под

предводительством Марка они разом пробились в первые ряды сражающихся и бросились на неприятеля. После яростной схватки, в которой многие пали и многие были ранены, они оттеснили македонян и, очистив место от врага, принялись искать меч. Насилу найдя его под грудями оружия и трупов, они, вне себя от радости, запев пеан, с ещё большим воодушевлением ударили на продолжавших сопротивляться македонян. В конце концов 3 тыс. отборных воинов, не покинувших своего места в строю, были перебиты все до одного, прочие же обратились в бегство, и началась страшная резня: и равнина, и предгорье были усеяны трупами, а воды Левка даже назавтра, когда римляне переходили реку, были красны от крови. Сообщают, что македонян было убито больше 25 тыс. Римлян, по словам Посидония, пало сто человек, по словам же Нэзики, — 80.

22. Эту величайшего значения битву римляне выиграли с удивительной быстротой: началась она в девятом часу, и не было десяти, как судьба её уже решилась; остаток дня победители преследовали беглецов, неотступно гоня их на протяжении 120 стадиев, и потому вернулись лишь поздно вечером. Рабы с факелами выходили им навстречу и под радостные крики отводили в палатки, ярко освещённые и украшенные венками из плюща и лавра. Но сам полководец был в безутешном горе: из двух сыновей, служивших под его командой, бесследно исчез младший... Отец подозревал, что... честолюбивый юноша, едва успевший войти в возраст, погиб, замешавшись по неопытности в самую гущу неприятеля. Его опасения и тревога стали известны всему войску; солдаты прервали свой ужин, схватили факелы, и кинулись одни к палатке Эмилия, другие — за укрепления, чтобы искать тело среди павших в первые минуты боя. Весь лагерь охватило уныние, равнина загудела от крика: «Сципион! Сципион!» — ведь римляне горячо любили этого мальчика, который более, нежели любой из его родичей, редким сочетанием духовных качеств с самого начала обещал вырасти в замечательного полководца и государственного мужа. Поздно вечером, когда уже не оставалось почти никаких надежд, он неожиданно возвратился из погони вместе с двумя или тремя товарищами, весь в свежей крови врагов... Это тот самый Сципион, что впоследствии разрушал Карфаген и Нуманцию...

№4

ТРЕТЯ ПУНИЧНА ВІЙНА (149-146 рр. до н.э.)

(Плутарх, Порівняльні життєписи, Катон Старший)

26. Последним из деяний Катона на государственном поприще считают разрушение Карфагена. На деле его стёр с лица земли Сципион Младший, но войну римляне начали прежде всего по советам и настояниям Катона... Карфагеняне и нумидийский царь Масинисса воевали, и Катон был отправлен в Африку, чтобы исследовать причины этого раздора. Дело в том, что Масинисса всегда был другом римского народа, карфагеняне же, расставшись после поражения, которое им нанёс Сципион, со своим владычеством, обременённые тяжелой данью, ослабевшие и униженные, стали союзниками Рима. Найдя Карфаген не в плачевном положении и не в бедственных обстоятельствах, как полагали римляне, но изобилующим юношами и крепкими мужами, сказочно богатым, переполненным всевозможным оружием и военным снаряжением и потому твердо полагающимся на свою силу, Катон решил, что теперь не время заниматься делами нумидийцев и Масиниссы и улаживать их, но что, если римляне не захватят город, истари им враждебный, а теперь озлобленный и невероятно усилившийся, они снова окажутся перед лицом такой же точно опасности, как прежде. Без всякого промедления вернувшись, он стал внушать сенату, что прошлые поражения и беды, по-видимому, не столько убавили карфагенянам силы, сколько безрассудства, сделали их не беспомощнее, но опытнее в военном искусстве, что нападением на нумидийцев они начинают борьбу против римлян и, выжидая удобного случая, под видом исправного, выполнения условий мирного договора готовятся к войне.

27. ...Закончив свою речь, Катон умышленно распахнул тогу, и на пол курии посыпались африканские фиги. Сенаторы удивились их размерам в красоте, и тогда Катон сказал, что земля, рождающая эти плоды, лежит в трех днях плавания от Рима. Впрочем, он призывал к насилию и более открыто; высказывая своё суждение по какому бы то ни было вопросу, он всякий раз присовокуплял: «Кажется мне, что Карфаген, не должен существовать»¹. Напротив, Публий Сципион Нэзика², отвечая на запрос или высказываясь по собственному почину, всегда говорил: «Мне кажется, что Карфаген должен существовать». Замечая, по-видимому, что народ становится непомерно заносчив и уже совершает множество просчётов, что, упиваясь своими удачами, исполнившись гордыни, он выходит из повиновения у сената и упорно тянет за собою все государство туда, куда его влекут страсти, — замечая это, Нэзика хотел, чтобы хоть этот страх перед Карфагеном был уздой, сдерживающей наглость толпы: он полагал, что карфагеняне не настолько сильны, чтобы римляне не смогли с ними совладать, но и не настолько слабы, чтобы относиться к ним с презрением. То же самое тревожило и Катона, но он считал опасной угрозой, нависающую со стороны государства и прежде великого, а теперь ещё отрезвленного и наказанного пережитыми бедствиями, меж тем как римский народ буйствует и, опьяненный своим могуществом, делает ошибку за ошибкой; опасным казалось ему приниматься за лечение внутренних недугов, не избавившись сначала полностью от страха перед покушением на римское владычество извне. Такими доводами... Катон достиг своей цели: третья... Пуническая война была объявлена. Он умер в самом начале военных действий, предсказав, кому суждено завершить войну; человек этот был тогда ещё молод и, занимая должность военного трибуна, обнаруживал в сражениях рассудительность и отвагу. Его подвиги стали известны в Риме, и Катон, услышав о них, сказал: «Он лишь с умом, все другие безумными теньями веют». И Сципион скоро подкрепил его слова своими делами.

¹ «Ceterum censeo Carthaginem esse delendam» («Впрочем, я думаю, что Карфаген нужно разрушить»).

² Публий Корнелий Сципион Нэзика (181-132 гг. до н.э.) — видный римский военный и политический деятель, великий pontifex 141-132 гг. до н.э., консул 138 г. до н.э. Был противником возобновления войны с Карфагеном, однако позже изменил своё мнение. Принимал участие в убийстве Тиберия Гракха в 132 г. до н.э. Во избежание мести популяров был послан сенатом в Азию. Вскоре после этого он умер в Пергаме.

РОЗДІЛ 3 РИМСЬКЕ СУСПІЛЬСТВО II—I ст. до н.е.

I. РАБОВЛАСНИЦЬКА ВІЛЛА. СТАНОВИЩЕ РАБІВ І РЕМІСНИКІВ

№1

МАРК ПОРЦІЙ КАТОН, ПРО ЗЕМЛЕРОБСТВО

Розгром Карфагена в II Пунічній війні (218-201 р. до н.е.) і завоювання Західного Середземномор'я збагатили римлян. В руках завойовників опинились величезні матеріальні засоби. Вони використовувались для організації сільських маєтків, де основною робочою силою стали жорстоко експлуатовані раби. Поширенню дохідних рабовласницьких маєтків сприяв розвиток міського будівництва і перетворення багатьох невеликих селищ Італії в упорядковані міста з численним населенням, яке потрібно було годувати. Для власників таких рабовласницьких господарств було вигідно займатись виробництвом сільськогосподарської продукції (хліба, бобових, винограду і вина, маслин і маслинової олії), продавати їх в місті, а всі необхідні ремісничі вироби купувати на міському ринку. Досить повна картина життя рабовласницького маєтку в II ст. до н.е. дається в трактаті Катона Старшого «Про землеробство».

Марк Порцій Катон Старший (234-149 рр. до н.е.) — державний діяч Стародавнього Риму і письменник. В 195 р. до н.е. був консулом, в 183 р. до н.е. — цензором. Типовий представник консервативної патриціанської верстви, що виступав проти еллінізації культурного життя Риму і був в опозиції до ліберального політичного крила «еллінофілів». Він послідовно виступав за рішучу і нещадну боротьбу з Карфагеном. На відміну від сучасних йому авторів, що писали грецькою, він став вперше писати рідною мовою. Катон є автором історичної праці «Начала», присвяченої викладу історії різних італійських общин (не збереглась), і трактату «Про землеробство» (перша чверть II ст. до н.е.). В цьому останньому міститься докладна характеристика господарства маєтку, показані його зв'язки з ринком, ступінь розвитку агрикультури, прибутковість. З опису Катона видно, наскільки раціонально був організований рабовласницький маєток — вілла, якій вмілі і інтенсивній експлуатації піддавались раби, як уважно рабовласник-хазяїн стежив за станом свого господарства.

Иногда стоило бы дохода ради заняться торговлей, не будь это так опасно, а то и отдавать деньги в рост, будь только это почетно. А предками нашими так принято и так в законах уложено, чтобы вора присуждать ко взысканию вдвое, а ростовщика ко взысканию вчетверо. По этому можно судить, насколько ростовщика считали они худшим гражданином против вора. И хорошего человека когда хвалили, то хвалили его так: «Хороший землевладелец и хороший хозяин». Считалось, что кого так похвалили, тот взыскан наивысшей похвалой. Я считаю купца человеком стойким и ревностным к наживе, только жизнь его, как сказано выше, и опасна, и бедственна. А из земледельцев выходят самые верные люди и самые стойкие солдаты. И доход этот самый чистый, самый верный и вовсе не вызывает зависти, и люди, которые на этом деле заняты, злого не умышляют несколько...

1. Когда ты задумаешь приобрести имение, положи себе за правило следующее: не бросайся на покупку — не жалея своего труда на осмотр и не считай, что достаточно один раз обойти его кругом. Хорошее имение будет тебе нравиться больше и больше с каждым разом, как ты туда пойдешь. Обрати внимание, какой вид у соседей: в хорошей местности надлежит им иметь хороший вид. Войдешь, оглядись кругом, чтобы знать, как выйти. Ищи место с хорошим климатом, где не бывает бурь, с хорошей землей, которая сама родит; покупай имение, если можно, у подножия горы, обращенное на юг, в здоровой местности, где много работников, есть хороший водоем, а поблизости богатый город, море или река, по которой ходят суда, или хорошая оживленная дорога. Пусть оно будет в таком округе, где хозяева меняются нечасто, и те, кто продал свои имения, жалеют о том, что их продали. Имение должно быть хорошо обстроено. Смотри, не пренебрегай зря чужими порядками. Лучше покупать от хорошего хозяина и хорошего застройщика. Когда придешь в усадьбу, посмотри, много ли там прессов¹ и долиев²; где их мало, знай, что это в соответствии с урожаем. Большого оборудования не надо, надо хорошее место. Смотри, чтобы оборудования было поменьше и чтобы тебе не израсходоваться на имении. Помни, что с землей, как с человеком: сколько бы он ни наживал, если он много проживает, то прибавит ему мало. Если ты меня спросишь, какое имение самое лучшее, то я скажу так: сто югеров³ с самой разнообразной почвой, в самом лучшем месте: во-первых, с виноградником⁴, если вино хорошее и если вина много; во-вторых, с поливным огородом; в-третьих, с ивняком; в-четвертых, с масличным садом; в-пятых, с лугом; в-шестых, с хлебной нивой; в-седьмых, с лесом, где можно резать листья на корм скоту⁵; в-восьмых, с виноградником, где лозы вьются по деревьям; в-девятых, лес с деревьями, дающими желуди.

2. Хозяин, придя в усадьбу и помолившись домашнему лару⁶, должен обойти поместье, если можно, в тот же самый день, а если не в тот же самый день, то на следующий. Когда он увидел, как поместье обработано, какие работы сделаны и какие не сделаны, он должен на следующий день позвать вилика⁷ и спросить, что из работ сделано, что остается; выполнены ли работы достаточно своевременно, может ли он выполнить остальные, а также сколько получено вина, хлеба и всего прочего. Когда он это узнает, ему следует заняться расчетом уроков⁸ и дней. Если он не видит работы, а вилик говорит, что рабы сбежали, что они повинности исполняли, то когда он привел эти причины и множество других, — верни его к расчету работ и дневных уроков. Если стояла дождливая погода, то вот работы, которые можно делать и в ливень: мыть долии и осмаливать их, прибираться усадьбу, переносить хлеб, выносить навоз наружу, устраивать навозную кучу, очищать зерно, починять веревки, плести новые; рабам надлежало в это же время заниматься починкой своих одеял и плащей. По праздникам можно было чистить старые канавы, прокладывать общественную дорогу, вырезать колючие кусты, вскапывать огород, обкашивать луга, резать веники, вырывать колючую траву, обталкивать полбу, наводить чистоту. Когда рабы болели, им не следовало давать такой паек⁹.

Когда хозяин с полным спокойствием обо всем разузнает, он должен позаботиться, чтобы остальные работы были выполнены; подвести счет деньгам, хлебу, тому, что приготовлено на корм скотине, вину, маслу; подсчитать, что он продал, что взыскано, что остается, что есть на продажу. Надежные обеспечения и следует принять как надежные; все остальное привести в ясность. Чего на год не хватит, то купить: чего есть излишек, то продать; что нужно сдать с подряда, то сдать. Хозяин должен распорядиться и оставить запись о том, какие работы он хочет сделать своими силами и какие хочет сдать с подряда. Он должен ос-

¹ Прессы, трапеты — особые устройства для выжимки виноградного сока или оливкового масла.

² Долии — огромные (иногда в рост человека) глиняные сосуды, в которых хранили вино, оливковое масло, зерно.

³ Югер — мера земельной площади в 0,25 га. Сто югеров равны 25 гектарам.

⁴ Катон различает два вида виноградников- 1) виноградные лозы выводились на специально подставленные подпорки; 2) виноградные лозы высаживались около деревьев, ветви которых они обвивали.

⁵ Зеленой листвою деревьев обычно кормили скот.

⁶ Лары — божества, покровители дома и хозяйства.

⁷ Вилик — доверенный раб, руководивший хозяйством в отсутствие хозяина и выполнявший все его распоряжения. Виликами могли быть и отпущенники.

⁸ Урок — определенная норма выработки, которую каждый раб получал на день и на неделю. За выполнением этой нормы следил вилик.

⁹ Уменьшение дневного пайка рабу во время болезни было связано с тем, что раб, будучи больным, не мог работать и соответственно не приносил выгоды своему господину.

мотреть скот; устроить распродажу: продать масло, если оно в цене; вино, лишний хлеб продать, состарившихся волов, порченную скотину, порченных овец, шерсть, шкуры, старую телегу, железный лом, дряхлого раба, болезненного раба; продать вообще все лишнее. Хозяину любо продавать, а не покупать.

3. В первой молодости хозяину следует ревностно засаживать имение. Над застройкой следует думать долго; над посадкой думать не следует: тут следует действовать. Когда твой возраст дойдет до 36 лет, тогда следует строиться, если имение у тебя засажено. Стройся так, чтобы усадьба была по имению, а имение по усадьбе. Хозяину выгодно иметь хорошо построенную хозяйственную половину с погребом для масла и вина и со множеством доливов, чтобы спокойно поджидать высоких цен: будет ему это и в прибыль, и в честь, и во славу. Давильни следует иметь хорошие, чтобы работа могла производиться хорошо. Как только маслины будут собраны, надо сейчас же давить масло, чтобы оно не получилось испорченным. Подумай, что ежегодно случаются большие бури, которые обычно сбивают маслины. Если ты быстро их подберешь и прессы у тебя наготове, то убытку от бури не будет никакого и масло получится зеленее и лучше. Если маслины пробудут на земле и на полу слишком долго, то они загниют и масло получится вонючее. Из любых маслин можно сделать хорошее масло, если делать его вовремя. На 120 югеров масличного сада полагается два прессы, если сад хорош, в меру часто засажен и будет хорошо обработан. Полагается иметь два хороших трапета — по одному на каждый пресс — разной величины, чтобы если жернова в одном пооботуются, ты мог бы переставить их в другой; по ременному канату на каждый пресс, рычагов 6, креплений 12, по одному ремённому канату на каждый пресс; два греческих блока, которые приводятся в движение двумя канатами из спарта; с верхними колесиками в 8 и нижними в 6 пальцев. Ты будешь работать быстрее с простыми колесами; с воротом работать медленнее, но легче.

4. Для волов должны быть хорошие хлева с хорошими фалерскими (зарешеченными) яслями; расстояния между решетинами — фут¹. Если так сделаешь, то вола не будут выбрасывать корма. Господскую половину в имении строй по средствам. Если ты в хорошем имении хорошо построишься, хорошо поставишь дом, если тебе в деревне будет житься ладно, то ты охотнее и чаще станешь приезжать: с имением пойдет лучше, меньше будет неполадок и доходу ты получишь больше. «Хозяйский глаз — алмаз». Будь хорош к соседям; рабам провинностей не спускай. Если соседи будут тебя видеть с удовольствием, ты легче продашь свое, легче сдашь подряды, легче наймешь рабочих. Будешь строиться, — они тебе помогут работой, подвозом, материалом. Если упаси бог, случится нужда, — они благожелательно защитят тебя.

5. *Вот обязанности вилика.* Он должен завести хороший порядок, соблюдать праздники; чужого в руки не брать; свое охранять тщательно. Он разбирает споры рабов; если кто в чем провинился, он хорошенько наказывает виноватого, смотря по проступку. Рабам не должно быть плохо: они не должны мерзнуть и голодать. У вилика они всегда в работе: так он их легче удержит от дурного и от воровства. Если вилик не захочет, чтобы рабы вели себя плохо, они себя плохо вести не будут. Если же он это будет терпеть, хозяин не должен оставлять этого безнаказанным. За заслугу он благодарит, чтобы и остальным хотелось вести себя правильно. Вилик не должен слоняться без дела; он всегда трезв и никуда не ходит на обед. Рабы у него в работе; он следит за тем, чтобы удалось то, что приказал хозяин. Пусть он не считает себя умнее хозяина. Друзей хозяина он считает друзьями себе; слушается того, кому приказано. Жертвоприношения он совершает только в Компиталии², на перекрестке или на очаге. Без приказа хозяина он никому не поверит в долг; что поверил хозяин, то он истребует. Семян для посева, съестных припасов, полбы, вина и масла он никому не одолжит. У него есть два-три хозяйства, где он может попросить, что ему нужно, и которым он сам дает в долг — но больше никому. Он часто отчитывается перед хозяином. Работника, нанятого за деньги или за долю в урожае, он не держит дольше одного дня. Он не смеет ничего купить без ведома хозяина и не смеет ничего скрывать от хозяина. Паразита он не держит³. Он не смеет совещаться с гарусником, авгуром, предсказателем и халдеем⁴. Он не обманывает нивы⁵: это к несчастью. Он постарается выучиться всякой сельской работе, и он будет часто работать — только не до усталости. Если он будет работать, он будет знать, что у рабов на уме, и они будут покладистее в работе. Если он будет так делать, ему не захочется слоняться без дела; он будет здоровее и будет лучше спать. Он первым встанет с постели и последним ляжет в постель. Сначала посмотрит, заперта ли усадьба, лежит ли каждый на своем месте и задан ли корм животным. За волами ухаживай со всем тщанием. Пахарям отчасти даже угождай, чтобы они охотнее ходили за волами. Постарайся, чтобы у тебя были хорошие плуги и лемехи. Берегись, не паши гнилой земли; не ездь по ней в телеге и не гоняй туда скотину. Если не остережешься и погонишь, то три года с этого места не получишь дохода. Овцам и волам надо тщательно подстилать и надо смотреть за их копытами. Берегись чесотки на овцах и на вьючных животных: она бывает обычно от голода и от дождливой погоды. Старайся, чтобы все работы были сделаны вовремя: хозяйство — это такое дело, что если запоздаешь с одним, то запоздаешь во всё. Если соломы не хватает, то собирай листья па-дуба и подстилай их овцам и волам. Постарайся иметь большую навозную кучу. Навоз старательно сохраняй; когда будешь выносить, очищай его и размельчай; осенью вывози. Маслины осенью окопай кругом воронкой и подложи туда навозу. Листву тополе-вую, вязовую и дубовую срежай своевременно, складывай ее, пока она не пересохла, на корм овцам. То же и с отавой и с обкоска-ми с лугов: суши их и складывай. После осеннего дождя сажай репу, сей корма и люпин.

6. *Вот что следует соблюдать при засаживании отдельных мест в имении.* Где есть хорошее, жирное поле без деревьев, то следует ему быть хлебным полем. Это же самое поле, если над ним стоят испарения, следует преимущественно засаживать репой и редькой и засеивать просом и могоаром. На жирной горячей земле сажай столовые маслины: «ткацкую палочку» крупную, саллентинскую, «ядро», павсиеву, сергиеву, кольминиеву, бело-восковую; сажай преимущественно тот сорт, который слывет в этих местах наилучшим. Этот сорт маслин рассаживай на 25 или 30 футов. Поле следует засаживать масличным садом, только если оно смотрит на юго-запад и открыто солнцу; всякое другое не годится. На той земле, которая холоднее и тощее, следует сажать лициниеву маслину: если ты посадишь ее на жирном и горячем месте, выход масла будет ничтожным; дерево погибнет от плодоношения и будет чахнуть от красного моха. По межам и дорогам сажай вязы и частью тополи, чтобы иметь листья для овец и волов. И материал, если понадобится, будет у тебя наготове. Если где-нибудь в тех местах есть речной берег или сырое место, то посади там тополи — верхушками — и тростник. Его сажай таким образом: перекопай землю на два заступа в глубину и посади там тростник глазками: один глазок на три фута от другого. Там же сажай и дикую спаржу, из которой вырастает садовая. Спаржа

¹ римский фут = 29,6 см.

² Компиталии — праздник в честь ларов. Алтаря в честь ларов обычно располагались на границах земельных участков, на перекрестках дорог (компита).

³ Паразит, или парасит, — угодливый приживальщик, которого вилик, естественно, содержит за хозяйский счет.

⁴ Гарусники — гадатели по внутренностям животных; авгуры — гадатели по полету птиц и удару молнии; халдеи — предсказатели, знакомые с тайнами восточных религий. Катон здесь имеет в виду не членов официальных жреческих коллегий, которые пользовались в Риме большим уважением и влиянием, а бродячих предсказателей, как правило, различных шарлатанов, которые часто обманывали доверчивых людей, подолгу оставались в поместье, вмешивались в хозяйственные дела.

⁵ «Он не обманывает нивы», т.е. не уменьшает количество семян, положенных на посев данного участка.

и тростник подходят друг к другу, потому что землю под них копают и сжигают их одновременно и тень они дают одновременно. Вокруг места с тростником посади греческую иву, чтобы было чем подвязывать виноградники.

Вот что соблюдай относительно поля, которое следует засадить виноградником. На том месте, которое слывет для винограда самым лучшим и открыто солнцу, сажай мелкий аминейский виноград, «благородных близнецов», мелкий золотистый. На месте пожирнее и над которым стоят испарения, сажай аминейский крупный, мургентинский, апициев и луканский. Остальные сорта, особенно смешанные, подходят ко всякой земле.

10. Каким образом следует оборудовать масличный сад в 240 югеров: вилик, ключница¹, рабочих 5, пахарей 3, погонщик ослов, свинопас, овчар — всего 13 человек; волов три пары, ослов с бьюками, чтобы возить навоз, 3, осел на мельнице, овец 100; масляных прессов, оборудованных с трапетами, 5, котел вместимостью в 30 квадранталов², крышка для котла, железных крюков 3, кувшинов для воды 3, воронки 2, котел вместимостью в 5 квадранталов, крышка для котла, крюков 3, маленький тазик, амфор для масла 2, мера вместимостью в 50 гемин, шумовки 3, ведро для воды, таз, горшок для воды, помойное ведро, подносик, ночной горшок, ложка, черпак, подставка для лампы, мера в секстарий; больших телег 3, плугов с лемехами 6, ярмов с ремнями 3, упряжек для волов 6; борона с железными зубьями, навозных плетенок 4, навозных камышовых коробов 3, вьючных седел 3, седел для ослов 3. Железных орудий: тяжелых лопат 8, мотыг 8, лопат 4, совков 5, четырехзубых граблей 2, кос 8, серпов 5, ножей для обрезки деревьев 5, топоров 3, клиньев 2, ступка для полбы, печных щипцов 2, кочерга, жаровни 2; долиев для масла 100, чанов 12, долиев для виноградных выжимок 10, для масляного отстоя 10, для вина 10, для хлеба 20, чан для люпина, небольших кувшинов 10, лохань для мытья, ванна, чанов для воды 2, крышки для каждого долия и каждого меньшего кувшина, мельница, на которой работает осел, одна, ручная одна, испанская одна, мельничных приводов 3; стол для раскатывания теста, медных круглых блюд 2, столов 2, больших скамеек 3, скамейка в спальню, скамеечек для ног 3, стульев 4, кресел 2, кровать в спальню одна, кровати с ременной сеткой 4, кровати 3; деревянная ступка, чан для валянья шерсти, ткацкий станок, ступок 2, пест для обталкивания бобов, пест для полбы, пест для посевной полбы, пест, чтобы отделить косточки от мякоти маслин, модий³, полумодий; тюфяков 8, мешков на них 8, подушек 16, одеял 10, полотенец 3, лоскутных одеял для рабов 6.

11. Каким образом следует оборудовать виноградник в 100 югеров: вилик, ключница, работников 10, пахарь, погонщик ослов, человек, чтобы смотреть за ивняком, свинопас, — всего 16 человек; пара волов, пара упряжных ослов, осел для работы на мельнице; оборудованных прессов 3; столько долиев, чтобы хватило на пять виноградных урожаев в 800 мехов, долиев для виноградных выжимок 20, долиев для хлеба 20; крышки и колпачки для каждого долия, урн, оплетенных спартом, 6, амфор, оплетенных спартом, 4, воронок 2, фильтров, сплетенных из веточек, 3, шумовок, чтобы снимать плесень с вина, 3, кувшинов для виноградного сока 10; телег 2, плугов 2, ярмо для тележной упряжки, ярмо для пахоты в винограднике, ярмо для ослов, медное круглое блюдо, мельничный привод, котел вместимостью в один мех, крышка для котла, железных крюков 3, котел для варки вина вместимостью в один мех, кувшинов для воды 2, лейка, таз, горшок для воды, помойное ведро, подносик, черпак, подставка для лампы, ночной горшок, кровати 4, скамейка, столов 2, стол для раскатывания теста, сундук для одежды, шкаф для провизии, длинных скамеек 6, колодезное колесо, модий, обитый железными обручами, полумодий, лохань для мытья, ванна, чан для люпина, небольших кувшинов 10; упряжек для волов 2, седельных упряжек для ослов 3, вьючных седел 3, плетеных корзин для винного осадка 3, мельниц для ослов 3, ручная мельница.

Железных орудий: серпов для срезывания камыша 5, ножей для обрезки лесных деревьев 6, ножей для обрезки деревьев 3, топоров 5, клиньев 4, лемехов 2, тяжелых лопат 10, лопат 6, совковообразных лопат 4, четырехзубых граблей 2, навозных плетенок 4, навозный кузов, виноградных ножинок 40, для срезывания колючек 10, жаровен 2, щипцов 2, кочерга, америйских корзинок 20, корзинок или корыт, нужных при посадке, 40, деревянных лопат 40, ночев 2, тюфяков 4, мешков для них 4, подушек 6, одеял 6, полотенец 3, лоскутных одеял для рабов 6.

12. *Что нужно в давилне.* Для пяти прессов подходящих прессовальных брусьев 5, запасных 3, воротов 5, один запасной, ременных канатов 5, подъемных канатов 5, канатов для обвязывания корзинок 5, блоков 10, канатов 5, подставок для прессовального бруса 5, небольших посуды 3, рычагов 40, деревянных креплений, чтобы оттягивать стояки, если они разойдутся, 40 и клиньев 6; трапетов 5, маленьких осей 10, корыт 10, деревянных лопат 10, железных лопат-совков 5.

13. *Что нужно в давилне во время работы:* кувшин для воды, котел вместимостью в 5 квадранталов, железных крюков 3, медное круглое блюдо, мельниц... сито, поднос к нему, топор, скамейка, небольшая посуда для вина, ключ от давилни, кровать с постелью, где будут спать двое сторожей — свободных (третий — раб — пусть спит вместе с давилщиками); новых корзин... старых... ворот, подушка, светильников... кожа одна, плетеночек 2; полка с крючками для мяса; лестница.

В погреб для масла нужно следующее: долии для масла, крышки, чанов 14, раковин — 2 побольше и 2 поменьше, бронзовых черпаков 3, амфор для масла 2, кувшин для воды, мера вместимостью в 50 гемин, секстарий для масла, маленькая лоханка, воронок 2, губок 2, глиняных кувшинов 2, мер в поламфоры 2, деревянных черпаков 2, ключей с запорами от погреба 2; весы; гири фунтов [фунт = 327, 5 г] около 100 и прочие тяжести...

39. В непогоду, когда работать в поле нельзя, выноси навоз в навозную кучу. Хорошо вычисти хлев, овчарню, двор, усадьбу. Стяни долии свинцом или обвяжи совершенно сухими дубовыми обручами. Ты можешь любой долией обратиться в винный, если хорошо его зачинишь или обвяжешь, заделаешь трещины замазкой и хорошо осмолишь. Замазку для долиев делай таким образом: положи фунт воска, фунт смолы и $\frac{2}{3}$ фунта серы в новую миску, подбавь туда гипсу в порошок, чтобы смесь густотой стала, как пластырь. Этим и чини долии. Починив, можешь навести тот же самый цвет таким образом: смешай две части сырой глины с одной частью извести. Наделай из этого кирпичиков, обожги их в печи, истолки и вотри в замазанные места. В дождь поищи, что можно сделать в усадьбе. Чтобы люди не заленились, наводи чистоту. Сообрази, что если у тебя ничего не делается, расхода будет несколько не меньше...

56. *Паек рабам.* Тем, кто работает в поле: зимой по 4 модия пшеницы, а летом по $4\frac{1}{2}$; вилику, ключнице, смотрителю, овчару — по 3 модия. Колодникам зимой по 4 фунта хлеба; летом, как станут вскапывать виноградник, по 5 — до той самой поры, как появятся винные ягоды. Тогда опять вернись к 4 фунтам.

57. *Вино рабам.* По окончании сбора винограда пусть они 3 месяца пьют ополоски: на 4-й месяц они получают по гемине⁴ на день, т.е. по $2\frac{1}{2}$ конгия⁵ в месяц; на 5-й, 6-й, 7-й и 8-й — в день по секстарии⁶, т.е. в месяц по 5 конгиев; на 9-й, 10-й, 11-й и 12-

¹ Ключница, или вилика, — рабыня, как правило, фактическая жена вилика, его помощница по управлению господским хозяйством.

² Квадрантал (амфора) — 26, 26 л.

³ Модий = 8, 74 л.

⁴ Гемина = 0, 27 л.

⁵ Конгий (кувшин) = 3, 28 л.

⁶ Секстарий = 0, 55 л.

й — в день по 3 гемыны, т.е. в месяц по амфоре¹. Сверх того в Сатурналии и в Компиталии по 3½ конгия на каждого человека. Всего вина на каждого человека в год 7 квадранталов. Колодникам прибавляй в соответствии с работой, какую они делают; если каждый из них в год выпьет по 10 квадранталов, это не слишком много.

58. *Приварок рабам.* Заготовь впрок как можно больше палых маслин. Потом заготовь зрелых — таких, откуда можно получить совсем мало масла. Береги их, чтоб они тянулись как можно дольше. Когда маслины будут съедены, давай рассол и уксусу. Масла давай на месяц каждому по секстарии; модия соли хватит каждому на год.

59. *Одежда рабам.* Туника² весом в 3 фунта и плащ³ — через год. Всякий раз, как будешь давать тунику или плащ, возьми сначала старую одежду на лоскутные одеяла. Хорошие деревянные башмаки следует давать через год.

60. *Годовой паек волам* на каждую пару: 120 модиев люпина или 240 модиев желудей; 520 фунтов сена; кормовой смеси...; бобов 20 модиев, вики 30 модиев. Кроме того, смотри, достаточно посеи вики на семена. Когда сеешь корма, подсевай их многократно.

61. *Что такое хороший уход за полем?* Хорошая пахота. А во-вторых? Пахота. А в-третьих? Унавоживание. Кто в масличном саду землю очень часто и очень глубоко переворачивать будет, тот выпашет корни самые тонкие. Если будет он пахать плохо, то корни пойдут сверху, станут толстыми, и силы маслины уйдут в них. Когда пашешь хлебную ниву, паши хорошо и своевременно; разными бороздами не паши. Остальное хозяйство состоит: в многочисленных посадках, в тщательной и своевременной пересадке молодых деревьев с возможно большим количеством корней и земли в них; в том, чтобы ты хорошо прикрыл корни и хорошо утоптал землю, чтобы не повредила растению вода. Если кто спросит, какое время лучшее для посадки маслин, — на сухом месте — в посев, на тучном — весной...

103. *Волам*, чтобы они были здоровы и в теле, а также тем, которые привередливы в пище, поливай корм, который задаешь, чтобы они тянулись к нему с жадностью, масличным отстоем, — сначала понемножку, пока они привыкнут, потом больше: изредка давай его пить, смешивая пополам с водой. Делай это через три-четыре дня. Тогда волы будут и в хорошем теле и болезнь к ним не пристанет.

104. *Вино рабам на зиму.* 10 квадранталов виноградного сока влей в долий; добавь туда же 2 квадрантала крепкого уксусу, 2 квадрантала сапы, 50 квадранталов пресной воды. Размешивай это палкой трижды в день пять дней подряд. Подлей туда 64 секстария устоявшейся морской воды, наложи на долий крышку и через 10 дней замажь ее. Этого вина хватит тебе до летнего солнцестояния. Что останется после солнцестояния, то окажется крепчайшим и превосходным уксусом...

135. В Риме покупай туники, тоги, плащи, лоскутные одеяла и деревянные башмаки; в Калах и Минтурнах: накидки, железные инструменты — серпы, лопаты, кирки, топоры и наборную упряжь; в Венафре — лопаты; в Суэссе и в Лукании: телеги; молотильные доски — в Альбе и в Риме; долии, чаны, черепицу — из Венафра. Плуги для сильной земли хороши римские; для рыхлой — кампанские; наилучшие ярма — римские; наилучший лемех — съемный. Трапеты — в Помпеях, в Ноле, под стеной Руфра; ключи с запорами — в Риме; ведра, полуамфоры для масла, кувшины для воды, винные полуамфоры и прочную медную посуду — в Капуе и в Ноле. Хороши кампанские корзины из Капуи. Ремни, подымающие прессовальный брус, и всякие изделия из спарта покупай в Капуе; римские корзины — в Суэссе и из Казина... лучшие, однако, будут в Риме.

Если кто будет заказывать канат для давилни, то в Казине работает Луций Тунний, а в Венафре Кай Манний, сын Луция. Туда следует сдать восемь хороших шкур с собственного скота, недавно перемятых и почти вовсе без соли. Их следует сначала перемять и смазать жиром, потом высушить. Канат следует сделать из ремней длиной в 72 фута; на канате должно быть три узла, в каждом узле по 9 ремней, шириной в 2 пальца. Когда его совьют, он будет длиной в 49 футов. На закрепку уйдет 3 фута; останется 46. Когда его вытянут, то прибавится 5 футов: длина будет 51 фут. Канат для давилни, будучи вытянут, должен быть длиной в 55 футов при большом прессе; при меньшем — в 51.

Полная длина ременной веревки для телеги — 60 футов, «полуверевки» — 45; ременные вожжи для телеги — 36 футов, для плуга — 26; поводья — 27½; ремни для тележного ярма — 19; «ремешок» — 15; ремни для плужного ярма — 12; «ремешок» — 8. Самый большой трапет должен иметь в поперечнике 4½ фута; жернова — быть высотой в 3½ фута; средние жернова, только что взятые из каменоломни, быть толщиной в фут с ладонью; между стержнем и краем быть расстоянию 1 фут и 2 пальца, ширине края быть в 5 пальцев. Второй по величине трапет: в поперечнике 4 фута с ладонью; между стержнем и краем 1 фут с пальцем; края толщиной в 5 пальцев; жернова высотой в 3 фута и 5 пальцев, толщиной в 1 фут 3 пальца. Отверстие в жернове делай в полфута в квадрате.

Третий по величине трапет: в поперечнике 4 фута, между стержнем и краем фут; край толщиной в 5 пальцев; жернова высотой в 3 фута 3 пальца, толщиной в 1 фут 2 пальца. Когда трапет привезут, то где ты его поставишь, там собери и отрегулируй...

136. *На каких условиях договариваться с издольщиком⁴.* В Казинской области и Венафрской на хорошем поле выделять издольщику восьмую корзину, на среднем — седьмую, на третьестепенном — шестую: если делится модиями зерно, — то пятый модий. Под Венафром на самом хорошем поле выделять издольщику девятую корзину. Если мелют совместно, то из какой части издольщик получил свою часть, за эту часть издольщик и платит мельнику. Ячменя модием выделять пятую часть; бобов модием — пятую часть.

137. *Уход за виноградником сдается издольщику.* Он должен хорошо смотреть за имением, виноградным садом, хлебным полем. Издольщик получает столько сена и кормов, чтобы их хватило для волов, которые там есть. Все остальное поровну...

142. *Обязанности виллика.* Все приказания хозяина о том, что следует делать в имении и что следует купить и заготовить, каким образом следует выдавать пищу и одежду рабам, уговариваю его соблюдать и исполнять и слову хозяина повиноваться. Кроме того, советую ему, каким образом следует обращаться с ключницей и какие приказания отдавать ей, чтобы к прибытию хозяина все, что нужно, было старательно и заботливо приготовлено.

143. *Позаботься, чтобы ключница выполняла свои обязанности.* Если хозяин дал ее тебе в жены, будь ею доволен. Сделай так, чтобы она боялась тебя. Она не должна быть распущенной. С соседками и прочими женщинами она не водится: в дом к ним не ходит и у себя их не принимает; не бывает на обедах и не слоняется без дела. Без приказа хозяина или хозяйки она не приносит жертв и никому не поручает приносить их за нее. Она должна знать, что хозяин приносит жертвы за всех рабов. Она опрятна; усадьба у нее выметена и опрятна; очаг она ежедневно, перед тем как лечь, чисто обметет. В календы, иды и ноны, и когда придет праздник, она возлагает на очаг венок и в эти же самые дни приносит домашнему лару жертву по средствам. Она варит пищу тебе

¹ Амфора (квадрантал) = 26, 26 л.

² Туника — длинная до колен, плотно прилегающая к телу рубаха без рукавов, обычная одежда древнего италийца. Брюки не носили.

³ Т.е. тога — типично римская этническая верхняя одежда; представляла собой большой кусок шерстяной материи, в который человек закутывался поверх туники.

⁴ Издольщик — арендатор, который за определенную денежную плату или долю урожая обязуется убрать хлебное поле, снять урожай винограда и т.п.

и рабам. У нее много кур и яиц. Она сушит груши, рябину, винные ягоды, виноград; заливает сапой рябину, груши, виноград в долинах и воробьиною айву; хранит зарытыми в землю кувшины с виноградом, уложенным в выжимках, и свежие пренестинские орехи в кувшине, зарытом в землю. Ежегодно она старательно заготавливает впрок скантиевы яблоки и прочие сорта, которые обычно заготавливают, а также лесные плоды. Она умеет хорошо намолоть муку и приготовить мелкую полбяную крупу...

144. *Сбор маслин следует сдавать с подряда таким образом.* Маслины обязать подрядчика собирать все как следует — по указанию хозяина, или кого он поставит надсмотрщиком, или кому запродают маслины. Он не смеет ни рвать, ни сбивать маслин без приказа хозяина или надсмотрщика. Если кто-нибудь поступит вопреки этому, то никто ему не заплатит за то, что он собрал в этот день, и никто должен ему не будет. Все сборщики одинаково обязаны поклясться перед хозяином или надсмотрщиком, что они сами не крали маслин во время этого сбора из имени Луция Манлия и никого не покрывали в этом деле. Кто из них не даст такой клятвы, тому никто не отдаст денег за всю его работу и никто должен не будет. Подрядчик обязан заверить, что маслины будут собраны как следует, по указанию Луция Манлия. Лестницы обязан он вернуть в том виде, как они были ему даны, кроме тех, которые от старости сломались. Если он их не вернет, то их стоимость будет вычтена из платы ему, согласно решению посредника. Если действия подрядчика нанесут хозяину какой-нибудь ущерб, то он обязан выплатить ему сумму, которая, по определению посредника, вычтена будет из его платы. Он обязан предоставить сколько потребуется людей для сбора и обрывания маслин. Если же их не предоставит, то сумма, за которую рабочие будут наняты или за которую работа будет сдана, будет вычтена из его платы и хозяин будет должен ему этой суммой меньше. Выносить из имени дрова и маслины нельзя. Кто соберет маслины и кто вынесет их, у того за каждый вынос вычитается 2 сестерция и никто их ему должен не будет. Все маслины после очистки следует перемерять масличным модием.

Подрядчик обязан поставить 50 человек постоянных рабочих: из них две трети людей, которые обрывают маслины. Набивателя цен на сдачу сбора маслин и на приготовление масла (подрядчик) не должен принимать потом в компаньоны; если у него есть компаньон, он обязан в качестве такового представить его тут же до торгов. Если кто поступит вопреки этому, то, по желанию хозяина или надсмотрщика, все компаньоны обязаны дать клятву. Если они ее не дадут, то тому, кто ее не дал, никто не заплатит за сбор маслин и приготовление масла и никто не будет ему должен.

Добавки: за каждые 1200 модиев маслин рабочие получают 5 модиев соленых маслин, 9 фунтов чистого масла и на все время, пока идет сбор, 5 квадранталов уксусу. Если они не получают соленых маслин, пока будут собирать маслины, то за каждые вышеупомянутые 5 модиев им будет выдано по 5 сестерций.

145. *Приготовление масла следует сдавать на таких условиях.* Подрядчик обязан жать масло как следует, по указанию хозяина или надсмотрщика, который к этому делу приставлен будет. Если понадобится 6 прессов, он обязан работать на шести. Людей обязан дать таких, которых одобрит хозяин или надсмотрщик, или человек, который купил маслины. Если понадобится, он обязан работать и на трапете; если рабочие для этого будут наняты или если работа будет сдана с подряда, то он обязан заплатить, иначе сумма эта будет вычтена из платы ему. Масла он не смеет ни брать для своего употребления, ни красть: он берет только то, что ему дали хозяин или надсмотрщик. Если же он возьмет сам, то за каждый раз у него будет вычитаться по 40 сестерций и никто их ему должен не будет. Все маслоделы обязаны поклясться перед хозяином или перед надсмотрщиком, что они не крали масла и маслин из имени Луция Манлия и что никого в воровстве не покрывали. Кто из них не даст такой клятвы, у того будет вычтена целиком его доля платы и никто ему должен не будет. Компаньоном он может иметь только того, кого ему назначит хозяин или надсмотрщик. Если действия подрядчика нанесут хозяину какой-нибудь ущерб, то сумма будет вычтена по определению посредника. Если нужно будет зеленое масло, он обязан его жать. Добавкой ему будет масла и соли по его потребе и по два викториата на каждый пресс.

146. *Маслины с дерева следует продавать на таких условиях.* Продаются маслины с дерева в Венафрском поместье. Покупатель должен прибавить к покупной сумме одну сотую ее; 50 сестерций — аукционисту за его услуги и дать хозяину 1500 фунтов римского масла, 200 фунтов зеленого, 50 модиев палых маслин, 10 сорванных — все отмеренное масляным модием; 10 фунтов масла для благовоний. Для смазки хозяйских мер и модиев обязан он дать 2 котила первосортного масла. Срок уплаты — через 10 месяцев, считая с ноябрьских календ; в иды он обязан уплатить за сбор маслин и приготовление масла, если эти работы уже сданы с подряда хозяином или если он их сам сдал. Он должен обещать и дать обеспечение, по указанию хозяина, самому хозяину или кому он назначит, что все будет как следует уплачено и сделано, а хозяину предоставить обеспечение. Пока он не уплатит или не даст обеспечения, то все, что взято им с собой в имение, рассматривается как залог; он не смеет ничего вынести из имени; если вынесет, то это будет возвращено хозяину как его собственность. Прессы, канаты, лестницы, трапеты и вообще все, что ему будет дано, он обязан вернуть в полной сохранности, кроме того, что поломается от старости. Если не вернет, то обязан уплатить стоимость. Если покупатель не уплатит сборщикам и маслоделам, которые там работали и которым следовало уплатить, то пусть заплатит, если хочет, хозяин. Покупатель будет должен хозяину и обязан в том дать ему обеспечение, и в деле этом собственность его будет также залогом, как выше написано.

147. *Виноград в лозах следует продавать на таких условиях.* Покупатель должен оставить выжимки, не промыв их, и винную гущу. Место для вина будет предоставлено до первых октябрьских календ. Если покупатель не вывезет его раньше, то хозяин может делать с вином, что ему угодно. В остальном условия такие же, как при продаже маслин с дерева.

148. *Вино в долях следует продавать таким образом.* Вина в каждый мех вливают 41 полуамфору. Вливают такое вино, которое не закисло и не покрылось плесенью. Пробу его производит посредник в ближайшие три дня. Если покупатель не сделает этого, то вино будет считаться испробованным. На сколько дней по вине хозяина проба вина задержится, столько дней прибавится в пользу покупателя. Вино он обязан принять до первых январских календ. Если он до этого срока вина не примет, то хозяин перемеривает вино и покупатель обязан заплатить за столько, сколько перемерено хозяином. Если покупатель потребует, то хозяин даст клятву, что он действовал честно. Место для вина будет предоставлено до первых октябрьских календ. Если покупатель не вывезет вина до этого срока, то хозяин может делать с вином, что хочет. В остальном — условия такие же, как при продаже маслин с дерева.

149. *На каких условиях следует сдавать зимнее пастбище.* Определи межи, до которых сдаешь. Выпаска может начаться с сентябрьских календ. С луга, который не поливается, скот должен уйти, как только зацветет груша; на поливном он может оставаться, пока не пустят воду соседи — хозяева участков, расположенных выше и ниже. В обоих случаях можно указать и определенный день. С остального пастбища он должен уйти в мартовские календы. Арендатор принимает от хозяина на выпас вместе со своим скотом пару волов и одного мерина. За хозяином остается право пользоваться тропинками и проезжей дорогой, проходить за овощами, спаржей, дровами и водой. Если арендатор, пастухи или скот арендатора нанесут хозяину убыток, то арендатор обязан заплатить по решению посредника. Если хозяин, его рабы или скот нанесут арендатору убыток, то будет ему уплачено по ре-

шению посредника. Пока арендатор не заплатит денег, не даст обеспечения или не представит поручителя, его скот и рабы, которые там находятся, должны оставаться в качестве залога. Если по этим делам начнется спор, то суд должен происходить в Риме.

150. *Овечье стадо следует сдавать при таких условиях.* За каждую овцу 1½ фунта сыра, половину его сухим сыром; по праздникам половину молока, которое арендатор надоит, и, кроме того, еще ½ амфоры молока. При этих условиях еще: ягненок, проживший день и ночь, присчитывается ему в доход; с июньских календ, а если в году был вставочный месяц, то с майских, приплод ему в доход не поступает. Хозяин пусть не обещает ему больше 30 ягнят. В статье дохода две яловые овцы идут на одну — обязан продать ягнят и шерсть с кредитом на 10 месяцев; деньги получит через коактора¹. При каждых 10 овцах он обязан выкормить на сыворотке по поросенку. Арендатор ставит на два месяца пастуха. Пока он не даст хозяину обеспечения или не уплатит денег, пастух остается у хозяина в качестве залога.

№2 КОЛЕГІІ РАБІВ І РЕМІСНИКІВ

(Написи з Риму, I ст. до н.е.)

VI, 36771. Коллегия медников принесла дар богине Счастливой Случайности. Магистры коллегии: Гай Корнелий, отпущенник Марка, Луций Муний, отпущенник ... Министры коллегии: Карвил, раб Тита Мария ... *(конец отсутствует)*.

VI, 167. Богине Счастливой Случайности принесла дар коллегия мясников. Магистры коллегии: Луций Меций, отпущенник Марка ... Тевпил, раб Квинта Юлия Сальвия.

(Написи з Пренесте, I ст. до н.е.)

XIV, 2874. Пренестинские ремесленники, изготовляющие коляски, принесли дар Фортуне Примигении. Озаботились магистры коллегии: Тозениан, отпущенник Луция ... Министры коллегии: Никефор, раб Гая Талабара, Никефор, раб Митрея.

XIV, 2875. Повара принесли дар Фортуне Примигении. Магистры коллегии: Родон, раб Орцева, Артемон, раб Диндия Квинта ... Прот, раб Эмилия.

XIV, 2876. Ремесленники Фортуне Примигении принесли дар.

XIV, 2877. Коллегия мясников принесла дар Фортуне Примигении. Озаботились магистры коллегии: Альбин, раб Орцева..., Флакк, раб Фабия.

XIV, 2878. Коллегия торговцев скотом. Озаботились магистры: Муций сын Публия, Гай Ватроний, отпущенник Гая, принести дар Фортуне Примигении.

XIV, 2879. Монетки принесли дар Фортуне Примигении.

XIV, 2880. Коллегия мелочных торговцев и кузнецов. Озаботились магистры коллегии: Авл Тибуртий, Тимисон, отпущенник Авла, Публий Гиссей Пилон, отпущенник Публия...

(Напис з району Мánтуї, 59 р. до н.е.)

V, 4087. Августам Ларам принесли дар *(далее 19 имен рабов)*.

(Напис з Кори, I ст. до н.е.)

X, 6514. Благоразумию. Рабы внесли 3055 сестерциев. Десять магистров дали 5 тыс. сестерциев... раб Публия Сальвия, выполнил свободный ... Тимофей, раб Попилиев Луция и Марка, Антиох государственный раб свободный выполнил ... Петрон, раб Фурия Луция ... Антиох, раб Утила Гнея, свободный.

(Напис з Сполетто, I ст. до н.е.)

XI, 4771. Минерве принесли дар сукновалы. Озаботились квинквенналы² коллегии *(имена трёх отпущенников и одного раба)*.

(Написи з Мінтурнів, I ст. до н.е.)

I, 2689. Эти магистры принесли дар Надежде *(далее имена 12 рабов)*.

I, 2699. Эти магистры принесли дар Церере *(далее имена 10 рабов и 2 отпущенников)*.

I, 2702. При дуумвирах Публии Гиррии сыне Марка и Публии Статии сыне Публия эти магистры принесли дар Меркурию Счастливому *(далее имена 7 рабов и 2 отпущенников)*.

(Напис з Кáпуї, 106 р. до н.е.)

X, 3778. Эти магистры Кастора и Поллукса озаботились сделать стену и ограду и дать игры *(далее имена 6 отпущенников и 6 свободнорожденных)*.

¹ Коактор — сборщик денег в виде процентов при сделках и аукционах от всей суммы.

² Квинквенналы — должностные лица в муниципиях, ведавшие вопросами ценза. Избирались на пять лет.

II. ПЕРШІ ПОВСТАННЯ РАБІВ

№1

ВІЙНА РИМЛЯН З РАБАМИ ГРОМАДЯН ЕТРУСЬКОГО МІСТА ВОЛЬСІНІЇ (265 р. до н.е.) (ЗОНАРА, ХРОНІКА, VIII, 7)

Іоанн Зонара (XII ст. н.е.) — жив у Константинополі, займав ряд важливих державних посад, потім став ченцем. Укладач «Хроніки» у 18 книгах, в якій викладалися події від створення світу і до його часу. Він користувався в ряді випадків джерелами, що не дійшли до нас, роблячи з них великі і буквальні виписки.

В консульство К. Фабія та Емілія [265 р. до н.е.] римляне отримали наказ на Вольсинії для їх звільнення, бо вони мали з цим містом договір. Граждани Вольсиній — самі древні з етрусків, стали могутніми, збудували сильні фортеці та створили благоустроєне державство. Воюючи з римлянами, вони довго та наполегливо їм опирались. Але, будучи переможеними, вони перестали займатися справами міста та поручили ці справи рабам, а також використовували їх більшою часткою для служби в армії. Наслідком цього було те, що раби стали сильними та високоцінними та вважали себе гідними свободи... Старі громадяни, не бажаючи більше терпіти від них, але не маючи сили їм опиратися, таємно відправили в Рим посольство. Тому римляни послали проти рабів Фабія. Він повернувся в бегство зустріти рабів, убив багатьох беззахисних, заперевшись всередині міських стін та здійснив спробу штурмувати місто. При цьому він був убитий, та сміливий оприлюднений втік з міста. Розгнівані раби відступили, були роздані та під впливом голоду здалися. Консул убив тих, хто відмовлявся до панів належати, та порівнював місто з землею. Місцевих же вояків та деяких рабів, які вели себе гордо, поселив в іншому місці.

№2

СПРОБА ПОВСТАННЯ РАБІВ В ІТАЛІЇ (199 р. до н.е.) (ТІТ ЛІВІЙ, РИМСЬКА ІСТОРІЯ, XXXII, 26)

Кн. XXXII, Гл. 26. Між тим як Галлія... в цьому році [199 г. до н.е.] була спокійною, едва не вистала бунт рабів в околицях Рима. Карфагенські заручники знаходилися під охороною в Сетії. С ними, як з синівцями знатних осіб, було багато рабів. Число їх зросло від того, що самі заручники внаслідок недавньої африканської війни купили з доходу значительне число полонених рабів цього племені. Зробивши заговор, вони вислали деяких з цього числа возмущати рабів спочатку в Сетинській області, потім навколо Норби та Цирцей. Коли все було готово, вони вирішили напасти на народ, коли він буде зайнятий зрештешми в час ігор, передбачених в скорому часі в Сетії, захопити її в час убивств та несподіваної паніки, зайняти Норбу та Цирцей. Відомість об цьому... отримав в Римі... претор Луцій Корнелій Лентул. Перед світанком явилися до нього двоє рабів та розповіли по порядку все, що сталося та що повинно статися. Приказав стеріти їх в домі, претор скликав сенат та оголосив, що отримав доповіді. Їм було поручено відправитися для розслідування та придушення цього мятежу. Відправившись в супроводі п'яти легатів, він вимагав від зустрічених йому в лісах присяги та вимагав їх братися за зброю та слідувати за ним. Зброюючи при такому швидкому наборі навколо 2 тис. воїнів, претор повернувся в Сетию, не сказавши нікому, куди він йде. Там тоді були схвалені початки заговору, раби ж бігли з міста. Потім були роздані по лісах воїни слідкувати за бегльцями.

Такими були прекрасні послуги двох рабів-повідомців та одного вільного. За це сенатори вирішили нагородити вільного 10 тис. важких ассів, а рабам подарувати по 25 тис. та дана свобода. Власникам сплачено була їх вартість з казни.

Невдовзі після прийшло відомість, що залишені від цього заговору раби намірені зайняти Пренесте. Туди відправився претор Луцій Корнелій та казнив навколо 500 осіб, винуватих в цьому задумі.

Державство було в страхі, що це затьмає карфагенських заручників та полонених. В Римі по кварталах були поставлені караули, причём начальникам нижчого рангу наказано було обходити їх, триумвірам же дано розпорядження більш уважливо охороняти в'язницю в каменоломні. Крім того, претор розслав листи до учасників Латинського союзу з наказом заручників тримати в приватних будинках та не допускати їм виходити на публічні збори, щоб полонені, колишні в ґрунті не менше 10 фунтів вагою, не втекли, як під охороною в державній в'язниці.

№3

ЗМОВА РАБІВ В ЕТРУРІЇ (196 р. до н.е.) (ТІТ ЛІВІЙ, РИМСЬКА ІСТОРІЯ ВІД ЗАСНУВАННЯ МІСТА, XXXIII, 36)

Одночасно з цими подіями в Греції, Македонії та Малої Азії заговор рабів майже повністю втягнув в ворожі стосунки до Риму Етрурію. Для розслідування та придушення заговору посланий претор Маній Ацилій Глабрион, на долю якого випало судопроводство між громадянами та іноземцями, з одним з двох міських легіонів. Одних, уже обраних в одне місце, він переміг в бою; з них багато було вбито, багато взято в полон; інших, які були вождями заговору, після розп'ятого на хресті, інших повернув до панів...

№4

ПЕРШЕ СИЦИЛІЙСЬКЕ ПОВСТАННЯ РАБІВ (137-132 рр. до н.е.) (ДІОДОР СИЦИЛІЙСЬКИЙ, ІСТОРІЧНА БІБЛІОТЕКА, XXXIV—XXXV, 2, 1-23)

Діодор Сицилійський (80-29 рр. до н.е.) — автор «Історичної бібліотеки» у 40 книгах. Збереглися книги XI—XX, в яких викладається історія Республіки, і уривки з деяких інших книг. Діодор був типовим компілятором, але в цілому ряді випадків відомості, ним наведені, мають значну цінність, оскільки він користувався історичними працями, які не дійшли до нас. Зокрема, твір Діодора є основним джерелом з історії сицилійських повстань рабів.

Після закінчення II Пунической війни [201 р. до н.е.] справи сицилійців в час шестидесяти років в усіх стосунках шшли добре, але потім вистала війна з рабами по наступній причині. Богаті в час довгого часу та отримавши великі багатства, сицилійці купували багато рабів. Вводячи їх групами з виводків, вони тоді встановлювали на них клеймо та метки. Молодих рабів вони використовували як пастухів, інших — так, як кожному було потрібно. Господи обтяжували їх службою та майже не турбувалися про їх харчування та одяг. Тому більша частина рабів жила в рабстві, та була маса убивств, все

равно как если бы разбойники, подобно армии, рассеялись по всему острову. Римские *прéторы* пытались бороться с рабами, но не осмеливались прибегать к наказаниям, благодаря силе и влиянию господ, которым принадлежали разбойники, и были вынуждены поэтому допускать ограбление провинции. Большинство рабовладельцев были римские всадники, и в качестве судей над преторами, которых обвиняли провинции, они были страшны для римских властей.

Рабы под гнётом страданий, подвергаясь часто неожиданным и унижительным наказаниям, не выдержали. Сходясь друг с другом в удобное время, они начали сговариваться об измене своим господам, пока не привели своего плана в исполнение. Был один сириец, родом из Апамеи, раб Антигена из г. Энны, своего рода маг и чародей. Он хвастался, что может по указаниям богов, данным ему во сне, предсказывать будущее и, благодаря своей ловкости, обманул таким образом многих. Затем он начал предсказывать не только по снам, но стал прикидываться, будто видит богов наяву и от них узнает будущее. Из всей его болтовни кое-что иногда сбывалось. А так как в несбывшемся никто его не изобличал, а на удачные предсказания все указывали, то молва о сирийце широко распространилась. Наконец, с помощью некоторого приспособления он умел в припадке «вдохновения» изрыгать огонь и таким образом пророчествовать о будущем. В пустой орех или во что-нибудь подобное, составленное из двух высверленных половинок, он вкладывал раскаленный уголь и какое-нибудь вещество, которое его там задерживало. Затем, вложив всё это в рот и дуя, он извлекал иногда искры, иногда пламя. Ещё до восстания он говорил, что сирийская богиня является ему и предсказывает, что он будет царем. Об этом он рассказывал не только другим, но постоянно говорил и своему господину.

Антиген, забавляясь ловким обманом, ради шутки выводил Евна — так звали чудотворца — к гостям, спрашивал об его будущей царской власти, а также о том, как он поступит тогда с каждым из присутствующих. Евн неизменно повторял свой рассказ, ловко мороча всем головы, и прибавлял, что он поступит с господами мягко. Среди гостей поднимался смех, и некоторые из них давали ему лучшие куски со стола, приговаривая, чтобы он, когда будет царем, вспомнил об их любезности. Однако вся эта комедия окончилась тем, что Евн действительно стал царем, и та милость, о которой гости просили за столом в шутку, получена была ими не без труда.

Восстание началось следующим образом. В Энне жил некто Дамофил, весьма богатый и надменный человек. Он с исключительной бесчеловечностью обращался с рабами, жена же его Мегаллида не уступала мужу в жестокости и бесчеловечности по отношению к рабам. Доведенные до крайней степени ярости и угнетения, рабы сговорились восстать и убить господ. Придя к Евну, они спросили его, дают ли боги согласие на задуманный план. Он с обычными фокусами заявил, что боги согласны, и убеждал рабов тотчас же приняться за дело. Собрав 400 сотоварищей по рабству, они, как только наступил благоприятный момент, вооружились, вторглись в Энну под предводительством изрыгавшего огонь Евна. Ворвавшись в дома, рабы принялись за массовые убийства, не щадя даже грудных детей: отрывая их от груди матерей, разбивали о землю. Невозможно сказать, сколько было изнасиловано женщин на глазах их мужей. К ворвавшимся в Энну рабам присоединилось большое количество городских рабов, которые, расправившись сначала со своими господами, затем приняли участие в общей резне. Когда окружающие Евна рабы узнали, что Дамофил находится вместе с женой в своем парке, неподалёку, от города, они послали туда людей, которые и притащили их связанными в Энну, по дороге власть над ними надругавшись. Дочь Дамофила и Мегаллиды рабы пощадили из-за её человеколюбия и сострадания к рабам, которым она всегда старалась помочь по мере возможности.

Из этого видно, что всё, содеянное рабами по отношению к господам, не было результатом жестокости их натуры, но явилось воздаянием за совершенные над ними раньше обиды. Дамофила и Мегаллиду, как мы сказали выше, посланные притащили в город и затем привели в театр, где собралось большинство восставших. Дамофил пытался что-то придумать для своего спасения, и на многих из толпы его слова начали действовать. Тогда рабы Гермий и Зевксис, смертельно его ненавидевшие, назвали его обманщиком и, не дождавшись суда народа, один вонзил ему в бок меч, а другой разрубил топором шею. Затем выбрали Евна царем — не за его храбрость или военные таланты, но исключительно за его шарлатанство, а также потому, что он являлся зачинщиком восстания. Кроме этого, думали, что его имя послужит хорошим предзнаменованием для расположения к нему подданных.

Сделавшись царём в государстве восставших и созвав народное собрание, Евн приказал убить пленных эннейцев за исключением оружейных мастеров, которых он в оковах отправил на их работу. Мегаллиду он отдал, её бывшим рабыням с тем, чтобы они поступили с ней, как хотят. Своих бывших господ, Антигена и Пифона, Евн убил собственноручно. Надев царский венец и окружив себя придворным церемониалом, он сделал царицей свою сожительницу, сириянку из Апамеи. Членами совета Евн назначил людей, которые казались наиболее выдающимися по уму. Среди них особенно отличался своей сметливостью и мужеством Ахей, родом из Ахайи. В три дня он вооружил, насколько это было возможно, более 6 тыс. человек топорами, секирами, пращами, серпами, накаленными палками, поварскими вертелами и прошёл по всей Сицилии, продавая все награбленное. Присоединив к себе огромное количество рабов, он осмелился вступить в борьбу с римскими военачальниками и часто одерживал над ними верх благодаря своему численному превосходству, так как имел в своем распоряжении более 10 тыс. вооруженных людей.

В это время некий киликиец Клеон поднял другое восстание рабов. Все были полны надежд, что восставшие начнут междоусобную войну и, истребив друг друга, освободят Сицилию от мятежа; но они, против ожидания, объединились. Клеон, имея у себя 5 тыс. бойцов, добровольно отдался под власть Евна, тем самым как бы пополнив недостаток у царя в полководцах. Мятеж продолжался уже около 30 дней. Вскоре после этого около 30 тыс. восставших разбили прибывшего из Рима претора Луция Гипсея с 8-тыс. отрядом сицилийских войск. Скоро число мятежников дошло до 200 тыс. Чем больше одерживали они побед над римлянами, тем меньше сами терпели поражений. Когда молва об этом распространилась, во многих других местах также начались заговоры и восстания рабов: в Риме 150 рабов, в Аттике более 1 тыс., на Делосе и других местах, но все эти движения были подавлены в каждом отдельном случае или быстрыми и суровыми мерами властей, или вразумлениями и другими средствами, поскольку они оказывались пригодными при восстании. В Сицилии же зло росло, города забирались вместе с людьми, и много военных отрядов было уничтожено повстанцами. Наконец римский консул Рупилий отбил для римлян Тавромений, тесно обложив его и доведя осажденных до невыразимой нужды и голода. Начав питаться детьми, они перешли затем к женщинам и кончили взаимным истреблением. Здесь был захвачен брат Клеона Коман, пытавшийся бежать из осажденного города. Наконец, благодаря предательству сирийца Серапиона Рупилию удалось взять цитадель Тавромения и овладеть всеми беглыми рабами, находившимися в городе. После попыток их сбросили со скалы.

Оттуда Рупилий направился против Энны, и, обложив город, довёл до отчаяния мятежников. Главнокомандующий Клеон сделал вылазку с небольшим отрядом и после героической борьбы пал, покрытый ранами. И этот город удалось взять только благодаря измене, так как по своему местоположению он был совершенно недоступен вооруженной силе. Евн с тысячей своих телохранителей трусливо укрылся в самом недоступном месте. Но его спутники, понимая ожидавшую их неизбежную участь, — Рупилий уже двинулся против них, — перерезали друг друга мечами. А фокусник и царь Евн трусливо убежал и был вытаснен из какой-то пещеры вместе с четырьмя своими слугами: поваром, пекарем, банщиком и шутком, забавлявшим его при выпивках. Заключенный под стражу, Евн был изъеден вшами и окончил свою жизнь в Моргантине способом, вполне соответствующим его

плутовству. Затем Рупилий прошел всю Сицилию с небольшими отборными отрядами и скорее, чем кто-нибудь мог ожидать, совершенно очистил её от шаек грабителей.

№5

ДРУГЕ СИЦИЛИЙСЬКЕ ПОВСТАННЯ РАБІВ (104-101 рр. до н.е.) (ДЮДОР СИЦИЛИЙСЬКИЙ, ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА, XXXVI, 2-9, 1; 9, 2; 10)

...В это время прибывшие из Сицилии сообщили о восстании рабов, исчисляемых во много десятков тысяч. Когда это стало известно в Риме, там очутились в весьма затруднительном положении, так как из отборных солдат почти 60 тыс. погибло в галльской войне с кимврами и трудно было послать в Сицилию отборных воинов. Перед сицилийским восстанием рабов в Италии было много коротких и мелких заговоров рабов, как будто божество таким путем предвещало будущее огромное восстание в Сицилии.

Первое движение рабов было близ Нуцерии, где 30 рабов устроили заговор, но они были быстро наказаны. Второе произошло около Капуи, где восстало 200 рабов. Но и это движение было скоро уничтожено. Третье носило очень странный характер. Был некто Тит Минуций, римский всадник, сын богатого отца. Он влюбился в чужую рабыню, отличавшуюся своей красотой. Вступив с нею в связь и охваченный необычайной страстью, он выкупил её. Весь во власти своего безумного увлечения, Минуций с трудом добился у господина рабыни согласия продать её за семь аттических талантов и назначил срок, когда он уплатит свой долг. Ему поверили из-за богатства отца. Когда настал назначенный срок, у Минуция не было денег, и он выпросил ещё 30 дней льготных. Когда этот срок наступил, у него начали требовать денег. Тогда, так как положение его было безвыходным, а страсть достигла высшей степени, он решился на совершенно безумный поступок: он составил заговор против своих кредиторов, а сам принял царскую власть. Купив 500 полных комплектов вооружения в кредит, по которому он обязался уплатить в назначенный срок, Минуций тайно переправил в какую-то деревню своих собственных рабов в количестве 400 человек и убедил их поднять восстание. Надев диадему, пурпуровое одеяние, окружив себя ликторами и прочими знаками власти, Минуций при содействии рабов провозгласил себя царём. Лиц, которые требовали плату за девицу, он приказал обезглавить, предварительно наказав их розгами. Вооружив рабов, Минуций двинулся на ближайшие поместья и тех рабов в них, которые присоединялись к восставшим, наделял оружием, а сопротивлявшихся убивал. В скором времени у Минуция собралось более 700 воинов. Разбив их на центурии, он построил укрепления и принимал туда восставших.

Когда о восстании узнали в Риме, сенат принял по этому поводу разумное решение, которое и имело успех. Из городских преторов сенат назначил для поимки беглых рабов Луция Лукулла. Последний, немедленно набрав в Риме 600 воинов, прибыл в Капую, где под его начальством собралось 4 тыс. пехотинцев и 400 всадников. Веттий [он же Тит Минуций], узнав об энергичном движении Лукулла, занял укрепленный холм, имея в своём распоряжении более 3 500 человек. В происшедшей схватке верх взяли беглые рабы, так как они сражались с более высокого места. После этого Лукулл, подкупив Веттиева полководца Аполлония и дав ему официальную клятву, что он будет прощён, убедил его предать мятежников. Благодаря содействию Аполлония, который схватил и выдал римлянам Веттия, последний, боясь наказания, покончил с собой; все принимавшие участие в восстании были истреблены, кроме предателя Аполлония. Это восстание было, перед сицилийским, самым большим восстанием рабов, являясь как бы прологом к нему.

Сицилийское же восстание началось следующим образом. Во время войны Мария с кимврами сенат дал ему право приглашать себе на помощь союзников из числа заморских народов. Марий послал за помощью к царю Вифинии Никомеду. Тот отвечал, что большинство вифинцев, уведённых римскими публиканами [т.е. откупщиками], томятся в рабстве в провинциях. Сенат вынес постановление, чтобы ни один из свободнорожденных союзников не находился в рабстве в провинции и чтобы об их освобождении позаботились преторы. Тогда в Сицилии претором был Лициний Нерва. Согласно постановлению сената, он освободил многих рабов своим судебным решением, так что в течение немногих дней больше восьмисот человек получили свободу. Все рабы, находившиеся на острове, были преисполнены надежд на освобождение. Но сицилийская знать, съехавшись к претору, просила его отказаться от своего плана. Нерва, подкупленный деньгами или желая угодить знати, прекратил разбор всех дел об освобождении, а приходившим к нему с тем, чтобы получить свободу, с бранью приказывал возвращаться обратно к своим господам. Но рабы, собравшись, покинули Сиракузы и, укрывшись на священном участке Паликов, начали сговариваться друг с другом о восстании.

Во многих местах дерзость рабов стала проявляться вполне открыто. Первыми освободили себя 30 рабов, принадлежавших двум богатым братьям в области Галкий. Во главе их стоял Варий. Ночью они убили своих господ, когда те спали, а затем отправились в ближайшие поместья и стали побуждать к восстанию других рабов. В эту ночь рабов собралось более 120 человек. Заняв место, укрепленное самой природой, они укрепили его ещё больше и приняли к себе 80 других вооруженных рабов. Претор провинции Лициний Нерва быстро напал на рабов и осадил их, но не имел успеха. Видя, что укрепление невозможно взять силою, претор обратился к помощи предательства. Был некто Гай Тициний, по прозвищу Гадей, который за два года перед тем был приговорен к смерти, но избежал наказания. Он занялся грабежом в той местности и, убивая во время разбойничьих набегов многих свободных, не причинял никакого вреда рабам. В этом-то Гадее претор, подкупив его обещаниями на безнаказанность, и нашёл помощника для выполнения своих планов.

Гадей, имея у себя достаточное число верных рабов, сносится с укреплением, где засели восставшие, под видом того, что он желает участвовать вместе с ними в войне против римлян. Радужно принятый мятежниками, он был избран ими благодаря его храбрости вождём и таким образом предал укрепление. Из мятежников одни были изрублены во время битвы, другие, боясь попасть в плен и подвергнуться наказанию, сами бросились вниз со скалы. Итак, первое восстание рабов было подавлено вышеописанным образом.

Когда солдаты были уже распущены по домам, кто-то принес известие, что 80 восставших рабов убили римского всадника Публия Клодия и собирают большое число людей. Претор, сбитый с толку чужими советами, когда к тому же большинство солдат было уже распущено, из-за своей медлительности дал возможность мятежникам ещё лучше обезопасить своё положение. Выступив с наличными воинами и перейдя реку Альбу, он достиг мятежников, расположившихся на Каприонской горе, и вступил в город Гераклею. Не нападая на рабов, претор тем самым содействовал росту восстания, так как мятежники всюду разглашали об его трусости. Из окрестных мест стекалось много рабов, приготавливавшихся всеми возможными способами к битве. В первые 70 дней было вооружено более 800 человек, затем число их достигло не менее 2 тыс. Узнав в Гераклее о росте сил мятежников, претор назначил командующим Марка Тициния, дав ему 600 солдат из гарнизона Энны. Тициний напал на мятежников, но так как они имели численное превосходство и пользовались выгодами местности, то отряд Марка Тициния обратился в бегство. Много из его людей было убито, остальные, побросав оружие, с трудом спаслись.

Мятежники, имея в своем распоряжении такую вооруженную силу, ещё смелее принялись за дело, и уже все рабы стали носить с мыслью о восстании. С каждым днем поднимались новые массы рабов, и число их росло настолько быстро, что в течение немногих дней дошло до бтыс. Сойдясь на собрание и организовав совет, они прежде всего избрали царём раба по имени Сальвий, который пользовался репутацией опытного человека в гадании по внутренностям жертвенных животных и в игре на флейте при оргиастических представлениях. Сальвий, став царём, избегал городов, считая, что пребывание в них ведёт к бездельничанью и изнеженности; разделив мятежников на три части и назначив такое же число командующих над каждой частью, он приказал им делать рекогносцировки по всей Сицилии и после них всем встречаться в определённое время в одном месте. При этих рекогносцировках рабы запаслись большим количеством животных, в том числе лошадей, и в короткое время обзавелись более чем 2тыс. всадников. Пехотинцев у них было не меньше 20 тыс., вполне подготовленных благодаря воинским упражнениям.

Неожиданно напав на укрепленный город Моргантину, мятежники начали делать энергичные и непрерывные атаки. Претор, придя ночным маршем на помощь городу и имея с собою почти 10 тыс. воинов из италийцев и сицилийцев, застал мятежников, занятых осадой. Он напал на их лагерь в то время, когда лишь небольшое количество воинов охраняло его, большое количество пленных женщин и другой разнообразной добычи. Поэтому претору удалось легко взять лагерь. Разграбив его, он пошёл к Моргантине. Мятежники в свою очередь внезапно бросились на него и благодаря стремительности удара с более высоких позиций тотчас одержали верх. Войска претора обратились в бегство. Так как царём мятежников было отдано приказание не убивать никого из тех, которые бросали оружие, то большинство, поступая так, обратилось в бегство. Перехитрив таким способом врагов, Сальвий получил обратно свой лагерь и, одержав славную победу, овладел большим количеством оружия у разбитого неприятеля. Благодаря человеколюбивому приказанию Сальвия, италийцев и сицилийцев погибло в битве не более 600, а взято в плен было около 4тыс.

Так как к Сальвию благодаря его успеху стеклось много рабов, то он удвоил свои силы. Но он имел в своих руках открытое (незащищенное) место и потому снова принялся за осаду Моргантины, объявив свободными находившихся там рабов. Так как их господа, с своей стороны, обещали им свободу, если они будут сражаться вместе с ними, то рабы предпочли получить свободу от господ и ревностно бились на их стороне. Поэтому моргантинцам удалось отделаться от осады. Претор же, отменив после этого обещание свободы, данное рабам, добился лишь того, что большинство городских рабов дезертировало к мятежникам.

В области Эгесты и Лилибея и в остальных смежных местах отложилось много рабов. Главой их сделался Афинион, киликиец родом, человек весьма мужественный. Он был управляющим двух богатых братьев. Обладая большой опытностью в деле предсказания по звездам, он подбил на восстание сначала около 200 рабов, бывших под его начальством, а затем соседних, так что в течение пяти дней вокруг него собралось более 1тыс. человек. Выбранный ими царём и надев на себя диадему, Афинион принял тактику, противоположную тактике остальных мятежников. Он не принимал в свою армию всех без различия восставших, но брал в войско лучших из них, а остальным приказывал оставаться на своей прежней работе и заботиться о своём хозяйстве, поддерживая в нём порядок. Таким путем доставлялось обильное продовольствие для воинов. Афинион прикидывался, будто боги возвестили ему посредством звезд, что он станет царём всей Сицилии. Поэтому-де необходимо беречь страну и находящихся в ней животных и запасы, как свои собственные. Наконец, собрав свыше 10 тыс. человек, он осмелился осадить ещё не разоренный город Лилибей. Испытав в этом неудачу, Афинион решил оставить осаду, говоря, что это ему приказывают боги, так как в случае продолжения её осаждающие испытают несчастье. Когда он приготавливался к отступлению от города, прибыли на кораблях отборные маврусийцы, которые были посланы на помощь лилибейцам под предводительством Гомона. Ночью он со своим отрядом напал неожиданно на передвигавшуюся армию Афиниона. Многих убив, немалое количество ранив, Гомон вошел в город. По этому случаю мятежники изумлялись предсказанию Афиниона, сделанному посредством гадания по звездам.

Всю Сицилию охватило расстройство и целая эпопея бедствий. Не только рабы, но и бедняки из числа свободных предавались всевозможным бесчинствам и грабежам, бесстыдно убивая попадавших им рабов и свободных, чтобы не было свидетелей их безумия. Поэтому все жители городов едва-едва могли считать своим лишь то, что находилось за городскими стенами, то же, что было за стенами, считали чужим и принадлежавшим рабам в силу незаконного захвата.

И немало другого необычайного приходилось испытывать многим в Сицилии. Осадив Моргантину, Сальвий делал набеги по стране вплоть до Леонтинской равнины. Собрав всё свое войско, не меньше 30 тыс. отборных воинов, он принес жертву героям Паликам и посвятил им одну из пурпурных одежд в качестве дара за победу. Провозгласив себя царем, он получил от восставших имя Трифона. Когда Сальвий намеревался завладеть Триокалой и построить там себе дворец, он послал за Афинионом, как царь за полководцем. Все думали, что Афинион станет оспаривать его первенство и что благодаря раздору между ними война легко прекратится... Но судьба, как бы нарочно увеличивая силы мятежников, сделала так, что вожди их вступили в соглашение друг с другом. Трифон быстро пришёл со своими силами в Триокалу, и Афинион прибыл туда же с 3тыс. человек, повинувшись, как командующий, царю Трифону. Остальные свои силы Афинион послал разорять страну и возмущать рабов. Затем Трифон, заподозрив Афиниона в намерении напасть на него, в подходящий момент приказал заключить его под стражу.

Самое место, которое и без того было недоступным по своему природному положению, Трифон укрепил ещё больше сложными сооружениями. Сама Триокала, говорят, называется так благодаря трем прекрасным качествам, которыми она обладает: во-первых, благодаря большому количеству родниковой воды, отличающейся своим сладковатым вкусом; во-вторых, благодаря тому, что прилегающая местность богата виноградными и масличными насаждениями и чрезвычайно удобна для земледелия; в-третьих, благодаря тому, что Триокала была превосходной крепостью, представляя собою как бы огромную неприступную скалу. Эту скалою и всеми окрестностями города, полными всевозможных жизненных припасов, обнеся всё это ещё раз стеною протяжением в 8 стадий и выкопав глубокий ров, Трифон воспользовался для постройки дворца. Он устроил и царское жилище и площадь, которая могла вместить множество народа. Из мужей, отличающихся рассудительностью, Трифон избрал достаточное число, назначил их своими советниками и пользовался ими как членами совета. При всякого рода переговорах он надевал тогу, окаймлённую пурпуром, и широкий хитон, имел ликторов с секирами и всё остальное, что составляет отличие и служит украшением царской власти.

Против мятежников римский сенат назначил Луция Лициния Лукулла, под начальством которого было 14 тыс. римлян и италийцев, 800 вифинцев, фессалийцев и акарнанцев, 600 луканцев, которыми предводительствовал Клептий, хороший командир, известный своей храбростью, и ещё 600 других, так что всего у Лукулла составила армия в 17 тыс. воинов, с которыми он и занял Сицилию.

Трифон, освободив Афиниона от выдвинутого против него обвинения, решил воевать с римлянами. Он хотел вести борьбу в Триокале, но Афинион советовал не заключать самих себя в осаду, вести борьбу в открытом поле. Так как взяло верх последнее мнение, то рабы расположились лагерем близ Скиртеи в количестве не меньшем 40 тыс. человек. Римский лагерь отстоял от них на 12 стадий. Сначала завязалась частая перестрелка, затем противники построились в боевой порядок. Успех склонялся то на од-

ну, то на другую сторону, и много народа пало с обеих сторон. Афинион, сражаясь во главе отборного отряда всадников в 200 человек, усеял трупами всё окружающее его пространство, но, раненный в оба колена, он, после того как получил ещё третью рану, выбыл из строя. Поэтому рабы пали духом и обратились в бегство. Афинион, притворившись мертвым, остался незамеченным среди трупов и в наступившую ночь скрылся.

Римляне одержали блестящую победу, так как бежали и войска Трифона и он сам. Много народу было изрублено во время бегства, так что общее число убитых было не меньше 20 тыс. Остальные под покровом ночной темноты бежали в Триокалу, хотя претору было бы легко уничтожить и этих, если бы он их преследовал. Рабы настолько пали духом, что решили было вернуться к господам и отдаться на их милость. Однако победило мнение тех, которые предлагали бороться до последней капли крови и не сдаваться врагам. Через 9 дней явился претор с намерением осадить Триокалу. То причиняя урон врагу, то сам неся потери, он в конце концов отступил, так как силы его уступали силам мятежников, и последние снова подняли голову. Из всего того, что было необходимо сделать, претор ничего не выполнил либо по собственному бездействию, либо за взятку. За это впоследствии он был предан римлянами суду и наказан. Преемник Лукулла, претор Гай Сервилий, также не совершил ничего достойного упоминания. Поэтому и он, подобно Лукуллу, впоследствии был присуждён к изгнанию. После смерти Трифона преемником его власти делается Афинион. Он без всякого противодействия со стороны Сервилия, с одной стороны, осаждал города, а с другой — смело опустошал всю страну и овладел многим... Претор Лукулл, узнав, что другой претор, Гай Сервилий, переправился через Мессинский пролив, чтобы принять от Лукулла командование, распустил солдат, сжег палисады и обоз, желая, чтобы его преемник не имел никаких сколько-нибудь значительных средств для ведения войны... На следующий год в Риме были избраны консулами Гай Марий (в пятый раз) и Гай Ацилий. Ацилий, посланный против мятежников, одержал над ними блестящую победу благодаря собственной храбрости. Он убил самого царя восставших Афиниона в героическом единоборстве, и хотя сам был ранен при этом в голову, но вылечился. Затем он выступил против остальных мятежников, которых было 10 тыс. человек. Они не стали ожидать нападения, но бежали в укрепленные места. Однако Ацилий неослабно принимал все необходимые меры, пока не покорил их осадой. Оставалась ещё тысяча рабов под предводительством Сатира. Сначала Ацилий пробовал покорить их вооруженной силой, но затем, когда они послали парламентёров и сдались, он тотчас освободил их от наказания и, отведя в Рим, сделал гладиаторами... Невольническая война в Сицилии, продолжаясь около четырех лет, имела такой трагический конец.

III. РЕФОРМИ ГРАКХІВ

№1 АППІАН ГРОМАДЯНСЬКІ ВІЙНИ, I, 7-8

Кн. I, Гл. 7. Римляне, завоевывая по частям Италию, получали тем самым в своё распоряжение часть завоеванной земли и основывали на ней города или отбирали города, уже ранее существовавшие, для посылки в них колонистов из своей среды. Эти колонии они рассматривали как укрепленные пункты. В завоёванной земле они всякий раз выделенную часть её тотчас или разделяли между поселенцами, или продавали, или сдавали в аренду, невозделанную же вследствие войн часть земли, количество которой сильно возрастало, они не имели уже времени распределять на участки, а от имени государства предлагали возделывать её всем желающим на условиях сдачи ежегодного урожая в таком размере: $\frac{1}{10}$ часть посева, $\frac{1}{5}$ насаждений. Определена была также плата и за пастбища для крупного и мелкого скота. Римляне делали всё это с целью увеличения численности италийского племени, на которое они смотрели как на племя в высокой степени трудолюбивое, чтобы иметь в своей стране союзников. Но результат получился противоположный. Дело в том, что богатые, захватив себе большую часть не разделённой на участки земли, с течением времени пришли к уверенности, что никто её никогда у них не отнимет. Расположенные поблизости от принадлежащих им участков небольшие участки бедняков богатые отчасти скупали с их согласия, отчасти отнимали силой. Таким образом богатые стали возделывать обширные пространства земли на равнинах вместо участков, входивших в состав их поместий. При этом богатые пользовались покупными рабами как рабочей силой в качестве земледельцев и пастухов, с тем чтобы не отвлекать земледельческими работами свободнорожденных от несения военной службы. К тому же обладание рабами приносило богатым большую выгоду: у свободных от военной службы рабов беспрепятственно увеличивалось потомство. Всё это приводило к чрезмерному обогащению богатых, а вместе с тем и увеличению в стране числа рабов. Напротив, число италийцев уменьшалось, они теряли энергию, так как их угнетали бедность, налоги, военная служба. Если даже они и бывали свободны от неё, всё же они продолжали оставаться бездеятельными: ведь землю владели богатые, для земледельческих же работ они пользовались рабами, а не свободнорожденными.

I, 8. С неудовольствием смотрел на всё это народ. Он боялся, что Италия не даст ему уже больше союзников в достаточном числе, да и создавшееся положение станет опасным из-за такой массы рабов. Как исправить это положение, народ не мог придумать. Оно было и тяжело, и не во всех отношениях справедливо: нельзя же было такое количество людей, владевших столь долго своим достоянием, лишить принадлежавших им насаждений, строений, всего оборудования. Некогда по предложению, внесённому народными трибунами, народ скрепя сердце постановил, что никто не может владеть из общественной земли более чем 500 югеров и занимать пастбища более чем 100 югеров для крупного скота и 500 для мелкого. Для наблюдения за исполнением этого наказа назначено было определенное число лиц из свободнорожденных, которые должны были доносить о нарушении изданного постановления. Они принесли присягу, что будут верно соблюдать постановление, ставшее законом, определили наказание за его нарушение, имея в виду остальную землю распродать между бедняками небольшими участками. Но на деле оказалось, что они вовсе не заботились о соблюдении ни закона, ни клятвы. А те из них, которые, казалось, заботились, распределили для отвода глаз землю между своими домохозяевами; большинство же относилось к соблюдению закона пренебрежительно.

№2 ПЛУТАРХ, ПОРІВНЯЛЬНІ ЖИТТЄПИСИ, ТІБЕРІЙ ГРАКХ

1. [Тиберий и Гай Гракхи] были сыновья Тиберия [Семпрония] Гракха — цензора*, дважды консула и дважды триумфатора¹, но не эти почести, а нравственная высота были главным источником его славы и достоинства. Именно поэтому он удостоился

¹ дважды триумфатора — в 179 г. до н.э. за победы в Испании и в 175 г. до н.э. за покорение Сардинии.

чести после смерти Сципиона, одержавшего победу над Ганнибалом, стать мужем его дочери Корнелии, хотя и не был другом Сципиона, а скорее его противником...

4. Едва выйдя из детского возраста, Тиберий стяжал известность столь громкую, что был удостоен жреческого сана и включен в число... *авгуров* — скорее за свои безупречные качества, нежели по благородству происхождения. Одно из доказательств этому дал Аппий Клавдий, бывший консул и цензор, внесенный первым в список римских сенаторов и величием духа намного превосходивший всех своих современников. Однажды, за общей трапезой жрецов, он дружески заговорил с Тиберием и сам предложил ему в жены свою дочь. Тот с радостью согласился; таким образом обручение состоялось, и Аппий, придя домой, ещё с порога громко крикнул жене: «Послушай, Антистия, я просватал нашу Клавдию!» Та в изумлении отвечала: «К чему такая поспешность? Уж не Тиберия ли Гракха ты нашел ей в женихи?»...

Младший Тиберий воевал в Африке под начальством второго Сципиона, который был женат на его сестре, и, так как жил с полководцем в одной палатке, скоро узнал его нрав, обнаруживавший многие черты неподдельного величия... Скоро Тиберий превзошел всех молодых храбростью и умением повиноваться. Фанний сообщает, что во время приступа Тиберий поднялся на стену первым, и добавляет, что сам он был рядом с Тиберием и разделил с ним славу этого подвига. Находясь в лагере, Тиберий пользовался горячей любовью воинов, а уехав, оставил по себе добрую память и сожаления.

5. После этого похода он был избран *квестором*, и ему выпал жребий воевать с нумантинцами под командованием консула Гая Манцина, человека в общем не плохого, но между всеми римскими военачальниками самого злополучного. Среди необычайных несчастий и на редкость тягостных обстоятельств особенно ярко просияли и острый ум, и отвага Тиберия, и... его глубокое уважение к начальнику, который под бременем обрушившихся на него бедствий уже и сам не знал, полководец он или нет.

Разбитый в нескольких больших сражениях, Манцин попытался ночью бросить лагерь и уйти из-под городских стен, но нумантинцы, проведав об этом, и лагерь немедленно захватили, и бросились в погоню за беглецами. Истребляя замыкающих, они окружили всё римское войско и принялись оттеснять его к таким местам, откуда выбраться было уже невозможно, и Манцин, отказавшись от надежды пробиться, отправил к неприятелю посланца с просьбой о перемирии и прекращении военных действий. Нумантинцы ответили, что не питают доверия ни к кому из римлян, кроме Тиберия, и потребовали, чтобы консул прислал его. Условие это они выдвинули не только из уважения к молодому человеку, о котором много говорили в войске, но и храня память об его отце, Тиберии, который, завершив войну в Испании и покоривши множество народов, с нумантинцами заключил мир и всегда старался, чтобы римский народ твердо и нерушимо его хранил. Итак, послом был отправлен Тиберий и, кое в чём заставив врага уступить, кое в чём уступивши сам, завершил переговоры перемирием и спас от верной смерти 20 тыс. римских граждан, не считая рабов и нестроевых...

8. Земли, завоёванные у соседних народов, римляне частью распродавали, а частью, обратив в общественное достояние, делили между нуждающимися и неимущими гражданами, которые платили за это казне умеренные подати. Но богачи стали предлагать казне большую подать и таким образом вытесняли бедняков, и тогда был издан закон, запрещающий владеть более, чем 500 югеров¹. Сперва этот указ обуздал алчность и помог бедным остаться на земле, отданной им внаём, так что каждый продолжал возделывать тот участок, который держал с самого начала. Но затем богачи исхитрились прибирать к рукам соседние участки через подставных лиц, а под конец уже и открыто завладели почти всей землёй, так что согнанные с насиженных мест бедняки и в войско шли без всякой охоты, и к воспитанию детей проявляли полное равнодушие, и вскорости вся Италия ощутила нехватку в свободном населении, зато всё росло число рабских темниц²: они были полны варваров, которые обрабатывали землю, отобранную богачами у своих сограждан. Делу пытался помочь ещё Гай Лелий, друг Сципиона, но, натолкнувшись на жестокое сопротивление могущественных граждан и боясь беспорядков, оставил своё намерение, за что и получил прозвище Мудрого или Рассудительного... Избранный в народные трибуны, Тиберий немедленно взялся за ту же задачу... по совету и внушению оратора Диофана и философа Блоссия. Первый был митиленским изгнанником, а второй — уроженцем самой Италии, выходящем из Кум; в Риме он близко сошелся с Антипатром Тарским, и тот даже посвящал ему свои философские сочинения. Некоторые возлагают долю вины и на Корнелию, которая часто корила сыновей тем, что римляне всё ещё зовут её тёщью Сципиона, а не матерью Гракхов. Третьи невольным виновником всего называют некоего Спурия Постумия, сверстника Тиберия и его соперника в славе первого судебного оратора: возвратившись из похода и увидев, что Спурий намного опередил его славою и силой и служит предметом всеобщего восхищения, Тиберий, сколько можно судить, загорелся желанием, в свою очередь, оставить его позади, сделав смелый, и даже опасный, но многое сулящий ход. А брат его Гай в одной из книг пишет, что Тиберий, держа путь в Нуманцию, проезжал через Этрурию и видел запустение земли, видел, что и пахари и пастухи — сплошь варвары, рабы из чужих краев, и тогда впервые ему пришел на ум замысел, ставший впоследствии для обоих братьев источником неисчислимых бед. Впрочем, всего больше разжег его решимость и честолюбие сам народ, исписывая колонны портиков, памятники и стены домов призывами к Тиберию вернуть общественную землю беднякам.

9. Тем не менее он составил свой закон не один, но обратился за советом к самым достойным и видным из граждан. Среди них были верховный жрец Красс, законовед Муций Сцевола, занимавший в ту пору должность консула, и тесть Тиберия Аппий Клавдий. И, мне кажется, никогда против такой страшной несправедливости и такой алчности не предлагали закона снисходительнее и мягче³. Тем, кто заслуживал суровой кары за самоволие, кто бы должен был уплатить штраф и немедленно расстаться с землею, которою пользовался в нарушение законов, — этим людям предлагалось, получив возмещение, уйти с полей, приобретённых вопреки справедливости, и уступить их гражданам, нуждающимся в помощи и поддержке.

При всей мягкости и сдержанности этой меры народ, готовый забыть о прошлом, радовался, что впредь беззакониям наступит конец, но богатым и имущим своекорыстие внушало ненависть к самому закону, а гнев и упорство — к законодателю, и они принялись убеждать народ отвергнуть предложения Тиберия, твердя, будто передел земли — только средство, настоящая же цель Гракха — смута в государстве и полный переворот существующих порядков. Но они ничего не достигли, ибо Тиберий отстаивал это прекрасное и справедливое начинание с красноречием, способным возвысить даже предметы, далеко не столь благородные, и был грозен, был неодолим, когда, взойдя на ораторское возвышение, окружённое народом, говорил о страданиях бедняков примерно так: дикие звери, населяющие Италию, имеют норы, у каждого есть своё место и своё пристанище, а люди, которые сражаются и умирают за Италию, не имеют ничего, кроме воздуха и света, и, лишённые крова, как кочевники, бродят повсюду с жена-

¹ Это знаменитый закон народных трибунов Секстия и Лициния (367 г. до н.э.). Впрочем, норма в 500 югеров (ок. 125 га), по-видимому, установилась лишь значительно позже.

² Греч. «десмотерии», лат. «эргастулы», бараки, куда запирали на ночь рабов, занятых на полевых работах.

³ Законопроект Тиберия Гракха состоял в следующем: во владении одной семьи не должно сосредоточиваться более 1 тыс. югеров общественной земли (500 отца и по 250 на двух старших сыновей); все излишки возвращаются в казну и распределяются между неимущими в наследственную и неотчуждаемую аренду по 30 югеров на душу.

ми и детьми. Полководцы обманывают солдат, когда на полях сражений призывают их защищать от врагов гробницы и храмы. Ведь у множества римлян нет ни отчего алтаря, ни гробниц предков, и они сражаются и умирают за чужую роскошь, чужое богатство. Их называют владыками мира, а у них нет и клочка земли.

10. На такие слова, произносимые с воодушевлением и истинной страстью и восторженно встречаемые народом, не мог возражать ни один из противников. Но, отказавшись от споров, богатые обратились к одному из трибунов, Марку Октавию, молодому человеку, известному своей скромной жизнью и строгими нравами. Октавий был товарищем и другом Тиберия и сначала уклонялся от борьбы из уважения к нему. Но затем под давлением настойчивых просьб со стороны многих влиятельных лиц, он, как бы уступая насилию, выступил против Тиберия и отклонил закон. В коллегии трибунов решающим является всегда мнение голосующего против, так как, если хоть один из них выскажется против, согласие всех остальных не имеет уже никакой силы. Тиберий, раздражённый неудачей, взял обратно свой умеренный проект и внёс другой, более благоприятный для народа и более жёсткий для обидчиков: новый закон повелевал им немедленно освободить земли, которыми они владели вопреки старым законам. Это повело к ежедневно возобновлявшейся борьбе на трибуне между Тиберием и Октавием, но и в самый разгар ожесточенной борьбы они не сказали друг о друге ни одной резкости, у них не вырвалось ни одного враждебного слова: врожденная порядочность и хорошее воспитание обуздывают ум, как видно, не только в вакхических оргиях¹, но и в порывах честолюбия и гнева.

Так как Тиберий видел, что новый закон может затронуть собственные интересы Октавия, имевшего большие государственные земли, он обратился к своему противнику с просьбой отказаться от спора и выразил при этом готовность возместить ему стоимость его земель из собственных, хотя и не очень больших, средств. Октавий не пошел на это предложение. Тогда Тиберий издал декрет, прекращавший деятельность магистратов впредь до того дня, когда закон будет поставлен на голосование; затем он запечатал собственной печатью храм Сатурна с целью лишить квесторов возможности что-либо туда вносить или оттуда брать, а преторам объявил, что, если они не станут повиноваться его распоряжениям, они подвергнутся взысканию. И испугавшись этих распоряжений, все отказались от исполнения своих обязанностей. Богатые же поспешили облечься в траурные одежды и появились на площади народного собрания, выражая на своих лицах печаль и глубокое уныние. Вместе с тем они начали тайно злоумышлять против Тиберия и даже подсылать к нему убийц, а Тиберий стал носить под платьем, не скрывая этого, короткий разбойничий кинжал, известный у римлян под названием «долон».

11. Когда же наступил день народного собрания и Тиберий созвал народ на голосование, оказалось, что богачи похитили все избирательные урны, это событие вызвало большое смятение. А так как многочисленные приверженцы Тиберия могли добиться своего силою и толпы уже сходились для этого, то бывшие консулы Манлий и Фульвий, припав к коленям Тиберия и касаясь его рук, стали слёзно умолять его отложить голосование. Тиберий, предвидя готовые вот-вот разразиться грозные события, а также испытывая уважение к Манлию и Фульвию, спросил их, как он должен, по их мнению, поступить. Те ответили, что они не властны давать советы в таком деле, и после настойчивых просьб убедили Тиберия обратиться в сенат. Но и сенат, в котором богатые имели преобладание, не сделал ничего, — и вот Тиберий, не имея возможности провести иным способом свой закон, обращается к средству предосудительному и незаконному, а именно — к отстранению Октавия от власти. Начал он, однако, с увещаний: дружески касаясь его рук, он просил Октавия уступить и удовлетворить справедливые требования народа, который довольствуется столь малой наградой за все свои великие труды и перенесенные опасности. Но Октавий ответил отказом, и тогда Тиберий заявил, что раз два трибуна, имеющие одинаковую власть, расходятся во взглядах на важные вопросы, то дело не может обойтись без вооруженной борьбы, и что он видит единственный выход из затруднения в том, чтобы один из них был отрешён от власти; пусть Октавий первый поставит на голосование вопрос о смещении его, Тиберия, — и он тотчас же вернётся к жизни частного человека, если того пожелает народ. Октавий отклонил и это предложение, после чего Тиберий объявил ему, что в таком случае он предложит проголосовать вопрос о смещении его, Октавия, если последний, подумав, не изменит решения.

12. Вслед за тем он распустил собрание. На следующий день, как только собрался народ, Тиберий поднялся на трибуну и вновь попытался убедить Октавия, но тот оставался непреклонным. Тогда Тиберий предложил принять постановление об отстранении Октавия от трибуната и тут же поставил этот вопрос на голосование. Триб насчитывалось в Риме 35. Из них 17 проголосовали против Октавия, так что, если бы к ним присоединилась хоть одна триба, Октавию пришлось бы вернуться к частной жизни. Тут Тиберий приказал приостановить голосование и, обратившись к Октавию, поцеловал его перед всем народом и долго умолял не подвергать себя бесчестию, а его, Тиберия, не принуждать к столь суровым и крайним мерам. Октавий, говорят, выслушал эти просьбы, не выказывая непреклонности и упорства; глаза его наполнились слезами, и он долго молчал; но когда взор его упал на стоявших толпой богачей и собственников, он, по-видимому, устыдившись и боясь опозориться в их глазах, смело решился претерпеть всё до конца и заявил, что Тиберий может поступить с ним, как захочет.

Таким образом, постановление было принято, и Тиберий приказал одному из своих вольноотпущенников (он всегда пользовался этими людьми как ликторами) силой свести Октавия с трибуны. Жалок был вид насильно влекомого Октавия. Народ бросился на него, но богатые подоспели на помощь и разняли дерущихся. Октавий едва спасся: его выхватили из толпы, и он избежал таким образом опасности. Но у верного его раба, стоявшего перед ним и защищавшего его, вырвали глаз. Все это произошло против воли Тиберия, который, лишь только увидел, что происходит, поспешно сбежал с трибуны.

13. Вслед за тем закон о разделе земли был утверждён. Для обследования земель и раздела их были избраны трое: сам Тиберий, его тесть Аппий Клавдий и его брат Гай Гракх, который находился в это время в отсутствии, так как служил под начальством Сципиона в Нуманции. Спокойно, без помехи закончив это дело, Тиберий поставил на место Октавия не кого-либо из знатных людей, а некоего Муция, своего же собственного клиента. Знать, негодуя на это и страшась возвышения Тиберия, старалась в сенате всячески его унижить. Так, например, когда он попросил, согласно обычаю, дать ему за счёт государства палатку, необходимую во время работ по разделу земли, ему отказали, между тем как другие и при меньшей необходимости часто получали такие палатки. Затем, на текущие расходы ему было назначено всего лишь по девяти оболов в день², согласно предложению Публия Назики, люто ненавидевшего Тиберия. Назика захватил в свои руки большое количество общественных земель и был в ярости от того, что теперь приходится с ними расставаться. Народ же всё более распалялся. Случилось так, что умер скоростижно один из друзей Тиберия, причём на теле появились подозрительные пятна. Узнав об этом, народ сбежался к похоронному шествию с криками, что человек отравлен, понёс ложе и затем окружил костёр умершего. Подозрения в отравлении ещё усилились, когда кожа на трупе лопнула и из него вытекло такое количество влаги, что погасло пламя костра; принесли огня, но костёр не разгорался, пока его не сложили в другом месте, да и тут удалось разжечь его лишь с большим трудом. Надев траурную одежду и ещё более

¹ Реминисценция из Еврипида, «Вакханки», 317; «И в празднествах вакхических // Не развратится та, что целомудренна».

² Т.е. полтора денария в день — издевательский прожиточный минимум.

возбуждая этим толпу, Тиберий вывел своих детей на площадь и обратился к народу с просьбой взять их вместе с матерью под свою защиту, так как сам он не надеется спастись.

14. После смерти пергамского царя Аттала Филометора [133 г. до н.э.] пергамец Эвдем привёз в Рим его завещание, в котором римский народ объявлялся наследником царя. Тиберий, стараясь угодить народу, тотчас внёс закон о том, чтобы царские деньги были употреблены на оказание помощи тем, между которыми была развёрстана земля, при первом обзаведении и налаживании хозяйства. Вместе с тем Тиберий заявил, что вопрос о том, как поступить относительно принадлежавших Атталу городов, совершенно не касается сената и что он сам предложит народу решить дело. Этим он вызвал чрезвычайное раздражение сената. Помпей, поднявшись с места, сообщил, что он живет по соседству с Тиберием и поэтому ему хорошо известно, что Эвдем передал Тиберию диадему и порфиру пергамских царей как лицу, которому предстоит царствовать в Риме. А Квинт Метелл корил Тиберия примером его отца: всякий раз, говорил Метелл, когда Тиберий-отец, в бытность свою цензором, возвращался с ужина домой, все граждане тушили огни, боясь, как бы цензору не показалось, что они слишком долго засиделись в гостях или бражничали: а Тиберию-сыну самому освещают путь ночью, притом люди из черни, самые отчаянные и негодные. Тит Анний, человек незначительный и небольшого ума, но считавшийся непобедимым в спорах, просил Тиберия дать определенный и недвусмысленный ответ, подверг ли он унижению своего товарища по должности — лицо, согласно законам, священное и неприкосновенное. В сенате поднялся шум, а Тиберий бросился вон из курии, стал скликать народ и распорядился привести Анния, чтобы безотлагательно выступить с обвинением. Анний, который намного уступал Тиберию и в силе слова и в доброй славе, решил укрыться под защитой своей находчивости и призвал Тиберия, прежде чем он начнёт речь, ответить на один небольшой вопрос. Тиберий согласился, и когда все умолкли, Анний спросил: «Если ты вздумашь унижать меня и бесчестить, а я обращусь за помощью к кому-нибудь из твоих товарищей по должности и он заступится за меня, а ты разгневаешься, — неужели ты и его отретишь от власти?» Вопрос этот, как сообщают, поверг Тиберия в такое замешательство, что при всей непревзойденной остроте своего языка, при всей своей дерзости и решимости он не смог раскрыть рот.

15. Итак, он в тот раз распустил собрание; но, чувствуя, что в поступке его с Октавием не только знать, но и народ видит проявление чрезмерного усердия (им казалось, что достоинство римского трибуна, до того дня сохранявшееся во всем его величии и блеске, теперь попорчено и погублено), он обратился к народу с речью, из которой будет уместно привести некоторые доводы, дающие представление об убедительности и содержательности его слов.

«Народный трибун, — говорил Тиберий, — есть лицо священное и неприкосновенное, ибо деятельность его посвящена народу и защите его интересов. Но если трибун, отвратившись от народа, причиняет ему вред, умаляет его власть, препятствует ему голосовать, то он сам отрешает себя от должности, так как не исполняет своего долга. Пусть он разрушил бы Капитолий, поджег арсенал, — и такого трибуна можно было бы в крайности терпеть. Поступая так, он был бы дурным трибуном; но тот, кто ниспровергает власть народа, уже не трибун. Терпимо ли, что трибун может изгнать даже консула, а народ не имеет права лишить власти трибуна, которой он злоупотребляет народу же во вред. Ведь народ выбирает одинаково и консула и трибуна. Царская власть вмещает в себе все государственные должности и, сверх того, возводится священнодействиями и торжественными обрядами на степень божественной; и все-таки Рим изгнал Тарквиния, приносившего вред государству, и эта древняя власть, создавшая Рим, была упразднена из-за вины одного человека. Есть ли у нас святыня, более чтимая, чем девы-весталки, хранительницы неугасимого огня. Но, если одна из них впадает в грех, её живой зарывают в землю, ибо, согрешая перед богами, они теряют неприкосновенность, через богов же им и дарованную. Итак, недопустимо и то, чтобы трибун, погрешивший против народа, сохранил неприкосновенность, полученную от того же народа, ибо он подрывает ту самую силу, которая его возвысила. Если за трибуна подали свои голоса большинство триб, то это значит, что он получит трибунат по всей справедливости; так не будет ли ещё более справедливым отнять у него трибунат, если против него голосовали все трибы. Нет ничего столь священного и неприкосновенного, как приношения богам. Однако же никто не препятствует народу пользоваться этими предметами, трогать их и переносить с места на место. Так и власть трибуна народ имеет право перенести с одного человека на другого. Не может эта власть считаться неприкосновенной и несменяемой: ведь люди, облеченные ею, сами нередко от нее отказываются».

16. Таковы главные доводы, которые Тиберий приводил в свою защиту. Друзья Тиберия, видя, что враги объединяются против него и угрожают ему, считали необходимым, чтобы он вторично добился трибуната на следующий год: поэтому Тиберий вновь искал расположения народа, внося новые законы, которые сокращали срок военной службы, устанавливали право апелляции к народу на судебные решения и присоединяли к сенаторам, которые до тех пор одни исполняли обязанности судей, равное им число судей из всадников. Стремясь ослабить таким образом власть сената, Тиберий руководствовался скорее чувством гнева и раздражения, чем соображениями справедливости и пользы. При голосовании новых законов сторонники Тиберия заметили, что верх берет противная сторона (не весь народ оказался налицо); тогда они перешли к выступлениям, содержащим брань против других трибунов и благодаря этой уловке затянули время, а затем распустили собрание, перенеся его на следующий день. Словно убитый горем сошёл Тиберий с трибуны, со слезами на глазах обратился к народу и сказал, что боится, как бы ночью враги не ворвались в его дом и не убили его самого. Слова эти так сильно действовали на людей из народа, что они во множестве явились к его дому и провели там всю ночь, охраняя его.

17. С наступлением дня хранитель священных кур вынес их и насыпал им корму. Но они не вышли наружу, кроме одной, несмотря на то, что сторож старательно встряхивал клетку, — да и эта единственная курица не тронула корма, а лишь приподняла левое крыло, вытянула лапку и затем убежала обратно в клетку. Предзнаменование это напомнило Тиберию о другом, явленном ему раньше. Был у него замечательный, великолепно изукрашенный боевой шлем. В него проникли змеи, никем не замеченные, положили туда свои яйца и вывели детенышей. Воспоминание об этом усилило в Тиберии тревогу, вызванную случаем с курами. Тем не менее он вышел из дому, чтобы подняться на Капитолий, узнав, что там собрался народ, но перед выходом так ударился ногою о порог, что сильно поранил её: ноготь большого пальца оказался сломанным и сквозь обувь выступила кровь. Пройдя затем несколько шагов, он увидел с левой стороны дерущихся на крыше воронов. Здесь, конечно, проходило много народа, но камень, столкнутый одним из воронов, упал к ногам Тиберия. Этот случай озадачил самых смелых из его приверженцев, но проходивший тут же Блоссий, из Кум, сказал, что велик будет стыд и позор, если Тиберий, сын Гракха, внук Сципиона Африканского и вождь римского народа, испугавшись ворона, не отзовется на призыв сограждан; в стане врагов этот позор Тиберия, конечно, не вызовет смеха, но они не замедлят прокричать в народе, что он своевольничает и ведёт себя, как тиран. В это же время к Тиберию прибежали... посланцы от друзей, собравшихся у Капитолия, и убеждали его поскорее идти туда, уверяя, что всё идёт хорошо. И действительно, сначала всё шло для Тиберия замечательно: лишь только он поднялся на Капитолий, друзья приняли его, выражая ему свою преданность, и сомкнулись вокруг него, чтобы никто из незнакомых людей не мог к нему приблизиться.

18. Но когда Муций стал снова собирать голоса по трибам, он не смог ничего добиться, так как противники, проталкиваясь вперед, беспорядочно мешаясь, теснимые и тесня других, произвели невероятную суматоху. В это время сенатор Фульвий Флакк,

не надеясь быть услышанным в суматохе, стал на видном месте и сделал знак рукою, показывая этим, что имеет нечто сообщить Тиберию наедине. Тиберий приказал толпе раздаться, и Флакк, с трудом поднявшись и подойдя к Тиберию, сообщил ему, что на заседании сената богатые, после безуспешных попыток привлечь на свою сторону консула, сговорились между собою убить его, Тиберия, и имеют для этого наготове большое число вооруженных рабов и друзей.

19. Как только Тиберий сообщил близстоящим об этом заговоре, те тотчас же опоясали свои тоги, разломали жерди, с помощью которых ликторы оттесняли толпу, и вооружились этими обломками, готовясь защищаться в случае нападения. В задних же рядах люди удивлялись происходившему и спрашивали, в чём дело. Тогда Тиберий, голос которого они не могли слышать, коснулся рукой головы, желая дать понять, что ему угрожает опасность. Но враги, увидев этот жест, тотчас побежали в сенат с вестью, будто Тиберий требует короны; прикосновение к голове, говорили они, служит верным тому знаком.

Все пришли в смятение, и Назика стал требовать от консула, чтобы тот спас Рим и казнил тирана. Но консул мягко ответил, что он не положит начала насилию и никого из граждан не предаст смерти без суда, а если бы народ, уступив убеждениям Тиберия или насилию с его стороны, вынес какое-нибудь противозаконное постановление, то он, консул, такого постановления не утвердил бы. Тогда Назика, вскочив с места, сказал: «Так как высший представитель власти предаёт республику, то предлагаю всем, кто хочет помочь мне сохранить законность, следовать за мною». С этими словами Назика, подняв край одежды и прикрыв им голову, устремляется к Капитолию. За ним спешат другие, обернув руку тогую и расталкивая встречающих; все уступают дорогу столь знатным людям и разбегаются, тесня друг друга. Люди, окружавшие сенаторов, вооружились принесенными из дому дубинами и палками, а сами сенаторы — обломками и ножками разбитых толпою скамеек, и все они двинулись на Тиберия, нанося удары тем, кто защищал его; тут началось избиение и повальное бегство. Побежал и Тиберий, но кто-то схватил его за одежду; он же, сбросив тогу, бежал в одном хитоне, но споткнулся и упал на людей, упавших ранее, а когда он поднялся, то Публий Сатурей, один из трибунов, нанёс ему по голове, на виду у всех, первый удар ножкою скамейки. Второй удар приписывал себе Луций Руф, хвастаясь этим, как каким-то прекрасным подвигом. Всего было убито более 300 человек дубинами и камнями, железом же — ни один.

20. ...Этот раздор, первый в Риме со времени низвержения царской власти, окончился кровопролитием и убийством граждан; другие не менее сильные и не попусту возникшие раздоры всякий раз утихали благодаря взаимным уступкам: люди сильные уступали из страха перед народом, а народ — из уважения к сенату. Надо полагать, что и в данном случае Тиберий охотно уступил бы увещаниям; ещё легче уступил бы он, если бы обошлось без кровопролития и убийств, так как общее число его приверженцев не превышало 3 тысяч. Но, как видно, злоба и ненависть главным образом сплотили против него богачей, а вовсе не те соображения [т.е. будто бы Тиберий потребовал для себя царской власти], которые они использовали как предлог для побоища. Что именно так оно и было свидетельствует зверское и беззаконное надругательство над трупом Тиберия. Несмотря на просьбы брата, враги не разрешили ему забрать тело и ночью предать погребению, но бросили Тиберия в реку вместе с другими мертвыми. Впрочем, это был ещё не конец: иных из друзей убитого они изгнали без суда, иных хватали и казнили. Погиб и оратор Диофан. Гая Биллия посадили в мешок, бросили туда же ядовитых змей и так замучили. Блоссия привели к консулам, и в ответ на их расспросы он объявил, что слепо выполнял все приказы Тиберия. Тогда вмешался Назика: «А что если бы Тиберий приказал тебе сжечь Капитолий?» Сперва Блоссий стоял на том, что Тиберий никогда бы этого не приказал, но вопрос Назики повторили многие, и, в конце концов, он ответил: «Что же, если бы он распорядился, я бы счёл для себя честью исполнить. Ибо Тиберий не отдал бы такого распоряжения, не будь оно на благо народу». Блоссию удалось избежать гибели, и позже он отправился в Азию к Аристоннику; а после его разгрома Блоссий лишил себя жизни.

21. Сенат, заискивая перед народом ввиду последних событий, уже не препятствовал разделу земель и предложил выбрать, вместо Тиберия, другого, кто займётся определением границ участков. Приступив к голосованию, народ избрал Публия Красса, находившегося в свойстве с Гракхами, так как дочь его Лициния была замужем за Гаем Гракхом... Тем не менее народ всё ещё был удручён смертью Тиберия, и видно было, что он ждёт лишь подходящего момента, чтобы отомстить. Уже угрожали судом Назике, и сенат отправил последнего без всякой надобности в Азию, опасаясь за его судьбу, так как люди не скрывали, встречаясь с ним, своей вражды, но ожесточились и при каждом удобном случае кричали ему, что он проклятый богами тиран и святотатец, осквернивший самую чтимую в Риме святыню¹ убийством человека, неприкосновенность которого освящена законом. Итак, Назика покинул Италию, несмотря на то, что он как верховный жрец был тесно связан с Римом обязанностями по совершению торжественных жертвоприношений. Скитаясь бесславно на чужбине, он вскоре умер близ Пергама. Нет ничего удивительного в том, что народ до такой степени возненавидел Назику, если даже и Сципион Африканский, человек, который пользовался... такой любовью римлян, как никто другой, чуть было совсем не лишился благоволения народа за то, что сначала в Нуманции, узнав о смерти Тиберия, воскликнул, цитируя Гомера: «Так да погибнет каждый, свершающий дело такое!», а затем, когда Гай Гракх и Фульвий спросили его в народном собрании, что он думает о кончине Тиберия, Сципион нелестно отозвался о его политической деятельности. С тех пор народ не стеснялся перебивать его в речах, чего раньше никогда не случалось а сам Сципион дошёл до того, что оскорблял, народ бранными словами...

№2

НАДПИС ПОПІЛІЯ ЛЕНАТА (132 р. до н.е.)

У Луканському селищі Полла, де знаходився форум Попілія, була споруджена Публієм Попілієм, сином Гая Лената, у рік його консульства (132 р. до н.е.) пам'ятна дошка з переліком його розпоряджень, що заслуговують похвали. Римська миля = 1480 м.

Я проехал от Регия до Капуи и на этом пути на всех местах поставил милевые столбы с надписями. А именно:

до Нуцерии	51 миля
до Капуи	84 мили
до Мурана	64 мили
до Козентии	123 мили
до Валентии	180 миль
до пролива и статуи	231 миля
до Регия	237 миль
всего от Капуи до Регия	231 миля

¹ Т.е. храм Юпитера Капитолийского; собрание происходило на площади перед ним.

Кроме того, будучи претором в Сицилии, я сыскал беглых рабов из Италии и вернул 917 человек¹. Я же первый сделал так, чтобы пастухи ушли с общественного поля в угоду землепашцам². Я отстроил форум и воздвиг здесь общественные здания.

№3 ПЛУТАРХ ПОРІВНЯЛЬНІ ЖИТТЄПИСИ, ГАЙ ГРАКХ

1. После гибели Тиберия Гай в первое время, то ли боясь врагов, то ли с целью восстановить против них сограждан, совершенно не показывался на форуме и жил тихо и уединенно, словно человек, который не только подавлен и удручен обстоятельствами, но и впредь намерен держаться в стороне от общественных дел; это давало повод для толков, будто он осуждает и отвергает начинания Тиберия. Но он был ещё слишком молод, на девять лет моложе брата, а Тиберий умер, не дожив до тридцати. Когда же с течением времени мало-помалу стал обнаруживаться его нрав, чуждый праздности, изнеженности, страсти к вину и к наживе, когда он принялся оттачивать свой дар слова, как бы готовя себе крылья, которые вознесут его на государственном поприще, с полною очевидностью открылось, что спокойствию Гая скоро придет конец. Защищая как-то в суде своего друга Веттия, он доставил народу такую радость и вызвал такое неистовое воодушевление, что все прочие ораторы показались в сравнении с ним жалкими мальчишками, а у могущественных граждан зародились новые опасения, и они много говорили между собою, что ни в коем случае нельзя допускать Гая к должности трибуна. По чистой случайности ему выпал жребий ехать в Сардинию квестором при консуле Оресте, что обрадовало его врагов и несколько не огорчило самого Гая. Воинственный от природы и владевший оружием не хуже, чем тонкостями права, он, вместе с тем, ещё страшился государственной деятельности и ораторского возвышения, а устоять перед призывами народа и друзей чувствовал себя не в силах и потому с большим удовольствием воспользовался случаем уехать из Рима. Правда, господствует упорное мнение, будто Гай был самым необузданным искателем народной благосклонности и гораздо горячее Тиберия гнался за славою у толпы. Но это ложь. Напротив, скорее по необходимости, нежели по свободному выбору, сколько можно судить, занялся он делами государства. Ведь и оратор Цицерон сообщает, что Гай не хотел принимать никаких должностей, предпочитал жить в тишине и покое, но брат явился ему во сне и сказал так: «Что же ты медлишь, Гай? Иного пути нет. Одна и та же суждена нам обоим жизнь, одна и та же смерть в борьбе за благо народа!»

2. В Сардинии Гай дал всесторонние доказательства своей доблести и нравственной высоты, намного превзойдя всех молодых и отвагих в битвах и справедливость к подчиненным, и почтительной любовью к полководцу, а в воздержности, простоте и трудолюбии оставив позади и старших. Зимою, которая в Сардинии на редкость холодна и нездорова, консул потребовал от городов теплого платья для своих воинов, но граждане отправили в Рим просьбу отменить это требование. Сенат принял просителей благосклонно и отдал консулу приказ одеть воинов иными средствами, и так как консул был в затруднении, а воины меж тем жестоко мерзли, Гай, объехавши города, убедил их помочь римлянам добровольно. Весть об этом пришла в Рим, и сенат был снова обеспокоен, усмотрев в поведении Гая первую попытку проложить себе путь к народной благосклонности. И, прежде всего, когда прибыло посольство из Африки от царя Миципсы, который велел передать, что в знак расположения к Гаю Гракху он отправил полководцу в Сардинию хлеб, сенаторы, в гнев, прогнали послов, а затем вынесли постановление: войско в Сардинии сменить, но Ореста оставить на прежнем месте — имея в виду, что долг службы задержит при полководце и Гая. Гай однако ж, едва узнал о случившемся, в крайнем раздражении сел на корабль и неожиданно появился в Риме, так что не только враги хулили его повсюду, но и народу казалось странным, как это квестор слагает с себя обязанности раньше наместника. Однако, когда против него возбудили обвинение перед цензорами, Гай, попросив слова, сумел произвести полную перемену в суждениях своих слушателей, которые под конец были уже твердо убеждены, что он сам — жертва величайшей несправедливости. Он прослужил в войске, сказал Гай, двенадцать лет, тогда как обязательный срок службы — всего десять, и пробыл квестором при полководце три года, тогда как по закону мог бы вернуться через год. Единственный из всего войска, он взял с собою в Сардинию полный кошелек и увёз его оттуда пустым, тогда как остальные, выпив взятое из дому вино, везут в Рим амфоры, доверху насыпанные серебром и золотом.

3. Вскоре Гая вновь привлекли к суду, обвиняя в том, что он склонял союзников к отпадению от Рима и был участником раскрытого во Фрегеллах заговора³. Однако он был оправдан и, очистившись от всех подозрений, немедленно стал искать должности трибуна, причём все, как один, известные и видные граждане выступали против него, а народ, поддерживавший Гая, собрался со всей Италии в таком количестве, что многие не нашли себе в городе пристанища, а [Форум всех не вместил] и крики голосующих неслись с крыш и глинобитных кровель домов. Власть имущие лишь в той мере взяли над народом верх и не дали свершиться надеждам Гая, что он оказался избранным не первым, как рассчитывал, а четвертым. Но едва он занял должность, как тут же первенство перешло к нему, ибо силою речей он превосходил всех своих товарищей-трибунов, а страшная смерть Тиберия давала ему право говорить с большой смелостью, оплакивая участь брата. Между тем он при всяком удобном случае обращал мысли народа в эту сторону, напоминая о случившемся и приводя для сравнения примеры из прошлого — как их предки объявили войну фалискам, за то что они оскорбили народного трибуна, некоего Генуция, и как казнили Гая Ветурия, за то что он один не уступил дорогу народному трибуну, проходившему через форум. «А у вас на глазах, — продолжал он, — Тиберия насмерть били дубьём, а потом с Капитолия волокли его тело по городу и швырнули в реку, у вас на глазах ловили его друзей и убивали без суда! Но разве не принято у нас искони, если на человека взведено обвинение, грозящее смертною казнью, а он не является перед судьями, то на заре к дверям его дома приходит трубач и звуком трубы ещё раз вызывает его явиться, и лишь тогда, но не раньше, выносятся ему приговор?! Вот как осторожны и осмотрительны были наши отцы в судебных делах».

4. Заранее возмущив и встревожив народ такими речами — а он владел не только искусством слова, но и могучим, на редкость звонким голосом, — Гай внёс в народное собрание два закона, из которых один лишал всякого гражданина права вторично занимать должность, с которой он был смещён по воле народа, а другой предавал народному суду должностных лиц, виновных в изгнании граждан без суда. Первый из них явно лишал власти Марка Октавия, смещённого с должности по настоянию Тиберия, а второй был направлен прямо против Попилия, который в бытность свою претором изгнал друзей Тиберия. Но Попилий, не дожидаясь суда, бежал из Италии, а первый закон был взят обратно самим Гаем: он объявил, что прощает Октавия по просьбе матери своей Корнелии. Народ приветствовал эту милость из уважения к Корнелии, которую он чтит не менее ради сыновей, чем ради отца её Сципиона, и которой впоследствии была поставлена медная статуя с надписью: «Корнелия, мать Гракхов». Часто вспоминают несколько метких, но слишком резких слов Гая, сказанных в защиту матери одному из врагов. «Ты, — воскликнул он, —

¹ Имеется в виду прославление Попилия за то, что он, не казнив беглых рабов, вернул их господам.

² Имеется в виду земельный закон Тиберия Гракха (162-133 гг. до н.э.), проведённый им в 133 г. до н.э. — за год до консульства Попилия.

³ раскрытого во Фрегеллах заговора — в этом городе в 125 г. до н.э. вспыхнуло восстание италиков, подавленное претором Л. Опимием, будущим противником Гая Гракха.

смеешь хулить Корнелию, которая родила на свет Тиберия Гракха?!» И, так как за незадачливым хулителем была дурная слава человека изнеженного и распутного, продолжал: «Как у тебя только язык поворачивается сравнивать себя с Корнелией! Ты что, рожал детей, как она? А ведь в Риме каждый знает, что она дольше спит без мужчины, чем мужчины без тебя!»...

5. Из законов, внесённых Гаем на пользу народа и для ослабления власти сената, один закон, земельный, предусматривал наделение беднейших граждан землею, другой, военный, повелевал, во-первых, снабжать солдат одеждою за счёт государства без уменьшения их жалованья и, во-вторых, не зачислять в солдаты граждан, не достигших семнадцати лет, третий закон касался союзников и предоставлял всем италикам право голоса наравне с римскими гражданами, четвертый, хлебный, снижал для бедных граждан цены на хлеб и, наконец, пятый закон, касавшийся судопроизводства, лишал сенаторов большей части их силы. Ведая всеми судебными делами, сенаторы держали в страхе народ и всадников. Гай же присоединил к сенаторам-судьям, которых было триста, столько же всадников и таким образом учредил общий суд из шестисот судей. Проведению этого закона Гай, говорят, придавал особое значение: до него все ораторы говорили, становясь лицом к сенату и так называемому комицию, а Гай впервые тогда стал говорить, обернувшись к сенату спиной, а лицом к площади, и с тех пор так всегда и поступал. Так Гай одним лишь простым поворотом сделал важное дело; он этим как бы придал аристократическому строю демократический характер, заставив ораторов обращаться в речах к народу, а не к сенату.

6. Народ не только принял судебный закон, но предоставил Гаю право выбирать по личному усмотрению судей из всадников. Это право облакало его как бы властью монарха, так что сенату приходилось теперь при решении дел руководствоваться его мнением. Но он подавал всегда лишь такие советы, которые отвечали достоинству сената. Примером тому может служить справедливейшее, действительно превосходное решение по делу о хлебе, присланном пропретором Фабием из Испании. Гай убедил сенат распродать хлеб, стоимость его возместить испанским городам, а Фабию выразить порицание за то, что он своими поборами делает римскую власть невыносимо тягостной для местного населения. Этим Гай приобрёл в провинциях великую силу и любовь. В дальнейшем им были выработаны постановления о выводе колоний, о постройке дорог и устройстве общественных амбаров для хлеба. Руководить и распоряжаться всеми этими работами взялся он сам, причем не только не терял бодрости посреди стольких важных забот, но все удивлялись, с какой быстротою и трудоспособностью он справлялся со всяким делом, как будто это было его единственной заботой. Люди, относившиеся к нему с ненавистью или со страхом, — и те изумлялись его распорядительности и умению. Народ же восхищался, видя его, окружённого толпой подрядчиков, ремесленников, послов, магистратов, солдат и ученых, когда он приветливо разговаривал с каждым, при всей своей обходительности никогда не теряя собственного достоинства; с каждым умел он обойтись и этим показал, как клеветали на него те, кто отзывался о нём как об опасном, всегда грубом, способном к насилию человеке. Так в отношениях с людьми и практических делах он был ещё более сильным народным вождем, чем в речах, произносимых с трибуны.

7. Больше всего труда положил он на проведение дорог, стараясь совместить в них пользу с красотой. Дороги прокладывал он прямые, как стрела, и мостил их отёсанным камнем, местами же укреплял плотно утрамбованным песком; встречавшиеся ущелья, овраги и промоины от весеннего половодья засыпались или перекрывались мостами, так что дороги повсюду получались красивые, совершенно ровные и одинаковой ширины. Все дороги, притом, были размерены на мили (в миле около 8 стадиев*), причём каждая из них отмечалась каменным столбом, а через меньшие промежутки клались по обеим сторонам дороги ещё другие камни, с которых легко было садиться на лошадей без помощи конюхов¹.

8. Народ прославлял Гаю за эти труды и выражал готовность исполнить всё, что он пожелает, лишь бы угодить ему. И вот однажды он обратился к народу с просьбой оказать ему милость, добавив при этом, что исполнение просьбы было бы ему дороже всего, отказ же не вызовет с его стороны ни малейшего неудовольствия. Эти слова были истолкованы, как просьба о консулате, причём все ожидали, что он будет вместе с тем домогаться и должности трибуна. Однако в день консульских выборов, среди всеобщего напряженного ожидания, он появился на Марсовом поле, ведя с собой Гаю Фаннию, и затем, при поддержке друзей, выдвинул его кандидатуру. Это дало Фаннию перевес, и он прошел в консулы, а Гай без каких-либо хлопот и домогательств, а только из-за любви к нему народа, был вторично выбран народным трибуном. Но, убедившись вскоре, что сенат ему явно враждебен и что сам Фанний охладил к нему, Гай стал опять искать опоры в народе, внося новые законы: о выводе колоний в Тарент и Капую и о даровании гражданских прав всем латинянам. Тогда сенат, опасаясь, что скоро всякая борьба с Гаем окажется невозможной, попытался отвлечь от него народ новым, неслыханным до того приемом, угождая и потворствуя народу в противовес Гаю и не считаясь при этом с общим благом.

В числе товарищей Гаю по трибунату находился некий Ливий Друз, человек, не уступавший никому из римлян ни в знатности происхождения, ни в воспитании: по внутренним же дарованиям, красноречию и богатству он мог спорить с людьми самыми уважаемыми и влиятельными. К этому-то Друзу и обратилась знать, стараясь уговорить его выступить против Гаю и перейти на её сторону для совместных действий, не противоборствуя и не противясь воле народа, а угождая народу в таких вещах, неосуществление которых, если бы и навлекло на него неудовольствие народа, принесло бы ему зато больше чести.

9. И Друз отдал свою трибунскую власть в распоряжение сената. Он стал проводить законы, в которых не было ничего хорошего и полезного, стремясь лишь к тому, чтобы превзойти Гаю лестью и угодливостью перед народом, словно в комедийном состязании. Такая политика ясно показывает, что враждебность сената была направлена не против законодательства Гаю, а против него самого и что сенат искал лишь способа погубить или, по крайней мере, ослабить его. Так, например, когда Гай внёс предложение об отправке двух колоний в составе наиболее зажиточных граждан, знать обвинила его в заискивании перед народом, а когда Ливий отправил целых 12 новых колоний² по 3 тыс. человек в каждой, набрав для них беднейших граждан, то мера, эта была одобрена. Затем Гаю было выражено порицание от сената как развратителю народа за то, что он наделил бедняков землею, обусловив пользование ею платежами в государственную казну; Ливий освободил земли от этой повинности, и сенат остался доволен. Гай даровал право гражданства всем латинянам, и сенат встревожился; Ливий внёс закон, запрещавший наказывать палочными ударами латинян даже во время прохождения ими военной службы, и сенат поддержал это предложение. Вместе с тем Ливий, выступая перед народом, каждый раз уверял, что такой-то закон вносится им по указанию сената, заботящегося о благе народа, и только эта сторона его политической деятельности была полезной, ибо под влиянием таких речей народ стал мягче относиться к сенату и знати, которую он до этого времени ненавидел и презирал. Ливий смягчил в народе эти чувства злопамятства и вражды, убедив его, что все законы проводились по указанию сенаторов с целью удовлетворить народ и сделать ему угодное.

¹ До Гаю дороги у римлян служили прежде всего стратегическим целям; Гай же заботился о них как о средстве доставки хлеба для народных нужд.

² Для такого количества колоний в Италии не хватило бы незанятой земли, и это скомпрометировало бы идею и репутацию Гракха. Конечно, эти 12 колоний так и остались в проекте.

10. Глубокая вера в Друза как народолюбца и справедливого человека поддерживалась в массах тем фактом, что ни в одном из проведенных им законов он не думал о себе и своей личной выгоде. Так, при отправке колоний он никогда не назначался руководителем, никогда не принимал на себя и заведывания денежными суммами, тогда как Гай в большинстве случаев брал в свои руки заведывание подобными делами, притом наиболее важными.

Одним из трибунов, Рубрием, был проведен закон о выводе колоний в разрушенный Сципионом Карфаген; руководителем по жребии был назначен Гай, который и отплыл в Ливию. Тогда Друз, воспользовавшись отсутствием Гая, начал действовать более усиленно, стараясь привлечь народ на свою сторону и направляя свои выпады, главным образом, против друга Гая, Фульвия, одного из трибунов, избранных одновременно с Гаем для развёрстки земель. Это был человек беспокойный, сенату явно ненавистный и неблагонадежный даже в глазах других граждан, так как подозревался в возбуждении союзников против Рима и тайном подстрекательстве италиков к восстанию. Подозрения эти высказывались без каких-либо доказательств и улик, но Фульвий сам поддерживал веру в их справедливость своим поведением как человек взбалмошный и далеко не миролюбивый. Это главным образом и погубило Гая, навлекши на него ненависть. Когда неожиданно и без каких бы то видимых причин умер Сципион Африканский и оказалось, что на его теле есть знаки ударов и насильственной смерти, как об этом сказано в жизнеописании Сципиона, то обвинение пало, главным образом, на Фульвия, так как он выказал себя врагом Сципиона, а в самый день смерти последнего оскорбил его с трибуны, однако подозрения коснулись и Гая. И это ужасное преступление, жертвой которого пал знаменитейший и величайший в Риме человек, не получило возмездия и даже не было расследовано, так как народ воспротивился этому и прекратил судебное следствие из опасения, как бы при розыске Гай не оказался замешанным в деле. Вот что произошло вначале.

11. Устройство же в Африке, на месте Карфагена, колонии, которую Гай назвал Юнонией, по-гречески Градом Геры [Герей]¹, сопровождалось, как говорят, неблагоприятными предзнаменованиями. Первое знамя порывом ветра, несмотря на усилия знаменосца удержать его в руках, было разнесено на части. Тот же порыв ветра раскидал лежавшие на алтарях внутренности жертвенных животных и унёс их за намеченную черту города, а самые пограничные столбы были вырыты набежавшими волками и далеко ими унесены. И тем не менее, в течение всего лишь семидесяти дней Гай успел всё устроить и наладить: вслед за тем он отплыл в Рим, так как узнал о преследованиях, которым подвергается Фульвий со стороны Друза, и видел, что дела требуют его присутствия в Риме. Дело в том, что Луций Опимий, человек, близко стоявший к олигархической группе и пользовавшийся большим влиянием в сенате, на выборах в консулы в предшествующем году потерпел неудачу, потому что Гай, устранив его, выдвинул Фанния. Но в этом году Опимий, поддержанный многочисленной партией, твёрдо рассчитывал добиться консульства, а став консулом, низвергнуть Гая, тем более, что влияние последнего до известной степени уже ослабело, так как народ, привыкший к политике поблажек, поддерживаемой уступчивостью сената, был избалован этим способом управления.

12. Прибыв в Рим, Гай начал с того, что переселился с Палатинского холма поближе к простому народу, в часть города, расположенную ниже форума и заселенную самым бедным и тёмным людом. Вскоре затем он выступил с последними своими законами, намереваясь провести их в народном собрании. Видя, какое множество народа стекается к Гаю со всех сторон, сенат уговорил Фанния выслать из города всех неримлян. Но лишь только глашатай оповестил об этом странном и необычном постановлении, воспрещавшем союзникам и друзьям римского народа появляться в городе в эти дни, Гай вывесил объявление с протестом против действий консула и обещанием оказать помощь союзникам, если они пожелают остаться. Однако он этого не сделал. Увидев одного из своих хороших знакомых, своего гостеприимца, который был схвачен ликторами Фанния, он прошёл мимо, не защитив его. Поступил он так, быть может, из опасения, как бы не обнаружилось что сила его уже не та, а, быть может, не желая, как он сам объяснял, дать повод к драке и беспорядкам, чего именно и желали враги. Пришлось ему поссориться и со своими товарищами, трибунами, по следующему поводу. Для народа устраивался на площади бой гладиаторов; вокруг площади сделаны были помосты, места на которых должны были быть платными. Гай приказал убрать эти помосты, чтобы люди победнее могли смотреть на зрелище бесплатно. Приказание его, однако, никто не послушался. Тогда Гай, дождавшись ночи, предшествовавшей зрелищу, и взяв с собой оказавшихся под рукою рабочих, велел разрушить помосты, а освободившееся место предоставил на следующий день народу. Этот поступок заслужил ему в народе славу смельчака, но трибуны оскорбились и сочли Гая наглецом и насильником. Этот случай, по-видимому, и послужил главной причиной, почему Гай не попал в третий раз в трибуны. Большая часть голосов, говорят, была подана за него, но трибуны решились на обман и объявили неверный результат подсчета. Это оспаривается, но как бы то ни было, Гай оказался не в силах перенести неудачу спокойно. Говорят, что врагам своим, насмехавшимся над ним, он ответил высокомерно, чем следовало бы, — что смеются они смехом сардоническим², не сознавая, в какую тьму погружает их его политическая деятельность.

13. Враждебная партия, проводя в консулы Опимия, отменила многие из проведенных Гаем законов и изменила уклад Карфагенской колонии, рассчитывая обозлить Гая и довести его до поступков, которые могли бы стать поводом к его убийству. Первое время Гай был терпелив, но вскоре подстрекательства друзей, особенно же Фульвия, так повлияли на него, что он вновь начал собирать силы для борьбы с консулом. Говорят, что мать Гая также участвовала в этом, наняв отряд чужеземцев и отправив их в Рим под видом жнецов. Об этом будто бы говорится в скрытой форме в письмах её к сыну. Другие, напротив, утверждают, что это делалось к крайнему неудовольствию Корнелии. В тот день, когда сторонники Опимия собирались узаконить законы Гая, обе стороны заняли на рассвете Капитолий. Когда консул совершал жертвоприношение, один из его ликторов, по имени Квинт Антулий, убравший с алтаря внутренности животных, сказал Фульвию и окружавшим его лицам: «Дайте дорогу порядочным людям, вы, негодные граждане». Слова эти, как передают некоторые, сопровождалось оскорбительным жестом обнаженной руки. Антулий был убит на месте, пронзённый длинными грифелями, как говорят, нарочно для этого изготовленными. В народе убийство Антулия произвело большое смятение, а вожди обеих сторон отнеслись к этому событию совершенно различно. Гай искренне опечалился и укорял окружавших его людей в том, что они сами подают противникам повод, которого те давно ищут. Опимий же, воспользовавшись случаем, почувствовал в себе больше уверенности и стал подстрекать народ к мести.

14. Тут хлынул ливень, и обе стороны разошлись. На следующий же день, рано утром, сенат, по приглашению консула, собрался на заседание в курии и занялся очередными делами. В это время появились люди, несшие на носилках через площадь обнаженное тело убитого Антулия. Эти люди нарочно направились к самой курии, оглашая площадь притворными воплями и рыданиями; Опимию всё было заранее известно, но он притворился непонимающим и выражал удивление. Сенаторы вышли на площадь, чтобы узнать в чём дело, и, видя поставленные посреди площади носилки, стали ужасаться, как будто случилось великое и страшное несчастье. Но народ был охвачен ненавистью и отвращением к знатным, которые Тиберия Гракха, народного трибуна,

¹ Греческой богине Гере (сестре и жене Зевса) у римлян соответствовала Юнона.

² *Сардонический* — т.е. предсмертный; выражение это обычно производилось от ядовитой сардинской травы: отравившиеся ею умирали с судорожно искривленным ртом, словно смеясь.

сами убили на Капитолии и тело его выбросили в реку, тогда как Антулий, простой ликтор, который, быть может, и не заслуживал смерти, но во всяком случае сам подал достаточный повод к расправе, торжественно выставлен на площади, и римский сенат оплакивает и хоронит наёмника, собираясь вместе с тем погубить последнего уцелевшего защитника народа. Тогда сенаторы вернулись в курию и постановили поручить консулу спасти город любыми мерами и истребить тиранов. Приняв поручение, Опимий приказал сенаторам вооружиться и оповестил всадников, чтобы на следующий день с рассветом каждый из них привёл с собою двух вооруженных рабов. Фульвий, в свою очередь, приготовился к защите и собрал вокруг себя многочисленную толпу, а Гай, уходя с площади, остановился перед статуей своего отца, долго молча смотрел на неё и удалился, горько плача и вздыхая. Многие, кто это видел, были глубоко тронуты его горем, они стали корить себя за то, что покинули и предали такого человека, затем последовали за Гаем до его дома и провели ночь на страже у его дверей. Совсем иначе охраняли Фульвия: в доме последнего всю ночь раздавались крики и ругательства толпы, шумно коротавшей время в пьяном разгуле по примеру самого Фульвия, который первый напился допьяна, шумел и творил всякие безобразия, неприличные его возрасту. В противоположность им люди, охранявшие Гаю, соблюдали тишину, как подобает в общем несчастье родины, размышляя о том, что будет дальше, и поочередно смеялись друг друга.

15. На рассвете следующего дня, с трудом разбудив спавшего после попойки Фульвия, люди его вооружились доспехами, которые захватил Фульвий в год своего консульства, одержав победу над галлами, и с угрозами и криками направились занимать Авентинский холм. Гай не захотел вооружаться и вышел из дому, надев тогу, как он обычно делал, идя на форум, и с маленьким кинжалом на поясе. Когда он выходил, жена упала в дверях перед ним на колени, обняв одной рукой его, а другой маленького сына: «Не на трибуну, как прежде, провожаю я тебя, Гай, народного вождя и законодателя, — говорила она, — и не в славный поход, где ты, быть может, и пал бы наряду с другими, но оставил бы мне в утешение почётный траур: в руки убийц Тиберия отдашь ты себя и идёшь безоружный, с сознанием своей правоты и готовый скорее всё претерпеть, чем поднять на кого-нибудь руку. Но твоя смерть не принесёт никакой пользы твоей родине. Зло взяло верх и творит суд железом и насильем. Если бы брат твой пал на полях Нуманции, то враги, заключив мир, отдали бы нам его тело. А мне, должно быть, суждено молить какую-нибудь реку или море отдать твой труп, ими сокрытый. Разве после смерти Тиберия можно полагаться на законы и на самих богов?» Так говорила Лициния со слезами, но Гай отвел её руку и молча вышел в сопровождении друзей. Пытаясь удержать его за край одежды, Лициния упала на пол и долгое время молчала, заглушая в себе рыдания, пока её, лежавшую без чувств, рабы не подняли и не отнесли к её брату Крассу.

16. Когда все собрались, Фульвий, по совету Гаю, послал на площадь для переговоров своего младшего сына, вручив ему жезл глашатая. Юноша этот был очень красив. Остановившись в скромной и почтительной позе перед консулом и сенаторами, он со слезами на глазах рассказал им об условиях, на которых возможно было бы примирение. Большинство сенаторов уже готово было идти на соглашение, но Опимий заявил, что виновные граждане не через глашатаев должны сноситься с сенатом, а с покорностью явиться на суд и просить его сменить гнев на милость. Обратившись затем к юноше, Опимий велел ему прийти и принести согласие на это условие или не приходить вовсе. Говорят, что Гай сам собрался идти, надеясь убедить сенат в своей правоте, но, так как никто ему этого не позволил, Фульвий вторично послал сына с теми же предложениями. На этот раз Опимий, желавший как можно скорее пустить в ход оружие, тотчас же велел схватить мальчика и отдать его под стражу, а сам двинулся на Фульвия во главе множества тяжеловооруженных и критских стрелков, которые внесли больше всего смятения, убивая и раня противников; началось бегство, и Фульвий, спасаясь от врагов, скрылся в заброшенные бани, но его вскоре нашли там и убили вместе со старшим сыном. Никто не видел, чтобы Гай сражался. Глубоко потрясённый, он удалился в храм Дианы. Он решил покончить с собой, но ему помешали в этом верные его друзья Помпоний и Лициний, которые вырвали у него из рук меч и уговорили бежать...

17. Враги преследовали бежавшего Гаю и настигли его у деревянного моста, но те же двое друзей заставили его бежать дальше, а сами, повернувшись лицом к врагам, вступили с ними в бой и задерживали их перед мостом до тех пор, пока оба не пали мертвыми. Раб Гаю, по имени Филократ, бежал вместе с ним. Встречавшиеся им по дороге люди только подбадривали беглецов, словно на каком-то состязании, но ничем не пытались ему помочь, и даже никто из них не дал Гаю коня, о чём он очень просил, видя, что враги его догоняют. Наконец, Гай забежал в небольшую рощу, посвященную Фуриям, и тут добровольно принял смерть от руки своего верного раба Филократа, который, убив господина, сам лишил себя жизни. Но другие рассказывают, будто они оба попали в руки врагов ещё живыми, причем Филократ так крепко обнял своего господина, что никто из напавших не мог убить Гаю, пока не убили его раба. Рассказывают также, что какой-то человек нёс голову Гаю, подняв её на копье, но приятель Опимия, некий Септимулей, отнял её, помня обещание консула, оглашенное ещё до начала битвы, выдать тем, кто принесет головы Гаю и Фульвия, равное им по весу количество золота. Голова Гаю была принесена на острие копья к Опимию. Положенная на весы, она вытянула 17½ фунта, так как Септимулей и тут сплутовал, вынув из головы мозг и положив в нее свинец. Но люди, принесшие голову Фульвия (они были из простонародья), не получили ничего.

Тела Гаю и Фульвия вместе с другими трупами — а убитых оказалось до трех тысяч — были брошены в реку; имущество их было конфисковано в пользу государственной казны, жёнам их было запрещено совершать траурный обряд, а у Лицинии, сверх того, отняли и приданое. Крайне жестоко поступили враги Гаю и с младшим сыном Фульвия. Юноша не поднимал против них оружия и не был в числе сражавшихся; явившись к консулу с предложением о перемирии, он был схвачен врагами до битвы, а после битвы был ими убит. Но как ни возмущался народ этим поступком Опимия и другими его злодеяниями, он ещё больше был оскорблен тем, что консул построил храм, посвященный Согласию. Это значило в глазах народа, что консул гордится своими действиями и как бы празднует убийство стольких граждан. Негодование народа выразилось в следующем стихе, начертанном кем-то ночью под надписью на фронтоне храма:

Нечестие воздвигло храм Согласию.

18. Опимий, который был первым из всех римских консулов, получившим диктаторские полномочия, убив без суда 3 тыс. граждан, в том числе Фульвия Флакка, бывшего консула и триумфатора, и Гаю Гракха, человека, превосходившего всех своих современников доблестью и славой, впоследствии не устоял перед денежным соблазном: будучи отправлен с посольством к Югурте в Нумидию, он был подкуплен этим царём, его с великим позором судили за взяточничество и он бесславно состарился в бесчестии и презрении. А народ, который во время самих событий был принижен и подавлен, в скором времени показал, как глубоко скорбел он о смерти Гракхов и как дорога ему память о них. В одной из лучших частей города братьям были поставлены статуи, а места их гибели обратились в святилища, где народ чтит их память приношением первых по временам года плодов, а многие совершали им жертвоприношения и падали ниц, как бы приходя в храм богов.

Веллей Патеркул (I ст. н.е.) — походив зі знатної сім'ї, довгий час був на військовій службі, потім став сенатором і навіть досяг преторського звання, офіційний римський історіограф часів імператора Тиберія (14-37 рр.), автор «Римської історії» у 2 книгах.

Капітуляція Манцина вызвала сильні раздори в государстве. В самом деле, сын славнейшего и выдающегося мужа Тиберия Гракха, внук по матери Публия Африканского, Тиберий Гракх, по инициативе которого в его квесторство заключен был договор с Нуманцией, теперь, то тяготясь тем, что выполненное им дело теряет силу, то боясь перемены суждения о нём и наказания, будучи избран в народные трибуны и оставаясь человеком безупречным во всех отношениях, в полном расцвете духовных сил и с самыми чистыми намерениями, украшенный, наконец, столькими добродетелями, сколько выпадает на долю смертного при совершенстве его природы и доброй воли, он в консульство Публия Муция Сцеволы и Луция Кальпурния сто шестьдесят два года тому назад разошелся с людьми благонамеренными и обещал всей Италии права гражданства; вместе с тем он издал аграрные законы, несмотря на всеобщее стремление к устойчивому положению, и смешал всё высокое с самым низким, повергнув государство в крайнюю смертельную опасность. Он лишил власти своего коллегу Октавия, стоявшего за общее благо, и учредил коллегию триумвиров для распределения земель и выведения колоний, введя в её состав себя, своего тестя Аппия и брата своего Гая, тогда ещё совершенно молодого человека.

...Публий Сципион Назика, внук того, который получил от сената титул «наилучшего мужа», сын того цензора, который построил портик на Капитолии, правнук Гнея Сципиона, дяди знаменитого Публия Африканского, не занимавший в то время никакой должности и одетый в обычную тогу, хотя и был близким родственником Тиберия Гракха, но отдавал предпочтение интересам родины перед родственными связями и всё, что не было полезно для общего блага, считал ненужным также и для частных лиц (за эту добродетель он первый из всех был заочно возведен в сан великого понтифика). Он стоял на верхних ступенях лестницы, ведшей на Капитолий, перекинув через левую руку край своей тоги, и призывал следовать за собой всех, кто хочет сохранить государство в безопасности. Тогда оптиматы — сенат и лучшая часть всаднического сословия, — а также не участвующий в пагубных планах народ бросились на Гракха, стоявшего на площади перед Капитолием среди толпы своих приверженцев и призывающего к себе население почти всей Италии. Он побежал и на спуске с Капитолийского холма был убит обломком скамьи. Так была преждевременно прервана его жизнь, которую он мог бы провести с большей славой.

Это было начало пролития крови граждан в Риме и безнаказанного применения оружия. С этого времени было нарушено насилом право и прежний лучший строй жизни: раздори граждан, обычно залечивавшиеся в прежнее время соглашением, теперь стали разрешаться оружием, и военные действия стали начинаться без основательных причин, но в зависимости от того, сколько они сулили выгод. И это не удивительно. Ведь в подражании примерам люди никогда не останавливаются на том, с чего начали, но, вступив на какую угодно узенькую тропинку, прокладывают себе путь для выхода на обширнейшее пространство, и если хоть раз собьются с пути, неизбежно дойдут до пропасти, и никто не считает для себя постыдным то, что было выгодно для другого.

Затем по прошествии десяти лет такое же безумие, которое проявил Тиберий Гракх, охватило его брата Гая, похожего на него как всеми добродетелями, так и заблуждением, а по своим дарованиям и красноречию даже намного его превосходившего. Несмотря на то что он, ведя совершенно спокойный образ жизни, мог бы быть первым человеком в государстве, он не то для отмщения за брата, не то для закрепления в своих руках царской власти, по примеру брата вступил в должность трибуна и выставил ещё гораздо больше более крайних требований. К тому же он обещал права гражданства всем италикам, хотел распространить их почти до самых Альп, распределял землю, запрещал кому-либо из граждан иметь более 500 югеров земли, что когда-то было предусмотрено и законом Лициния, устанавливал новые торговые пошлины, заполнял провинции новыми колониями, передавал суды всадникам, постановил раздавать гражданам хлеб, не оставил ничего в покое и мире и незатроутым, наконец, ничего не сохранил в прежнем состоянии; мало того, он продлил свои полномочия трибуна на следующий год. Его преследовал с оружием в руках консул Луций Опимий, который в должности претора разрушил Фрегеллы, и убил его, а также вместе с ним и Фульвия Флакка, из бывших консулов, награждённого когда-то триумфом, стремившегося к таким же ошибочным целям; его Гай Гракх номинально поставил триумвиром на место брата Тиберия, а на самом деле сделал соучастником своей царской власти. Одно только было сделано Опимием незаконно, — это то, что он за голову — не то, что именно Гая Гракха, — а вообще за голову римского гражданина хотел уплатить деньги, хотел выдать золото, равное ей по весу.

Флакк был убит вместе со своим старшим сыном на Авентине, где стоял вооружённый и призывал народ к сражению. Гракх же спасался бегством, но, увидев, что неминуемо будет захвачен людьми Опимия, подставил шею своему рабу Евпору, который выручил своего господина и с неменьшей решительностью покончил с самим собой. В этот день удивительная преданность Гаю Гракху была проявлена со стороны римского всадника Помпония. Он, подражая Коклесу, удерживал на мосту подступавших к нему врагов, а потом пронзил себя мечом. Как раньше тело Тиберия Гракха, так теперь тело Гая по причине исключительной жестокости победителей было сброшено в Тибр.

Таков был исход жизни детей Тиберия Гракха, внуков Публия Сципиона Африканского, при жизни их матери, дочери Африканского; такова была смерть этих мужей, дурно воспользовавшихся своими прекрасными дарованиями. Если бы они добивались степени гражданского достоинства, то само государство предоставило бы им при полном их спокойствии то, что они предпочли получить путём мятежа. А к этой ярости прибавилось ещё одно исключительное по своим размерам преступление: в самом деле Опимием был убит также и один юноша выдающейся красоты, не переступивший ещё восемнадцатого года жизни, непричастный к отцовским преступлениям, именно сын Фульвия Флакка, которого отец послал для переговоров...

Вскоре затем началось суровое следствие над друзьями и клиентами Гракхов. Но Опимий, человек вообще безупречный и влиятельный, был впоследствии осуждён общественным мнением по воспоминаниям о такой его жестокости и не встретил со стороны граждан снисхождения. Такая же ненависть общественных судей обрушилась заслуженно на Рупилия и Попилия, которые в качестве консулов свирепствовали по отношению к друзьям Тиберия Гракха...

Среди законов Гракха я самым губительным считаю, пожалуй, тот, в силу которого он вывел колонии за пределы Италии.

РОЗДІЛ 4 РИМ в кінці II — на початку I ст. до н.е.

I. ЮГУРТІНСЬКА ВІЙНА, ВТОРГНЕННЯ ГЕРМАНЦІВ І РЕФОРМИ ГА́Я МА́РІА

Югуртінська війна (111-105 рр. до н.е.) — війна Риму з нумідійським царем Югуртою (160-104 рр. до н.е.). Воєнні дії в Нумідії поєдналися з політичною боротьбою в самому Римі між популярями, що обвинувачували сенат і аристократію в продажності, і оптиматами, багато з яких знали Югурту і підтримували його. В силу цієї останньої обставини, а також внаслідок розкладання римської армії нумідійський цар у початковий період війни (111-110 рр. до н.е.) перемагав римлян. Тільки з прибуттям консула Квінта Цецилія Метелла, що навів порядок і дисципліну у військах, стало можливим домогтися перелому в війні. В 109 р. до н.е. при ріці Мугулі Югурта зазнав від Метелла вирішальної поразки, після чого змушений був перейти до тактики партизанської війни. В 107 р. до н.е. на виборах популярі здобули перемогу, консулом був обраний Гай Марій (156-86 рр. до н.е.), що служив в Нумідії під командуванням Метелла. Гай Марій провів реформи в армії, що мали далеко ідучі соціальні і політичні наслідки, і з новоствореною численною армією відправився в Нумідію, де за два роки (до 105 р. до н.е.) переможно закінчив війну. Югурта через зраду свого союзника — мавританського царя Бокха — був захоплений Луцієм Корнелієм Суллою (138-78 рр. до н.е.), що був тоді квестором у війську Гая Марія. Нумідійський цар був привезений в Рим, брав участь в тріумфі Гая Марія, потім (у 104 р. до н.е.) був страчений.

№1 ГАЙ САЛЛЮСТІЙ КРІСП ЮГУРТІНСЬКА ВІЙНА

Гай Саллюстій Крісп (86-35 рр. до н.е.), римський історик періоду кризи Республіки, автор творів «Змова Катіліни», «Югуртінська війна» і «Історії» у п'яти книгах, що охоплювала події 78-55 рр. до н.е. в Римі (збереглися фрагменти). Метою своєї творчості він бачив в тому, щоб дати читачеві уявлення про найбільш яскраві події епохи сутінок Римської республіки і виявити причини, що привели державу до краху республіканських ідеалів і громадянських розбратів. Погляд Саллюстія на історію повний глибокого песимізму, в його уявленні велика епоха військової слави Риму, чистоти і строгості нравів суспільства залишилася далеко в минулому: навіть найбільші з сучасників втратили цілісність і ясність духу і не здатні піднятися вище своїх честолюбних прагнень.

5. О войне писать я буду — той, что народу римскому пришлось вести с нумидийским царем Югуртой, — во-первых, потому что она была трудна и жестока и шла с переменным успехом; во-вторых, потому, что тогда впервые был дан отпор гордости знати. Борьба эта перемешала все божеское и человеческое и дошла до такого безумия, что гражданским распрям¹ положили конец только война и опустошение Италии... Во время второй Пунической войны, когда карфагенский полководец Ганнибал нанёс Италии ущерб, беспрецедентный с тех пор, как Рим достиг могущества, нумидийский царь Масинисса², удостоенный нашей дружбы Публием Сципионом, который впоследствии за свою доблесть получил прозвище «Африканский»³, совершил много, и притом замечательных, воинских подвигов. Ввиду этого после победы над карфагенянами и пленения Сифакса⁴, стоявшего во главе обширной и могущественной державы в Африке, римский народ все города и земли, захваченные в войне, принёс в дар царю. Поэтому Масинисса оставался нашим добрым и верным другом. Но его смерть была и концом его державы. Затем сын его, Миципса, получил единоличную царскую власть, так как его братья Мاستанабал и Гулусса умерли от болезни. У Миципсы были сыновья Адгербал и Гиёмпсал, а сына Мاستанабала Югурту, которого Масинисса, как прижитого от наложницы, оставил частным лицом⁵, он держал у себя в доме, воспитывая его наравне с собственными сыновьями.

6. Когда Югурта вырос, он в расцвете сил, красивый лицом и ещё более выдающийся умом, не опустился до развращающих роскоши и праздности, он, по обычаю своего народа, скакал верхом, метал копье, состязался со сверстниками в беге, и, хотя он всех превосходил славой, все его любили...

7. Столкнувшись с этими затруднениями и понимая, что человека, столь угодного народу, ему не устранить ни силой, ни хитростью, поскольку Югурта был храбрым воином и стремился к воинской славе, Миципса решил подвергнуть его опасностям и так испытать судьбу. И вот во время Нумантинской войны⁶, посылая римскому народу вспомогательные войска — конницу и пехоту, Миципса, рассчитывая на то, что Югурта, либо кичась своей доблестью, либо из-за свирепости врагов, скорее всего погибнет, назначил его начальником нумидийцев, которых он посылал в Испанию. Но все обернулось совсем не так, как он думал. Ибо, как только Югурта, обладавший быстрым и острым умом, узнал характер Публия Сципиона, тогда командовавшего римлянами, и повадки врагов, он ценой многих трудов и многими стараниями, а кроме того, беспрекословно повинуюсь Сципиону и часто подвергаясь опасностям, быстро стал настолько известен, что наши горячо полюбили его, нумантинцам же он внушал величайший ужас... И вот командующий стал поручать Югурте чуть ли не все трудные дела, считать его одним из своих друзей, с каждым днем ценить его всё больше и больше, так как и советы, и действия его всегда приносили удачу. К этому присоединялись щедрость души и изощренность ума, и этим Югурта приобрел близкую дружбу многих римлян...

13. [После смерти Миципсы Югурта убил Гиёмпсала, захватил всю Нумидию и.] обдумывая содеянное, стал бояться римского народа и надеялся противопоставить его гневу только алчность знати и собственные деньги. Поэтому он через несколько дней отправил в Рим послов с большим запасом золота и серебра и велел им прежде всего одарить его старых друзей [т.е. друзей по Нумантинской войне], затем приобрести новых — словом, не мешкая, щедростью своей подготовить все, что только будет возможно. Как только послы прибыли в Рим и, следуя наказу царя, передали богатые подарки его гостеприимцам и другим людям, имевшим тогда сильное влияние в сенате, произошла столь разительная перемена, что величайшая ненависть знати к Югурте сменилась её расположением и благоволением к нему...

16. [После судебного разбирательства в сенате] выносятся постановление, чтобы десять легатов разделили некогда принадлежавшее Миципсе царство между Югуртой и Адгербалом. Главой этого посольства был Луций Опимий⁷, человек известный и в

¹ Имеются в виду Союзническая (Марсийская) война (91-88 гг. до н.э.) и борьба между Суллою и Мариями, Старшим и Младшим.

² Масинисса (238-148 гг. до н.э.) — царь восточной Нумидии, был союзником Рима в конце второй Пунической войны (218-201 гг. до н.э.).

³ Публий Корнелий Сципион Африканский Старший (236-184 гг. до н.э.), консул 205 и 199 гг. до н.э., цензор 199 г. до н.э. Победитель Ганнибала.

⁴ Сифакс — царь западной части Нумидии, враждовавший с Масиниссой и женившийся на красавице Софонисбе, дочери Гасдрубала, обещанной Масиниссе в жены. Победенный Масиниссой и Гаєм Лелием, легатом Сципиона Старшего, Сифакс был взят в плен и украсил собой триумф Сципиона. Софонисбу он отравил, чтобы она не попала в руки римлян.

⁵ Т.е. лишённым права на престол.

⁶ Нумантинская война была эпизодом в ряду войн, которые Рим вел в Испании в 154-133 гг. до н.э. Сципион Эмилиан Африканский взял Нумантию в 133 г. до н.э. после продолжительной осады и получил после триумфа прозвище «Нумантинский».

⁷ Луций Опимий — консул 121 г. до н.э., подавал движение Гая Гракха. Легаты выехали в Африку, видимо, ещё в 117 г. В 109 г. Опимий на основании Мамилева закона был осужден за получение взятки от Югурты; умер в изгнании в Диррахии.

ту пору могущественный в сенате, так как он, будучи консулом, после убийства Гая Гракха и Марка Фульвия Флакка с величайшей жестокостью использовал победу знати над плебсом. Хотя Югурта и относил Опимия к числу своих недругов в Риме, он все же крайне радушно принял его и подарками и многочисленными обещаниями достиг того, что тот начал ставить выгоду царя выше своего доброго имени, честного слова, наконец, всех своих интересов. Подойдя к другим послам таким же образом, Югурта пленяет большинство из них; лишь немногим их честное слово оказалось дороже денег. При разделе часть Нумидии, граничащую с Мавританией, более богатую и более населенную, передают Югурте; другая, более привлекательная внешне, более богатая гаванями и строениями, стала владением Адгербала¹...

20. Когда послы, разделив царство, покинули Африку и Югурта увидел, что, несмотря на испытанный им страх, он получил награду за своё преступление, он, убедившись в правильности того, что друзья говорили ему под Нуманцией — что в Риме все продажно, и одновременно загоревшись от посулов тех, кого он недавно осыпал подарками, устремил свои помыслы к царству Адгербала... Поэтому он и начал войну... и открыто стал добиваться власти над всей Нумидией. И всюду, где бы он ни проходил, он разорял города и деревни, собирал разную добычу, укреплял в своих солдатах мужество, во врагах усиливал страх.

21. Как только Адгербал понял, что должен либо покинуть свое царство, либо защищать его оружием, он волей-неволей снаряжает войска и выступает навстречу Югурте. И вот оба войска укрепились невдалеке от моря, у города Цирты², и так как день был на исходе, то сражения не начинали. Но к концу ночи, ещё в полумраке, солдаты Югурты по поданному им знаку врываются во вражеский лагерь и обращают в бегство солдат Адгербала, одних полусонных, других хватавшихся за оружие. Адгербал с несколькими всадниками бежит в Цирту, и не будь там множества людей, носивших тогу³, которые отбросили преследователей от городских стен, то война между двумя царями началась бы и завершилась в один и тот же день...

23. Югурта... не будучи в состоянии взять Цирту приступом, окружил её стены валом и рвом, построил башни и разместил в них бойцов. Днём и ночью он действовал силой и хитростью; то соблазнял защитников стен наградами, то запугивал их; своих солдат он уговаривал проявить мужество — словом, готовился изо всех сил...

26. ...Италийцы, доблестно защищавшие городские стены, уверенные в том, что если они сдадутся, то величие римского народа обеспечит им неприкосновенность, стали советовать Адгербалу сдаться самому и сдать Югурте город, выговорив у него лишь собственную неприкосновенность; об остальном, по их словам, позаботится сенат. Хотя Адгербал мог поверить чему угодно, но только не честному слову Югурты, он все же, так как в случае его несогласия италийцы смогли бы принудить его, по их совету сдался. Югурта прежде всего казнил его, подвергнув пыткам, затем перебил всех взрослых нумидийцев и римских купцов, кто только ни попался с оружием в руках...

29. [Злодеяние Югурты заставило сенат объявить набор в армию. Назначенный командующим консул Луций Бестия Кальпурний⁴] стремительно вторгся в Нумидию и в ходе боев захватил много пленных и несколько городов.

29. Но как только Югурта через послов стал соблазнять его деньгами и указывать ему на все трудности войны, которую он ведёт, то намерения его, болезненно-алчного, быстро переменялись. Сообщником и исполнителем всех своих замыслов он избирает Скавра⁵; тот вначале, хотя большинство его единомышленников уже было подкуплено, ожесточенно вёл войну с царем, но огромная сумма денег все-таки совлекла его с пути добра и чести. Югурта сперва пытался купить себе лишь перемирие, рассчитывая, что он тем временем благодаря подкупу и влиянию друзей чего-нибудь добьётся в Риме; но впоследствии, узнав о причастности Скавра к делу, он, преисполнившись величайшей надеждой на восстановление мира, решил сам вести с ними переговоры обо всех условиях. Тем временем консул в знак доверия посылает своего квестора Секстия в Вагу⁶, город Югурты, под предлогом получения зерна, насчет которого консул в присутствии всех отдал приказания послам Югурты, поскольку в ожидании сдачи соблюдалось перемирие. И вот царь, как он надумал, прибывает в лагерь и, кратко высказавшись перед военным советом о негодовании, которое вызвали его действия⁷, и об условиях сдачи, об остальном ведёт тайные переговоры с Бестией и Скавром; затем, на следующий день, после того как были рассмотрены все предложения, его капитуляцию принимают. По требованию военного совета квестору передают тридцать слонов, много скота и лошадей вместе с небольшой суммой денег. Кальпурний выезжает в Рим на выборы магистратов. В Нумидии и в нашей войска воцаряется мир...

32. [Плебейский трибун Гай Меммий⁸, враг знати,] убедил народ отправить к Югурте Луция Кассия⁹, бывшего тогда претором, чтобы он, от имени государства поручившись царю за его неприкосновенность, привёз его в Рим, дабы легче на основании его показаний было раскрыть преступления Скавра и его соучастников, которых Меммий обвинял во взяточничестве. Пока это происходило в Риме, военачальники, которых Бестия оставил в Нумидии, совершили по примеру своего командующего множество преступлений, притом позорнейших: одни, соблазненные золотом, отдали Югурте слонов, другие продали ему перебежчиков, третьи собирали добычу среди усмиренного населения; так сильна была алчность, охватившая их подобно недугу...

33. И вот Югурта совсем не по-царски, в самой жалкой одежде, прибыл с Кассием в Рим и, обладая большой душевной силой, поддержанный теми, чье могущество, а вернее, злодейство помогло ему ранее совершить все описанное нами выше, за немалые деньги склонил на свою сторону плебейского трибуна Гая Бебий, чтобы тот, бессовестный по натуре, ограждал его от правого и неправого суда. Все же Гай Меммий, созвав сходку [и] представив Югурту собравшимся, произносит речь, напоминает о его преступлениях в Риме и Нумидии, говорит о его злодеяниях по отношению к отцу и братьям...

34. Когда Меммий закончил речь и предложил Югурте отвечать, плебейский трибун Гай Бебий, который, как мы уже говорили, был подкуплен, велел царю молчать, и, хотя присутствовавшая на сходке толпа, крайне раздраженная, угрожала ему криками, взглядами, напором и иными проявлениями гнева, все-таки победило бесстыдство. Так народ и ушел со сходки осмеянным...

35. ...Выехав из Рима, [Югурта], как говорят, несколько раз молча оглянувшись, наконец произнес: «Продажный город, обречённый на скорую гибель, — если только найдёт себе покупателя!»

¹ Раздел был произведён в конце 117 г. или в начале 116 г. до н.э.

² Цирта (соврем. Константина) находилась в 70 км от берега моря.

³ Т.е. римских или италийских граждан, находившихся в Африке по торговым делам. Тога отличала их от военных, носивших *sagum* (военный плащ).

⁴ *Луций Бестия Кальпурний* — плебейский трибун 121 г. до н.э.; путем плебисцита добился возвращения Публия Попилия Лената, изгнанного Гаем Гракхом. Саллюстий ставит родовое имя после прозвища.

⁵ Марк Эмилий Скавр происходил из древнего патрицианского рода; консул 115 г. до н.э., затем пожизненно старейшина сената (*princeps senatus*); в его цензурную была построена дорога (*via Aemilia*) и мост через Тибр (Эмилиев, или Мульвиев мост). Цицерон дает Скавру высокую оценку.

⁶ *Вага*, или *Вакка* — укрепленный город на границе с Провинцией, торговый центр.

⁷ Т.е. казнью Адгербала и защитников Цирты.

⁸ *Гай Меммий* был избранным плебейским трибуном на 111 г. до н.э. и должен был приступить к исполнению своих обязанностей 10 декабря 112 г. до н.э.

⁹ *Луций Кассий* Лонгин был в 111 г. претором, в 107 г. консулом; пал на войне с гельветами.

38. ...Югурта с помощью лазутчиков днём и ночью пытался разложить римское войско, подкупая центурионов и начальников турм¹: одних — чтобы они перешли на его сторону, других — чтобы по данному им знаку они покинули свои посты. Сделав всё, что задумал, он поздней ночью внезапно окружил лагерь [пропретора] Авла крупными силами нумидийцев. Римские солдаты, потревоженные неожиданным нападением, одни хватались за оружие, другие прятались, третьи ободряли перепугавшихся; смятение царило повсюду. Врагов было множество, ночное небо заволочло тучами, опасность грозила с двух сторон; что было безопаснее — бежать или оставаться на месте — не знал никто. Из тех, кого мы назвали подкупленными, одна когорта ливийцев с двумя турмами фракийцев и несколькими простыми солдатами перешла на сторону царя, а центурион-примипил третьего легиона позволил врагам пройти через укрепления, которые должен был оборонять, и туда ворвалось множество нумидийцев. Наши, удивившись в позорное бегство (большинство — бросив оружие), заняли ближайший холм. Ночь и грабёж в лагере задержали врагов и помешали им воспользоваться победой. На другой день Югурта объявляет Авлу во время переговоров: хотя он, отрезав Авла и его войско, угрожает им голодом и оружием, всё же, памятуя о превратности судьбы, он, если Авл заключит с ним договор, никому не причинит вреда и лишь проведёт всех под ярмом²; кроме того, Авл должен покинуть Нумидию в течение десяти дней. Хотя эти условия были тяжёлыми и унижительными, всё же, раз уж приходилось выбирать между ними и смертью, мир был заключен, как того желал царь...

44. [Когда новоизбранный консул Квинт Цецилий Метелл³, известный безупречной честностью, прибыл в Африку,] проконсул Спурий Альбин передал ему войско бездействующее, утратившее воинский дух и выносливость в опасностях и лишениях, на словах более храброе, чем на деле, склонное грабить союзников и само страдавшее от грабежей, чинимых врагами, не знавшее ни дисциплины, ни порядка. Поэтому у нового полководца было больше тревог из-за дурных нравов солдат, чем надежд, связанных с их многочисленностью. Метелл... решил... приступить к военным действиям лишь после того, как восстановит в войске прежнюю дисциплину. Ибо Альбин, павший духом после поражения брата и войска, решив не выходить за пределы Провинции, в течение всего времени летних походов, пока был облечен империем, держал солдат преимущественно в постоянных лагерях; разве только смрад или недостаток корма для лошадей заставлял его переходить на другое место. Но лагерей не укрепляли и ночных часовых не выставляли, как того требовал воинский устав. Всякий покидал знамёна по своему усмотрению; бродячие торговцы днём и ночью слонялись среди солдат и, бродя, опустошали поля, врывались в усадьбы, захватывали, споря между собой, добычу — скотину и рабов и выменивали на них у купцов привозное вино и другие товары; кроме того, солдаты продавали зерно, отпускавшееся им казной, и покупали себе хлеб на каждый день. Словом, это войско страдало всяческими пороками лености и разврата, какие только можно назвать или себе представить...

45. В этом трудном положении Метелл... устранил всё, что способствовало праздности, запретив кому бы то ни было продавать в лагере хлеб и всякую вареную пищу, бродячим торговцам — следовать за войском, гастатам⁴ и простым солдатам — иметь в лагере или в походе раба или вьючный скот... Кроме того, он каждый день менял место лагеря, двигаясь в разных направлениях, ограждал лагерь валом и рвом, словно враг был близко, выставлял ночных часовых, одного близко от другого, и сам проверял их вместе с легатами; в походе находился то в передних, то в задних рядах, часто в середине, следя за тем, чтобы никто не выходил из строя, чтобы солдаты шли сомкнутыми рядами за знаменами и чтобы каждый нёс пищу и оружие⁵. Так, не столько наказывая солдат, сколько удерживая их от проступков, он быстро укрепил в них воинский дух.

46. После этого [Метелл] во главе боеспособного войска вступает в Нумидию, где в отличие от обычного положения во время войны в домах было множество людей, а скот и земледельцы находились в поле. Из городов и мапалий⁶ навстречу войску выходили царские префекты, готовые снабжать его зерном, перевозить припасы — словом, делать все, что им прикажут. Тем не менее Метелл, не ослабляя из-за этого своей бдительности, но ведя себя так, как если бы враг находился поблизости, двигался вперед в боевом строю, далеко разведывая все вокруг; он полагал, что упомянутые проявления покорности лишь видимость и что его заманивают в западню. Поэтому он сам шёл впереди с когортами легковооруженных и с отборным отрядом пращников и лучников; легат Гай Марий, возглавлявший всадников, командовал задними рядами; на обоих флангах он придал трибунам легионов и префектам когорт всадников вспомогательных войск, чтобы находящиеся среди них легковооруженные воины отбивали нападения вражеской конницы всюду, где бы она ни появилась. Ибо Югурта был столь коварен и так хорошо знал местность и военное дело, что трудно было сказать, когда он более опасен — отсутствуя или присутствуя, в мирное или в военное время...

48. Сопоставив слова Метелла с его действиями и увидев, что против него самого используют его же приемы (ведь ему говорили о мире, а в действительности вели против него жесточайшую войну, заняли его важнейший город, причем враги разведывали местность и пытались расположить население в свою пользу), Югурта волей-неволей решил взяться за оружие. Выведав, куда следует неприятель, он, рассчитывая одержать победу благодаря преимуществам местности, собирает как можно больше воинов всех родов оружия и, двигаясь тайными тропами, опережает войско Метелла. В той части Нумидии, которая при разделе досталась Адгербалу, протекает река под названием Мутул, начинающаяся на юге. Приблизительно в 20 милях от неё в таком же направлении тянется горная цепь, пустынная и безлюдная. От её середины отходит тянущийся, сколько хватит глаз, холм, покрытый дикой оливой, миртом и другими видами деревьев, растущими на сухой и песчаной почве. Равнина между рекой и горной цепью была пустынна из-за нехватки воды, за исключением мест близ реки, поросших кустарником; здесь часто пасся скот и бывали земледельцы.

49. Растянув свой строй, Югурта занял холм... Затем, обходя турмы и манипулы, он убеждал, вернее, заклинал солдат, помня о своей прежней доблести и победе, защищать его и его царства от алчности римлян: они будут сражаться с теми, кого они, победив, провели под ярмом; у врагов переменялся начальник, но не дух... И тут Метелл, не знавший о присутствии врагов, заметил их, когда с войском спускался с горы. Сперва он не понял, что означает это необычное зрелище, ибо лошади и нумидийцы находились в кустарнике и не были целиком скрыты низкими зарослями, но при этом нельзя было понять, что же это такое, так как сами они и их знамена не были видны из-за особенностей местности и примененной ими хитрости. Быстро распознав западню, он остановил своё войско. Изменив боевой порядок, он на правом фланге, ближайшем к врагу, установил в три линии воинов, вклю-

¹ *Центурионы* — младшие офицеры римского легиона, назначавшиеся из числа отличившихся солдат. В легионе было 60 центурионов. *Турма* — эскадрон в коннице; в легионе конницы было 10 турм.

² *...проведёт всех под ярмом* — наибольший позор для побежденного войска: в землю втыкали два копыя, концы которых соединяли третьим, горизонтальным. Побежденные проходили под этим «ярмом». Луций Квинций Цинциннат, диктатор 458 г., первый провел под «ярмом» эквов в 458 г. до н.э.

³ Квинт Цецилий Метелл Нумидийский (?-91 г. до н.э.), римский полководец, консул 109 г. до н.э. В 109-107 гг. до н.э. возглавлял римские войска в Африке в войне против нумидийского царя Югурты. В 100-99 гг. до н.э. находился в изгнании за отказ поддержать в сенате законопроект Апулея Сатурнина.

⁴ *Гастаты* — тяжеловооруженные солдаты первой линии; они, по-видимому, пользовались некоторыми преимуществами.

⁵ Легионер в походе нёс на себе 15-дневный запас продовольствия, оружие, снаряжение и палисадину для ограждения временного лагеря.

⁶ *Мапалия* — передвижное жилище, своего рода разборный каркас, покрытый циновками; похоже на те, что до сих пор встречаются в некоторых районах Сахары.

чая резерв, между манёпулами расставил пращников и лучников, всю конницу разместил на флангах и, не тратя времени, сказав лишь несколько слов, чтобы ободрить солдат, в том же порядке, какой он им придал, повернув влево передние ряды, повел их на равнину.

50. Но, увидев, что нумидийцы сохраняют спокойствие и не спускаются с холма, Метелл, опасаясь, что его войско, из-за жаркого времени и недостатка воды, может пострадать от жажды, послал вперед к реке легата Рутилия¹ с когортой легковооруженных и частью конницы, чтобы заранее занять место для лагеря; он полагал, что враги частыми нападениями и ударами во фланг постараются замедлить его продвижение и, не веря в успех своего оружия, будут рассчитывать на усталость его солдат и на мучающую их жажду. Затем, сообразуясь с условиями местности, он в том же боевом строю, в каком спускался с горы, стал постепенно продвигаться вперед; Мария он поставил позади первых рядов, сам находился вместе со всадниками левого фланга, оказавшимися во время перехода в первых рядах.

Югурта, увидев, что последние ряды войска Метелла прошли мимо его первых рядов, отрядом пехоты численностью около 2 тыс. занял гору, с которой ранее спустился Метелл, дабы она случайно не послужила отходящему противнику местом для отступления, а затем для постройки укрепления; потом он, подав знак, внезапно напал на врагов. Одни нумидийцы разили наши последние ряды, другие нападали на левый и правый фланги, действовали ожесточенно и наседали, всюду нарушая боевой порядок римлян. Даже те из наших, кто более стойко давал отпор врагам, всё же были беспомощны в этой беспорядочной битве, получая удары лишь издали и не имея возможности нанести ответный удар или сразиться врукопашную. Заранее наученные Югуртой всадники всякий раз, когда на них нападала римская турма, отступали не сомкнутым строем и не в одно место, но по возможности в разные стороны. Так они, превосходя противника численно, если и не могли отбить у врагов охоту преследовать их, нападали с тыла или с флангов на рассеявшихся солдат; но так как холм был для отступления удобнее равнины, то лошади нумидийцев... легко уходили через кустарник; наших же задерживала труднопроходимая и непривычная для них местность.

51. Впрочем, общая картина сражения была пёстрой, неопределённой, ужасной и даже жалкой. Одни, отделившись от своих, отступали, другие нападали на врагов; солдаты не следовали за знамёнами и не соблюдали строя; где кто попадал в опасное положение, там он и отбивался; оружие оборонительное и наступательное, лошади и люди, враги и наши граждане — всё смешалось; по плану и по приказу не делалось ничего, всё зависело от случая. День уже клонился к концу, а исход сражения все ещё не был ясен. Наконец, когда все уже изнемогали от лишений и зноя, Метелл, увидев, что натиск нумидийцев слабеет, постепенно собрал солдат воедино, восстановил боевой строй и поставил четыре когорты легионеров² против вражеской пехоты. Её значительная часть, утомившись, занимала возвышенность. Одновременно Метелл настоятельно убеждал солдат не падать духом и не допускать, чтобы уже готовый бежать враг победил; ведь у них нет ни лагеря, ни какого бы то ни было укрепления, куда бы они смогли отойти при отступлении; вся их надежда — на оружие. Но не бездействовал и Югурта: обходил своих солдат, ободрял их, возобновлял сражение и сам во главе отборных сил нападал на всех участках, поддерживал своих, наседавал на колебавшихся врагов, а тех, в чьей стойкости он убедился, старался остановить, поражая издали.

52. Так сражались два выдающихся полководца, равные друг другу духом, но неравные силами. Ибо на стороне Метелла была доблесть его солдат, против него — особенности местности; Югурте благоприятствовало всё, кроме качества его солдат. Наконец римляне, поняв, что укрытия у них нет и что враг не принимает сражения (а день уже клонился к вечеру), отошли, как им было приказано, на находившийся против них холм. Не удержав своей позиции, нумидийцы были отброшены и обращены в бегство; некоторые погибли, большинство спаслось благодаря своему проворству и тому, что противник не знал местности...

54. [После этой победы Метелл] вторгается в самые богатые области Нумидии, опустошает поля, захватывает и предаёт огню множество крепостей и городов, слабо укрепленных или не имеющих гарнизона; взрослых людей истребляет, всё остальное велит отдавать солдатам на разграбление. Страх перед такими действиями привёл к тому, что римлянам выдали многочисленных заложников, вдоволь предоставили зерно и прочее, что им могло бы понадобиться; везде, где требовалось, были поставлены гарнизоны... Эти действия пугали царя гораздо больше, чем проигранное сражение; ибо его, возлагавшего все надежды на отступление, заставляли преследовать врага, его, который не смог защитить удобные для него позиции, вынуждали сражаться на неудобных. Всё же, исходя из общего положения дел, он принимает решение, казавшееся ему наилучшим: большей части войска приказывает оставаться в тех местах, а сам с отборными всадниками следует за Метеллом; двигаясь по ночам, крупными дорогами, он, оставшись незамеченным, нападает врасплох на рассеявшихся римлян. Большинство из них, безоружные, погибают, многие попадают в плен, ни один не ускользает невредимым; затем нумидийцы, прежде чем из лагеря могла бы прийти помощь, уходят к ближайшим холмам, как им было приказано.

55. ...После коварного налета Югурты римское войско уже не охотилось за добычей, рассыпавшись по местности; когда возникала нужда в зерне или в корме для лошадей, когорты пехотинцев при поддержке всей конницы выставляли прикрытие. Часть войска Метелл вел сам, остальную — Марий. Впрочем, страна опустошалась не столько грабежами, сколько огнем. Лагерь разбивали в двух местах, расположенных неподалеку одно от другого: когда надо было применить силу, все были налицо; в иных случаях, чтобы на широком пространстве обращать врага в бегство и внушать ему страх, они действовали порознь. Тем временем Югурта следовал за римлянами по холмам, выбирал время и место для битвы там, куда, по его сведениям, должен был прийти противник; он отравлял корм для скота и воду в источниках, которых и так было недостаточно, появлялся то перед Метеллом, то перед Марием, нападал на замыкающие ряды колонны и тотчас же отступал к холмам, снова угрожал то одним, то другим, не вступал в сражение, но и не давал покоя, лишь препятствуя осуществлению планов противника.

56. Римский командующий, увидев, что хитрости врага изматывают его силы и что царь избегает сражения, решил осадить большой город под названием Зама, оплот этой части царства, полагая, что Югурта вынужден будет прийти на помощь находящимся в беде подданным и тогда там произойдет бой. Но царь, проведав об этом замысле от перебежчиков, совершив большие переходы, опередил Метелла. Он убеждает жителей оборонять городские стены, дав им в помощь перебежчиков, наиболее надежных людей в его армии, так как изменить ему они не могли; кроме того, он обещает, что в нужный момент сам подойдет с войском. Отдав эти распоряжения, он удаляется в наиболее скрытую местность, но вскоре узнает, что Марий с несколькими когортами прямо с дороги послан за зерном в Сикку — первый город, который отпал от царя после его поражения. Он отправляется туда ночью с отборной конницей и, когда римляне уже выходили из города, завязывает сражение у городских ворот; одновременно он громким криком призывает жителей Сикки напасть на когорты с тыла; по его словам, Фортуна дает им возможность совершить достопамятное деяние; если они свершат его, то впоследствии он будет царствовать, а они — жить свободно и безбоязненно.

¹ Публий Рутилий Руф был учеником стоика Панетия и юриста Публия Муция Сцеволы и принадлежал к кружку Циципона Эмилиана, чьим военным трибуном он был в Нумантинскую войну. Консул 105 г., затем легат Квинта Муция Сцеволы в провинции Азии, где он своей неподкупностью восстановил против себя римских откупщиков. В 92 г. осужден всадническим судом за лихоимство. Жил в изгнании в Смирне.

² Они состояли из римских граждан в отличие от когорт союзников.

И не поспеши Марий выйти из города и ударить по врагу, все или, во всяком случае, большинство жителей Сикки, конечно, решили бы на сторону царя — так велико непостоянство нумидийцев! Но солдаты Югурты, поддержанные царем, некоторое время сопротивлялись, но все-таки, когда натиск усилился, понеся незначительные потери, разбежались.

57. Марий подошёл к Заме. Город этот, расположенный на равнине, был защищен не столько природой, сколько человеческим искусством, ни в чем не испытывал нужды и был богат оружием и людьми. И вот Метелл, проведя подготовку в соответствии с требованиями места и времени, окружает городские стены войсками, указывает каждому из легатов его участок. Затем по данному знаку солдаты со всех сторон поднимают громкий крик, но это не пугает нумидийцев; враждебно и решительно настроенные, они сохраняют спокойствие. Начинается битва. Римляне сражаются каждый на свой манер: одни — на расстоянии, пулями из пращей и камнями, другие подступают к городской стене — часть подкапывает её, часть взбирается на неё по лестницам, чтобы вступить в рукопашную схватку. Со своей стороны, горожане скатывают на ближайших врагов камни, швыряют столбы, колья, кроме того, льют на них горящий деготь, смешанный с серой и кусками смолистого дерева. Но даже и тем нашим солдатам, которые были далеко от городской стены, страх не давал надежной защиты: многих из них поражали дротики, пущенные из метальных орудий или брошенные рукой, и как храбрые, так и трусы... подвергались одинаковой опасности.

58. Пока шло сражение у Замы, Югурта с сильным отрядом внезапно напал на вражеский лагерь. Так как часовые были беспечны и ожидали всего, чего угодно, только не сражения, он ворвался в городские ворота. Наши, пораженные страхом, стали действовать по-своему, думая лишь о себе: одни обратились в бегство, другие схватились за оружие; много было раненых и убитых. Однако из всей массы солдат не более сорока человек, помнивших, что они римляне, сомкнув ряды, заняли более возвышенное место, и выбить их оттуда не удавалось никакими усилиями. Дротики, пущенные в них издали, они даже метали обратно и, сражаясь горсткой против многочисленных врагов, не давали промаха. Если же нумидийцы подступали ближе, то они выказывали подлинное мужество и с величайшим ожесточением истребляли врагов, отбрасывали их и обращали в бегство. Между тем Метелл в пылу битвы услышал крики врагов у себя в тылу, затем, повернув коня, увидел, что солдаты бегут в его сторону, и понял, что это свои. Он тут же посылает к лагерю всю конницу, а затем, не медля, Гая Мария с когортами союзников и со слезами на глазах закликает его их дружбой и благополучием государства не допустить, чтобы пятно позора легло на победоносное войско и чтобы враги ушли безнаказанно. Марий быстро выполнил приказ. Югурта же, натолкнувшись на препятствие, которым стали укрепления нашего лагеря, когда одни его солдаты переваливались через вал, другие теснились в узких местах, в спешке мешая друг другу, отступил на укрепленные позиции, понеся большие потери. Метелл, не завершив начатого дела, с наступлением ночи возвратился с войском в лагерь.

59. На другой день, прежде чем вновь приступить к осаде, Метелл приказывает всей своей коннице расположиться перед лагерем с той стороны, где мог появиться царь; ворота и ближайшие к ним участки он распределяет между трибунами, сам же направляется к городу и, как и накануне, штурмует городскую стену. Тем временем Югурта из укрытия неожиданно нападает на наших. Передние, напуганные, на какое-то время приходят в смятение, но другие быстро приходят им на помощь. Нумидийцы не смогли бы сопротивляться долго, если бы их пехота, действуя попеременно с конницей, не причиняла нам большого ущерба. Всадники, поддержанные пехотой, не нападали, чтобы затем отступить, как принято в конном бою, но, атакуя на лошадях, вносили беспорядок в наши ряды; таким образом, когда вступала в действие легковооруженная пехота, противник был почти разгромлен.

60. В это же самое время под Замой кипела битва. Отважнее всего сражались там, где командовали легаты и трибуны, причём каждый рассчитывал не столько на других, сколько на самого себя; также действовали и горожане: всюду нападали или отбивали нападения; обе стороны наносили одна другой удары с большим пылом, чем от них защищались. Боевой клич попеременно с ободряющими возгласами, радостными криками и стонами, как и звон оружия, поднимались к небесам; дротики летели с обеих сторон. Защитники стен всякий раз, когда враги давали им хотя бы малую передышку, издали напряженно наблюдали за битвой конницы. В зависимости от того, как шли дела у Югурты, на их лицах можно было заметить то радость, то испуг. И, словно их соотечественники могли их услышать или увидеть, одни из них давали советы, другие ободряли, или делали знаки рукой, или наклонялись вперед, или делали движения в разные стороны, как бы уклоняясь от дротиков или метая их. Заметив это, Марий (а именно он командовал на этом участке) нарочно ослабил натиск и притворился, будто не уверен в успехе; он позволил нумидийцам без помех наблюдать за битвой, данной царем. А когда они прониклись участием к своим, Марий неожиданно большими силами штурмует городскую стену, и наши солдаты, поднявшись по лестницам, уже почти захватывают её гребень, когда сбегаются горожане и обрушивают на них камни, горящую смолу и другие предметы. Наши сперва оказывали сопротивление, но затем, когда лестницы одна за другой подломились, те, кто стоял на них, свалились на землю, остальные отступили, кто как смог — большинство раненые и лишь немногие невредимые. Наконец, ночь заставила соперников прекратить битву...

63. В это же время¹ Гаю Марию..., приносившему в Ётике... жертву богам, гаруспик предсказал великое... будущее: поэтому пусть он совершает то, что задумал, полагаясь на богов, пусть возможно чаще испытывает судьбу, и всё окончится благополучно. Между тем Мария уже давно мучила мечта стать консулом, для чего у него, за исключением древности происхождения, были в избытке все другие качества: настойчивость, честность, глубокое знание военного дела, величайшая храбрость на войне, скромность в мирное время, презрение к наслаждениям и богатствам, жадность к одной лишь славе. Родившись и проведя всё детство в Арпине², он, едва возраст позволил ему носить оружие, проявил себя на военной службе³, а не... в удовольствиях городской жизни... И вот, когда он впервые добивался от народа должности военного трибуна, то, хотя почти никто не знал его в лицо, все трибуны за его подвиги отдали ему голоса. Затем одну за другой он достиг и других магистратур⁴ и, облечённый властью, всегда действовал так, что его признавали достойным более высокой должности... Однако до той поры он, столь выдающийся муж — это впоследствии его погубило честолюбие, — консулата добиваться не осмеливался: хотя тогда простому народу были уже доступны другие магистратуры, консульскую должность знать пока сохраняла за собой, ещё передавая её из рук в руки. Всякого нового человека, как бы он ни прославился, какие бы подвиги ни совершил, считали недостойным этой чести и как бы оскверняющим её.

64. Марий, увидев, что слова гаруспика совпадают с тем, к чему влекут его тайные желания, просит у Метелла отпуск, чтобы выступить соискателем на выборах. Хотя Метелл и был щедро наделен доблестью, жаждой славы и другими качествами, желанными для честных людей, он все же отличался презрительным высокомерием, общим пороком знати. Озадаченный необычной просьбой, он сперва удивился намерению Марии и как бы по дружбе стал предостерегать его от столь неразумной затеи и от стремления, не соответствующего его положению: не все-де должны желать всего и Марию надо быть довольным тем, чего он

¹ В начале 108 г. до н.э. Плутарх относит это событие к осени 108 г. до н.э., когда Марий проезжал через Ётику, направляясь в Рим добиваться консулата.

² Гай Марий родился в 156 г. до н.э. Арпин попал под власть римлян в 305 г. до н.э. и был *civitas sine suffragio* (т.е. в общине без права голосования); в 188 г. до н.э. он получил полные права римского гражданства.

³ Марий сначала был военным трибуном у Сципиона Эмилиана под Нуманцией.

⁴ Марий был квестором, плебейским трибуном (119 г.), претором (115 г.), пропретором в Дальней Испании.

достиг, — словом, пусть он и не думает добиваться от римского народа того, в чем ему по справедливости можно отказать¹. Выказав Марию это и другое в таком же роде и не переубедив его, Метелл обещал удовлетворить его просьбу, как только позволит обстоятельство. И впоследствии, когда Марий неоднократно обращался к нему с этой же просьбой, Метелл, говорят, советовал ему не спешить с отъездом: для него, дескать, будет не поздно добиваться консулата вместе с его сыном. А тот в это время под началом отца там же проходил военную службу, и было ему лет двадцать. Этот ответ разжёл в Марии и решимость добиться магистратуры, к какой он стремился, и раздражение против Метелла. И он стал слушаться двух наихудших советчиков — честолюбия и гнева и не останавливался ни перед поступком, ни перед словом, лишь бы они способствовали его избранию: от солдат, которыми он командовал на зимних квартирах, он уже не требовал прежней строгой дисциплины; в присутствии торговцев, весьма многочисленных в Утике, он вел несдержанные и одновременно хвастливые речи о войне — дескать, если бы ему доверили половину войска, то Югурта уже через несколько дней оказался в его руках, закованный в цепи; командующий, по его словам, нарочно затягивает войну, так как он, человек тщеславный и по-царски высокомерный, чересчур упоен своей властью...

74. Югурта, лишившись друзей² — большинство из них он сам казнил, а остальные в ужасе бежали (одни к римлянам, другие к царю Бокху³), — не в состоянии вести войну без помощников и опасаясь испытывать верность новых слуг после такого вероломства старых, пребывал в замешательстве. ...Так шло время, и вдруг с войском появился Метелл. Югурта, сообразуясь с обстоятельствами, снаряжает и выставляет против него нумидийцев, и начинается битва. Там, где находился царь, его солдаты какое-то время сражались, остальные же при первом столкновении были отброшены и обращены в бегство. Римляне захватили несколько знамен и оружие, но мало пленных, ибо нумидийцев во всех битвах выручало не столько оружие, сколько ноги.

75. Потерпев поражение, Югурта, ещё сильнее изверившись в успехе своего дела, вместе с перебежчиками и частью конницы направился в пустыню...

80. ...Щедрыми подарками и ещё более щедрыми обещаниями он привлекает на свою сторону приближённых царя Бокха; обратившись с их помощью к царю, он склоняет его к войне против римлян. Это было тем более лёгким и тем более осуществимым делом, что в начале этой войны с Югуртой Бокх отправлял послов в Рим с просьбой о союзе и дружбе; этому делу, сулившему нам огромные преимущества в начатой войне, помешали несколько человек, ослеплённых алчностью, для которых привычно было продавать всё подряд — и честное и бесчестное...

84. Между тем Марий, ...избранный в консулы при величайшем расположении народа, после того как получил в управление Нумидию, уже и ранее враждебный знати, теперь нападал на неё часто и ожесточенно; он хулил знатных людей то порознь, то всех сообща, твердил, что консулат достался ему как военная добыча после его победы над ними, позволял себе и другие высказывания, возблесивавшие его самого и для них оскорбительные. Однако особое значение он придавал подготовке к войне: он требовал пополнения для легионов, привлекал вспомогательные отряды, набранные у народов, царей и союзников; кроме того, он созывал из Лация всех храбрейших солдат, большинство которых он знал по походам, а некоторых — по их доброй славе; встречаясь с теми, кто отслужил свой срок⁴, он уговаривал их выехать вместе с ним. И сенат, хотя и был настроен против Мария, не решался отказать ему ни в чём, а пополнение предоставил даже с радостью, так как все считали, что народ не расположен к военной службе и что Марий лишится либо средств для ведения войны, либо расположения народа⁵. Но это были напрасные надежды, настолько сильным было желание большинства людей выступить вместе с ним. Каждый надеялся разбогатеть благодаря добыче и вернуться домой победителем; были и другие соображения, которыми руководствовались люди...

86. ...Марий, увидев, что народ воспрял духом, поспешно грузит на корабли припасы, деньги для уплаты жалованья, оружие и всё необходимое и приказывает легату Авлу Манлию отправиться в путь. Сам он тем временем набирает солдат, но не по обычаю предков и не по разрядам, а всякого, кто пожелает, большей частью лично внесённых в списки. Одни объясняли это недостатком порядочных граждан⁶, другие — честолюбием консула, ибо именно эти люди его прославили и возвысили... Итак, Марий, отправившись в Африку с подкреплением, намного более многочисленным, чем было определено, через несколько дней прибывает в Утику...

87. И вот консул... вступает в плодородную и богатую добычей страну; всё, захваченное там, он отдаёт солдатам, затем подступает к укреплениям и городам, слабо защищённым природой, имеющим небольшие гарнизоны, завязывает в разных местах частые, но легкие сражения. Новобранцы без страха участвовали в этих битвах: они видели, что беглецов либо берут в плен, либо убивают, что самым храбрым угрожает наименьшая опасность, что оружие защищает свободу, родину, родителей и всё прочее и приносит им славу и богатство. Так в короткий срок новые солдаты объединились со старыми и все сравнялись в доблести. Цари же [т.е. Югурта и Бокх], узнав о прибытии Мария, отступили, каждый порознь, в труднодоступные местности...

88. ...Марий... с неустанным и пристальным вниманием наблюдал за всем, что происходило у римлян и у их врагов, изучал их сильные и слабые стороны, следил за передвижениями царей, предупреждал их замыслы и козни, не допускал, чтобы у него ослабевала дисциплина и чтобы враги чувствовали себя в безопасности. Так он, часто нападая в пути на гетулов и на Югурту, когда те свозили добычу, захваченную у наших союзников [т.е. у населения римской провинции Африки], обращал их в бегство, а самого царя недалеке от Цирты заставил бросить оружие⁷. Однако, поняв, что это лишь приносит славу, но не ведёт к окончанию войны, он решил захватить один за другим города, которые благодаря своим гарнизонам или местоположению могли быть использованы врагами и представляли для него опасность; тогда Югурта, по его мнению, либо лишится поддержки, если допустит это, либо даст сражение. Бокх же не раз присылал к Марию гонцов, уверяя, что ищет дружбы римского народа и что Марию не надо бояться враждебных действий с его стороны.

89. Следуя своему плану, консул подступал к городам и укреплённым селениям и отнимал их у врагов — либо силой, либо угрозами или обещаниями награды... Среди бескрайних пустынь [в юго-восточной части Нумидии] находился большой и могущественный город Капса...

90. ...Всё разведав, [Марий] готовится весьма предусмотрительно. Весь скот, захваченный им в последние дни, он велит гнать вперед всадникам вспомогательных войск; легату Авлу Манлию приказывает идти во главе когорт легковооруженных к го-

¹ по справедливости можно отказать — по смыслу слов Метелла, только знатные имели право быть консулами.

² Друзья (amicī) царя — его приближенные, советники, технический термин.

³ Бокх — Царь Мавретании и тесть Югурты.

⁴ Ветераны, так называемые evocati, солдаты, которых полководец брал на сверхсрочную службу с их согласия.

⁵ Марий, лично производя набор солдат, отступил от приема их по разрядам на основании ценза и принимал всех являвшихся к нему, в том числе и пролетариев (capite censi).

⁶ Т.е. состоятельных, из первых пяти разрядов по цензу.

⁷ Лат. armis exuere; технический термин: разбить наголову и обратиться в бегство.

роду Лары¹, где он оставил деньги для уплаты жалования и продовольствие, и обещает ему, что сам через несколько дней прибудет туда же собирать добычу. Скрыв таким образом свои намерения, он направляется к реке Танаис².

91. Впрочем, в пути Марий ежедневно распределял скот поровну по центуриям и турмам и велел делать из шкур мехи; в то же время он восполнял нехватку зерна и тайно от всех запасался всем, что вскоре должно было понадобиться. Наконец, на шестой день, когда дошли до реки, было готово много мехов. Здесь, разбив лагерь и слегка укрепив его, он приказывает солдатам поесть и быть готовыми к выступлению на закате солнца, снять с себя всю поклажу и взять с собой и нагрузить на вьючных животных одну лишь воду. Когда, по его мнению, настало время, Марий выступает из лагеря и, совершив переход в течение всей ночи, устраивает привал; так же делает он и в следующую ночь; на третью ночь задолго до рассвета он приходит в холмистую местность, находящуюся от Капсы на расстоянии не более двух миль, и там, никак себя не обнаруживая, выжидает. С наступлением дня, когда множество нумидийцев, ничего не подозревая, вышло из города, он внезапно приказывает всей своей коннице, а с ней и самым быстрым пехотинцам бегом броситься к Капсе и захватить городские ворота. Сам он, преисполненный решимости, поспешил следом и не позволил солдатам заниматься грабежом. Когда горожане узнали об этом, то смятение, ужас, неожиданность беды и вдобавок то обстоятельство, что часть их сограждан оказалась за пределами городских стен и во власти врага, — все это заставило их сдаться. Тем не менее город предали огню, взрослых нумидийцев перебили, всех остальных продали в рабство, а добычу поделили между солдатами...

92. Завершив столь трудное дело, и притом без малейших потерь, Марий, уже и раньше великий и прославленный, приобрёл ещё большее величие и славу. Все поступки его, даже не очень осмотрительные, приписывались его доблести. Солдаты, к которым он относился не слишком строго и которые разбогатели, превозносили его до небес, нумидийцы боялись его больше, чем бояться простого смертного, наконец, все, и союзники и враги, верили, что либо он наделен божественным умом, либо все его действия выражают волю богов. Добившись успеха, консул выступил против других городов. Некоторые из них, сломив сопротивление нумидийцев, он захватил, большинство же, покинутых населением вследствие несчастья, обрушившегося на жителей Капсы, предал огню; повсюду стоял плач и шла резня...

Наконец, овладев многими городами, причём в большинстве случаев без потерь, Марий приступает к другому предприятию, не связанному с такими препятствиями, как при взятии Капсы, но не менее трудному³. Дело в том, что неподалеку от реки Мулуки, разделявшей царства Югурты и Бокха, посреди равнины была необычайно высокая скалистая гора, достаточно обширная для постройки небольшой крепости, к которой вёл лишь один очень узкий проход; вся гора была настолько крутой, словно её сделала не природа, а искусство и руки человека. Там хранились сокровища царя, и Марий решил захватить это место любой ценой. Но помог ему не столько расчет, сколько случай; ибо в крепости было достаточно людей и оружия, большой запас зерна и источник воды; для устройства насыпей, башен и других осадных сооружений местность была неудобна; тропа, которой пользовались защитники крепости, была очень узка, а склоны с обеих сторон отвесны. Подводить по ней навесы было крайне опасно да и бесполезно: стоило их чуть выдвинуть вперед, как осаждённые уничтожали их огнем или камнями. Труднодоступное место не позволяло солдатам ни занять позицию перед осадными сооружениями, ни безопасно действовать под щитами; все самые храбрые были убиты или ранены, среди других усиливался страх.

93. Марий, затратив много дней и труда, в тревоге размышлял, не отказаться ли ему от своего замысла, поскольку он оказался невыполнимым, или ждать счастливого случая, не раз уже выручавшего его. И вот, пока он, взволнованный, много дней и ночей предавался раздумью, какой-то лигуриец, простой солдат из вспомогательных когорт, случайно выйдя из лагеря по воду, недалеко от крепости, со стороны, противоположной тому месту, где сражались, заметил улиток, ползавших между скал. Подобрал одну, другую, затем многих, он, увлечшись, постепенно поднялся почти на вершину горы. Там, увидев, что вокруг никого нет, он, как это свойственно человеческому уму, склонному преодолевать трудности, стал думать о другом [ещё более трудном]. В этом месте между скал случайно вырос большой каменный дуб, сперва чуть наклонившийся книзу, затем изогнувшийся и потянувшийся вверх, что естественно для деревьев. Опираясь то на его ветви, то на выступавшие из земли камни, лигуриец достиг площадки, на которой стояла крепость, поскольку внимание всех нумидийцев было обращено на битву. Разведав всё, ...он спускается вниз... Потом он спешит к Марию, сообщает ему о своем приключении, советует ему напасть на крепость с той стороны, откуда он поднимался, и предлагает себя в проводники на этом опасном пути. Чтобы проверить его сообщение, Марий послал вместе с лигурийцем нескольких человек из тех, кто присутствовал тогда; в соответствии со своим нравом одни сочли это дело трудным, другие — легким. Консул, однако, приободрился. И вот из трубачей и горнистов он отбирает пятерых самых проворных, дает им для защиты четырех центурионов, приказывает, чтобы все они повиновались лигурийцу, и назначает выступление на следующий день.

94. В назначенное время лигуриец, приготовив и собрав всё необходимое, отправляется в путь. Те, кто должен был подняться по обрыву, заранее обученные проводником, переменяли оружие и одежду: они были с непокрытой головой и босы, чтобы лучше осматривать местность и лазать по скалам; за спиной они несли мечи и щиты, притом нумидийские, из кож, более легкие и производящие меньше шума при ударе. Идя впереди, лигуриец привязывал верёвки к выступам скалы и к торчащим из земли старым корням, чтобы солдатам легче было подняться на кручу; иногда он подавал руку тем, кого пугала непривычная дорога; там, где восхождение было особенно трудным, он пропускал людей одного за другим безоружных, а потом следовал за ними с их оружием. В местах, казавшихся опасными, он шёл первым и по несколько раз поднимался и спускался туда и обратно, а затем, быстро отходя в сторону, вселял уверенность в других. После долгого и утомительного подъёма они наконец добираются до крепости, безлюдной с этой стороны, потому что все жители, как и в остальные дни, отбивали нападения противника. Марий весь день своими атаками держал нумидийцев в напряжении, но теперь, узнав от гонцов об успешных действиях лигурийца, ободрив солдат и выйдя из-под навеса, сам подступил к стене, приведя в движение «черепашу»⁴, не переставая издали устрашать врагов стрельбой из метательных машин, действиями лучников и пращников. Нумидийцы, однако, и раньше не раз уничтожавшие и поджигавшие осадные щиты римлян, не прятались за стенами крепости, но днём и ночью находились перед укреплениями, поносили римлян, Мария называли безрассудным, нашим солдатам грозили рабством у Югурты, в своей удаче были дерзки. А пока и римляне, и их соперники были поглощены борьбой, когда обе стороны яростно боролись... в тылу у нумидийцев прозвучал вдруг сигнал. Сперва ударились в бегство женщины и дети, вышедшие поглядеть на битву, затем те, кто ближе остальных находился у городской стены, и, наконец, все подряд, вооруженные и безоружные. Когда это случилось, римляне стали ещё решительнее наступать и наносить удары; большинство врагов они только ранили, затем по телам убитых, охваченные жаждой славы, наперебой

¹ Развалины Лар находятся в 18 км от Сикки.

² *Танаис* — совр. река Уед эль Дерб в 100 км от Капсы.

³ Саллюстий, не сообщив о пребывании войск на зимних квартирах в 107 г., переходит к описанию похода 106 г. до н.э.

⁴ «Черепаша» — при штурме крепостной стены римские солдаты соединяли над своими головами щиты, так что получалось сплошное прикрытие.

старались взобраться на стену, причём ни один не задержался ради грабежа. Так исправленная благодаря случаю опрометчивость Мария принесла ему славу...

100. ...[Марий], как будто у него не было помощников, сам наблюдал за всем, появлялся всюду, хвалил или укорял каждого, кто этого заслуживал. Будучи при оружии и предельно внимательный сам, он того же требовал от солдат. С той же осмотрительностью, с какой он двигался, он укреплял лагерь, ставил когорты легионеров на страже у ворот, располагал вспомогательную конницу перед лагерем, кроме того, расставлял солдат в укреплениях на валу, сам обходил посты — не столько из недоверия к тому, как будут выполняться его приказания, сколько для того, чтобы солдаты охотнее переносили тяготы, которые с ними разделяет их полководец. И действительно, Марий тогда, как и вообще в течение всей Югуртинской войны, поддерживал дисциплину в войске, не столько прибегая к наказаниям, сколько обращаясь к совести солдат. Многие объясняли это его стремлением к популярности, другие — тем, что суровая жизнь, к которой он привык с детства, и все то, что иные считают несчастьем, для него было удовольствием. Во всяком случае, дела государства он вершил честно и достойно — так же, как при самой строгой власти.

№2

ПЛУТАРХ

ПОРІВНЯЛЬНІ ЖИТТЄПИСИ, ГАЙ МАРІЙ

1. Мы не можем назвать третьего имени Гая Мария, равно как и Квинта Сертория, захватившего Испанию, или Луция Муммия, взявшего Коринф (Ахейским Муммий был назван за свой подвиг, как Сципион — Африканским, а Метелл — Македонским)¹...

2. ...Мужественный по природе, воинственный, воспитанный скорее как солдат, чем как мирный гражданин, Марий, придя к власти, не умел укрощать свой гнев. Говорят, он так и не выучился греческой грамоте и ни в одном серьезном деле не пользовался греческим языком, почитая смешным обучаться наукам у наставников, которые сами в рабстве у других. После своего второго триумфа, устроив греческие игры по случаю освящения какого-то храма, он пришел в театр, но, едва присев, тотчас же удалился. Платон часто говорил философу Ксенократу, который отличался угрюмым характером: «Ксенократ, приноси жертвы Харитам»². И если бы кто-нибудь так же уговорил Мария приносить жертвы эллинским Музам и Харитам, то его славные деяния на войне и в управлении государством не завершились бы столь безобразно, а гневливость, недостойное властолюбие и ненасытная алчность не сделали бы его в старости таким свирепым и жестоким...

3. Родители Мария были совсем не знатные, бедные, добывавшие пропитание собственным трудом; отец носил то же имя, что и сын, мать звали Фульцинией. Марий поздно попал в город и узнал городскую жизнь, а до того у себя, в Арпинской земле, в деревне Церраты, он жил, не ведая городской утонченности, просто, но зато целомудренно, воспитываясь так, как римские юноши в старину. Военную службу он начал в Кельтиберии, где Сципион Африканский осаждал Нуманцию. От полководца не укрылось, что Марий превосходит прочих молодых людей мужеством и легко переносит перемену в образе жизни, к которой Сципион принуждал испорченных роскошью и наслаждениями воинов. Рассказывают, что он на глазах полководца сразил врага, с которым сошелся один на один. Сципион заметно отличал его, а однажды, когда на пиру зашла речь о полководцах и кто-то из присутствующих, то ли вправду, то ли желая сказать приятное Сципиону, спросил, будет ли ещё когда-нибудь у римского народа такой же, как и он, вождь и защитник, Сципион, хлопнув лежащего рядом с ним Мария по плечу, ответил: «Будет, и, может быть, даже он». Оба они были так богато одарены природой, что Марий ещё в юном возрасте казался человеком незаурядным, а Сципион, видя начало, мог предугадать конец.

4. Говорят, что Марий, воодушевленный этими словами, словно прорицанием божества, и преисполненный надежд, обратился к государственной деятельности и с помощью Цецилия Метелла, дому которого служил ещё его отец³, добился должности народного трибуна. Исполняя эту должность, он внес закон о подаче голосов⁴, который, как ожидали, должен был уменьшить могущество знати в судах. Его противником выступил консул Котта, который убедил сенат бороться против нового закона, а самого Мария призвать к ответу. Когда это предложение было принято, Марий явился в сенат, но не как робкий новичок, только что вступивший на государственное поприще и не совершивший ещё ничего великого; напротив, уже тогда выказав решительность, которая потом проявлялась во всех его поступках, он пригрозил Котте тюрьмой, если тот не отменит вынесенного решения. Тогда консул, обратившись к Метеллу, спросил его мнения, и Метелл во всём с ним согласился, но Марий вызвал ликтора и приказал отвести в тюрьму самого Метелла. Метелл обратился к остальным трибунам, но те не поддержали его, и сенат, уступив, переменял своё решение. Со славой вышел Марий к народу, и новый закон получил утверждение в Народном собрании. Все поняли, что Мария нельзя ни запугать, ни усостыжить и что в своём стремлении заслужить расположение толпы он будет упорно бороться против сената. Но вскоре это мнение переменялось, после того, как он решительно воспротивился предложению о раздаче хлеба гражданам и одержал верх. Обе враждебные стороны стали одинаково уважать его за то, что он не желает угождать ни тем, ни другим вопреки пользе государства.

5. В следующем году Марий стал домогаться должности эдила высшего разряда. Есть два разряда эдилов⁵: одни получили название по креслу с изогнутыми ножками, в котором они сидят, исполняя свои обязанности, другие, уступающие первым достоинством, именуются народными. Лишь после того, как первые уже избраны, начинают подавать голоса за вторых. Когда Марию стало ясно, что высшей из этих двух должностей ему не получить, он тотчас стал домогаться другой, но и тут его постигла неудача, потому что все считали его слишком дерзким и высокомерным. Однако даже две неудачи за один день, — чего никогда и ни с кем ещё не случалось, — нисколько не убавили ему самоуверенности, и спустя немного времени он начал домогаться претуры, но и на этот раз едва не потерпел поражение — был избран последним из кандидатов, а после выборов обвинён в подкупе... Хотя поначалу дела Мария в суде шли плохо и судьи были настроены неблагоприятно, в конце концов голоса их разделились поровну, и Марий, вопреки всем ожиданиям, был оправдан.

¹ Римляне обычно носили два или три имени: личное, родовое и (в очень разветвленных родах) фамильное, напр., Гай Юлий Цезарь; сколько-нибудь понятный этимологический смысл могло иметь лишь третье имя (Макрин — «тощий», Торкват — «украшенный ожерельем» как воинским знаком отличия, Сулла «покрытый красными пятнами»; Плутарх сближает их с царскими прозвищами Ахеменидов и Селевкидов — Мнемон, «памятливый», Грип, «горбоносый», Каллиник «славный победами»). Женщины носили только родовое имя; сестры звались «Юлия I», «Юлия II» и т.д. В более древние времена человека называли чаще всего первым его именем, но в эпоху империи более употребительным стало третье или же четвертое имя.

² Хариты — богини радости; «принеси жертвы» — т.е. «чтобы они от тебя не отворачивались».

³ Видимо, Марии были клиентами при семье Метеллов, как Катоны при семье Валериев Флакков.

⁴ Этот закон уменьшал возможность подкупов при голосовании; он продолжал мероприятия Гракхов, а протест против раздачи хлеба шел против них.

⁵ Курульные (первоначально только для патрициев) и народные (для плебеев); «курульное кресло» было знаком власти также и для преторов и консулов.

6. Исполняя должность претора, он не снискал себе особых похвал, а по истечении срока получил по жребию Внешнюю Испанию, которую, как сообщают, очистил от разбойников (жители этой провинции отличались дикими, почти звериными нравами, а разбой считали самым почётным занятием). Выступив на гражданском поприще, Марий не обладал ни богатством, ни красноречием, с помощью которых люди, пользовавшиеся в то время наибольшим почетом, вели за собой народ. Однако граждане высоко ценили его за постоянные труды, простой образ жизни и даже за его высокомерие, а всеобщее уважение открывало ему дорогу к могуществу, так что он даже смог вступить в выгодный брак, взяв в жены Юлию из знатного дома Цезарей, племянник которой, Цезарь, немного лет спустя стал самым великим из римлян и... часто стремился подражать своему родственнику Марию. О самообладании и выносливости Мария свидетельствует многое, например, то, как он перенес хирургическую операцию. Страдая, по-видимому, сильным расширением вен на обоих бедрах и досадуя на то, что ноги его обезображены, он решил позвать врача и, не дав связать себя, подставил под нож одно бедро. Не шевельнувшись, не застонав, не изменившись в лице, он молча вытерпел невероятную боль от надрезов. Но когда врач хотел перейти ко второй ноге, Марий не дал ему резать, сказав: «Я вижу, что исцеление не стоит такой боли».

7. Консул Цецилий Метелл, которому было поручено командование в войне против Югурты, отправляясь в Африку, взял с собою Мария легатом. Совершив там немалые подвиги и со славой сражаясь во многих битвах, Марий и не думал приумножать этим славу Метелла или, подобно остальным, прислуживаться к нему, но, считая, что не Метелл назначил его легатом, а счастливая судьба в самый подходящий момент дала ему высокие подможки для подвигов, старался показать всю свою доблесть и мужество... Вероятно, лучшее облегчение тягот для человека видеть, как другой переносит те же тяготы добровольно: тогда принуждение словно исчезает. А для римских солдат самое приятное — видеть, как полководец у них на глазах ест тот же хлеб и спит на простой подстилке или с ними вместе копает ров и ставит частокол. Воины восхищаются больше всего не теми вождями, что раздают почести и деньги, а теми, кто делит с ними труды и опасности, и любят не тех, кто позволяет им бездельничать, а тех, кто по своей воле трудится вместе с ними. Делая все это, Марий быстро стал любимцем войска и наполнил всю Африку, а затем и весь Рим славой своего имени, ибо все писали из лагеря домой, что не будет ни конца, ни предела войне с варварами, пока Гая Мария не изберут консулом.

8. Все это явно раздражало Метелла, но больше всего его огорчило дело Турпилия. Этот Турпилий, связанный с Метеллом наследственными узами гостеприимства, служил в то время в его войске начальником плотников и строителей. Стоя во главе караульного отряда в большом городе Баге, он не притеснял местных жителей, относился к ним мягко и дружелюбно, беспечно доверял им и потому попал в руки врагов. Впустив в Багу Югурту, горожане не сделали Турпилию ничего дурного, а, наоборот, упорив царя, отпустили его целым и невредимым. За это его обвинили в измене; Марий, присутствовавший на суде, был очень суров к Турпилию и так настроил против него большинство судей, что Метелл был вынужден, вопреки своему желанию, приговорить этого человека к смерти. Спустя некоторое время выяснилось, что обвинение было ложным, и все горевали с удрученным Метеллом — все, кроме Мария, который, не стыдясь, говорил повсюду, что это дело его рук и что так он воздвиг на Метелла демона, мстящего за убийство друга. С тех пор они враждовали открыто, и рассказывают, что однажды Метелл язвительно сказал Марию: «Так, значит, ты, милейший, собираешься покинуть нас и плыть домой домогаться консульства? А не хочешь ли стать консулом в один год вот с этим моим сыном?» (Сын Метелла был тогда ещё мальчишкой¹.) Как бы то ни было, но когда Марий стал добиваться разрешения уехать, Метелл долго чинил ему препятствия и отпустил только за двадцать дней до консульских выборов, Марий прошёл длинный путь от лагеря до Ётики за два дня и одну ночь и перед отплытием принёс жертвы. Как говорят, гадатель объявил Марию, будто божество возвещает ему небывалый, превосходящий все ожидания успех. Ободрённый этим предсказанием, он отчалил и с попутным ветром за четыре дня пересек море. В Риме он тотчас показался народу, с нетерпением ожидавшему его, и, когда один из трибунов вывел его к толпе, он просил дать ему консульство, возводя на Метелла множество обвинений и обещая захватить Югурту живым или мертвым.

9. Избранный консулом при всеобщем ликовании, Марий тотчас провёл набор, вопреки закону и обычаю записав в войско много неимущих и рабов, которых все прежние полководцы не допускали в легионы, доверяя оружие, словно некую ценность, только достойным — тем, чьё имущество как бы служило надёжным залогом. Но больше всего нареканий вызвали не действия Мария, а его высокомерные, полные дерзости речи, оскорблявшие самых знатных римлян: он говорил, что консульство — это трофей, с бою взятый им у изнеженной знати и богачей, или что он может похвастаться перед народом своими собственными ранами, а не памятниками умерших и чужими изображениями². Неоднократно, упомянув неудачливых полководцев — Бестию или Альбина, отпрысков знатных семейств, но людей невоинственных и по неопытности терпевших в Африке поражения, Марий спрашивал у окружающих, неужели предки этих военачальников, завоевавшие славу не знатностью происхождения, а доблестью и подвигами, не предпочли бы иметь таких потомков, как он. Все это он говорил не ради пустого бахвальства, не с тем, чтобы напрасну вызвать ненависть к себе среди первых в Риме людей: народ, привыкший звонкостью речей измерять величие духа, ликовал, слыша хулу сенату, и превозносил Мария, этим побуждая его в угоду простонародью не щадить лучших граждан.

10. Когда Марий прибыл в Африку, Метелл, одолеваемый завистью, не стал ждать встречи с ним. Метеллу не давала покоя мысль о Марии, который потому и возвысился, что забыл о благодарности за все, чем был обязан ему, а теперь, когда война закончена и остается только захватить Югурту, явился, чтобы вырвать у своего благодетеля венец и триумф. Поэтому он удалился, а войско Марию передал Рутилий, легат Метелла. Но, в конце концов, Мария настигло возмездие: Сулла отнял у него славу так же, как он сам отнял её у Метелла... Тестем Югурты был Бокх, царь варваров, живших в глубине материка, однако он не очень помогал зятю в войне, якобы страшась его вероломства, а в действительности опасаясь его возраставшего могущества. Когда у Югурты, который скитался, спасаясь от римлян, осталась только одна надежда — на тестя, он явился к Бокху, и тот принял его, скорее стыдясь отказать молящему, чем испытывая расположение к нему. Держа его в руках, Бокх для вида просил за него Мария и смело писал, что не выдаст Югурту, но втайне замыслил измену и послал за Луцием Сўллой, который был квестором у Мария и во время войны оказал царю какие-то услуги. Когда Сўлла, доверяя ему, приехал, варвар переменял свое намерение и несколько дней колебался, выдать ли Югурту Сўлле либо не отпускать его самого. Наконец он решился на давно задуманную измену и живым выдал Югурту, тем самым посеяв между Марию и Сўллой непримиримую и жестокую вражду, которая чуть было не погубила Рим. Многие, завидуя Марию, утверждали, что подвиг совершён Суллой, да и сам он заказал драгоценный камень с изображением Бокха, передающего ему Югурту, и постоянно носил кольцо с этой геммой, пользуясь ею как печатью. Это раздражало Мария, человека честолюбивого, не желавшего ни с кем делиться своей славой и склонного к раздорам, но сильнее всего разжигавшего

¹ По Саллюстию («Югуртинская война», 64), младшему Метеллу (будущему противнику Сертория) было в это время 20 лет, тогда как возрастной ценз для консульства был 43 года.

² Восковыми масками предков, которые хранились в знатных домах.

ли его гнев противники, которые приписывали первые и самые великие подвиги в этой войне Метеллу, а завершение её — Сулле, стремясь умерить восторг народа и приверженность его к Марию.

11. Но всю эту зависть, всю клевету и ненависть к Марию тотчас рассеяла и уничтожила опасность, надвигавшаяся на Италию с запада. Когда понадобился великий полководец и республика стала искать, кого бы ей поставить кормчим, дабы выстоять в столь страшной военной буре, ни один из отпрысков знатных и богатых семейств не получил должность на консульских выборах, но единодушно был избран отсутствующий Марий. Вместе с известием о пленении Югурты в Рим пришла молва о кимврах и тевтонах; сперва слухам о силе и многочисленности надвигающихся полчищ не верили, но потом убедились, что они даже уступают действительности. В самом деле, только вооруженных мужчин шло 300 тыс., а за ними толпа женщин и детей, как говорили, превосходившая их числом. Им нужна была земля, которая могла бы прокормить такое множество людей, и города, где они могли бы жить, — так же как галлам, которые, как им было известно, некогда отняли у этрусков [в 391 г. до н.э.] лучшую часть Италии. Кимвры ни с кем не вступали в отношения, а страна, из которой они явились, была так обширна, что никто не знал, что за люди и откуда они, словно туча, надвинулись на Италию и Галлию. Большинство полагало¹, что они принадлежат к германским племенам, живущим возле Северного океана, как свидетельствуют их огромный рост, голубые глаза, а также и то, что кимврами германцы называют разбойников... Перед их отвагой и дерзостью нельзя было устоять, а в битве быстротой и силой они были подобны огню, так что натиска их никто не выдерживал и все, на кого они нападали, становились их добычей. От них потерпели бесславное поражение многие армии римлян во главе с управлявшими Заальпийской Галлией полководцами, которые сражались плохо, чем более всего побудили варваров наступать на Рим, ибо, побеждая всех, кого ни встречали, и захватывая богатую добычу, кимвры решили обосноваться на месте не раньше, чем разгромят Рим и опустошат Италию.

12. Узнав обо всем этом, римляне многократно звали Мария встать во главе войска. Он был вторично избран консулом, хотя закон запрещал избирать кандидата, если его нет в Риме и если ещё не прошел положенный срок со времени предыдущего консульства [т.е. 10 лет]. Народ прогнал всех, кто выступал против Мария, считая, что не впервые законом жертвуют ради общественной пользы и что теперь для этого есть не менее веская причина, чем в то время, когда вопреки закону был избран консулом Сципион²; ведь тогда не боялись гибели собственного города, а только хотели разрушить Карфаген. Было принято постановление, и Марий вместе с войском прибыл из Африки и в день январских календ, с которого римляне начинают год, одновременно вступил в должность консула и отпраздновал триумф, проведя по городу пленного Югурту, при виде которого римляне глазами своим не поверили, ибо ни один из них не надеялся при жизни царя одолеть нумидийцев. Этот человек умел приспособливаться к любой перемене судьбы, и низость сочеталась в нём с мужеством, но торжественное шествие, как рассказывают, сбило с него спесь. После триумфа его отвели в тюрьму, где одни стражники сорвали с него одежду, другие, спеша завладеть золотыми серьгами, разодрали ему мочки ушей, после чего его голым бросили в яму, и он, полный страха, но насмешливо улыбаясь, сказал: «О Геракл, какая холодная у вас баня!» Шесть дней боролся он с голодом и до последнего часа цеплялся за жизнь, но все же понёс наказание, достойное его преступлений. Говорят, что во время триумфа несли 3 007 фунтов золота, 5 775 фунтов серебра в слитках и 287 тыс. драхм звонкой монетой. После триумфа Марий созвал на Капитолии сенат и, то ли по забывчивости, то ли грубо злоупотребляя своей удачей, явился туда в облачении триумфатора, однако, заметив недовольство сенаторов, вышел и, сменив платье, вернулся в тоге с пурпурной каймой³.

13. В походе Марий закалял войско, заставляя солдат много бегать, совершать длинные переходы, готовить пищу и нести на себе свою поклажу, и с тех пор людей трудолюбивых, безропотно и с готовностью исполнявших все приказания, стали называть «Мариевыми мулами»...

14. Большой удачей для Мария было... то обстоятельство, что варвары отхлынули, словно волны, и напали раньше на Испанию: благодаря этому Марий выиграл время для того, чтобы его солдаты окрепли и воспрянули духом, а главное, увидели, каков он сам. Ибо суровость, с какой он управлял, и неумолимость, с какой налагал наказания, представлялись теперь воинам, которых он отучил от нарушений дисциплины и неповиновения, справедливыми и полезными, а спустя недолгое время, привыкнув к его неукротимому нраву, грубому голосу и мрачному виду, они даже стали говорить, что всё это страшно не им, а врагам. Больше всего солдатам нравилась справедливость Мария в суде... Под началом Мария служил военным трибуном его племянник Гай Лузий, человек вообще не плохой, но одержимый страстью к красивым мальчикам. Влюбившись в одного из своих молодых солдат, Требония, он часто пытался совратить его, — но ничего не достиг. Наконец, однажды ночью, отослав слугу, он велел позвать Требония. Юноша явился, так как не мог ослушаться приказа начальника, но когда его ввели в палатку и Лузий попытался овладеть им насильно, Требоний выхватил меч и заколол Лузия. Все это произошло в отсутствие Мария, который, возвратившись, велел предать Требония суду. Многие поддерживали обвинение, никто не сказал ни слова в защиту юноши, и тогда он сам встал, смело рассказал, как было дело, и представил свидетелей, подтвердивших, что он неоднократно отказывал соблазнявшему его Лузию и не отдался ему, даже когда тот предлагал большие деньги. Удивленный и восхищенный, Марий приказал подать венок, которым по обычаю предков награждают за подвиги, и, взяв его, стал увенчать Требония за прекрасный поступок, совершенный в то время, когда особенно нужны были примеры. Этот случай стал известен в Риме, что немало способствовало третьему избранию Мария в консулы. К тому же, ожидая летом варваров, римляне не желали вступать с ними в бой под началом какого-нибудь другого полководца. Но кимвры появились позже, чем их ожидали, и срок консульства Мария вновь истек.

Незадолго до консульских выборов его товарищ по должности скончался, и Марий, оставив во главе войск Мания Аквилія, явился в Рим. Поскольку консульства домогались многие знатные римляне, Луций Сатурнин, который из всех трибунов пользовался в народе наибольшим влиянием и которого Марий привлек на свою сторону, выступил с речью и убеждал избрать консулом Мария. Когда же тот стал притворно отказываться, говоря, что ему не нужна власть, Сатурнин назвал его предателем отечества, бросающим свои обязанности полководца в такое опасное время. Все явно видели, что он лишь неумело подыгрывает Марию, но, понимая, что в такой момент нужны решительность и удачливость Мария, в четвертый раз избрали его консулом, дав ему в товарищи Лутация Катула, человека, почитаемого среди знати и в то же время удобного народу.

15. Марий, узнав, что враги близко, поспешил перейти Альпы и, разбив лагерь близ реки Родана, свез в него много продовольствия, чтобы недостаток самого необходимого не вынудил его вступить в битву до того, как он сам сочтет это нужным. Прежде подвоз всех припасов, в которых нуждалось войско, был долгим и трудным, но Марию удалось облегчить и ускорить дело, проложив путь по морю. Устье Родана, где волнение и прилив оставляют много ила и морского песка, почти на всю глубину занесено ими, и поэтому грузовым судам трудно и опасно входить в реку. Послав туда праздно стоявшее войско, Марий прорыл ог-

¹ Т.е. германцы — самостоятельная народность; другие — что это смесь северо-западных варваров, кельтов, с северо-восточными варварами, скифами; третьи (фантастически сближая имена «кимвры» и «киммерийцы») — что это потомки киммерийцев, доскифского населения Причёрноморья.

² Сципиону Младшему было в 147 г. до н.э. 37 лет вместо положенных 43-х.

³ Т.е. в обычной консульской одежде, тогда как триумфатор надевал тогу, вышитую золотом.

ромный ров и, пустив в него воду из реки, провел достаточно глубокий и доступный для самых больших судов канал к более удобному участку побережья, где прибой не затруднял сток речной воды в море. И поныне ещё канал носит имя Мария.

Между тем варвары разделились: кимвры должны были наступать через Норик на Катула и прорваться в Италию, а тевтонам и амбронам предстояло двигаться на Мария вдоль Лигурийского побережья. Кимвры замешкались, а тевтоны и амброны, быстро пройдя весь путь, появились перед римлянами, бесчисленные, страшные, голосом и криком не походившие ни на один народ. Заняв огромную равнину и став лагерем, они принялись вызывать Мария на бой.

16. Однако он пренебрег вызовом и продолжал удерживать воинов в лагере, а слишком уж горячих, рвавшихся в бой и делавших далекие вылазки, резко порицал, называя предателями: ведь сейчас главное не справить триумф или воздвигнуть трофей, но отворотить эту грозную тучу, этот удар молнии и спасти Италию. Так Марий говорил каждому из военных трибунов и равным им по достоинству начальникам, солдат же группами выстраивал на валу и заставлял смотреть на врагов, желая приучить римлян к виду и страшному, грубому голосу варваров, познакомить их с оружием и боевыми приемами противника и тем самым добиться, чтобы солдаты постепенно освоились и привыкли к зрелищу, прежде пугавшему их. Марий вообще полагал, что новизна прибавляет много напрасных страхов, а привычка уменьшит робость даже перед тем, что действительно страшно. И в самом деле, не только привычка смотреть на варваров день ото дня утишала смятение, но и угрозы и несносная наглость врагов, грабивших все вокруг и даже осмеливавшихся открыто нападать на стены лагеря, разжигали мужество римлян и воспламеняли их душу...

17. ...[За Марием] всегда торжественно несли на носилках некую сириянку, по имени Марфа, слывшую гадательницей, по совету которой он совершал жертвоприношения. Незадолго до этого сенат изгнал её, когда она стала предсказывать будущее сенаторам, но она вошла в доверие к женщинам, на деле доказав своё умение гадать, особенно в одном случае, когда, сидя у ног жены Мария, предсказала, какой из двух гладиаторов, выйдет победителем. Та отослала Марфу к мужу, и у него она пользовалась уважением. Чаще всего она оставалась в носилках, а во время жертвоприношений сходила с них, облаченная в двойное пурпурное одеяние, держа копьё, увитое лентами и гирляндами цветов...

18. Тевтоны, пользуясь бездействием Марии, попытались взять лагерь приступом, но были встречены градом стрел, летевших из-за частокола. Потеряв немало воинов, они решили трогаться дальше, считая, что без труда перевалят через Альпы, и, собравшись, двинулись мимо лагеря римлян, которые лишь теперь, когда варвары бесконечно длинной вереницей шли перед ними, поняли, сколь многочисленны их враги. Говорят, что это шествие непрерывно тянулось мимо укреплений Мария шесть дней. Проходя под самым валом, тевтоны со смехом спрашивали римских солдат, не желают ли они что-нибудь передать женам, ибо скоро тевтоны будут в Риме. Когда, наконец, варвары миновали лагерь, Марий поднялся и, не спеша, последовал за ними, всякий раз останавливаясь поблизости от них в недоступных местах и воздвигая укрепления, чтобы ночевать в безопасности. Так достигли они местности, именуемой Секстиевыми Водами, откуда лишь немного оставалось пройти до Альп. Здесь Марий приготовился дать сражение и занял лагерем неприступный холм, на котором не было, однако, воды (этим он хотел, как говорят, ещё больше ожесточить солдат). Когда многие из них стали возмущаться и кричать, что хотят пить, Марий, указав рукой на реку, протекавшую возле вражеского вала, сказал: «Вот вам питье, за которое придется платить кровью». «Так почему же ты не ведешь нас на них, пока кровь в наших жилах ещё не высохла?» — спросили воины. «Сперва нужно укрепить лагерь», — спокойно отвечал Марий.

19. Солдаты подчинились, хотя и с досадой, но рабы, во множестве следовавшие за войском, не имея воды ни для себя, ни для вьючных животных, гурьбой спустились к реке. Они захватили с собой, кроме сосудов, секиры и топоры, а некоторые даже мечи и копья, чтобы добыть воды — пусть даже с бою. Сначала на них напала только малая часть противников: все остальные в это время или купались, или завтракали после купания. В тех краях бьют горячие ключи и римляне застigli варваров в такой момент, когда многие из них, окружив эти источники, благодумствовали и предавались праздности, восхищаясь прелестью местности. На крик сражающихся сбежалось много римлян, ибо Марию было трудно удержать солдат, боявшихся за своих рабов. Самые воинственные из варваров — амброны — тоже бросились к оружию. Число их превосходило 30 тыс., и они уже нанесли поражение римлянам, сражавшимся под командованием Манлия и Цепиона. Хотя тела их были отягощены пищей, а души разгорячены вином и исполнены дерзости, все же они мчались вперед не разъяренной, беспорядочной толпой, а крики, которые они издавали, не были невнятные: ритмично ударяя мечами и копьями о щиты, они все разом подпрыгивали и выкрикивали: «Амброны!», — то ли окликая друг друга, то ли желая таким предупреждением испугать врага. Лигуры, первыми из италийцев спустившиеся им навстречу, услышав и разобрав их клич, стали кричать в ответ, что и они, и предки из их рода в род прозывались амбронами. И прежде чем противники сошлись врукопашную, над полем стоял непрерывный вопль, потому что оба войска, поочередно издавая клич, старались перекричать друг друга, и крики ещё больше воспламеняли их, возбуждая мужество.

Сперва амброны стояли за рекой, но не успели они переправиться и выстроиться, как лигуры бегом ринулись на врагов, ступивших на берег первыми, и завязали рукопашный бой, а римляне, примчавшиеся с холма на помощь лигурам, налетели на варваров и обратили их в бегство. Многие из амбронов, ещё стоявшие у реки, были сброшены в воду своими же и погибли, запрудив русло трупами, а те, кому удалось переправиться, не решались встретиться врага лицом к лицу, и римляне гнали их до самых лагерей и повозок, убивая бегущих. Но тут появились женщины, вооруженные топорами и мечами: со страшным криком напали они и на беглецов, и на преследователей, одних встречая как предателей, других — как врагов. Замешавшись в ряды сражающихся, они голыми руками вырывали у римлян щиты и хватались за мечи, не чувствуя порезов и ран, и только смерть смиряла их отвагу. Так описывают эту битву у реки, происшедшую скорее по воле случая, чем по замыслу полководца.

20. Перебив множество амбронов, римляне с наступлением сумерек отошли, но не победные пеаны, не пиры по шатрам и не веселые трапезы ожидали войско после такой удачи, и даже целительный сон, который так сладок для счастливо сражавшихся воинов, не пришёл к ним, ибо ещё ни одну ночь не проводили они в таком страхе и трепете, как эту. Лагерь их не был защищен ни валом, ни частоколом, а внизу ещё оставалось несчетное множество непобедимых варваров. К ним присоединились амброны, которые спаслись бегством, и всю ночь раздавались их жалобы, похожие больше на звериный рык и вой, чем на человеческий плач и стенания; с жалобами смешивались тысячеустые угрозы и вопли, их повторяли окрестные горы и речная долина, наполняя округу страшным гулом, а сердца — римлян — ужасом. Сам Марий был в смятении, опасаясь, как бы не началось беспорядочное, бессмысленное ночное сражение. Однако враги не напали ни в эту ночь, ни на следующий день, употребив все время на подготовку к бою.

Между тем Марий, увидев, что над головой варваров нависают лесистые склоны, прорезанные ущельями, сплошь заросшими дубами, послал Клавдия Марцелла с тремя тысячами тяжело вооруженных воинов, приказав ему укрыться в засаде и во время битвы напасть на врага с тыла. Остальных пехотинцев, выспавшихся и рано позавтракавших, он с рассветом выстроил перед лагерем, а конницу выслал вперед, на равнину. Увидев это, тевтоны, не дождавшись, пока римляне спустятся вниз и положение сражающихся сторон уравнивается, второпях схватили оружие и в гневе бросились вверх по холму. Марий разослал во все сто-

роны начальников с приказом твердо стоять на месте и, когда неприятель окажется в пределах досягаемости, забросать его копьями, а затем пустить в ход мечи и сталкивать врагов щитами: покато место лишит их удары силы и расшатает сомкнутый строй, ибо на такой крутизне трудно стоять твердо и удерживать равновесие...

21. Римляне, принимая и отражая натиск рвавшихся вверх варваров, стали сами понемногу теснить противника и, в конце концов, спустились на ровное место. Пока передние ряды варваров строились на равнине в боевой порядок, в задних возникло замешательство и поднялся крик. Когда его звук долетел до холмов, Марцелл, поняв, что удобный момент настал, поднял своих солдат и с воинственным кличем напал на варваров с тыла, убивая стоявших в последних рядах. Те, увлекая за собой соседей, вскоре привели в смятение всё войско, которое недолго сопротивлялось двойному удару римлян, но, смешавшись в беспорядочную толпу, обратилось в бегство. Преследуя бегущих, римляне убили и взяли в плен больше 100 тыс. человек, захватили палатки, повозки и деньги, а всё, что уцелело от разграбления, решили отдать Марию...

...Жители Массилии костями павших огораживали виноградники, а земля, в которой истлели мертвые тела, стала после зимних дождей такой тучной от наполнившего её на большую глубину перегноя, что принесла в конце лета небывало обильные плоды, чем подтвердились слова Архилоха, что так вот и удобряется пашня...

22. После битвы Марий отобрал из варварского оружия и добычи всё самое лучшее и наименее пострадавшее, чтобы придать великолепию своему триумфальному шествию, а из остального велел сложить огромный костёр и принёс великолепную жертву. Воины стояли вокруг в полном вооружении, с венками на голове, а сам он, препоясанный по обычаю предков и одетый в тогу с пурпурной каймой, взял в каждую руку по горящему факелу, вознёс их к небу и уже готов был поджечь костер, как вдруг показались его друзья, быстро мчавшиеся к нему на конях. Все смолкли в ожидании, а прибывшие, подъехав ближе и спешившись, приветствовали Мариа, сообщили ему, что он в пятый раз избран консулом, и вручили письма. Эта радостная весть увеличила победное ликование, и воины излили свой восторг в рукоплесканиях и бряцании оружия, военные трибуны увенчали Мариа лавровым венком, а затем он поджёт костер и завершил жертвоприношение.

23. Но судьба, или Немезида, или естественный порядок вещей, который, не давая людям насладиться полным и безраздельным успехом, чередует в их жизни удачи и неудачи, спустя немного дней принёс Марию известие о его товарище по должности — Катуте. И снова, словно туча на ясном, чистом небе, навис над Римом страх новой бури. Дело в том, что Катул, действовавший против кимров, опасаясь дробить свои силы, чтобы их не ослабить, отказался от намерения защищать Альпийские перевалы, быстро спустился в Италию и занял оборону по реке Натизону, воздвигнув у брода на обоих берегах сильные укрепления и наведя переправу с тем, чтобы помочь стоявшему за рекой отряду, если варвары прорвутся через теснины и нападут на него. А те преисполнились такой дерзости и презрения к врагам, что даже не по необходимости, а лишь для того, чтобы показать свою выносливость и храбрость, нагими шли сквозь снегопад, по ледникам и глубокому снегу взбирались на вершины и, подложив под себя широкие щиты, сверху съезжали на них по скользким склонам самых высоких и крутых гор. Став лагерем неподалеку от римлян и разведав брод, они стали сооружать насыпь: подобно гигантам, срывали они окрестные холмы и бросали в воду огромные глыбы земли вместе с вырванными с корнем деревьями и обломками скал, так что река вышла из берегов, а по течению они пускали тяжелые плоты, которые с силой ударялись об устой моста и расшатывали их. Очень многие римские солдаты в испуге стали покидать большой лагерь и разбегаться. И тут Катул показал, что он, как положено благородному и безупречному полководцу, больше заботится о славе сограждан, чем о своей собственной. Не сумев убедить солдат остаться и увидев, что они в страхе собираются в путь, он приказал снять с места орла, бегом настиг первых из отступавших и пошел впереди, желая чтобы позор пал на него, а не на отечество, и стараясь придать бегству вид отступления, возглавленного полководцем. Варвары, напав на лагерь за Натизоном, взяли его, но, восхищенные римлянами, оборонявшимися с доблестью, достойной их отчизны, отпустили пленных, заключив перемирие и поклявшись на медном быке¹, который впоследствии, после битвы, был захвачен и перенесен в дом Катуты как его доля добычи. Затем, рассеявшись по стране, лишенной защиты, кимвры опустошили её.

24. После этого Мариа вызвали в Рим. Все ожидали, что он отпразднует триумф..., но Марий отказался... Произнеся подобающую случаю речь, он отбыл к Катуте, ободрил его и вызвал своих солдат из Галлии. Едва они явились, Марий перешел Эридан, чтобы не пропустить варваров в глубь Италии. Но кимвры уклонялись от боя, говоря, что ожидают тевтонов и удивляются их задержке, — то ли они в самом деле ничего не знали о их гибели, то ли притворялись, будто не верят этому известию. Тех, кто общал им о разгроме, они подвергали суровому наказанию, а к Марию прислали посольство с требованием предоставить им и их братьям достаточно обширную область и города для поселения. Когда на вопрос Мариа, кто же их братья, послы назвали тевтонов, все засмеялись, а Марий пошутил: «Оставьте в покое ваших братьев; они уже получили от нас землю, и получили навсегда». Послы, поняв насмешку, стали бранить Мариа, говоря, что ему придется дать ответ кимврам — сейчас же, а тевтонам — когда они будут здесь. «Да они уже здесь, — ответил Марий, — и негоже вам уйти, не обняв ваших братьев». С этими словами он велел привести связанных тевтонских царей, которых секваны захватили в Альпах во время бегства.

25. Когда послы рассказали об этом кимврам, они тотчас же выступили против Мариа, не двигавшегося с места... Считается, что именно в этой битве Марий впервые ввел новшество в устройство копья. Раньше наконечник крепился к древку двумя железными шипами, а Марий, оставив один из них на прежнем месте, другой велел вунуть и вместо него вставить ломкий деревянный гвоздь. Благодаря этому копьё, ударившись о вражеский щит, не оставалось прямым: деревянный гвоздь ломался, железный гнул, искривившийся наконечник просто застревал в щите, а древко волочилось по земле.

Бойориг, царь кимвров, с небольшим отрядом подъехал к самому лагерю и предложил Марию, назначив день и место, выйти, чтобы биться за власть над страной. Марий ответил ему, что никогда ещё римляне не совещались о битвах с противником, но он сделает кимврам эту уступку; решено было сражаться на третий день, а место было выбрано у Верцелл, на равнине, удобной и для римской конницы, и для развернутого строя варваров. В назначенный срок оба войска выстроились друг против друга. У Катуты было 20 300 воинов, у Мариа — 32 тыс.; Сулла, участник этой битвы, пишет, что Марий разделил своих людей на две части и занял оба крыла, а Катул оставался в середине. Сулла утверждает, будто Марий разместил свои силы таким образом в надежде на то, что неприятель нападёт на выдвинутые вперед крылья и потому победа достанется лишь его воинам, а Катуту вообще не придется принять участие в битве и схватиться с противником, ибо центр, как всегда бывает при столь длинном фронте, был оттянут назад. Передают, что и сам Катул говорил в свою защиту то же самое, обвиняя Мариа в недоброжелательстве. Пехота кимвров не спеша вышла из укрепленного лагеря; глубина строя у них была равна ширине и каждая сторона квадрата имела тридцать стадиев. А конница, числом до 15 тыс., выехала во всём своём блеске, с шлемами в виде страшных, чудовищных звериных морд с разинутой пастью, над которыми поднимались султаны из перьев, отчего ещё выше казались всадники, одетые в железные панцири и

¹ Возможно, что медный бык был у кимвров военным знаменем, как у римских легионов — серебряный орел.

державшие сверкающие белые щиты. У каждого был дротик с двумя наконечниками, а врукопашную кимвры сражались большими и тяжелыми мечами.

26. Всадники не ударили на римлян прямо в лоб, а отклонились вправо и понемногу завлекли их в промежуток между конницей и выстроившейся левее пехотой. Римские военачальники разгадали хитрость противника, но не успели удержать солдат, которые сразу же бросились вдогонку, едва один из них закричал, что враг отступает. Тем временем варварская пехота приближалась, колыхаясь, точно безбрежное море. Тогда Марий, омыв руки, поднял их к небу и взмолился богам, обещая принести им гекатомбу*; молился и Катул... Рассказывают, что Марий, когда ему во время жертвоприношения показали закланных животных, громко вскричал: «Победа моя!» Но, когда завязалось сражение, Мария... постигло заслуженное наказание. Огромное облако пыли поднялось и... застлало воинам глаза, и потому Марий, первым двинувшийся преследовать врага и увлекший за собой свои легионы, упустил противника, пройдя мимо варварского строя, и долго блуждал по равнине; кимвры же по счастливой случайности натолкнулись на Катула, и самое жаркое сражение шло там, где стоял он и его солдаты, среди которых находился и Сулла... Даже солнце, светившее кимврам в глаза, и зной сражались на стороне римлян, ибо варвары, выросшие... в туманных, холодных странах, теплые к морозу, в жару покрывались обильным потом, задыхались и щитами прикрывали лица, а битва происходила после летнего солнцестоятия, по римскому исчислению — в третий день перед календами месяца секстилия [т.е. 30 июля 101 г. до н.э.]... (теперь он именуется августом). Пыль, скрыв врага от глаз солдат, увеличила их храбрость, ибо они не видели огромных толп варваров, пока те были далеко, и каждый, сходясь врукопашную с теми, кто подбегал к нему вплотную, не был уstraшен видом остальных врагов. Римские солдаты были так выносливы и закалены, что ни одного из них нельзя было увидеть покрытым потом или задыхающимся, несмотря на духоту и частые пробежки...

27. Большая и самая воинственная часть врагов погибла на месте, ибо сражавшиеся в первых рядах, чтобы не разрывать строя, были связаны друг с другом длинными цепями, прикрепленными к нижней части панциря. Римляне, которые, преследуя варваров, достигали вражеского лагеря, видели там страшное зрелище: женщины в черных одеждах стояли на повозках и убивали беглецов — кто мужа, кто брата, кто отца, потом собственными руками душили маленьких детей, бросали их под колеса или под копыта лошадей и закалывались сами. ...Одна из них повесилась на дышле, привязав к щиколоткам петли и повесив на них своих детей, а мужчины, которым не хватило деревьев, привязывали себя за шею к рогам или крупам быков, потом кололи их стрелами и гибли под копытами, влекомые мечущимися животными. Хотя они и кончали с собою таким образом, в плен было захвачено 60 тыс. человек, убитых же насчитывалось вдвое больше. Имущество варваров расхитили солдаты Мария, а доспехи, военные значки и трубы принесены были в лагерь Катула, и это послужило для него самым веским доказательством, что именно он победил кимвров. Однако между солдатами, как водится, начался спор, третейскими судьями в нём выбрали оказавшихся тогда в лагере послов из Пармы, которых люди Катула водили среди убитых врагов и показывали тела, пронзенные их копьями: наконечники этих копий легко было отличить, потому что на них возле древка было выбито имя Катула. И все же первая победа и уважение к власти Мария заставили приписать весь подвиг ему. Больше того, простой люд называл его третьим основателем города¹, полагая, что он не уступает полководцу, отразившему нашествие галлов. Дома, за праздничной трапезой с женой и детьми, каждый посвящал начатки яств и совершал возлияние Марию наравне с богами, все требовали, чтобы он один справил оба триумфа. Но он сделал это вместе с Катулом, потому что хотел и в счастье казаться умеренным, а быть может, и потому, что опасался, как бы воины, стоявшие в боевой готовности, не помешали ему справить триумф, если он лишит Катула этой чести.

II. ПОЛІТИЧНА БОРОТЬБА рубежу II—I ст. до н.е. СОЮЗНИЦЬКА ВІЙНА

№1

БОРОТЬБА ОПТИМАТИВ І ПОПУЛЯРИВ НА ПЕРЕЛОМІ II—I ст. до н.е.

Популяри (лат. populares, від populus — народ) — ідейно-політична течія в Римській республіці (кін. II—I ст. до н.е.), що відображала інтереси плебсу, в основному сільського, і протистояла оптиматам. Популяри підтримували, як правило, солдати, а також заможні люди незначного походження. Серед намірів популярів було переселення римських громадян в колонії, поширення римського громадянства на жителів не тільки Риму і Італії, але і інших провінцій, безкоштовна роздача хліба, грошова реформа. Найбільшій владі популяри досягли під час диктатури Юлія Цезаря (49-44 рр. до н.е.) — свого лідера, вбитого внаслідок змови оптиматів, що домагалася влади сенату. Під час II Триумвірату (43-31 рр. до н.е.) значення популярів суттєво зменшилось. Видними популярями, крім Юлія Цезаря, були брати Гракхи, Гай Марій, Апулей Сатурнін, Публій Клодій, а також (під час I Триумвірату, 60-53 рр. до н.е.) Красс і Помпей.

Оптимати (лат. optimates — знатні) — ідейно-політична течія в Римській республіці (кінець II—I ст. до н.е.), що відображала інтереси нобілітету і протистояла популярам. Оптимати походили з патриціанських родів і виступали за владу сенату, що, як вони вважали, є найбільш стабільною і необхідною для Римської республіки. Оптимати сприяли процвітання знаті і намагалися не допустити в політику так званих «нових людей» (homines novi), в тому числі плебеїв, провінціалів і т.д. Найбільш видним представником оптиматів був Марк Туллій Ціцерон, хоча він і не був патрицієм. Оптимати були противниками надання римського громадянства не-римлянам. Вони протистояли експансії елліністичної культури і боролись за «чистоту і самобутність» римської культури. Також оптимати домагалися надання землі ветеранам. Свого розквіту партія оптиматів переживала в період диктатури Луція Корнелія Сулли (82-79 рр. до н.е.). В його правління була майже повністю урізана влада коміцій, сенат був збільшений у два рази (з 300 до 600 чоловік). В Північній Італії солдатам були виділені попередньо конфісковані землі, більшість популярів були піддані проскрипціям. Крім Ціцерона і Сулли, найбільш видними оптиматами були Катон Старший і Катон Молодший, Тіт Анній Мілон, Марк Юній Брут, Гней Помпей.

(Тіт Лівій, Епітома* XIX книги)

В 103 р. до н.е. видний популяр Луцій Апулей Сатурнін був обраний народним трибуном і вніс такі законопроекти: про наділення ветеранів Марія (не тільки римлян, але і італіків), що прослужили 7 років, великими ділянками землі (по 100 югерів) в Африці і Трансальпійській Галлії; про розширення повноважень вершинських судів (передача в їх відання деяких справ про державну зраду — lex Arpuleia de maiestate); зниження цін на хліб, призначений для продажу міському плебсу. Вступивши в союз з Гаєм Марієм і Гаєм Главцієм, Сатурнін в 100 р. до н.е. повторно став народним трибуном і названі законопроекти були прийняті. В кінці того ж року, під час виборів на наступний строк, загинув суперник Главція Гай Меммії, в чому були звинувачені вожді популярів. Сенат оголосив облоговий стан, Главція і Сатурнін загинули (див. наступний документ). В 99 р. до н.е., закони Сатурніна були скасовані.

Луцій Апулей Сатурнін был избран народным трибуном путём насилия, ему помогал Гай Марий, а солдаты убили соискателя Авла Пунния. Он отправлял трибуна не менее насильственно, как и домогался его. Когда он насильственным путём внёс аграрный закон, он привлёк к суду Метелла Нумидийского за то, что тот отказался подчиниться этому закону. Несмотря на защиту благонамеренных граждан, Метелл, не желая быть причиной распрей, удалился в добровольное изгнание на Родос, где старался

¹ После Ромула и Камилла.

отвлечься, слушая и читая всяких мужей. После его удаления Гай Марий, виновник раздора, который купил шестое консульство за деньги, розданные по трибам, изгнал Метелла из отечества. Тот же народный трибун Апулей Сатурнин убил кандидата на консульство Гая Меммия, видя в нём опасного противника своим действиям. Эти обстоятельства обеспокоили сенат, на сторону которого перешел и Гай Марий, человек непостоянного и изменчивого настроения и державший всегда нос по ветру. Сатурнин был захвачен вооруженной силой с претором Гаем Главцией и другими участниками того же безумия и был убит в одном сражении. Квинт Цецилий Метелл был возвращен из изгнания при сильном одобрении всех граждан. Проконсул Маний Аквиллий окончил поднятую в Сицилии войну с рабами.

(Плутарх, Порівняльні життєписи, Гай Марій)

28. Шестого [консульства Марий] домогался так, как другие не добиваются и первого; обхаживая для этого народ, он не только угождал толпе в ущерб достоинству и значению власти, но и старался быть мягким и снисходительным, вопреки собственной природе, лишённой этих свойств. Однако, как утверждают, честолюбие делало его робким на гражданском поприще, ропот толпы пугал его, присущие ему в битвах непоколебимость и стойкость покидали его в Народном собрании, и любой мог хвалой или хулой заставить его воспрянуть или пасть духом. Правда, даровав римское гражданство тысяче камерийцев¹, отличившихся в сражении, Марий в ответ на обвинения в том, что поступил противозаконно, сказал: «Грохот оружия заглушал голос закона». Но в большинстве случаев он терялся и робел перед криками в Народном собрании. На войне, где без него не могли обойтись, Марий пользовался властью и уважением, а в государственных делах его влияние ограничивали всеми средствами, и потому он стал добиваться расположения народа и, стремясь стать выше всех, не старался быть лучше всех.

Враждя с первыми гражданами, он больше всего боялся Метелла, который пал жертвой его неблагодарности и чья врождённая неподкупная честность всегда восставала против людей, желавших привлечь народ не заботой об общем благе, а лестью и угождением. Этого человека Марий задумал изгнать, ради чего приблизил к себе Сатурнина и Главцию, людей наглых и всегда окружённых толпой обнищавших смутьянов. С их помощью он внёс несколько законов и, рассеяв в толпе народа, сошедшегося на выборы, своих солдат, кознями победил Метелла. Согласно рассказу Рутилия, человека честного и правдивого, но враждебного Марию, тот, раздав по трибам² деньги, купил себе шестое консульство, золотом лишив власти Метелла и взяв Валерия Флакка скорее пособником, чем товарищем по должности. До Мария народ никому, кроме Валерия Корвина, не давал консульства столько раз, но у того между первым и шестым консульством протекло сорок пять лет, а Марий после первого получил ещё пять как единый дар судьбы.

29. Более всего было ненавистно согражданам последнее консульство Мария, когда заодно с Сатурнином он совершил множество преступлений. К числу их принадлежит убийство Нония, который домогался трибуната, соперничая с Сатурнином, и был заколот им.

Став трибуном, Сатурнин предложил закон о земле³ и прибавил к нему требование, чтобы сенат поклялся без возражений принять всё, что постановит народ...

30. За эту услугу Сатурнина Марий должен был закрыть глаза на то, что тот дошёл до предела в своей наглости и приобрёл огромную власть; так незаметно для себя Марий причинил Риму страшное зло, допустив, чтобы трибун, грозя оружием и убийствами, открыто стремился к государственному перевороту и тирании. Стыдись знати и угождая черни, Марий совершил совсем уже бесчестный и низкий поступок. Когда ночью к нему пришли первые люди в государстве и стали убеждать его расправиться с Сатурнином, Марий тайком от них впустил через другую дверь самого Сатурнина и, солгав, что страдает расстройством желудка, под этим предлогом бегал через весь дом то к одним, то к другому, подзадоривая и подстрекая обе стороны друг против друга. Когда же и сенаторы, и всадники устроили сходку, негодую против мятежников, Марий вывел на форум вооружённых воинов [90 г. до н.э.], загнал сторонников Сатурнина на Капитолий и, перерезав водопровод, взял их измором: ослабев от жажды, они призвали Мария и сдались, получив от имени государства заверения в личной неприкосновенности. Он делал все, чтобы их спасти, но ничем не мог помочь, и едва они спустились на форум, как их тотчас же убили. С этого времени Марий стал ненавистен не только знати, но и простому народу...

(Веллей Патеркул, Римська історія, II, 13, 14)

Затем, по прошествии немногих лет, трибунат получил Марк Ливий Друз⁴, муж очень знатного происхождения, огромного красноречия, вполне безупречный, но талант и ум его во всех отношениях стоял выше его счастья. Он желал вернуть сенату его прежние величие и хотел перенести на это сословие судебную власть, которую на основании законов Гракха присвоили всадники, свирепствуя против многих весьма славных и совершенно невинных мужей; так, несмотря на сильные вопли граждан, они осудили по закону о взятках Публия Рутилия, честнейшего человека не только для своей эпохи, но и для всех времен. Однако в своих замыслах в пользу сената Друз имел противника в этом самом сенате, который не понимал, что все действия трибуна на пользу плебеев совершались, так оказать, только для приманки и оболыщения толпы, чтобы, предоставив ей малое, добиться затем от неё гораздо большего. Наконец, у Друза было такое счастье, что сенат больше одобрял злодеяния товарищей трибуна по должности, чем наилучшие замыслы его самого, и презирал почёт, который Друз доставлял сенату, а спокойно принимал обиды, устраиваемые его товарищами, и завидовал высокой славе Друза, терпя неумеренную похвальбу его коллег.

Тогда, видя, что его благие намерения имеют дурной успех, Друз направил мысль на дарование Италии прав гражданства. Когда он с подобным намерением вернулся с форума, окружённый непомерной и нестройной толпой, которая постоянно его сопровождала, он получил на внутреннем дворе своего дома удар ножом, который был оставлен вонзившимся в его бок, и через несколько часов скончался. Но, будучи при последнем издыхании, он взглянул на скорбную толпу, окружившую его, и издал восклицание, вполне соответствовавшее его совести: «Родные, друзья мои, неужели у республики будет когда-нибудь гражданин, подобный мне?» Таков был конец жизни этого высоко знаменитого юноши. Отнюдь не следует умалчать о следующей замечательной черте его характера. Когда Друз строил дом на Палатине, на том месте, где теперь находится дом Статилия Сизенны, принадлежавший некогда Цицерону, а потом Цензорину, то архитектор обещал Друзу построить дом так, что хозяин будет свобо-

¹ Камерийцы — из Камерии, сабинского города в Лации.

² раздав по трибам — по 35 римским избирательным округам.

³ Закон продолжал политику Гракхов: предлагался раздел (между ветеранами Мария) земель в Африке и Цизальпинской Галлии, несмотря на то, что галлы были союзниками римского народа.

⁴ Трибунат Марка Ливия Друза Младшего относится к 91 г. до н.э.

ден от заглядывания и лишён всяких свидетелей и никому нельзя будет увидеть внутренности дома. Нет, отвечал Друз, если у тебя есть известная доля искусства, то ты так расположи мой дом, чтобы все могли рассмотреть все мои действия...

№2 СОЮЗНИЦЬКА ВІЙНА (91-88 рр. до н.е.)

(Авл Геллій, Аттичні ночі, X, 3)

Авл Геллій (130-180 рр.) — автор твору «Аттичні ночі» в 20 книгах, що представляє собою щось на манер хрестоматії, в якій зібрані фрагменти з творів стародавніх письменників, глумачення термінів, замітки історичного і філософського характеру.

В одной из своих речей Гай Гракх рассказывал эпизод, рисующий отношение римских магистратов к почтенным людям из италийских муниципиев. Вот подлинные слова Гракха: «Недавно в город сидицинцев Теан прибыл консул. Жена его заявила, что хочет мыться в мужских банях. Сидицинскому квестору, Марку Марию, дано было поручение выгнать из бань тех, кто там мылся. Жена докладывает мужу, что баню передали ей недостаточно скоро и недостаточно чистую. Поэтому на площади был поставлен кол, и туда был приведен благороднейший человек из местных граждан, Марк Марий. С него совлекли платье, он был высечен розгами. Как только это услышали жители города Калы, они издали распоряжение, чтобы никто не смел мыться в бане, когда в городе находится римское должностное лицо. В Ферентине по той же причине наш претор приказал схватить квесторов: один сбросился со стены, другой был схвачен и высечен розгами».

Равным образом в другом месте Гракх говорит так: «Я приведу вам один пример, чтобы показать, до какого своеволия и до какой несдержанности доходит наша молодежь. Всего несколько лет тому назад из Азии был послан в качестве посланника один молодой человек, который в то время не занимал ещё государственной должности. Его несли на носилках. Навстречу ему попался пастух из везувийских плебеев и, не зная, кого несут, спросил в шутку: что это — похороны? Лишь только тот услышал это, как велел опустить носилки и ремнями, которыми они были привязаны, бить пастуха до тех пор, пока тот не испустил дух».

(Аппіан, Громадянські війни, I, 38-53)

38. Так как преследования аристократии всё более и более росли, народ стал выражать неудовольствие, что ему приходится лишаться сразу стольких лиц, так много потрудившихся на пользу государства. Да и *италийцы*¹ при вести о печальном конце Друза, о тех поводах, по которым упомянутые выше лица подверглись изгнанию, не считали возможным допустить, чтобы с людьми, действовавшими в их интересах, так поступали. Не усматривая далее никакого средства осуществить свои надежды на получение гражданских прав, италийцы решили открыто отложиться от римлян и повести против них вооруженную войну. Путем тайных переговоров между собою они условились об этом и для скрепления взаимной верности обменялись заложниками. В течение долгого времени римляне не знали о происходящем, так как в городе происходили судебные разбирательства и междоусобные распри. Но когда римлянам всё это стало известно, они начали рассылать по италийским городам людей из своей среды, наиболее подходящих, с целью незаметно осведомиться, что такое происходит. Один из них, увидев, как одного мальчика ведут в качестве заложника из Аускула в другой город, донёс об этом управляющему этими местами проконсулу Сервилию; по-видимому, в то время и в некоторых местах Италии управляли проконсулы — эту магистратуру много времени спустя снова вызвал к жизни римский император Адриан², но она удержалась лишь короткое время после него. Сервилий со слишком большой горячностью бросился на Аускул в то время, когда жители его справляли праздник, жестоко пригрозил им и был убит, так как они убедились, что замыслы их уже открыты. Вместе с Сервилием был убит и Фонтей, его легат, — так называют римляне тех должностных лиц из числа сенаторов, которые следуют в качестве помощников за правителями провинций³. После того как убиты были Сервилий и Фонтей, и остальным римлянам в Аускуле не было уже никакой пощады: на всех римлян, какие находились в Аускуле, жители его напали, перебили, а имущество их разграбили.

39. Лишь только разнеслась весть о восстании в Аускуле [91 г. до н.э.], все соседние народы стали открыто готовиться к войне: марсы, пелигны, вестины, марруцины, вслед за ними пицентины, френтаны, гирпины, помпеяны, везузины, япиги, луканы, самниты. Все эти племена были настроены враждебно против римлян и раньше — вообще все племена, обитавшие от реки Лири-са, называемой теперь, кажется, Литерном⁴, вплоть до углубления, образуемого Ионийским заливом, по сухому и по морскому пути. Они отправили в Рим послов с жалобой на то, что они, хотя и содействовали во всем римлянам в укреплении их власти, за оказанную помощь не удостоены прав римского гражданства. Сенат дал им очень решительный ответ: если они раскаиваются во всем происшедшем, пусть отправят посольство к сенату — это неперемное условие. Теперь у италийцев исчезла всякая надежда, и они стали готовиться к войне. Их общая армия, помимо войск, расквартированных по городам, состояла приблизительно из 100 тыс. пехоты и такого же количества конницы. Римляне послали против них такие же военные силы, состоявшие частью из римлян, частью из оставшихся им верными союзников из числа италийских племён.

40. Римской армией командовали консулы Секст Юлий Цезарь и Публий Рутилий Луп. Они оба отправились в путь, как на большую междоусобную войну. Остальные магистраты занимали ворота и укрепления Рима — ведь ему грозила опасность или по крайней мере она была очень близка. Принимая в соображение, что война предстоит сложная, что она будет вестись во многих местах, римляне послали вместе с консулами наилучших в то время легатов к ним: к Рутилию — Гнея Помпея, отца так называемого Великого Помпея, Квинта Цециона, Гая Перпенну, Гая Мария и Валерия Массалу, к Сексту Цезарю — Публия Лентула, брата Цезаря, Тита Диция, Лициния Красса, Корнелия Суллу, Марцелла. Все эти лица, поделив между собою театр военных действий, служили под командою консулов, которые наблюдали за их действиями. Самим консулам римляне постоянно посылали ещё других лиц — такую важную представлялась им эта война. У италийцев были свои предводители в каждом из городов, но сверх того были и общие предводители с неограниченною властью над всем союзным войском: Тит Лафрений, Гай Понтилий, Марий Эгнатий, Квинт Попедий, Гай Папий, Марк Лампоний, Гай Видацилий, Герий Азиний, Ветгий Скатон. Они поделили между собою армию на равные части и действовали против римских командиров. Много успехов они одержали, но потерпели и много неудач. Самое достопримечательное и в том и в другом отношениях сводится в общих чертах к следующему.

¹ *Италийцы* — до конца III в. до н.э. понятие «Италия» прилагалось только к части Апеннинского полуострова — той, что южнее Этрурии и Умбри.

² Адриан правил Римской империей в 117-138 гг.

³ Кроме того, легатами назывались назначавшиеся полководцем помощники, а также послы римского сената.

⁴ Ошибочные сведения. Лирикс — река в юго-восточном Лации близ границы с Кампанией, а Литерн — другая река, на территории Кампании.

41. Ветгий Скотон обратил в бегство Секста Юлия, вывел у него из строя 2 тыс. человек и оттеснил его к Эзернии, стоящей на римской стороне. Луций Сципион и Луций Азиний, руководившие её защитой, переоделись рабами и бежали. Эзерния была покорена временем и голодом [90 г. до н.э.]; Марий Эгнатий, захвативший Венафр благодаря измене, истребил две римские когорты¹, стоявшие в нём. Публий Презентей, обратив в бегство Перпенну, командовавшего 10 тыс. войска, положил на месте 4 тыс. человек, а у большей части оставшихся в живых взял вооружение. Вследствие этого консул Рутилий отстранил Перпенну от командования и оставшуюся часть войска присоединил к армии Гая Мария. Марк Лампоний истребил до 8 тыс. человек из армии Лициния Красса, а оставшихся в живых преследовал до города Грумента.

42. Гай Папий взял Нолу благодаря измене и объявил двум тысячам римлян, находившимся в ней: если они перейдут на его сторону, он примет их в своё войско. Они перешли и служили под начальством Папия. Командиры их, не подчинившиеся приказанию, взяты были в плен, и Папий уморил их голодом. Папий захватил также Стабии, Минервий² и Салерн, римскую колонию. Захваченных здесь пленных и рабов Папий присоединил к своему войску. Когда Папий предал пламени все окрестности Нуцерии, соседние города, напуганные этим, перешли на его сторону и по его требованию послали ему войско в количестве 10 тыс. пехоты и 1 тыс. конницы. С этими силами Папий осадил Ацерры. Когда Секст Цезарь, взяв с собою 10 тыс. галльских пехотинцев, а также нумидийских и мавританских всадников и пехотинцев, направился к Ацеррам, Папий привел из Венузии сына бывшего нумидийского царя Югурты Оксинту, которого римляне держали под арестом в Венузии, облёк его в царскую порфиру и часто показывал его нумидийцам, бывшим с Цезарем. Многие из них стали перебегать к Оксинте, как своему царю. Тогда Цезарь отнёсся с подозрением к прочим нумидийцам и отправил их в Африку. Теперь к нему приблизился надменно Папий и успел уже разрушить часть римского вала. Цезарь послал против Папия через другие ворота всадников и истребил из его отряда до 6 тыс. человек, после чего отошёл от Ацерр. Тем временем Канузий, Венузия и многие другие города в Апулии перешли на сторону Видацилия. Города, оказавшие ему неповиновение, он завоевал после осады и находившихся в них знатных римлян перебил, а простых граждан и рабов присоединил к своему войску.

43. Консул Рутилий и Гай Марий разрушили находившиеся недалеко от них мосты через реку Лирис³, служившие для переправы. Против них, ближе к мосту Мария, расположился лагерь Ветгий Скотон. Ночью тайно устроил он засаду в ущельях, находившихся около моста Рутилия. На рассвете он пропустил его пройти по мосту, а затем выступил с находившимися в засаде, многих из римлян перебил на берегу, многих сбросил в реку. Сам Рутилий, раненный во время этого дела стрелой в голову, спустя немного времени умер. Марий, находившийся у другого моста, по трупам, нёсшимся по течению, догадался о случившемся, отпустил тех, кто мешал ему, переправился через реку и захватил охраняемый немногими вал Скотона, так что последний лишь переночевал на том месте, где он одержал победу, а затем из-за недостатка в продовольствии на рассвете должен был отступить. Тела Рутилия и многих других знатных римлян перевезены были в Рим для погребения. Нерадостно было при виде убитых консула и такого количества других лиц, и в течение многих дней по этому случаю в Риме был траур. После этого сенат решил хоронить убитых на войне там, где они погибли, чтобы зрелище похорон в Риме не отвращало других от военной службы. Враги, узнав об этом распоряжении сената, вынесли со своей стороны такое же постановление.

44. На остающуюся часть года преемника Рутилию не было, так как Секст Цезарь не имел времени отправиться в Рим на выборы и вернуться обратно. Сенат передал армию Рутилия Гаю Марию и Квинту Цепиону. К последнему перешёл под видом перебежчика неприятельский полководец Квинт Попедий и дал ему в качестве залога двух привезённых им молодых рабов, которых он выдавал за своих сыновей, а потому и одел их в отороченные пурпуром одежды. В залог он посылал также позолоченные и посеребренные свинцовые круглые пластинки. Попедий настаивал на том, чтобы Цепион как можно скорее следовал со своим войском и захватил лагерь Попедия, оставшийся без начальника. Цепион дал себя уговорить и выступил. Тогда Попедий, очутившись вблизи устроенной им засады, взбежал на какой-то холм с целью якобы высмотреть, где враги, и с холма дал им сигнал. Неприятель быстро явился и уничтожил Цепиона и многих бывших с ним. Оставшуюся часть войска Цепиона сенат присоединил к армии Мария.

45. Секст Цезарь с 30 тыс. пехоты и 15 тыс. конницы проходил по какому-то обрывистому ущелью, как вдруг напал на него Марий Эгнатий. Секст был отброшен в ущелье и спасся; его, так как он был болен, несли на ложе к одной реке, где был всего один мост. Здесь он потерял большую часть войска, у оставшихся в живых погибло вооружение. С трудом добравшись до Теана, Секст вооружил тут по мере возможности тех, кто ещё оставался у него. Когда к нему поспешно подошёл другой отряд войска, он вернулся к Ацеррам, всё ещё осаждаемым Папием. Неприятельские войска расположились лагерем друг против друга, но ни то, ни другое войско не осмеливалось идти в атаку.

46. Корнелий Сулла и Гай Марий энергично преследовали напавших на них марсов, пока они не наткнулись на изгородь из виноградных лоз. Марсы с большим трудом переходили через эту изгородь, но Марий и Сулла решили не преследовать их дальше. Корнелий Сулла, расположившись лагерем по ту сторону виноградников, узнав о происшедшем, выступил навстречу бегущим марсам и многих из них перебил. Вообще в тот день было убито более 6 тыс. человек и ещё большее количество вооружения было захвачено римлянами. Раздраженные, подобно диким зверям, понесённым ими поражением, марсы снова стали вооружаться и готовиться к нападению на римлян, причём последние не осмеливались предупредить их и первыми начать бой. Дело в том, что *марсы* — народ очень воинственный; говорят, над ними и состоялся только один триумф после упомянутого их поражения, а раньше говорили: ни над марсами, ни без марсов не было триумфа⁴.

47. Около Фалернской горы Видацилий, Тит Лафрений и Публий Ветгий, соединившись друг с другом, обратили в бегство Гнея Помпея и преследовали его до города Фирма. Они отправились теперь в другие места, за исключением Лафрения, который осадил Помпея, запертого в Фирме. Но последний, тотчас же вооружив оставшееся у него войско, не вступил в битву; после же того как к нему подошло другое войско, послав Сульпиция в тыл Лафрению, сам напал на него с фронта. В возгоревшейся рукопашной схватке обе стороны терпели урон. Сульпиций поджёг неприятельский лагерь. Враги, заметив это, бежали в Аускул в беспорядке и без командира — Лафрений погиб во время битвы. Помпей пошёл тогда против Аускула и приступил к его осаде.

¹ Когорта — подразделение легиона, составлявшее десятую часть его (500–600 человек).

² Минервий — не город, а крутой мыс напротив острова Капри. Скорее всего, здесь имеется в виду город Суррент (совр. Сорренто).

³ *через реку Лирис* — в действительности — через Толен (совр. Турано), реку в области сабинян.

⁴ Марсы были одним из самых опасных противников Рима. Союзническую войну иногда называют Марсийской войной по той большой роли, которую играли в ней племена марсов. Триумф — торжественный въезд полководца в Рим, высшая почеть, назначавшаяся сенатом при обязательном наличии ряда условий (самостоятельное командование войсками в должности, гибель не менее пяти тысяч врагов и проч.). Триумфальная процессия двигалась на Капитолий к храму Юпитера. Триумфатор в специальном облачении ехал в запряженной четверней колеснице. Впереди везли военную добычу и вели знатных пленников. За триумфатором следовало его войско. На Капитолии триумфатор совершал жертвоприношение. Завершался триумф торжественным пиром.

48. Аускул был родиной Видацилия. Опасаясь за город, Видацилий поспешил к нему на выручку с восемью когортами. Жителям Аускула через вестника он приказал поступить так: когда они заметят, что он издала подходит, сделать вылазку против осаждавших город, так чтобы враги с обеих сторон завязали бой. Но жители Аускула не решились на это. Тогда Видацилий провалился в город через строй врагов и с силами, какие он мог собрать, обрушился на жителей Аускула за их трусость и неповиновение. Не надеясь отстоять город, Видацилий перебил всех своих врагов, которые и раньше жили с ним не в ладах и в то время из-за нерасположения к Видацилию отговорили народ исполнить его приказание. Затем в храме был сооружён костер, и на нем поставлено было ложе. Видацилий устроил в компании своих друзей пир; во время питья из круговой чаши он принял яд и, возлгши на костер, велел друзьям поджечь его. Таким образом Видацилий, сочтя своею честью умереть за родину, покончил с собою. Секст Цезарь по истечении срока его должности был избран сенатом в проконсулы; он напал на 20-тыс. отряд врагов в то время, когда они меняли стоянку, перебил из них до 8 тыс. человек и захватил ещё гораздо больше вооружения. Он умер от болезни во время затянувшейся осады Аускула и назначил своим заместителем по командованию Гая Бебия.

49. Когда о событиях, происходивших в Италии, у Ионийского моря, стало известно обитателям по другую сторону Рима, это побудило к отпадению от римлян этрусков, умбров и некоторых других соседивших с ними племён. Сенат в страхе, как бы не оказаться в беззащитном положении в том случае, если война возгорится вокруг Рима, охранял при помощи вольноотпущенников морскую линию от Кум до Рима — тогда впервые вольноотпущенники из-за недостатка в живой силе зачислены были в ополчение. Вместе с тем сенат решил дать права римского гражданства тем *италийцам*, которые оставались верными союзу с Римом, к чему главным образом и стремились все *италийцы* [конец 90 г. до н.э.]. Это решение сената было распространено по Этрурии, и её жители с радостью принимали это допущение их к римскому гражданству. Благодаря этой милости сенат сделал благорасположенных к Риму союзников ещё более благорасположенными, укрепил в верности союзу колеблющихся, сделал более податливыми противников, вселив в них некоторую надежду добиться того же равноправия. Всех этих новых граждан сенат не зачислил в бывшие тогда в Риме 35 триб с тою целью, чтобы новые граждане, став более многочисленными по сравнению со старыми, не имели перевеса при голосовании, но установил для них новые десять триб, в которых они и голосовали последними. И зачастую голоса их не приносили пользы, так как 35 триб голосовали первыми, а число голосов их превышало половину. Сначала на это не было обращено новыми гражданами внимания, или италийцы довольны были вообще новым своим положением; но впоследствии, когда поняли, в чем дело, это послужило толчком к новой распре.

50. Союзники, жившие у Ионийского моря, не зная ещё об изменившемся настроении этрусков, отправили в Этрурию по длинным и непроходимым дорогам на помощь 15 тыс. войска. Гней Помпей, ставший в то время консулом [89 г. до н.э.], напал на него и истребил около 5 тыс. Половина оставшихся в живых, возвращаясь на родину по труднопроходимой территории в суровую зиму, была вынуждена питаться желудями и также погибла. В ту же зиму Порций Катон, сотоварищ Помпея по консульству, во время войны с *марсами* был убит. Луций Клуенций с большою неустрашимостью расположился лагерем в трех стадиях от Суллы, стоявшего лагерем около Помпейских гор. Сулла, не будучи в состоянии пережить такой заносчивости Клуенция, напал на него, не дожидаясь даже возвращения своих фуражиров. И тогда Сулла потерпел поражение и бежал. Затем он присоединил к своему отряду фуражиров и обратил в бегство Клуенция. Тот тотчас же переместился со своим лагерем дальше, а когда к нему пришли на помощь галлы, снова приблизился к лагерю Суллы. Когда войска сошлись, один галл огромного роста выступил, вперед и стал вызывать кого-либо из римлян на бой. Выступил один мавританец маленького роста и убил галла. Галлы в страхе немедленно обратились в бегство. Когда боевой строй распался, остальное войско Клуенция не могло уже оставаться на месте, но в беспорядке направилось бежать в Нолу. Сулла бросился за ним вдогонку и истребил во время бегства до 30 тыс. человек. А когда жители Нолы согласились пропустить их только через одни ворота из опасения, как бы вместе с ними не вторглись и враги, Сулла около укреплений Нолы истребил ещё до 20 тыс. Клуенций погиб во время сражения.

51. Сулла перенёс тогда свой лагерь на территорию другого племени, *гирпинов*, и подступил к Эклану. Жители его поджидали в тот же день помощи от *луканов*. Поэтому они просили Суллу дать им время на размышление. Сулла, поняв их уловку, дал им всего один час. Тем временем он обложил деревянную стену Эклана хворостом и по прошествии часа поджег её. Жители Эклана испугались и сдали город. Его Сулла отдал на разграбление, так как он перешёл на римскую сторону не из благорасположения к римлянам, а в силу нужды, остальные же города, переходившие на римскую сторону, Сулла щадил, пока не подчинил всё племя. Затем Сулла повернул в Самниум, но не в том месте, где предводитель самнитов, Мотил, сторожил проходы, а в обход по другой дороге, чего самниты не ожидали. При внезапном нападении Сулла многих перебил. Из оставшихся в живых, бросившихся врасыпную, Мотил, раненный, спасся с немногими в Эзернию; Сулла, захватив его лагерь, пошел на Бовиан, где пребывал общий совет всех отпавших. В городе было три цитадели. В то время как жители Бовиана обратились против Суллы, последний послал в обход отряд с приказанием захватить, если возможно, одну из цитаделей и подать знак об этом дымом. Лишь только дым показался, Сулла напал с фронта и после трехчасовой жестокой битвы овладел городом. Вот какие удачи за это лето выпали на долю Суллы.

52. С наступлением зимы он вернулся в Рим, чтобы там выставить свою кандидатуру в консулы. Тем временем Гней Помпей привёл к покорности *марсов*, *марруцинов*, *везтинов*. Другой римский командир, Гай Косконий, подступил к Салапии и сжёг её, захватил Канны и, осадив Канузий, энергично сопротивлялся пришедшим на помощь *самнитам* до тех пор, пока с обеих сторон не началась страшная резня, и Косконий, терпя урон, отступил в Канны. Предводитель *самнитов* Требаций — его и Коскония разделяла река — приказал сказать ему: или он должен, переправившись через реку, вступить с ним в битву, или отступить, чтобы мог переправиться он, Требаций. Косконий отступил и во время переправы Требация напал на него и одолел его в битве. Во время бегства врагов к реке Косконий истребил 15 тыс. человек. Остальные, вместе с Требацием, бежали в Канузий; Косконий, опустошив территорию *ларинатов*, *венузинцев* и *эскуланов*, вторгся на территорию *педикулов* и в два дня присоединил это племя.

53. Его преемник по командованию, Цецилий Метелл, вторгся в Япигию [88 г. до н.э.] и одолел в битве япигов. При этом пал другой предводитель повстанцев, Попедий. Остальные предводители их постепенно один за другим бежали к Цецилию.

Таковы были главные события в Италии во время Союзнической войны. Они привели к тому, что все италийцы получили равноправие с римскими гражданами. Лишь Лукания и Самниум не получили его тогда. Но, кажется, и они позже добились того, чего желали. Все новые граждане, впрочем, подобно предыдущим, зачислены были в десять новых триб с той целью, чтобы они не смешались с гражданами, находившимися в старых трибах, и при голосовании не получили перевеса вследствие своего множества.

15. Смерть Друза вызвала Италийскую войну, которая уже давно назревала. В самом деле, в консульство Л. Цезаря и П. Рутилия, 120 лет назад, вся Италия взялась за оружие против римлян. Зло исходило от аскуланцев, — ведь они убили претора Сервилия и легата Фонтея, — далее захватило *марсов* и распространилось по всем областям. Испытания судьбы этих народов были ужасны в той же мере, в какой справедлива причина войны: ведь добивались принадлежности к государству те, на чьем оружии держалась империя. Каждый год и во всех войнах они поставляли двойное число пехотинцев и всадников и тем не менее были лишены прав в государстве, которое благодаря им, поднялось так высоко: будучи людьми одного происхождения, одной крови, они третируются как иностранцы и чужаки. Война эта похитила у Италии более чем 300 тыс. юношей...

16. ...Ход Италийской войны был столь непостоянным и ужасным, что в течение двух лет подряд два римских консула, сначала Рутилий, затем Катон Порций, были убиты врагами, армии римского народа были разбиты во многих местах, так что ему пришлось облачиться в *сагум*¹ и долго оставаться в этой одежде. *Италики* избрали столицей своей империи Корфиний и назвали его Италика. Рим, постепенно уступая права римского гражданства тем, которые или не брались за оружие, или его сложили, мало-помалу укреплял свои силы. Помпей, Сулла и Марий восстановили клонящуюся к упадку власть римского народа.

17. Италийская война была большей частью завершена, если не считать некоторых действий под Поллой. Таким образом, римляне предпочли, обессилев сами, дать права гражданства побежденным и надломленным, чем сделать то же самое, пока были сильны обе стороны...

(Плутарх, Гай Марий, 32-33)

32. ...Самые многочисленные и воинственные из италийских народов восстали против Рима и едва не низвергли его владычество, ибо были сильны не только людьми и оружием, но и талантом полководцев, которые не уступали римлянам ни отвагой, ни опытностью.

33. Эта война, с её бедствиями и превратностями судьбы, настолько же увеличила славу Суллы, насколько отняла её у Мария. Ибо он стал медлителен в наступлении, всегда был полон робости и колебаний, то ли потому, что старость угасила в нём прежний пыл и решительность (ему было уже больше 65 лет), то ли потому, что, страдая болезнью нервов и ослабев телом, он, по собственному признанию, лишь из боязни позора нёс непосильное для него бремя войны. И все же он одержал большую победу², истребив 6 тыс. вражеских воинов, и при этом его войско было неуязвимым для врагов, потому что он остался на месте, когда они окружили его ровом, и не поддавался гневу, когда они вызывали его на бой и насмехались над ним. Рассказывают, что Помпедий Силон, пользовавшийся среди италийцев наибольшей властью и влиянием, сказал ему: «Если ты великий полководец, Марий, выйди и сразись со мной»; на это Марий ответил: «Если сам ты великий полководец, то заставь меня сразиться с тобой против моей воли». В другой раз, когда неосмотрительность врагов создала удобный случай напасть на них, а римляне настолько оробели, что обе стороны стали отступать, Марий, созвав своих солдат на сходку, сказал им: «Затрудняюсь решить, кто более труслив — наши противники или мы: ни они не решились взглянуть нам в спину, ни мы им в затылок». Однако, в конце концов, по причине телесной немощи и болезни он сложил с себя обязанности полководца.

№3

ДЕКРЕТ ГНЕЯ ПОМПЕЯ СТРАБОНА ПРО ДАРУВАННЯ РИМСЬКОГО ГРОМАДЯНСТВА ИСПАНСЬКИМ ВЕРШНИКАМ, ЩО БРАЛИ УЧАСТЬ В СОЮЗНИЦЬКІЙ ВІЙНІ (91-88 рр. до н.е.) НА БОЦІ РИМЛЯН (БРОНЗОВА ДОШКА З РИМУ, 89 р. до н.е.)

Гней Помпей сын Секста, император, по закону Юлия за доблесть сделал испанских всадников римскими гражданами в лагерьх у Аскула за 14 дней до календ декабря. На совете присутствовали: [следует 60 імён], Саллутіанская турма [следует 30 імён всадников, входивших в этот конный отряд и получивших римское гражданство].

Гней Помпей сын Секста, император, за доблесть даровал Саллутіанской турме в лагере у Аскула мясо и печенье, гривны, браслеты, нагрудные бляхи и двойную порцию хлеба.

№4

БОРОТЬБА МАРІЯ І СУЛЛИ

(Аппіан, Громадянські війни, I, 55-61)

55. Все эти убийства и гражданские волнения оставались пока делом отдельных партий. Но затем руководители партий боролись уже друг против друга, как на войне, при по мощи больших армий, причем сама родина служила им как бы призом. Начало и повод к этому тотчас же вслед за Союзнической войной дали такие обстоятельства.

Когда Митридат, царь Понта и других племён, вторгся в Вифинию, Фригию и в соседившие с ними части Малой Азии... Сулла, бывший тогда консулом, получил по жребию командование в эту войну над малоазийской армией. Он находился ещё в Риме. Марий, считая предстоящую войну легкой и прибыльной и желая получить командование, склонил на свою сторону многими обещаниями трибуна Публия Сульпиция. Вместе с тем Марий обнадежил новых граждан из числа италийцев, составляющих при голосовании меньшинство, что он распределит их по всем трибам. При этом Марий ничего не говорил им ещё наперёд о той помощи, которую он рассчитывал получить от них для себя, но, разумеется, хотел воспользоваться ими, как готовыми на всё прислужниками. Сообразуясь со всем этим, Сульпиций тотчас же внёс законопроект. Если бы он был утверждён, осуществилось бы всё, чего желали Марий и Сульпиций, так как новые граждане давали значительный перевес в сравнении со старыми. Последние это понимали и оказывали энергичное сопротивление новым гражданам. С этой и с другой стороны были пущены в ход дубины и камни. Беда росла. Консулы боялись приближающегося дня, назначенного для обсуждения законопроекта, и объявили многие дни неприсутственными в течение зимнего срока, как это бывало во время праздников. Этою мерою консулы рассчитывали отсрочить голосование законопроекта и ожидаемого в связи с ним бедствия.

¹ Сагум — короткий плащ, символизирующий военную принадлежность, подобно тому как тога — мирную и гражданскую.

² он одержал большую победу — в 90 г. до н.э. в области марсов; но и её успех был приписан Сулле, отрезавшему путь неприятелю.

56. Сульпиций, однако, не дождавшись окончания неприсутственных дней, приказал своей партии явиться на форум со спрятанными кинжалами и пустить их в дело, когда придет надобность, причем, если будет нужно, не давать пощады и консулам. Когда все было готово, Сульпиций заявил протест против объявления неприсутственных дней как противозаконного и требовал, чтобы консулы Корнелий Сулла и Квинт Помпей немедленно же отменили их и чтобы обсуждение законопроекта поставлено было в порядок дня. Поднялся шум. Подготовленные Сульпицием люди обнаружили кинжалы и стали грозить убить сопротивлявшихся консулов, пока Помпею не удалось тайно убежать, а Сулла ушел, как бы собираясь обсудить создавшееся положение. В это время сторонники Сульпиция убили сына Помпея, приходившегося свойственником Суллы, за то, что он в своей речи говорил слишком свободно. Сулла вернулся и отменил неприсутственные дни. Сам он спешил в Капую к стоявшему там войску, чтобы оттуда переправиться в Малую Азию на войну против Митридата. Он тогда не подозревал, что против него велись интриги. Сульпиций же, после того как неприсутственные дни были отменены и Сулла уехал из Рима, провел утверждение законопроекта и то, ради чего все это было устроено: немедленно же вместо Суллы полководцем в войне против Митридата был избран Марий.

57. Когда об этом узнал Сулла, он счел необходимым решить дело вооруженной силой. Он созвал собрание своего войска, которое также стремилось в поход против Митридата, смотря на поход как на выгодное предприятие и думая, что теперь Марий наберет вместо них другое войско. На собрании Сулла говорил о наглom в отношении его поступке Сульпиция и Мария, не распространяясь ясно о всем прочем: он не решался ещё говорить о предстоящей войне против них, а убеждал лишь войско быть готовым к исполнению его приказаний. Воины понимали, что у Суллы было на уме, и, боясь за самих себя, как бы им не пришлось потерять поход, сами открыли намерения Суллы и требовали от него вести их смело на Рим. Обрадованный Сулла тотчас же двинул в поход шесть легионов. Командиры войска, за исключением лишь одного квестора, не соглашаясь вести войско против своей родины, убежали в Рим. На пути Суллу встретили послы оттуда и спросили его: почему он с вооруженной силой идет на родину. Сулла отвечал им: освободить её от тиранов. То же самое он дважды и трижды повторил другим послам, явившимся к нему, прибавив все-таки, что, если они хотят, то пусть соберут на Марсово поле сенат с Марием и Сульпицием, и он тогда поступит согласно вынесенному решению. Когда Сулла приближался уже к Риму, явился его товарищ по консульству, Помпей, одобрил его поступок, выражая свое удовольствие всем происходящим и предоставляя себя всецело в его распоряжение. Марий и Сульпиций, которым нужен был ещё некоторый срок для подготовки к борьбе, послали новых послов к Сулле, как бы по поручению сената. Послы просили Суллу не располагаться лагерем ближе 40 стадий от Рима, пока сенат не обсудит создавшегося положения. Сулла и Помпей, хорошо поняв намерения Мария и Сульпиция, обещали так поступить, но лишь только послы удалились, последовали за ними.

58. Сулла занял с одним легионом Эсквилинские ворота и укрепления, расположенные около них; с другим легионом Помпей занял Коллинские ворота. Третий легион направился к деревянному мосту, четвертый оставался пред укреплениями в качестве резерва. С остальными двумя легионами Сулла вошел в город как враг и в мыслях и на деле. Поэтому окрестные жители, защищаясь от него, бросали в него сверху что попало и делали это до тех пор, пока он не пригрозил им спалить их дома. Тогда они остановились. Марий и Сульпиций встретили Суллу у Эсквилинского форума с теми силами, какие успели вооружить. И тут произошла встреча врагов, в первый раз в Риме, уже не в виде междоусобной распри, но по-настоящему, под звуки труб, в предшествии знамен, по военному обычаю. До такого бедствия довели междоусобные распри, на которые своевременно не было обращено внимания. Когда воины Суллы готовы были обратиться в бегство, он, схватив знамя, бросился вперед в бой. Из почтения перед вождем, из страха пред позором потерять знамя воины тотчас же остановились в своем бегстве. Сулла вызвал свежие силы из состава войска, послал других по так называемой Субурской дороге в обход врага, где они должны были ударить в тыл врага и окружить его. Отряд Мария плохо сражался с напавшими на него свежими войсками, боясь быть окруженным шедшими в обход его. Стали сзывать на бой всех прочих граждан, остававшихся ещё в домах, обещали свободу рабам, если они примут участие в бою. Когда ни один человек к ним не явился, они все в отчаянии тотчас же убежали из города и вместе с ними же из числа знати те, которые действовали заодно с ними.

59. Сулла повернул затем на так называемую Священную дорогу. Там он тотчас же приказал подвергнуть наказанию на виду у всех некоторых из числа своих воинов, которые попутно занимались мародерством. После этого Сулла поставил во всех частях Рима караулы, обходил их в течение всей ночи сам вместе с Помпеем с тою целью, чтобы не произошло какого-либо насилия ни со стороны напуганных граждан, ни со стороны победителей. При наступлении дня Сулла и Помпей созвали народное собрание и в нем печаловались на то, что государство с давнего времени находится в руках лиц, гонящихся за приобретением расположения народа, и что они вынуждены были предпринять все происшедшее. Сулла и Помпей внесли вместе с тем предложение не представлять в народное собрание ничего, что предварительно не было бы подвергнуто обсуждению в сенате, как это принято было с давних пор, но давно уже нарушалось; голосование должно происходить не по трибам, но, как это установил царь Тулл Гостилий, по центуриям. Этими двумя мерами Сулла и Помпей рассчитывали устроить так, чтобы ни один законопроект не вносим был в народное собрание, прежде чем он не будет обсужден в сенате, чтобы голосование было в руках не неимущих и самых смелых, но в руках лиц, обладающих достатком и здравым смыслом. Этим они надеялись пресечь в дальнейшем поводы к междоусобным распрям. Лишив трибунов, власть которых приняла по преимуществу тиранический характер, многих прерогатив их власти, Сулла и Помпей зачислили в сенат, бывший тогда очень малолюдным и к тому же не пользовавшийся никаким влиянием, сразу 300 наиболее знатных людей. Все распоряжения Сульпиция, изданные консулами за время после объявления неприсутственных дней, были отменены как незаконные.

60. Таким образом междоусобные распри переходили из споров и борьбы на почве честолюбия в убийства, а из убийств в открытые войны, и гражданское ополчение тогда впервые вступило в родную землю как во вражескую страну. С тех пор междоусобные распри, которые решались с применением военной силы, не прекращались, происходили постоянные вторжения в Рим, бои около укреплений и все прочее, что полагается во время войн, так как среди действовавших насилем пропало всякое уважение к закону, государству, родине. Тогда удалены были из Рима в изгнание Сульпиций, бывший ещё трибуном, и вместе с ним Марий, шесть раз отправлявший консульскую должность, сын Мария, Публий Цетег, Юний Брут, Гней и Квинт Граний, Публий Албинован, Марк Леторий и другие, всего 12 человек. Всем им поставлено было в вину то, что они возбудили волнения, вели войну против консулов, объявили рабам свободу, чтобы побудить их к отложению. Все они объявлены были врагами римлян, и всякий встречный мог безнаказанно убить их или отвести к консулам. Имущество их было конфисковано. Против них посланы были сыщики, которые и захватили Сульпиция и убили его.

61. Марий бежал от них в Минтурны, один, без слуги и раба, и там нашел прибежище в одном не бросавшемся в глаза доме. Минтурнские власти, бывшие в страхе пред объявлением, охраняли человека, бывшего шесть раз консулом и совершившего много блестящих подвигов, и не захотели убить его сами. Они подослали к нему с мечом проживавшего в Минтурнах галла. Говорят, что галл, когда он подошел к Марию, лежавшему в темноте на соломе, испугался его; ему показалось, что глаза Мария блестят и

горят как огонь. А когда Марий, приподнявшись со своего ложа, во всю мочь крикнул ему: «Как? Ты смеешь поднять руку на Мария?» Галл стремглав выбежал из дома, словно сумасшедший, и вопил: «Не смогу я убить Гая Мария!»...

(Плутарх, Порівняльні життєписи, Гай Марій)

35. Такие распри раздирали Рим, давно уже больной изнутри, когда Марий, на общую погибель, нашёл себе превосходное орудие — дерзость Сульпиция, который восхищался Сатурнином и во всём подражал ему, упрекая лишь за нерешительность и медлительность. Сам же Сульпиций не медлил: окружив себя, словно телохранителями, шестьюстами гражданами из всаднического сословия, которых он именовал антисенатом, он с оружием в руках напал в Народном собрании на консулов¹, и когда один из них бежал с форума, мятежники захватили и убили его сына. Сулла же, за которым гнались враги, пробегая мимо дома Мария, неожиданно для всех ворвался в него и скрылся от промчавшихся дальше преследователей; рассказывают, что сам Марий выпустил его невредимым через другую дверь, и так Сулла пробрался к войску². Но Сулла в своих воспоминаниях говорит, что не сам он прибежал к Марию, а был отведён туда, чтобы обсудить постановления, которые Сульпиций вынуждал его принять против воли: мятежники окружили его с обнаженными мечами и заставили пойти в дом Мария, после чего он вернулся на форум и отменил, как они требовали, неприсутственные дни. Вышедший победителем Сульпиций добился избрания Мария, который стал готовиться к походу и отправил двух легатов принять войско у Суллы. Тот, возмущив воинов (у него было больше 35 тыс. тяжеловооружённых пехотинцев), повёл их на Рим. А легатов, посланных Марием, солдаты умертвили. Марий в Риме также убил множество сторонников Суллы и объявил, что даст свободу рабам, которые выйдут сражаться за него, однако, как рассказывают, к нему присоединилось всего трое. Когда же в город ворвался Сулла, Марий после недолгого сопротивления был разгромлен и бежал. Едва он был выбит из города, все, кто был с ним, рассеялись а сам Марий с наступлением ночи добрался до Солония, одного из своих имений.

III. МІТРИДАТОВІ ВІЙНИ ДИКТАТУРА СЎЛЛИ

№1 ПЛУТАРХ ПОРІВНЯЛЬНІ ЖИТТЄПИСИ, КОРНЕЛІЙ СУЛЛА

1. Луций Корнелий Сулла родом был из патрициев... и один из предков его, Руфин³, был, говорят, консулом. Впрочем, этот Руфин более известен не оказанною ему честью, а выпавшим ему на долю бесчестьем: уличенный в том, что он имел больше десяти фунтов серебряной посуды (а закон этого не позволял), он был исключён из сената. Потомки его жили уже в постоянной бедности, да и сам Сулла вырос в небогатой семье, а с молодых лет ютился у чужих, снимая за небольшую плату помещение, чем ему и кололи глаза впоследствии — счастье его казалось несогласным с его достоинством. Так, рассказывали, что когда после африканского похода⁴ он возгордился и стал держаться надменно, кто-то из людей благородных сказал ему: «Ну, как тебе быть порядочным, если ты, ничего не унаследовав от отца, владеешь таким состоянием?» Дело в том, что, хотя и тогда нравы не сохраняли прежней строгости и чистоты, но под тлетворным воздействием соперничества в роскоши и расточительстве стали портиться, тем не менее равный позор навлекал на себя и тот, кто промотал свое богатство, и тот, кто не остался верен отцовской бедности. Позднее, когда Сулла пришел к власти и многих лишил жизни, какой-то человек из отпущенников, заподозренный в укрывательстве одного из объявленных вне закона и приговоренный к свержению в пропасть, попрекал Суллу тем, что тот долгое время жил с ним под одной крышей и сам он платил две тысячи нуммов за верхний этаж, а Сулла — три за нижний, так что вся разница в их положении измерялась одной тысячей нуммов или двумястами пятьюдесятью аттических драхм...

2. Все черты внешнего облика Суллы переданы в его статуях, кроме разве взгляда его светло-голубых глаз — тяжелого и пронизательного — и цвета его лица, который делал ещё более страшным этот и без того трудно переносимый взгляд. Все лицо его было покрыто неровною красной сыпью, под которой лишь кое-где была видна белая кожа. Поэтому говорят, что имя Сулла — это прозвище, которое он получил за цвет лица, а в Афинах кто-то из насмешников сложил такой издевательский стих:

Сулла — смоквы плод багровый, чуть присыпанный мукой.

Прибегать к подобным свидетельствам вполне уместно, когда речь идет о человеке, который, как рассказывают, был по природе таким любителем шуток, что молодым и ещё безвестным проводил целые дни с мимами и шутами, распутничая вместе с ними, а когда стал верховным властелином, то всякий вечер собирал самых бесстыдных из людей театра и сцены и пьянствовал в их обществе, состязаясь с ними в остроловии; о человеке, который в старости, по общему мнению, вел себя не так, как подобало его возрасту, и, унижая свое высокое звание, пренебрегал многими, о чем ему следовало бы помнить. Так, за обедом Сулла и слышать не хотел ни о чем серьезном и, в другое время деятельный и, скорее, мрачный, становился совершенно другим человеком, стоило ему оказаться на дружеской пирушке. Здесь он во всем покорялся актерам и плясунам и готов был выполнить любую просьбу. Эта распушенность, видимо, и породила в нем болезненную склонность к чувственным наслаждениям и неутолимую страсть к удовольствиям, от которой Сулла не отказался и в старости. Вот ещё какой счастливый случай с ним приключился: влюбившись с общедоступную, но состоятельную женщину по имени Никопола, он перешел потом на положение её любимца (в силу привычки и удовольствия, которое доставляла ей его юность), а после смерти этой женщины унаследовал по завещанию её имущество. Наследовал он и своей мачехе, которая любила его как сына. Таким образом приобрел он изрядное состояние.

¹ Сульпиций предложил амнистию сторонникам Сатурнина, чистку сената и такое перераспределение граждан по трибам, которое обеспечило бы при голосованиях большинство за врагами сенатской олигархии. Консулы Сулла и Кв. Помпей Руф в ответ на это объявили «неприсутственные дни» — приостановили все дела в государстве. Нападение на консулов и было следствием этой меры.

² Сулла пробрался к войску — собранному для войны с Митридатом и стоявшему в Кампании.

³ Прапрадед Суллы, был дважды консулом (290 и 277 г. до н.э.); Руф Сулла, прадед, и Сулла, дед — только преторами (218 и 186 г. до н.э.); а отец, Л. Сулла, не поднялся и до преторства.

⁴ Т.е. югуртинской войны (111-105 гг. до н.э.), на которой богатели все полководцы.

3. Назначенный квестором к консулу Марию в первое его консульство, Сулла с ним вместе отплыл в Африку воевать с Югуртой. Во время военных действий Сулла во всем показал себя с лучшей стороны и сумел воспользоваться представившимся случаем, чтобы приобрести дружбу [мавретанского] царя Бокха. Послы Бокха, ускользнувшие от шайки нумидийских разбойников, были радушно приняты Суллой, который, отсылая их назад, одарил их и дал им надежных провожатых. А Бокх, давно уже ненавидя и боясь пришедшегося ему зятем Югурту, теперь, когда тот, гонимый военными неудачами, бежал к нему, решил его погубить. Бокх вызвал к себе Суллу, предпочитая чужими, а не собственными руками схватить и выдать Югурту врагам. С ведома Мария Сулла, взяв с собою нескольких солдат, пошёл навстречу величайшей опасности, ради поимки неприятеля доверив свою жизнь варвару, не хранившему верности даже самым близким ему людям. Впрочем, Бокх, в руках которого оказались и Сулла и Югурта и который сам поставил себя перед необходимостью нарушить уговор с одним из них, очень долго колебался и размышлял, но, в конце концов, решился на предательство, задуманное им прежде, и передал Сулле Югурту. Триумф за это достался, конечно, Марию, который, однако, втайне был уязвлен тем, что его недоброжелатели и завистники славу и успех стали приписывать Сулле. Да и сам Сулла, от природы самонадеянный, теперь, когда после жизни скудной и безвестной о нем впервые пошла добрая молва среди сограждан и он вкусил почета, в честолюбии своем дошел до того, что приказал вырезать изображение своего подвига на печатке перстня и с тех пор постоянно ею пользовался. На печатке был изображен Сулла, принимающий Югурту из рук Бокха.

4. Все это раздражало Мария, но он ещё пользовался в походах услугами Суллы, считая, что тот слишком ничтожен, а потому не заслуживает зависти. Сулла был легатом Мария в его второе консульство и военным трибуном в третье, и Марий был обязан ему многими успехами. Так, в бытность свою легатом Сулла захватил вождя тектосагов¹ Копилла, а будучи военным трибуном, склонил большой и многолюдный народ марсов к дружбе и союзу с римлянами. После этого, почувствовав, что он восстановил против себя Мария, который уже не желал поручать ему никаких дел и противился его возвышению, Сулла сблизился с Катуллом, товарищем Мария по должности, прекрасным человеком, хотя и не столь способным полководцем. Пользуясь его доверием в самых важных и значительных делах, Сулла прославился и вошел в силу. Он покорил большую часть альпийских варваров, а когда у римлян вышло продовольствие, принял эту заботу на себя и сумел запасти столько, что воины Катуллы не только сами не знали ни в чём нужды, но и смогли поделиться с людьми Мария. Этим Сулла, по собственным его словам, сильно озлобил Мария. И вот эта-то вражда, столь незначительная и по-детски мелочная в своих истоках, но затем, через кровавые усобицы и жесточайшие смуты приведшая к тирании и полному расстройству дел в государстве, показывает, сколь мудрым и сведущим в общественных недугах человеком был Эврипид, который советовал остерегаться честолюбия, как демона, самого злого и пагубного для каждого, кто им одержим.

5. Сулла думал, что достаточно уже прославил себя воинскими подвигами, чтобы выступить на государственном поприще, — сразу после похода он посвятил себя гражданским делам; он записался кандидатом в городские преторы, но при выборах потерпел неудачу. Виновницею тому была, по его мнению, чернь: зная дружбу его с Бокхом и ожидая — в случае, если он, прежде чем стать претором, займет должность эдила, — великолепной травли африканских зверей², она избрала преторами других соискателей, чтобы заставить его пройти через эдильскую должность. Но похоже на то, что Сулла скрывает истинную причину своей неудачи — сами события уличают его в этом. Ведь спустя год претура все-таки досталась Сулле, который лестью и подкупом расположил народ в свою пользу. Вот почему Цезарь, которому Сулла в гневе пригрозил употребить против него свою власть претора, издевательски ответил ему: «По праву ты считаешь своей эту власть — разве ты не купил ее?»

После претуры Суллу посылают в Каппадокию³, как было объявлено, чтобы вернуть туда Ариобарзана, а на деле — чтобы обуздать Митридата⁴, который стал не в меру предприимчив и чуть ли не вдвое увеличил своё могущество и державу. Войско, которое Сулла привел с собою, было невелико, но с помощью ревностных союзников он, перебив много каппадокийцев и ещё больше пришедших им на подмогу армян, изгнал Гордия и водворил на царство Ариобарзана.

Когда Сулла стоял у Евфрата, к нему явился парфянин Оробаз, посол царя Арсака. До тех пор оба народа ещё не соприкасались друг с другом; видимо, счастью своему Сулла обязан и тем, что первым из римлян, к кому обратились парфяне с просьбой о союзе и дружбе, оказался именно он. Рассказывают, что Сулла поставил три кресла — одно для Ариобарзана, другое для Оробаза, третье для себя — и во время переговоров сидел посредине. Оробаза парфянский царь впоследствии за это казнил, а Суллу одни хвалили за то, что он унижил варваров, а другие хулили за наглость и неуместное тщеславие. Среди спутников Оробаза, как передают, был один *халдей*⁵, который, посмотрев в лицо Сулле и познакомившись с движениями его духа и тела — не мельком, но изучив их природу согласно с правилами своей науки, — сказал, что человек этот непременно достигнет самого высокого положения, да и сейчас приходится удивляться, как он терпит над собой чью-то власть.

По возвращении Суллы в Рим Цензорин обвинил его во взяточничестве, потому что из дружественного и союзного царства он вернулся с большой суммой денег, собранной вопреки закону. Впрочем, Цензорин не явился в суд, отказавшись от обвинения.

б. Между тем вражда Суллы и Мария получала всё новую пищу; на этот раз поводом послужило честолюбие Бокха. Желая польстить римскому народу и в то же время угодить Сулле, Бокх поставил на Капитолий статуи Победы с трофеями в руках, а подле них золотое изображение Югурты, которого Бокх передает Сулле. Когда рассерженный Марий собрался было уничтожить эти изваяния, а сторонники Суллы готовились встать на его защиту и раздор между приверженцами того и другого едва не вверг в пламя весь город, тогда-то разразилась, сдержав на этот раз распрю, давно уже угрожавшая городу Союзническая война. В войне этой, которая оказалась и чрезвычайно жестокой, и полной всяческих превратностей, которая принесла римлянам многочисленные бедствия и самые тяжкие опасности, в этой войне Марий не смог совершить ничего великого и тем самым доказал, что воинская доблесть нуждается в цветущем возрасте и силе; Сулла же замечательными подвигами стяжал у сограждан славу великого полководца, у друзей — величайшего и даже у врагов — самого счастливого и удачливого...

Сулла... не только испытывал удовольствие, когда завистники называли его счастливецом, но даже сам раздувал эти толки, все свои успехи приписывая богам и объясняя все своим счастьем — то ли из хвастовства, то ли действительно следуя своим представлениям о божестве. Ведь и в «Воспоминаниях» Суллы написано, что дела, на которые он отваживался по внезапному побуждению, удавались ему лучше тех, которые он считал хорошо обдуманными. Там же он говорит, что больше одарен счастьем,

¹ *Тектосаги* — южногалльское племя, союзное с вторгшимися кимврами и тевтонами; *марсы* — германское племя, в I в. н.э. жившее за средним Рейном.

² Её Сулла устроил для народа, когда добился претуры в 93 г.; кроме зверей, он привёз из Африки охотников и впервые в Риме травил зверей, не привязанных к столбам, а свободных, как на настоящей охоте (Плиний, VIII, 16, 20).

³ ...в Каппадокию — за эту страну боролись вифинский царь Никомед и понтийский царь Митридат, агентом которого был Гордий; Рим взялся разрешить конфликт, объявил Каппадокию независимой от обоих и посадил там своего ставленника Ариобарзана.

⁴ Митридат VI Евпатор (120-63 гг. до н.э.), царь Понтийского царства, при котором оно достигло своего расцвета.

⁵ *Халдеи* — так греки и римляне называли восточных ученых и предсказателей (по названию народа, владевшего в VI в. до н.э. Вавилонией).

чем военными способностями, а стало быть, отдаёт предпочтение счастью перед доблестью; вообще он считал себя любимцем божества... Кроме того, в «Воспоминаниях» Сулла убеждает Лукулла (которому это сочинение посвящено) ни на что не полагаться с такой уверенностью, как на то, что укажет ему ночью божество. Когда он был послан с войском на Союзническую войну, рассказывает Сулла, то близ Лаверны¹ широко развёрзлась земля, оттуда вырвался язык пламени и огненным столпом уперся в небо. Это, по словам предсказателей, означало, что доблестный муж, с прекрасною и необычною внешностью, придет к власти и прекратит нынешние смуты в государстве. И вот он-то сам, утверждал Сулла, и есть этот муж: ведь золотистые волосы отличают его среди других людей, а о доблести своей после стольких прекрасных и великих подвигов он может говорить без ложного стыда... В остальном же он производил впечатление человека переменчивого и с самим собой несогласного: он много отбирал насильно и ещё больше раздавал, без оснований возносил и без оснований оскорблял, обижал тех, в ком имел нужду, и чванился перед теми, кто имел нужду в нем, так что непонятно, что было более свойственно его натуре — высокомерие или угодливость. За случайные провинности он засекал до смерти, но смотрел сквозь пальцы на самые тяжкие преступления, легко мирился с лютой обидой, а за мелкие и ничтожные оскорбления мстил казнями и конфискациями имущества; такую несоразмерность в наказаниях можно, пожалуй, объяснить тем, что, крутой нравом и мстительный от природы, Сулла, ради пользы, умел сдерживать гнев, уступая расчету. Так, когда его солдаты в ту же Союзническую войну камнями и палками убили легата Альбина, бывшего претора, Сулла оставил столь тяжкий проступок безнаказанным и даже гордился этим, не без хвастовства говоря, что благодаря этому его люди, дескать, станут ещё воинственнее, искупая храбростью свою вину. На тех, кто осуждал его, Сулла не обращал никакого внимания, но угождал собственному войску, уже тогда замышляя покончить с Марием, и считая, что война с союзниками окончена, надеялся получить командование в войне с Митридатом. По возвращении Суллы в Рим его выбрали консулом вместе с Квинтом Помпеем. Сулле было тогда пятьдесят лет, и в ту пору он вступил в почетный для него брак с Цецилией, дочерью верховного жреца Метелла². За это Суллу высмеивали в многочисленных песенках, ходивших среди простонародья, да и среди высшей знати многие были возмущены, считая, говоря словами Тита [Ливия], что этот человек недостойн такой жены, хотя сами признали его достойным консульства... Вероятно, и с афинянами, взяв их город, он обошелся особенно жестоко, потому что они, насмеявшись над ним с городских стен, грубо поносили Метеллу...

7. Когда Сулла, невысоко ценя консульство в сравнении с тем, что он для себя готовил, в мыслях своих стремился к войне с Митридатом, соперником его выступил Марий, скупаемый тщеславием и честолюбием — не подвластными возрасту страстями. Этот образный человек, которому в недавней войне из-за преклонных уже лет изменили силы, рвался за море, в дальние походы. И вот, когда Сулла отправился к войску, куда его призывали не завершённые ещё дела, Марий оставаясь дома, занялся подготовкой пагубнейшей распри, принесшей Риму больше вреда, чем все войны вместе взятые...

8. Марий... заручился поддержкой народного трибуна Сульпиция, человека, не знавшего себе равных в самых гнусных пороках³... Жестокость, дерзость и жадность делали его нечувствительным к позору и способным на любую мерзость: ведь это он, поставив посреди форума стол, не таясь, подсчитывал деньги, вырученные от продажи вольноотпущенникам и пришлым прав римского гражданства. Сульпиций содержал 3 тыс. вооруженных мечами бойцов и окружил себя толпой готовых на все молодых людей из всаднического сословия, которых именовал антисенатом. Он провёл закон, по которому сенаторам запрещалось иметь долг, превышающий 2 тыс. драхм, а сам оставил после себя долгов на три миллиона. Этот-то человек, обратившись по поручению Мария к народу и нарушив силой оружия весь ход дел в государстве, предложил несколько вредных законопроектов, одним из которых он передавал Марию командование в Митридатовой войне. Это вынудило консулов объявить неприсутственные дни, тогда Сульпиций во время собрания, созванного консулами у храма Диоскуров, возмутил против них толпу, и в числе многих других на форуме погиб молодой сын консула Помпея. Сам Помпей бежал и скрылся, а Сулле, загнанному погоней в дом Мария, пришлось выйти к народу и отменить решение о неприсутственных днях. Поэтому Сульпиций, который Помпея отрёшил от должности, у Суллы консульства не отобрал, но лишь перепоручил поход против Митридата Марию и тут же послал в Нолу военных трибунов, чтобы те, приняв войско, привели его к Марию.

9. Но Сулла, бежавший в лагерь, успел опередить трибунов, и воины, узнав о случившемся, побили посланцев Сульпиция камнями, а приверженцы Мария в Риме со своей стороны принялись избивать друзей Суллы и грабить их имущество. Появились изгнанники и беглецы: одни пробирались в город из лагеря, другие из города в лагерь. Сенат, который уже не был свободен в своих решениях, но руководился предписаниями Мария и Сульпиция, узнав, что Сулла идет на город, послал двух преторов, Брута и Сервилия, чтобы те запретили ему двигаться дальше. Преторы говорили с Суллой слишком дерзко, и воины, кинувшись на них, хотели их растерзать, но только изломали ликторские розги, сорвали с преторов окаймленные пурпуром тоги и после многих оскорблений отослали их назад. Вид преторов, лишенных знаков отличия, и принесенное ими известие о том, что усобицу уже невозможно сдержать и положение непоправимо, произвели тяжелое и страшное впечатление. Марий был теперь занят подготовкой к борьбе, а Сулла, располагая шестью полными легионами, вместе с товарищем по должности двигался от Нолы; он видел, что войско готово немедленно идти на город, но сам колебался, испытывая страх перед опасным начинанием. Однако когда он совершил жертвоприношение, прорицатель Постумий, протянув к нему обе руки, потребовал, чтобы его связали и до сражения продержали под стражей: он-де готов пойти на казнь, если все дела Суллы не придут к скорому и благополучному завершению. Да и самому Сулле, как рассказывают, во сне явилась богиня, чтить которую римляне научились от каппадокийцев⁴, это то ли Луна, то ли Минерва, то ли Беллона. Сулле снилось, будто богиня, представ перед ним, протягивает ему молнию и, называя по имени каждого из его врагов, повелевает поразить их, и, пораженные молнией, они падают и исчезают. Доверившись этому видению и рассказав о нем товарищу по должности, Сулла, как только рассвело, повел войско на Рим. У Пикт⁵ его встретило посольство: послы умоляли повременить, так как сенат восстановит справедливость, издав соответствующие постановления. Сулла согласился разбить лагерь здесь же и приказал командирам сделать для этого обычные в таких случаях промеры, так что послы, поверив ему, ушли. Однако тотчас вслед за тем Сулла выслал вперед Луция Базила и Гая Муммия, которые захватили ворота и стену у Эсквилинского холма, а потом и сам устремился за ними со всею поспешностью, на какую был способен. Хотя отряд Базила, ворвавшись в город, стал одолевая врага, многочисленная толпа безоружного народа остановила его продвижение и оттеснила назад к стене. Но тут подоспел Сулла: увидев, что происходит, он громким голосом отдал приказание поджигать дома и, схватив пылающий факел, сам кинулся вперед, а лучникам дал приказ осыпать кровли домов зажигательными стрелами. Он не следовал заранее

¹ Лаверна — италийская богиня воров; место её культа в вулканической зоне Апеннин точно не известно.

² Эта Цецилия Метелла славилась своим дурным нравом.

³ Эта характеристика Сульпиция Руфа явно заимствована Плутархом из «Воспоминаний» Суллы или другого столь же враждебного источника, а более мягкая в «Марии» (34-35), — из марианских авторов.

⁴ Великая Мать Кибела с её кровавым оргиастическим культом.

⁵ Пикты — почтовая станция в 40 км от Рима по юго-восточной Латинской дороге, за Эсквилинскими воротами.

намеченному плану, но, потеряв власть над собой, предоставил своему гневу распоряжаться происходящим. Перед глазами его были одни враги, и он, нисколько не задумываясь о друзьях, родственниках, домашних, нимало не сочувствуя им, прокладывая себе путь огнем, не разбирающим правых и виноватых. Тем временем Марий, оттесненный к храму Земли¹, воззвал к рабам, обещающая им свободу, но, осиленный наступавшим противником, бежал из города.

10. Сулла, созвав сенат, осудил на смерть самого Мариа и ещё нескольких человек, в их числе и народного трибуна Сульпиция. Сульпиций, преданный своим рабом, был убит (раба этого Сулла сперва освободил, а затем приказал сбросить со скалы), а за голову Мариа Сулла назначил награду, не обнаружив тем самым ни благоразумия, ни порядочности — ведь совсем незадолго он, придя в дом Мариа и сдавшись на его милость, был отпущен целым и невредимым. Если бы Марий тогда не отпустил Суллу, а дал Сульпицию расправиться с ним, он остался бы полным хозяином положения, и все же он Суллу пощадил, а немного спустя, когда Марий сам оказался в такой же крайности, с ним обошлись совсем по-иному. Сенат втайне досадовал на это, а народ и на деле дал Сулле почувствовать свою враждебность и возмущение. Так, провалив с позором Нония, племянника Суллы, и Сервилия, которые домогались должностей, народ должности эти отдал тем, чье избрание, как предполагали, доставит Сулле наибольшее огорчение. Сулла же делал вид, что это его радует, — ведь благодаря ему народ, дескать, и пользуется свободой поступать, как хочет, — а чтобы отвести от себя ненависть толпы, провел в консулы принадлежавшего к стану его противников Луция Цинну, взяв с него скрепленное страшными клятвами обещание поддерживать дело Суллы. Цинна поднялся на Капитолий и, держа в руке камень, принес присягу на верность, скрепив её таким заклятием: пусть будет он, если не сохранит доброго отношения к Сулле, вышвырнут из города, подобно этому камню, брошенному его собственной рукой. После этого в присутствии многих свидетелей он бросил камень на землю. Но вступив в должность Цинна тут же принялся расшатывать устои существовавшего порядка. Он подготовил судебное дело против Суллы, поручив обвинение одному из народных трибунов — Виргинию. Но Сулла, пожелав и обвинителю и судьям долго здравствовать, отправился на войну с Митридатом.

11. ...[Митридат, отняв] Азию у римлян, а Вифинию и Каппадокию у тамошних царей, ... обосновался в Пергаме, наделяя своих друзей богатствами, землями и неограниченной властью; из сыновей его один, не тревожимый никем, управлял старинными владениями в Понте и Боспоре вплоть до необитаемых областей за Мэотидой, другой же, Ариарат, с большим войском покорял Фракию и Македонию. И в иных краях, подчиняя их власти Митридата, действовали его полководцы, самым выдающимся из которых был Архелай. Корабли Архелая господствовали почти над всем морем, он подчинил себе Киклады и другие расположенные по эту сторону мыса Малей острова, завладел даже самой Эвбеей; выступив из Афин, он склонил к отпадению от Рима все греческие племена до границ Фессалии и лишь при Херонее потерпел небольшую неудачу. Здесь встретил его Бруттий Сура, легат Сентия, претора Македонии, человек замечательной отваги и ума. Оказав упорное сопротивление Архелая, который подобно бурному потоку несся по Беотии, и выдержав при Херонее три битвы, Бруттий задержал его и вновь оттеснил к морю. Но, получив от Луция Лукулла приказание освободить место для приближающегося Суллы, которому сенат поручил вести эту войну, Бруттий тотчас оставил Беотию и вернулся к Сентию, хотя дела его шли успешнее, чем он мог надеяться, а греки, привлеченные его безупречным благородством, уже готовы были перейти на сторону римлян. И все же именно эти подвиги прославили Бруттия всего сильнее.

12. Сразу овладев остальными городами Греции, призвавшими его через послов, Сулла подступил со всеми своими силами к Афинам, которые держали сторону царя, вынуждаемые к этому тираном Аристионом и, окружив Пирей, повел осаду, установив всевозможные военные машины и вступая во всякого рода стычки. И хотя, выжди Сулла немного, он без малейшей опасности взял бы Верхний город, уже доведенный голодом до крайности, но стремясь поскорее возвратиться в Рим из боязни, как бы там не произошел новый переворот, он торопил события, не останавливаясь в ходе войны перед опасными предприятиями, многочисленными сражениями и громадными расходами: не говоря о прочих приговорениях, только на работах по сооружению осадных машин ежедневно были заняты десять тысяч пар мулов. Так как многие машины выходили из строя — рушились под собственной тяжестью или сгорали, подожженные зажигательными стрелами врагов, и потому не хватало леса, Сулла принялся за священные рощи: он опустошил Академию, самый богатый деревьями пригород, и Ликей².

Нуждаясь в больших деньгах для ведения войны, Сулла не оставил в покое и святилища Эллады, посылая то в Эпидавр, то в Олимпию³ за прекраснейшими и ценнейшими из приношений. Даже дельфийским амфиктионам он написал, что сокровища бога лучше было бы перевезти к нему, у него-де они будут целее, а если он и воспользуется ими, то возместит взятое в прежних размерах. Вслед за тем он послал туда своего друга, фокейца Кафиса, приказав ему принять каждую вещь по весу. Кафис прибыл в Дельфы, но не решался прикоснуться к святыням и пролил много слёз, оплакивая при амфиктионах свою участь. И когда кто-то сказал ему, что слышал, как зазвучала находящаяся в храме кифара, Кафис, то ли поверив этому, то ли желая внушить Сулле страх перед божеством, написал ему об этом. Но Сулла насмешливо ответил, что удивляется Кафису: неужели тот не понимает, что пением выражают веселье, а не гнев, и велел своему посланцу быть смелее и принять вещи, которые бог отдает с радостью. И вот, когда все прочие сокровища втайне от большинства греков были отправлены к Сулле, амфиктионам пришлось, наконец, сломать серебряную бочку, которая одна ещё оставалась нетронутой из царских пожертвований⁴ и которую из-за её величины и тяжести нельзя было взвалить целиком на вьючных животных. Тут им вспомнились Тит Фламиний, Маний Ацилий и Эмилиий Павел: один из них выгнал из Греции Антиоха, двое других разгромили в войнах македонских царей, и всё же они не только не тронули эллинских святилищ, но даже сами пополнили их новыми дарами, почтили и возвеличили. Да, но ведь они в согласии с законом распоряжались людьми воздержными, привыкшими беспрекословно повиноваться начальствующим, и сами, обладая царственной возвышенностью духа, соблюдали умеренность в расходах, ограничиваясь скромными и строго определенными тратами, а лесть войску почитали более позорной, нежели страх перед врагом; теперь же полководцы добивались первенства не доблестью, а насилием и, нуждаясь в войске больше для борьбы друг против друга, чем против врагов, вынуждены были, командуя, заискивать перед подчиненными и сами не заметили, как, бросая солдатам деньги на удовлетворение их низменных потребностей и тем покупая их труды, сделали предметом купли-продажи и самую родину, а желая властвовать над лучшими, оказались в рабстве у худших из худших. Вот что изгнало Мариа, а потом вернуло его для войны с Суллою, вот что сделало Цинну убийцею Октавия и Фимбрию убийцею Флакка. Но едва ли не главным виновником, положившим начало этому злу, был Сулла, который, чтобы со-

¹ *Храм Земли* — по дороге от взятого Суллою Эскилина к Палатину и Капитолию; здесь тоже часто собирался сенат.

² *Академия* — в роще к северу от Афин (о ней см. Тес., 32) и *Ликей* — в парке к востоку от Афин славились как философские школы, первая — последователей Платона, вторая — последователей Аристотеля.

³ *Эпидавр* — в этом городе находился знаменитый и богатый храм бога врачевания Асклепия. *Олимпия* с её храмом Зевса ещё ни разу не была разграблена и дала Сулле больше всего средств.

⁴ *...царских пожертвований* — речь идёт о жертвованиях Креза Лидийского (560-546 гг. до н.э.), имя которого стало нарицательным. Из четырёх серебряных бочек, им подаренных (Геродот, I, 51) три уже были похищены во время Священной войны 356-346 гг. до н.э.

блазнить и сманить тех, кто служил под чужою командой, слишком щедро оделял своих солдат; тем самым он развращал и чужих воинов, толкая их на предательство, и своих, делая их людьми безнадежно распушенными. Понятно, что он нуждался в крупных суммах, и всего более для осады Афин.

13. Дело в том, что Суллой овладело неодолимое, безумное желание взять Афины — потому ли, что он в каком-то иступлении бился с тенью былой славы города, потому ли, что он приходил в бешенство, терпя насмешки и издевательства, которыми с городских стен ежедневно осыпал его, глумясь и потешаясь над ним и над Метеллой, тиран Аристион...

14. Тогда-то, как передают, и донёс кто-то Сулле о подслушанном в Керамике разговоре: старики беседовали между собой и бранили тирана, который не охраняет подступы к стене у Гептахалка, в том единственном месте, где враги могут легко через нее перебраться. Сулла не пропустил мимо ушей это донесение, но посетив ночью удобное для приступа место и осмотрев его, взялся за дело. Как рассказывает в своих «Воспоминаниях» сам Сулла, первым взшел на стену Марк Атей. На неприятельского воина, который преградил ему путь, Атей обрушил такой удар, что переломил меч о его шлем, и все-таки не отступил, остался на своем месте и упорно его удерживал. Именно с этой стороны и был взят город... А сам Сулла, срыв и сравнив с землей стену между Пирейскими и Священными воротами¹, вступил в город в полночь — грозный, под рёв бесчисленных труб и рогов, под победные клики и улюлюканье солдат, которые, получив от Суллы позволение грабить и убивать, с обнаженными мечами носились по узким улицам. Убитых не считали, и вплоть до сего дня лишь по огромному пространству, залитому тогда кровью, судят об их множестве. Ведь, не говоря уже о тех, кто погиб в других частях города, только резня вокруг Площади обагрила кровью весь Керамик по самые Двойные ворота, а многие говорят, что кровь вытекла за ворота и затопила пригород. Но сколь ни велико было число людей, погибших насильственной смертью, не меньше было и тех, что покончили с собой, скорбя об участи родного города, который, как они думали, ожидало разрушение...

15. Тем временем военачальник Митридата Таксил, спустившись из Фракии и Македонии со 100 тыс. пехотинцев, 10 тыс. всадников и девятью десятками серпоносных колесниц, вызвал к себе Архелая, который все ещё стоял на якоре у Мунихии, не желая очистить море, но и не стремясь к схватке с римлянами, а считая разумным затянуть военные действия, чтобы оставить противника без припасов. Сулла, однако, предвидел все это гораздо лучше, чем Архелай, а потому из мест скудных... отошел в Беотию. Расчет его многим казался ошибочным, ибо, зная, что сила врага в колесницах и коннице, Сулла тем не менее покинул суровую и неудобную для действий конницы Аттику и оказался среди равнин и открытых пространств Беотии. Но, чтобы избежать... голода и нужды, он вынужден был пойти навстречу опасностям, которыми грозило сражение. Кроме того, Сулла боялся за Гортензия. Этого искусного и горячего полководца, который вел к Сулле войско из Фессалии, подстергали в теснинах варвары... Но Гортензия провел другою дорогою наш земляк Кафис². Обманув варваров, он вывел его через Парнас к самой Титоре, которая была тогда не городом, как ныне, но крепостцою на крутой скале; в древности там укрылись и спасли свою жизнь и имущество бежавшие от Ксеркса фокейцы. Гортензий расположился лагерем и днем отразил натиск врагов, а ночью, преодолев трудный спуск к Патрониде³, присоединился к вышедшему ему навстречу Сулле.

16. Оказавшись вместе, они заняли холм, возвышающийся посреди Элатийской равнины; холм этот велик, плодороден, а у подножия его есть вода. Он называется Филобеот, и Сулла очень хвалит его природу и местоположение. Когда римляне разбили лагерь, враги увидели, что их совсем немного: всадников оказалось не больше полутора тысяч, а пеших меньше 15 тыс. Поэтому, вопреки сопротивлению Архелая, остальные военачальники выстроили войско к бою, покрыв всю равнину конями, колесницами, щитами. Воздух не вмещал крика и шума, поднятого множеством племен, одновременно строившихся в боевой порядок. Даже чванливая пышность драгоценного снаряжения отнюдь не была бесполезна, но делала свое дело, устрашая противника: сверканье оружия, богато украшенного золотом и серебром, яркие краски мидийских и скифских одеяний, сочетаясь с блеском меди и железа, — все это волновалось и двигалось, создавая огненную, устрашающую картину, так что римляне сгрудились в своем лагере, и Сулла, который никакими уговорами не мог вывести их из оцепенения, ничего не предпринимал, не желая применять силу к уклоняющимся от битвы, и с трудом сдерживал себя, глядя на варваров, с хвастливым смехом потешавшихся над римлянами. Но именно это и обернулось для Суллы величайшей выгодой. Враги, которые и без того были не слишком послушны своим многочисленным начальникам, из презрения к римлянам перестали соблюдать какой бы то ни было порядок. Лишь небольшая часть их оставалась в лагере, а все остальные в поисках добычи разбрелись на расстояние многих дней пути от лагеря. Сообщают, что они разрушили Панопей и разорили Лебадию, ограбив святилище, и все это — без приказания кого-либо из начальников. А Сулла, негодуя и печалься о судьбе городов, которые гибли у него на глазах, не позволял своим воинам бездельничать, но принуждал их работать, заставляя отводить русло Кефиса и копать рвы; он не давал им никакой передышки и беспощадно наказывал нерадивых, чтобы отвращение к изнурительному труду заставило воинов самих желать опасности. Так и вышло. На третий день работы они с криком стали просить проходившего мимо Суллу, чтобы он вел их на врагов. Сулла ответил, что слышит это не от желающих сражаться, а от не желающих работать, однако, если они и в самом деле хотят боя, пусть сразу идут с оружием туда — и он указал им на бывший акрополь Паропотамиев. Этот разрушенный к тому времени город стоял на крутом, скалистом холме; от горы Гедилия холм отделяет только река Асс, которая у самого подножия этого холма сливается с Кефисом, становясь от этого бурной и стремительной и превращая холм в природное укрепление, подходящее для лагеря. Поэтому Сулла, заметивший, что неприятельские «медные щиты» устремились к этой высоте, захотел предупредить их и овладеть ею первым. И он ею овладел, благодаря усердию своих солдат. А когда вытесненный оттуда Архелай двинулся на Херонею, херонейцы, служившие в римском войске, обратились к Сулле с просьбой не оставлять их город в беде. Сулла послал туда одного из военных трибунов, Габиния, с легионом и отпустил херонейцев, которые хотели было опередить Габиния, но не смогли. Вот как благороден был этот человек: неся спасение, он превзошел усердием самих спасаемых. Юба, впрочем, говорит, что послан был не Габиний, а Эриций. Вот как близка была опасность, которой счастливо избег наш город.

17. ...Перейдя через Асс, Сулла расположился лагерем у подножия Гедилия против Архелая, соорудившего сильное укрепление между Аконтием и Гедилием... Переждав один день, Сулла оставил здесь Мурену с легионом и двумя когортами, чтобы помешать врагу беспрепятственно выстроиться в боевой порядок, а сам принес у Кефиса жертвы и... двинулся к Херонее, где должен был принять стоявшее там войско и осмотреть так называемый Фурий, захваченный к тому времени врагами. Фурий — это скалистая вершина конусообразной горы, которую мы зовем Орфопагом, внизу под ним — речка Мол и храм Аполлона Фурийского... Когда Сулла подходил к Херонее, военный трибун, которому было поручено командование в городе, во главе вооруженных воинов вышел навстречу, неся лавровый венок. Сулла принял венок, приветствовал солдат и призвал их смело встретить

¹ Т.е. на протяжении свыше 300 м.

² Кафис был фокейцем (фокидянином), а Херонея, родина Плутарха, стояла в получасе пути от границы Фокиды, родины Кафиса.

³ Вероятно, Гортензий должен был пройти через Фермопилы, но Кафис провел его горными тропами юго-западнее. *Титора* — одна из вершин Парнасского края, где фокидяне укрывались от персов в 480 г. *Патрониде* — город в Фокиде.

опасность. После этого к нему обратились двое херонейцев — Гомолоих и Анаксидам, которые брались, получив от Суллы большое число солдат, выбить врагов, державших Фурий. Есть, говорили они, тропинка, неизвестная неприятелю, — от так называемого Петраха мимо святилища Муз она выведет на Фурий, так что окажешься прямо над головой у противника; пройдя по ней, нетрудно напасть на врагов и перебить их сверху камнями или согнать на равнину. Габиний засвидетельствовал мужество и верность этих людей, и Сулла велел им взяться за дело. А сам он выстроил пехотинцев и, распределив конницу по двум крыльям, правое принял сам, а левое передал Мурене. Легаты же Гальба и Гортензий с запасными когортами поставлены были в тылу на высотах, чтобы не допустить окружения: было видно, что неприятель, укрепив одно из своих крыльев многочисленной конницей и прорывной легкой пехотой, сделал его гибким и подвижным, готовясь сильно растянуть его и обойти римлян.

18. Тем временем херонейцы, во главе которых Сулла поставил Эриция, незаметно обойдя Фурий и появившись перед варварами, привели их в сильное смятение и обратили в бегство. Многие погибли от руки товарищей, ибо понеслись вниз по склону, наткаясь на собственные копыта и сталкивая друг друга со скал, а неприятель, напавший сверху, поражал их в спину, на защищенную доспехами, так что павшие при Фурии исчисляются тремя тысячами. Из бежавших одни нашли свою гибель, встретившись с двигавшимся им наперерез Муреной, который уже выстроил своих в боевой порядок, а другие, кинувшись к своему лагерю и впопыхах налетев на фалангу, перепугали и привели в замешательство большинство солдат, военачальников же заставили потерять время, что принесло огромный вред, ибо Сулла, едва заметив смятение в рядах противника, тут же ударил и быстро преодолел расстояние, разделявшее оба войска, чем лишил силы серпоносные колесницы. Дело в том, что главное для этих колесниц — продолжительный разбег, который сообщает стремительность и мощь их прорыву сквозь неприятельские ряды, а на коротком расстоянии они бесполезны и бессильны, словно стрелы, пущенные из плохо натянутого лука. Так и вышло в тот раз у варваров, и римляне, отразив вялое нападение лениво двигавшихся первых колесниц, с рукоплесканиями и смехом потребовали новых, как они обычно делают на бегах в цирке. Затем в бой вступила пехота; варвары выставили вперед сариссы и, сдвинув щиты, пытались сохранить сомкнутый строй. Но римляне побросали свои дротики и обнаженными мечами отбивали вражеские копыта, стремясь, поскорее схватиться врукопашную, так как были охвачены гневом. Дело в том, что в первых рядах вражеского строя они увидели 15 тыс. рабов, которых царские полководцы набрали по городам, объявили свободными и включили в число голплитов. Какой-то римский центурион, говорят, сказал, что только на Сатурналиях¹ случалось ему видеть, чтобы рабы пользовались свободой, да и то лишь в речах. Тем не менее, благодаря глубине и плотности своего строя, рабы слишком медленно уступали напору римской тяжелой пехоты и, вопреки своей природе, стояли отважно. Только множество дротиков и зажигательных стрел, пущенных римлянами из задних рядов, обратило их в беспорядочное бегство.

19. Тогда Архелай повел правое крыло в обход, а Гортензий послал для бокового удара свои когорты, двинувшиеся беглым шагом. Но Архелай быстро повернул против него две тысячи находившихся при нем всадников, и под натиском превосходящих сил противника Гортензия пришлось отойти к склону горы, а враги мало-помалу оттесняли его от основных сил римлян и захватывали в кольцо. Узнав об этом, Сулла бросил правое крыло, где бой ещё не начался, и кинулся на помощь Гортензию. Но Архелай, догадавшись об этом перестроении по подымавшейся пыли, оставил Гортензия в покое, а сам повернул своих и устремился туда, откуда ушел Сулла, на правый фланг, чтобы в отсутствие командующего захватить римлян врасплох. В тот же миг и Мурена был атакован Таксилем с его «медными щитами», так что доносившиеся с двух сторон и отражавшиеся от окрестных гор крики остановили Суллу, который не мог решить, где его присутствие нужнее. Он принял решение вернуться на прежнее место, на помощь Мурене отправил Гортензия с четырьмя когортами, а сам, приказав пятой следовать за собой, поспешил на правый фланг, который и без него успешно выдерживал натиск Архелая. С появлением Суллы враг был полностью сломлен, разбит и бежал без оглядки, а римляне гнали беглецов до реки и горы Аконтия. Сулла не кинул в опасности и Мурену, но устремился на подмогу его воинам, а увидев, что они уже одолевают неприятеля, присоединился к преследователям. Многие из варваров погибли на равнине, но большинство было изрублено во время бегства к лагерю, так что из несметного множества их лишь десять тысяч добрались до Халкиды. Сулла не досчитался, как он сам рассказывает, четырнадцати солдат, да и из тех двое к вечеру вернулись...

20. После этого Сулла, узнав, что принадлежавший к стану его противников Флакк избран консулом и плывет с войском через Ионийское море будто бы для борьбы с Митридатом, а на деле — с ним, Суллою, двинулся навстречу ему в Фессалию. Когда Сулла находился у города Мелитии, с разных сторон стали приходить вести, что в тылу у него опять действует, опустошая все на своем пути, царская армия, численностью не уступающая прежней. В Халкиду с множеством кораблей прибыл Дорилай, который привез 80 тыс. отборных воинов Митридата, наилучшим образом обученных и привыкших к порядку и повиновению, тотчас вторгся в Беотию и овладел всей страной. Не зирая на сопротивление Архелая, Дорилай очень хотел принудить Суллу вступить в бой, а насчет предыдущего сражения говорил, что не без предательства, дескать, стала возможной гибель такого огромного войска. Впрочем, Сулла быстро вернулся и показал Дорилаю, что Архелай и разумен и хорошо знаком с доблестью римлян: после небольшой стычки с Суллою у Гилфоссия Дорилай сам оказался первым среди тех, кто предпочитал не решать дело битвой, но затягивая войну, вынуждать противника к напрасной потере средств и времени. Тем не менее сама позиция придала решимости Архелая, который расположился лагерем у Орхомена, ибо местность здесь представляла наилучшие условия для сражения тому, чья сила была в коннице. Среди всех равнин Беотии, отличающихся обширностью и красотой, лишь та, что примыкает к Орхомену, совершенно лишена деревьев и простирается до самых болот, в которых теряется река Мелан, берущая свое начало под городом орхоменцев. Это единственная из греческих рек, которая велика и судоходна в верховьях, а к летнему солнцестоянию разливается, подобно Нилу, и взращивает растения, подобные нильским — только здесь они малорослы и не приносят плодов. Но протяженность её невелика, почти вся вода вскоре теряется в глухих болотах и лишь небольшая часть её вливается в Кефис — как раз там, где на болоте больше всего тростника, который идет на флейты.

21. Когда обе армии стали лагерем поблизости одна от другой, Архелай расположился на отдых, а Сулла стал вести рвы с двух сторон, чтобы, если удастся, отрезать врагов от удобных для конницы мест с твердой почвой и оттеснить в болота. Враги, однако, этого не потерпели, но, получив от своих полководцев разрешение действовать, потоком хлынули на римлян и не только рассеяли тех, кого Сулла назначил на работы, но и смяли большую часть выстроенного к бою войска, которое обратилось в бегство. Тогда Сулла, спрыгнув с коня и схватив знамя, сам кинулся навстречу врагам, пробиваясь сквозь толпу бегущих и крича: «Римляне, здесь, видно, найду я прекрасную смерть, а вы запомните что на вопрос: "Где предали вы своего императора?" — вам придется отвечать: "При Орхомене"». Слова эти заставили бегущих повернуть, и с правого крыла на помощь Сулле подошли две когорты, во главе которых он оттеснил врага. Затем, отведя своих чуть-чуть назад и дав им позавтракать, Сулла вновь принялся

¹ *Сатурналии* — во время этого римского праздника солнцеворота, 17-21 декабря, в память о «Золотом веке» всеобщего равенства при боге Сатурне рабы получали на один день «карнавальную» свободу, и господа им прислуживали.

² *Император* — слово это первоначально было почетным титулом победоносного полководца.

рыть ров перед вражеским лагерем. Противники снова атаковали – в более строгом порядке, чем прежде. В этой стычке на правом крыле погиб, сражаясь с замечательной доблестью, пасынок Архелая Диоген, а лучники, теснимые римлянами так, что не могли натянуть лук, пытались отразить противника, сжимая в кулаке пучок стрел и действуя им наподобие меча. Наконец их загнали в лагерь, и они провели тяжелую ночь, страдая от ран и горя о погибших. На следующий день Сулла опять подвел своих солдат к вражескому лагерю и продолжил работу. Враги высыпали во множестве, готовые к сражению, Сулла напал на них и, обратив в бегство, взял штурмом лагерь, который остальные варвары, видя поражение своих, уже не отважились защищать. Кровь убитых наполнила болота, озеро было завалено трупами, и до сих пор, по прошествии почти двухсот лет, в трясине находят во множестве варварские стрелы, шлемы, обломки железных панцирей и мечи...

22. Между тем в Риме Цинна и Карбон чинили беззаконные насилия над знатнейшими людьми и многие бежали..., устремляясь... в лагерь Суллы, так что недолгое время спустя вокруг него собралось подобие сената. К нему прибыла и Метелла, которая, взяв детей, с трудом выбралась из города. Она принесла Сулле весть о том, что дом и имения его сожжены недругами, и молила прийти на помощь оставшимся на родине. И вот, когда Сулла колебался, не зная, что предпринять (он не мог оставить отечество в беде, но и уходить, бросив неоконченным столь важное начинание — войну против Митридата, не собиравшись), явился к нему делосский купец Архелай, который тайно привез многообещающие предложения от царского полководца Архелая. Это так обрадовало Суллу, что он поспешил встретиться с вражеским полководцем для переговоров. Встретились они у моря, близ Делия, где находится святилище Аполлона. [Архелай], простершись ниц, умолял Суллу прекратить военные действия и примириться с Митридатом. Сулла согласился, предложив такие условия мира: Митридат уходит из Азии и Пафлагонии, отказывается от Вифинии в пользу Никомеда и от Каппадокии в пользу Ариобарзана, выплачивает римлянам 2 тыс. талантов и передает им 70 обитых медью кораблей с соответствующим снаряжением, Сулла же закрепляет за Митридатом все прочие владения и объявляет его союзником римлян.

23. Договорившись с Архелаем, Сулла повернул назад и через Фессалию и Македонию двинулся к Геллеспонту вместе с Архелаем, которому оказывал все знаки уважения. Когда близ Лариссы Архелай опасно заболел, Сулла, прервав поход, заботился о нем, как об одном из собственных полководцев. Это внушало подозрения, что Херонейская битва не была честной. К тому же Сулла, отпустив из плена захваченных им друзей Митридата, лишь тирана Аристиона, который был врагом Архелая, умертвил ядом. Наконец, что всего важнее, Сулла подарил Архелаю 10 тыс. плетров земли на Эвбее и объявил его другом и союзником римского народа...

Вскоре прибыли послы от Митридата и сообщили, что он принимает все условия, но просит, чтобы у него не отбирали Пафлагонию, и с требованием о выдаче флота решительно не согласен. «Что вы говорите? — отвечал в гневе Сулла. — Митридат притязает на Пафлагонию и спорит о флоте? А я-то думал, что он поклонится мне в ноги, если я оставлю ему правую его руку, которую он погубил столько римлян?»¹ Но погодите, скоро я переправлюсь в Азию, и тогда он заговорит по-другому, а то сидит в Пергаме и отдает последние распоряжения в войне, которой и в глаза не видал!» Послы, напуганные, замолчали, Архелай же принялся умолять Суллу и старался смягчить его гнев, взяв его за правую руку и проливая слезы. Наконец он уговорил Суллу, чтобы тот послал к Митридату его самого: он-де добьется мира на тех условиях, каких хочет Сулла, а если не убедит царя, то покончит с собой. С тем Сулла его и отправил, а сам, вторгшись в страну медов и сильно опустошив ее, опять повернул в Македонию. Подле Филиппа его поджидал Архелай с вестью, что все улажено и что Митридат очень просит Суллу встретиться с ним для переговоров. Главной причиной тому был Фимбрия, который, умертвив Флакка — консула, принадлежавшего к противникам Суллы, и победив Митридатовых полководцев, шел теперь на самого царя. Страхась его, Митридат предпочел добиваться дружбы Суллы.

24. Итак, встреча состоялась в Дардане, что в Троаде. Митридата сопровождали двести военных кораблей, 20 тыс. гоплитов, 6 тыс. всадников и множество серпоносных колесниц, Суллу — четыре когорты пехоты и двести всадников. Митридат вышел навстречу Сулле и протянул ему руку, но тот начал с вопроса, прекратит ли он войну на условиях, которые согласованы с Архелаем. Царь отвечал молчанием, которое Сулла прервал словами: «Просители говорят первыми — молчать могут победители». Тогда Митридат, защищаясь, начал речь о войне, пытаясь одно приписать воле богов, а за другое возложить вину на самих римлян. Тут Сулла, перебив его, сказал, что он давно слышал от других, а теперь и сам видит, сколь силен Митридат в красноречии: ведь даже держа речь о таких подлых и беззаконных делах, он без всякого труда находит для них благовидные объяснения. Изобличив царя в совершенных им жестокостях и высказав свои обвинения, Сулла ещё раз спросил, выполнит ли Митридат условия, договоренность о которых была достигнута через Архелая. Царь ответил, что выполнит, и только тогда Сулла приветствовал его и, обняв, поцеловал, а затем подвел к нему царей Ариобарзана и Никомеда и примирил его с ними. Наконец, передав Сулле семьдесят кораблей и пятьсот лучников, Митридат отплыл в Понт. Сулла чувствовал, что его воины возмущены мирным соглашением, ибо они считали для себя страшным позором то, что ненавистнейший из царей, по приказу которого в один день перерезаны 150 тыс. живших в Азии римлян, беспрепятственно отплывает из Азии, с богатой добычей, взятой в этой стране, которую он в течение четырех лет не переставал грабить и облагать поборами. Поэтому Сулла стал оправдываться перед ними, говоря, что если бы Фимбрия и Митридат объединились против него, то воевать сразу с обоими было бы ему не по силам.

25. Выступив против Фимбрии, который стоял лагерем у Фиатир, Сулла остановился поблизости и стал обходить его лагерь в рвом. Воины Фимбрии, выходя за частокол в одних туниках, приветствовали солдат Суллы и принимались усердно помогать им в работе. Сам Фимбрия, убедившись в измене и боясь Суллы, в котором видел непримиримого врага, покончил самоубийством в собственном лагере. Азию же Сулла покарал² общим штрафом в 20 тыс. талантов, а кроме того, наглым вымогательством размещенных на постой солдат разорил чуть не каждый частный дом. Было указано, что домохозяин обязан ежедневно выдавать своему постояльцу по четыре тетрадрахмы и кормить обедом его самого и его друзей, сколько бы тому ни вздумалось привести, а центурион получал пятьдесят драхм в день и одежду — отдельно для дома и для улицы.

26. Сулла отплыл из Эфеса со всеми кораблями и на третий день вошел в гавань Пирея. Его посвятили в таинства³, и он забрал себе библиотеку теосца Апелликона, в которой были почти все сочинения Аристотеля и Феофраста, тогда ещё мало кому известные⁴. Когда библиотека была доставлена в Рим, грамматик Тираннион, как рассказывают, многое привел в порядок, а родосец

¹ Когда по приказанию Митридата (в начале войны, 88 г. до н.э.) по всей Малой Азии было перебито множество римлян и италиков (более 80 тыс. за один день в одной Вифинии).

² За поддержку Митридата; с самого Митридата Сулла взял вдесятеро меньше (гл. 22). Оставшиеся верными Риму общины (напр., Родос) были щедро награждены.

³ В Элевсинские мистерии.

⁴ Это был такой же жест внимания к греческой культуре, как и приобретение сочинений Аристотеля и Феофраста. Сочинения Аристотеля делились на «экзотерические» (для широкого читателя) и «эзотерические» (для наследников Аристотеля по философской школе): эти последние постепенно были забыты, и конфискация Суллы вернула им известность: до нас дошли (частично) только они, а экзотерические, славившиеся в древности, не дошли.

Андроник, получив от Тиранниона копии привезенных книг, обнародовал их и составил указатели, которыми пользуются и поныне. Старшие же перипатетики сами по себе были, видимо, людьми умными и учеными, но из сочинений Аристотеля и Феофраста знали, кажется, немного, и то не слишком хорошо, потому что наследство скепсиса Нелея, которому Феофраст оставил свои книги, досталось людям невежественным и безразличным к науке.

Сулла находился в Афинах, когда его стало мучить болезненное оцепенение и тяжесть в ногах — то, что Страбон называет «детским лепетом подагры». Перебравшись из-за этого в Эдепс, он лечился теплыми водами и развлекался, проводя время в обществе актеров. Раз, когда он прогуливался по берегу моря, какие-то рыбаки поднесли ему несколько великолепных рыб. Узнав, что рыбаки из Галеи, Сулла, обрадованный подарком, спросил: «Так кто-то из галейцев ещё жив?» (Преследуя врага после победы при Орхомене, Сулла разрушил сразу три беотийских города — Анфедон, Ларимну и Галеи.) У рыбаков от ужаса отнялся язык, но Сулла, улыбнувшись, разрешил им удалиться, не страшась за будущее: дескать, заступники, с которыми они к нему пришли, неплохи и заслуживают внимания. Говорят, что после этого галейцы, осмелев, вернулись в свой город.

27. А Сулла, спустившись через Фессалию и Македонию к морю, готовился на 1 200 кораблях переправиться из Диррахия в Брундизий... [Он] боялся, как бы, достигнув Италии, они не разбрелись по своим городам¹. Но они по собственному почину принесли клятву не расходиться и самовольно не чинить в Италии никаких насилий, а затем, видя, что Сулла нуждается в больших деньгах, устроили сбор пожертвований... Сулла... не принял пожертвований, но похвалил своих людей за усердие, и ободрил их, а затем... приступил к переправе, чтобы выступить против пятнадцати неприятельских полководцев, располагавших 450 когортами. Божество недвусмысленно возвестило ему удачу, ибо, когда, только что переправившись, он совершал близ Тарента жертвоприношение, на печени жертвенного животного увидели очертания лаврового венка с двумя лентами... Спустя недолгое время на этом самом месте, куда Марий-младший и консул Норбан привели большие силы, Сулла, даже не выстроив и не разделив войско на отряды, но положившись на всеобщее воодушевление и единодушный порыв отваги, обратил врагов в бегство и, перебив семь тысяч, загнал Норбана в город Капуо...

28. Все ещё видя себя окруженным многочисленными лагерями и значительными силами противника, а потому действуя как оружием, так и хитростью, Сулла пригласил к себе для мирных переговоров второго консула — Сципиона. Тот принял его приглашение, начались встречи и совещания, но Сулла, постоянно находя новые предлоги, все откладывал окончательное решение, а тем временем разлагал солдат Сципиона с помощью собственных воинов, которые были столь же искусны во всякого рода хитростях и кознях, как и сам их полководец. Они приходили в лагерь к неприятелям и, оказываясь среди них, одних сразу сманивали деньгами, других обещаниями, третьих лестью и уговорами. Наконец Сулла с двадцатью когортами подошел вплотную к лагерю Сципиона. Солдаты Суллы приветствовали солдат Сципиона, а те ответили на приветствие и присоединились к ним. Покинутый Сципион был схвачен в своей палатке, но отпущен, а Сулла, который, как на подсадных птиц, приманил на свои двадцать когорт сорок неприятельских, увел всех в свой лагерь...

После этого при Сигнии Марий, у которого было 85 когорт, стал вызывать Суллу на бой. Сулла и сам жаждал сражения именно в этот день, потому что увидел такой сон: приснилось ему, что старик Марий, уже давно умерший, советует Марию, своему сыну, остерегаться наступающего дня, который-де несет ему тяжкую неудачу. Поэтому Сулла жаждал боя и послал за Долабеллой, чей лагерь находился поодаль. Но так как дороги были заняты врагами, преграждавшими путь Сулле, солдаты его, с боем прокладывая себе дорогу, устали, а заставший их за этими трудами ливень измучил их окончательно. Центурионы подошли к Сулле и указали ему на солдат, которые, не держась на ногах от усталости, отдыхали на земле, подложив под себя щиты, и просили отложить сражение. Но когда Сулла нехотя согласился, а солдаты стали насыпать вал для лагеря и рыть ров, на них напал Марий. Гордо скакал он перед строем, надеясь, что рассеет войско, в котором царит замешательство и беспорядок. И тут волею божества совершилось то, о чем Сулла слышал во сне. Гнев овладел его солдатами и, бросив работу и воткнув свои копья в землю подле рва, они выхватили мечи и вступили в рукопашный бой с противниками. Те долго не продержались, но обратились в бегство, и множество их было убито. Марий бежал в Пренесту, но нашел ворота уже запертыми. Он обвязался спущенною ему веревкой и был поднят на стену. Некоторые (в их числе и Фенестелла) говорят, что Марий и не заметил, как началось сражение: отдав все распоряжения, измученный бессонницей и усталый, он прилег на землю и заснул где-то в тени; лишь потом, когда началось бегство, его с трудом разбудили. В этом сражении Сулла, говорят, потерял только 23 человека, а врагов перебил 20 тыс. Столь же успешны были действия его полководцев — Помпея, Красса, Метелла, Сервилия. Не потерпев почти ни одной неудачи, — разве что самые незначительные, — они сокрушили большие силы врагов, так что глава стана противников, Карбон, ночью сбежал от собственного войска и отплыл в Африку.

29. Но в последнем сражении самниту Телезину, который напал на Суллу, как запасной борец на утомленного атлета, едва не удалось разбить и уничтожить его у самых ворот Рима. Дело было так. Собрав большой отряд, Телезин вместе с луканцем Лампонием спешил к Пренесте, чтобы освободить от осады Мария, но тут узнал, что навстречу ему уже движется Сулла, а с тыла подходит Помпей. Ни вперед, ни назад пути не было, и Телезин, опытный воин, испытанный в тяжелых боях, снявшись ночью с лагеря, тронулся со всеми войсками прямо к Риму. ещё немного — и он ворвался бы в беззащитный город. Но, не доходя десяти стадиев до Коллинских ворот, Телезин, высоко занесаясь в своих надеждах и гордясь тем, что столько полководцев (и каких!) стали жертвами его хитрости, сделал привал. С рассветом против него выступил конный отряд, составленный из знатнейших юношей города. Многие из них были убиты и среди других благородный и прекрасный человек Аппий Клавдий. В городе началось обычное в таких случаях смятение — крики женщин, беспорядочная беготня, как будто он был уже взят приступом, и тут римляне увидели Бальба: гоня во весь опор, он прискакал от Суллы с семьями всадников. Остановившись ненадолго, чтобы дать передышку взмыленным коням, он приказал поскорее взнуздать их снова и напал на противника. Тем временем появился и сам Сулла. Он велел своим передовым, не теряя времени, завтракать и принялся строить боевую линию. Долабелла и Торкват упрашивали его подождать, не идти с усталыми солдатами на крайне рискованное дело (ведь не с Карбоном и Марием предстояло им сражаться, а с *самнитами* и *луканцами*, самыми лютыми врагами Рима и самыми воинственными племенами), но он не внял их просьбам и распорядился протрубить сигнал к нападению, хотя уже перевалило за девятый час дня. Началось сражение, каких дотолле не бывало. На правом крыле, куда был поставлен Красс, дела шли блестяще и римляне побеждали, но левому приходилось худо, и Сулла кинулся туда на выручку. Под ним был белый конь, горячий и очень резвый, — по этому-то коню узнали его двое из врагов и направили на него свои копья. Сам Сулла этого не заметил, но его конюх успел хлестнуть коня и заставить его отскочить как раз настолько, чтобы копыя воткнулись в землю у самого хвоста. Рассказывают, что у Суллы было золотое изваяньице Аполлона, привезенное из Дельф, которое он в сражениях всегда носил спрятанным на груди, а в этот раз, целуя его, обратился к нему со словами: «О Аполлон Пифийский, ты, кто в стольких сражениях прославил и возвеличил счастливого Суллу Корнелия, кто довел его до

¹ Вернувшись из похода и вступив в Италию, римский полководец должен был распустить свое войско, но Сулла не собирался этого делать.

ворот родного города, неужели ты бросишь его теперь вместе с согражданами на позорную гибель?» Воззвав в таких словах к богу, Сулла, как рассказывают, принялся одних умолять, другим угрожать, третьих стыдить. Наконец, когда левое крыло все же было разбито, он, смешавшись с бегущими, укрылся в лагере, потеряв много товарищей и близких. Немало римлян, которые вышли поглядеть на сражение, тоже нашли свою гибель под копытами лошадей, так что с городом, казалось, было уже покончено, и немногого не доставало, чтобы Марий освободился от осады. Многие из беглецов кинулись к Пренесте и советовали Лукрецию Офелле, оставленному для руководства осадой, немедленно сниматься с лагеря, так как Сулла-де погиб и Рим в руках неприятеля.

30. Но уже глубокой ночью в лагерь Суллы прибыли люди Красса за продовольствием для него и его воинов, которые после одержанной победы преследовали врагов до самой Антемны, и там же расположились лагерем. Выслушав это известие и узнав, что большая часть врагов погибла, Сулла с рассветом пришел к Антемне. 3 тыс. неприятелей прислали к нему вестника с просьбой о пощаде, и Сулла обещал им безопасность, если они явятся к нему, прежде нанеся ущерб остальным его врагам. Те поверили, напали на своих, и многие с обеих сторон полегли от рук недавних товарищей. Однако всех уцелевших, как из нападавших, так и из защищавшихся, всего около 6 тыс., Сулла собрал у цирка, а сам созвал сенаторов на заседание в храм Беллоны. И в то самое время, когда Сулла начал говорить, отряженные им люди принялись за избивание этих 6 тыс. Жертвы, которых было так много и которых резали в страшной тесноте... подняли отчаянный крик. Сенаторы были потрясены, но уже державший речь Сулла, нисколько не изменившись в лице, сказал им, что требует внимания к своим словам, а то, что происходит снаружи, их не касается: там-де по его повелению вразумляют кое-кого из негодяев. Тут уж и самому недогадливому из римлян стало ясно, что произошла смена тиранов, а не падение тирании...

31. ...Сулла занялся убийствами, кровавым делам в городе не было... предела, и многие, у кого и дел-то с Суллой никаких не было, были уничтожены личными врагами, потому что, угождая своим приверженцам, он охотно разрешал им эти бесчинства. Наконец, один из молодых людей, Гай Метелл, отважился спросить в сенате у Суллы, чем кончится это бедствие и как далеко оно должно зайти, чтобы можно стало ждать прекращения того, что теперь творится. «Ведь мы просим у тебя, — сказал он, — не избавления от кары для тех, кого ты решил уничтожить, но избавления от неизвестности для тех, кого ты решил оставить в живых». На возражение Суллы, что он-де ещё не решил, кого прощает, Метелл ответил: «Ну так объяви, кого ты решил покарать»... Не посоветовавшись ни с кем из должностных лиц, Сулла тотчас составил список¹ из 80 имен. Несмотря на всеобщее недовольство, спустя день он включил в список ещё 220 человек, а на третий — опять по меньшей мере столько же. Выступив по этому поводу с речью перед народом, Сулла сказал, что он переписал тех, кого ему удалось вспомнить, а те, кого он сейчас запамätовал, будут внесены в список в следующий раз. Тех, кто принял у себя или спас осужденного, Сулла тоже осудил, карой за человеколюбие назначив смерть и не делая исключения ни для брата, ни для сына, ни для отца. Зато тому, кто умертвит осужденного, он назначил награду за убийство — 2 таланта, даже если раб убьет господина, даже если сын — отца. Но самым несправедливым было постановление о том, что гражданской чести лишаются и сыновья и внуки осужденных, а их имущество подлежит конфискации.

Списки составлялись не в одном Риме, но в каждом городе Италии. И не остались не запятнанными убийством ни храм бога, ни очаг гостеприимца, ни отчий дом. Мужей резали на глазах жен, детей — на глазах матерей. Павших жертвою гнева и вражды было ничтожно мало по сравнению с теми, кто был убит из-за денег, да и сами каратели, случалось, признавались, что такого-то погубил его большой дом, другого — сад, а иногда — теплые воды. Квинт Аврелий, человек, чуждавшийся государственных дел, полагал, что беда касается его лишь постольку, поскольку он страдает несчастным. Придя на форум, он стал читать список и, найдя там свое имя, промолвил: «Горе мне! За мною гонится мое альбанское имя». Он не ушел далеко, кто-то бросился следом и прирезал его.

32. Тем временем Марий-младший, чтобы избежать плена, покончил с собой. Сулла прибыл в Пренесту и приступил к правде: сперва он выносил приговор каждому в отдельности, а затем, не желая тратить времени, распорядился всех пренестинцев (их было 12 тыс.) собрать вместе и перерезать. Он подарил прощение лишь хозяину дома, где остановился. Но тот, с большим благородством сказав Сулле, что никогда не захочет быть благодарным за спасение своей жизни палачу родного города, постарался затеряться среди сограждан и добровольно погиб вместе с ними. Самым неслышанным, однако, был, видимо, случай с Луцием Катилиной. ещё до того, как положение в государстве определилось, он убил своего брата, а теперь просил Суллу внести убитого в список, словно живого, что и было сделано. В благодарность за это Катилина убил некоего Марка Мария, человека из стана противников Суллы. Голову его он поднес сидевшему на форуме Сулле, а сам подошел к находившемуся поблизости храму Аполлона и умыл руки в священной кропильнице.

33. Но, не говоря об убийствах, и остальные поступки Суллы тоже никого не радовали. Он провозгласил себя диктатором, по прошествии 120 лет восстановив эту должность². Было постановлено, что он не несёт никакой ответственности за все происшедшее, а на будущее получает полную власть карать смертью, лишать имущества, выводить колонии, основывать и разрушать города, отбирать царства и жаловать их, кому вздумается. Сидя на своем кресле, он с таким высокомерным самоуправством проводил распродажи конфискованных имуществ, что, отдавая их почти задаром, вызывал ещё большее озлобление, чем отбирая, так как красивым женщинам, певцам, мимическим актерам и подонкам из вольноотпущенников он жаловал земли целых народов и доходы целых городов, а иным из своих приближенных — даже жён, совсем не жаждавших такого брака. Так было с Помпеем Великим: желая с ним породниться, Сулла предписал ему дать прежней жене развод, а в дом его ввел дочь Скавра и своей жены Метеллы, Эмилию, которую беременной разлучил с Манием Глабрионом. У Помпея она и умерла от родов.

Лукреций Офелла, тот, что успешно осаждал Мария в Пренесте, стал домогаться консульства и выступил соискателем. Сулла сперва старался не допустить этого. Но, когда Офелла, пользуясь поддержкой толпы, ворвался на форум, Сулла послал одного из своих центурионов резать его, а сам, сидя на своем кресле в храме Диоскуров, с высоты наблюдал за убийством. Люди схватили центуриона и привели его к креслу Суллы, но тот велел возмущенным замолчать и сказал, что так распорядился он сам, а центуриона приказал отпустить.

34. Захваченная у Митридата добыча... придавала триумфу Суллы особую пышность, но ещё более ценным украшением триумфа... были изгнанники. Самые знатные и могущественные из граждан, увенчанные, сопровождали Суллу, величая его спасителем и отцом, потому что и вправду благодаря ему вернулись они на родину, привезли домой детей и жен. Когда торжество уже было закончено, Сулла, выступив перед народом, стал перечислять свои деяния, подсчитывая свои удачи с не меньшим тщанием, чем подвиги, и в заключение повелел именовать себя Счастливым — именно таков должен быть самый точный перевод слова Felix. Сам он, впрочем, переписываясь и ведя дела с греками, называл себя Любимцем Афродиты... И настолько вера Суллы в свое

¹ По-латыни, «проскрипцию». По подсчетам историков, только в Риме погибли при Марии ок. 50 сенаторов и 1 тыс. всадников, при Сулле — ок. 40 сенаторов и 1 тыс. всадников.

² С 202 г. до н.э., когда в последний раз был назначен диктатор (Г. Сервилий Гемин) — только чтобы провести консульские выборы в отсутствие должностных лиц.

счастье превосходила веру его в свое дело, что после того, как такое множество людей было им перебито, после того, как в городе произошли такие перемены и преобразования, он сложил с себя власть и предоставил народу распоряжаться консульскими выборами, а сам не принял в них участия, но присутствовал на форуме как частное лицо, показывая свою готовность дать отчет любому, кто захочет. К неудовольствию Суллы, наиболее вероятным было избрание в консулы Марка Лепида. Этот дерзкий человек и недруг Суллы достиг такого успеха не собственными силами, а с помощью Помпея, который пользовался расположением народа и просил за Лепида. Поэтому Сулла, увидев идущего с выборов Помпея, который радовался своей победе, позвал его и сказал: «Как хорошо, мальчик, разобрался ты в государственных делах, проведя на должность Лепида впереди Катутла, человека шально-го впереди достойного. Теперь уж тебе не спать спокойно — ты сам создал себе соперника». Эти слова оказались как бы пророческими. Вскоре Лепид, преисполнившись гордыней, начал войну против Помпея.

35. Пожертвовав Геркулесу десятую часть своего имущества, Сулла с большой расточительностью стал задавать игры для народа. Излишек заготовленных припасов был так велик, что каждый день много еды вываливали в реку, а вино пили сорокалетнее и ещё более старое. В разгар этого затянувшегося на много дней пиршества заболела и умерла Метелла. Сулла, которому жрецы не разрешали ни подходить к умирающей, ни осквернять свой дом похоронами¹, написал Метелле разводное письмо и велел, пока она ещё жива, перенести её в другой дом. Так из суеверного страха Сулла неукоснительно исполнил все предусмотренное обычаями, но, не поскупившись в затратах на похороны, он преступил закон об ограничении расходов на погребение, внесенный им самим. Преступал он и собственные постановления об умеренности в еде, стремясь рассеять свою печаль в попойках и пирушках, лакомясь изысканными кушаньями и слушая болтовню шутов. Несколько месяцев спустя на гладиаторских играх — в ту пору места в театре ещё не были разделены и женщины сидели вперемешку с мужчинами — случайно поблизости от Суллы села женщина по имени Валерия, красивая и знатная родом... недавно разведенная с мужем. Проходя мимо Суллы, за его спиной, она, протянув руку, вытащила шерстинку из его тоги и проследовала на свое место. На удивленный взгляд Суллы Валерия ответила: «Да ничего особенного, император, просто и я хочу для себя малой доли твоего счастья». Сулле приятно было это слышать, и он явно не остался равнодушен, потому что через подосланных людей разузнал об имени этой женщины, выведал, кто она родом и как живет. После этого пошли у них перемигивания, переглядывания, улыбки, и все кончилось сговором и браком. Валерии все это, быть может, и не в укор, но Суллу к этому браку — пусть с безупречно целомудренной и благородною женщиной — привели чувства отнюдь не прекрасные и не безупречные; как юнец, он был покорен смелыми взглядами и заигрываниями — тем, что обычно порождает самые позорные и разнузданные страсти.

36. Впрочем, и поселив Валерию в своем доме, он не отказался от общества актрис, актёров и кифаристок. С самого утра он пьянствовал с ними, валяясь на ложах. Ведь кто в те дни имел над ним власть? Прежде всего комический актер Росций, первый мим Сорик и изображавший на сцене женщин Метробий, которого Сулла, не скрываясь, любил до конца своих дней, хотя тот и постарел. Все это питало болезнь Суллы, которая долгое время не давала о себе знать, — он вначале и не подозревал, что внутренности его поражены язвами. От этого вся его плоть сгнила, превратившись во вшей, и хотя их обирали день и ночь (чем были заняты многие прислужники), все-таки удалить удавалось лишь ничтожную часть вновь появлявшихся. Вся одежда Суллы, ванна, в которой он купался, вода, которой он умывал руки, вся его еда оказывались запакошены этой пагубой, этим неиссякаемым потоком — вот до чего дошло. По многу раз на дню погружался он в воду, обмывая и очищая свое тело. Но ничто не помогало. Справиться с перерождением из-за быстроты его было невозможно, и тьма насекомых делала тщетными все средства и старания.

Говорят, что в далекой древности вшивая болезнь² погубила Акаста³, сына Пелия, а позднее поэта и певца Алкмана, богослова Ферекида, Каллисфена Олинфского, брошенного в темницу, а также юриста Муция. Если же сюда добавить и тех, кто не прославился ничем полезным, но все же приобрел известность, то упомянем и беглого раба по имени Эвн, который начал рабскую войну в Сицилии; пойманный и привезенный в Рим, он умер от вшивой болезни.

37. ...Однако Сулла не оставил занятий государственными делами. Так, за десять дней до кончины он установил в Дикеархии⁴ мир между враждовавшими сторонами и на будущее написал для её жителей закон об управлении городом. А за день до кончины ему стало известно, что Граний, занимавший одну из высших должностей в городе, ожидая смерти Суллы, не возвращает казне денег, которые задолжал. Сулла вызвал его к себе в опочивальню, и, окружив своими слугами, велел удавить. От крика и судорог у Суллы прорвался гнойник, и его обильно вырвало кровью. После этого силы покинули его, и, проведя тяжелую ночь, он умер, оставив после себя двоих ещё несмышленных детей от Метеллы. Валерия после его смерти родила дочку, которую назвали Постумой. Такое имя римляне дают тем, кто появляется на свет после смерти отца.

38. Многие поднялись и сплотились вокруг Лепида, чтобы лишить тело Суллы подобающего погребения. Но Помпей, хотя и был недоволен Суллой (из своих друзей тот обошел в завещании его одного), преодолел сопротивление одних просьбами и обходительными речами, на других воздействовал угрозами и, доставив тело в Рим, дал возможность похоронить его без помех и с почестями...

№2 АППАН ГРОМАДЯНСЬКІ ВІЙНИ, I

95. Когда с войной в Италии было покончено мечом и огнем, полководцы Суллы стали объезжать города и в тех из них, которые возбуждали подозрение, ставили гарнизоны. Помпей был послан в Африку против Карбона и в Сицилию против тамошних его приверженцев. Сам Сулла созвал римлян в собрание, на котором он много и велеречиво говорил о себе, но вместе с тем наговорил и много ужасов для устрашения других. Он заявил, что улучшит положение народа, если его будут слушаться; зато по отношению к своим врагам он не будет знать никакой пощады вплоть до причинения им самых крайних бедствий; точно так же он жестоко расправится со всеми преторами, квесторами, военными трибунами, со всеми прочими, кто помогал его врагам с того дня, когда консул Сципион не сдержал заключенного с Суллою соглашения. Сразу же после этого Сулла присудил к смертной казни до 40 сенаторов и около 1600 ... всадников. Сулла, кажется, первый составил списки приговоренных к смерти и назначил при этом подарки тем, кто их убьет, деньги — кто донесет, наказания — кто приговоренных укроет. Немного спустя он к проскрибированным сенаторам прибавил ещё других. Все они, будучи захвачены, неожиданно погибали там, где их настигли, — в

¹ Сулла был понтификом и не имел права общаться с умирающими и мертвыми.

² *Вшивая болезнь* (фтириазис), — болезнь, при которой тело разлагается заживо, не раз упоминается античными авторами, но точному отождествлению не поддается. По последующему описанию, Сулла умер естественной смертью от разрыва кровеносных сосудов.

³ *Акаст* — мифический царь Иолка, сын Пелия.

⁴ *Дикеархия* — греческое название кампанского города Путеола, близ которого находилось имение Суллы.

домах, в закоулках, в храмах; некоторые в страхе бросались к Сулле и их избивали до смерти у ног его, других оттаскивали от него и топтали. Страх был так велик, что никто из видевших все эти ужасы даже пикнуть не смел. Некоторых постигло изгнание, других — конфискация имущества. Бежавших из города всюду разыскивали сыщики и, кого хотели, предавали смерти.

96. Были убиты, подверглись изгнанию, конфискации имущества, многие из числа тех италийцев, которые повиновались Карбону, Норбану, Марию или их подначальным командирам. По всей Италии учреждены были над этими лицами жестокие суды, причем выдвигались против них разнообразные обвинения. Их обвиняли или в том, что они были командирами, или в том, что служили в войске, или в том, что вносили деньги или оказывали другие услуги, или вообще в том, что они подавали советы, направленные против Суллы. Поводами к обвинению служили гостеприимство, дружба, дача или получение денег в ссуду. К суду привлекали даже за простую оказанную услугу или за компанию во время путешествия. И всего более свирепствовали против лиц богатых. Когда единоличные обвинения были исчерпаны, Сулла обрушился на города и их подвергал наказанию, либо срывая их цитадели, либо разрушая их стены, или налагая на граждан штрафы, или истощая их самыми тяжелыми поборами. В большую часть городов Сулла отправил колонистов из служивших под его командою солдат, чтобы иметь по всей Италии свои гарнизоны; землю, принадлежавшую этим городам, находившиеся в них жилые помещения Сулла делил между колонистами. Это снискало их расположение к нему и после его смерти. Так как они не могли считать свое положение прочным, пока не укрепятся распоряжения Суллы, то они боролись за дело Суллы и после его кончины. Пока все это происходило в Италии, Карбон со многими знатными убежал из Ливии в Сицилию, а оттуда на остров Корсику, где он был схвачен посланным Помпеем отрядом. И всех прочих Помпей приказал сопровождавшим его лицам убивать, не приводя даже к нему. Карбона же, бывшего три раза консулом, он велел связанным привести к себе, поносил его при всем народе, а затем убил и голову его послал Сулле.

97. Когда Сулла расправился со своими врагами, как хотел, и когда у него оставался один только враг — Серторий, да и тот был далеко, он послал против него в Испанию Метелла. В Риме Сулла устроил всё по своему желанию. Не было и речи о каких-либо законах или о голосованиях или о выборах по жребию: все от страха дрожали, попрятались, безмолвствовали. Было постановлено признать прочно закрепленными и не подлежащими контролю все распоряжения Суллы, сделанные им в бытность его консулом и проконсулом. Ему воздвигли позолоченную конную статую перед рострами и сделали подпись: «Статуя Корнелия Суллы, счастливого императора». «Счастливым» называли его льстецы веледствие постоянно сопутствующего ему счастья в борьбе с врагами. И лесть эта закрепилась затем в прозвище, данном Сулле. Я встретил в одном сочинении, что Сулла был провозглашен «Эпафродитом» в этом постановлении, и это сообщение мне показалось не невероятным, так как он носил также прозвище «Фауст»; последнее прозвище по своему значению очень близко к «счастливым» и «изящный»...

98. Сулла поистине был царем или тираном не по избранию, а по силе и мощи. Ему, однако, нужна была хотя бы видимость того, что он избран, и он достиг этого следующим образом. Древние римские цари были царями в силу присущей им доблести. И когда кто-либо из них умирал, правили поочередно сенаторы в течение пяти дней, пока народ не ставил на царствование другого царя. Этого пятидневного правителя называли «междущарем» — он был царем на пять дней. Потом при истечении срока консульства старые консулы всегда назначали выборы новых консулов; но если по какому-либо обстоятельству консула в данный момент не было налицо, то до выбора новых консулов назначался опять-таки междущарь. Сулла ухватился за этот обычай. Консулов тогда не было: Карбон умер в Сицилии, Марий — в Пренесте. Сулла выехал недалеко от Рима и приказал сенату избрать так называемого междущаря. Сенат избрал Валерия Флакка в надежде, что он внесёт предложение устроить выборы консулов. Тогда Сулла поручил Флакку внести в народное собрание следующее предложение: по мнению его, Суллы, для Рима в настоящее время было бы полезно, чтобы в нём было диктаторское правление, хотя этот обычай прекратился 400 лет тому назад. Тот, кто будет избран, должен править не определенный срок, но до тех пор, пока Рим, Италия, вся римская держава, потрясенная междоусобными распрями и войнами, не укрепится. Это предложение имело в виду самого Суллу — в этом не было никакого сомнения. Сулла и сам не мог скрыть этого и в конце своего послания открыто заявлял, что, по его мнению, именно он в настоящее время будет полезен для Рима.

99. Вот какое послание отправил Сулла. Римляне понимали, что им не приходится уже производить выборы по доброй воле, по закону, что вообще не они являются господами положения. В таком затруднительном положении они готовы были приветствовать хотя бы тень выборов как показную видимость свободы. Поэтому они выбрали Суллу на срок, на какой он хочет, полномочным правителем-тираном. Правда, и диктаторская власть в старину была неограниченной тиранией, но она ограничивалась коротким сроком. Тогда же впервые, не будучи ограничена временем, она становилась вполне тиранией. Тем не менее для красного словца было прибавлено, что Сулла избирается диктатором для проведения законопроектов, которые он составит лично сам для упорядочения государственного строя. Так-то римляне, управлявшиеся царями в течение свыше 60 олимпиад, затем пользовавшиеся демократией и управлявшиеся консулами как годичными представителями государства в течение 100 олимпиад, снова испробовали царскую власть. Греки считали тогда 175-ю олимпиаду; впрочем, в Олимпии тогда не было никаких собраний, за исключением бега на стадию. Дело в том, что Сулла пригласил в Рим всех атлетов и устроил все прочие виды зрелищ во славу его подвигов в войне против Митридата и в Италии. Предлогом для устройства всех этих торжеств было дать передохнуть народу от страданий и поднять его настроение.

100. Чтобы сохранить видимость исконного государственного строя, Сулла допустил и назначение консулов [81 г. до н.э.]. Консулами стали Марк Туллий и Корнелий Долабелла. Сам Сулла, как обладающий царской властью и будучи диктатором, стоял выше консулов. Пред ним, как пред диктаторами, носили 24 секиры, столько же, сколько носимо было и пред прежними царями. Многочисленные телохранители окружали Суллу. Существующие законы он начал отменять и вместо них издавал другие. Так, например, он воспретил занимать должность претора ранее отправления должности квестора и должность консула ранее отправления должности претора, он воспретил занимать вновь ту же самую должность до истечения 10 лет. Должность народных трибунов он почти совершенно уничтожил, лишив её всякого значения и законом воспретив народу занимать какую-либо другую должность. Следствием этого было то, что все дорожившие своей репутацией или происхождением стали уклоняться в последующее время от должности трибуна. Впрочем, я не могу наверное сказать, был ли Сулла инициатором существующего теперь порядка, по которому назначение народных трибунов было перенесено из народного собрания в сенат.

К числу членов сената, совершенно обезлюдевшего из-за междоусобных распрей и войн, Сулла прибавил до 300 новых членов из наиболее знатных всадников, причём голосование каждого из них поручено было трибам. В состав народного собрания Сулла включил, даровав им свободу, свыше 10 тыс. наиболее молодых и крепких рабов, принадлежавших ранее убитым римлянам. Всех их Сулла объявил римскими гражданами, по своему имени назвав их Корнелиями, чтобы тем самым иметь возможность пользоваться голосами 10 тыс. таких членов народного собрания, которые готовы были исполнять все его приказания. То же самое он намеревался сделать и в отношении италийцев: он наделил служивших в его армии солдат 23 легионов, как об этом сказа-

но мною ранее, большим количеством земли в городах, частью ещё не подвергшейся переделу, частью отнятой в виде штрафа от городов.

101. Вообще Сулла был человек жестокий, крайне вспыльчивый. Квинт Лукреций Офелла, завоевавший для него Пренесте, одолевший путем осады консула Мария и тем самым завершивший победу Суллы, желал быть консулом, хотя он был ещё только всадником и не отправлял ни квесторской, ни преторской должности. Лукреций претендовал на консульство, опираясь на старый обычай и основываясь на значительности всего им совершенного; он просил и граждан о поддержке его домогательства. Сулла стал препятствовать этому и старался удержать Лукреция, но не мог его убедить. Тогда он убил Лукреция на форуме. Созвав народ в собрание, Сулла сказал: «Вы, граждане, знаете и услышите это теперь от меня: я убил Лукреция, так как он меня не послушался». И к этим словам присоединил такой рассказ: «Вши кусали земледельца в то время, как он пахал. Два раза он оставлял плуг, снимал свое исподнее платье и очищал его. А когда вши его снова начали кусать, он, чтобы часто не приходилось ему прерывать свою работу, сжег платье. И я советую тем, кто дважды побежден мною, не просить у меня на третий раз огня». Такими речами Сулла запугал римлян и правил ими, как хотел. Он получил триумф за Митридатову войну. По этому поводу некоторые называли его власть в шутку царскою властью, от которой он отрекается, так как он только скрывает имя царя. Другие говорили, что его действия доказывают обратное, и называли власть Суллы общепризнанной тиранией.

102. Такие горькие последствия имела эта война для Рима и для всей Италии. Последствия эти сказались и на всех народах за пределами Италии, которые ещё ранее пострадали от войны с пиратами, с Митридатом, с Суллою или изнемогали от больших налогов, так как римская казна из-за междоусобных распрей страдала недостатком денежных средств. Ведь все народы, все союзные с Римом цари, все города, не только обязанные платить дань, но и те, которые присоединились к Риму и связаны были с ним договорами, скрепленными клятвами, все города, которые благодаря союзу с Римом или за какие-либо другие свои добродетели пользовались автономией и были свободны от уплаты податей, — все они получили теперь приказание платить дань и повиноваться. Некоторые города лишились своих территорий и гаваней, предоставленных им по договору с Римом. Александр, сын бывшего египетского царя Александра, воспитывался на Косе, был выдан косцами Митридату, бежал от него к Сулле и стал близким к нему человеком. Его Сулла назначил царем Александрии, руководствуясь тем, что там не было мужского представителя власти, а женщины, происходившие из царского рода, нуждались в родственнике мужчине. На самом деле Сулла рассчитывал хорошо пожить с богатого царства. Молодой человек, опираясь на Суллу, стал править в Александрии слишком уж нехорошо. Поэтому после 19-дневного его управления александрийцы провели его из царского дворца в гимнасий и там убили. Так-то александрийцы, опираясь на силу своего государства и не испытав ещё бедствий от внешнего врага, не боялись других.

103. В следующем году [80 г. до н.э.] Сулла, хотя он был диктатором, притворно желая сохранить вид демократической власти, принял во второй раз консульство вместе с Метеллом Благочестивым. Может быть, поэтому и теперь ещё римские императоры, назначая консулов в Риме, иногда объявляют самих себя таковыми, считая за что-то прекрасное соединить с верховною властью также и консульство. На следующий год [79 г. до н.э.] народ, ублажая Суллу, снова избрал его консулом. Но Сулла не принял этого избрания, назначил консулом Сервилия Исаврика и Клавдия Пульхра, а сам добровольно сложил с себя свою большую власть, хотя никто его к этому не побуждал. И этот его поступок мне также представляется удивительным, именно, что один только Сулла... первый передал такую большую власть не своим детям, как это сделали Птолемей в Египте, Ариобарзан в Каппадокии, Селевк в Сирии, а тем, над кем он властвовал. Странно также и то, что Сулла добровольно сложил с себя ту власть, которой он овладел после того, как произвел для получения её столько насилий, подвергся стольким опасностям. Не менее удивительно также и то, что он не побоялся сделать это после того, как в веденной им войне было истреблено более 100 тыс. цветущего населения, после того, как он убил и изгнал из числа своих врагов 90 сенаторов, до 15 консулов, 2600 ... всадников (вместе с изгнанными), причём у многих из всех этих лиц имущество было конфисковано, тела многих из них выброшены без погребения. Сулла, не побоявшись ни оставшихся в Риме, ни изгнанников, ни тех городов, которых он лишил цитаделей, стен, укреплений, денег, привилегий, объявил себя частным человеком.

104. ...Когда Сулла сложил с себя власть, он прибавил на форуме, что, если кто-либо потребует, он готов дать ответ во всем происшедшем, что он отменил ликторов для себя, отставил своих телохранителей и в течение долгого времени один, лишь со своими друзьями, появлялся среди толпы, которая и теперь ещё смотрела на него со страхом. Когда он возвращался домой, лишь один мальчик стал упрекать Суллу, и так как мальчика никто не сдерживал, он смело дошел с Суллою до его дома и по пути продолжал ругать его. И Сулла, распалывшийся гневом на высокопоставленных людей, на целые города, спокойно выносил ругань мальчика. Только при входе в дом он сознательно или случайно произнес пророческие слова о будущем: «Этот мальчик послужит помехою для всякого другого человека, обладающего такою властью, какою обладал я, слагать ее». И действительно, прошло короткое время, и римляне поняли, как Сулла был прав: Гай Цезарь своей власти не сложил. Причина, почему Сулла пожелал стать из частного человека тираном и из тирана обратиться снова в частного человека и после этого проводить жизнь в сельском уединении, заключается, на мой взгляд, в том, что он за всякое дело брался с пылом и проводил его со всей энергией. Сулла переехал в свое поместье в Кумах, в Италии, и там в тишине развлекался рыбной ловлей и охотой, и не потому, что он остерегался вести жизнь частного человека, проживая в городе, не потому, что он не чувствовал в себе достаточно силы для новых предприятий. Он находился ещё в цветущем возрасте и обладал полным здоровьем. В Италии к его услугам были 120 тыс. человек, недавно служивших под его начальством и теперь получивших от него большие подарки, обильные земельные наделы; в его распоряжении были в Риме 10 тыс. корнелиев и прочий народ, принадлежавший к числу его сторонников, преданный ему, страшный для других; все они как действовавшие раньше вместе с Суллою видели свою безопасность в том, чтобы он долго жил. Мне кажется, Сулла пресытился войнами, властью, Римом и после всего этого полюбил сельскую жизнь.

РОЗДІЛ 5 РИМСЬКА РЕСПУБЛІКА в 70-50-х рр. до н.е.

I. ПОВСТАННЯ КВІНТА СЕРТОРІЯ В ІСПАНІЇ (80-72 рр. до н.е.)

№1

ПЛУТАРХ ПОРІВНЯЛЬНІ ЖИТТЄПИСИ, СЕРТОРІЙ

2. Квинт Серторій належав до видного [всадницького] роду сабинського міста Нурсія. Він рано втратив батька і отримав гідне виховання під наглядом матері... Він надавав багато сил вивченню права і, будучи ще зовсім юнаком, завдяки своєму красномовчю набув певного впливу в місті, однак блискучі військові успіхи привели до честолюбства Серторія по іншому шляху.

3. Перший подвиг він здійснив, коли кимври і тевтони вторглися в Галлію, розгромили римлян і повернули їх в бегство¹. Серторій (він служив під командуванням Цепіона), втрапивши коня і поранений, все ж переправився через Родан в воду і, незважаючи на сильне течення, не бросив ні панциря, ні щита — настільки був він міцний і загартований тренуваннями. Другий раз він відзначився в час нового вторгнення цих варварів [102 г. до н.е.]; згуртувалися такі полчища їх і настільки грозними вони казалися, що в ту пору вважалося великим подвигом, якщо римлянин залишався в строю і підкорявся полководцю. Військами командував Марій, а Серторій був посланий на розвідку до ворожого табору. Одягшись по-кельтськи і вивчивши найбільш ходові вирази, необхідні, якщо доведеться підтримувати розмову, Серторій сміявся з варварами; щось важливе побачив своїми очима, а про друге дізнався з розповідей, він повернувся до Марія. ...Серторій був удостоєний нагороди, а так само і в час подальших військових дій неодноразово проявляв розум і мужність, то отримав славу і став користуватися довірою полководця.

Коли завершилася війна з кимврами і тевтонами, Серторій був посланий в Іспанію військовим трибуном при полководці Диді [98 г. до н.е.] і провів зиму в кельтиберійському місті Кастулоне. Так само воїни, живучи в розкоші, розпустилися і без потреби пиячили, варвари почали ставитися до нього з пренебреженням і, звернувшись до своїх сусідів ітурійців, напали вночі на жителів римлян. Багато були вбиті. Серторію разом з деякими іншими вдалося втекти; зібравши цілих воїнів, він оточив місто. Знайшовши відкриті ворота, через які варвари тайно прокралися всередину, Серторій не повторив їх неосторожності — навпаки, він установив стражу у вхідних, оволодів містом, перебивши всіх здатних носити зброю. Коли розбито було місто, він наказав воїнам скинути одяг і зкласти зброю і, одягшись в усе варварське, рушитися проти міста, звідки прийшли люди, вночі нападів на римлян. Вид воїнів Серторія обманув варварів, і вони не стали закривати ворота; перед Серторієм опинилося багато людей, вважаних, що вони зустрічають друзів і співвітчужців, повертаючись з перемогою. В результаті більшу частину жителів римляни перебили у вхідних, а решту здалися і були продані в рабство.

4. Ці події принесли Серторію славу в Іспанії, і коли він повернувся до Риму [93 г. до н.е.], як було призначено на посаду квестора в Галлію, що лежить по річці Родан, — і це було дуже своєчасно. Уже наближалася Марсійська війна [т.е. Союзницька війна, 91-88 гг. до н.е.], і Серторій отримав наказ збирати воїнів і готувати зброю; він проявив в цьому справу таку енергію і старання (особливо якщо порівняти з медлительністю і вольністю інших молодих воєначальників), що отримав добру славу людини діяльного. Навіть став начальником, Серторій не забував про військову мужність і сам брав участь в бою; він не шадив себе в битвах і, в кінці кінців, втратив один око — чим, втім, незмінно гордився. По його словам, інші не можуть завжди носити на собі нагороди, отримані за подвиги, але знімають почесні ланцюги, знімають шоломи і вінки — він же постійно зберігає своє відміння, нагадує всім, хто бачить Серторія, про його доблесть і разом з тим про його втрату. Народ високо цінує відповідальних осіб: коли Серторій з'явився в театрі, його зустріли шумними привітальними криками — а це було важко навіть для людей, які значно перевищили його і віком і славою. Однак коли він став добиватися трибуна, Сулла протидіявав йому, і спроба Серторія завершилася невдачею; по-видимому, через це він і ненавидів Суллу. Коли Марій, потерпев поразку від Сулли, втік [88 г. до н.е.], а сам Сулла поїхав на війну проти Митридата, коли з двох консулів Октавій підтримував Суллу, а Цинна задумував переворот і намагався відродити ослаблену групу приверженців Марія, — тоді Серторій примкнув до сторонників Цинни, бачивши, крім усього іншого, що Октавій — людина слабкий і до того ж недовірливо ставиться до друзів Марія. З великого бою між консулами, який відбувся на форумі, переможцем вийшов Октавій, Цинна ж і Серторій втікали, втративши тільки не 10 тисяч своїх приверженців. Але потім їм вдалося повернути на свою сторону більшу частину стоявших в різних частинах Італії військ, і, таким чином, вони вже скоро показали себе гідними противниками Октавія.

5. Коли Марій приплив з Африки і запропонував, що він як звичайний громадянин стане під командування Цинни — консула, всі були готові його прийняти. Тільки Серторій виступив проти цього, тоді він, вважачи, що присутність настільки досвідченого полководця, як Марій, несприятливо скажется на відношенні Цинни до самого Серторія, тоді він, боячись важкого характеру Марія і опасаясь, що той, не знаючи міри в своєму гніві, викличе жахливі безладдя і в час перемоги перевищить межі права і законності. Серторій говорив, що вже майже все зроблено, що вони і так уже досягли перемоги, але якщо вони примуть Марія, їх успіх послужить на користь його славі і могутності, а він людина недовірливий і не здатний ділити владу з іншими. Цинна відповідав, що звинувачення Серторія неосновані, але що йому совість не дозволяє відкинути Марія, якого він сам закликав брати участь в їх боротьбі. На це Серторій зауважив: «В своєму рішенні я виходив з того, що Марій з'явився в Італію по особистій ініціативі. Що ж стосується тебе, твоя помилка вже в тому, що ти став обговорювати питання про людину, якого сам запропонував: звичайно, його потрібно прийняти, бо вірність своїм обов'язкам не підлягає обговоренню». Ітак, Цинна закликав Марія; війська були розділені на три частини, і на чолі їх стояли три командири. Коли військові дії завершилися, Цинна і Марій діяли так нагло і злобно, що римляни були готові щастям золотими дарами випробовані ними в час війни нещастя. ...Один Серторій не піддавався почуттю гніву і нікого не убивав... Раби, ставши соратниками Марія на полі бою і опорою його тиранії, перетворилися в впливових і багатих людей: вони отримували нагороди за наказом Марія, то насильствено присваювали добро своїх панів, убивали їх самих, сходясь з їх жінками, насильствуючи їх дітей; в кінці кінців Серторій зміг їх дії нестерпимими і перебив їх, коли всі вони перебували в одному таборі, — а було всіх рабів не менше чотирьох тисяч.

¹ Війни римлян з германськими племенами кимврів і тевтонов походили в 113-101 гг. до н.е. В 109 і 105 гг. до н.е. германці розгромили римські армії в Галлії.

б. Когда Марий умер [86 г. до н.э.], а Цинна вскоре после того был убит, когда Марий Младший присвоил консульскую власть вопреки воле Сертория и в нарушение законов, а разные Карбоны, Норбаны и Сципионы плохо вели войну против наступавшего Суллы, дела приняли дурной оборот частично из-за трусости и распущенности командиров, частично же из-за прямого предательства. Серторию было уже бессмысленно оставаться и наблюдать, как положение становится все хуже из-за бездарности высших командиров. Поэтому, когда, в конце концов, Сулла, став лагерем возле лагеря Сципиона и разыгрывая из себя друга, ищущего мира, подкупом перетянул на свою сторону войска противника — Серторий заранее предупреждал Сципиона, чем все это кончится, но тот не прислушался к его словам, — Серторий, окончательно потеряв надежду удержаться в городе, отправился в Испанию [82 г. до н.э.]. Его целью было превратить эту страну... в убежище для друзей, разбитых в Италии...

...Он быстро подчинил себе Испанию. Серторий встретил здесь племена многолюдные и воинственные, но относившиеся ко всему связанному с Римом враждебно — из-за постоянных вымогательств и высокомерия наместников, которых сюда присылали; знать он привлек на свою сторону обходительностью, а народ — снижением податей; особое расположение он завоевал, отменив постой: он принуждал воинов устраивать зимние квартиры в пригородах и сам первый показал пример. Впрочем, он строил свои расчеты не на одном только расположении варваров: он вооружил способных носить оружие римских поселенцев, а также приказал изготовить всевозможные военные машины и построить триеры. Города он держал под пристальным наблюдением. Он был мягок в решении гражданских дел, враги же испытывали ужас, видя его военные приготовления.

11. [Вынужденный покинуть Испанию под давлением правительственных войск, Серторий в 80 г. до н.э. был приглашен лузитанцами.] сразу же навел у них порядок, действуя как главнокомандующий с неограниченными полномочиями, и подчинил ближайшие области Испании. Большая часть покорённых перешла на его сторону добровольно, привлекаемая прежде всего мягкостью и отвагой Сертория; однако в некоторых случаях он прибегал к хитроумным проделкам, чтобы прельстить и обмануть варваров. В важнейшей из его выдумок главная роль принадлежала лани. Дело происходило таким образом. На Спана, простолудина из местных жителей, случайно выбежала самка оленя, вместе с новорожденным детенышем уходившая от охотников; мать он не смог схватить, но олененка, поразившего его необычайной мастью (он был совершенно белый), Спан стал преследовать и поймал. Случилось так, что Серторий как раз находился в этих краях; а так как он с удовольствием принимал в дар любые плоды охоты или земледелия и щедро вознаграждал тех, кто хотел ему услужить, то Спан привел олененка и вручил ему. Серторий принял дар. На первых порах он не видел в подарке ничего необычайного. Однако прошло некоторое время, лань стала ручной и так привыкла к людям, что откликнулась на зов и повсюду ходила за Серторием, не обращая внимания на толпу и шум военного лагеря. Затем Серторий объявил лань божественным даром Дианы, утверждая, будто не раз это животное раскрывало ему неведомое: он хорошо знал, сколь суеверны варвары по своей природе. Немногим позже Серторий придумал ещё вот что. Если он получал тайное извещение, что враги напали на какую-либо часть его страны или побуждали отложиться какой-либо город, он притворялся, что это открыла ему во сне лань, наказывая держать войска в боевой готовности. И точно так же, если Серторий получал известие о победе кого-нибудь из своих полководцев, он никому не сообщал о приходе гонца, а выводил лань, украшенную венками в знак добрых вестей, и приказывал радоваться и приносить жертвы богам, уверяя, что скоро все узнают о каком-то счастливом событии.

12. Благодаря этому варвары стали охотнее подчиняться Серторию; они благосклоннее относились ко всем его замыслам, считая, что повинуются не воле какого-то чужака, но божеству. К тому же самый ход событий укреплял их в этом убеждении, ибо могущество Сертория необычайно возрастало. В его распоряжении было 2600 человек, которых он называл римлянами¹, да ещё 700 ливийцев, переправившихся вместе с ним в Лузитанию, а самих лузитанцев — 4 тыс. легкой пехоты и 700 всадников; и с этими силами он воевал против четырех римских полководцев, которые имели в своем подчинении 120 тыс. пехотинцев, 6 тыс. всадников, 2 тыс. лучников и пращников; к тому же у них было бесчисленное множество городов, тогда как Серторий первоначально располагал всего двадцатью. И вот, начав с незначительными... силами, он не только подчинил себе большие племена и взял много городов, но одного из посланных против него полководцев — Котту — разгромил в морском сражении в проливе у Менарии, наместника Бетики Фуфидия обратил в бегство в битве на Бетисе, где в сражении пало две тысячи римлян, а Домиций Кальвин, наместник другой Испании, был разбит квестором Сертория [Луцием Гиртулеем]; Торий, посланный Метеллом во главе войска, пал в битве, а самому Метеллу, одному из величайших и знаменитейших римлян того времени, Серторий нанёс немало поражений и поставил его в положение столь безвыходное, что ему на помощь должен был прийти Луций Манлий из Нарбонской Галлии; в то же самое время из Рима был поспешно отправлен Помпей Магн с войсками. Да, Метелл был бессилён что-либо сделать, ибо ему приходилось вести войну с человеком отважным, избегавшим открытого сражения и к тому же чрезвычайно быстро передвигавшимся благодаря подвижности легковооруженного испанского войска. Тактика, к которой привык сам Метелл, была рассчитана на столкновения регулярных тяжелооруженных отрядов. Он командовал плотной и малоподвижной фалангой, которая была прекрасно обучена отражать и опрокидывать врага в рукопашной схватке, но оказалась непригодной для горных переходов и для столкновений с быстрыми, как ветер, воинами, когда без конца приходилось преследовать и убегать, когда надо было — подобно людям Сертория — терпеть голод, жить, не зажигая огня и не разбивая палаток.

13. К тому же Метелл — человек уже в летах, вынесший многочисленные и тяжкие битвы, — был склонен к неге и роскоши, а тот, с кем ему пришлось воевать, Серторий, отличался зрелостью духа и вместе с тем удивительной силой, подвижностью и простотой образа жизни. Он не пьянствовал даже в свободные от трудов дни — наоборот, он привык к тяжёлой работе, дальним переходам, постоянному бодрствованию и довольствовался скудной и непривлекательной пищей. На досуге Серторий бродил или охотился, а потому знал местности как легко доступные, так и непроходимые, и вот, отступая, он всегда находил, где проскользнуть, а преследуя — как окружить противника. Поэтому Метелл, не вступая в битву, испытывал все невзгоды, выпадающие на долю побежденных, тогда как Серторий, убегая от противника, оказывался на положении преследователя. Серторий лишал римлян воды и препятствовал подвозу продовольствия; когда они продвигались вперед, он ускользал с их дороги, но стоило им стать лагерем, как он начинал их тревожить; если они осаждали какой-нибудь город, появлялся Серторий и в свою очередь держал их в осаде, создавая нехватку в самом необходимом. В конце концов римские воины потеряли надежду на успех и, когда Серторий вызвал Метелла на единоборство, стали требовать и кричать, чтобы они сразились — полководец с полководцем и римлянин с римлянином; они издевались над Метеллом, когда тот ответил отказом. Но Метелл высмеял их требования, и был прав, ибо полководец, как говорил Феофраст, должен умирать смертью полководца, а не рядового.

Когда Метелл узнал, что *лангобригийцев*, которые оказывали Серторию немалую помощь, жадной легко принудить к сдаче (у них в городе был один колодец, тогда как источники, находившиеся в предместьях и у городских стен, легко могли оказаться в руках осаждающих), Метелл подошёл к городу, рассчитывая взять его после двухдневной осады, когда у варваров не останется

¹ Речь идёт о товарищах по эмиграции и уроженцах римских поселений в Испании.

воды. В соответствии со своим планом он приказал воинам нести с собой пропитание только на пять дней. Но Серторий мгновенно пришёл на выручку. Он приказал наполнить водой две тысячи мехов, назначив за каждый мех значительную сумму денег. Так как многие испанцы, а также и мавританцы готовы были принять участие в деле, Серторий отобрал людей сильных и быстроногих и послал их через горы; он приказал передать меха горожанам, а затем вывести из крепости негодную чернь, чтобы защитникам хватило воды. Узнав об этом, Метелл пришёл в дурное расположение духа, потому что припасы у его воинов подходили к концу, и послал за продовольствием Аквина с 6-тыс. отрядом. Но Серторий, от которого это не укрылось, устроил засаду на пути Аквина; 3 тыс. воинов, выскочив из тёмного ущелья, напали на Аквина с тыла, в то время как сам Серторий ударил ему в лоб; римляне были обращены в бегство, часть из них пала, другие оказались в плену. Аквин вернулся, потеряв коня и оружие, Метелл должен был с позором отступить, сопровождаемый беспрепятственными насмешками испанцев.

14. Все эти подвиги Сертория восхищали варваров, а особенно они полюбили его за то, что он ввёл у них римское вооружение, военный строй, сигналы и команды и, покончив с их дикой, звериной удалью, создал из большой разбойничьей банды настоящее войско. Он привлёк сердца испанцев ещё и тем, что щедро расточал серебро и золото для украшений их шлемов и щитов, и тем, что ввёл моду на цветистые плащи и туники, снабжая варваров всем необходимым и способствуя исполнению их желаний. Но всего более он покориł их своим отношением к детям. Он собрал в большом городе Оске знатных мальчиков из разных племен и приставил к ним учителей, чтобы познакомить с наукой греков и римлян. По существу он сделал их заложниками, но по видимости — воспитывал их, чтобы, возмужав, они могли взять на себя управление и власть. А отцы необычайно радовались, когда видели, как их дети в окаймленных пурпуром тогах проходят в строгом порядке в школу, как Серторий оплачивает их учителей, как он устраивает частые испытания, как он раздаёт награды достойным и наделяет лучших золотыми шейными украшениями, которые у римлян называются *bullae*.

По испанскому обычаю, если какой-нибудь вождь погибал, его приближённые должны были умереть вместе с ним — клятва поступить таким образом называлась у тамошних варваров «посвящением». Так вот, у других полководцев число оруженосцев и сподвижников было невелико, тогда как за Серторием следовали многие десятки тысяч посвятивших себя людей. Рассказывают, что однажды около какого-то города он потерпел поражение и враги теснили его; испанцы, не заботясь о себе, думали лишь о том, как спасти Сертория, и, подняв его на руки, передавали один другому, пока не втащили на стену; только когда их вождь оказался в безопасности, все они обратились в бегство.

15. Его любили не только испанцы, но и воины из Италии. Так, Перперна Вентон¹, принадлежавший к той же группировке, что и Серторий, явился в Испанию с богатой казной и большим войском; когда он решил на свой страх и риск воевать против Метелла, воины стали выражать недовольство, и в лагере стали непрерывно вспоминать о Сертории — к огорчению Перперны, чванлившегося своим благородством и богатством. Позднее, когда пришла весть о том, что Помпей переходит через Пиренеи, воины, схватив оружие и боевые значки, с шумом явились к Перперне и стали требовать, чтобы он вел их к Серторию. В противном случае они угрожали оставить Перперну и без него перейти к мужу, способному спасти и себя и других. Перперна уступил им, повел их к Серторию и соединил с ним свои силы, насчитывавшие пятьдесят три когорты.

16. Поскольку все племена, обитавшие по эту сторону реки Ибер, объединились и приняли сторону Сертория, он располагал большими силами: к нему отовсюду постоянно стекались люди. Но его печалило свойственное варварам отсутствие порядка и безрассудство, и так как они кричали, что надо напасть на врага, и сетовали на напрасную трату времени, Серторий пытался успокоить их разумными доводами. Но видя, что они раздосадованы и готовы силой принудить его к несвоевременным действиям, он уступил им и стал смотреть сквозь пальцы на подготовку схватки с противником, надеясь, что испанцы не будут полностью уничтожены, но получат хороший урок и в дальнейшем станут более послушными. Когда же всё случилось так, как он и предполагал, Серторий пришёл на помощь разбитым, прикрыл их отступление и обеспечил безопасный отход в лагерь. Желая рассеять дурное настроение, он через несколько дней созвал всенародную сходку и приказал вывести двух лошадей: одну совершенно обесилевшую и старую, другую же статную, могучую и, главное, с удивительно густым и красивым хвостом. Дряхлого коня вёл человек огромного роста и силы, а могучего — маленький и жалкий человечек. Как только был подан знак, силач обеими руками схватил свою лошадь за хвост и вовсю принялся тянуть, стараясь выдернуть, а немощный человек стал между тем по одному выдергивать волосы из хвоста могучего коня. Великие труды первого оказались безрезультатными, и он бросил своё дело, вызвав лишь хохот зрителей, а немощный его соперник скоро и без особого напряжения выщипал хвост своей лошади. После этого поднялся Серторий и сказал: «Видите, други-соратники, настойчивость полезнее силы, и многое, чего нельзя совершить одним махом, удастся сделать, если действовать постепенно. Постоянный нажим непреодолим: с его помощью время ломает и уничтожает любую силу, оно оборачивается благосклонным союзником человека, который умеет разумно выбрать свой час, и отчаянным врагом всех, кто некстати торопит события». Всякий раз придумывая такие убедительные примеры, Серторий учил варваров выжидать благоприятных обстоятельств.

17. Не менее других военных подвигов удивительными были его успешные действия против так называемых *харакитан*. Это — племя, обитающее за рекою Тагом²; не в городах и не в селах они живут, но у них есть огромный и высокий холм, на северном склоне которого расположены подземелья в скале и пещеры. Вся лежащая у подножия местность изобилует пористой глиной, а это почва рыхлая и нестойкая, она не выдерживает человеческого шага и, даже если едва прикоснуться к ней, рассыпается, словно известь или зола. И вот эти варвары всякий раз, как возникала угроза войны, прятались в пещеры и уносили туда своё имущество; здесь они чувствовали себя в безопасности, потому что силой их нельзя было подчинить. Как-то раз Серторий, уходя от Метелла, разбил лагерь неподалеку от холма *харакитан*, которые обошлись с ним надменно как с потерпевшим поражение. Тогда Серторий, едва только занялся день, прискакал к этому месту, чтобы осмотреть его: то ли он был разгневан, то ли не желал, чтобы его сочли беглецом. Но пещеры были недоступны. Серторий бесцельно разъезжал перед холмом и посылал варварам пустые угрозы, как вдруг заметил, что ветер относит вверх к *харакитанам* тучи пыли, поднятой с рыхлой земли. Ведь пещеры, как я уже сказал, были обращены на север, а из здешних ветров самый упорный и сильный — северный, тот, который называют кекием³; его образуют, сливаясь, потоки воздуха, идущие от влажных долин и от покрытых снегом гор. Лето стояло в разгаре, и таявшие на севере снега усиливали ветер, который был особенно приятен, освежая в дневную пору и варваров и их скот. Все это Сер-

¹ Перперна Вентон (Вейнтон) Марк — сын М. Перперны, консула 92 г. Претор 82 г. до н.э., вероятно, наместник Сицилии. После победы Суллы внесён в проскрипции, но уцелел — возможно, благодаря тайному соглашению с Помпеем о своей личной безопасности, в обмен на что сдал ему без боя Сицилию. Впоследствии принял участие в мятеже Лепида, после поражения которого привёл остатки армии повстанцев в Испанию и по настоянию своих воинов присоединился к Серторию. Вне всякого сомнения, был вторым лицом в лагере инсургентов после самого Сертория. В 73 г. до н.э. организовал заговор против главнокомандующего, в результате которого тот был убит, и занял его место, но вскоре потерпел поражение от Помпея, был взят в плен и казнён.

² В районе современного Мадрида.

³ Неточность: *кекий* (лат. *аквилон*) — не северный, а северо-восточный ветер.

торий и сам сообразил, и слышал от местных жителей. Он приказал воинам набрать этой рыхлой, похожей на золу, земли и, перетаскав, насыпать кучей как раз напротив холма. А варвары, предполагая, что Серторий возводит насыпь для штурма пещер, забрасывали его насмешками. И вот воины трудились в тот день до ночи, а затем вернулись в лагерь. С началом дня подул нежный ветерок, который поднимал в воздух легчайшие частицы снесенной отовсюду земли, развеивая их, словно мякину; потом, по мере того как поднималось солнце, разыгрывался неудержимый *кекий*; когда же холмы стало заносить пылью, пришли воины и перевернули земляную насыпь — всю до основания; одни дробили комья грязи, а другие гоняли взад и вперед лошадей, чтобы земля стала ещё более рыхлой и ветер легче мог уносить её. А ветер подхватывал всю эту грязь, размельченную и приведённую в движение, и нёс её вверх, к жилищам варваров, двери которых были раскрыты для *кекия*. И так как в пещеры варваров не было доступа воздуха с другой стороны, кроме той, откуда теперь ветер нёс клубы пыли, они, вдыхая тяжёлый и насыщенный грязью воздух, скоро начали слепнуть и задыхаться. Вот почему они с трудом выдержали два дня и на третий сдались, что увеличило не столько силы Сертория, сколько славу, ибо его искусство принудило к подчинению тех, против кого было бессильно оружие.

18. До той поры, покуда противником Сертория был Метелл, казалось, что успехи испанцев объясняются в первую очередь старостью и природной медлительностью римского военачальника, неспособного соперничать с отважным полководцем... Когда же Серторию пришлось встретиться с перешедшим через Пиренеи Помпеем и оба они проявили полководческое искусство, только Серторий превзошел противника и умением применять военные хитрости, и предусмотрительностью, — тут, действительно, молва о нём дошла до Рима, и его стали считать способнейшим из современных полководцев. Ибо не малой была слава Помпея, напротив, она находилась тогда в зените; особенные почести принесли Помпею его подвиги в борьбе за дело Суллы, который в награду назвал его Магном (это значит Великий) и удостоил Помпея, ещё не брившего бороды, триумфа. Из-за этого даже жители многих подчинявшихся Серторию городов, с уважением взирая на Помпея, готовы были перейти на его сторону; впрочем, вскоре эта мысль была оставлена, чему причиной послужила совершенно неожиданная неудача у Лаврона. В то время как Серторий осаждал этот город, Помпей со всем войском явился на помощь осаждённым. Расчет Сертория состоял в том, чтобы занять господствовавший над городом холм — Помпей же стремился ему воспрепятствовать. Но Серторий опередил его, и тогда Помпей остановил свои войска и решил, что обстоятельства ему благоприятствуют, ибо противник оказался зажатым между отрядами Помпея и городом. Он отправил также гонца к жителям Лаврона — пусть-де они уповают на успех и с городских стен наблюдают, как он станет осаждать Сертория. А тот, услышав все это, рассмеялся и сказал, что «ученика Суллы» (так, издеваясь, он прозвал Помпея) он сам обучит тому, что полководец должен чаще смотреть назад, чем вперед. И с этими словами он указал тем, кто был осаждён вместе с ним, на 6 тыс. тяжелооруженных воинов, оставленных им в старом лагере, который он покинул, чтобы занять холм; этим людям было приказано ударить в тыл Помпею, как только он двинется на Сертория. Позднее и Помпей сообразил всё это, и так как, с одной стороны, он не решался начать штурм, опасаясь окружения, а с другой — ему было стыдно покинуть жителей Лаврона в беде, то он был вынужден оставаться на месте и, не вмешиваясь, наблюдать падение города, ибо варвары, отчаявшись, сдались Серторию. А Серторий сохранил им жизнь и всех отпустил, но самый город предал огню. Он поступил так, руководясь не гневом или жестокостью... но стремясь вызвать стыд и уныние среди почитателей Помпея, а у варваров — разговоры о том, что, мол, Помпей был поблизости и разве что только не грелся у пламени, пожиравшего союзный город, но на помощь не пришёл.

19. Конечно, и на долю Сертория выпадало немало поражений, и если сам он и его отряды оставались непобежденными, то по вине других полководцев войскам Сертория приходилось искать спасения в бегстве. И то, как он оправлялся после поражений, вызывало большее удивление, нежели победы его противников. Так было в сражении с Помпеем при Сукроне и в другой раз в битве при Сегунтии против Помпея и Метелла. Говорят, что Помпей торопился начать бой при Сукроне, чтобы Метелл не мог разделить с ним победу. Да и Серторий хотел сразиться с Помпеем до подхода воинов Метелла; к тому же он развернул свои войска под вечер, рассчитывая, что его противники — чужеземцы, не знающие местности, и потому наступившая темнота послужит им помехой и если надо будет бежать, и если придется преследовать. Началась рукопашная схватка, и перед Серторием, находившимся на правом фланге, оказался не сам Помпей, а Афраний, командовавший левым крылом римских войск. Однако когда Серторию донесли, что его войска, сражавшиеся против Помпея, отходят под натиском римлян и терпят поражение, он, оставив правый фланг на других командиров, поспешил на помощь разгромленным. Собрав тех, кто уже показал врагу спину, и тех, кто ещё оставался в строю, он вдохнул в них мужество и снова ударил на Помпея, преследовавшего испанцев; тут римляне так стремительно обратились в бегство, что самому Помпею угрожала смерть и, раненный, он спасся лишь чудом, благодаря тому, что ливийцы из армии Сертория, захватив коня Помпея, украшенного золотом и покрытого драгоценными бляхами, настолько увлеклись разделом добычи и спорами, что прекратили преследование. Когда Серторий удалился на другой фланг, чтобы помочь своим, Афраний опрокинул стоявшие против него отряды и погнал их к лагерю. Было уже темно, когда он ворвался туда на плечах врага; воины принялись грабить. Афраний не знал о бегстве Помпея, да и не был в состоянии удержать своих от грабежа. Тут как раз возвратился Серторий, добившийся на левом фланге победы; он напал на воинов Афрания... и многих из них перебил. Поутру он снова вооружил войска и вывел их для битвы, но затем, узнав о приближении Метелла, распустил боевой строй и отошел, сказав: «Когда бы не эта старуха, я отстал бы того мальчишку и отправил его в Рим».

20. Большое огорчение причинило Серторию исчезновение его лани: тем самым он лишился чудесного средства воздействовать на варваров, как раз тогда весьма нуждавшихся в ободрении. Однако вскоре какие-то люди, бесцельно бродившие ночью, натолкнулись на лань и, узнав её по масти, схватили. Когда об этом сообщили Серторию, он обещал щедро наградить тех, кто привел лань, если только они умолчат о своей находке, и сам скрыл животное. Выждав несколько дней, он явился с просветленным лицом к судейскому возвышению и сообщил вождям варваров, что видел во сне божество, предвещавшее великое счастье; затем, поднявшись на помост, Серторий начал беседовать с теми, у кого были к нему дела. В этот момент находившиеся поблизости сторожа отпустили лань, а она, увидев Сертория, помчалась, охваченная радостью, к возвышению и, став возле хозяина, положила ему на колени голову и принялась лизать правую руку (ещё раньше она была приучена так делать). Когда же Серторий приласкал её (радость его выглядела вполне правдоподобно) и даже пролил несколько слёз, присутствующие сперва замерли поражённые, а затем с шумом и криком проводили Сертория домой, считая его удивительным человеком и другом богов. Это событие внушило варварам радость и добрые надежды.

21. Серторий довёл римлян, запертых в Сегунтийской долине, до крайне стесненного положения, но когда они снялись с лагеря, чтобы с помощью грабежа добыть себе продовольствие, он был вынужден принять бой. Обе стороны сражались превосходно. Меммий, один из способнейших помощников Помпея, уже пал в гуще битвы, а Серторий теснил врага и пробивался к самому Метеллу, сметая на пути тех, кто ещё держался. Метелл, несмотря на свои годы, оказал упорное сопротивление и великолепно вёл бой, покуда не был ранен копьём. Римляне, которые видели это или слышали об этом от других, не смели помыслить о том, чтобы покинуть своего полководца; их охватил гнев, и поэтому, оградив Метелла щитами и вынеся его с поля брани, они решительно отбивали натиск испанцев. Когда победа, таким образом, стала склоняться на сторону неприятеля, Серторий пошел на

хитрость и решил отвести своих людей в безопасное место и спокойно выждать, пока к нему подойдет подкрепление. Он отступил к надежно защищенному городу, расположенному в горах, и стал приводить в порядок стены и укреплять ворота, хотя вовсе не думал, что ему придется выдержать здесь осаду. Но противника он полностью ввёл в заблуждение. Римляне осадили его, рассчитывая без труда взять этот город, а на убежавших варваров не обращали внимания и пренебрегали тем, что войска вновь собирались на помощь Серторию. Войска действительно прибывали, так как Серторий разослал командиров по городам. Он приказал сообщить ему, когда число воинов станет достаточно большим. Как только прибыл гонец, Серторий без особых усилий пробился через кольцо врагов и соединился со своими. Он снова стал нападать на римлян, ведя за собой большое войско; засады, окружения, быстрая переброска отрядов Сертория в любом направлении лишали врага возможности получать припасы по суше, а подвозу с моря Серторий препятствовал с помощью пиратов: их корабли блокировали побережье. В результате римские полководцы были вынуждены разделить свои силы: один из них отошел в Галлию, а Помпей провел зиму в области *вакцеев*, страдая от нехватки припасов. Он писал сенату¹, что отведёт из Испании войска, если ему не будут присланы деньги, ибо свое состояние он уже исчерпал во время прежней войны за Италию. В Риме упорно поговаривали, что Серторий раньше Помпея явится в Италию. Вот до чего довело первых и влиятельнейших полководцев того времени искусство Сертория!

22. Да и Метелл ясно показал, как он напуган Серторием, и насколько высоко его ценит. Действительно, он объявил через глашатаев, что римлянину, который покончит с Серторием, он выдаст 100 талантов серебра и земли 20 тыс. югеров, а если это совершит изгнанник, ему будет даровано право вернуться в Рим. Намереваясь купить голову Сертория при помощи предательства, Метелл тем самым обнаружил, что не надеется победить в открытой борьбе. Более того, разбив Сертория в каком-то сражении, он настолько возгордился и так восторгался своим успехом, что позволил назвать себя императором, а города, куда он прибывал, устраивали в его честь жертвоприношения и воздвигали жертвенники. ...Метелл не противился, когда ему сплетали венки и приглашали на пышные пиры, где он пил в облачении триумфатора и где с помощью особых машин сверху спускались изображения Победы, протягивающие ему венки и золотые трофеи, а хоры мальчиков и женщин пели в его честь победные гимны. Тем самым, конечно, он выставлял себя в смешном виде, поскольку так возгордился и радовался, одержав победу над отступившим Серторием, которого сам обзывал беглецом, избежавшим руки Суллы, и последышем рассеянных сторонников Карбона.

Напротив, возвышенный нрав Сертория обнаружился прежде всего в том, что он объявил сенатом собрание бежавших из Рима и присоединившихся к нему сенаторов. Из них он назначал квесторов и преторов и во всем действовал в соответствии с отеческими обычаями. Затем, опираясь на вооруженные силы, денежные средства и города испанцев, Серторий даже не делал вида, что допускает их к высшей власти, но назначал над ними командиров и начальников из римлян, ибо он боролся за свободу римлян и не хотел в ущерб римлянам вознести испанцев. Ведь он любил свое отечество и [говорил, что] ему лучше жить ничтожнейшим гражданином Рима, чем, покинув родину, быть провозглашенным владыкой всего остального мира...

23. ...Когда Митридат после поражения, нанесенного ему Суллой, вновь поднялся против Рима [III Митридатова война 74-64 гг. до н.э.] и... пытался завладеть Азией, громкая слава Сертория разнеслась повсюду; приплывавшие с Запада наводнили молвой о нем, словно иноземными товарами, весь Понт. И вот Митридат решил отправить к нему послов, настоятельно побуждаемый к тому хвастливыми льстецами, которые уподобляли Сертория Ганнибалу, а Митридата — Пирру. Эти льстецы говорили, что стоит только вступить в союз способнейшему полководцу с величайшим среди царей — и римляне не выдержат, вынужденные вести войну против двух столь одаренных людей и двух таких армий. Итак, Митридат отправляет в Испанию послов с адресованными Серторию письмами и с предложениями, которые они должны были передать ему на словах. Царь обещал предоставить деньги и корабли для ведения войны, а сам просил, чтобы Серторий уступил ему всю Азию, которую, по договору, заключенному с Суллой, Митридат отдал римлянам. Когда Серторий созвал совет, который он называл сенатом, все члены совета рекомендовали принять и одобрить предложения царя, полагая, будто они уступают Митридату ничего не означающее имя и права на то, что им самим не принадлежит, а взамен получают самое для них необходимое. Однако Серторий с ними не согласился и сказал, что не возражает против передачи Митридату Вифинии и Каппадокии, поскольку обитающие там племена привыкли к царской власти и никак не связаны с римлянами. «Но ведь Митридат, — продолжал он, — захватил и удерживал под своей властью также и провинцию, которая досталась римлянам наизаконнейшим путем, а потом, когда Фимбрия выгнал его оттуда, он сам, заключив договор с Суллой, отказался от неё². Я не могу смотреть равнодушно, как эта провинция вновь переходит под власть Митридата. Нужно, чтобы твои победы увеличивали мощь твоей страны, но не следует искать успеха за счет владений отечества, ибо благородный муж жаждет только той победы, которая одержана честно, а ценой позора он не согласится даже спасти себе жизнь».

24. Ответ Сертория изумил Митридата; сохранилось предание, что он обратился к друзьям со следующими словами: «Какие же требования предъявит к нам Серторий, воссев на Палатинском холме³, если теперь, загнанный к самому Атлантическому морю, он устанавливает границы нашего царства и грозит войной, если мы попытаемся занять Азию?» Все же были заключены соглашения и принесены клятвы в том, что Каппадокия и Вифиния будут принадлежать Митридату, что Серторий пришлёт ему полководца и воинов и что, в свою очередь, Серторий получит от Митридата 3 тыс. и 40 кораблей. Полководцем в Азию Серторий отправил Марка Мариа, одного из укrywшихся у него сенаторов. Тот помог Митридату взять некоторые города Азии, и, когда Марий въезжал туда, окруженный прислужниками, несшими связки розог и секиры, Митридат уступал ему первенство и следовал за ним, добровольно принимая облик подчиненного. А Марий одним городам даровал вольности, другие освободил именем Сертория от уплаты налогов, так что Азия, которая перед этим вновь испытала притеснения сборщиков податей, равно как и алчность и высокомерие размещенных в ней воинов, жила теперь новыми надеждами и жаждала предполагаемой перемены власти.

25. А в Испании события развивались следующим образом. Едва только окружавшие Сертория сенаторы и другие знатные лица, избавившись от страха, почувствовали себя достойными противниками римлян, как в их среде родилась зависть к Серторию и бессмысленная ревность к его могуществу. Эти настроения разжигал Перперна, который, гордясь своим благородным происхождением, лелеял в душе пустое стремление к верховной власти; тайно он вел со своими приверженцами бесчестные разговоры. «Какой злой гений, — говорил он, — овладел нами и влечет от дурного к худшему? Мы ведь сочли недостойным остаться на родине и выполнять приказы Суллы, господина всей земли и моря, а явились сюда, где ждет нас верная погибель, ибо, рассчитывая жить свободными, мы добровольно стали свитой беглеца Сертория. Мы составили здесь сенат, и это название вызывает насмешки всех, кто его слышит, а вместе с тем на нас обрушиваются брань, приказы и повинности, словно на каких-то испанцев и лузитанцев». Многие, внимательно слушая подобные речи, не решались, однако, из страха перед могуществом Сертория открыто от него отложиться, но тайно причиняли вред его делу и ожесточали варваров, налагая на них (якобы по приказу Сертория) суровые кары

¹ В риторической переработке это письмо приводится у Саллюстия, «История», среди отрывков III книги.

² Это стало следствием II Митридатовой войны 83-82 гг. до н.э.

³ Анахронизм: Палатин стал резиденцией правителей только в императорскую эпоху.

и высокие подати. От этого начались восстания и смуты в городах. А те, кого Серторий посылал, чтобы исправить положение дел и успокоить восставших, ещё больше разжигали вражду и обостряли зарождавшееся неповиновение, так что Серторий, забыв прежнюю терпимость и мягкость, дал волю своему гневу и испанских мальчиков, воспитывавшихся в Оске, частью казнил, а частью продал в рабство.

26. Перперна, который уже собрал вокруг себя большое число заговорщиков, готовивших покушение на Сертория, привлёк к заговору также и Манлия, одного из высших командиров. Этот Манлий был влюблен в какого-то красивого мальчишку и в знак своего расположения раскрыл ему замыслы заговорщиков, потребовав, чтобы тот пренебрег поклонниками и принадлежал только ему одному, поскольку в самое ближайшее время он, Манлий, станет великим человеком. А мальчишка передал весь разговор другому своему поклоннику, Авфидию, который нравился ему больше. Авфидий, выслушав его, был поражён: сам причастный к тайному сговору против Сертория, он, однако, не знал, что Манлий тоже вовлечен в него. Когда же мальчик назвал имена Перперны, Грецина и некоторых других, кто, как было известно и Авфидию, находился в числе заговорщиков, Авфидий перепугался; он, правда, посмеялся над этими рассказами и убеждал мальчика отнестись к Манлию как к пустому хвосту, но сам направился к Перперне и, раскрыв ему всю опасность положения, настаивал на необходимости действовать. Заговорщики согласились с Авфидием и ввели к Серторию своего человека под видом гонца, принесшего послания, в которых сообщалось о победе одного из полководцев и о гибели множества врагов. Обрадованный этой новостью, Серторий совершил благодарственное жертвоприношение; тут Перперна объявил, что устраивает пир для Сертория и для других присутствующих (все это были участники заговора), и после долгих настояний убедил Сертория прийти. Трапезы, на которых присутствовал Серторий, всегда отличались умеренностью и порядком; он не допускал ни бесстыдных зрелищ, ни распушенной болтовни и приучал сотрапезников довольствоваться благопристойными шутками и скромными развлечениями. Но на этот раз когда выпивка уже была в разгаре, гости, искавшие предлога для столкновения, распустили языки и, прикидываясь сильно пьяными, говорили непристойности, рассчитывая вывести Сертория из себя. Серторий, однако, — то ли потому, что был недоволен нарушением порядка, то ли разгадав по дерзости речей и по необычному пренебрежению к себе замысел заговорщиков, — лишь повернулся на ложе и лег навзничь, стараясь не замечать и не слышать ничего. Тогда Перперна поднял чашу неразбавленного вина и, пригубив, со звоном уронил ее. Это был условный знак, и тут же Антоний, возлежавший рядом с Серторием, ударил его мечом. Серторий повернулся в его сторону и хотел было встать, но Антоний бросился ему на грудь и схватил за руки; лишенный возможности сопротивляться, Серторий умер под ударами множества заговорщиков.

27. Сразу же после этого большинство испанцев отпало от Перперны и, отправив послов к Помпею и Метеллу, изъявило покорность, Перперна же, возглавив оставшихся, попытался хоть что-нибудь предпринять. Он использовал созданные Серторием военные силы только для того, чтобы обнаружить собственное ничтожество и показать, что по своей природе он не годен ни повелевать, ни подчиняться. Он напал на Помпея, но тут же был разгромлен и оказался в плену. И этот последний удар судьбы Перперна не перенёс так, как подобает полководцу. У него в руках была переписка Сертория, и он обещал Помпею показать собственноручные письма бывших консулов и других наиболее влиятельных в Риме лиц, которые призывали Сертория в Италию, утверждая, что там многие готовы подняться против существующих порядков и совершить переворот. Но Помпей повёл себя не как неразумный юноша, а как человек зрелого и сильного ума и тем самым избавил Рим от великих опасностей и потрясений. Поступил он так: собрав послания и письма Сертория, он все предал огню, и сам не читая их, и другим не разрешив, а Перперну немедленно казнил, опасаясь, как бы тот не назвал имена, что могло послужить причиной восстаний и смут.

Одни из участников заговора Перперны были доставлены к Помпею и казнены, другие бежали в Африку и погибли от копий мавританцев. Никто из них не спасся, кроме Авфидия — того самого, который был соперником Манлия в любви: то ли ему удалось скрыться, то ли на него не обратили внимания, но он дожил до преклонных лет в какой-то варварской деревне в нищете и полном забвении.

№2

ПЛУТАРХ, ПОРІВНЯЛЬНІ ЖИТТЄПИСИ, ПОМПЕЙ, 17-20

17. ...Серторий... завладел Испанией и внушал римлянам ужас, так как к нему... стеклись все дурные соки гражданских войн. Он разбил уже многих второстепенных полководцев и воевал тогда с Метеллом Пием. Метелл был знаменитым и отважным воином, но, видимо, от старости сделался слишком вялым, чтобы уметь пользоваться удобным случаем на войне, лишился способности быстро разбираться в сложных обстоятельствах. Серторий же дерзко, по-разбойничьи, напал на него; он постоянно беспокоил засадами и обходными движениями старого полководца, опытного в руководстве тяжелым и неповоротливым войском, сражающимся в выстроенных по всем правилам боевых порядках. Помпей, у которого войско было наготове, добивался, чтобы его отправили на помощь Метеллу. Несмотря на приказание Катула, Помпей не распускал своего войска, но под разными предлогами все время держал его под оружием около Рима, до тех пор пока, по предложению Луция Филиппа, ему не предоставили должности главнокомандующего в войне с Серторием. Рассказывают, что когда кто-то с удивлением спросил Филиппа в сенате, неужели он считает нужным облечь Помпея консульскими полномочиями, или, как говорят в Риме, послать его в звании вместо консула¹, Филипп отвечал: «Нет, вместо обоих консулов», — желая дать понять этим, что оба тогдашних консула — полнейшие ничтожества.

18. По прибытии в Испанию... Помпей возбудил у многих новые надежды. Некоторые племена, ещё непрочно связанные с Серторием, пришли в движение и стали переходить на сторону Помпея. Серторий же презрительно отзывался о Помпее: так, например, он в шутку говорил, что ему было бы не нужно другого оружия, кроме розги и плетки, против этого мальчишки, если бы он не боялся той старухи (он имел в виду Метелла). На самом же деле он весьма остерегался Помпея и из страха перед ним стал вести войну с большей осторожностью, чем прежде. А Метелл, вопреки всем ожиданиям, целиком предался распутной жизни и удовольствиям, нрав его внезапно переменялся, он сделался тщеславным и расточительным, и это обстоятельство лишь увеличивало громкую известность Помпея, принося ему расположение сограждан, так как он стремился показать простоту своего образа жизни, что, конечно, не стоило ему больших усилий. Ведь по своей натуре Помпей отличался умеренностью и умением сдерживать свои желания. Среди различных событий и превратностей войны особенно огорчило Помпея взятие Серторием Лаврона. В уверенности, что он окружил Сертория, Помпей даже хвастался этим, но вдруг оказалось, что он сам окружен врагами. Не смея

¹ ... в звании вместо консула — это буквальный смысл слова «проконсул». Помпей ещё не был консулом, а стало быть, не имел законного права звать себя проконсулом.

двинуться, он вынужден был наблюдать, как враги в его присутствии сожгли город дотла. Однако Помпей разгромил у Валентин Геренния и Перперну — полководцев, бежавших к Серторию..., и перебил при этом свыше 10 тыс. человек.

19. Гордый своим успехом..., Помпей послешно двинулся против самого Сертория, чтобы не делить с Метеллом славу победы. На реке Сукроне, когда день уже клонился к вечеру, войска вступили в сражение, причем оба полководца опасались прихода Метелла, так как Помпей хотел сражаться один, а Серторий — только с одним противником. Исход битвы оказался, однако, неопределенным, так как с обеих сторон победу одержало одно крыло. Но из двух полководцев больше славы заслужил Серторий, так как он обратил в бегство стоявшее против него крыло вражеского войска. Что касается Помпея, который сражался верхом, то на него бросился вражеский пехотинец огромного роста. Они сошлись друг с другом в рукопашной схватке, причем ударом меча каждый поразил другого в руку, но результат был различен: Помпей был только ранен, а своему противнику отрубил руку напроочь. Затем ещё несколько вражеских воинов бросилось на Помпея, римляне обратились в бегство, но самому Помпею все-таки удалось, вопреки ожиданию, ускользнуть, бросив врагам коня, украшенного золотой уздечкой и драгоценной сбруей. Враги начали делить добычу и, споря из-за нее, упустили Помпея. С наступлением следующего дня оба полководца снова построили войска в боевой порядок, чтобы довершить дело, но после прибытия Метелла Серторий отступил, приказав своему войску рассеяться. Так обычно войско его расхило, а затем люди собирались вновь. Поэтому нередко Серторию случалось блуждать одному, но нередко, подобно внезапно вздувшемуся горному потоку, он устремлялся на врагов во главе 150-тысячного войска.

После битвы Помпей двинулся навстречу Метеллу и, когда они находились поблизости друг от друга, приказал ликторам опустить связки прутьев в знак уважения к Метеллу как к человеку, облеченному более высоким званием. Метелл, однако, отклонил эту честь и, хотя занимал прежде должность консула и по возрасту был гораздо старше, во всем проявлял по отношению к своему молодому товарищу дружелюбие и предупредительность, не требуя для себя никаких преимуществ, за исключением лишь того, что во время совместной стоянки лагерем пароль обоим войскам давал Метелл. Однако большей частью они стояли по отдельности, так как хитрый враг, стремительно передвигаясь и завязывая бой то в одном, то в другом месте, всегда ухитрялся разединить их и отдалить друг от друга. В конце концов Серторий вытеснил обоих полководцев из подвластной ему Испании: он перерезал пути подвоза продовольствия, опустошал страну и господствовал на море, и из-за недостатка съестных припасов они вынуждены были отступить в другие провинции.

20. Помпей уже истратил большую часть своего имущества на эту войну и стал просить денег у сената. Он заявил, что, в случае отказа, явится с войском в Италию требовать денег. Консулом тогда был Лукулл, враждовавший с Помпеем. Однако Лукулл ускорил высылку денег Помпею, так как, домогаясь командования в войне с Митридатом, он боялся дать Помпею повод отказать себя от борьбы с Серторием и обратиться против Митридата — противника, борьба с которым, казалось, обещала славу и легкую победу. Между тем Серторий был предательски умерщвлен своими друзьями. Самый главный из них — Перперна — пытался продолжать дело Сертория. У Перперны были те же самые силы и средства, но не хватало способностей и разума для столь же успешного их применения. Помпей тотчас выступил против него и, заметив нерешительность Перперны, выслал вперед десять когорт в качестве приманки, приказав им рассеяться по равнине. Лишь только Перперна напал на них и стал преследовать, Помпей явился со всем своим войском и в завязавшемся сражении разбил врага наголову. Сам Перперна был взят в плен и приведен к Помпею, который велел его казнить. Помпея не следует обвинять в неблагодарности или в забвении услуги, оказанной ему в Сицилии¹... — он действовал с великою мудростью, исходя из соображений всеобщего блага. Ведь Перперна, завладев перепиской Сертория, показывал письма к нему некоторых весьма влиятельных римлян, которые желали, возбудив волнения в государстве, изменить тогдашнюю форму правления и приглашали Сертория в Италию. Из опасения, как бы эти письма не послужили причиной ещё более ужасных войн, чем только что окончившиеся, Помпей велел убить Перперну, а письма сжёг, даже не прочитав их.

№3

АПШАН, ГРОМАДЯНСЬКІ ВІЙНИ, I

107. ...Сразу же, возвращаясь от погребального костра [Суллы], консулы стали пререкаться и ссориться между собою; горожане же были одни на стороне одного консула, другие — другого. Лепид, желая привлечь и италийцев на свою сторону, говорил, что он отдаст им землю, отнятую у них Суллою. Сенат был в страхе и обязал под присягою обоих консулов не решать дела войною. Лепид, получивший по жребию Трансальпийскую Галлию, не прибыл на выборы, намереваясь на следующий год, невзирая на данную им клятву, без стеснения начать войну против приверженцев Суллы; Лепид думал, что клятва с него взята только на год его консульства. Так как он не скрывал своих планов, то сенат решил отозвать его из Галлии. Лепид, хорошо зная, почему его отзывают, явился со всем своим войском, собираясь войти с ним в город. Когда это сделать Лепиду не позволили, он через глашатая приказал взяться за оружие. То же самое, в противовес ему, сделал Катул. Недалеко от Марсова поля между ними произошла битва, Лепид потерпел поражение и, не будучи в силах дальше сопротивляться, отплыл в Сардинию, где и умер от чахотки. Его войско разошлось отдельными отрядами; наиболее сильную его часть Перпенна отвел в Испанию к Серторию.

108. Из событий, связанных с эпохою Суллы, остается лишь война против Сертория. Она продолжалась восемь лет [80-72 гг. до н.э.] и была нелегкою для римлян, так как её пришлось вести не только против иберов, но также против римлян и Сертория. Уже раньше он был избран для управления Испанией, был союзником Карбона против Суллы, захватил Суессу во время перемирия, бежал и вернулся в назначенную ему провинцию. С войском из Италии, усиленным кельтиберами, Серторий прогнал из Испании бывших до него там начальников, которые, желая угодить Сулле, не передавали Серторию своих полномочий, и храбро сражался против Метелла, посланного Суллою. Славясь своею смелостью, Серторий собрал вокруг себя совет из 300 находившихся при нём его сторонников и говорил, что это римский совет, названный им в издевательство сенатом.

После смерти Суллы [78 г. до н.э.], а затем и Лепида Серторий с другим войском из италийцев, которое привёл к нему полководец Лепида, Перпенна, намеревался, по-видимому, идти походом на Италию. Это и случилось бы, если бы сенат, испуганный этим, не послал другое войско в Испанию, помимо там бывшего, и другого полководца, а именно Помпея, человека ещё молодого, но прославившегося своими действиями при Сулле в Африке и в самой Италии.

109. Помпей смело перешел Альпы не по той трудной дороге, по которой шёл в свое время Ганнибал. Он проложил другую дорогу около истоков Родана и Эридана, которые вытекают из Альпийских гор в недалеком расстоянии друг от друга. Одна протекает через область трансальпийских галлов и изливается в Тирренское море, другая изливается по его сторону Альп в Ионийское море и меняет свое название на Пад. Когда Помпей явился в Испанию [76 г. до н.э.], Серторий перебил весь его легион, вышедший за фуражом, со вьючными животными и обозной прислугой, разграбил и разрушил на глазах у самого Помпея город Лав-

¹ В 82 г. до н.э. Перперна очистил Сицилию без боя (см. гл. 10) — вероятно, по договоренности с Помпеем.

рон. Во время штурма города одна женщина, когда какой-то солдат хотел изнасиловать её, пальцами выколола себе глаза. Серторий, узнав об этом, приказал истребить всю когорту...

110. Наступившая зима положила конец военным действиям. Но с началом весны враждующие стороны выступили друг против друга [75 г. до н.э.]: Метелл и Помпей с Пиренейских гор, где они зимовали, Серторий и Перпенна — из Лузитании. Стычка произошла около города Сукрона. При ясном небе слышался страшный гром, мелькали невиданные молнии, но враги, как опытные в военном деле, отнеслись к этому без всякого страха, и резня с обеих сторон была жестокая до тех пор, пока Метелл не обратил в бегство Перпенну и не подверг разграблению его лагерь, а Серторий одержал победу над Помпеем, причём последний был опасно ранен в бедро копьём. Это положило конец сражению. У Сертория была белая ручная, гулявшая на свободе лань. Когда она исчезла, Серторий, считая это для себя неблагоприятным предзнаменованием, был в дурном расположении духа и ничего не предпринимал, так что из-за этой лани враги даже стали подсмеиваться над ним. Когда же она показалась и помчалась через густой лес, Серторий выбежал и тотчас же, как бы под её предводительством, напал на неприятеля. Немного спустя он выдержал большой бой, от полудня до восхода звезд, около Сагунта. Сражаясь сам на коне, он одолел Помпея, убил из его войска до 6 тыс. человек, потеряв сам 3 тыс. Метелл и в этой битве истребил около 5 тыс. из армии Перпенны. На следующий день после этой битвы Серторий, прихватив большое количество туземцев, вечером неожиданно напал на лагерь Метелла, смело намереваясь отрезать его рвом. Но когда на него повёл наступление Помпей, Серторий отказался от своего смелого плана. Таковы были военные действия в течение лета. Зима снова разъединила врагов.

111. В следующем году... [74 г. до н.э.] к римлянам по завещанию присоединились две области: Вифиния, которую им оставил Никомед, и Кирена, принадлежавшая царю Птолемею, потомку Лага, носившему прозвище Апион. Военные действия были в полном разгаре. Война с Серторием в Испании, война с Митридатом на востоке, война с пиратами повсеместно на море, война на Крите против критян, война с гладиаторами в Италии, возникшая внезапно и оказавшаяся для римлян очень тяжёлой. Вынужденные разделить на столько частей свои военные силы, римляне все-таки послали в Испанию два новых легиона. С ними и со всем старым войском Метелл и Помпей снова спустились с Пиренейских гор к Иберу. Серторий и Перпенна вышли к ним навстречу из Лузитании. В это время многие из войска Сертория стали перебегать к Метеллу.

112. Разгневанный этим Серторий жестоко... поносил перебежчиков и этим навёл на себя ненависть. Всего же более обвиняло Сертория войско в том, что он вместо римлян повсеместно стал привлекать на службу в качестве копьеносцев кельтиберов, поручал им должности телохранителей, отстранив римлян. Упреки в неверности были для войска невыносимы, коль скоро ему приходилось служить под начальством римских врагов. Задевало солдат всего более и то, что они из-за Сертория, как оказывалось, нарушили верность своей родине, а между тем сам же Серторий обвинял их в неверности. Они считали оскорбительным для себя и то, что оставшиеся при Сертории подвергались осуждению из-за попадавших среди них перебежчиков. Между тем и кельтиберы, придравшись к этому, надругались над римлянами как над лицами, потерявшими доверие. При всём этом римляне все-таки не уходили окончательно, нуждаясь в Сертории: не было в то время человека более воинственного, более удачливого, чем он. Поэтому-то и кельтиберы называли Сертория за быстроту его действий вторым Ганнибалом, которого они считали из всех бывших у них полководцев самым смелым и самым хитрым. Таково было настроение в войске Сертория. Тем временем войско Метелла делало набеги на многие города, находившиеся во власти Сертория, и мужское население их приводило в подчиненные Метеллу места. Когда Помпей осаждал Палланцию и подвёл к деревянным стенам её колодки, прибывший Серторий освободил город от осады, но Помпей успел все-таки поджечь стены, после чего возвратился к Метеллу. Серторий восстановил упавшие стены и, напав около местечка Калачур на римский лагерь, убил 3 тыс. человек...

113. В следующем году [73 г. до н.э.] римские полководцы, набравшись ещё больше смелости и презрения к врагам, стали нападать на города, находившиеся во власти Сертория, многие из них привлекли на свою сторону и стали подступать к другим городам, ободрённые успехом своих предприятий. Однако до большой битвы дело нигде не дошло... до тех пор, пока в следующем году [72 г. до н.э.] они снова не стали продолжать военные действия со всё более и более возрастающим презрением к врагу. Серторий же, по божьему попущению, ни с того ни с сего перестал заниматься делами, обставил себя роскошью, проводил время в обществе женщин, в пирах и попойках. Поэтому он терпел неоднократные поражения. Разного рода подозрения сделали Сертория чрезвычайно раздражительным и жестоким в применении карательных мер. Серторий стал подозревать всех, так что и Перпенна, пришедший к нему по своей воле с большим войском после междоусобной распри Эмилия, стал опасаться за себя и вместе с десятью другими лицами составил заговор против Сертория. После того как некоторые из заговорщиков были изблещены и одни из них понесли наказания, другие успели скрыться, Перпенна, неожиданно оставшийся неизблещённым, ещё более стал торопиться с исполнением своего замысла. Так как Серторий нигде не отпускал от себя телохранителей, то Перпенна пригласил его на угощение, напоил допьяна его и окружавшую его стражу и всех их перебил во время пира.

114. Войско тотчас же с большим шумом и гневом восстало против Перпенны — ненависть к Серторию немедленно перешла в преданность к нему. У всех утихает гнев к мёртвым, коль скоро причинявший огорчение сошёл с пути, и все начинают жалеть его и вспоминать о его доблестях. Ко всему этому войско Перпенны стало обдумывать и своё настоящее положение. Конечно, оно относилось к Перпенне с презрением, как к обыкновенному человеку, одна только храбрость Сертория, думало войско, могла бы спасти его. Поэтому-то было настроено враждебно к Перпенне также и туземное ополчение, в особенности лузитанцы, услугами которых всего более пользовался Серторий. Когда было вскрыто завещание Сертория, где Перпенна назначен был его наследником, всеобщий гнев и ненависть к Перпенне усилились ещё больше за то, что он совершил такую гнусность не только в отношении своего начальника и полководца, но и в отношении своего друга и благодетеля. Дело дошло бы до кулачной расправы, если бы Перпенна не обошёл солдат, одних склонив на свою сторону подарками, других обещаниями, третьим пригрозив, а кое с кем и расправившись, чтобы дать острастку другим. При этом Перпенна объезжал туземные племена, созывая собрания, освобождал узников, закованных Серторием в кандалы, возвращал иберам данных ими заложников. Прельщённые всем этим, они стали повиноваться Перпенне как полководцу — это звание он носил после смерти Сертория. Тем не менее враждебное настроение к Перпенне все-таки проявлялось. Дело в том, что он тотчас же, осмелев, начал проявлять большую жестокость в применении карательных мер; так, он приказал убить трёх знатных лиц, бежавших к нему из Рима, а также своего племянника.

115. Между тем Метелл направился в другие места Испании. Он полагал, что справиться с Перпенной будет нетрудно и одному Помпею. В течение нескольких дней у Помпея с Перпенной происходили небольшие пробные стычки, причём они не приводили в действие все свои войска, но на десятый день дело разразилось большим сражением: одним ударом решили они все покончить: Помпей потому, что он относился с презрением к полководческому таланту Перпенны, последний потому, что он не очень-то полагался на свое войско. Поэтому-то Перпенна и вступил в бой почти со всем своим войском. Скоро Помпей одержал верх над Перпенной, не бывшим выдающимся полководцем, не располагавшим преданным войском. При начавшемся общем бегстве Перпенна укрылся в густо растущий кустарник, боясь своих солдат больше, чем вражеских. Несколько всадников захватили

Перпенну и повлекли его к Помпею. Они поносили его как убийцу Сертория, а Перпенна вопил, что он много расскажет Помпею о междоусобной расправе в Риме. Не знаю, правду ли он тут говорил или с той целью, чтобы его привели к Помпею живым. Помпей, однако, послал своих людей вперед и приказал им убить Перпенну, прежде чем он к нему явится. Он боялся, как бы Перпенна вдруг не открыл ему чего-нибудь неожиданного, что могло бы дать толчок к другим бедствиям в Риме. Оказалось, что в данном случае Помпей поступил очень благоразумно, и это послужило упрочению его доброй славы. Таким образом, со смертью Сертория окончилась война в Испании. ...Она не окончилась бы так скоро и так легко, если бы Серторий оставался в живых.

II. ПОВСТАННЯ СПАРТАКА (74-71 гг. до н.э.)

№1

АПШАН

ГРОМАДЯНСЬКІ ВІЙНИ, I, 116-120

116. В это самое время в Италии среди гладиаторов, которые обучались в Капуе для театральных представлений, был фракиец Спартак. Он раньше воевал с римлянами, попал в плен и был продан в гладиаторы. Спартак уговорил около 70 своих товарищей пойти на риск ради свободы, указывая им, что это лучше, чем рисковать своей жизнью в театре. Напав на стражу, они вырвались на свободу и бежали из города. Вооружившись дубинами и кинжалами, отобранными у случайных путников, гладиаторы удалились на гору Везувий. Отсюда, приняв в состав шайки многих беглых рабов и кое-кого из сельских свободных рабочих, Спартак начал делать набеги на ближайшие окрестности. Помощниками у него были гладиаторы Эномай и Крикс. Так как Спартак делился добычей поровну со всеми, то скоро у него собралось множество народа. Сначала против него был послан Вариний Глабр, а затем Публий Валерий. Но так как у них было войско, состоявшее не из граждан, а из всяких случайных людей, набранных наспех и мимоходом, — римляне ещё считали это не настоящей войной, а простым разбойничьим набегом, — то римские полководцы при встрече с рабами потерпели поражение. У Вариния даже коня отнял сам Спартак. До такой опасности дошел римский полководец, что чуть не попался в плен к гладиаторам. После этого к Спартаку сбежалось ещё больше народа, и войско его достигло уже 70 тыс. Мятежники ковали оружие и собирали припасы.

117. [В 72 г. до н.э.] римляне выслали против них консулов с двумя легионами. Одним из них около горы Гаргана был разбит Крикс, командовавший 30-тысячным отрядом. Сам Крикс и две трети его войска пали в битве. Спартак же быстро двигался через Апеннинские горы к Альпам, а оттуда — к кельтам. Один из консулов опередил его и закрыл путь к отступлению, а другой догонял сзади. Тогда Спартак, напав на них поодиночке, разбил обоих. Консулы отступили в полном беспорядке, а Спартак, принеся в жертву павшему Криксу 300 пленных римлян, со 120 тыс. пехоты поспешно двинулся на Рим. Он приказал сжечь весь лишний обоз, убить всех пленных и перерезать вьючный скот, чтобы идти налегке. Перебежчиков, во множестве приходивших к нему, Спартак не принимал. В Пицене консулы снова попытались оказать ему противодействие. Здесь произошло второе большое сражение и снова римляне были разбиты. Но Спартак переменял решение идти на Рим. Он считал себя ещё не равносильным римлянам, так как войско его далеко не все было в достаточной боевой готовности: ни один итальянский город не примкнул к мятежникам; это были рабы, перебежчики и всякий сброд. Спартак занял горы вокруг Фурий и самый город. Он запретил купцам, торговавшим с его людьми, вывозить золотые и серебряные вещи, а своим — принимать их. Мятежники покупали только железо и медь за дорогую цену и тех, которые приносили им эти металлы, не обижали. Приобретая так нужный материал, мятежники хорошо вооружились и часто выходили на грабёж. Сразившись снова с римлянами, они победили их и, нагруженные добычей, вернулись к себе.

118. Третий уже год длилась эта страшная война [71 г. до н.э.], над которой вначале смеялись и которую сперва презирали как войну с гладиаторами. Когда в Риме были назначены выборы других командующих, страх удерживал всех, и никто не выставил своей кандидатуры, пока Лициний Красс, выдающийся среди римлян своим происхождением и богатством, не принял на себя командования. С шестью легионами он двинулся против Спартака. Прибыв на место, Красс присоединил к своей армии и два консульских легиона. Среди солдат этих последних, как потерпевших неоднократные поражения, он велел немедленно кинуть жребий и казнил десятую часть. Другие полагают, что дело было не так, но что после того, как все легионы были соединены вместе, армия потерпела поражение, и тогда Красс по жребию казнил каждого десятого легионера, несколько не испугавшись числа казненных, которых оказалось около 4 тыс. Но как бы там ни было, Красс оказался для своих солдат страшнее побеждавших их врагов. Очень скоро ему удалось одержать победу над 10 тыс. спартаковцев, где-то стоявших лагерем отдельно от своих. Уничтожив две трети их, Красс смело двинулся против самого Спартака. Разбив и его, он чрезвычайно удачно преследовал мятежников, бежавших к лагерю с целью переправиться в Сицилию. Настигнув их, Красс запер войско Спартака, отрезал его вом, валами и палисадом.

119. Когда Спартак был принужден попытаться пробить себе дорогу в Самниум, Красс на заре уничтожил около 6 тыс. человек неприятелей, а вечером ещё приблизительно столько же, в то время как из римского войска было только трое убитых и семь раненых. Такова была перемена, происшедшая в армии Красса благодаря введенной им дисциплине. Эта перемена вселила в нее уверенность в победе. Спартак же, поджидая всадников, кое-откуда прибывших к нему, больше уже не шел в бой со всем своим войском, но часто беспокоил осаждавших мелкими стычками; он постоянно неожиданно нападал на них, набрасывал пучки хвороста в ров, зажигал их и таким путем делал осаду чрезвычайно трудной. Он приказал повесить пленного римлянина в промежуточной полосе между обоими войсками, показывая тем самым, что ожидает его войско в случае поражения. В Риме, узнав об осаде и считая позором, если война с гладиаторами затянется, выбрали вторым главнокомандующим Помпея, только что вернувшегося тогда из Испании. Теперь-то римляне убедились, что восстание Спартака — дело тягостное и серьезное.

120. Узнав об этих выборах, Красс, опасаясь, что слава победы может достаться Помпею, старался всячески ускорить дело и стал нападать на Спартака. Последний, также желая предупредить прибытие Помпея, предложил Крассу вступить в переговоры. Когда тот... отверг это предложение, Спартак решил пойти на риск, и так как у него уже было достаточно всадников, бросился со всем войском через окопы и бежал по направлению к Брундизию. Красс бросился за ним. Но когда Спартак узнал, что в Брундизии находится Лукулл, возвратившийся после победы над Митридатом, он понял, что все погибло, и пошел на Красса со всей своей армией. Произошла грандиозная битва, чрезвычайно ожесточенная вследствие отчаяния, охватившего такое большое количество людей. Спартак был ранен в бедро дротиком: опустившись на колени и выставив вперед щит, он отбивался от нападавших, пока не пал вместе с большим числом окружавших его. Остальное войско, находясь в полном беспорядке, было изрублено. Говорят, что число убитых и установив было нельзя. Римлян пало около тысячи человек. Тело Спартака не было найдено. Большое

число спартаковцев ещё укрылось в горах, куда они бежали после битвы. Красс двинулся на них. Разделившись на четыре части, они отбивались, пока не погибли все, за исключением 6 тыс., которые были схвачены и повешены вдоль дороги из Капуи в Рим.

№2 ПЛУТАРХ ПОРІВНЯЛЬНІ ЖИТТЄПИСИ, МАРК КРАСС

8. Восстание гладиаторов, известное также под названием Спартаковой войны и сопровождавшееся разграблением всей Италии, было вызвано следующими обстоятельствами. Некий Лентул Багиат содержал в Капуе школу гладиаторов, большинство которых были родом галлы и фракийцы. Попали эти люди в школу не за какие-нибудь преступления, но исключительно из-за жестокости хозяина, насильно заставившего их учиться ремеслу гладиаторов. Двести из них сговорились бежать. Замысел был обнаружен, но наиболее дальновидные, в числе семидесяти восьми, всё же успели убежать, запасшись захваченными где-то кухонными ножами и вертелами. По пути они встретили несколько повозок, везших в другой город гладиаторское снаряжение, расхитили груз и вооружились. Заняв затем укрепленное место, гладиаторы выбрали себе трех предводителей. Первым из них был Спартак, фракиец, происходивший из племени *медов*, — человек, не только отличавшийся выдающейся отвагой и физической силой, но по уму и мягкости характера стоявший выше своего положения и вообще более походивший на эллина, чем можно было ожидать от человека его племени. Рассказывают, что однажды, когда Спартак впервые был приведен в Рим на продажу, увидели, в то время как он спал, обвиняющую вокруг его лица змею. Жена Спартака, его соплеменница, одаренная однако же даром пророчества и причастная к Дионисовым таинствам, объявила, что это знак предуготованной ему великой и грозной власти, которая приведет его к злополучному концу. Жена и теперь была с ним, сопровождая его в бегстве.

9. Прежде всего гладиаторы отбили нападение отрядов, пришедших из Капуи, и, захватив большое количество воинского снаряжения, с радостью заменили им гладиаторское оружие, которое и бросили как позорное и варварское. После этого для борьбы с ними был послан из Рима претор Клавдий с трехтысячным отрядом. Клавдий осадил их на горе [т.е. на Везувии], взобраться на которую можно было только по одной узкой и чрезвычайно крутой тропинке. Единственный этот путь Клавдий приказал стеречь; со всех остальных сторон были отвесные гладкие скалы, густо заросшие сверху диким виноградом. Нарезав подходящих для этого лоз, гладиаторы сплели из них прочные лестницы такой длины, чтобы те могли достать с верхнего края скал до подножия, и затем благополучно спустились все, кроме одного, оставшегося наверху с оружием. Когда прочие оказались внизу, он спустил к ним все оружие и, кончив это дело, благополучно спустился и сам. Римляне этого не заметили, и гладиаторы, обойдя их с тыла, обратили пораженных неожиданностью врагов в бегство и захватили их лагерь. Тогда к ним присоединились многие из местных волопасов и овчаров — народ всё крепкий и проворный. Одни из этих пастухов стали тяжеловооруженными воинами, из других гладиаторы составили отряды лазутчиков и легковооруженных.

Вторым против гладиаторов был послан претор Публий Вариний. Вступив сначала в бой с его помощником, Фурием, предводительствовавшим отрядом в 3 тыс. человек, гладиаторы обратили его в бегство, а затем Спартак подстерг явившегося с большими силами Коссиния, советника Вариния и его товарища по должности, в то время как он купался близ Салин¹, и едва не взял его в плен. Коссинию удалось спастись с величайшим трудом, Спартак же, овладев его снаряжением, стал немедленно преследовать его по пятам и после кровопролитного боя захватил его лагерь. В битве погиб и Коссиний. Вскоре Спартак, разбив в нескольких сражениях самого претора, в конце концов взял в плен его ликторов и захватил его коня. Теперь Спартак стал уже великой и грозной силой, но как здравомыслящий человек ясно понимал, что ему всё же не сломить могущества римлян, и повёл свое войско к Альпам, рассчитывая перейти через горы и, таким образом, дать каждому возможность вернуться домой — иным во Фракию, другим в Галлию. Но люди его, полагаясь на свою силу и слыхом много возомнив о себе, не послушались и на пути стали опустошать Италию. Раздражение, вызванное в сенате низким и недостойным характером восстания, уступило место страху и сознанию опасности, и сенат отправил против восставших, как на одну из труднейших и величайших войн, обоих консулов разом. Один из них, Геллий, неожиданно напав на отряд германцев, из высокомерия и заносчивости отделившихся от Спартака, уничтожил его целиком. Другой, Лентул, с большими силами окружил самого Спартака, но тот, перейдя в наступление, разбил его легатов и захватил весь обоз. Затем он двинулся к Альпам, навстречу же ему во главе 10-тысячного войска выступил Кассий, наместник той части Галлии, что лежит по реке Паду. В завязавшемся сражении претор был разбит наголову, понёс огромные потери в людях и сам едва спасся бегством.

10. Узнав обо всем этом, возмущенный сенат приказал консулам не трогаться с места и поставил во главе римских сил Красса. За Крассом последовали многие представители знати, увлеченные его славой и чувством личной дружбы к нему. Сам он расположился у границы Пицена, рассчитывая захватить направлявшегося туда Спартака, а легата своего Муммия во главе двух легионов послал в обход с приказанием следовать за неприятелем, не вступая, однако, в сражение и избегая даже мелких стычек. Но Муммий, при первом же случае, позволявшем рассчитывать на успех, начал бой и потерпел поражение, причём многие из его людей были убиты, другие спаслись бегством, побросав оружие. Оказав Муммию суровый прием, Красс вновь вооружил разбитые части, но потребовал от них поручителей в том, что оружие своё они впредь будут беречь. Отобрав затем пятьсот человек — зачинщиков бегства и разделив их на пятьдесят десятков, он приказал предать смерти из каждого десятка по одному человеку — на кого укажет жребий. Так Красс возобновил бывшее в ходу у древних и с давних пор уже не применявшееся наказание воинов², этот вид казни сопряжен с позором и сопровождается жуткими и мрачными обрядами, совершающимися у всех на глазах. Восстановив порядок в войсках, Красс повёл их на врагов, а Спартак тем временем отступил через Луканию и вышел к морю. Встретив в проливе киликийских пиратов, он решил перебраться с их помощью в Сицилию, высадить на острове 2 тыс. человек и снова разжечь восстание сицилийских рабов³, едва затухшее незадолго перед тем: достаточно было бы искры, чтобы оно вспыхнуло с новой силой. Но киликийцы, условившись со Спартаком о перевозке и приняв дары, обманули его и ушли из пролива. Вынужденный отступить от побережья, Спартак расположился с войском на Регийском полуострове. Сюда же подошел и Красс. Сама природа этого места подсказала ему, что надо делать. Он решил прекратить сообщение через перешеек, имея в виду двоякую цель: уберечь солдат от вредного безделья и в то же время лишить врагов подвоза продовольствия. Велика и трудна была эта работа, но Красс выполнил её до конца и сверж ожидания быстро. Поперек перешейка, от одного моря до другого, вырыл он ров длиной в 300 стадиев¹, шириною и глубиною в 15 футов, а вдоль всего рва возвёл стену, поражающую своей высотой и

¹ По-видимому, Геракловы Салины («солеварни») между Геркуланумом и Помпеями.

² Т.н. децимация («выбор десятого»). Военно-уголовные законодательства европейских государств сохраняли децимацию в различных формах до середины XIX века и даже позже; в России она была отменена лишь в 1868 г.

³ Два больших восстания рабов в Сицилии были в 137-132 и 104-101 гг. до н.э.

300 стадиев¹, шириною и глубиною в 15 футов, а вдоль всего рва возвёл стену, поражающую своей высотой и прочностью. Сначала сооружения эти мало заботили Спартака, относившегося к ним с полным пренебрежением, но когда припасы подошли к концу и нужно было перебираться в другое место, он увидел себя запертым на полуострове, где ничего нельзя было достать. Тогда Спартак, дождавшись снежной и бурной зимней ночи, засыпал небольшую часть рва землей, хворостом и ветками и перевёл через него третью часть своего войска.

11. Красс испугался; его встревожила мысль, как бы Спартак не вздумал двинуться прямо на Рим. Вскоре, однако, он ободрился, узнав, что среди восставших возникли раздоры и многие, отпав от Спартака, расположились отдельным лагерем у Луканского озера. (Вода в этом озере, как говорят, время от времени меняет свои свойства, становясь то пресной, то соленой и негодной для питья). Напав на этот отряд, Красс прогнал его от озера, но не смог преследовать и истреблять врагов, так как внезапное появление Спартака остановило их бегство. Раньше Красс писал сенату о необходимости вызвать и Лукулла из Фракии² и Помпея из Испании, но теперь сожалел о своём шаге и спешил окончить войну до прибытия этих полководцев, так как предвидел, что весь успех будет приписан не ему, Крассу, а тому из них, который явится к нему на помощь. По этим соображениям он решил, не медля, напасть на те неприятельские части, которые, отделившись, действовали самостоятельно под предводительством Гая Канниция и Каста. Намереваясь занять один из окрестных холмов, он отрядил туда 6 тыс. человек с приказанием сделать все возможное, чтобы пробраться незаметно. Стараясь ничем себя не обнаружить, люди эти прикрыли свои шлемы. Тем не менее их увидели две женщины, приносившие жертвы перед неприятельским лагерем, и отряд оказался бы в опасном положении, если бы Красс не подоспел вовремя и не дал врагам сражения — самого кровопролитного за всю войну. Положив на месте 12 300 неприятелей, он нашёл среди них только двоих, раненных в спину, все остальные пали, оставаясь в строю и сражаясь против римлян.

За Спартаком, отступавшим после этого поражения к Петелийским горам, следовали по пятам Квинтий, один из легатов Красса, и квестор Скрофа. Но когда Спартак обернулся против римлян, они бежали без оглядки и едва спаслись, с большим трудом вынеся из битвы раненого квестора. Этот успех и погубил Спартака, вскружив головы беглым рабам. Они теперь и слышать не хотели об отступлении и не только отказывались повиноваться своим начальникам, но, окружив их на пути, с оружием в руках принудили вести войско назад через Луканию на римлян. Шли они туда же, куда спешил и Красс, до которого стали доходить вести о приближавшемся Помпее; да и в дни выборов было много толков о том, что победа над врагами должна быть делом Помпея: стоит ему явиться — и с войной будет покончено одним ударом. Итак, Красс, желая возможно скорее сразиться с врагами, расположился рядом с ними и начал рыть ров. В то время как его люди были заняты этим делом, рабы тревожили их своими налетами. С той и другой стороны стали подходить все большие подкрепления, и Спартак был, наконец, поставлен в необходимость выстроить всё своё войско. Перед началом боя ему подвели коня, но он выхватил меч и убил его, говоря, что в случае победы получит много хороших коней от врагов, а в случае поражения не будет нуждаться и в своём. С этими словами он устремился на самого Красса; ни вражеское оружие, ни раны не могли его остановить, и все же к Крассу он не пробился и лишь убил двух столкнувшихся с ним центурионов. Наконец, покинутый своими соратниками, бежавшими с поля битвы, окружённый врагами, он пал под их ударами, не отступая ни на шаг и сражаясь до конца.

Хотя Красс умело использовал случай, предводительствовал успешно и лично подвергался опасности, все же счастье его не устояло перед славой Помпея. Ибо те рабы, которые ускользнули от него, были истреблены Помпеем, и последний писал в сенат, что в открытом бою беглых рабов победил Красс, а он уничтожил самый корень войны. Помпей, конечно, со славой отпраздновал триумф как победитель Сертория и покоритель Испании. Красс и не пытался требовать большого триумфа за победу в войне с рабами, но даже и пеший триумф, называемый овацией, который ему предоставили, был сочтён неуместным и несоответствующим достоинству войны с рабами...

III. РИМСЬКА РЕСПУБЛІКА В 60-х рр. I ст. до н.е.

№1

ПЛУТАРХ

ПОРІВНЯЛЬНІ ЖИТТЄПИСИ, ПОМПЕЙ

21. ...Наведя порядок и прекратив смуты [в Испании, Помпей] переправил свое войско в Италию [71 р. до н.е.], как раз в самый разгар войны с рабами. Поэтому главнокомандующий Красс поспешил с безумной смелостью дать сражение рабам; счастье сопутствовало Крассу в этой битве, и он уничтожил 12 300 вражеских воинов. Однако судьба сделала Помпея в какой-то степени участником и этой победы, так как 5 тыс. беглецов с поля сражения попали в его руки. Казнив всех пленников, Помпей поспешил написать сенату, что Красс разбил гладиаторов в открытом бою, а он, Помпей, вырвал войну с корнем. Из расположения к Помпею римляне благосклонно выслушивали и повторяли эти слова, и никто даже в шутку не осмеливался утверждать, что победы над Серторием в Испании принадлежат кому-нибудь другому, и не являются всецело делом Помпея. Однако столь великое уважение и надежды, возлагавшиеся на Помпея, в какой-то мере соединялись с подозрениями и страхом, что он не распустит своего войска, а тотчас с помощью вооруженной силы станет на путь единовластия и пойдет по стопам Суллы. Поэтому было почти столько же людей, выходивших к нему навстречу с дружескими приветствиями, сколько и тех, кто делал это из страха. Когда Помпей рассеял и это подозрение, объявив, что распустит войско сразу после триумфа, у его недоброжелателей остался только один повод для обвинений, а именно: они упрекали Помпея в том, что он скорее держит сторону народа, чем сената, и решил восстановлением власти народных трибунов, которую отменил Сулла, добиться народного расположения. И это было верно, ибо ни к чему другому народ римский не стремился более неистово..., как видеть восстановленной власть народных трибунов. Поэтому Помпей считал большой удачей, что ему представляется удобный случай для проведения в жизнь этой меры: он полагал, что не найдет другого способа отблагодарить граждан за их любовь к нему, если этим средством воспользуется до него кто-либо иной.

22. Затем Помпею был назначен второй триумф, и он был избран консулом [на 70 г. до н.э., вместе с Марком Лицинием Крассом]. Однако не эти почести вызывали удивление перед ним и делали его великим в глазах народа. Доказательством его славы было то, что Красс, замечательный оратор, один из самых богатых и наиболее влиятельный из тогдашних государственных деятелей, Красс, который смотрел свысока на самого Помпея и всех прочих, не решился всё же домогаться консульства, не испрошив согласия у Помпея. Помпей, однако, с удовольствием принял просьбу Красса, так как давно уже хотел оказать ему какую-

¹ Т.е. 50,5 км поперек «носка» италийского «сапога».

² М. Лукулл, брат Л. Лукулла, в 72 г. до н.э. был наместником Македонии и вел войну в соседней Фракии.

нибудь услугу и любезность, и обратился к народу, настоятельно рекомендуя ему Красса; он заявил открыто, что будет столь же благодарен гражданам за товарища по должности, как и за самую должность. Однако после избрания консулы во всем разошлись друг с другом и начали враждовать. Красс имел больше влияния в сенате, а сила Помпея была в исключительной любви народа. Ибо Помпей восстановил власть народных трибунов и допустил внесение закона, вновь предоставлявшего суды в распоряжение всадников¹. Но всего более радовался народ, видя, как Помпей просит освободить его от военной службы. Дело в том, что у римских всадников существует обычай по истечении установленного законом срока военной службы приводить своего коня на форум, чтобы его осмотрели... цензоры. При этом каждый должен перечислить полководцев, под начальством которых он служил, представить отчет о своих подвигах и получить отставку; каждому, в зависимости от его поведения, присуждается похвала или порицание. Цензоры Геллий и Лентул восседали тогда на своих креслах в полном облачении, и перед ними проходили всадники, подвергавшиеся цензу. Среди этих всадников показался и Помпей: он спускался на форум, имея на себе знаки отличия своей должности и ведя под уздцы своего коня. Когда Помпей приблизился настолько, что цензоры могли его видеть, он приказал ликторам расчистить дорогу и повёл лошадь к возвышению, на котором сидели власти. Среди изумленного народа воцарилось молчание, а у цензоров это зрелище вызвало смешанное чувство почтительного уважения и радости. Затем старший из них спросил: «Помпей Магн, я спрашиваю тебя, все ли походы, предписанные законом, ты совершил?» Помпей отвечал громким голосом: «Я совершил все походы и все под моим собственным началом». После этих слов раздались ликующие крики народа, которые уже невозможно было прекратить. Цензоры встали со своих мест и проводили Помпея домой в угоду согражданам, которые, рукоплещая, следовали за ними.

23. Уже подходил конец консульства Помпея, а между тем несогласия его с Крассом усиливались. В это время некто Гай Аврелий, человек, принадлежавший к сословию всадников, но державшийся в стороне от общественной жизни, поднялся в Народном собрании на возвышение для оратора и обратился к народу с речью. Он рассказал, что во сне ему явился Юпитер и повелел сказать консулам, чтобы те не сдавали должности, не примирившись друг с другом. После этого заявления Помпей продолжал стоять неподвижно, а Красс, приветствуя Помпея, заговорил с ним. Затем, обратившись к народу, он сказал: «Полагаю, граждане, что я не совершу ничего недостойного или низкого, если первым пойду навстречу Помпею, которого вы ещё безбородым юношей удостоили почетного прозвания "Великий", и когда он ещё не был сенатором, почтили двумя триумфами». Итак, консулы примирились и сложили свои полномочия. После этого Красс не изменил прежнего образа жизни, что же касается Помпея, то он теперь избегал брать на себя защиту граждан в суде, мало-помалу оставил форум и редко посещал общественные места, да и то всегда в сопровождении большой свиты своих сторонников. Нелегко было теперь встретить его одного, не окруженного толпой, и даже вообще увидеть его. Охотнее всего Помпей появлялся в сопровождении многочисленной толпы клиентов, думая, что придаст себе этим важности и величия; он был убежден, что слишком частое и близкое общение с народом может умалить его достоинство...

24. Могущество пиратов зародилось сперва в Киликии. Вначале они действовали отважно и рискованно, но вполне скрытно. Самоуверенными и дерзкими они стали только со времени Митридатовой войны, так как служили матросами у царя. Когда римляне в пору гражданских войн сражались у самых ворот Рима, море, оставленное без охраны, стало мало-помалу привлекать пиратов и поощряло их на дальнейшие предприятия, так что они не только принялись нападать на мореходов, но даже опустошали острова и прибрежные города. Уже многие люди, состоятельные, знатные и, по общему суждению, благоразумные, начали вступать на борт разбойничьих кораблей и принимать участие в пиратском промысле, как будто он мог принести им славу и почет. Во многих местах у пиратов были якорные стоянки и крепкие наблюдательные башни. Флотилии, которые они высылали в море, отличались не только прекрасными, как на подбор, матросами, но также искусством кормчих, быстротой и легкостью кораблей, предназначенных специально для этого промысла. Гнусная роскошь пиратов возбуждала скорее отвращение, чем ужас перед ними: выставляя напоказ золоченные кормовые мачты кораблей, пурпурные занавесы и оправленные в серебро вёсла, пираты словно издевались над своими жертвами и кичились своими злодеяниями. Попойки с музыкой и песнями на каждом берегу, захват в плен высоких должностных лиц, контрибуции, налагаемые на захваченные города, — все это являлось позором для римского владычества. Число разбойничьих кораблей превышало тысячу, и пиратам удалось захватить до четырехсот городов. Они разграбили много неприкосновенных до того времени святилищ — кларосское, дидимское, самофракийское, храм Хтонии в Гермione, храм Асклепия в Эпидавре, храмы Посейдона на Истме, на мысе Тенаре и на Калаврии, храмы Аполлона в Акции и на Левкаде, храмы Геры на Самосе, в Аргосе и на мысе Лакинии². Сами пираты справляли в Олимпе³ странные, непонятные празднества и совершали какие-то таинства; из них до сих пор ещё имеют распространение таинства Митры⁴, впервые введённые ими. Чаще всего пираты совершали злодеяния против римлян; высаживаясь на берег, они грабили на больших дорогах и разоряли имения вблизи от моря. Однажды они похитили и увезли с собой даже двух преторов, Секстилия и Беллина — в окаймленных пурпуром тогах, со слугами и ликторами. Они захватили также дочь триумфатора Антония, когда она отправлялась в загородный дом; Антонию пришлось выкупить её за большую сумму денег... Когда какой-нибудь пленник кричал, что он римлянин, и называл свое имя, они, притворяясь испуганными и смущенными, хлопали себя по бедрам и, становясь на колени, умоляли о прощении. Несчастный пленник верил им... Затем одни надевали ему башмаки, другие облачали в тогу, для того-де, чтобы опять не ошибиться. Вдоволь поиздевавшись над ним таким образом и насладившись его муками, они, наконец, спустились среди моря сходили и приказывали высаживаться, желая счастливого пути, если же несчастный отказывался, то его stalkивали за борт и топили.

25. Могущество пиратов распространилось почти что на всё Средиземноморье, так что море стало совершенно недоступным для мореходства и торговли. Именно это обстоятельство и побудило римлян, уже испытывавших недостачу продовольствия и опасавшихся жестокого голода, послать Помпея очистить море от пиратов. Один из друзей Помпея, Габиний, внес законопроект, предоставлявший Помпею не только командование флотом, но прямое единовластие и неограниченные полномочия во всех провинциях. Действительно, этот законопроект давал полководцу власть на море по эту сторону Геракловых столпов и повсюду на суше на расстоянии 400 стадиев [около 75 км] от моря. Из области, на которую распространялась власть полководца, исключались только немногие страны среди тех, что находились под господством римлян; в неё входили наиболее значительные варвар-

¹ Первоначально судейская власть принадлежала только сенаторам; Гай Гракх в 123 г. до н.э. допустил к участию в судах также и всадников, после чего суды стали важным средством контроля над деятельностью сенатской олигархии. Сулла вернул суды сенаторам; Помпей и Красс восстановили (и даже ещё больше демократизировали) гракханский порядок.

² Эти храмы находились близ Колофона и близ Милета и были посвящены Аполлону. Хтония («подземная») — богиня Деметры.

³ Олимп — город в Ликии, на южном берегу Малой Азии, служивший основной базой для пиратов.

⁴ Митра — в древневосточных религиях бог солнца, один из главных индоиранских богов, бог договора, согласия, покровитель мирных, доброжелательных отношений между людьми. Древнейшие сведения о почитании Митры содержатся в Авесте: там он выступает как персонификация договора. В иранской традиции Митра гарантирует устойчивость цивилизованных отношений между людьми, охраняет те страны, где чтят верность договору и наказывает те, где от договора отступаются. В более позднее время на первый план выходит солнечная функция Митры. Культ Митры был чрезвычайно популярен в Римской империи в первые века н.э., особенно среди легионеров.

ские племена и владения самых могущественных царей. Кроме этого, Помпей был уполномочен выбрать из числа сенаторов пятнадцать легатов в качестве подчинённых ему начальников на местах, брать сколько угодно денег из казначейства и от откупщиков и снарядить флот из двухсот кораблей, причём ему было предоставлено право набирать как воинов, так и экипажи гребцов.

После прочтения этого закона народ принял его с чрезвычайным удовольствием, но знатнейшие и наиболее влиятельные сенаторы держались мнения, что такая неограниченная и неопределённого характера власть должна возбуждать скорее страх, чем зависть. Поэтому все они были против закона, кроме Цезаря, который поддержал закон, конечно, меньше всего ради Помпея, но с самого начала заискивая у народа и стараясь приобрести его расположение. Прочие сенаторы сильно нападали на Помпея. Один из консулов сказал, что если Помпей желает подражать Ромулу, то ему не избежать участи последнего¹. За эти слова консулу угрожала опасность быть растерзанным народом. Когда против закона выступил Катул, то народ, из чувства уважения, выслушал его с полным спокойствием. После во многом совершенно беспристрастных похвал Помпею он посоветовал беречь такого человека, а не подвергать его опасностям в войнах, следующих одна за другой. «Кого же другого вы найдете, — сказал он, — если потеряете Помпея?» «Тебя!» — закричали все единодушно. Так Катуту пришлось удалиться, не убедив народа. Затем начал говорить Росций, но так как никто его не слушал, то он пальцами показал, что Помпея следует выбрать не одного, но дать ему товарища. Это предложение, как сообщают, исторгло у раздраженного народа крик такой силы, что пролетавший над форумом ворон упал бездыханный в толпу...

26. На этот раз собрание разошлось, не приняв никакого решения. А в тот день, когда нужно было утвердить закон, Помпей тайно выехал в своё имение. Узнав же о принятии закона, он ночью возвратился в Рим, чтобы избежать зависти, которую могла возбудить встреча его толпою народа. На следующее утро Помпей появился открыто и принес жертву богам; снова было созданы комиции, и Помпей добился принятия, кроме утвержденного уже закона, многих других постановлений, так что почти удвоил свои военные силы. Действительно, он снарядил 500 кораблей, набрал 120 тыс. тяжёлой пехоты и 5 тыс. всадников. Помпей выбрал 24 сенатора в качестве подчинённых себе начальников; кроме того, ему были даны два квестора. Тотчас же цены на продовольствие упали, и это обстоятельство дало повод обрадованному народу говорить, что самоё имя Помпей положило конец войне.

Помпей разделил всё Средиземное море на 13 частей; в каждой части он сосредоточил определённое число кораблей во главе с начальником. Таким образом, распределив свои силы повсюду, Помпей тотчас захватил как бы в сеть большое количество пиратских кораблей и отвёл их в свои гавани. Успевшие спастись корабли, гонимые со всех сторон, начали прятаться в Киликии, как пчёлы в улье. Против них выступил в поход сам Помпей с шестьюдесятью кораблями. До этого похода он за сорок дней, благодаря своей неутомимой деятельности и рвению начальников, совершенно очистил от пиратских кораблей Тирренское и Ливийское море, а также море вокруг Сардинии, Корсики и Сицилии.

27. Между тем в Риме консул Пизон, ненавидя Помпея и завидуя ему, чинил всевозможные препятствия его начинаниям и приказал даже распустить экипажи кораблей. Тогда Помпей отправил флот в Брундизий, а сам через Этрурию направился в Рим. Лишь только в Риме узнали об этом, все высыпали на дорогу встречать полководца, как будто они только что не провожали его. Быстрота и внезапность перемены вызывала радость у римлян, так как рынок в изобилии наполнился продовольствием. Поэтому Пизону грозила опасность лишиться должности, и Габиний уже составил для этой цели проект закона. Помпей, однако, воспротивился этому и в остальных делах, выступая в комициях, проявил снисходительность. Закончив все необходимые дела, Помпей направился в Брундизий и оттуда вышел в море... Некоторые из находившихся ещё в открытом море и державшихся вместе пиратских кораблей изъявили Помпею покорность. Последний обошёлся с ними милостиво: он взял суда, не причинив зла команде. Тогда остальные пираты, в надежде на пощаду, вместе с женами и детьми начали сдаваться самому Помпею, избегая иметь дело с подчинёнными ему начальниками. Помпей всем им оказывал милосердие и с их помощью выслеживал тех, которые ещё скрывались, сознавая свои страшные преступления; когда же эти последние попадали в его руки, Помпей подвергал их наказанию.

28. Большинство самых могущественных пиратов, однако, поместило свои семьи и сокровища, а также всех, кто не был способен носить оружие, в крепостях и укрепленных городах на Тавре, а сами, снарядив свои корабли, ожидали шедшего против них Помпея у Коракезия в Киликии. В происшедшем сражении пираты были разбиты и осажены в своих крепостях. В конце концов разбойники отправили к Помпею посланцев просить пощады и сдались вместе с городами и островами, которыми они овладели, а затем укрепили их настолько, что не только взять их силой, но даже подступиться к ним было нелегко. Таким образом, война была завершена, и не более как за три месяца с морским разбоем было покончено повсюду. Кроме множества других кораблей, Помпей захватил девяносто судов с окованными медью носами. Что касается самих пиратов (а их было взято в плен больше 20 тыс.), то казнить всех Помпей не решился; с другой стороны, он считал неблагоприятным отпустить разбойников на свободу и позволить им рассеяться или вновь собраться в значительном числе, так как это большей частью были люди обнищавшие и вместе с тем закалённые войной. Помпей исходил из убеждения, что по природе своей человек никогда не был и не является диким, необузданным существом, но что он портится, предаваясь пороку вопреки своему естеству, мирные же обычаи и перемена образа жизни и местожительства облагораживают его. Даже лютые звери, когда с ними обращаются более мягко, утрачивают свою лютовость и свирепость. Поэтому Помпей решил переселить этих людей в местность, находящуюся вдали от моря, дать им возможность испытать прелесть добродетельной жизни и приучить их жить в городах и обрабатывать землю. Часть пиратов по приказанию Помпея приняла маленькие и безлюдные города Киликии, население которых получило добавочный земельный надел и смешалось с новыми поселенцами. Соны, незадолго до того опустошенные армянским царем Тиграном, Помпей приказал восстановить и поселил там много разбойников. Большинству же их он назначил местом жительства Диму в Ахайе, так как этот город, будучи совершенно безлюдным, обладал большим количеством плодородной земли.

29. Эти действия Помпея вызвали порицание со стороны завистников, а его поступок с Метеллом не встретил одобрения даже у близких друзей. Дело в том, что Метелл, родственник того Метелла², который был товарищем Помпея по командованию в Испании, был послан на Крит ещё до избрания Помпея главнокомандующим. Остров Крит был тогда вторым после Киликии средоточием пиратских шаек. Метелл захватил множество пиратов в плен, разрушил их гнезда и самих их велел казнить. Оставшиеся в живых были осажены Метеллом. Они отправили посланцев к Помпею, умоляя прибыть на остров, так как он-де является частью подвластной ему земли и во всех отношениях входит в определённую законом приморскую полосу. Помпей благосклонно выслушал просьбу пиратов и письменно приказал Метеллу прекратить войну. Вместе с тем он повелел городам на Крите не подчиняться Метеллу и послал туда претором одного из подчинённых ему начальников — Луция Октавия. Последний присоединился к осажённым пиратам и, сражаясь вместе с ними, не только доставил Помпею неприятности, но и выставил его в смешном виде:

¹ См.: Плутарх, Ромул, 27.

² Квинт Метелл Критский был внуком Метелла Македонского, консула 143 г. до н.э., а Кв. Метелл Пий (воевавший в Испании) — внуком Метелла Кальва, консула 142 г. до н.э., брата Македонского.

из зависти и ревности к Метеллу Помпей как бы ссудил свое имя таким нечестивым и безбожным людям, а свою славою разрешил прикрываться для защиты и пользоваться как амулетом... Метелл, однако, не сдал командования; он захватил пиратов в плен и подверг их наказанию, Октавия же с оскорблениями и бранью отпустил из лагеря.

30. Когда в Рим пришло известие, что война с пиратами окончена, а Помпей на досуге объезжает города, один из народных трибунов, Манилий, предложил закон о передаче Помпею всех провинций и войск, во главе которых стоял Лукулл¹, с прибавлением Вифинии (где наместником был Глабрион), для войны с царями Митридатом и Тиграном; за Помпеем должны были также сохраниться морские силы и командование на море на прежних условиях. Эта мера была не чем иным, как подчинением всей римской державы произволу одного человека. Действительно, из провинций, которые он ещё не получил в свое распоряжение на основании прежнего закона, теперь переходили под его власть Фригия, Ликаония, Галатия, Каппадокия, Киликия, Верхняя Колхида и Армения вместе с лагерями и войсками, бывшими под начальством Лукулла в войне против Митридата и Тиграна. Этот закон лишил Лукулла славы и наград за совершенные им подвиги, и он получал преемника скорее для триумфа, чем для ведения войны. Однако знать не придавала этому большого значения, хотя и понимала, что Лукулл незаслуженно терпит обиду, — знатным римлянам была тягостна власть Помпея. Считая её настоящей тиранией, они втайне побуждали и ободряли друг друга противодействовать закону, чтобы не потерять свободы, но когда наступило время, из страха перед народом все уклонились от обсуждения и молчали. Только Катул выступил со множеством доводов против закона и с обвинениями против Манилия; но так как в Народном собрании ему не удалось никого убедить, то он обратился к сенату и много раз кричал с ораторского возвышения, что по примеру предков сенат должен искать гору или скалу, удалившись на которую он спасёт свободу². Все же законопроект был утвержден, как сообщают, всеми трибами, и Помпей во время своего отсутствия был облечен почти всей полнотою власти, чего Сулла добился от государства войной и насилием.

Получив письмо с известием о постановлении Народного собрания, в присутствии друзей, приносивших ему поздравления, Помпей, говорят, нахмурил брови и хлопнув себя по бедру, сказал, как бы уже утомленный и недовольный властью: «Увы, что за бесконечная борьба! Насколько лучше было бы остаться одним из незаметных людей — ведь теперь я никогда не избавлюсь от войн, никогда не спасусь от зависти, не смогу мирно жить в деревне с женой!» Даже самым близким друзьям Помпея эти лицемерные слова были неприятны, так как друзья прекрасно понимали, что раздоры с Лукуллом, разжигавшие его врожденное честолюбие и стремление господствовать, доставляли ему радость.

31. Действительно, его поступки вскоре показали это. Помпей всюду издавал распоряжения, созывал воинов, приглашал к себе подвластных римлянам правителей и царей и, проезжая через провинции, не оставлял неприкосновенным ни одного указа Лукулла: он отменял наложенные наказания, отнимал полученные награды и вообще ревностно старался во всем показать сторонникам Лукулла, что тот уже не имеет никакой власти. Так как Лукулл через своих друзей принес жалобу на действия Помпея, то было решено, чтобы оба полководца встретились. Встреча произошла в Галатии. Так как оба они были великие полководцы, прославленные блестящими победами, то их сопровождали ликторы с пучками прутьев, увитых лавровыми ветвями. Лукулл прибыл из стран, богатых растительностью и тенистыми деревьями, Помпей же как раз прошёл через безлесную и сухую область. Когда ликторы Лукулла увидели засохшие и совершенно увядшие лавры Помпея, они поделились своими свежими лавровыми ветвями и увенчали ими связки прутьев Помпея. Это происшествие сочли предзнаменованием того, что Помпей явился, чтобы похитить славу и плоды побед Лукулла. Лукулл был старше по консульству и по летам, но Помпей — выше достоинством, так как имел два триумфа. Впрочем, при первой встрече они обошлись друг с другом как можно более вежливо и любезно, прославляли подвиги друг друга и поздравляли друг друга с победами. Однако при дальнейших переговорах, не придя ни к какому справедливому и умеренному соглашению, они стали упрекать друг друга: Помпей упрекал Лукулла в алчности, а Лукулл его — во властолюбии, и лишь с великим трудом друзьям удалось прекратить ссору. Лукулл распределил часть захваченных в Галатии земель и другие награды по своему усмотрению. Помпей же, расположившись лагерем в некотором отдалении, запретил повиноваться Лукуллу и отнял у последнего всех его воинов, кроме 1 600, которых из-за строптивого нрава считал для себя бесполезными, а для Лукулла — опасными. Кроме того, открыто издеваясь над подвигами Лукулла, он говорил, что тот сражался с театральными и призрачными царями, ему же предстоит борьба с настоящим войском, научившимся воевать на неудачах, так как Митридат обратился теперь к коннице, мечам и большим щитам. В ответ на это Лукулл говорил, что Помпей явился сюда сражаться с тенью войны, он привык-де, подобно стервятнику, набрасываться на убитых чужою рукой и разрывать в клочья останки войны. Так, Помпей приписал себе победы над Серториєм, Лепидом и Спартакoм, которые принадлежали, собственно, Крассу, Метеллу и Катуту. Поэтому неудивительно, что человек, который сумел присоединиться к триумфу над беглыми рабами, теперь всячески старается присвоить себе славу армянской и понтийской войны.

32. После этого Лукулл уехал, Помпей же, разделив весь свой флот для охраны моря между Финикией и Боспором³, сам выступил против Митридата. Хотя у царя было 30 тыс. человек пехоты и 2 тыс. конницы, он всё же не решился дать Помпею сраженьё. Сначала Митридат расположился лагерем на сильно укрепленной и неприступной горе, но покинул эту позицию из-за недостатка воды. Гору занял затем Помпей. Предположив по виду растительности и по характеру горных ущелий, что на этом месте должны быть источники воды, он приказал прорыть повсюду колодцы, и тотчас в лагере появилась вода в изобилии; Помпей дивился, как это Митридат за все время стоянки здесь об этом не догадался. Затем Помпей окружил вражеский лагерь и стал обносить его валом. Митридат выдерживал осаду в течение сорока пяти дней, а затем, перебив неспособных носить оружие и больных, незаметно бежал с лучшей частью своего войска. Помпей, однако, настиг царя на Евфрате и устроил свой лагерь рядом. Боясь, как бы Митридат не успел раньше него переправиться через Евфрат, Помпей в полночь построил войско в боевой порядок и выступил. В это время Митридату, как передают, было видение, раскрывшее ему будущее. Царю показалось, будто он плывет с попутным ветром по Эвксинскому понту и, находясь уже в виду Боспора, приветствует своих спутников как человек, радующийся надежному и верному спасению. Но вдруг царь увидел, что, всеми покинутый, он носится по волнам на жалком обломке судна. Когда Митридат находился ещё под впечатлением сна, пришли друзья и, подняв его, сообщили о приближении Помпея. Необходимо было принять меры для защиты лагеря, и начальники вывели войско, выстроив его в боевой порядок. Помпей же, заметив приготовления врагов, опасался пойти на такое рискованное дело, как битва в темноте, считая, что достаточно только окружить врагов со всех сторон, чтобы они не могли бежать; днём же он надеялся неожиданно напасть на царя, несмотря на превосходство его сил. Но старшие начальники войска Помпея пришли к нему с настоятельной просьбой и советом немедленно начать атаку. Действительно, мрак не был непроницаемым, так как луна на ущербе давала ещё достаточно света, чтобы различать предметы. Это-то обстоятельство как раз и погубило царское войско. Луна была за спиною у нападавших римлян, и так как она

¹ Луций Лукулл (117-56 гг. до н.э.), римский полководец. Сторонник Суллы. В войне против Митридата VI, командуя римскими войсками в 74-66 гг. до н.э., добился значительных успехов. Славился богатством, роскошью и пирами («лукуллов пир»).

² Аллюзия к событиям борьбы плебеев и патрициев: когда-то, наоборот, плебеи устраивали сецессии, т.е. уходили от сената на Священную гору.

³ Боспором Киммерийским, т.е. Керченским проливом.

стоятельство как раз и погубило царское войско. Луна была за спиною у нападавших римлян, и так как она уже заходила, тени от предметов, вытягиваясь далеко вперед, доходили до врагов, которые не могли правильно определить расстояние. Враги думали, что римляне достаточно близко от них, и метали дротики впустую, никого не поражая. Когда римляне это заметили, они с криком устремились на врагов. Последние уже не решались сопротивляться, и римляне стали убивать охваченных страхом и бегущих воинов; врагов погибло больше десяти тысяч, лагерь их был взят. Сам Митридат в начале сраженья вместе с отрядом из 800 всадников прорвался сквозь ряды римлян, однако отряд этот быстро рассеялся и царь остался всего лишь с тремя спутниками. Среди них находилась его наложница Гипсикратия, всегда проявлявшая мужество и смелость, так что царь называл её Гипсикратом. Наложница была одета в мужскую персидскую одежду и ехала верхом; она не чувствовала утомления от долгого пути и не уставала ухаживать за царём и его конём, пока, наконец, они не прибыли в крепость Синору, где находилось множество царских сокровищ и драгоценностей. Митридат взял оттуда драгоценные одежды и роздал их тем, кто собрался снова вокруг него после бегства. Каждого из своих друзей царь снабдил смертоносным ядом, чтобы никто против своей воли не попался в руки врагов. Отсюда Митридат направился в Армению к Тиграну. Но после того как Тигран отказал ему в убежище и даже объявил награду в сто талантов за его голову, Митридат, миновав истоки Евфрата, продолжал свое бегство через Колхиду.

33. Между тем Помпей совершил вторжение в Армению, куда его приглашал молодой Тигран. Последний уже восстал против своего отца и встретил Помпея у реки Аракса. Эта река начинается в той же местности, что и Евфрат, но, поворачивая на восток, впадает в Каспийское море. Помпей и молодой Тигран шли вперед, захватывая города, встречавшиеся на пути. Однако царь Тигран, совсем недавно разбитый Лукуллом, узнав о мягком и добром характере Помпея, выпустил римский сторожевой отряд в свой дворец, а сам в сопровождении друзей и родственников отправился к Помпею, чтобы отдаться в его руки. Когда царь верхом прибыл к лагерю, двое ликторов Помпея, подойдя к нему, велели сойти с коня и идти пешком, так как никогда в римском лагере не видели ни одного всадника. Тигран повиновался и даже, отвязав свой меч, передал им. Наконец, когда царь предстал перед Помпеем, он снял свою китару¹, намереваясь сложить её к ногам полководца и, что самое постыдное, упасть перед ним на колени. Помпей, однако, успел схватить царя за правую руку и привлечь к себе. Затем он усадил его рядом с собой, а сына по другую сторону. Он объявил царю, что виновник всех прежних его несчастий — Лукулл, который отнял у него Сирию, Финикию, Киликию, Галатию и Софену. Землями же, которые ещё остались у него, пусть он владеет, выплатив римлянам за нанесенную обиду, 7 тыс. талантов, а царем в Софене будет его сын. Эти условия Тигран охотно принял, и тогда римляне приветствовали его, как подобает царю, а Тигран, чрезвычайно обрадованный, обещал дать каждому воину по полмины серебра, центуриону по десяти мин, трибуну по таланту. Сын, напротив, сильно досадовал и когда его пригласили на угощение, заявил, что не нуждается в таких почестях со стороны Помпея, ибо может найти себе другого римлянина. Тогда Помпей велел наложить на него оковы и содержать в тюрьме для триумфа. Немного спустя Фраат, царь парфян, прислал к Помпею послов, требуя выдачи молодого Тиграна как своего зятя и предлагая считать границей обеих держав Евфрат. Помпей отвечал, что Тигран больше родственник отцу, чем тестю, а что касается границы, то она будет установлена по справедливости.

34. Затем Помпей оставил Афрания для охраны Армении, а сам, не видя иного выхода, направился преследовать Митридата через земли, населенные кавказскими племенами. Самые многочисленные из этих племен — альбаны и иберы; область иберов простирается до Московских гор и Эвксинского понта, а альбаны живут к востоку до Каспийского моря. Альбаны сперва согласились пропустить Помпея через их страну. Но, когда зима застигла римское войско в этой земле и римляне справляли праздник Сатурналий [17 декабря 66 г. до н.э.], альбаны, собравшись числом... 40 тыс., переправились через реку Кирн [нын. Курá] и напали на них. Река Кирн берёт начало с Иберийских гор, принимает в себя Аракс, текущий из Армении, и затем впадает 12-ю устьями в Каспийское море. Некоторые, однако, утверждают, что Кирн не сливается с Араксом, но сам по себе, хотя и очень близко от Аракса, впадает в то же море. Помпей спокойно позволил варварам совершить переправу, хотя мог воспрепятствовать ей. Затем он напал на врагов и обратил их в бегство, многих перебив. Когда царь альбанов через послов попросил пощады, Помпей простил ему обиду и, заключив мир, двинулся против иберов. Последние не уступали по численности альбанам, но были гораздо воинственнее; они горели желанием показать свою преданность Митридату и прогнать Помпея. Иберы не были подвластны ни мидийцам, ни персам; им удалось даже избежать власти македонян, так как Александр слишком быстро должен был отступить из Гиркании. Однако Помпей разгромил и их в большом сражении, перебив 9 тыс. и взяв в плен больше 10 тыс. человек. После этого он вторгся в Колхиду. Здесь на реке Фасид его встретил Сервилий во главе флота, который охранял Эвксинский понт.

35. Преследование Митридата, который скрылся в области племен, живущих на Боспоре и вокруг Мэотиды, представляло большие затруднения. Кроме того, Помпей получил известие о новом бунте альбанов. В раздражении и гнев Помпей повернул назад, против них; он снова перешел реку Кирн — с трудом и подвергая войско опасности, ибо варвары возвели на реке длинный частокол. Так как ему предстоял долгий... путь на безводной местности, он приказал наполнить водой 10 тыс. бурдюков. Выступив против врагов, Помпей нашел их у реки Абанта² уже построившимися в боевой порядок. Войско варваров состояло из 60 тыс. пехотинцев и 12 тыс. всадников; однако большинство воинов было плохо вооружено и одето в звериные шкуры. Во главе войска стоял брат царя по имени Косид; он, как только дело дошло до рукопашной, напав на Помпея, метнул в него дротик и попал в створку панциря. Помпей же, пронзив его копьём, убил на месте. В этой битве, как передают, на стороне варваров сражались также амазонки, пришедшие с гор у реки Фермодонта. Действительно, после битвы, когда римляне стали грабить тела убитых варваров, им попадались щиты и котурны амазонок, однако ни одного трупа женщины не было замечено. Амазонки живут в той части Кавказа, что простирается до Гирканского моря, однако они не граничат с альбанами непосредственно, но между ними обитают *гелы* и *леги*³. С этими племенами они ежегодно встречаются на реке Фермодонте и проводят с ними вместе два месяца, а затем удаляются в свою страну и живут там сами по себе, без мужчин.

36. После этой битвы Помпей намеревался пройти до Каспийского моря, но вынужден был повернуть назад из-за множества ядовитых пресмыкающихся, хотя находился от моря на расстоянии всего трех дней пути. Затем он отступил в Малую Армению. Царям элимеев и мидийцев в ответ на их посольства Помпей отправил дружественные послания. Против парфянского царя, который совершил вторжение в Гордиену и разорял подвластные Тиграну племена, Помпей послал войско во главе с Афранием. Последний изгнал парфян и преследовал их вплоть до Арбелитиды.

Из всех захваченных в плен наложниц Митридата Помпей не сошёлся ни с одной, но всех их отослал родителям и родственникам. Ведь большинство их были дочери полководцев и правителей. Только Стратоника, которая имела наибольшее влияние на царя и которая управляла одной из крепостей с самыми богатыми сокровищами, была, по-видимому, дочерью какого-то старо-

¹ *Китара* — головной убор персидских царей.

² Приток Куры, возможно, нынешняя Алазань.

³ *Амазонки* и их соседи *гелы* и *леги* — народы сказочные, как и река Фермодонт, которая искусственно отождествлялась античными географами с разными речками то каспийского, то черноморского бассейна.

го и бедного арфиста. Играя на арфе однажды во время ужина, она сразу произвела на Митридата столь сильное впечатление, что, забрав её с собою, он отправился в опочивальню, а старика отослал домой, раздражённого тем, что у него не спросили в вежливой форме разрешения. Однако, проснувшись на следующее утро, отец увидел в своей комнате столы с серебряными и золотыми кубками и толпу слуг, евнухов и мальчиков, протягивавших ему драгоценные одежды; перед дверью стоял конь, украшенный роскошной сбруей, подобно коням, принадлежащим друзьям царя. Полагая, что это шутка, что над ним издеваются, старик собирался уже выбежать за дверь, но слуги задержали его, объявив, что царь подарил ему большой дом недавно умершего богача и эти дары только начатки и малый образец остального добра и сокровищ, которые его ожидают. В конце концов, насилу поверив своему счастью и надев на себя пурпурную одежду, старик, вскочил на коня и поскакал по городу с криком: «Всё это моё!» Людям, которые смеялись над ним, он говорил, что не этому должны они удивляться, а тому, что он, обезумев от радости, не бросает в них камнями. Такой-то вот породы и крови¹ была Стратоника. Она не только передала Помпею крепость, но и поднесла много подарков; из них Помпей принял лишь те, которые могли служить украшением храмов или годились для его триумфа, всем же остальным велел ей владеть на здоровье. Также он передал квесторам для государственного казначейства ложе, стол и трон — всё из золота, которые ему прислал царь иберов с просьбою принять в дар.

37. В Новой крепости Помпей нашёл тайные записи Митридата и прочёл их не без удовольствия, так как в них содержалось много сведений, объясняющих характер этого царя. Это были воспоминания, из которых явствовало, что царь среди многих других отравил и собственного сына Ариарата, а также Алкея из Сард за то, что тот победил его на конских ристаниях. Кроме того, там находились толкования сновидений, которые видел сам царь и некоторые из его жён; затем непристойная переписка между ним и Мониной. По словам Феофана, среди бумаг была найдена записка Рутилия, побуждающая царя к избиению римлян в Азии. Большинство писателей разумно считает это злостной выдумкой Феофана, который ненавидел Рутилия, может быть, из-за того, что тот представлял по характеру полную ему противоположность; возможно также, что Феофан хотел оказать услугу Помпею, отца которого Рутилий изобразил в своей истории величайшим негодяем.

38. Из Новой крепости Помпей прибыл в Амик. Здесь под влиянием своего безмерного честолюбия он совершил поступки, достойные порицания. Ведь прежде он сам издевался над Лукуллом за то, что тот, — хотя враг не был ещё добит, — раздавал награды и почести, как обычно делают победители по окончании войны. А теперь, — хотя Митридат ещё был владыкой на Боспоре и располагал боеспособным войском, — Помпей сам поступал точно так же: распоряжался провинциями (как будто с врагом уже было покончено) и раздавал награды, когда к нему во множестве являлись полководцы и владетели; он награждал и двенадцать варварских царьков. В угоду последним Помпей не захотел в ответной грамоте парфянскому царю обратиться к нему, величая титулом «царь царей», как это делали при обращении остальные. Теперь им овладело бурное стремление захватить Сирию и проникнуть через Аравию к Красному морю, чтобы победоносно достигнуть Океана, окружающего со всех сторон обитаемый мир. Ведь и в Африке он первый дошел с победой до Внешнего моря, и в Испании сделал Атлантический океан границей Римской державы, — а незадолго до того, преследуя албанов, едва не дошел до Гирканского моря. Итак, Помпей решил снова выступить с войском, чтобы замкнуть Красным морем круг своих походов; кроме того, он видел, что к Митридату трудно подступиться с оружием и что при бегстве он опаснее, чем в сражении.

39. Объявив, что он обречёт царя в жертву врагу более страшному, чем он сам, — голоду, Помпей своим флотом преградил путь купеческим кораблям в Босфор. Тем, кто будет пойман при попытке прорвать заслон, было объявлено наказание — смертная казнь. Затем во главе большей части войска Помпей выступил в поход. Найдя ещё не погребённые тела тех, кто пал во главе с Триарием в несчастном сражении² с Митридатов, Помпей приказал похоронить их всех с почётом и пышностью (это упущение Лукулла, видимо, особенно возбудило против него ненависть воинов). Афраний подчинил обитавших у подножья Амана арабов, а сам Помпей между тем спустился в Сирию и под предлогом отсутствия в ней законных царей объявил эту страну провинцией и достоинством римского народа. Помпей покорил также Иудею и захватил в плен царя Аристобула. Что касается городов, то многие он основал, а многие освободил, подвергая наказанию тиранов, захвативших их. Больше всего времени он посвящал разбирательству судебных дел, улаживая споры городов и царей. Куда он сам не мог прибыть, он посылал своих друзей. Так, он послал трех посредников и третейских судей к армянам и парфянам, которые попросили его решить их спор об одной области. Действительно, слава его могущества была велика, но не меньшей была и слава его справедливости и милосердия. Эта его слава покрывала большинство проступков его друзей и доверенных лиц, так как по натуре он был неспособен обуздывать или карать провинившихся. Сам же он оказывал такой ласковый прием всем, кто имел с ним дело, что обиженные легко забывали и прощали алчность и грубость его помощников...

41. Царь петрейских арабов сначала ни во что не ставил римлян, а теперь в сильном испуге отправил Помпею послание, извещая о своей готовности во всем ему подчиниться. Желая укрепить такое настроение царя, Помпей двинулся к Петре. Многие порицали Помпея за этот поход, считая его лишь предлогом для отказа от преследования Митридата, и требовали, чтобы Помпей обратился теперь против этого старинного врага, вновь воспрянувшего духом и собиравшего силы. Как сообщали, Митридат готовился вести свое войско в Италию через земли скифов и эпонийцев. Однако Помпей полагал, что ему будет легче разбить войско Митридата в открытом бою, чем захватить его в бегстве; поэтому он не желал напрасно тратить силы на преследование врага и проводил другие военные начинания, умышленно замедляя ход событий. Сама судьба счастливо разрешила это затруднение. Когда Помпею оставалась лишь небольшая часть пути до Петры и на этот день уже был разбит лагерь, а Помпей упражнялся близ него в верховой езде, прибыли гонцы из Понта с радостной вестью. Об этом можно было судить по наконечникам их копий, которые были обвиты лаврами. Лишь только воины заметили лавры, они стали собираться к Помпею. Последний хотел сперва закончить свои упражнения, но воины начали кричать и так настоятельно требовали, чтобы он прочитал донесения, что он, соскочив с коня, отправился с ними в лагерь. В лагере не было готового возвышения для полководца и даже походного не успели соорудить (его обычно складывают из плотных кусков дерна), но воины поспешно, с чрезмерным усердием стацили в одно место вьючные седла и сделали из них возвышение. Помпей поднялся на него и сообщил воинам о смерти Митридата, который покончил с собой, после того как его собственный сын Фарнак поднял против него восстание. Фарнак овладел всем, что принадлежало его отцу, и написал Помпею, что он сделал это ради него и римского народа.

42. Эта весть, как и следовало ожидать, чрезвычайно обрадовала войско; воины приносили жертвы и устраивали угощения, как будто в лице Митридата погибли десятки тысяч врагов. Помпей счастливо закончил теперь все свои дела и походы, хотя и не надеялся, что это произойдет так легко, и тотчас возвратился из Аравии. Затем, быстро проследовав через лежащие по пути провинции, он прибыл в Амик, где нашел множество присланных Фарнаком подарков и многочисленные трупы членов царской се-

¹ Ироническая реминисценция из «Илиады» (VI, 211), где Главк заключает свою родословную словами: «Вот и порода и кровь, каковыми тебе я хвалюся».

² При Зеле в 67 г. до н.э. (см.: Плутарх, Лукулл, 35).

ми. Среди них находился и труп самого Митридата, который трудно было опознать (потому что слуги при бальзамировании за- были удалить мозг); однако те, кому поручили произвести осмотр, опознали царя по шрамам. Что касается Помпея, то он не решился посмотреть на тело Митридата, но, чтобы умиловать гнев карающего божества, тотчас велел отослать труп в Синопу. Однако Помпей с удивлением рассматривал одежды, которые носил царь, и его великолепное драгоценное оружие. Ножны от меча Митридата стоимостью в 400 талантов некий Публий украл и продал Ариарату, а изумительной работы китару Гай, выросший с Митридатом, тайно передал сыну Суллы Фавсту, который его об этом просил. Но Помпей тогда ничего не узнал, Фарнак же открыл пропашу и наказал похитителей.

Устроив и приведя в порядок азиатские дела, Помпей с необычайной пышностью направился в обратный путь. По прибытии в Митилену он объявил город свободным ради Феофана и присутствовал там на учрежденном в старину состязании поэтов, единственной темой которого в тот раз было прославление его подвигов. Театр в Митилене так понравился Помпею, что он велел снять план его, чтобы построить в Риме подобное же здание, но большего размера и более великолепное. На Родосе он слушал выступления всех софистов и подарил каждому по таланту. Посидоний записал свою лекцию об изобретении вообще¹, читанную им в присутствии Помпея и направленную против риторика Гермагора. В Афинах Помпей выказал подобную же щедрость по отношению к философам; на восстановление города он пожертвовал 50 талантов. Он надеялся возвратиться в Италию с такой славой, какой не стяжал до него ни один человек, и страстно желал, чтобы его семья встретила его с такими же чувствами, какие он сам питал к ней. Однако божество всегда ревниво старается примешивать к блестящим и великим дарам судьбы некоторую частицу невзгод; оно уже давно подстерегало Помпея, готовясь испортить ему счастливое возвращение. Супруга Помпея — Муция — в его отсутствие нарушила супружескую верность. Пока Помпей находился далеко, он не обращал внимания на доходившие до него слухи, но теперь, вблизи Италии, видимо, имея время более тщательно обдумать дело, он послал Муции разводное письмо. Ни тогда, ни впоследствии он не объяснил причины развода...

43. В Риме шли о Помпее всевозможные слухи, и ещё до его прибытия поднялось сильное смятение, так как опасались, что он поведёт тотчас свое войско на Рим и установит твердое единовластие. Красс, взяв с собой детей и деньги, уехал из Рима, оттого ли, что он действительно испугался, или, скорее, желая дать пищу клевете, чтобы усилить зависть к Помпею. Помпей же тотчас по прибытии в Италию собрал на сходку своих воинов. В подходящей к случаю речи он благодарил их за верную службу и приказал разойтись по домам, помня о том, что нужно будет вновь собраться для его триумфа. После того, как войско таким образом разошлось и все узнали об этом, случилось нечто совершенно неожиданное. Жители городов видели, как Помпей Магн без оружия, в сопровождении небольшой свиты, возвращается, как будто из обычного путешествия. И вот из любви к нему они толпами устремлялись навстречу и провожали его до Рима, так что он шёл во главе большей силы, чем та, которую он только что распустил. Если бы он задумал совершить государственный переворот, для этого ему вовсе не нужно было бы войска.

44. Так как закон не разрешал триумфатору перед триумфом вступать в город, то Помпей послал сенату просьбу оказать ему услугу и отложить выборы консулов, чтобы он мог своим присутствием содействовать избранию Пизона. Катон выступил против этого, и план Помпея на этот раз не удался. Помпей удивлялся смелости и настойчивости, с какими этот человек, один, открыто выступил в защиту права, и пожелал любым способом привлечь его на свою сторону. У Катона было две племянницы, и Помпей намеревался сам жениться на одной, а другую дать в жены своему сыну. Катон, однако, заподозрил здесь хитрость, поняв, что его хотят некоторым образом подкупить. Но его сестра и жена досадовали на то, что он отверг свойство с Помпеем Магном. Между тем Помпей, желая сделать консулом Афрания, роздал за него много денег по центуриям², и граждане приходили за деньгами в сады Помпея. Дело это получило огласку, и Помпей стал подвергаться нападкам за то, что высшую должность, которой сам добился своими великими деяниями, сделал продажной для тех, кто не мог завоевать её доблестью. Катон сказал тогда своим женщинам: «Этот позор должны будут разделить те, кто вступит в родство с Помпеем». И женщины согласились, что Катон лучше их судит о том, что прилично и что подобает.

45. Триумф Помпея был столь велик, что, хотя и был распределён на два дня, времени не хватило и многие приготовления, которые послужили бы украшению любого другого великолепного триумфа, выпали из программы зрелища. На таблицах, которые несли впереди, были обозначены страны и народы, над которыми справлялся триумф: Понт, Армения, Каппадокия, Пафлагония, Мидия, Колхида, иберы, альбаны, Сирия, Киликия, Месопотамия, племена Финикии и Палестины, Иудея, Аравия, а также пираты, окончательно уничтоженные на суше и на море. В этих странах было взято не менее тысячи крепостей и почти 900 городов, у пиратов было захвачено 800 кораблей, 39 опустошенных городов были заселены вновь. Кроме того, на особых таблицах указывалось, что доходы от податей составляли до сих пор 50 млн. драхм, тогда как завоеванные им земли принесут 85 миллионов. Помпей внес в государственную казну чеканной монеты и серебряных и золотых сосудов на 20 тыс. талантов, не считая того, что он роздал воинам, причем получившему самую меньшую долю досталось 1500 драхм. В триумфальной процессии, не считая главарей пиратов, вели как пленников сына Тиграна, царя Армении, вместе с женой и дочерью, жену самого Тиграна, Зосиму, царя иудеев Ариостубула, сестру Митридата, пятерых его детей и скифских жен; затем вели заложников, взятых у альбанов, иберов и царя Коммагены. Было выставлено множество трофеев, в целом равное числу побед, одержанных самим Помпеем и его полководцами. Но что больше всего принесло славы Помпею, что ни одному римлянину ещё не выпадало на долю, это то, что свой третий триумф он праздновал за победу над третьей частью света. До него и другие трижды справляли триумф, но Помпей получил первый триумф за победу над Африкой, второй — над Европой, а этот последний — над Азией, так что после трех его триумфов создавалось впечатление, будто он некоторым образом покорил весь обитаемый мир.

46. Помпею тогда не было еще, как утверждают писатели, во всем сравнивающие и сближающие его с Александром, тридцати четырех лет; в действительности же возраст его приближался к сорока³. Каким счастьем было бы для него как раз тогда окончить свою жизнь, когда ему ещё сопутствовала Александрова удача. Вся остальная его жизнь приносила ему либо успехи, навлекавшие на него зависть и ненависть, либо непоправимые несчастья...

¹ Имеется в виду лекция о подборе материала для речи (это один из пяти основных разделов риторики — науки, только что реформированной Гермагором Темносским).

² Так назывались подразделения триб, избирательных округов, каждый из которых подавал в собрании один голос.

³ В год триумфа (61 г. до н.э.) Помпею было 45 лет.

1. Мать Цицерона, Гельвия, была... женщина хорошего происхождения и безупречной жизни, но об отце его не удалось узнать ничего определенного и достоверного. Одни говорят, будто он и появился на свет и вырос в мастерской сукновала¹, другие возводят его род к Туллу Аттию, который со славою царил над *вольсками* и, не щадя сил, вёл войну против Рима. Первый в роду, кто носил прозвище Цицерона, был, видимо, человек незаурядный, ибо потомки его не отвергли этого прозвища, но, напротив, охотно сохранили, хотя оно и давало повод для частых насмешек. Дело в том, что слово *cicer* в латинском языке обозначает горох, и, вероятно, у того Цицерона кончик носа был широкий и приплюснутый — с бороздкою, как на горошине. Когда Цицерон, о котором идёт наш рассказ, впервые выступил на государственном поприще и искал первой в своей жизни должности, друзья советовали ему переменить имя, но он, как рассказывают, с юношеской запальчивостью обещал постараться, чтобы имя Цицерон звучало громче, чем Скавр или Катул². Позже, когда он служил квестором в Сицилии, он как-то сделал богам священное приношение из серебра и первых два своих имени, Марк и Туллий, велел написать, а вместо третьего просил мастера в шутку рядом с буквами вырезать горошину...

2. ...Кормилице его явился призрак и возвестил, что она выкормит великое благо для всех римлян. Все считали это вздором, сонным видением, но Цицерон быстро доказал, что пророчество было неложным: едва войдя в школьный возраст, он так ярко заблистал своим природным даром и приобрел такую славу среди товарищей, что даже их отцы приходили на занятия, желая собственными глазами увидеть Цицерона и убедиться в его без конца восхваляемой понятливости и способностях к учению, а иные, более грубые и неотесанные, возмущались, видя, как на улице их сыновья уступают ему среднее, самое почетное место...

3. Завершив школьные занятия, Цицерон слушал академика Филона: среди последователей Клитомаха он больше всех внушал римлянам восхищение и любовь не только своим учением, но и нравом. Вместе с тем молодой человек входил в круг друзей Муция, видного государственного мужа и одного из самых влиятельных сенаторов, что принесло ему глубокие познания в законах. Некоторое время служил он и в войске — под начальством Суллы, в Марсийскую войну. Но затем, видя, что надвигаются мятежи и усобицы, а следом за ними — неограниченное единовластие, он обратился к жизни тихой и созерцательной, постоянно бывал в обществе учёных греков и усердно занимался науками, до тех пор пока Сулла не вышел из борьбы победителем и государство, как казалось тогда, не обрело вновь некоторой устойчивости.

В это время вольноотпущенник Суллы Хрисогон назначил к торгам имение одного человека, объявленного вне закона и убитого, и сам же его купил всего за 2 тыс. драхм. Росций, сын и наследник умершего, в негодовании доказывал, что поместье стоит 250 талантов³, и тогда Сулла, обозлённый этим разоблачением, через Хрисогона обвинил Росция в отцеубийстве и привлёк к суду. Никто не хотел оказать помощь юноше — все страшились жестокости Суллы, — и, видя себя в полном одиночестве, он обратился к Цицерону, которому друзья говорили, что более блестящего, более прекрасного случая начать путь к славе ему не представится. Цицерон взял на себя защиту и, к радостному изумлению сограждан, дело выиграл, но, боясь мести Суллы, сразу же уехал в Грецию, распуслав слух, будто ему надо поправить здоровье...

4. В Афинах Цицерон... учился с огромным усердием, намереваясь, в случае если все надежды выступить на государственном поприще будут потеряны, переселиться в Афины, забыть о форуме и о делах государства и проводить жизнь в покое, целиком отдавшись философии. Но когда он получил известие о смерти Суллы, — а к этому времени и тело его, закалённое упражнениями, окрепло и поздоровело, и голос, приобретя отделанность, стал приятным для слуха, мощным и, главное, соразмерным телесному его сложению, — а друзья из Рима принялись засыпать его письмами, убеждая вернуться..., Цицерон снова взялся за красноречие, оттачивая его, словно оружие, и пробуждая в себе способности, необходимые в управлении государством. Он старательно работал и сам, и посещал знаменитых ораторов, предприняв ради этого путешествие в Азию и на Родос. Среди азийских ораторов он побывал у Ксенокла из Адрамиттия, Дионисия Магнесийского и карийца Мениппа, а на Родосе — у оратора Аполлония, сына Молона, и философа Посидония. Рассказывают, что Аполлоний, не знавший языка римлян, попросил Цицерона произнести речь по-гречески. Тот охотно согласился, считая, что так Аполлоний сможет лучше указать ему его изъяны. Когда он умолк, все присутствующие были поражены и наперебой восхваляли оратора, лишь Аполлоний и, слушая, ничем не выразил удовольствия, и после окончания речи долго сидел, погружённый в какие-то тревожные думы. Наконец, заметив, что Цицерон опечален, он промолвил: «Тебя Цицерон, я хвалю и твоим искусством восхищаюсь, но мне больно за Грецию, когда я вижу, как единичные наши преимущества и последняя гордость — образованность и красноречие — по твоей вине тоже уходят к римлянам».

5. ...Вернувшись в Рим, Цицерон первое время держал себя очень осторожно и не спешил домогаться должностей, а потому не пользовался никаким влиянием и часто слышал за спиною: «Грек!», «Учёный!» — самые обычные и распространенные среди римской черни бранные слова. Но так как по натуре он был честолобив, а отец и друзья ещё разжигали в нем это свойство, он стал выступать защитником в суде и достиг первенства не постепенно, но сразу, стяжавши громкую известность и затмив всех, кто ни подвизался на форуме...

6. Цицерон был избран квестором как раз в ту пору, когда в Риме не хватало хлеба, и, получив по жребию Сицилию, сперва пришелся не по душе сицилийцам, которых заставлял посылать продовольствие в столицу; затем, однако, они узнали его ревностное отношение к службе, его справедливость и мягкость и оказали ему такие почести, каких никогда не оказывали ни одному из правителей. А когда много знатных молодых римлян, служивших в войске, предстали перед судом сицилийского претора — их обвиняли в неповиновении начальникам и недостойном поведении, — Цицерон блестящей защитительной речью спас обвиняемых. Гордый всеми своими успехами Цицерон возвращался в Рим, и по пути... с ним произошел забавный случай. В Кампании ему встретился один видный римлянин, которого он считал своим другом, и Цицерон, в уверенности, что Рим полон славою его имени и деяний, спросил, как судят граждане об его поступках. «Погоди-ка, Цицерон, а где же ты был в последнее время?» — услышал он в ответ, и сразу же совершенно пал духом, ибо понял, что молва о нем потерялась в городе, словно канула в безбрежное море, так ничего и не прибавив к прежней его известности...

8. ...У него было хорошее поместье близ Арпина и два небольших имения, одно подле Неаполя, другое около Помпей. Кроме того в приданое за своей супругой Теренцией он взял 120 тыс. драхм и ещё 90 тыс. получил от кого-то по завещанию. На эти средства он жил и широко и, вместе с тем, воздержно, окружив себя учеными греками и римлянами, и редко когда ложился к сто-

¹ Обычный наговор политических врагов, в данном случае — Фуфия Калена.

² *Скавр* и *Катул* — такие же родовые прозвища в знатных домах Эмилиев и Лутациев. Плиний сопоставлял «гороховое» имя Цицерона с «бобовым» Фабиев и «чечевиичным» Лентулов (от слов *faba*, *lens*).

³ Т.е. в 750 раз дороже, чем вышеупомянутое имение было куплено.

лу до захода солнца — не столько за недосугом, сколько по нездоровью, опасаясь за свой желудок. Он и вообще необычайно строго следил за собою, и ни в растираниях, ни в прогулках никогда не преступал назначенной врачом меры. Таким образом он укреплял свое тело, делая его невосприимчивым к болезням и способным выдерживать многочисленные труды и ожесточённую борьбу. Отцовский дом он уступил брату, а сам поселился у Палатина, чтобы не обременять далекими хождениями тех, кто желал засвидетельствовать ему свою преданность, ибо к дверям его что ни день являлось не меньше народу, чем к Крассу или Помпею, которых тогда чтили как никого в Риме, первого — за богатство, второго за огромное влияние в войске. Да и сам Помпей оказывал Цицерону знаки уважения, и деятельность Цицерона во многом способствовала росту его славы и могущества.

9. Должности претора Цицерон искал вместе со многими значительными людьми и всё же был избран первым [т.е. собрал больше всего голосов]. По общему мнению, он был безукоризненным и очень умелым судьёю. Среди прочих, как сообщают, он разбирает дело Лициния Макра, обвинявшегося в казнокрадстве. Лициний, и сам по себе далеко не последний в Риме человек, и к тому же пользовавшийся поддержкою Красса, твердо полагался на собственную силу и усердие друзей, а потому, когда судьи ещё только подавали голоса, отправился домой, поспешно постригся, надел, словно бы уже оправданный, белую тогу, и пошел было обратно на форум, но у дверей дома его встретил Красс и сообщил, что он осужден единогласно. Лициний вернулся к себе, лег в постель и умер. Этот случай принес новую славу Цицерону, выполнившему свой долг с таким усердием и строгостью...

Цицерону оставалось всего два или три дня до выхода из должности, когда кто-то подал ему жалобу на Манилия, обвиняя его в хищениях. К этому Манилию народ относился с благосклонностью и горячим сочувствием, в уверенности, что его преследуют из-за Помпея: они были друзьями. Манилий просил отсрочки, но Цицерон дал ему всего один, следующий день. Народ был возмущен, потому что как правило преторы давали обвиняемым по меньшей мере десять дней. Народные трибуны привели Цицерона на ораторское возвышение и заявили, что он поступает недобросовестно, однако Цицерон, попросив слова, объяснил, что всегда бывал снисходителен и мягок с ответчиками — насколько, разумеется, позволяли законы, — а потому считал несправедливым лишить Манилия такого преимущества и умышленно отвёл для разбирательства тот единственный день, на который ещё распространяется его власть претора: оставить дело другому судье отнюдь не означало бы желания помочь. Эти слова вызвали в чувствах народа мгновенную перемену. Все шумно восхваляли Цицерона и просили его взять на себя защиту Манилия. Тот охотно согласился (главным образом — в угоду Помпею, которого тогда не было в Риме) и, снова выступив перед народом, сказал речь, полную горячих нападок на приверженцев олигархии и завистников Помпея.

10. И всё же консульской должностью [Цицерон] был обязан сторонникам аристократии не меньше, нежели народу. Обе стороны оказали ему поддержку ради блага государства и вот по какой причине. Новшества, внесенные Суллою в государственное устройство, вначале представлялись нелепыми и даже чудовищными, но к тому времени уже сделались привычными и приобрели в глазах народа немалые достоинства. Но были люди, которые, преследуя цели сугубо своекорыстные, стремились потрясти и переменить существующий порядок вещей, пока — как они рассуждали — Помпей ещё воюет с царями Понтийским и Армянским, а в Риме нет никакой силы, способной оказать противодействие тем, кто жаждет переворота. Во главе их стоял Луций Катилина, человек дерзких и широких замыслов и коварного нрава. Не говоря уже о других крупных преступлениях, его обвиняли в том, что он лишил девственности собственную дочь и убил родного брата; из страха перед карою за второе из этих злодеяний он уговорил Суллу¹ включить убитого в список осуждённых на смерть, словно тот был ещё жив. Поставив его над собою вожаком, злодеи поклялись друг другу в верности, а в довершение всех клятв закололи в жертву человека и каждый отведал его мяса. Катилина развратил немалую часть римской молодежи, постоянно доставляя юношам всевозможные удовольствия, устраивая попойки, сводя их с женщинами и щедро снабжая деньгами на расходы. К мятежу была готова вся Этрурия и многие области Предальпийской Галлии. Впрочем, на грани переворота находился и Рим — из-за имущественного неравенства: самые знатные и высокие семьи разорились, издержав всё на театральные игры, угощения, постройки и честолюбивые замыслы, и богатства стеклись в руки людей низкого происхождения и образа мыслей, так что любой смельчак лёгким толчком мог опрокинуть государство, уже разъеденное недугом изнутри.

11. Тем не менее Катилина хотел обеспечить себе надежную исходную позицию и потому стал домогаться консульства. Он тешил себя надеждою, что в товарищи по должности получит Гая Антония, который сам не был способен направить дела ни в лучшую ни в худшую сторону, но под чужим водительством увеличил бы силу вожда. Отчетливо это предвидя, почти все лучшие граждане оказывали поддержку Цицерону, а так как и народ встретил его искания с полной благосклонностью, Катилина потерпел неудачу, избраны же были Цицерон и Гай Антоний, несмотря на то что среди всех соискателей один лишь Цицерон был сыном всадника, а не сенатора.

12. Замыслы Катилины оставались пока скрытыми, и всё же консульство Цицерона началось с тяжёлых — хотя ещё только предварительных — схваток. Во-первых, те, кому законы Суллы закрывали путь к управлению государством (а такие люди были и многочисленны, и не бессильны²), притязали тем не менее на высшие должности; они заискивали у народа и осыпали тиранию Суллы обвинениями, и верными и справедливыми, но до крайности несвоевременными — колебавшими основы существующего порядка. Во-вторых, народные трибуны³, преследуя те же цели, предлагали избрать десять человек, наделить их неограниченными полномочиями и подчинить их власти Италию, Сирию и все недавно присоединенные Помпеем земли, предоставив этим десяти право пускать в продажу общественные имущества, привлекать к суду и отправлять в изгнание всех, кого они сочтут нужным, выводить колонии, требовать деньги из казначейства, содержать войска, — сколько бы ни потребовалось, — и производить новые наборы. Именно поэтому многие видные люди сочувствовали предложению трибунов, а больше всех — Антоний, товарищ Цицерона по консульству, рассчитывавший войти в число десяти. Предполагали, что он осведомлён и о заговорщических планах Катилины, но, обременённый огромными долгами, молчит; последнее обстоятельство внушало лучшим гражданам особенно сильный страх. Прежде всего, Цицерон считал необходимым убогатворить этого человека и дал ему в управление Македонию, сам одновременно отказавшись от Галлии, и этим благодеянием заставил Антония, словно наёмного актера, играть при себе вторую роль на благо и во спасение государства. Прибравши Антония к рукам, Цицерон тем решительнее двинулся в наступление на тех, кто лелеял мысль о перевороте. В сенате он произнес речь против нового законопроекта и так испугал его составителей, что они не посмели возразить ему ни единым словом. Когда же они взялись за дело сызнова и, приготовившись к борьбе, вызвали консулов в Собрание, Цицерон, нимало не оробев и не растерявшись, предложил всем сенаторам следовать за собою, появился во главе сена-

¹ Все античные представления о Катилине восходят к речам Цицерона и историческому сочинению Саллюстия, поэтому они полны враждебных передержек, которые Плутарх принимает за чистую монету.

² Имеются в виду сыновья тех, кто Суллою был объявлен вне закона.

³ Речь идет об аграрном законопроекте П. Сервилия Рулла, народного трибуна 64 г. до н.э.; Цицерон произнес против него 4 речи, из которых 3 сохранились. Рулл взял свое предложение обратно, так и не поставив на голосование.

та перед народом и не только провалил законопроект, но и принудил трибунов отказаться от всех прочих планов — до такой степени подавило их его красноречие.

13. Цицерон, как никто другой, показал римлянам, сколько сладости сообщает красноречие прекрасному, научил их, что справедливое неодолимо, если выражено верными и точными словами, и что разумному государственному мужу в поступках своих надлежит неизменно предпочитать прекрасное утешительному, но в речах — внушать полезные мысли, не причиняя боли. Сколько пленяющего очарования было в собственных речах Цицерона, показывает одно небольшое происшествие, случившееся в его консульство. Прежде всадники сидели в театрах вперемешку с народом, где придется, и первым, кто, в знак уважения к этому сословию, отделил их от прочих граждан, был претор Марк Отон, назначивший всадникам особые места, которые они удерживают за собою и по сей день. Народ увидел в этом прямую для себя обиду и, когда Отон появился в театре, встретил его свистом, всадники же, напротив, принялись рукоплескать претору. Народ засвистал ещё сильнее, но и всадники рукоплескали все громче. Наконец, посыпались взаимные оскорбления, и весь театр был охвачен беспорядком. Тут пришел Цицерон, вызвал народ из театра, собрал его у храма Беллоны, и, выслушав укоры и увещания консула, все вернулись в театр и с восторгом рукоплескали Отону, состязаясь с всадниками в изъяснении лучших к нему чувств.

14. Заговорщики были сперва не на шутку испуганы, но затем успокоились, ободрились и снова стали устраивать сборища, призывая друг друга смелее браться за дело, пока нет Помпея, который, как шел слух, уже пустился в обратный путь вместе с войском. Горячее других подстрекали Катилину к выступлению бывшие воины Суллы. Они осели по всей стране, однако главная их часть, и к тому же самые воинственные, были рассыпаны по этрусским городам, и теперь эти люди снова мечтали о грабежах и расхищении богатств, которые словно бы сами просились им в руки. Во главе с Манлием, прекрасно воевавшим в свое время под начальством Суллы, они примкнули к Катилине и явились в Рим, чтобы оказать ему поддержку на выборах: Катилина снова домогался консульства и замышлял убить Цицерона, возбудив смуту при подаче голосов. Казалось, что само божество возвещало о происходивших в те дни событиях колебанием земли, ударами молний и всевозможными видениями. Что же касается свидетельств, поступавших от различных людей, то, хотя они и отличались надежностью, всё же их было недостаточно, чтобы изблечь такого знатного и могущественного человека, как Катилина. Поэтому Цицерон отложил выборы, вызвал Катилину в сенат и спросил его, что думает он сам о носящихся повсюду слухах. Тогда Катилина, уверенный, что и в сенате многие с нетерпением ждут переворота, и, вместе с тем, желая блеснуть перед своими сообщниками, дал ответ поистине безумный: «Что плохого или ужасного в моих действиях, — сказал он, — если, видя перед собою два тела — одно тощее и совсем зачахшее, но с головою, а другое безголовое, но могучее и огромное, — я приставляю второму голову?» Услыхав этот прозрачный намек на сенат и народ, Цицерон испугался ещё сильнее и пришел на Поле, надевши панцирь, в окружении всех влиятельных граждан и целой толпы молодых людей, которые сопровождали его от самого дома. Умышленно спустивши с плеч тунику, он выставлял свой панцирь на показ, чтобы всех оповестить об опасности, которая ему угрожает. Народ негодовал и обступал Цицерона тесным кольцом. Кончилось дело тем, что Катилина снова потерпел поражение, а консулами были избраны Силан и Мурена.

15. Немного спустя, когда приверженцы Катилины в Этрурии уже собирались в отряды и день, назначенный для выступления, близился, к дому Цицерона среди ночи пришли трое первых и самых влиятельных в Риме людей — Марк Красс, Марк Марцелл и Метелл Сципион. Постучавшись у дверей, они велели привратнику разбудить хозяина и доложить ему о них. Дело было вот в чем. После обеда привратник Красса подал ему письма, доставленные каким-то неизвестным. Все они предназначались разным лицам, и лишь одно, никем не подписанное, самому Крассу. Его только одно Красс и прочел и, так как письмо извещало, что Катилина готовит страшную резню, и советовало тайно покинуть город, не стал вскрывать остальных, но тут же бросился к Цицерону — в ужасе перед грядущим бедствием и, вместе с тем, желая очистить себя от обвинений, которые падали на него из-за дружбы с Катилиной. Посоветовавшись с ночными посетителями, Цицерон на рассвете созвал сенат и, раздав принесенные с собою письма тем, кому они были направлены, велел прочесть вслух. Все одинаково извещали о злодейском умысле Катилины. Когда же бывший претор Квинт Аррий сообщил об отрядах в Этрурии и пришло известие, что Манлий с большою шайкою бродит окрест этрусских городов, каждый миг ожидая новостей из Рима, сенат принял постановление верить государство охране консулов¹, чтобы те оберегали его, принимая любые меры, какие сочтут нужными. На такой шаг сенат решался лишь в редких случаях, перед лицом крайней опасности.

16. Получив такие полномочия, Цицерон дела за пределами Рима доверил Квинту Метеллу, а на себя принял заботы о самом городе и что ни день появлялся на людях под такой сильной охраною, что, когда приходил на форум, значительная часть площади оказывалась заполненной его провожатыми. Медлить дольше у Катилины не достало твердости, и он решил бежать к Манлию, Марцию же и Цетегу приказал, взяв мечи, проникнуть на заре к Цицерону, — под тем предлогом, что они хотят приветствовать консула, — а затем наброситься на него и убить. Это открыла Цицерону одна знатная женщина, по имени Фульвия², постучавшись к нему ночью с настоятельным советом остерегаться Цетега и его товарищей. А те пришли ранним утром и, когда их не впустили, подняли возмущенный крик у дверей, чем укрепили падавшие на них подозрения. Цицерон созвал сенат в храме Юпитера Остановливающего, которого римляне зовут *Stator*; этот храм воздвигнут в начале Священной улицы, у подъема на Палатин. Вместе с остальными туда явился и Катилина, который был намерен оправдываться, и ни один из сенаторов не пожелал сидеть с ним рядом — все пересели на другие скамьи. Он начал было говорить, но его то и дело прерывали возмущенным криком. В конце концов, поднялся Цицерон и приказал Катилине покинуть город. «Я действую словом, — сказал он, — ты — силою оружия, а это значит, что между нами должна встать городская стена³». Катилина с тремястами вооруженных телохранителей немедленно ушел из Рима, окружил себя, словно должностное лицо, свитою ликторов с розгами и топорами, поднял военные знамена и двинулся к Манлию. Во главе 20 тыс. мятежников он принялся обходить города, склоняя их к восстанию. Это означало открытую войну, и Антоний с войском выступил в Этрурию.

17. Тех совращенных Катилиною граждан, которые оставались в Риме, собирал и убеждал их не падать духом Корнелий Лентул, по прозвищу Сура, человек высокого происхождения, но дурной жизни, изгнанный из сената за беспутство и теперь вторично исполнявший должность претора, как принято у римлян, когда они хотят вернуть себе утраченное сенаторское достоинство. Рассказывают, что прозвище «Сура» он приобрел вот по какому поводу. Во время Суллы он был квестором и промотал много казенных денег. Сулла разгневался и в сенате потребовал у него отчета. Лентул вышел вперед, с видом презрительным и безразличным, и объявил, что отчета не даст, но готов показать голень, — так делают мальчишки, когда, играя в мяч, промахнутся. С тех пор его прозвали Сурой: у римлян это слово *suga* обозначает голень. В другой раз, когда Лентул попал под суд и, подкупивши

¹ Т.е. объявить чрезвычайное военное положение.

² Фульвия узнала о заговоре от своего любовника Кв. Курия, одного из его участников.

³ В дошедшей до нас «I речи против Катилины» этих слов нет.

часть судей, был оправдан всего двумя голосами, он жаловался, что вышла бесполезная трата — ему, дескать, было бы достаточно и большинства в один голос. Этого человека..., распаленного подстрекательствами Катилины, окончательно ослепили пустыми надеждами лежачего и шарлатаны, твердя ему вымышленные прорицания и оракулы, будто бы почерпнутые из Сивиллиных книг и гласящие, что трем Корнелиям назначено судьбою безраздельно властвовать в Риме и над двумя — Цинной и Суллой — предреченное уже сбылось, третий же и последний — он сам: божество готово облечь его единовластием, и нужно, не раздумывая, принять дар богов, а не губить счастливого случая промедлением по примеру Катилины.

18. Лентул... решил перебить весь сенат и сколько удастся из остальных граждан, а самый город спалить дотла и не щадить никого, кроме детей Помпея, которых следовало похитить и держать заложниками, чтобы потом добиться мира с Помпеем, ибо ходил упорный... слух, что он возвращается из своего... похода. Для выступления была назначена одна из ночей Сатурналий [17-21 декабря 63 г. до н.э.] и заговорщики несли к Цетегу и прятали у него в доме мечи, паклю и серу. Выбрали сто человек и, разделив на столько же частей Рим, каждому назначили особую часть, чтобы город запылал сразу со всех концов. Другие должны были закупорить водопроводы и убивать тех, кто попытается достать воды. В эту самую пору в Риме случайно находились два посла племени *аллоброгов*¹, которое тогда особенно страдало от римского владычества... Считая, что, воспользовавшись их помощью, можно возмутить Галлию, Лентул вовлек обоих в заговор и дал им письма к их сенату и к Катилине. Сенату аллоброгов он обещал освобождение, а Катилине советовал объявить волю рабам и двигаться на Рим. Одновременно с аллоброгами письма к Катилине повез некий Тит, родом из Кротона. Но против этих людей, таких ненадежных и опрометчивых, державших совет большей частью за вином и в присутствии женщин, были неустанные труды, трезвый расчет и редкостный ум Цицерона. Многие вместе с ним выслеживали заговорщиков и зорко наблюдали за всем происходившим, многие присоединились к заговору лишь для вида, а на самом деле заслуживали полного доверия и тайно сносились с консулом, который таким образом узнал о совещаниях с чужеземцами. Устроив засаду, он захватил ночью кротонца с письмами, чему исподволь содействовали и сами аллоброги.

19. На рассвете Цицерон собрал сенаторов в храме Согласия, прочитал захваченные письма и предоставил слово избличителям. Среди них был Юний Силан, заявивший, что знает людей, которые собственными ушами слышали слова Цетега, что готовится убийство трёх консулов² и четырех преторов. Подобное же сообщение сделал и бывший консул Пизон. Один из преторов, Гай Сульпиций, отправился к Цетегу домой и обнаружил там груды дротиков и панцирей и несметное число только что наостренных мечей и кинжалов. В конце концов, Лентул был полностью избличен показаниями кротонца, которому сенат за это обещал неприкосновенность. Он сложил с себя власть (мы уже говорили, что в том году Лентул исполнял должность претора), тут же, не выходя из курии, сменил тогу³ с пурпурной каймой на одежду, приличествующую новым его обстоятельствам, и вместе с сообщниками был передан преторам для содержания под стражей, но без оков. Уже смерклось, перед храмом, где заседал сенат, ждала толпа. Появившись перед нею, Цицерон рассказал гражданам⁴ о событиях этого дня, а затем народ проводил его в дом кого-то из друзей, жившего по соседству, ибо собственный его дом находился в распоряжении женщин, справлявших тайные священнодействия в честь богини, которую римляне зовут Доброю, а греки Женскою. Торжественные жертвы ей приносятся ежегодно в доме консула его супругою или матерью при участии дев-весталок. Итак, Цицерон пришёл к соседу и, в окружении очень немногих, стал раздумывать, как поступить со злоумышленниками. Применять самое строгое наказание, которого заслуживали такие проступки, он очень не хотел, прежде всего, по мягкости характера, а затем и опасаясь толков, будто он злоупотребляет властью и обходится слишком сурово с людьми из первых в Риме домов, обладающими, вдобавок, влиятельными друзьями. Поступить же с ними не так круто он просто боялся, зная, что ничем, кроме казни, их не смирить и что, оставшись в живых, они к давней подлости присоединят ещё новую злобу и не остановятся ни пред каким, самым отчаянным преступлением. Да и сам он в этом случае предстал бы перед народом безвольным трусом, тем более что славою храбреца вообще никогда не пользовался.

20. Меж тем как Цицерон не знал, на что решиться, женщинам, приносившим жертву богине, явилось удивительное знамение. Когда огонь на алтаре, казалось, уже совсем погас, из пепла и истлевших углей вдруг вырвался столб яркого пламени, увидевши которое все прочие в страхе разбежались, а девственные жрицы велели супруге Цицерона Теренции, не теряя времени, идти к мужу и сказать, чтобы он смелее выполнял задуманное ради спасения отечества, ибо великим этим светом богиня возвещает Цицерону благополучие и славу. А Теренция, женщина... честолюбивая и, как говорит Цицерон, скорее участвовавшая в государственных заботах своего супруга, чем делившаяся с ним заботами по дому, не только передала консулу слова весталок, но и сама всемерно его ожесточала против Лентула и его сообщников. Подобным же образом действовали его брат Квинт и Публий Нигидий, с которым Цицерона связывали совместные занятия философией и чьи советы он выслушивал почти по всем самым важным вопросам. На другой день сенат решал, какому наказанию подвергнуть заговорщиков, и первым должен был высказаться Силан, который предложил перевести задержанных в тюрьму и применить крайнюю меру наказания. К его мнению присоединились, один за другим, все сенаторы, пока не встал Гай Цезарь... Тогда он был ещё молод и закладывал лишь первые камни в основание будущего своего величия, но уже вступил на ту дорогу, по которой впоследствии привел римское государство к единовластию. Все поступки, все надежды Цезаря согласовывались с основной его целью, которая от остальных оставалась скрытою, Цицерону же внушала сильные подозрения, хотя прямых улик против себя Цезарь не давал. Можно было, правда, услышать толки, будто он едва-едва выскользнул из рук Цицерона, но некоторые утверждают, что консул умышленно оставил без внимания донос, избличавший Цезаря, и не дал ему хода; он боялся его друзей и его силы и считал бесспорным, что скорее заговорщики разделили бы с Цезарем оправдательный приговор, нежели он с ними — осуждение и возмездие.

21. Итак, когда очередь дошла до Цезаря, он поднялся и заявил, что задержанных, как ему кажется, следует не казнить, но развезти по городам Италии, какие выберет Цицерон, и там держать в строгом заключении до тех пор, пока не будет разгромлен Катилина, имущество же их передать в казну. Этому снисходительному и с величайшим мастерством изложенному взгляду немалую поддержку оказал и сам Цицерон. В особой речи⁵ он оценил оба предложения и в чем-то одобрил первое, а в чем-то второе, но все друзья консула считали, что Цезарь указывает более выгодный для него путь, — ибо, оставив заговорщиков жить, Цицерон избегнет в дальнейшем многих наветов, — и склонялись на сторону второго мнения. Отказался от собственных слов даже Силан, объяснив, что и он не имел в виду смертного приговора, ибо крайняя мера наказания для римского сенатора — не смерть, а тюрьма. Нашлись, однако, у Цезаря и сильные противники. Первым возражал ему Катул Лутаций, а затем слово взял Катон и, со страстью перечислив падавшие на Цезаря подозрения, наполнил души сенаторов таким гневом и такою непреклонностью, что Лентул

¹ *Аллоброги* — это трансальпийское племя, покорённое в 121 г. до н.э., прислало послов с жалобой на поборы римских наместников; не получив удовлетворения, через два года *аллоброги* восстали (61 г. до н.э.), но восстание было подавлено.

² Т.е. Цицерона и новоизбранных консулов 62 г. до н.э., Силана и Мурены.

³ Тога с широкой пурпурной каймой была знаком сенатского достоинства; Лентул сменил её на темное, траурное платье.

⁴ Это «III речь против Катилины» (3 декабря 63 г. до н.э.).

⁵ «IV речь против Катилины» (5 декабря 63 г. до н.э.).

с товарищами был осужден на смерть. Что касается передачи имущества в казну, то теперь против этой меры выступил сам Цезарь, считая, как он объявил, несправедливым, чтобы сенат воспользовался лишь самой суровою частью его предложения, отвергнув в нем все милосердное. Многие, тем не менее, продолжали настаивать на конфискации, и Цезарь обратился за содействием к народным трибунам. Те, однако, не пожелали прийти ему на помощь, но Цицерон уступил сам, прекратив разногласия по этому вопросу.

22. В сопровождении сената Цицерон отправился за осужденными. Все они были в разных местах, каждый — под охраной одного из преторов. Первым делом, он забрал с Палатина Лентула и повел его Священною улицей, а затем через форум. Самые видные граждане окружали консула кольцом, словно телохранители, а народ с трепетом взирал на происходящее и молча проходил мимо, особенно молодежь, которой чудилось, будто все это — некий грозный и жуткий обряд, приобщающий её к древним таинствам, что знаменуют мощь благородного сословия. Миновав форум и подойдя к тюрьме, Цицерон передал Лентула палачу и приказал умертвить, затем точно так же привел Цетега и остальных, одного за другим. Видя многих участников заговора, которые толпились на форуме и, не подозревая правды, ждали ночи в уверенности, что их главари живы и что их можно будет похитить, Цицерон громко крикнул им: «Они жили!» — так говорят римляне о мертвых, не желая произносить зловещих слов. Было уже темно, когда он через форум двинулся домой, и теперь граждане не провожали его в безмолвии и строгом порядке, но на всем пути приветствовали криками и рукоплесканиями, называя спасителем и новым основателем Рима. Улицы и переулки сияли огнями факелов, выставленных чуть не в каждой двери. На крышах стояли женщины со светильниками, чтобы почтить и увидеть консула, который с торжеством возвращался к себе... [Воины], которые не раз со славою завершали дальние и трудные походы, справляли триумфы и далеко раздвинули рубежи римской державы и на суше и на море..., единодушно говорили о том, что многим тогдашним полководцам римский народ был обязан богатством, добычей и могуществом, но спасением своим и спокойствием — одному лишь Цицерону... Удивительным казалось не то, что он пресек преступные действия и покарал преступников, но что самый значительный из заговоров, какие когда-либо возникали в Риме, подавил ценою столь незначительных жертв, избежав смуты и мятежа. И верно, большая часть тех, что стеклись под знамена Катилины, бросила его, едва узнав о казни Лентула и Цетега; во главе остальных Катилина сражался против Антония и погиб вместе со всем своим отрядом.

23. Находились, однако, люди, готовые отомстить Цицерону и словом и делом, и вождями их были избранные на следующий год должностные лица — претор Цезарь и народные трибуны Метелл и Бестия. Вступив в должность незадолго до истечения консульских полномочий Цицерона, они не давали ему говорить перед народом — перенесли свои скамьи на возвышение для ораторов и зорко следили, чтобы консул не нарушил их запрета, соглашаясь отменить его лишь при одном непременном условии: если Цицерон произнесет клятву с отречением от власти¹ и тут же спустится вниз. Цицерон обещал выполнить их требование, но, когда народ затих, произнес не старинную и привычную, а собственную, совершенно новую клятву в том, что спас отечество и сберег Риму господство над миром. И весь народ повторил за ним эти слова. Ожесточенные пуще прежнего, Цезарь и оба трибуна ковали против Цицерона всевозможные козни и, в том числе, внесли предложение вызвать Помпея с войском, чтобы положить конец своевластию Цицерона. Но тут важную услугу Цицерону и всему государству оказал Катон, который тоже был народным трибуном и воспротивился замыслу своих товарищей по должности, пользуясь равною с ними властью и гораздо большею славой. Он не только без труда расстроил все их планы, но, в речи к народу, так превозносил консульство Цицерона, что победителю Катилины были назначены невиданные прежде почести и присвоено звание «отца отечества». Мне кажется, Цицерон был первым среди римлян, кто получил этот титул, с которым к нему обратился в Собрании Катон.

№3 АПІАН ПРО ЗМОВУ КАТІЛІНИ (ГРОМАДЯНСЬКІ ВІЙНИ, II, 1-7)

1. ...Помпей, только что очистив море от шаек пиратов [64 г. до н.э.], дерзость которых дошла тогда всюду до крайней степени, и низвергнув царя Понта Митридата, занимался устройством его царства и других провинций, которые он присоединил на Востоке. Цезарь был тогда ещё молод. Прекрасный оратор и искусный политик, не останавливающийся ни перед чем, питающий большие надежды на будущее, не по средствам щедрый тогда, когда вопрос касался его честолюбия, он ещё в бытность эдилом и претором завяз по уши в долгах. Зато Цезарь был чрезвычайно популярен, так как народ всегда хвалит щедрых людей.

2. В то время Гай Катилина², известный своей громкой репутацией и знатным происхождением, отличался крайним легкомыслием. Говорили, что он когда-то убил своего сына из-за любви к Аврелии Орестилле, которая не соглашалась выйти замуж за человека, имевшего ребенка. Катилина был другом и ревностным сторонником Суллы, но теперь, вследствие мотовства, быстро катился к нищете, хотя пока ещё и оставался в фаворе у разных влиятельных мужчин и женщин. Этот-то Катилина стал домогаться консульства, чтобы таким путём захватить тираническую власть. Хотя он очень надеялся быть избранным, однако его кандидатура потерпела неудачу из-за подозрительности по отношению к нему. Вместо него консулом был избран выдающийся оратор Цицерон [63 г. до н.э.], который отличался необычайным даром речи. Катилина, желая оскорбить лиц, избравших Цицерона, издевался над ним и, намекая на незнатность его происхождения, называл его «новым»³, как именуют людей, добившихся известности собственными заслугами, а не заслугами предков. А так как Цицерон не был природным римлянином, то Катилина называл его *инквиллином*, как зовут людей, снимающих квартиру в чужих домах. Сам Катилина с того времени совершенно отошёл от государственной деятельности, так как, по его мнению, она не ведёт быстро и верно к единой державии, но полна раздоров и интриг. Получая большие суммы от многих женщин, которые надеялись во время восстания отделаться от своих мужей, Катилина вошёл в соглашение с некоторыми из сенаторов и... всадников, собирав простонародье, чужеземцев и рабов. Главариями всего этого народа были тогдашние преторы Корнелий Лентул и Цетег. По Италии Катилина рассылал своих людей к тем из сулланцев, которые растравили все те барыши, что они получили в результате насилий, бывших при Сулле, и теперь стремились к таким же насилиям. В этрусские Фезулы Катилина послал Гая Манлия, в Пицен в Апулию — других людей, которые тайком собирали для него войско.

3. Обо всём этом — о чём тогда ещё ничего не знали — донесла Цицерону одна знатная женщина, по имени Фульвия. Влюбленный в неё Квинт Курий, изгнанный из сената за его многие неблагоприятные поступки и удостоенный поэтому чести войти в союз с Катилиной, с большим легкомыслием рассказывал своей возлюбленной о заговоре и хвастался, что скоро он приобретёт

¹ Трибуны вступали в должность 10 декабря, консулы покидали должность 1 января, давая клятву с отречением от власти — в том, что исполняли свои обязанности добросовестно и честно.

² Гай Луций Сэргий Катилина (ок. 108-62 гг. до н.э.) — сулланец, претор 68 г. до н.э., наместник в Африке 67 г. до н.э. В 66-62 гг. до н.э. пытался захватить власть, привлекая недовольных обещанием кассации долгов.

³ *Novus homo* — новый человек, «выскочка», термин, распространённый в социальной практике Рима.

большую силу. Ходили уже слухи и о том, что творилось в Италии. Поэтому Цицерон расставил в различных пунктах города караулы и разослал во все подозрительные места многих лиц из числа знати наблюдать за всем происходящим. Катилина, хотя никто ещё не осмеливался его арестовать, так как ничего не было точно известно, тем не менее был в страхе. Считая, что чем дальше он будет тянуть время, тем больше явится против него подозрений, он решил действовать быстро. Поэтому Катилина послал предварительно деньги в Фезулы и поручил заговорщикам убить Цицерона и поджечь Рим одновременно во многих пунктах в одну и ту же ночь, а сам отправился к Гаю Манлию. Он намеревался, собрав войско, напасть на город во время пожара. Со свойственным ему легкомыслием, имея перед собой фасции — как если бы он был проконсулом — Катилина отправился к Манлию набирать войско. Лентул же и остальные заговорщики составили следующий план. Как только они узнают, что Катилина находится в Фезулах, сам Лентул и Цетег на заре будут караулить у дверей Цицерона со спрятанными под одеждой кинжалами. Они надеялись, что им будет позволено войти в дом благодаря их служебному положению. Разговаривая и прохаживаясь, они протянут время и убьют Цицерона, отвлекши его от других посетителей. А народный трибун Луций Бестия тотчас созовет через глашатая народное собрание и обвинит Цицерона в том, что он трус, всегда затевает раздоры и будоражит город, когда нет никакой опасности. Сразу после речи Бестии, когда стемнеет, другие заговорщики в двенадцати местах подожгут город и станут грабить и убивать именных людей.

4. Так было решено Лентулом, Цетегом, Стагилием и Кассием, главарями заговора, и они только ждали удобного момента. В это время прибыли в Рим послы *аллоброгов* с жалобой на своих правителей... Этим послов склонили вступить в заговор Лентула с тем, чтобы поднять против римлян Галлию. Лентул послал вместе с ними к Катилине кротонца Волтурция с неподписанным письмом. Но *аллоброги* находились в нерешительности и рассказали обо всем Фабрицию Санге, своему патрону, — у каждого государства есть в Риме патрон. Цицерон узнав об этом от Санги, приказал схватить уезжавших *аллоброгов* вместе с Волтурцием и тотчас привести их в сенат. Они признались, что вошли в соглашение с группой Лентула, а затем, когда их уводили, рассказали, как Корнелий Лентул часто говорил, что трём Корнелиям суждено быть римскими самодержцами, двое из них — Цинна и Сулла — уже были ими.

5. После того как это было сказано, сенат отрешил Лентула от должности, а Цицерон, отведя каждого заговорщика в помещение преторов, тотчас вернулся обратно и приступил к проведению относительно заговорщиков голосования. Вокруг здания сената стоял шум, так как в точности ещё ничего не было известно, и страх охватил соучастников заговора. Рабы и вольноотпущенники самого Лентула и Цетега, собрав много ремесленников, пробрались окольными путями и окружили помещение преторов, чтобы освободить своих господ. Цицерон, узнав об этом, выбежал из сената; поставив стражу в нужных местах, он возвратился обратно и стал торопить сенат принять решение. Первым начал говорить Силан, избранный консулом на предстоящий год, — у римлян будущий консул высказывает мнение первым потому, я думаю, что ему самому придется в будущем приводить в исполнение многие постановления и в силу этого он будет судить обо всем благоразумнее и осторожнее. Многие соглашались с Силаном, полагавшим, что этих людей следует подвергнуть высшей мере наказания. Но когда дошла очередь до Нерона, он сказал, что считал бы более правильным держать их под стражей до тех пор, пока не изгонят вооруженной силой Катилину и не расследуют детально все дело.

6. Тогда выступил Гай Цезарь, который не был свободен от подозрения в сообществе с заговорщиками, но с которым Цицерон не решился начать борьбу, так как Цезарь пользовался большой популярностью у народа. Цезарь прибавил, что Цицерону нужно разместить заговорщиков в городах Италии — там, где он сам найдет удобным, — до тех пор, пока они не будут преданы суду. По мнению Цезаря, это нужно сделать после того, как Катилина будет побежден военной силой; таким образом, до суда и следствия не будет совершено ничего непоправимого в отношении весьма известных людей. Так как это мнение показалось правильным и было встречено с сочувствием, большинство сената готово было слишком поспешно переменить свою точку зрения. Тогда Катон, уже совершенно ясно говоря о тяготеющем над Цезарем подозрении, и Цицерон, опасаясь ввиду наступающей ночи, как бы соучастники заговорщиков, ещё бродившие по форуму и боящиеся за самих себя и за них, не совершили бы каких-нибудь эксцессов, — убедили сенат вынести приговор без суда, как над лицами, пойманными на месте преступления. Цицерон, пока ещё сенат не был распущен, немедленно приказал перевести арестованных из помещения, где они содержались, в тюрьму и умертвить их на его глазах, в то время как толпа ничего об этом не знала, а затем, проходя мимо находившихся на форуме, он объявил об их смерти. Бывшие на форуме в ужасе стали расходиться, радуясь тому, что их участие в заговоре осталось нераскрытым. Таким образом, город вздохнул свободно после сильного страха, охватившего его в этот день.

7. Катилина же, у которого собралось около 20 тыс. человек [62 г. до н.э.], вооружил уже четвертую часть их и направился в Галлию для дальнейшей подготовки к действиям. Но второй консул, Антоний, настиг его у подошвы Альп и легко победил человека, который необдуманно замыслил необычайное дело и ещё более необдуманно хотел осуществить его без достаточной подготовки. Ни Катилина, ни другой кто из его наиболее известных товарищей не сочли достойным себя искать спасения в бегстве, но погибли, бросившись в самую гущу врагов. Так окончилось восстание Катилины, чуть-чуть не приведшее государство на край гибели. Цицерон, который раньше был всем известен благодаря только силе слова, теперь прославился и своими делами. Бесспорно, он казался спасителем гибнущего отечества. Велико было расположение к нему народа и разнообразны знаки величайшего к нему уважения. Когда Катон называл его отцом отечества, народ приветствовал это криками; некоторые полагают, что такое благоговение, начавшись с Цицерона, перешло на лучших из теперешних императоров. Ибо, хотя они и царствуют, но титул отца отечества дается им не сразу вместе с другими титулами, но лишь с течением времени и с большим трудом, как высшее признание их подвигов.

IV. РИМСЬКА РЕСПУБЛІКА в 50-х рр.: ПЕРШИЙ ТРИУМВІРАТ (60-53 рр. до н.е.) І ГАЛЛЬСЬКІ ВІЙНИ ЦЕЗАРЯ (58-51 рр. до н.е.)

№1 АППАН ГРОМАДЯНСЬКІ ВІЙНИ, II

8. Цезаря, который был назначен претором в Испанию [на 61 г. до н.э.], некоторое время не пускали из Рима ростовщики, так как долги, в которые он попал из-за своего мотовства, во много раз превышали его состояние. Передавали, что, по его собственным словам, ему нужно было 25 миллионов сестерциев, чтобы расплатиться со всеми долгами. Кое-как успокоив приставав-

ших к нему заимодавцев, Цезарь уехал в Испанию. Там он не думал вступать в сношения с городами, решать судебные дела и т.п., считая это не приносящим ему пользы. Собрал войско, Цезарь напал на ещё не подвластных Риму *иберов*, пока не объявил всю Испанию подчинённой римлянам, причём послал в римское государственное казначейство много денег. За это сенат разрешил ему отпраздновать триумф. В то время как Цезарь в предместьях Рима занимался подготовкой пышного триумфа, в городе происходили выборы консулов [60 г. до н.э.], и домогавшимся этой должности необходимо было там присутствовать. Но тот, кто вступил в город, уже не мог принять участие в триумфе. Поэтому Цезарь, жадно стремясь к власти и не имея возможности заранее подготовить триумф, обратился к сенату с просьбой разрешить ему принять участие в домогательстве консульского звания заочно, через друзей. Цезарь знал, что это незаконно, однако так поступали и другие. Но так как Катон¹ высказался против него и так как последний день предвыборной борьбы тратился на прения в сенате, Цезарь решил отказаться от триумфа, спешно прибыл в Рим и, выставив свою кандидатуру в консулы, ожидал исхода голосования.

9. В это время Помпей, который приобрёл большую славу и влияние после похода против Митридата, потребовал, чтобы сенат утвердил те раздачи, которые он сделал царям, династам и городам. Из зависти к Помпею большинство сената высказывалось против этого, особенно Лукулл², который воевал с Митридатом ещё до Помпея и, по его словам, оставил Помпею Митридата совершенно обессиленным и считал эту войну своей собственной заслугой. Лукулла поддерживал Красс. Помпей в негодовании вступил в союз с Цезарем, поклявшись, что будет содействовать ему в получении консульства. Цезарь же тотчас примирил с ним Красса. Эти три лица, обладая вместе всемогуществом, использовали свою силу для взаимной выгоды. Один историк, Варрон, описавший это их соглашение в книге, дал ей название «Треглавие». Сенат относился к Цезарю, Помпею и Крассу с недоверием и, чтобы противодействовать Цезарю, утвердил товарищем его по должности Луция Бибула.

10. Тотчас [в 59 г. до н.э.] между триумвирами начались раздоры, и каждый из них стал готовиться к войне против другого. Но Цезарь, большой мастер притворяться, произносил в сенате речи о необходимости единодушия, направляя их по адресу Бибула: триумвиры-де своими раздорами беспокоят всю республику. Убедив Бибула, что он действительно так думает, Цезарь добился того, что Бибул стал поступать неосторожно, ни к чему не готовился и ни о чем не догадывался. Цезарь же тем временем тайно вербовал себе большую дружину, вносил в сенат законы в пользу бедных, раздавал им земли, а лучшую землю, особенно вокруг Капуи, которая предоставлялась всем для заселения, предложил раздать людям, имеющим троих детей. Таким путём Цезарь создал себе огромное число приверженцев, ибо одних только отцов, имевших трех детей, оказалось 20 тыс. Так как многие сенаторы высказывались против предложений Цезаря, то он, притворившись разгневанным их несправедливостью, ушёл из сената и целый год не созывал его, а говорил народу с ростры. Здесь он публично запрашивал мнения Помпея и Красса относительно своих законопроектов. Они одобряли их, народ же приходил на голосование со спрятанными под одеждой короткими мечами.

11. Сенат собирался в доме Бибула, так как никто его не созывал, и нельзя было это сделать только одному из консулов. Сенаторы не могли противопоставить ничего равного силе и подготовленности Цезаря; однако они придумали, чтобы Бибул противодействовал законопроектам Цезаря: таким путём он испытает поражение, но никто не сможет обвинить его в нерадении. Убедённый сенаторами, Бибул бросился на форум, в то время как Цезарь ещё произносил речь перед народом. Начались споры и беспорядок, завязалась уже свалка. Люди, вооружённые кинжалами, ломали фации и знаки консульского достоинства Бибула; некоторые из окружавших его трибунов были ранены. Бибул, не смущаясь этим, обнажил шею и призывал друзей Цезаря скорее приняться за дело: «Если я не могу убедить Цезаря поступать законно, — кричал он, — то своей смертью я навлеку на него тяжкий грех и преступление». Друзья отвели его насильно в расположенный поблизости храм Юпитера Статора. Посланный на помощь Катон, как юноша, бросился в середину толпы и стал держать речь к народу. Но сторонники Цезаря подняли его на руки и вынесли с форума. Тогда Катон тайно вернулся другой дорогой, снова взбежал на трибуну и, так как говорить было бесполезно, — его никто уже не слушал, — грубо кричал на Цезаря, пока его снова не подняли на руки и не выбросили с форума. Тогда Цезарь провёл свои законопроекты.

12. Он взял клятву с народа, что эти законы будут признавать на вечные времена, и потребовал, чтобы и сенат в этом поклялся. Но так как многие, в том числе и Катон, противодействовали закону, то Цезарь внёс в народное собрание предложение, что тот, кто не принесет клятвы, подлежит смертной казни. Это предложение было принято. Народные трибуны и все остальные в испуге тотчас дали требуемую клятву: было бесполезно возражать, когда закон был принят народом. В это время один простолупин, по имени Ветгий, ворвавшись в середину толпы с обнажённым кинжалом, сказал, что он был послан Бибулом, Цицероном и Катоном убить Цезаря и Помпея и что кинжал дал ему ликтор Бибула, Постумий. Дело было весьма тёмное, но Цезарь воспользовался им, чтобы подстрекать толпу. Допрос Ветгия отложили на следующий день, но ночью он был убит в тюрьме. О случившемся шли самые различные догадки и предположения, и Цезарь не преминул этим воспользоваться, говоря, что Ветгия убили те, кто боялся его показаний. В конце концов он добился того, что народ дал ему право бороться против всех козней. Бибул, выпустив из рук всякую инициативу, подобно частному человеку не выходил из дома и не занимался государственными делами.

13. А Цезарь и сам ещё не принимался за расследование дела Ветгия, хотя он обладал всей полнотой государственной власти. Он проводил новые законы, тем самым привлекая к себе народ. Цезарь также утвердил все то, что сделал Помпей, как он ему и обещал. ...Всадники* по своему положению занимали среднее место между сенатом и народом. Они пользовались большой силой и влиянием благодаря своему богатству и откупу налогов и податей, уплачиваемых провинциями, и владели массой надежнейших в этом отношении рабов. Эти всадники давно уже просили сенат о снятии с них части откупной суммы. Сенат медлил, а Цезарь, который тогда не нуждался в сенате, но имел дело только с народом, простил им треть откупной суммы. Всадники, получив эту неожиданную милость — даже больше того, что они просили, — начали боготворить Цезаря. Таким образом у него, благодаря ловкому политическому ходу, прибавилась новая группа сторонников, более сильная, чем народ. К тому же Цезарь устраивал зрелища и травли зверей, далеко выходя за рамки своего состояния. На все это он занимал деньги, и его зрелища превосходили все прежде бывшее обстановкой, расходами и блестящими подарками. За это Цезарю дали в управление Цизальпийскую и Трансальпийскую Галлии на пять лет и предоставили под начальство четыре легиона войска.

14. Цезарь давно предвидел, что предстоящее ему отсутствие будет длительным, и зависть станет тем больше, что он пользовался большими льготами. Он выдал свою дочь за Помпея, хотя она и была обручена с Цепионом. Цезарь боялся, что Помпей

¹ Марк Порций Катон Младший (95-46 гг. до н.э.), римский политический деятель, судебный оратор, философ, известный своей справедливостью и неподкупностью. Видный оптимат, убеждённый республиканец и противник Цезаря, Катон поддерживал Гнея Помпея. После победы Цезаря в 46 г. до н.э. в битве при Тапсе над приверженцами Помпея покончил с собой.

² Лукулл Луций Лициний (117-56 гг. до н.э.), римский полководец и политический деятель. Сторонник Суллы, был его квестором в период I Митридатовой войны 89-84 гг. до н.э. Эдил в 79 г., претор в 77 г., консул в 74 г. Командовал в 74-66 гг. до н.э. римскими войсками в войне против Митридата VI (III Митридатова война), Лукулл добился значительных успехов. Вскоре после возвращения в Рим он отошёл от политической деятельности. Его богатство и роскошная жизнь вошли в поговорку («лукуллов пир»).

станет завидовать ему, даже находясь с ним в дружбе. Наиболее энергичных из своих сторонников он провел в магистраты на будущий год. Консулом Цезарь объявил своего друга Авла Габиния, а сам женился на Кальпурнии, дочери Луция Пизона, который должен был занять место второго консула. По этому поводу Катон кричал, что власть достается посредством брачных союзов. Трибунами Цезарь выбрал Ватиния и Клодия, по прозвищу Прекрасный¹. Это Клодий когда-то во время женской праздничной церемонии навлек на себя некрасивое подозрение из-за Юлии, жены самого Цезаря. Но Цезарь не стал преследовать судом Клодия, пользовавшегося большой популярностью у толпы, хотя и удалил от себя жену. Однако Клодий все-таки был привлечен к суду другими лицами по обвинению в безбожии, так как дело происходило во время религиозной церемонии. Цицерон представлял интересы обвинителей. Цезарь, вызванный в свидетели, не выдал Клодия, но тогда же назначил его трибуном назло Цицерону, который распускал клевету на триумвиров, обвиняя их в единовластии. Таким образом, Цезарь в силу необходимости стал выше личной обиды и оказал благодеяние одному врагу ради мщения другому. Кажется, и Клодий со своей стороны отблагодарил Цезаря, помогая ему получить в управление Галлию.

15. Такие дела совершил Цезарь во время своего консульства и, оставив одну власть ради другой, уехал [58 г. до н.э.]. А Клодий обвинил Цицерона в нарушении законов, так как он казнил до суда группу Лентула и Цетега. Цицерон, выступая в том деле с величайшей смелостью, оказался весьма слабым в собственном судебном процессе. Одетый в бедную одежду, грязный, он приставал ко всякому, кого он встречал на узких улицах, и не стыдился надоедать тем, кто не был в курсе дела, так что вследствие непристойности его поведения сострадание к нему сменилось насмешками. В такую трусость из-за одного только собственного процесса впал тот, кто всю жизнь блестяще выступал в чужих судебных делах. Подобно этому, говорят, и афинянин Демосфен не принял собственного процесса и бежал до суда. Когда Клодий нахально положил конец приставаниям Цицерона в переулках, он отчаялся во всем и удалился в добровольное изгнание. Много друзей удалилось вместе с ним, а сенат рекомендовал его городам, царям и династам. Клодий же разрушил городской дом и виллы Цицерона. Гордясь этим, он сравнивал себя уже с Помпеем, имевшим величайшую силу в государстве.

16. Помпей готовился к борьбе с Клодием и подавал надежду на консульство Милону, который получил власть вместе с Клодием и был ещё нахальнее его. Помпей натравил его на Клодия и предложил дать амнистию Цицерону, надеясь, что тот, помня все им испытанное, по возвращении не станет уже больше говорить о существующих государственных порядках, но выступит против Клодия. Цицерон, изгнанный с помощью Помпея, возвратился [57 г. до н.э.] также с его помощью, проведя в изгнании около 16 месяцев. Дом его и виллы были восстановлены за государственный счет. Все торжественно его встречали у городских ворот, причем, говорят, на встречу был затрачен целый день, подобно тому, как это случилось при возвращении Демосфена.

17. Цезарь, совершив много славных подвигов..., пришёл с большими богатствами в смежную с Италией Галлию, расположенную по реке Эридану [56 г. до н.э.]. Он намеревался на короткое время дать войску отдых от непрерывных войн. Отсюда Цезарь посылал в Рим много денег различным лицам. В Галлию к нему приезжали поочередно магистраты и просто знатные лица, отправлявшиеся для управления в провинции или в походы, так что иногда вокруг него бывало до 120 фасций и больше 200 сенаторов. Одни приезжали, чтобы поблагодарить за прошлое, другие — чтобы получить деньги, третьи — чтобы устроить что-нибудь для себя в таком же роде. Поэтому Цезарь мог уже все делать, опираясь на большую армию, могущество денег и благодаря любезному вниманию ко всем. Также прибыли к нему и его сотоварищи по власти, Помпей и Красс. Посоветовавшись друг с другом, они решили, чтобы Помпей и Красс снова были избраны консулами, а Цезарю было продлено командование на второе пятилетие. Так разошлись триумвиры. Противником Помпея по избранию в консулы выступил Домиций Аэнобарб. В назначенный для голосования день оба они ещё с ночи пришли на собрание. Между их сторонниками началась распря, перешедшая в свалку. Кто-то ударил мечом факелоносца Домиция, и тогда все разбежалось. Домиций сам с трудом спасся домой, а окровавленную одежду Помпея принесли домой другие. Такой опасности подверглись они оба.

18. Итак, консулами были избраны Красс и Помпей [55 г. до н.э.]. Цезарю же, как было условлено, продлили командование на второе пятилетие. Провинции и войска в них были распределены по жребию между Помпеем и Крассом. Помпей получил Испанию и Африку. Послав туда для управления своих друзей, сам он оставался в Риме. Крассу досталась Сирия и соседние с ней области; он хотел начать войну с парфянами, войну, как он полагал, легкую, славную и выгодную. Но при его отъезде из Рима случились многие дурные предзнаменования, да и народные трибуны налагали свое *veto* на войну с парфянами, так как те не совершили ничего несправедливого по отношению к римлянам. Трибуны призвали общественное проклятие на голову того, кто им в этом не повинует [53 г. до н.э.]. Но Красс не придавал этому значения и погиб вместе со своим одноименным сыном и самим войском: из стотысячной римской армии бежало из Сирии неполных 10 тысяч... Римляне же, теснимые голодом, дали Помпею неограниченные полномочия по снабжению города съестными припасами и, как раньше, при ликвидации пиратов, дали ему двадцать легатов из числа сенаторов. Помпей, распределив их по провинциям, производил объезды и скоро доставил в Рим большое количество продовольствия. Благодаря этому он приобрел ещё большую славу и силу.

19. В это время [54 г. до н.э.] умерла дочь Цезаря, беременная от Помпея. Когда расстроился этот брак, всех охватил страх. Боялись, что Цезарь и Помпей, обладавшие большими военными силами, начнут враждовать друг с другом, и это в то время, когда государство было чрезвычайно дезорганизовано и с давних пор находилось в тяжелом состоянии. Ведь магистраты назначались среди раздоров и взяточничества, при всякого рода злоупотреблениях, с помощью камней и мечей. Тогда бесстыдно царили подкуп и взятка, и сам народ приходил на выборы подкупленным. Иногда случалось, что плата за эпонимные магистратуры достигала 800 талантов. Случалось, что консулы теряли надежду отправиться в поход и воевать, связанные правлением триумвиров. Худшие из них вместо военных походов извлекали барыши из государственных сумм и из выборов себе преемников. Порядочные люди вследствие этого вовсе перестали занимать государственные должности, так что из-за такой анархии государство однажды в течение восьми месяцев оставалось без магистратур [53 г. до н.э.].

20. Помпей сознательно допускал такой беспорядок, чтобы ощущалась необходимость назначения диктатора. Среди многих шла болтовня о том, что единственным спасением от теперешних зол была бы монархическая власть; что нужно выбрать человека сильного и вместе с тем милостивого; указывали на Помпея, который имел в своем распоряжении достаточно войска, как кажется, любил народ и уважал сенат, был воздержан в жизни и благоразумен, легко доступен для просьб, — было неважно, таков ли он или только таким казался. Помпей на словах сердился по поводу всех этих предположений, на деле же тайно все делал для их осуществления и нарочно допускал беспорядок и анархию в государственном управлении. Так как Милон помогал Помпею в борьбе против Клодия и благодаря возвращению Цицерона пользовался большой популярностью, то он во время царившей тогда

¹ Публий Клодий Пульхр (93-52 гг. до н.э.), римский народный трибун в 58 г. до н.э., популярен. Происходил из патрицианского рода Клавдиев. В 61 г. до н.э. был квестором в Сицилии. Будучи трибуном, провёл законы о бесплатной раздаче хлеба плебсу, об ограничении власти цензоров. Являлся политическим противником Цицерона. Убит 18 января 52 г. до н.э.

анархии начал домогаться консульства, как бы при нормальных условиях [52 г. до н.э. и сл.]. Помпей тянул с выборами, и Милон, недовольный Помпеем, который и по отношению к нему оказался неверным, поехал на свою родину, в Ланувий...

21. Ланувий отстоит от Рима на 150 стадий. Клодий в это время возвращался верхом из своих имений и встретился с Милоном около Бовилл. Сами они не обратили внимания друг на друга, так как находились в враждебных отношениях, и проехали мимо. Но раб Милона бросился на Клодия и ударил его кинжалом в спину. Трудно сказать, действовал ли он по приказанию или хотел убить его как врага своего господина. Конюх перенёс истекающего кровью Клодия в ближайшую гостиницу. Милон явился туда с рабами и прикончил умирающего, или Клодий, быть может, был уже мертв. Он изображал дело так, что вовсе не собирался его убить и не давал такого приказания; но, подвергаясь со всех сторон опасности, полагал, что раз начатое дело нужно докончить. Когда известие об этом несчастье было принесено в Рим, пораженный народ провел ночь на форуме, а с наступлением дня выставил тело Клодия на ростре. Затем некоторые из народных трибунов, а также друзья Клодия, окруженные толпой, перенесли его труп в курию. Это было сделано для того, чтобы оказать Клодию посмертные почести, так как он принадлежал к сенаторскому сословию, или, быть может, для того, чтобы выразить порицание сенату, пренебрегающему происшедшим. Те из присутствующих, кто был посмелее, снесли в одно место скамьи и сиденья сенаторов и подожгли их, отчего и курия и много соседних домов сгорели вместе с телом Клодия.

22. Наглость же Милона дошла до того, что он не столько боялся ответственности за убийство Клодия, сколько негодовал на то, что Клодию оказали такую честь на похоронах. Собрав толпу рабов и сельчан, раздавая деньги народу и подкупив народного трибуна Марка Целия, Милон дерзко вернулся в Рим. Как только он вступил в город, Целий тотчас повлек его на форум, где были заранее собраны подкупленные им люди. Дело изображалось так, что он в негодовании ведет Милона в народное собрание, чтобы немедленно предать его суду. Целий надеялся, что если Милона оправдает присутствующая в этот момент на форуме толпа, он ускользнет от более справедливого наказания. Милон выступил с речью, утверждая, что он не замышлял всего этого дела: он не пошел бы на него с багажом и женой. Остальную часть своей речи он направил против Клодия, изображая его человеком чрезвычайно наглым, другом тех негодяев, которые сожгли, вместе с его телом, курию. В то время, когда он говорил, остальные народные трибуны и неподкупленная часть народа, вооруженные, ворвались на форум. Целий и Милон, переодевшись рабами, убежали. Однако начались массовые убийства других, так как искали уже не друзей Милона, но убивали кого придется, граждан и иностранцев, а в особенности тех, кто выделялся одеждой или золотыми перстнями. Как бывает в моменты государственной анархии, беспорядками воспользовались рабы. Они предались грабёжам, так как их было большинство и они действовали оружием против безоружных. Они не гнушались никаким преступлением: бросались в дома и, обходя их, на словах разыскивали друзей Милона, а на деле — все, что можно было взять. В течение многих дней Милон служил им предлогом и для поджогов, и для избиений камнями, и для других дел такого же рода.

№2

ДІОН КАССІЙ

РИМСЬКА ІСТОРІЯ, XXXVII, 55-58; XXXVIII, 1-3

Діон Кассій (155-235 рр. до н.э.) — народився в Нікеї (Мала Азія), одержав хорошу освіту, двічі був консулом в Римі, управляв різними провінціями. Автор великої праці «Римська історія» у 80 книгах, з яких до нас повністю дійшли 36-60 книги. Твори Діона Кассія, незважаючи на його любов до риторичних перебільшень, є важливим джерелом для Пізньої Республіки і періоду правління Августа.

XXXVII. Цезарь восстановил согласие между Крассом и Помпеем не потому, чтобы он хотел видеть их живущими дружно, но потому, что они были очень могущественны. Он знал, что без помощи обоих или даже кого-нибудь одного он не будет иметь особой силы и что, если он одного, не важно кого именно, приобщит к своим интересам, то другой в силу этого станет его противником, который повредит ему больше, чем тот, кого он приобрёл, будет ему полезен... Таковы были соображения, которые заставили тогда Цезаря приобрести расположение Помпея и Красса и примирить их. Он был убеждён, что никогда не сможет стать могущественным без них, и не рассчитывал никогда оскорбить ни того, ни другого. Он не боялся также, что, примирившись, они станут могущественнее его, отлично зная, что сразу же с их дружбой он возвысится над другими и что вскоре после этого они будут содействовать и тот и другой тому, чтобы сделать его могущественнее себя. Так и случилось. Вот в каких видах Цезарь примирил их и старался привязать к себе.

С своей стороны, Помпей и Красс, движимые личными соображениями, заключили мир, как только успокоились, и присоединили Цезаря к их планам. Помпей не был настолько могуществен, как он рассчитывал сделаться; в то же самое время он видел, что Красс пользовался большой силой, а Цезарь приобретает все больше и больше влияния, а он боялся быть раздавленным ими. Наконец, он льстил себя надеждой, что, соединившись лично с ними, он сможет при их содействии восстановить свое прежнее могущество. Красс воображал, что его происхождение и богатство должны поставить его выше всех. Будучи много ниже Помпея и убеждённый, что Цезарь призван к великой роли, он стремился повергнуть их в борьбу друг против друга, чтобы ни тот, ни другой не были могущественнее его. Он рассчитывал, что в то время, как они будут бороться с равными силами, он воспользуется их дружбой и получит большие почести, чем они. Красс действительно не ставил задачей своей политики ни триумфа сената, ни народа, но делал все только ради своего личного могущества. Он стремился равным образом примирить сенат с народом, не навлекать на себя их ненависти, понравиться тому и другому, поскольку это было нужно, чтобы они считали его виновником того, что им было приятно, без возможности приписывать ему свои неудачи.

Таким образом и в силу этих причин данные три лица вступили в дружбу друг с другом. Они подтвердили свой союз клятвами и завладели управлением в государстве. С тех пор они пришли к взаимному согласию и получили один от другого то, чего желали и что им было необходимо для устройства республики так, как им было угодно. Когда они объединились, преданные им партии также пришли к соглашению и делали под их руководством все, что хотели. Некоторые следы благоразумия оставались только у Катона и у тех, кто хотел казаться быть воодушевлённым теми же чувствами, как он, ибо среди людей, которые занимались тогда общественными делами, ни один, исключая Катона, не отличался неподкупностью и личной незаинтересованностью. Некоторые граждане краснели от того, что происходило, а другие, стремясь подражать Катону, приняли участие в управлении и показали себя в некоторых случаях достойными этого образца; но они не продолжали, потому что их усилия были искусственными и не имели источника в естественной добродетели. Вот в какое состояние привели римские дела три лица, которые скрывали, насколько возможно, их взаимный клятвенный союз. Они делали только то, что решили по взаимному согласию. Но они скрывали это и принимали вид взаимной враждебной оппозиции, чтобы их единение оставалось возможно дольше неизвестным, т.е. до тех пор, пока они вполне надлежаще не приготовятся...

XXXVIII. На следующий год [59 г. до н.э.] Цезарь искал приобрести расположение всего народа, чтобы ещё более держать его в своей зависимости, но, желая казаться занятым также интересами оптиматов, чтобы не навлечь их ненависти, он повторял, что не сделает предложения, которое не будет им полезно. И действительно, он внес о землях, которые хотел распределить народу, закон, составленный так, что он не давал повода ни к какому нападению, и он притворился, что не решался представить его без согласия оптиматов. Никто не имел повода жаловаться на него по поводу этого закона; ибо население Рима, чрезмерный прирост которого был главным источником мятежей, призывалось к труду и полевым работам, и большинство областей Италии, потерявших своих жителей, становились снова населенными. Этот закон обеспечивал средства к существованию не только для тех, которые претерпели невзгоды войны, но и для всех остальных граждан, не причиняя издержек государству, ни огорчения оптиматам; наоборот, он сообщал многим почет и власть.

Цезарь отдавал в дележ все земли, составлявшие общественное владение, за исключением Кампании (он полагал, что эта область по причине своего плодородия должна быть оставлена за государством). Цезарь хотел чтобы ни одна из этих земель не была отнята силою у владельцев, ни продана по цене, установленной лицами для раздела, но чтобы они были уступлены добровольно и оплачены по стоимости, находящейся в цензорских списках. Он говорил, что в государственной казне находились значительные суммы, происходящие от добычи, взятой Помпеем, и от податей и налогов, установленных ранее, и что эти деньги, приобретенные гражданами с опасностью для их жизни, должны быть потрачены на них же. Он не установил слишком малого числа землемерных комиссаров, потому что они могли бы составить род олигархии, не включил в их число лиц, подвергавшихся какому-либо наказанию, так как подобный выбор мог бы вызвать раздражение. Он назначил их двадцать, чтобы почет участия в этом деле достался довольно большому числу граждан, и выбрал лиц наиболее способных, исключив себя самого. Об этом он заявлял ранее, чтобы не казалось, что его предложение продиктовано личным интересом. По его собственным словам... Цезарь довольствовался тем, что был виновником и зачинщиком дела. Но видно было, что он старался угодить Помпею, Крассу и остальным.

Таким образом, Цезарь был неуязвим касательно этого предложения, и никто не дерзнул открыть рот против него. Он сначала прочёл предложение в сенате, потом, вызывая сенаторов поименно., спрашивал каждого, не находит ли он тут чего-нибудь преступного, обещав, если кому что не понравится, изменить предложение или даже совершенно уничтожить его. Общая масса, почти все оптиматы, которые стояли вне заговора, были недовольны. Более всего огорчало их то, что Цезарь сумел так редактировать закон, что он, не подвергая никакой вине его инициатора, должен был лечь всей тяжестью на них. Они подозревали Цезаря.., что он хотел этим законом отвлечь от них толпу и приобрести себе имя и силу над всеми людьми. Таким образом, они не оспаривали закона, но вместе с тем и не одобряли его. Другие довольствовались такой позицией: они постоянно обещали Цезарю подержать его, но ничего не делали, создавая напрасные замедления и отсрочки. Что касается Марка Катона (человека вообще благого разумного, врага всяких нововведений, но лишённого дара убеждения, которого он не имел от природы и не приобрел учением), то он также не нападал на предложения Цезаря, но стоял, в общем, на том, чтобы довольствоваться настоящим положением республики и не делать ничего помимо нее. Когда он высказался подобным образом, то Цезарь вознамерился вытащить Катона из самого заседания в тюрьму. Но Катон с полнейшей готовностью позволил себя увести, а вместе с ним последовало немалое число из остальных сенаторов. Один из них, Марк Петрей, в ответ на упрек Цезаря, что уходит до конца заседания, сказал: «Я предпочитаю быть в тюрьме с Катоном, чем здесь с тобой». Цезарь устыдился, вернул свободу Катону и распустил сенат, сказав... следующее: «Я сделал вас судьями и господами этого закона, чтобы, если вам что не понравится, не вносить его на обсуждение народа, но так как вы не захотели предварительно высказаться, то народ решит сам».

№3

ПЛУТАРХ ПОРІВНЯЛЬНІ ЖИТТЄПИСИ, ЦЕЗАРЬ

1. ...Когда Сулла захватил власть, он не смог ни угрозами, ни обещаниями побудить Цезаря к разводу с Корнелией, дочерью Цинны, бывшего одно время единоличным властителем Рима; поэтому Сулла конфисковал приданое Корнелии. Причиной же ненависти Суллы к Цезарю было родство последнего с Марием, ибо Марий Старший был женат на Юлии, тётке Цезаря; от этого брака родился Марий Младший, который был, следовательно, двоюродным братом Цезаря. Занятый вначале многочисленными убийствами и неотложными делами, Сулла не обращал на Цезаря внимания, но тот, не довольствуясь этим, выступил публично, добиваясь жреческой должности¹, хотя сам едва достиг юношеского возраста. Сулла воспротивился этому и сделал так, что Цезарь потерпел неудачу. Он намеревался даже уничтожить Цезаря и, когда ему говорили, что бессмысленно убивать такого мальчишку, ответил: «Вы ничего не понимаете, если не видите, что в этом мальчишке — много Мариев». Когда Цезарь узнал об этих словах Суллы, он долгое время скрывался, скитаясь в земле сабинян. Но однажды, когда он занемог и его переносили из одного дома в другой, он наткнулся ночью на отряд сулланских воинов, осматривавших эту местность, чтобы задерживать всех скрывающихся. Дав начальнику отряда Корнелию два таланта, Цезарь добился того, что был отпущен, и тотчас, добравшись до моря, отплыл в Вифинию, к царю Никомену. Проведя здесь немного времени, он на обратном пути у острова Фармакусы² был захвачен в плен пиратами, которые уже тогда имели большой флот и с помощью своих бесчисленных кораблей властвовали над морем.

2. Когда пираты потребовали у него выкупа в 20 талантов, Цезарь рассмеялся, заявив, что они не знают, кого захватили в плен, и сам предложил дать им 50 талантов. Затем, разослав своих людей в различные города за деньгами, он остался среди этих свирепых киликийцев с одним только другом и двумя слугами; несмотря на это, он вел себя так высокомерно, что всякий раз, собираясь отдохнуть, посылал приказать пиратам, чтобы те не шумели. 38 дней пробыл он у пиратов, ведя себя так, как если бы они были его телохранителями, а не он их пленником, и без малейшего страха забавлялся и шутил с ними. Он писал поэмы и речи, декламировал их пиратам и тех, кто не выражал своего восхищения, называл в лицо неучами и варварами, часто со смехом угрожая повесить их. Те же охотно выслушивали эти вольные речи, видя в них проявление благодушия и шутовства. Однако, как только прибыли выкупные деньги из Милета и Цезарь, выплатив их, был освобожден, он тотчас снарядил корабли и вышел из милетской гавани против пиратов. Он застал их ещё стоящими на якоре у острова и захватил в плен большую часть из них. Захваченные богатства он взял себе в качестве добычи, а людей заключил в тюрьму в Пергаме. Сам он отправился к Юнку, наместнику Азии, находя, что тому, как претору, надлежит наказать взятых в плен пиратов. Однако Юнк, смотревший с завистью на захваченные деньги (ибо их было немало), заявил, что займется рассмотрением дела пленников, когда у него будет время; тогда Це-

¹ По другим сведениям (Веллей, II, 43; Светоний, 1), Цезарь стал жрецом Юпитера ещё при Марии и Цинне, а Сулла лишил его этого достоинства.

² Недалеко от Милета.

заль, распрощавшись с ним, направился в Пергам, приказал вывести пиратов и всех до единого распять, как он часто предсказывал им на острове, когда они считали его слова шуткой.

3. Тем временем могущество Суллы пошло на убыль, а друзья Цезаря стали звать его в Рим. Однако Цезарь сначала отправился на Родос, в школу Аполлония, сына Молона, у которого учился и Цицерон и который славился не только ораторским искусством, но и своими нравственными достоинствами. Цезарь, как сообщают, и от природы был в высшей степени одарен способностями к красноречию на государственном поприще и ревностно упражнял своё дарование, так что, бесспорно, ему принадлежало второе место [после Цицерона] в этом искусстве; однако первенствовать в красноречии он отказался, заботясь больше о том, чтобы стать первым благодаря власти и силе оружия; будучи занят военными и гражданскими предприятиями, с помощью которых он подчинил себе государство, он не дошёл в ораторском искусстве до того предела, который был ему указан природой...

4. ...Цезарь, благодаря своим красноречивым защитительным речам в судах, добился блестящих успехов, а своей вежливостью и ласковой обходительностью стяжал любовь простонародья, ибо он был более внимателен к каждому, чем можно было ожидать в его возрасте. Да и его обеды, пиры и вообще блестящий образ жизни содействовали постепенному росту его влияния в государстве. Сначала завистники Цезаря не обращали на это внимания, считая, что он будет забыт сразу же после того, как иссякнут его средства. Лишь когда было поздно, когда эта сила уже так выросла, что ей трудно было что-либо противопоставить, и направилась прямо на ниспровержение существующего строя, они поняли, что нельзя считать незначительным начало ни в каком деле... Цицерон, как кажется, был первым, кто считал подозрительной и внушающей опасения деятельность Цезаря, по внешности спокойную, подобно гладкому морю, и распознал в этом человеке смелый и решительный характер, скрывающийся под маской ласковости и веселости. Он говорил, что во всех помыслах и образе действий Цезаря он усматривает тиранические намерения. «Но, — добавлял он, — когда я вижу, как тщательно уложены его волосы и как он почёсывает голову одним пальцем¹, мне всегда кажется, что этот человек не может замышлять такое преступление, как ниспровержение римского государственного строя»...

5. Первое доказательство любви к нему народа Цезарь получил в то время, когда, добываясь должности военного трибуна одновременно с Гаем Помпилием, был избран бóльшим числом голосов, нежели тот, второе же, и ещё более явное, когда после смерти своей тетки Юлии, жены Мария, он не только произнес на форуме блестящую похвальную речь умершей, но и осмелился выставить во время похорон изображения Мария, которые были показаны впервые со времени прихода к власти Суллы, так как Марий и его сторонники были объявлены врагами государства...

Держать надгробные речи при погребении старых женщин было у римлян в обычае, в отношении же молодых такого обычая не было, и первым сделал это Цезарь, когда умерла его жена... [Позже] он женился третьим браком² на Помпее, имея от Корнелии дочь, которую впоследствии выдал замуж за Помпея Магна.

Щедро расточая свои деньги и покупая, казалось, ценой величайших трат краткую и непрочную славу, в действительности же стяжая величайшие блага за дешёвую цену, он, как говорят, прежде чем получить первую должность, имел долгов на 1300 талантов. Назначенный смотрителем Аппиевой дороги³, он издержал много собственных денег, затем, будучи эдилом, выставил 320 пар гладиаторов, а пышными издержками на театры, церемонии и обеды затмил всех своих предшественников. Но и народ, со своей стороны, стал настолько расположен к нему, что каждый выискивал новые должности и почести, которыми можно было вознаградить Цезаря.

6. Рим тогда разделялся на два стана — приверженцев Суллы, имевших большую силу, и сторонников Мария, которые были полностью разгромлены, унижены и влачили жалкое существование. Чтобы вновь укрепить и повести за собой марианцев, Цезарь, когда воспоминания о его щедрости в должности эдила были ещё свежи, ночью принес на Капитолий и поставил сделанные втайне изображения Мария и богинь Победы, несущих трофеи. На следующее утро вид этих блестящих золотом и сделанных чрезвычайно искусно изображений, надписи на которых повествовали о победах над кимврами, вызвал у смотрящих чувствозумления перед отвагой человека, воздвигнувшего их (имя его, конечно, не осталось неизвестным). Слух об этом вскоре распространился, и римляне сбегались поглядеть на изображения. При этом одни кричали, что Цезарь замышляет тиранию, восстанавливая почести, погребённые законами и постановлениями сената... Марианцы же, напротив, сразу появившись во множестве, подбодряли друг друга и с рукоплесканиями заполнили Капитолий; у многих из них выступили слезы радости при виде изображения Мария, и они превозносили Цезаря величайшими похвалами, как единственного человека, который достоин родства с Марием. По этому поводу было созвано заседание сената, и Лутаций Катул, пользовавшийся тогда наибольшим влиянием у римлян, выступил с обвинением против Цезаря, бросив известную фразу: «Итак, Цезарь покушается на государство уже не путём подкопа, но с осадными машинами». Но Цезарь так умело выступил в свою защиту, что сенат остался удовлетворённым...

7. Между тем умер верховный жрец Метелл, и два известнейших человека, пользовавшихся огромным влиянием в сенате, — Сервилий Исаврийский и Катул, — боролись друг с другом, добываясь этой должности. Цезарь не отступил перед ними и также выставил в Народном собрании свою кандидатуру. Казалось, что все соискатели пользуются равной поддержкой, но Катул, из-за высокого положения, которое он занимал, более других опасался неясного исхода борьбы и потому начал переговоры с Цезарем, предлагая ему большую сумму денег, если он откажется от соперничества. Цезарь, однако, ответил, что будет продолжать борьбу, даже если для этого придется ещё большую сумму взять в долг. В день выборов, прощаясь со своей матерью, которая прослезилась, провожая его до дверей, он сказал: «Сегодня, мать, ты увидишь своего сына либо верховным жрецом, либо изгнанником». На выборах Цезарь одержал верх и этим внушил сенату и знати опасение, что он сможет увлечь народ на любую дерзость. Поэтому Пизон и Катул упрекали Цицерона, пощадившего Цезаря, который был замешан в заговоре Катилины. Как известно, Катилина намеревался не только свергнуть существующий строй, но и уничтожить всякую власть и произвести полный переворот. Сам он покинул город, когда против него появились лишь незначительные улики, а важнейшие замыслы оставались ещё скрытыми, Лентула же и Цетега оставил в Риме, чтобы они продолжали плести заговор. Неизвестно, оказывал ли тайно Цезарь в чём-нибудь поддержку и выражал ли сочувствие этим людям, но в сенате, когда они были полностью изобличены и консул Цицерон спрашивал у каждого сенатора его мнение о наказании виновных, все высказывались за смертную казнь, пока очередь не дошла до Цезаря, который выступил с заранее обдуманной речью, заявив, что убивать без суда людей, выдающихся по происхождению своему и достоинству, несправедливо и не в обычае римлян, если это не вызвано крайней необходимостью. Если же впредь до полной победы над Катилиной они будут содержаться под стражей в италийских городах, которые может выбрать сам Цицерон, то позже сенат сможет в обстановке мира и спокойствия решить вопрос о судьбе каждого из них.

¹ В Риме этот жест считался знаком изнеженности.

² Первую жену Цезаря звали Коссусия, второй была Корнелия, третья, Помпея, находилась в дальнем родстве с Помпеем Великим.

³ *Аппиева дорога* — «царица римских дорог», проложенная Аппием Клавдием Слепым в 312 г. до н.э., вела из Рима в Капулю, а затем в Брундизий.

8. Это предложение показалось настолько человеколюбивым и было так сильно и убедительно обосновано, что не только те, кто выступал после Цезаря, присоединились к нему, но и многие из говоривших ранее стали отказываться от своего мнения и поддерживать предложение Цезаря, пока очередь не дошла до Катона и Катутла. Эти же начали горячо возражать, а Катон даже высказал в своей речи подозрение против Цезаря и выступил против него со всей резкостью. Наконец, было решено казнить заговорщиков, а когда Цезарь выходил из здания сената, то на него набросилось с обнаженными мечами много сбежавшихся юношей из числа охранявших тогда Цицерона. Но, как сообщают, Курион, прикрыв Цезаря своей тогой, благополучно вывел его, да и сам Цицерон, когда юноши оглянулись, знаком удержал их, либо испугавшись народа, либо вообще считая такое убийство несправедливым и противозаконным... Позже его обвиняли в том, что он не воспользовался представившейся тогда прекрасной возможностью избавиться от Цезаря, а испугался народа, необычайно привязанного к Цезарю. Эта привязанность проявилась через несколько дней, когда Цезарь пришел в сенат, чтобы защищаться против выдвинутых подозрений, и был встречен враждебным шумом. Видя, что заседание затягивается дольше обычного, народ с криками сбежался и обступил здание, настоятельно требуя отпустить Цезаря. Поэтому и Катон, сильно опасаясь восстания неимущих, которые, возлагая надежды на Цезаря, воспламеняли и весь народ, убедил сенат учредить ежемесячные хлебные раздачи для бедняков. Это прибавило к остальным расходам государства новый — в сумме семи миллионов пятисот тысяч драхм ежегодно, но зато отвратило непосредственно угрожающую великую опасность, так как лишило Цезаря большей части его влияния как раз в то время, когда он собирался занять должность претора и вследствие этого должен был стать ещё опаснее...

11. После претуры Цезарь получил в управление провинцию Испанию. Так как он не смог прийти к соглашению со своими кредиторами, с криком осаждавшими его и противодействовавшими его отъезду, он обратился за помощью к Крассу, самому богатому из римлян. Крассу нужны были сила и энергия Цезаря для борьбы против Помпея; поэтому он удовлетворил наиболее настойчивых и неумолимых кредиторов Цезаря и, дав поручительство на сумму в 830 талантов, предоставил Цезарю возможность отправиться в провинцию. ...Когда Цезарь перевалил через Альпы и проезжал мимо бедного городка с крайне немногочисленным варварским населением, его приятели спросили со смехом: «Неужели и здесь есть соревнование из-за должностей, споры о первенстве, раздоры среди знати?» «Что касается меня, — ответил им Цезарь с полной серьезностью, — то я предпочел бы быть первым здесь, чем вторым в Риме». В другой раз, уже в Испании, читая на досуге что-то из написанного о деяниях Александра, Цезарь погрузился на долгое время в задумчивость, а потом даже прослезился. Когда удивленные друзья спросили его о причине, он ответил: «Неужели вам кажется недостаточной причиной для печали то, что в моем возрасте Александр уже правил столькими народами, а я до сих пор ещё не совершил ничего замечательного!»

12. Сразу же по прибытии в Испанию он развил энергичную деятельность. Присоединив в течение нескольких дней к своим двадцати когортам ещё десять, но выступил с ними против каллаиков и лузитанцев, которых и победил, дойдя затем до Внешнего моря и покорив несколько племён, ранее не подвластных римлянам. Достигнув такого успеха в делах военных, Цезарь не хуже руководил и гражданскими: он установил согласие в городах и прежде всего уладил споры между заимодавцами и должниками. А именно, он предписал, чтобы из ежегодных доходов должника одна треть оставалась ему, остальное же шло заимодавцам, пока таким образом долг не будет выплачен. Совершив эти дела, получившие всеобщее одобрение, Цезарь выехал из провинции, где он и сам разбогател и дал возможность обогатиться во время походов своим воинам, которые провозгласили его императором.

13. Лицам, домогающимся триумфа, надлежало оставаться вне Рима, а ищущим консульской должности — присутствовать в городе. Цезарь, который вернулся как раз во время консульских выборов, не знал, что ему предпочесть, и поэтому обратился в сенат с просьбой разрешить ему домогаться консульской должности заочно, через друзей. Катон первым выступил против этого требования, настаивая на соблюдении закона. Когда же он увидел, что Цезарь успел многих расположить в свою пользу, то, чтобы затянуть разрешение вопроса, произнес речь, которая продолжалась целый день. Тогда Цезарь решил отказаться от триумфа и добиваться должности консула. Итак, он прибыл в Рим и сразу же предпринял ловкий шаг, введя в заблуждение всех, кроме Катона. Ему удалось примирить Помпея и Красса, двух людей, пользовавшихся наибольшим влиянием в Риме. Тем, что Цезарь взамен прежней вражды соединил их дружбой, он поставил могущество обоих на службу себе самому и под прикрытием этого человеколюбивого поступка произвел незаметно для всех настоящий государственный переворот. Ибо причиной гражданских войн была не вражда Цезаря и Помпея, как думает большинство, но в большей степени их дружба, когда они сначала соединились для уничтожения власти аристократии, а затем поднялись друг против друга...

14. ...Цезарь, поддерживаемый с двух сторон, благодаря дружбе с Помпеем и Крассом, добился успеха на выборах и с почётом был провозглашен консулом вместе с Кальпурнием Бибулом. Едва лишь он вступил в должность, как из желания угодить черни внёс законопроекты, более приличествовавшие какому-нибудь дерзкому народному трибуну, нежели консулу, — законопроекты, предлагавшие вывод колоний и раздачу земель. В сенате все лучшие граждане высказались против этого, и Цезарь, который давно уже искал к тому повода, поклялся громогласно, что черствость и высокомерие сенаторов вынуждают его против его воли обратиться к народу для совместных действий. С этими словами он вышел на форум. Здесь, поставив рядом с собой с одной стороны Помпея, с другой — Красса, он спросил, одобряют ли они предложенные законы. Когда они ответили утвердительно, Цезарь обратился к ним с просьбой помочь ему против тех, кто грозитя противодействовать этим законопроектам с мечом в руке. Оба обещали ему свою поддержку, а Помпеем прибавил, что против поднявших мечи он выйдет не только с мечом, но и со щитом. Эти слова огорчили аристократов, которые сочли это выступление сумасбродной, ребяческой речью, не приличествующей достоинству самого Помпея и роняющей уважение к сенату, зато народу они очень понравились. Чтобы ещё свободнее использовать в своих целях могущество Помпея, Цезарь выдал за него свою дочь Юлию, хотя она и была уже помолвлена с Сервилием Цепионом, последнему же он обещал дочь Помпея, которая также не была свободна, ибо была обручена с Фавстом, сыном Суллы. Немного позже сам Цезарь женился на Кальпурнии, дочери Пизона, которого он провёл в консулы на следующий год. Это вызвало сильное негодование Катона, заявлявшего, что нет сил терпеть этих людей, которые брачными союзами добывают высшую власть в государстве и с помощью женщин передают друг другу войска, провинции и должности. Бибул, товарищ Цезаря по консульству, всеми силами противодействовал его законопроектам; но так как он ничего не добился и даже вместе с Катоном рисковал быть убитым на форуме, то заперся у себя дома и не появлялся до истечения срока должности. Помпеем вскоре же после своей свадьбы заполнил форум вооруженными воинами и этим помог народу добиться утверждения законов, а Цезарю получить в управление на пять лет обе Галлии... вместе с Иллириком и четыре легиона. Катона, который отважился выступить против этого, Цезарь отправил в тюрьму, рассчитывая, что тот обратится с жалобой к народным трибунам. Однако, видя, что Катон, не говоря ни слова, позволяет увести себя и что не только лучшие граждане угнетены этим, но и народ, из уважения к добродетели Катона, молча и в унынии следует за ним, Цезарь сам тайком попросил одного из народных трибунов освободить Катона...

15. ...Что же касается до времени, когда Цезарь вёл эти войны и ходил в походы, подчинившие Галлию, то здесь он как бы начал иную жизнь, вступив на путь новых деяний. Он выказал себя не уступающим никому из величайших, удивительнейших

полководцев и военных деятелей. Ибо, если сравнить с ним Фабиев, Сципионов и Метеллов или живших одновременно с ним и незадолго до него Суллу, Мариа, обоих Лукуллов и даже самого Помпея, воинская слава которого превозносилась тогда до небес, то Цезарь своими подвигами одних оставит позади по причине суровости мест, в которых он вел войну, других — в силу размеров страны, которую он завоевал, третьих — имея в виду численность и мощь неприятеля, которого он победил, четвертых — принимая в расчет дикость и коварство, с которыми ему пришлось столкнуться, пятых — человеколюбием и снисходительностью к пленным, шестых — подарками и щедростью к своим воинам и, наконец, всех — тем, что он дал больше всего сражений и истребил наибольшее число врагов. Ибо за те неполные десять лет, в течение которых он вел войну в Галлии, он взял штурмом более восьмисот городов, покорил триста племен, сражался с тремя миллионами людей, из которых один миллион уничтожил во время битв и столько же захватил в плен.

16. Он пользовался такой любовью и преданностью своих воинов, что даже те люди, которые в других войнах ничем не отличились, с непреодолимой отвагой шли на любую опасность ради славы Цезаря. Примером может служить Ацилий, который в морском сражении у Массилии¹ вскочил на вражеский корабль и, когда ему отрубили мечом правую руку, удержал щит в левой, а затем, нанося этим щитом удары врагам в лицо, обратил всех в бегство и завладел кораблем. Другой пример — Кассий Сцева, который в битве при Диррахии, лишившись глаза, выбитого стрелой, раненный в плечо и бедро дротиками и принявший своим щитом удары ста тридцати стрел, кликнул врагов, как бы желая сдаться; но когда двое из них подошли к нему, то одному он отрубил руку мечом, другого обратил в бегство ударом в лицо, а сам был спасен своими, подоспевшими на помощь. В Британии однажды передовые центурионы попали в болотистые, залитые водой места и подверглись здесь нападению противника. И вот один на глазах Цезаря, наблюдавшего за стычкой, бросился вперед и, совершив много удивительных по смелости подвигов, спас центурионов из рук варваров, которые разбежались, а сам последним кинулся в протоку, и где вплавь, где вброд перебрался на другую сторону, насилу преодолев все препятствия и потеряв при этом щит. Цезарь и стоявшие вокруг встретили его криками изумления и радости, а воин в большом смущении, со слезами бросился к ногам Цезаря, прося у него прощения за потерю щита...

17. Подобное мужество и любовь к славе Цезарь сам взрастил и воспитал в своих воинах прежде всего тем, что щедро раздавал почести и подарки: он желал показать, что добытые в походах богатства копил не для себя, не для того, чтобы самому утопать в роскоши и наслаждениях, но хранит их как общее достояние и награду за воинские заслуги, оставляя за собой лишь право распределять награды между отличившимися. Вторым средством воспитания войска было то, что он сам добровольно бросался навстречу любой опасности и не отказывался переносить какие угодно трудности. Любовь его к опасностям не вызывала удивления у тех, кто знал его честолубие, но всех поражало, как он переносил лишения, которые, казалось, превосходили его физические силы, ибо он был слабого телосложения, с белой и нежной кожей, страдал головными болями и падучей, первый припадок которой, как говорят, случился с ним в Кордубе. Однако он не использовал свою болезненность как предлог для изнеженной жизни, но, сделав средством исцеления военную службу, старался беспрестанными переходами, скудным питанием, постоянным пребыванием под открытым небом и лишениями победить свою слабость и укрепить свое тело. Спал он большей частью на повозке или на носилках, чтобы использовать для дела и часы отдыха. Днем он объезжал города, караульные отряды и крепости, причем рядом с ним сидел раб, умевший записывать за ним, а позади один воин с мечом. Он передвигался с такой быстротой, что в первый раз проделал путь от Рима до Родана за восемь дней. Верховая езда с детства была для него привычным делом. Он умел, отведя руки назад и сложив их за спиной, пустить коня во весь опор. А во время этого похода он упражнялся ещё и в том, чтобы, сидя на коне, диктовать письма, занимая одновременно двух или даже, как утверждает Оппий, ещё большее число писцов. Говорят, что Цезарь первым пришел к мысли беседовать с друзьями по поводу неотложных дел посредством писем, когда величина города и исключительная занятость не позволяли встречаться лично...

18. Первою из галльских войн, которую ему пришлось вести, была с *гельветами* и *тигуринами*². Эти племена сожгли двенадцать своих городов и четыреста деревень и двинулись через подвластную римлянам Галлию, как прежде *кимбры* и *тевтоны*, которым они, казалось, не уступали ни смелостью, ни многолюдством, ибо всего их было триста тысяч, в том числе способных сражаться — 190 тысяч. *Тигуринов* победил не сам Цезарь, а Лабиев, которого он выслал против них и который разгромил их у реки Арара. Гельветы же напали на Цезаря неожиданно, когда он направлялся с войском к одному из союзных городов; тем не менее он успел занять надежную позицию и здесь, собрав свои силы, выстроил их в боевой порядок. Когда ему подвели коня, Цезарь сказал: «Я им воспользуюсь после победы, когда дело дойдет до погони. А сейчас — вперед, на врага!» — и с этими словами начал наступление в пешем строю. После долгой и упорной битвы он разбил войско варваров, но наибольшие трудности встретил в лагере, у повозок, ибо там сражались не только вновь сплотившиеся воины, но и женщины и дети, защищавшиеся вместе с ними до последней капли крови. Все были изрублены, и битва закончилась только к полуночи. К этой замечательной победе Цезарь присоединил ещё более славное деяние, заставив варваров, уцелевших после сражения (а таких было свыше 100 тыс.), соединиться и вновь заселить ту землю, которую они покинули, и города, которые они разорили. Сделал же он это из опасения, что в опустевшие области перейдут германцы и захватят их.

19. Вторую войну он вел уже загаллов против германцев, хотя раньше и объявил в Риме их царя Ариовиста союзником римского народа. Но германцы были несносными соседями для покоренных Цезарем народностей, и было ясно, что они не удовлетворятся существующим порядком вещей, но, при первом удобном случае, захватят всю Галлию и укрепятся в ней. Когда Цезарь заметил, что начальники в его войске робеют, в особенности те молодые люди из знатных семей, которые последовали за ним из желания обогатиться и жить в роскоши, он собрал их на совет и объявил, что те, кто настроен так трусливо и малодушно, могут возвратиться домой и не подвергать себя опасности против своего желания. «Я же, — сказал он, — пойду на варваров с одним только десятым легионом, ибо те, с кем мне предстоит сражаться, не сильнее *кимбров*, а сам я не считаю себя полководцем слабее Мариа». Узнав об этом, десятый легион отправил к нему делегатов, чтобы выразить свою благодарность, остальные же легионы осуждали своих начальников и, наконец, все, исполнившись смелости и воодушевления, последовали за Цезарем и после многодневного пути разбили лагерь в двухстах стадиев от противника. Уже самый приход Цезаря несколько расстроил дерзкие планы Ариовиста, ибо он никак не ожидал, что римляне, которые, казалось, не смогут выдержать натиска германцев, сами решатся на нападение. Он дивился отваге Цезаря и в то же время увидел, что его собственная армия приведена в замешательство. Но ещё более ослабило мужество германцев предсказание священных жен, которые, наблюдая водовороты в реках и прислушиваясь к шуму потоков, возвестили, что нельзя начинать сражение раньше новолуния. Когда Цезарь узнал об этом и увидел, что германцы воздерживаются от нападения, он решил, что лучше напасть на них, пока они не расположены к бою, чем оставаться в бездеятельно-

¹ Сражение во время гражданской войны в 49 г. до н.э.

² *Тигурины* — одно из 4 племен кельтского народа гельветов. Теснимые германцами, они начали переселение из области современной Швейцарии на запад, тесня другие галльские племена, и Цезарь воспользовался этим как поводом для вооруженного вмешательства в галльские дела.

сти, позволяя им выжидать более подходящего для них времени. Совершая налеты на укрепления вокруг холмов, где они разбили свой лагерь, он так раздражил германцев, что те в гневе вышли из лагеря и вступили в битву. Цезарь нанёс им сокрушительное поражение и, обратив в бегство, гнал их до самого Рейна, на расстоянии в четыреста стадиев, покрыв все это пространство трупами врагов и их оружием. Ариовист с немногими людьми успел все же переправиться через Рейн. Число убитых, как сообщают, достигло 80 тыс.

20. После этого, оставив своё войско на зимних квартирах в земле *секванов*, Цезарь сам, чтобы заняться делами Рима, направился в Галлию, лежащую вдоль реки Пада и входившую в состав назначенной ему провинции, ибо границей между Предальпийской Галлией и собственно Италией служит река Рубикон. Сюда к Цезарю приезжали многие из Рима, и он имел возможность увеличить своё влияние, исполняя просьбы каждого, так что все уходили от него, либо получив то, чего желали, либо надеясь это получить. Таким образом действовал он в течение всей войны: то побеждал врагов оружием сограждан, то овладевал самими гражданами при помощи денег, захваченных у неприятеля. А Помпей ничего не замечал.

Между тем *белги*, наиболее могущественные из галлов, владевшие третьей частью всей Галлии, отложились от римлян и собрали многотысячное войско. Цезарь выступил против них со всей поспешностью и напал на врагов, в то время как они опустошали земли союзных римлянам племен. Он опрокинул полчища врагов, оказавших лишь ничтожное сопротивление, и учинил такую резню, что болота и глубокие реки, заваленные множеством трупов, стали легко проходимыми для римлян. После этого все народы, живущие на берегу Океана, добровольно покорились вновь, но против нервиев, наиболее диких и воинственных из племен, населяющих страну белгов, Цезарь должен был выступить в поход. Нервии, обитавшие в густых чащобах, укрыли свои семьи и имущество далеко от врага, а сами в глубине леса в количестве 60 тыс. человек напали на Цезаря как раз тогда, когда он, занятый сооружением вала вокруг лагеря, никак не ожидал нападения. Варвары опрокинули римскую конницу и, окружив двенадцатый и седьмой легионы, перебили всех центурионов. Если бы Цезарь, прорвавшись сквозь гущу сражающихся, не бросился со щитом в руке на варваров и если бы при виде опасности, угрожающей полководцу, десятый легион не ринулся с высот на врага и не смял его ряды, вряд ли уцелел бы хоть один римский воин. Но смелость Цезаря привела к тому, что римляне бились, можно сказать, свыше своих сил и, так как нервии все же не обратились в бегство, уничтожили их, несмотря на отчаянное сопротивление. Из 60 тысяч варваров осталось в живых только 500, а из четырехсот их сенаторов — только трое.

21. Когда весть об этом пришла в Рим, сенат постановил устроить 15-дневные празднества в честь богов, чего не бывало раньше ни при какой победе. Но, с другой стороны, и сама опасность, когда восстало одновременно столько враждебных племен, казалась огромной, и любовь народа к Цезарю окружила его победы особенно ярким блеском. Приведя в порядок дела в Галлии, Цезарь вновь перезимовал в долине Пада, укрепляя свое влияние в Риме, ибо те, кто, пользуясь его помощью, добивался должностей, подкупали народ его деньгами, а получив должность, делали все, что могло увеличить могущество Цезаря. Мало того, большинство из наиболее знатных и выдающихся людей съехались к нему в Луку, в том числе Помпей, Красс, претор Сардинии Аппий и наместник Испании Непот, так что всего там собралось сто двадцать ликторов и более двухсот сенаторов. На совещании было решено следующее: Помпей и Красс должны быть избраны консулами, Цезарю же, кроме продления консульских полномочий ещё на пять лет, должна быть также выдана определенная сумма денег. Это последнее условие казалось весьма странным всем здравомыслящим людям. Ибо как раз те лица, которые получили от Цезаря столько денег, предлагали сенату или, скорее, принуждали его, вопреки его желанию, выдать Цезарю деньги, как будто бы он не имел их. Катона* тогда не было — его нарочно отправили на Кипр, Фавоний же, который был приверженцем Катона, не добившись ничего своими возражениями в сенате, убежал из дверей курии, громко зывая к народу. Но никто его не слушал: иные боялись Помпея и Красса, а большинство молчало из угрождения Цезарю, на которого оно возлагало все свои надежды.

22. Цезарь же, снова вернувшись к своим войскам в Галлию, застал там тяжелую войну: два германских племени — *узунеты* и *тенктеры* — перешли через Рейн, ища новых земель. О войне с ними Цезарь рассказывает в своих «Записках» следующее¹. Варвары отправили к нему послов, но во время перемирия неожиданно напали на него в пути, и потому их отряд из восьмисот всадников обратил в бегство 5 тыс. всадников Цезаря, застигнутых врасплох. Затем они вторично отправили послов с целью снова обмануть его, но он задержал послов² и повёл на германцев войско, считая, что глупо доверять на слово столь вероломным и коварным людям. Танузий, правда, сообщает, что, когда сенат выносил постановления о празднике и жертвоприношениях в честь победы, Катон выступил с предложением выдать Цезаря варварам³, чтобы очистить город от пятна клятвопреступления и обратить проклятие на того, кто один в этом повинен. Из тех, кто перешли Рейн, 400 тыс. было изрублено; немногие вернувшиеся назад были дружелюбно приняты германским племенем *сугамбров*. Желая приобрести славу первого человека, перешедшего с войском Рейн, Цезарь использовал это в качестве предлога для похода на *сугамбров* и начал постройку моста через широкий поток, который как раз в этом месте был особенно полноводным и бурным и обладал такой силой течения, что ударами несущихся бревен угрожал снести столбы, поддерживавшие мост. Но Цезарь приказал вколотить в дно реки огромные и толстые сваи и, как бы обуздав силу потока, в течение десяти дней навёл мост, вид которого превосходил всякие ожидания.

23. ...Затем он перевёл свои войска на другой берег, не встречая никакого сопротивления, ибо даже свефы, самые могущественные среди германцев, укрылись в далеких лесных дубрах. Поэтому он опустошил огнем землю врагов, укрепил бодрость тех, которые постоянно были союзниками римлян, и вернулся в Галлию, проведя в Германии 18 дней. Поход против британцев доказал исключительную смелость Цезаря. Ибо он был первым, кто вышел в Западный океан и переправился с войском через Атлантическое море, кто расширил римское господство за пределы известного круга земель, попытавшись овладеть островом столь невероятных размеров, что многие писатели утверждают, будто его и не существует, а рассказы о нём и самоё его название — одна лишь выдумка. Цезарь дважды переправлялся на этот остров с противоположного берега Галлии, но после того, как он нанёс более вреда противнику, чем доставил выгоды своим войскам (у этих бедных и скудно живущих людей не было ничего, что стоило бы захватить), он закончил эту войну не так, как желал: взяв заложников у царя варваров и обложив их данью, он покинул Британию. В Галлии его ждало письмо, которое не успели доставить ему в Британию. Друзья, находящиеся в Риме, сообщали о смерти его

¹ О войне с узунетами и тенктерами — в «Записках о галльской войне», IV, 1-15; о переправе через Рейн — IV, 16-19.

² События зимы 56-55 гг. до н.э. выглядели следующим образом: на следующий день после инцидента с конницей в римский лагерь явилось большое посольство узунетов и тенктеров, в составе которого было много германских князей и старейшин, принося извинения за вчерашнее и снова заверяя в своём стремлении к миру. Светоний пишет: «Обрадованный их приходом Цезарь велел, вместо ответа, схватить их и тотчас же двинулся с войском вперед, приказав проявившей трусость коннице идти в арьергарде». Нападение римской армии было для германцев совершенно неожиданным. Они не смогли оказать организованного сопротивления и обратились в беспорядочное бегство, во время которого многие были зарублены, многие потонули при попытках переправиться вплавь через реку. По утверждению Цезаря, общее количество германцев в лагере (очевидно, включая женщин и детей) достигало 430 тыс. человек.

³ Политические противники Цезаря (в первую очередь Катон*) требовали его выдачи варварам за совершённое клятвопреступление (очевидно, за «противозаконный» захват послов). Цезарь, по всей вероятности, принял через своих сторонников необходимые контрмеры — насколько известно, никакой сенатской комиссии не было создано и дальше словесных заявлений дело не пошло.

дочери, супруги Помпея, скончавшейся от родов. Как Помпеем, так и Цезарем овладела великая скорбь, друзей же их охватило смятение, потому что теперь распались узы родства, которое ещё поддерживало мир и согласие в страдающем от раздоров государстве: ребенок также вскоре умер, пережив свою мать лишь на несколько дней. Тело Юлии народ, несмотря на противодействие народных трибунов, отнес на Марсово поле и там похоронил.

24. Чтобы поставить свое сильно увеличившееся войско на зимние квартиры, Цезарь вынужден был разделить его на много частей, а сам, как обычно, отправился в Италию. Но в это время вновь вспыхнуло всеобщее восстание в Галлии, и полчища восставших, бродя по стране, разоряли зимние квартиры римлян и нападали даже на укрепленные римские лагеря. Наибольшая и сильнейшая часть повстанцев во главе с Амбиоригом перебила отряд Котты и Титурия. Затем с 60-тыс. армией Амбиориг осадил легион Цицерона¹ и едва не взял лагерь штурмом, ибо римляне все были ранены и держались скорее благодаря своей отваге, нежели силе. Когда Цезарь, находившийся уже далеко, получил известие об этом, он тотчас вернулся и, собрав семь тысяч воинов, поспешил с ними на выручку к осажденному Цицерону. Осаждающие, узнав о его приближении, выступили навстречу, относясь с презрением к малочисленному противнику и рассчитывая сразу же его уничтожить. Цезарь, все время искусно избегая встречи с ними, достиг такого места, где можно было успешно обороняться против превосходящих сил врага, и здесь стал лагерем. Он удерживал своих воинов от всяких стычек с галлами и заставил их возвести вал и выстроить ворота, как бы обнаруживая страх перед врагом и поощряя его заносчивость. Когда же враги, исполнившись дерзости, стали нападать без всякого порядка, он сделал вылазку, обратил их в бегство и многих уничтожил.

25. Эта победа пресекла многочисленные восстания местных галлов, да и сам Цезарь в течение зимы разъезжал повсюду, энергично подавляя возникающие беспорядки. К тому же на смену погибшим легионам прибыло три легиона из Италии: два из них предоставил Цезарю Помпей из числа бывших под его командованием, а третий был набран заново в галльских областях по реке Пад. Но вскоре обнаружилось первые признаки самой большой и опасной войны, какая когда-либо велась в Галлии. Замысел её давно уже созрел втайне и распространялся влиятельнейшими людьми среди самых воинственных племен. В их распоряжении были и многочисленные вооруженные силы, и большие суммы денег, собранные для войны, и укрепленные города, и труднопроходимые местности. А так как по причине зимнего времени реки покрылись льдом, леса — снегом, долины были затоплены, тропы в одних местах исчезли под толстою снежной пеленой, в других сделались ненадежны из-за болот и разлившихся вод, то казалось совершенно очевидным, что Цезарь не сможет ничего сделать с восставшими. Поднялось много племен, но очагом восстания были земли арвернов и карнутов. Общим главнокомандующим повстанцы избрали Верцингеторикса, отца которого галлы ранее казнили, подозревая его в стремлении к тираннии.

26. Верцингеторикс разделил свои силы на много отдельных отрядов, поставив во главе их многочисленных начальников, и склонил на свою сторону всю область, расположенную вокруг Арара. Он рассчитывал поднять всю Галлию, в то время как в самом Риме начали объединяться противники Цезаря. Если бы он сделал это немного позже, когда Цезарь был уже вовлечен в гражданскую войну, то Италии угрожала бы не меньшая опасность, чем во время нашествия кимвров. Но Цезарь, который, как никто другой, умел использовать на войне любое преимущество и прежде всего — благоприятное стечение обстоятельств, выступил со своим войском тотчас же по получении известия о восстании; большое пространство, которое он прошел в короткое время, быстрота и стремительность передвижения по зимнему бездорожью показали варварам, что на них движется непреодолимая и непобедимая сила. Ибо в тех местах, куда, казалось, и вестник с письмом не сможет проникнуть, даже пробираясь в течение долгого времени, они увидели вдруг самого Цезаря со всем войском. Цезарь шёл, опустошая поля, уничтожая укрепления, покоряя города, присоединяя сдающихся, пока против него не выступило племя эдуев. Эдуи ранее были провозглашены братьями римского народа и пользовались особенным почетом, а потому теперь, примкнув к восставшим, они повергли войско Цезаря в тяжкое уныние. Цезарь был вынужден очистить их страну и направился через область лингонов к севанам, которые были его союзниками и земля которых отделяла восставшие галльские области от Италии. Во время этого похода он подвергся нападению врагов, окруживших его огромными полчищами, и решился дать битву. После долгого и кровопролитного сражения он в конце концов одолел и разбил варваров. Вначале, однако, он, по-видимому, терпел урон, — по крайней мере арверны и ныне показывают висящий в храме меч Цезаря, захваченный в бою. Он сам впоследствии, увидав этот меч, улыбнулся и, когда его друзья хотели убрать меч, не позволил сделать это, считая приношение священным.

27. Между тем большинство варваров из числа уцелевших в сражении скрылось со своим царем в городе Алезии. Во время осады этого города, казавшегося неприступным из-за высоких стен и многочисленности осажденных, Цезарь подвергся огромной опасности, ибо отборные силы всех галльских племен, объединившихся между собой, прибыли к Алезии в количестве 300 тыс. человек, в то время как число запершихся в городе было не менее 170 тыс. Стиснутый и зажатый меж двумя столь большими силами, Цезарь был вынужден возвести две стены: одну — против города, другую — против пришедших галлов... Борьба под Алезией пользуется заслуженной славой, так как ни одна другая война не дает примеров таких смелых и искусных подвигов. Но более всего удивительно, как Цезарь, сразившись с многочисленным войском за стенами города и разбив его, проделал это незаметно не только для осажденных, но даже и для тех римлян, которые охраняли стену, обращенную к городу. Последние узнали о победе не раньше, чем услышали доносящиеся из Алезии плач и рыдания мужчин и женщин, которые увидели, как римляне с противоположной стороны несут в свой лагерь множество щитов, украшенных серебром и золотом, панцирей, залитых кровью, множество кубков и галльских палаток. Так мгновенно... была уничтожена и рассеяна эта несметная сила, причем бóльшая часть варваров погибла в битве. Наконец сдались и защитники Алезии... Верцингеторикс, руководитель всей войны, надев самое красивое вооружение и богато украсив коня, выехал из ворот. Объехав вокруг возвышения, на котором сидел Цезарь, он соскочил с коня, сорвал с себя все доспехи и, сев у ног Цезаря, оставался там, пока его не заключили под стражу, чтобы сохранить для триумфа.

№4

ПЛУТАРХ, ПОРІВНЯЛЬНІ ЖИТТЄПИСИ, ПОМПЕЙ

46. ...После возвращения из Азии Лукулла*, смертельно оскорбленного Помпеем, сенат не только устроил Лукуллу торжественный приём, но и стал побуждать его к государственной деятельности, чтобы с его помощью ограничить влияние Помпея, который также был уже в Риме. Лукулл, правда, растерял свой пыл и охладел к государственной деятельности, предавшись удовольствиям и развлечениям праздности и богатства. Тем не менее он напал на Помпея и принялся так настойчиво защищать свои распоряжения в Азии, которые Помпей отменил, что при поддержке Катона достиг в сенате полной победы. Потерпев поражение и теснимый в сенате, Помпей был вынужден прибегнуть к помощи народных трибунов и связаться с мальчишками. Самый отврати-

¹ Имеется в виду Кв. Туллий Цицерон, брат оратора; был легатом у Цезаря в 54-52 гг. до н.э.; его лагерь в 54 г. до н.э. находился в Бельгии.

тельный и наглый из них, Клодий, охотно пойдя навстречу Помпею, поставил его в полную зависимость от народа. Клодий ставил Помпея, вопреки его достоинству, бегать за собой по форуму и пользовался его поддержкой, чтобы придать вес законопроектам, которые он предлагал, и речам, которые он произносил, желая лестью снискать расположение толпы. Кроме того, — словно обществом своим он не позорил, но благодетельствовал Помпея, — Клодий требовал ещё награды, которую впоследствии и получил, — Помпей принёс ему в жертву Цицерона, который был другом Помпея и очень часто оказывал ему услуги на государственном поприще. Когда Цицерон в минуту опасности обратился за помощью к Помпею, последний даже не принял его, но приказав закрыть двери перед всеми, кто приходил к нему, сам ушёл через другой выход. Цицерону пришлось тогда из страха перед судебным процессом тайно покинуть Рим.

47. В это время Цезарь по возвращении в Рим после претуры предпринял такой ход, который в тот момент стяжал ему горячую любовь сограждан, а впоследствии доставил огромную власть, Помпею же и самому государству нанёс тяжелейший ущерб. Цезарь стал добиваться своего первого консульства. Несогласия между Помпеем и Крассом, если бы Цезарь присоединился к одному из них, сразу делали его врагом другого. Имея это в виду, Цезарь попытался примирить обоих государственных деятелей — дело само по себе прекрасное, мудрое и отвечающее интересам государства, но затеянное с дурным намерением и проведенное с тонким коварством. До сих пор разделенное на две части могущество, как груз на корабле, выравнивало крен и поддерживало равновесие в государстве. Теперь же могущество сосредоточилось в одном пункте и сделалось настолько неодолимым, что опрокинуло и разрушило весь существующий порядок вещей. Поэтому Катон в ответ на утверждение, что республику ниспровергла возникшая впоследствии вражда между Цезарем и Помпеем, заявил, что ошибаются те, кто считает причиной гибели республики это последнее обстоятельство. Действительно, не раздоры, не вражда этих государственных деятелей, а их объединение и дружба принесли республике первейшее и величайшее несчастье.

Цезарь был избран консулом и тотчас в угоду беднякам и неимущим внёс законопроект об основании колоний и раздаче земель¹; тем самым он нарушил достоинство своего сана, превратив консульство в своего рода трибунат. Когда товарищ Цезаря по должности, Бибул, воспротивился его намерениям, а Катон старался всемерно помочь Бибулу, Цезарь просто выпустил на ораторское возвышение Помпея и, обратившись к нему, спросил, одобряет ли тот внесенные им законопроекты. Когда последовал утвердительный ответ, Цезарь продолжал: «Итак, если кто-нибудь вздумает насильем помешать законопроекту, придешь ли ты на помощь народу?» «Конечно, — ответил Помпей, — против тех, кто угрожает мечом, я выступлю с мечом и щитом». Ничего более грубого Помпей, кажется, до этого дня ещё не говорил и не совершал. Поэтому в оправдание Помпея говорили, что эти слова сорвались у него с языка сгоряча. Однако последующие события ясно показали, что Помпей совершенно подчинился Цезарю. Действительно, вопреки всем ожиданиям, Помпей женился на Юлии, дочери Цезаря, уже обрученной с Цепионом и собиравшейся выйти замуж через несколько дней. Чтобы смягчить гнев Цепиона, Помпей обещал ему в жены собственную дочь, хотя она тоже была ранее обручена с Фавстом, сыном Суллы. Сам Цезарь женился на Кальпурнии, дочери Пизона.

48. После этого Помпей наполнил Рим своими воинами и вершил все дела путем открытого насилия. ...Его воины внезапно напали на Бибула, когда тот спускался на форум вместе с Лукуллом и Катоном, и переломали прутья его ликторов; кто-то из них высыпал на голову Бибула корзину с навозом; двое народных трибунов, его сопровождавшие, были ранены. Очистив таким образом форум от своих противников, Цезарь и Помпей утвердили закон о распределении земель. Соблазненный этим законом, народ сделался сговорчивым и склонным принимать всякое их предложение; теперь он вовсе не вникал ни во что, но молчаливо одобрял их законопроекты. Таким образом были утверждены распоряжения Помпея, из-за которых у него шел спор с Лукуллом, Цезарю же были предоставлены Галлия по эту и по ту стороны Альп и Иллирия, а также четыре полных легиона сроком на пять лет; консулами на следующий год были выбраны Пизон, тесть Цезаря, и Габиний, один из наиболее отвратительных льстецов Помпея. Во время этих событий Бибул сидел взаперти в своем доме; в течение восьми месяцев он не появлялся для выполнения своих обязанностей консула, а лишь издавал указы, полные злобных обвинений против его противников — Помпея и Цезаря. Что касается Катона, то он, словно одержимый пророческим наитием, предвещал в сенате предстоящую судьбу республики и самого Помпея. Лукулл же, устав от борьбы, жил на покое, как человек, уже неспособный больше к государственной деятельности. По этому поводу Помпей заметил, что старику предаваться роскоши подобает ещё меньше, чем заниматься государственными делами. Тем не менее и сам Помпей быстро растерял свою энергию, ухаживая за молодой женой; он посвящал ей большую часть своего времени, проводя вместе с нею целые дни в загородных имениях и садах и вовсе не обращая внимания на то, что творилось на форуме. Клодий, бывший тогда народным трибуном, стал относиться к нему пренебрежительно и позволил себе весьма наглые поступки. Так, он изгнал из Рима Цицерона и послал Катона на Кипр под предлогом ведения войны на этом острове. Видя, что народ всецело ему предан, потому что он во всем угождает народу, Клодий сразу же после отъезда Цезаря в Галлию сделал попытку отменить некоторые распоряжения Помпея. Он захватил пленного Тиграна и держал его в своем доме, а затем возбудил судебные процессы против друзей Помпея, чтобы испробовать, какова сила влияния Помпея. В конце концов, когда Помпей лично выступил на одном из таких процессов, Клодий в окружении толпы бесстыдных негодяев поднялся на возвышение и задал такие вопросы: «Кто разнужданный тиран? Кто этот человек, ищущий человека? Кто почесывает одним пальцем голову?» На каждый вопрос толпа громко и стройно, словно хорошо обученный хор, выкрикивала, едва лишь Клодий встряхивал краем тоги, — «Помпей».

49. Эти нападки, конечно, сильно огорчали Помпея, который не привык подвергаться поношениям и был совершенно неопытен в подобного рода борьбе. Однако ещё больше он опечалился, узнав, что сенат злорадствует по поводу нанесенных ему оскорблений, считая его наказанным за предательство по отношению к Цицерону. Между тем на форуме дело дошло до драки, причём несколько человек было ранено, а одного из рабов Клодия поймали с обнаженным мечом при попытке пробраться к Помпею сквозь толпу обступивших его людей. Помпей, боявшийся наглых выходок и злословия Клодия, воспользовался этим предлогом, чтобы больше не появляться на форуме, пока Клодий оставался в своей должности. Все это время Помпей не выходил из своего дома, обсуждая с друзьями, как бы смягчить гнев сената и лучших граждан против него. Куллеон советовал ему развестись с Юлией и, порвав с Цезарем, перейти на сторону сената. Помпей отверг этот совет, а принял предложение тех, кто желал возвращения Цицерона, заклятого врага Клодия, человека, пользовавшегося величайшим расположением сената. Во главе сильного отряда Помпей проводил на форум брата Цицерона, и тот обратился к народу с просьбой за изгнанника; после схватки, в которой было множество раненых и даже несколько убитых, Помпею удалось одолеть Клодия. Возвратившись законным порядком из изгнания, Цицерон не только сразу же примирил Помпея с сенатом, но, выступив в пользу хлебного закона, снова сделал Помпея до некоторой степени владыкой всех земель и морей, принадлежавших римлянам. Ибо власти и надзору Помпея были подчинены гавани, торговые центры, продажа зерна, — одним словом, вся деятельность мореходов и земледельцев. Клодий обвинял Помпея,

¹ В первую очередь земли в колониях раздавались ветеранам восточных походов Помпея.

² Это считалось в Риме признаком изнеженности.

доказывая, что этот закон внесен не из-за нехватки хлеба, а наоборот, нехватка искусственно вызвана, чтобы провести закон и чтобы новые полномочия опять оживили как бы парализованную силу Помпея. Другие видели во всем этом хитрую выдумку консула Спинтера, который желал облечь Помпея высшей властью для того, чтобы его самого послали на помощь царю Птолемею¹. Однако народный трибун Каниний предложил законопроект, по которому Помпей должен был без военной силы, а только с двумя ликторами примирить александрийцев с царем. Помпей, видимо, был доволен этим предложением, сенат же отверг его под тем благовидным предлогом, что он опасается за жизнь Помпея. На форуме и около сенатской курии были найдены разбросанные грамоты, в которых говорилось, что Птолемей просит назначить полководцем в помощь ему Помпея, а не Спинтера. Тимаген говорит, что Птолемей покинул Египет без настоятельной необходимости, но лишь по совету Феофана, который старался доставить Помпею новый источник личного обогащения и создать предлог для нового похода. Подлая угодливость Феофана сообщает, конечно, убедительность этой истории, но, с другой стороны, сам характер Помпея, который неспособен был из честолюбия на столь низкое коварство, делает её совершенно невероятной.

50. Поставленный во главе снабжения хлебом, Помпей начал направлять в различные области своих легатов и друзей, сам же, отплыв в Сицилию, Сардинию и Африку, собрал там большое количество хлеба. Когда он собирался выйти в море, поднялась буря, и кормчие не решились сняться с якоря. Тогда Помпей первым взошел на борт корабля и, приказав отнять якорь, вскричал: «Плыть необходимо, а жить — нет!» При такой отваге и рвении Помпею сопутствовало счастье, и ему удалось наполнить рынки хлебом, а море покрыть грузовыми судами с продовольствием. Поэтому была оказана помощь даже чужеземцам, и изобилие из богатого источника потоком разлилось по всем землям.

51. Цезарь в это время, благодаря Галльской войне, достиг большого могущества. И хотя он находился так далеко от Рима и был... занят войной с белгами, свевами и британцами, однако благодаря своей хитрости умел в самых важных делах незаметно оказывать противодействие Помпею в Народном собрании. Со своим войском он обращался, как с живым телом, не просто направляя его против варваров, но боями с неприятелем, словно охотой или травлей зверей, закаляя его и делая непобедимым и страшным. Золото, серебро и прочую богатую добычу, захваченную в бесчисленных походах, Цезарь отсылал в Рим. Эти средства он употреблял на подарки эдилам, преторам, консулам и их женам, чем приобрел расположение многих. Поэтому, когда он, перейдя Альпы, зимовал в Луке, туда наперерыв устремилось множество мужчин и женщин и среди прочих — двести сенаторов (в их числе Помпей и Красс)... Всех прибывших Цезарь отпустил, щедро раздавая деньги и посулы, а с Помпеем и Крассом он заключил соглашение. Последние должны были добиваться консульства, а Цезарь в помощь им обещал послать большой отряд воинов для голосования. Как только совершится их избрание, они разделят между собой провинции и командование войском, за Цезарем же должны быть утверждены его провинции на следующее пятилетие. Это соглашение, ставшее известным в народе, первые лица в государстве встретили с большим неудовольствием. Марцеллин, выступая перед собравшимся народом, спросил обоих претендентов, будут ли они домогаться консульства. Когда народ потребовал, чтобы они дали ответ, Помпей отвечал первым, сказав, что, может быть, он будет домогаться консульства, а может быть, и нет. Красс же дал более скромный ответ, заявив, что поступит так, как считает полезным для общего блага. Когда, наконец, Марцеллин выступил против Помпея и, видимо, допустил в своей речи резкие выражения, Помпей объявил, что Марцеллин самый несправедливый человек на свете, вовсе не знающий благодарности: ведь он, Помпей, сделал его из немого красноречивым, а из голодного пресыщенным обжорой.

52. Все прочие претенденты на должность консула отступились от своих домогательств, и только Луция Домиция Катон убедил не отказываться, всячески его ободряя и говоря, что борьба с тиранами идет не за консульскую должность, а за свободу. Помпей, боясь упорства Катона, опасаясь, как бы он, и без того ведя за собой весь сенат, не привлек на свою сторону здравомыслящую часть народа, не допустил Домиция на форум; он подослал вооруженных людей, которые убили сопровождавшего Домиция факелоносца, а остальных обратили в бегство. Последним отступил Катон: защищая Домиция, он получил рану в правый локоть. Такими-то средствами Помпей и Красс добились консульства, но и в прочих своих действиях при исполнении должности они проявили не больше скромности. Прежде всего, когда народ хотел выбрать Катона претором и уже приступил к голосованию, Помпей распустил собрание под предлогом неблагоприятных знаменений. Вместо Катона подкупленные центурии выбрали претором Ватиния. Затем через народного трибуна Требония Помпей и Красс внесли законопроект, по которому, — как было условлено прежде, — полномочия Цезаря были продлены на второе пятилетие; Крассу была предоставлена Сирия и ведение войны против парфян, а самому Помпею — вся Африка и обе Испании с четырьмя легионами, из которых два Помпей по просьбе Цезаря на время передал ему для Галльской войны. По истечении срока консульства Красс отправился в свою провинцию, Помпей же, освятив воздвигнутый им театр, устроил гимнастические и мусические состязания, а также травлю диких зверей, при которой было убито пятьсот львов. Под конец Помпей показал ещё битву со слонами — зрелище, всего более поразившее римлян.

53. Эти зрелища вызвали у народа изумление перед Помпеем и любовь к нему, но... и не меньшую зависть. Помпей передал войска и управление провинциями своим доверенным легатам, а сам проводил время с женой в Италии, в своих имениях, переезжая из одного места в другое и не решаясь оставить её то ли из любви к ней, то ли из-за её привязанности к нему. Ибо приводят и это последнее основание. Всем была известна нежность к Помпею молодой женщины, страстно любившей мужа, невзирая на его годы. Отчасти причиной этому была, по-видимому, воздержанность мужа, который довольствовался только своей женой, отчасти же его природная величавость, соединявшаяся с приятным и привлекательным обхождением, особенно соблазнительным для женщин, если признать за истину свидетельство гетеры Флоры. При выборах эдилов дело дошло до рукопашной схватки, и много людей около Помпея было убито, так что ему пришлось переменить запачканную кровью одежду. Слуги, принесшие одежду Помпея, произвели своей беготней сильный шум в доме. При виде окровавленной тоги молодая женщина, бывшая в ту пору беременной, лишилась чувств и с трудом пришла в себя. От такого сильного испуга и волнения у нее начались преждевременные роды. Поэтому даже те, кто весьма резко порицал дружбу Помпея с Цезарем, не могли сказать ничего дурного о любви этой женщины. Она забеременела снова и, родив дочь, скончалась от родов, ребенок же пережил мать лишь на немного дней. Помпей совершил уже все приготовления для похорон в своем альбанском имении, однако народ силой заставил перенести тело на Марсово поле, скорее из сострадания к молодой женщине, чем в угоду Помпею и Цезарю. Из них обоих, однако, народ, по-видимому, больше уважения оказывал отсутствующему Цезарю, чем Помпею, который был в Риме. Тотчас же после смерти Юлии город пришел в волнение, всюду царило беспокойство и слышались сеющие смуту речи. Родственный союз, который прежде скорее скрывал, чем сдерживал, властолюбие этих двух людей, был теперь разорван. Вскоре пришло известие о гибели Красса в войне с парфянами [53 г. до н.э.]. Его гибель устранила ещё одно важное препятствие для возникновения гражданской войны. Действительно, из страха перед Крассом оба соперника так или иначе держались по отношению друг к другу в пределах законности. Но после того, как судьба унесла третьего участника состязания, [они решили], что для них двоих не хватает всей римской державы.

¹ Т.е. Птолемею XII Авлету, который в 58 г. до н.э. бежал в Рим просить помощи против своих восставших подданных.

54. Выступая как-то в Народном собрании, Помпей заметил, что всякую почётную должность ему давали скорее, чем он того ожидал, и он отказывался от этой должности раньше, чем ожидали другие. О справедливости этого замечания свидетельствует то, что он всегда распускал после похода свои войска. Но тогда, полагая, что Цезарь войска не распустит, Помпей старался в противовес ему упрочить собственное положение, обеспечив высшие государственные должности за своими приверженцами. Впрочем, он не вводил никаких новшеств и не желал обнаруживать своего недоверия к Цезарю, — напротив, старался показать, что презирает его и ни во что не ставит. Когда же Помпей стал замечать, что высшие государственные должности распределяются не по его желанию, так как граждане подкуплены, он решил не препятствовать смуте. Тотчас пошли толки о диктаторе. Первым осмелился открыто заявить об этом народный трибун Луцилий, убеждая народ выбрать Помпея диктатором. Катон так резко возражал против этого, что Луцилию грозила опасность потерять должность трибуна. Многие друзья Помпея выступили в его защиту, утверждая, что он не ищет и не желает этой должности. Катон похвалил за это Помпея и убеждал его позаботиться о восстановлении законного порядка. Тогда Помпей, устыдившись, принял меры к восстановлению порядка, и были избраны консулы — Домиций и Мессала. Потом, однако, опять началась смута, и многие стали уже более решительно толковать о диктаторе. Катон, боясь, что его вынудят подчиниться насилию, решил, что лучше предоставить Помпею какую-либо законную должность и тем отвратить его от этой неограниченной и тиранической власти. Даже Бибул, хотя и был врагом Помпея, первым подал свое мнение в сенате об избрании Помпея единственным консулом, ибо таким образом республика или избавится от теперешних беспорядков, или будет порабощена самым доблестным мужем. Это предложение показалось странным, имея в виду лицо, от которого оно исходило. Тогда встал Катон; все ждали, что он будет возражать против нового законопроекта, но, когда в сенате воцарилось молчание, он заявил, что сам не внес бы такого предложения, однако, коль скоро оно уже внесено другим, он советует его принять, предпочитая любую власть безвластию; кроме того, он считает, что лучше Помпея никто не сумеет управлять государством при таком беспорядке. Сенат принял предложение и постановил, чтобы Помпей, выбранный консулом, правил один; если же он сам потребует себе товарища, пусть изберет его не раньше, как через два месяца. Итак, *interrex* (междущарь¹) Сульпиций назначил Помпея консулом [52 г. до н.э.], и Помпей дружески приветствовал Катона, выразив тому большую благодарность и прося частным образом помогать ему советом при выполнении должности. Катон же отвечал, что, по его мнению, Помпей вовсе не обязан его благодарить, так как все, что он, Катон, говорил в сенате, он сказал не ради него, Помпея, а ради государства; он будет, добавил Катон, давать Помпею советы частным образом, если к нему обратятся, а если не обратятся, он публично выскажет то, что сочтет полезным и нужным...

55. По прибытии в город Помпей женился на Корнелии, дочери Метелла Сципиона и вдове погибшего в войне с парфянами Публия, сына Красса, на которой тот женился, когда она была ещё девушкой. У этой молодой женщины, кроме юности и красоты, было много и других достоинств. Действительно, она получила прекрасное образование, знала музыку и геометрию и привыкла с пользой для себя слушать рассуждения философов. Эти её качества соединялись с характером, лишенным несносного тщеславия — недостатка, который у молодых женщин вызывается занятием науками. Происхождение и доброе имя её отца были безупречны. Тем не менее брак не встретил одобрения из-за большой разницы в возрасте жениха и невесты: ведь по годам Корнелия скорее годилась в жены сыну Помпея. Более проницательные люди полагали, что Помпей пренебрегает интересами государства: находясь в затруднительном положении, государство избрало его своим врачом и всецело доверилось ему одному, а он в это время увенчивает себя венками и справляет свадебные торжества, меж тем как ему следовало бы считать несчастьем это свое консульство, ибо, конечно, оно не было бы предоставлено ему вопреки установившимся обычаям, если бы в отечестве все обстояло благополучно.

Когда Помпей начал процессы о подкупе и лихоимстве и издал законы, на основании которых были возбуждены судебные преследования, он вел все дела со строгим беспристрастием, добился безопасности, порядка и спокойствия в судах, председательствуя там под охраной вооруженной силы. Однако в одном из таких процессов оказался замешанным тесть его Сципион, и тут Помпей пригласил к себе 360 судей и просил их помочь тестю. Обвинитель отказался от процесса, увидев, что судьи провожают Сципиона с форума. Поэтому о Помпее снова пошла дурная слава. Но ещё более резким порицанием он подвергся, когда в нарушение собственного закона, запрещавшего похвальные речи лицу, привлеченному к судебной ответственности, выступил с похвалой Планку². Катон, который как раз был в числе судей, закрыв руками уши, объявил, что не подобает ему слушать похвалы в нарушение закона. Катон был исключен из числа судей перед голосованием, но, к стыду для Помпея, Планк всё же был осуждён голосами остальных судей. Спустя несколько дней бывший консул Гипсей³, обвиняемый в подкупе, подкараулил Помпея, когда тот возвращался после бани домой, к обеду, и стал умолять о помощи, обнимая его колени. Помпей же, пройдя мимо него, заметил презрительно, что тот может испортить ему обед, но ничего другого не добьется. Эта видимая неровность в его поведении навлекла на него порицания. Впрочем, все государственные дела Помпей привел в порядок. На оставшиеся пять месяцев своего пребывания в должности он выбрал сотоварищем своего тестя. Было вынесено постановление продлить Помпею срок управления провинциями на следующее четырехлетие; кроме того, ему было дано по тысяче талантов в год на содержание войска.

¹ *Междущарь* (*interrex*) — должностное лицо из сенаторов, назначаемое (на несколько дней), чтобы созвать народное собрание для избрания новых консулов. Обычно это делалось, когда действующие консулы погибли или были в отлучке.

² Планк был привлечен к суду за участие в беспорядках, последовавших за смертью Клодия.

³ Гипсей был не бывшим консулом, а кандидатом в консулы — обмолвка Плутарха.

РОЗДІЛ 6 ПАДІННЯ РИМСЬКОЇ РЕСПУБЛІКИ (49-31 рр. до н.е.)

І. ГРОМАДЯНСЬКА ВІЙНА 49-45 рр. до н.е.

№1 АПШАН ГРОМАДЯНСЬКІ ВІЙНИ, II, 23-105

23. Сенат собирався со страхом и взирал на Помпея как на будущего диктатора. Сенаторы полагали, что положение дел требует диктатуры. По совету Катона, они выбрали Помпея консулом без товарища по должности. Это они сделали для того, чтобы он, управляя единолично, фактически был диктатором и вместе с тем был бы подотчетен сенату как консул. Помпей первый из консулов имел в своих руках две большие провинции, войско, средства и самодержавную власть в государстве, будучи единственным консулом. С тою целью, чтобы Катон не беспокоил его, оставаясь в Риме, Помпей провел постановление, предписывающее Катону отнять Кипр у царя Птолемея. Это постановление было принято ещё Клодием, так как Птолемей, когда Клодий однажды был захвачен пиратами, послал ему для выкупа из-за своей скарденности только два таланта. Катон начал устраивать дела на Крите, а Птолемей, узнав о состоявшемся постановлении сената, бросил свои сокровища в море, себя же лишил жизни. Помпей тем временем начал процессы против различных злоупотреблений, в особенности взяточничества и подкупа. Ему казалось, что именно в государстве тогда это и было главным недугом и что от искоренения этого последует быстрое исцеление. Он провел закон, что всякий желающий может требовать от магистрата отчёта, начиная с его, Помпея, первого консульства [т.е. с 70 г. до н.э.] и вплоть до настоящего времени. С тех пор прошло немногим меньше двадцати лет; в течение этого срока и Цезарь сделался консулом. Друзья последнего подозревали Помпея в том, что он взял такой большой срок, желая нанести оскорбление Цезарю по злобе на него. Поэтому они советовали Помпею лучше заняться исправлением настоящего, чем докучать за прошлое столь достойным людям. В числе других они называли и Цезаря. Но Помпей выразил негодование по поводу упоминания о Цезаре, как будто тот выше подозрений: ведь он и свое второе консульство включает в этот период. Он берет такой большой срок для радикального исправления государственного устройства, издавна подвергающегося порче.

24. В соответствии с такими словами Помпей издал закон, и тотчас возникло огромное количество самых разнообразных процессов. Чтобы судьи не боялись, Помпей сам наблюдал за ними, окружив их военной охраной. Первыми были заочно осуждены Милон за убийство Клодия и Габиний за беззаконие и безбожие, так как он, без постановления народного собрания и вопреки запрещению Сивиллиных книг¹, вторгся с войском в Египет. Были осуждены также Гипсей, Меммий, Секст и другие, в большинстве случаев за взятки и подкуп народа. Скавра Помпей вызвал через глашатая в суд, хотя толпа умоляла о его прощении. Когда затем народ снова начал приставать к обвинителям, прибежавшие солдаты Помпея начали резню. Тогда народ замолчал, и Скавра был осужден. Всех присудили к изгнанию, а Габиния, кроме этого, и к конфискации имущества. Сенат, громко восхваляя деятельность Помпея, продлил ему наместничество в обеих провинциях на следующий срок. Меммий, осуждённый за подкуп, обвинил в подобном же преступлении тестя Помпея Луция Сципиона, так как Помпей издал закон, согласно которому тот, кто донесет на другого, освобождается от наказания. Тогда Помпей сам оделся в одежды подсудимых, что делали и многие из судей. Меммий, оплакивая государственные порядки, прекратил дело.

25. Уже как бы установив все, для чего была необходима единоличная власть, Помпей назначал Сципиона вторым консулом на остальную часть года. Хотя после этого и другие лица назначались консулами, но Помпей внимательно наблюдал за ними и фактически держал власть в своих руках. Он был тогда в Риме все и вся, ибо благоволение сената было к нему особенно велико из ревности к Цезарю, который во время своего консульства его ни во что не ставил; Помпей же, по их мнению, быстро исцелил бы государство от его болезней без того, чтобы досаждать кому-либо во время отправления своей должности или вызывать недовольство. Изгнанники из Рима, приезжая к Цезарю, убеждали его остерегаться Помпея, так как он и закон о подкупе установил, имея в виду его. Цезарь успокаивал их и хвалил Помпея, а народных трибунов уговорил провести ему разрешение домогаться второго консульства, находясь в отсутствии. Это и было проведено ещё во время консульства Помпея и без всякого протеста с его стороны [51 г. до н.э.]. Но Цезарь подозревал, что сенат будет ему противодействовать, и боялся по проискам своих врагов снова превратиться в частного человека. Он пускался на все хитрости, чтобы остаться у власти до тех пор, пока не будет назначен консулом, и требовал от сената некоторого продления срока своего командования в Галлии или в части ее. Так как Марцелл, бывший консулом после Помпея, препятствовал этому, то, как передают, Цезарь, ударив по рукоятке меча, сказал тому лицу, которое ему об этом донесло: «Вот он мне даст».

26. Цезарь основал в Верхней Италии город Новумкомум, даровав ему латинское право; тот из его жителей, кто в течение года занимал высшую должность, становился римским гражданином, — таково значение латинского права. Марцелл, с целью оскорбить Цезаря, приказал высечь розгами одного из новумкомумцев, занимавшего у себя городскую магистратуру и потому считавшегося римским гражданином, чего нельзя было сделать с лицом, обладавшим правами римского гражданства. Марцелл по своей пылкости открыл свою мысль: удары служат признаком негражданства. Поэтому он приказал высечь этого человека и рубцы показать Цезарю. Дерзость Марцелла дошла до того, что он предлагал до окончания срока послать Цезарю преемников по наместничеству. Но Помпей воспрепятствовал этому под тем лицемерным предлогом, что из-за остающегося краткого срока не следует оскорблять такого блестящего мужа как Цезарь, принесшего столько пользы отечеству. Тем самым Помпей показал, что по истечении срока Цезаря должно лишиться власти. Затем были выбраны консулы [50 г. до н.э.], наиболее враждебные Цезарю, Эмилий Павел и Клавдий Марцелл, двоюродный брат первого Марцелла, а также в народные трибуны Курион, весьма враждебно настроенный к Цезарю. Он чрезвычайно заискивал перед народом и обладал прекрасными ораторскими способностями. Цезарь не смог соблазнить Клавдия деньгами, но Павла он подкупил за 1 500 талантов, чтобы тот не выступал ни за, ни против него; а от Куриона, зная, что он страдает от огромного количества долгов, Цезарь, дав ему ещё большую сумму, добился прямого содействия. Павел на эти деньги построил римлянам так называемую Павлову базилику, очень красивое здание.

27. Курион же, чтобы не казалось, что он сразу переменял свое отношение к Цезарю, внёс проект весьма сложной постройки и починки большого количества мостов и предложил поставить во главе этого дела себя самого на пять лет. Он знал, что ниче-

¹ Сивиллы (Сибиллы), легендарные прорицательницы, упоминаемые античными авторами; насчитывалось до 12 сивилл. Наиболее известна Кумская Сивилла, которой приписываются «Сивиллины книги» — сборник изречений и предсказаний, служивший для официальных гаданий в Древнем Риме.

го из этого не выйдет, так как надеялся, что друзья Помпея станут этому противодействовать и у него с Помпеем выйдет какое-нибудь столкновение. Все случилось так, как предполагал Курион. Сам он делал вид, что является врагом Цезаря. Клавдий предлагал послать Цезарю преемников в Галлию, ибо срок его истекал. Павел молчал. Курион, которого считали противником и Цезаря и Помпея, одобрял предложение Клавдия, но в дополнение к нему предложил, чтобы и Помпей, вместе с Цезарем, отказался от наместничества и войска. Ибо, говорил он, таким путем в государстве будет достигнуто прочное и безопасное положение. Многие возражали, что эта мера является несправедливой, так как срок полномочий Помпея ещё не истек. Поэтому Курион формулировал свое предложение яснее и резче, говоря, что не следует посылать преемников Цезарю, если не дать их и Помпею. Так как они относятся с недоверием друг к другу, то в государстве не наступит спокойствия, пока оба они не превратятся в частных людей. Курион предлагал все это, зная, что Помпей не откажется от власти. С другой стороны, он видел, что народ уже несколько охладил к Помпею из-за процессов о подкупе. Так как предложение Куриона было весьма приемлемым, то народ хвалил его как единственного человека, который, действуя достойно города Рима, навлек враждебное отношение к себе обоим. Однажды толпа даже сопровождала Куриона, осыпая цветами, как великого борца в трудном состязании. Ибо ничто тогда не казалось страшнее, чем размова с Помпеем.

28. Последний же, лечившийся где-то в Италии, в послании в сенат хитро восхвалял подвиги Цезаря, но также перечислял и свои собственные, восходя к их началу. В частности Помпей указывал, что он не домогался ни третьего консульства, ни наместничества, связанного с ним, ни предоставления ему войска: будучи призван на исцеление государства, он считал это для себя честью. То, что он взял на себя против воли, писал Помпей, он добровольно передает всякому желающему, не дожидаясь установленного срока. При помощи ловкости, с которой было написано, послание бросало хороший свет на Помпея, а вместе с тем оно содержало вызов по отношению к Цезарю, не отказавшемуся от власти даже в установленный для нее срок. Лично прибыв в сенат, Помпей наговорил сенаторам много всяких вещей подобного рода, Подтверждая свое обещание отказаться от власти. Как друг и зять Цезаря он утверждал, что и тот с большим удовольствием откажется от власти: ведь у Цезаря была продолжительная и тяжелая война против очень воинственных народов. Много приобретя для отечества, он охотно перейдет к почетным должностям, жертвоприношениям и отдыху. Все это Помпей говорил для того, чтобы Цезарю были немедленно посланы преемники, а сам он отделался бы одними обещаниями. Курион же, угадывая его хитрость, заявлял, что одних обещаний мало; надо, чтобы он тотчас же сложил власть. Точно также не следует лишать Цезаря войска, прежде чем Помпей не станет частным человеком. Ибо это не принесет никакой пользы Цезарю в его личной вражде, да и римлянам едва ли будет выгодно в случае насилия над государством со стороны одного из них, если такая власть останется в руках одного человека; уж лучше сохранить возможность выставить одного против другого. Ничего не скрывая, Курион злословил о Помпее, утверждая, что он стремится к тирании: если теперь, из страха перед Цезарем, он не сложит власти, то уже никогда не выпустит её из своих рук. Курион требовал от сената, что если Цезарь и Помпей откажутся повиноваться, их нужно объявить врагами государства и собирать против них войска. Таким путем ему удалось окончательно скрыть, что он подкуплен Цезарем.

29. Помпей, гневаясь на Куриона и угрожая ему, в негодовании тайно уехал в предместья Рима. А сенат, хотя начал уже с подозрением относиться и к Помпею и к Цезарю, однако считал Помпея более демократичным и был недоволен Цезарем за его презрение к сенату во время консульства. Сенат... считал небезопасным лишить Помпея власти, пока от нее не откажется Цезарь, находившийся вне города и строивший широкие планы. Как раз обратное утверждал Курион, доказывая сенаторам, что им нужно иметь под рукою Цезаря против Помпея или одновременно лишить власти их обоих. Не будучи в состоянии убедить сенат в этом, Курион распустил его, не добившись ни в чем решения — трибун имел на это право. Вот тогда-то Помпей особенно пожалел, что он поднял на прежнюю высоту трибунал, доведенный до крайней степени бессилия Суллой. Однако, расходясь, сенат постановил, чтобы Цезарь и Помпей послали по одному легиону для охраны Сирии, что было необходимо вследствие поражения Красса. Помпей из хитрости потребовал у Цезаря назад один легион, который он недавно ему предоставил после поражения двух легатов Цезаря — Титурия и Котты. Этот легион, наградив каждого солдата 250 драхмами, Цезарь отослал в Рим и вместе с ним послал другой легион от себя. Но так как в Сирии ничего опасного не оказалось, то легионы остались зимовать в Капуе.

30. Посланные за ними Помпеем к Цезарю люди клеветали на Цезаря и заверяли Помпея, что солдаты Цезаря, изнуренные трудной и продолжительной службой и тоскующие по дому, станут на сторону Помпея, лишь только перейдут Альпы. Они говорили это либо по своей неосведомленности, либо будучи подкуплены Цезарем. А у Цезаря каждый человек был силен в ревности к службе и в бранных трудах, — из-за привычки к войне, частью же из-за выгод, которые она дает победителям, а также и из-за всего другого, что они получили от Цезаря, ибо он был щедр на подачки, желая использовать их для выполнения своих планов. Кое-кто понимал эти намерения, но оставался спокойно у него. Помпей же, опираясь на все эти сведения, не собирал войска и вообще не делал никаких приготовлений, необходимых для предстоявшего ему дела. Сенат потребовал от каждого сенатора высказаться по данному вопросу. Клавдий лукаво разделял сенаторов и выпытывал у них по очереди их мнения: послать ли Цезарю преемников, а Помпея лишить власти. Большинство не одобряло последнего, но послать Цезарю преемников решило. Когда же Курион спросил, угодно ли сенату, чтобы оба, Цезарь и Помпей, сложили свою власть, 21 человек ответили отрицательно, но 370 человек для общей пользы и чтобы избежать раздора, начали склоняться к мнению Куриона. Тогда Клавдий распустил сенат, крича: «Побеждайте, чтобы иметь Цезаря господином».

31. Когда внезапно распространился ложный слух, будто Цезарь, перейдя Альпы, идет к Риму, поднялось большое смятение, и всех охватил страх. Клавдий предложил, чтобы войско, стоявшее в Капуе, выступило против Цезаря как врага. Когда Курион стал возражать против этого предложения, так как оно основано на ложных слухах, Клавдий сказал: «Если мне мешают общим постановлением устроить дело на пользу государства, то я буду устраивать его от своего имени как консул». Говоря это, он выбежал из сената и вместе с своим товарищем по должности отправился в предместья. Подавая меч Помпею, Клавдий сказал: «Мы приказываем тебе — я и вот он — выступить против Цезаря за отечество. Для этого мы даем тебе войско, которое находится теперь в Капуе или в другом месте Италии, или то, которое тебе будет угодно набрать». Помпей повиновался приказанию консулов, однако прибавил: «Если нет ничего лучшего». И здесь Помпей обманывал или хитрил ради соблюдения приличия. У Куриона за чертою города не было никакой власти, ибо народным трибунам запрещено выходить за стены Рима. В народном собрании Курион сожалел о происшедшем и требовал от консулов постановления, чтобы никто не повиновался Помпею, набирающему войско. Не будучи в состоянии ничего добиться, боясь за себя и отчаявшись в чем-нибудь помочь Цезарю — к тому же у него оканчивался срок трибуната, — Курион поспешно отправился к Цезарю.

32. Последний, переплыв океан, только что вернулся из Британии и из области рейнских галлов, перешел Альпы с 5 тыс. пехотинцев и 300 всадников. Он спустился в пограничную с Италией Равенну, последний пункт, на который распространялась его власть. Радушно приняв Куриона и выразив удовольствие по поводу всего сделанного им, Цезарь следил отсюда за разворачивающимися событиями. Курион полагал, что нужно собрать все войско и идти на Рим, Цезарь же считал необходимым сделать по-

пытку к примирению. Он приказал своим сторонникам договариваться за него и заявлял, что откажется от других провинций и войск, кроме двух легионов и Иллирии вместе с Цизальпинской Галлией, пока не будет назначен консулом. Помпей, казалось, был удовлетворен этим. Но когда консулы стали противодействовать желанию Цезаря, последний написал письмо сенату, а Курион, проехав в три дня 2 тыс. стадий, передал письмо новым консулам, которые должны были вступить в сенат в первый день нового года. Жалоба Цезаря содержала торжественный перечень всего того, что он совершил с самого начала, а также его заявление, что он хотел бы отказаться от власти вместе с Помпеем; но так как тот ещё остается у власти, то и он не сложит с себя полномочий и скоро явится мстителем за отечество и за себя самого. Все громко закричали, принимая это как объявление войны, и назначили преемником Цезаря Луция Домиция. Последний тотчас выступил с 3 тыс. человек, вновь набранных.

33. Антоний и Кассий, бывшие народными трибунами после Куриона одобрили это. Сенат же, ещё больше склонный к вражде, полагал, что войско Помпея, противопоставленное войску Цезаря, является его стражем, а войско Цезаря, напротив, враждебно ему. Консулы Марцелл и Лентул приказали сторонникам Антония удалиться из сената, чтобы они не подверглись каким-нибудь оскорблениям, хотя они и были народными трибунами. Тогда Антоний с громким криком в гнев вскочил со своего кресла и стал призывать на сенаторов богов по поводу насилия над священной и неприкосновенной личностью трибунов. Не совершив ни убийства, ни каких-либо других гнусностей, они изгоняются только за то, что внесли предложение, которое, по их мнению, будет полезным. Сказав это, Антоний выбежал, словно одержимый богом, предвещающего предстоящие смуты, войны, убийства, проскрипции, изгнания, конфискации и тому подобное. В возбуждении он призывал тяжелые проклятия на головы виновников всего этого. Вместе с ним из сената выбежали Курион и Кассий, ибо оказалось, что уже один отряд, посланный Помпеем, окружает сенат. Они немедленно отправились к Цезарю, тайно, ночью, в наёмной повозке, переодетые рабами. Он показал беглецов в таком виде солдатам и, возбуждая их, говорил, что их, совершивших такие подвиги, сенат считает врагами, а вот этих мужей, замолвивших за них слово, постыдно изгоняют.

34. Итак, с обеих сторон война была начата и открыто объявлена. Сенат полагал, что войско из области галлов прибудет к Цезарю не так скоро и он не пойдет на предстоящее серьезное дело с малыми силами. Поэтому сенат предписал Помпею набрать 130 тыс. италийцев, главным образом из опытных в военном деле ветеранов, и чужеземцев из наиболее храбрых соседних племен. На ведение войны постановили выдать Помпею государственные средства и, если понадобится, то обратиться на военные нужды и свои частные средства. А в города с величайшим гневом, рвением и быстротой посылали за новыми средствами. Цезарь же прежде всего послал за своими войсками. Он всегда предпочитал действовать силой неожиданности и смелости, чем силой подготовки. Поэтому в столь великой войне он решил прежде всего напасть с 5 тыс. человек и своевременно занять выгодное положение в Италии.

35. Центурионов с небольшим отрядом наиболее храбрых солдат, одетых в гражданское платье, он выслал вперед, чтобы они вошли в Аримин и внезапно захватили город. Это — первый город Италии на пути из Галлии. Сам Цезарь вечером под предлогом нездоровья удалился с пира, оставив друзей за ужином. Сев в колесницу, он поехал в Аримин в то время как всадники следовали за ним на некотором расстоянии. Быстро подъехав к реке Рубикону, которая служит границей Италии, Цезарь остановился, глядя на её течение, и стал размышлять, взвешивая в уме каждое из тех бедствий, которые произойдут в будущем, если он с вооруженными силами перейдет эту реку. Наконец, решившись, Цезарь сказал присутствующим: «Если я воздержусь от этого перехода, друзья мои, это будет началом бедствий для меня; если же перейду — для всех людей». Сказав это, он, как вдохновленный свыше, стремительно перешел реку, прибавив известное изречение: «Пусть жребий будет брошен» [49 г. до н.э.].

Быстро подойдя к Аримину, Цезарь на заре захватил его и двинулся дальше, оставляя части своего войска в удобных местах. Все ближайшее население он привлек на свою сторону либо силой, либо гуманным отношением. Начались бегство и переселения из всех мест в испуге, с плачем. Никто ничего не знал в точности, все думали, что Цезарь идет с бесчисленным войском.

36. Узнав об этом, консулы не позволяли Помпею спокойно, как этого требовал его военный опыт, принять его план действий, но требовали от него напасть на Цезаря в Италии, для чего набирались войска, как если бы городу грозил немедленный захват. Но остальные сенаторы ввиду того, что, против ожидания, нападение Цезаря было чрезвычайно стремительным, испугались, чувствуя себя совершенно неготовыми к борьбе с ним. В ужасе они раскаивались в том, что не приняли предложений Цезаря. Теперь, когда страх изменил их воинственное настроение в сторону благоразумия, сенаторы начали думать, что предложения Цезаря были правильны...

37. Консулы во всем оказывали противодействие сенату. Фавоний, насмехаясь над фразой, брошенной когда-то Помпеем, приглашал его ударить ногой о землю и вывести из нее войска. Помпей же сказал: «Вы будете их иметь, если последуете за мной и не станете бояться оставить Рим и, если это потребует, Италию. Не поместья и не жилища являются силою и славою для мужей, но мужи, где бы они ни были, имеют их вместе с собою. Сражаясь, они снова приобретут себе и жилища». Сказав это, он пригрозил упорствующим, если они, шадя свои поместья или имущество, оставят борьбу за отечество. Затем Помпей тотчас вышел из сената и выехал из города к капуанскому войску. Консулы последовали за ним. Других сенаторов долго удерживало сомнение, и они ночевали все вместе в здании сената. Однако на другой день большая часть их отправилась вслед за Помпеем.

38. Консул достигнул в Корфинии Луция Домиция, который был послан принять от него власть, имея с собою неполных 4 тыс. человек, и осадил его там. Жители Корфиния, захватив убегающего Домиция у городских ворот, привели его к Цезарю. Последний, чтобы показать пример другим, ласково принял войско Домиция, перешедшее на его сторону, самого же Домиция, невинного и со всем его имуществом, отпустил на все четыре стороны. Цезарь надеялся, что тот благодаря оказанному ему благодеянию, быть может, останется у него, но не препятствовал ему идти и к Помпею.

Так как все это произошло очень стремительно, то Помпей поспешил из Капуи в Нуцерию, а из Нуцерии в Брундизий, чтобы, переплыв через Ионийское море в Эпир, там заняться приготовлениями к войне. Он поспешно отправляет послания по всем провинциям, пишет царям, городам, полководцам и династам, чтобы они оказали помощь в войне, кто чем может. Все это произошло одновременно. Собственное войско Помпея находилось в Испании и было готово двинуться туда, куда будет нужно. Часть тех легионов, которые были при Помпее, он приказал консулам заранее отвести из Брундизия в Эпир...

40. Часть войска с консулами переправилась в Диррахий, а Помпей, отведя остальную часть в Брундизий, ожидал там возвращения кораблей, перевозивших консулов. Со стен города он отражал подошедшего тем временем Цезаря и окружал город рвом, пока не вернулся флот. Тогда Помпей вечером отплыл, оставив на стенах наиболее храбрых из своих воинов. Они с наступлением ночи отплыли из Брундизия с попутным ветром. Таким образом Помпей со всем войском, оставив Италию, перешел в Эпир. А Цезарь находился в затруднении, куда направиться и откуда начать войну, видя, что к Помпею стремятся все отовсюду. Он боялся его испанского войска, большого и опытного, как бы оно не очутилось у него в тылу, когда он станет преследовать Помпея. Поэтому Цезарь решил, отправившись в Испанию, предварительно уничтожить тамошнее войско Помпея. Свои силы он разделил на пять частей: одну оставил в Брундизии, другую в Гидрунте, третью в Таренте, чтобы они охраняли Италию. Других

Цезарь послал вместе с Квинтом Валерием занять хлеботородный остров Сардинию, которую они и захватили. Азиний Поллион был послан в Сицилию, которой управлял тогда Катон. Когда последний спросил Поллиона, на каком основании он вторгся в чужую провинцию, по постановлению ли сената или решению народа, то тот ответил следующее: «Тот, кто правит Италией, послал меня для этого». И Катон, заявив, что, щадя подвластное ему население, не станет здесь с ним сражаться, переплыл на Керкиру, а оттуда отправился к Помпею.

41. Цезарь, спеша в Рим, всевозможными посулами и обещаниями старался привлечь на свою сторону город, который трепетал от ужаса при воспоминании о бедствиях, бывших при Сулле и Марии. По отношению же к своим врагам Цезарь обнаруживал великодушие, заявляя, что даже Луция Домиция, попавшего ему в руки, он отпустил на свободу со всем имуществом. Цезарь приказал взломать запоры государственного казначейства и грозил смертью Метеллу, единственному из народных трибунов, который этому препятствовал. Он начал расходовать неприкосновенные суммы, на которые, говорят, при галльском нашествии в старину наложено было публичное заклятие ни на что не тратить их, за исключением новой войны с галлами. Но Цезарь заявил, что он сам снял с города заклятие, сделав галлов безопасными. Над Римом он поставил Лепида Эмилия, а над Италией и италийскими войсками — народного трибуна Марка Антония. Вне Италии Цезарь назначил Куриона управлять Сицилией вместо Катона, Квинта — Сардинией, в Иллирию послал Гая Антония, а Цизальпийскую Галлию поручил Лицинию Крассу. Для Ионийского и Тирренского морей он приказал быстро сформировать две эскадры. Командующими над ними, ещё пока они формировались, Цезарь назначил Гортензия и Долабеллу.

42. Укрепив таким образом Италию и сделав её неприступной для Помпея, Цезарь отправился в Испанию. Там он вступил в борьбу с Петреем и Афранием, полководцами Помпея, и на первых порах терпел поражения. Но затем они стали воевать почти с равным успехом около города Илерты. Разбив лагерь на крутизнах, Цезарь получал продовольствие по мостам через реку Сикорис. Когда бурным течением реки мост был внезапно разрушен, воины Петрея истребили большое количество людей Цезаря, отрезанных на другом берегу. И сам Цезарь с оставшимся войском сильно страдал от неудобной местности, голода, наступившей зимы и от неприятеля. Он почти находился в положении осаждаемого, пока не наступило лето, и Афраний и Петрей начали отступать во внутреннюю Испанию, чтобы там набрать новое войско. Цезарь же все время опережал противника, перерезал входы и помешал неприятелю идти дальше. Часть противника, посланную вперед для занятия лагеря, Цезарь окружил. Воины покрыли головы щитами, что служит признаком сдачи. Цезарь, повсюду добиваясь популярности у неприятеля, запретил переколоть сдавшихся воинов или взять их в плен, а отослал их невредимыми к войску Афрания. Поэтому между вражескими лагерями начались постоянные сношения и шли разговоры о мире среди солдатской массы.

43. Афраний и другие вожди уже решили уступить Цезарю Испанию с тем, чтобы он отпустил их невредимыми к Помпею. Но Петрей противился этому и, рыская по лагерю, убивал тех из солдат, кого он заставал в сношениях с воинами Цезаря. Даже кого-то из своих командиров, противившихся ему, он умертвил собственной рукою. Вот почему, негодуя на суровость Петрея, его люди все больше и больше обращались мыслями к гуманному Цезарю. Когда, вдобавок ко всему, Цезарь отрезал их ещё и от воды, беспомощный Петрей вместе с Афранием вступил с ним в переговоры под наблюдением войска с той и другой стороны. Было решено, что они уступят Цезарю Испанию, а Цезарь отведет их невредимыми к реке Вару и оттуда отпустит к Помпею. Придя к этой реке, Цезарь собрал тех из воинов Петрея и Афрания, которые были из Рима и Италии, поместил их на такое место, откуда можно было слушать, и сказал им следующее: «Из вас, враги (пользуясь пока этим словом, я сделаю мою мысль яснее для вас), я не приказал никого убивать: ни тех, которые были посланы вперед для занятия лагеря и сдались мне, ни остальное ваше войско, когда я отрезал ему воду, и это несмотря на то, что до того Петрей убил тех из моих воинов, которые были захвачены за рекой Сикорис. Если вы чувствуете ко мне какую-нибудь благодарность, расскажите об этом всем солдатам Помпея». Сказав это, он отпустил их невредимыми и заявил, что Испанией будет управлять Кассий Квинт.

44. Таково было положение дел у Цезаря. В Африке у Помпея командовал Вар Аттий; Юба, царь мавританских номадов, был с ним в союзе. Курион в интересах Цезаря напал на них из Сицилии с двумя легионами, двенадцатью большими военными кораблями и многими грузовыми судами. Он пристал к Утике и в небольшом конном сражении около нее обратил в бегство нескольких всадников из номадов. Войску, стоящему ещё под оружием, Курион позволил провозгласить себя императором. Это почетное имя дается полководцу воинами, которые тем самым как бы свидетельствуют, что он достоин быть их повелителем. В старину полководцы принимали эту почесть в награду за всякие великие дела, теперь же, как я узнаю, чтобы заслужить ее, необходимо уложить 10 тыс. человек. Еще когда Курион плыл из Сицилии, африканцы предполагали, что он из честолюбия разобьет лагерь возле вала Сципиона, привлеченный славой его подвигов, и отравили там воду. Они не ошиблись в расчете. Курион устроил здесь стоянку, и войско тотчас заболело. У тех, кто пил воду, зрение становилось неясным, как в тумане, наступал глубокий обморок, а после него разнообразные извержения пищи и судороги во всем теле. Вследствие этого Курион начал переносить лагерь к самой Утике, ведя войско, ослабевшее от болезни, через большое и длинное болото. Когда же до них дошла весть о победе Цезаря в Испании, они снова ободрились и построились к битве у моря в небольшом укреплении. В происшедшем сильном сражении у Куриона пал один человек, у Вара же шестьсот; ещё больше было ранено.

45. Когда подходил Юба, появился ложный слух, что он повернул назад около реки Баграда, отстоявшей недалеко оттуда, так как-де его царство было опустошено соседями. Рассказывали, что он оставил на реке полководца Сабурру с небольшим только отрядом. Доверяя этой ложной молве, Курион, жарким летом, около третьего часа дня, песчаной и безводной дорогой повёл свои главные силы на Сабурру. Ибо если и оставалась кое-какая зимняя влага, она была высушена жаром солнца, а реку же занимал Сабурра и сам царь, который находился там же. Введенный в заблуждение, Курион поднялся на холмы с войском, измученным усталостью, зноем и жаждой. Когда враги увидели его в таком состоянии, они начали переходить реку в полной боевой готовности. А Курион с весьма неразумной смелостью начал спускаться с холмов, ведя совершенно ослабевшее войско. Когда его окружили всадники номадов, он на некоторое время отступил и стянул войско. Но теснимый врагом, Курион снова отступил на холмы. Азиний Поллион в начале несчастья бежал с немногими людьми к лагерю в Утике, чтобы Вар как-нибудь не напал на него при известии о поражении Куриона. Последний, храбро сражаясь, пал вместе со всем наличным войском, так что за Поллионом никто не вернулся в Утику. Таков оказался результат битвы на реке Баграде. Отрезанная голова Куриона была доставлена Юбе.

46. Когда о несчастье стало известно в лагере у Утики, командующий флотом Фламма немедленно бежал с флотом, прежде чем успел принять к себе кого-нибудь из находящихся на берегу. Азиний, переправившись на легкой лодке к стоящим на море купцам, просил их подплыть к берегу и взять войско. Некоторые действительно подплыли ради этого ночью к берегу, но когда солдаты все вместе поднялись на корабли, те начали тонуть. Тогда купцы большую часть солдат, успевших выехать в море и имевших деньги, побросали в воду, прельстившись их деньгами. Вот что случилось с теми, которые взошли на корабли. С оставшимися же на берегу ещё ночью произошло иное, хотя и нечто подобное. Днем они сдались Вару, а когда прибыл Юба, он поставил их около стены и приказал их переколоть как остатки своей победы. Юба сделал это без согласия Вара и ни о чем не подумав.

Таким образом погибло два римских легиона, прибывших с Курионом в Африку, погибли все всадники, легковооруженные и обозная прислуга. А Юба вернулся домой, считая все это дело большой заслугой перед Помпеем.

47. В эти же дни близ Иллирии Антоний потерпел поражение от Октавия, действовавшего на стороне Помпея против Долабеллы. Другое войско Цезаря, стоявшее в Плаценции, возмутилось и обвиняло своих командиров: «Мы мешаем на походе, — кричали они, — и не получаем тех пяти мин, которые в качестве подарка Цезарь обещал нам ещё в Брундизии». Когда Цезарь узнал об этом, он быстро отправился из Массилии в Плаценцию и, прибыв к ещё бунтовавшим солдатам, сказал следующее: «Вы хорошо знаете сами, с какой быстротой я действую в каждом деле. Война затягивается не по нашей вине, а потому, что враги избегают нас. Вы же, которые получили в Галлии так много выгод под моим начальством и дали клятву служить мне в течение всей войны, а не только части её, — вы бросаете нас в середине дела, восстаете против начальников и считаете возможным приказывать тем, от кого вам должно получать приказания. Выступая сам как свидетель, я торжественно заявляю о неизменной щедрости к вам; а теперь я поступлю с вами на основании отеческих законов и прикажу казнить по жребию десятую часть девятого легиона, так как он в особенности был зачинщиком мятежа». Поднялся вопль всего легиона, и командиры его, упав на колени, умоляли Цезаря о пощаде. Цезарь с трудом сдавался и, наконец, согласился подвергнуть жеребьевке только 120 человек, которые считались главными зачинщиками. Из них должно было казнить 12 человек. Но из этих двенадцати кто-то один отсутствовал, когда вспыхнул мятеж. Поэтому Цезарь приказал казнить показавшего на него центуриона.

48. Так окончилось восстание в Плаценции. Цезарь прибыл в Рим, и испуганный народ без постановления сената и предварительного назначения консула выбрал его диктатором. Но, как думают некоторые, Цезарь занимал эту должность только 11 дней, либо избегая власти, возбуждающей ненависть, либо не нуждаясь в ней. После этого он объявил консулом на следующий год себя и Публия Исаврика. Полководцев в провинции он назначал и сменял по собственному произволу. В Испанию Цезарь послал Марка Лепида, в Сицилию — Авла Альбина, в Сардинию — Секста Педуция и в только что занятую Галлию — Децима Брута. Голодающему населению он выдал хлеб. Так как народ просил его вернуть изгнанников, то он дал разрешение вернуться всем, кроме Милона. Но когда у Цезаря стали просить сложения долгов, ссылаясь на войны, мятежи и создавшиеся вследствие этого дешёвые цены, разорительные для продавцов, он в этом отказал. Однако Цезарь назначил собственных оценщиков тех рыночных товаров, которыми вместо денег должники должны были расплачиваться с займодавцами. Устроив эти дела, Цезарь около зимнего солнцестояния послал войско в Брундизий, а сам выехал в декабре месяце по римскому календарю, не дождавшись даже ради своей должности наступающего нового года. Народ провожал его при отъезде просьбами примириться с Помпеем, ибо не было тайной, что тот из них, кто одержит верх, повернет к монархии.

49. Итак, Цезарь двигался со всей возможной скоростью. Помпей же во все это время готовил корабли, стягивал все больше и больше войск и средств и, захватив на Ионийском море сорок кораблей Цезаря, караулил его переправу. С войском он производил упражнения, сам участвуя в беге, езде верхом, и везде был первым, несмотря даже на возраст. И этим Помпей легко снискал к себе такое расположение, что на его упражнения все сбегались, как на зрелище. У Цезаря к этому времени было 10 легионов пехоты и 10 тыс. галльской конницы, у Помпея — 5 легионов из Италии, с которыми он переплыл Ионийское море, и относящиеся к ним конные части — два парфянских легиона, остаток от войска, воевавшего под начальством Красса и некоторое число из отправившихся вместе с Габинием в Египет — всего 11 легионов италийцев и 7 тыс. конницы. Союзники у Помпея были из Ионии, Македонии, Пелопоннеса, Беотии, критские стрелки, фракийские пращники, пользующиеся метательными орудиями войны из припонтских областей, некоторые галльские всадники и другие из восточной Галатии, коммагены, посланные Антиохом, киликийцы, каппадокийцы, некоторые из Малой Армении, памфилийцы и писидийцы. Всеми этими союзниками Помпей не полагал пользоваться для сражения, но частью для гарнизонной службы, рытья окопов и всякого другого обслуживания италийского войска, чтобы из самих италийцев никто не был отвлечен от самой войны. Так обстояло у Помпея с сухопутным войском. Кораблей же военных с полным людским составом было 600, из них считавшихся наиболее выдающимися около 100 с римскими морскими; было также великое множество грузовых и обозных судов. Командиров было много, соответственно частям, а над ними всеми во главе стоял Марк Бибул...

52. ...Все войско, все сенаторы, окружавшие его, и великое множество знатных, все вместе приветствовали его и призывали повести их на все, на что он найдет нужным. Помпей же, полагая, что вследствие неблагоприятного для плавания времени года и отсутствия пристаней Цезарь предпримет плавание после зимы, а пока займется организацией своей консульской власти, приказал адмиралам охранять море, войско же распределил по зимним стоянкам, разместив его по всей Фессалии и Македонии. Так беспечно рассуждал Помпей о предстоящем; Цезарь же, как мной уже было сказано, во время зимнего солнцестояния спешил в Брундизий, полагая, что неожиданностью он сильнее всего поразит врагов...

54. ...Цезарь... повел... 5 легионов пехоты и 600 отборных всадников — к морю. Так как буря приводила суда в беспорядок, он с ними стал в открытом море на якорях. Это было время зимнего солнцестояния [48 г. до н.э.], и ветер, к досаде и огорчению Цезаря, заставил его первый день года провести в Брундизии. Тем временем прибыли ещё два легиона, и Цезарь отправил их сквозь бурю на грузовых судах. Военных кораблей у него было немного, и они охраняли Сардинию и Сицилию. Так как бури его отнесли к Керавнским горам, то он тотчас отправил суда в Брундизий за остальным войском, а сам отправился ночью к городу Орику по узкой и каменистой тропе, при этом из-за неудобства местности войско разделилось на множество частей, так что оно могло легко подвергнуться нападению, если бы это кто-нибудь заметил. К утру все это множество к нему с трудом стеклось, и гарнизонный начальник Орика, после того как находившиеся с ним внутри города заявили, что не будут сопротивляться идущему на них римскому консулу, передал ключи города Цезарю и остался при нем, удостоившись от него почестей. Лукреций же и Муниций охраняли на другой стороне Орика на 18 военных кораблях хлеб, находящийся на судах. Последние, чтобы Цезарь ими не овладел, они потопили и убежали в Диррахий. Из Орика Цезарь поспешил в Аполлонию. Аполлонийцы его приняли, начальник же гарнизона Стаберий город покинул.

55. И Цезарь, собрав свое войско, напомнил им, что благодаря быстроте в действиях они счастливо преодолели и бурю и без кораблей овладели морем, а также взяли без боя Орик и Аполлонию и владеют теперь тем, что принадлежало врагам, и все это так, как он им и сказал: в то время, как Помпей об этом ещё не знает. «Если, — сказал он, — мы ещё захватим и Диррахий, эту кладовую запасов Помпея, то нашим станет все то, что было ими заготовлено в течение целого лета». Так сказав, он быстро повел их по большой дороге в Диррахий, не отдыхая ни днем, ни ночью. Но Помпей, об этом предупрежденный, также в свою очередь двинулся из Македонии с великой поспешностью и, чтобы затруднить Цезарю продвижение, срубал по пути лес, разрушал мосты на реках и сжигал все встречавшееся по пути продовольствие, полагая, как оно и в действительности было, делом величайшей важности сохранить свои запасы. Каждый раз когда кто-нибудь из них обоих, Цезарь или Помпей, издали видел пыль, огонь или дым, то он думал, что это противник, и они как бы состязались в беге. И ни пище, ни сну они не уделяли времени. Такая была быстрота, напряжение и крики тех, кто их вел при свете факелов, что по мере того как враги все более друг к другу приближались,

увеличивались страх и смятение. Некоторые от усталости сбрасывали с себя то, что несли, или, прячась в ущельях, отставали, готовые ради немедленного отдыха примириться и со страхом перед врагом.

56. ...Помпей достиг Диррахия прежде Цезаря и расположился при городе лагерем, затем, послав флот в Орик, снова занял его и принялся охранять море более надежными караулами. Цезарь же, наметив границей между собой и Помпеем реку Алор, расположился лагерем по ту сторону, при этом некоторые части конницы с той и другой стороны, переходя реку, вступали друг с другом в бой. Все же войско в целом не вступало в бой, так как Помпей ещё производил упражнения с новобранцами, а Цезарь ожидал тех, которых оставил в Брундизии. Он полагал, что если они на судах поплывут весной, то не останутся незамеченными триремами Помпея, которые часто выплывали на стражу; если же они отважатся плыть зимой, когда враги сторожат на островах, то они, может быть, пройдут незамеченными или одолеют врагов благодаря величине кораблей и ветру; поэтому-то он и послал поспешно за ними. Так как они не выезжали, он решил сам тайно отправиться к войску; ведь кому-нибудь другому, помимо него, их привести было бы нелегко. Скрыв свое намерение, он послал трех рабов к реке, отстоящей на расстоянии 12 стадий, чтобы они приготовили быстроходную лодку и наилучшего рулевого якобы для посланца Цезаря.

57. Цезарь же, под предлогом болезненного состояния удалившись с обеда, предложил друзьям продолжать его, а сам, одевшись в одежду частного человека и сев на повозку, тотчас отправился к судну как посланец Цезаря. Он и в дальнейшем отдавал все приказания через рабов, сам оставаясь закрытым и в течение ночи неузнанным. Когда наступила буря, рабы увещевали кормчего быть храбрым, указывая, что благодаря буре им скорее удастся проплыть незамеченными со стороны врагов, которые находятся поблизости. Кормчий плыл по реке, гребя изо всей силы. Когда лодка приплыла к устью и море с бурей и ветром задержало течение, рабы Цезаря погоняли кормчего, а когда кормчий, ничего не добившись, утомился и пришел в отчаяние, Цезарь, открывшись, крикнул ему: «Смелей направляйся навстречу буре. Ты везешь Цезаря и его счастье». Гребцы и кормчий были поражены, всеми овладело усердие, и судно благодаря усилиям кормчего выплыло из реки. Ветер и волны открытого моря подгоняли их к берегу, так что они стали опасаться, как бы с наступлением утра они при свете не были обнаружены врагами. Цезарь, негодуя на божество, как бы с недоброежелательством к нему относящееся, разрешил корабль направить обратно. Подталкиваемый быстрым ветром, корабль вновь вплыл в реку.

58. Что касается Цезаря, то одни удивлялись его смелости, другие упрекали, что он предпринял дело, подобающее солдату, но не военачальнику. Цезарь, уже не надеясь впредь сам сделать это незаметно, приказал вместо себя плыть Постумию и велел Габинию привести немедленно войско морским путем. Если же Габиний послушался бы, то поручить это Антонию, если и этот откажется, то — Калену. На тот же случай, если все трое не решатся, Цезарь написал письмо к самому войску, не пожелает ли кто из воинов последовать за Постумием на суда, и чтобы те, которые отправятся, пристали в то место, куда их пригонит ветер. Кораблей не жалеть, ибо не в кораблях нуждается Цезарь, а в людях. Таким образом, Цезарь больше доверялся удаче, чем расчету. Помпей же, спеша опередить противника, выступил, подготовившись к сражению. И случилось, что когда двое из воинов Помпея исследовали середину реки, чтобы знать, где она более всего проходима, в это время кто-то из войска Цезаря, подбежав, убил обоих. Помпей, считая это дурным предзнаменованием, снялся с лагеря. По мнению всех, это была ошибка со стороны Помпея, так как он упустил самое удобное время.

59. Когда Постумий прибыл в Брундизий, Габиний, не подчинившись приказу Цезаря, повел всех желающих через Иллирию, нигде не делая привала. Они почти все были уничтожены иллирийцами. Цезарь вынужден был это перетерпеть, так как был занят. Антоний же, посадив других на корабли, поплыл мимо Аполлонии под парусами при попутном ветре. Когда к полудню ветер ослабел, 20 кораблей Помпея, направленные на обследование моря, заметили врагов и стали их преследовать. Ими, так как на море было безветрие, овладел сильный страх, чтобы военные корабли не пробуровили их своими медными носами и не потопили. И корабли Помпея уже должным образом приготовились, уже стали направлять камни из пращей и стрелы. Но вдруг налетел ветер сильнее прежнего, и они, развернув немедленно большие паруса, встретили неожиданный ветер и поплыли уже без страха. Суда вражеские отстали, жестоко претерпевая от бури, ветра и высоких волн, и с трудом прорвались к каменистой и лишенной пристаней суше, захватив из кораблей Цезаря всего два, застрявших в болоте. Антоний со всеми остальными причалил в так называемый Нимфей.

60. Войско Цезаря было уже все в наличности, так же как и у Помпея. То и другое расположились лагерем друг против друга на множестве укреплений на холмах. Обе стороны предпринимали частые стычки вокруг каждого укрепления, проводили вокруг него рвы, осаждая взаимно друг друга, то подвергая противника, то сами попадая в затруднительное положение. В одном из таких сражений войско Цезаря, как оказалось, уступило войску Помпея. Один центурион, по имени Сцева, совершивший много блестящих дел и раненный в глаз стрелой, выступил вперед и сделал знак рукой, что желает что-то сказать. Когда наступило молчание, он крикнул известному своим мужеством центуриону Помпея: «Спаси человека, равного тебе, спаси друга, пришли мне людей, которые бы вывели меня за руки, так как я ранен». Когда к нему как к перебежчику подбежали два человека, он одного из них убил, другому пробил плечо. Так поступил он, когда уже перестал надеяться на свое спасение и на спасение укрепления; но тем самым он внушил всем другим стыд и воодушевление, и укрепление было спасено, несмотря на то, что сам начальник укрепления, Минуций, сильно пострадал и был, как говорят, сто двадцать раз уязвлен в щит, имел шесть ран на теле и лишился, как и Сцева, глаза. Цезарь почтил героев многими наградами, а сам, так как кто-то из Диррахия готовил предательскую сдачу города, отправился с немногими людьми, как было условлено, к воротам Диррахия и святилищу Артемиды. В эту же зиму зять Цезаря вел ему ещё войска из Сирии. Гай Кальвизий, столкнувшись с ним в Македонии, был им побежден, и из целого легиона у него в этой битве осталось только 800 человек.

61. К Цезарю совершенно ничего не поступало со стороны моря, так как Помпей держал его в своей власти. Войско Цезаря голодало и делало хлеб из травы. Перебежчики, желая порадовать Помпея, принесли ему этот «хлеб», но Помпей не обрадовался, а сказал: «С какими зверями мы сражаемся». Цезарь по необходимости собрал все свое войско, чтобы этим вынудить и Помпея, вопреки его воле, к сражению. Но Помпей, заняв большинство укреплений, оставленных Цезарем, больше ничего не предпринимал. И Цезарь, в великой досаде, занялся делом трудным и рискованным — окружить со стороны моря весь лагерь Помпея сплошной стеной; предприятие, которое, как он полагал, ему должно принести великую славу по одному лишь смелому замыслу, даже если оно и не увенчается успехом. Длина стены была 1 200 стадий. Таким делом занялся Цезарь. Помпей же проводил рвы, направленные против Цезаря, и возводил сооружения со своей стороны. Так они оба лишили смысла задуманное ими дело. В то время было между ними одно большое сражение, в котором Помпей блистательно обратился в бегство войско Цезаря и преследовал бегущих до самого лагеря, отняв у них много знамен. И даже «орла», самое главное знамя у римлян, тот, кто его нес, едва успел перебросить через вал к тем, что находились внутри.

62. Когда поражение Цезаря стало окончательным, Цезарь с другой стороны повел новую часть, но и этой овладел такой великий страх, что, когда вдали показался Помпей, они не смогли ни остановиться, будучи уже у самых ворот, ни войти в них в

боевом порядке, ни подчиниться приказам, но каждый бежал, где кому случилось, без оглядки, не внемля никаким приказам, лишившись стыда и разума. И несмотря на то, что Цезарь всюду поспешал, усовершенствовав своих воинов и указывая, что Помпей находится ещё далеко, они на виду у него самого одни бросали знамена и убегали, другие от стыда склоняли головы, ничего не предпринимая, до такой степени ими овладел страх. А один из воинов, повернув знамя, направил заостренный конец в императора, но телохранители Цезаря его убили. Те же воины, которые входили, не организовали даже стражи, все было оставлено, и самый вал никем не охранялся, так что если бы Помпей совершил на него нападение, он и его мог бы взять своими силами и этим делом завершить всю войну, но Лабий — такова была божья воля — убедил Помпея направить войска на бегущих. Помпей сам колебался: или потому, что, видя вал неохраняемым, подозревал какую-то хитрость, или же потому, что пренебрегал этим делом, считая исход войны уже решенным. Поэтому Помпей, направив войска на бегущих вне лагеря, многих убил и взял в этот день в обоих сражениях 28 знамен, но упустил уже второй случай полного окончания войны. Передают, что Цезарь сказал: война могла бы быть в этот день закончена, если бы враги имели во главе человека, умеющего побеждать.

63. Помпей, правда, чрезмерно превознося свою победу, сообщил о ней всем царям и городам и надеялся, что войско Цезаря, побуждаемое голодом и напуганное поражением, немедленно перейдет на его сторону, а в особенности военачальники Цезаря, которым приходилось бояться за совершенные ими ошибки. Они же — бог привел их к раскаянию — устыдились за свои проступки, и когда Цезарь их с кротостью упрекал и даровал прощение, ещё более вознегодовали на самих себя и — такова была неожиданная перемена — стали требовать, чтобы, согласно отечественному закону, десятая часть их была казнена. Когда Цезарь на это не согласился, они ещё более устыдились и сознавали, что поступили незаконно по отношению к тому, кто этого совсем не заслужил, и стали требовать, чтоб он казнил хотя бы знаменосцев, так как, если бы те не повернули тыла прежде, они сами никогда не обратились бы в бегство. Когда Цезарь, и на это не соглашаясь, наказал лишь немногих, то всеми, благодаря его снисходительности, овладело такое воодушевление, что они потребовали, чтобы их тотчас повели на врагов. Они настаивали на этом весьма ревностно, призывая друг друга и обещая искупить свою вину блестящей победой. Цепью отряды обращались друг к другу по очереди, они клялись в присутствии Цезаря, что придут с поля битвы не иначе, как победителями.

64. Поэтому друзья Цезаря увещевали его использовать эту перемену в настроении и воодушевление войска. Но он сказал войску, что поведет его на врагов при более благоприятных условиях, и призывал их не забывать своей готовности, а друзьям он добавил, что прежде надо избавить войско от великого страха, порожденного поражением, а врагов лишить сознания, что их дела находятся в цветущем состоянии. Он признался, что раскаивается в том, что расположился лагерем у Диррахия, где у Помпея все припасы под рукой, и что необходимо было отвлечь его в какое-либо другое место, где враги были бы в равном с ними затруднительном положении. Так сказав, он немедленно направился в Аполлонию, а оттуда ночью стал скрытно отступать в Фессалию. Он в гневе взял и предал своим воинам на разграбление небольшой город Гомфы, который его не принял. Воины вследствие голода разом наполнили свои утробы всякой снедью и непристойно опьянели, и наиболее из них забавными в пьяном состоянии оказались германцы, так что, казалось, явись Помпей в это время, он мог бы совершить нечто решающее, если бы только он из гордости совершенно не пренебрег их преследовать. Между тем Цезарь, в течение семи дней усиленно передвигаясь, расположился лагерем у Фарсала. Говорят, бедствия в Гомфах были необычны и что в лечебнице были обнаружены трупы знатных стариков без всяких ран, но с кубками, лежащими с ними рядом. Двадцать из них, как бы в опьянении, валялись на полу, а один восседал на стуле, без сомнения врач, который им всем дал яд.

65. После того как Цезарь снялся с лагеря, Помпей назначил заседание совета. Афраний высказал на нем мнение, что морские силы, которыми он далеко превосходит Цезаря, следует послать против Цезаря и, владея морем, тревожить его, блуждающего по разным путям и находящегося в затруднительном положении, сухопутные же силы поспешно повести самому Помпею в Италию, к нему благорасположенную и лишённую врагов, чтобы, овладев Италией, Галлией и Испанией, из родной и главенствующей земли вновь напасть на Цезаря. Но этими советами, которые были бы для него наилучшими, Помпей пренебрег и послушался тех, которые говорили, что войско Цезаря из-за голода перейдет на его сторону немедленно или что вообще немного останется делать после одержанной у Диррахия победы. Наоборот, было бы позором оставить бегущего Цезаря и, будучи победителем, бежать наравне с побежденным. Помпей присоединился к этому мнению, побуждаемый больше всего стыдом перед восточными народами, не спускавшими с него глаз, а также заботой о Луции Сципионе, как бы он чего не претерпел в Македонии, и в особенности тем, что хотел использовать в борьбе с Цезарем храбрость своего войска. Поэтому он продолжал поход и расположился лагерем у Фарсала против Цезаря. Друг от друга оба лагеря отстояли на 30 стадий.

66. Провиант Помпею доставлялся отовсюду, ибо у него были в такой степени заготовлены дороги, гавани и посты, что и с суши ему постоянно все доставлялось и при любом ветре через море. Цезарь, напротив, имел только то, что с трудом отыскивал и добывал, испытывая при этом сильные затруднения. Однако и при таких обстоятельствах ни один из его воинов его не покинул, а все с каким-то демоническим рвением стремились вступить в бой с врагами, полагая, что, закаленные уже в течение 10 лет, они в битве будут во многих отношениях превосходить новобранцев, между тем как в рытье рвов, сооружении стен и наборе припасов они, вследствие своей старости, более слабы, и вообще, терпя страдания, они предпочитали что-нибудь делать, чем погибнуть без всякого дела от голода. Сознывая все это и зная, что ему противостоят люди, закаленные и доведенные до отчаяния, а также блестящее счастье, обычно сопровождающее Цезаря, Помпей полагал, что было бы рискованно подвергнуть опасности все предприятие из-за исхода одного сражения; более подходящим и безопасным будет нуждой истощать врагов, сидевших на бедной территории, не владеющих морем и не имеющих кораблей даже для того, чтобы быстро убежать. Так, полагаясь на самый верный расчет, Помпей решил всячески затягивать войну, доводя войска Цезаря в результате голода до болезни.

67. Вокруг Помпея находилось множество сенаторов, равных ему по сану, наиболее знаменитые из так называемых всадников и много царей и династов; все они, одни по неопытности, другие вследствие того, что чрезмерно расценивали успехи, добытые при Диррахии, а некоторые и потому, что количественно превосходили силы врагов, — были и такие, которые, утомленные вообще войной, стремились не столько к достойному, сколько к скорейшему её исходу, — все эти люди побуждали Помпея к битве, постоянно указывая на то, что Цезарь готовится к бою и ведет себя вызывающе. Помпей, исходя как раз из этого, указывал им, что Цезарь в своем безвыходном положении нуждался в бое, им же именно потому более уместно сохранять спокойствие, и что Цезарь спешит под давлением необходимости. Однако, докучаемый со стороны всего войска, чрезмерно возгордившегося успехом, одержанным у Диррахия, а также подстрекаемый насмешками, затрагивавшими его достоинство, что он будто бы нарочно медлит, будучи одержим властолюбием начальствовать над таким количеством сенаторов, называемый за это «царем царей» и «Агамемноном», потому что и тот благодаря войне владел царской властью, — вот всем этим докучаемый, Помпей отказался от своих собственных расчетов и уступил, поврежденный в разуме божеством, и на сей раз, как и в других случаях в течение всей войны. Став вопреки своей природе вялым и медлительным во всех делах, он, против своего желания, склонился к сражению на горе самому себе и тем, которые его к этому бою склоняли.

68. В ту ночь Цезарь послал три легиона для набора съестных припасов. Одобряя Помпея за медлительность и полагая, что тот ни в коем случае не переменит своего решения, он послал в окрестности за фуражом. А узнав о приготовлениях Помпея, Цезарь обрадовался, догадавшись, что к этому Помпей был вынужден войском, и, быстро созвав всех своих, стал сам готовиться к битве. Принося в полночь жертву Марсу, он взывал и к своей прародительнице Венере (весь род Юлиев, полагал он, происходит от Энея и его сына Ила, слегка изменив его наименование) и дал обет в случае успеха построить в Риме в благодарность храм Венере-победительнице. Когда на небе сверкнул свет со стороны лагеря Цезаря и погас в месте расположения лагеря Помпея, те, которые находились при последнем, говорили, что им предстоит совершить нечто блестящее над врагом. Цезарь же толковал это знамение так: напав на Помпея, он затмит дела Помпея. У Помпея в эту ночь некоторые из убежавших жертвенных животных не были пойманы, а на алтаре расселся рой пчел, эмблема робости. Незадолго до рассвета на лагерь Помпея напало паническое состояние, и после того как Помпей обежал кругом весь лагерь и устранил панику, он впал в глубокий сон.

69. Когда приближенные его разбудили, он сказал, что только что видел во сне, как посвящали в Риме храм Венере-победительнице. И этому-то, не зная обета Цезаря, обрадовались, когда узнали, друзья Помпея и все его войско; они в этом, как и во всем прочем, необдуманно, восторженно и пренебрежительно усматривали предстоящее дело, как уже свершившееся. Многие из них уже и палатки стали увенчивать лаврами, символом победы, а рабы готовили для них великолепные обеды. Были и такие, которые спорили между собой о понтификате Цезаря. Помпей, опытный в делах военных, не любил этих споров; но он скрывал свое негодование и вместе с тем молчал от нерешительности и страха, как будто бы уже был не начальником, а подчиненным и делал все по необходимости, а не по собственному решению. На человека великого, во всяком предприятии до этого дня бывшего наиудачливейшим, напало такое уныние, или потому, что, верно наметив полезное, он в этом не сумел убедить других, а как бы на игральную кость поставил и жизнь стольких людей и свою собственную славу, славу человека до сих пор непобедимого, или же при приближении бедствия его устрашало какое-то пророческое чувство, его, которому в настоящий день предстояло внезапно лишиться столь великой власти. Сказав своим друзьям, что этот день, кто бы из двух ни победил, послужит для римлян навсегда началом великих бедствий, он приготовился к бою. Некоторые, полагая, что от страха у Помпея вырвалось его тайное намерение, считали, что если бы Помпей тогда одержал победу, он не отрекся бы от единовластия.

70. Войско находилось в таком состоянии: многие писатели дают об этом сомнительные сообщения, я же предпочитаю следовать за теми римскими писателями, которые дают наиболее достоверные сведения об италийцах, с которыми они больше всего считались; что касается союзных войск, то о них римские писатели сообщают сведения недостоверные и не учитывают их как силу чужеземную, присоединение которой мало имело значения. Цезарь имел до 22 тыс. человек, из них около тысячи конницы; у Помпея войска было больше в два раза, в том числе около 7 тыс. конницы. Таковы мнения тех, чьи сообщения наиболее правдоподобны, а именно, что в битве столкнулись друг с другом 70 тыс. италийцев. Другие авторы считают, что их было меньше 60 тыс., а другие, чрезмерно преувеличивая, насчитывают 400 тыс. Из этого количества одни авторы считают, что у Помпея было в полтора раза больше войска, чем у Цезаря, другие считают, что у Помпея было около двух третей всего количества — в такой степени колеблются сведения относительно точного количества. Во всяком случае несомненно, что тот и другой вождь больше всего полагались на италийцев. Отряд союзников у Цезаря состоял из конницы из цизальпийских галлов... и из некоторого количества трансальпийских. Из эллинов служили у него в качестве легковооруженных долопы, акарнаны, этолийцы. Таковы были военные союзники Цезаря. На стороне Помпея были представлены в громадном количестве все восточные народы: одни на конях, другие — пешими, а из Эллады — лаконцы, предводительствуемые своими собственными царями, и остальная часть Пелопоннеса, а с ними и беотийцы. Принимали участие в битве и афиняне, причем глашатаями обеих сторон было возведено, чтобы войско не чинило афинянам никаких обид как лицам, посвященным культу богинь Фесмофор и принимающим только ради славы участие в битве, должностную решить судьбу римской гегемонии.

71. Кроме эллинов, в числе союзников были почти все народы, обитающие по морскому берегу в восточном направлении: фракийцы, геллеспонтийцы, вифинцы, фригийцы, ионийцы, лидийцы, памфилийцы, писидийцы, пафлагонцы, киликийцы, сирийцы, финикийцы, еврейское племя и с ними соседящие арабы, киприйцы, родосцы, критские пращники и другие островитяне. Были и цари и династы, приведшие свои войска: Дейотар, тетрарх восточных галатов, Ариарат, царь каппадокийцев, стратег Таксил, который привел армян, живших по сю сторону Евфрата, Мегабат, наместник царя Артапата, который привел армян, живших по ту сторону Евфрата. Принимали участие в военных тяготах и другие незначительные династы. Говорят, и из Египта было прислано Помпею 60 кораблей от царствовавших тогда в Египте Клеопатры и её брата, бывшего тогда ещё ребенком, но эти корабли, как, впрочем, и весь остальной морской флот, в битве участия не принимали и остались в бездействии у острова Коркиры. И то обстоятельство, что Помпей пренебрег флотом, следует считать величайшей необдуманностью, ибо при помощи морских сил, которыми он намного превосходил противника, он имел возможность повсюду лишать врага привозимых для него провиантов, вступив же в бой на суше, ему пришлось сражаться с людьми, которые от долгих военных трудов были в себе уверены и в битве становились словно звери. Но, видно, Помпея, который остерегался их у Дирахия, прельстило божественное наваждение, как нельзя более во время послужившее на пользу Цезаря. Ибо благодаря этому войско Помпея весьма легкомысленно зазналось и, одержав верх над мнением своего военачальника, вступило в бой, не имея опыта в военном деле. Но так распорядилось божество, чтобы установить ту власть, которая теперь охватывает все...

75. ...Цезарь... послал... для охраны палаток две тысячи совершенно престарелых людей. Остальные, выйдя в глубоком молчании, разрушили укрепления и свалили их в ров. Помпей, увидев это — некоторые полагали, что это подготовка к бегству, — осознал всю смелость противника и со стоном сказал себе, что им придется тягаться со зверьми и что верное средство против зверей — это голод. Но теперь уже было поздно, положение же было критическое. Поэтому он, оставив 4 тыс. италийцев для охраны лагеря, сам выстроил остальных между городом Фарсалом и рекой Энпеем, там, где и Цезарь расположился напротив него. И тот и другой вождь выстроили италийцев во фронт, разделив их на три части, отстоящие одна от другой на небольшом расстоянии, а конницу расположили на своих флангах, рассеяв повсюду между ними стрелков и пращников. Так выстроили они италийское войско, ибо каждый из вождей больше всего полагался на эти силы. Союзников они выстроили отдельно, ведя их как бы только для показа. Особенно у Помпея это союзное войско было многошумное и многоязычное. И из них македонцев, пелопоннесцев, беотийцев и афинян, молчаливость и дисциплину которых Помпей одобрял, он выстроил на фланге италийцев, а всех остальных, как Цезарь и предполагал, оставил вне боевого строя по племенам, чтобы они, когда битва пойдет в рукопашную, окружили врагов и преследовали их, нанося им как можно больше вреда, и разграбили лагерь Цезаря, больше уже не защищенный рвом.

76. Предводителями у Помпея были: в центре фаланги — его шурин Сципион, на левом крыле — Домиций, на правом — Лентул; Афраний и Помпей охраняли лагерь. У Цезаря предводительствовали Сулла, Антоний и Домиций; сам он заблаговременно выстроился с десятым легионом, как это у него было в обычае. Увидев это, враги направили сюда лучших своих всадников,

чтобы они, имея перевес в количестве, если смогут, окружили его. Поняв это, Цезарь устроил засаду из 3 тыс. наиболее смелых пехотинцев, которым приказал, когда они заметят, что враги бегут вокруг них, выскочить из засады и прямо метать свои копья в лоб всадникам, которые, будучи неопытными и молодыми, дорожа своей наружностью, не вынесут опасности, направленной им прямо в лицо...

77. Когда уже все было готово, противники ещё долгое время оставались неподвижно в глубоком молчании, всё ещё только собираясь и медля, и глядели друг на друга, которая из двух сторон первая начнет битву. Большинство было преисполнено жалости, ибо никогда ещё до сих пор италийское войско в таком количестве не сталкивалось друг с другом, подвергаясь одной опасности, и, будучи избранными храбрецами обоих лагерей, они жалели друг друга, в особенности потому, что видели, что италийцы идут против италийцев...

78. Так, пока они ещё медлили и взирали друг на друга, застиг их день. Все италийское войско продолжало стоять спокойно, в строгом молчании. Помпей же, видя, что союзники его в страхе от медлительности, из опасения, чтобы они не нарушили дисциплины ещё до сражения, дал первый сигнал к битве. Тогда Цезарь дал сигнал со своей стороны. Тотчас трубы, которых было множество в таком огромном войске на той и на другой стороне, громкими звуками дали призыв, торопили и глашатаи и начальники, обегая войска. Воины торжественно, с изумлением и молчанием шли друг на друга, так как они были испытанные в таких боях бойцы. Когда они приблизились, началось метание стрел и камней; и как только конница несколько опередила пехоту, начались с той и другой стороны попытки перейти в атаку, причем части Помпея, имея преимущество, стали окружать десятый легион Цезаря. Цезарь тогда подал знак сидевшим в засаде, и те, выскочив, устремились на конницу, ударяя направленными вверх копьями прямо в лицо всадников, которые, не вынеся отчаянной атаки и ударов в рот и глаза, в беспорядке бежали. Войско Цезаря, только что боявшееся быть окруженным, теперь само окружило пехоту Помпея, лишённую прикрытия конницы.

79. Помпей, узнав об этом, запретил своим пехотинцам делать вылазки, выбегать вперед из фаланги и метать стрелы, но стоя в вытянутых шеренгах с готовым к нападению копьем, защищаться врукопашную против наступающих. Эту стратегию Помпея некоторые хвалят как наилучшую при окружении врагом, Цезарь же в своих письмах порицает, так как, по его мнению, удары, нанесенные с размаха, имеют большую силу, да и храбрость людей возрастает от бега, при неподвижности же у войска дух падает, и для нападающих оно служит как бы прицелом. Так оно случилось и на этот раз. Десятый легион с Цезарем окружил левое крыло войска Помпея, лишённое конницы, осыпал неподвижно стоящие части со всех сторон копьями, пока нападавшие не привели их в замешательство, и силой заставил обратиться в бегство. Это и было началом победы Цезаря. При этом множество было убитых и раненых, много было и разнообразных эпизодов. При этой схватке, однако, не было никакого крика от фаланги, никаких восклицаний ни убиваемых, ни раненых; только слышались вздохи и стоны падающих с достоинством на том месте, где они были выстроены. Союзные войска, которые вели себя как зрители боевого состязания, были поражены выдержкой строя и от удивления не осмеливались окружить палатки Цезаря, хотя они охранялись людьми малочисленными и старыми, и только оставались на месте, полные удивления.

80. Когда левое крыло Помпея стало отступать — отступало оно шаг за шагом, не переставая сражаться, — союзные войска, ничего не предприняв, обратились в безоглядное бегство с криками: «Мы побеждены», и опрокидывали, словно вражеские, свои собственные палатки и заграждения, уничтожая их и похищая при своем бегстве все, что только они могли унести. Уже и другое крыло италийских войска Помпея, узнав о поражении левого крыла, стало медленно отступать, вначале в полном порядке и по мере возможности обороняясь, а затем под натиском врагов, окрыляемых удачей, оно тоже обратилось в бегство. Чтобы части войска Помпея вновь не соединились и чтобы таким образом было выиграно не одно лишь сражение, а вся война, Цезарь с большой хитростью разослал глашатаев по всем своим частям, во все стороны, чтобы победители-италийцы оставили в неприкосновенности своих единоплеменников и наступали только на союзников. Глашатаи, приблизившись к побежденным, убеждали их остановиться, ничего для себя на опасаясь. Один от другого узнавая это воззвание, они останавливались. И «стоять без страха» стало как бы паролем войска Помпея, тогда как в остальном оно ничем не отличалось от войска Цезаря, нося, как италийцы, ту же одежду и говоря на том же языке. Пробегая сквозь их ряды, войско Цезаря уничтожало союзников Помпея, которые не могли противостоять им, и наибольшая резня произошла здесь.

81. Помпей, увидев бегство своего войска, словно обезумел и медленно удалился в лагерь. Подойдя к своей палатке, он сел там безмолвный... Из остальных лишь очень немногие последовали за Помпеем в лагерь: воззвание Цезаря остановило их на месте без страха, войско же Цезаря, обегав войска Помпея, разъединило их по частям. К концу дня Цезарь, неумолимо повсюду обегая войско, увещевал ещё понатужиться, пока не возьмут лагерь Помпея, причем объяснял, что если враги снова соберутся с силами, они окажутся победителями одного дня, если же лагерь врагов будет захвачен, этим делом приведена будет к благополучному концу вся война. С этой мольбой протягивал к войску Цезарь руки и сам первый открыл преследование. Физически многие из войска Цезаря были утомлены, но дух их поддерживали эти рассуждения и сам полководец тем, что шел с ними вместе на врага. Побуждала их к тому удача всего происшедшего и надежда, что, захватив лагерь Помпея, они заберут в нем много добычи... В таком состоянии они снова устремились вперед и напали на лагерь... Помпей, узнав это, очнувшись из странного своего молчания и воскликнул: «Неужели и против нашего укрепления?», — и, сказав это, переменял одежду, сел на лошадь и в сопровождении четырех друзей не останавливался в бегстве, пока в начале следующего дня не прибыл в Лариссу. Цезарь... остановился в укреплении Помпея и вкусил там пищу, приготовленную для Помпея, а все его войско — пищу врагов.

82. Убитых с обеих сторон италийцев (число убитых союзников не было установлено как из-за их многочисленности, так и из-за пренебрежения к ним) было в войске Цезаря 30 центурионов и 200 легионеров, а по другим источникам, 1200, в войске Помпея — 10 сенаторов, среди них и Луций Домиций, посланный сенатом к Цезарю в Галлию в качестве его преемника, и около 40... всадников из знатных. Из остального войска — те писатели, которые склонны преувеличивать, называют цифру в 25 тыс., но Азиний Поллион, один из командиров Цезаря в этой битве, пишет, что трупов, принадлежавших сторонникам Помпея, было найдено 6 тыс. Таков был конец знаменитой битвы при Фарсале. Первую и вторую боевые награды получил сам Цезарь, признанный всеми наиболее отличившимся, а с ним вместе и десятый легион. Третья боевая награда была присуждена центуриону Крассинию, который, будучи спрошен Цезарем, вышедшим в бой, о предстоящем исходе его, громко воскликнул: «Мы победим, Цезарь, и живого или мертвого, но меня ты сегодня похвалишь». Все войско свидетельствовало, что все время Крассиний, словно одержимый, непрерывно обегал ряды, совершая много блестящих дел. После поисков он был найден среди трупов. Цезарь возложил на него боевую награду, похоронив его в особой могиле вблизи братского погребения.

83. Помпей, с прежней скоростью спеша из Лариссы к морю, сел на маленькую лодку и, встретив проплывавший корабль, переправился в Митилену. Там он забрал свою жену Корнелию и на четырех кораблях, которые ему послали родосцы и тирийцы, отправился, оставив без внимания в тот момент Коркиру и Африку, где у него было другое многочисленное войско и невредимый флот, и устремился на восток, в Парфию, где собирался, опираясь на нее, восстановить утерянное. Намерение свое он долго скры-

вал, пока не рассказал о нем своим друзьям, будучи уже в Киликии. Они просили его остерегаться Парфии, против которой ещё недавно строил свои планы Красс и которая ещё воодушевлена его поражением, и просили не вести в страну необузданных варваров красавицу-жену, Корнелию, особенно как бывшую жену Красса. Когда он стал делать другие предложения относительно Египта и Юбы, то его друзья, отказавшись от последнего как от человека, ничем не прославившегося, согласились с ним в отношении Египта, который и был близок и представлял обширное государство, а также и потому, что он был богат и могуществен кораблями, хлебом и деньгами. Цари же его, хотя ещё были детьми, по своим родителям являлись друзьями Помпея.

84. По всем этим соображениям Помпей отплыл в Египет. Как раз незадолго до этого Клеопатра, которая управляла Египтом вместе с братом, убежав из Египта, набирала войско в Сирии; брат Клеопатры, Птолемей, охранял Египет у горы Касия от вторжения Клеопатры. Каким-то злым гением ветер отнес судно Помпея как раз к этому месту. Увидев на суше большое количество войска, Помпей остановил свой корабль, предположив, как оно и в самом деле было, что там находится царь, и, послав к нему, напомнил о себе и о дружбе к нему отца Птолемея. Птолемею было тогда ещё только около 13 лет; он находился под опекой Ахиллы, который командовал войсками, и евнуха Пофина, который ведал финансами. Относительно Помпея они устроили предварительное совещание, и тут же присутствовавший ритор Феодот из Самоса, учитель Птолемея, предложил преступное дело — заманить Помпея в засаду и убить его, чтобы этим угодить Цезарю. Когда это мнение было принято, Помпею, под предлогом, что здесь море мелкое и неудобное для больших кораблей, была послана невзрачная лодка, в которую село несколько царских гребцов. Был на этой лодке и некий Семпроний, римлянин, в то время служивший в войске Птолемея, прежде же служивший у самого Помпея. Этот Семпроний приветствовал Помпея от имени царя и пригласил его плыть к юному правителю как к другу. В то же время и все войско, как бы из почтения к Помпею, выстроилось вдоль берега, а в центре войска выделялся одетый в пурпур царь.

85. Помпею все это показалось подозрительным: и расположение в боевом порядке войска, и качество судна, за ним посланного, и то, что за ним не приплыли ни сам царь, ни его наиболее видные приближенные. При этих обстоятельствах Помпей на память привел стихи Софокла: «Кто направляется к тирану, превращается в его раба, хоть если бы пришел к нему свободным», и сел в лодку. Во время плавания, когда все вокруг него молчали, подозрение Помпея ещё более усилилось. Потому ли, что Помпей узнал в Семпронии римлянина, вместе с ним сражавшегося, или потому что, видя все время его одного только стоящим, он предполагал, что он делал это согласно воинской дисциплине, по которой воин не смеет сесть в присутствии своего начальника, Помпей обратился к нему с вопросом: «Тебя ли я вижу, соратник?» Семпроний в ответ на это кивнул головой, и как только Помпей повернулся, нанес ему первый удар сам, а за ним и другие. Жена Помпея и его друзья, все это видевшие издали, закричали и, простирая руки к богам мстителем за вероломство, поспешно отплыли, как от вражеской страны.

86. Приближенные Пофина, отрубив голову Помпея, сохранили её для передачи Цезарю, чтобы получить от него за это великую благодарность; на самом деле Цезарь достойно наказал их за вероломство, все же остальное тело кто-то похоронил на побережье и насыпал на нем невзрачный холм, а кто-то написал следующую эпитафию: «Мелкий холмик покрывает здесь того, кто владел храмами». С течением времени вся могила целиком скрылась под песком, а бронзовые изображения, которые родственники Помпея впоследствии ему посвятили в ближайшем храме у Касия, оказались поврежденными и снесенными в недоступную часть святилища. Там их, уже в мое время, римский император Адриан, проезжая по Египту, искал и, найдя, снова привел в порядок могилу Помпея, так что её можно было узнать, и исправил изображения самого Помпея. Таков был конец Помпея, завершившего великие войны и принесшего великую пользу римскому владычеству, за что он и был назван «Великим»; до того он никогда не был побежден, но с самой юности был непобедим и счастлив. И с 23 до 58 лет Помпей управлял Римом непрерывно, будучи по силе своей подобен монарху. Соперничая же с Цезарем, он считался демократическим правителем.

87. Луций Сципион, шурина Помпея, и другие наиболее знатные лица, спасшиеся в битве при Фарсале, спешно собрались все на Коркире у Катона, который был оставлен во главе ещё одной армии и 300 кораблей. Они поступали более осмотрительно, чем Помпей. Наиболее знатные из них разделили между собой морские силы: Кассий отплыл в Понт к Фарнаку, чтобы поднять его против Цезаря, Сципион и Катон отплыли в Африку, надеясь на поддержку Вара и его войска и на Юбу, нумидийского царя, их союзника. Помпей, старший сын Помпея Великого, и с ним Лабий и Скапула, отправились с частью армии в Испанию и, восстановив её против Цезаря, набрали там новое войско из иберов, кельтиберов и рабов и, таким образом, оказались в ещё большей боевой готовности, чем раньше. Такие огромные силы были ещё в резерве у Помпея, а он, ни во что их не ставя, убежал, как одержимый неким духом. Войска, которые находились в Африке, хотели, чтобы над ними начальствовал Катон, но он отказался, так как налицо имелись консулы, которые по сану своему стояли выше его: в Риме Катон был только претором. Начальником поэтому был сделан Луций Сципион. И здесь набиралось большое войско и занималось упражнениями. Эти-то две армии, в Африке и в Испании, наиболее достойные упоминания боевые силы, заготовлены были против Цезаря.

88. ...Чтобы узнать, куда бежал Помпей, Цезарь направился на восток и, за неимением больших военных кораблей, переплыл Геллеспонт на маленьких челноках. Кассий, направлявшийся к Фарнаку, как раз оказался с частью флота в то время, когда Цезарь находился в середине своей переправы. И, конечно, своими военными кораблями он одолел бы маленькие суда Цезаря, но от страха перед счастьем его, столь прославленным и внушающим ужас, Кассий, полагая, что Цезарь идет нарочно на него, протянул руки к нему (с кораблей к лодке!), попросил прощения и передал ему свой флот. Так велика была слава об успехах Цезаря. Ибо я не вижу никакой другой причины и не знаю никакого другого объяснения удачи Цезаря при столь неблагоприятных условиях, когда Кассий, будучи человеком весьма воинственным и владея 70 триремами, не решился вступить в бой с Цезарем, встретившимся с ним совершенно неподготовленным. Кассий из одного только страха перед проплывающим мимо него Цезарем так позорно сдался, а впоследствии он убил Цезаря, когда тот в Риме был уже полным властелином...

89. Так неожиданно спасшись, Цезарь переплыл Геллеспонт... Узнав, что Помпей отправился в Египет, Цезарь отплыл к Родосу. Не дожидаясь там своего войска, которое прибывало частями, он со всеми наличными силами сел на триремы, взятые у Кассия и родосцев. Куда именно он направил плавание, он никому не открыл и, выведя корабли в море вечером, приказал кормчим всех следовавших за ним кораблей править ночью по свету, а днем по знамени с его собственного корабля. Кормчему же своего корабля он, далеко уже отплыв от земли, велел направиться к Александрии. По истечении трехдневного плавания он прибыл к Александрии. Царь Птолемей ещё находился у Касия, и его опекуны приняли Цезаря радушно. Вначале Цезарь из-за малочисленности бывших с ним сил прикинулся беспечным, не преследующим никаких политических целей, дружески принимал всех, кто к нему обращался, и, обходя город, дивился его красоте и, стоя среди народа, прислушивался к философам. Благодаря такому образу действий он снискал благодарность и добрую славу со стороны александрийцев как человек, не вмешивающийся в их дела.

90. Когда же к нему приплыло войско, он за преступление по отношению к Помпею покарал смертью Пофина и Ахиллу, Феодота же, убежавшего, повесил впоследствии Кассий, отыскав его в Азии. Когда вследствие этого александрийцы заволновались и царское войско обратилось против Цезаря, произошли различные схватки вокруг царского дворца и на побережье рядом с ним. Однажды даже пришлось Цезарю, убегая оттуда, прыгнуть в море и проплыть от берега на большое расстояние под водой;

александрийцы, захватив его плащ, повесили его как трофей. Однако наконец у него произошел у Нила бой с царем. В этом бою Цезарь одержал большую победу. Так прошло 9 месяцев, пока вместо Птолемея он не объявил Клеопатру царицей Египта [47 г. до н.э.]. С Клеопатрой же Цезарь, обзревая страну, плывал по Нилу на 400 кораблях, предаваясь и другим наслаждениям... Голову Помпея, преподнесенную ему, Цезарь не взял, но приказал похоронить и воздвигнуть в честь нее недалеко от города святилище, которое было названо святилищем Немесиды. Это святилище в мое время, в царствование императора Траяна, когда он в Египте уничтожил иудеев, было скрыто Траяном из военных соображений.

91. Совершив все это в Александрии, Цезарь через Сирию устремился против Фарнака. Последний между тем успел совершить многое: он занял несколько римских селений и, столкнувшись в бою с претором Цезаря Домицием, одержал над ним блестящую победу, после которой, весьма возгордившись, обратил жителей города Амиса, на Понте, сочувствующего римлянам, в рабство и всех сыновей их оскопил. Когда Цезарь стал приближаться, Фарнак устремился и раскаялся в своем поведении, и когда Цезарь был от него на расстоянии 200 стадиев, выслал к нему послов для заключения мира: послы поднесли Цезарю золотой венок и, по своей глупости, предложили ему обручиться с дочерью Фарнака. Цезарь, узнав об этом предложении, продвинулся со своим войском и шел сам впереди, беседуя с послами, пока не подошел к укреплению Фарнака. Тогда он воскликнул: «Неужели этот отцеубийца не получит своей кары немедленно?», — вскочил на коня и уже при первой атаке обратил Фарнака в бегство и многих из его войска перебил, хотя у самого Цезаря было только около тысячи всадников, выбежавших первыми с ним в атаку. Тогда он, как передают, сказал: «О, счастливый Помпей! Так, значит, за то тебя считали великим и прозвали Великим, что ты сражался с такими людьми при Митридате, отце этого человека!»...

95. Совершив переправу из Регия в Мессену, Цезарь прибыл в Лиливей. Узнав, что Катон с частью морских и сухопутных сил охраняет снаряжение для войны в Утике вместе с теми 300, которые издавна были назначены военными советниками при нем под именем сената, а верховный начальник Луций Сципион с лучшими частями войск воюет в Гадрумете, Цезарь поплыл против Сципиона. Сципион как раз в это время, оказалось, направился к Юбе [46 г. до н.э.], и Цезарь приготовился к бою у лагеря Сципиона, считая, что выгодно сражаться с врагом в отсутствии его полководца. Ему противостояли Лабиен и Петрей, помощники Сципиона, они одержали над Цезарем большую победу, обратив в бегство его войско и преследуя его с гордостью и презрением до тех пор, пока раненная в живот лошадь не сбросила Лабиена. Лабиена тотчас унесли его телохранители, стоявшие со щитами возле сражающегося. Петрей, полагая, что войско оказалось при испытании на высоте и что он сумеет одержать победу, когда захочет, не стал продолжать начатое преследование и сказал: «Не будем отнимать победу у нашего полководца Сципиона». Остальное было делом счастья Цезаря: когда враги, как казалось, могли победить, победители сами внезапно прекратили сражение. Передают, что во время бегства своего войска Цезарь приставал ко всем воинам, чтобы они повернулись, кого-то из несущих «орлов» — самые главные знамена у римлян — Цезарь повернул своей рукой и вновь направил вперед, пока Петрей не повернул обратно, а Цезарь охотно вновь отступил. Таков был результат первого сражения Цезаря в Африке.

96. Когда немного спустя после этого стали ожидать прибытия самого Сципиона с 8 легионами пехоты, 20 тыс. конницы, среди которых было большинство ливийцев, со множеством легковооруженных солдат и до 30 слонов, а со Сципионом ещё прибыл Юба с другими 30 тыс. пехотинцев и 20 тыс. нумидийской конницы, множеством копийщиков и 60 слонами, войско Цезаря охватил ужас, и оно было в замешательстве как от того испытания, которому оно уже подверглось, так и от славы наступавших и многочисленности, и большого мужества особенно нумидийских всадников. Пугала и война против слонов, для них совершенно непривычная. В это самое время мавританский вождь Бокх захватил царскую резиденцию Юбы — Цирту, и Юба, извещенный об этом, поспешно со всем своим войском возвратился к себе, оставив Сципиону только 30 слонов. Вследствие этого войско Цезаря настолько приободрилось, что пятый легион даже попросил выстроить его против слонов и одержал над противником полную победу. И ещё поныне этому легиону присвоен за это на знамени знак «слона».

97. Происшедшее сражение было... упорным на всем своем протяжении, с переменным счастьем, но к вечеру одолел, хотя и с трудом, Цезарь, который для того, чтобы довести победу до конца, не прекратил победоносного сражения и при наступлении ночи и тотчас захватил лагерь Сципиона. Враги по частям разбежались, кто куда мог, а сам Сципион с Афранием, бросив все, бежали морем с 12 невооруженными кораблями. Таким образом, и эта армия, состоявшая приблизительно из 80 тыс. человек, в течение долгого времени обученная, после первой битвы внушавшая храбрость и надежду, при втором столкновении полностью была уничтожена. О Цезаре между тем распространилась слава, что у него особая судьба быть непобедимым; никто из побежденных Цезарем не приписывал этого одной только доблести Цезаря, но и свои собственные ошибки они также приписывали счастью Цезаря. Ибо и эта война так быстро была проиграна из-за нерасчетливости полководцев, выступавших против Цезаря, которые, с одной стороны, не изнурили его, когда он бывал в затруднительных обстоятельствах в чужой стране, с другой стороны, не довели первую победу до конца.

98. Когда на третий день стало обо всем этом известно в Утике, а также и о том, что Цезарь направляется прямо туда, началось невольное общее бегство. Катон никого не удерживал, но всем из знатных, кто у него просил корабли, давал их. Сам он остался в совершенном спокойствии, и утикийцам, обещавшим ему, что будут за него ходатайствовать ещё раньше, чем за себя, смеясь ответил, что он не нуждается в примирении с ним Цезаря. Он, Катон, убежден в том, что и Цезарь это прекрасно знает. Перечислив все свои склады и о каждом из них выдав документы утическим правителям, Катон к вечеру принял ванну и, сев за ужин, ел, как он привык с тех пор, как умер Помпей. Он ничего не изменил в своих привычках, не чаще и не реже, чем всегда, обращался к присутствующим, беседовал с ними относительно отпльвших, расспрашивал насчет ветра — благоприятен ли он, о расстоянии, которое они уже отплыли, — опередят ли они прибытие Цезаря на Восток. И отправляясь ко сну, Катон также не изменил ничего из своих привычек, кроме того только, что сына своего обнял более сердечно. Не найдя у постели обычно там находящегося своего кинжала, он закричал, что его домашние предадут его врагам, ибо чем другим, говорил он, сможет он воспользоваться, если враги придут ночью. Когда же его стали просить ничего против себя не замышлять и лечь спать без кинжала, он сказал весьма убедительно: «Разве, если я захочу, я не могу удушить себя одеждой или разбить голову о стену, или броситься вниз головой, или умереть, задержав дыхание?» Так говоря, убедил он своих близких выдать ему его кинжал. Когда он его получил, он попросил Платона и прочел его сочинение о душе.

99. Когда он окончил диалог Платона, то, полагая, что все, которые находились у его дверей, заснули, поразил себя кинжалом под сердце. Когда выпали его внутренности и послышался какой-то стон, вбежали те, которые находились у его дверей; ещё целые внутренности Катона врачи опять вложили внутрь и сшили разорванные части. Он тотчас притворился ободренным, упрекал себя за слабость удара, выразил благодарность спасшим его и сказал, что хочет спать. Они взяли с собой его кинжал и закрыли двери для его спокойствия. Он же, представившись будто он спит, в молчании руками разорвал повязки и, раскрыв швы раны, как зверь разбередил свою рану и живот, расширяя раны ногтями и роясь в них пальцами и разбрасывая внутренности, пока не умер. Было ему тогда около 50 лет, и славу имел он человека самого непоколебимого в следовании тому, что он признавал пра-

вильным, а следовал он справедливому, должному и прекрасному не только в своем поведении, но и в помыслах, выявляя исключительное величие души. Так, Марцию, дочь Филиппа, с которой он сочелся, когда она была девицей, и которую он очень любил и от которой имел детей, он тем не менее отдал одному из своих друзей, Гортензию, жаждавшему иметь детей и не имевшему их, так как был женат на бесплодной. Когда жена Катона забеременела и от друга, он вновь взял её к себе в дом, как бы дав её ему взаимы. Таков был Катон...

100. Юба и Петрей, узнав о всем происшедшем и не имея никаких средств ни к бегству, ни к спасению, во время обеда убили мечами друг друга. Цезарь объявил царство Юбы подданным Риму и во главе его назначил Саллюстия Криспа. Утикийцам и сыну Катона он даровал прощение. Также и дочь Помпея Великого, с двумя её детьми захваченную в Утике, он отослал невредимыми к Помпею (сыну Помпея Великого). Всех, кого он захватил из совета трехсот, он истребил. Главнокомандующий Луций Сципион в бурное время столкнулся на море с неприятельскими кораблями. Он вел себя доблестно; когда же его захватили, то он умертвил себя и был брошен в море...

Цезарь, уже в четвертый раз выбранный консулом, предпринял войну против молодого Помпея в Испании... Все... наиболее доблестные, которым удалось бежать из Африки, соединились в Испании. Одно войско, таким образом, состояло из тех, которые прибыли со своими начальниками из Африки и Фарсала, а другое из самих иберов и кельтиберов... Великое множество рабов сражалось на стороне Помпея. Уже четыре года это войско обучалось и готово было сражаться с отчаянием. Благодаря этому Помпей совершил большую ошибку, что не оттянул сражения, но вступил с Цезарем в столкновение, как только тот прибыл, хотя некоторые из старейших лиц, наученные горьким опытом Фарсала и в Африке, советовали Помпею томить Цезаря всякими оттяжками и довести его до безвыходного положения, используя то, что он находится в чужой стране [45 г. до н.э.]. Путь от Рима до Испании Цезарь прошел в 27 дней, совершив огромный поход с весьма нагруженным войском. И небывалый страх напал на его войско, когда до него дошла весть о количестве войска, подготовленности и отчаянности противника.

104. Вследствие этого Цезарь и сам готов был медлить, пока к нему... не приблизился Помпей и не упрекнул его в трусости. Тогда, не снеся обиды, Цезарь приказал своему войску выстроиться у города Кордубы... Когда войска пришли в столкновение, на армию Цезаря напал страх... Цезарь умолял всех богов, простирая руки к небу, не пятнать этим одним сражением столько им совершенных блестящих подвигов, увещевал, обегая солдат, и, сняв шлем с головы, стыдил их в глаза, призывая их приостановить бегство. Но страх солдат нисколько не унимался, пока Цезарь сам, схватив щит одного из них и воскликнув вокруг него стоящим командирам: «Да станет это концом для меня — жизни, а для вас — походов», выбежал вперед из боевого строя навстречу врагам настолько далеко, что находился от них на расстоянии 10 футов. До 200 копий было в него брошено, но от одних он отклонился, другие отразил щитом. Тут уже каждый из его полководцев, подбегая, становился рядом с ним, и все войско бросилось в бой с ожесточением, сражалось весь день с переменным успехом, но к вечеру, наконец, одолело...

105. Когда резня достигла предела и войско Помпея бежало к Кордубе, Цезарь приказал войску соорудить стену вокруг города, чтобы бежавшие враги вновь не приготовились к сражению. Солдаты... стали нагромождать одно на другое тела и вооружение убитых и, прибавив их копьями к земле, стояли у этой стены, как на бивуаке, всю ночь. К утру город был взят. Из полководцев Помпея Скапул, соорудив костер, бросился в него, головы же Вара, Лабиена и других знатных были принесены Цезарю. [Помпей] после поражения бежал с 50 всадниками в Карфею, где у него стоял флот, и был на носилках принесен на верфь инкогнито... Увидев, что и здесь люди в отчаянии, он испугался, что будет выдан Цезарю, и спустился в лодку, чтобы снова бежать. Но нога его при этом зацепилась за канат, и кто-то, пытаясь его отрубить мечом, попал вместо каната ему в ногу. Он отплыл в какое-то место и стал там лечиться. Однако, разыскиваемый и там, он снова бежал по заросшей колючим кустарником дороге, пока... не присел на отдых под деревом; когда сюда пришли искавшие его, он, защищаясь от них, недешево отдал свою жизнь. Когда его голова была доставлена Цезарю, он велел кому-то похоронить ее. Таким образом, и на сей раз война, вопреки ожиданию, была окончена одним сражением. Спасшихся противников Цезаря вновь собрал около себя младший брат покойного Помпея, тоже по имени Помпей и по личному имени Секст. Этот Помпей, пока ещё скрываясь сам и убегая, занимался грабежом.

№2

ПЛУТАРХ

ПОРІВНЯЛЬНІ ЖИТТЄПИСИ, ЦЕЗАР

48. Цезарь, даровав в ознаменование победы свободу фессалийцам, начал преследование Помпея. [В Азии] он объявил свободными граждан Книда из расположения к Феопомпу, составителю свода мифов, а всем жителям Азии уменьшил подати на 1/3. Цезарь прибыл в Александрию, когда Помпей был уже мертв. Здесь Феодот поднес ему голову Помпея, но Цезарь отвернулся и, взяв в руки кольцо с его печатью, пролил слезы. Всех друзей и близких Помпея, которые, скитаясь по Египту, были взяты в плен царем, он привлек к себе и облагодетельствовал. Своим друзьям в Риме Цезарь писал, что в победе для него самое приятное и сладостное — возможность даровать спасение все новым из воевавших с ним граждан. Что касается Александрийской войны, то одни писатели не считают её необходимой и говорят, что единственной причиной этого опасного и бесславного для Цезаря похода была его страсть к Клеопатре; другие выставляют виновниками войны царских придворных, в особенности могущественного евнуха Потина, который незадолго до того убил Помпея, изгнал Клеопатру и тайно злоумышлял против Цезаря. По этой причине, чтобы обезопасить себя от покушений, Цезарь... и начал тогда проводить ночи в попойках. Но Потин и открыто проявлял враждебность — во многих словах и поступках, направленных к поношению Цезаря. Солдат Цезаря он велел кормить самым черствым хлебом, говоря, что они должны быть довольны и этим, раз едят чужое. К обеду он выдавал глиняную и деревянную посуду, ссылаясь на то, что всю золотую и серебряную Цезарь, якобы, отобрал за долги. Действительно, отец царствовавшего тогда царя был должен Цезарю 17½ млн. драхм, часть этого долга Цезарь простил его детям, а 10 млн. потребовал теперь на прокормление войска. Потин советовал ему покинуть Египет и заняться великими своими делами, обещая позже вернуть деньги с благодарностью. Цезарь ответил на это, что он меньше всего нуждается в египетских советниках, и тайно вызвал Клеопатру из изгнания¹.

49. Клеопатра, взяв с собой лишь одного из друзей, Аполлодора Сицилийского, села в маленькую лодку и при наступлении темноты пристала вблизи царского дворца. Так как иначе трудно было остаться незамеченной, то она забралась в мешок для постели и вытянулась в нем во всю длину. Аполлодор обвязал мешок ремнем и внес его через двор к Цезарю. Говорят, что уже эта хитрость Клеопатры показала Цезарю смелой и пленила его. Окончательно покоренный обходительностью Клеопатры и её красотой, он примирил её с царем для того, чтобы они царствовали совместно. Во время всеобщего пира в честь примирения раб Це-

¹ Египтом правили молодой Птолемей XIII и его старшая сестра и жена Клеопатра; между ними шла борьба, и Клеопатра со своими сторонниками в это время находилась вне Александрии.

заря, цирюльник..., все подслушивавший и выведывавший, проведal о заговоре, подготовляемом против Цезаря военачальником Ахиллой и внухом Потинном. Узнав о заговоре, Цезарь велел окружить стражей пиршественную залу. Потин был убит, Ахилле же удалось бежать к войску, и он начал против Цезаря продолжительную и тяжелую войну, в которой Цезарю пришлось с незначительными силами защищаться против населения огромного города и большой египетской армии. Прежде всего он подвергся опасности остаться без воды, так как водопроводные каналы были засыпаны неприятелем. Затем враги пытались отрезать его от кораблей. Цезарь принужден был отвратить опасность, устроив пожар, который, распространившись со стороны верфей, уничтожил огромную библиотеку. Наконец, во время битвы при Фаросе¹, когда Цезарь соскочил с насыпи в лодку, чтобы оказать помощь своим, и к лодке со всех сторон устремились египтяне, Цезарь бросился в море и лишь с трудом выплыл. Говорят, что он подвергался в это время обстрелу из луков и, погружаясь в воду, все-таки не выпускал из рук записных книжек. Одной рукой он поднимал их высоко над водой, а другой греб, лодка же сразу была потоплена. В конце концов, когда царь встал на сторону противников, Цезарь напал на него и одержал в сражении победу. Враги понесли большие потери, а царь пропал без вести. Затем, оставив Клеопатру, которая вскоре родила от него сына (александрийцы называли его Цезарионом), Цезарь направился в Сирию.

50. Прибыв оттуда в Азию, Цезарь узнал, что Домиций разбит сыном Митридата Фарнаком и с немногочисленной свитой бежал из Понта, а Фарнак, с жадностью используя свой успех, занял Вифинию и Каппадокию, напал на... Малую Армению и подстрекает к восстанию всех тамошних царей и тетрархов. Цезарь тотчас же выступил против Фарнака с тремя легионами, в большой битве при городе Зеле совершенно уничтожил войско Фарнака и самого его изгнал из Понта. Сообщая об этом в Рим одному из своих друзей, Матию, Цезарь выразил внезапность и быстроту этой битвы тремя словами: «Пришел, увидел, победил» [veni, vidi, vici]. По-латыни эти слова, имеющие одинаковые окончания, создают впечатление убедительной краткости.

51. Затем Цезарь переправился в Италию и прибыл в Рим в конце года, на который он был вторично избран диктатором, хотя ранее эта должность никогда не была годичной. На следующий год он был избран консулом. Цезаря порицали за его отношение к восставшим солдатам, которые убили двух бывших преторов — Коскония и Гальбу: он наказал их лишь тем, что, обращаясь к ним, назвал их гражданами, а не воинами, а затем дал каждому по тысяче драхм и выделил большие участки земли в Италии. На Цезаря возлагали также вину за сумасбродства Долабеллы, корыстолюбие Матия и кутежи Антония; последний, в довершение ко всему прочему, присвоил какими-то нечистыми средствами дом Помпея и приказал его перестроить, так как он оказался ему недостаточно вместительным. Среди римлян распространялось недовольство подобными поступками. Цезарь все это замечал, однако положение дел в государстве вынуждало его пользоваться услугами таких помощников.

52. Катон и Сципион после сражения при Фарсале бежали в Африку и там при содействии царя Юбы собрали значительные силы. Цезарь решил выступить против них. Он переправился в Сицилию около времени зимнего солнцеворота [т.е. в конце 47 г. до н.э.] и, желая лишить своих командиров всякой надежды на промедление и проволочку, сразу же велел раскинуть свою палатку на самом морском берегу. Как только подул попутный ветер, он отплыл с тремя тысячами пехоты и небольшим отрядом конницы. Высадив эти войска, он незаметно отплыл назад, боясь за свои главные силы. Он встретил их уже в море и благополучно доставил в лагерь. Узнав, что противники полагаются на какой-то старинный оракул, гласящий, что роду Сципионов всегда суждено побеждать в Африке, Цезарь — трудно сказать, в шутку ли, чтобы выставить в смешном виде Сципиона, полководца своих врагов, или всерьез, желая истолковать предсказание в свою пользу, — в каждом сражении отводил какому-то Сципиону почетное место во главе войска, словно главнокомандующему (среди людей Цезаря был некий Сципион Салутион из семьи Сципионов Африканских, человек во всех других отношениях ничтожный и всеми презираемый). Сталкиваясь же с неприятелем и искать сражения приходилось часто: армия Цезаря страдала от недостачи продовольствия и корма для лошадей, так что воины вынуждены были кормить лошадей морским мхом, смывая с него морскую соль и примешивая в качестве приправы немного травы. Неприятельская конница из нумидийцев господствовала над местностью, быстро появляясь всякий раз в большом числе. Однажды, когда конный отряд Цезаря расположился на отдых и какой-то ливиец плясал, замечательно подыгрывая себе на флейте, а солдаты веселились, поручив присмотр за лошадьми рабам, внезапно неприятели окружили и атаковали их. Часть воинов Цезаря была убита на месте, другие пали во время поспешного бегства в лагерь. Если бы сам Цезарь и Азиний Поллион не поспешили из лагеря на подмогу, война, пожалуй, была бы кончена. Во время другого сражения... неприятель также одержал было верх в завязавшейся рукопашной схватке, но Цезарь ухватил за шею бежавшего со всех ног знаменосца и повернул его кругом со словами: «Вон где враги!»

53. Эти успехи побудили Сципиона помериться силами в решительном сражении. Оставив Афрания в лагере и недалеко от него Юбу, сам он занялся укреплением позиции для нового лагеря над озером около города Тапса, имея в виду создать здесь прибежище и опору в битве для всего войска. В то время как Сципион трудился над этим, Цезарь, с невероятной быстротой пройдя лесистыми местами, удобными для неожиданного нападения, одну часть его войска окружил, а другой ударил в лоб. Обратив врага в бегство, Цезарь воспользовался благоприятным моментом... [и] при первом же натиске ему удалось захватить лагерь Афрания и после бегства Юбы совершенно уничтожить лагерь нумидийцев. В несколько часов Цезарь завладел тремя лагерями, причем пало 50 тыс. неприятелей; Цезарь же потерял не более 59 человек... Некоторые из спасшихся бегством бывших консулов и преторов, попав в плен, покончили самоубийством, а многих Цезарь приказал казнить.

54. Горя желанием захватить Катона живым, Цезарь поспешил к Утике: Катон охранял этот город и поэтому не принял участия в сражении. Узнав о самоубийстве Катона, Цезарь явно опечалился, но никто не знал, чем именно. Он сказал только: «О, Катон, мне ненавистна твоя смерть, ибо тебе было ненавистно принять от меня спасение»...

55. По возвращении из Африки в Рим Цезарь прежде всего произнес речь к народу, восхваляя свою победу. Он сказал, что захватил так много земли, что ежегодно будет доставлять в государственное хранилище двести тысяч аттических медимнов зерна и три миллиона фунтов оливкового масла. Затем он отпраздновал триумфы — египетский, понтийский, африканский — не над Сципионом, разумеется, а над царем Юбой. Сына царя Юбы, ещё совсем маленького мальчика, вели в триумфальной процессии. Он попал в счастливый плен, так как из варвара и нумидийца превратился в одного из самых ученых греческих писателей. После триумфов Цезарь принялся раздавать солдатам богатые подарки, а народу устраивал угощения и игры. На 22 тыс. столов было устроено угощение для всех граждан. Игры — гладиаторские бои и морские сражения — он дал в честь своей давно умершей дочери Юлии. Затем была произведена перепись граждан. Вместо 320 тыс. человек, насчитывавшихся прежде, теперь оказалось налицо всего 150 тыс. Такой урон принесли гражданские войны, столь значительную часть народа они истребили — и это ещё не принимая в расчет бедствий, постигших остальную Италию и провинции!

56. После этого Цезарь был избран в четвертый раз консулом и затем отправился с войсками в Испанию против сыновей Помпея, которые, несмотря на свою молодость, собрали удивительно большую армию и выказали необходимую для полководцев отвагу, так что поставили Цезаря в крайне опасное положение. Большое сражение произошло около города Мунды [17 марта 45 г.

¹ Цезарь был осаждён войском Ахиллы на острове Фаросе, прикрывавшем с моря александрийскую гавань.

до н.э.]. Цезарь, видя что неприятель теснит его войско, которое сопротивляется слабо, закричал, пробегаая сквозь ряды солдат, что если они уже ничего не стыдятся, то пусть возьмут и выдадут его мальчишкам. Осилить неприятелей Цезарю удалось лишь с большим трудом. Противник потерял свыше 30 тыс. человек; у Цезаря же пала тысяча самых лучших солдат. После сражения Цезарь сказал своим друзьям, что он часто сражался за победу, теперь же впервые сражался за жизнь... Младший из сыновей Помпея бежал, а немного дней спустя Дидий принес голову старшего...

II. ДИКТАТУРА ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ (45-44 pp. до н.э.)

№1

АПШАН

ГРОМАДЯНСЬКІ ВІЙНИ, II, 106-107

106. Цезарь, закончив вполне эти гражданские войны, поспешил в Рим, внушив к себе такой страх и славу о себе, какую не имел никогда никто до него. Вот отчего и угождали ему так безмерно, и были оказаны ему все почести, даже сверхчеловеческие: во всех святилищах и публичных местах ему совершали жертвоприношения и посвящения, устраивали в честь его воинские игры во всех трибах и провинциях, у всех царей, которые состояли с Римом в дружбе. Над его изображениями делались разнообразные украшения; на некоторых из них был венок из дубовой листвы как спасителю отечества, символ, которым издревле чттили спасенные своих защитников. Его нарекли отцом отечества и выбрали пожизненным диктатором и консулом на десять лет; особа его была объявлена священной и неприкосновенной; для занятий государственными делами ему были установлены сиденья из слоновой кости и золота, при жертвоприношении он имел всегда облачение триумфатора. Было установлено, чтобы город ежегодно праздновал дни боевых побед Цезаря, чтобы жрецы и весталки каждые пять лет совершали за него молебствия и чтобы тотчас же по вступлении в должность магистраты присягали не противодействовать ничему тому, что постановил Цезарь. В честь его рождения месяц Квинтилий был переименован в Иулий. Было также постановлено посвятить ему наподобие божества множество храмов, и один из них — общий Цезарю и Благосклонности, причем обе фигуры протягивали друг другу руки.

107. Так они его боялись как неограниченного владыку, но молились вместе с тем, чтобы он был к ним благосклонен. Были и такие, которые предполагали дать ему титул царя, покуда он, узнав об этом, не отверг это предложение. Он угрожал даже сторонникам этой мысли, считая этот титул нечестивым вследствие тяготеющего над ним проклятия со стороны предков. Преторские когорты, которые охраняли его с самой войны, он теперь уволил от стражи и появлялся в сопровождении одних лишь народных ликторов. И ему, так умеренно себя держащему, в то время когда он занимался делами, сенат во главе с консулами... преподнес постановление о вышеуказанных почестях. Он их приветствовал, однако не встал ни тогда, когда они к нему приближались, ни тогда, когда около него стояли; этим он подал новый повод для тех, кто обвинял его в том, что он замышляет стать царем. Цезарь все предложенные титулы принял, кроме десятилетнего консульства, назначив консулами на ближайший год себя и Антония, начальника своей конницы, на место же Антония поставил начальником над конницей Лепида, правителя Испании. Лепид, однако, должность выполнял не сам, а через своих друзей. Затем Цезарь возвратил всех беглецов из Рима, кроме тех, кто убежал из-за какого-нибудь неизгладимого преступления, простил своим врагам и многим из тех, кто против него воевал, дал или годовые магистратуры в городе или управление в провинции или в армии. ...Народ стал надеяться, что он вернет и демократическое правление, как это сделал Сулла, неограниченно господствовавший подобно Цезарю. Но в этом-то народ заблуждался.

№2

ГАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛЛ, БОЖЕСТВЕННИЙ ЮЛИЙ

Гай Светоний Транквилл (70-160 pp. н.э.) похоронен в вершинском стану, при императоре Адриане (117-138 pp.) був секретарем, потім цілком віддався літературній діяльності. Светоний — автор численних творів, з яких до нас дійшли лише «Життєписи дванадцяти цезарів» і частково «Біографії знаменитих риторів і граматиків». Як типовий представник біографічного жанру в історіографії, Светоний приділяє головну увагу живим епізодам, анекдотам, характеристикам описуваних ним політичних і літературних діячів.

40. Затем он обратился к устройству государственных дел. Он исправил календарь: из-за нерадивости жрецов, произвольно вставлявших месяцы и дни, календарь был в таком беспорядке, что уже праздник жатвы приходился не на лето, а праздник сбора винограда — не на осень. Он установил, применительно к движению солнца, год из 365 дней, и вместо вставного месяца ввёл один вставной день через каждые четыре года¹. Чтобы правильный счёт времени велся впредь с очередных январских календ, он вставил между ноябрем и декабром два лишних месяца, так что год, когда делались эти преобразования [45 г. до н.э.], оказался состоящим из пятнадцати месяцев, считая и обычный вставной, также пришедшийся на этот год.

41. Он пополнил сенат, к старым патрициям прибавил новых, увеличил число преторов, эдилов, квесторов и даже младших должностных лиц². Тех, кто был лишен звания цензорами или осуждён по суду за подкуп, он восстановил в правах. Выборы он поделил с народом: за исключением соискателей консульства, половина кандидатов избиралась по желанию народа, половина — по назначению Цезаря. Назначал он их в коротких записках, рассылаемых по трибам: «Диктатор Цезарь — такой-то трибе. Предлагаю вашему вниманию такого-то, дабы он по вашему выбору получил искомое им звание». Он допустил к должностям и сыновей тех, кто был казнен во время проскрипций. В суде он оставил только две судейские декурии³: сенаторскую и всадническую; третью, декурию эрарных трибунов⁴, он упразднил. Перепись⁵ граждан он произвел не в обычном месте и не обычным порядком, а по кварталам и через домовладельцев, и число получавших хлеб из казны сократил с 320 тыс. до 150 тыс. А чтобы при обновлении списков не могли возникнуть новые беспорядки, он постановил, чтобы каждый год претор по жребию замещал умерших получателей новыми из числа не попавших в списки.

¹ До Цезаря в году считалось 355 дней; для соответствия с действительным ходом солнца время от времени в год вставлялся дополнительный месяц или несколько дополнительных дней; часто это делалось из политических соображений, чтобы продлить чью-нибудь магистратуру и т.п. (Дион. 40. 62). Цезарь ввёл юлианский календарь, бывший в ходу до григорианской реформы 1582 г., а в России — даже до 1918 г.

² Число сенаторов Цезарь довел до 900, преторов — до 14 (вместо 5), квесторов — до 40 (вместо 20), эдилов — до 4 (вместо 2).

³ Три судейские декурии были введены Гаем Гракхом, упразднены Суллой и восстановлены Помпеем и Крассом.

⁴ Эрарные трибуны — богатые плебеи, прослойка между всадничеством и плебсом.

⁵ Перепись обычно производилась на Марсовом поле цензором и общественными писцами.

42. Кроме того, 80 тыс. граждан он расселил по заморским колониям¹. Желая пополнить поредевшее население города, он издал закон, чтобы никакой гражданин старше двадцати и моложе сорока лет, не находящийся на военной службе, не покидал бы Италию дольше, чем на три года; чтобы никто из сенаторских детей не уезжал из страны иначе, как в составе военной или гражданской свиты при должностном лице; и чтобы скотовладельцы не менее трети своих пастухов набирали из взрослых свободно-рожденных людей. Всем, кто в Риме занимался медициной, и всем преподавателям благородных искусств² он даровал римское гражданство, чтобы они и сами охотнее селились в городе, и привлекали других. Он не оправдал... надежд на отмену долговых обязательств³, но постановил, наконец, чтобы платежи должников заимодавцам определялись той стоимостью, какую имели их имущества до гражданской войны, и чтобы с общей суммы долга были списаны все выплаты или перечисления по процентам; а это сокращало долг почти на четверть. Он распустил все коллегии*, за исключением самых древних. Он усилил наказания преступникам; а так как богатые люди оттого легче шли на беззакония, что все их состояние и в изгнании⁴ оставалось при них, он, по словам Цицерона, стал наказывать за убийство гражданина лишением всего имущества, а за иные преступления — половины.

43. Суд⁵ он правил необычайно тщательно и строго. Тех, кто был осужден за вымогательство, он даже изгонял из сенаторского сословия. Брак одного бывшего претора с женщиной, которая только накануне развелась с мужем, он объявил недействительным, хотя подозрений в измене и не было. На иноземные товары он наложил пошлину. Носилки, а также пурпурные платья и жемчужные украшения он оставил в употреблении только для определенных лиц⁶, определенных возрастов и в определенные дни. Особенно строго соблюдал он законы против роскоши⁷: вокруг рынка он расставил сторожей, чтобы они отбирали и приносили к нему запрещенные яства, а если что ускользало от сторожей, он иногда посылал ликторов с солдатами, чтобы забирать уже поданные блюда прямо со столов.

44. День ото дня он задумывал всё более великие... планы устройства и украшения столицы, укрепления и расширения державы: прежде всего, воздвигнуть храм Марса..., засыпав для него и сравнив с землею то озеро, где устраивал он морской бой, а на склоне Тарпейской скалы⁸ устроить величайший театр. Гражданское право привести в надлежащий порядок, отобрав в нескольких книгах всё самое лучшее и самое нужное из огромного множества разрозненных законов; открыть как можно более богатые библиотеки⁹, греческие и латинские, поручив их составление и устройство Марку Варрону; осушить Помптинские болота¹⁰; спустить Фуцинское озеро¹¹; проложить дорогу от Верхнего моря через Апеннинский хребет до самого Тибра; перекопать каналом Истм¹²; усмирить вторгшихся во Фракию и Понт дакийцев; а затем пойти войной на парфян через Малую Армению, но не вступить в решительный бой, не познакомившись предварительно с неприятелем. Среди таких замыслов и дел его застигла смерть.

№3 ПЛУТАРХ ПОРІВНЯЛЬНІ ЖИТТЄПИСИ, ЦЕЗАРЬ

57. ...Склонившись перед счастливой судьбой [Юлия Цезаря] и позволив надеть на себя узду, римляне считали, что единоличная власть есть отдых от гражданских войн и прочих бедствий. Они выбрали его диктатором пожизненно. Эта несменяемость в соединении с неограниченным единовластием была открытой тиранией. По предложению Цицерона, сенат назначил ему почести¹³, которые ещё оставались в пределах человеческого величия, но другие наперебой предлагали чрезмерные почести, неуместность которых привела к тому, что Цезарь сделался неприятен и ненавистен даже самым благонамеренным людям. Ненавистники Цезаря, как думают, не меньше его льстецов помогали принимать эти решения, чтобы было как можно больше предлогов к недовольству и чтобы их обвинения казались вполне обоснованными. В остальном же Цезарь по окончании гражданских войн держал себя безупречно. Было даже постановлено... посвятить ему храм Милосердия в знак благодарности за его человеколюбие. Действительно, он простил многих выступавших против него с оружием в руках, а некоторым, как например Бруту и Кассию, предоставил почетные должности: оба они были преторами. Цезарь не допустил, чтобы статуи Помпея лежали сброшенными с цоколя, но велел поставить их на прежнее место. По этому поводу Цицерон сказал, что Цезарь, восстановив статуи Помпея, утвердил свои собственные. Друзья Цезаря просили, чтобы он окружил себя телохранителями, и многие предлагали свои услуги. Цезарь не согласился, заявив, что, по его мнению, лучше один раз умереть, чем постоянно ожидать смерти. Видя в расположении к себе самую лучшую и надежную охрану и добиваясь такого расположения, он снова прибег к угощениям и хлебным раздачам для народа. Для солдат он основывал колонии. Из них самые известные — Карфаген и Коринф, города, которым ранее довелось быть одновременно разрушенными, а теперь — одновременно восстановленными.

58. Что касается знати, то одним он обещал на будущее должности консулов и преторов, других прельщал другими должностями и почестями и всем одинаково внушал большие надежды, стремясь к тому, чтобы властвовать над добровольно подчиняющимися. Когда умер консул Максим, то на оставшийся до окончания срока его власти один день Цезарь назначил консулом Каниния Ребилія. По обычаю, многие направлялись приветствовать его, и Цицерон сказал: «Поспешим, чтобы успеть застать его в должности консула».

Многочисленные успехи не были для деятельной природы Цезаря основанием спокойно пользоваться плодами своих трудов. Напротив, как бы воспламеняя и подстрекая его, они порождали планы ещё более великих предприятий в будущем и стремление к новой славе, как будто достигнутая его не удовлетворяла. Это было некое соревнование с самим собой, словно с соперником, и стремление будущими подвигами превзойти совершенные ранее. Он готовился к войне с парфянами, а после покорения их имел намерение, пройдя через Гирканию вдоль Каспийского моря и Кавказа, обойти Понт и вторгнуться в Скифию, затем напасть на

¹ Из заморских колоний Цезаря многолюднейшими были Коринф и Карфаген (Плутарх, Цезарь, 57).

² Грамматика, риторика и философия; медицина к ним не причислялась.

³ Надежды на отмену долговых обязательств возбуждались, в частности, Целием в 48 и Долабеллой в 47 г. (Дион. 42, 22 и 32).

⁴ В изгнание дозволялось добровольно уйти до суда всякому римскому гражданину, обвиняемому в преступлении.

⁵ Суд в Риме вершили преторы, и к Цезарю (и дальнейшим императорам) дела поступали лишь по апелляции или в силу большой сложности и важности.

⁶ Тех, кто был старше 55 лет, женат и имел детей.

⁷ Законы против роскоши (Геллий. II. 24) — ограничивали траты в будничные дни — 200 сестерциев, в праздничные — 300 сестерциев и т.д.

⁸ Тарпейская скала — на Капитолии, главном римском холме.

⁹ Первую публичную библиотеку в Риме открыл, уже после смерти Цезаря, Азиний Поллион.

¹⁰ Помптинские болота в прибрежной части Лация осушались неоднократно, но без успеха.

¹¹ О спуске Фуцинского озера ср.: Светоний, Клавдий, 20.

¹² Об Истме (Коринфском перешейке) ср.: Плиний. 4. 4. 10: «перекопать его судоходным каналом пытались царь Деметрий (Полиоркет), диктатор Цезарь, император Гай, Домиций Нерон, но начинания эти были несчастливы, как показывает гибель их всех».

¹³ ...сенат назначил ему почести — консульство на десять лет вперед, наследственное звание «императора» и пр., но об особой роли Цицерона при этих действиях ничего не известно.

соседние с Германией страны и на самое Германию и возвратиться в Италию через Галлию, сомкнув круг римских владений так, чтобы со всех сторон империя граничила с Океаном. Среди приготовлений к походу Цезарь задумал прорыть канал через коринфский перешеек и поручил наблюдение за этим Аниену. Затем он предпринял устройство глубокого канала, который перехватил бы у самого города воды Тибра, чтобы повернуть течение реки к Цирцеям и заставить Тибр впадать в море у Таррацины, сделав таким образом более безопасным и легким плавание для купцов, направляющихся в Рим. Кроме этого, он хотел осушить болота близ городов Пометии и Сетии с тем, чтобы предоставить плодородную землю многим десяткам тысяч людей. Далее, он хотел возвести плотину в море вблизи Рима и, расчистив мели у Остийского берега, устроить надежные гавани и якорные стоянки для имеющего столь важное значение судоходства. Таковы были его приготовления.

59. Остроумно задуманное и завершённое им устройство календаря с исправлением ошибок, вкравшихся в летоисчисление, принесло огромную пользу. Дело не только в том, что у римлян в очень древние времена лунный цикл не был согласован с действительной длиной года, вследствие чего жертвоприношения и праздники постепенно передвигались и стали приходиться на противоположные первоначальным времена года: даже когда был введен солнечный год, который и применялся в описываемое нами время, никто не умел рассчитывать его продолжительность, и только одни жрецы знали, в какой момент надо произвести исправление, и неожиданно для всех включали вставной месяц, который они называли мерцедонием. Говорят, впервые ещё Нума стал вставлять дополнительный месяц, найдя в этом средство для исправления погрешности в календаре, однако средство, действительное лишь на недолгое время... Цезарь предложил лучшим учёным и астрологам разрешить этот вопрос, а затем, изучив предложенные способы, создал собственный, тщательно продуманный и улучшенный календарь. Римляне до сих пор пользуются этим календарем и, по-видимому, у них погрешностей в летоисчислении меньше, чем у других народов. Однако и это преобразование дало людям злокозненным и враждебным власти Цезаря повод для обвинений. Так, например, известный оратор Цицерон, когда кто-то заметил, что «завтра взойдет созвездие Лиры», сказал: «Да, по указу», как будто бы и это явление, происходящее в силу естественной необходимости, могло произойти по желанию людей.

№4

ЗМОВА СЕНАТОРІВ І СМЕРТЬ ЮЛІЯ ЦЕЗАРЯ (44 р. до н.е.)

(Гай Светоній Транквілл, Божественний Юлій)

76. ...Господствует взгляд, что он был повинен в злоупотреблении властью и убит заслуженно. Мало того, что он принимал почести сверх всякой меры: бессменное консульство, пожизненную диктатуру, попечение о нравах, затем имя императора, прозвание отца отечества, статуя среди царских статуй, возвышенное место в театре, — он даже допустил в свою честь постановления, превосходящие человеческий предел: золотое кресло в сенате и суде, священную колесницу и носилки¹ при цирковых процессиях, храмы, жертвенники, изваяния рядом с богами, место за угощением для богов² жреца, новых луперков³, название месяца по его имени⁴; и все эти почести он получал и раздавал по собственному произволу. В своё третье и четвёртое консульство [в 46 и 45 г. до н.э.] он был консулом лишь по имени, довольствуясь одновременно предложенной ему диктаторской властью; в замену себе он каждый раз назначал двух консулов, но лишь на последние три месяца, так что в промежутке даже народные собрания не созывались, кроме как для выбора народных трибунов и эдилов: ибо и преторов он заменил префектами, которые вели городские дела в его отсутствие. Когда один консул внезапно умер [в 45 г. до н.э.] накануне нового года, он отдал освободившееся место одному соискателю на несколько оставшихся часов⁵. С таким же своевластием он вопреки отеческим обычаям назначил должностных лиц на много лет вперед, даровал десяти бывшим преторам консульские знаки отличия, ввёл в сенат граждан, только что получивших гражданские права, и в их числе нескольких полудиках галлов. Кроме того, заведовать чеканкой монеты⁶ и государственным податями он поставил собственных рабов, а управление и начальство над оставленными в Александрии тремя легионами передал своему любимчику Руфину, сыну своего вольноотпущенника.

77. Не менее надменны были и его открытые высказывания, о каких сообщает Тит Ампей: «Республика — ничто, пустое имя без тела и облика»; «Сулла не знал и азов, если отказался от диктаторской власти»; «С ним, Цезарем, люди должны разговаривать осторожнее и слова его считать законом». Он дошёл до такой заносчивости, что когда гадатель однажды возвестил о несчастном будущем — зарезанное животное оказалось без сердца, — то он заявил: «Всё будет хорошо, коли я того пожелаю; а в том, что у скотины нету сердца, ничего удивительного нет⁷».

78. Но величайшую, смертельную ненависть навёл он на себя вот каким поступком. Сенаторов, явившихся в полном составе поднести ему многие высокопочетнейшие постановления, он принял перед храмом Венеры-Прародительницы, сидя. Некоторые пишут, будто он пытался подняться, но его удержал Корнелий Бальб; другие, напротив, будто он не только не пытался, но даже взглянул сурово на Гая Требация, когда тот предложил ему встать. Это показалось особенно возмутительным оттого, что сам он, проезжая в триумфе мимо трибунальных мест и увидев, что перед ним не встал один из трибунов по имени Понтий Аквила, пришел тогда в такое негодование, что воскликнул: «Не вернуть ли тебе и республику, Аквила, народный трибун?» И ещё много дней, давая кому-нибудь какое-нибудь обещание, он непременно оговаривал: «Если Понтию Авкиле это будет благоугодно».

79. Безмерно оскорбив сенат своим открытым презрением⁸, он прибавил к этому и другой, ещё более дерзкий поступок. Однажды, когда он возвращался после жертвоприношения на Латинских играх⁹, среди небывало бурных народных рукоплесканий, то какой-то человек из толпы возложил на его статую лавровый венок, перевитый белой перевязью¹⁰, но народные трибуны Эпидий Марулл и Цезетий Флав приказали сорвать перевязь с венка, а человека бросить в тюрьму. Цезарь, в досаде на то ли, что

¹ На колеснице и носилках при цирковых процессиях должны были везти статую Цезаря вместе со статуями богов.

² Лектистернии, обряд, при котором статуи богов возлагались на подушки, и перед ними ставились столы с едой.

³ Луперки — жрецы древнейшего культа бога Фавна: их было две коллегии. Цезарь присоединил к ним третью.

⁴ Месяц Квинтилий был переименован в Юлий (отсюда июль).

⁵ Однодневного консула 45 г. до н.э. звали Каниний Ребил. «На диво бдительный консул: во всё своё консульство не сомкнул глаз!» — сказал о нём Цицерон (К близким, VII, 30, 1).

⁶ Чеканкой монеты обычно заведовали государственные чиновники-триумвиры, назначавшиеся обычно из всадников.

⁷ Жертвоприношение это относится ко времени битвы при Мунде (весна 45 г. до н.э., Полиен, VIII, 23, 32). В словах Цезаря — двусмысленность: сердце считалось обиталищем разума.

⁸ Визит сенаторов к сидящему Цезарю относится, по-видимому, к концу 45 г. до н.э. Хронология дальнейших событий: диадема на статуе — до 26 января, латинские игры и обращение «царь» — 26 января, луперкалии — 15 февраля 44 г. до н.э.

⁹ Латинские игры справлялись близ Рима на Альбанской горе, куда для жертвоприношения выезжали оба консула.

¹⁰ Белая перевязь, — диадема, была знаком царской власти.

намок на царскую власть не имел успеха, на то ли, что у него, по его словам, отняли честь самому от нее отказаться, сделал трибунам строгий выговор и лишил их должности¹. Но с этих пор он уже не мог стряхнуть с себя позор стремления к царскому званию, — несмотря на то, что однажды он ответил плебею, величавшему его царём: «Я Цезарь, а не царь!»², а в другой раз, когда на Луперкалиях* перед роstralной трибуной консул Антоний несколько раз пытался возложить на него диадему, он отверг её и отослал на Капитолий в храм Юпитера Благого и Величайшего³. Более того, все чаще ходили слухи, будто он намерен переселиться в Александрию или в Илион⁴ и перевести туда все государственные средства, обескровив Италию воинскими наборами, а управление Римом поручив друзьям, и будто на ближайшем заседании сената квиндецимвир⁵ Луций Котта внесёт предложение провозгласить Цезаря царём, так как в пророческих книгах записано, что парфян может победить только царь.

80. Это и заставило заговорщиков ускорить задуманные действия, чтобы не пришлось голосовать за такое предложение. Уже происходили тут и там тайные сходы, где встречались два-три человека: теперь все слилось воедино. Уже и народ не был рад положению в государстве: тайно и явно возмущаясь самовластием, он искал освободителей. Когда в сенат были приняты иноземцы, появились подметные листы с надписью: «В добрый час!» не показывать новым сенаторам дорогу в сенат!» А в народе распевали так:

Галлов Цезарь вёл в триумфе, галлов Цезарь ввёл в сенат.
Сняв штаны, они надели тогу с пурпурной каймой⁷.

Когда Квинт Максим, назначенный консулом на три месяца⁸, входил в театр, и ликтор, как обычно, всем предложил его приветствовать, отовсюду раздались крики: «Это не консул!» После удаления от должности трибунов Цезетия и Маруллы на ближайших выборах было подано много голосов, объявлявших их консулами. Под статуей Луция Брута кто-то написал: «О если б ты был жив!», а под статуей Цезаря:

Брут, изгнав царей из Рима, стал в нём первым консулом.
Этот, консулов изгнавши, стал царём в конце концов.

В заговоре против него участвовало более 60 человек; во главе его стояли Гай Кассий, Марк Брут и Децим Брут. Сперва они колебались, убить ли его на Марсовом поле, когда на выборах он призовет трибуны к голосованию⁹, — разделившись на две части, они хотели сбросить его с мостков, а внизу подхватить и заколоть, — или же напасть на него на Священной дороге или при входе в театр. Но когда было объявлено, что в иды марта сенат соберется на заседание в курию Помпея¹⁰, то все охотно предпочли именно это время и место.

81. Между тем приближение... смерти было возведено Цезарю... предзнаменованиями. За несколько месяцев перед тем новые поселенцы, выведенные по Юлиеву закону в Капую, раскапывали там древние могилы, чтобы поставить себе усадьбы, и очень усердствовали, так как им случилось отыскать в земле несколько сосудов старинной работы; и вот в гробнице, где по преданию был похоронен основатель Капуи, Капий, они нашли медную доску с греческой надписью такого содержания: когда потревожен будет Капиев прах, тогда потомок его погибнет от руки сородичей, и будет отмщен великим... кровопролитием... А за несколько дней до смерти Цезарь узнал, что табуны коней, которых он при переходе Рубикона посвятил богам и отпустил пастись на воле, без охраны, упорно отказываются от еды и проливают слезы. Затем, когда он приносил жертвы, гадатель Спуринна советовал ему остерегаться опасности, которая ждет его не позднее, чем в иды марта. Затем, уже накануне этого дня в курию Помпея влетела птичка королек с лавровой веточкой в клюве, преследуемая стаей разных птиц из ближней рощицы, и они её растерзали. А в последнюю ночь перед убийством ему привиделось во сне, как он летает под облаками, и потом как Юпитер пожимает ему десницу; жене его Кальпурнии снилось, что в доме их рухнет крыша¹¹, и что мужа закалывают у неё в объятиях: и двери их спальни внезапно сами собой распахнулись настежь. Из-за всего этого, а также из-за нездоровья он долго колебался, не остаться ли ему дома, отложив свои дела в сенате. Наконец, Децим Брут уговорил его не лишать своего присутствия многолюдное... собрание, и он вышел из дому уже в пятом часу дня¹². Кто-то из встречных подал ему записку с сообщением о заговоре¹³: он присоединил её к другим запискам, которые держал в левой руке, собираясь прочесть. Потом он принёс в жертву нескольких животных подряд, но благоприятных знамений не добился; тогда он вошел в курию, не обращая внимания на дурной знак и посмеиваясь над Спуринной за то, что вопреки его предсказанию, иды марта наступили и не принесли никакой беды. «Да, пришли, но не прошли», — ответил тот.

82. Он сел, и заговорщики окружили его, словно для приветствия. Тотчас Тиллий Цимбр¹⁴, взявший на себя первую роль, подошёл к нему ближе, как будто с просьбой, и когда тот, отказываясь, сделал ему знак подождать, схватил его за тогу выше локтей. Цезарь кричит: «Это уже насилие!» — и тут один Каска, размахнувшись сзади, наносит ему рану ниже горла. Цезарь хватается Каску за руку, прокалывает её грифелем¹⁵, пытается вскочить, но второй удар его останавливает. Когда же он увидел, что со

¹ Трибуны пользовались правом неприкосновенности.

² В словах Цезаря — двусмысленность: «Царь» было прозвище в роде Марциев, из которых происходила мать Цезаря, «Цезарь» — в роде Юлиев, из которых происходил его отец.

³ По Диону (44, 11), Цезарь сказал, отсылая диадему в храм: «В Риме один только царь — Юпитер».

⁴ Замысел перенесения столицы на Восток приписывался впоследствии Антонию: он подал повод для оды Горация (III, 3).

⁵ Квиндецимвиры — коллегия 15 человек, хранившая «Сивиллины книги», древний сборник греческих предсказаний.

⁶ «В добрый час!» (bonum factum) — обычное начало эдиктов; пародировалось ещё Плавтом.

⁷ Штаны — галльская национальная одежда, презираемая римлянами; тога с пурпурной каймой — знак сенаторского достоинства.

⁸ Цезарь первый сократил срок консульской власти до нескольких месяцев, так что в течение года стало сменяться две и более пары консулов (консулы-суффекты, «заместители»): впоследствии эта практика стала обычной, но поначалу суффектов отказывались считать «настоящими консулами».

⁹ Для голосования часть поля окапывалась ровом, и через этот ров по мосткам проходили поодиночке избиратели, заполняя на мостках свои таблички-буллетени.

¹⁰ Одно из зданий, окружавших каменный театр Помпея. Иды марта — 15 марта 44 г. до н.э. Аппиан пишет, что заговорщики хотели убить Цезаря перед сенатом в напоминание о том, как убили первого царя Ромула, когда он стал тираном (II, 114).

¹¹ Крыша, точнее — фронтон (fastigium); он воздвигался обычно только на храмах, и для дома Цезаря был декретирован особым постановлением сената.

¹² В пятом часу — после рассвета, т.е. около 10-11 часов.

¹³ По Плутарху (65) — греческий грамматик Артемидор Книдский.

¹⁴ Тиллий Цимбр подошёл к Цезарю с просьбой вернуть из изгнания его брата (Аппиан, II, 117; Плутарх, 66). По Плутарху, Каска ударил Цезаря в затылок или в плечо, по Аппиану — в грудь.

¹⁵ Грифель, стиль — острая металлическая палочка, которой писали по воску. Аппиан, II, 117: «В это время другой заговорщик поразил его мечом в бок, который в повороте открылся для удара. Кассий ударил его в лицо, Брут — в бедро, Буколиан — между лопатками; Цезарь, как дикий зверь, поворачивался от одного к

всех сторон на него направлены обнаженные кинжалы, он накинул на голову тогу и левой рукой распустил её складки ниже колен, чтобы пристойнее упасть укрытым до пят; и так он был поражен двадцатью тремя ударами, только при первом испутив не крик даже, а стон, — хотя некоторые и передают, что бросившемуся на него Марку Бруту он сказал: «И ты, дитя моё!»¹ Все разбежались; бездыханный, он остался лежать, пока трое рабов, взвалив его на носилки, со свисающей рукою, не отнесли его домой. И среди стольких ран только одна, по мнению врача Антистия, оказалась смертельной — вторая, нанесенная в грудь. Тело убитого заговорщики собирались бросить в Тибр, имущество конфисковать, законы отменить, но не решились на это из страха перед консулом Марком Антонием и начальником конницы Лепидом.

(Аппиан, Громадянські війни, II)

110. Цезарь... задумал большой поход на гетов и парфян, сперва на гетов, племя суровое, воинственное и обитавшее по соседству, а затем на парфян, чтобы отомстить им за нарушение мирного договора с Крассом. Он уже ранее этого послал через Ионийское море войско, состоявшее из 16 легионов пехоты и 10 тыс. конницы. При этом опять распространился слух, что Сивиллины книги предсказывают: парфяне не раньше будут побеждены римлянами, как против них будет воевать царь. И опять в связи с этим некоторые осмелились говорить, что Цезаря необходимо провозгласить... диктатором и императором римлян и дать ему всякие иные прозвища, которыми римляне пользуются вместо титула царя, и чтобы народы, подчиненные Риму, называли его царем. Но Цезарь все это отверг, торопил с приготовлениями к походу, вызывая к себе в городе недовольство.

111. Оставалось всего четыре дня до отбытия, когда враги убили его в сенате из-за зависти ли к счастью Цезаря и его силе, возросшей свыше всякой меры, или, как они сами говорили, из-за попечения о восстановлении государственного строя отцов. Ведь они хорошо знали Цезаря и опасались, что, когда он покорит и те народы, против которых он собирался идти, он станет царем бесспорно. Я полагаю, что поводом к убийству Цезаря послужило это прозвище, ибо между «царём» и «диктатором» есть лишь разница в названии, на деле же, будучи диктатором, Цезарь был как бы царём. Составили этот заговор главным образом двое: Марк Брут, по прозвищу Цепион, сын Брута, погибшего при диктатуре Суллы, перебежавший к Цезарю при Фарсале, и Гай Кассий, передавший Цезарю с триерами на Геллеспонте. Оба они были сторонники Помпея; к ним присоединился ещё из наиболее близких Цезарю лиц Децим Брут Альбин. Все они пользовались у Цезаря почетом и доверием. Им он давал и самые значительные поручения: так, отправившись на войну в Африку, он передал им командование войском и управление Галлией: Трансальпийской — Дециму, Цизальпийской — Бруту.

112. ...Некоторые даже полагали, что Брут приходится Цезарю сыном, так как, когда Брут родился, у Цезаря была связь с Сервилией, сестрой Катона. Вот почему, говорят, и при победе при Фарсале Цезарь приказал своим полководцам все усилия приложить для спасения Брута. Но Брут или потому, что был неблагодарен, или потому, что о проступке своей матери не знал или не верил этому или стыдился, или же потому, что слишком любил свободу и предпочитал отечество отцу, или потому, что, будучи потомком Брута, изгнавшего в древности царей, он был подстрекаем и возбуждаем больше других со стороны народа — ибо на статуях Брута Древнего, на судейском кресле самого Брута появились надписи вроде: «Брут, ты подкуплен? Брут — ты труп?» или «Почему не ты живешь теперь», или «Ты — не его потомок», — так или иначе, но многим воспламенялся юноша на дело, которое он считал делом, завещанным от предков.

113. Как раз в то время, когда слух о замыслах Цезаря стать царем был ещё в силе, назначено было ближайшее заседание сената. Кассий положил свою руку на плечо Брута и спросил: «Что мы будем делать в сенате, если льстецы Цезаря внесут предложение объявить его царем?» На это Брут ответил, что он совсем не пойдет в сенат. Кассий снова его спросил: «А что мы сделаем, славный Брут, если нас туда позовут в качестве преторов?» — «Я, — ответил Брут, — буду защищать отечество до своей смерти». Тогда Кассий, обняв его, сказал: «Кто из знатных при подобном образе мыслей не присоединится к тебе? Кто, полагаешь ты, исписывает твое судейское кресло тайно надписями: ремесленники, лавочники или же те из благородных римлян, которые от других своих преторов требуют зрелищ, конских бегов и состязаний зверей, а от тебя — свою свободу как дело, завещанное тебе и твоим предком?» Это был первый раз, когда они друг другу открыли то, что обдумывали уже долгое время, и каждый из них стал испытывать как собственных друзей, так и друзей самого Цезаря, тех, кого они признавали наиболее смелыми...

114. Когда Брут и Кассий сочли, что число их достаточно, и не считали нужным никого больше привлечь, они заключили между собой договор без клятв и жертвоприношений, и, однако, ни один из них не отступил и не оказался предателем. Все искали только подходящего времени и места. Они вынуждены были спешить, так как через четыре дня Цезарь собирался отправиться в поход, и тогда возле него будет немедленно большая военная охрана. Что касается места, то они выбрали сенат для того, чтобы сенаторы, хотя заранее о том и не знали, увидев дело, присоединились, подобно тому, как это, по преданию, было с Ромулом, когда он из царя превратился в тирана. Они полагали, что их дело, как и дело с Ромулом, совершенное к тому же в сенате, будет принято не как злодеяние, но как подвиг за отечество, предпринятый для общего блага, гарантирует их безопасность со стороны войска Цезаря, и честь останется за ними, так как всем будет известно, что они были начинателями всего дела. Вот почему все согласно выбрали сенат местом для совершения своего дела. В подробностях были расхождения. Одни считали нужным убить и Антония, так как он был консулом вместе с Цезарем, сильнейшим из его друзей и наиболее популярным человеком у войска. Брут, однако, возражал, что, убивая Цезаря, они получают славу тираноубийц, так как убивают царя, за убийство же друзей Цезаря их сочтут просто врагами их, как сторонников Помпея...

118. Когда убийцами злодеяние было совершено в священном месте и над особой священной и неприкосновенной, началось бегство по сенату и по всему городу; в этом смятении некоторые из сенаторов были ранены, другие убиты. Погибли и многие из горожан и иностранцев, не потому, что это стояло в плане заговорщиков, но из-за всеобщей сумятицы в городе и незнания, кто, собственно, нападает. Гладиаторы, которые ещё с утра были вооружены для показа зрелища, теперь прибежали из театра к ограде сената, а самый театр опустел, так как зрителей охватил страх и ужас, и все пустились в бегство. Все товары были расхищены. Все закрывали двери и готовились защищаться с крыш. Антоний, полагая, что и над ним было замыслено убийство вместе с Цезарем, забаррикадировался в своем доме. А Лепид, начальник конницы, узнав о случившемся в то время, как он был на форуме, убежал на остров на реке Тибре, где у него стоял легион солдат, и привел их на Марсово поле, чтобы быть более готовым к выполнению приказа Антония. Дело в том, что Лепид стоял ниже Антония, который был и более близким человеком к Цезарю и консулом. Когда Лепид и Антоний стали раздумывать о положении дел, у них было стремление тотчас же отомстить за Цезаря, за то, чему он

другому. Но после удара Брута... он закрылся со всех сторон плащом и упал, сохраняя пристойный вид, перед статуей Помпея. Заговорщики превзошли всякую меру в отношении к павшему и нанесли ему до 23 ран. Многие в суматохе ранили мечами друг друга».

¹ «И ты, дитя моё» — может быть, не только выражение общеизвестной привязанности Цезаря к Бруту, но и намек на то, что Брута считали сыном Цезаря от связи с Сервилией (Плутарх, Брут, 5-8; Аппиан, II, 112).

подвергся, но они боялись, как бы сенат не оказался на стороне убийц, и решили выждать событий. У самого Цезаря войска не было, ибо он телохранителей не любил и довольствовался только общественными прислужниками. Большинство должностных лиц и большая толпа горожан и приезжих, множество рабов и вольноотпущенных провожали его обычно из дома в сенат. Из всех их теперь осталось только трое, так как все остальные разбежались; они положили тело Цезаря на носилки и понесли, но иначе, чем это обыкновенно бывало: только трое понесли домой того, кто ещё так недавно был владыкой всего мира.

III. ГРОМАДЯНСЬКІ ВІЙНИ ПІСЛЯ СМЕРТІ ЦЕЗАРЯ, ДРУГИЙ ТРИУМВІРАТ І ПАДІННЯ РИМСЬКОЇ РЕСПУБЛІКИ

№1 АППІАН ГРОМАДЯНСЬКІ ВІЙНИ

III, 1. ...Гай Цезарь..., достигши верховной власти, большую пользу принес римлянам, был убит врагами и погребён народом. Каким образом самых видных из числа убийц его постигла кара — а наказаны они были все, — покажут эта и следующая книги...

2. Сенат обвинял Антония за его надгробную речь, произнесённую им в честь Цезаря. Больше всего этой речью был возбужден народ, причём до такой степени, что забыл о недавно постановленной амнистии и хотел поджечь дома убийц. Антоний таким мероприятием заставил народ сменить гнев на милость. Был некий Амаций, с фальшивым прозвищем Мэрий. Он прикидывался внуком Мария и из-за этого пользовался расположением народа. Состоя благодаря этому мнимому происхождению в родстве с Цезарем, Амаций выражал слишком непомерную скорбь по поводу его смерти: он соорудил алтарь на месте сожжения Цезаря, держал при себе отряд смельчаков и всегда наводил страх на убийц. Из последних одни бежали из города, а кто из них получил ещё от самого Цезаря в управление провинцию, направился туда. Децим Брут — в граничащую с Италией Галлию, Требоний — в ионийскую часть Азии, Тиллий Кимвр — в Вифинию, Кассий и Марк Брут, в судьбе которых сенат был наиболее заинтересован, были Цезарем выделены для управления провинциями в предстоящем году: Кассий — в Сирию, Брут — в Македонию. Состоя городскими прэторами, они поневоле должны были остаться в Риме. Путём соответствующих постановлений они проявляли заботы о колонистах. Помимо всего другого, они разрешали им продавать свои надель, хотя закон запрещал такую продажу до истечения двадцати лет.

3. Рассказывают, что Амаций задумал устроить засаду против них при первой же с ними встрече. Опираясь на эти слухи, Антоний как консул арестовал и без судебного разбирательства вполне бесстрашно убил Амация. Сенат, смотря на такое дело как на крупное нарушение закона, однако с удовольствием извлекал из него то, что ему было полезно: сенаторы думали, что без этого смелого шага не удастся добиться устойчивого положения в деле Брута и Кассия. Приверженцы Амация и кроме них кое-кто из народа тосковали по нему и негодовали на случившееся, тем более, что Антоний совершил этот поступок, опираясь на симпатии к нему народа. Они не желали, чтобы далее относились к ним с презрением. Заняв форум, они с криками поносили Антония и требовали от магистратов, чтобы они вместо Амация посвятили алтарь и первые принесли на нем жертву Цезарю. Теснимые солдатами, которых подослал Антоний на форум, они ещё больше возмущались, кричали и показывали те места, где некогда стояли статуи Цезаря, впоследствии убранные. Когда им кто-то обещал показать мастерскую, где эти статуи подвергались переделке, они сразу же последовали за ним, и, увидев мастерскую, подожгли ее, пока Антоний не подослал ещё солдат. Одни, отбиваясь, были убиты, другие были схвачены и повешены, если это были рабы, и если свободные — были сброшены со скалы.

4. Сумятица улеглась. Однако Антоний навлек на себя невыразимую ненависть народа вместо прежней несказанной к нему симпатии; сенат был этому рад, так как иначе он не мог бы избавиться от опасений, которые ему внушало дело Брута. Когда Антоний внес предложение вызвать из Испании Секста Помпея, сына оплакиваемого и тогда ещё Помпея Великого, где с ним все ещё воевали полководцы Цезаря, выдать ему в возмещение конфискованного имущества отца из государственных средств 50 миллионов аттических драхм, сделать его командующим флотом, каковым был и его отец, и предоставить ему право пользоваться кораблями, где бы они ни находились, смотря по требованию момента; сенат, удивленный всем этим, охотно принял это предложение и восхвалял Антония в течение всего этого дня. Дело в том, что, по мнению сенаторов, никто не был более демократичным, нежели Помпей Великий, и поэтому они никого не оплакивали больше, чем его. Кассий и Брут, оба из партии Помпея Великого, наиболее видные тогда деятели, полагали, что они в этом случае достигнут полной безопасности для себя и осуществления того, к чему они стремились. Кроме того, они полагали установить демократию, если восторжествует их партия. И Цицерон постоянно хвалил за это Антония. Сенат понял, что народ против Антония из-за сената и разрешил ему иметь личную охрану, вербуя её из находившихся в городе ветеранов.

5. Подстроил ли Антоний все это нарочно, чтобы добиться такой охраны, или он воспользовался удачным стечением обстоятельств, во всяком случае, набирая охрану, он все время увеличивал ее, пока не довел до 6 тыс. Набирал же он не из бывших легионеров, которых, по его мнению, в случае надобности можно было получить и другим путем, но исключительно из центурионов, имевших привычку к командованию и обладавших военным опытом, да к тому же знакомых ему по походу под начальством Цезаря. Поставив над ними начальников отрядов из их же среды для поддержания подобающей дисциплины, он окружил их почетом и делал их участниками своих официальных решений. У сената количество и подбор ветеранов вызвали подозрение, и он предложил Антонию уменьшить до необходимого минимума охрану, вызывавшую недовольство. Антоний обещал это сделать, когда уляжется мятежное настроение народа. Имелось решение, что всё, совершённое Цезарем, сохраняет силу, а всё, что Цезарем было постановлено, подлежит выполнению; протоколы этих постановлений были у Антония; ему во всём повиновался и секретарь Цезаря, Фабрий, так как Цезарь, отправляясь в поход, обычно прошения по всем вопросам передавал Антонию. Поэтому Антоний многое прибавил к этим документам от себя в угоду ряду лиц, делал подарки городам, династам и только что упомянутой охране. На все это распространял Антоний оставленные Цезарем инструкции, получатели же были за это ему благодарны. Таким же способом Антоний многих ввёл в сенат, да и в других отношениях он стремился угождать сенату, лишь бы охрана его больше не вызывала недовольства.

6. Так поступал Антоний. Когда ни со стороны народа, ни со стороны вернувшихся с похода не последовало и признака примирения, Брут и Кассий не имели уверенности, что козни, которые строил Амаций, не могли готовиться и другими лицами; к тому же они не без опасения относились к непостоянству Антония, который теперь имел в своем распоряжении уже и войско. И

демократия, как они видели, не укреплялась на деле, в чем они тоже усматривали дело рук Антония. Они больше всех доверяли Дециму, имевшему под руками три легиона. Тайком они послали к Требонию в Азию и к Тиллию в Вифинию поручение собрать незаметно деньги и позаботиться о войске. Сами они поспешили взяться за управление провинциями, которые им дал Цезарь. Время года им этого не позволило сделать, и они полагали неудобным для себя не закончить срок претур и тем навлечь на себя обвинение в стремлении к власти над провинциями. Все же они под давлением обстоятельств предпочли оставшееся до переезда в провинции время провести в качестве частных лиц, нежели выполнять функции претора в городе. Ведь им приходилось постоянно быть в страхе, да и благодарности за то, что они сделали в интересах государства, они не получали. Видя это их положение, сенат, зная их намерения, поручил им снабжение города хлебом из любой страны, откуда представлялось возможным, пока не наступит для них время заняться управлением провинций. Это сенат делал, чтобы Брут и Кассий не оказались в изгнании. Таковы были и заботы сената о них и уважение к ним, да к тому же ради них оказывалась помощь и другим убийцам.

IV, 5. Тем временем триумвиры наедине составляли списки имён лиц, предназначавшихся к смерти, подозревая при этом всех влиятельных людей и заносив в список личных врагов. Как тогда, так и позднее своими родственниками и друзьями они жертвовали друг другу. Одни за другими вносились в список кто по вражде, кто из-за простой обиды, кто из-за дружбы с врагами или вражды к друзьям, а кто по причине выдающегося богатства. Дело в том, что триумвиры нуждались в значительных денежных средствах для ведения войны, так как налоги с Азии предоставлены были Бруту и Кассию и поступали ещё и теперь к ним, да и цари и сатрапы делали им взносы. Сами же триумвиры в разоренной войнами и налогами Европе, особенно в Италии, терпели нужду в деньгах. Вот почему они налагали тяжчайшие поборы и на простой народ и даже на женщин и изобретали пошлины на куплю-продажу и договоры по найму. Некоторые подверглись проскрипции из-за своих красивых загородных вилл и домов. И было всех приговоренных к смерти и конфискации имущества из сената около 300 человек, а из так называемых всадников 2 тыс. Среди них были их братья и дяди, даже некоторые из служивших у них, оскорбившие чем-либо верховных правителей или других начальствующих лиц.

6. Большинство из обреченных на смерть триумвиры намерены были подвергнуть публичной проскрипции после вступления своего в Рим. Но 12 человек или, как утверждают другие, 17 из числа наиболее влиятельных, в том числе и Цицерона, решено было устранить ранее остальных, подослав к ним убийц немедленно. Четверо из них были умерщвлены тотчас же во время обеда или при первой встрече. Но в то время как разыскивались другие и обыскивались дома и храмы, внезапное смятение охватило город, и в течение всей ночи были крики, беготня, рыдания, словно во взятых неприятелями городе. Вследствие того, что стало известно о происходящих арестах, хотя никто ещё из наперед осужденных не стоял в проскрипционных списках, каждый думал, что именно его-то и разыскивают люди, шнырявшие по городу. Отчаявшиеся в своей судьбе собирались поджечь кто свои, кто общественные здания, предпочитая в своем безумии совершить что-либо ужасное, прежде чем погибнуть. И, может быть, они и сделали бы это, если бы консул Педий при обходе города с глашатаями не обнадеживал их, что, подождя до утра, они узнают точные сведения. На заре Педий, вопреки решению триумвиров, опубликовал список семнадцати как лиц, единственно оказавшихся виновными во внутренних бедствиях и потому осужденных на смерть. Остальным он дал официальное заверение в безопасности, не зная о решениях триумвиров. Сам Педий от утомления скончался в ту же ночь.

7. Триумвиры в продолжение трех дней вступали в город один за другим: Цезарь, Антоний и Лепид, каждый с преторианской когортой и одним легионом. С их приходом город наполнился вооруженными отрядами, размещенными в соответствующих наиболее удобных местах. Немедленно созвано было народное собрание среди войск, и народный трибун Публий Титий внес законопроект об учреждении сроком на пять лет новой магистратуры для упорядочения государственного порядка, состоящей из трех лиц: Лепида, Антония и Цезаря. Эту магистратуру, равную консульской власти, греки называли гармостами; лакедемоняне это название присваивали управлявшим в покоренных городах. Ни срока для рассмотрения законопроекта, ни определенного дня для голосования его не было указано; закон немедленно вступал в силу. Ночью во многих местах города выставлены были проскрипционные списки с именами новых 130 лиц в дополнение к прежним 17, а спустя немного времени ещё других 150 человек. В списки всегда заносился дополнительно кто-либо из осужденных предварительно или убитый по ошибке, все это делалось для того, чтобы казалось, что они погибли на законном основании. Было отдано распоряжение, чтобы головы всех казненных за определенную награду доставлялись триумвирам, причем для свободнорожденного она заключалась в деньгах, для раба — в деньгах и свободе. Все должны были представить свои помещения для обыска. Всякий, принявший к себе в дом или скрывший осужденного или не допустивший у себя обыска, подлежал тому же наказанию. Каждый желающий мог делать донос на любого за такое же вознаграждение.

8. Проскрипции формулированы были так: «Марк Лепид, Марк Антоний и Октавий Цезарь, избранные для устройства и приведения в порядок государства, постановляют следующее: если бы негодные люди, несмотря на оказанное им по их просьбе сострадание, не оказались вероломными и не стали врагами, а потом и заговорщиками против своих благодетелей, не убили Гая Цезаря, который, победив их оружием, пощадил по своей сострадательности и, сделав своими друзьями, осыпал всех почетными должностями и подарками, и мы не вынуждены были бы поступить столь сурово с теми, кто оскорбил нас и объявил врагами государства. Ныне же, усматривая из их заговоров против нас и из судьбы, постигшей Гая Цезаря, что низость их не может быть укрощена гуманностью, мы предпочитаем опередить врагов, чем самим погибнуть. Да не сочтет кто-либо этого акта несправедливым, жестоким или чрезмерным; пусть он примет во внимание, что испытал Гай Цезарь и мы сами. Ведь они умертвили Цезаря, бывшего императором, верховным понтификом, покорившего и сокрушившего наиболее страшные для римлян народы, первого из людей, проникшего за Геркулесовы столпы в недоступное дотоле море и открывшего для римлян неведомую землю, умертвили среди священного места во время заседания сената, на глазах у богов, нанеся ему 23 раны; это те самые люди, которые, будучи захвачены им по праву войны, были пощажены им, а некоторые даже назначены в завещании наследниками его состояния. Остальные же вместо того, чтобы наказать их за такое преступление, поставили запятанных кровью на должности и отправили управлять провинциями. Пользуясь этим, они расхитили государственные деньги, а теперь собирают на эти средства армию против нас, требуют других войск ещё от варваров, постоянных врагов римского могущества. Из городов, подчиненных римскому народу, одни, ввиду оказанного ими неповиновения, они предали огню, сравняли с землей или разрушили, другие же города, терроризованные ими, они восстанавливают против отечества и против нас.

9. Некоторых из них мы уже казнили, остальные, вы скоро это увидите, понесут, с помощью божества, кару. Но хотя важнейшие дела в Испании, Галлии и в Италии уже выполнены нами или находятся на пути к разрешению, все-таки ещё остается одно дело — поход против находящихся по ту сторону моря убийц Цезаря. Если мы хотим вести эту внешнюю войну для вашего блага, то нам кажется, ни вы, ни мы не будем в безопасности, оставив в тылу прочих врагов, которые нападут во время нашего отсутствия и будут выжидать удобного случая при всех превратностях войны. С другой стороны, лучше не медлить с ними в таком

спешном деле, но уничтожить их всех немедленно, коль скоро они начали против нас войну ещё тогда, когда постановили считать нас и наши войска врагами.

10. И они готовы были погубить столько тысяч граждан вместе с нами, невзирая ни на возмездие богов, ни на ненависть людей. Никаких страданий народные массы не испытают от нас, и мы не станем выделять в качестве врагов всех тех, кто разошелся с нами или злоумышлял против нас, или кто выдается своим чрезмерным богатством, влиянием, и не в таком количестве пострадают они, в каком другой диктатор, бывший до нас, умертвил, он, который также восстанавливал государство среди гражданской войны и которого вы за его деяния назвали Счастливым; правда, неизбежно, чтобы у троих было врагов больше, чем у одного. Мы будем карать только самых закоренелых и самых виновных. И это столько же в ваших интересах, сколько лично в наших. Неизбежно, что во время нашей борьбы вы все, находясь между враждующими сторонами, будете сильно страдать. Необходимо далее, чтобы и армия, оскорбленная и раздраженная, объявленная нашими общими противниками вражескою, получила некоторое удовлетворение. И хотя мы могли приказать схватить тех, о которых это было решено, немедленно, мы предпочитаем предварительно опубликовать их список, чем захватить их врасплох. И это опять-таки в ваших интересах; чтобы не было возможности разъяренным солдатам неистовствовать по отношению к невиновным, но чтобы солдаты, имея в руках списки проверенных по числу и названным по именам лиц, воздерживались, согласно приказанию, от насилия по отношению ко всем остальным.

11. Итак, в добрый час. Никто не должен давать приют у себя, скрывать, отправлять в другое место или давать себя подкупать деньгами; всякого, кто будет избочлен в том, что он спас или оказал помощь, или только знал об этом, мы, не принимая во внимание никаких отговорок и просьб о прощении, включаем в проскрипционные списки. Головы убитых пусть приносят к нам за вознаграждение в 25 тыс. аттических драхм за каждую, если приносящий свободнорожденный, если же раб, то получит свободу, 10 тыс. аттических драхм и гражданские права своего господина. Те же награды назначаются и доносчикам. Никто из получающих награды не будет вноситься в наши записи, и имя его останется неизвестным»...

19. Цицерон, пользовавшийся после смерти Гая Цезаря таким влиянием, что тогда возникло своего рода единовластие демагога, был осужден на смерть вместе со своим сыном, братом, племянником и всеми родственниками, единомышленниками и друзьями. Во время бегства на лодке он не вынес неприятности качки и, велев причалить у собственной виллы вблизи италийского города Капуи... не двинулся с места. В то время как преследовали его..., к нему в спальню влетели вороны и стали каркать, так что он проснулся, и стали стаскивать с него тогу; рабы, истолковывая происходящее как знамение богов, поместили Цицерона на носилки и снова понесли его к морю через лесную чащу. Между тем многие... бродили и расспрашивали, не видели ли Цицерона; все из расположения и сострадания к нему говорили, что он, отчалив на лодке, плывет уже по морю. Но один сапожник, клиент Клодия, бывшего жесточайшим врагом Цицерона, указал центуриону Ленату... тропинку. Тот погнался и, заметив, что рабы, окружавшие Цицерона, гораздо многочисленнее, чем его спутники, и готовы защищаться, прибегнул к военной хитрости и закричал: «Центурионы, находящиеся в тылу, идите за мной сюда!» Тогда рабы испугались, полагая, что приближается превосходящий их числом отряд.

20. Ленат, в свое время выигравший процесс благодаря Цицерону, вытащив из носилок Цицерона, отрубил ему голову, или, скорее, по неопытности отпил ее, так как он три раза ударил по шее. Отрезал он также и руку, которой Цицерон писал речи против Антония как тирана, назвав их в подражание Демосфену «Филиппиками». Немедленно некоторые, кто на конях, кто на судах, поспешили с этим известием к Антонию. Ленат издалека показал голову и руку, потрясая ею в воздухе, Антонию, председателевавшему на форуме. Тот чрезвычайно обрадовался, увенчал центуриона и сверх назначенной награды подарил ему 250 тыс. аттических драхм за уничтожение величайшего из всех его противников... Голова Цицерона и рука очень долгое время висели на форуме перед трибуной, с которой он прежде обычно обращался к народу с речами. И посмотреть на это стекалось больше народу, чем прежде послушать его. Говорят, что за обеденным столом Антоний голову Цицерона ставил на стол, пока не насытился этим отвратительным зрелищем. Так погиб Цицерон, муж, прославляемый за свое красноречие и до сих пор, оказавший отечеству величайшие услуги во время своего консульства, а теперь он и после смерти подвергался глумлению...

22. Два брата, по имени Лигарии, совместно приговоренные к смерти, скрывались под печкой, пока рабы их не открыли, и один из них был тотчас же умерщвлен, а другой убежал; узнав о гибели брата, он бросился с моста в воду. Когда рыбаки вытащили его, думая, что он не нарочно бросился, а случайно упал в воду, он долго сопротивлялся и порывался снова идти к реке. Но так как рыбаки одержали верх над ним, он, стараясь избавиться от них, сказал: «Вы не меня спасаете, а самих себя губите вместе со мною, помещенным в списке». Однако рыбаки из жалости к нему и теперь старались его спасти, пока какие-то солдаты, охранявшие мост, заметили это, прибежали и отрубили ему голову. Из двух других братьев один бросился в реку; раб искал его труп в течение пяти дней; найдя и увидев, что его можно ещё признать по чертам лица, отрубил ему голову ради награды. Второго брата, скрывавшегося в яме с навозом, выдал другой раб; убийцы, брезгуя войти в яму, копьями стали колоть его и выгнали из ямы, отсекали голову, как он был, даже не обмыв её. ещё один человек в тот момент, когда брат его был задержан, подбежав и не зная, что сам он осужден вместе с ним, сказал: «Убейте меня раньше него». На это центурион, имевший при себе точный список, заметил: «Ты требуешь справедливого; ведь ты помещен ранее его». С этими словами он, согласно предписанному порядку, умертвил обоих, одного за другим...

23. Укрыв Лигария, его жена брала с собою в его убежище одну... рабыню. Будучи предана ею, она следовала за людьми, несшими голову мужа, с криком: «Я его скрывала, а укрывателям установлено такое же наказание». Так как никто её всё же не умертвил..., она сама добровольно пришла к должностным лицам. Когда же и они из-за этой любви к мужу пощадили её, она умерла от голода... Зато другие жёны преступно строили козни своим мужьям. К таковым принадлежит та, которая была замужем за Септимием, но соблазнена была каким-то приятелем Антония. Страстно стремясь сменить сожительство на брак, она добилась своего, через любовника, у Антония. Тотчас же Септимий был включен в проскрипционные списки. Узнав об этом и не подозревая о постигшем его несчастье, он искал спасения у нее. Но она, притворившись, что любит его, заперла двери и сторожила мужа, пока не появились убийцы. И в тот же день, когда они умертвили её мужа, она праздновала свой новый брак...

31. В то время как происходили все эти события, Лепид праздновал триумф над испанцами и издал эдикт следующего содержания: «В добрый час! Приказываю всем мужчинам и женщинам приносить жертву и праздновать настоящий день. Кто будет уличен в невыполнении настоящего приказа, будет считаться в числе проскрибированных». Лепид праздновал триумф в храмах, причем все принимали участие в процессии в праздничной одежде, но с ненавистью в душе. Домашнее имущество проскрибированных было расхищено. Немногие, однако, покупали их имена, стыдясь пользоваться чужим несчастьем и полагая, что не на радость им будет достояние погибших, что небезопасно вообще быть замеченным с золотом или серебром, что приобретение нового небезопасно теперь, тем более что и владеть прежним имуществом сопряжено с опасностью. Лишь некоторые решались делать приобретения, и за очень дешевую цену, потому что других покупателей не было. Поэтому-то триумвирам, надеявшимся, что полученной выручки хватит на военные издержки, недоставало ещё двухсот миллионов драхм.

32. Объявив об том в народном собрании, триумвиры составили список 1400 женщин, владевших наибольшим состоянием. Им надлежало, представив оценку имущества, внести на военные нужды сумму, какую каждой назначат триумвиры. Скрывшим что-либо из имущества или неправильно оценившим его назначены были наказания, а осведомлявшим об этом как свободным, так и рабам — награды. Женщины решили обратиться с просьбой о защите к родственницам триумвиров. Они были приняты сочувственно сестрой Цезаря и матерью Антония, но с трудом перенесли оскорбление, будучи прогнаны от дверей Фульвией, женой Антония. И вот, протискавшись на форуме к трибуне, где заседали триумвиры, в то время как народ и стража расступились перед ними, женщины произнесли следующую речь, избрав для этой цели Гортензию: «Как и подобало таким женщинам как мы, нуждавшимся в вашей помощи, мы обратились к вашим жёнам. Но испытав, что совсем не подобало нам, от Фульвии, мы её поступком вынуждены совместно явиться на форум. Вы отняли уже у нас родителей, детей, мужей и братьев под тем предлогом, что вы были оскорблены ими. Если же вы ещё отнимите у нас и средства к существованию, то поставите нас в тяжелое положение, недостойное нашего происхождения, образа жизни и природы женщины. Если вы считаете себя обиженными нами так же, как мужчинами, то подвергните нас, подобно им, проскрипции. Если же мы, женщины, никого из вас не объявляли врагом отечества, не разрушали домов, не подкупали войск, не приводили армий против вас, не препятствовали вам достигнуть власти и почета, то почему мы должны подвергнуться карам, не будучи соучастницами во всем этом?»

33. К чему нам платить налоги, раз мы не участвовали ни в отправлении государственных должностей, ни в почестях, ни в предводительстве войсками, ни вообще в государственном управлении, из-за которого вы теперь спорите, доведя нас уже до столь больших бедствий? Вы скажете: потому, что теперь война. Но когда войны не было? И когда женщины платили налоги, женщины, которых сама природа освобождает от этого у всех народов? Наши матери, правда, всего один раз, вопреки нашему полу, собрали налог: это когда грозила опасность всему вашему господству и даже самому городу, когда нам угрожали карфагеняне. Но и тогда женщины вносили налог добровольно и притом не с земель, имений или домов, без чего не может существовать свободная гражданка, но только из своих собственных украшений, к тому же не подвергавшихся оценке, не под угрозой указчиков или доносчиков, не по принуждению или насилью, а вносили столько, сколько сами пожелали. И какой у вас сейчас страх за государственную власть или отечество? Когда наступит война с галлами или парфянами, и мы окажемся не хуже наших матерей в стремлении спасти отечество. Но для гражданской войны мы никогда не станем вносить вам денег или помогать вам в борьбе друг с другом. Мы не вносили налогов ни при Цезаре, ни при Помпее, ни Марий, ни Цинна не принуждали нас к этому, ни даже Сулла, тиран отечества. А вы ещё говорите, что упорядочиваете государственный строй!»

34. Пока Гортензия произносила эту речь, триумвиры возмущались. Неужели женщины, в то время как мужчины сохраняли спокойствие, осмеливаются выступать в народном собрании, требовать отчета у магистратов в их действиях? Неужели, в то время как мужчины несли тяготы войны, женщины будут отказываться вносить деньги? Триумвиры приказали служителям стащить женщин с трибуны. Но так как поднялся протест в окружавшей толпе, и служители приостановили выполнение приказа, триумвиры заявили, что откладывают рассмотрение вопроса на следующий день. А на другой день они приказали лишь 400 вместо 1400 матронам объявить стоимость своего состояния. Из мужчин же всякий владевший более чем 100 тыс. сестерций, как гражданин, так и иностранец, вольноотпущенник, жрец и все иностранцы без каких-либо исключений подлежат этому распоряжению под страхом таких же наказаний и таких же наград за доносы. Все должны были $\frac{1}{50}$ часть своего имущества немедленно отдать триумвирам взаймы и внести годовой доход на военные нужды.

35. ...Войско, которое теперь делало, что хотело, поступало ещё хуже. Так как триумвиры находили в своей деятельности поддержку лишь в солдатах, то последние требовали у них дома осужденных, их земли, их виллы или целые имения; другие настаивали на усыновлении их выдающимися лицами; третьи действовали на свой страх и риск, убивая непроскрибированных и грабя дома невинных. В конце концов триумвиры даже предписали одному из консулов положить предел происходящим правонарушениям. Но тот, боясь затронуть солдат, чтобы не вооружить их против себя, арестовал и распял несколько рабов, которые, одетые солдатами, совершали вместе с ними беззакония.

№2 ДИОН КАССИЙ РИМСЬКА ІСТОРІЯ, XVI, 50-56

После победы при Мутине¹ Октавиан выступил якобы против Антония и Лепида. Именно, когда Антоний бежал из сражения, его не преследовал ни Октавиан, потому что война была поручена Дециму, ни Децим, потому что не хотел уничтожать врага Октавиана. Поэтому Антоний, собрав, насколько мог, уцелевших после боя, пришел к Лепиду. Этот, также приготовившись к тому, чтобы согласно постановлению сената вести войско в Италию, снова получил распоряжение оставаться на том месте, где был тогда. Именно, сенаторы, услышав, что Силан присоединился к Антонию и, опасаясь Лепида и Луция Планка, что и они тоже примкнут к Антонию, послали сказать им, что республика несколько в них не нуждается. А чтобы, заподозрив что-нибудь злое, они не совершили какого-нибудь проступка, получили от сената приказ основать город вместе с теми, кто, изгнанные некогда аллоброгами из города Нарбонской провинции, Виенны, поселились при слиянии рек Арара и Роны. Итак, остановившись, они построили Лугдун... не потому что не могли при желании с войсками отправиться в Италию..., но потому, что хотели ждать исхода войны с Антонием, а между тем прослыть желавшими угодить сенату и вместе с тем укрепить своё положение. Во всяком случае Лепид порицал Силана за заключение союза с Антонием, и когда Силан к нему явился, он не сразу допустил его к переговорам с собой; он обвинил его также письменно перед сенатом. За это он получил похвалу, и ему была поручена война против Силана. ...По тем же причинам он не принял Антония и не отверг его, но позволил действовать вблизи и общаться со своими воинами, сам же с ними не говорил. Но как только он узнал, что тот вступил в тайное соглашение с Октавианом, сам присоединился к ним обоим. Легат Лепида, Марк Ювениций, узнав об этом, сперва пытался отвлечь его от этого намерения, но, ничего не достигнув, на глазах солдат покончил с собою. Сенат решил произнести в честь него похвальное слово, воздвигнуть статую и похоронить на счёт государства. Что же касается Лепида, то убрали статую его, воздвигнутую на ораторской кафедре на форуме, объявили его врагом и пригрозили войной тем, кто с ним был, если они не уйдут от него... Кроме того, сенаторы переменяли одежду на военную (ибо в консульство Октавиана они облеклись в мирную) и призвали против Лепида и Антония — Марка Брута, Кассия и Секста Помпея, а так как те... должны были явиться позже, они поручили эту войну Октавиану, по неведению об его тайном соглашении с теми. Поэтому на словах Октавиан принял войну, но не делал ничего..., и это не потому, что у него было общее дело с Антонием, а через него и с Лепидом, это заботило его очень мало, а потому что он видел их силу; и чувствовал их единомыслие в силу

¹ В Мутинской войне 43 г. до н.э. Октавиан, выступив на стороне сената, разгромил и изгнал из Италии армию Марка Антония.

родства и не мог одолеть их силою. Вместе с тем, он надеялся, что с помощью их расправится с Кассием и Брутом, достигшими уже большого могущества, и сможет уничтожить одного при помощи другого. По этим причинам он даже против воли соблюдал соглашение и старался добиться у сената и народа милости для Антония и Лепида. Но, чтобы не подавать кому-либо повода к подозрению о заключенном между ними соглашении, он не сделал сам доклада об испрошении милости, а выступил с войском из города, под предлогом войны с ними. Но доклад этот был сделан Квинтом Подием якобы от своего лица, чтобы им дарованы были безнаказанность и возвращение. Но они должны были получить это не раньше, чем сенат сообщит об этом Октавиану, как будто ничего не знавшему, и тот согласится против воли, якобы вынужденный солдатами.

Во время этих событий Децим Брут отправился вначале, чтобы вести войну против Антония и Лепида; он присоединил себе союзником Луция Планка, предназначенного к консульству на следующий год. Но когда Брут узнал, что против него вынесено постановление, а те примирились между собой, он хотел вести войско против Октавиана, но был покинут Планком, который предпочёл партию Лепида и Антония. Тогда Децим, оставив Галлию, решил пешим путем отправиться через Иллирию в Македонию к Марку Бруту, послав вперед несколько воинов, пока не устроит некоторые текущие дела. Однако те перешли на сторону Октавиана, да и остальных Антоний и Лепид после преследования переманили к себе. Тогда Брут, покинутый своими, попал в руки одного врага и, отданный на казнь, тяжело переносил свое несчастье и плакался, пока некий Гельвий Блазион, относившийся к нему доброжелательно, как соратник, не воодушевил его к смерти собственным примером, покончив с собою первый у него на глазах. Тогда Антоний и Лепид, оставив в Галлии заместителей, направились в Италию к Октавиану, уведа с собою наибольшую и наилучшую часть войска. Именно, они недостаточно доверяли Октавиану, но не хотели представить дело так, что они обязаны ему безнаказанностью и возвращением, а будто они приготовили себе это сами и своими силами. Сверх того, они надеялись, что количество их воинов принудит Цезаря и остальных римлян ко всему, что угодно. В таком настроении они пошли через провинцию, как дружественную себе; впрочем, в силу обилия и жестокости солдат ей причинено было не меньше вреда, чем на войне. Октавиан вышел им навстречу с сильным отрядом воинов у Бононии, достаточно готовый отразить насилие, на случай, если они собирались его причинить. Но тогда не встретилось нужды применять против них оружие. Именно, хотя они питали друг к другу сильную ненависть, но притворно заключили мир и согласие, так как имели почти равные силы и желали раньше при помощи взаимных услуг отомстить другим своим недругам.

Для переговоров... они сошлись не одни, а с равным числом воинов, на одном островке... реки, которая протекает мимо Бононии, так что никто лишней не мог прибавиться... ни к той, ни к другой стороне. Тут они далеко отошли от тех, кого привели с собою и, обыскав друг друга, нет ли у кого подмышкой какого-либо кинжала, тихим голосом переговорили кое о чём. Суть переговоров заключалась во взаимной клятве об упрочении за собою господства и уничтожении врагов. Но, чтобы не подать виду, что они стремятся к олигархии и этим не навлеку на себя зависть и враждебные замыслы других, они условились так, что официально они становятся во главе государства для его устройства и управления, конечно, не навсегда, а на 5 лет, распоряжаются всем по своему усмотрению, даже без доклада об этом сенату и народу; затем они решили давать должности и другой почёт, кому им угодно, частным же образом, чтобы не подать виду, что они хотят присвоить себе все провинции. Октавиану была дана в управление... Африка, Сардиния и Сицилия, Лепиду вся Испания и Нарбонская Галлия, Антонию вся остальная Галлия... Называлась же одна часть Галлия Тогата, потому что она считалась... усмирённой... и тогда уже употребляла [тогу*], имя другой части было Галлия Комата, потому что жители тех мест... отпускали длинные волосы... Такую жеребьевку они устроили, чтобы самим забрать самые сильные провинции и подать вид другим, что они не стремятся захватить всё. Кроме того, между ними было условлено перебить своих недругов, чтобы Лепид, ставший консулом на место Децима Брута, имел под охраной Рим и всю остальную Италию, а Антоний и Октавиан двинулись походом против Брута и Кассия. Когда они скрепили это клятвой, то созвали воинов, чтобы те выслушали и засвидетельствовали соглашение, и обратились к ним с речью, содержащею то, что можно было сказать благопристойно и безопасно. В то же время воины Антония... предложили брак между дочерью Фульвии, жены Антония, которая у неё была от Клодия, и Октавианом, хотя тот обручился с другой. Октавиан не отказался от этого, так как считал, что этот брак не послужит препятствием в задуманных им действиях против Антония; тем более, что... и отца его, Юлия Цезаря, родство с Помпеем... не остановило в его желании действовать против этого последнего.

№3

ПЛУТАРХ

ПОРІВНЯЛЬНІ ЖИТТЄІСИСИ, БРУТ

36. Когда они уже готовились переправиться из Азии в Европу, Бруту... явилось великое и удивительное знамение. Он и от природы был не сонлив, а упражнением и непримиримою строгостью к себе сократил часы сна донельзя, так что днём вообще не ложился, а ночью — лишь после того, как не оставалось ни единого дела, которым он мог бы заняться, и ни единого человека, с которым он мог бы вести беседу. А в ту пору, когда война уже началась и исход всего начатого был в руках Брута..., он обыкновенно с вечера, сразу после обеда, дремал недолго, чтобы всю оставшуюся часть ночи посвятить неотложным делам. Если же он всё завершал и приводил в порядок скорее обычного, то читал какую-нибудь книгу, вплоть до третьей стражи [т.е. до полуночи] — пока не приходили с докладом центурионы и военные трибуны... Была самая глухая часть ночи, в палатке Брута горел тусклый огонь; весь лагерь обнимала глубокая тишина. Брут был погружён в свои думы и размышления, как вдруг ему послышалось, будто кто-то вошёл. Подняв глаза, он разглядел у входа страшный, чудовищный призрак исполинского роста. Видение стояло молча. Собравшись с силами, Брут спросил: «Кто ты — человек или бог, и зачем пришёл?» Призрак отвечал: «Я твой злой гений, Брут, ты увидишь меня при Филиппах». — «Что ж, до свидания», — бесстрашно промолвил Брут...

38. Большая часть племён, землями которых следовало войско, уже покорилась Бруту, а если встречался город или властитель, раньше избегнувший его внимания, Брут и Кассий склоняли его на свою сторону теперь и так достигли морского берега против острова Фасоса. Там близ Симбола, в так называемых Теснинах, стоял лагерем Норбан. Страшась окружения, он вынужден был отойти и уступить позицию противнику, который едва не захватил Норбана вместе со всеми его людьми, — ибо Цезарь задерживался из-за болезни, — но Антоний подоспел на помощь с такой быстротой, что Брут просто не поверил своим глазам. Спустя десять дней появился и Цезарь и разбил лагерь напротив Брута, а напротив Кассия стал Антоний. Равнину, которая разделяла враждебные лагеря, римляне называют «Филиппийские поля». Никогда ещё столь громадные войска римлян не сражались друг против друга. Числом солдат Брут намного уступал Цезарю, зато войско его отличалось поразительной красотой и великолепием вооружения. Почти у всех оружие было украшено золотом и серебром; на это Брут денег не жалел, хотя во всём остальном старался приучать начальников к воздержности и строгой бережливости. Он полагал, что богатство, которое воин держит в руках

и носит на собственном теле, честолюбивым прибавляет в бою отваги, а корыстолюбивым — упорства, ибо в оружии своем они видят ценное имущество и зорко его берегут.

39. Цезарь произвел смотр войску и распорядился выдать каждому из солдат понемногу хлеба и по пяти драхм для жертвоприношения. Тогда Брут, в знак презрения к нужде или же скупости противника, сперва, в согласии с обычаем, устроил на открытом месте смотр и принес очистительные жертвы, а затем распределил по центуриям множество жертвенных животных, да ещё сверх того каждый воин получил по 50 драхм, так что в сравнении с неприятелем люди Брута обнаруживали куда больше преданности и рвения. ...Во время смотра Кассию было дурное предзнаменование — ликтор протянул ему венок верхом вниз... Вдобавок, что ни день, над лагерем во множестве появлялись плотоядные птицы, а в одном месте внутри лагерных укреплений заметили рой пчел. Место это прорицатели огородили, чтобы с помощью искупительных обрядов унять суеверный страх, безраздельно завладевший воинами и... начинавший смущать и самого Кассия, невзирая на его эпикурейские убеждения. Вот почему Кассий не был склонен немедленно решать исход войны битвою, но советовал отложить сражение и затянуть борьбу, поскольку денег у них достаточно, а численно они слабее врага. Но Брут и раньше стремился как можно скорее завершить дело битвой и либо вернуть отечеству свободу, либо избавить всех людей от бедствий, причиняемых бесконечными поборами, походами и военными распоряжениями, а теперь, видя, что его всадники берут верх во всех стычках и пробных схватках, утвердился в своих намерениях ещё более. Кроме того, несколько отрядов перебежали на сторону противника, начались доносы и подозрения, что примеру их готовы последовать другие, и это обстоятельство заставило многих друзей Кассия принять на военном совете сторону Брута... Решено было дать битву на другой день.

40. ...На рассвете в лагерях Брута и Кассия был поднят сигнал битвы — пурпурный хитон, а сами полководцы встретились посредине, между лагерями... Брут просил Кассия уступить начальствование над правым крылом ему... Кассий согласился и даже приказал стать на правое крыло самому лучшему и отважному из своих легионов во главе с Мессалою. И Брут... бросил вперед свою пышно разубранную конницу и... начал строить в боевой порядок пехоту.

41. Тем временем Антоний вёл от болота, у края которого находился его лагерь, рвы по направлению к равнине, чтобы отрезать Кассию путь к морю, а Цезарь, или, вернее, войска Цезаря, — ибо сам он был нездоров и в деле не участвовал, — спокойно выжидали, никак не предполагая, что неприятель завязывает сражение, но в полной уверенности, что это всего-навсего вылазка с целью помешать работам и распугать солдат-землекопов дротиками и грозным шумом. Не обращая внимания на тех, кто выстроился против их собственных позиций, они с изумлением прислушивались к громким, но невнятным крикам, доносившимся со стороны рвов. Меж тем как сам Брут верхом на коне объезжал легионы, ободряя воинов, начальники, один за другим, получали написанные его рукою таблички с паролем. Но лишь немногие воины успели услышать пароль, который стали передавать по рядам, — большинство, не дождавшись команды, в едином порыве, с единым кличем ринулось на врага. Это беспорядочное движение сразу же искривило боевую линию и оторвало легионы друг от друга, и первым легион Мессалы, а за ним соседние соприкоснулись на ходу с левым флангом Цезаря. Едва вступив в схватку с передними рядами и сразив очень немногих, они обошли неприятеля и захватили лагерь... Одному из [друзей Октавиана], Марку Арторию, во сне явилось видение, повелевшее, чтобы Цезарь поднялся с постели и покинул лагерь. Он подчинился — и едва успел выбраться за лагерные укрепления. Враги решили, что Цезарь мёртв, ибо пустые его носилки были насквозь пробиты дротиками и... копьями. Победители учинили страшную резню и, кроме захваченных в самом лагере, уложили 2 тысячи лакедемонян, которые явились на помощь Цезарю...

42. Те воины Брута, которые не участвовали в обходе неприятельского фланга, легко потеснили приведённого в замешательство врага и, изрубив в рукопашной три легиона, упоённые своим успехом, ворвались в лагерь на плечах беглецов. С ними был и сам Брут. Тут, однако, побежденные воспользовались благоприятным для них обстоятельством, которого не приняли в расчет победители: они нанесли ответный удар по лишенной прикрытия и уже вконец расстроенной боевой линии противника, правое крыло которой, увлекшись погоней, потеряло всякую связь с главными силами. Средина, правда, отбивалась с величайшим ожесточением, и её сломить не удалось, но левое крыло, где царил беспорядок и где ничего не знали о ходе сражения, они обратили в бегство и гнали до самого лагеря, который и разорили... Антоний... при первом же натиске неприятеля укрылся на болоте, а Цезарь, покинув лагерь, исчез без следа, и к Бруту даже являлись воины с донесением, что убили Цезаря, потрясали окровавленными мечами и описывали наружность и годы. Наконец... середина отбросила врага, так что Брут одержал полную победу. Зато Кассий понёс полное поражение, и вот что единственно стубило обоих: Брут, полагая, что Кассий победил, не пришел ему на выручку, а Кассий думал, что Брут погиб, и не дождался его помощи. Мессала считает доказательством победы то, что они захватили у врага трёх орлов и много иных знамен, тогда как враг не взял у них ничего. Разрушив дотла лагерь Цезаря и возвращаясь назад, Брут удивился, не видя на прежнем месте ни шатра Кассия..., ни остальных палаток (почти все они были сметены и опрокинуты, как только неприятель ворвался в лагерь). Несколько его приближенных, отличавшихся особою остротой глаза, говорили, что различают в лагере Кассия множество ярко сверкающих шлемов и серебряных щитов, которые движутся с места на место и ни по числу своему ни по внешнему виду не могут принадлежать страже, охраняющей лагерь. Впрочем, продолжали они, по ту сторону укреплений не видно и такой горы трупов, какая непременно осталась бы после разгрома стольких легионов. Эти слова первыми навели Брута на мысль, что стряслась беда. Он велел одному из отрядов нести стражу во вражеском лагере, а сам, прекратив погоню и собрав всех своих воедино, поспешил на подмогу Кассию.

43. [Кассия] нисколько не обрадовал первый бросок людей Брута, которые пошли в наступление без пароля и без команды, и [он] с большим неудовольствием следил он за дальнейшим ходом событий — за тем, как правое крыло одержало верх и тут же кинулось грабить лагерь, даже и не думая завершить окружение и сжать неприятеля в кольцо. Но сам он вместо того, чтобы действовать с расчетом и решительностью, только медлил без всякого толка, и правое крыло врага зашло ему в тыл, и немедля конница Кассия дружно побежала к морю, а затем дрогнула и пехота. Пытаясь остановить воинов, вернуть им мужество, Кассий вырвал знамя у одного из бегущих знаменосцев и вонзил древко перед собою в землю, хотя даже его личная охрана не изъявляла более ни малейшего желания оставаться рядом со своим командующим. Так, волей-неволей, он с немногими сопровождающими отступил и поднялся на холм, с которого открывался широкий вид на равнину. Впрочем, сам он был слаб глазами и даже не мог разглядеть свой лагерь, который разоряли враги, но его спутники заметили приближающийся к ним большой отряд конницы. Это были всадники, посланные Брутом; Кассий, однако, принял их за вражескую погоню. Все же он выслал на разведку одного из тех, кто был подле него на холме, некоего Титиния. Всадники заметили Титиния и, узнавши друга Кассия и верного ему человека, разразились радостными криками; приятели его спрыгнули с коней и горячо его обнимали, а остальные скакали вокруг и, ликуя, бряцали оружием, и этот необузданный восторг стал причиной непоправимого бедствия. Кассий решил, что под холмом, и в самом деле, враги и что Титиний попался к ним в руки. Он воскликнул: «Вот до чего довела нас постыдная жажда жизни — на наших глазах неприятель захватывает дорогого нам человека!» — и с этими словами удалился в какую-то пустую палатку, уведя за собою одного из своих отпущенников, по имени Пиндар, которого ещё со времени разгрома Красса постоянно держал при себе на

случай подобного стечения обстоятельств. От парфян он благополучно спасся, но теперь, накинув одежду на голову, он подставил обнаженную шею под меч отпущенника. И голову Кассия нашли затем отдельно от туловища... Прошло совсем немного — и всадники стали видны вполне отчетливо, а тут и Титиний с венком, которым его на радостях украсили, явился, чтобы обо всем доложить Кассию. Когда же он услышал стоны и рыдания убитых горем друзей и узнал о роковой ошибке командующего и о его гибели, он обнажил меч и, отчаянно проклиная свою медлительность, закололся.

44. При первом же известии о поражении Брут поспешил к месту боя, но о смерти Кассия ему донесли уже вблизи лагеря. Брут долго плакал над телом, называл Кассия последним из римлян, словно желая сказать, что людей такой отваги и такой высоты духа Риму уже не видать, а затем велел прибрать и обрядить труп и отправить его на Фасос, чтобы не смущать лагерь погребальными обрядами. Собрав воинов Кассия, он постарался успокоить их и утешить. Видя, что они лишились всего самого необходимого, он обещал каждому по две тысячи драхм — в возмещение понесенного ущерба. Слова его вернули солдатам мужество, а щедрость повергла их в изумление. Они проводили Брута, на все лады восхваляя его и крича, что из четырех императоров один только он остался непобежденным в этой битве. И верно, течение событий показало, что Брут не без основания надеялся выйти из битвы победителем. С меньшим, чем у неприятеля, числом легионов он опрокинул и разбил все стоявшие против него силы, а если бы... большая [часть его войска] не бросилась грабить, — вряд ли можно сомневаться, что противник был бы разгромлен...

46. ...Брут, оставшись один во главе такого громадного войска, в таком ненадежном, шатком положении, и не имея рядом с собой полководца, равного ему самому, был вынужден опираться на тех, что его окружали, а стало быть, — во многих случаях и действовать, и говорить, сообразуясь с их мнением. Мнение же это состояло в том, что необходимо любой ценой поднять боевой дух воинов Кассия, ибо справиться с ними было просто невозможно...

47. Впрочем, и у Цезаря с Антонием положение было ничуть не лучше. Продовольствия оставалось в обрез, и, так как лагерь их был разбит в низине, они ждали мучительной зимы. Они сгрудились у самого края болота, а сразу после битвы пошли осенние дожди, так что палатки наполнялись грязью и водой, и месиво это мгновенно застывало от холода. В довершение всего приходит весть о несчастье, постигшем их силы на море: корабли Брута напали на большой отряд, который плыл к Цезарю из Италии, и пустили его ко дну... Антоний и Цезарь заторопились с битвою, чтобы решить исход борьбы прежде, чем Брут узнает о своей удаче. И сухопутное и морское сражения произошли одновременно, но вышло так..., что даже двадцать дней спустя после победы Брут ещё ничего об ней не слышал. А иначе, располагая достаточными запасами продовольствия, разбивши лагерь на завидной позиции, неприступной ни для тягот зимы, ни для вражеского нападения, он не скрестил бы оружия с неприятелем ещё раз... Но власть, по-видимому, не могла долее оставаться в руках многих, требовался единый правитель, и божество, желая устроить того единственного, кто ещё стоял поперек дороги будущему правителю, не дало добрым вестям дойти до Брута...

49. Брут вывел войско на поле и выстроил его в боевом порядке против неприятеля, но долгое время не начинал битву: проверяя построение, он получил несколько доносов и сам заподозрил иные из отрядов в измене. Кроме того он видел, что конница отнюдь не горит желанием сражаться, но всё время озирается, выжидая действий пехоты. И тут, внезапно, один конник, прекрасный воин, чья отвага была отмечена высокими наградами, выехал из рядов неподалеку от Брута и ускакал к неприятелю. Звали его Камулат. Брут был до крайности раздосадован этим неожиданным предательством и, уступая чувству гнева, но вместе с тем и страшась, как бы пример Камулата не оказался заразителен, тут же двинулся на врага, хотя солнце уже склонялось к западу — шел девятый час дня. Тот фланг, что находился под прямым начальством Брута, взял верх над неприятелем и обратил в бегство левое его крыло. Конница своевременно поддержала пехоту и вместе с нею теснила и гнала расстроенные ряды противника. Но другой фланг начальники, чтобы предотвратить окружение, растягивали все больше и больше, а так как численное превосходство было на стороне Цезаря и Антония, боевая линия истончилась в середине и потеряла силу, так что натиска врага выдержать не смогла и побежала, а те, кто совершил этот прорыв, немедленно ударили Бруту в тыл. В этот грозный час Брут свершил все возможное и как полководец и как воин, но победы не удержал, ибо даже то, что было явной удачей в первой битве, теперь обернулось ему во вред. В самом деле, тогда вся разбитая часть вражеского войска была тотчас истреблена, а войско Кассия, хотя и понесло поражение, мертвыми потеряло совсем немного. Но разгром превратил этих спасшихся от смерти в неисправимых трусов, и теперь они заразили робостью и смятением чуть ли не каждого из бойцов...

51. Брут переправился через речушку с крутыми и лесистыми берегами и, так как уже стемнело, счёл ненужным забираться далеко в чащу, но... расположился в какой-то лощине у подножья высокой скалы... Помолчав немного, Брут принялся оплакивать друзей, которые пали, защищая его в бою. Он не пропустил никого, каждого назвал по имени...

52. Была уже глубокая ночь, и Брут, не поднимаясь с места, наклонился к своему рабу Клиту и что-то ему шепнул. Ничего не сказав в ответ, Клит заплакал, и тогда Брут подозвал щитоносца Дардана и говорил с ним с глазу на глаз. Наконец, он обратился по-гречески к самому Волумнию, напомнил ему далекие годы учения и просил вместе с ним взяться за рукоять меча, чтобы усилить удар. Волумний наотрез отказался, и остальные последовали его примеру. Тут кто-то промолвил, что медлить дольше нельзя и надо бежать, и Брут, поднявшись, отозвался: «Вот именно, бежать, и как можно скорее. Но только с помощью рук, а не ног». Храня вид безмятежный и даже радостный, он простился со всеми по очереди и сказал, что для него было огромною удачей убедиться в искренности каждого из друзей... Затем он горячо призвал всех позаботиться о своем спасении, и сам отошел в сторону. Двое или трое двинулись за ним следом... Брут... упер рукоять меча в землю и, придерживая оружие обеими руками, бросился на обнаженный клинок и испустил дух...

53. ...Супруга Брута, Порция... хотела покончить с собой, но никто из друзей не соглашался ей помочь, напротив, её зорко караулили, ни на миг не оставляя одну, и тогда она выхватила из огня уголь, проглотила его, крепко стиснула зубы и умерла, так и не разжав рта.

№4

ПЛУТАРХ ПОРІВНЯЛЬНІ ЖИТТЄПИСИ, АНТОНІЙ

9. [Порядочным гражданам] был противен весь образ жизни Антония, — им внушало омерзение и его безобразное пьянство, и возмутительное расточительство, и нескончаемые забавы с продажными бабёнками, и то, что днём он спал или бродил сам не свой с похмелья, а ночами слонялся с буйными гуляками, устраивал театральные представления и веселился на свадьбах шутов и мимов. ...Однажды он пировал на свадьбе у мима Гиппия и пил всю ночь напролёт, а рано поутру народ позвал его на форум, и он, явившись с переполненным желудком, вдруг стал блевать... Среди самых влиятельных его приближенных были и мим Сёргий, и возлюбленная Антония — бабёнка из той же труппы, по имени Киферида; объезжая города, Антоний возил её за собою в носилках, которые сопровождала свита, не меньшая, чем при носилках его матери. Взор римлян оскорбляли и золотые чаши, которые

торжественно несли за ним, словно в священном шествии, и раскнутые при дороге шатры, и роскошные завтраки у реки или на опушке роши, и запряжённые в колесницу львы, и дома достойных людей, отведённые под квартиры потаскухам и арфисткам. И все возмущались и негодовали, что тем временем, как сам Цезарь, за пределами Италии, ночует под открытым небом и ценою огромных трудов и опасностей гасит последние искры войны, в это самое время другие, пользуясь властью, которою их облек Цезарь, утопают в роскоши и глумятся над согражданами.

10. ...Цезарь не остался равнодушен к безобразиям Антония и заставил его обуздать свое безрассудство и распутство. Расставшись с прежнею жизнью, Антоний решил жениться и взял за себя Фульвию, вдову народного вожака Клодия, женщину, на уме у которой была не пряжа и не забота о доме — ей мало было держать в подчинении скромного и невидного супруга, но хотелось властвовать над властителем и начальствовать над начальником. Фульвия замечательно выучила Антония повиноваться женской воле и была бы вправе потребовать плату за эти уроки с Клеопатры, которая получила из её рук Антония уже совсем смиренным и привыкшим слушаться женщин...

24. Когда же... Антоний переправился в Азию и впервые ощутил вкус тамошних богатств, когда двери его стали осаждать цари, а царицы наперебой старались снискать его благосклонность богатыми дарами и собственной красотой, он отдался во власть прежних страстей и вернулся к привычному образу жизни, наслаждаясь миром и безмятежным покоем, меж тем как Цезарь в Риме выбивался из сил, измученный гражданскими смутами и войной¹. Всякие там кифареды Анаксеноры, флейтисты Ксуфы, плясуны Метродоры и целая свора разных азиатских музыкантов, наглостью и гнусным шутовством далеко превосходивших чумной сброд, привезённый из Италии, наводнили и заполонили двор Антония и все настроили на свой лад, всех увлекли за собою... Когда Антоний въезжал в Эфес, впереди выступали женщины, одетые вакханками, мужчины и мальчишки в обличии панов и сатиров, весь город был в плюше, в тирсах, повсюду звучали псалтерии², свирели, флейты, и граждане величали Антония Дионисом — Подателем радостей, Источником милосердия. Нет спору, он приносил и радость и милосердие, но — лишь иным, немногим, для большинства же он был Дионисом Кровожадным и Неистовым³. Он отбирал имущество у людей высокого происхождения и отдавал негодаям и льстецам. Нередко у него просили добро живых — словно бы выморочное, — и получали просимое. Дом одного магнесийца он подарил повару, который... однажды угодил ему великолепным обедом...

25. Ко всем этим природным слабостям Антония прибавилась последняя напасть — любовь к Клеопатре... И вот как запутался он в этих сетях. Готовясь к борьбе с Парфией, он отправил к Клеопатре гонца с приказом явиться в Киликию и дать ответ на обвинения, которые против нее возводились: говорили, что во время войны царица много помогла Кассию и деньгами, и иными средствами. Увидев Клеопатру, узнав её хитрость и редкое мастерство речей, голец римского полководца Деллий сразу же сообразил, что такой женщине Антоний ничего дурного не сделает, напротив, сам полностью подпадет её влиянию, а потому принялся всячески обхаживать египтянку, убеждал её ехать в Киликию... Клеопатра последовала совету Деллия и, помня о впечатлении, которое в прежние годы произвела её красота на Цезаря и Гнея, сына Помпея, рассчитывала легко покорить Антония. Ведь те двое знали её совсем юной и неискушённой в жизни, а перед Антонием она предстанет в том возрасте, когда и красота женщины в полном расцвете и разум её всего острее и сильнее...

26. Хотя Клеопатра успела получить много писем и от самого Антония, и от его друзей, она относилась к этим приглашениям с таким высокомерием и насмешкой, что поплыла вверх по Кидну [река в Киликии, на которой лежал Тарс] на ладье с вызолоченной кормою, пурпурными парусами и посеребренными веслами... Царица покоилась под расшитой золотом сенью в уборе Афродиты... Подобным же образом и самые красивые рабыни были переодеты nereидами и харитами и стояли кто у кормовых весел, кто у канатов. Дивные благовония восходили из бесчисленных курильниц и растекались по берегам. Толпы людей провожали ладью по обеим сторонам реки, от самого устья, другие толпы двинулись навстречу ей из города, мало-помалу начала пустеть и площадь, и в конце концов Антоний остался на своем возвышении один. И повсюду разнослась молва, что Афродита шествует к Дионису на благо Азии. Антоний послал Клеопатре приглашение к обеду. Царица просила его прийти лучше к ней. Желая сразу же показать ей свою обходительность и доброжелательство, Антоний исполнил её волю...

27. На другой день Антоний принимал египтянку и приложил все усилия к тому, чтобы превзойти её роскошью и изысканностью, но, видя себя побеждённым и в том и в другом, первый принялся насмехаться над убожеством и отсутствием вкуса, царившими в его пиршественной зале. Угадавши в Антонии по его шуткам грубого и пошлого солдафона, Клеопатра и сама заговорила в подобном же тоне — смело и без всяких стеснений. Ибо красота этой женщины была не тою, что зовется несравненно и поражает с первого взгляда, зато обращение её отличалось неотразимою прелестью, и потому её облик, сочетавшийся с редкою убедительностью речей, с огромным обаянием, сквозившим в каждом слове, в каждом движении, накрепко врезался в душу. Самые звуки её голоса ласкали и радовали слух, а язык был точно многострунный инструмент, легко настраивающийся на любой лад, — на любое наречие, так что лишь с очень немногими варварами она говорила через переводчика, а чаще всего сама беседовала с чужеземцами — эфиопами, троглодитами, евреями, арабами, сирийцами, мидийцами, парфянами... Говорят, что она изучила и многие языки, тогда как цари, правившие до нее, не знали даже египетского, а некоторые забыли и македонский.

28. Антоний был увлечён до такой степени, что позволил Клеопатре увезти себя в Александрию — и это в то самое время, когда в Риме супруга его Фульвия, отстаивая его дело, вела войну с Цезарем, а парфянское войско действовало в Месопотамии, и полководцы царя уже объявили Лабиена парфянским наместником этой страны и готовились захватить Сирию. В Александрии он вёл жизнь мальчишки-бездельника и за пустыми забавами растрачивал и проматывал самое драгоценное... достояние — время. Составился своего рода союз, который они звали «Союзом неподражаемых», и что ни день они задавали друг другу пиры, проматывая совершенно баснословные деньги...

29. Клеопатра, между тем..., всякий раз сообщая все новую сладость и прелесть любому делу или развлечению, за какое ни брался Антоний, ни на шаг не отпуская его ни днём ни ночью, крепче и крепче приковывала к себе римлянина. Вместе с ним она играла в кости, вместе пила, вместе охотилась, бывала в числе зрителей, когда он упражнялся с оружием, а по ночам, когда, в платье раба, он бродил и слонялся по городу, останавливаясь у дверей и окон домов и осыпая обычными своими шутками хозяев — людей простого звания, Клеопатра и тут была рядом с Антонием, одетая ему под стать. Нередко он и сам слышал в ответ злые насмешки и даже возвращался домой помятый кулаками александрийцев, хотя большинство и догадывалось, с кем имеет дело. Тем не менее шутовство Антония было по душе горожанам, они с охотою и со вкусом участвовали в этой игре и говорили, что для римлян он надевает трагическую маску, для них же — комическую. ...Как-то раз он удил рыбу, клёв был плохой, и Антоний огорчился, оттого что Клеопатра сидела рядом и была свидетельницей его неудачи. Тогда он велел рыбакам незаметно подплывать под

¹ Речь идёт о «Перузинской войне» — восстании, поднятом Луцием, братом Антония, и Фульвией, его женой.

² Псалтерий — струнный шипковый инструмент восточного происхождения, похожий на лук с натянутыми струнами.

³ Различные культовые прозвища Диониса.

водою и насаживать добычу ему на крючок и так вытащил две или три рыбы. Египтянка разгадала его хитрость, но прикинулась изумленной, рассказывала об этом замечательном лове друзьям и приглашала их поглядеть, что будет на другой день. Назавтра лодки были полны народом, Антоний закинул лесу, и тут Клеопатра велела одному из своих людей нырнуть и, упредивши рыбаков Антония, потихоньку насадить на крючок понтийскую вяленую рыбу. В уверенности, что снасть не пуста, Антоний вытянул лесу и под общий хохот, которым... встретили «добычу» все присутствующие, Клеопатра промолвила: «Удочки, император, оставь нам, государям фаросским и канопским¹. Твой улов — города, цари и материки».

54. [Волну ненависти Антоний вызвал у римлян] разделом земель между своими детьми, устроенным в Александрии и полным показного блеска, гордыни и вражды ко всему римскому. Наполнивши толпою гимнасий и водрузив на серебряном возвышении два золотых трона, для себя и для Клеопатры, и другие, попроще и пониже, для сыновей, он прежде всего объявил Клеопатру царицею Египта, Кипра, Африки и Келесирии при соправительстве Цезариона, считавшегося сыном старшего Цезаря, который, как говорили, оставил Клеопатру беременной; затем сыновей, которых Клеопатра родила от него, он провозгласил царями царей и Александру назначил Армению, Мидию и Парфию (как только эта страна будет завоевана), а Птолемею — Финикию, Сирию и Киликию. Александра Антоний вывел в полном мидийском уборе, с тиарою и прямою китарой, Птолемея — в сапогах, македонском плаще и украшенной диадемою кавсии. Это был наряд преемников Александра, а тот, первый, — царей Мидии и Армении. Мальчики приветствовали родителей, и одного окружили телохранители-армяне, другого — македоняне. Клеопатра в тот день, как всегда, когда появлялась на людях, была в священном одеянии Исиды; она и звала себя новою Исидой...

56. [После разрыва с Октавианом Антоний] немедленно отдал распоряжение Канидию спускаться во главе 16 легионов к морю, а сам вместе с Клеопатрою отправился в Эфес. Туда со всех сторон собирался его флот, числом 800 кораблей (включая грузовые), из которых 200 выставила Клеопатра. От нее же Антоний получил 2 тыс. талантов и продовольствие для всего войска... [Затем они] отплыли на Самос и там проводили все дни в развлечениях и удовольствиях. Подобно тому как все цари, властители и тетрархи, все народы и города между Сирией и Мэотидой, Иллирией и Арменией получили приказ посылать и везти военное снаряжение, так же точно всем актерам было строго предписано немедленно отправляться на Самос...

58. ...Узнав о стремительности и размерах вражеских приготовлений, Цезарь был в тревоге. Он опасался, как бы не пришлось начать военные действия в то же лето; между тем ему ещё многого не доставало для войны, а вдобавок повсюду звучал ропот, вызванный высокими налогами. Свободнорожденные должны были внести в казну четверть своих доходов, а вольноотпущенники — восьмую долю всего имущества, и каждый гневно взывал к Цезарю, вся Италия волновалась. Поэтому одной из величайших ошибок Антония считают промедление: он дал Цезарю время приготовиться, а волнениями — улечься, ибо пока шли всыскания, люди негодовали, но заплатив, успокоились...

60. Когда Цезарь счёл свои приготовления достаточными, было постановлено начать войну против Клеопатры и лишить Антония полномочий, которые он уступил и передал женщине. К этому Цезарь прибавил, что Антоний отравлен ядовитыми зельями и уже не владеет ни чувствами, ни рассудком, и что войну поведут евнух Мардион, Потин, рабыня Клеопатры Ирада, убирающая волосы своей госпоже, и Хармион...

61. Когда противники двинулись друг против друга, под начальством Антония находилось не менее 500 боевых кораблей, — в том числе много судов с восемью и десятью рядами весел, украшенных пышно и богато, — 100 тыс. пехоты и 12 тыс. конницы. На его стороне выступали подвластные цари Бокх Африканский, Тархондем — властитель Верхней Киликии, Архелай Каппадокийский, Филадельф Пафлагонский, Митридат Коммагенский и царь Фракии Садал. Это лишь те, что явились сами, а войска прислали Полемон, царь Понта, Малх, царь Аравии, и царь Иудейский Ирод, а также Аминт, царь Ликаонии и Галатии. Пришёл вспомогательный отряд и от царя Мидийского. У Цезаря было 250 судов, пехотинцев 80 тыс., а конницы примерно столько же, сколько у противника. Антоний правил землями от Евфрата и Армении до Ионийского моря и Иллирии, Цезарь — от Иллирии до Западного океана и от Океана до Тирренского и Сицилийского морей. Частью Африки, лежащею против Италии, Галлии и Испании, вплоть до Геракловых столпов, владел Цезарь, от Кирены до Эфиопии — Антоний.

62. Но Антоний уже до такой степени превратился в бабьего прихвостня, что, вопреки большому преимуществу на суше, желал решить войну победою на море — в угоду Клеопатре! А ведь он видел, что на судах не хватает людей и что начальники триер по всей и без того «многострадальной» Греции ловят путников на дорогах, погонщиков ослов, жнецов, безусых мальчишек, но даже и так не могут восполнить недостачу, и суда большею частью полупусты и потому тяжелы, неповоротливы на плаву! Напротив, Цезарь сосредоточил в Таренте и Брундизии флот, отличавшийся не хвастливою высотой или громадными размерами кораблей, но удобоуправляемостью, быстротой и безупречною оснащённостью каждого судна, и отправил к Антонию гонцов с требованием не терять времени даром, а немедленно выходить с боевыми силами в море. Он, Цезарь, готов предоставить вражескому флоту надлежащие якорные стоянки и гавани, а сам отступит от берега на день пути верхом, пока Антоний не закончит высадку и не разобьет лагерь. В ответ на этот хвастливый вызов Антоний, столь же хвастливо, предлагал Цезарю поединок, хотя был старше годами, а в случае отказа — сражение у Фарсала, там же, где некогда встретились войска Цезаря и Помпея. опередив Антония, который стоял с флотом у Акция, — как раз против нынешнего Никополя, — Цезарь первым пересекает Ионийское море и захватывает местность в Эпире, называемую Торина, что означает «мешалка». Антоний был в тревоге — его сухопутные силы запаздывали, — но Клеопатра, смеясь, говорила: «Ничего страшного! Пусть себе сидит на мешалке!»

63. Рано поутру враги двинулись вперед, и Антоний, опасаясь, как бы они не захватили его корабли, на которых не было воинов, вооружил для вида гребцов и расставил их на палубе, весла с обеих сторон распорядился поднять и закрепить и разместил суда, носом к противнику, в горле залива — так, словно бы они полностью снабжены гребцами и готовы к обороне. Цезарь вдался в обман и отступил. Затем с помощью искусно возведенных запруд Антоний лишил неприятеля воды, которой повсюду в тех краях немного... Убедившись, что флот ни в чём не имеет удачи и никуда не поспевает своевременно, Антоний... снова обратил главные свои надежды на сухопутные силы... Однако ж верх взяла Клеопатра, настоявшая, чтобы войну решила битва на море...

64. Приняв решение дать морской бой, Антоний распорядился все египетские суда, кроме шестидесяти, сжечь, а лучшие и самые большие из своих — от триер до кораблей с десятью рядами весел — снабдил гребцами и разместил на палубах 20 тыс. тяжёлой пехоты и 2 тыс. лучников. Говорят, что один начальник когорты, весь иссеченный в бесчисленных сражениях под командою Антония, увидевши его, заплакал и промолвил: «Ах, император, ты больше не веришь этим шрамам и этому мечу и все упоования свои возлагаешь на коварные бревна и доски! Пусть на море бьются египтяне и финикийцы, а нам дай землю, на которой мы привыкли стоять твердо, обеими ногами, и либо умирать, либо побеждать врага!» На это Антоний ничего не ответил и, только взглядом и движением руки призвав старого воина мумжаться, прошел мимо. Он уже и сам не верил в успех, и когда кормчие хоте-

¹ Фарос, портовая часть Александрии; Каноп, соседний с Александрией город, место развлечений для александрийцев.

ли оставить паруса на берегу, приказал погрузить их на борт и взять с собой — под тем предлогом, что ни один из неприятелей не должен ускользнуть от погони.

65. В тот день и ещё три дня сильный ветер и бурные волны не давали начать сражение, но на пятый день наступило затишье, море сделалось ровным, как зеркало, и противники наконец сошлись. Антоний и Попликола вели правое крыло, Целий — левое, серединою командовали Марк Октавий и Марк Инстей, Цезарь левое крыло поручил Агриппе, а себе оставил правое. Начальники сухопутных сил, со стороны Антония — Канидий, со стороны Цезаря — Тавр, выстроили своих подчиненных вдоль берега и ожидали исхода борьбы. Что касается самих императоров, то Антоний, объезжая на лодке свои корабли, призывал воинов сражаться уверенно, словно на суше, полагаясь на большую тяжесть судов, а кормчим наказывал, принимая удары вражеских таранов, удерживать суда на месте, так словно бы они стоят на якорях, и остерегаться сильного течения в горле залива... Оглядев с борта триеры весь боевой порядок, Цезарь прибыл на правое крыло и изумился, увидев, как неподвижно стоит неприятель в узком проливе, — казалось, будто корабли бросили якоря. Довольно долго он был уверен, что так оно и есть, и потому удерживал своих примерно в восьми стадиях от противника. В шестом часу [т.е. перед полуднем] поднялся ветер с моря, и люди Антония, наскучив ожиданием и надеясь на высоту и громадные размеры своих судов, по их мнению — неодолимых, привели в движение левое крыло. Заметив это, Цезарь обрадовался и приказал правому крылу дать задний ход, чтобы ещё дальше выманить врага из залива, а потом окружить его и своими отлично снаряжёнными судами ударить по кораблям, которые делала неуклюжими и неповоротливыми чрезмерная тяжесть и недостача в гребцах.

66. Наконец завязался ближний бой, но ни ударов тараном, ни пробоин не было, потому что грузные корабли Антония не могли набрать разгон, от которого главным образом и зависит сила тарана, а суда Цезаря не только избегали лобовых столкновений, страшась непробиваемой медной обшивки носа, но не решались бить и в борта, ибо таран разламывался в куски, натываясь на толстые, четырехгранные балки кузова, связанные железными скобами. Борьба походила на сухопутный бой или, говоря точнее, на бой у крепостных стен. Три, а не то и четыре судна разом налетали на один неприятельский корабль, и в дело шли осадные навесы, метательные копыя, рогатины и огнеметы, а с кораблей Антония даже стреляли из катапулт, установленных в деревянных башнях. Когда Агриппа принялся растягивать своё крыло с расчетом зайти врагу в тыл, Попликола был вынужден повторить его движение и оторвался от середины, где тут же возникло замешательство, которым воспользовался для нападения Аррунтий¹. Битва сделалась всеобщей, однако исход её ещё далеко не определился, как вдруг... 60 кораблей Клеопатры... обратились в бегство, прокладывая себе путь сквозь гущу сражающихся, а так как они были размещены позади больших судов, то теперь, прорываясь через их строй, сеяли смятение. А враги только дивились, видя, как они, с попутным ветром, уходят к Пелопоннесу. Вот когда Антоний яснее всего обнаружил, что не владеет ни разумом полководца, ни разумом мужа, и вообще не владеет собственным разумом, но — если вспомнить чью-то шутку, что душа влюблённого живёт в чужом теле², — словно бы сросся с этою женщиной и должен следовать за нею везде и повсюду. Стоило ему заметить, что корабль Клеопатры уплывает, как он забыл обо всем на свете, предал и бросил на произвол судьбы людей, которые за него сражались и умирали, и, перейдя на пентеру..., погнался за тою, что уже погибла сама и вместе с собой готовилась сгубить и его...

68. ...Флот при Акции долго сопротивлялся и, несмотря на тяжёлые повреждения, которые наносили судам высокие встречные валы, прекратил борьбу лишь в 10-м часу. Убитых насчитали не более 5 тысяч, зато в плен взято было 300 судов... Немногие видели бегство Антония..., а те, кто об этом узнавал, сперва не желали верить — им представлялось невероятным, чтобы он мог бросить 19 нетронутых легионов и 12 тысяч конницы... Воины тосковали по Антонию и всё надеялись, что он внезапно появится, и... целых семь дней не покидали своего лагеря, отвергая все предложения, какие ни делал им Цезарь. Но в конце концов однажды ночью скрылся и Канидий, и, оставшись совсем одни, преданные своими начальниками, они перешли на сторону победителя.

№5

ГАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛЛ БОЖЕСТВЕННЫЙ АВГУСТ

9. ...Гражданских войн вёл он пять: мутинскую, филиппийскую, перузийскую, сицилийскую, актийскую; первую и последнюю из них — против Марка Антония, вторую — против Брута и Кассия, третью — против Луция Антония, брата триумвира, и четвертую — против Секста Помпея, сына Гнея.

10. Начало и причина всех этих войн были таковы. Считая первым своим долгом месть за убийство дяди и защиту всего, что тот сделал, он тотчас по приезде из Аполлонии хотел напасть врасплох на Брута и Кассия с оружием в руках; а после того, как те, предвидя опасность, скрылись, он решил прибегнуть к силе закона и заочно обвинить их в убийстве. Он сам устроил игры в честь победы Цезаря³, когда те, кому они были поручены, не решились на это. А чтобы с уверенностью осуществить и дальнейшие свои замыслы, он выступил кандидатом на место одного внезапно скончавшегося народного трибуна, хотя и был патрицием и ещё не заседал в сенате⁴. Но консул Марк Антоний, на чью помощь он едва ли не больше всего надеялся, выступил против его начинаний и ни в чём не оказывал ему даже обычной, предусмотрительной действующими законами поддержки иначе, как выговорив себе огромное вознаграждение. Тогда он перешел на сторону оптиматов, так как видел, что Антоний им ненавистен — главным образом, тем, что он осадил Децима Брута в Мутине и пытался лишить его провинции, назначенной ему Цезарем и утвержденной сенатом. По совету некоторых лиц, он подослал к Антонию наёмных убийц⁵; а когда этот умысел раскрылся, он, опасаясь ответной угрозы, стал самыми щедрыми подарками собирать ветеранов, чтобы защитить себя и республику. Набранное войско он должен был возглавить в чине пропретора и вместе с новыми консулами Гирцием и Пансой повести его на помощь Дециму Бруту. Эту порученную ему войну он закончил в два месяца двумя сражениями. В первом сражении он, по словам Антония, бежал и появился только через день, без плаща⁶ и без коня; во втором... ему пришлось не только быть полководцем, но и биться как солдату, а когда в гуще боя был тяжело ранен знаменосец его легиона, он долго носил его орла на собственных плечах.

¹ Аррунтий — командовал центром Октавианова флота.

² Плутарх приписывает эту шутку Катону (Катон Ст., 9).

³ Игры по эгиде Венеры Победительницы были учреждены в честь победы Юлия Цезаря над помпеянами при Тапсе (Африка) в 46 г. до н.э.

⁴ С какого времени трибуны стали выбираться только из сенаторов, неизвестно.

⁵ Цицерон (Филиппики, III, 19) утверждает, что это он посоветовал Октавиану подослать убийц к Антонию; но самый факт покушения весьма спорен.

⁶ Потеря плаща полководцем считалась позором (ср.: Юл. 64).

11. В этой войне Гирций погиб в бою, Панса вскоре умер от раны: распространился слух, что это он позаботился об их смерти¹, чтобы теперь, когда Антоний бежал, а республика осталась без консулов, он один мог захватить начальство над победоносными войсками. В особенности смерть Пансы внушала столько подозрений, что врач его Гликон был взят под стражу по обвинению в том, что вложил яд в его рану. А Нигер Аквиллий утверждает, что и второго консула, Гирция, Октавий убил своею рукой в замешательстве схватки.

12. Однако узнав, что бежавший Антоний нашел поддержку у Лепида и что остальные полководцы и войска выступили на их стороне, он без колебаний оставил партию оптиматов. Для... оправдания такой перемены он ссылаясь на слова и поступки некоторых из них: одни будто бы говорили, что он мальчишка, другие — что его следует вознести в небеса², чтобы не пришлось потом расплачиваться с ним и с ветеранами. А чтобы лучше показать, как он раскаивается в своем прежнем союзе с ними, он обрушился на жителей Нурсии³, которые над павшими при Муине соорудили на общественный счет памятник с надписью «Пали за свободу»: он потребовал с них огромных денег, а когда они не смогли их выплатить, выгнал их, бездомных, из города.

13. Вступив в союз с Антонием и Лепидом⁴, он, несмотря на свою слабость и болезнь, окончил в два сражения и филиппийскую войну; при этом в первом сражении он был выбит из лагеря и едва спасся бегством на другое крыло к Антонию. Тем не менее, после победы он не выказал никакой мягкости: голову Брута он отправил в Рим, чтобы бросить её к ногам статуи Цезаря⁵, а вымещающую свою ярость на самых знатных пленниках, он ещё и осыпал их бранью. Так, когда кто-то униженно просил не лишать его тело погребения, он, говорят, ответил: «Об этом позаботятся птицы!» Двум другим, отцу и сыну, просившим о пощаде, он приказал решить жребием или игрою на пальцах⁶, кому остаться в живых, и потом смотрел, как оба они погибли — отец поддался сыну и был казнен, а сын после этого сам покончил с собой. Поэтому иные, и среди них Марк Фавоний, известный подражатель Катона, проходя в цепях мимо полководцев, приветствовали Антония почетным именем императора⁷, Октавию же бросали в лицо самые жестокие оскорбления.

После победы по разделу полномочий Антоний должен был восстановить порядок на Востоке, Октавий — отвести в Италию ветеранов и расселить их на муниципальных землях. Но и здесь им не были довольны ни землевладельцы, ни ветераны: те жаловались, что их сгоняют с их земли, эти — что они получают меньше, чем надеялись по своим заслугам.

14. В это самое время поднял мятеж Луций Антоний, полагаясь на свой консульский сан и на могущество брата. Октавий заставил Луция отступить в Перузию и там измором принудил к сдаче, но и сам не избежал немалых опасностей как перед войной, так и в ходе войны. Так, однажды в театре, увидев рядового солдата, сидевшего во всаднических рядах, он велел прислужнику вывести его; недоброжелатели тотчас пустили слух, будто он тут же и пытал и казнил этого солдата, так что он едва не погиб в сбегавшейся толпе разъяренных воинов; его спасло то, что солдат, которого искали, вдруг появился сам, цел и невредим. А под стенами Перузии он едва не был захвачен во время жертвоприношения отрядом гладиаторов, совершивших внезапно вылазку.

15. После взятия Перузии он казнил множество пленных. Всех, кто пытался молить о пощаде или оправдываться, он обрывал тремя словами: «Ты должен умереть!» ...Он отобрал из сдавшихся 300 человек всех сословий и в иды марта у алтаря в честь божественного Юлия перебил их, как жертвенный скот⁸. [Некоторые] утверждали, что он умышленно довёл дело до войны, чтобы его тайные враги и все, кто шел за ним из страха и против воли, воспользовались возможностью примкнуть к Антонию и выдали себя, и чтобы он мог, разгромив их, из конфискованных имуществ выплатить ветеранам обещанные награды.

16. Сицилийская война была одним из первых его начинаний, но тянулась она долго, с частыми перерывами: то приходилось отстраивать флот, потерпевший крушение в двух бурях⁹, несмотря на летнее время, то заключать перемирие [в Мизене в 39 г. до н.э.] по требованию народа, страдавшего от прекращения подвоза и усиливающегося голода. Наконец, он заново выстроил корабли, посадил на весла 20 тыс. отпущенных на волю рабов, устроил при Байях Юлиеву гавань, соединив с морем Лукринское и Авернское озера¹⁰; и после того, как его войска обучались там в течение всей зимы, он разбил Помпея между Милами и Навлохом. Перед самым сражением его внезапно охватила такой крепкий сон, что друзьями пришлось будить его, чтобы дать сигнал к бою. Это, как я думаю, и дало Антонию повод оскорбительно заявлять, будто он не смел даже поднять глаза на готовые к бою суда — нет, он валялся как бревно, брюхом вверх, глядя в небо, и тогда только встал и вышел к войскам, когда Марк Агриппа обратил уже в бегство вражеские корабли. А другие ставят ему в вину вот какое слово и дело: когда буря погубила его флот, он будто бы воскликнул, что и наперекор Нептуну¹¹ он добьётся победы, и на ближайших цирковых празднествах удалил из торжественной процессии статую этого бога. В самом деле, ни в какой другой войне он не подвергался таким и стольким опасностям, как в этой. Когда, переправив часть войск в Сицилию, он возвращался на материк к остальным войскам, на него неожиданно напали военачальники Помпея Демохар и Аполлофан, и он с трудом ускользнул от них с единственным кораблем. В другой раз он шёл пешком мимо Локров в Регий и увидел биремы Помпея, двигавшиеся вдоль берега; приняв их за свои, он спустился к морю и едва не попал в плен. А когда после этого он спасался бегством по узким тропинкам, то раб его спутника Эмилия Павла попытался его убить, воспользовавшись удобным случаем, чтобы отомстить за Павла-отца, казнённого во время проскрипций. После бегства Помпея он отнял войско у своего товарища по триумвирату Марка Лепида, который по его вызову явился на помощь из Африки и в заносчивой надежде на свои двадцать легионов, грозя и пугая, требовал себе первого места в государстве. Лишь после униженных просьб он сохранил Лепиду жизнь, но сослал его в Цирцею до конца дней.

17. С Марком Антонием его союз никогда не был надежным и прочным и лишь кое-как подогревался различными соглашениями¹². Наконец [Октавиан] распорядился вскрыть и прочесть перед народом оставленное [Антонием] в Риме завещание, в котором тот объявлял своими наследниками даже детей от Клеопатры. Однако он отпустил к названному врагу всех его родичей и

¹ Слух о причастности Августа к смерти Гирция и Пансы держался ещё после его смерти (Тацит, *Ann.*, I, 10). Поводом к слуху об убийстве Гирция было то, что в бою Октавиан первый пробился к его телу и прикрыл его плащом.

² Посильная аналогия латинской двусмысленности *ornandum tollendumque*: «украсить и прославить» (как победителя) или «разубрать и вынести» (как покойника). Шутка принадлежит Цицерону (*K* близким, XI, 20).

³ Нурсия — городок в Умбрии; эпизод относится к Перузийской войне 41–40 гг. до н.э.

⁴ Союз с Антонием и Лепидом (III Триумвират) был санкционирован сенатом 27 ноября 43 г. до н.э.

⁵ Голова Брута, тем не менее не достигла Рима: корабль, её везший, утонул в бурю близ Диррахия (Дион, 47, 49).

⁶ Игра на пальцах доньше существует в Италии: играющий должен определить, сколько пальцев вытянуто на быстро вскинутой руке другого играющего.

⁷ Император в эпоху республики было почётным званием полководца-победителя после победы и до триумфа.

⁸ В Перузии Октавиан казнил весь городской сенат (Аппиан, V, 48), но рассказ о побоище в честь божественного Цезаря сомнителен. Тем не менее Сенека пользуется им, чтобы противопоставить жестокость Августа кротости молодого Нерона (*O* милосердии, I, 11).

⁹ В 38 г. до н.э., когда Помпей разбил посланного Октавианом Кальпурния Сабина, а буря довершила разгром, и в 36 г. до н.э., когда буря разметала флот Октавиана в Мессинском проливе.

¹⁰ Лукринское и связанное с ним Авернское озеро — лагуны, узкой косой отделенные от Неаполитанского залива и ныне слившиеся с ним.

¹¹ Нептуна считал своим покровителем Секст Помпей, даже на монетах именовавший себя «сыном Нептуна».

¹² В 40 г. до н.э. в Брундизии (после перузийской войны) и в 37 г. до н.э. в Таренте (против Секста Помпея).

друзей, в том числе Гая Сосия и Тита Домиция, которые ещё были консулами. Жителей Бононии¹, давних клиентов рода Антониев, он даже милостиво освободил от присяги себе², которую приносила вся Италия. Немного спустя он разбил Антония в морском сражении при Акции [2 сентября 31 г. до н.э.]... От Акции он направился на зиму в Самос; но получив тревожную весть, что отборные отряды, отосланные им после победы в Брундиции, взбунтовались и требуют наград и отставки, — он тотчас пустился обратно в Италию. Дважды в пути его застигали бури — один раз между оконечностями Пелопоннеса и Этолии, другой раз против Керавнийских гор³; в обеих бурях часть его либурнийских⁴ галер погибла, а на корабле, где плыл он сам, были сорваны снасти и поломан руль. В Брундиции он задержался только на 27 дней, пока не устроил все по желанию солдат, а затем обходным путем через Азию и Сирию направился в Египет, осадил Александрию, где укрылись Антоний и Клеопатра, и быстро овладел городом.

Антоний предлагал запоздалые условия мира; но он заставил его умереть и сам смотрел на его труп⁵. Клеопатру он особенно хотел сохранить в живых для триумфа, и когда она умерла... от укуса змеи, он даже посылал к ней псиллов⁶, чтобы высосать яд и заразу. Обоих он дозволил похоронить вместе и с почетом, а недостроенную ими гробницу приказал закончить. Молодого Антония, старшего из двух сыновей, рожденных Фульвией, после долгих и тщетных молений искавшего спасения у статуи божественного Юлия, он велел оттащить и убить. Цезариона, которого Клеопатра объявляла сыном, зачатый от Цезаря, он схватил во время бегства, вернул и казнил. Остальных детей Антония и царицы он оставил в живых и впоследствии поддерживал их и заботился о них, как о близких родственниках...

18. В это же время он осмотрел тело Великого Александра⁷, гроб которого велел вынести из святилища: в знак преклонения он возложил на него золотой венец и усыпал тело цветами. А на вопрос, не угодно ли ему взглянуть и на усыпальницу Птолемея, он ответил, что хотел видеть царя, а не мертвецов. Египет он обратил в провинцию; чтобы она была плодороднее и больше давала бы хлеба столице, он заставил солдат расчистить заплывшие от давности илом каналы, по которым разливается Нил...

РОЗДІЛ 7 РИМСЬКА ІМПЕРІЯ В ЕПОХУ ПРИНЦИПАТУ

I. ПРИНЦИПАТ АВГУСТА (30 р. до н.е. - 14 р. н.е.)

Політичну систему Ранньої Римської імперії (I—III ст. н.е.) окреслюють умовним терміном *принципат* (лат. principatus, від princeps — перший, голова). Її основи були закладені реформами першого римського імператора Августа (27 р. до н.е. - 14 р. н.е.), викликаними глибокою соціально-політичною кризою Римської республіки кінця II—I ст. до н.е. Мета реформ — відновити за допомогою сильної центральної влади політичну і соціальну стабільність, не пориваючи при цьому із все ще сильними республіканськими (полісними) традиціями. Август і його спадкоємці зосередили в своїх руках вищу військову, громадянську і жрецьку владу. Однак юридично вона була оформлена як сукупність ряду традиційних республіканських магистратур і повноважень, якими «наділяли» імператора сенат і народні збори, і не вважалася спадкоємною.

Державний лад офіційно іменувався «республікою», а верховний правитель «принцепсом», тобто здавна існуючим титулом «першоприсутнього» або «першого» сенатора (звідси поняття «принципат»). Однак, якщо в республіканські часи титул принцепса лише надавав право сенатору, ним відзначеному, першим висловлювати свою думку, то в політичній системі імперії він, по суті, означав всю повноту влади. Також і інші республіканські інституції (народні збори, сенат, магистратури) хоча і збереглися, але втратили значну частину своїх колишніх повноважень. Якщо раніше вони фактично були підконтрольні римській правлячій олігархії (нобilitету), то тепер — принцепсу і його наближеним. Тривале співіснування монархічних і республіканських інститутів не дозволяє однозначно визначити державний лад Ранньої імперії ні як монархію, ні як республіку. Нерідко принципат називають «республіканською монархією».

Август посилив державний апарат, створивши постійну армію, поліцію і бюрократію. Армія складалася з прикордонних легіонів з доданими їм допоміжними частинами і дислокованої в самому Римі преторіанською гвардією. Розквартировані в Римі і найбільших містах імперії військові частини несли поліцейську службу. Державна бюрократія комплектувалася імператорськими рабами, вільновідпущениками і відрядженими з легіонів воїнами. Вищі посади в державі як і раніше займали сенатори і вершники, що належали до привілейованих станів. Державний апарат епохи принципату був краще організованим і більш ефективним, ніж за Республіки, але деякими сучасними дослідниками він характеризується як «рудиментарний» або «слаборозвинений», тому що був занадто нечисленним для імперії з населенням у 50 млн. чоловік; органи державного управління на рівні міських і сільських округів були відсутні.

Повноваження вищих адміністраторів були короткострокові, а самі вони не мали спеціальної підготовки, а нерідко і досвіду керівної роботи у своїй сфері управління. Як правило, вони за власною ініціативою не втручалися в діяльність місцевого міського самоврядування, обмежуючись загальним контролем. Більша частина повсякденних справ вирішувалася місцевими міськими магистратами і сенатами (куріями). Античне місто (грецький поліс, італійський муніципій) з своїм власним управлінням, законами і порядками був основою Ранньої імперії, оплотом полісних (республіканських) традицій. Більшість вершників, сенаторів і навіть імператорів були вихідцями з місцевої міської знаті Італії і провінцій. Режим принципату дозволив консолідувати владні верхівки в центрі і на місцях, досягти балансу їхніх інтересів і розширити тим самим соціальну базу державної влади. Він забезпечив Римській імперії в I—II ст. н.е. «Августів», або «римський мир» — два століття небаченої в Стародавньому Світі політичної і соціальної стабільності.

№1 ДИОН КАССІЙ РИМСЬКА ІСТОРІЯ, ЛІІ, 12-18

Кн. ЛІІ, Гл. 12. Свою єдиноличную власть Август следующим образом укрепил за счёт власти сената и народа, желая при этом казаться демократическим деятелем, именно: он взял на себя заботу и управление всеми общественными делами, требующими особого попечения. Он сказал, что не будет управлять всеми провинциями и даже в тех, которыми будет управлять сам, не будет разрешать полностью всех вопросов управления, но более простые дела, относящиеся к мирному времени и не связанные с военным делом, он передал сенату; более же сложные дела, обманчивые и опасные, вызывающие враждебное отношение у некоторых соседей или сами по себе могущие привести к каким-нибудь серьезным потрясениям в государстве, он взял на себя. На словах он сделал это для того, чтобы сенат в безопасности пожинал наилучшие плоды управления, а на его долю пришлось бы все

¹ Бонония — ныне Болонья.

² Присяга 32 г. до н.э., принесённая Италией и западными провинциями, санкционировала власть Октавиана по истечении срока триумвирата (33 г. до н.э.).

³ Керавнийские горы — в Эпире, напротив Брундиция.

⁴ Либурнийские галеры (от названия пиратского племени либурнов в Иллирии) отличались легкостью и быстродходностью: им был обязан Август победой при Акции.

⁵ Любоваться трупом врага считалось варварской жестокостью. Плутарх (Антоний, 78) уверяет, что Октавиан проливал слезы над мечом, обгаренным кровью Антония.

⁶ Псиллы, североафриканское племя, считались чарователями змей и целителями змеиных укусов: думали, что в их теле содержится яд, губительный для пресмыкающихся.

⁷ Тело Великого Александра хранилось в Александрии в золотом гробу в особом святилище. По Диону (LІ, 16), Август не только осматривал, но и ощупывал тело Александра, и при этом повредил ему нос.

трудности и опасности; на самом же деле — чтобы сенаторы под этим предлогом оказались безоружными и неспособными воевать и чтобы только он один обладал оружием и мог содержать военные силы. Поэтому он решил передать в ведение народа и сената Африку, Нумидию, Малую Азию, Элладу с Эпиром, Далматику и Македонию, а также Сицилию, Крит вместе с Ливией, что за Киреной, и Вифинию с прилегающим к ней Понтом, Сардинию и Бетику; в ведении же Цезаря остались остальная Иберия за Тарраконой, Лузитания и все Галлии: Нарбоннская, Лугдунская, Аквитанская и Кельтская, как они сами, так и все земли, занятые их выселенцами. Ведь некоторые кельты, которых мы называем германцами, захватившие всю Кельтику вдоль реки Рейна, передали ей название Германии как вверх по реке до её истоков, так и вниз до Британского Океана. Точно так же в доле Цезаря оказались Сирия, называемая Келесирией¹, Финикия, Киликия, Кипр и Египет. Позже он передал в управление народа Кипр и Нарбоннскую Галлию, себе же взял вместо этого Далмацию. Такое же мероприятие было потом проведено и в отношении других провинций, как это показывает дальнейшее повествование; тут же я перечислил все провинции, потому что с этого времени он стал управлять каждой провинцией отдельно, в то время как раньше и в течение долгого времени они управлялись по две и по три вместе. Об остальных я не упомянул, потому что одни из них были присоединены позже, а другие если и были уже тогда в составе Римского государства, то управлялись не римлянами, а либо им была предоставлена автономия, либо они управлялись какой-либо местной царской властью; все же провинции, которые подпадали под власть Рима после этого, оказывались в управлении обладателя высшей власти.

ЛШ, 13. Так было распределено управление всеми провинциями. Желая, как и Цезарь, дальше отвести всех от подозрения, что он хоть сколько-нибудь помышляет о монархической власти для себя, Август утвердил власть над предоставленными ему провинциями на десять лет и обещал, что за это время он установит в провинциях прочный порядок; при этом он прихвастнул, заявив, что если они усмирятся раньше, то и он раньше передаст управление ими народу. После этого прежде всего он предписал, чтобы всеми провинциями той и другой группы, кроме Египта, управляли члены сената (*булевты*), и только к одним египтянам по указанной мною выше причине² он стал назначать так называемого всадника; затем, чтобы эти булевты получали полномочия на один год и избирались по жребию, за исключением тех случаев, когда у кандидата имеются налицо преимущества многодетности или брака; далее, чтобы от общего собрания сената посылались люди, не облеченные военной властью, и чтобы их называли проконсулами, но не непременно из тех двух, которые только что отбыли консульство, но из остальных, отбывших преторство или только считающихся отбывшими эту должность; и чтобы правители той и другой группы народов имели при себе столько же ликторов, сколько их полагается иметь в черте города, а при выезде из города сейчас же принимали знаки своей власти и сохраняли их при себе в течение всего времени, пока не вернутся в Рим. Он установил также, что все другие будут избираться им самим и посланцы его должны называться пропреторами, даже если бы они были из числа консуляров. Так как оба эти названия особенно часто встречались при демократическом управлении, то и он давал звание преторов лицам, как это повелось с самых древних времен, избранным для командования на войне, называя их пропреторами; звание же консулов он давал другим, избираемым для более мирной деятельности, и называл их проконсулами. При этом называться преторами и консулами он разрешал только в пределах Италии, всех же правящих вне Италии он называл как бы правящими вместо них (*пропреторами* и *проконсулами*). Он разрешил избранным носить титул пропретора и управлять провинцией не более как в течение одного года, как он сам определит; при этом разрешил носить военное снаряжение и меч тем, кто имел право казнить солдат. Никому другому, ни проконсулу, ни пропретору, ни другому какому-либо наместнику не разрешалось иметь при себе меч, если ему не была предоставлена власть казнить солдат. Носить меч не разрешалось не только сенаторам, но даже и всадникам, которым это полагалось. Так это было им установлено. Ликторов же у всех пропреторов одинаково бывает по шести; даже если они и не из числа консуляров, они носят это звание, исходя из такого числа ликторов. Внешние знаки своей власти они получают, как только въедут в предназначенную для них область в той и другой группе провинций, и сейчас же слагают их, как только окончится срок их полномочий.

ЛШ, 14. Так, в соответствии с этими распоряжениями и установленным порядком посылать в провинции той и другой группы для управления ими как бывших консулов, так и бывших преторов. Из них сам император посылал куда, кого и когда хотел, так что управление провинциями получали многие исполнявшие обязанности консулов и преторов, что и теперь бывает [т.е. в III в. н.э.], если придётся. Собственному управлению сената и консуляров он предоставил Африку и Малую Азию, а все остальные провинции — управлению преториев (т.е. бывших преторов); в качестве же общего распоряжения он установил, чтобы никто не участвовал в выборах по жребию раньше пяти лет после исполнения правительственной должности в самом Риме. Итак, в течение некоторого времени все люди такого положения распределяли между собой по жребию эти должности, если даже людей было больше, чем должностей. Впоследствии, в связи с тем что некоторые из них плохо управляли провинциями, и эти лица стали представляться на утверждение императора, и таким образом он в некотором роде сам стал распределять также и должности по управлению провинциями. Тогда он приказывает, чтобы жребий тянули лица, каких он сам пожелает, и в числе, равном количеству провинций. Ведь иногда сенаторы посылали туда желательных для себя лиц, и были случаи, что на срок более одного года, иногда же поручали управление некоторых провинций всадникам вместо сенаторов. Такое было принято тогда установление в отношении сенаторов, имеющих также полномочия присуждать управляемых ими людей к смерти. Направляются ведь в провинции так называемые народные, или сенатские, люди и не имеющие таких полномочий, также и квесторы, на которых укажет жребий, и лица, сопровождающие других, обладающих полномочиями управления. Итак, я правильно мог бы называть их, как я уже и сказал, не по их званию, а по их деятельности, поскольку другие, подражая грекам, и таких людей называют римскими легатами. Но выше уже достаточно было много сказано об этих титулах. Помощников себе каждый выбирает сам: пропреторы — по одному из людей, равных себе по положению или из ниже стоящих, проконсулы — по три помощника тоже из лиц равного себе положения, кого утвердит император. Были введены кое-какие новшества и в это положение, но, так как оно скоро прекратилось, то достаточно и того, что уже сказано.

ЛШ, 15. Так управлялись провинции, принадлежащие народу; в другие же провинции, так называемые императорские, имеющие в своих пределах более одного гарнизона государственных войск из римских граждан, правители их посылались самим императором, выбираемые преимущественно из числа преториев или даже квесторов или исполнявших перед этим какую-нибудь другую правительственную должность. Это касается членов сената, из числа же всадников сам император посылает военных трибунов, кандидатов в сенаторы и других, о различных степенях которых мною сказано выше, причём одних — только в государственные крепостные гарнизоны, других — также в части иноземных войск [т.е. местных, территориальных], как это было установлено ещё первым Цезарем (диктатором). Также и на должность прокураторов — так называем мы лиц, собирающих государственные доходы и производящих порученные им издержки, — одинаково во все провинции, как его собственные, так и управляе-

¹ Келесирия (букв. «Выдолбленная» или «Пустая» Сирия) — южная часть Сирии, лежащая между горами Ливаном и Антиливаном.

² Имеется в виду ненадёжность Египта в политическом отношении, как последствие борьбы Октавиана Августа с Антонием и Клеопатрой.

мые народом, он стал посылать из числа всадников или вольноотпущенников, за исключением тех провинций, где эти сборы производят со своих подчиненных сами проконсулы. Он давал также некоторые указания как прокураторам, так проконсулам и преторам, чтобы они действовали согласно сказанному выше. Тогда же наряду с этим было установлено также и то, чтобы им и всем остальным выдавалось жалование. В прежние времена все необходимые для управления средства давали им из общественных средств откупщики. Но при Цезаре они сами впервые начали собирать установленные доходы, однако они не были определены для всех в одинаковом размере, но соответственно тому, сколько где требовалось денег, да и само достоинство прокураторов определялось количеством выплачиваемых им денег. Общими же, для всех одинаково установленными законами было то, что они не производили набора солдат и не взыскивали денег сверх установленного, кроме тех случаев, когда это постановлял сенат или приказывал император. Но, как только прибывал преемник прежнего правителя, тот сейчас же уезжал из своей провинции и не задерживался со своим отъездом, но не позже чем через три месяца возвращался в Рим.

ЛIII, 16. Вот как это было тогда, так сказать, устроено. На самом же деле всем и постоянно распоряжался сам Цезарь как главный распорядитель денежных средств; на словах его личные средства были отделены от общественных, на деле же и те и другие расходовались по его указанию, а, имея власть над солдатами, он подготавливал для себя монархию. По прошествии первого десятилетия новым постановлением сената его полномочия были ещё продлены на пять лет, потом ещё раз на пять лет, после чего они были ему продлены на десять лет и снова на другие десять лет — всего пять раз, так что последовательность этих десятилетий обеспечила ему монархическую власть на всю жизнь. Поэтому и последующие императоры, хотя и получали полномочия не на определенный срок, а один раз на всю жизнь, через каждые десять лет устраивали празднества как бы по поводу обновления своей власти, что происходит даже и теперь. Что касается Цезаря, то он принял свою власть намного раньше, когда произнес свою речь об отречении от монархии и о разделении провинций. Тогда же сенат постановил за постоянные его победы над врагами и за спасение граждан посадить перед его дворцом лавровые деревья и украсить дворец дубовым венком. Называется его дворец палацием не потому, что было решено его так называть, а потому, что на Палатинском холме жил Цезарь и держал там свою гвардию, и его жилище переняло название всего холма также в связи с преданием о первоначальном месте жительства Ромула. Поэтому, если император поселится даже в каком-нибудь другом месте, его жилище получает название палация. Итак, когда он провёл все это в жизнь, ему сенат и народ дали имя Августа, так как все хотели дать ему какое-нибудь особенное прозвище; одни предлагали одно, другие — другое; сам Цезарь очень желал получить имя Ромула; но, заметив, что его на этом основании стали подозревать в стремлении к царской власти, он не стал на этом настаивать и принял имя Августа, согласно желанию, большинства и следуя мнению людей. Ведь словом *augustus* обозначается всё самое высокопочтимое и священное. На этом основании, руководясь греческим значением этого слова, его стали называть севастом, как бы святым, от глагола *σεβάζεσθαι* — освящать.

ЛIII, 17. Таким образом, вся власть народа и сената перешла к Августу, а потому образовалось в полном смысле единовластие, при котором одновременно высшую власть имеют не более как двое или трое. Но само название монарха настолько стало ненавистно римлянам, что они своих единоличных правителей (автократоров) не называют ни диктаторами, ни цензорами и не обозначают никаким другим подобным этим титулом, ведь если на них возложена вся полнота политического управления, то не может так быть, чтобы они не пользовались ею по-царски. Ведь вообще ещё и теперь продолжают существовать все власти, образовавшиеся на основе старинных обычаев, кроме власти цензоров, однако всё делается и всё управление осуществляется просто так, как этого хочет бессменный правитель. Но, чтобы не казалось, что они обладают такой полнотой власти по династическим традициям, а не на основании законов, им продолжают предоставляться, но только номинально, все должности, которые приобрели большое значение при демократии по доброй воле граждан, кроме власти диктатора. Они очень часто бывают консулами; проконсулами они называются всякий раз, как окажутся за чертой города; титул императора из них получают не только те, кто победил каких-нибудь врагов, но постоянно и все другие для того, чтобы отметить их неограниченные полномочия и притом не называть их ни царями, ни диктаторами. Эти последние титулы никому больше не даются, после того как они раз вышли из употребления при новом строе, но функции их закрепляются за лицами, получившими титул императора. На основании этого титула они получают власть набирать войско, взимать деньги, начинать войны, заключать мир, повсюду и во всем одинаково командовать как государственными регулярными, так и союзными (чужестранными) военными силами; кроме того, они получают власть приносить к казни внутри городских стен как всадников, так и сенаторов и вообще полностью осуществляют власть, которую имели раньше консулы и другие носители военной власти. На основании цензорских полномочий они проверяют нашу жизнь и наши нравы, составляют списки граждан и по своему усмотрению одних приписывают к сословию всадников или сенаторов, других вычеркивают. На основании того, что они участвуют во всех священнодействиях, мало того, сами раздают другим много жреческих должностей и, если управляют совместно двое или трое, кто-нибудь из них является и верховным жрецом; они распоряжаются всеми как светскими, так и духовными делами. Должность народного трибуна, которую народ приобрел, когда был в расцвете своих сил, даёт им право приостановить действие всякого другого должностного лица, чья деятельность они не одобряют, и не допускать никакого к себе пренебрежения; если же им покажется, что кто-нибудь оскорбил их, хотя бы в самой незначительной степени, и не делом, а только словом, уничтожить такого человека, как совершившего кровавое преступление. Формально исполнять обязанности народных трибунов лицам, по всем признакам принадлежащим к патрициям, они считают неудобным, но отмечают обладание полной властью трибунов каждый раз, как она им предоставляется, и по этому признаку исчисляются годы их правления, потому что они обновляют её ежегодно вместе с другими лицами, постоянно избираемыми на эту должность. Все названия этих должностей, каждая из которых была установлена при демократическом управлении, они сохранили, чтобы не казалось, что они обладают чем-либо, не опирающимся на традицию.

ЛIII, 18. Они обладают ещё и таким преимуществом, какое никогда не предоставлялось никому из римлян в прежнее время; на основании только его одного они и получили возможность делать все указанное выше и другое. Именно, они не связаны никакими традициями — как он [т.е. Август] называл латинские обычаи, — то есть они свободны от всяких принудительных общих представлений и не стеснены никакими писаными узаконениями. Таким образом, под прикрытием этих демократических названий они приобрели всю полноту политической власти, включая и царскую, и обладают ею без тягостного для всех её названия. Титулы же Цезаря и Августа не предоставляют им никакой особенной власти: один из них указывает на преемственность по происхождению, другой — на блестящее достоинство. Но имя отца [т.е. титул *pater patriae*] дало им вскоре над всеми нами такую власть, какую обычно отцы имеют над своими детьми, хотя первоначально это название было им дано не для власти, а в качестве почёта и наставления, чтобы они любили всех управляемых ими, как своих детей, и чтобы те почитали их, как отцов. Вот сколько существует должностей, и вот каковы их на звания, которыми пользуется власть на основании обычаев и согласно отечественным традициям. И теперь [т.е. в III в. н.э.] все они в большинстве случаев сразу предоставляются им, кроме цензуры; в древности же они давались на время и по мере того, как происходило избрание. А на первых порах некоторые императоры брали на себя и цензорскую должность: Домициан обладал ею в течение всей жизни. Но теперь этого уже не бывает. Даже те, кто исполняет обязан-

ности цензоров, на эту должность не избираются и не пользуются этим титулом, который встречается лишь в письменных документах.

№2 ДЯННЯ БОЖЕСТВЕННОГО АВГУСТА

«Дяння божественного Августа» в латинській і грецькій версіях відомі за написом з Анкари (Monumentum Ancyranum), відкритим в 1555 р. послами імператора Фердинанда II до султана Сулеймана. Вона була записана на стінах місцевого храму Риму і Августа, згодом перетвореного в мечеть. Іншим джерелом тексту «Дянь» є фрагменти грецького перекладу, знайдені в Аполлонії (Пісідія в Малій Азії). Там вони знаходилися на платформі, на якій були встановлені статуї Августа, Тіберія, Лівії, Германіка і Друза. Фрагменти латинського оригіналу виявлені також в Антіохії (Пісідія).

Деяний божественного Августа, котрими он земной круг власти римского народа покори́л, и пожертвованный, которые он сделал государству и римскому народу, вырезанных на двух бронзовых столбах, которые установлены в Риме, копия врученная.

1. Деятнадцати лет отроду по своему собственному решению и на собственные средства я подготовил войско, которым государство, угнетённое господством банды заговорщиков [т.е. сторонниками Марка Антония] освободил. За это сенат почётными постановлениями в свой состав меня включил, когда консулами были Гай Панса, Авл Гирций, дав также право подавать своё мнение вместе с консулярами, и дал мне *imperium* [т.е. военную власть]. Он мне в качестве пропрётора повелел вместе с консулами позаботиться, чтобы государство не потеряло какого-либо ущерба. Народ также в том же году избрал меня консулом, когда оба консула на войне погибли [в 43 г. до н.э.], и *триумвиром* для устройства государства.

2. Тех, кто убили моего отца, их я удалил в изгнание, в соответствии с законными приговорами суда совершив над ними месть, а после этого, когда они пошли войной на государство, дважды победил в сражении [в битве при Филиппах в 42 г. до н.э.].

3. Войны на суше и на море, гражданские и с внешними врагами, по всему земному кругу часто я вёл и, будучи победителем, всем гражданам, молившим о милости, я даровал пощаду. Чужеземные народы, которых безопасно можно было простить, я предпочитал сохранять, а не уничтожать. Тысяч римских граждан, приведённых к присяге мне, было почти пятьсот. Из них я вывел в колонии или оставил в их муниципиях, когда они отслужили, тысяч значительно более трехсот, и всех их наделил землями или деньгами наградил за военную службу. Кораблей я захватил шестьсот, кроме тех, которые были меньше трирем.

4. Дважды я торжественно вступил в Город с овалцией, трижды я совершал триумф на колеснице и был провозглашен двадцать один раз императором. Сенат многочисленные триумфы для меня постановлял, от которых всех я отказывался. Лавры с фасций я возлагал в Капитолии, выполняя обеты, которые творил во время каждой войны. За деяния, мною или моими легатами под моим началом на суше и на море счастливо совершённые, 55 раз постановлял сенат совершить моления бессмертным богам. А дней, когда по решению сената производились моления, было 890. В моих триумфах было проведено за моей колесницей царей или царских детей девять. Консулом я был 13 раз, когда я это писал, я был тридцать седьмой год обладателем трибунской власти.

5. Диктатуру, дававшуюся мне и в моё отсутствие, и в моём присутствии и народом, и сенатом, когда консулами были Марк Марцелл и Луций Аррунций, я не принял. Я не отказался при крайней недостатке пищи от заботы о продовольствии и этим так распорядился, что за немного дней все государство на свои средства и своею заботой от страха и существовавшей тогда опасности я освободил. Консульство, тогда мне предложенное, годичное и постоянное, я не принял.

6. Когда консулами были Марк Виниций и Квинт Лукреций, а потом Публий и Гней Лентулы и на третий раз Павел Фабий Максим и Квинт Туберон, по общему согласию сената и римского народа я был единственный избран попечителем законов и нравов с высшей властью. Никакой должности, дававшейся вопреки отеческим обычаям, я не принимал. То, что тогда сенат через меня совершить желал, я выполнил, пользуясь трибунской властью. И в самой этой должности коллегу сам по своей воле у сената просил и принимал.

7. Триумвиром для устройства государства я был непрерывно десять лет. Принцепсом [т.е. первоприсутствующим] в сенате я был до того дня, когда писал это, в течение сорока лет. Великим понтификом, авгуром, членом коллегии Пятнадцати для совершения священных церемоний, членом коллегии семи эпулонов, арвальским братом, членом коллегии Тициев, фециалом я был.

8. Число патрициев я увеличил, будучи консулом в пятый раз, по велению народа и сената. Сенатский список трижды я пересматривал. И в шестое консульство с коллегой Марком Агриппой я провел оценку имуществ народа. Перепись после промежутка в сорок два года я осуществил [в 28 г. до н.э.]. Во время этой переписи учтено было голов римских граждан 4 миллиона 63 тысячи. Тогда вторично, пользуясь консульской властью, я осуществил перепись единолично, когда консулами были Гай Цензорин и Гай Асиний. Во время этой переписи учтено было голов римских граждан 4 миллиона 233 тысячи. И в третий раз, пользуясь консульской властью, я совершил перепись с коллегой Тиберием и Цезарем, моим сыном, когда консулами были Секст Помпей и Секст Аппулей¹. Во время этой переписи учтено было голов римских граждан 4 миллиона 937 тысяч. Новыми законами, введенными по моей инициативе, многие примеры древних, забытые уже нашим веком, я вернул, и сам многих дел примеры, достойные подражания, потомкам передал.

9. Чтобы жертвоприношения по обету за моё здоровье творились консулами и жрецами каждые пять лет, сенат постановил. Из этих жертвоприношений часто устраивали при моей жизни игры, иногда великолепнейшая четырех жрецов коллегия, иногда консулы. Также частным образом и по муниципиям все граждане единодушно непрерывно во всех храмах за моё здоровье молились.

10. Моё имя по решению сената включено в Салический гимн, и священным чтобы я был навечно и, пока буду жить, чтобы трибунская власть была моею, законом было установлено. Великим понтификом я отказался стать вместо живого коллеги, когда народ подносил мне этот жреческий сан, который имел мой отец. Этот жреческий сан я принял несколько лет спустя, когда умер тот, кто им овладел, воспользовавшись волнениями граждан, причём со всей Италии на народное собрание для моего избрания собралось такое множество народа, какого, как рассказывают, никогда до этого времени не было, когда консулами были Публий Сульпиций, Гай Вальгий.

11. Алтарь Фортуны Возвратительницы против храма Чести и Доблести у Капенских ворот по поводу моего возвращения сенат посвятил, на котором приказал понтификам и девам-весталкам совершать ежегодное жертвоприношение в тот день, когда при консулах Квинте Лукреции и Марке Виниции в Город из Сирии я вернулся, и тот день Августалиями по нашему прозвищу он назвал.

12. По решению сената в то же время часть преторов и плебейских трибунов с консулом Квинтом Лукрецием и первенствующими мужами мне навстречу была послана в Кампанию, каковая почесть до того времени никому, кроме меня, не была по-

¹ Вторая перепись была проведена Августом в 8 г. до н.э., третья — в 14 г. н.э. (результаты её были опубликованы за 100 дней до смерти Августа).

становлена. Когда из Испании и Галлии, деяния в этих провинциях счастливо совершив, в Рим я вернулся, когда консулами были Тиберий Нерон, Публий Квинтилий, алтарь Мира Августа по поводу моего возвращения посвятить сенат определил, на котором магистратам и жрецам, и девам-весталкам совершать ежегодное жертвоприношение приказал.

13. Храм Януса-Квирина, который предки наши решались закрывать лишь после того, как во всей державе римского народа победами на суше и на море бывал упрочен мир, и который от основания города до моего рождения, как об этом хранится в памяти людей, закрывался всего дважды, за время моего управления по постановлению сената закрывался три раза¹...

15. Римскому плебсу, согласно завещанию моего отца, я роздал по 300 сестерциев на человека и от своего имени в пятое моё консульство я выдал по 400 сестерциев на человека из военной добычи; ещё раз в десятое свое консульство я отсчитал из собственного своего имущества по 400 сестерциев на человека в подарок и в одиннадцатое свое консульство я 12 раз раздавал продовольствие хлебом, купленным на мои частные средства, и когда я был в двенадцатый раз трибуном, я в третий раз роздал по 400 сестерциев на человека. Эти мои раздачи никогда не охватывали меньше 250 тыс. человек. Когда я был восемнадцатый раз трибуном и двенадцатый раз консулом, я роздал 320 тыс. городского плебса по 60 денариев на человека. В колониях моих солдат я в пятое моё консульство роздал из военной добычи по 1 тыс. сестерциев на человека; получили этот триумфальный подарок в колониях около 120 тыс. человек. В тринадцатое свое консульство я роздал по 60 денариев плебсу, который получал тогда государственный хлебный паёк. Таких было немного более 200 тыс. человек.

16. Деньги за земли, которыми я наделил солдат в четвертое моё консульство, а потом в консульство Марка Красса и Гнея Лентула, авгура, я уплатил муниципиям. Это составило сумму в 600 миллионов сестерциев, которую я отсчитал за земли в Италии, и сумму в 260 миллионов, которые я заплатил за земли в провинциях. Так поступил я первый и единственный из всех, кто на памяти моего века выводил колонии ветеранов в Италию или в провинции...

17. Четыре раза я своими частными средствами поддерживал государственное казначейство тем, что передал стоявшим во главе его 150 миллионов сестерциев. В консульство Марка Лепида и Луция Аррунтия в военное казначейство, которое было основано по моему совету, чтобы выдавать награды солдатам, прослужившим двадцать и более лет, я внёс из своего личного имущества, 170 миллионов сестерциев...

18. С того года, в который Гней и Публий Лентулы консулами были, когда недоставало доходов, иногда ста тысячам человек, иногда много большему числу продовольственные и денежные дары из своих закровов и своего наследия я раздавал.

19. Курию и примыкающий к ней Халкидик, и храм Аполлона на Палатине с портиками, храм божественного Юлия, Луперкал, портик при Фламиниевом цирке, который я позволил называть Октавиевым по имени того, кто прежний портик на этой земле построил, храм подле Великого Цирка, храм на Капитолии Юпитера Феретрия и Юпитера Громовержца, храм Квирина, храм Минервы и Юноны Царицы и Юпитера Освободителя на Авентине, храм Ларов на Святейшей Дороге, храм богов Пенатов в Велии, храм Юности, храм Великой Матери на Палатине я построил.

20. Капитолий и Помпеев театр, — то и другое предприятия, потребовавшие огромных затрат, — я перестроил без какой-либо надписи с моим именем. Водопроводы, во многих местах от старости пришедшие в негодность, я перестроил, и водопровод, который называется Марциевым, я удвоил, присоединив к его водоводу новый источник. Форум Юлиев и базилику, которая была между храмом Кастора и храмом Сатурна, работу, начатую и почти доведенную до конца моим отцом, я завершил, и ту же базилику, пожранную пожаром, расширив её территорию, надписав имя своих сыновей, я начал и, если бы при жизни я не завершил, приказал завершить моим наследникам. Восемьдесят два храма богов в Городе, будучи в шестой раз консулом, по постановлению сената я восстановил, ничего не упустив из того, что в то время должно было восстановить. Будучи в седьмой раз консулом, Фламиниеву дорогу от города Аримина я восстановил и все мосты, кроме Мульвиева и Муциниева.

21. На частной земле храм Марса Мстителя и Августов Форум на средства из добычи я построил. Театр у храма Аполлона на земле, большей частью купленной у частных лиц, я построил, чтобы под именем Марка Марцелла, моего зятя, он был. Дары из добычи на Капитолии и в храме божественного Юлия, и в храме Аполлона, и в храме Весты, и в храме Марса Мстителя я посвятил, что мне обошлось примерно в сто миллионов сестерциев. Золотые венки весом в тридцать пять тысяч фунтов муниципиям и колониям италийским, принесшим их к моим триумфам, будучи в пятый раз консулом, я вернул, и после этого каждый раз, когда меня провозглашали императором, золотые венки я не принимал, хотя муниципии и колонии постановляли с такою же благосклонностью, с какою и прежде постановляли.

22. Трижды гладиаторские игры я дал от моего имени и пять раз от имени моих сыновей и внуков, в каковых играх сражались около 10 тыс. человек. Дважды зрелище атлетов, отовсюду приглашённых, народу я представил от своего имени и в третий раз от имени моего внука. Игры я устраивал от моего имени четырежды, а через других магистратов двадцать три раза. За коллегия 15 мужей, будучи магистром коллегии и имея коллегой Марка Агриппу, Вековые игры, когда консулами были Гай Фурний, Гай Силан, я устроил. Будучи консулом в 13-й раз, Марсовы игры первым я устроил, которые после этого времени в последовавшие непосредственно затем годы по постановлению сената и закону устраивали консулы. Травли африканских зверей от моего имени или моих сыновей и внуков в цирке или на Форуме, или в амфитеатрах народу я дал двадцать шесть раз, для которых было доставлено зверей около 3 500.

23. Зрелище морского сражения народу я дал за Тибром, на каковом месте теперь роща находится Цезарей, выкопав землю в длину на 1800 футов, а в ширину на 1200. Там тридцать кораблей с таранами, триремы или биремы, множество также мелких судов между собой сражались. На этих судах бились, кроме гребцов, около 3 тыс. человек.

24. В храмы всех городов провинции Азии, будучи победителем, я вернул украшения, которыми, разграбив храмы, тот, с кем я вел войну, частным образом владел. Серебряных моих статуй, пеших, и конных, и на квадригах, стояло в Городе около восьмидесяти, каковые я сам удалил, и на эти деньги золотые дары в храме Аполлона от своего имени и тех, кто меня статуями почтил, я поставил.

25. Я очистил море от разбойников. В той борьбе с рабами, которые убежали от своих господ и взялись за оружие против республики, я, захватив почти 30 тыс. беглецов и передал их владельцам для предания казни². Вся Италия добровольно принесла мне присягу и потребовала, чтобы я был вождем в той войне, в которой я одержал победу при Акции. Такую же присягу принесли мне провинции Галлия, Испания, Африка, Сицилия и Сардиния.

26. Всех провинций римского народа, которых соседями были народы, которые не повиновались нашей власти, пределы я расширил. Галльские и испанские провинции и Германию, которые окружает Океан от Гадеса до устья Альбы-реки, я умиротво-

¹ Храм Януса-Квирина должен был быть открыт во время войны и закрыт во время мира. До Августа он закрывался на 43 года при легендарном Нуме Помпилии и на несколько дней в 235 г. до н.э., между Пуническими войнами; при Августе — в 29 и 25 гг. до н.э., третья дата неизвестна.

² Это относится к войне триумвиров с Секстом Помпеем, которая была окончена в 36 г. до н.э.

рил. Альпы от той области, к которой примыкает Адриатическое море, до Этрусского моря я умиротворил, ни с одним народом не ведя войны незаконно. Мой флот по Океану от устья Рена до области, где восходит солнце, вплоть до границ кимвров плавал, куда ни по суше, ни по морю ни один римлянин до этого времени не приходил. И кимвры, и хариды, и семноны, и той же местности другие германские народы через послов просили о дружбе моей и римского народа. По моему приказу и по моей воле были направлены два войска в одно примерно время в Эфиопию и в Аравию, которая называется Счастливой, и огромные обоих враждебных народов войска были перебиты в сражении, и множество городов было захвачено. В Эфиопии они дошли до города Напаты, с которым соседствует Мероз. В Аравии до пределов сабейцев прошагало войско, до города Мариба.

27. Египет власти римского народа я подчинил. Великую Армению, когда был убит её царь Артаксий, хотя я мог сделать провинцией, я предпочел, по примеру наших предков, это царство Тиграну, сыну царя Артавазда, внуку также царя Тиграна, через Тиберию Нерона передать, который тогда был моим пасынком. И этот же народ, после того отпавший и взбунтовавшийся, усмирённый Гаем, моим сыном, царю Ариобарзану, сыну царя мидян Артабаза, для царствования я передал, а после его смерти его сыну Артавазду. Когда он был убит, Тиграна, который происходил из царского армянского рода, в это царство я послал. Все провинции, что за Адриатическим морем простираются на восток, и Кирену, большей частью которых уже владели их цари, и, кроме того, Сицилию и Сардинию, охваченные рабской войной, я отвоевал.

28. Колонии воинов в Африку, Сицилию, Македонию, обе Испании, Ахайю, Азию, Сирию, Нарбоннскую Галлию, Писидию я вывел. В Италии также были выведены по моей воле 28 колоний, которые при моей жизни были славнейшими и многочисленнейшими.

29. Многочисленные военные знамена, утраченные другими вождями, победив врагов, я возвратил из Испании и Галлии и от далматинцев. Парфян трех римских войск доспехи и знамена отдать мне и, умоляя, просить о дружбе римского народа я принудил. А эти знамена в святилище, которое в храме Марса Мстителя, я, возвратив, поместил.

30. Племена паннонцев, до которых, пока я не стал *принцем* [т.е. первоприсутствующим] римского народа, римское войско никогда не доходило, побеждённые Тиберием Нероном, который тогда был моим пасынком и легатом, власти римского народа я подчинил и продвинул иллирийские пределы до берегов реки Данувия. Кроме этого, даков переправившееся войско по моей воле было побеждено и уничтожено, а потом приведенное за Данувий мое войско принудило племена даков переносить власть римского народа.

31. Ко мне из Индии царей посольства часто присылаются, никогда до этого времени не виданные ни при каком римском вожде. Нашу дружбу просили через послов бастарны и скифы, и цари сарматов, которые по ту и по эту сторону реки Танаиса, и царь албанцев и иберов, и мидян.

32. Ко мне с мольбами прибегали цари парфян Тиридат и потом Фраат, сын царя Фраата, мидян Артавазд, адиабенцев Артаксар, британцев Думнобеллавн и Тинкоммий, сугамбров Молон, маркоманнов, свевов... Ко мне царь парфян Фраат, сын Орода, своих сыновей и внуков всех послал в Италию, не будучи побеждённым в войне, но нашей дружбы прося, отдавая в залог своих детей¹. Многие другие народы испытали верность римского народа, когда я был *принцем* [т.е. первоприсутствующим], у которых прежде с римским народом не было никаких посольских и дружеских отношений.

33. От меня народы парфян и мидян получили царей, которых первенствующие этих народов через послов просили: парфяне Вонона, сына царя Фраата, внука царя Орода; мидяне Ариобарзана, сына царя Артавазда, внука царя Ариобарзана.

34. В шестое и седьмое консульство, после того как я потушил гражданские войны, пользуясь по всеобщему согласию высшей властью, я передал государство из своей власти в распоряжение сената и народа. За эту мою заслугу постановлением сената я был назван Августом [в 27 г. до н.э.], двери дома моего публично были украшены лаврами, и гражданский венок над моей дверью был закреплен, и в курии Юлия был поставлен золотой щит, подаренный мне, как об этом гласит надпись на нём, сенатом и римским народом за мужество, милосердие, справедливость и благочестие. После этого я превосходил всех своим авторитетом, власти же у меня было не более чем у тех, кто были моими коллегами по магистратуре.

35. Когда тринадцатое консульство я исполнял, сенат и всадническое сословие, и весь римский народ называли меня отцом отечества, и чтобы это было записано в вестибюле моего дома и в курии Юлиевой, и на Августовом Форуме под квадригами, которые мне по постановлению сената поставлены, указал. Когда я это писал, мне шел семьдесят шестой год.

№3

ГАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛЛ БОЖЕСТВЕННЫЙ АВГУСТ

20. Из внешних войн только две он вёл лично: далматскую — ещё юношей, и кантабрийскую — после поражения Антония... Остальные войны он поручал своим *легатам*, хотя при некоторых походах в Германии и Паннии присутствовал сам или находился неподалёку, выезжая для этого из столицы до Равенны, Медиолана или Аквилеи.

21. Так, частью под его начальством, частью под его наблюдением покорены были Кантабрия, Аквитания, Паннония, Далмация со всем Иллириком и далее — Ретия и альпийские племена винделиков и салассов. Он положил конец набегам даков, перебив трёх вождей их с огромным войском, оттеснил германцев за Альбий², а подчинившихся ему свевов и сигамбров³ перевёл в Галлию и поселил на полях близ Рейна. Другие беспокойные племена он также привёл к покорности...

23. Тяжёлые и позорные поражения испытал он только дважды, и оба раза в Германии: это были поражения Лоллия и Вара. Первое принесло больше позора⁴, чем урона, но второе было почти гибельным: оказались уничтожены три легиона с полководцем, легатами и всеми вспомогательными войсками. При вести об этом Август приказал расставить по городу караулы во избежание волнений; заместникам провинций он продлил власть, чтобы союзников держали в подчинении люди опытные и привычные; Юпитеру Благому и Величайшему он дал обет устроить великолепные игры, если положение государства улучшится, как делалось когда-то во время войн с *кимврами* и *марсами*⁵. И говорят, он до того был сокрушён, что несколько месяцев подряд не стриг

¹ Отправляя своих родственников заложниками в Рим, парфянский царь Фраат IV не столько выражал свою покорность, сколько избавлял себя от опасных претендентов на престол: это понимал ещё Страбон (XVI, 1, 28).

² Эльба, её переходили с войсками Друз в 10 г. до н.э., Домиций в 3 г. до н.э. и Тиберий в 5 г. н.э., но после поражения Вара в 9 г. н.э. римская граница опять отодвинулась к Рейну.

³ *Севы* — общее название большой группы германских племен; здесь имеется в виду племя *убиев*, переселённое Агриппой в 38 г. до н.э. из-за Рейна в окрестности ныне Кельна. *Сигамбры* были переселены Тиберием в 8 г. до н.э. на Маас в наказание за их победу над Лоллием.

⁴ *Позором* Лоллия была потеря знамени V легиона.

⁵ Война Рима с кимврами — 105-101 гг. до н.э., война с марсами («Союзническая») — 91-89 гг. до н.э.

волос и бороды и не раз бился головою о косяк, восклицая: «Квинтилий Вар, верни легионы!», а день поражения [2 августа 9 г. н.э.] каждый год отмечал трауром и скорбью.

24. В военном деле он ввёл много изменений и новшеств, а кое в чём восстановил и порядки старины. Дисциплину он подерживал с величайшей строгостью. Даже своим *легатам* он позволял свидания с жёнами только в зимнее время, да и то с большой неохотой. Римского всадника, который двум юношам-сыновьям отрубил большие пальцы рук, чтобы избавить их от военной службы, он приказал продать с торгов со всем его имуществом; но увидев, что его порываются купить откупщики¹, он присудил его своему вольноотпущеннику с тем, чтобы тот дал ему свободу, но отправил в дальние поместья. Десятый легион за непокорность он весь распустил с бесчестием. Другие легионы, которые неподобающим образом требовали отставки, он уволил без заслуженных наград. В когортах, отступивших перед врагом, он казнил каждого десятого, а остальных переводил на ячменный хлеб². Центурионов, а равно и рядовых, покинувших строй, он наказывал смертью, за остальные проступки налагал разного рода позорящие взыскания: например приказывал стоять целый день перед прёторской палаткой, иногда — в одной рубахе и при поясе, иной раз — с саженью или с дерновиной в руках³.

25. После гражданских войн он уже ни разу ни на сходке, ни в приказе не называл воинов «соратниками», а только «воинами», и не разрешал иного обращения ни сыновьям, ни пасынкам, когда они были военачальниками: он находил это слишком льстивым и для военных порядков, и для мирного времени, и для достоинства своего и своих ближних. Вольноотпущенников он принимал в войска только для охраны Рима от пожаров или от волнений при недостатке хлеба, а в остальных случаях всего два раза: в первый раз для укрепления колоний на иллирийской границе, во второй раз для защиты берега Рейна⁴. Но и этих он нанимал ещё рабами у самых богатых хозяев и хозяек и тотчас отпускал на волю, однако держал их под отдельным знаменем, не смешивал со свободнорожденными и вооружал по-особому. Из воинских наград он охотнее раздавал бляхи, цепи и всякие золотые и серебряные предметы, чем почётные венки за взятие стен и валов⁵: на них он был крайне скуп, и не раз присуждал их беспристрастно даже простым солдатам. Марка Агриппу после морской победы в Сицилии он пожаловал лазоревым знаменем⁶. Только триумфаторам, даже тем, кто сопровождал его в походах и участвовал в победах, он не считал возможным давать награды, так как они сами имели право их распределять по своему усмотрению...

28. О восстановлении республики⁷ он задумывался дважды: в первый раз — тотчас после победы над Антонием, когда ещё свежи были в памяти частые обвинения его, будто единственно из-за Октавия республика ещё не восстановлена; и во второй раз — после долгой и мучительной болезни, когда он даже вызвал к себе домой сенаторов и должностных лиц и передал им книги государственных дел. Однако, рассудив, что и ему опасно будет жить частным человеком, и республику было бы неразумно доверять своеволию многих правителей, он без колебания оставил власть за собой; и трудно сказать, что оказалось лучше, решение или его последствия. Об этом решении он не раз заявлял вслух, а в одном эдикте он свидетельствует о нём такими словами: «Итак, да будет мне дано установить государство на его основе целым и незыблемым, дабы я, пожиная желанные плоды этого свершения, почтительным творцом лучшего государственного устройства и при кончине унёс бы с собой надежду, что заложенные мною основания останутся непоколебимыми». И он выполнил свой обет, всеми силами стараясь, чтобы никто не мог пожаловаться на новый порядок вещей.

Вид столицы ещё не соответствовал величию державы, Рим ещё страдал от наводнений и пожаров. Он так отстроил город, что по праву гордился тем, что принял Рим кирпичным, а оставляет мраморным; и он сделал все, что может предвидеть человеческий разум, для безопасности города на будущие времена...

30. Весь город он разделил на округа и кварталы⁸, постановив, чтобы округами ведали по жребью должностные лица каждого года, а кварталами — старосты, избираемые из окрестных обывателей. Для охраны от пожаров он расставил посты и ввёл ночную стражу, для предотвращения наводнений расширил и очистил русло Тибра, за много лет занесенное мусором и суженное обвалами постройкой. Чтобы подступы к городу стали легче со всех сторон, он взялся укрепить Фламиниеву дорогу до самого Аримина⁹, а остальные дороги распределил между триумфаторами, чтобы те вымостили их на деньги от военной добычи. Священные постройки, рухнувшие от ветхости или уничтоженные пожарами, он восстановил и наравне с остальными украсил богатыми приношениями. Так, за один раз он принёс в дар святилищу Юпитера Капитолийского 16 тысяч фунтов золота¹⁰ и на 50 миллионов сестерциев жемчуга и драгоценных камней.

31. В сане великого понтифика — сан этот он принял только после смерти Лепида, не желая отнимать его при жизни, — он велел собрать отовсюду и сжечь все пророческие книги¹¹, греческие и латинские, ходившие в народе безымянно или под сомнительными именами, числом свыше двух тысяч. Сохранил он только Сивиллины книги, но и те с отбором; их он поместил в двух позолоченных ларцах под основанием храма Аполлона Палатинского.

Календарь, введённый божественным Юлием, но затем по небрежению пришедший в расстройство и беспорядок, он восстановил в прежнем виде; при этом преобразовании он предпочел назвать своим именем не сентябрь, месяц своего рождения, а секстилий, месяц своего первого консульства и славнейших побед¹². Он увеличил и количество жрецов, и почтение к ним, и льготы, в особенности для весталок¹³. Когда нужно было выбрать новую весталку на место умершей, и многие хлопотали, чтобы их дочери были освобождены от жребия, он торжественно поклялся, что если бы хоть одна из его внуков подходила для сана по возрасту, он сам предложил бы её в весталки. Он восстановил и некоторые древние обряды, пришедшие в забвение, например, гада-

¹ Откупщики, принадлежавшие к сословию всадников, хотели выкупить товарища, чтобы отпустить его на волю.

² Ячмень в походе давали вьючным животным, солдаты получали обычно пшеничный хлеб.

³ Пояс на тунике был знаком изнеженности; мерить землю саженью и таскать дёрн при постройке лагеря было делом рядовых солдат, а не центурионов.

⁴ Колонии иллирийские от границы (Эмона, Аквилея, Тергеста) нуждались в укреплении в годы паннонского восстания, для защиты берега Рейна — после поражения Вара в 9 г. н.э.

⁵ Легионер, первый взобравшийся на неприятельскую стену или вал, награждался золотым венком (corona muralis, corona vallaris).

⁶ Лазоревый цвет был символом морских побед; сам Секст Помпей в Сицилии носил лазоревый плащ.

⁷ Ср. официальное заявление Августа: «Республику из моей власти я передал в распоряжение сената и римского народа» (Деяния, 34).

⁸ Округов (regiones) в Риме стало 14, кварталов (vici) — 265.

⁹ Фламиниева военная дорога вела из Рима через Апеннины в долину По; Аримин — ныне Римини.

¹⁰ Главным образом, из египетской добычи. Храмы всегда считались лучшими казнохранилищами.

¹¹ Пророческие книги получили широкое хождение в смутное время гражданских войн; среди них были и списки Сивиллиных книг, подлинники которых хранились (по преданию, со времен Тарквиния Гордого) на Капитолии и погибли при пожаре 83 г. до н.э.

¹² Победы, одержанные в августе, — прежде всего, взятие Александрии в 30 г. до н.э.

¹³ Весталки выбирались в возрасте от 6 до 10 лет, служили богине, соблюдая обет девственности, в течение 30 лет, и после этого уже редко выходили замуж. Желавших отдать своих дочерей в весталки было так мало, что с 5 г. н.э. к этому сану стали допускаться и дочери вольноотпущенников.

ние о благе государства¹, жречество Юпитера², игры на луперкалиях, столетние торжества³, праздник перепутий⁴. На луперкалиях он запретил безусым юношам участвовать в беге, на столетних играх разрешил молодым людям обою пола присутствовать при ночных зрелищах не иначе как в сопровождении старших родственников. Ларов на перепутьях он повелел дважды в год украшать весенними и летними цветами.

После бессмертных богов он больше всего чтит память вождей, которые вознесли державу римского народа из ничтожества к величию. Поэтому памятники, ими оставленные, он восстановил с первоначальными надписями⁵, а в обоих портиках при своём форуме каждому из них поставил статую в триумфальном облачении, объявив эдиктом, что это он делает для того, чтобы и его, пока он жив, и всех правителей после него граждане побуждали бы брать пример с этих мужей. А напротив царского портика, что при театре Помпея, он поставил над мраморной аркою статую Помпея, перенёс её из той курии, где был убит Юлий Цезарь.

32. Общей погибелью были многие злые обычаи, укоренившиеся с привычкой к беззаконию гражданских войн или даже возникшие в мирное время. Немало разбойников бродили среди бела дня при оружии, будто бы для самозащиты; по полям хватали прохожих, не разбирая свободных и рабов, и заключали в эргастулы⁶ помещиков; под именем новых коллегий⁷ собирались многочисленные шайки, готовые на любые преступления. Против разбоев он расставил в удобных местах караулы, эргастулы обыскал, все коллегии, за исключением древних и дозволенных, распустил. Списки давних должников казны, дававшие больше всего поводов к нареканиям, он сжёг; спорные казённые участки в Риме уступил их держателям; затянувшиеся процессы, в которых унижение обвиняемых только тешило обвинителей, он прекратил, пригрозив равным взысканием⁸ за возобновление иска.

Чтобы никакое преступление или судебное дело не оставалось без наказания и не затягивалось, он оставил для разбирательств и те тридцать с лишним дней, которые магистраты посвящали играм⁹. К трем судебским декуриям он прибавил четвертую, низшего состояния, назвав этих судей «двухсотниками»¹⁰ и отдав им тяжбы о небольших суммах. Судей он назначал только с тридцати лет¹¹, то есть на пять лет раньше обычного. И лишь когда многие стали избегать судебской должности, он нехотя согласился, чтобы каждая декурия по очереди в течение года была свободна от дел, и чтобы в ноябре и декабре¹² обычных разбирательств вовсе не производилось...

34. Он пересмотрел старые законы и ввёл некоторые новые: например о роскоши, о прелюбодеянии и разврате, о подкупе, о порядке брака для всех сословий. Этот последний закон он хотел сделать ещё строже других, но бурное сопротивление вынудило его отменить или смягчить наказания, позволить трёхлетнее вдовство и увеличить награды¹³. Но и после этого однажды на всенародных играх всадники стали настойчиво требовать от него отмены закона; тогда он, подозвав сыновей Германика, на виду у всех посадил их к себе и к отцу на колени, знаками и взглядами убеждая народ не роптать и брать пример с молодого отца. А узнав, что некоторые обходят закон, обручаясь с несовершеннолетними или часто меняя жен, он сократил срок помолвки и ограничил разводы.

35. Сенат давно уже разросся и превратился в безобразную и беспорядочную толпу¹⁴ — в нём было больше тысячи членов, и среди них люди самые недостойные, принятые после смерти Цезаря по знакомству или за взятку, которых в народе называли «замогильными» сенаторами. Он вернул сенат к прежней численности и к прежнему блеску, дважды произведя пересмотр списков¹⁵: в первый раз выбор делали сами сенаторы, называя друг друга, во второй раз это делал он сам вместе с Агриппой. Говорят, что при этом он сидел на председательском кресле в панцире под одеждой и при оружии, а вокруг стояли десять самых сильных его друзей из сената; Кремуций Корд пишет, что и сенаторов к нему подпускали лишь поодиночке и обыскал. Некоторых он усостестил, так что они добровольно отреклись от звания, и даже после отречения он сохранил за ними сенаторское платье, место в оркестре на зрелищах и участие в общем обеде¹⁶. Чтобы избранные и утверждённые сенаторы несли свои обязанности с большим благоговением, он предписал каждому перед заседанием приносить жертву вином и ладаном на алтарь того бога, в храме которого происходило собрание; а чтобы эти обязанности не были обременительны, он постановил созывать очередные заседания сената лишь два раза в месяц, в календы и в иды, причём в сентябре и октябре¹⁷ достаточно было присутствия части сенаторов, выбранных по жребию для принятия постановлений. При себе он завел совет¹⁸, выбираемый по жребию на полгода: в нём он обсуждал дела перед тем, как представить их полному сенату. О делах особой важности он опрашивал сенаторов не по порядку и обычаю, а по своему усмотрению, словно затем, чтобы каждый был наготове и решал бы сам, а не присоединялся бы к мнению других.

36. Он установил и другие новшества: чтобы отчеты сената не обнародовались; чтобы должностные лица отправлялись в провинции не тотчас по сложении должности; чтобы наместникам отпускались деньги на мулов и палатки, тогда как раньше все это поставляли подрядчики; чтобы казною ведали не городские квесторы, а преторы и бывшие преторы; чтобы суд центумвиров созывали децемвиры¹⁹, а не бывшие квесторы, как раньше.

¹ Гадание о благе государства (salutis augurium) могло справляться только во время мира; Август справил его в 29 г. до н.э. впервые после победы над Катилиной.

² Жречество Юпитера оставалось вакантным с тех самых пор, как Сулла лишил этого сана подростка Цезаря (см.: Юл. 1).

³ Столетние торжества обычно справлялись каждые 100 лет, начиная с 509 г. до н.э.; Август отпраздновал их впервые после смуты гражданских войн, песнопение для праздника написал Гораций.

⁴ Праздник перепутий (ludi compitalicii) справлялся в честь богов ларов, покровителей перепутий; Август присоединил к их изображениям в святилищах собственные изображения.

⁵ Тогда как обычно при восстановлении древних памятников на них писалось имя восстановителя.

⁶ Эргастулы — казармы и тюрьмы для рабов в имениях.

⁷ Коллегии — профессиональные и религиозные союзы свободных граждан; древнейшие из них считались учрежденными Нумой.

⁸ Т.е. если обвинитель не мог доказать обвинения, он сам подвергался тому наказанию, которое грозило обвиненному.

⁹ Игры магистратов давались ими при вступлении в должность в дополнение к тем играм, которые устраивались в обычные и без того уже многочисленные праздничные дни.

¹⁰ От ценза в 200 тыс. сестерциев. Из трёх прежних судебных декурий одна была в свое время отменена Цезарем (Юл., 41), но потом восстановлена Антонием.

¹¹ По-видимому, ошибка Светония (или переписчика), так как судьи даже до Августа избирались с 25 лет.

¹² На ноябрь и декабрь приходилось особенно много праздников, в том числе Плебейские игры 4-17 ноября и Сатурналии 17-21 декабря.

¹³ Lex Julia de maritandis ordinibus 18 г. до н.э. был смягчен lege Papia Poppaea 9 г. н.э. В частности, первый закон требовал вступать в новый брак через год после вдовства и через полгода после развода, второй закон увеличил этот срок до 3 лет. Можно заметить, что сами законодатели Папий и Поппей не имели ни жён, ни детей.

¹⁴ Цезарь довёл число сенаторов до 900, «замогильных сенаторов» ввёл в сенат Антоний, желая усилить свою фракцию. Август восстановил прежнюю численность — 600 человек.

¹⁵ Пересмотр списков происходил не дважды, а трижды: в 28 г. до н.э. (с Агриппой), в 18 г. до н.э. (сенаторы выбирали друг друга) и в 4 г. н.э. (посредством *Shviri legendi senatus*, см. гл. 37).

¹⁶ Обиций обед сенаторов происходил по праздничным дням на Капитолии.

¹⁷ В сентябре и октябре воздух в Риме считался особенно нездоровым.

¹⁸ В совет при императоре входили оба консула, по одному из остальных магистратов, 12 сенаторов по жребию и предполагаемые наследники Августа.

¹⁹ Коллегия центумвиров (105 чел.) разбирала дела о римской собственности, коллегия децемвиров (*Xviri stlitibus iudicandis*) — о свободе, гражданстве и т.п.

37. Чтобы больше народу участвовало в управлении государством, он учредил новые должности: попечение об общественных постройках, о дорогах, о водопроводах, о русле Тибра, о распределении хлеба народу, городскую префектуру¹, комиссию триумвиров для выбора сенаторов и другую такую же комиссию — для проверки турм² всадников в случае необходимости. Впервые после долгого перерыва он назначил цензоров; число преторов он увеличил³; он требовал даже, чтобы ему позволено было и каждое своё консульство иметь двух товарищей вместо одного, но безуспешно: все стали кричать, что и так уже он умаляет своё достоинство тем, что занимает высшую должность не один, а с товарищем⁴.

38. Не скупился он и на почести за военные подвиги: более тридцати полководцев получили при нём полные триумфы, и ещё больше — триумфальные украшения⁵. Чтобы сыновья сенаторов раньше знакомились с государственными делами, он позволил им тотчас по совершеннолетию надевать сенаторскую тогу и присутствовать на заседаниях. Когда они вступали на военную службу, он назначал их не только трибунами легионов, но и префектами конницы⁶; а чтобы никто из них не миновал лагерной жизни, он обычно ставил их по двое над каждым конным отрядом...

40. Если на выборах в трибуны не доставало кандидатов сенаторского звания, он назначал их из всадников с тем, чтобы по истечении должностного срока они сами выбирали, в каком сословии оставаться. Так как многие всадники обеднели в гражданских войнах и не решались в театре садиться на всаднические места, опасаясь закона о зрелищах, он объявил, что наказанию не подлежат те, кто когда-нибудь владел или чьи родители владели всадническим состоянием.

Перепись народа он произвел по улицам. Чтобы народ не слишком часто отвлекался от дел из-за раздач хлеба, он велел было выдавать тессеры⁷ трижды в год на четыре месяца сразу, но по общему желанию ему пришлось возобновить прежний обычай ежемесячных раздач. В народном собрании он восстановил древний порядок выборов⁸, сурово наказывая за подкуп; в двух своих трибах, Фабианской и Скаптийской⁹, он в дни выборов раздавал из собственных средств по тысяче сестерциев каждому избирателю, чтобы они ничего уже не требовали от кандидатов.

Особенно важным считал он, чтобы римский народ оставался неиспорчен и чист от примеси чужеземной или рабской крови. Поэтому римское гражданство он жаловал очень скупой, а отпуск рабов на волю ограничил. Тиберий просил его о римском гражданстве для своего клиента-грека — он написал в ответ, что лишь тогда согласится на это, когда тот сам убедит его в законности своих притязаний. Ливия просила за одного галла из податного племени — он освободил его от подати, но отказал в гражданстве, заявив, что ему легче перенести убыток для его казны, чем унижение для чести римских граждан. А для рабов он поставил множество препятствий на пути к свободе и ещё больше — на пути к полноправной свободе [т.е. к гражданству]: он тщательно предусматривал и количество, и положение, и состояние отпускаемых, и особо постановил, чтобы раб, хоть раз побывавший в окопах или под пыткой, уже не мог получить гражданства ни при каком отпущении.

Даже одежду и платье он старался возродить древние. Увидев однажды в собрании толпу людей в темных плащах¹⁰, он воскликнул в негодовании: «Вот они — Рима сыны, владыки земли, облаченные в тогу!» [Вергилий, Энеида, I, 282] — и поручил эдилам позаботиться впредь, чтобы все, кто появляется на форуме и поблизости, снимали плащи и оставались в тогах.

41. Щедрость по отношению ко всем сословиям он при случае выказывал не раз. Так, когда в александрийском триумфе он привёз в Рим царские сокровища, то пустил в оборот столько монеты, что ссудные проценты сразу понизились¹¹, а цены на землю возросли; а впоследствии, когда у него бывал избыток денег от конфискации, он на время сужал их безвозмездно тем, кто мог предложить заклад на двойную сумму. Сенаторам он повысил ценз с восьми до двенадцати сотен тысяч сестерциев, а у кого такого состояния не оказалось, тем он сам его пополнил. Народу он то и дело раздавал денежные подарки, но не всегда одинаковые: то по четыреста, то по триста, а то и по двести пятьдесят сестерциев на человека; при этом он не обходил и малолетних, хотя обычно мальчики допускались к раздачам лишь с одиннадцати лет. При трудностях со снабжением он часто раздавал гражданам и хлеб по самой малой цене или даже даром, а денежные выдачи удваивал.

42. Однако при этом заботился он не о собственной славе, а об общем благе: это видно из того, что когда горожане стали жаловаться на недостаток и дороговизну вина, он унял их строгими словами: «Мой зять Агриппа достаточно построил водопроводов, чтобы никто не страдал от жажды!» В другой раз, когда народ стал требовать обещанных подарков, он ответил, что умеет держать свое слово; когда же толпа стала домогаться подарков не обещанных, он эдиктом выразил порицание её наглости и бесстыдству и объявил, что подарков не даст, хотя и собирался. Такую же твердость и достоинство обнаружил он, когда узнал, что после его обещания раздать подарки много рабов получило свободу и было внесено в списки граждан¹²: он заявил, что кому не было обещано, те ничего и не получают, а остальным дал меньше, чем обещал, чтобы общая сумма осталась прежней. Однажды во время сильного неурожая, от которого трудно было найти средства, он выселил из Рима всех работяг с их рабами и ланист¹³ с их гладиаторами, всех иноземцев, кроме врачей и учителей, и даже часть рабов. Когда же снабжение наладилось, он, по его собственным словам, собирался навсегда отменить хлебные выдачи¹⁴, так как из-за них приходило в упадок земледелие; но он оставил эту мысль, понимая, что рано или поздно какой-нибудь честолюбец снова мог бы их восстановить. Однако после этого он умерил выдачи так, чтобы соблазна выгоды не только горожан, но и землепашцев и зерноторговцев...

47. Из провинций он взял на себя те, которые были значительнее и управлять которыми годичным наместникам было трудно и небезопасно; остальные он отдал в управление проконсулам по жребию. Впрочем, некоторые он в случае надобности обменивал, а при объездах часто посещал и те и другие. Некоторые союзные города¹⁵, своеволием увлекаемые к гибели, он лишил сво-

¹ Должность городского префекта впервые была введена на время отъездов Августа из Рима (в 25 г. до н.э. она предлагалась Мессале, в 16 г. до н.э. её занимал Стабий Тавр) и затем стала постоянной.

² Турмы — конные отряды, на которые делилось всадническое сословие.

³ Август довел число преторов до 16.

⁴ Протест сената против введения должности третьего консула понятен: власть двух консулов при третьем консуле Августе неминуемо свелась бы к нулю.

⁵ Одежды триумфатора, лавровый венок, право на курульное кресло и статую. Их получали теперь победители-полководцы, тогда как честь «полного триумфа» переходила от них к императору.

⁶ Должность префекта конницы, начальника конного отряда при легионе, считалась выше, чем должность командира когорты.

⁷ Тессеры — жетоны на право получения хлеба (или других государственных раздач).

⁸ Древний порядок выборов должностных лиц нарушился при Цезаре и триумвирах, когда консулы часто назначались на несколько лет вперед без участия народного собрания.

⁹ К Фабианской трибе Август принадлежал по роду Юлиев, к Скаптийской — по роду Октавиев.

¹⁰ В темных плащах (vestis pulla) ходили бедняки, не имевшие средств на обычную белую тогу.

¹¹ По Диону, с 12 до 4%.

¹² Хозяин отпускал рабов и вносил их в списки граждан перед раздачей в расчёте на то, что, получив свою порцию, те уступят немалую её часть бывшему господину.

¹³ Ланисты — профессиональные содержатели гладиаторских школ, отдававшие своих гладиаторов напрокат для зрелищ.

¹⁴ Хлебные выдачи были введены в Риме при Гае Гракхе в 123 г. до н.э., и только Сулле удалось временно прекратить их.

¹⁵ Союзные города, лишённые свобод (за убийство нескольких римских граждан) в 20 г. до н.э. — Кизик, Тир и Сидон.

боды; другие города он или поддерживал в их долгах, или отстроил после землетрясения, или награждал латинским¹ или римским гражданством за заслуги перед римским народом. Как кажется, нет такой провинции, которую бы он не посетил, если не считать Африки и Сардинии: он и туда готовился переправиться из Сицилии после победы над Секстом Помпеем, но ему помешали сильные и непрерывные бури, а потом для этого уже не представилось ни времени, ни повода.

48. Царства², которыми он овладел по праву войны, он почти все или вернул прежним их властителям, или передал другим иноземцам. Союзных царей он связывал друг с другом взаимным родством, с радостью устраивая и поощряя их брачные и дружеские союзы. Он заботился о них, как о частях и членах единой державы, приставлял опекунов к малолетним или слабоумным, пока они не подрастут или не поправятся, а многих царских детей воспитывал или обучал вместе со своими.

49. Из военных сил легионы и вспомогательные войска он разместил по провинциям, один флот поставил у Мизена, а другой — у Равенны, для обороны Верхнего и Нижнего морей. Остальные отряды он отобрал отчасти для охраны столицы, отчасти — для своей собственной, так как сопровождавшую его калагурританскую стражу³ он распустил после победы над Антонием, а германскую — после поражения Вара. Однако он никогда не держал в Риме более трех когорт, да и то без укрепленного лагеря; остальные он обычно рассылал на зимние и летние квартиры в ближние города. Всем воинам, где бы они ни служили, он назначил единое жалование и награды, определив для каждого чины и сроки службы и пособие при отставке, чтобы после отставки ни возраст, ни бедность не побуждали их к мятежам. Чтобы средства для жалования и наград всегда были наготове, он учредил военную казну и обеспечил её за счет новых налогов⁴.

Желая быстрее и легче получать вести и сообщения о том, что происходит в каждой провинции, он сначала расположил по военным дорогам через небольшие промежутки молодых людей, а потом расставил и повозки, чтобы можно было в случае надобности лично расспросить тех гонцов, которые доставляли донесения прямо с мест.

50. Подорожные, бумаги и письма он первое время запечатывал изображением сфинкса, потом изображением Александра Великого, и наконец — своим собственным, резьбы Диоскурида; им продолжали в дальнейшем пользоваться и его преемники. В письмах он всегда точно помечал время их написания, указывая час дня и даже ночи...

52. ...Диктаторскую власть народ предлагал ему неотступно, но он на коленях, спустив с плеч тогу, обнажив грудь, умолял его от этого избавиться.

53. Имени «государь» (*dominus*)⁵ он всегда страшился как оскорбления и позора. Когда при нём на зрелищах мимический актер произнес со сцены: «О добрый, справедливый государь!» и все, вскочив с мест, разразились рукоплесканиями, словно речь шла о нём самом, он движением и взглядом тотчас унял непристойную лесть, а на следующий день выразил зрителям порицание в суровом эдикте. После этого он даже собственных детей и внуков не допускал ни в шутку, ни всерьёз называть его господином, и даже между собой запретил им пользоваться этим лестным обращением. Не случайно он старался вступать и выступать из каждого города и городка только вечером или ночью, чтобы никого не беспокоить приветствиями и напутствиями. Когда он бывал консулом, то обычно передвигался пешком, когда не был консулом — в закрытых носилках. К общим утренним приветствиям он допускал и простой народ, принимал от него прошения с необычайной ласковостью: одному оробевшему просителю он даже сказал в шутку, что тот подает ему просьбу, словно грош слону. Сенаторов в дни заседаний он приветствовал только в курии на их местах, к каждому обращаясь по имени, без напоминания⁶; даже уходя и прощаясь, он не заставлял их вставать с места. Со многими он был знаком домами и не переставал бывать на семейных праздниках, пока однажды в старости не утомился слишком сильно на чьей-то помолвке...

54. Однажды в сенате во время его речи кто-то сказал: «Не понимаю!», — а другой: «Я бы тебе возразил, будь это возможно!» Не раз, возмущенный жестокими спорами сенаторов, он покидал курию; ему кричали вслед: «Нельзя запрещать сенаторам рассуждать о государственных делах!» При пересмотре списков, когда сенаторы выбирали друг друга, Антистий Лабееон подал голос за жившего в ссылке Марка Лепида, давнего врага Августа, и на вопрос Августа, неужели не нашлось никого достойнее, ответил: «У каждого свое мнение»⁷. И все-таки за вольные или строптивые речи от него никто не пострадал.

55. Даже подметные письма, разбросанные в курии, его не смутили: он обстоятельно их опроверг и, не разыскивая даже сочинителей, постановил только впредь привлекать к ответу тех, кто распространяет под чужим именем порочащие кого-нибудь стихи или письма.

56. В ответ на задевавшие его дерзкие или злобные шутки он также издал эдикт; однако принимать меры против вольных высказываний в завещаниях⁸ он запретил. Присутствуя на выборах должностных лиц, он всякий раз обходил трибы со своими кандидатами и просил за них по старинному обычаю. Он и сам подавал голос в своей трибе, как простой гражданин. Выступая свидетелем в суде, он терпел допросы и возражения с редким спокойствием. Он уменьшил ширину своего форума, не решаясь выселить владельцев из соседних домов. Представляя вниманию народа своих сыновей, он всякий раз прибавлял: «Если они того заслужат». Когда перед ними, ещё подростками, встал и разразился рукоплесканиями целый театр, он был этим очень недоволен. Друзей своих он хотел видеть сильными и влиятельными в государственных делах, но при тех же правах и в ответе перед теми же судебными законами, что и прочие граждане...

58. Имя отца отечества [*pater patriae*]⁹ было поднесено ему всем народом, внезапно и единодушно. Первыми это сделали плебеи, отправив к нему посольство в Анций, а после его отказа — приветствуя его в Риме при входе в театр, огромной толпой в лавровых венках; вслед за ними и сенат высказал свою волю, но не в декрете и не общим криком, а в выступлении Валерия Мессалы. По общему поручению он сказал так: «Да сопутствует счастье и удача¹⁰ тебе и дому твоему, Цезарь Август! Такими словами молимся мы о вековечном благоденствии и ликовании всего государства: ныне сенат в согласии с римским народом поздрав-

¹ Латинское гражданство было ограниченной формой римского гражданства: оно не давало права жителям общины избирать или быть избранным в Риме, но те, кто занимал в своей общине должностные посты, получали полное римское гражданство.

² Речь идет о *царствах* во Фракии, Малой Азии, Сирии, Иудее. Среди царских детей, воспитывавшихся в Риме, был, например, Ирод Агриппа, внук Ирода Великого.

³ Из испанского городка Калагуррис.

⁴ Военная казна была основана в 6 г. и пополнялась налогами на наследство и на распродажи.

⁵ Слово «*государь*» (*dominus*) предполагало отношения, подобные отношениям рабов к хозяину. В обращении к императору оно стало общепринятым лишь во времена Траяна.

⁶ Т.е. без услуг номенклатора*.

⁷ По Диону (54, 15), Август грозил Лабееону наказанием, тот ответил: «Почему я не могу оставить сенатором того, кого ты оставил понтификом?»

⁸ В завещаниях римляне часто свободно высказывали о лицах и событиях такие мнения, которые могли быть опасны при жизни. «Только раз в жизни римляне бывают искренни — в своих завещаниях», — писал Лукиан (Нигрин, 30).

⁹ До Августа имя отца отечества носили Цицерон после разоблачения и подавления заговора Катилины и Цезарь после битвы при Мунде: оно считалось высшим почётом, и даже императоры не все принимали его вплоть до Флавиев (69-96 гг.).

¹⁰ Обычное начало консульских выступлений перед сенатом, измененное Мессалой применительно к случаю.

ляет тебя отцом отечества». Август со слезами на глазах отвечал ему такими словами: привожу их в точности, как и слова Мессалы: «Достигнув исполнения моих желаний, о чём ещё могу я молить бессмертных богов, отцы сенаторы, как не о том, чтобы это ваше единодушие сопровождало меня до скончания жизни!»...

62. Помолвлен он был ещё в юности с дочерью Публия Сервилия Исаврика. Однако после первого примирения с Антонием, когда их воины потребовали, чтобы оба полководца вступили в родственную связь, он взял в жены Клавдию, падчерицу Антония, дочь Фульвии от Публия Клодия, хотя она едва достигла брачного возраста; но, поссорившись со своей тещей Фульвией, он, не тронув жены, отпустил её девственницей. Вскоре он женился на Скрибонии¹, которая уже была замужем за двумя консулярами и от одного имела детей; но и с нею он развелся, «устав от её дурного нрава», как он сам пишет. После этого он тотчас вступил в брак с Ливией Друзиллой, которую беременной отнял у её мужа Тиберия Нерона; и её... любил и почитал до самой смерти.

63. От Скрибонии у него родилась дочь Юлия, от Ливии он детей не имел, хотя больше всего мечтал об этом; зачатый ею младенец родился преждевременно. Юлию он выдал сперва за Марцелла, сына своей сестры, когда тот едва вышел из детского возраста²; после его смерти — за Марка Агриппу, уговорив сестру уступить ему зятя, так как Агриппа уже был женат на одной из сестер Марцелла и имел от неё детей; а когда и Агриппа умер, он долго искал для дочери мужа даже среди всаднического сословия и наконец выбрал ей супругом своего пасынка Тиберия, заставив его развестись с женою, беременной уже вторым ребенком. Марк Антоний пишет, что сперва Юлия была обручена с его сыном Антонием, а потом — с гетским царем Котизоном³, и тогда же сам Октавий за это просил себе в жены царскую дочь.

64. Внуков он имел от Агриппы троих — Гая, Луция и Агриппу; внучек — двоих, Юлию и Агриппину. Юлию он выдал за Луция Павла, сына цензора, Агриппину — за Германика, внука своей сестры. Гая и Луция он усыновил, купив их у Агриппы по древнему обычаю⁴: их он с детства приблизил к государственным делам и посылал в провинции и к войскам как назначенных консулов⁵. Дочь и внучек он воспитывал так, что они умели даже прясть шерсть⁶; он запрещал им всё, чего нельзя было сказать или сделать открыто, записав в домашний дневник; и он так оберегал их от встреч с посторонними, что Луция Виниция, юношу знатного и достойного, он письменно упрекнул в нескромности за то, что в Байях он подошёл приветствовать его дочь. Внуков он обычно сам обучал и читать, и плавать, и другим начальным знаниям, в особенности стараясь, чтобы они перенимали его почерк. Когда он обедал, они всегда сидели при нём на нижнем ложе⁷, а когда он путешествовал, они ехали впереди в повозке или скакали по сторонам.

65. Но среди этих радостей и надежд на процветание и добронравие потомства счастье вдруг его покинуло. Обоих Юлий, дочь и внучку, запятнанных всеми пороками, ему пришлось сослать⁸. Гая и Луция он потерял одного за другим через 18 месяцев — Гай скончался в Ликий, Луций — в Массилии. Он усыновил на форуме перед собранием курий⁹ своего третьего внука Агриппу и пасынка Тиберия — но от Агриппы за его низкий и жестокий нрав он вскоре отрёкся и сослал его в Соррент. Смерть близких была ему не так тяжела, как их позор. Участь Гая и Луция не надломила его; но о дочери он доложил в сенате лишь заочно, в послании, зачитанном квестором, и после этого долго, терзаясь стыдом, сторонился людей и подумывал даже, не казнить ли её¹⁰. По крайней мере, когда около этого времени повесилась одна из её сообщниц, вольноотпущенница Феба, он сказал, что лучше бы ему быть отцом Фебы. Сосланной Юлии он запретил давать вино и предоставлять малейшие удобства; он не подпускал к ней ни раба, ни свободного без своего ведома, и всегда в точности узнавал, какого тот возраста, роста, вида, и даже какие у него телесные приметы или шрамы. Только пять лет спустя он перевел её с острова на материк и немного смягчил условия ссылки; но о том, чтобы совсем её простить, бесполезно было его умолять. В ответ на частые и настойчивые просьбы римского народа он только пожелал всему собранию таких же жён и таких же дочерей. Ребёнка, родившегося у младшей Юлии после её осуждения, он не захотел ни признавать, ни воспитывать. Агриппу, который не становился мягче и с каждым днём всё более терял рассудок, он перевёз на остров и, сверх того, заключил под стражу; особым сенатским постановлением он приказал безбрачному жить и бездетному сгинуть!¹¹ — и называл их не иначе, как тремя своими болячками и язвами...

84. Красноречием и благородными науками он с юных лет занимался с охотой... В Мутинской войне среди всех своих забот он... каждый день находил время и читать, и писать, и декламировать. ...Он и впоследствии никогда не говорил ни перед сенатом, ни перед народом, ни перед войском, не обдумав и не сочинив свою речь заранее, хотя не лишен был способности говорить и без подготовки. А чтобы не полагаться на память и не тратить времени на заучивание, он первый стал все произносить по написанному. Даже частные беседы, даже разговоры со своей Ливией в важных случаях он набрасывал заранее и держался своей записки, чтобы не сказать по ошибке слишком мало или слишком много. Выговор у него был мягкий и своеобразный, он постоянно занимался с учителем произношения; но иногда у него болело горло, и он обращался к народу через глашатая.

№4 ПУБЛИЙ КОРНЕЛИЙ ТАЦИТ АННАЛИ, I, 2-4

Публій Корнелій Тацит (54-123) — видатний римський історик, автор невеликих творів «Бесіда про ораторів», «Агрикола», «Германія» і двох монументальних історичних праць: «Історія» у 12 книгах (з яких до нас дійшли тільки перші п'ять книг) і «Аннали» у 18 книгах (збереглися книги 1-4, 6, 11-16). Життя Тацита протікало в один із самих напружених періодів історії імператорського Риму. Він народився за Нерона і в юні роки став свідком боротьби за владу Оттона, Віт-

¹ Брак Августа со Скрибонией также был вызван политическим расчётом: он должен был скрепить мир Августа с Секстом Помпеем, женатым на племяннице Скрибонии. Август развелся с женой в самый день рождения дочери Юлии.

² Марцеллу в 25 г. было 18 лет; он умер через два года.

³ С Котизоном Август контактировал около 35 г. до н.э., когда искал его союза против иллирийцев.

⁴ *Per assem et libram*: при этой форме усыновления усыновляющий в присутствии пяти свидетелей перед отцом ребенка трижды ударял монетой по весам, произнося: «Заявляю, что по квинтскому праву этот человек мой», отголосок древнего закона XII таблиц, говорившего, что сын, трижды проданный отцом, выходит из-под его власти.

⁵ Гай был послан с проконсульской властью на Восток против парфян, Луций — в Испанию; в этих поездках они и умерли.

⁶ Традиционная добродетель римской женщины (*lanifica*).

⁷ Сидели за столом обычно только дети, между тем как взрослые возлежали.

⁸ Юлия Старшая была сослана на остров Пандатерию близ Кампании и потом переведена в Регий, Юлия Младшая — на остров Тримерий в Адриатике, Агриппа Постум — сперва в Соррент, а потом на остров Планасию близ Эльбы.

⁹ Другая форма усыновления, применявшаяся тогда, когда усыновляемый был уже взрослым и самостоятельным человеком.

¹⁰ Казнить дочь за прелюбодеяние было древним правом отца, восстановленным Августом. Любовник Юлии, Юл Антоний, покончил самоубийством.

¹¹ Илиада, III, 40, слова Гектора Парису (в подлиннике: «Лучше б тебе...»).

теля і Гальби. Видних державних посад Тацит досяг при Флавіях, був сучасником нової зміни династії при Нерві, епохи Траяна, повної воєни і перемог римської зброї, і початку правління Адріана, покровителя мистецтв і еллінської освіченості. Непередбачені повороти історії сформували в Тацита ставлення до неї як до великого драматичного дійства і надали його працям трагічного звучання. Тацит пише «про часи, повні нещастя і жорстоких битв, смут і конфліктів, про часи дикі і шалені навіть в мирну пору» («Історія» I, 2.1). Йому очевидний крах основ римського суспільства, падіння нравів, пограння свобод, загальна байдужність до долі держави. В імператорську епоху змістом історії стає боротьба за владу, тому рух подій Тацит передає через зіткнення характерів. Історик вважає, що «золотий вік» залишився в минулому, і відчуває свою самотність у світі, де втрачене саме розуміння старожитніх «римських ідеалів», далеких епосі, в якій він жив і творив.

2. Когда после гибели Брута и Кассия [в 42 г. до н.э.] республиканское войско перестало существовать и когда Помпей был разбит у Сицилии [в 36 г. до н.э., в битвах при Милах и Навлохе], отстранён от дел Лепид¹, умер Антоний², не осталось и у юлианской партии³ другого вождя, кроме Цезаря, который, отказавшись от звания триумвира, именуя себя консулом и якобы довольствуясь трибунской властью для защиты прав простого народа⁴, сначала покорил своими щедротами воинов, раздачами хлеба — толпу и всех вместе — сладостными благами мира, а затем, набираясь... силы, начал подменять собою сенат, магистратов и законы, не встречая в этом противодействия, так как наиболее непримиримые пали в сражениях и от проскрипций*, а остальные из знати, осыпанные им в меру их готовности к раболепию богатством и почестями и возвысившиеся благодаря новым порядкам, предпочитали безопасное настоящее исполненному опасностей прошлому. Не тяготились новым положением дел и провинции: ведь по причине соперничества знати и алчности магистратов доверие к власти, которой располагали сенат и народ, было подорвано, и законы, нарушаемые насильем, происками, наконец подкупом, ни для кого не были надёжной защитой.

3. И вот Август, стремясь упрочить своё господство, возвеличил Клавдия Марцелла, ещё совсем юного сына своей сестры, сделав его верховным жрецом, а также курульным эдилом⁵, и Марка Агриппу, родом незнатного, но хорошего полководца, разделявшего с ним славу победы, — предоставляя ему консульство два года сряду [в 28 и 27 гг. до н.э.] и позднее, после кончины Марцелла, взяв его в зятя. Своих пасынков Тиберия Нерона и Клавдия Друза⁶ он наделил императорским титулом, хотя все его дети были тогда ещё живы. Ведь он принял в род Цезарей⁷ сыновей Агриппы, Гая и Луция, и страстно желал, чтобы они, ещё не снявшие отроческую претексту⁸, были провозглашены главами молодежи⁹ и наперёд избраны консулами, хотя по видимости и противился этому. После того как Агриппы не стало, Луция Цезаря, направлявшегося к испанским войскам, и Гая, возвращавшегося из Армении с изнурительной раной, унесла смерть, ускоренная судьбой или кознями махеи Ливии, а Друз умер ещё ранее, Нерон остался единственным пасынком принцепса. Все внимание теперь устремляется на него одного. Август усыновляет его, берёт себе в соправители, делит с ним трибунскую власть; и уже не в силу тёмных происков Ливии, как прежде, — теперь его открыто почитают и превозносят во всех войсках. Более того, Ливия так подчинила себе престарелого Августа, что тот выслал на остров Планазию единственного своего внука Агриппу Постума, молодого человека с большой телесной силой, буйного и неотёсанного, однако не уличённого ни в каком преступлении. Правда, во главе восьми легионов на Рейне Август всё же поставил сына Друза — Германика и приказал Тиберию усыновить его: хотя у Тиберия был родной сын юношеского возраста, представлялось желательным укрепить семью дополнительной опорой. Войны в эти годы не было, за исключением войны против германцев, продолжавшейся скорее для того, чтобы смыть позор поражения и гибели целого войска вместе с Квинтилием Варом, чем из стремления распространить римскую власть или ради захвата богатой добычи. Внутри страны всё было спокойно, те же неизменные наименования должностных лиц; кто был помоложе, родился после битвы при Акции, даже старики, и те большей частью — во время гражданских войн¹⁰. Много ли ещё оставалось тех, кто своими глазами видел республику?

4. Итак, основы государственного порядка претерпели глубокое изменение, и от общественных установлений старого времени нигде ничего не осталось. Забыв о ещё недавнем всеобщем равенстве, все наперобой ловили приказания принцепса; настоящее не породило опасений, покада Август... деятельно заботился о поддержании своей власти, целостности своей семьи и гражданского мира. Когда же в преклонном возрасте его начали томить недуги и телесные немощи и стал приближаться его конец, пробудились надежды на перемены и некоторые принялись толковать... о благах свободы, весьма многие опасались гражданской войны, иные — желали её. Большинство, однако, на все лады разбирало тех, кто мог стать их властелином: Агриппа — жесток, раздражён нанесённым ему бесчестием и ни по летам, ни по малой опытности в делах непригоден к тому, чтобы выдержать такое бремя; Тиберий Нерон — зрел годами, испытан в военном деле, но одержим присущей роду Клавдиев надменностью, и часто у него прорываются, хотя и подавляемые, проявления жестокости...

II. ПРИНЦИПАТ ЮЛІЇВ-КЛАВДІЇВ (14-68 pp.)

№1 ТИБЕРІЙ (14-37 pp.)

(Публій Корнелій Тацит, *Аннали*, I)

10. ...Тиберія [Август] назначил своим преемником не из любви к нему или из заботы о государстве, но потому, что, заметив в нём заносчивость и жестокость, искал для себя славы от сравнения с тем, кто был много хуже. Ведь несколько лет назад,

¹ Вызванный со своим войском для борьбы с Секстом Помпеем, Лепид после разгрома Помпея в 36 г. до н.э. сделал попытку захватить Сицилию, но был нейтрализован Октавианом.

² Антоний покончил самоубийством в 30 г. до н.э.

³ *Юлианской партией* Тацит называет партию сторонников Юлия Цезаря, вступивших после его убийства в длительную борьбу с республиканцами.

⁴ Октавиан получил пожизненную трибунскую власть в 36 г. до н.э., после победы над Секстом Помпеем; с 23 г. до н.э. трибунская власть стала обозначаться и в его титулатуре.

⁵ *Эдилы* ведали устройством зрелищ, городским благоустройством, наблюдали за состоянием общественных зданий, осуществляли полицейский надзор. С 493 г. до н.э. в г. Риме было 2 народных эдила, в 367 г. до н.э. прибавилось ещё 2 курульных эдила, в 46 г. до н.э. — ещё 2, обеспечивавших продовольственное снабжение города. На *курульных эдилов* возлагался главным образом полицейский надзор. Курульными они назывались из-за того, что им, наравне с консулами и преторами, была присвоена привилегия отправлять свои обязанности, сидя в выложенном слоновою костью, а также металлическом складном кресле.

⁶ Т.е. будущего императора Тиберия (14-37 гг.) и его младшего брата полководца Друза Старшего.

⁷ Со времени Октавиана, внучатого племянника и приёмного сына Юлия Цезаря, римские императоры называли себя и своих сыновей (преимущественно наследников) Цезарями. Таким образом, наименование одной из ветвей рода Юлиев превратилось в конце концов в титул.

⁸ Тогу *претексту* носили мальчики свободных сословий до 16-летнего возраста.

⁹ Первый в списке всадников; в императорскую эпоху главами молодежи были сыновья императора, наследники престола.

¹⁰ Битва при Акции произошла в 31 г. до н.э.; гражданские войны — после убийства Юлия Цезаря (44 г. до н.э.). Таким образом, характеризуя состояние Римского государства при Августе, Тацит имеет в виду последние годы его правления.

требуя от сенаторов, чтобы они снова предоставили Тиберию трибунскую власть [в 9 г. н.э.], Август, хотя речь его и была хвалебною, обронил кое-что относительно осанки, образа жизни и нравов Тиберия, в чём под видом извинения заключалось порицание...

15. Тогда впервые избирать должностных лиц стали сенаторы, а не собрания граждан на Марсовом поле, ибо до этого, хотя все наиболее важное вершилось по усмотрению принцепса, кое-что делалось и по настоянию триб. И народ, если не считать легкого ропота, не жаловался на то, что у него отняли исконное право, да и сенаторы, избавленные от щедрых раздач и унижительных домогательств, охотно приняли это новшество, причем Тиберий взял на себя обязательство ограничиться выдвижением не более четырех кандидатов, которые, впрочем, не подлежали отводу и избрание которых было предреждено...

16. Таково было положение дел в городе Рима, когда в легионах, стоявших в Паннонии, внезапно вспыхнул мятеж, без каких-либо новых причин, кроме того, что смена принцепса открывала путь к своеволию и беспорядкам и порождала надежду на добычу в междоусобной войне. В летнем лагере размещались вместе три легиона, находившиеся под командованием Юния Блеза. Узнав о кончине Августа и о переходе власти к Тиберию, он в ознаменование траура освободил воинов от несения обычных обязанностей. Это повело к тому, что воины распустились, начали бунтовать, прислушиваться к речам всякого негодя и в конце концов стали стремиться к праздности и роскошной жизни, пренебрегая дисциплиною и трудом. Был в лагере некий Перценний, в прошлом глава театральных клакеров, затем рядовой воин, бойкий на язык и умевший благодаря своему театральному опыту распалить сборища. Людей бесхитростных и любопытствовавших, какой после Августа будет военная служба, он исподволь разжигал в ночных разговорах или, когда день склонялся к закату, собирая вокруг себя... неустойчивых и недовольных.

17. Наконец, когда они были уже подготовлены и у него явились сообщники, подстрекавшие воинов к мятежу, он принялся спрашивать их, словно выступая перед народным собранием, почему они с рабской покорностью повинуются немногим центурионам и трибунам, которых и того меньше. Когда же они осмелятся потребовать для себя облегчения, если не сделают этого безотлагательно, добиваясь своего просьбами или оружием от нового и ещё не вставшего на ноги принцепса? Довольно они столь долгие годы потворствовали своей нерешительностью тому, чтобы их, уже совсем одряхлевших, и притом очень многих с изуверченными ранами телом, заставляли служить по 30, а то и по 40 лет. Но и уволенные в отставку не освобождаются от несения службы: перечисленные в разряд *вексиллариев*¹, они под другим названием претерпевают те же лишения и невзгоды. А если кто, несмотря на столько превратностей, всё-таки выживет, его гонят к тому же чуть ли не на край света, где под видом земельных угодий он получает болотистую трясиину или бесплодные камни в горах. Да и сама военная служба — тяжёлая, ничего не дающая: душа и тело оцениваются 10 ассами в день: на них же приходится покупать оружие, одежду, палатки, ими же откупаться от свирепости центурионов, ими же покупать у них освобождение от работ. ...Побои и раны, суровые зимы, изнуряющее трудами лето, беспощадная война и не приносящий им никаких выгод мир — вот их вечный удел. Единственное, что может улучшить их положение, — это служба на определённых условиях, а именно: чтобы им платили по *денарию*² в день, чтобы после 16-летнего пребывания в войске их увольняли, чтобы, сверх этого, не удерживали в качестве *вексиллариев* и чтобы вознаграждение отслужившим свой срок выдавалось тут же на месте и только наличными³. Или воины преторианских когорт, которые получают по 2 денария в день и по истечении 16 лет расходятся по домам, подвергаются большим опасностям? Он не хочет выражать пренебрежение к тем, кто охраняет столицу; но ведь сами они, пребывая среди диких племен, видят врагов тут же за порогом палаток...

20. Между тем манийулы, ещё до того, как разразился мятеж, отправленные в Навпорт для починки дорог и мостов и ради других надобностей, узнав о беспорядках в лагере, повернули назад и разграбили ближние деревни и самый Навпорт, имевший положение муниципия; на центурионов, старавшихся удержать их от этого, они сначала обрушили насмешки и оскорбления, а под конец и побои, причем их озлобление в особенности излилось на префекта лагеря Авфидиена Руфа, которого они стащили с повозки и, нагрузив поклажею, погнали перед собой, издевательски спрашивая, нравится ли ему столь непомерный груз и столь длинный путь. Дело в том, что Руф, сначала рядовой воин, затем центурион и, наконец, префект лагеря, насаждал старинную суровую дисциплину и, состарившись среди трудов и лишений, был тем беспощаднее, что сам в свое время все это испытал на себе.

21. С их прибытием мятеж возобновляется с новою силой, и, разбредясь в разные стороны, бунтовщики принимаются грабить окрестности...

23. [Бунтовщики] прогнали трибунов и префекта лагеря, разграбили личные вещи бежавших и убили центуриона Луцилия, которого солдатское острословие отметило прозвищем «Давай другую», ибо, сломав лозу о спину избиваемого им воина, он зычным голосом требовал, чтобы ему дали другую и ещё раз другую...

31. Почти в те же самые дни и по тем же причинам взбунтовались и германские легионы, и тем более бурно, чем они были многочисленнее... Начало возмущению было положено XXI и V легионами, увлечшими за собою I и XX, которые, размещаясь в том же летнем лагере, в пределах убиив, пребывали в праздности или несли необременительные обязанности. Так, прослышав о смерти Августа, многие из пополнения, прибывшего после недавно произведенного в Риме набора, привыкшие к разнузданности, испытывающие отвращение к воинским трудам, принялись мутить бесхитростные умы остальных, внушая им, что пришло время, когда ветераны могут потребовать своевременного увольнения, молодые — прибавки жалованья, все вместе — чтобы был положен конец их мучениям, и когда можно отомстить центурионам за их жестокость. И все это говорил не кто-либо один, как Перценний среди паннонских легионов, и не перед боязливо слушающими воинами, оглядывавшимися на другие, более могущественные войска; здесь мятеж располагал множеством уст и голосов, постоянно твердивших, что в их руках судьба Рима, что государство расширяет свои пределы благодаря их победам и что их именем нарекаются полководцы⁴.

32. И легат не воспротивился этому: безумие большинства лишило его твердости. Внезапно бунтовщики, обнажив мечи, бросаются на центурионов: они издавна ненавистны воинам и на них прежде всего обрушивается их ярость. Поверженных наземь восставшие избивают плетьюми, по шестидесяти каждого, чтобы сравняться числом с центурионами в легионе⁵; затем, подхватив изуверченных, а частью и бездыханных, они кидают их перед валом или в реку Рейн...

33. Весть о кончине Августа застала Германика в Галлии... Он был сыном Друза, брата Тиберия, и внуком Августа, и всё же его постоянно тревожила скрытая неприязнь дяди и бабки... Римский народ чтит память Друза, и считалось, что если бы он завладел властью, то восстановил бы республику; отсюда такое же расположение и к Германику и те же связанные с его именем упова-

¹ *Вексиллари* — отслужившие срок (20 лет) воины, до фактического ухода из армии освобождаемые от работ в лагере, но обязанные сражаться с врагами в случае нападения.

² *Денарий* был равен 16 ассам.

³ Увольняемые в отставку ветераны награждались земельными наделами, но так как эти наделы, как указано выше, часто не имели никакой реальной ценности, Перценний выдвинул требование о выдаче ветеранам денежного вознаграждения.

⁴ Эта армия называлась германской, так как её назначение было вести военные действия против германцев; прозвание Германик (*Germanicus* — «германский») было присвоено к тому времени брату Тиберия Друзу Старшему и его сыну Юлию Цезарю, обычно именуемому просто Германиком.

⁵ В легионе было 60 центурий и, стало быть, столько же центурионов.

ния. И в самом деле, этот молодой человек отличался гражданской благонамеренностью... и... не походил... на Тиберию, надменного и скрытного...

34. Но чем доступнее была для Германика возможность захвата верховной власти, тем ревностнее он действовал в пользу Тиберия. Он привёл к присяге на верность Тиберию *секванов* и соседствующие с ними племена *белгов*. Затем, узнав о возмущении легионов, он поспешно направился к ним и они вышли из лагеря ему навстречу, потупив глаза... Некоторые из воинов, схватив его руку как бы для поцелуя, всовывали в свой рот его пальцы, чтобы он убедился, что у них не осталось зубов; другие показывали ему свои обезображенные старостью руки и ноги...

35. ...Когда он заговорил о поднятом ими бунте, спрашивая, где же их воинская выдержка, где безупречность былой дисциплины, куда они дели своих трибунов, куда — центурионов, все они обнажают тела, укоризненно показывая ему рубцы от ран, следы плетей; потом они наперебой начинают жаловаться на взятки, которыми им приходится покупать увольнение в отпуск, на скудость жалования, на изнурительность работ, упоминают вал и рвы, заготовку сена, строительного леса и дров, все то, что вызывается действительной необходимостью или изыскивается для того, чтобы не допускать в лагере праздности. Громче всего шумели в рядах ветеранов, кричавших, что они служат по 30 лет и больше, и моливших облегчить их, изнемогающих от усталости, и не дать им умереть среди тех же лишений, но, обеспечив средствами к существованию, отпустить на покой после столь трудной службы. Были и такие, что требовали раздачи денег, завещанных божественным Августом; при этом они высказывали Германику наилучшие пожелания и изъявляли готовность поддержать его, если он захочет достигнуть верховной власти...

36. Положение представлялось тем более угрожающим, что враги знали о восстании в римском войске и было очевидно, что они не преминут вторгнуться, если берег Рейна будет оставлен римлянами; а двинуть против уходящих легионов вспомогательные войска и союзников — значило положить начало междоусобной войне. Пагубна строгость, а снисходительность — преступление; уступить во всём воинам или ни в чём им не уступать — одинаково опасно для государства. Итак, взвесив все эти соображения, решили составить письмо от имени принцепса; в нём говорилось, что отслужившие по 20 лет подлежат увольнению, отслужившим по 16 лет даётся отставка с оставлением в рядах вексилляриев, причём они освобождаются от каких-либо обязанностей, кроме одной — отражать врага; то, что было завещано Августом и чего они домогались, выплачивается в двойном размере.

37. Воины поняли, что эти уступки сделаны с расчетом на время, и потребовали немедленного осуществления обещаний. Трибуны тут же провели увольнение; что касается денежных выдач, то их отложили до возвращения в зимние лагеря. Однако воины V и XXI легиона отказывались покинуть лагерь, пока им тут же на месте не выдали денег, собранных из того, что приближенными Цезаря и им самим предназначалось для дорожных расходов. I и XX легионы легат Цецина отвел в город *убиев*, их походный порядок был постыден на вид, так как денежные ящики, похищенные у полководца, они везли посреди значков и орлов. Отправившись к Верхнему войску, Германик... привел к присяге на верность Тиберию II, XIII и XVI легионы...

78. ...Народ обратился с ходатайством отменить налог с оборота в размере одной сотой его, введенный после междоусобных войн, на что Тиберий ответил эдиктом, в котором указывал, что у военной казны нет иных источников пополнения; вместе с тем он заявил, что государство не выдержит бремени непомерных расходов, если воины будут служить менее 20 лет. Таким образом, непродуманные уступки, сделанные в силу необходимости во время последнего мятежа и сокращавшие срок службы в войске до 16 лет, были отменены.

(Гай Светоний Транквилл, Життєписи дванадцяти цезарів, Тіберій)

21. ...Есть ходячий рассказ, будто после тайной беседы с Тиберием, когда тот ушёл, спальники услышали голос Августа: «Бедный римский народ, в какие медленные челюсти он попадет!»...

22. Кончину Августа он держал в тайне до тех пор, пока не был умерщвлён молодой Агриппа. Его убил приставленный к нему для охраны войсковой трибуна, получив об этом письменный приказ...

24. Хотя «*prīncipatus*» [т.е. верховную власть] он без колебания решился тотчас и принять и применять, хотя он уже окружил себя вооруженной стражей, залогом и знаком господства, однако на словах он долго отказывался от власти, разыгрывая самую бесстыдную комедию: то он с упреком говорил умоляющим друзьям, что они и не знают, какое это чудовище — власть, то он двусмысленными ответами и хитрой нерешительностью держал в напряженном неведении сенат, подступавший к нему с коленопреклоненными просьбами. Некоторые даже потеряли терпение: кто-то среди общего шума воскликнул: «Пусть он правит или пусть он уходит!»; кто-то в лицо ему заявил, что иные медлят делать то, что обещали, а он медлит обещать то, что уже делает. Наконец, словно против воли, с горькими жалобами на тягостное рабство, возлагаемое им на себя, он принял власть...

25. Причиной его колебаний был страх перед опасностями, угрожавшими ему со всех сторон... В войсках вспыхнули сразу два мятежа, в Иллирике и в Германии. Оба войска предъявляли много чрезвычайных требований, прежде всего — уравнивания в жаловании с преторианцами; а германские войска не желали даже признавать правителя, не ими поставленного, и всеми силами побуждали к захвату власти начальствовавшего над ними Германика, несмотря на его решительный отказ. Именно этой опасности больше всего боялся Тиберий, когда просил сенат назначить ему одну какую-нибудь область управления, потому что всем государством один человек управлять не в силах, кроме как с товарищем или даже с товарищами.

26. Избавившись... от страха, поначалу он повел себя как хороший гражданин и едва ли не проще, чем частный человек...

27. Угодливость была ему так противна, что он не подпускал к своим носилкам никого из сенаторов, ни для приветствия, ни по делам...

28. Но и непочтительность, и злословие, и оскорбительные о нем стишки он переносил терпеливо и стойко, с гордостью заявляя, что в свободном государстве должны быть свободны и мысль и язык...

30. Он даже установил некоторое подобие свободы, сохранив за сенатом и должностными лицами их прежнее величие и власть. Не было такого дела, малого или большого, государственного или частного, о котором бы он не доложил сенату: о налогах и монополиях, о постройке и починке зданий, даже о наборе и роспуске воинов или о размещении легионов и вспомогательных войск, даже о том, кому продлить военачальство или поручить срочный поход, даже о том, что и как отвечать царям на их послания. Одного начальника конницы, обвиненного в грабеже и насилии, он заставил держать ответ перед сенатом...

32. ...Наместникам, которые советовали ему обременить провинции налогами, он ответил в письме, что хороший пастух стрижет овец, но не сдирает с них шкуры.

36. Чужеземные священнодействия и в особенности египетские и иудейские обряды он запретил¹; тех, кто был предан этим сувериям, он заставил сжечь свои священные одежды со всей утварью. Молодых *иудеев* он под видом военной службы разослал в провинции с тяжёлым климатом²; остальных соплеменников их или единоверцев он выслал из Рима под страхом вечного рабства за послушанье. Изгнал он и *астрологов*, но тем из них, кто просил помилования и обещал оставить своё ремесло, он даровал прощение.

37. Более всего заботился он о безопасности от разбоев, грабежей и незаконных волнений. Военные посты он расположил по Италии чаще прежнего. В Риме он устроил лагерь для преторианских когорт³, которые до того не имели постоянных помещений и расписывались по постоям. Народные волнения он старался предупреждать до столкновения, а возникшие сурово усмирять. Однажды в театре раздоры дошли до кровопролития — тогда он отправил в ссылку и зачинщиков, и актёров, из-за которых началась ссора... В Полленции⁴ чернь не выпускала с площади процессию с прахом старшего центуриона⁵ до тех пор, пока силой не вынудила у наследников большие деньги на гладиаторские зрелища — тогда он, не выдавая своих намерений, подвёл одну когарту из Рима, другую — из Коттиева царства, и они внезапно, с обнажённым оружием, при звуках труб, с двух сторон вступили в город и большую часть черни и декурионов бросили в вечное заточение. Право и обычай убежища он уничтожил везде, где оно ещё существовало. За то, что жители Кизика оскорбили насилием римских граждан, он лишил их город свободы, заслуженной ещё в Митридатовой войне. Против... врагов он ни разу более не выступал в поход и усмирять их с помощью легатов... Враждебных и подозреваемых царей он держал в покорности больше угрозами и укорами, чем силой; некоторых он заманил к себе лаской и обещаниями и не отпускал — например, германца Маробода, фракийца Раскупорида или каппадокийца Архелая⁶, царство которого он даже превратил в провинцию.

38. В первые два года после принятия власти он не отлучался из Рима ни на шаг; да и потом он выезжал лишь изредка, на несколько дней, и только в окрестные городки, не дальше Анция. Несмотря на это, он часто объявлял о своем намерении объехать провинции и войска; чуть не каждый год он готовился к походу, собирал повозки, запасал по муниципиям и колониям продовольствие и даже позволял приносить обеты о его счастливом отправлении и возвращении. За это его стали в шутку называть «Каллиппидом»⁷, который, по греческой пословице, бежит и бежит, а все ни на локоть не сдвинется.

39. Но когда он потерял обоих сыновей — из них Германик скончался в Сирии, а Друз в Риме, — он отправился искать уединения в Кампанию. Едва ли не все тогда и думали и говорили с полной уверенностью, что в Рим он уже не вернётся и скоро умрёт. И то и другое почти исполнилось. В Рим он более не вернулся, а несколько дней спустя, когда он обедал на вилле под названием «Грот» близ Таррацины, с потолка вдруг посыпались градом огромные камни — много сотрапезников и слуг было раздавлено, но сам он вопреки всякому ожиданию спасся⁸.

40. Объехал Кампанию, где он в Капуе освятил capitoлий, а в Ноле — храм Августа, что и было предлогом его поездки, он направился на Капри — остров, больше всего привлекательный для него тем, что высадиться там можно было в одном лишь небольшом месте, а с остальных сторон он был ограждён крутизной высочайших скал и глубиной моря. Правда, народ неотступными просьбами тотчас добился его возвращения, так как произошло несчастье в Фиденгах: на гладиаторских играх обрушился амфитеатр и больше 20 тыс. человек погибло. Он переехал на материк и всем позволил приходить к нему...

41. Но вернувшись на остров, он окончательно оставил все государственные дела. Более он не пополнял декурии всадников, не назначал ни префектов, ни войсковых трибунов, не сменял наместников в провинциях; Испания и Сирия несколько лет оставались без консульских легатов, Армению захватили *парфяне*, Мёзию — *дакийцы* и *сарматы*. Галлию опустошали *германцы* — он не обращал на это внимания, к великому позору и не меньшему урону для государства.

42. Мало того: здесь, пользуясь свободой уединения, словно недостижимый для взоров общества, он разом дал полную волю всем своим кое-как скрываемым порокам... Еще новичком его называли в лагерях за безмерную страсть к вину не Тиберием, а «Биберием», не Клавдием, а «Калдием», не Нероном, а «Мероном»⁹. Потом, уже у власти, уже занятый исправлением общественных нравов, он однажды два дня и ночь напролёт обедался и пьянствовал с Помпонием Флакком и Луцием Пизоном¹⁰; из них одного он тут же назначил префектом Рима, другого — наместником Сирии и в приказах о назначении величал их своими любезнейшими и повсечасными друзьями. Цестия Галла, старого развратника и мота, которого ещё Август заклеил бесчестием, он при всех поносил в сенате, а через несколько дней сам назвал к нему на обед, приказав, чтобы тот ничего не изменял и не отменял из обычной роскоши и чтобы за столом прислуживали голые девушки. При назначении преторов он предпочёл ничтожного соискателя знатнейшим за то, что тот на пиру по его вызову выпил целую амфору¹¹ вина. Азелию Сабину он дал 200 тыс. сестерциев в награду за диалог, в котором спорили белый гриб, мухолов, устрица и дрозд. Наконец, он установил новую должность распорядителя наслаждений и назначил на неё римского всадника Тита Цезония Приска.

43. Но на Капри, оказавшись в уединении, он дошёл до того, что завёл особые постельные комнаты, гнезда потаённого разврата. Собранные толпами отовсюду девки и мальчишки — среди них были те изобретатели чудовищных сладострастий, которых он называл «спинтриями» — наперебой совокуплялись перед ним по трое, возбуждая этим зрелищем его угасающую похоть. Спальни, расположенные тут и там, он украсил картинами и статуями самого непристойного свойства и разложил в них книги Элефантиды, чтобы всякий в своих трудах имел под рукою предписанный образец. Даже в лесах и рощах он повсюду устроил Венерины местечки, где в гротах и между скал молодые люди обоёго пола предо всеми изображали фавнов и нимф. За это его уже везде и открыто стали называть «козлищем», переименовав название острова¹²...

¹ Поводом для запрета египетских культов было изнасилование в храме Исиды римской матроны римским всадником, явившимся к ней под видом божества (Иосиф Флавий, Иудейские древности, XVIII, 3, 4).

² А именно в Сардинию (Тацит, Анналы II, 85).

³ Инициативу устройства преторианского лагеря Тацит приписывает Сеяну* (Анналы, IV, 2).

⁴ Полленция — город в Лигурии, близ Коттийских Альп.

⁵ Старший центурион (primipilaris) командовал правым крылом первой манипулы триариев, отборных солдат.

⁶ Маробод, изгнанный из Германии Арминием, бежал к Тиберию в 19 г. и жил в Равенне до самой смерти в 35 г.; Раскупорид фракийский за убийство своего сопратителя Котиса был сослан в Александрию и убит в 18 г.; Архелай был вызван в Рим и принужден к самоубийству в 17 г. — по утверждению Тацита, за недоброежелательство, проявленное к Тиберию во время родосской ссылки.

⁷ Каллитид, за ловкость игры прозванный «обезьяной» — известный афинский актёр; та же пословица — у Цицерона (К Аттику, XIII, 12, 3).

⁸ При обвале на вилле, по словам Тацита (Анналы, IV, 59), Тиберия защитил от камней своим телом Сеян.

⁹ Биберий от глагола bibere — «пить»; Калдий от слова caldum — «подогретое вино»; Мерон от слова merum — «чистое вино».

¹⁰ О пьянстве Луция Пизона, римского префекта, упоминает и Сенека (письмо 83): «...Большую часть ночи проводил в попойках, спал чуть ли не до половины дня — тогда лишь начиналось его утро. Однако обязанность свою, управление Римом, отправлял он с величайшей тщательностью...»

¹¹ Амфора как мера равнялась 39,4 л; здесь имеется в виду просто большая сосуда.

¹² «Козлище» (Carpineus) — прозвище, созвучное названию острова.

48. Народу он оказал благотворительность лишь дважды: один раз, когда роздал займы на три года без процентов 100 миллионов сестерциев, другой раз, когда возместил убытки нескольким владельцам доходных домов на Целийском холме, сгоревших при пожаре. Первую из этих мер ему пришлось предпринять, когда в пору крайнего безденежья народ потребовал помощи, и когда сенатские указы о том, чтобы заимодавцы вложили $\frac{2}{3}$ имения в землю, а должники выплатили $\frac{2}{3}$ долга немедленно, уже не могли помочь¹. Вторую он предпринял, чтобы смягчить тяжелое бедствие; но себе он поставил это благодеяние в такую заслугу, что приказал переименовать Целийский холм в Августов холм.

Войскам он удвоил завещанные Августом подарки², но больше не делал никаких раздач: только преторианцам он выдал по тысяче денариев за то, что они не поддержали Сеяна*, да сирийским легионам сделал кое-какие подарки за то, что они одни не поместили изображения Сеяна на своих значках. Даже ветеранов он редко увольнял в отставку, так как их старость позволяла дожидаться смерти, а их смерть — сберечь деньги³. Провинциям он также никогда не оказывал помощи, кроме Азии, где несколько городов были разрушены землетрясением [в 17 г.].

49. С течением времени он перешёл и к открытому вымогательству. Всем известно, что Гнея Лентула Авгура, очень богатого человека, он угрозами и запугиванием довёл до самоубийства, в надежде стать единственным его наследником. Лепиду, женщину знатнейшего рода, он осудил на смерть в угоду Квиринию, богатому и бездетному консуляру, который развелся с ней после двадцати лет брака и обвинял её в том, что когда-то она хотела его отравить. В Галлии, в Испании, в Сирии и в Греции он у местных правителей отбирал имущества по самым пустым и бесстыдным наговорам: некоторые только и обвинялись в том, что часть своих средств держали в наличных деньгах⁴. Многие города и частные лица были лишены старинных преимуществ, рудничных доходов⁵, податных прав. Даже Вонон, парфянский царь, изгнанный соплеменниками и с огромной казною искавший убежища в Антиохии под защитой римского народа, был им вероломно ограблен и умерщвлён.

№2

КАЛИГУЛА (37-41 гг.)

(ГАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛЛ, ГАЙ КАЛИГУЛА)

9. Прозвищем «Калигула» («Сапожок»⁶) он обязан лагерной шутке, потому что подрастал он среди воинов, в одежде рядового солдата. А какую привязанность и любовь войска снискало ему подобное воспитание, это лучше всего стало видно, когда он одним своим видом несомненно успокоил солдат, возмущившихся после смерти Августа и уже готовых на всякое безумие...

10. ...На Кáпри многие хитростью или силой пытались выманить у него выражения недовольства, но он ни разу не поддался искушению: казался, он вовсе забыл о судьбе своих ближних, словно с ними ничего и не случилось. А всё, что приходилось терпеть ему самому, он сносил с таким невероятным притворством, что по справедливости о нём было сказано: «Не было на свете лучшего раба и худшего государя».

11. Однако уже тогда не мог он обуздать свою природную свирепость и порочность. Он с жадным любопытством присутствовал при пытках и казнях истязаемых, по ночам в накладных волосах и длинном платье бродил по кабакам и притонам, с великим удовольствием плясал и пел на сцене. Тиберий это охотно допускал, надеясь этим укротить его лютый нрав. Проницательный старик видел его насквозь и не раз предсказывал, что Гай живет на погибель и себе и всем, и что в нем он вскармливает ехидну для римского народа и Фазтона для всего земного круга.

12. ...Сеяна*... был заподозрен и уничтожен как враг отечества, и Гай всё больше и больше получал надежду на наследство. Чтобы ещё крепче утвердиться в ней, он, после того, как Юния умерла в родах, оболстил Эннию Невию⁷, жену Мákрона⁸, стоявшего во главе преторианских когорт; ей он обещал, что женится на ней, когда достигнет власти, и дал в этом клятву и расписку. Через неё он вкрался в доверие к Мákрону и тогда, как полагают некоторые, извёл Тиберия отравой. Умиравший ещё дышал, когда Гай велел снять у него простень; казался, что он сопротивлялся. Тогда Гай приказал накрыть его подушкой и своими руками стиснул ему горло; а вольноотпущенника, который вскрикнул при виде этого злодейства, тут же отправил на крест...

13. Так он достиг власти во исполнение лучших надежд римского народа или, лучше сказать, всего рода человеческого. Он был самым желанным правителем и для большинства провинций и войск, где многие помнили его ещё младенцем, и для всей римской толпы, которая любила Германика и жалела его почти погубленный род. Поэтому... несмотря на то, что он был в трауре и сопровождал тело Тиберия, народ по пути встречал его густыми ликующими толпами, с алтарями, с жертвами, с зажжёнными факелами, напутствуя его добрыми пожеланиями, называя и «светиком», и «голубчиком», и «куколкой», и «дитятком»...

15. Он и сам делал всё возможное, чтобы возбудить любовь к себе в людях... Помиловал осуждённых и сосланных по всем обвинениям, оставшимся от прошлых времен, объявил прощение: бумаги, относящиеся к делам его матери и братьев, принёс на форум и сжёг⁹, призвав богов в свидетели, что ничего в них не читал и не трогал — этим он хотел навсегда успокоить всякий страх у доносчиков и свидетелей; а донос о покушении на его жизнь даже не принял, заявив, что он ничем и ни в ком не мог возбудить ненависти, и что для доносчиков слух его закрыт... Отчёты о состоянии державы, которые Август издавал, а Тиберий перестал, он вновь приказал обнародовать. Должностным лицам он разрешил свободно править суд, ни о чём его не запрашивая, списки всадников он проверял строго и тщательно, но не беспощадно: кто был запятан позором или бесчестьем, у тех он всенародно отбирал коня, за кем была меньшая вина, тех он просто пропуская при оглашении имен. Чтобы судьям легче было работать, он присоединил к четырем их декуриям новую, пятую. Пытался он даже вернуть народу выборы должностных лиц, восставив на-

¹ О финансовом кризисе 33 г. см. подробнее у Тацита (Анналы, VI, 16-17). Усиление ростовщичества заставило Тиберия назначить полуторагодовой срок на ликвидацию всех долговых обязательств. Предполагалось, что указ о непременном вложении $\frac{2}{3}$ имущества в землю вызовет спрос на землю, должники смогут продать свои наделы по хорошей цене и из вырученных сумм заплатят заимодавцам установленные $\frac{2}{3}$ долга. Однако вышло наоборот: заимодавцы стали сразу требовать платежа (и притом, вопреки закону, полностью), должники бросились распродавать свои наделы, цены на землю упали, и тогда лишь заимодавцы начали скупку земель. Заём Тиберия (под залог земельных участков) помог поправить положение.

² Удвоение подарков войскам было совершено по инициативе Германика, который этим успокоил мятежные германские легионы.

³ *Сберечь деньги*, которые выплачивались в виде пособия увольняемым по выслуге лет.

⁴ Большие средства в наличных деньгах внушали подозрения в том, что их владельцы готовят мятеж.

⁵ Рудники при республике, принадлежавшие городам или частным лицам, при империи постепенно перешли в собственность императорской казны.

⁶ Caligula — уменьшительное от caliga, солдатский сапог. Это имя, хотя оно и упоминается у всех историков и закрепилось за Гаем Цезарем в новое время, не было официальным и в надписях не встречается ни разу.

⁷ По Тациту (Анналы, VI, 45), Макрон сам подстроил связь Калигулы со своей женой, чтобы крепче держать его в руках.

⁸ Мákрон Невий Сертбрий — начальник императорской стражи телохранителей (praefectus praetorio) и любимец императора Тиберия. Впоследствии Макрон и его супруга Энния помогли Калигуле избавиться от Тиберия, но в 38 г. были вынуждены покончить жизнь самоубийством.

⁹ Это были копии, подлинники остались (гл. 30), и их уничтожил лишь Клавдий.

родные собрания¹. Подарки по завещанию Тиберия, хотя оно и было объявлено недействительным, и даже по завещанию Юлии Августы, которое Тиберий утаил, он отсчитал и выплатил честно и без оговорок. Италию он освободил от полупроцентного налога на распродажи², многим пострадавшим от пожаров возместил их убытки. Если он возвращал царям их царства, то выплачивал им и все подати и доходы за прошедшее время: так, Антиох Коммагенский получил сто миллионов сестерциев³, когда-то отобранные у него. Чтобы показать, что никакого доброго дела он не оставит без поощрения, он дал в награду 800 тыс. сестерциев одной вольноотпущеннице, которая под самыми жестокими пытками не выдала преступления своего патрона.

17. ...Всенародные раздачи он устраивал дважды, по 300 сестерциев каждому. Столько же устроил он и роскошных угощений для сенаторов и всадников и даже для их жен и детей. При втором угощении он раздавал вдобавок мужчинам нарядные тоги, а женщинам и детям красные пурпурные повязки...

19. ...Он выдумал зрелище новое и неслыханное дотоле. Он перекинул мост через залив между Байями и Путеоланским моллом, длиной почти в 3600 шагов⁴: для этого он собрал отовсюду грузовые суда, выстроил их на якорях в два ряда, насыпал на них земляной вал и выровнял по образцу Аппиевой дороги. По этому мосту он два дня подряд разъезжал взад и вперед: в первый день — на разубранном коне, в дубовом венке, с маленьким щитом, с мечом и в златотканом плаще⁵; на следующий день — в одежде возницы, на колеснице, запряженной парой самых лучших скакунов, и перед ним ехал мальчик Дарий из парфянских заложников, а за ним отряд преторианцев и свита в повозках...

21. Постройки, недоконченные Тиберием, он завершил: храм Августа и театр Помпея. Сам он начал строить водопровод из области Тибура и амфитеатр поблизости от септы; одну из этих построек его преемник Клавдий довёл до конца, другую оставил. В Сиракузах он восстановил рухнувшие от ветхости стены и храм богов. Собирался он и на Самосе отстроить дворец Поликрата, и в Милете довершить Дидимейский храм⁶, и в Альпийских горах основать город, но раньше всего — перекопать Истмийский перешеек в Ахайе: он даже посылал туда старшего центуриона, чтобы сделать предварительные измерения.

22. До сих пор шла речь о правителе, далее придется говорить о чудовище.

Он присвоил множество прозвищ: его называли и «благочестивым», и «сыном лагеря», и «отцом войска», и «Цезарем благим и величайшим». Услышав однажды, как за обедом у него спорили о знатности цари⁷, явившиеся в Рим поклониться ему, он воскликнул:

...Единый да будет властитель,
Царь да будет единый!⁸

Немногого недоставало, чтобы он тут же принял диадему и видимость принципата обратил в царскую власть. Однако его убедили, что он возвысился превыше и принцепсов и царей. Тогда он начал притязать уже на божеское величие. Он распорядился привезти из Греции изображения богов, прославленные и почитанием и искусством, в их числе даже Зевса Олимпийского⁹, — чтобы снять с них головы и заменить своими. Палатинский дворец он продолжил до самого форума, а храм Кастора и Поллукса превратил в его прихожую¹⁰ и часто стоял там между статуями близнецов, принимая божеские почести от посетителей; и некоторые величали его Юпитером Латинским. Мало того, он посвятил своему божеству особый храм, назначил жрецов, установил изысканнейшие жертвы. В храме он поставил своё изваяние в полный рост и облачил его в собственные одежды. Должность главного жреца отправляли поочередно самые богатые граждане¹¹, соперничая из-за неё и торгуясь. Жертвами были павлины, фламинго, тетерева, цесарки, фазаны, — для каждого дня своя порода. По ночам, когда сияла полная луна, он неустанно звал её к себе в объятья и на ложе, а днём разговаривал наедине с Юпитером Капитолийским: иногда шепотом, то наклоняясь к его уху, то подставляя ему своё, а иногда громко и даже сердито. Так, однажды слышали его угрожающие слова: «Ты подними меня, или же я тебя...»¹², а потом он рассказывал, что бог, наконец, его умиловил и даже сам пригласил жить вместе с ним...

23. ...Своего брата Тиберия он... казнил, прислав к нему внезапно войскового трибуна, а тестя Силана заставил покончить с собой, перерезав бритвою горло. Обвинял он их в том, что один в непогоду не отплыл с ним в бурное море, словно надеясь, что в случае несчастья с зятем он сам завладеет Римом, а от другого пахло лекарством, как будто он опасался, что брат его отравит. Между тем, Силан просто не выносил морской болезни..., а Тиберий принимал лекарство от постоянного кашля, который все больше его мучил. Что же касается Клавдия, своего дяди, то Гай оставил его в живых лишь на потеху себе.

24. Со всеми своими сестрами жил он в преступной связи¹³, и на всех званных обедах они попеременно возлежали на ложе ниже его, а законная жена — выше его. Говорят, одну из них, Друзиллу, он лишил девственности ещё подростком, и бабка Антония, у которой они росли, однажды застала их вместе. Потом её выдали за Луция Кассия Лонгина, сенатора консульского звания, но он отнял её у мужа, открыто держал как законную жену, и даже назначил её во время болезни наследницей своего имущества и власти. Когда она умерла, он установил такой траур, что смертным преступлением считалось смеяться, купаться, обедать с роди-

¹ Выборы должностных лиц были окончательно перенесены из народных собраний в сенат при Тиберии в 14 г., и попытка Калигулы восстановить прежние порядки не имела последствий.

² Налог на распродажи был введён Августом для пополнения военной казны (Светоний, *Авг.*, 49) и колебался от 1 до 0,5%. В честь отмены этого налога была выпущена даже особая серия монет.

³ Коммагена стала римской провинцией в 17 г., была восстановлена как царство Антиоха в 38 г., впоследствии Калигула опять низложил Антиоха, а Клавдий опять его восстановил. О том, что и другие цари, поставленные Калигулой (Агриппа в Иудее, сыновья Котиса во Фракии и Понте — все они при Тиберии воспитывались в Риме как заложники и в это время сблизились с Гаем), получали возмещение доходов, сведений нет.

⁴ Действительное расстояние между Байями и Путеолами — около 3,6 км; цифра Светония (3600 шагов = 5,3 км), как и цифра Диона (26 стадий — 5,1 км) преувеличены. Впрочем, точная локализация моста не совсем ясна. Действительной целью постройки моста было, по-видимому, желание поразить прибывающих в Рим парфянских заложников (ср. приём Тиридата Нероном). Сенека (О краткости жизни, 18) говорит, что в Риме начался голод оттого, что суда для подвоза хлеба были забраны для постройки моста.

⁵ По Диону (57, 17), Калигула уверял, что на нём был надет панцирь Александра Македонского.

⁶ Дидимейский храм Аполлона был начат постройкой ок. 300 г. до н.э., но ещё в начале нашей эры стоял без крыши из-за его огромных размеров (Страбон, XIV, 1, 5).

⁷ Агриппа Иудейский и Антиох Коммагенский: Калигула держал их при себе, «чтобы они учили его царствовать» (Дион, 59, 24).

⁸ Илиада, II, 204-205, слова Одиссея Агамемнону.

⁹ Знаменитая статуя Фидия.

¹⁰ Кастора и Поллукса Калигула называл «своими привратниками» (Дион, 59, 28).

¹¹ Самые богатые граждане должны были платить за честь жречества по 10 миллионов сестерциев.

¹² Слова Аякса Одиссею во время единоборства (Илиада, XXIII, 724). По Сенеке (О гневе, I, 20), Калигула обратился с этими словами к небу, когда гроза мешала ему досмотреть представление пантомимы; по Диону (59, 28), он в подкрепление угрозы вооружился театральными машинами, производившими гром и молнию, и стал швырять камни в небо.

¹³ В оправдание своей связи с сестрами Калигула ссылался на пример Юпитера, с которым себя отождествлял; однако в действительности, по-видимому, он брал пример с восточных царских домов, где такие браки были обычны.

телями, женой или детьми. А сам, не в силах вынести горя, он внезапно ночью исчез из Рима, пересёк Кампанию, достиг Сиракуз и с такой же стремительностью вернулся, с отросшими бородой и волосами. С этих пор все свои клятвы о самых важных предметах, даже в собрании перед народом и перед войсками, он произносил только именем божества Друзиллы¹. Остальных сестёр он любил не так страстно и почитал не так сильно: не раз он даже отдавал их на потеху своим любимчикам...

25. О браках его трудно сказать, что в них было непристойнее: заключение, расторжение или пребывание в браке. Ливию Орестиллу, выходящую замуж за Гая Пизона, он сам явился поздравить, тут же приказал отнять у мужа и через несколько дней отпустил, а два года спустя отправил в ссылку, заподозрив, что она за это время опять сошлась с мужем. Другие говорят, что на самом свадебном пиру, он, лежа напротив Пизона, послал ему записку: «Не лезь к моей жене!», а тотчас после пира увёл её к себе и на следующий день объявил эдиктом, что нашёл себе жену по примеру Ромула и Августа². Лоллию Павлину, жену Гая Меммия, консуляра и военачальника, он вызвал из провинции, прослышав, что её бабушка была когда-то красавицей, тотчас развел с мужем и взял в жены, а спустя немного времени отпустил, запретив ей впредь сближаться с кем бы то ни было. Цезонию, не отличавшуюся ни красотой, ни молодостью, и уже родившую от другого мужа трех дочерей, он любил жарче всего и дольше всего за её сладострастие и расточительность: зачастую он выводил её к войскам рядом с собой, верхом, с легким щитом, в плаще и шлеме, а друзьям даже показывал её голой. Именем супруги он удостоил её не раньше, чем она от него родила, и в один и тот же день объявил себя её мужем и отцом её ребенка. Ребенка этого, Юлию Друзиллу, он пронес по храмам всех богинь и, наконец, возложил на лоно Минервы, поручив божеству растить её в вскармливать. Лучшим доказательством того, что это дочь его плоти, он считал её лютый нрав: уже тогда она доходила в ярости до того, что ногтями царапала игравшим с нею детям лица и глаза.

26. После всего этого пустыми и незначительными кажутся рассказы о том, как он обращался с друзьями и близкими — с Птолемеем, сыном царя Юбы и своим родственником (он был внуком Марка Антония от дочери его Селены) и прежде всего с самим Макроном и самой Эннией, доставившими ему власть: все они вместо родственного чувства и вместо благодарности за услуги награждены были жестокой смертью. Столь же мало уважения и кротости выказывал он и к сенаторам: некоторых, занимавших самые высокие должности, облаченных в тоги, он заставлял бежать за своей колесницей по несколько миль, а за обедом стоять у его ложа в изголовье или в ногах, подпоясавшись полотном. Других он тайно казнил, но продолжал приглашать их, словно они были живы, и лишь через несколько дней лживо объявил, что они покончили с собой. Консулов, которые забыли издать эдикт о дне его рождения, он лишил должности, и в течение трех дней государство оставалось без высшей власти. Своего квестора, обвиненного в заговоре, он велел бичевать, сорвав с него одежду и бросив под ноги солдатам, чтобы тем было на что опираться, наноса удары. С такой же надменностью и жестокостью относился он и к остальным сословиям. Однажды, потревоженный среди ночи шумом толпы, которая заранее спешила занять места в цирке, он всех их разогнал палками: при замешательстве было задавлено больше двадцати римских всадников, столько же замужних женщин и несчетное число прочего народу. На театральных представлениях он, желая перессорить плебеев и всадников, раздавал даровые пропуска раньше времени, чтобы чернь захватывала и всаднические места. На гладиаторских играх иногда в палящий зной он убирал навес и не выпускал зрителей с мест; или вдруг вместо обычной пышности выводил изнуренных зверей и убогих дряхлых гладиаторов, а вместо потешных бойцов — отцов семейства, самых почтенных, но обезображенных каким-нибудь увечьем. А то вдруг закрывал житницы и обрекал народ на голод.

27. ...Когда вздорюжал скот, которым откармливали диких зверей для зрелищ, он велел бросить им на растерзание преступников; и, обходя для этого тюрьмы, он не смотрел, кто в чём виноват, а прямо приказывал, стоя в дверях, забирать всех, «от лысого до лысого» [т.е. от первого до последнего]. От человека, который обещал биться гладиатором за его выздоровление, он требовал исполнения обета, сам смотрел, как он сражался, и отпустил его лишь победителем, да и то после долгих просьб. Того, кто поклялся отдать жизнь за него, но медлил, он отдал своим рабам — прогнать его по улицам в венках и жертвенных повязках, а потом во исполнение обета сбросить с раската. Многие граждане из первых сословий он, заклеив раскаленным железом, послал на рудничные или дорожные работы, или бросил диким зверям, или самих, как зверей, посадил на четвереньки в клетках, или перепилил пополам пилой, — и не за тяжкие провинности, а часто лишь за то, что они плохо отозвались о его зрелищах или никогда не клялись его гением. Отцов он заставлял присутствовать при казни сыновей; за одним из них он послал носилки, когда тот попробовал уклониться по нездоровью; другого он тотчас после зрелища казни пригласил к столу и всяческими любезностями принуждал шутить и веселиться. Надсмотрщика над гладиаторскими битвами и травлями он велел несколько дней подряд бить цепями у себя на глазах, и умертвил не раньше, чем почувствовал вонь гниющего мозга. Сочинителя ателлан за стишок с двусмысленной шуткой он сжёг на костре посреди амфитеатра. Один римский всадник, брошенный диким зверям, не переставал кричать, что он невинен; он вернул его, отсек ему язык и снова прогнал на арену.

28. Изгнанника, возвращенного из давней ссылки, он спрашивал, чем он там занимался; тот льстиво ответил: «Неустанно молил богов, чтобы Тиберий умер и ты стал императором, как и сбылось». Тогда он подумал, что и ему его ссыльные молят смерти, и послал по островам солдат, чтобы их всех перебить. Замыслив разорвать на части одного сенатора, он подкупил несколько человек напасть на него при входе в курию с криками «враг отечества!», пронзить его грифелями и бросить на растерзание остальным сенаторам; и он насытился только тогда, когда увидел, как члены и внутренности убитого проволокли по улицам и свалили грудой перед ним...

29. ...Каждый десятый день, подписывая перечень заключённых, посылаемых на казнь, он говорил, что сводит свои счёты. Казнив одновременно нескольких галлов и греков, он хвастался, что покорил Галлогрецию.

30. Казнить человека он всегда требовал мелкими частыми ударами, повторяя свой знаменитый приказ «Бей, чтобы он чувствовал, что умирает!» Когда по ошибке был казнён вместо нужного человека другой с тем же именем, он воскликнул «И этот того стоил». Он постоянно повторял известные слова трагедии: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись!»³ Не раз он обрушивался на всех сенаторов вместе, обзывал их прихвостнями Сеяна, обзывал предателями матери и братьев, показывал доносы, которые будто бы сжег, оправдывал Тиберия, который, по его словам, поневоле свирепствовал, так как не мог не верить стольким клеветникам. Всадническое сословие поносил он всегда за страсть к театру и цирку. Когда чернь в обиду ему рукоплескала другим возницам, он воскликнул «О если бы у римского народа была только одна шея!»...

31. Он даже не скрывал, как жалеет о том, что его время не отмечено никакими всенародными бедствиями: правление Августа запомнилось поражением Вара, правление Тиберия — обвалом амфитеатра в Фиденгах, а его правление будет забыто из-за общего благополучия; и снова он мечтал о разгроме войск, о голоде, чуме, пожарах или хотя бы о землетрясении...

¹ Божество Друзиллы было приказано почитать по всем городам под именем Пантеи (Всебогини); в Риме её культу служили 20 жрецов и жриц, а сенатор, который клялся, что видел, как она вознеслась на небо, получил огромную награду (*Дион*, 59, 11).

² Ромул взял в жены Эрсиллию, Август — Ливию, хотя обе уже были замужем.

³ Слова из трагедии Акция «Атрей» (не сохранилась).

32. Даже в часы отдохновения, среди пиров и забав, свирепость его не покидала... Во время закусок и попоек часто у него на глазах велись допросы и пытки по важным делам, и стоял солдат, мастер обезглавливать, чтобы рубить головы любым заключенным. В Путеолах при освящении моста... он созвал к себе много народу с берегов и неожиданно сбросил их в море, а тех, кто пытался схватиться за кормила судов, баграми и веслами отталкивал вглубь. В Риме за всенародным угощением, когда какой-то раб стащил серебряную накладку с ложа, он тут же отдал его палачу, приказал отрубить ему руки, повесить их спереди на шею и с надписью, в чем его вина, провести мимо всех пирующих. Мирмиллон из гладиаторской школы бился с ним на деревянных мечах и нарочно упал перед ним, а он прикончил врага железным кинжалом и с пальмой в руках обежал победный круг. При жертвоприношении он оделся помощником резника, а когда животное подвели к алтарю, размахнулся и ударом молота убил самого резника. Среди пышного пира он вдруг расхохотался; консулы, лежавшие рядом, льстиво стали спрашивать, чему он смеется, и он ответил: «А тому, что стоит мне кивнуть, и вам обоим переберут глотки!»

33. Забавляясь такими шутками, он однажды встал возле статуи Юпитера и спросил трагического актера Аппеллеса, в ком больше величия? А когда тот замедлил с ответом, он велел хлестать его бичом, и в ответ на его жалобы приговаривал, что голос у него и сквозь стоны отличный. Целуя в шею жену или любовницу, он всякий раз говорил: «Такая хорошая шея, а прикажи я — и она слетит с плеч!» И не раз он грозился, что... дознается от своей милой Цезонии хотя бы под пыткой, почему он так её любит...

37. В роскоши он превзошёл своими трапезами самых безудержных расточителей. Он выдумал неслыханные омовения, диковинные яства и пиры — купался в благовонных маслах, горячих и холодных, пил драгоценные жемчужины, растворенные в уксусе, сотрапезникам раздавал хлеб и закуски на чистом золоте: «нужно жить или скромником, или цезарем!» — говорил он¹. Даже деньги в немалом количестве он бросал в народ с крыши Юлиевой базилики несколько дней подряд. Он построил либурнские галеры в десять рядов весел, с жемчужной кормой, с разноцветными парусами, с огромными купальнями, портиками, пиршественными покоями, даже с виноградниками и плодовыми садами всякого рода: пируя в них среди бела дня, он под музыку и пенье плавал вдоль побережья Кампании. Сооружая виллы и загородные дома, он забывал про всякий здравый смысл, стараясь лишь о том, чтобы построить то, что построить казалось невозможно. И оттого поднимались плотины в глубоком и бурном море, в кремневых утесах прорубались проходы, долины насыпями возвышались до гор, и горы, перекопанные, сравнивались с землей, — и все это с невероятной быстротой, потому что за промедление платились жизнью. Чтобы не вдаваться в подробности, достаточно сказать, что огромные состояния и среди них все наследство Тиберия Цезаря — два миллиарда семьсот миллионов сестерциев — он промотал меньше, чем в год.

38. Тогда, истощившись и оскудев, он занялся грабежом, прибегая к исхищрённейшим наветам, торгам и налогам. Он отказывал в римском гражданстве всем, чьи предки приобрели его для себя и для потомства, исключая лишь их сыновей — только к первому поколению относил он название «потомки»: а когда ему приносили грамоты божественного Юлия и Августа, он отбрасывал их как устарелые и недействительные. Он обвинял в ложной оценке имущества всех, у кого со времени переписи состояния почему-нибудь возросли. Завещания старших центурионов, где не были названы наследниками ни Тиберий после его прихода к власти, ни он сам, были им уничтожены за неблагодарность; а завещания остальных граждан, о которых он слышал, будто они подумывали оставить наследство Цезарю, — как пустые и недействительные. Этим он нагнал такого страха, что даже незнакомые люди стали во всеуслышанье объявлять его сонаследником родственников, родители — сонаследником детей; а он, считая издевательством, что после такого объявления они ещё продолжают жить, многим из них потом послал отравленные лакомства. По таким делам он сам вел следствия, заранее назначая сумму, которую намерен был собрать, и не вставал с места, пока её не достигал. Ни малейшей задержки не допускалось; однажды он одним приговором осудил больше сорока человек по самым разным обвинениям, и потом похвалялся перед Цезонией, проснувшейся после дневного сна, сколько он дела переделал, пока она отдыхала.

Торги он устраивал, предлагая для распродажи все, что оставалось после больших зрелищ, сам назначал цены и взвинчивал их до того, что некоторые, принужденные к какой-нибудь покупке, теряли на ней все свое состояние и вскрывали себе вены. Известно, как однажды Апоний Сатурнин задремал на скамьях покупателей, и Гай посоветовал глашатаю обратить внимание на этого бывшего претора, который на все кивает головой; и закончился торг не раньше, чем ему негаданно были проданы тринадцать гладиаторов за девять миллионов сестерциев.

39. ...В Галлии он после осуждения сестёр устроил распродажу их уборов, утвари, рабов и даже вольноотпущенников по небывалым ценам: эта прибыль его так прельстила, что он выписал из Рима все убранство старого двора, а для доставки собрал все наёмные повозки и всю вьючную скотину с мельниц, так что в Риме и хлеба подчас не хватало, и в суде многие, не в силах поспеть к обещанному сроку, проигрывали свои дела. Чтобы распродать эту утварь, он не жалел ни обманов ни заискиваний: то пререкал покупателей скарденностью за то, что им не стыдно быть богаче императора, то притворно жалел, что должен уступать имущество правителей частным лицам. Однажды он узнал, что один богач из провинции заплатил 200 тыс. его рабам, рассылавшим приглашения, чтобы хитростью попасть к нему на обед; он остался доволен тем, что эта честь в такой цене, и на следующий день на распродаже послал вручить богачу какую-то безделицу за двести тысяч и позвать на обед от имени самого Цезаря.

40. Налоги он собирал новые и небывалые — сначала через откупщиков, а затем, так как это было выгоднее, через преторианских центурионов и трибунов. Ни одна вещь, ни один человек не оставались без налога. За все съестное, что продавалось в городе, взималась твердая пошлина; со всякого судебного дела заранее взыскивалась сороковая часть спорной суммы, а кто отступался или договаривался без суда, тех наказывали; носильщики платили восьмую часть дневного заработка; проститутки — цену одного сношения; и к этой статье закона было прибавлено, что такому налогу подлежат и все, кто ранее занимался блудом или сводничеством, даже если они с тех пор вступили в законный брак.

41. Налоги такого рода объявлены были устно, но не вывешены письменно, и по незнанию точных слов закона часто допускались нарушения; наконец, по требованию народа, Гай вывесил закон, но написал его так мелко и повесил в таком тесном месте, чтобы никто не мог списать. А чтобы не упустить никакой наживы, он устроил на Палатине публичный дом: в бесчисленных комнатах, отведенных и обставленных с блеском, достойным дворца, предлагали себя замужние женщины и свободнорожденные юноши, а по рынкам и базиликам были посланы глашатаи, чтобы стар и млад шёл искать наслаждений; посетителям предоставлялись деньги под проценты, и специальные слуги записывали для общего сведения имена тех, кто умножает доходы Цезаря. Даже из игры в кости не погнушался он извлечь прибыль, пускаясь и на плутовство и на ложные клятвы. А однажды он уступил свою очередь следующему игроку, вышел в атрий дворца и, увидев двух богатых римских всадников, проходящих мимо, приказал тотчас их схватить и лишить имущества, а потом вернулся к игре, похваляясь, что никогда не был в таком выигрыше...

¹ Ср.: *Сенека*, Утешение к Гельвии, 10: «Гай Цезарь, которого природа создала словно затем, чтобы показать, на что способны безграничная порочность в сочетании с безграничной властью, однажды устроил пир, стоивший 10 миллионов сестерциев; и хотя изобретательность всех была к его услугам, он лишь с трудом добился того, чтобы один обед поглотил доходы с трех провинций».

43. Войной и военными делами занялся он один только раз, да и то неожиданно. Однажды, когда он ехал в Меванию¹ посмотреть на источник и рошу Клитумна, ему напомнили, что пора пополнить окружавший его отряд батавских телохранителей. Тут ему и пришло в голову предпринять поход в Германию; и без промедления, созвав отовсюду легионы и вспомогательные войска, произведя с великой строгостью новый повсеместный набор, заготовив столько припасов, сколько никогда не видывали, он отправился в путь. Двигался он то стремительно и быстро, так что преторианским когортам иногда приходилось вопреки обычаям выючить знамена на мулов, чтобы догнать его, то вдруг медленно и лениво, когда носилки его несли восемь человек, а народ из окрестных городов должен был разметать перед ним дорогу и обрызгивать пыль.

44. Прибыв в лагерь, он захотел показать себя полководцем деятельным и строгим: легатов, которые с опозданием привели вспомогательные войска из разных мест, уволил с бесчестьем, старших центурионов, из которых многим в их преклонном возрасте оставались считанные дни до отставки, он лишил звания, под предлогом их дряхлости и бессилия, а остальных выбрал за жадность и выслуженное ими жалованье сократил до шести тысяч. Однако за весь этот поход он не совершил ничего: только когда под его защиту бежал с маленьким отрядом Админий, сын британского царя Кинобеллина, изгнанный отцом, он отправил в Рим пыльное донесение, будто ему покорился весь остров, и велел гонцам не слезать с колесницы, пока не придут прямо на форум, к дверям курии, чтобы только в храме Марса, перед лицом всего сената передать его консулам.

45. А потом, так как воевать было не с кем, он приказал нескольким германцам из своей охраны переправиться через Рейн, скрыться там и после дневного завтрака отчаянным шумом возвестить о приближении неприятеля. Всё было исполнено: тогда он с ближайшими спутниками и отрядом преторианских всадников бросается в соседний лес, обрубают с деревьев ветки и, украсив стволы наподобие трофеев, возвращается при свете факелов. Тех, кто не пошел за ним, он разбил за трусость и малодушие, а спутников и участников победы награждал венками нового имени и вида: на них красовались солнце, звезды и луна, и назывались они «разведочными». В другой раз он приказал забрать нескольких мальчиков-заложников из школы и тайно послать их вперед, а сам, внезапно оставив званый пир, с конницей бросился за ними вслед, схватил, как беглецов, и в цепях привел назад — и в этой комедии, как всегда, он не знал меры...

48. Прежде, чем покинуть провинцию, он задумал ещё одну чудовищную жестокость: истребить все легионы, бунтовавшие после смерти Августа, за то, что они держали когда-то в осаде его самого, младенцем, и его отца Германика, своего полководца. Его с трудом отговорили от этого безумного намеренья, но ничем не могли удержать от желанья казнить хотя бы каждого десятого. И вот, созвав легионеров на сходку, безоружных, даже без мечей, он окружил их вооруженной конницей; но заметив, что многие догадываются, в чём дело, и пробираются к своему оружию, чтобы дать отпор, он бежал со сходки и прямо направился в Рим.

54. [Особенно страстно] занимался он искусствами... Гладиатор и возница, певец и плясун, он сражался боевым оружием, выступал возницей в повсюду выстроенных цирках, а пением и пляской он так наслаждался, что даже на всенародных зрелищах не мог удержаться, чтобы не подпевать трагическому актеру и не вторить у всех на глазах движениям плясуна, одобряя их и поправляя. Как кажется, в самый день своей гибели он назначил ночное празднество именно с тем, чтобы воспользоваться его обычной вольностью для первого выступления на сцене. Плясал он иногда даже среди ночи: однажды за полночь он вызвал во дворец трех сенаторов консульского звания, рассадил их на сцене, трепещущих в ожидании самого страшного, а потом вдруг выбежал к ним под звуки флейт и трещоток, в женском покрывале и тунике до пят, проплясал танец и ушёл...

55. Чем бы он ни увлекался, в своей страсти он доходил до безумия. Пантомима Мнестера он целовал даже среди представления; а если кто во время его пляски поднимал хоть малейший шум, того он приказывал гнать с его места и бичевал собственноручно. Одному римскому всаднику, который шумел, он через центуриона прислал приказ тотчас отправиться в Остию и отвезти царю Птолемею в Мавританию императорское письмо, а в письме было написано: «Человеку, который это привез, не делай ни добра, ни худа». Несколько гладиаторов-фракийцев² он поставил начальниками над германскими телохранителями, гладиаторам-мирмиллонам он убавил вооружение; а когда один из них, по прозвищу Голубь, одержал победу и был лишь слегка ранен, он положил ему в рану яд и с тех пор называл этот яд «голубиным» — по крайней мере, так он был записан в списке его отрав. В цирке он так был привержен и привязан к партии «зеленых», что много раз и обедал в конюшнях и ночевал, а вознице Евтиху после какой-то пирушки дал в подарок два миллиона сестерциев. Своего коня Быстроногого он так оберегал от всякого беспокойства, что всякий раз накануне скачек посылал солдат наводить тишину по соседству; он не только сделал ему конюшню из мрамора и ясли из слоновой кости, не только дал пурпурные покрывала и жемчужные ожерелья, но даже отвел ему дворец с прислугой и утварью, куда от его имени приглашал и охотно принимал гостей; говорят, он даже собирался сделать его консулом...

56. Среди этих безумств и разбоев многие готовы были покончить с ним; но один или два заговора³ были раскрыты, и люди медлили, не находя удобного случая. Наконец, два человека соединились между собой⁴ и довели дело до конца, не без ведома влиятельных вольноотпущенников и преторианских начальников... Решено было напасть на него на Палатинских играх, в полдень, при выходе с представлений. Главную роль взял на себя Кассий Херея, трибун преторианской когорты, над которым, несмотря на его пожилой возраст, Гай не уставал всячески издеваться: то обзывал его неженкой и бабнем, то назначал ему как пароль слова «Приап» или «Венера», то предлагал ему в благодарность за что-то руку для поцелуя, сложив и двигая её непристойным образом.

58. Дело было в восьмой день до февральских календ около седьмого часа⁵. Он колебался, идти ли ему к дневному завтраку, так как ещё чувствовал тяжесть в желудке от вчерашней пищи; наконец, друзья его уговорили, и он вышел. В подземном переходе, через который ему нужно было пройти, готовились к выступлению на сцене знатные мальчики, выписанные из Азии. Он остановился посмотреть и похвалить их; и если бы первый актер не сказался простуженным, он уже готов был вернуться и возобновить представление. О дальнейшем рассказывают двояко. Одни говорят, что когда он разговаривал с мальчиками, Херея, подойдя к нему сзади, ударом меча глубоко разрубил ему затылок с криком: «Делай своё дело!»⁶ — и тогда трибун Корнелий Сабин, второй заговорщик, спереди пронзил ему грудь. Другие передают, что когда центурионы, посвященные в заговор, оттеснили толпу

¹ Мевания — городок в Умбрии, где у источника Клитумна стоял древний храм Юпитера.

² Фракийцы — легковооруженные гладиаторы с небольшим щитом и кривым мечом, сражавшиеся с мирмиллонами («рыбками»), выступавшими в полном тяжелом вооружении; Калигула покровительствовал первым. Существовали также *ретарии* («рыбаки»), выступавшие налегке и вооруженные только трезубцем и сетью, которой они старались опутать своих противников *секаторов* («преследователей») или *мирмиллонов*.

³ Заговор Гетулика 39 г. в пользу Лепида, мужа Друзиллы, и несколько заговоров, последовавших в 40 г.

⁴ Кассий Херея и Корнелий Сабин; за их спинами стояли, конечно, виднейшие сенаторы во главе с консулом 46 г. Валерием Азиатиком. Заговор был настолько широко организован, что одновременно были подготовлены два других покушения — Эмилия Регула и Анния Минуциана (Флавий, XIX. 3. 14).

⁵ По Иосифу Флавию (XIX, 1, 14), дело было в десятом часу: Гай шел из театра по узкому проходу, сопровождаемый М. Виницием, Валерием Азиатиком, Клавдием и Павлом Аррунцем; Херея первым ударом рассек ему шею, последний удар нанес Аквила; император вел себя достойно, не произнес ни слова, но пытался бежать.

⁶ «Делай своё дело!» (hos age!) — ритуальный возглас жреца, подающий знак к жертвоприношению.

спутников, Сабин, как всегда, спросил у императора пароль, тот сказал: «Юпитер»; тогда Херея крикнул: «Получай своё!»¹ — и когда Гай обернулся, рассек ему подбородок. Он упал, в судорогах крича: «Я жив!» — и тогда остальные прикончили его тридцатью ударами — у всех был один клич: «Бей еще!» Некоторые даже били его клинком в пах. По первому шуму на помощь прибежали носильщики с шестами², потом германцы-телохранители; некоторые из заговорщиков были убиты, а с ними и несколько неповинных сенаторов.

59. Прожил он 29 лет, правил три года, десять месяцев и восемь дней. Тело его тайно унесли в Ламиевы сады, сожгли наполовину на погребальном костре и кое-как забросали дерном. Потом уже его вырыли, сожгли и погребли возвратившиеся из изгнания сестры. До этого, как известно, садовников не переставали тревожить привидения; а в доме, где он был убит, нельзя было ночью проспать без ужаса, пока самый дом не сторел во время пожара. Вместе с ним погибли и жена его Цезония, зарубленная центурионом, и дочь, которую разбили об стену.

60. Каковы были эти времена, можно судить по тому, что даже вести об убийстве люди поверили не сразу: подозревали, что Гай сам выдумал и распустил слух об убийстве, чтобы разузнать, что о нем думают люди. Заговорщики никому не собирались вручать власть, а сенат с таким единодушием стремился к свободе, что консулы созвали первое заседание не в Юлиевой курии, а на Капитолии, и некоторые, подавая голос, призывали истребить память о цезарях и разрушить их храмы.

№3

КЛАВДИЙ (41-54 гг.)

(ГАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛЛ, БОЖЕСТВЕННИЙ КЛАВДИЙ)

2. ...В младенчестве он потерял отца, в течение всего детства и юности страдал долгими и затяжными болезнями, от которых так ослабел умом и телом, что в совершенных годах считался неспособным ни к каким общественным или частным делам. Даже после того, как он вышел из-под опеки, он ещё долго оставался в чужой власти и под присмотром дядьки: и он потом жаловался в одной своей книге, что дядькой к нему нарочно приставили варвара, бывшего конюшего, чтобы он его жестоко наказывал по любому поводу...

3. Правда, в благородных науках он с юных лет обнаруживал незаурядное усердие и не раз даже издавал свои опыты в той или иной области; но и этим не мог он ни добиться уважения, ни внушить надежды на лучшее свое будущее. Мать его Антония говорила, что он урод среди людей, что природа начала его и не кончила, и, желая укорить кого-нибудь в тупоумии, говорила: «глупей моего Клавдия». Бабка его Августа всегда относилась к нему с глубочайшим презрением, говорила с ним очень редко, и даже замечания ему делала или в записках, коротких и резких, или через рабов. Сестра его Ливилла, услышав, что ему суждено быть императором, громко и при всех проклинала эту несчастную и недостойную участь римского народа...

4. [Император Август, его внучатый дядя] отстранил его от всех должностей, кроме лишь авгурства, и даже наследником его оставил только в третью очередь, среди людей совсем посторонних, и только в шестой части, а в подарок отказал лишь восемьсот тысяч сестерциев.

5. А Тиберий, его дядя, в ответ на его просьбы о должности, предоставил ему только знаки консульского достоинства; когда же тот упорствовал, требуя настоящей должности, Тиберий коротко написал, что уже послал ему сорок золотых на Сатурналии и Сигилларию. Тогда лишь он оставил всякую надежду на возвышение и удалился от всяких дел, укрываясь то в садах и загородном доме, то на кампанской вилле; и так он жил в обществе самых низких людей, усугубля позор своего тупоумия дурной славой игрока и пьяницы...

7. Только в правление Гая, его племянника, когда тот по приходе к власти всяческими заискиваниями старался приобрести добрую славу, был он допущен к высоким должностям и два месяца разделял с ним консульство; и случилось так, что когда он впервые вступал на форум с консульскими фасками, то на правое плечо ему опустился пролетающий мимо орел...

8. Но и это не избавляло его от оскорблений. Так, если он опаздывал на обед к назначенному часу, то он находил себе место не сразу, да и то разве обойдя всю палату. А когда, наевшись, начинал дремать — это с ним бывало частенько, — то шуты бросали в него косточками фиников или маслин, а иной раз, словно в шутку, будили хлыстом или прутьями; любили они также, пока он храпел, надевать ему на руки сандалии, чтобы он, внезапно разбуженный, тер себе ими лицо...

10. В таких и подобных обстоятельствах прожил он большую часть жизни, как вдруг поистине удивительным случаем достиг императорской власти. Когда, готовясь напасть на Гая, заговорщики оттесняли от него толпу, будто император желал остаться один, Клавдий был вытолкнут вместе с остальными и скрылся в комнату... оттуда при первом слухе об убийстве он в испуге бросился в соседнюю солнечную галерею и спрятался за занавесью у дверей. Какой-то солдат, пробегающий мимо, увидел его ноги, захотел проверить, кто там прячется, узнал его, вытащил, и когда тот в страхе припал к его ногам, приветствовал его императором и отвел к своим товарищам, которые попусту буйствовали, не зная, что делать дальше. Они посадили его на носилки, и так как носильщики разбегались, то сами, поочередно сменяясь, отнесли его к себе в лагерь, дрожащего от ужаса, а встречная толпа его жалела, словно это невинного тащили на казнь.

Ночь он провел за лагерным валом, окруженный стражей, успокоившись за свою жизнь, но тревожась за будущее. Дело в том, что консулы, сенат и городские когорты заняли форум и Капитолий, в твердом намерении провозгласить всеобщую свободу. Его также приглашали через народных трибунов в курию, чтобы участвовать в совете, а он отвечал, что его удерживают сила и принуждение. Однако на следующий день, когда сенат, утомленный разногласиями противоречивых мнений³, медлил с выполнением своих замыслов, а толпа стояла кругом, требовала единого властителя и уже называла его имя, — тогда он принял на вооруженной сходке присягу от воинов и обещал каждому по 15 тыс. сестерциев — первый среди цезарей, купивший за деньги преданность войска.

11. Утвердившись во власти, он раньше всего иного позаботился изгладить из памяти те два дня, когда под сомнением была прочность государственного устройства. Поэтому всё, что было сказано и сделано в это время, он постановил простить и предать

¹ «Получай своё!» (accipe ratum!) — т.е. получай то, что ты пожелал — именно внезапную смерть, подобную смерти от молнии Юпитера.

² От носилок. Заговорщики после убийства ускользнули в дворцовые комнаты, оставших перебили германцы; потом стража оцепила театр и бросила головы убитых на алтарь. Публика в панике ждала резни, носились слухи, что Гай жив и, раненый и окровавленный говорит на форуме с народом. Наконец, Павел Аррунций объявил о его смерти; германцы удалились, и народ бросился из театра.

³ В сенате начались споры за власть между Валерием Азиатиком и Марком Виницием, двумя вождями заговорщиков, народ в тревоге перед засильем аристократии стал требовать единовластного императора, городские когорты перешли на сторону Клавдия, и Херея не мог их удержать.

забвению, и постановление это выполнил: казнены были лишь несколько трибунов и центурионов¹ из участников заговора против Гая — как для примера, так и оттого, что они, как открылось, требовали умертвить и его...

И хотя все постановления Гая он отменил, однако день его гибели и своего прихода к власти запретил считать праздником.

12. Сам он в своем возвышении держался скромно, как простой гражданин. Имя императора² он отклонил, непомерные почести отвёрг, помолвку дочери и рождение внука отпраздновал обрядами без шума, в семейном кругу. Ни одного ссыльного он не возвратил без согласия сената...

Всем этим он в недолгий срок снискал себе великую любовь и привязанность. Когда во время его поездки в Остию распространился слух, будто он попал в засаду и был убит, народ был в ужасе и осыпал страшными проклятиями и воинов, словно изменников, и сенаторов, словно отцеубийц...

15. Когда... он сам разбирал и решал дела [в суде], то вёл себя с удивительным непостоянством: иногда он поступал осмотрительно и умно, иногда безрассудно и опрометчиво, а порой нелепо до безумия...

...Одна женщина отказывалась признать своего сына, но ни он, ни она не могли представить убедительных доказательств; Клавдий предложил ей выйти замуж за юношу и этим добился от неё признания...

...В другой раз шла речь о праве гражданства, и защитники завели пустой спор, выступать ли ответчику в плаще или в тоге; а он, словно похваливая своим беспристрастием, приказал ему все время менять платье, глядя по тому, обвинитель говорит или защитник. Говорят, что по одному делу он заявил, и даже письменно: «Я поддерживаю тех, кто говорил правду».

...Я даже слышал от стариков, будто сутяги так злоупотребляли его терпением, что когда он хотел сойти с судейского кресла, они не только призывали его вернуться, но и удерживали его, хватая за край тоги, а то и за ноги. И этому не приходится удивляться, если даже какой-то грек в судебных прениях крикнул ему «*А ты и старик и дурак!*» А один римский всадник, ...будучи обвинен по бесосновательным наговорам врагов в распутной жизни и увидев, что в качестве свидетелей против него вызывают и выслушивают самых непотребных женщин, разразился на Клавдия бранью за его глупость и грубость и так швырнул ему в лицо грифель и дощечки, что сильно поцарапал щеку.

16. Был он и цензором... Но и здесь обнаружил он непостоянство и неустойчивость... Виднейшего мужа, первого во всей греческой провинции, он вычеркнул из списка судей и даже лишил римского гражданства за то, что тот не знал латинского языка, так как давать отчет о своей жизни разрешал он только собственными словами, без помощи защитника...

18-19. Благоустройство и снабжение города было для него всегда предметом величайшей заботы. Когда в Эмилиевом предместье случился затяжной пожар, он двое суток подряд ночевал в дирибитории³; так как не хватало ни солдат, ни рабов, он через старост созывал для тушения народ со всех улиц и, поставив перед собой мешки, полные денег, тут же награждал за помощь каждого по заслугам. А когда со снабжением начались трудности из-за непрерывных неурожаев, и однажды его самого среди фораума толпа осыпала бранью и объедками хлеба, так что ему едва удалось черным ходом спастись во дворец, — с тех пор он ни перед чем не останавливался, чтобы наладить подвоз продовольствия даже к зимнюю пору. Торговцам он обеспечил твердую прибыль, обещав, если кто пострадает от бури, брать убыток на себя; а за постройку торговых кораблей предоставил большие выгоды для лиц всякого состояния: гражданам — свободу от закона Папия-Поппея, латинам — гражданское право, женщинам — право четырех детей⁴. Эти установления в силе и до сих пор.

20. Постройки он создал не столько многочисленные, сколько значительные и необходимые. Главнейшие из них — акведук⁵, начатый Гаем, а затем — водосток из Фуцинского озера и гавань в Остии, хоть он и знал, что первое из этих предприятий было отвергнуто Августом по неотступным просьбам марсов, а второе не раз обдумывалось божественным Юлием, но было оставлено из-за трудностей. По водопроводу Клавдия он провёл в город воду из обильных и свежих источников Церулейского, Курциева и Альбудигна, а по новым каменным аркам — из реки Аниена, и распределил её по множеству пышно украшенных водоемов. За Фуцинское озеро⁶ он взялся в надежде не только на славу, но и на прибыль, так как были люди, обещавшие взятых расходов по осушению на себя, чтобы получить за это осушенные поля. Местами перекопав, местами просверлив гору, он соорудил водосток в три мили длиной за одиннадцать лет, хотя 30 тыс. работников трудились над ним без перерыва. Гавань в Остии он построил, выведя в море валы слева и справа, а при входе поставив на глубоком месте волнолом: чтобы утвердить его, он затопил на этом месте тот корабль, на котором был из Египта привезен огромный обелиск⁷, укрепил его множеством свай и на них возвел высочайшую башню по образу александрийского Фароса, чтобы по ночам на её огонь держали путь корабли.

21. Раздачи народу он устраивал очень часто, зрелища показывал большие и многочисленные, и не только обычные и в обычных местах: он придумывал новые, возобновлял древние и представлял их там, где никто до него. При освящении Помпеева театра, отстроенного им после пожара, он открывал игры с трибуны посреди оркестры, куда спустился после молебствия в верхнем храме через безмолвные ряды сидящих зрителей...

...На Марсовом поле он дал военное представление, изображавшее взятие и разграбление города, а потом покорение британских царей, и сам распоряжался, сидя в плаще полководца. Даже перед спуском Фуцинского озера он устроил на нем морское сражение. Но когда бойцы прокричали ему: «Здравствуй, император, идущие на смерть приветствуют тебя!» — он им ответил: «А может, и нет» — и, увидев в этих словах помилование, все они отказались сражаться. Клавдий долго колебался, не расправиться ли с ними огнем и мечом, но потом вскочил и, противно ковыляя, припустился вдоль берега с угрозами и уговорами, пока не заставил их выйти на бой...

22. В священных обычаях, в гражданских и военных порядках, в отношении всех сословий, как в Риме, так и в провинции, он сделал много изменений, восстановил забытое и даже ввел новое...

23. Судопроизводство, разделенное ранее на летнее и зимнее полугодия, он сделал непрерывным...

¹ Херее по его просьбе отрубили голову тем мечом, каким он убил Калигулу, Луп дрожал, подставляя голову, и погиб лишь после второго удара, Сабин сам бросился на меч (*Иосиф Флавий*. Указ. соч. XIX, 4-5).

² Имя «*Император*» вместо своего личного имени «Гай» впервые принял Август, потом Нерон, потом, начиная с Веспасиана, это делали все императоры.

³ *Дирибиторий* — здание на Марсовом поле для подсчета голосов на выборах и раздачи жалованья солдатам; Эмилиевое поместье, по-видимому, находилось, в том же северо-западном конце Рима.

⁴ По праву *четырёх детей* вольноотпущенницы получали освобождение от покровительства патрона.

⁵ Акведук (водопровод) — его длина была 59 км, суточный объем воды — 191 200 кубометров, стоимость — 55,5 млн. сестерциев; «нет ничего более достойного восхищения в целом мире», — писал о нем Плиний (36, 15, 123).

⁶ Спуск *Фуцинского озера* был произведен по подземному каналу в реку Лирис: «невозможно вообразить его, не видев, и невозможно рассказать о нем человеческим языком», — говорит Плиний об этом сооружении (36, 15, 124); но по небрежности Нарцисса, заведовавшего стройкой, канал скоро пришел в негодность: Траяну и Адриану пришлось вновь его отстраивать.

⁷ *Обелиск* («огромный» в отличие от двух меньших, воздвигнутых Августом) был привезен из Египта при Калигуле и поставлен в цирке на Ватикане; ныне он стоит перед собором св. Петра. Корабль, специально построенный для его перевозки, был чудом античной техники: по описанию Плиния, он вмещал 120 тыс. мер балласта, и мачта его была в четыре охвата.

24. ...У тех, кто отказывался от сенаторского достоинства, он отнимал и всадническое. Несмотря на то, что вначале он обещал выбирать в сенат только тех, чьи предки до пятого колена были римскими гражданами, однажды он предоставил сенаторское достоинство даже сыну вольноотпущенника, — правда, с тем условием, чтобы прежде он был усыновлен римским всадником...

...Коллегии квесторов вместо заботы о мощении дорог он поручил устройство гладиаторских игр; и освободив квесторов от обязанностей в Галлии и в Остии, он вернул им заведование казной при храме Сатурна, принадлежавшее до того преторам или, как и теперь, бывшим преторам.

25. Для всадников он установил такой порядок прохождения воинской службы, чтобы они получали под начало сперва когрту, потом конный отряд и, наконец, легион; он назначил им жалованье и ввел условную службу, названную «неуставной», которую можно было отслуживать заочно и только по имени...

...Вольноотпущенников, выдававших себя за римских всадников, он лишал имущества, а тех, на кого патроны жаловались за неблагодарность, возвращал в рабство, заступникам же их заявил, чтобы они после этого уже не подавали ему жалоб на собственных вольноотпущенников. Так как иные, не желая тратиться на лечение больных и истощенных рабов, выбрасывали их на Эскулапов остров, то этих выброшенных рабов он объявил свободными: если они выздоравливали, то не должны были возвращаться к хозяину, а если хозяин хотел лучше убить их, чем выбросить, то он подлежал обвинению в убийстве...

Лицам иноземного происхождения он воспретил принимать римские имена — по крайней мере, родовые. Кто ложно выдавал себя за римского гражданина, тому отрубали голову на Эсквилинском поле. Провинции Ахайю и Македонию, которые Тиберий взял под свое управление, он вернул сенату. Ликийцев за пагубные междоусобицы он лишил свободы, родосцам, покаявшимся в былых провинностях, вернул свободу. Жителей Илиона как родоначальников римского народа он навеки освободил от подати, огласив написанное на греческом языке старинное письмо, в котором сенат и народ римский предлагал царю Селевку дружбу и союз только за то, чтобы он предоставил соплеменникам их илионянам, свободу от всяких поборов. Иудеев, постоянно волнуемых Хрестом, он изгнал из Рима. Германским послам он позволил сидеть в оркестре, так как ему понравилась их простота и твердость: им отвели места среди народа, но они, заметив, что парфяне и армяне сидят вместе с сенаторами, самовольно перешли на те же места, заявляя, что они ничуть не ниже их ни положением, ни доблестью. Богослужение галльских друидов¹, нечеловечески ужасное и запрещенное для римских граждан ещё при Августе, он уничтожил совершенно. Напротив, элевсинские святыни он даже пытался перенести из Аттики в Рим, а сицилийский храм Венеры Эрикийской², рухнувший от ветхости, по его предложению был восстановлен из средств римской государственной казны. Договоры с царями он заключал на форуме, принося в жертву свинью и произнося древний приговор фециалов. Однако и это, и другое, и всё его правление по большей части направлялось не им, а волею его жён и вольноотпущенников, и он почти всегда и во всём вел себя так, как было им угодно или выгодно.

29. [У этих людей был] он в таком подчинении, что вёл себя не как правитель, а как служитель: ради выгоды, желания, прихоти любого из них он щедро раздавал и должности, и военачальства, и прощения, и наказания, обычно даже сам ничего не зная и не ведая об этом... 35 сенаторов и более трехсот римских всадников были казнены им с редким безразличием: когда уже центурион, докладывая о казни одного консуляра, сказал, что приказ исполнен, он вдруг заявил, что никаких приказов не давал; однако сделанное одобрил, так как отпущенники уверили его, что солдаты исполнили свой долг, по собственному почину бросившись мстить за императора...

40. Он не лишен был ни учености, ни красноречия и всегда с усердием занимался благородными искусствами...

41. Историю он начал сочинять ещё в юности, по совету Тита Ливия и с помощью Сульпиция Флава. Но когда он в первый раз выступил с нею перед большим собранием, то с трудом дочитал до конца, и сам был виноват, что встретили его холодно. Дело в том, что в начале чтения вдруг подломились несколько сидений под каким-то толстяком, вызвав общий хохот; шум удалось унять, но и после этого Клавдий, то и дело вспоминая о случившемся, не мог удержаться от хихиканья. Во время своего правления он также много писал и всегда оглашал написанное с помощью чтеца³. Начал он свою историю с убийства диктатора Цезаря, но потом перешел к позднейшим временам и взял началом установление гражданского мира [29 или 27 г. до н.э.]. Он видел, что о событиях более ранних правдивый и свободный рассказ уже был невозможен, так как за это его бранили и мать и бабка; и о предшествующих временах он оставил только две книги, а о последующих — сорок одну. Сочинил он также восемь книг о своей жизни..., а также «В защиту Цицерона против писаний Азиния Галла», произведение весьма ученое. Он даже выдумал три новые буквы, считая необходимым прибавить их к старым; ещё в бытность свою частным человеком он издал об этом книгу, а став правителем, без труда добился принятия этих букв во всеобщее употребление. Знаки их сохранились во многих книгах, ведомостях и надписях на постройках.

42. Греческой словесностью занимался он с не меньшим старанием, при всяком удобном случае выражая свою любовь и предпочтение к этому языку... Предлагая вниманию отцов-сенаторов провинцию Ахайю, он говорил, что она дорога ему из-за их ученых связей. А греческим послам в сенате он нередко отвечал целыми речами. Даже в суде он любил напоминать стихи Гомера... По-гречески он тоже писал истории: этрусскую — в двадцати книгах и карфагенскую — в восьми. По этой причине он присоединил к старому александрийскому Мусею новый, названный его именем [Клавдиэй], и распорядился, чтобы из года в год по установленным дням сменяющиеся чтецы оглашали в одном из них этрусскую историю, в другом — карфагенскую: книгу за книгой, с начала до конца, как на открытых чтениях.

43. К концу жизни он начал обнаруживать явные признаки сожаления о браке с Агриппиной и усыновлении Нерона...

Умер он от яда⁴, как признают все...

45. Смерть его скрывали, пока не обеспечили всё для его преемника... Погребенный с пышностью, подобающей правителю, он был сопричтен к богам; впоследствии Нерон отказал ему в этих почестях и отменил их, но... Веспасиан восстановил их вновь.

№4

НЕРОН (54-68 гг.)

(ГАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛЛ, НЕРОН)

б. ...Трех месяцев он потерял отца; по завещанию он получил третью часть наследства, да и ту не полностью... Потом и мать его была сослана, а он, в нужде и почти в нищете, рос в доме своей тетки Лепиды под надзором двух дядек, танцовщика и

¹ Друиды ужасали римлян обычаями человеческих жертвоприношений; их культ был запрещен Тиберием, но пережитки его сохранились и позднее.

² Храм Венеры на горе Эрик, заложенный, по преданию, Энеем, был в чести у римлян: восстановить его обещал ещё Тиберий (Тацит. Анн. IV. 43).

³ Из-за своего занаятия.

⁴ Яд был приготовлен знаменитой Лукустой; Тацит рассказывает (Анн. XII, 66-67), что яд Клавдию подал Галот, а когда он не подействовал, то врач Ксенофонт, якобы желая вызвать рвоту, ввёл ему в горло пёрышко, намазанное быстродействующим ядом.

цирюльника. Но когда Клавдий принял власть, ему не только было возвращено отцовское имущество, но и добавлено наследство его отчима... А благодаря влиянию и могуществу матери, возвращенной из ссылки и восстановленной в правах, он достиг такого положения, что ходил даже слух, будто Мессалина, жена Клавдия, видя в нем соперника Британику подсылала убийц задушить его во время полуденного сна...

7. Ещё в детстве, не достигнув даже отроческого возраста, выступал он в цирке на Троянских играх, много раз и с большим успехом. На [13-м] году он был усыновлен Клавдием и отдан на воспитание Аннею Сенеке, тогда уже сенатору... [50 г. н.э.]

...В день совершеннолетия он был представлен народу и обещал плебейам раздачу, а воинам подарки; когда преторианцы начали бег в оружии, он со щитом бежал впереди, а потом в сенате произнес благодарственную речь отцу...

8. Ему шёл 17-й год, когда было объявлено о кончине Клавдия... На ступенях дворца его приветствовали императором, потом на носилках отнесли в лагерь, оттуда, после краткого его обращения к солдатам, — в сенат; а из сената он вышел уже вечером, осыпанный бесчисленными почестями, из которых только звание отца отечества он отклонил по молодости лет.

9. Начал он с того, что постарался показать свои родственные чувства. Клавдия он почтил великолепным погребением, похвальной речью и обожествлением¹... Матери он доверил все свои общественные и частные дела. В первый же день правления он назначил трибуну телохранителей паролем: «лучшая мать», а потом часто появлялся с нею на улицах в одних носилках. В Анций он вывел колонию из отслуживших преторианцев, к которым были присоединены и переселенные из Рима старшие центурионы; там же построил он и дорожную стовию гавань.

10. ...Он объявил, что править будет по начертаниям Августа, и не пропускал ни единого случая показать свою щедрость, милость и мягкость. Обременительные подати² он или отменил или умерил. Награды доносчикам по Папиеву закону он сократил вчетверо. Народу он роздал по 400 сестерциев на человека, сенаторам из знатнейших, но обедневших родов назначил ежегодное пособие, иным до пятисот тысяч, преторианские когорты на месяц освободил от платы за хлеб. Когда ему предложили на подпись указ о казни какого-то уголовного преступника, он воскликнул: «О если бы я не умел писать!» Граждан из всех сословий он приветствовал сразу и без напоминания. Когда сенат воздавал ему благодарность, он сказал: «Я ещё должен её заслужить». Он позволял народу смотреть на его военные упражнения, часто декламировал при всех и даже произносил стихи, как дома, так и в театре; и общее ликование было таково, что постановлено было устроить всенародное молебствие³, а прочитанные строки стихотворения записать золотыми буквами и посвятить Юпитеру Капитолийскому.

11. Зрелищ он устраивал многочисленные и разнообразные: юношеские игры⁴, цирковые скачки, театральные представления, гладиаторский бой. На юношеских играх он заставил выступить даже стариков сенаторов и престарелых матрон. На цирковых скачках он отделил особые места для всадничества⁵ и вывел колесницы, запряжённые четырьмя верблюдами. На представлениях, которые он учредил во имя вечности империи и назвал Великими играми, в комедиях выступали мужчины и женщины из высших сословий, именитый римский всадник верхом на слоне прошёл по натянутому канату, а в Афраниевой тогате⁶ «Пожар» актерам было позволено хватать и забирать себе утварь из горящего дома; а в народ каждый день бросали всяческие подарки — разных птиц по тысяче в день, снедь любого рода, тессеры⁷ на зерно, платье, золото, серебро, драгоценные камни, жемчужины, картины, рабов, скотину, даже на ручных зверей, а потом и на корабли, и на дома, и на поместья.

12. Смотрел он на эти игры с высоты прощения⁸. В гладиаторской битве, устроенной в деревянном амфитеатре близ Марсова поля — соорудили его целый год, — он не позволил убить ни одного бойца, даже из преступников. Он заставил сражаться даже 400 сенаторов и 600 всадников, многих — с нетронутым состоянием и незапятнанным именем; из тех же сословий выбрал он и зверобоев, и служителей на арене. Показал он и морской бой⁹ с морскими животными в соленой воде, показал и военные пляски отборных эфебов: после представления каждому из них он вручил грамоту на римское гражданство. В одной из этих плясок представлялось, как бы покрывал Пасифаю, спрятанную в деревянной телке, — по крайней мере, так казалось зрителям; в другой — Икар при первом же полете упал близ императора и своею кровью забрызгал и его ложе и его самого...

13. К числу устроенных им зрелищ по праву можно отнести и прибытие в Рим Тиридата¹⁰. Это был армянский царь, которого Нерон привлёк несчетными обещаниями. День его появления перед народом был объявлен эдиктом, потом из-за пасмурной погоды отложен до самого удобного срока; вокруг храмов на форуме выстроились вооруженные когорты, сам Нерон в одеянии триумфатора сидел в консульском кресле, на ростральной трибуне, окруженный боевыми значками и знаменами. Сперва Тиридат взошел к нему по наклонному помосту и склонился к его коленям, а он его поднял правою рукою и облобызал; потом по его мольбе он снял с его головы тиару и возложил диадему, между тем как сенатор преторского звания громко переводил для толпы слова молящего; и наконец, он повел его в театр и там после нового моления посадил по правую руку с собою рядом. За это он был провозглашен императором, принес лавры в Капитолийский храм и запер заветные ворота Януса в знак, что нигде более не ведется войны.

15. ...В сенат он долго не принимал сыновей вольноотпущенников, а принятых его предшественниками не допускал до высших должностей. Соискателей, оставшихся без должности, он в возмещение за отсрочку и промедление поставил начальниками легионов...

16. Городские здания он придумал сооружать по-новому, чтобы перед домами и особняками строились портики с плоскими крышами, с которых можно было бы тушить пожар; возводил он их на свой счёт. Собирался он даже продлить городские стены до Остии, а море по каналу подвести к самому Риму.

Многие строгости и ограничения были при нем восстановлены, многие введены впервые: ограничена роскошь; всенародные угощения заменены раздачей закусок; в харчевнях запрещено продавать вареную пищу, кроме овощей и зелени — а раньше там торговали любыми кушаньями; наказаны христиане, приверженцы нового и зловерного суеверия; запрещены забавы колес-

¹ Похвальную речь Клавдию составил Сенека («из обладавших властью Нерон первым нуждался в чужом красноречии...» — Тацит, Анн., XIII, 3).

² Отмена недонмок и незаконных поборов откупщиков, отмена 4% налога на продажу рабов (мнимая, так как соответственно цены на рабов были повышены: Тацит, Анн., XIII, 31).

³ Всенародное молебствие до сих пор назначалось лишь в честь полководцев после больших побед.

⁴ Юношеские игры исполнялись не профессиональными актерами, а любителями, что облегчало императору его первое выступление на сцене.

⁵ Особые места для всадничества ранее отделились лишь в театре (Клав., 21, 3).

⁶ Тогата — комедия из римского быта («с лицами, одетыми в тогу»): лучшие из них, сочиненные в конце II в. до н.э., надолго сохранили популярность.

⁷ Тессеры — «шарики, на которых было написано, сколько какого добра причитается получателю» (Дион, 62, 18).

⁸ Из ложи, выдававшейся сбоку над передней частью сцены.

⁹ Морской бой описывает Дион: «В театр, где он показывал зрелища, внезапно была пущена морская вода, в которой даже плавали рыбы и морские животные, и в этом бассейне был устроен морской бой между персами и афинянами, а после этого воду тотчас выпустили, и на сухом дне снова вышли друг на друга бойцы, уже не один на один, а отряд на отряд» (Дион, 61, 9).

¹⁰ Долгая борьба между Римом и Парфией за протекторат над Арменией закончилась победой парфян: царём Армении стал парфянский принц Тиридат, и только для удовлетворения римской гордости было оговорено, что Тиридат примет царскую власть в Риме из рук Нерона.

ничных возниц, которым давний обычай позволял бродить повсюду, для потехи обманывая и грабя прохожих; отправлены в ссылку пантомимы со всеми своими сторонниками...

18. Расширять и увеличивать державу у него не было ни охоты, ни надежды. Даже из Британии он подумывал вывести войска и не сделал этого лишь из стыда показаться завистником отцовской славы. Только Понтийское царство с согласия Полемона, да Альпийское после смерти Коттия он обратил в провинции...

20. В детские годы вместе с другими науками изучал он и музыку. Придя к власти, он тотчас пригласил к себе лучшего в то время кифареда Терпна и много дней подряд слушал его после обеда до поздней ночи, а потом и сам постепенно начал упражняться в этом искусстве. Он не упускал ни одного из средств, какими обычно пользуются мастера для сохранения и укрепления голоса: лежал на спине со свинцовым листом на груди, очищал желудок промываниями и рвотой, воздерживался от плодов и других вредных для голоса кушаний¹. И хотя голос у него был слабый и силпый, все же, радуясь своим успехам, он пожелал выступить на сцене: «чего никто не слышит, того никто не ценит», — повторял он друзьям греческую пословицу...

21. ...Важнее всего казалось ему выступить в Риме. Поэтому он возобновил Нероновы состязания раньше положенного срока. Правда, хотя все кричали, что хотят услышать его божественный голос, он сперва ответил, что желающих он постарается удовлетворить в своих садах; но когда к просьбам толпы присоединились солдаты, стоявшие в это время на страже, то он с готовностью заявил, что выступит хоть сейчас. И тут же он приказал занести своё имя в список кифаредов-состязателей, бросил в урну свой жребий вместе с другими, дождался своей очереди и вышел: кифару его несли начальники преторианцев, затем шли войсковые трибуны, а рядом с ним — ближайшие друзья. Встав на сцене и произнеся вступительные слова, он через Клувия Руфа, бывшего консула, объявил, что петь он будет «Ниобу», и пел её почти до десятого часа [т.е. за два часа до заката]...

...Пел он и трагедии, выступая в масках героев и богов и даже героинь и богинь: черты масок напоминали его лицо или лица женщин, которых он любил...

22. К скачкам его страсть была безмерна с малых лет... Уже став императором, он продолжал играть на доске маленькими колесницами из слоновой кости, и на все цирковые игры, даже самые незначительные, приезжал со своих вилл — сперва тайно, потом открыто... Потом он и сам пожелал выступить возницей, и даже всенародно: поупражнявшись в садах, среди рабов и черного народа, он появился на колеснице перед зрителями в Большом цирке... Но ему мало было показать свое искусство в Риме, и он... отправился в Ахайю. ...Все греческие города, в которых бывали музыкальные состязания, постановили послать ему венки кифаредов. Он принял венки с великой радостью, а послов, прибывших с ними, допустил к себе прежде всех и даже пригласил на дружеский обед. За обедом некоторые из них упростили его спеть и наградили шумными рукоплесканиями. Тогда он заявил, что только греки умеют его слушать и только они достойны его стараний... Без промедленья он пустился в путь и тотчас по переезде выступил в Кассиопе с пением перед алтарем Юпитера Кассия, а потом объехал одно за другим все состязания.

23. Для этого он приказал в один год совместить праздники самых разных сроков, хотя бы их пришлось повторять, и даже в Олимпии вопреки обычаю устроил музыкальные игры. Ничто не должно было отвлекать его от этих занятий: когда вольноотпущенник Гелий написал ему, что римские дела требуют его присутствия, он ответил так: «Ты советуешь и желаешь, чтобы я поскорей вернулся, а лучше было бы тебе убеждать и умолять меня вернуться достойным Нерона».

Когда он пел, никому не дозволялось выходить из театра, даже по необходимости. Поэтому, говорят, некоторые женщины рожали в театре, а многие, не в силах более его слушать и хвалить, перебирались через стены, так как ворота были закрыты, или притворялись мертвыми, чтобы их выносили на носилках. Как робел и трепетал он, выступая, как ревновал своих соперников, как страшился судей, трудно даже поверить. Соперников он обхаживал, заискивал перед ними, злословил о них потихоньку, порой осыпал их бранью при встрече, словно равных себе, а тех, кто был искуснее его, старался даже подкупать. К судьям он перед выступлениями обращался с величайшим почтением, уверяя, что он сделал все, что нужно, однако всякий исход есть дело случая, и они, люди премудрые и ученые, должны эти случайности во внимание не принимать. Судьи просили его мужаться, и он отступал, успокоенный, но все-таки в тревоге: молчанье и сдержанность некоторых из них казались ему недовольством и недоброжелательством, и он заявлял, что эти люди ему подозрительны.

24. При соревновании он тщательно соблюдал все порядки: не смел откашляться, пот со лба вытирал руками, а когда в какой-то трагедии выронил и быстро подхватил свой жезл, то в страхе трепетал, что за это его исключат из состязания, и успокоился тогда лишь, когда второй актер ему поклонился, что никто этого не заметил за рукоплесканьями и кликами народа. Победителем он объявлял себя сам, поэтому всякий раз он участвовал и в состязании глашатаев. А чтобы от прежних победителей нигде не осталось ни следа, ни памяти, все их статуи и изображения он приказывал опрокидывать, тащить крюками и сбрасывать в отхожие места. Выступал он много раз и возницею, в Олимпии он правил даже упряжкой в десять лошадей, хотя сам за это в одном стихотворении порицал царя Митридата. Правда, здесь он был выброшен из колесницы; его вновь туда посадили, но продолжать скачку он уже не мог и сошел с арены; однако несмотря на это получил венок. Отправляясь в обратный путь, он подарил всей провинции свободу², а судьям — римское гражданство и немалую денежную награду: об этой милости объявил он собственными устами в день Истмийских игр³ с середины стадиона...

26. Наглость, похоть, распущенность, скупость, жестокость его поначалу проявлялись постепенно и незаметно, словно юношеские увлечения, но уже тогда всем было ясно, что пороки эти — от природы, а не от возраста. Едва смеркалось, как он надевал накладные волосы или войлочную шапку и шел слоняться по кабакам или бродить по переулкам. Забавы его были не безобидны: людей, возвращавшихся с ужина, он то и дело колотил, а при сопротивлении наносил им раны и сбрасывал их в сточные канавы; в кабаки он вламывался и грабил, а во дворце устроил лагерный рынок, где захваченная добыча по частям продавалась с торгов, а выручка пропивалась. Не раз в таких потасовках ему могли выбить глаз, а то и вовсе прикончить: один сенатор избил его чуть не до смерти за то, что он пристал к его жене. С этих пор он выходил в поздний час не иначе, как в сопровождении войсковых трибунов, неприметно державшихся в стороне. Иногда и среди бела дня он в качалке тайно являлся в театр и с высоты прощания поощрял и наблюдал распри из-за пантомимов, а когда дело доходило до драк и в ход пускались камни и обломки скамеек, он сам швырял в толпу чем попало и даже проломил голову одному претору.

27. Когда же постепенно дурные наклонности в нем окрепли, он перестал шутить и прятаться и бросился уже не таясь в ещё худшие пороки. Пиры он затягивал с полудня до полуночи, время от времени освежаясь в купальнях, зимой тёплых, летом холодных; пировал он и при народе, на искусственном пруду или в Большом цирке, где прислуживали проститутки и танцовщицы со всего Рима. Когда он проплывал по Тибру в Остию или по заливу в Байи, по берегам устраивались харчевни, где было всё для

¹ По Плинию (19, 33, 108), для сохранения голоса Нерон каждый месяц в определённые дни постился, питаясь только рубленным пореем в масле.

² Т.е. местное самоуправление и свободу от податей; ее вновь отнял у греков Веспасиан, иронически заметив, что греки разучились быть свободными.

³ Как некогда Фламиний, объявивший грекам их свободу от македонской власти (196 г. до н.э.).

бражничанья и разврата, и где одетые шинкарками матроны отовсюду зывали его причалить. Устраивал он пиры и за счёт друзей — один из них, с раздачею шелков, обошёлся в четыре миллиона сестерциев, а другой, с розовою водою, ещё дороже.

28. Мало того, что жил он и со свободными мальчиками и с замужними женщинами: он изнасиловал даже весталку Рубрию. С вольноотпущенницей Актой он чуть было не вступил в законный брак, подкупив нескольких сенаторов консульского звания поклясться, будто она из царского рода. Мальчика Спора он сделал евнухом и даже пытался сделать женщиной: он справил с ним свадьбу со всеми обрядами, с приданым и с факелом, с великой пышностью ввёл его в свой дом и жил с ним как с женой. Ещё памятна чья-то удачная шутка: счастливы были бы люди, будь у Неронова отца такая жена! Этого Спора он одел, как императрицу, и в носилках возил его с собою и в Греции по собраниям и торжищам, и потом в Риме по Сигиллариям¹, то и дело его целуя. Он искал любовной связи даже с матерью, и удержали его только её враги, опасаясь, что властная и безудержная женщина приобретёт этим слишком много влияния. В этом не сомневался никто, особенно после того, как он взял в наложницы блудницу, которая славилась сходством с Агриппиной; уверяют даже, будто разъезжая в носилках вместе с матерью, он предавался с нею кровосмесительной похоти, о чём свидетельствовали пятна на одежде.

29. А собственное тело он столько раз отдавал на разврат, что едва ли хоть один его член остался неосквернённым. В довершение он придумал новую потеху: в звериной шкуре он выскакивал из клетки, набрасываясь на привязанных к столбам голых мужчин и женщин и, насытив дикую похоть, отдавался вольноотпущеннику Дорифору: за этого Дорифора он вышел замуж, как за него — Спор, крича и вопя как насилюемая девушка. От некоторых я слышал, будто он твёрдо был убежден, что нет на свете человека целомудренного и хоть в чём-нибудь чистого, и что люди лишь таят и ловко скрывают свои пороки: поэтому тем, кто признавался ему в разврате, он прощал и все остальные грехи.

30. Для денег и богатств он единственным применением считал мотовство: людей расчётливых называл он грязными скрягами, а беспутных расточителей — молодцами со вкусом и умеющими пожить. В дяде своём Гае больше всего хвалил он и восхищался тем, как сумел он промотать за малое время огромное наследство Тиберия. Поэтому и сам он не знал удержу ни в тратах, ни в щедротах. На Тиридата, хоть это и кажется невероятным, он тратил по восемьсот тысяч в день, а при отъезде пожаловал ему больше ста миллионов. Кифареду Менекрату и гладиатору Спикуну он подарил имущества и дворцы триумфаторов. Ростовщик Керкопитек Панерот, получивший от него богатейшие городские и загородные имения, был им погребён почти как царь. Ни одного платья он не надевал дважды. Ставки в игре делал по четыреста тысяч сестерциев. Рыбу ловил позолоченной сетью из пурпурных и красных веревок. А путешествовал не меньше чем с тысячей повозок: у мулов были серебряные подковы, на погонщиках — канузийское сукно, а кругом — толпа скороходов и мавританских всадников в запястьях и бляхах.

31. Но более всего был он расточителен в постройках. От Палатина до самого Эсквилина он выстроил дворец, назвав его сначала Проходным, а потом, после пожара и восстановления, — Золотым. О размерах его и убранстве достаточно будет упомянуть вот что. Прихожая в нем была такой высоты, что в ней стояла колоссальная статуя императора ростом в сто двадцать футов; площадь его была такова, что тройной портик по сторонам был в милю длиной; внутри был пруд, подобный морю, окруженный строениями, подобными городам, а затем — поля, пестреющие пашнями, пастбищами, лесами и виноградниками, и на них — множество домашней скотины и диких зверей. В остальных покоях все было покрыто золотом, украшено драгоценными камнями и жемчужными раковинами; в обеденных палатах потолки были штучные, с поворотными плитами, чтобы рассыпать цветы, с отверстиями, чтобы рассеивать ароматы; главная палата была круглая и днем и ночью безостановочно вращалась вслед небосводу; в банях текли соленые и серные воды. И когда такой дворец был закончен и освящен, Нерон только и сказал ему в похвалу, что теперь, наконец, он будет жить по-человечески.

Кроме того, начал он строить купальню от Мизена до Авернского озера, крытую и с портиками по сторонам, в которую хотел отвести все Байские горячие источники; начал и канал от Аверна до самой Остии, чтобы можно было туда ездить на судах, но не по морю; длиною он должен был быть в сто шестьдесят миль, а шириною такой, чтобы могли разойтись две квинкверемы. Для производства этих работ он приказал всех ссыльных отовсюду свезти в Италию, и даже уголовных преступников велел приговаривать только к этим работам. На эти безумные расходы толкала его не только уверенность в богатстве империи, но и безумная надежда отыскать под землей несметные клады: один римский всадник уверял его клятвенно, будто в Африке в огромных пещерах погребены сокровища древней казны, которую увезла с собой в бегстве из Тира царица Дидона, и добыть их можно почти без труда.

33. Злодейства и убийства свои он начал с Клавдия. Он не был зачинщиком его умерщвления, но знал о нем и не скрывал этого: так, белые грибы он всегда с тех пор называл по греческой поговорке «пищей богов», потому что в белых грибах Клавдию поднесли отраву... Британика, которому он завидовал, так как у того был приятнее голос, и которого он боялся², так как народ мог отдать тому предпочтение в память отца, решился он извести ядом. Этот яд получил он от некоей Лукусты, изобретательницы отрав; но яд оказался слабее, чем думали, и Британика только прослабило. Тогда он вызвал женщину к себе и стал избивать собственными руками, крича, что она дала не отраву, а лекарство. Та оправдывалась, что положила яду поменьше, желая отвести позорение в убийстве; но он воскликнул: «Уж не боюсь ли я Юлиева закона!» — и заставил её тут же, в спальне, у себя на глазах сварить самый сильный и быстродействующий яд. Отраву испытали на козле, и он умер через пять часов; перекипятив снова и снова, её дали поросёнку, и тот околел на месте; тогда Нерон приказал подать её к столу и поднести обедавшему с ним Британику. С первого же глотка тот упал мёртвым; а Нерон, солгав сотрапезникам, будто это обычный припадок падучей, на следующий же день, в проливной дождь, похоронил его торопливо и без почестей. Лукуста же за сделанное дело получила и безнаказанность, и богатые поместья, и даже учеников.

34. Мать свою невзлюбил он за то, что она следила и строго судила его слова и поступки. Сперва он только старался так или иначе возбудить к ней ненависть, грозясь отказаться от власти и удалиться на Родос; потом лишил её всех почестей и власти, отнял воинов и германских телохранителей, отказал ей от дома и изгнал из дворца; но и тут ни на миг не давал он ей покоя — нанятые им люди досаждали ей в Риме тяжбами, а на отдыхе насмешками и бранью, преследуя её на суше и на море. Наконец, в страхе перед её угрозами и неукротимостью, он решился её погубить. Три раза он пытался отравить её, пока не понял, что она заранее принимает противоядия. Тогда он устроил над её постелью штучный потолок, чтобы машиной высвободить его из пазов и обрушить на спящую, но соучастникам не удалось сохранить замысел в тайне. Тогда он выдумал распадающийся корабль, чтобы погубить её крушением или обвалом каюты: притворно сменив гнев на милость, он самым нежным письмом пригласил её в Байи, чтобы вместе отпраздновать Квинкватрии, задержал её здесь на пиру, а триерархам отдал приказ повредить её либурнскую галеру,

¹ Сигилларии — здесь: улица или квартал Рима.

² Агриппина, не встречая в Нероне достаточной покорности, пригрозила ему обратиться к Британику как к более законному наследнику; это и погубило Британика. Смерть его на пиру на глазах у Агриппины и Октавия ярко описана Тацитом (Анн., XIII, 15-17).

будто бы при нечаянном столкновении; и когда она собралась обратно в Бавлы, он дал ей вместо поврежденного свой искусно состроенный корабль, проводил её ласково и на прощанье даже поцеловал в грудь. Остаток ночи он провел без сна, с великим трепетом ожидая исхода предприятия. А когда он узнал, что всё вышло иначе, что она ускользнула вплавь¹, и когда её отпущенник Луций Агерм радостно принес весть, что она жива и невредима, тогда он, не в силах ничего придумать, велел незаметно подбросить Агерму кинжал, потом схватить его и связать, как подосланного убийцу, а мать умертвить, как будто она, уличённая в преступлении, сама наложила на себя руки. К этому добавляют... ещё более ужасные подробности: будто бы он сам прибежал посмотреть на тело убитой, ощупывал её члены, то похваливая их, то поругивая, захотел от этого пить и тут же пьянствовал. Но хотя и воины, и сенат, и народ ободряли его своими поздравлениями, угрызений совести он не избежал ни тогда, ни потом, и не раз признавался, что его преследует образ матери и бичующие Фурии с горящими факелами. Поэтому он устраивал и священнодействия магов, пытаясь вызвать дух умершей и вымолить прощение, поэтому и в Греции на элевсинских таинствах, где глашатай велит удалиться нечестивцам и преступникам, он не осмелился принять посвящение. За умерщвлением матери последовало убийство тётки. Её он посетил, когда она лежала, страдая запором; старуха погладила, как обычно, пушок на его щеках и сказала ласково: «Увидеть бы мне вот эту бороду остриженной, а там и помереть можно»; а он, обратясь к друзьям, насмешливо сказал, что острижёт её хоть сейчас, и велел врачам дать большой слабительного свыше меры. Она ещё не скончалась, как он уже вступил в её наследство, скрыв завещание, чтобы ничего не упустить из рук...

37. После этого он казнил уже без меры и разбора кого угодно и за что угодно. Не говоря об остальных, Сальвидиен Орфит был обвинен за то, что сдал внаймы послам от вольных городов три харчевни в своем доме близ форума; слепой правовед Кассий Лонгин — за то, что сохранил среди старинных родовых изображений предков образ Гая Кассия, убийцы Цезаря; Фрасея Пет — за то, что вид у него всегда был мрачный, как у наставника. Приказывая умереть, он оставлял осуждённым считанные часы жизни; а чтобы не было промедления, он приставлял к ним врачей, которые тотчас «приходили на помощь» к нерешительным — так называл он смертельное вскрытие жил. Был один знаменитый обжора родом из Египта, который умел есть и сырое мясо, и что угодно — говорят, Нерону хотелось дать ему растерзать и сожрать живых людей. Гордясь и спесивясь такими своими успехами, он восклицал, что ни один из его предшественников не знал, какая власть в его руках, и порою намекал часто и открыто, что и остальных сенаторов он не пощадит, всё их сословие когда-нибудь искоренит из государства, а войска и провинции поручит всадничеству и вольноотпущенникам...

38. Но и к народу, и к самым стенам отечества он не ведал жалости... Словно ему претили безобразные старые дома и узкие кривые переулки, он поджёг Рим настолько открыто, что многие консуляры ловили у себя во дворах его слуг с факелами и паклей, но не осмеливались их трогать; а житницы, стоявшие поблизости от Золотого дворца и, по мнению Нерона, отнимавшие у него слишком много места, были как будто сначала разрушены военными машинами, а потом подожжены, потому что стены их были из камня. Шесть дней и семь ночей свирепствовало бедствие, а народ искал убежища в каменных памятниках и склепах. Кроме бесчисленных жилых построек, горели дома древних полководцев, ещё украшенные вражеской добычей, горели храмы богов, возведённые и освящённые в годы царей, а потом — пунических и галльских войн, горело всё достойное и памятное, что сохранилось от древних времен. На этот пожар он смотрел с Мecenатовой башни, наслаждаясь, по его словам, великолепным пламенем, и в театральном одеянии пел «Крушение Трои». Но и здесь не упустил он случая для добычи и поживы: объявив, что обломки и трупы будут сожжены на государственный счёт, он не подпускал людей к остаткам их имущества; а приношения от провинций и частных лиц он не только принимал, но и требовал, вконец исчерпывая их средства.

39. К злключениям и бедствиям, виновником которых был Нерон, судьба прибавила и другие: чуму, которая за одну осень тридцать тысяч человек внесла в погребальные списки; поражение в Британии², где два города были разорены и множество граждан и союзников перебито; бесславные дела на Востоке, где в Армении легионы прошли под ярмом, а Сирия еле держалась...

40. Такого-то правителя мир терпел почти четырнадцать лет и, наконец, низвергнул. Начало этому положила Галлия во главе с Юлием Виндексом, который был тогда пропретором этой провинции. Нерону уже давно было предсказано астрологами, что рано или поздно он будет низвергнут; тогда он и сказал свои известные слова: «*Прокормимся ремеслишком!*» — чтобы этим оправдать свои занятия искусством кифареда, для правителя забавным, но для простого человека необходимым. Впрочем, иные обещали, что и низвергнутый он сохранит власть над Востоком — некоторые прямо называли Иерусалимское царство, — а многие даже сулили ему возврат к прежнему положению... О галльском восстании он узнал в Неаполе в тот день, в который когда-то убил свою мать. Отнесся он к этому спокойно и беспечно: могло даже показаться, что он радовался случаю разграбить богатейшие провинции по праву войны...

41. Наконец, возмущенный все новыми оскорбительными эдиктами Виндекса, он отправил сенату послание, призывая отомстить за него и за отечество, но сам не явился, ссылаясь на болезнь горла. Больше всего обиделся он, что Виндекс обозвал его дрянным кифаредом³...

42. Когда же он узнал, что и Гальба с Испанией отложился от него, он рухнул и в душевном изнеможении долго лежал как мертвый, не говоря ни слова; а когда опомнился, то, разодрав платье, колотя себя по голове, громко вскричал, что все уже кончено. Старая кормилица утешала его, напоминая, что и с другими правителями такое бывало; но он отвечал, что его судьба — необычая и неслыханная: при жизни он теряет императорскую власть. Тем не менее от обычной своей распушенности и праздности он нимало не отказался: более того, когда из провинции пришли какие-то хорошие вести, он на роскошном пиру пропел игриво сложенные песенки про вождей восстания, сопровождая их телодвижениями, и их тотчас подхватили повсюду. А когда он потихоньку явился в театр на представление, где большой успех имел один актер, он послал сказать актеру: «Ты пользуешься тем, что император занят».

43. В самом начале восстания, говорят, он лелеял замыслы самые чудовищные, но вполне отвечавшие его нраву. Всех начальников провинций и войска он хотел убить и сменить как соучастников и единомышленников заговора; всех изгнанников и всех живших в Риме галлов перерезать — одних, чтобы не примкнули к восстанию, других как сообщников и пособников своих земляков; галльские провинции отдать на растерзание войскам; весь сенат извести ядом на пирах; столицу поджечь, а на улицы

¹ На Агриппину была обрушена свинцовая кровля каюты, но её задержали высокие стенки ложа; раздвинуть дно корабля не удалось, корабль только накренился, и Агриппина с сопровождавшей её Ацерронией упали в воду; Ацеррония стала в ужасе кричать: «Я мать государя, спасайте меня!» — её забили веслами; Агриппина молчала, и ей удалось уплыть и с рыбацкой лодкой добраться до Бавл. Убил её тот же Аникет, который изобрёл неудавшийся корабль (*Тацит*, Анн., XIV, 5-8).

² *Поражение в Британии* римляне потерпели в 61 г. от восставшего племени иценов во главе с царицей Боудиккой; разорены были города Камулудун и Веруламии, погибло (по Диону) 80 тыс. человек.

³ Аполлоний Тианский у Филострата (V, 3) говорил, что Нерон искусством кифареда владеет хуже, чем любым другим, но искусством царствовать владеет ещё хуже, чем искусством кифареда.

выпустить диких зверей, чтобы труднее было спастись. Отказавшись от этих замыслов — не столько из стыда, сколько из-за неуверенности в успехе — и убедившись, что война неизбежна, он сместил обоих консулов раньше срока и один занял их место, ссылаясь на пророчество, что Галлию может завоевать только консул...

44. Готовясь к походу, он прежде всего позаботился собрать телеги для перевозки театральной утвари, а наложниц, сопровождавших его, остричь по-мужски и вооружить секирами и щитами, как амазонок. Потом он объявил воинский набор по городским трибам, но никто годный к службе не явился; тогда он потребовал от хозяев известное число рабов и отобрал из челяди каждого только самых лучших, не исключая даже управляющих и писцов. Всем сословиям приказал он пожертвовать часть своего состояния, а съемщикам частных домов и комнат — немедленно принести годовую плату за жилье в императорскую казну. С великой разборчивостью и строгостью он требовал, чтобы монеты были неистертые, серебро переплавленное, золото пробованное; и многие даже открыто отказывались от всяких приношений, в один голос предлагая ему лучше взыскать с доносчиков выданные им награды.

45. ...Ещё более стал он ненавистен, стараясь нажиться и на дороговизне хлеба: так, однажды в голодное время александрийский корабль, о прибытии которого было объявлено, оказался нагружен песком для гимнастических состязаний...

47. ...Пришли вести, что взбунтовались и остальные войска... Среди ночи, проснувшись, он увидел, что телохранители покинули его. Вскочив с постели, он послал за друзьями, и ни от кого не получив ответа, сам пошел к их покоем. Все двери были заперты, никто не отвечал; он вернулся в спальню — оттуда уже разбежались и слуги, унеся даже простыни, похитив и ларчик с ядом. Он бросился искать гладиатора Спикула или любого другого опытного убийцу, чтобы от его руки принять смерть, — но никого не нашел. «Неужели нет у меня ни друга, ни недруга?» — воскликнул он и выбежал прочь, словно желая броситься в Тибр.

48. Но первый порыв прошел, и он пожелал найти какое-нибудь укромное место, чтобы собраться с мыслями. Вольноотпущенник Фаон предложил ему свою усадьбу между Соляной и Номентанской дорогами, на четвертой миле от Рима. Нерон, как был, босой, в одной тунике, накинув темный плащ, закутав голову и прикрыв лицо платком, вскочил на коня; с ним было лишь четверо спутников... Доскакав до поворота, они отпустили коней, и сквозь кусты и терновник, по тропинке, проложенной через тростник, подстилая под ноги одежду, Нерон с трудом выбрался к задней стене виллы. Тот же Фаон посоветовал ему до поры укрыться в яме, откуда брали песок, но он отказался идти живым под землю. Ожидая, пока пророкут тайный ход на виллу, он ладонью зачерпнул напиток воды из... лужи и произнес: «Вот напиток Нерона!»¹ Плащ его был изорван о терновник, он обобрал с него торчавшие колочки, а потом на четвереньках через узкий выкопанный проход добрался до первой каморки и там бросился на постель, на тощую подстилку, прикрытую старым плащом...

49. Все... умоляли его скорее уйти от... позора. Он велел снять... мерку и по ней вырыть... могилу, собрать куски мрамора..., принести воды и дров, чтобы управиться с трупом. При каждом приказании он всхлипывал и все время повторял: «Какой великий артист погибает!» Пока он медлил, Фаону скороход принес письмо; выхватив письмо, он прочитал, что сенат объявил его врагом и разыскивает, чтобы казнить по обычаю предков. Он спросил, что это за казнь; ему сказали, что преступника раздевают донага, голову зажимают колодкой, а по туловищу секут розгами до смерти. В ужасе он схватил два кинжала, взятые с собою, попробовал острие каждого, потом опять спрятал, оправдываясь, что роковой час ещё не наступил... Уже приближались всадники, которым было поручено захватить его живым. Заслышав их, он в трепете выговорил: «*Коней, стремительно скачущих, топот мне слух пораждает*» [«Илиада», X, 535], и с помощью своего советника по прошениям, Эпафродита, вонзил себе в горло меч...

51. Росту он был... среднего, тело — в пятнах и с дурным запахом, волосы рыжеватые, лицо скорее красивое, чем приятное, глаза серые и слегка близорукие, шея толстая, живот выпирающий, ноги очень тонкие. [Здоровье имел отличное]: несмотря на безмерные излишества, за 14 лет он болел только три раза, да и то не отказывался ни от вина, ни от прочих своих привычек. Вид и одевания его были совершенно непристойны: волосы он всегда завивал рядами², а во время греческой поездки даже отпустил их на затылке, одеваясь... в застольное шелковое платье, шею повязывал платком и так выходил к народу, распоясанный и необутой...

52. Благородные науки он в детстве изучал почти все; только от философии отклонила его мать, уверяя, что для будущего правителя это помеха, а от изучения древних ораторов — Сенека, желавший, чтобы его ученик дольше сохранил восторг перед наставником. Поэтому он обратился к поэзии, сочиняя стихи охотно и без труда... Занимался он также живописью и ваянием.

53. Но более всего его увлекала жажда успеха, и он ревновал ко всем, кто чем бы ни было возбуждал внимание толпы. Ходил слух, что после своих театральных побед он собирался через положенные пять лет выступить в Олимпии атлетом: действительно, борьбою он занимался постоянно, а в Греции при всех гимнастических состязаниях на стадионах он непременно занимал место на земле между судей, и если какая пара в борьбе отходила слишком далеко, он своими руками толкал её на место...

56. Ко всем святыням он относился с презрением, кроме одной лишь Сирийской богини³, да и ею потом стал гнушаться настолько, что мочился на неё. Его обуяло новое суеверие...: от какого-то неведомого плебея он получил в подарок маленькую фигурку девушки как охрану от всех коварств, и когда тотчас после этого был раскрыт заговор, он стал почитать её превыше всех богов, принося ей жертвы трижды в день и требуя, чтобы все верили, будто она открывает ему будущее. За несколько месяцев до смерти совершал он гадание и по внутренностям жертв, но не добился благоприятного ответа.

57. Скончался он на 32-м году жизни, в тот самый день, в который убил когда-то Октавию. Ликование в народе было таково, что чернь бегала по всему городу в фригийских колпаках⁴. Однако были и такие, которые ещё долго украшали его гробницу... цветами и выставляли на ростральных трибунах то его статуи в консульской тоге, то эдикты, в которых говорилось, что он жив и скоро вернется... Даже парфянский царь Вологез, отправляя в сенат послов для возобновления союза, с особенной настойчивостью просил, чтобы память Нерона оставалась в почете. И даже 20 лет спустя... явился человек неведомого звания, выдававший себя за Нерона⁵, и имя его имело такой успех у парфян, что они деятельно его поддерживали и лишь с трудом согласились выдать.

(Повстання Боудікки в Британії 61 р., Тацит, Аннали, XIV, 34-39)

У Светония⁶ был в распоряжении XIV легион, отряд XX легиона и вспомогательные войска из близлежащих мест, всего почти 10 тыс. воинов, когда он, наконец, решился вступить в бой. Для этого он избрал в тылу местность с узким ущельем, зарос-

¹ Напиток (decosta) — кипяченая вода, охлажденная снегом, которую любил пить Нерон.

² Прическу такого рода носили только женщины.

³ Атаргатис, мать всего живого, обычно отождествляемая с Кибелой или Юноной; центром ее культа был Гиераполь в Северной Сирии.

⁴ Фригийский колпак (pilleus), надевавшийся на раба при отпущении на волю, был символом свободы.

⁵ О другом Лженероне, появившемся в Греции в 70 г., упоминает Тацит (Ист., II, 8); третий Лженерон, настоящее имя которого было Теренций Максим, появился на Востоке в последние годы Веспасиана (Дион, 69, 19).

⁶ Гай Светоний Паулин — претор, военачальник, покоритель Мавритании (42 г.), правитель Британии (58-62 гг.), затем — консул (66 г.).

шую лесом¹, зная хорошо, что неприятель находился у него только с фронта, что равнина открыта и потому нет никакой нужды бояться засады. Солдаты легионов становятся плотными рядами; кругом их легковооруженные, на конце флангов столпилась конница. Войска же британцев летали туда и сюда пешими и конными отрядами в таком количестве, какого у них еще не бывало, и самонадеянно взяли с собой даже жен в качестве свидетелей своей победы, посадив их на повозки, которые поставили на крайней окружности равнины.

Боудикка², везя на колеснице впереди себя дочерей, по мере приближения к тому или другому племени, заявляла, что «британцам, конечно, привычно воевать под предводительством женщин, но что теперь она идет мстить не как происходящая от знатных предков за царство и богатство (которые у нее отняты), а как одна из народа за потерянную свободу, за иссеченное розгами тело, за оскорбленное целомудрие дочерей... Но боги стоят за справедливое мщение: пал легион, отважившийся на сражение, остальные скрываются в лагерях или думают о бегстве. Они не вынесут даже шума и крика стольких тысяч [воинов], не говоря уже о натиске рукопашного боя. Если британцы взвесят причины войны и свою вооруженную силу, то им будет нужно или победить в этом бою, или пасть. Так решено женщиной! Вы, мужчины, можете жить и оставаться в рабстве».

И Светоний не молчал в таком решительном положении, и хотя он полагался на храбрость, но все-таки обращался к солдатам в одно и то же время с увещеваниями и просьбами не придавать значения крикам варваров и пустым угрозам. «У них, видно, больше женщин, чем молодежи. Люди не воинственные, безоружные, они тотчас сдадутся, как только почувствуют, столько же раз разбитые, меч и храбрость людей, привыкших к победе. Даже и при участии в битве многих легионов незначительное число людей решает исход сражения; поэтому нам будет еще больше славы от того, что наше небольшое войско получит славу целой армии. Только идите плотными рядами, бросайте дротики и затем продолжайте валить горбами щитов и рубить мечами, не думая о добыче, когда выиграна победа, все достанется вам».

После этих слов полководца последовало такое воодушевление, и старые солдаты, видавшие много сражений, приготовились с таким видом пустить свои дротики, что Светоний был уверен в успехе и дал сигнал к битве.

Прежде всего легион, не двигаясь с места и опираясь на теснину, как на укрепление, выпустил свои стрелы верным прицелом на подошедшего ближе неприятеля и затем бросился на него как бы клином. Такой же быстрый натиск сделали и вспомогательные войска; в свою очередь, всадники своими длинными копьями сломили сопротивление наиболее стойко державшихся. Победенным убежать было трудно, так как расставленные кругом повозки запирали выходы. Воины убивали без пощады даже женщин; пронзенные стрелами выючные животные увеличили груды трупов. Громкая слава, приобретенная в этот день, равнялась со славой древних побед: ибо некоторые передают, что пало немногим менее 80 тыс. британцев, тогда как [римских] солдат было убито около четырехсот и немногим более ранено. Боудикка умерла, приняв яд. Пеней Постум, префект лагеря II легиона, узнавши об успехе XIV и XX легионов, пронзил сам себя мечом за то, что лишил свой легион такой же славы и, воспротивившись уставу военной службы, не исполнил приказания полководца.

После этого вся армия содержалась в походном строю до полного окончания военных действий. Войска эти император увеличил, послав две тысячи легионеров, восемь когорт вспомогательных войск и тысячу всадников. С прибытием подкрепления был пополнен IX легион, когорты и конные корпуса были размещены на новых зимних квартирах, и все племена, недостаточно верные или враждебные, были опустошены огнем и мечом. Но ничто так не удручало неприятелей, как голод, так как они не позаботились о посевах, и люди всех возрастов бросились воевать, думая захватить наши подвозы съестных припасов. Воинственные народы потому еще слишком медленно склонялись к миру, что присланный преемником Кату Юлий Классициан был в ссоре с Светонием и из личной вражды противодействовал общественному благу, распуская между прочим слух, что следует ждать нового наместника, который бы, будучи чужд раздражения, свойственного врагу и надменности победителя, был способен милостиво обращаться с изъязвившим покорность населением. В то же время он дал знать в Рим, что нельзя ждать конца битвам, если не будет прислан преемник Светония, неудачи которого он относил за счет плохого ведения дел, а успехи приписывал счастью.

Поэтому для проверки состояния Британии был послан вольноотпущенник Поликет, причем Нерон очень надеялся, что назначение последнего не только породит согласие между наместником и прокуратором, но и успокоит миром непокорные сердца варваров. Поликет не преминул отправиться в путь с огромной свитой, обременяя Италию и Галлию, а переехав океан, устрашить даже наших солдат. Но у врагов он возбуждал смех: им при существовании в то время еще пламенной любви к свободе пока незнакомо было могущество вольноотпущенников и они дивились тому, что полководец и армия, окончившие такую войну, покорствуют рабам. Императору было донесено обо всем в смягченном виде. Светоний сначала продолжал заведовать делами, но немного спустя, когда он потерял несколько кораблей у берега вместе с экипажем, ему приказано было, как будто бы война еще продолжалась, передать армию Петронию Турпилиану, который уже окончил консульство. Петроний, не раздражая неприятеля, и сам не тревожимый им, пребывал в беспечной праздности, которую называл миром.

III. ДИНАСТИЯ ФЛАВИЙ (69-96 гг.)

№1

ГАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛЛ БОЖЕСТВЕННИЙ ВЕСПАСИАН

1. Державу, поколебленную и безначальную после мятежей и гибели трёх императоров³, принял... и укрепил... род Флавиев. Род этот был незнатен, изображений предков не имел⁴, но стыдиться его государству не пришлось, хотя и считается, что Домициан за свою алчность и жестокость заслуженно понёс кару...

2. Веспасиан родился в земле сабинов, близ Реате, в деревушке под названием Фалакрины... Рос он под надзором Тертуллы, своей бабки по отцу, в её поместье близ Козы¹. Уже став правителем, он часто посещал места своего детства: виллу он сохранял в прежнем виде, чтобы всё, к чему привык его взгляд, оставалось нетронутым...

¹ На месте совр. Лондона.

² Предводительница кельтского племени *иценов*, жившего в Восточной Англии. После смерти ее мужа, вождя Прасутага, в 61 г. римляне захватили территорию племени, и Боудикка, возглавив восстание, захватила Кочестер, Лондиниум (Лондон) и Веруламиум.

³ После того, как 9 июня 68 г. покончил жизнь самоубийством Нерон, 15 января 69 г. был убит император Сервий Сульпиций Гальба, 16 апреля 69 г. покончил самоубийством император Марк Сальвий Отон, 20 декабря 69 г. был убит император Авл Вителлий Германик. 1 июня 69 г. на встрече наместников восточных провинций в Берите (ныне Бейрут) императором был провозглашен Тит Флавий Веспасиан (9-79 гг.).

⁴ Изображение предков в атриуме было привилегией только знати — сперва патрициев, потом тех, чьи предки занимали государственные должности.

Достигнув совершеннолетия, он долго не хотел надевать сенаторскую тогу...

Служил он войсковым трибуном во Фракии, после квестуры получил по жребию провинцию Крит и Кирену; выступив соискателем должностей эдила и претора, одну должность он получил не без сопротивления, и только шестым по списку [т.е. последним], зато другую — по первой же просьбе и в числе первых. В бытность претором он не упускал ни одного случая угодить Гаю, который был тогда не в ладах с сенатом: в честь его германской победы² он потребовал устроить игры вне очереди, а при наказаниях заговорщиков предложил вдобавок оставить их тела без погребения. А достойный от него приглашения к обеду, он произнёс перед сенатом благодарственную речь.

3. Женился он тем временем на Флавии Домицилле, бывшей любовнице римского всадника Статилия Капеллы из Сабраты в Африке: она имела лишь латинское гражданство, но потом судом рекуператоров³ была объявлена свободнорожденной и римской гражданкой по ходатайству её отца Флавия Либерала, который был родом из Ферентина и всего лишь писцом в казначействе. От неё он имел детей Тита, Домициана и Домициллу. Жену и дочь он пережил, потеряв обеих ещё в бытность свою простым гражданином. После смерти жены он снова взял к себе свою бывшую наложницу Цениду, вольноотпущенницу и письмоводительницу Антонии⁴, и она жила с ним почти как законная жена, даже когда он стал уже императором.

4. В правление Клавдия он по милости Нарцисса⁵ был направлен в Германию легатом легиона, а потом переведён в Британию, где участвовал в 30 боях с неприятелем и покорила два сильных племени, более 20 городов и смежный с Британией остров Вектия [нын. Уайт], сражаясь под началом то Авла Плавтия, легата консульского звания, то самого императора Клавдия. За это он получил триумфальные украшения, затем вскоре — два жреческих сана и, наконец, — консульство: в этой должности он был два последних месяца в году. После этого до самого своего проконсульства жил он на покое и в уединении, опасаясь Агриппины, которая была ещё в силе при сыне и ненавидела друзей уже умершего Нарцисса. В управление он по жребию получил Африку и правил ею честно и с большим достоинством⁶, если не считать, что однажды в Гадрумете во время мятежа его забросали репой. Во всяком случае, вернулся он из провинции, ничуть не разбогатев, потерял доверие заимодавцев и вынужден был все свои имения заложить брату, а для поддержания своего положения заняться торговлей мулами⁷: за это в народе и называли его «ослятиком». Говорят также, что он получил 200 тыс. сестерциев с одного юноши, которому выхлопотал сенаторскую одежду против воли его отца, и за это получил строгий выговор. А сопровождая Нерона в поездке по Греции, он навлек на себя жестокую немилость тем, что часто или выходил во время его пения, или засыпал на своём месте. Ему было запрещено не только сопровождать, но и приветствовать императора⁸, и он удалился на покой в дальний маленький городок, где и жил в безвестности и страхе за жизнь, пока вдруг не получил неожиданно провинцию и войско. На Востоке распространено было давнее и твердое убеждение, что судьбой назначено в эту пору выходцам из Иудеи завладеть миром. События показали, что относилось это к римскому императору; но иудеи, приняв предсказание на свой счет, возмутились, убили наместника, обратили в бегство даже консульского легата, явившегося из Сирии с подкреплениями, и отбили у него орла. Чтобы подавить восстание, требовалось большое войско и сильный полководец, которому можно было бы доверить такое дело без опасения; и Веспасиан оказался избран как человек испытанного усердия и нимало не опасный по скромности своего рода и имени. И вот, получив в добавок к местным войскам два легиона, восемь отрядов конницы, десять когорт и взяв с собою старшего сына одним из легатов, он явился в Иудею и тотчас расположил к себе и соседние провинции: в лагерях он быстро навел порядок, а в первых же сражениях показал такую отвагу, что при осаде одной крепости сам был ранен камнем в колено, а в щит его вонзилось несколько стрел.

5. После Нерона, когда за власть боролись Гальба, Отон и Вителлий, у него появилась надежда стать императором... В Иудее он обратился к оракулу бога Кармела⁹, и ответы его обнадежили, показав, что все его желания и замыслы сбудутся, даже самые смелые. А один из знатных пленников, Иосиф, когда его заковывали в цепи, с твёрдой уверенностью объявил, что вскоре его освободит тот же человек, но уже император...

6. Тем не менее он ничего не предпринимал, несмотря на поддержку и настояния близких, пока неожиданно не поддержали его люди неизвестные и далекие. Мезийское войско отправило на помощь Отону по две тысячи от каждого из трёх легионов. В пути они узнали, что Отон разбит и наложил на себя руки; тем не менее, как бы не поверив слуху, они дошли до самой Аквилеи. Там они, воспользовавшись случаем и безначалием, стали вволю разбойничать и грабить; а потом, опасаясь, что по возвращении им придется дать ответ и понести наказание, они решили избрать и провозгласить нового императора — испанское войско поставило императором Гальбу, преторианское — Отона, германское — Вителлия, а они ничуть не хуже других¹⁰. Были названы имена всех консульских легатов, сколько и где их тогда было, и все по разным причинам отвергнуты. Но когда солдаты из третьего легиона, переведенного перед самой смертью Нерона в Мёзию из Сирии, стали расхваливать Веспасиана, все их поддержали и тотчас написали его имя на всех знаменах. Правда, в тот раз дело заглохло, и солдаты на время вернулись к покорности. Однако слух о том распространился, и наместник Египта Тиберий Александр первый привел легионы к присяге Веспасиану... А потом... иудейское войско присягнуло ему уже лично. Начинанию содействовало многое. По рукам ходило в списке послание к Веспасиану с последней волей погибшего Отона, — неизвестно, настоящее или подложное, — где тот завещал отомстить за него и умолял спасти государство. В то же время разошелся слух, будто Вителлий после победы собрался помянуть легионы стоянками, и на Восток, где служба спокойнее, перевести германские войска. Наконец, из провинциальных наместников Лициний Муциан, забыв о соперничестве и уже явной вражде, предложил Веспасиану сирийское войско, а парфянский царь Вологез — 40 тысяч стрелков¹¹.

¹ Кóза — портовый город в Этрурии, ок. 120 км от Рима.

² О «германской победе» Калигулы см. Раздел 7, II, док. №2, 43-44.

³ Суд рекуператоров — судебная комиссия из нескольких человек всех сословий, назначавшихся претором и разбиравших в ускоренные сроки дела различного рода, преимущественно по жалобам провинциалов.

⁴ Антония Младшая — мать императора Клавдия.

⁵ Нарцисс — вольноотпущенник и любимец Клавдия. Имея на последнего неограниченное влияние (41-54 гг.), он пользовался своим положением секретаря (ab epistulis) для личного обогащения и притеснения народа и подготовил падение его жены Мессалины, но вскоре навлек на себя ненависть следующей жены Агриппины (матери Нерона), которая, задумав умертвить Клавдия, удалила его из Рима, а потом приказала отравить. Он, однако, успел уничтожить свою переписку с Клавдием, чтобы открытие её не могло повредить другим.

⁶ По Тациту (Ист., II, 97), наоборот, в Африке «Вителлий был проконсулом справедливым и любимым, а Веспасиан — ненавистным и с дурной славой», и по этому в гражданской войне Африка поддерживала Вителлия.

⁷ Торговля была сенаторам запрещена, но запрет часто обходился; иметь дело с мулами считалось при этом особенно позорным.

⁸ Запрещение приветствовать императора было опасным предвестием репрессии.

⁹ Оракул бога Кармела, древнего филистимлянского бога войны, находился на одноименной горе. Тацит передает пророчество, сообщенное Веспасиану жрецом Басилидом, так: «Задумаешь ли ты, Веспасиан, отстроить дом, или расширить именья, или умножить служителей, дом у тебя будет большой, владения огромные и людей множество».

¹⁰ «Преступление против Вителлия можно сделать заслугой перед Веспасианом», — передает Тацит мысли мезийского войска (Ист., II, 85).

¹¹ Помощь Вологеза Веспасиан, конечно, отклонил.

7. Так началась междоусобная война. В Италию Веспасиан отправил полководцев с передовыми войсками, а сам тем временем занял Александрию, чтобы держать в руках ключ к Египту¹. Здесь он один, без спутников, отправился в храм Сераписа, чтобы гаданием узнать, прочна ли его власть; и когда после долгой молитвы он обернулся, то увидел, что ему по обычаю подносят лепешки, ветки и венки вольноотпущенник Басилид² — а он знал, что Басилид был далеко и по слабости сил не мог ходить, да никто бы его и не впустил. И тотчас затем пришли донесения, что войска Вителлия разбиты при Кремоне, а сам он убит в Риме.

Новому и неожиданному императору ещё доставало, так сказать, величия и как бы веса, но и это вскоре пришло. Два человека из простонародья, один слепой, другой хромой, одновременно подошли к нему, когда он правил суд, и умоляли излечить их немощи, как указал им во сне Серапис: глаза прозреют, если он на них плюнет, нога исцелится, если он удостоит коснуться её пяткой. Нимало не надеясь на успех, он не хотел даже и пробовать; наконец, уступив уговорам друзей, он на глазах у огромной толпы попытал счастья, и успех был полным³. В то же время и в аркадской Тегее по указанию прорицателей откопаны были в священном месте сосуда древней работы, и на них оказалось изображение, лицом похожее на Веспасиана.

8. Таков был Веспасиан... и во все время своего правления ни о чем он так не заботился, как о том, чтобы вернуть дрогнувшему и поколебленному государству устойчивость, а потом и блеск. Войска дошли до совершенной распущенности и наглости: одни — возгордившись победой, другие — озлобленные бесчестием; даже провинции, вольные города и некоторые царства враждовали между собой. Поэтому многих солдат Вителлия он уволил и наказал, но победителям тоже ничего не спускал сверх положенного, и даже законные награды выплатил им не сразу. Он не упускал ни одного случая навести порядок. Один молодой человек явился благодарить его за высокое назначение, благоухая ароматами, — он презрительно отвернулся и мрачно сказал ему: «Уж лучше бы ты вонял чесноком!» — а приказ о назначении отобрал. Моряки⁴, что пешком переходят в Рим то из Остии, то из Путеол, просили выплачивать им что-нибудь на сапоги — а он, словно мало было отпустить их без ответа, приказал им с этих пор ходить разутыми: так они с тех пор и ходят. Ахайю, Ликийю, Родос, Византий, Самос он лишил свободы⁵; горную Киликию и Коммагену, ранее находившиеся под властью царей, обратил в провинции; в Каппадокию, где не прекращались набеги варваров, он поставил добавочные легионы и вместо римского всадника назначил наместником консуляра. Столица была обезображена давними пожарами и развалинами. Он позволил всякому желающему занимать и застраивать пустые участки, если этого не делали владельцы. Приступив к восстановлению Капитолия, он первый своими руками начал расчищать обломки и выносить их на собственной спине. В пожаре расплавилось 3 тысячи медных досок — он позаботился их восстановить, раздобыв отовсюду их списки: это было древнейшее и прекраснейшее подспорье в государственных делах, среди них хранились чуть ли не с самого основания Рима постановления сената и народа о союзах, дружбе и льготах, кому-нибудь даруемых.

9. Предпринял он и новые постройки: храм Мира близ форума, храм божественного Клавдия на Целийском холме, начатый ещё Агриппиной, но почти до основания разрушенный Нероном, и, наконец, амфитеатр посреди города⁶, задуманный, как он узнал, ещё Августом. Высшие сословия поредели от бесконечных казней и пришли в упадок от давнего пренебрежения. Чтобы их очистить и пополнить, он произвел смотр сенату и всадничеству, удалив негодных и включив в списки самых достойных из италических и провинциалов...

11. Безнравственность и роскошь усиливались, никем не обуздываемые. Он предложил сенату указ, чтобы женщина, состоящая в связи с чужим рабом, сама считалась рабыней, и чтобы ростовщикам запрещено было требовать долг с сыновей, ещё не вышедших из-под отцовской власти, даже после смерти отцов⁷.

12. Во всём остальном был он доступен и снисходителен с первых дней правления и до самой смерти. Свое былое низкое состояние он никогда не скрывал и часто даже выставлял напоказ. Когда кто-то попытался возвести начало рода Флавиев к основателям Реате и к тому спутнику Геркулеса, чью гробницу показывают на Соляной дороге, он первый это высмеял. К наружному блеску он нисколько не стремился, и даже в день триумфа, измученный медленным и утомительным шествием, не удержался, чтобы не сказать: «Поделом мне, старику: как дурак, захотел триумфа, словно предки мои его заслужили или сам я мог о нем мечтать!» Трибунскую власть и имя отца отечества он принял лишь много спустя; а обыскивать приветствующих его по утрам он перестал ещё во время междоусобной войны⁸.

13. Вольности друзей, колкости стряпчих, строптивость философов нимало его не беспокоили. Лициний Муциан, известный развратник, сознавая свои заслуги, относился к нему без достаточного почтения, но Веспасиан никогда не бранил его при всех, и только жалуясь на него общему другу, сказал под конец: «Я-то ведь, все-таки, мужчина!» Сальвий Либерал, защищая какого-то богача, не побоялся сказать: «Пусть у Гиппарха есть сто миллионов, а Цезарю какое дело?» — и он первый его похвалил. Ссылный киник Деметрий повстречав его в дороге, не пожелал ни встать перед ним, ни поздороваться, и даже стал на него лаяться, но император только обозвал его псом⁹.

14. Обиды и вражды он нисколько не помнил и не мстил за них. Для дочери Вителлия, своего соперника, он нашел отличного мужа, дал ей приданое и устроил дом. Когда при Нероне ему было отказано от двора, и он в страхе спрашивал, что ему делать и куда идти, один из заведующих приемами, выпроваживая его, ответил: «На все четыре стороны!» А когда потом этот человек стал просить у него прощения, он удовлетворялся тем, что почти в точности повторил ему его же слова. Никогда подозрение или страх не толкали его на расправу: когда друзья советовали ему остерегаться Меттия Помпузиана, у которого, по слухам, был императорский гороскоп, он вместо этого сделал его консулом, чтобы тот в свое время вспомнил об этой милости.

15. Ни разу не оказалось, что казнен невинный — разве что в его отсутствие, без его ведома или даже против его воли...

16. Единственное, в чем его упрекали справедливо, это сребролюбие. Мало того, что он взыскивал недоимки, прощенные Гальбою, наложил новые тяжелые подати, увеличил и подчас даже удвоил дань с провинций, — он открыто занимался такими де-

¹ Тацит называет Египет «ключом к римскому хлебу» (Ист., II, 82).

² ...вольнотпущенник Басилид (по Тациту IV, 82, не вольнотпущенник, а вельможа) — имя, происходящее от слова «басилей» («царь») и оттого благоприятное гаданию.

³ Тацит (Ист., IV, 81) подтверждает рассказ об исцелении ссылкой на очевидцев, оставшихся в живых после конца Флавиев, «когда уже не было выгоды лгать»; он же приводит разумный совет врачей Веспасиану: «Если исцеление удастся, это послужит только к его славе, если нет — только к их осмеянию». Об исцелении глаз слепой серьезно упоминает Плиний (28, 37; ср.: Евангелие от Марка, 8, 23 и др.). Прикосновением большого пальца правой ноги излечивал болезни печени царь Пирр (Плиний, 7, 2, 20; Плутарх, Пирр, 3).

⁴ Из моряков составлялись пожарные команды в портах Остии и Путеол, где пожары грозили складам привозного зерна; отдельные отряды этих команд попеременно несли дежурство в Риме.

⁵ Все эти города и области получили «свободу» при Нероне, Самос при Августе.

⁶ Амфитеатр Флавиев на месте пруда в Золотом дворце Нерона прославился под названием Колизей (Colosseum, впервые упоминается в VII в.).

⁷ Указ о наказании за связь с рабом был издан ещё Клавдием (по инициативе вольнотпущенника Палланта) и подтвержден Веспасианом; то же относится и к закону о заимодавцах (Тацит, Анн., XI, 13; XII, 53).

⁸ Дион сообщает (65, 10), что Веспасиан впервые снял охрану у дверей своего дворца.

⁹ Пёс — ходячее прозвище философов-киников, живущих «как собаки».

лами, каких стыдился бы и частный человек. Он скупал вещи только затем, чтобы потом распродать их с выгодой; он без колебания продавал должности соискателям и оправдания подсудимым, невинным и виновным, без разбору¹; самых хищных чиновников, как полагают, он нарочно продвигал на всё более высокие места, чтобы дать им нажиться, а потом засудить, — говорили, что он пользуется ими, как губками, сухим даёт намочить, а мокрые выжимает. Одни думают, что жаден он был от природы: за это и бранил его старый пастух, который умолял Веспасиана, только что ставшего императором, отпустить его на волю безвозмездно, но получил отказ и воскликнул: «Лисица шерстью слиняла, да нрав не сменяла!» Другие, напротив, полагают, что к поборам и вымогательству он был вынужден крайней скудостью и государственной и императорской казны: в этом он сам признался, когда в самом начале правления заявил, что ему нужно 40 миллиардов сестерциев, чтобы государство стало на ноги. И это кажется тем правдоподобнее, что и худо нажитому он давал наилучшее применение.

17. Щедр он был ко всем сословиям: сенаторам пополнил их состояния, нуждавшимся консулярам назначил по 500 тыс. сестерциев в год, многие города по всей земле отстроил ещё лучше после землетрясений и пожаров, о талантах и искусствах обнаруживал величайшую заботу.

18. Латинским и греческим риторам он первый стал выплачивать жалованье из казны по 100 тысяч в год; выдающихся поэтов и художников, как например, восстановителя Колосса и Венеры Косской², он награждал большими подарками; механику, который обещался без больших затрат поднять на Капитолий огромные колонны, он тоже выдал за выдумку хорошую награду, но от услуг отказался, промолвив: «Уж позволь мне подкормить мой народец».

19. На зрелищах при освящении новой сцены в театре Марцелла он возобновил даже старинные представления. Трагическому актеру Аппелларию он дал в награду четыреста тысяч сестерциев, кифаредам Терпну и Диодору — по двести тысяч, другим — по сотне тысяч, самое меньшее — по сорок тысяч, не говоря о множестве золотых венков. Званные пиры он также устраивал частые и роскошные, чтобы поддержать торговцев съестным...

20. Роста он был хорошего, сложения крепкого и плотного, с натужным выражением лица: один остроумец метко сказал об этом, когда император попросил его пошутить и над ним: «Пошучу, когда опорожнишься». Здоровьем он пользовался прекрасным, хотя ничуть о том не заботился, и только растирал сам себе в бане горло и все члены, да один день в месяц ничего не ел.

21. Образ жизни его был таков. Находясь у власти, вставал он всегда рано, ещё до света, и прочитывал письма и доклады от всех чиновников; затем впускал друзей и принимал их приветствия, а сам в это время одевался и обувался. Покончив с текущими делами, он совершал прогулку и отдыхал с какой-нибудь из наложниц: после смерти Цениды у него их было много. Из спальни он шел в баню, а потом к столу: в это время, говорят, был он всего добрее и мягче, и домашние старались этим пользоваться, если имели какие-нибудь просьбы.

22. За обедом, как всегда и везде, был он добродушен и часто отпускал шутки: он был большой насмешник, но слишком склонный к шутливости и пошлости, даже до непристойности. Тем не менее, некоторые его шутки очень остроумны; вот некоторые из них. Консуляр Местрий Флор уверял, что правильнее говорить не «plostra», а «plaustra»; на следующий день он его приветствовал не «Флором», а «Флавром»³. Одна женщина клялась, что умирает от любви к нему и добилась его внимания: он провел с ней ночь и подарил ей 400 тысяч сестерциев; а на вопрос управителя, по какой статье занести эти деньги, сказал: «За чрезвычайную любовь к Веспасиану»... Но более всего подсмеивался он над своими неблагоприятными доходами, чтобы хоть насмешками унять недовольство и обратить его в шутку. Один из его любимых прислужников просил управительского места для человека, которого выдавал за своего брата; Веспасиан велел ему подождать, вызвал к себе этого человека, сам взял с него деньги, выговоренные за ходатайство, и тотчас назначил на место; а когда опять вмешался служитель, сказал ему: «Ищи себе другого брата, а это теперь мой брат». В дороге однажды он заподозрил, что погонщик остановился и стал перековывать мулов только затем, чтобы дать одному просителю время и случай подойти к императору; он спросил, много ли принесла ему ковка, и потребовал с выручки свою долю. Тит упрекал отца, что и нужники он обложил налогом; тот взял монету из первой прибыли, поднес к его носу и спросил, воняет ли она. «Нет», — ответил Тит. «А ведь это деньги с мочи»⁴, — сказал Веспасиан... Даже страх перед грозящей смертью не остановил его шуток: когда в числе других предзнаменований двери Мавзолея вдруг раскрылись, а в небе появилась хвостатая звезда, он сказал, что одно знамение относится к Юнии Кальвине из рода Августа, а другое к парфянскому царю, который носит длинные волосы⁵; когда же он почувствовал приближение смерти, то промолвил: «Увы, кажется, я становлюсь богом»...

25. [Он всегда твердо верил], что родился и родил сыновей под счастливой звездой: несмотря на непрекращавшиеся разговоры, он смело заявлял сенату, что наследовать ему будут или сыновья, или никто. Говорят, он даже видел однажды во сне, будто в сенях Палатинского дворца стоят весы, на одной их чашке — Клавдий и Нерон, на другой — он с сыновьями, и ни одна чашка не перевешивает. И сон его не обманул, потому что те и другие правили одинаковое время — ровно столько же лет⁶.

№2

ГАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛЛ БОЖЕСТВЕННЫЙ ТИТ

1. Тит, унаследовавший прозвище отца⁷... родился в... год, памятный гибелью Гая⁸, в бедном домишке близ Септизония⁹, в темной маленькой комнатке: она ещё цела, и её можно видеть.

2. Воспитание он получил при дворе, вместе с Британиком, обучаясь тем же наукам и у тех же учителей... Были они такими друзьями, что, по рассказам, даже питье, от которого умер Британик, пригубил и Тит, лежавший рядом, и после того долго мучился тяжкой болезнью...

3. Телесными и душевными достоинствами блистал он ещё в отрочестве, а потом, с годами, все больше и больше: замечательная красота..., отменная сила, которой не мешали ни невысокий рост, ни слегка выдающийся живот; исключительная память и,

¹ Иногда при посредничестве Цениды, как сообщает Дион (65, 14).

² Колосс — статуя Нерона из Золотого дворца (см.: Нер., 31), переделанная Веспасианом в статую Солнца и поставленная на Священной дороге. Венера Косская — статуя неизвестного ваятеля в храме Мира, подражание знаменитой статуе Праксителя.

³ В разговорной латинской речи двугласный ai часто произносился как «о», но в слове plostra («повозки») «о» было исконным, и двугласное произношение было нарочитой манерностью: отсюда шутка Веспасиана (к тому же двусмысленная, так как phlauros по-гречески значит «ничтожный»).

⁴ Отсюда известная пословица: rescunia non olet («деньги не пахнут»); ср.: Ювенал, XIV, 204: «...От всякой прибыли запах // Будет хорош...»

⁵ Слово «комета» лат. Stella crinita, букв. означает «волосатая звезда».

⁶ 27 лет (Клавдий и Нерон — 41-68 гг., Веспасиан, Тит и Домициан — 69-96 гг.).

⁷ Полное имя Тита было Тит Флавий Веспасиан, как и у его отца; брата его звали Тит Флавий Домициан по прозвищу матери, Домициллы.

⁸ Тит родился 30 декабря 41 г.; однако возраст Тита, названный в гл. 11, указывает на 39 г. как год его рождения.

⁹ Септизоний — семиэтажная башня; самое известное из таких строений было воздвигнуто позднее, при Септимии Севере.

наконец, способности едва ли не ко всем военным и мирным искусствам. Конем и оружием он владел отлично; произносил речи и сочинял стихи по-латыни и по-гречески с охотой и легкостью, даже без подготовки; был знаком с музыкой настолько, что пел и играл на кифаре искусно и красиво. Многие сообщают, что даже писать скорописью умел он так проворно, что для шутки и потехи состязался со своими писцами, а любому почерку подражал так ловко, что часто восклицал: «Какой бы вышел из меня подделыватель завещаний!»

4. Войсковым трибуном он служил и в Германии и в Британии, прославив себя великой доблестью и не меньшей кротостью, как видно по статуям и надписям в его честь, в изобилии воздвигнутым этими провинциями. После военной службы он стал выступать в суде, больше для доброй славы, чем для практики... После должности квестора он получил начальство над легионом и покорил в Иудее две сильнейшие крепости — Тарихею и Гамалу¹. В одной схватке под ним была убита лошадь — тогда он пересел на другую, чей всадник погиб, сражаясь рядом с ним.

5. Когда вскоре к власти пришёл Гальба [68 г.], Тит был отправлен к нему с поздравлением и повсюду привлекал к себе внимание: думали, что его вызвал Гальба, чтобы усыновить. Но при вести о новом общем возмущении он вернулся с дороги...

...Он был оставлен для покорения Иудеи, при последней осаде Иерусалима [6 августа 70 г.] сам поразил 12-ю стрелами 12 врагов, взял город в день рождения своей дочери и заслужил такую любовь и ликование солдат, что они с приветственными кликами провозгласили его императором, а при его отъезде не хотели его отпускать из провинции, с мольбами и даже угрозами требуя, чтобы он или остался с ними, или всех их увел с собою. Это внушило подозрение, что он задумал отложиться от отца и стать царём на востоке; и он сам укрепил это подозрение, когда во время поездки в Александрию, при освящении мемфисского быка Аписа выступил в диадеме: таков был древний обычай при этом священном обряде, но нашлись люди, которые истолковали это иначе. Поэтому он поспешил в Италию, на грузовом судне добрался до Регия и до Путеол, оттуда, не мешкая, бросился в Рим, и словно опровергая пустые о себе слухи, приветствовал не ожидавшего его отца: «Вот и я, батюшка, вот и я!»

6. С этих пор он бессменно был соучастником и даже блостителем власти. Вместе с отцом он справлял триумф, вместе был цензором, делил с ним и трибунскую власть и семикратное консульство; он принял на себя заботу почти о всех ведомствах, и от имени отца сам диктовал письма, издавал эдикты, зачитывал вместо квестора речи в сенате. Он даже принял начальство над преторианцами, хотя до этого оно поручалось только римским всадникам. Однако в этой должности повёл он себя не в меру сурово и круто. Против лиц, ему подозрительных, он подсылал в лагеря и театры своих людей, которые словно от имени всех требовали их наказания, и тотчас с ними расправлялся. Среди них был консуляр Авл Цецина: его он сперва пригласил к обеду, а потом приказал умертвить, едва тот вышел из столовой. Правда, тут опасность была слишком близка: он уже перехватил собственноручно составленную Цециной речь к солдатам. Всеми этими мерами он обезопасил себя на будущее, но покамест возбудил такую ненависть, что вряд ли кто приходил к власти с такой дурной славой и с таким всеобщим недоброжелательством.

7. Не только жестокость подозревали в нем, но и распущенность — из-за его попоек до поздней ночи с самыми беспутными друзьями; и сладострастие — из-за множества его мальчиков и внуков и из-за пресловутой его любви к царице Беренике², на которой, говорят, он даже обещал жениться; и алчность — так как известно было, что в судебных делах, разбиравшихся отцом, он торговал своим заступничеством и брал взятки. Поэтому все видели в нём второго Нерона и говорили об этом во всеулышанье. Однако такая слава послужила ему только на пользу: она обернулась высочайшей хвалой, когда ни единого порока в нем не нашлось и, напротив, обнаружили великие добродетели... Беренику он тотчас выслал из Рима, против её и против своего желания. Самых изысканных своих любимчиков он не только перестал жаловать, но даже не желал на них смотреть на всенародных зрелищах, хотя танцовщиками они были замечательными и вскоре прославились на сцене. Ничего и ни у кого он не отнял, чужую собственность уважал как никто другой и отвергал даже обычные и дозволенные приношения. Щедростью он, однако, никому не уступал: при освящении амфитеатра³ и спешно выстроенных поблизости бань он показал гладиаторский бой, на диво богатый и пышный; устроил он и морское сражение на прежнем месте, а затем и там вывел гладиаторов и выпустил в один день пять тысяч разных диких зверей.

8. ...Со времени Тиберия все цезари признавали пожалования, сделанные их предшественниками, не иначе, как особыми соизволениями, — он первый подтвердил их сразу, единым эдиктом... Правилем его было никакого просителя не отпускать, не обнадежив; и когда домашние упрекали его, что он обещает больше, чем сможет выполнить, он ответил: «Никто не должен уходить печальным после разговора с императором». А когда однажды за обедом он вспомнил, что за целый день никому не сделал хорошего, то произнес свои знаменитые слова, памятные и достохвальные: «Друзья мои, я потерял день!» Его правления не миновали и стихийные бедствия: извержение Везувия в Кампании, пожар Рима, бушевавший три дня и три ночи, и моровая язва, какой никогда не бывало⁴... Для устроения Кампании он выбрал попечителей по жребию из числа консуляров; безнаследные имущества погибших под Везувием он пожертвовал в помощь пострадавшим городам. При пожаре столицы он воскликнул: «Все убытки — мои!»... Для изгнания заразы и борьбы с болезнью изыскал он все средства, божеские и человеческие, не оставив без пробы никаких жертвоприношений и лекарств. Одним из бедствий времени был застарелый произвол доносчиков и их подстрекателей. Их он часто наказывал на форуме плетью и палками и, наконец, приказал провести по арене амфитеатра и частью продать в рабство, частью сослать на самые дикие острова. А чтобы навсегда пресечь подобные посягательства, он в числе других постановлений запретил подводить одно дело под разные законы⁵ и оспаривать права умерших⁶ дольше известного срока после их смерти.

9. ...Брат не переставал строить против него козни и почти открыто волновал войска, замышляя к ним бежать — однако он не казнил его, не сослал и не перестал его жаловать, но по-прежнему, как с первых дней правленья, называл его своим соправителем и преемником...

10. Среди всех этих забот застигла его смерть... По окончании представлений, на которых под конец он плакал горько и не таясь, он отправился в свое сабинское имение. Был он мрачен, так как при жертвоприношении животное у него вырвалось, а с ясного неба грянул гром. На первой же стоянке он почувствовал горячку. Дальше его понесли в носилках; раздвинув занавески, он

¹ Тарихея и Гамала — крепости на противоположных берегах Геннисаретского озера.

² Береника, дочь иудейского царя Агриппы Ирода, жена понтийского царя Полемона; расставшись с последним, жила при дворе своего брата Агриппы II. Тит влюбился в неё во время своего пребывания в Иудее, позже призвал её в Рим и собирался на ней жениться, но отказался от этого намерения под влиянием общественного мнения (Дион Кассий, 66, 15, 18). Титу и Беренике посвящена одна из лучших трагедий Расина.

³ Колизея в 80 г.; о быстрой смене водных и наземных зрелищ в празднествах Тита пишет и Дион (66, 25); «быстрые зрелища», говорит о них Марциал (Книга зрелищ, 2).

⁴ Извержение Везувия — 24-25 августа 79 г.: то, которое погубило Геркуланум, Стабии и Помпеи. Моровую язву Дион (66, 23) приписывает засорению воздуха от этого извержения.

⁵ Т.е. при неудаче одного обвинения выдвигать другое против того же лица.

⁶ Т.е. спорить, был ли умерший свободным гражданином или вольноотпущенником, не имевшим права свободно распоряжаться наследством.

взглянул на небо и горько стал жаловаться, что лишается жизни невинно: ему не в чем упрекнуть себя, кроме, разве, одного поступка ...

11. Скончался он на той же вилле, что и отец, в сентябрьские иды на сорок втором году жизни, спустя два года, два месяца и двадцать дней после того, как он наследовал отцу. Когда об этом стало известно весь народ о нем плакал, как о родном, а сенат сбегался к курии, не дожидаясь эдикта, и перед закрытыми, а потом и за открытыми дверями воздал умершему такие благодарности и такие хвалы, каких не приносил ему даже при жизни и в его присутствии.

№4 ГАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛЛ ДОМИЦИАН

1. Детство и раннюю молодость провёл он, говорят, в нищете и пороке: в доме их не было ни одного серебряного сосуда, а бывший претор Клодий Поллион, на которого Нероном написано стихотворение «Одноглазый», хранил и изредка показывал собственноручную записку Домициана, где тот обещал ему свою ночь; некоторые вдобавок утверждали, что его любовником был и Нерва, будущий его преемник. Во время войны с Вителлием он вместе с дядей своим Сабином и отрядом верных им войск укрылся на Капитолии; когда ворвались враги и загорелся храм, он тайно переночевал у привратника², а поутру в одежде служителя Исиды³, среди жрецов различных суеверий... ускользнул на другой берег Тибра к матери какого-то своего товарища по учению, и там он спрятался так хорошо, что преследователи, гнавшиеся по пятам, не могли его найти. Только после победы он вышел к людям и был провозглашён цезарем*. Он принял должность городского претора с консульской властью⁴, но лишь номинально, так как всё судопроизводство уступил своему ближайшему коллеге; однако всей властью своего положения он уже тогда пользовался с таким произволом, что видно было, каков он станет в будущем. ...Достаточно сказать, что у многих он отнимал жён, а на Домиции Лепиде даже женился, хотя она и была уже замужем за Элием Ламией, и что в один день он роздал двадцать должностей в столице и в провинциях, так что Веспасиан даже говаривал, что удивительно, как это сын и ему не прислал преемника.

2. Затеял он даже поход в Галлию и Германию⁵, без всякой нужды и наперекор отцовским советникам, только затем, чтобы сравняться с братом⁶ влиянием и саном. За всё это он получил выговор и совет получше помнить о своём возрасте и положении. Поэтому жил он при отце, и во время выходов его несла на носилках за качалкой отца и брата... Он... изумительно притворялся человеком скромным и необыкновенным любителем поэзии, которой до того он совсем не занимался, а после того с презрением забросил: однако в это время он устраивал даже открытые чтения⁷... После смерти отца он долго колебался, не предложить ли ему войскам двойные подарки. Впоследствии он не стеснялся утверждать, что отец его оставил сонаследником власти, и завещание его было подделано, а против брата не переставал строить козни явно и тайно. Во время тяжёлой болезни брата, когда тот ещё не испустил дух, он уже велел всем покинуть его как мёртвого, а когда тот умер, он не оказал ему никаких почестей, кроме обожествления, и часто даже задевал его косвенным образом в своих речах и эдиктах.

3. В первое время... он каждый день запирался один на несколько часов и занимался тем, что ловил мух и протыкал их острым грифелем. Поэтому, когда кто-то спросил, нет ли кого с Цезарем, Вибий Крисп метко ответил: «Нет даже и мухи»... Он дал жене [Домиции] имя Августы, но развёлся с ней, когда она запятнала себя любовью к актёру Парису⁸; однако разлуки с нею он не вытерпел и, спустя недолгое время, якобы по требованию народа, взял её к себе. Его управление государством некоторое время было неровным: достоинства и пороки смешивались в нём поровну, пока, наконец, сами достоинства не превратились в пороки...

4. Зрелища он устраивал постоянно, роскошные и великолепные, и не только в амфитеатре, но и в цирке. Здесь, кроме обычных состязаний колесниц четвёркой и парой, он представил два сражения, пешее и конное, а в амфитеатре ещё и морское. Травли и гладиаторские бои показывал он даже ночью при факелах, и участвовали в них не только мужчины, но и женщины⁹... На всех гладиаторских зрелищах у ног его стоял мальчик в красном и с удивительно маленькой головкой; с ним он болтал охотно и не только в шутку: слышали, как император его спрашивал, знает ли он, почему при последнем распределении должностей наместником Египта был назначен Меттий Руф?.. Показывал он и морские сражения, и сам на них смотрел, невзирая на сильный ливень¹⁰: в них участвовали почти настоящие флотилии, и для них был выкопан и окружён постройками новый пруд поблизости от Тибра. Денежные раздачи для народа, по триста сестерциев каждому, он устраивал три раза. Кроме того во время зрелищ на празднике Семи холмов¹¹ он устроил щедрое угощение — сенаторам и всадникам были розданы большие корзины с кушаньями, плебеям — поменьше, и император первый начал угощаться. А на следующий день в театре он бросал народу всяческие подарки: и так как большая часть их попала на плебейские места, то для сенаторов и всадников он обещал раздать ещё по пятидесяти тессер на каждую полосу мест.

5. Множество великолепных построек он восстановил после пожара, в том числе Капитолий, сгоревший во второй раз¹²; но на всех надписях он поставил своё имя без всякого упоминания о прежних строителях. Новыми его постройками были храм Юпитера-Охранителя на Капитолии и форум, который носит теперь имя Нервы¹³, а также храм рода Флавиев, стадион, одеон¹⁴ и пруд для морских битв — тот самый, из камней которого был потом отстроен Большой Цирк, когда обе стены его сгорели¹⁵.

¹ Были, конечно, слухи, что Тит отравлен Домицианом, и что перед смертью он жалел именно о том, что не казнил брата и оставил империю такому злодею (Дион, 66, 26).

² У клиента Веспасиана, Корнелия Прима; после прихода к власти Веспасиана (69 г.) Домициан построил на этом месте святилище Юпитера Охранителя, а став императором (81 г.), перестроил его в большой храм.

³ Жрец Исиды носил белые льняные одежды.

⁴ Т.к. оба консула 70 г., Веспасиан и Тит, ещё находились в Иудее.

⁵ Где в это время вспыхнуло восстание Цивилиса на Нижнем Рейне; но он достиг лишь Лугдуна, когда восстание было сломлено Цереем.

⁶ Для этого он, по словам Тацита (Ист., IV, 86), тайно просил Цереем поддержать его войском для гражданской войны, но безуспешно.

⁷ Литературный вкус Домициана хвалят Плиний (предисловие к «Естественной истории») и Квинтилиан (X, 1, 91).

⁸ Париса Домициан велел убить на улице и казнил даже тех, кто приносил цветы на его могилу (Дион, 67, 3); эпитафию ему написал Марциал (XI, 13).

⁹ Женщины участвовали в гладиаторских боях ещё при Нероне (Тацит, Анн., XV, 32); Домициан вдобавок заставил сражаться карликов (Дион, 67, 8).

¹⁰ Сильный ливень и буря, по словам Диона (67, 8), были причиной гибели почти всех участников морского боя и простуды и смерти многих зрителей.

¹¹ Праздник Семи холмов (в память древнейших в Риме поселений на семи вершинах Палатина, Эсквилина и Целия) справлялся 11 ноября. Описание домицианского угощения см. у Стация («Сильвы», 1, 6).

¹² После пожара 80 г.; во второй раз — после вителлиева пожара.

¹³ Форум, начатый Домицианом, достроил и освятил Нерва.

¹⁴ Одеон — здание для музыкальных состязаний.

¹⁵ Восстановление Большого Цирка относится к началу правления Траяна.

6. Походы предпринимал он отчасти по собственному желанию, отчасти по необходимости: по собственному желанию — против хаттов¹, по необходимости — один поход против сарматов, которые уничтожили его легион с легатом, и два похода против дакийцев, которые в первый раз разбили консулара Оппия Сабина, а во второй раз начальника преторианцев Корнелия Фуска, предводителя в войне против них. После переменных сражений он справил двойной триумф над хаттами и дакийцами, а за победу над сарматами только поднёс лавровый венок Юпитеру Капитолийскому.

Междоусобная война, которую поднял против него Луций Антоний, наместник Верхней Германии² закончилась ещё в его отсутствие, и удивительно счастливо: как раз во время сражения внезапно тронулся лёд на Рейне и остановил подходившие к Антонию полчища варваров...

7. В общественных местах он также завёл много нового: отменил раздачу съестного, восстановив настоящие застольные угощения; к четырём прежним цветам цирковых возниц прибавил два новых, золотой и пурпуровой; запретил актёрам выступать на сцене, но разрешил показывать своё искусство в частных домах; запретил холостить мальчиков³, а на тех евнухов, которые оставались у работорговцев, понизил цены. Однажды по редкому изобилию вина при недороде хлеба он заключил, что из-за усиленной заботы о виноградниках остаются заброшенными пашни, и издал эдикт, чтобы в Италии виноградные посадки больше не расширялись, а в провинциях даже были сокращены по крайней мере наполовину⁴... Некоторые важнейшие должности он передал вольноотпущенникам и всадничеству. Запретил он соединять два легиона в одном лагере и принимать на хранение⁵ от каждого солдата больше тысячи сестерциев: дело в том, что Луций Антоний затеял переворот как раз на стоянке двух легионов и, по видимому, главным образом надеялся именно на обилие солдатских сбережений. А жалованье солдатам он увеличил на четверть, прибавив им по три золотых в год.

8. Суд он правил усердно и прилежно, часто даже вне очереди, на форуме, с судейского места. Пристрастные приговоры центумвиров он отменял; рекуператоров⁶ не раз призывал не поддаваться ложным притязаниям рабов на свободу; судей, уличённых в подкупе, увольнял вместе со всеми советниками. Он же предложил народным трибунам привлечь к суду за вымогательство одного запятнавшего себя эдила, а судей для него попросить от сената. Столичных магистратов и провинциальных наместников он держал в узде так крепко, что никогда они не были честнее и справедливее; а между тем после его смерти многие из них на наших глазах попали под суд за всевозможные преступления. Приняв на себя попечение о нравах, он положил конец своеволию в театрах, где зрители без разбора занимали всаднические места; ходившие на руках сочинения с порочащими нападениями на именитых мужчин и женщин он уничтожил, а сочинителей наказал бесчестием; одного бывшего квестора за страсть к лицедейству и пляске он исключил из сената; дурным женщинам запретил пользоваться носилками и принимать по завещаниям подарки и наследства; римского всадника он вычеркнул из судей за то, что он, прогнав жену за прелюбодеяние, снова вступил с ней в брак; несколько лиц из всех сословий были осуждены по Скантиниеву закону. Весталок, нарушивших обет девственности, — что даже отец его и брат оставляли без внимания, — он наказывал на разный лад, но со всей суровостью: сперва смертной казнью, потом по древнему обычаю⁷. А именно, сёстрам Окулатам и потом Варронице он приказал самим выбрать себе смерть, а любовников их сослал; но Корнелию, старшую весталку, однажды уже оправданную и теперь, много спустя, вновь уличённую и осуждённую, он приказал похоронить заживо, а любовников её до смерти засечь розгами на Комиции — только одному, бывшему претору⁸, позволил он уйти в изгнание, так как тот сам признал свою вину, когда дело было ещё не решено, а допросы и пытки ничего не показали. Не оставил он безнаказанными и преступления против святынь: гробницу, которую один из его вольноотпущенников построил для сына из камней, предназначенных для храма Юпитера Капитолийского, он разрушил руками воинов, а кости и останки, что были в ней, бросил в море.

9. В начале правления всякое кровопролитие было ему ненавистно: ещё до возвращения отца он хотел эдиктом запретить приношение в жертву быков... Не было в нём и никаких признаков алчности или скупости, как до его прихода к власти, так и некоторое время позже: напротив, многое показывало, и не раз, его бескорыстие и даже великодушие... Наследств он не принимал, если у завещателя были дети. Даже в завещании Русция Цециона он отменил ту статью, которая предписывала наследнику ежегодно выдавать известное количество денег каждому сенатору, впервые вступающему в сенат. Всех, кто числился должниками государственного казначейства дольше пяти лет он освободил от суда, и возобновлять эти дела он дозволил не раньше, чем через год, и с тем условием, чтобы обвинитель, не доказавший обвинения, отправлялся в ссылку. Казначейским писцам, которые, как водилось, занимались торговлей вопреки Клодиеву закону⁹, он объявил прощение за прошлое. Участки, оставшиеся кое-где незанятыми после раздела полей между ветеранами он уступил прежним владельцам. Ложные доносы в пользу казны он пресёк, сурово наказав клеветников, — передавали даже его слова: «Правитель, который не наказывает доносчиков, тем самым их поощряет»¹⁰.

10. Однако такому милосердию и бескорыстию он оставался верен не долго. При этом жестокость он обнаружил раньше, чем алчность. Ученика пантомима Париса, ещё безусого и тяжелобольного, он убил, потому что лицом и искусством тот напоминал своего учителя. Гермогена Тарсийского за некоторые намёки в его «Истории» он тоже убил, а писцов, которые её переписывали, велел распять. Отца семейства, который сказал, что гладиатор-фракийец не уступит противнику, а уступит распорядителю игр¹¹, он приказал вытащить на арену и бросить собакам, выставив надпись: «Щитоносец¹² — за дерзкий язык». Многих сенато-

¹ Поход против германского племени хаттов был предпринят в защиту херусского вождя Хариомера, изгнанного хаттами римского ставленника. Хотя решительного сражения не произошло, поход был успешен: к империи был присоединён большой клин германской территории за Рейном и Дунаем («Декуматские поля»). Тем не менее, по уверениям Диона (67, 7) и Плиния («Панегирик», 16-17), триумф Домициана был сплошной инсценировкой: добыча была захвачена у провинциалов и римских союзников, а изъявления покорности противника вымышлены.

² Л. Антоний Сатурнин поднял восстание в Могонциаке (ныне Майнц) и рассчитывал на поддержку озлобленных на Домициана хаттов; его разбил наместник Ретии Л. Аппий Максим Норбан. О сказочно быстром распространении слуха об этой победе упоминает и Плутарх («Эмилий Павел», 25).

³ Похвалы этой мере см. у Стация («Сильвы», IV, 3, 13) и Марциала (II, 60; VI, 2; IX, 6).

⁴ Фантастическую причину осуждения виноградарства приводит Филострат («Жизнь Аполлония», VI, 17): по его словам, Домициан боялся, что обилие хмельного подстрекнёт народ на мятежи.

⁵ Солдаты обычно откладывают часть жалованья в казну легиона с тем, чтобы получить сбережения при окончании службы.

⁶ Коллегия центумвиров (из 105 человек) разбирала дела о римской собственности, коллегия децемвиров (*Xviri stlitibus iudicandis*) — о свободе, гражданстве и т.п.; рекуператоры — судебная комиссия из нескольких человек всех сословий, назначавшихся претором и разбиравших в ускоренные сроки дела различного рода, преимущественно по жалобам провинциалов.

⁷ Преступницу заживо погребали в подземелье с ничтожным запасом пищи: таким образом, номинально это не считалось смертной казнью. По словам Плиния, Валерию ввели на казнь «не зная, невинную ли, но во всяком случае, как невинную» («Письма», IV, 11, 8).

⁸ Бывший претор, удалившийся в изгнание, — Валерий Лициниан, видный оратор: Плиний уверяет, что он был невиновен.

⁹ Закон Клодия неизвестен: был закон Клавдия (218 г. до н.э.), запрещавший заниматься торговлей сенаторам.

¹⁰ «Правителей, которые мало расточают наказаний, следует называть не добрыми, а удачливыми», — приводит Дион (67, 2) изречение Домициана.

¹¹ Смысл шутки: «фракийец уступит мирмиллону не потому, что он слабее, а потому, что император больше любит мирмиллонов».

¹² Щитоносцами называли тех же гладиаторов-фракийцев.

ров, и среди них нескольких консуляров, он отправил на смерть: в том числе Цивику Цереала — когда тот управлял Азией, а Сальвидиена Орфита и Ацилия Глабриона — в изгнании. Эти были казнены по обвинению в подготовке мятежа, остальные же — под самыми пустяковыми предложениями. Так, Элия Ламию он казнил за давние и безобидные шутки, хотя и двусмысленные: когда Домициан увёл его жену, Ламия сказал человеку, похвалившему его голос: «Это из-за воздержания!»¹, а когда Тит советовал ему жениться вторично, он спросил: «Ты тоже ищешь жену?» Сальвий Кокцеян погиб за то, что отмечал день рождения императора Отона, своего дяди; Меттий Помпузиан — за то, что про него говорили, будто он имел императорский гороскоп и носил с собой чертёж всей земли на пергаменте и речи царей и вождей из Тита Ливия, а двух своих рабов называл Магоном и Ганнибалом; Саллюстий Лукулл легат в Британии — за то, что копия нового образца он позволил назвать «Лукулловыми»; Юний Рустик — за то, что издал похвальные слова Фрасее Пету и Гельвидию Приску² назвав их мужами непорочной честности; по случаю этого обвинения из Рима и Италии были изгнаны все философы. Казнил он и Гельвидия Младшего, заподозрив, что в исходе одной трагедии он в лицах Париса и Эноны³ изобразил развод его с женою; казнил и Флавия Сабина, своего двоюродного брата, за то, что в день консульских выборов глашатай по ошибке объявил его народу не бывшим консулом, а будущим императором. После междоусобной войны свирепость его усилилась ещё более. Чтобы выпытывать у противников имена скрывающихся сообщников, он придумал новую пытку: прижигал им срамные члены, а некоторым отрубал руки. Как известно, из видных заговорщиков помилованы были только двое, трибун сенаторского звания и центурион: стараясь доказать свою невиновность, они притворились порочными развратниками, презираемыми за это и войском и полководцем.

11. Свирепость его была не только безмерной, но к тому же извращённой и коварной. Управителя, которого он распял на кресте, накануне он пригласил к себе в опочивальню, усадив на ложе прямо с собой, отпустил успокоенным и довольным, одарив даже угощением со своего стола. Аррецина Клементы, бывшего консула близкого своего друга и соглядатая, он казнил смертью, но перед этим был к нему милостив не меньше, если не больше, чем обычно, и в последний его день, прогуливаясь с ним вместе и глядя на доносчика, его погубившего сказал: «Хочешь, завтра мы послушаем этого негодного раба?» А чтобы больнее оскорбить людское терпение, все свои самые суровые приговоры начинал он заявлением о своём милосердии, и чем мягче было начало, тем вернее был жестокий конец. Несколько человек, обвинённых в оскорблении величества, он представил на суд сената, объявив, что хочет на этот раз проверить, очень ли его любят сенаторы. Без труда он дождался, чтобы их осудили на казнь по обычаю предков⁴, но затем, устранившись жестокостью наказания, решил унять негодование такими словами — не лишним будет привести их в точности: «Позвольте мне отцы сенаторы, во имя вашей любви ко мне, попросить у вас милости, добиться которой, я знаю, будет нелегко: пусть дано будет осуждённому праву самим избрать себе смерть, дабы вы могли избавить глаза от страшного зрелища, а люди поняли, что в сенате присутствовал и я».

12. Истощив казну издержками на постройки, на зрелища, на повышенное жалование воинам, он попытался было умерить хотя бы военные расходы, сократив количество войска, но убедился, что этим только открывает себя нападению варваров, а из денежных трудностей не выходит; и тогда без раздумья он бросился обогащаться любыми средствами. Имущество живых и мёртвых захватил он повсюду, с помощью каких угодно обвинений и обвинителей: довольно было заподозрить малейшее слово или дело против императорского величия. Наследства он присваивал самые дальние, если хоть один человек объявлял, будто умерший при нём говорил, что хочет сделать наследником цезаря. С особой суровостью по сравнению с другими взыскивался иудейский налог⁵: им облагались и те, кто открыто вёл иудейский образ жизни, и те, кто скрывал своё происхождение, уклоняясь от налогообложения на это племя дани. Я помню, как в ранней юности при мне в многолюдном судилище прокуратор осматривал девяностолетнего старика, не обрезан ли он.

13. ...С... гордыней он начал однажды правительственное письмо от имени прокураторов такими словами: «Государь наш и бог повелевает...» — и с этих пор повелось называть его и в письменных и устных обращениях именно так. Статуи в свою честь он дозволял ставить на Палатине только золотые и серебряные, и сам назначал их вес⁶. Ворота и арки, украшенные колесницами и триумфальными отличиями, он строил по всем кварталам города в таком множестве, что на одной из них появилась греческая надпись: «Довольно!»⁷ Консулом он был семнадцать раз, как никто до него, в том числе семь раз подряд, год за годом; но все эти консульства были только номинальными... А после двух триумфов он принял прозвище Германика и переименовал по своим прозвищам месяцы сентябрь и октябрь в Германик и Домициан, так как в одном из этих месяцев он родился, а в другом стал императором.

14. Снискав всем этим всеобщую ненависть и ужас, он погиб, наконец, от заговора ближайших друзей и вольноотпущенников⁸, о котором знала и его жена... Год, день и даже час и род своей смерти давно уже не были для него тайной: ещё в ранней молодости всё это ему предсказали халдеи, и когда однажды за обедом он отказался от грибов, отец его даже посмеялся при всех, что сын забыл о своей судьбе и боится иного больше, чем меча. Поэтому жил он в вечном страхе и трепете, и самые ничтожные подозрения повергали его в несказанное волнение... С приближением грозящего срока он день ото дня становился всё более мнительным. В портиках, где он обычно гулял, от отделал стены блестящим лунным камнем⁹, чтобы видеть по отражению всё, что делается у него за спиной. Многих заключённых он допрашивал только сам и наедине, держа своими руками их цепи. Чтобы дать понять домочадцам, что даже с добрым намереньем преступно поднимать руку на патрона, он предал смертной казни Эпафродита, своего советника по делам прошений, так как думал, что это он своею рукою помог всеми покинутому Нерону покончить с собой.

15. Наконец, он убил по самому ничтожному подозрению своего двоюродного брата Флавия Клементы чуть ли не во время его консульства¹⁰, хотя человек это был ничтожный и ленивый и хотя его маленьких сыновей он сам открыто прочил в свои наследники, переименовав одного из них в Веспасиана, а другого в Домициана. Именно этим он больше всего ускорил свою гибель.

¹ Воздержание рекомендовалось певцам для сохранения голоса.

² Похвальные слова Гельвидию Приску написал не Рустик, а Геренний Сенецион, также казнённый; очевидно, у Светония его имя выпало случайно.

³ По мифу, Парис был любовником нимфы Эноны и покинул её, чтобы вступить в брак с Еленой. В исходе трагедии ставились обычно комические пьески.

⁴ «...Преступника раздевают донага, голову зажимают колодкой, а по туловищу секут розгами до смерти» (Светоний, Нерон, 49).

⁵ Иудейский налог в две драхмы с человека был наложен Титом на исповедующих иудейскую религию.

⁶ Дозволял и даже приказывал (Дион, 67, 8): назначенный вес равнялся ста фунтам (Стаций, Сильвы, V, 1, 190).

⁷ «Довольно!» — по-гречески *arkei*, что созвучно с латинским словом «арки».

⁸ Участники заговора, по Диону (67, 15) были спальники Парфений и Сигер, секретарь императора Энтелл и упоминаемый далее Стефан, а за ними стояли, кроме императрицы Домицины, префекты претория Норбан и Петроний Секунд.

⁹ Род белого полупрозрачного мрамора, открытый при Нероне в Каппадокии (Плиний, 36, 22, 163).

¹⁰ В христианской исторической традиции сложилось убеждение, что Флавий Клемент был казнён за свою приверженность к христианству; но Дион (67, 14) говорит только об иудействе. Жена его, племянница Домициана, была сослана на Пандатерию.

16. Накануне гибели ему подали грибы; он велел оставить их на завтра добавив: «Если мне суждено их съесть»; и обернувшись к окружающим, пояснил, что на следующий день Луна обагрится кровью в знаке Водолея, и случится нечто такое, о чём будут говорить по всему миру... [Затем] он спросил, который час; был пятый, которого он боялся, но ему нарочно сказали что шестой. Обрадовавшись, что опасность миновала, он поспешил было в баню, но спальник Парфений остановил его, сообщив, что какой-то человек хочет спешно сказать ему что-то важное. Тогда, отпустивши всех, он вошёл в спальню и там был убит.

17. О том, как убийство было задумано и выполнено, рассказывают так. Заговорщики ещё колебались когда и как на него напасть — в бане или за обедом; наконец, им предложил совет и помощь Стефан управляющий Домициллы, который в это время был под судом за растрату. Во избежание подозрения он притворился, будто у него болит левая рука, и несколько дней подряд обматывал её шерстью и повязками, а к назначенному часу спрятал в них кинжал. Обещав раскрыть заговор, он был допущен к императору; и пока тот в недоумении читал его записку, он нанёс ему удар в пах. Раненый пытался сопротивляться, но корникуларий Клодиан¹, вольноотпущенник Парфения Максим, декурион спальников Сатур и кто-то из гладиаторов набросились на него и добились семью ударами. При убийстве присутствовал мальчик-раб... он рассказывал, что при первом ударе Домициан ему крикнул подать из-под подушки кинжал и позвать рабов, но под изголовьем лежали только пустые ножны, и все двери оказались на запоре; а тем временем император, сцепившись со Стефаном, долго боролся с ним на земле, стараясь то вырвать у него кинжал, то выцарапать ему глаза окровавленными пальцами... Тело его на дешёвых носилках вынесли могильщики. Филлида, его кормилица, предала его сожжению в своей усадьбе по Латинской дороге, а останки его тайно принесли в храм рода Флавиев и смешала с останками Юлии, дочери Тита, которую тоже выкормила она...

20. Благородными искусствами он в начале правления пренебрегал. Правда, когда при пожаре погибли библиотеки², он не жалел денег на их восстановление, собирал списки книг отовсюду и посылал в Александрию людей для переписки и сверки. Однако ни знакомства с историей или поэзией, ни просто заботы о хорошем слоге он не обнаруживал никогда: кроме записок и указов Тиберия Цезаря не читал он ничего, а послания, речи и эдикты составлял с чужой помощью...

21. Правителям, говорил он, живётся хуже всего: когда они обнаруживают заговоры, им не верят, куда их не убьют. На досуге он всегда забавлялся игрою в кости... Купался он среди дня, и за дневным завтраком наедался так, что за обедом ничего не брал в рот, кроме матианского яблока³ и вина из бутылочки. Пиршества устраивал частые и богатые, но недолгие: заканчивал он их всегда засветло и не затягивал попойками. Вместо этого он потом до отхода ко сну прогуливался в одиночестве.

22. Сладострастием он отличался безмерным. Свои ежедневные соития называл он «постельной борьбой», словно это было упражнение; говорили, будто он сам выщипывает волосы у своих наложниц и возится с самыми непотребными проститутками. Когда Тит предлагал ему в жёны свою дочь, ещё девушкою, он упорно отказывался, ссылаясь на свой брак с Домицией, но когда вскоре её выдали за другого, он первый обольстил её..., а потом, после кончины её отца и мужа, он любил её пылко и не таясь, и даже стал виновником её смерти, заставив вытравить плод, который она от него понесла.

23. К умерщвлению его народ остался равнодушным, но войско негодовало: солдаты пытались тотчас провозгласить его божественным, и готовы были мстить за него, но у них не нашлось предводителей... Сенаторы, напротив, были в таком ликовании, что наперебой сбежались в курию, безудержно поносили убитого самыми оскорбительными и злобными возгласами, велели втащить лестницы и сорвать у себя на глазах императорские щиты и изображения, чтобы разбить их оземь, и даже постановили стереть надписи с его именем и уничтожить всякую память о нём... Говорят, и сам Домициан видел во сне, будто на спине у него вырос золотой горб, и не сомневался, что это обещает государству после его смерти счастье и благополучие...

IV. РЕЛІГІЙНО-ІДЕОЛОГІЧНІ ТЕЧІЇ В ПАЛЕСТИНІ КУМРАНСЬКІ ДОКУМЕНТИ

№1

АНТИЧНІ ПИСЬМЕННИКИ ПРО ЕССЕЇВ

Більшість сучасних дослідників вважає, що Кумранська община є общиною ессеїв (або есенів), опис якої залишили античні автори Філон, Пліній Старший, Флавій, а також деякі церковні письменники. Ці відомості представляють також самостійний інтерес для вивчення історії соціальних рухів і ідеологічних течій в період підготовки християнства в I ст. до н.е. — I ст. н.е. Тут наводиться переклад найбільш важливих уривків з Філона, а також короткі повідомлення Плінія Старшого і Іосифа Флавія.

(Філон Александрійський. Про те, що кожен добродетельний вільний, XII, 75-87)

Это произведение Филона, по мнению исследователей, является одним из наиболее ранних и могло быть написано в самом начале I в. н.э.

75. Не лишена носителей благородной добродетели и Палестина — Сирия, которую населяет значительная часть многочисленного народа — иудеев. Некоторые из них, которых называют ессеями, насчитывают более 4000⁴. По моему мнению, они получили своё наименование, хотя это и не в строгом соответствии с греческим языком, от своего благочестия⁵, так как больше других заботятся о боге, и не тем, что приносят ему в жертву животных, а тем, что стремятся иметь благочестивый, достойный служителей бога образ мыслей.

76. Прежде всего, они живут в деревнях, избегая городов⁶ вследствие свойственной городским жителям склонности к беззаконию, ибо они знают, что из общения людей, как из губительного воздуха, рождается неисцелимая болезнь, поражающая души. Одни из них обрабатывают землю, другие занимаются теми ремеслами, которые сопутствуют миру. Своим трудом они при-

¹ Корникуларий — младший офицерский чин, помощник центуриона.

² Библиотеки в Риме (прежде всего, библиотека при Палатинском храме Аполлона) пострадали при пожаре 80 г.; Александрийская библиотека сама пострадала от пожара при Цезаре, но Антоний возместил потери, переведя в Александрию не менее славную Пергамскую библиотеку.

³ Матианские яблоки получили название от Матия, друга Цицерона и Цезаря, любителя садоводства и гастрономии (Плиний, XV, 15, 49).

⁴ В не дошедшем до нас более позднем сочинении Филона «Апология иудеев» указывается другое количество ессеев, а именно 10 тыс. (Евсевий Кесарийский, Praeparatio Evangelica, VIII, 11, 1).

⁵ Филон выводит название ессеев от греческого слова «благочестивые». Точная этимология названия секты ессеев до сих пор не установлена.

⁶ В названной выше «Апологии» (Praeparatio Evangelica, VIII, 11, 1) Филон сообщает противоречащие этому сведения: «Они живут во многих городах Иудеи, во многих деревнях и больших и многолюдных лагерях».

носят пользу самим себе и соседям, не накапливая при этом ни серебра, ни золота и не приобретая ради стремления к доходам большие участки земли. Они добывают только то, что необходимо для жизни.

77. Они едва ли не единственные из всех людей, не имея ни денег, ни собственности или имущества, скорее намеренно, чем из-за отсутствия удачи считают себя богатейшими, так как справедливо полагают, что умеренность и ограниченность в потребностях равносильны изобилию.

78. У них вы не найдете ремесленника, изготавливающего луки, стрелы, кинжалы, шлемы, панцири, щиты, и вообще никого делающего оружие, орудия или что бы то ни было, служащее для войны. Нет у них и тех мирных занятий, которые легко ведут ко злу: так, они даже и во сне не знают ни крупной, ни мелкой, ни морской торговли, ибо отклоняют от себя побуждения (поводы) к корыстолюбию.

79. У них нет ни одного раба, но все они свободны, взаимно оказывая друг другу услуги. Они осуждают господ, владеющих рабами, не только как людей несправедливых, оскверняющих равенство, но и как нечестивцев, нарушающих закон и установления природы, которая, подобно матери всех породив и выкормив равным образом, сделала людей законными братьями не только по названию, но и в действительности. Их коварная и чрезмерно возрастающая жадность расшатала это родство, вместо свойства создала отчужденность и вместо дружбы — вражду.

80. Что касается философии, то логику, как не необходимую для приобретения добродетели, они оставили гонящимся за словом, а физику, поскольку она выходит за пределы природы человека, — тем, кто витает в небесах, за исключением того в ней, что относится к бытию бога и происхождению всего сущего. Зато изучению этики они уделяют очень большое внимание, руководствуясь отцовскими законами, которые человеческое сознание (душа) не смогло бы выдумать без вдохновения свыше.

81. Законы [т.е. Тору] они изучают во всякое время, особенно же — в седьмой день недели. Седьмой день ведь считается священным, и в этот день они воздерживаются от других работ, собираются в священные места, именуемые синагогами, где рассаживаются в подобающем порядке по возрасту — молодые позади старших и готовые внимательно слушать.

82. Затем кто-нибудь, взяв священные книги, читает вслух, а другой — из наиболее сведущих, — выступив вперед, разъясняет трудные места. Они философствуют по большей части с помощью символического толкования со старинным рвением.

83. Они обучаются благочестию, святости, справедливости, домоводству и гражданственности, познанию того, что полезно, вредно или безразлично для истины, умению выбрать то, что нужно, и избежать вредного. При этом они руководствуются тремя мерами (канонами): любовью к богу, любовью к добродетели и любовью к человеку.

84. Проявленный любви к богу у них огромное множество: целомудрие, непрерывно соблюдаемое в течение всей жизни, воздержание от клятв, лжи, вера (или убеждение), что божественное является причиной всех благ и ни одного из зол; любовь к добродетели проявляется в отвращении к стяжательству, в равнодушии к славе и наслаждениям, в выдержке, стойкости, малых потребностях, умеренности, скромности, постоянстве, в уважении к обычаям и тому подобном; к человеколюбию относятся благорасположение, чувство равенства, общность, которая превышает всякого слова и о которой уместно рассказать вкратце.

85. Во-первых, никто из них не имеет собственного дома, который не принадлежал бы всем сообща; кроме того, они живут фиасами, дома их открыты для тех из единомышленников, которые приходят к ним извне.

86. Далее, у них имеется общая для всех касса и общие расходы; общими являются также одежды и питание, так как они образуют сисситии. Можно ли найти у других лучше осуществленные на деле общность жилищ, всего уклада жизни, питания? Ту плату, которую они получают за проработанный по найму день, они не хранят как своё собственное, но делают это общим, предоставляя желающим пользоваться своим доходом.

87. Больные не остаются у них в пренебрежении, без забот, из-за того что они не могут ничего заработать. Для ухода за больными имеется наготове общее достояние, которое они без всякого опасения и не ограничивая себя могут тратить. Старикам они оказывают почет и заботятся о них подобно тому, как законные дети оказывают физические услуги своим родителям на старости лет и в изобилии окружают их бесчисленными заботами.

(Плینی Старший, Природничка історія, V, 17, 73)

К западу (от Асфальтова озера, т.е. Мертвого моря), но в достаточном отдалении от берега, чтобы избежать вредоносных испарений моря, проживают ессеи — племя уединенное и наиболее удивительное из всех во всем мире: у них нет ни одной женщины, они отвергают плотскую любовь, не знают денег и живут среди пальм. Изо дня в день число их увеличивается благодаря появлению толпы утомлённых жизнью пришельцев, которых волны фортуны влекут к обычаям ессеев. Таким образом, хотя этому и трудно поверить, в течение тысяч поколений существует вечный род, в котором никто не рождается, ибо отвращение к жизни среди других людей способствует увеличению их числа.

(Йосиф Флавій, Іудейська війна, II, 8)

2. У иудеев имеются три философских течения. Приверженцами одного из них являются фарисеи¹, второго — саддукеи², сторонники же третьего, славящиеся особым благочестием, называются ессеями. Иудеи по происхождению, они выделяются среди соплеменников своей привязанностью друг к другу. Наслаждения они отвергают, считая их злом, а к добродетелям относят воздержание и способность не поддаваться страстям. Пренебрегая браком в своей среде, они принимают чужих детей, еще восприимчивых к обучению, относятся к ним как к родным и прививают им свои нравы. Хотя они и не отрицают брака и связанного с ним продолжения рода, но ограждают себя от распущенности женщин и убеждены, что ни одна из них не сохраняет верности одному мужчине.

3. К богатству они относятся с презрением, и поразительна их общность имущества; среди них нет никого выделяющегося своим имуществом, ибо существует закон, что вступающие в общину предоставляют своё имущество в общественную собственность секты. Поэтому среди них всех нет ни униженной бедности, ни чрезмерного богатства; ведь имущество каждого смешивается с имуществом других, и, словно у братьев, у всех одно общее имущество.

¹ Фарисеи (греч. pharisaioi, от др.-евр. перушим — отделившиеся), представители общественно-религиозного течения в Иудее во II в. до н.э. — II в. н.э. Фарисеи — создатели Устного учения (закона), зафиксированного в Мишне.

² Саддукеи — одна из политических и религиозных группировок в Иудее во II в. до н.э. — I в. н.э. Объединяла высшее жречество, землевладельческую и служилую знать.

Они считают скверной масло для умащения, и если кто-либо умащен против своей воли, он смывает его со своего тела. Они придают большое значение тому, чтобы тело было сухим, и в особенности ношению белой одежды. Должностные лица (эпимелеты), ведающие общим имуществом, избираются голосованием, и все без исключения заботятся о нуждах всех.

4. У ессеев нет своего особого города, но в каждом городе живут многие из них. Члены общин, приходящие к ним из других мест, могут пользоваться их имуществом как собственным и входить в дома тех, которых они раньше даже и не видели, как к самым близким. Поэтому, отправляясь в путь, они ничего не берут с собой, кроме оружия для защиты от разбойников. В каждом городе из общины назначается специальный попечитель для пришельцев, который распределяет им одежду и пищу. Одеждой и внешним обликом они напоминают воспитываемых в строгости детей. Одежду и обувь они меняют не раньше чем они совершенно изорвутся или обветшают. Они ничего не покупают и не продают друг другу, но каждый дает нуждающемуся то, что имеет, и сам взамен получает от того нужное ему. Однако они могут свободно получать необходимое им у кого захотят без всякого возмещения.

5. Божество они почитают своеобразно. До восхода солнца они не произносят никаких обычных (несвященных) слов, но обращаются к солнцу с какими-то древними молитвами, как бы умоляя его взойти. После этого (т.е. после восхода солнца) эпимелеты посылают каждого на ту работу, в которой он сведущ, и все усердно трудятся около пяти часов. Затем они снова собираются в одном месте и, опоясавшись льняными повязками, омывают тело холодной водой. После этого очистительного обряда они сходятся в особое помещение, куда не разрешается входить никому из посторонних. Сами они, пройдя очищение, входят в трапезную, словно в священное место. Когда они молча рассядутся, пекарь по порядку раскладывает хлеб, а повар подает каждому миску с пищей из одного блюда. Перед едой священник произносит молитву, и не дозволено никому отведать что-либо до молитвы. После трапезы священник снова произносит молитву. Итак, они начинают и заканчивают свои трапезы прославлением бога как подателя жизненных благ. Затем, сняв с себя одежды, считающиеся священными, они снова направляются на работу до вечера. По возвращении они ужинают таким же образом. Если у них находятся гости¹, те участвуют в трапезе вместе с ними. Ни крик, ни шум никогда не оскверняют помещения², ибо они вступают в разговоры друг с другом по очереди. Людям, находящимся снаружи, такая тишина в доме может показаться удивительной тайной, а в действительности причиной тишины является полная трезвость трапезы и то, что еду и питьё они употребляют только до насыщения.

6. Хотя они обычно ничего не делают без приказа эпимелетов, в двух случаях они проявляют самостоятельность: в оказании помощи и в милосердии. Им разрешается по их усмотрению помогать достойным, когда те просят, и подавать пищу нуждающимся в ней. Не разрешается дарить что-либо родственникам без разрешения эпимелетов. Они владеют собой в гневе, сдержанны в желаниях, являючись образцом верности и пособниками мира. Всякое сказанное ими слово имеет большую силу, чем клятва. Принесения клятв они избегают, полагая, что это хуже, чем клятвопреступление. Ибо, по их словам, человек, которому не верят, если он не призовет бога, тем самым уже признан дурным. Они весьма усердно изучают сочинения древних, выбирая главным образом то, что полезно для души и тела. На основе этих сочинений они испытывают корни растений и свойства камней как средства для лечения болезней.

7. Люди, которые добиваются приёма в их секту, не сразу получают туда доступ. Такому человеку, остающемуся в течение года вне общины, они предписывают свой образ жизни, давая ему топорик, белую одежду и повязку, о которой упоминалось выше. После того как он в течение этого времени выдержит испытание, его допускают ближе к жизни общины, и он принимает участие в обрядах очищения водой, но всё ещё не допускается к совместным трапезам. После того как он прошёл испытания в стойкости, в течение еще двух лет проверяется его характер, и тот, кто оказался достойным, таким образом допускается в общину. Перед участием в общей трапезе вступающие в общину дают страшные клятвы: прежде всего — почитать божество, затем — справедливо относиться к людям и никому не вредить ни по собственному побуждению, ни по приказу, всегда ненавидеть несправедливых и бороться вместе с праведными; всегда соблюдать верность всем, особенно же облеченным властью³, так как правление никому не достается без воли бога. Далее, каждый клянется, что если сам он будет управлять, то не станет злоупотреблять своей властью, не будет выделяться среди подчинённых ни одеждой, ни какими-либо дополнительными украшениями; любить правду и порицать лжецов; оберегать руки от воровства, а душу сохранять чистой от бесчестной прибыли, не скрывать ничего от членов общины, а посторонним не доносить на них, даже если будут принуждать под страхом смерти. Кроме того, он клянётся никому не сообщать основы учения иначе, чем сам их получил, не предавать забвению и хранить в равной степени книги своей секты и имена ангелов. Такими клятвами они обеспечивают себе верность вновь вступающих в общину.

8. Людей, уличённых в серьезных проступках, они изгоняют из общины. Изгнанный часто погибает плачевнейшим образом, так как, связанный клятвами и обычаями, он не может принимать пищи от других людей и, питаясь травами, погибает от голодного истощения. Поэтому они из жалости подбирали многих при последнем издыхании, полагая, что мучения, едва не приведшие к смерти, — достаточное наказание за их проступки.

9. Они очень добросовестны и справедливы при судебных разбирательствах, и судят они, собравшись не менее ста человек; решение, вынесенное ими, непререкаемо. После бога более всего почитают они имя законодателя, и если кто-либо станет возводить хулу на него, он карается смертью. Они высоко ценят повиновение старшим и большинству, и поэтому, когда вместе находятся десять человек, ни один не станет говорить против воли девяти. Они остерегаются плевать среди людей или в правую сторону. Более ревностно, чем все другие иудеи, они избегают какой бы то ни было работы в субботные дни. Они не только накануне готовят для себя пищу, чтобы не зажигать огня в субботу, но не осмеливаются даже перемещать что-либо и отправлять естественные надобности. В остальные дни недели они, выкопав киркой-топориком ямку глубиной в фут (такой топорик они выдают новичкам) и закрывшись плащом, чтобы не оскорбить лучей бога, садятся над ней. Затем они засыпают ямку выкопанной землей. Они делают это, выбирая наиболее уединенные места. И хотя удаление нечистот вполне естественно, у них принято омыться после этого, словно они стали нечистыми.

10. В зависимости от срока пребывания в секте они делятся на четыре группы. Вступившие позднее настолько умалены в сравнении с ранее вступившими, что если первые прикоснутся к последним, то те омываются, как будто они соприкоснулись с чужим. Они так долговечны, что многие из них живут более ста лет благодаря, как мне кажется, простому образу жизни и дисциплине. Ничто для них не страшно, так как страдания они побеждают силой духа, а смерть, если она приходит со славой, по их мнению, лучше бессмертия. Война с римлянами во всех отношениях проверила силу их духа. Во время этой войны их скручивали, растягивали, жгли, ломали и провели через все орудия пыток, для того чтобы они возвели хулу на законодателя либо отвели за-

¹ Из других общин.

² Имеется в виду трапезная.

³ Имеются в виду должностные лица общины.

претной пищи. Однако они не согласились ни на то, ни на другое, никогда не заискивали перед притеснителями и не плакали. Улыбаясь в мучениях и насмехаясь над теми, кто их пытал, они выпускали дух в радостной уверенности, что они его вновь обрегут.

11. У них очень сильно представление, что тела тленны и материя их не вечна, души же всегда пребывают бессмертными и, возникнув из легчайшего эфира, увлекаются вниз какими-то природными чарами и соединяются с телами, словно с темницами для них. После того как души освобождаются от телесных уз, они радостно, словно освободившись от длительного рабства, устремляются ввысь. В согласии с сынами эллинов они рассказывают, что добрым душам предназначено местопребывание за океаном — область, не обременённая ни дождями, ни снегами, ни жарой, которую освежает постоянно дуящий с океана мягкий зефир; для дурных же душ уготована мрачная и холодная подземная бездна, наполненная бесчисленными наказаниями. Мне кажется, что эллины придерживаются таких же представлений, и своих храбрецов, которых они называют героями и полубогами, они поместили на острова блаженных, а души дурных людей — в ад, место для нечестивых. Эллины рассказывают басни о наказании там некоторых душ, например Сизифа, Тантала, Иксиона и Тития. Они это делают, во-первых, для того, чтобы утвердить бессмертие душ, а затем для поощрения доблести и отвращения от пороков. Они (т.е. ессеи) надеются, что хорошие люди становятся при жизни ещё лучше в надежде на посмертную награду, а устремления дурных людей сдерживаются страхом, ибо, если им даже удастся утаить это при жизни, они предвидят, что после отделения души подвергнутся вечному наказанию. Таково учение ессеев о душе. Оно внушает непреодолимый соблазн тем, кто хоть раз вкусил их мудрости.

12. Есть среди них люди, воспитываемые с детства на священных книгах, на различных очищениях и на изречениях пророков, которые заверяют, что предвидят будущее. Они редко когда ошибаются в предсказаниях.

13. Существует и другое направление среди ессеев, которое придерживается того же образа жизни, нравов и порядков, но иначе смотрит на брак. Они считают, что люди, не вступающие в брак, пресекают преемственность поколений — важнейшую сторону человеческой жизни. Более того, если бы все стали придерживаться таких взглядов, то чрезвычайно быстро исчез бы род человеческий. Однако своих невест они испытывают в течение трёх лет; после того как те трижды пройдут очищения (т.е. месячные) и тем докажут, что способны к деторождению, они женятся на них. В период беременности они воздерживаются от сожителства, показывая тем самым, что целью их брака является не наслаждение, а рождение детей. Женщины купаются в одеянии, а мужчины — в передниках. Таковы обычаи этой секты.

№2

«СТАТУТ» КУМРАНСКОЙ ОБЩИНЫ

В 1945 г. Мухаммед эд-Диб, молодой бедуин из племени Таамире, случайно обнаружил в одной из пещер северо-западного побережья Мертвого моря в районе Вади-Кумран (Иордания) древние рукописи на коже. В результате дальнейших поисков и научных археологических экспедиций, начавшихся в 1949 г., было обнаружено еще десять пещер в Кумране и ряд пещер в прилегающих районах, хранивших многочисленные рукописные фрагменты на коже, пергаменте и папирусе на древнееврейском, арамейском, греческом, латинском и арабском языках.

Помимо одиннадцати кожаных и двух медных свитков из I, XI и III Кумранских пещер, содержащих цельные произведения, всего к настоящему времени обнаружено около 40 тыс. фрагментов различной величины. По своему содержанию свитки и фрагменты представляют самые разнообразные памятники: 1) неизвестные до сих пор рукописи, дающие сведения о социальном строе, организации и идеологии общины, населявшей древний Кумран («Устав», «Война сынов света с сынами тьмы» и «Гимны»); 2) древнейшие из дошедших до нас рукописей библейских книг (они на тысячу лет древнее современной рукописной библейской традиции), обнаруживающие в ряде случаев существенные отклонения от принятого канона; 3) древнейшие и неизвестные до сих пор комментарии на библейские книги (в том числе комментарии на книги Исаяи, Осии, Хабакуку (Авакума), Михея, Наума, Софонии, Бытия, Иисуса Навина, Псалмов); 4) фрагменты из ветхозаветных апокрифов и псевдоэпиграфов, в том числе книг «Юбилеев» и «Еноха», оригинал которых до сих пор был неизвестен.

Все эти фрагменты рукописей, предположительно датируемых II в. до н.э. — I в. н.э., входили в состав библиотеки обособленно жившей здесь иудейской общины, в идеологии и строе жизни которой имеются сходные черты с раннехристианскими общинами.

В расположенных по соседству пещерах Вади-Мураббаат помимо фрагментов библейских рукописей, приближающихся к традиционному тексту, обнаружены также деловые документы (письма, в том числе вождя антиримского восстания Бар-Кохбы (132-135 гг. н.э.), контракты, долговые расписки и т.п.) на древнееврейском, арамейском и греческом языках от I в. н.э. до II в. н.э., а в развалинах Мирда — рукописи на разных языках от более позднего периода.

В 1960-1961 гг. в пещерах района Нахал-Хевер (к югу от района Кумрана), где нашли свое последнее пристанище повстанцы отрядов Бар-Кохбы, были обнаружены многочисленные памятники материальной культуры, принадлежавшие погибшим здесь повстанцам и их семьям. Особое значение имеют найденные там документы, относящиеся к восстанию Бар-Кохбы.

Публикация этих текстов началась в 1948 г. отдельными изданиями и в различных журналах, а изучение их вызвало к жизни новую отрасль науки — «кумрановедение». В целом все найденные рукописи и рукописные фрагменты будут опубликованы в специальной многотомной серии «Discoveries in the Judaean Desert». Опубликованные рукописи и фрагменты имеют неопределимое значение для изучения социально-политических и идеологических течений позднего эллинизма, подготовивших идеологию нарождавшегося христианства, а также для истории библейской литературы и становления библейского канона.

Рукопись на коже, найденная в первой пещере Кумрана и содержащая распорядок и правила поведения членов общины (принятое обозначение — 1QS), условно названа «Статутом» Кумранской общины. Точная датировка документа еще не установлена, предположительно, он относится к II—I вв. до н.э. Впервые опубликован (транскрипция и факсимиле) в 1951 г.

(Таблица I, стк. 7-18)

Это написано, установлено для того, чтобы ввести всех добровольно предавшихся творить законы бога в праведный союз для объединения в совете бога и для хождения пред лицом его непорочно в течение всех откровений согласно срокам их свидетельств. И они должны любить всех Сынов света, каждого сообразно его жребию в совете бога, и ненавидеть всех Сынов тьмы, каждого по его преступлению сообразно с отмщением бога. И все побуждённые его истиной внесут всё свое знание, всю свою силу и всё своё имущество в общину бога, дабы очистить своё знание правдой законов бога, а силу свою укрепить сообразно совершенству его путей, а всё свое имущество употребить по его совету. И не отступать ни в едином из слов бога в их пределах, но не упреждать их времена и не отставать от всех их сроков и не уклоняться от законов его правды, идя направо и налево. И все вступившие в устав общины пройдут в союзе перед лицом бога, чтобы делать всё, как он приказал, и не отступать от него ни из-за какой боязни или ужаса и испытания, бывающих при власти Велиала.

(Таблица II, стк. 19-25)

Так пусть делают ежегодно, все дни владычества Велиала. Жрецы пройдут первые по уставу согласно их духовности один за другим, левиты пройдут после них, а весь народ пройдет в третью очередь по уставу один за другим по тысячам и сотням и пятидесяткам и десяткам, поскольку все люди Израиля знают каждый свой пост в общине бога ради вековечного совета. Никто не понизится в своем месте и не повысится от своего места по жребию, ибо все будут в истинной общине: добрый ответ, любовь к праведности, справедливая мысль у них друг для друга в святом совете, и они сыны вечной тайны...

В таблицах III—IV излагаются основы учения общины, имеющего ярко выраженный дуалистический характер.

Разумеющему¹ надлежит объяснять и обучать всех Сынов света истории всех сынов человеческих согласно всем видам их духовности (букв.: всем разновидностям их духов) с их знаками для своих деяний в своих поколениях и ради взыскания с них кары их вместе с конечным воздаянием им. От бога всезнающего всё сущее и бывшее. Прежде их бытия он направил всякую их мысль, и в своем бытии они выполняют свои дела ради свидетельства о себе, согласно его величавому замыслу, и те дела не подлежат изменению. В руке его законы всему, и он их поддерживает во всех их нуждах. Он сотворил человека для владычества над миром и положил ему два духа, чтобы руководиться ими до назначенного им срока. Это духи Правды и Кривды. В чертоге света — родословие Правды и из источника тьмы — родословие Кривды. В руке начальника света власть над всеми сынами праведности, путями света они будут расхаживать. В руке ангела тьмы вся власть над сынами Кривды, и путями тьмы они будут расхаживать. От ангела тьмы заблуждение всех сынов праведности, все их прегрешения, грехи, вина, их преступные деяния благодаря его власти, согласно тайнам бога до срока его. И все кары и периоды бедствий во власти его гонения. И все духи его жребия существуют на помеху Сынам света. Но бог Израиля и ангел его правды помогают всем Сынам света. И он сотворил духов света и тьмы и на них основал всякое действие...

(Таблица IV, стк. 2-25)

...Вот их пути в миру: просвещать сердце человека и выпрямлять перед ним все пути истинной праведности и устрашать его сердце законами бога. И дух смирения, долготерпение, многомилосердие, вечное благо, разум, понятие и мощная мудрость, внушающая веру во все дела бога и опирающаяся на множество его милостей, и дух знания во всяком действенном замысле, ревность к законам праведности, и святой помысел в неколебимом побуждении, и многомилосердие ко всем сынам Правды, и чистота славы, гнушающейся всеми сквернами мерзости, и скромное хождение при всеобщей хитрости, и сокрытие ради Правды тайн познания — таковы тайные советы духа всем сынам Правды на земле и наставление всем ходящим по ней ради исцеления и многого благополучия в долготе дней и плодородности семени вместе со всякими постоянными благословениями и вековечной радостью, с вечной жизнью и полной славой, с мерой величия в вечном свете.

А духу Кривды принадлежат: стяжательность, бездействие (букв.: покладание рук) в служении праведности, нечестие, ложь, гордость и надменность, обман и лукавство, жестокость и сварливость, нетерпеливость и многая глупость, и рвение дерзости к отвратительным делам в духе разврата, и мерзкие пути в служении нечистому, бранная речь, слепота глаз, глухота уха, жестокость, косность сердца, приводящие к хождению всеми путями тьмы, и злая хитрость. И наказание всем ходящим в нем во множестве ударов от руки всех ангелов-мучителей, на вечную гибель в яром гневе бога мщений, на вечный трепет и постоянный стыд вместе с позором гибели в огне мрачных областей. И все их окончания согласно их поколениям в печали, горести и горькой беде, в мрачных напастях до истребления их без остатка и без спасения для них. В этом родословие всех сынов человеческих, и по их делению станут получать наследие все их полчища по их поколениям. По их путям они будут расхаживать, и все действие их поступков по их делению согласно наследию человека во многом ли, в малом ли на все сроки вечности, ибо бог поставил их мерой в меру до последнего конца и дал вечную вражду между их делениями.

Отвращение к Правде — таковы дела Кривды, и отвращение к Кривде — таковы все пути Правды. И ревность тяжбы над всеми их законами, ибо не вместе станут они расхаживать. Но бог в тайнах своего разума и в своей славной мудрости дал конец бытию Кривды и в назначенный срок уничтожит её навеки. И тогда навсегда выйдет Правда мира, ибо она запятналась на путях нечестия при владычестве Кривды до срока постановленного суда. Тогда бог прокалит своей правдой все дела мужа и обелит себе из сынов человеческих плоть, принадлежащую ему, чтобы покончить со всяким духом Кривды среди них и чтобы очистить их своим святым духом от всех нечестивых дел, брызнет на него духом Правды, точно водой очищения от всех мерзостей лжи и запятнанности духом нечистоты, дабы вразумить прямодушных вышним знанием и мудростью сынов неба и наставить совершенных путем, ибо их избрал бог ради вечного завета, и им вся почесть человеческая, и нет Кривды. Стыдом станут все лукавые дела. До сих пор тягаются духи Правды и Кривды в сердце мужа, вынуждая ходить в мудрости и глупости. И каково наследие человека в истине и праведности, так он ненавидит Кривду. А каково наследие его в жребии Кривды, из-за которой он поступает нечестиво, так он и гнушается Правдой. Ибо мерой в меру бог поставил их до конца установленного и создания нового. И он знает действие их дел для всех концов.

(Таблица VI, стк. 1-25 — Таблица VII, стк. 1-25)

В таблицах VI—VII излагаются основы организационного строя и взаимоотношений членов общины. Наиболее характерным является строгая иерархия, гиерократия при общности имущества, труда и распределения.

...И пусть никто не доносит на своего товарища перед старшими² ни одного слова, которое не подлежит признанию перед свидетелями. Этим должен руководиться во всех местах поселения. Во всем, что имеется в отношении друг друга, пусть слушают малый большого относительно работы и относительно казны. И вместе пусть едят, и вместе пусть благословляют, и вместе пусть советуются. В каждом месте, где будет десять человек из общего совета, пусть неотступно будет с ними кто-нибудь из жрецов. Каждый сидит пред ним согласно своему чину. И таким же образом пусть их (т.е. членов общины) спрашивают о совете во всяком деле. И как случится накрывать стол для еды или подадут виноградный сок для питья, жрец протянет руку первым, чтобы благословить сначала хлеб или виноградный сок. И в месте, где будет десять человек, пусть неотступно будет изучающий Учение (Тору) днём и ночью, постоянно, на устах друг друга (?). И старшие пусть бодрствуют вместе треть всех ночей года, читая по книге, изучая закон и благословляя вместе.

Вот устав для заседания старших, каждому по его чину. Жрецы сидят первыми, старцы — вторыми, а весь остальной народ сидит всяк в свой черед. И так спрашивают, о законе и о всяком совете и деле, которое будет у старших, с тем чтобы каждый мог обратить свое знание на совет общины. Пусть никто не говорит посреди слов другого, прежде чем его брат кончит говорить. Так-

¹ Имеется в виду, по-видимому, специальное должностное лицо — наставник вразумляющий, — в обязанность которого входит обучение общинников основам учения секты.

² Имеются в виду полноправные члены общины.

же пусть никто не говорит раньше своей очереди до человека, записанного прежде него. Спрошенный человек пусть говорит в свою очередь. И пусть никто в заседании старший не говорит никакого слова, которое не угодно старшим, хотя бы даже человек, надзирающий за старшими. И всякий, у кого есть слово сказать старшим, но кто не на месте человека, вопрошающего о совете общины, то тот человек встает на ноги и говорит: «У меня есть слово сказать старшим!» Если скажут ему, он говорит.

И всякого из Израиля, добровольно предавшегося присоединению к совету общины, пусть его расследует человек, надзирающий во главе общины старших, относительно его разума и его дел. Если он постигнет наставление, его вводят в Союз общины для обращения к правде и для отклонения от всякого зла. И надзирающий научит его понимать все законы общины. И затем, когда он придёт, чтобы представить перед старшими, то все расспросят о его делах, и сообразно тому, как выйдет жребий у совета старших, он будет приближен или отдален. В случае его приближения он не должен касаться чистоты старших¹, пока не расследуют относительно его духа и его дел, пока не исполнится для него полный год. Он также пусть не замешивается в имущество старших². Когда же для него исполнится год пребывания среди общины, то старшие спрашивают относительно его дел согласно его разуму и поступкам по Учению (Торе). И если выйдет ему жребий приблизиться к секрету общины по слову жрецов и большинства людей их союза, то пусть передадут также его имущество и его работу в руки человека, надзирающего за работой старших, и тот запишет его в список с его долей, но на старших ее не изводит: он не коснется трапезы старших, пока не исполнится для него второй год среди людей общины. А когда исполнится для него второй год, то проверят его по слову старших, и если выйдет ему жребий, с тем чтобы приблизить его к общине, то его запишут в устав его очереди среди его братьев касательно Учения (Торы), касательно закона и касательно чистоты и так, чтобы его имущество смешалось с остальным. И его совет будет для общины и для ее правосудия³.

И вот законы, по которым судят при общинном расследовании по делам. Если среди них найдется человек, который солжет относительно имущества, и это станет известно, то следует отделить его от среды чистоты старших на один год, и будет наказан на четверть своей пищи⁴. И если произнес проклятие либо испугавшись беды, либо по любому поводу, который случился у него в то время, как он читает по книге или произносит благословение, то его отлучают, и не вернется больше на совет общины. И если будет говорить в ярости против одного из жрецов, записанных в книгу, то будет наказанным один год и отлучен в одиночестве от чистоты старших. Но если сказал по заблуждению, то будет наказан шесть месяцев. И тот, кто утаит свое знание, будет наказан шесть месяцев. А человек, который несправедливо обругает (?) своего товарища сознательно, будет наказан один год и отлучен. И тот, что будет говорить со своим товарищем лукаво (?) или устроит обман в отношении подлежащего его ведению, наказан шесть месяцев, а если допустил обман против своего товарища, то наказан три месяца. А если допустит обман против имущества общины, вызвав его потерю, то возместит его целиком. Если же его рука не достанет возместить его⁵, то наказан шестьдесят дней. И тот, кто будет хранить злобу на своего товарища несправедливо, будет наказан шесть месяцев (поправка: один год). И то же для мстящего за себя в чем-нибудь. Тот, кто скажет своими устами гадость, — 3 месяца. Говорящему посреди слов своего товарища — десять дней. Кто ляжет и заснет в заседании старших — тридцать дней. То же для человека, отлучающегося с заседания старших без указания⁶ совета и беспричинно до трех раз на одном заседании, — наказан десять дней. Но если его останавливали (?), а он все-таки отлучался, то наказан тридцать дней. Тот, кто ходит перед своим товарищем голый, не будучи тяжелобольным, будет наказан шесть месяцев. Человек, который плюнет среди заседания старших, будет наказан тридцать дней. Тот, кто вынет свою руку из-под своей одежды, в то время как он обнажен⁷, и покажется его нагота, наказан тридцать дней. И тот, кто смеется по глупости, давая слышать свой голос, наказан тридцать дней. Вытаскивающий свою левую руку, жестикулируя (?) ею, — наказан десять дней. Человека, который оклеветает своего товарища, отлучают от чистоты старших на один год и будет наказан. А кто пойдет с клеветой против старших, того отсылают от них, и больше он не вернется. Человека, который жалуется на устоя общины, отсылают, и он не вернется. Но если жалуется на товарища несправедливо, то наказан шесть месяцев. Человек, дух которого дрогнет от устоя общины, с тем чтобы изменить правде и следовать закосности сердца, если покается, то будет наказан два года: в первый он не коснется чистоты старших, а во второй не коснется трапезы старших и должен сидеть сзади всех людей общины. А по исполнении ему двух лет наказания старшие расспросят о его делах. И если его в результате приблизят, то будет записан в свою очередь, а затем вопрошаем о законе. И всякий человек, который пробудет в совете общины свыше полных десяти лет, но дух его отвратится, чтобы изменить общине, и он выступит перед старшими, чтобы следовать закосности своего сердца, тот больше не вернется к совету общины, и каждый из людей общины, кто смешается с ним в отношении его чистоты или в отношении его имущества, которое ... старшие, то приговор тому такой же: на отсылку.

№3

«ДАМАСЬКИЙ ДОКУМЕНТ» («ЦАДОКІДСЬКІ ФРАГМЕНТИ»)

Так называется рукопись, найденная в 1896 г. в Каирской генизе, т.е. хранилище старых рукописей караимской синагоги в Каире, и изданная С. Шехтером в 1910 г. (принятое обозначение — CD). Палеографически рукопись датируется X—XI вв. н.э. Однако находка в Кумранских пещерах отрывков из этого произведения доказала высказанные уже ранее предположения о принадлежности этого произведения к кругу ессеической литературы. Дата составления этого документа еще точно не установлена. По своему содержанию он примыкает к «Уставу», хотя отличается от него характеристикой социальных и имущественных отношений, существовавших в общине. В целом документ представляет исключительный интерес для изучения истории, организации и социального строя общины. Название «Дамасский» возникло в науке по той причине, что в этом сочинении упоминается Дамаск как место переселения общины. Название «Цадокитские фрагменты» объясняется тем, что члены общины назывались «сынами Цадока».

Лист IV, стк. 12-19

И во все эти годы Велиал будет ниспослан на Израиль в соответствии с тем, как бог говорил через пророка Исайю, сына Амоса: «Ужас и яма и сеть на тебя, житель земли»⁸. Имеются в виду три западни Велиала, о которых Леви, сын Якова⁹, сказал, что

¹ Имеются в виду ритуальные омовения.

² Смысл выражения: пусть не смешивается своим имуществом с имуществом старших, т.е. пусть его имущество не входит пока в общинный фонд.

³ Возможен также перевод: «и его совет, и суждение (в судебном разбирательстве) будут (принадлежать) общине».

⁴ Ср. «Деяния апостолов», 5, 1 сл.

⁵ Если только не предполагать здесь возмещение трудом, то это место заставляет думать об отсутствии полной уравнительности среди членов общины, ибо при полной уравнительности у общинника не может быть личных средств для возмещения ущерба.

⁶ Другой перевод: «не будучи вынужден».

⁷ Трудное для истолкования выражение. Предполагают, что имеется в виду рваная одежда или одежда, недостаточно прикрывающая человека.

⁸ Цитата из кн. Исайи, 24, 17.

⁹ Возможно, что имеется в виду раздел из апокрифической книги «Завещания 12 патриархов», хотя в дошедшем тексте «Завещания Леви» этого места нет.

Велиал захватил в них Израиль и противопоставил им три вида праведности: первая западня — прелюбодеяние, вторая — богатство, третья — осквернение храма; выходящий из одной западни попадает в другую, а спасенный из этой второй попадает в третью.

Лист IX, стк. 10-16

... И если что-либо пропало и неизвестно, кто украл это из собственности лагеря, в котором это было украдено, пусть владелец украденной вещи произнесет клятву проклятия. Если знающий об этой краже услышит проклятие и не расскажет, то сам становится виновным ... Каждая найденная вещь, хозяева которой неизвестны, должна находиться у священников, ибо нашедший вещь не знает закона относительно находки. Если не найдутся хозяева этой вещи, священники будут охранять её.

Лист X, стк. 4-23 — Лист XI, стк. 1-18

Вот устав (распорядок) для судей общины, избираемых в количестве десяти человек из общины в определённое время: из колена Леви и Аарона — четыре, а из колена Израиля — шесть человек, сведущих в книге НГВ¹ и в основах Союза, в возрасте от 25 до 60 лет. И пусть никто в возрасте шестидесяти лет и старше не станет судить общину, ибо вследствие греховности человека дни его жизни коротки, а вследствие гнева бога против обитателей земли (или страны) он установил лишать их разума ранее скончания дней их².

Устав относительно субботы, чтобы соблюдать её в соответствии с законом относительно неё: пусть никто не выполняет в шестой день работу, начиная с того момента, когда солнечный диск ещё далёк от врат его заката³, ибо он (т.е. бог), кто предписал: «Соблюдай день субботний, чтобы святить его»⁴; в день субботний пусть никто не скажет слова мерзкого и пустого; пусть в субботу ничего не даёт взаймы ближнему своему⁵; пусть не беседует⁶ относительно имущества и выгоды; пусть ничего не говорит о делах работы и службы, которые предстоят совершить утром следующего дня; пусть в субботу никто не ходит в поле делать желаемую работу⁷; пусть никто не выходит за пределы своего поселения далее чем на тысячу локтей⁸; пусть никто не ест в субботний день, кроме того, что приготовлено заранее, и того, что пропадает в поле; пусть ест и пусть пьёт в субботу, только находясь (или: только то, что имеется) в стане (или лагере); если кто-либо, находясь в дороге, опустится в воду, чтобы умыться, пусть пьёт на том месте, где стоит, но пусть не набирает воду в какой бы то ни было сосуд; пусть не посылает чужого⁹ выполнять в субботний день его (т.е. хозяина) желание; пусть в субботу никто не надевает на себя грязные одежды или находившиеся в кладовой, пока они не выстираны в воде или не натерты ладаном; пусть каждый стремится не вступать в спор¹⁰ в субботу; пусть в субботу никто не ходит за скотиной, пасти её за пределами поселения на расстоянии свыше двух тысяч локтей; пусть никто не поднимает руки, чтобы ударить скотину кулаком; если животное упрямое, пусть не выводит его из дому; пусть в субботу никто не выносит ничего из дома наружу и наоборот; если же он или кто-либо будет находиться в субботний день в палатке, пусть ничего не выносит из неё и не вносит в неё; пусть никто не открывает в субботу запечатанный сосуд; пусть никто не несёт с собой снадобья, чтобы вносить и выносить их; пусть никто не убирает в субботу в своём жилище камни и землю. Пусть воспитатель¹¹ не носит грудного ребенка в субботу, чтобы выходить и входить с ним; пусть никто не принуждает раба своего, рабыню свою и наемника своего работать в субботу; пусть никто не оказывает скотине родовспоможения в субботний день; если скотина упадет¹² в колодез или в яму, пусть не поднимают её в субботу; пусть никто не останавливается в субботу неподалеку от язычников; пусть никто не оскверняет субботы из-за имущества и выгоды. И если кто-либо упадет в водоём или в место ... пусть никто не поднимает его с помощью лестницы, веревки или какого-либо инструмента. Пусть никто в субботу не приносит жертвы на жертвенник, за исключением субботней жертвы всесожжения, ибо так написано: «кроме субботних жертвоприношений господних и кроме даров ваших»¹³.

Лист XII, стк. 8-23 — Лист XIII, стк. 1-16

...Пусть никто не продает чистый скот¹⁴ и птицу чистую иноплеменным, чтобы те не приносили их в жертву. От гумна своего и от точила (давилни) своего, из всего имущества своего пусть не продает им (т.е. иноплеменным). И раба своего, и рабыню свою, которые вошли с ним в завет Авраама¹⁵, пусть не продает им (т.е. иноплемённым). Пусть не оскверняет души своей, поедая всякую тварь и пресмыкающихся — от личинок пчёл до твари, пресмыкающейся в воде; а рыбу дозволяется есть, только если она разрезана живьем и кровь ее выпущена; а саранчу всякого рода следует живьем предать огню или воде, ибо таков закон их творения.

...Вот Устав собрания станом (лагерей), которым они должны руководствоваться в период нечестия до появления помазанника из дома Аарона и Израиля. Наименьшее объединение насчитывает десять человек; станы разбиваются на тысячи, сотни, полсотни и десятки. В каждом десятке обязательно присутствует священник, сведущий в книге НГВ. Пусть все поступают соглас-

¹ Неизвестное название сочинения, под которым некоторые склонны понимать Пятикнижие Моисея.

² Среди членов общины существовало строгое разделение по возрастным классам. В стк. 8-10 делается попытка объяснить причину установления для судей общины максимального возраста в 60 лет. Любопытно в связи с этим отметить, что антропологический анализ скелетов, похороненных на кладбище общины, показывает, что максимальный возраст раскопанных скелетов не превышает 50-65 лет.

³ Букв. «его заполнения». Это место переключается с апокрифической книгой Еноха, 72, 3.

⁴ Цитата из кн. Второзакония, 5, 12.

⁵ Возможен также перевод: «Пусть ничего не взыскивает у своего ближнего».

⁶ Слово в оригинале позволяет переводить также: «Пусть не судится». Рабин читает это слово иначе: «Пусть не проливают крови», однако такое чтение сомнительно.

⁷ Данный запрет вытекает из предписания, имеющегося в кн. Исхода, 16, 29.

⁸ Локоть — около 35 см.

⁹ Под этим словом обычно понимают «прозелит» (человек, принявший новое вероисповедание). В данном случае «чужой» может означать чужеземного раба или наёмника.

¹⁰ Слово в написании оригинала буквально означает «смешивается», однако это не даёт смысла. Если допустить метатезу двух согласных, то смысл получается «пусть не голодает». Впрочем, рукописное чтение может означать также «пусть не предаётся чрезмерному сластолюбию».

¹¹ «Воспитатель» (в оригинале — в муж. роде) может быть рабом. Параллель к этому месту см. кн. Чисел, 11, 12.

¹² Дошедшее написание этой глагольной формы позволяет перевести также: «если скотина выкинет своего новорожденного в колодез или в яму...».

¹³ Цитата из кн. Левит, 23, 38.

¹⁴ «Чистыми» считаются скот и птица, дозволенные законом для пищи и жертвоприношений.

¹⁵ Т.е. принявших иудейство.

но его распоряжениям. Если священник не сведущ во всем этом, а кто-либо из левитов сведущ, то пусть будет принято решение (букв. «пусть выйдет жребий»), чтобы все члены лагеря руководствовались его распоряжениями.

Вот устав для инспектора над лагерями. Пусть разъясняет старшим¹ деяния бога, пусть вразумит их относительно чудесного могущества его и расскажет им обо всем свершившемся в мире. Пусть проявляет к ним жалость, как отец к своим сыновьям, и [...] ² ... всех их притеснителей³. Подобно тому как делает пастух со своим стадом, пусть и он развязывает все узлы их пут, чтобы не было в его общине ни ограбленного и ни обиженного. Пусть он проверяет каждого приобщающегося к общине в отношении его деяний, разума, силы, мужества и имущества его. И пусть он его (т.е. новичка) запишет на его место соответственно его положению по жребию [света?]. Никто из сынов лагеря не имеет права привести кого-либо в общину вопреки приказу инспектора лагеря. И пусть никто из членов союза не совершает торговых сделок с людьми погибели иначе как за наличный расчет (букв. «из руки в руку»). И пусть никто не станет соучастником торгового дела, не известив об этом надзирателя над лагерем... [далее текст сильно поврежден].

Лист XIV, стк. 3-18

Вот устав собрания всех лагерей. Все должны быть проверены по их именам: вначале — священники, вторыми — левиты, сыновья Израиля — третьими, прозелиты — четвертыми. И пусть они будут записаны по их именам, каждый вслед за братом своим: вначале — священники, левиты — вторыми, сыновья Израиля — третьими и прозелиты — четвертыми. И так пусть сидят и так пусть спрашивают обо всем⁴. Священник, который будет назначен во главе старших, должен быть в возрасте от тридцати до шестидесяти лет, сведущий в книге ... и во всех установлениях Учения (Торы), чтобы правильно их излагать. А инспектор, который над всеми лагерями, должен быть в возрасте от тридцати до пятидесяти лет, искусный во всякой тайне людей и во всяком языке ... По его (т.е. инспектора) распоряжению войдут члены общины, каждый соответственно своему череду. И всякий, кто имеет сказать что-либо инспектору, пусть скажет относящееся ко всякой тяжбе и разбирательству.

И вот устав старших для удовлетворения всех их потребностей. Плату двух дней⁵ каждого месяца⁶ ... пусть отдает инспектору и судьям. Из этого пусть дадут сиротам и из этого же фонда пусть окажут поддержку нищему и бедному старику... а также страннику, и взятому в плен к чужестранцу, и девице, у которой нет родственника, и для [...] ⁷

...И таково разъяснение правил, которыми будут руководствоваться в период нечестия, до тех пор пока встанет Мессия от Аарона и Израиля и испушит их вину...

№4

КУМРАНСКИЙ КОМЕНТАР НА КНИГУ ХАБАККУКА («ПЕШЕР ХАБАККУК»)

Один из семи свитков, найденных в первой Кумранской пещере (общепринятое обозначение — 1 QpHab). Впервые опубликован в 1950 г., переиздан Хабберманом в 1952 и 1959 гг. Кумранский комментарий как особый жанр характеризует особая система истолкования библейских текстов. Кумранские комментаторы были убеждены, что в каждом из комментируемых текстов заключена «тайна», имеющая непосредственное отношение к исторической обстановке и к условиям жизни кумранской общины. Истолкование этих текстов означало, следовательно, раскрытие (пещер) их сокровенного значения применительно к конкретным событиям из жизни общины и всей страны в целом. Такой метод обращения с древними текстами превращает комментарий в весьма своеобразный исторический источник. Однако при этом «раскрытые» комментаторами «тайны» излагаются в зашифрованном виде, и это создает большие трудности для понимания скрытых в комментариях намёков на конкретные исторические события.

Точная дата комментария на библейскую книгу пророка Хабакука (Авакума) может быть установлена лишь после отождествления упоминаемых здесь «киттиев», «учителя справедливости», «нечестивого жреца» и других зашифрованных обозначений. По мнению большинства ученых, это произведение составлено во II или I вв. до н.э. Приводимые ниже отрывки дают яркую картину борьбы иудеев с эллинистическими правителями II в. до н.э. или излагают историю римских завоеваний I в. до н.э. в восприятии современника этих событий. В целом комментарий имеет большое значение для истории и идеологии кумранской общины, внутренней жизни Иудеи в II—I вв. до н.э., а также для истории становления библейского канона.

«КИТТИИ»

Таблица II, стк. 10-16

А относительно того, что он сказал: «вот я подниму халдеев, народ жестокий и стремительный»⁸, то имеются в виду киттии⁹, проворные и сильные в войне, стремящиеся уничтожить ... «Который шествует по просторам земли, чтобы завладеть не принадлежащими ему селениями»¹⁰ — это относится к киттиям ...

Таблица III, стк. 1-14 — Таблица IV, стк. 1-12

...и по равнине пройдут, чтобы сокрушать и грабить города (селения) страны, ибо это он [т.е. Хабакук] имел в виду, говоря: «чтобы завладеть не принадлежащими ему селениями»¹¹.

«Страшен и грозен он; от него самого суд его и бремя его исходит»¹² — это относится к киттиям, страх и ужас которых распространён на все народы; а в совете все их помыслы направлены на причинение зла, коварно и лукаво обходятся они со всеми народами.

¹ Имеются в виду полноправные члены общины.

² Смысл этой фразы зависит от характера восстановления этого поврежденного слова, а также от того, является ли сравнение с пастухом концом этой фразы или началом следующей. Так, были предложены такие переводы: «и вер[нет] всех заблудших» (Рабин, Бэрроуз); «и прос[тит] им их вину» (Бардтке); «и поне[сет] (их на себе), если они будут утомлены» (Дюпон-Соммер); мы оставляем поврежденное слово без перевода.

³ mdhwbm — перевод дан согласно кн. Исайи 14, 4.

⁴ Возможен также перевод: «пусть будут спрошены обо всем».

⁵ Нет уверенности в правильности чтения этого слова.

⁶ В остатках поврежденного слова усматриваются «по меньшей мере» или «как минимум».

⁷ Некоторые исследователи читают: «для девушки, к которой никто не сватается».

⁸ Цитата из кн. Хабакука, I, 6 (в дальнейшем — Хаб.).

⁹ В библейской литературе «киттии» — нарицательное обозначение приходящих издалека врагов страны. Большинство исследователей считают, что «киттии» текста этого комментария — римляне периода восточного похода Помпея в 63 г. до н.э.

¹⁰ Продолжение цитаты из Хаб., I, 6.

¹¹ Хаб., I, 6.

¹² Хаб., I, 7.

«И быстрее тигров его кони, и зрение их острее, чем у волков вечером. Рассеялась и распростёрлась над землёй его конница. Издалека примчалась она подобно орлу, спешащему пожрать добычу, только ради грабежа она идет. Устремлены на Восток их лица»¹ — это относится к киттиям, которые конями своими и скотом своим растопчут страну и издалека, с островов моря², они подобно орлу придут ненасытно пожирать все народы; пылко, яростно, гневно будут они обращаться со (своими пленными? или: народами?), ибо именно это он [т.е. Хабакук] имел в виду, говоря: «устремлены на Восток их лица и собирает пленников как песок»³.

А относительно сказанного: «и над царями он издевается, и властители служат ему посмешищем»⁴ — имеется в виду, что они будут глумиться над великими, презирать почтенных, предавать посмешищу царей и начальников, издеваться над многочисленным народом.

«И он над всякой крепостью смеется, насыплет песку (т.е. осадный вал) и овладеет ею»⁵ — имеются в виду правители киттиев, которые презрительно будут относиться к крепостям разных народов и насмешливо будут глумиться над ними, многочисленной толпой они окружают их, чтобы овладеть ими, в ужасе и страхе крепости предадутся в их руки, и они разрушат их из-за вины живущих в них.

«Тогда повеет новый ветер и пройдет, и силу свою сочтет богом своим»⁶ — имеются в виду властители киттиев, которые в совете дома преступления [их]⁷ пройдут, опережая один другого; правители [их?] придут один вслед за другим, чтобы уничтожить страну...

Таблица VI, стк. 1-12

...придут киттии и приумножат свое добро всей добычей их многочисленной, как рыба морская.

А относительно сказанного: «за то приносит жертву сети своей и кадит неводу своему»⁸ — имеется в виду, что они приносят жертвы своим значкам⁹, а их военное снаряжение является их культом.

«Ибо благодаря им тучна доля его и здорова пища его»¹⁰ — имеется в виду, что они раскладывают ярмо своё и подать кормления своего на все народы из года в год, опустошая¹¹ многие страны.

«Поэтому он постоянно обнажает меч свой, чтобы безжалостно убивать народы»¹² — имеются в виду киттии, которые будут уничтожать мечом многих: юношей, людей среднего возраста, стариков, женщин, младенцев, даже к плоду чрева не проявят они жалости.

«УЧИТЕЛЬ СПРАВЕДЛИВОСТИ»¹³ И «НЕЧЕСТИВЫЙ ЖРЕЦ»

Таблица II, стк. 1 — 10

...Имеются в виду и изменившие вместе с человеком лжи¹⁴, ибо не поверили они в то, что рассказал учитель справедливости из уст бога; это относится также к отступникам от закона бога и Нового союза¹⁵, ибо не поверили в Союз бога ...

И точно так же толкование этого слова относится к изменяющим в конце дней¹⁶; они, жестокие нарушители Союза, которые не поверят относительно всего, что произойдёт с последним поколением, когда услышат об этом из уст священника¹⁷, которому бог вложил в сердце знание истолковать все слова его пророков-рабов, через посредство которых бог поведал все предстоящее его народу и стране его.

Таблица VII, стк. 3-17 — Таблица VIII, стк. 1-13

... А относительно сказанного: «чтобы читающий мог быстро прочитать»¹⁸ — имеется в виду учитель справедливости¹⁹, которому бог поведал все тайны слов его пророков-рабов.

«Ибо видение относится к установленному времени, говорит о конце, и не обманет»²⁰ — имеется в виду, что последний срок будет длиться дольше других в соответствии со сказанным пророками, что тайны бога существуют, чтобы удивлять.

«И если он (т.е. последний срок) задержится, все равно жди его, ибо непременно наступит, не запоздает»²¹ — это относится к людям истины, выполняющим закон, у которых не ослабнут руки в служении истине, даже если последний срок затянется, ибо все сроки бога наступят в свой черед, как бог предназначал в тайнах его мудрости...

«А праведный будет жить своей верой»²². Это относится к выполняющим закон в доме Иуды, которых бог спасет от Дома суда за их страдания и веру в учителя справедливости.

¹ Хаб., I, 8-9; в комментарии расхождение с традиционным текстом.

² Это говорит в пользу отождествления киттиев с римлянами, ибо власть Селевкидов не распространялась на острова.

³ Хаб., I, 9.

⁴ Хаб., I, 10.

⁵ Хаб., I, 10.

⁶ Хаб., I, 11; здесь также расхождение с традиционным текстом.

⁷ Возможно, что здесь имеется в виду римский сенат.

⁸ Хаб., I, 16.

⁹ По-видимому, имеются в виду значки римских легионов.

¹⁰ Хаб. I, 16 — незначительное расхождение с традиционным текстом.

¹¹ Букв., «чтобы опустошить».

¹² Хаб., I, 17. Цитируемый в комментарии текст существенно расходится с дошедшей до нас традиционной редакцией.

¹³ Возможен также перевод — «учитель праведности».

¹⁴ Еще не отождествленный образ.

¹⁵ Так называли себя и члены раннехристианских общин. Таково также название Новозаветного канона.

¹⁶ Это выражение характерно для эсхатологических представлений кумранской общины, члены которой считали, что они «последнее поколение», живущее в «последние дни».

¹⁷ Т.е. учитель праведности, принадлежавший к священническому сословию.

¹⁸ Хаб., II, 2.

¹⁹ Образ «учителя справедливости» (или «учителя праведности») ещё не удалось отождествить; в многочисленных гипотезах он сопоставляется с различными лицами, начиная от Ония III (первосвященника II в. до н.э.) — до Иоанна Крестителя и Иисуса Христа.

²⁰ Хаб., II, 3.

²¹ Там же.

²² Хаб., II, 4.

«Сколь же богатство изменяет человека, если он становится высокомерным, теряет покой, душу его богатство, как бездну, расширило, и он подобно смерти не насытится. И соберутся к нему все народы и все племена. Ведь все произнесут о нём притчу и едкие насмешки, говоря: "Горе тому, кто обогащает себя не своим добром, доколе он обременит себя залогом?"»¹ — имеется в виду нечестивый жрец², который призван вначале к своему сану именем истины, а когда властвовал в Израиле, вознеслось сердце его, и он оставил бога и изменил законам из-за богатства, и он грабил и накоплял имущество людей кривды, восставших против бога, и добро народов брал, чтобы умножить грех своего преступления, и путями мерзости действовал он во всей скверне нечистоты.

Таблица IX, стк. 2-7

...А относительно того, что он (т.е. пророк) сказал: «За то, что ты ограбил многие народы, тебя будут грабить все остальные народы»³ — имеются в виду последние иерусалимские жрецы, которые соберут богатства и добычу из награбленного у народов⁴, а в конце дней имущество их вместе с добычей их будут отданы в руки воинства киттиев, ибо именно они являются «прочими народами»⁵.

Таблица XI, стк. 2-17 — Таблица XII, стк. 1-6

«Горе тому, кто спаивает ближнего своего, прибавляя к вину злобу свою, и опьяняет его, чтобы видеть его шатания»⁶ — имеется в виду нечестивый жрец, который преследовал учителя справедливости, чтобы поглотить его в гневе своего пыла в доме его изгнания, и во время праздника покоя, дня всепрощения⁷, он появился среди них, чтобы поглотить их и чтобы добиться их падения в день поста, субботы их покоя ...

«Ибо насилие твое на Ливане обрушится на тебя, и жестокость твоя к животным тебя устрашит за пролитие крови человеческой, за опустошенные страны, города и всех живущих там»⁸ — это относится к нечестивому жрецу, чтобы воздать ему за содеянное им над бедными⁹, ибо «Ливан» — это «Совет общины», а «животные» — простецы¹⁰ Иуды, выполняющие закон. Бог осудит его (т.е. нечестивого жреца) на уничтожение за то, что он замыслил истребить бедных.

№5

КУМРАНСКИЙ КОМЕНТАР НА КНИГУ НАУМА («ПЕШЕР НАХУМ»)

Комментарий на Наума (принятое обозначение — 4 Qp Nahum) найден в четвертой Кумранской пещере — наиболее богатом хранилище кумранских рукописей. Первый отрывок издан Дж. Аллегро в 1956 г. (см. И.Д. Амусин, Кумранский комментарий на Наума. «Вестник древней истории» №4, 1962, С. 101-110). Еще три отрывка (II—IV) этого комментария были изданы Я. Лихтом в 1961 г. и Дж. Аллегро в 1962 г.

Значение этого документа заключается прежде всего в том, что в нём впервые из опубликованных кумранских рукописей встречаются имена исторических лиц — царей Селевкидской Сирии, что в значительной мере облегчает датировку этого документа. В приводимых ниже отрывках отражена междоусобная борьба различных общественных группировок. К сожалению, как общественные группировки, так и действующие лица зашифрованы под условными обозначениями, требующими расшифровки, не вполне ещё в настоящее время законченной.

Столбец I, стк. 1-11

«... Куда ходил лев, львица и львенок и никто их не устрашает»¹¹. Толкование этого: это относится к Деметрию¹², царю Явана¹³, который вознамерился войти в Иерусалим по совету «ищущих раздоров»¹⁴ ... царей Явана от Антиоха¹⁵ до появления правителей киттиев¹⁶, а затем будет попорана страна...

«Лев терзает для нужд детенышей своих и душит ради львиц своих добычу»¹⁷. Толкование этого: это относится к льву ярости¹⁸, который поражает своих великих и людей своего совета ...

«И он наполняет добычей нору свою и логовище своё стервятиной»¹⁹. Толкование этого: это относится к льву ярости, который посеял смерть среди ищущих раздоров, который вешает живых людей²⁰, то, что не делалось в Израиле прежде.

¹ Хаб., II, 5-6. Текст этих двух стихов существенно отличается от традиционного текста, в котором вместо hwn — имущество, богатство («богатство изменяет человека») — принято чтение huup — вино («вино изменяет человека»), что, разумеется, меняет весь смысл. Имеются здесь и некоторые другие разночтения. Приведём синодальный перевод этого места: «Надменный человек, как бродящее вино, не успокаивается, так что расширяет душу свою, как ад, и, как смерть, он насытен, и собирает к себе все народы, и захватывает к себе все племена. Но не все ли они будут произносить о нём притчу и насмешливую песнь: "Горе тому, кто без меры обогащает себя не своим — надолго ли? — и обременяет себя залогом"».

² Отождествление «нечестивого жреца» зависит от определения «учителя справедливости». В настоящее время «нечестивый жрец» сопоставляется исследователями с Менелаем, Алкимом, Ионатаном (II в. до н.э.), Александром Яннаем (103-76 гг. до н.э.), Аристулом II (67-63 гг. до н.э.), Гирканом (63-40 гг. до н.э.) вплоть до Элеазара, сына Ханании (I в. н.э.) — одного из руководителей Иудейской войны 66-73 гг. н.э.

³ Хаб., II, 8.

⁴ В этом можно усмотреть намёк на завоевательные войны Александра Янная.

⁵ Повторяется выражение из Хаб., II, 8, в котором кумранский комментатор усмотрел, по-видимому, намёк на завоевание Иудеи Помпеем в 63 г. до н.э.

⁶ Хаб., II, 15. Кумранский текст этого стиха существенно отличается от традиционного текста.

⁷ Факт преследования «нечестивым жрецом» «учителя справедливости» в судный день (день всепрощения) говорит о расхождении календаря общины с официальным календарем.

⁸ Хаб., II, 17. Трудное для понимания место.

⁹ «Эвйоним» — букв. «бедные», «нищие» — одно из самоназваний кумранской общины («община бедных»). Некоторые ученые склонны считать кумранскую общину сектой иудеев-христиан («эбионитов»).

¹⁰ «Простецы», или «малые», — одно из самоназваний членов общины.

¹¹ Цитата из кн. Наума, II, 12.

¹² Вероятнее всего сирийский царь Деметрий Евкер (95-83 гг. до н.э.), которого в 88 г. до н.э. призвали на помощь восставшие против хасмонейского царя Александра Янная.

¹³ Яван (собственно — Иония) — еврейское обозначение Греции и Селевкидской Сирии.

¹⁴ «Ищущие раздоров» (букв. «ищущие скользкого») — условный перевод выражения, под которым скорее всего подразумеваются фарисеи.

¹⁵ В данном контексте «Антиох» скорее всего Антиох IV Эпифан (175-164 гг. до н.э.).

¹⁶ Противопоставление «царей Явана» «правителям киттиев» свидетельствует о тождестве «киттиев» с римлянами периода восточного похода Помпея.

¹⁷ Наум, II, 13.

¹⁸ В этой ситуации под «львом ярости» следует понимать иудейского царя Александра Янная. Ср. Флавий, Иудейская война, I, 4, 6, §97.

¹⁹ Продолжение цитаты из Наума, II, 13.

²⁰ Согласно Флавию, Александр Янный расправил 800 повстанцев. См. Древности, XIII, 14, 2, §380, и Иудейская война, I, 4, 6.

Ибо о живом человеке, повешенном на дереве, говорится: «Вот я на тебя... говорит Яхве воинств. Ибо сожгу в дыму твоё множество, и меч пожрёт твоих львят, и искореню с лица земли хищничество»¹. Толкование этого: «и множество твоё» — это полчища его войска... «а его львята» — они... «а его добыча» — это богатство, которое собрали священники Иерусалима...

Столбец II, стк. 1-10

«...Горе кровавому городу², весь он полон обмана и грабежа»³. Толкование: это город Эфраима⁴, ищущие раздоров в конце дней⁵, всё поведение которых — обман и ложь.

«Не прекращается в нём злодейство, раздаётся звук бича и грохот колес, скачут лошади и подпрыгивают колесницы, несутся всадники, сверкают мечи и блестят копыя, и множество пронзённых, груды тел и нет конца трупам, и спотыкаются о них»⁶. Толкование этого относится к власти ищущих раздоров⁷, в общине которых беспрестанно иноземный меч⁸, не прекращается пленение, грабёж, а также разжигание междоусобной борьбы, уход в изгнание из страха перед врагом и множество трупов... (?) падает в их дни, и нет конца количеству их трупов, они даже спотыкаются о них в совете их преступления.

«Из-за множества блудодеяний развратницы, приятной наружности, искусной в чародействах, заставляющей продавать народы блудом своим и чарами своими — племена»⁹. Толкование: это относится к вводящим в заблуждение Эфраим¹⁰, которые своим ложным учением (букв. талмудом)¹¹, языком обмана и устами коварства вводят в заблуждение многих; цари, начальники, священники, народ вместе с присоединившимся чужеземцем, города и роды гибнут из-за совета, знатные и правители падут от языка их...

Столбец III, стк. 1-9

«И забросаю тебя мерзостями, так что ты станешь презренной, и сделаю тебя уродливой, и каждый, кто на тебя посмотрит, отшатнется от тебя»¹². Толкование этого относится к ищущим раздоров, мерзкие деяния которых в конце срока будут раскрыты перед всем Израилем, и многие поймут их вину и возненавидят их, и будут они им отвратительны за дерзкие их преступления. И когда откроется слава Иуды¹³, отдалятся простецы Эфраима¹⁴ от их собрания, и покинут вводящих их в заблуждение, и присоединятся к Израилю¹⁵.

«И скажут: опустошена Ниневия. Кто выразит ей сожаление? Где я найду утешителей для тебя?»¹⁶ Толкование этого относится к ищущим раздоров, совет которых погибнет, собрание их будет рассеяно, и не будут они более вводить в заблуждение народ, и простецы не станут более поддерживать их совет.

«Разве ты лучше Но-Амона, расположенного между потоками»¹⁷. Толкование этого: «Амон» — это Менашше¹⁸, и «потоки» — великие Менашше, знатные ...

Столбец IV, стк. 1-6

[...] Толкование этого: они — нечестивцы его войска, дом Пёлега, присоединившийся к Менашше.

«Но и он в изгнании, пошёл в плен, и младенцы его зверски умерщвляются на перекрестках всех улиц, судьба знатных его решается жребием, и великие его скованы цепями»²⁰. Толкование этого относится к Менашше в последний период, когда унизились его власть в Израиле ... жены его, младенцы и дети его уйдут в плен, его воины и знатные будут мечом²¹...

«Также и ты опьянеешь и станешь бессильной»²² Толкование этого относится к нечестивцам Эфраима..., участь которых решится вслед за Менашше...

¹ Цитата из кн. Наума, II, 14.

² Автор кн. Наума подразумевает под «кровавым городом» Ниневию, столицу Ассирийской державы.

³ Цитата из кн. Наума, III, 1.

⁴ Имеются основания предполагать, что под условным именем «Эфраим» (собственное имя младшего сына Иосифа, название одного из израильских племен) автор кумранского комментария зашифровал обозначение общины фарисеев. Следовательно, «Эфраим» и «ищущие раздоров» здесь синонимы.

⁵ Это выражение характерно для эсхатологических представлений кумранской общины, члены которой считали, что они «последнее поколение», живущее в «последние дни».

⁶ Цитата из кн. Наума, III, 1-3. В этом красочном описании наступления ассирийской армии автор кумранского комментария усмотрел намек на современные комментатору события, связанные с возвышением фарисеев после смерти Александра Янная.

⁷ Под «властью ищущих раздоров» следует понимать приход к власти фарисеев в период правления вдовы Янная царицы Александры Саломеи (73-67 гг. до н.э.). См. Флавий, Древности, XIII, 16, 2, и Иудейскую войну, I, 5, 2.

⁸ Возможно, что имеются в виду наёмные армии, набранные царицей Саломеей (Флавий, Древности, XIII, 6, 2, § 410).

⁹ Цитата из кн. Наума, III, 4.

¹⁰ Отсюда, так же как из текста стб. III (см. ниже), следует, что кумраниты проводили различие между руководящей верхушкой фарисеев и рядовыми членами или сторонниками фарисейских общин, которых они называли «простецами Эфраима» и надеялись привлечь на свою сторону.

¹¹ Здесь впервые встречается слово «талмуд» — букв. «учение».

¹² Цитата из кн. Наума, III, 6-7.

¹³ Под условным обозначением «Иуда» подразумевается сама кумранская община. «Простецы», или «малые», — одно из самоназваний членов общины.

¹⁴ Рядовые члены фарисейских общин противопоставляются их руководителям («нечестивцы Эфраима»).

¹⁵ Члены кумранской общины отождествляли себя с Иудой и Израилем.

¹⁶ Цитата из кн. Наума, III, 7.

¹⁷ Цитата из кн. Наума, III, 8.

¹⁸ Менашше — имя старшего сына Иосифа, название одного из израильских племен. Здесь, по-видимому, зашифрованное обозначение саддукеев, политической организации военно-аристократической и жреческой верхушки иудейского общества.

¹⁹ Текст комментируемого места повреждён.

²⁰ Дом Пёлега — букв. «дом разделения» или «дом раздора». Пёлег — имя одного из потомков библейского Сима, сына Эвера, о котором в генеалогической таблице народов (Бытие, 10, 25) говорится, что в «дни его разделилась земля». Возможно, что «Пёлег» — условное обозначение царевича Аристулула II (67-63 гг. до н.э.), примкнувшего к саддукеям.

²¹ Цитата из кн. Наума, III, 10.

²² Если правильно предложенное выше отождествление «Менашше» с саддукеями, то в этом комментарии отражены преследования саддукеев в период прихода к власти фарисеев и последовавшей за этим антисаддукеевской реакции.

№6
КУМРАНСЬКІ «ГІМНИ»

Книга Гимнов — один из семи свитков, найденных в первой Кумранской пещере (принятое в науке обозначение—1 QH); впервые была издана Э.Л. Суке-ником в 1955 и переиздана Я. Лихтом в 1957.

По своему содержанию эти благодарственные гимны приближаются к дошедшим до нас библейским псалмам, но уступают им в поэтических достоинствах и более узки по тематике. Гимны как особый литературный жанр имеют большое значение для изучения идеологии кумранской общины, а также языка кумранских памятников. Ниже помещены два отрывка, из которых один преимущественно социологического содержания, а другой — эсхатологической направленности.

Таблица 36, л. II, стк. 31-36

Возблагодарю тебя, господь мой, ибо глаз твой... над моей душой и спас ты меня от зависти лживых насмешников и от сбора ищущих льстивое.

Ты избавил душу бедняка, которого мыслили уничтожить, кровь его пролить за служение тебе.

Затем, что не узнали, что от тебя мои шаги, и поставили меня на издевательство и оскорбление устами ищущих обмана.

Но ты, мой боже, помог душе униженного и бедного против сильнейшего, чем он, и спас мою душу от руки могущественных.

И глумлениями их не запугать меня, чтобы оставить служение тебе из-за страха бедствий, причиняемых нечестивыми, и променять на безумное незыблемую мысль...

Таблица 37, л. III, стк. 19-36

Благодарю тебя, господи, ибо спас ты мою душу из могилы и из губительной преисподней поднял меня для вечной высоты.

И я пройду по прямому пути непостижимо, и я узнаю, что есть надежда тому, кого ты сотворил из праха для вечного совета.

Дух смиренный ты очистил от многих грехов, чтобы стоять на посту с воинством святых и вступить в общность с собором сынов неба.

Ты бросаешь человеку вечный жребий с духами знания, чтобы прославить твоё имя общим ликованием и рассказать твои чудеса наряду со всеми твоими деяниями.

А я, глиняный сосуд, что я, замешанный водой, чем я сочтусь и что за сила у меня?

Ибо я состоял в границе нечестия, в одном жребии с льстивыми.

Бойтся душа бедняка при многочисленных смятениях, и бедствия — на его пути угнетения, когда распущены силки гибели и раскинуты все сети нечестия и невод льстивости (или неискренности) на поверхности воды.

Когда взлетают стрелы гибели без возврата, нарушают (закон?) так, что нет надежды.

Когда мера падает на правосудие, и жребий гнева — на покинутых, и изливание ярости — на прячущихся.

Срок пыла у Велиала и веревки смерти окружают без спасения.

Пойдут потоки Велиала на все войска высоты, огонь пожирает все их запоры (?), истребляя всякое свежее и сухое дерево, у их ручьев, и волнуется языками пламени до конца всего их облачения.

Глиняные оплоты пожраны вместе с твердью и сушей, устои гор для пожара и залежи кремня для потоков асфальта, и пожрано всё до великой пучины.

И прорвутся потоки Велиала к преисподней, и забушуют глубины водной пучины массой, гонящей тину.

И земля вскрикнет над бедствием, сбывшимся во вселенной, и все её глубины воскликнут, и обезумеют все, кто на ней, и изнемогут в великом бедствии.

Ибо бог загремит своей мощной силой и взволнует свой святой чертог своей истинной славой.

И войско неба подаст свой голос.

И изнемогут и задрожат оплоты мира, война небесных витязей разойдется по вселенной и не отступит до истребления и завершения навеки.

И нет подобного тому!

№7
«КНИГА ТАЙН», I, 27

Приведенный отрывок из апокалипсического сочинения, условно названного издателями «Книгой тайн» (принятое обозначение — 1 Q Myst.), происходит из первой Кумранской пещеры.

(Стб. I, стк. 3-12)

... Они не ведают тайны былого и в прошлом не разобрались, не познали предстоящее им и не спасли души свои от тайны будущего. И вот вам знамение того, что предстоит. Когда сыны кривды¹ будут ограждены², нечестие отдалится от лица праведности, как тьма отступает перед светом; и как рассеивается дым и нет больше его, так исчезнет нечестие навеки, а праведность появится как солнце, являющееся установленным порядком мира; и все поддерживающие (?) [...] нет их больше. Знание заполнит мир, и не будет в нём никогда больше глупости. Уготовано слову сбыться, и истинно пророчество, и из этого вам станет известно, что это не вернется назад. Разве не все народы ненавидят кривду, и тем не менее она среди них всех водится. Разве не из уст всех народов исходит хвала правде, но имеются ли уста и язык, придерживающиеся её? Какой народ желает быть угнетенным со стороны более сильного, чем он? Кто пожелает, чтобы его богатство было нечестием ограблено? А какой народ не угнетает своего соседа? Где народ, который не грабит имущество у другого...

¹ Это выражение можно понимать так же как «порождающие кривду».

² Букв. «заперты». Очевидно, имеется в виду изоляция «сынов кривды».

³ Слова «дивные тайны», прочитанные издателями с помощью инфракрасной фотографии, на обычной фотографии не читаются.

V. «ЗОЛОТИЙ ВІК» АНТОНІНІВ (96-192 pp.)

№1
НЕРВА (96-98 pp.)

(Флавій Євтропій, Коротка історія від заснування міста, VIII, 1)

Флавій Євтропій (IV ст.) — пізньоримський історик. В 363 р. брав участь в поході імператора Юліана (361-363 р.) в Персію, потім був секретарем (magister memoriae) при імператорі Валенті (364-378 pp.), що правив у східній частині Імперії. В 379-381 pp. обіймав посаду префекта преторія (начальника імператорської гвардії), а в 387 році був консулом. Склад «Короткий звід римської історії» (Breviarium historiae Romanae) в 10 кн., охоплюючий період від заснування Риму до воцаріння Валента в 364 р. Виклад Євтропія дуже короткий, однак відрізняється ясністю і неупередженістю. Одразу після публікації Пеаній і Лікій Капітон перекладали «Бревіарій» грецькою. Згодом праця Євтропія стала джерелом для численних християнських авторів. Зокрема, лангобардський історик Павел Диякон (720-800 pp.) поклав її в основу своєї «Римської історії», а від IX—XIII століть дійшло 19 рукописів тексту Євтропія. З 1526 р. в сукупності було випущено 23 видання «Бревіарія».

На 850 г. от основания Города, в консульство Ветера и Валента [96 г.] государство вновь вернулось к процветанию и великому счастью благодаря хорошим правителям. Зловещему тирану Домициану наследовал Нерва, муж в частной жизни умеренный и энергичный, но знатности невысокой [96-98 гг.]. Он стал императором уже в преклонном возрасте благодаря стараниям Петрония Секунда, префекта претория, и Парфения, убийцы Домициана. Показал себя умеренным и справедливым. Заботясь о государственных делах, усыновил он по божественному провидению Траяна...

(Секст Аврелий Виктор, Цезарі, XII)

Секст Аврелий Виктор (IV ст. н.е.), латинский историк. Походив з Південної Африки, досяг високих посад: в 361 р. був намісником в Паннонії, в 389 — префектом Риму. Опублікував (очевидно, в 360 р.) твір «Цезарі» («Caesares») — історію римських імператорів від Августа до Констанція (у формі коротких біографій). На цей твір спиралися автори збірника біографій «Записки про життя і нрави римських імператорів» («Epitome de vita et moribus imperatorum Romanorum»), приписуваного Віктору, що розповідає про часи від Августа до Феодосія (до 395 р.). Однак проблема відношення Віктора до «Історій римських імператорів» донині представляється нерозв'язаною. Невідомий редактор пізньої античності приєднав до «Цезарів» ще два малих твори. Це «Початки історії Риму» і «Про славних мужів», біографії часів Імперії і Республіки.

Был ли кто-нибудь мудрее и сдержаннее Нервы из Нарнии¹? Когда он в последний год [правления Домициана] скрывался от гнева тирана у *секванов*², то по требованию легионов принял власть [18 сентября 96 г.], но когда увидел, что она может осуществляться только людьми с более крепкими силами и с более твердой волей, сам на 16-м месяце отказался от нее³, освятив перед этим форум, называемый Проходным, где возвышается особенно великолепный храм Минервы. Хоть и всегда похвально соизмеряют свои силы, кто на что способен, и не поддаваться без оглядки честолюбию, особенно же это похвально для обладателя верховной власти, до которой так жадны все смертные, что страстно добиваются её и в весьма преклонном возрасте. К этому надо добавить, что он назначением доблестного советника всё более и более открывал, какой он обладал проницательностью.

(Секст Аврелий Виктор, Записки про життя і нрави римських імператорів, XII)

Кокцей Нерва из города Нарнии правил 16 месяцев и 10 дней [96-98 гг.]. Когда он только принял власть, распространился слух, что Домициан жив и скоро появится; он так этого перепугался, что потерял дар речи, изменился в лице и едва остался жив. Но, поддержанный Парфением, он снова ободрился и обратился к привычным удовольствиям жизни. Когда сенат с почётом встретил его в Курии, один из всех — Аррий Антонин⁴, человек остроумный и очень ему преданный, искусно представив условия жизни правителей, сказал, обняв его, что он поздравляет с таким принцепсом сенат, народ и провинции, но несколько не поздравляет его самого, которому лучше было бы постоянно высмеивать плохих принцепсов, чем принять на себя не только такую тягость управления и опасностей, но ещё и подвергнуть себя суждениям как врагов, так и друзей, которые считают, что они на все имеют право, а если чего-нибудь не получают, то становятся хуже всяких врагов. Он простил все недоимки податей, восстановил разрушенное в городах и приказал воспитывать на общественный счёт девочек и мальчиков, рожденных в Италии от бедных родителей. Чтобы он опасался общения со злонамеренными людьми, Юний Маврик⁵, человек с твердым характером, внушил ему это следующим примером. Однажды он был приглашен на пир в обществе близких людей, но увидел, что среди гостей присутствует и Вейнтон⁶, бывший консул при Домициане, преследовавший многих тайными доносами; в разговоре был упомянут и некто Катулл⁷, главный обвинитель того режима, и на слова Нервы, что бы делал он теперь, если бы пережил Домициана, Маврик ответил: «Он обедал бы вместе с нами!» Он не допускал ссор, был весьма образован и любил общество. Кальпурния Красса⁸, подбивавшего солдат щедрыми обещаниями к восстанию, уличённого и сознавшегося, он сослал вместе с его женой в Тарент, несмотря на то, что сенаторы укоряли его в снисходительности. А когда стали требовать расправы с убийцами Домициана, он так перепугался, что не смог удержать рвоты и испражнений, но всё же сильно сопротивлялся, говоря, что лучше ему умереть, чем уронить авторитет власти, выдав помогавших ему достигнуть её. Однако солдаты, не обращая внимания на принцепса, выискали убийц, Петрония сразили одним ударом, а у Парфения сначала отрезали половой орган, бросили ему в лицо и потом его задушили; Касперия же отпустили за большие деньги. Этот, обнаглев после своего преступления, убедил Нерву выразить перед народом благодарность солдатам за то, что они уничтожили безбожных и негоднейших среди всех людей. Нерва же усыновил Траяна, принял его в соправители на равных с собой правах и после этого прожил ещё, управляя вместе с ним, три месяца. Порицая как-то некоего Регула⁹ в припадке гнева громовым голосом, он вдруг весь покрылся потом. Когда он несколько остыл, тело его потряс озноб и поя-

¹ Марк Кокцей Нерва (30-98 г.) происходил из senatorского рода из города Нарнии, находившимся в Умбрии, области в Италии севернее Рима.

² Секваны — крупное кельтское племя, обитало на территории Галлии в бассейне р. Дубис (совр. Ду), притока Арара (совр. Соны).

³ Осенью 97 г. преторианцы подняли в Риме мятеж, и Нерва срочно усыновил Траяна, который вел войска на Рим.

⁴ Тит Аррий Антонин, консул-суффект в 69 г., дед по матери императора Антонина Пия (138-161 гг.).

⁵ Юний Маврик, сенатор (брат Юния Арулена Рустика, казненного Домицианом в 93 г.), отправлен в изгнание Домицианом и возвращен Нервой.

⁶ Фабриций Вейнтон был видной фигурой при Флавиях, трижды консул; Плиний Младший и Ювенал считали его тайным доносчиком.

⁷ Луций Валерий Катулл Мессалин, консул 73 и 85 гг., назван у Тацита в списке доносчиков; Плиний Младший и Ювенал были того же мнения.

⁸ Вероятно, это Кальпурний Пизон Красс Скрибониан (брат Гая Кальпурния Пизона Лициниана, приёмного сына императора Гальбы, назначенного им своим преемником и убитого вместе с ним в 69 г.), казненный предположительно при императоре Домициане или Нерве.

⁹ Вероятно, это Марк Регул, знаменитый доносчик, занимавшийся этим делом при Нероне и Домициане. Он сильно разбогател на денежных наградах и процентах от продажи конфискованных имуществ обвиненных, а также на завещаниях — он уговаривал умирающих вставить туда себя (Plin. Sec., Epist., 11,20).

вились признаки горячки; через некоторое время он умер шестидесяти трех лет от роду. Тело его, как некогда тело Августа, сенат проводил с почётом и похоронил в гробнице Августа. В день его смерти произошло затмение солнца.

№2 ТРАЯН (98-117 гг.)

(Флавий Євтропій, Коротка історія від заснування міста, VIII)

2. Наследовал [Нерве] Ульпий Кринит Траян [98-117 гг.], родом из Италики, что находится в Испании, фамилии скорее древней, чем известной. Ибо отец его первым в роду получил звание консула. Императором Траян был провозглашен у Агриппин в Галлии. Государством управлял так, что всех правителей превзошел заслугами. Был необычайно дружелюбен и храбр. Пределы государства римского, которые после Августа более защищали, нежели со славой распространяли далее, расширил повсюду. Вновь отстроил города за Рейном, в Германии. Дакию, разгромив Децебала¹, сделал провинцией за Дунаем, там, где сейчас обитают тайфалы, виктоалы и тервинги². Провинция эта простиралась в окружности на тысячу миль.

3. Он освободил Армению, которую заняли в свое время парфяне, убив при этом царя Партамасира³, ею управляющего. Царей Иверии, савроматов, Боспора, арабов, Озроены и колхов принял под своё покровительство. Занял Кордуэну, Маркомедию и Антемусию — большую часть Персидского царства, а также Селевкию, Ктесифон и Вавилон. Победил мессениев и захватил их земли. Дошёл до границ Индии и Красного моря [т.е. Персидского залива] и устроил три провинции: Армению, Ассирию и Месопотамию. Позже создал провинцию в Аравии. Построил флот на Красном море, чтобы с его помощью достичь границ Индии.

4. ...Никого из сенаторов не обижал, никакой несправедливости при пополнении казны не допускал, ко всем был щедр, публично и частным образом одаривал всех, и оказывал почести даже тем, кого знал весьма отдаленно. По всему свету много строил, многие города освободил от налогов, все совершал со спокойствием и смирением настолько, что за все годы его правления был осужден только один сенатор, да и то самим сенатом вопреки мнению Траяна. Поэтому во всем мире уподобляли его богу...

5. Среди многих его речей одна весьма достойна похвалы. Когда друзья укоряли его, что он со всеми окружающими держится просто, он ответил, что хочет быть таким императором, которого он сам бы хотел иметь, будучи простым подданным. И вот, обретая великую славу в делах военных и мирных, умер он от поноса, возвращаясь из Персии, у Селевкии Исаврийской. Умер в возрасте 63 лет 9 месяцев и 4 дней. Правил же 19 лет 6 месяцев и 15 дней. Был причислен к Богам и первым среди императоров похоронен в Городе. Останки его, помещенные в золотую урну, захоронили на Форуме, который он построил, под колонной, высота которой 144 шага [39 м 83 см]. И такая память сохранилась о нём, что в наше время сенаторы, восхваляя правителей, желают им быть «счастливее Августа и лучше Траяна». Насколько он прославился своей добротой, что и льстецы, и справедливо его восхваляющие приводят его в качестве наилучшего примера.

(Секст Аврелий Виктор, Цезарі, XIII)

Ведь он (т.е. Нерва) принял и дал стране соправителем Ульпия Траяна в звании консуляра⁴, уроженца испанского города Италики, принадлежавшего к славному роду. Едва ли кто-нибудь нашёлся славнее его как в мирное время, так и на войне. В самом деле, он первый и даже единственный перевёл римские войска через Истр и покорил в земле *даков* народ, носящий шапки, и саков [т.е. сарматов] с их царями Децебалом и Сардонием, и сделал Дакию провинцией [107 г.]; кроме того, он ошеломил войной все народы на Востоке между знаменитыми реками Евфратом и Индом, потребовал заложников у царя персов по имени Косдрой⁵ и в то же время проложил путь через область диких племен, по которому легко можно было пройти от Понтийского [т.е. Чёрного] моря до Галлии. В опасных и нужных местах были построены крепости, через Дунай перекинут мост⁶, выведено много колоний. В самом Риме он более чем с великолепием содержал и украшал площади, распланированные Домицианом, проявил удивительную заботу о бесперебойном снабжении столицы продовольствием тем, что образовал и укрепил коллегию⁷ хлебопёков; кроме того, чтобы скорее узнавать, где что происходит за пределами государства, были сделаны доступными для всех общественные средства сообщения... Траян был справедлив, милостив, долготерпелив, весьма верен друзьям; так, он посвятил другу своему Суре⁸ постройку: именно бани, именуемые Суранскими. Он так доверял искренности людей, что, вручая, по обычаю, префекту претория по имени Субуран знак его власти — кинжал, неоднократно ему напоминал: «Даю тебе это оружие для охраны меня, если я буду действовать правильно, если же нет, то против меня». Ведь тому, кто управляет другими, нельзя допускать в себе даже малейшей ошибки. Мало того, своей выдержкой он смягчал и свойственное ему пристрастие к вину, которым страдал также и Нерва: он не разрешал исполнять приказы, данные после долго затянувшихся пиров. Так доблестно он управлял государством около 20 лет; после чего, крайне встревоженный последствиями сильного землетрясения в Антиохии и в других частях Сирии⁹, он по поруче-

¹ Децебал (до воцарения — Диурпан) — в 86-106 гг. вождь племенного союза *даков*, на время правления которого приходится возвышение этого племени. Создав армию по римскому образцу, в 86 г. вторгся в Мёзию и, разгромив римского наместника Опия Сабина, завладел большей частью этой провинции. В следующем году даки победили посланные Домицианом войска и захватили знамена. Хотя в 88 г. Децебал потерпел поражение от полководца Юлиана, в 89 г. ему удалось заключить с римлянами унизительный для последних мир, по которому Рим должен был выплачивать дакам ежегодные субсидии. Провёл глубокие внутренние реформы с целью укрепления централизованной власти. При императоре Траяне (98-117 гг.) войны *даков* с Римом (в 101-102 и 105-106 гг.) завершились их подчинением Риму и самоубийством Децебала.

² *Тайфалы* — германское племя, жившее на Среднем Дунае; *виктоалы* — часть квадского союза племен, жившие у Карпатских гор; *тервинги* — часть готского союза племен, в III—IV вв. жившие на территории современной Румынии.

³ Партамасир, царь Армении в 113-114 гг.

⁴ Консуляр — бывший консул. Траян был консулом в 91 г.

⁵ В 106 г. Набатеиское царство было превращено Траяном в провинцию Аравия. В 114 г. он начал войну с Парфией, двинув сначала войска в Армению, и в том же году официально провозгласил Армению римской провинцией. В 115 г. Траян захватил Месопотамию и создал провинцию Месопотамия, а в 116 г. римские войска дошли до Персидского залива и захватили Ктесифон, столицу Парфии. Во фрагменте упоминается парфянский царь Хосрой (109-129 гг.).

⁶ Под Турну-Северином архитектор Аполлодор Дамасский (перв. пол. II в.) построил для Траяна первый постоянный мост через Дунай, длина которого составила 1 км.

⁷ Коллегии — объединения отдельных профессиональных групп. В I в. до н.э. они участвовали в социальной борьбе городского плебса, и потому подвергались преследованиям со стороны сената и Цезаря; частично они были распущены. В императорскую эпоху находились под строгим контролем государства.

⁸ Лициний Сура, друг и правая рука Траяна. Он был членом группировки, которая поддерживала Траяна, а позже Адриана. Начиная Сура с адвокатуры. Затем был наместником в Бельгии, трижды консул; являлся искусным дипломатом и политиком; занимался естественной историей.

⁹ Случилось зимой 115 г. Пострадали некоторые районы Греции, и также провинции Азия и Галатия в Малой Азии. Но особо сильными разрушения были в Сирии, в Антиохии, где зимовал император с войском. Траян спасся, выпрыгнув из окна, а многие из его приближенных погибли (Oros., VII, 12; Dio, LXVIII, 25).

нию сенаторов снова отправился в поход, в котором и умер от болезни¹ в преклонном возрасте; перед этим он принял в соправители Адриана, близкого и родственного себе гражданина. С этого времени различаются титулы цезаря и августа, и введено положение, чтобы в республике было двое или больше лиц, обладающих высокой властью, но с разными титулами и полномочиями. Впрочем, другие полагают, что Адриан достиг власти при содействии Плотины, жены Траяна, которая распространяла ложный слух, что муж её передал власть Адриану по завещанию.

(Плиний Молодший, Панегірик Траяну)

Плиний Молодший (61-114 гг.) — римский политический деятель и писатель, племянник вченого-энциклопедиста, автора «Природничой истории» Плиния Старшего (23-79 гг.). Народился в Галлии, одержав хорошую освіту і був відомий в Римі як видатний оратор, вчений і письменник. Був близький до імператора Траяна, в 100 р. — консул, в 111-113 гг. — императорский легат в провинции Вифиния і Понт. Зберігся збірник його листів в 10 книгах і «Панегірик» (100 р.) — вдячна промова за дарування консульства, посвячена Траяну. «Панегірик» витриманий в пишномовно-урочистому стилі і повний похвал імператору за успіхи в політиці, а також за шанобливе ставлення до старовини. Разом з тим, Пліній чи не вперше в римській суспільно-політичній думці трактує владу імператора як вияв божественної волі.

1. ...Если в прежние времена могло возникнуть сомнение, ставит ли правителей земли случай или какое-либо предуказание с неба, то не может быть никакого сомнения в том, что *наш принцепс дан нам соизволением богов*. Он явился не действием каких-нибудь тайных сил судьбы, но указан был нам явно и открыто самим Юпитером, был избран перед теми же жертвенниками и алтарями у тех же священных мест, на которых пребывание этого божества так же очевидно и достоверно, как и среди небесных светил...

2. Не будем ни в каком случае воздавать ему хвалы как какому-нибудь богу или кумиру, ибо *мы говорим не о тиране, но о гражданине, не о властелине, но об отце*. Ведь он из нашей среды, и ничто его так не отличает и не возвышает, как то, что *он сам сознает себя одним из нас и не забывает, что он человек и управляет людьми...*

4. ...Часто я, сенаторы... размышлял над тем, какими качествами должен обладать тот, беспрекословной власти которого подчиняются моря и земли и от кого зависят мир и война. Однако, как я ни старался создать образ принцепса, которому подобает равная почти с бессмертными богами власть, мне даже в мыслях никогда не удавалось приблизиться к тому образцу, который мы имеем перед глазами. Иной, отличившись на войне, потом потерял свой блеск в обстановке мира; другого прославила тога, но не далось ему в то же время военное искусство, один заставил себя уважать, действуя страхом, другой снискал любовь унижением, тот в общественной деятельности не смог сохранить доброй славы, сложившейся за ним на основании его семейной жизни; другой, наоборот, в кругу своей семьи запятнал славу, приобретенную на общественном поприще: не было ещё до сих пор человека, у которого его доблести не затмевались бы от близкого соседства с какими-нибудь пороками. Наоборот, *какое удивительное согласие всяких похвальных качеств, какое гармоническое сочетание всяких доблестей видим мы в нашем принцепсе!* Ни жизнерадостность его не вредит строгости его нравов, ни простота в обращении не умаляет его достоинства, ни гуманная его снисходительность не идет у него в ущерб его величию. А его бодрость, а статная фигура, величественная голова и полное достоинства лицо и ко всему этому цветущий возраст, без физической слабости, но в то же время не без некоторых ранних признаков старости, дарованных ему богами как бы нарочно для того, чтобы придать больше величия его царственной осанке! Разве все это не делает для всех очевидным, что он истинный, прирожденный государь?

5. Таким должен быть, поистине, государь, возвысившийся не в пылу гражданской войны и не в момент стеснения государства оружием, но данный виявшими молениям земли богами-покровителями, в момент глубокого мира, через усыновление. Да и можно ли допустить, чтобы не было отличия у императора, посланного богами, от других, поставленных людьми? На тебе же, о цезарь-август, печать благоволения богов лежала с самого того момента, как ты отправлялся к войску и притом в самом необычном виде. В самом деле, в то время, как появление других принцепсов возвещалось обильным потоком крови жертвенных животных или объявлялось наблюдателям полетом птиц с благоприятной, т.е. левой, стороны, ты был уже провозглашен общепризнанным принцепсом толпами граждан, собравшихся хотя и не для этой цели, в тот момент, когда, выполняя священный обряд, ты смиренно поднимался по ступеням Капитолия. И когда весь народ, толпившийся около входа в храм, приветствовал тебя кликами, когда перед тобой раскрылись двери храма, можно было подумать, что он приветствует бога²...

7. ...Ты был усыновлен не так, как усыновлялись другие принцепсы в угоду женщинам. Тебя принял в качестве сына не отчим, но принцепс, и божественный Нерва стал твоим отцом, движимый к тебе таким же чувством, как и ко всем остальным. Да и не должно принимать сына иначе, если усыновляет принцепс. Или, собираясь доверить кому-нибудь одному сенат, римский народ, войска, провинции, надо принимать своего преемника из объятий супруги и искать наследника своей высшей власти только внутри своего собственного дома? Разве не следует при этом окинуть взором все государство и признать за самого близкого, за самого родственного по духу того, в ком ты найдешь наилучшие качества, кого признаешь более всего подобным богам? Тот, кто будет управлять всеми, должен быть избран среди всех. Не господина для своих рабов должен ты назначить, когда ты мог бы быть доволен и ближайшим тебе наследником, но как император ты должен дать принцепса гражданам...

25. ...Солдаты уравниены с народом в том, что хоть они получают только часть пайка, но зато первыми, а народ с солдатами — в том, что он хоть и позже, но зато получает все полностью...

26. ...Для великого принцепса, которому суждено бессмертие, нет другой более достойной статьи расхода, как расход на подрастающее поколение. Людей зажиточных располагают признавать и воспитывать детей³ большие награды и равные им по значению штрафы⁴. Бедные же могут рассчитывать при воспитании только на доброту принцепса. Если он не поддерживает, не охраняет и не снабжает щедрой рукой детей, рождённых в надежде на него, то лишь ускоряет гибель своей власти, гибель государства; напрасно тогда он будет, пренебрегши народом, оберегать знатных, точно голову, оторванную от туловища, обреченную на гибель от неустойчивости своего положения...

27. ...Пусть лучше принцепс ничего не даёт, лишь бы ничего не отнимал, пусть не кормит, лишь бы не казнил: и тогда не будет недостатка в людях, которые захотят иметь детей... Поэтому во всей твоей щедрости я ничего так бы не хотел восхвалить, как то, что ты даешь паёк и средства на содержание детей из своих собственных средств и что детей граждан ты кормишь не кровью от убийств, как щенков диких зверей; приятнее же всего принимающим от тебя пособия сознавать, что им дается ни у кого не

¹ В 115-117 гг. Траян продолжал операции на Востоке, однако весной 117 г. римская армия, ослабленная войной и рядом восстаний в восточных провинциях империи, начала отход из захваченных районов Месопотамии. Траян выехал в Рим, и по дороге умер в Киликии в августе 117 г.

² Это произошло, когда Траян собирался в поход во главе войска ещё при Домициане. Когда двери храма открылись, через них стала видна статуя бога.

³ По римским обычаям, отец мог признать и не признать рождённого им ребенка и в связи с этим мог и отказаться от его воспитания.

⁴ Налоги на холостяков и бездетных.

отнятое и что в связи с тем, что столько народа стало более имущим, убывают средства только у самого принцепса, хотя и он тоже не обеднел. Ведь если кому принадлежит все, что является всеобщим достоянием, то он и сам имеет столько же, сколько все...

42. [При прежних принцепсах] императорская и государственная казна обогащались... от исключительных и единственных в своем роде преступлений против величества, и притом приписывавшихся людям чистым от каких-либо преступлений. Этот страх ты окончательно с нас снял, довольствуясь тем величием, которого никому так не хватало, как тем, которые на него претендовали. Вернулась к друзьям верность, к детям почтительность, к рабам послушание: снова они имеют своих господ, уважают их и повинуются им. Теперь уже рабы наши не друзья принцепса, но мы сами его друзья, и отец отечества не думает, что он дороже для чужих слуг, чем для своих сограждан. Ты освободил всех нас от домашних обвинителей, призвав всех под общее знамя общественного блага, прекратил, если можно так сказать, войну рабов. Этим ты оказал не меньшую услугу рабам, чем господам: одним ты обеспечил безопасность, других сделал лучшими... Приятно это для тех, кто помнит и такого принцепса, который подучал рабов против господ и указывал, какие преступления он накажет, словно узнавал о них по доносу. Это было великое и неустрашимое зло, которое приходилось каждому испытать столько раз, сколько у него было рабов, берущих на себя роль господ...

45. И прежние принцепсы, исключая твоего отца, да ещё одного или двух, — и то я много сказал — больше радовались порокам, нежели добродетелям граждан; во-первых, потому что каждому нравится в другом узнавать свои свойства, наконец, они считали более выносимыми для рабства таких людей, которым и не подобает быть ничем другим, как рабами. В их руках они сосредоточивали все блага, людей же благонамеренных, державшихся в стороне от дел и в бездействии и как бы заживо погребенных, они возвращали в общество и в свет, только чтобы подвергать опасности доносов...

50. ...Ты не присваиваешь и не присоединяешь к своим обширным владениям все пустыри, озера, лесные массивы, изгоняя прежних их владельцев, и не только одни твои взоры радуются на источники, реки и моря. Есть и такое, что наш цезарь не считает своим. И все же власть принцепса больше, чем власть собственника. Много переводится из частного имущества в государственное; это то, что захватили прежние принцепсы, не для того, чтобы самим пользоваться, но чтобы не занял никто другой. Таким образом на места прежних знатных господ в их гнезда поселяются новые хозяева, и убежища главнейших мужей не приходят в упадок, не захватываются рабами. Можно видеть прекраснейшие усадьбы в отдаленных местах расширенными и в полной целостности. Если от имени цезаря объявляется большой список продающегося имущества, то этим доказывается алчность принцепса, который так много всего захватывал, хотя обладал стольким ему ненужным имуществом. Тогда было смертельно опасно кому-нибудь иметь более просторный дом, чем у принцепса, или более живописную усадьбу; а теперь принцепс ищет для них новых хозяев, сам их туда вводит. Даже те знаменитые сады великого императора, это, никому раньше недоступное кроме цезаря пригородное поместье, мы покупаем с торгов, приобретаем, заселяем... Ты не только предоставляешь твоим гражданам возможность покупать, ты раздаешь и даришь живописнейшие места...

54. Есть ли такое место, до которого не доходила бы низкая лесть, когда похвалы императорам расточались на игрищах и в состязаниях, а дела их изображались в плясках, во всякого рода зрелищах, изнеженными голосами, жестами, движениями превращались в посмешище. Но особенно было недостойно то, что они одновременно прославлялись сенаторами в сенате и комедиантами на сцене. Ты же совершенно отстранил театральное искусство от участия в прославлении твоих деяний. Тебя чтят в серьезных стихах, в достойных вечности анналах... Мало того, чем больше будут молчать о тебе актеры на сценах, тем с большим единодушием станут прославлять тебя, поднявшись со своих мест, зрители... Раньше ни одно дело, обсуждавшееся в сенате, не считалось столь низменным и столь ничтожным, чтобы тут же не перейти к прославлению императора, о каких бы деяниях ни пришлось говорить. Совещались ли мы об увеличении числа гладиаторов, или об учреждении цеха ремесленников, сейчас же, словно при этом расширялись пределы нашей империи, постановляли посвятить имени цезаря какие-нибудь величественные арки, или надписи, которые не могли бы уместиться и на фронтонах наших храмов, или месяцы года, да притом не по одному, а по несколько сразу. И те допускали это и даже радовались этому, точно заслужили все эти почести...

88. Многие государи, будучи господами над своими гражданами, были рабами своих отпущенников: они следовали их советам, исполняли их желания, через них они выслушивали других, через них вели переговоры; через них выпрашивались претуры, жреческие должности и консульства, мало того, — этих должностей просили у самих вольноотпущенников. Ты ставишь своих отпущенников на весьма почетное место, но все же считаешь их не более как за отпущенников и полагаешь, что с них достаточно и той награды, что их считают честными и скромными. Ведь ты хорошо знаешь, что слишком возвеличенные отпущенники свидетельствуют о не слишком великом государе...

(Плиний Молодший, Листи, X)

«Листи» Плиния Молодшего являются собою невеликие, вышукано скомпоновані літературні послання в прозі. Найбільш відомі два листи до Таціта, де Пліній описує вибух Везувію і загибель свого дядька — відомого природознавця Плінія Старшого. Наведені фрагменти з книги X дають уявлення про систему провінційного управління Імперії, а також про побут жителів малоазійських провінцій Віфінія і Понт. Цікими також є повідомлення про ранніх християн.

19. *Плиний императору Траяну.* Прошу тебя, владыка, разреши мои колебания: следует ли держать на страже у тюрьмы городских рабов¹, как это до сих пор и делалось, или же поставить к ней солдат. Я боюсь, что городские рабы стража не очень верная, но страшно и оттянуть на эту охрану много солдат. Пока что я добавил к городским рабам несколько солдат². Вижу, однако, и здесь опасность: как бы это не стало причиной небрежности у тех и у других: каждая сторона будет уверена, что сможет свалить общую вину на другую.

20. *Траян Плинию.* Незачем, мой дорогой Секунд, превращать солдат в тюремных стражей. Сохраним обычай этой провинции³ охранять тюрьмы городскими рабами. Будут ли они верны в этом деле, это зависит от твоей строгости и бдительности. Прежде всего, как ты и пишешь, следует опасаться, как бы городские рабы и солдаты, если ты соединишь их вместе, не стали, полагаясь одни на других, небрежнее. Незыблемо должно быть и правило: как можно меньше людей выводить из военного строя.

23. *Плиний императору Траяну.* У жителей Прусы, владыка, баня старая и грязная⁴. Они сочли бы благом постройку новой; мне кажется, ты можешь снизить к их желанию¹. Деньги на постройку будут: это, во-первых, суммы, которые я уже начал воз-

¹ *Городские рабы* работали во всех областях городского хозяйства и прислуживали городским властям: были глашатаями, посыльными, младшими писцами (старшие были людьми от рождения свободными и почтенными), убрали общественные здания, улицы и площади, топили городские бани и заготовляли для них дрова, были тюремными сторожами. Они получали от города жалование, им была отведена квартира.

² *Солдаты* в качестве тюремной охраны были и в сенатских, и в императорских провинциях.

³ Траян придерживался соблюдения местных законов и обычаев. Юристы более позднего времени стремились создать правила, обязательные для всей Империи.

⁴ Дион Хризостом говорит о множестве развалин в Прусе (Ог. 47, 15); в другом месте (70.1) Плиний упоминает дворец в развалинах.

вращать и требовать от частных лиц, а затем они сами готовы внести на сооружение бани то, что обычно тратят на масло². Постройки этой требуют и достоинство города и великолепие твоего времени.

24. *Траян Плинию*. Если возведение новой бани жителям Прусы по силам, то мы можем снизить к их желанию, лишь бы для этого не надо было новых обложений и не уменьшило бы средств на будущие необходимые расходы.

54. *Плиний императору Траяну*. Общественные деньги, владыка, твоей предусмотрительностью и моим усердием уже или истребованы или истребуются; боюсь, однако, чтобы они не лежали втуне. Случаев приобрести недвижимую собственность очень мало или нет вовсе; людей, которые хотели бы сделать заём у города, не находится³, тем более, что город дает деньги, как и частные лица, под 12%⁴. Посмотри, владыка, не сочтешь ли нужным уменьшить проценты и тем самым склонить к займам подходящих людей; если же их не окажется, то не распределить ли деньги между декурионами под хорошее с их стороны обеспечение. Они этого не захотят и будут отказываться, но, с установлением меньшего процента, это будет для них не так уж тягостно.

55. *Траян Плинию*. И я сам, мой дорогой Секунд, не вижу другого средства для более легкого размещения городских денег, кроме уменьшения процентов. Размер их ты установишь сам в зависимости от числа тех, кто будет брать в долг. Принуждать к займам людей, у которых деньги будут, возможно, тоже лежать бесполезно⁵, не соответствует нашему времени с его духом справедливости.

74. *Плиний императору Траяну*. Государь, мне пишет Аппулей, воин, служащий в гарнизоне Никомедии, что некто по имени Каллидром, когда его пытались задержать мельники Максим и Дионисий, к которым он пошёл внаймы, бежал к твоей статуе; приведённый к магистратам, он указал, что служил некогда у Лаберия Максима и был взят в плен Сусагом в Мезии.

92. *Плиний императору Траяну*. Город Амис⁶, свободный и союзный⁷, по милости твоей⁸ управляется собственными законами⁹. Поданное мне здесь прошение относительно *εράνος* [товарищества]¹⁰ присоединяю к этому письму: посмотри, владыка, что здесь и в какой мере следует разрешить или запретить.

93. *Траян Плинию*. Если амисцам, прошение которых ты присоединил к своему письму, разрешено по их законам, которыми они пользуются по договору, иметь кассу взаимопомощи¹¹, то мы можем им в этом не препятствовать, особенно, если они станут употреблять подобные сборы не на смуты и недозволенные союзы, а на поддержку бедняков. В остальных городах, подчиненных нашему праву, такие учреждения следует запрещать.

96. *Плиний императору Траяну*. Для меня привычно, владыка, обращаться к тебе со всеми сомнениями. Кто лучше может направить меня в нерешительности или наставить в неведении? Я никогда не присутствовал на следствиях о христианах: поэтому я не знаю, о чём принято допрашивать и в какой мере наказывать. Не мало я и колебался, есть ли тут какое различие по возрасту, или же ничем не отличать малолеток от людей взрослых¹²: прощать ли раскаявшихся или же человеку, который был христианином, отречение не поможет, и следует наказывать само имя, даже при отсутствии преступления, или же преступления, связанные с именем¹³. Пока что с теми, на кого донесли как на христиан¹⁴, я действовал так. Я спрашивал их самих, христиане ли они; созвавшихся спрашивал во второй и третий раз¹⁵, угрожая наказанием; упорствующих отправлял на казнь. Я не сомневался, что в чём бы они ни признались, но их следовало наказывать за непреклонную закоснелость и упрямство. Были и такие безумцы, которых я, как римских граждан, назначил к отправке в Рим. Затем, пока шло разбирательство, как это обычно бывает, преступников стало набираться всё больше, и обнаружались случаи разнообразные. Мне был предложен список, составленный неизвестным и содержащий много имён. Тех, кто отрицал, что они христиане или были ими, я решил отпустить, когда они, вслед за мной, призвали богов, совершили перед изображением твоим, которое я с этой целью велел принести вместе со статуями богов, жертву ладаном и вином, а кроме того похулили Христа... Другие названные доносчиком сказали, что они христиане, а затем отреклись: некоторые были, но отпали, одни три года назад, другие много тому лет, некоторые лет тому двадцать. Все они почтили и твоё изображение, и статуи богов и похулили Христа. Они утверждали, что вся их вина или заблуждение состояли в том, что они в установленный день собирались до рассвета, воспевали, чередуясь, Христа как бога и клятвенно обязывались не преступления совершать, а воздерживаться от воровства, грабежа, прелюбодеяния, нарушения слова, отказа выдать доверенное. После этого они обычно расходились и сходились опять для принятия пищи, обычной и невинной, но что и это они перестали делать после моего указа, которым я, по твоему распоряжению, запретил тайные общества. Тем более счёл я необходимым под пыткой допросить двух рабынь, называвшихся служительницами, что здесь было правдой, и не обнаружил ничего, кроме безмерного уродливого суеверия. Поэтому, отложив расследование, я прибегаю к твоему совету. Дело, по-моему, заслуживает обсуждения, особенно вследствие нахо-

¹ Из речей Диона Хризостома (40.6; 45.5-6) следует, что раньше разрешение на постройку давал проконсул. Траян, видимо, дал указание Плинию не разрешать никакого строительства без согласования с принцем. Только в двух случаях, когда постройка уже начата, он предоставляет решение Плинию. Во всех случаях Траян требует, чтобы постройка производилась на городские средства, и Плиний это неизменно оговаривает. Целью императора было не прекращение всякого строительства, а желание, чтобы городские средства тратились разумно и с пользой.

² Речь идёт о масле, которое закувалось на деньги богатых горожан и раздавалось бесплатно беднейшим гражданам.

³ Люди предпочитали брать в долг у частных лиц, а не у города, потому что город требовал верного обеспечения уплаты и мог принудить к скорейшему возвращению долга.

⁴ Такие проценты Цицерон установил в Киликии (Атт. 5, 21. 11) и они были обычны за пределами Италии. В Италии нормой были 6% (см. Колумелла 3, 3, 9; Плиний VII.18).

⁵ Довод Плиния умело обращен против него.

⁶ Амис — старая греческая колония, долгое время находился под властью понтийских царей. Помпей значительно расширил его территорию, а Юлий Цезарь сделал город свободным в награду за сопротивление Фарнаку.

⁷ Свободный (*libertas*) означает свободу от вмешательства наместника в местное самоуправление. Союзный город (*civitas foederata*) — т.е. города, которые заключили с Римом договор о союзе, предоставив ему только право контроля за своей внешней политикой. Относятся они обычно ко времени, когда у Рима ещё не было провинций, и после войн и смут поздней Республики в восточных провинциях уцелело их очень мало.

⁸ Траян утвердил, вероятно, некоторые привилегии Амиса.

⁹ О каждом городе в римской провинции можно было сказать, что он управляется «своими законами», которые могло изменить только римское правительство. Свободный город мог изменить их самостоятельно.

¹⁰ *εράνος* — добровольный взнос в пользу бедных, для общественных нужд и т.п.

¹¹ Траян очевидно имеет в виду *collegia tenuiorum* («союзы бедного люда»), которые хоронили своих членов и устраивали общие скромные празднества на деньги, вносимые членами коллегии ежемесячно и при вступлении. Их было много и в Италии и в Западных провинциях.

¹² Могли быть обвинены целые семьи: жрецы упоминают о смягчении наказаний для отроческого возраста (Dig. 29, 51, 1, 32).

¹³ В процессах против последователей жужезменных культов (напр., Баала, друидов) осуждались не самые культы, а преступления (*flagitia*), с ними связанные (человеческие жертвоприношения у друидов, например). Христиане также пользовались дурной славой, о чём говорят отзывы Тацита: секта «пагубная», «навлекшая своими мерзостями всеобщую ненависть» (Анн. 15, 44) и Светония: «люди, преданные новому и злоторному суеверию» (Нер. 16, 2).

¹⁴ До императора Валериана (253-260 гг.) официальных преследований христиан не было. Преследования были «местные, по городам, поднятые восставшей чернью» (Евсевий. Церк. история 3, 32), которую науськивали или принципиальные враги христиан, или те, кому оно наносило материальный ущерб: жрецы друидских культов, торговцы жертвенными животными, мясники, продававшие жертвенное мясо. Внимание Плиния к христианам также привлёк частный донос.

¹⁵ Обвиняемым давали срок одуматься. Когда к Сатурнину, проконсулу Африки, привели христиан, он спросил: «Не дать ли вам времени для обдумывания? Вот вам 30 дней». Судьи часто прилагали все усилия к тому, чтобы добиться отречения и отпустить узников.

дющихся в опасности множества людей всякого возраста, всякого звания и обоих полов, которых зовут и будут звать на гибель. Зараза этого суеверия прошла не только по городам, но и по деревням и поместьям, но, кажется, её можно остановить и помочь делу. Достоверно установлено, что храмы, почти покинутые, опять начали посещать; обычные службы, давно прекращенные, восстановлены, и всюду продаётся мясо жертвенных животных, на которое до сих пор едва-едва находилась покупатель. Из этого легко заключить, какую толпу людей можно исправить, если позволить им раскаяться.

97. *Траян Плинию*. Ты поступил вполне правильно, мой Секунд, произведя следствие о тех, на кого тебе донесли как на христиан. Установить здесь какое-нибудь общее определенное правило невозможно. Выискивать их незачем: если на них поступит донос и они будут изобличены, их следует наказать, но тех, кто отречётся, что они христиане, и докажет это на деле, т.е. помолится нашим богам, следует за раскаяние помиловать, хотя бы в прошлом они и были под подозрением. Безымянный донос о любом преступлении не следует приобщать во внимание. Это было бы дурным примером и не соответствует духу нашего времени.

114. *Плиний императору Траяну*. По закону Помпея, владыка, вифинским городам разрешено заносить в число своих граждан кого они пожелают, кроме людей, уже состоящих гражданами какого-нибудь вифинского города¹. Тем же законом установлено, по каким причинам цензоры могут исключать из сената². Поэтому некоторые из цензоров решили посоветоваться со мной, исключать ли им гражданина другого города.

Так как закон запрещал принимать чужого гражданина в число своих, но не приказывал исключать его по этой причине из сената, а кроме того подтвердили мне, что в каждом городе имеется много булевтов из граждан других городов и что применение этого закона уже давно, как бы по согласию забытого, расстроит жизнь и многих людей и многих городов. Поэтому я счёл необходимым спросить, что, по-твоему, следует соблюдать. Главы закона я присоединяю к этому письму.

115. *Траян Плинию*. У меня были основания, дорогой Секунд, усомниться в том, что предписать цензорам, спрашивающим тебя, должны ли оставаться в сенате граждане других городов, но той же самой провинции. И закон и длительный обычай, установившийся вопреки закону, могли вызвать у тебя колебания. Я решил выбрать средний путь: не будем ничего изменять в прошлом. Пусть остаются в сенате граждане любого города, хотя и принятые вопреки закону; на будущее же закон Помпея надлежит соблюдать, если бы мы пожелали сохранить за ним обратную силу, это неизбежно вызвало бы много беспорядка³.

№3

АДРИАН (117-138 гг.)

(Флавий Євтропій, Коротка історія від заснування міста, VIII)

6. Со смертью Траяна правителем стал Элий Адриан [117-138 гг.], без всякой на то воли Траяна, но стараниями Плотины, жены Траяна. Ибо Траян при жизни своей усыновлять Адриана не хотел, хотя тот и был сыном его двоюродной сестры. Адриан тоже родился в Италике Испанской. Завидуя славе Траяна, сразу же оставил он те провинции, которые создал Траян, и из Ассирии, Месопотамии и Армении вывел войска, а границей Империи пожелал установить Евфрат. И с Дакией собирался сделать то же самое, но его отговорили друзья, убедив не отдавать великого множества римских граждан варварам. Ибо, когда Траян покорил Дакию, то со всего римского мира переселил он сюда огромное количество людей для возделывания полей и строительства городов, поскольку Дакия за время войны с Децебалом весьма обезлюдела.

7. Во все время его правления в Империи был мир, только один раз он вёл войну через своих полководцев⁴. Он объездил все римское государство, много строил. В латинском языке был искуснее всех, в греческом разбирался превосходно. Не очень великую славу стяжал он милосердием, но весьма старался в пополнении казны и содержании воинов. Умер он в Кампании, прожив более 60 лет, правил же 21 год 10 месяцев и 29 дней. Сенат не хотел удостаивать его божественных почестей, но поскольку наследник его — Тит Аврелий Антонин Фульвий, очень настаивал на этом, то все сенаторы, хотя и против воли, но почтили его.

(Секст Аврелий Віктор, Цезарі, XIV)

...Элий Адриан⁵, более способный к красноречию и гражданским делам, установив на Востоке мир, возвращается в Рим. Тут он начал, по примеру греков или Нумы Помпилия, заботиться о церемониях, законах, гимназиях и об учёных людях, так что даже построил школу свободных искусств, которую называют Афиней⁶. Также по образцу афинян он проводил в Риме мистерии в честь Цереры и так называемой Элевсинской Либеры (т.е. Прозерпины)⁷. Затем, как это бывает в мирное время, отойдя от дел, он удалился в свое поместье Тибур⁸, поручив управление города цезарю Луцию Элию⁹. Сам он, как это в обычае людей богатых и беспечных, начал строить дворцы, устраивать пиры, покупать статуи и картины; под конец его увлечение всем, относящимся к роскоши, стало вызывать тревогу. Отсюда пошли дурные слухи, что он развращает юношей и воспылал бесславной страстью к Антиною и в связи с этим назвал его именем город и ставил юноше статуи. Другие, наоборот, считают это выражением благочестия и религиозности, говорят, что когда Адриан хотел добиться продления своей жизни, а маги потребовали, чтобы кто-либо добровольно за него принес себя в жертву, то все отказались, Антиной же предложил себя, отсюда и всё описанное выше почитание...

¹ Дион Христомом, уроженец и гражданин Прусы, был гражданином в Никомедии и Апамее. Его отец и дед, граждане Прусы, были и гражданами Апамеи. Закон Помпея был действительно забыт.

² Этими причинами были: уголовные преступления, бесчестные занятия (например содержание публичного дома), исключение из армии.

³ Траян не стремился к поправкам, которые неизбежно вызвали бы расстройство и в общественной, и в частной жизни.

⁴ Имеется в виду подавление восстания Бар-Кохбы в Иудее (132-135 гг.).

⁵ Элий Адриан (76-138 гг.) происходил из южноиспанского города Италика и являлся родственником Траяна, который был опекуном Адриана и в 100 г. женил его на своей внучатой племяннице Сабине. Адриан принимал участие в Дакийской и Парфянской войнах Траяна, в 108 г. был консулом, наместником в Паннонии, а затем в Сирии. Уезжая в Рим в 117 г., Траян передал командование войсками Адриану, а в киликийском городе Селинуса, за несколько дней до смерти, объявил об усыновлении Адриана. После смерти Траяна Адриан отказался от завоевательной политики, закончил в 117 г. Парфянскую войну, отказавшись от Армении и Месопотамии.

⁶ Афиней — в честь греческой богини Афины, которая, будучи богиней мудрости и разума, покровительствовала наукам.

⁷ Церера — древнеиталийская богиня полей, земледелия и хлебных знаков, мать Прозерпины, которая отождествлялась с греческой Персефоной, богиней подземного царства и плодородия.

⁸ Тибур — город близ Рима (совр. Тиволи).

⁹ Луций Цейоний Коммод Вер был усыновлен Адрианом в 136 г., и получил имя Цезарь Элий Вер (в официальных документах он именовался Луций Элий Цезарь). Адриан поставил Вера наместником Паннонии и назначил консулом в 137 г. Его же Адриан наметил в консулы на 138 г., но Вер был слаб здоровьем и 1 января 138 г. он умер.

Между тем цезарь Элий умер, а так как сам Адриан был не в полной душевной силе и потому внушал презрение, он созывает сенаторов для избрания цезаря. Когда они стали поспешно собираться, он неожиданно увидел Антонина¹, поддерживавшего рукой осторожно шагавшего тестя или родителя. Приятно удивленный этим, он призывает законом утвердить его цезарем и сейчас же после этого уничтожить большую часть сенаторов, в глазах которых он был посмешищем. Недолго спустя он умер от тяжелой болезни в Байях на 22-м без одного месяца году своего правления, будучи крепким стариком. Сенаторы не согласились даже на просьбы принцепса присудить ему божеские почести, так они горевали об утрате своих сотоварищей. Но после того как вдруг появились люди, чью погибель они оплакивали², все, кто смог обнять своих друзей, дали согласие на то, в чем раньше отказывали.

(Секст Аврелий Виктор, Записки про життя і нрави римських імператорів, XIV)

Элий Адриан италийского рода, родившийся от Элия Адриана, двоюродного брата принцепса Траяна, происходившего из города Адрии в области Пицена³, давшего своё имя Адриатическому морю, правил 22 года [117-138 гг.]. Он отлично знал греческую литературу, и многие называли его Греком. Он воспринял от афинян их склонности и нравы и не только овладел их языком, но и приобщился к их излюбленным занятиям: пению, танцам, медицине, и был музыкантом, геометром, художником, ваятелем из меди и мрамора наравне с Поликлетом* и Евфранором⁴. К тому же он был и остроумен, так что редко, право, можно было видеть среди людей столь образованного и изящного человека. Он обладал невероятной памятью, запоминал места, дела и мог по имени называть своих солдат, даже отсутствовавших. Он был весьма вынослив в труде и сам лично обошёл все провинции, отстранив толпу спутников, и при этом восстанавливал все города, укреплял в них сословия. В самом деле, наподобие военных легионов, он разделил по центуриям и когортам ремесленников, художников, архитекторов, всякого рода строителей зданий и декораторов. Он был переменчив, многообразен, обладал сложным характером, был как бы рождён властелином пороков и добродетелей, умел искусно направлять движения ума, удачно скрывая в своём характере то завистливость, то мрачность, то резвость, то неумение быть искренним; он притворно показывал сдержанность, доступность, милосердие, наоборот, скрывал свою жажду славы, которой постоянно пылал. Он был очень остёр и задирист, но в равной мере искусно парировал серьёзные слова, шутку, брань: на стихи он отвечал стихами, на изречения — изречениями, так что казалось, что он всё заранее обдумал.

Супруга его, Сабина, претерпевавшая обиды, почти как рабыня, была доведена до самоубийства⁵. Она открыто заявляла, что, узнав его чудовищный характер, приложила все усилия, чтобы не забеременеть от него на погибель рода человеческого. Он болел какой-то внутренней болезнью, которую долго покойно переносил, но под конец, сраженный её жгучей болью, в раздражении предал казни многих сенаторов. Он добился от многих царей тайными подарками мира и открыто хвалился, что достиг мирным путем большего, чем другие — оружием. Он разумно организовал государственную, дворцовую, а также военную службу в такой форме, какая остается с некоторыми внесенными Константином изменениями до сего времени [т.е. до IV в.]. Он прожил 62 года, после чего умер мучительной смертью: он страдал от боли почти во всех членах тела до такой степени, что многократно просил самых верных слуг убить его, а чтобы он не совершил самоубийства, его охраняла стража из самых близких людей.

№4

АНТОНИН ПИЙ (138-161 гг.)

Антонин Пий (86-161 гг.), происходил из галльского сенаторского рода крупных землевладельцев из Немауза (совр. Ним). В 120 г. был избран *консулом*; был среди четырёх *консуляров*, которым Адриан поручил управление Италией; являлся *проконсулом* Азии. Был усыновлен Адрианом 25 февраля 138 г. в качестве преемника. Отцом Антонина был консуляр Аврелий Фульвий, а тестем — Анний Вер.

(Флавий Евтропий, Коротка історія від заснування міста, VIII, 8)

...Адриану наследовал Тит Антонин Фульвий Бойоний, по прозвищу Пий [Pius, т.е. «Благочестивый»]. Муж известного рода, но не очень древнего, достойный управлять государством. Его часто сравнивали с Нумой Помпидием, как в своё время Траяна — с Ромулом. Будучи частным лицом, он пользовался большим уважением; когда стал императором — ещё большим. Ни к кому не был жесток, ко всем милостив. В делах военных стяжал посредственную славу, стремясь больше оборонять провинции, чем расширять их. При управлении своем старался выдвигать мужей справедливых, добрым воздавал почести, неспособных же удалял без всякой жестокости. Союзные цари его почитали, но не менее и боялись, так что многие варварские народы, сложив оружие, приходили к нему высказать свои претензии и обиды друг на друга и к его мнению прислушивались. Перед началом своего правления был он очень богат, но потом раздал имущество своё на жалование воинам и помощь друзьям, однако оставил после себя богатую государственную казну. Благочестивым был прозван из-за милосердия своего. Умер он в Лории, на своей вилле, в 12 милях от Города [т.е. Рима], на 73-м году жизни, на 23-м правления, и был причислен к Богам, что заслужил по справедливости.

(Секст Аврелий Виктор, Цезарі, XV)

Прозвищем Аврелия Антонина было Пий, т.е. Благочестивый. На нём не было почти ни одного пятна порока. Он принадлежал к весьма древнему роду из муниципия Ланувия, был сенатором столицы. Он был настолько справедлив и обладал таким добрым нравом, что ясно этим доказал, что ни мир, ни продолжительный досуг не портят некоторых характеров и что города могут благоденствовать, если только управление их будет разумно. Итак, в продолжение всех двадцати лет своего управления, в течение которого он с большой пышностью отпраздновал девятисотый юбилейный год города Рима, он оставался все таким же. Разве только что он может показаться бездеятельным, потому что не получил ни одного триумфа. Но на самом деле это не так;

¹ Т.е. будущего императора Антонина Пия (138-161 гг.).

² Адриан сместил с должности и казнил Катилия Севера, префекта Рима; Юлия Сервиана, который был женат на его сестре, Адриан принудил умереть. Однако многих, кого Адриан приказал убить, Антонин спас.

³ Пицена — область в Центральной Италии, на побережье Адриатического моря. Согласно данным Страбона (V, 1,8), название Адриатического моря происходит от города Атрия, расположенного в области Циспадана, недалеко от Равенны, на берегу Адриатического моря. Предки Адриана переселились в Испанию во времена Сципионов, т.е. в III—II вв. до н.э.

⁴ Эвфранор из Истма, живописец и скульптор IV в. до н.э.

⁵ Вибия Сабина, внучатая племянница Траяна (у Траяна была сестра Ульпия Марциана, дочь которой, Матидия Старшая, была матерью Сабины). К концу жизни отношения Адриана и Сабины резко ухудшились; в частности, Адриан сместил с должностей префекта претория Септиция Клара, государственного секретаря Светония Транквилла, и других, «за то, что они вели себя на половине его жены Сабины более свободно, чем это было совместимо с уважением к императорскому двору». Сабина умерла в 137/138 г.

ведь несомненно, большая заслуга в том, чтобы никого не беспокоить без причины и не вести войны ни с каким мирным народом только ради показа своего мужества. Наконец, так как судьба отказала ему в мужском потомстве, он поручил заботу о республике мужу своей дочери¹.

(Секст Аврелий Виктор, Записки про життя і нрави римських імператорів, XV)

Антонин Фульвий, называемый также Бойоний, впоследствии прозванный ещё Пием (т.е. благочестивым), правил 23 года [138-161 гг.]. Он был усыновлен Адрианом, будучи его зятем, и во время его принципата проявлял такую доброту, что, несомненно, нельзя указать другого примера подобной жизни, хотя его современники сравнивают его с Нумой. Двадцать три года он правил всем миром одним своим авторитетом, не ведя никаких войн; все цари, племена и народы так его уважали и любили, что считали его больше за отца и патрона, нежели за господина и императора, и все в один голос обращались к нему, как к судьбе, в своих спорах, полагая его решения согласными с волей богов. Мало того, узнав о правосудии такого правителя, к нему направляли послов *инды*, *бактрийцы*, *гирканцы*²; ко всему этому он был красив лицом, высок ростом и умеренно плотен. Перед выходом для получения приветствий он немного вкушал хлеба, чтобы не испытывать слабости от охлаждения крови вокруг пустого желудка и не оказаться по этой причине в неподходящем состоянии для выполнения общественного долга, который он исполнял всегда весьма старательно, как и полагается отменному хозяину дома. Лишенный честолюбия и всего показного, он был до того кроток, что, когда сенаторы настаивали на преследовании лиц, составивших против него заговор, он прекратил следствие, сказав при этом, что нет надобности преследовать упорно людей, замысливших совершить над ним преступление, чтобы не обнаружилось, скольким людям он ненавистен, если их окажется ещё больше, чем предполагалось. Итак, после двадцати трех лет правления он умер от горячки, продолжавшейся всего несколько дней, на своей вилле близ Лориев на двадцатой миле от города. Во славу его благочестия были учреждены храмы, коллегии жрецов и бесконечное множество других мероприятий. Он до того был мягкого характера, что когда из-за подозрения, что в городе не хватает продовольствия, в него из толпы римской черни стали бросать камни, он предпочел успокоить народ, изложив перед ним все свои расчеты, нежели карать его за мятеж.

№5

МАРК АВРЕЛИЙ (161-180 гг.) I ЛУЦИЙ ВЕР (161-169 гг.)

(Флавий Евтропий, Коротка історія від заснування міста, VIII)

9. После него правил Марк Антонин Вер [Марк Аврелий, 161-180 гг.] из семьи несомненно знатнейшей, ибо он возводил свой род со стороны отца к Нуме Помпилию, а со стороны матери к царю Солентинскому³. Вместе с ним правил и Луций Анний Антонин Вер [Луций Вер, 161-169 гг.]. Тогда впервые римское государство управлялось двумя равными по власти императорами, а до того был один Август.

10. Они были едины между собой и родом и свойством. Ибо Вер Анний Антонин взял в жены дочь Марка Антонина, последний же был зятем Антонина Пия через жену Галерию Фаустину Младшую, свою двоюродную племянницу. Он вел войну против *парфян*, которые после побед Траяна тогда впервые восстали. Туда отправился Вер Антонин [т.е. Луций Вер]. Находясь в Антиохии и у границ Армении, он совершил много славного через полководцев своих. С 40 тыс. войском взял Селевкию..., за что удостоился триумфа. И вместе с братом своим, который приходился ему ещё и тестем, отпраздновал его. Умер Луций Вер в Венеции, когда ехал от города Конкордии к Альтину. Вместе с братом сидели они в одной повозке, как вдруг хватил его удар, — болезнь, которую греки называют апоплексией [т.е. кровоизлияние]. Муж он был не великой снисходительности, однако уважение к брату своему не позволяло ему показывать всю свою жестокость. Умер он на 11-м году правления...

11. После этого Марк Антонин [т.е. Марк Аврелий] управлял государством один. Муж, которому можно больше удивиться, чем хвалить. С самого начала своей жизни отличался... спокойствием настолько, что с детских лет лицо его не менялось ни в радости, ни в горе. Любил он стоическую философию и сам, не только образом жизни, но и познаниями своими был философом. Будучи ещё юношей, такое вызывал изумление, что Адриан хотел назначить его себе в преемники, но все же решил усыновить Антонина Пия затем, чтобы таким образом позже, по родственной линии, Марк Антонин смог получить императорскую власть.

12. Философии он учился у Аполлония Халкидонского, греческой литературе — у Секста Херонейского, внука Плутарха, латинскому языку — у знаменитого оратора Фронтоня. В Риме он поступал со всеми справедливо, высокое его положение не породило в нём гордыни; всегда он был готов оказать помощь. Провинциями он управлял заботливо и умеренно. Во время своего правления благополучно воевал с германцами. Он лично провел одну войну против маркоманнов*, но такую, какой до этого не было никогда, а потому и была уподоблена она войне Пунической. Ибо столь тяжёлой была, что однажды погибло всё римское войско. При этом разразилась такая чума, что после персидской победы большая часть людей в Риме, Италии и провинциях, а также почти всё войско обессилили.

13. Потому с великим трудом и лишениями, проведя три года в Карунтских горах, закончил он Маркоманнскую войну, в которой объединились против него *квады*, *вандалы*, *сарматы*, *свевы*, а также другие варвары⁴. Многие тысячи их он поразил и, освободив Паннонию, вернулся в Рим и отпраздновал триумф вместе со своим сыном Коммодом Антонином, который уже тогда был объявлен Цезарем*. На ведение этой войны потратил он всю государственную казну и, желая, чтобы об этом не узнали сенат и провинции, распродал по частям на Форуме Божественного Траяна предметы императорского обихода: золотые вазы, хрустальные и мурриновые бокалы, свои и жены шёлковые и золотые одежды, многие драгоценные камни. И целых два месяца шла эта распродажа и таким образом собрал он много денег. Однако, после победы возвратил он все деньги тем покупателям, которые согласились вернуть ему купленное, но не принуждал к этому тех, кто не пожелал расстаться с приобретённым.

¹ После усыновления Антонина Адриан потребовал, чтобы он усыновил Марка Аврелия и Луция Вера, что тот в том же 138 году и сделал. После усыновления Антонин женил Марка Аврелия на своей дочери Фаустине Младшей в 145 г., и в 146 г. провозгласил его своим соправителем. До вступления на трон Марк был назначен Антонином в консулы в 140 и 145 гг.

² Гиркания — плодородная местность к юго-востоку от Каспийского (Гирканского) моря.

³ Правильно Саллентинскому. *Саллентины* — племя, жившее в Южной Калабрии, юго-восточнее Тарента.

⁴ *Квады* — западногерманский союз племен. В I в. н.э. жили на территории современной Нижней Австрии, Моравии, Западной Словакии и Северной Венгрии. Играли активную роль в Маркоманнских войнах. *Вандалы* — восточногерманское племя. В I в. н.э. населяли территорию между Одером, Вислой, Судетами и Карпатами. Принимали активное участие в Маркоманнских войнах. *Сарматы* — обширная группа племен иранского происхождения. В I в. н.э. проживали на территории Северного Причерноморья и низовьях Дуная. *Свевы* — обширный союз западногерманских племен. В него входили: маркоманы, квады, алеманны, гермунды и др. В I—II в. населяли территорию Северной и Южной Германии вплоть до среднего Дуная.

14. Он разрешил высокопоставленным лицам устраивать пиры так же, как и у него и с тем же количеством прислуги. В устройстве зрелищ после победы был щедр настолько, что, говорят, вывел на арену 100 львов. И когда государство мужеством его и милосердием было приведено к процветанию, умер он на 18 году своего правления и 61 году жизни и всеми дружно был сопричислен к Богам.

(Секст Аврелий Виктор, Цезарі, XVI)

[Антонин Пий] ввёл в свою семью и в управление Империей Бойония — он же Аврелий Антонин — уроженца одного с ним города, столь же знатного, но значительно его превосходящего в области философии и ораторского искусства. Все его деяния и намерения как в мирное время, так и в военное, были божественны; однако они были омрачены недостойным поведением его супруги, нуждавшейся в сдерживании; она опустилась до такого недостойного поведения, что, проживая в Кампании, садилась на живописном берегу, чтобы выбирать для себя из числа моряков, которые обычно бывают голые, наиболее подходящих для разврата. Итак, Аврелий, как только тесть его умер близ Лориев в возрасте 75 лет, сейчас же сделал своим соправителем брата своего Луция Вера¹. Под его командованием велась война: с персами при царе Вологезе²; сначала победив, они (соправители) под конец отказались от триумфа. Через несколько дней после этого Луций умер. Это дало основание для вымысла, будто бы он стал жертвой козней своего родственника. Говорят, что он (т.е. Марк), недовольный исходом войны, совершил злое дело во время пира: намазав ядом одну сторону ножа, он разрезал им единственный кусок свиной матки; съев ломтик, он — как обычно между родными — дал другой, отравленный ядом, своему брату. Но поверить этому в отношении такого мужа могут только люди, сами склонные к преступлению. К тому же достаточно точно известно, что Луций умер в городе Альтине в области Венеции; Марк же обладал такой мудростью, мягкостью, честностью и так был предан науке, что когда он собирался с сыном своим Коммодом, которого сделал цезарем [в 176 г.], в поход против маркоманнов*, все учёные стали его убеждать, чтобы он не делал этого и не вступал в сражение, пока не изложит все возвышенные тайны, раскрытые им в философии, так неизвестность похода в этой войне заставляла опасаться за его благополучие и за судьбу его научных трудов. При его правлении столь процветали все добрые искусства, что я готов их признать за славу тех времен. ...Были разъяснены двусмысленности в законах; отменены... ежегодные явки в суд; введено... право объявлять о слушании тяжб или об их отмене в определенные дни, что очень удобно. Всем вообще было дано право римского гражданства³, много городов было вновь основано, много колоний выведено, восстановлено, украшено; прежде всего — Карфаген, сильно пострадавший от пожаров, затем Эфес в Малой Азии и Никомедия в Вифинии, разрушенные землетрясением, так же как в наше время Никомедия при консуле Цереале [в 358 г.]. Отпразднованы были триумфы над народами, которые при царе Маркомаре заселяли земли от паннонского города, имя которому Карнут, до Средней Галлии. Итак, на 18-м году правления, он, крепкий не по годам, умер в Виндобоне [совр. Вена], вызвав великий плач всего рода человеческого. Сенат и народ, по-разному относившиеся к другим правителям, ему одному согласно присудили храмы, жрецов, памятные колонны.

(Секст Аврелий Виктор, Записки про життя і нрави римських імператорів, XVI)

Марк Аврелий Антонин правил 18 лет [161-180 гг.]. Он обладал всеми добродетелями и божественным умом и являлся как бы защитником людей от всех общественных бедствий. Если бы он не родился в то время, то весь римский мир развалился бы в едином падении. Ведь никогда не было покоя от войн, они пылали по всему Востоку, в Иллирике, Италии, Галлии, бывали землетрясения, иногда поглощавшие целые города, разливы рек, частые эпидемии, пожирающая поля саранча; вообще нельзя себе представить ни одного народного бедствия, которое не свирепствовало бы во время его правления. Я уверен, что так установлено богами, что если по закону мироздания или природы... возникает нечто враждебное людям, все это может быть смягчено, точно лечебным средством, мудрыми решениями правителей. Родственника своего, Луция Анния Вера, он в виде милости... привлек к участию в управлении. Этот Вер на пути от Альтина к Конкордии⁴ умер на 11-м году правления от кровоизлияния, болезни, названной греками *απόπληξις* [апоплексія]. Его интерес был направлен к стихам и особенно к трагедиям, нрава он был сурового и разнузданного. После его смерти Марк Антонин управлял государством один...

№6

КОММОД (180-192 pp.)

(Флавий Евтропий, Коротка історія від заснування міста, VIII, 15)

Его [т.е. Марка Аврелия] наследник Луций Антонин Коммод не имел с отцом ничего общего, кроме, пожалуй, того, что также успешно сражался с германцами. Пытался он изменить название месяца сентября таким образом, чтобы он назывался *коммодием*. Будучи испорчен роскошью и высокомерием, часто появлялся во время зрелищ в одеянии гладиатора и даже бился в амфитеатре с подобного рода людьми. Умер он внезапно так, что думали будто он либо был задушен, либо отравлен ядом. После отца своего правил он 12 лет и 6 месяцев. И столь был всеми ненавидим, что назван был после смерти врагом рода человеческого.

(Секст Аврелий Виктор, Цезарі, XVII)

Сын его [т.е. Марка Аврелия] стал особенно ненавистным из-за жестокого управления с самого начала, особенно же из-за того, что предки его оставили о себе противоположную память, а она для потомков бывает так тягостна, что, помимо общей ненависти к людям безбожным, они представляются уж совершенно обреченными губителями своего рода. На войне он был деятелем;

¹ Луций Аврелий Вер (130-169 гг.) происходил из сенаторской фамилии выходцев из Этрурии, и был сыном Элия Вера. В 138 г. был усыновлен Антонином Пием. Марк Аврелий сделал Вера 7 марта 161 г. своим соправителем. Командовал кампанией против парфян в 163-166 гг., и участвовал в Маркоманской войне 168-169 гг.

² Парфянский царь Вологез III (147-192 гг.), с которым воевал Луций Вер. Эту кампанию Вер вел через легатов, хотя сам находился на Востоке. В результате успешных операций римляне захватили большую часть Месопотамии с парфянской столицей Ктесифоном. Однако в 166 г. в римской армии вспыхнула эпидемия чумы, а на северной границе началась война с маркоманнами*. Соправители пошли на заключение мира: римляне оставляли себе северо-западную часть Месопотамии и контроль над Арменией.

³ Это сведение ошибочно: согласно большинству источников, этот закон был издан Каракаллой в 212 г.

⁴ Конкордия — город в Северной Италии, в области Циспадана, недалеко от Равенны.

проводя её с успехом против *квადов*¹, он переименовал месяц сентябрь в *Коммодий*. Римские городские стены, едва ли уже соответствующие римскому величию, он использовал для строительства бань. Он обладал таким диким и свирепым характером, что часто убивал гладиаторов под видом оборонительной битвы, в то время как у него самого было оружие, снабжённое свинцовым острием². После того как он уже многих заколол таким образом, как-то раз гладиатор по имени Сцева, полагаясь на свою смелость, физическую силу и на искусство биться, отпугнул его от таких упражнений: он отбросил меч, признав его бесполезным, говоря, что достаточно для двоих того оружия, которым был вооружен сам Коммод. А тот испугался, как бы он не выхватил у него в бою кинжал — что бывает — и не заколол его, отпустил Сцеву, стал больше опасаться и других борцов и обратил свою ярость против диких зверей. Когда после этого все стали бояться его за его ненасытную кровожадность, против него составили заговор особенно близкие ему³, потому что никто не был предан ему, и даже сами его сподвижники считали его совратившимся и повреждённым в уме; сначала они, примерно на тринадцатом году его правления, применили против Коммода яд. Однако яд не подействовал из-за обильной пищи, наполнившей желудок; когда же, однако, у него появились боли в животе, то по предписанию медика, который стоял во главе заговора, он перешёл в палестру. Там мастер натираний⁴ — случайно тоже участник заговора — надавил ему локтем на горло, как бы занимаясь своим искусством, а тот от этого и умер. Узнав об этом, сенат, собравшийся с раннего утра по случаю январских празднеств в полном составе, а также и народ объявили его врагом богов и людей и постановили всюду стереть его имя. После этого сейчас же передали власть префекту города — Публию Гельвию Пертинаксу*.

(Секст Аврелий Виктор, Записки про життя і нрави римських імператорів, XVII)

Аврелий Коммод, сын Марка Антонина, и сам носивший то же имя Антонина, правил 13 лет [180-192 гг.]. Он с самого начала показал, каким он будет в дальнейшем: когда в последние часы отец его убеждал не дать оправиться сильно уже ослабленным варварам, он ему ответил, что человек, полный сил, хотя бы понемногу, но может выполнить разные дела, а мертвый ничего. Он всех превзошел жестокостью и сластолюбием, алчностью и грубостью, никому не был верен и особенно суров с теми, которых раньше возвысил почестями и щедрими дарами. Он настолько сбился с пути, что часто сражался на арене цирка с оружием гладиаторов. Полную власть получила над ним некая Марция⁵ из вольноотпущенниц, обладавшая выдающейся красотой и искусством продажной женщины; она поднесла ему чашу с ядом при выходе его из бани. В конце концов, он был задушен на 32-м году жизни сильнейшим гимнастом, допущенным в его покой.

VI. СОЦІАЛЬНО-ЕКОНОМІЧНІ ВІДНОСИНИ в I—II ст.

№1

КОЛУМЕЛЛА

ПРО СІЛЬСЬКЕ ГОСПОДАРСТВО, I, 1-9; II, 12; III, 3

Луцій Юній Модерат Колумелла (I в. н.е.) — уроженець Кадікса, сучасник імператора Нерона (54-68 pp.), автор трактату «Про сільське господарство» в 12 книгах.

Я слышу, как часто у нас первые люди в государстве обвиняют то землю в бесплодии, то климат в давней и губительной для урожая неравномерности. Некоторые даже как бы смягчают эти жалобы ссылкой на определенный закон; земля, по их мнению, усталая и истощённая роскошными урожаями старых времен, не в силах с прежней щедростью доставлять людям пропитание. Я уверен, Сильвин, что эти причины далеко отстоят от истины. Нечестиво думать, что природа, которую отец мира наделил вечным плодородием, постигнута, как некоей болезнью, бесплодием, и разумный человек не поверит, что земля, получившая в удел божественную и вечную юность и именуемая всеобщей матерью, потому что она и рождает всё и будет рождать и впредь, состарилась, будто человек. Я думаю поэтому, что дело не в небесном гневе, а, скорее, в нашей собственной вине. Мы отдаём сельское хозяйство, как палачу на расправу, самому негодному из рабов, а при наших предках им занимались наилучшие люди и наилучшим образом. ...Единственный чистый и благородный способ увеличить свое состояние — сельское хозяйство. Если им займутся люди несведущие, лишь бы они по старинному обыкновению сами были владельцами своих имений, то хозяйство потерпит меньше убытку: хозяйское старание во многом уравновесит ущерб от невежества. К тому же люди, которых что-нибудь близко касается, не пожелают слыть всю жизнь невеждами в своем деле и тем ревностнее и основательнее изучат сельское хозяйство. Теперь мы пренебрегаем самостоятельным ведением хозяйства у себя в имениях и не придаём никакого значения тому, чтобы поставить вилликом* человека опытного, а если уж и несведущего, то очень энергичного, который скоро ознакомится с тем, что ему неизвестно. Обычно если богатый человек покупает имение, то он отправляет туда из толпы своих слуг самого старого и слабого, тогда как такое дело требует не только знаний, но и молодости и физической крепости для несения работ. Человек среднего достатка приказывает сделаться управляющим любому поденщику, который совершенно не знает того дела, которым он будет распоряжаться, потому что он уже не в силах уплачивать свой ежедневный оброк и не может приносить дохода.

Замечая это и часто вновь и вновь раздумывая над тем, с каким безобразным единодушием заброшено и забыто сельское хозяйство, я начинаю бояться, нет ли в нём чего-нибудь позорного и некоторым образом постыдного для благородного человека или чего-нибудь бесчестного. Но множество сочинений убеждает меня, что в старину у нас занятие сельским хозяйством было делом славным...

Все мы, хозяева, как жаловался Варрон ещё во времена наших дедов, оставив серп и плуг, перебрались в город и предпочитаем работать руками в цирках и театрах, а не на полях и не в виноградниках... Здоровье наше вполне соответствует этой бездельности в жизни. У юношей тело настолько рыхло и вяло, что кажется смерти нечего в нём изменить. Боже мой. Подлинные потомки Ромула, всё время упражняясь в охоте и в полевых работах, отличались крепким здоровьем и силой. Они легко переносили,

¹ *Квады* — германское племя, ветвь *свевов*, размещалось между Карпатами и Средним Дунаем в совр. Богемии (Моравии).

² В гладиаторских школах гладиаторы обычно упражнялись с безопасным оружием, деревянным или затупленным свинцовым.

³ Речь идёт о заговоре 192 г., в котором участвовали спальник императора Эклект, префект претория Квинт Эмилиий Лет и наложница Коммода Марция.

⁴ Вольноотпущенник Нарцисс. Впоследствии он был казнён по приказу Септимия Севера за убийство Коммода.

⁵ Марция Аврелия Цейония Деметриада. Была унаследована Кодратом от Аннии Корнифиции (дочери Марка Аврелия), который, сделав Марцию своей любовницей, дал ей вольную. После заговора Луциллы 182 г. и казни Кодрата его имущество было конфисковано, и Марция попала к императору. Впоследствии она была убита по приказу императора Дидия Юлиана (193 г.).

когда это было нужно, трудности войны, будучи закалены в мирном труде, и всегда предпочитали сельское население городскому. Как в усадьбе дворовая челядь считалась ленивее рабов, которые работают в поле, так и те, кто без дела сидел в тени городских стен, казались бездельниками по сравнению с теми, кто возделывал поля и распоряжался работами земледельцев. Торговые сборища по девятым дням были, конечно, установлены для того, чтобы люди занимались городскими делами только по девятым дням, а во все остальные управлялись по сельскому хозяйству. В те времена, как я уже говорил, главари государства жили по деревням, и когда требовалось собрать государственное совещание, их приглашали в сенат из усадеб. Поэтому те, кто созывал их, и назывались *виаторами*.

Пока сохранялись эти обычаи, древние *сабиняне*, *квириты* и предки *римлян* своим упорным трудом над землёй добивались того, что с полей, по которым враг прошёл с мечом и огнём, собирали хлеба больше, чем мы, которым длительный мир дал возможность расширить наше хозяйство. Оказывается, что «в этом Лациуме и земле Сагуна», где боги научили своих детей добывать земные плоды, мы теперь, чтобы не голодать, сдаём подряды на подвозку хлеба из заморских провинций и прячем у себя виноград с Киклад, из Бетики и Галлии. Не удивительно, когда в обществе составилось и утвердилось ставшее ходячим мнение о том, что сельское хозяйство — дело грязное и что оно является занятием, для которого не нужно ни учения, ни руководства. Я же, рассматривая этот предмет во всём его объёме, как некое огромное тело, или перебирая, как по отдельным суставам, мельчайшие его части, всегда испытываю страх, что смерть застигнет меня раньше, чем я смогу постичь целиком всю науку о сельском хозяйстве. Человек, который пожелал бы объявить себя достигшим в ней совершенства, должен глубоко проникнуть в сущность явлений и хорошо ознакомиться со странами света, чтобы знать, что к какой местности подходит и что нет. Он должен держать в памяти дни восхода и захода звезд, чтобы не начать работ, когда грозят ливни и ветры, и не потратить труда зря. Он должен следить за особенностями погоды в текущем году, потому что она не всегда одинакова, как по расписанию. Лето и зима не приходят из года в год в одинаковом облике, весна не всегда бывает дождливой, а осень сырой, и предугадать все это не думаю, чтобы было можно без просвещённого ума и отменного образования. Уже немногие могут разобраться во всём разнообразии почв и в их свойствах, которые отказывают нам в одном и сулят другое.

Кому когда-либо удалось охватить целиком все отделы этой науки: понимать практику сева и пахоты, знать разные виды разнообразнейших земель (некоторые вводят в заблуждение своим цветом, некоторые — своими качествами; в одних странах хороша чёрная земля..., в других лучше мажущаяся и жирная; в некоторых, как, например, в Африке и в Нумидии, рыхлые пески превосходят своим плодородием самые сильные почвы, а в Азии и в Мизии наибольшие урожаи даёт плотная и вязкая земля). И при этом быть осведомлённым в том, чего не растёт на холме, чего на равнине, чего на участке возделанном, чего на лесистом, чего на сыром и травянистом, чего на сухом и засоренном. Кто к этому же понимает и в том, как сажать бесчисленные сорта лоз и деревьев и ходить за ними, как покупать и досматривать скот, ибо мы включаем животноводство в состав сельского хозяйства, хотя пастушья наука и стоит особо от земледельческой.

И само животноводство не представляет собой чего-либо единого: для лошадей нужно одно, для крупного рогатого скота — другое, для овец — третье. Возьмем одних овец: тарентинские требуют иного ухода, чем грубошерстные, так же как и козы, причём за комолами и редкошерстными козами смотрят иначе, чем за рогатыми и лохматыми, какие водятся в Киликии. Пастухи, которые ходят один за свиньями, а другой за поросятами, заняты разным делом, и им отводят разные пастбища. Голые и густошерстные свиньи требуют различного климата, различного воспитания и ухода. Оставим скот (в животноводство входит частью разведение домашней птицы и пчеловодство), найдётся ли человек столь прилежный, чтобы сверх всего перечисленного знать ещё все виды прививок, обрезок, применять на практике различнейшие способы ухода за плодами и овощами, уделять заботы стольким видам смоковниц и роз. Большинство пренебрегает даже более важными делами, хотя только перечисленное нами стало для многих источником немалых доходов. Луга, ивняки, заросли дрока и камыша требуют внимания, правда, малого, но все-таки внимания...

Ни усердный труд и опытность *виллика*, ни возможность и желание тратиться не имеют такого значения, как одно присутствие самого хозяина. Если он не будет часто появляться во время работ, то всё остановится, как в войске, когда нет полководца. Думаю, что это главным образом и имел в виду Магон Пуниец, начавший свою работу с такого предисловия: «Купивший имение пусть продаёт дом, чтобы не предпочитать городского жилья сельскому. Человек, которому городское обиталище более по сердцу, не нуждается в деревенском имении». Я не изменял бы этого совета, если бы его можно было соблюсти по нынешним временам. Но теперь большинство из нас оказывается часто отозванным и ещё чаще надолго задержанным погоней за магистратурами, и поэтому я и считаю самым удобным подгородное имение, куда даже занятый человек легко сможет ежедневно наезжать после занятий на форуме. Люди, покупающие отдалённые имения (не говоря уже о заморских), ещё при жизни как бы уступают своё имущество наследникам и, что ещё хуже, рабам. На дальнем расстоянии от хозяина они портятся и после совершённых проступков, поджидая себе смену, думают больше о грабеже, чем о работах по хозяйству.

Итак, я считаю, что имение следует покупать по соседству с городом, чтобы хозяин мог часто бывать в нём, а ещё чаще, чем бывать, посылать извещение о своём прибытии. Под этим страхом и *виллик* и вместе с ним все рабы будут ходить в страхе и не распустятся. Как только представится случай, хозяин должен пожить в деревне, причём жизнь эта не должна быть ленивой и праздной. Рачительному хозяину подобает во всякое время года по несколько раз обойти каждую полосу в своём имении, чтобы по листве деревьев, по травам или по уже поспевшим плодам иметь возможность здраво судить о свойствах почвы и знать, что может хорошо на ней расти. Есть старинное катонское изречение, что имение, где хозяин не сам учит тому, что следует делать, а слушается *виллика*, идёт прахом. Поэтому ещё предки наши завещали владельцу земли или тому, кто собирается покупать её, приложить все старания и узнать, какие места пользуются особой славой в округе, чтобы либо купить стоящее имение, либо избавиться от никчемного. Если судьба улыбнётся нам, то мы получим имение там, где климат здоров, а земля плодородна и представляет собой часть равнины, а частью холмы, полого спускающиеся либо к востоку, либо к югу и представляющие собой одни — поля, а другие — лесистые и суровые пространства. Оно будет неподалеку от моря или судоходной реки, чтобы можно было вывозить урожай и ввозить то, что куплено. Над равниной, распределённой между лугами, нивами, зарослями ивы и тростника, будут возвышаться постройки. На одних холмах не будет ни деревца, и мы отведём их под посевы, которые, впрочем, лучше идут на равнинах, в меру сухих и жирных, чем на крутизнах. Поэтому даже высокие места, отведённые под хлеба, должны образовывать плоское пространство, спускаться совсем полого и вообще как можно больше напоминать равнину. Другие же холмы оденутся оливами, виноградными лозами и растениями, которые впоследствии пойдут для них на podporки.

Пусть они доставляют нам дерево и камень, если необходимость заставит нас строиться, а скоту — пастбище и дают начало ручьям, сбегаящим на луга, огороды и заросли ивы, а также ключам, бьющим в усадьбе. Пусть будут у нас стада крупного скота и других животных, пасущихся в чащах и на обработанных пространствах. Но имение, которое расположено таким образом, трудно найти, и редко кому оно достается на долю. Ближе всего к нему то, которое имеет большую часть перечисленных выше

свойств; сносно то, в котором есть хоть некоторые... Удобная дорога приносит имению большую пользу; во-первых, она обеспечивает самое важное — присутствие хозяина, который будет ездить охотнее, не боясь дорожных беспокойств; во-вторых, ввоз и вывоз необходимых предметов. Это обстоятельство поднимает цену на собранный уже урожай и уменьшает расходы на предметы ввоза потому, что их дешевле довести в такое место, куда доставка не составляет труда.

Мы к прочим советам прибавим тот, который один из семи мудрецов возвестил на вечные времена грядущим поколениям: «Следует соблюдать меру в вещах». Эти слова следует помнить как завет не только тем, кто занят какими-нибудь делами, но и тем, кто собирается обзавестись имением: пусть не стремится покупать земли больше, чем это по средствам. Сюда именно относится прекрасная мысль нашего поэта:

Восхваляя обширные пашни,
Над невеликой трудись.

Будучи человеком образованнейшим, он... вычеканил в этих стихах это из древности идущее правило; ещё у *пунийцев*, народа весьма проницательного, говорилось: «имение должно быть слабее хозяина», потому что если с ним придётся вступить в борьбу и оно окажется сильнее, то хозяину придётся плохо. Несомненно, что огромное худо возделанное пространство даёт меньше, чем маленький превосходно обработанный участок. Поэтому те семь лициниевых *югеров*, которыми после изгнания царей народный трибун наделил всех подушно, и приносили в старину больше дохода, чем мы получаем сейчас от наших обширнейших нив... В приобретении земель, как и во всяком деле, должна быть тоже мера. Иметь в своём владении следует столько, сколько нужно, чтобы производить впечатление людей, которые купили землю для того, чтобы стать её господами, а не взваливать бремя на себя самих и вырывать у других возможность пользоваться этой землёй. Так делают обычно вельможи, владеющие целыми странами, которых они не могут даже обойти и которые оставляют на вытаптывание стадам и опустошение диким зверям или держат там обязанных им граждан и рабов-колонников. Мэру эту укажут каждому его желание и его средства. Недостаточно ведь, как я уже сказал раньше, одного желания владеть землей, если не можешь её обработать.

...Не довольствуясь, однако, авторитетом старых хозяев и наших современников, сделаемся примером сами для себя и попробуем производить новые опыты. Это выходит иногда, правда, в отдельных случаях, убыточно, но в общем оказывается всё-таки выгодным, потому что всякая полоска принесёт доход, если владелец после многочисленных проб добьётся того, чтобы выращивать на ней как раз то, что пойдёт там всего лучше. При таком способе ведения хозяйства даже плодороднейшие поля приносят больше пользы. Поэтому никогда не следует забрасывать опытов во всем их многообразии и особенно смело надо действовать на хорошей земле, так как здесь ни труды, ни расходы не пропадут зря.

Части усадьбы по своим размерам и по своему числу должны быть соразмерны со всей усадьбой в целом. Она делится на три части: господскую, чёрную и службу. Господская половина в свою очередь распадается на зимнюю и летнюю: зимние спальни смотрят на зимний восток, а столовые — на равноденственный запад. Летние же спальни смотрят на равноденственный юг, а столовые — на зимний восток. Бани обращены к летнему западу, чтобы солнце освещало их с полудня и до самого вечера. Галереи для прогулок лежат на равноденственный юг, чтобы зимой солнца в них было как можно больше, а летом как можно меньше. На черной половине устраивается большая и высокая кухня, чтобы стропилам не грозил пожар и чтобы рабы могли круглый год с удобством для себя проводить там время. Помещения для рабов, которые ходят на свободе, лучше всего делать на равноденственный юг; для закованных, если их много, устраивают вполне здоровый подвал; он освещается узкими окошечками, настолько поднятыми от земли, что дотянуться до них рукой невозможно. Для скотины делаются сараи, в которых она не будет страдать ни от холода, ни от зноя; у рабочих волов должно быть два хлева — зимний и летний; для прочих животных, которых принято держать в самой усадьбе, устраиваются частью крытые помещения, частью открытые, огороженные высокими стенами загоны: в первых они проводят зиму; в других отдыхают летом не боясь свирепости диких зверей...

Виллик должен жить возле ворот, чтобы наблюдать за входящими и выходящими, а *прокуратор* — над воротами по тем же самым причинам и потому, что *виллик* должен быть у него всегда на глазах. В непосредственной близости к ним обоим стоит сарай, куда сносится весь сельский инвентарь; в этом сарае должно быть одно отделение, которое запирается и куда складывают все железные орудия. Помещения для пастухов и пахарей расположены возле хлевов, чтобы им удобнее было выходить досматривать свой скот. Все рабы должны жить как можно ближе друг от друга, чтобы *виллик*, обходя различные части усадьбы, в своём усердии не разрывался во все стороны и чтобы каждый был свидетелем старательности и лености другого. Службы включают в себя: погреб для масла, давильню, винный погреб, помещение для варки дефрута, сеновал, склады для мякины, кладовые для вина и амбары... Хорошо иметь такую баню, где рабы мылись бы, но только по праздничным дням: частое пользование баней не содействует физической крепости.

...Когда всё таким образом устроено, требуется, чтобы господин проявлял наибольшую заботу обо всём, и особенно о людях. Последние — или *колоны*, или *рабы*, свободные от оков, или закованные. Пусть он будет добр и сговорчив с *колонами*. Пусть более строго требует работы, чем платежей, что и менее обременительно для *колоны* и в общем более полезно. В самом деле, там, где поле тщательно возделывается, обычно оно приносит доход и никогда — если не вмешивается стихийное бедствие или насилие грабителя — убыток, и *колон* не смеет просить отсрочки. Но и господин в каком-нибудь деле, в котором обязал *колоны*, не должен упорно настаивать на своём праве, как, например, на дне платежа, в требовании дров и других мелких поставок, забота о которых отнимает у сельских жителей больше забот, чем расходов. Не подобает нам быть слишком требовательными, ибо древние считали наивысшую законность наибольшей пыткой. С другой стороны, не следует во всем уступать... На нашей памяти старый *консуляр* и богатейший человек Л. Волузий утверждал, что наиболее хорошо для владельца то имение, *колоны* которого в нём и родились и с колыбели привязаны к нему долгой привычкой, как бы к отцовским владениям. Также и по-моему плохое дело — частая сдача имения в аренду, но еще хуже — это *колон-горожанин*, который обрабатывает землю не сам, а через своих рабов. По словам Сазерны, такой человек приносит не платежи, а тягбу. Поэтому следует стараться удержать *колонов* оседлых и сельских уроженцев, если нам самим при посредстве наших рабов обработка земли невыгодна, но это имеет место лишь в тех районах, где климат нездоров и земля бесплодна. Когда же климат относительно здоров и земля неплоха, каждый сам и даже его *виллик* тщательнее обработает свою землю, чем *колоны*, если только не помешает из ряда вон выходящая небрежность или вороватость *раба*. Оба эти порока, несомненно, возникают или процветают обычно по вине господина, которому надлежит или не ставить такого *раба* во главе дела, или позаботиться снять его с занимаемой должности.

В отдалённых имениях, куда владельцу трудно навещать, все категории земли будут в лучшем состоянии, если обрабатывают свободные *колоны*, чем *виллики-рабы*, особенно же хлебные поля, которые гораздо меньше, чем виноградники и деревья, деградируют от хозяйничанья *колонов* и наиболее терпят ущерб от *рабов*, которые сдают на сторону быков, *рабы* плохо пасут их и

прочий скот, не переворачивают тщательно землю, указывают гораздо больший расход зерна, чем они его действительно засеяли, не ухаживают за посевами, чтобы они дали хорошие всходы; количество зерна, собранного на ток для молотыбы, они ежедневно уменьшают плутовством или небрежностью, так как и сами его крадут, и от других воров не охраняют. Собранный они не вписывают честно, в книги, и так выходит, что и управляющий, и *рабы* грешат, и земля становится всё хуже. Поэтому такого рода имения, если, как я сказал, хозяин будет отсутствовать, я считаю, следует сдать.

Далее следует позаботиться о *рабах*, назначить, кого поставить во главе какого дела, кого и на какие назначить работы. Напоминаю, что не следует назначать *вилка* из тех *рабов*, которых внешность нам понравилась, а также из тех, кто служил в городе потребностям в роскоши. Эти *рабы* беспечны, нерадивы, привыкли к досугу, цирку, театру, игре в кости, трактирам, публичным домам, постоянно мечтают об этих непотребствах, и, если перевезут их в деревню, господин потерпит ущерб не столько даже в отношении раба, сколько во всём своём имуществе. Следует избрать на должность *вилка* раба, с детства закалившегося в сельских работах и проверенного на опыте. Если такового не будет, пусть будет назначен из тех *рабов*, которые были в рабстве трудолюбивы. Это должен быть человек не в ранней юности и не достигший старости. Первый не будет иметь авторитета для начальствования, так как старшие пренебрегут повиновением подростку, второй падёт под бременем трудной работы. Итак, пусть будет средних лет, сильный, опытный в сельском хозяйстве или хотя бы очень стремящийся как можно скорее научиться ему. Дело не пойдёт, если один будет приказывать, а другой учить, и не может правильно заставлять работать тот, кто вынужден учиться у подчиненных, что и как делать. Может и неграмотный, лишь бы у него была крепкая память, достаточно хорошо управлять делом. Такого рода *вилки*, как говорил Корнелий Цельс, чаще приносит господину деньги, чем счётные книги, так как, не умея писать, и сам менее способен составлять подложные счёта и не решится привлечь к этому другого, боясь сообщника. Любому *вилку* следует назначить сожительницу, к которой он привяжется и которая будет ему помогать в некоторых делах. Управителю следует внушить, чтобы он не устраивал пирушек с кем-либо из домашних и тем более из посторонних. Однако иногда он может того, кого он знает как всегда старательного и хорошо работающего, в праздник допустить к своему столу, дабы оказать ему честь. Пусть не совершает он жертвоприношений без приказа господина, не принимает предсказателей и чародеев, которые двумя родами пустых суеверий толкают простые души на расходы, а затем и на постыдные дела. И пусть он не посещает ни город, ни какие-либо рынки, кроме как для необходимых покупок и продаж. *Вилки*, как говорил Катон, не должен быть бродягой и не выходить за пределы имения, разве лишь чтобы научиться новому виду культуры, да и то если по соседству, откуда можно быстро возвратиться. Пусть не дозволяет делать в поле тропинки или новые межи и не принимает гостей, за исключением друзей и близких господина. Предостерегая его от всего этого, его следует заставить заботиться об инвентаре и орудиях; пусть наблюдает, чтобы их было отремонтировано и сложено вдвое больше, чем сколько требуется по числу *рабов*, дабы не приходилось чего-либо занимать у соседа, так как затрата на такую вещь принесет меньше убытка, чем если раб оторвется от работы. Пусть одевает *рабов*, заботясь более о пользе, чем об изяществе, заботится, чтобы они были в безопасности от ветра, холода и дождя. От всего этого защищает одежда из кожи с рукавами, из одеял и плащи с капюшонами. В ней можно при любой погоде работать на открытом воздухе. Он должен не только быть мастером в полевых работах, но и обладать душевными добродетелями, насколько они доступны рабской природе, чтобы управлять без попустительства и без жестокости. И пусть всегда поощряет кое-кого из лучших, но щадит и худших, так чтобы скорее боялись его строгости, чем ненавидели за жестокость. Он сможет этого достичь, если будет скорее предупреждать ошибки своих подчинённых, чем наказывать провинившихся из-за его же небрежности. Самая же лучшая мера предупреждения даже и в отношении самого негодного человека — чтобы *вилки* постоянно наблюдал за ним и требовал неукоснительно исполнения данной ему работы. Таким образом, и надзиратели над отдельными работами будут прилежно выполнять свои обязанности, и остальные после утомительной работы охотнее предадутся покою и сну, чем развлечениям.

О, если бы могли восстановиться ныне утраченные наилучшие нравы: чтобы надзиратель использовал своего товарища по рабству только для нужд господина, чтобы принимал пищу лишь на виду у *рабов* и только такую, какая даётся и остальным. Тогда бы он заботился, чтобы и хлеб тщательно изготовлялся и остальное было полезно для здоровья! Пусть не дозволяет никому выходить за границы имения, кто не послан им, но и сам пусть посылает лишь в случае крайней необходимости. Пусть он не ведёт сам торговлю и не тратит господские деньги на скот или на другие покупные вещи. Такие дела отвлекут заботы *вилка*, и он не сможет точно вести счёта господина, и когда у него потребуют деньги, он представит вместо монет вещи. Главным же образом следует достичь того, чтобы *вилки* не воображал, что он знает то, чего он не знает, и всегда старался научиться тому, что ему неизвестно. Ибо если приносит большую выгоду сделанное правильно, то ещё более приносит вреда сделанное плохо. Самое главное в сельском хозяйстве делать лишь один раз то, что требуется для хорошей обработки... В отношении прочих *рабов* следует соблюдать следующие правила, руководствуясь которыми я никогда не раскаивался: так, я чаще и более фамильярно разговариваю с сельскими *рабами*, особенно хорошо себя проявившими, чем с городскими; и, так как я знаю, что такое мягкосердечие господина облегчает их постоянный труд, я иногда даже шучу и, более того, разрешаю пошутить и им самим. Часто я делаю вид, что советуюсь с ними, будто с более опытными, о каких-нибудь новых работах и, таким образом, узнаю способности каждого и в какой мере кто из них сообразителен. Я вижу, что они охотнее приступают к тому делу, которое было с ними обсуждено и в котором, как они думают, был принят их совет. Всем следует взять за правило осматривать *рабов* в *эргастуле*, исследовать, тщательно ли они закованы, достаточно ли надёжно и укреплено само место заключения, не заковал ли или не освободил ли кого-нибудь *вилки* без ведома господина. Ибо следует особенно соблюдать два условия: чтобы того, кого господин присудил к такому наказанию, *вилки* не освобождал от колодок без его дозволения, и чтобы того, кого *вилки* заковал по собственному побуждению прежде, чем он доложил об этом господину, он не освобождал. Господин должен с особым вниманием исследовать положение этой категории *рабов*, не чинят ли им несправедливости в отношении одежды или в чём другом, что они должны получать. Это особенно необходимо потому, что, будучи подчинены многим — *вилкам*, надзирателям за работами, тюремщикам, — они обречены терпеть больше несправедливостей и, оскорблённые жестокостью и жадностью, становятся более опасными. Таким образом, рачительный хозяин должен узнавать и у них самих, и у незакованных *рабов*, которым можно больше доверять, получают ли они то, что им установлено. И он должен сам попробовать, хорош ли вкус хлеба и напитка, обследовать состояние их одежды, обуви, наручников. Он должен часто предоставлять им возможность принести жалобу на тех, кто с ними жесток или недобросовестен. Мы мстим за тех, кто действительно обижен, и, с другой стороны, караем тех, кто подстрекает *рабов* к мятежам, кто клеветает на своих начальников, и, наконец, награждаем прилежных и достойных. Также более плодовитым женщинам в честь численности их потомства мы предоставляли досуг, а иногда и свободу, если они взрастили нескольких детей. Той, у которой трое детей, подобает освобождение от работ, а у которой больше — отпуск на волю. Такая справедливость и заботливость владельца во многом способствует увеличению имущества...

Следует ещё сказать, какие качества тела и души нужны для таких работников. Надсмотрщиков за работами следует назначать бдительных и самых честных. Оба эти свойства для данной обязанности важнее, чем сила и телосложение. Погонщику быков

недостаточно обладать удовлетворительным умом, если он не сможет внушить страх скоту громким голосом и внешним видом. Но он должен умерять силу милосердием, он должен быть скорее страшен, чем жесток, чтобы быки были ему покорны и жили дольше, не будучи истощаемы одновременно трудом и ударами. Но каковы обязанности надсмотрщиков и погонщиков быков, я ещё скажу в своём месте. Здесь довольно указать, что для вторых главное значение имеют сила и крепкое телосложение, не важные для первых... Простой работник может быть любого телосложения, лишь бы он мог переносить работу. Виноградники требуют не столько высоких мужчин, сколько широкоплечих и мускулистых. Ибо при таком сложении они будут наиболее способны окапывать и обрезать лозы и исполнять другое, требуемое этой культурой. В этом деле, менее чем в других сельскохозяйственных работах, требуется честность, так как виноградари работают совместно и под надзором надсмотрщика. И большей частью негодяи обладают более живым умом, который необходим по условиям этих работ. Ибо они требуют работника не только сильного, но и сообразительного. Поэтому виноградники обычно возделываются закованными рабами. Однако при одинаковом уме честный человек сделает лучше, чем негодяй. Я это упомянул, чтобы никто не заключил, будто, по-моему мнению, лучше обработают землю злодеи, чем невинные люди. Но я считаю, что не следует смешивать обязанности рабов, чтобы все исполняли всё. Это будет очень невыгодно для хозяина, потому что никто не будет считать какую-нибудь работу своей и потому что тот, кто старается, приносит пользу не своей, а общей работе, а вследствие этого большей частью отлынивает от работы. Кроме того, когда кто-нибудь делают многие, нельзя выявить того, кто делает плохо. Поэтому пахари должны быть отделены от виноградарей, а те — от простых работников. Следует составить группы, не более чем по десять человек, которые древние называли *декуриями* и очень их одобряли, так как над таким числом людей наиболее удобно надзирать во время работы, поскольку бдительность идущего впереди надсмотрщика не будет рассеиваться из-за многочисленности толпы. Если земля велика, эти группы следует отвести в разные её части и так разделить работу, чтобы люди не работали по одному и по два, так как, когда они разбросаны, за ними нелегко наблюдать. Их не должно быть и более десяти, чтобы опять-таки, там, где большая толпа, отдельные рабы не считали, что та или иная работа к ним не относится. Такая организация не только возбуждает соревнование, но и помогает уличить ленивых. Дело идёт лучше при соперничестве, и наказание бросающих работу представляется справедливым и не вызывает жалоб...

Высчитаем теперь число дней, нужных для получения урожая. Для 4-5 *модиев* пшеницы требуется 4 рабочих дня погонщика быков, 1 — для боронования, 2 дня — для первой и 1 день — для второй прополки и 1½ дня — жнеца, что составляет всего 10½ дней... Имение в 200 *югеров* может быть обработано двумя упряжками быков, двумя пахарями и шестью простыми работниками, если на земле нет деревьев. Если же эта земля заросшая деревьями, то, по мнению Сазерны, она будет хорошо возделана, если прибавить ещё трёх человек. Наш расчёт показывает, что одной упряжки быков довольно для 125 *модиев* пшеницы и того же количества овощей... посевы, требующие четырехкратной вспашки, берут 115 дней работы на 25 *югеров*... Можно определить в 45 число дождливых и праздничных дней, когда не пашут¹, и ещё 30 дней, в течение которых отдыхают, окончив сев; итак, всего вместе мы имеем 8 месяцев и 10 дней. Следовательно, останется еще в году 3 месяца и 25 дней, которые идут на сев зерна, вызревающего за 3 месяца, завоз сена, соломы, навоза и прочее нужное.

Теперь, прежде чем говорить о посадке лоз, я считаю нелишним... рассмотреть вопрос, обогащает ли виноградарство хозяина. Излишне... давать советы относительно разведения виноградников, пока с нами не согласились по основному пункту, а именно: следует ли их вообще иметь. В этом как раз большинство сильно сомневается: многие боятся и избегают виноградного хозяйства и считают более желательным иметь луга и пастбища или леса, что идёт на сруб; что касается виноградника, в котором лозы выются по деревьям, то относительно его между сельскохозяйственными писателями шла немалая война. Отрицательно относился к этой отрасли сельского хозяйства Сазерна, Скрофа же очень её одобрял; эти мнения мы оценим в своём месте. Пока же прежде всего следует научить людей, заинтересованных в сельском хозяйстве, тому, что виноградники могут давать богатейший доход. Я не буду даже говорить о древнем плодородии земли, когда, по словам Марка Катона, а за ним и Теренция Варрона, один *югер* виноградника давал по шестисот *урн* вина, — Варрон в первой книге своего сочинения о сельском хозяйстве настойчиво утверждает в этом. Такие урожаи были обычны не для какой-нибудь одной области: они бывали и в Фавентинском округе и в Галльском (теперь он относится к Пицену). Но и сейчас, в наше время, громкой славой пользуется Номентанская область, и особенно имение Сенеки, человека выдающегося ума и знаний. Известно, что в поместьях его каждый *югер* виноградника давал обычно по восьми *мехов* вина. Чудом может показаться случай в наших церетанских имениях, когда у тебя на одной лозе оказалось больше двух тысяч гроздей, а у меня восемьдесят лоз, привитых в течение двух лет, принесли полных семь *мехов* вина. Так что виноградник в первый же свой урожай дал с *югера* по сто *амфор*, между тем считается, что если луга, пастбища и леса принесут дохода по сто *сестерциев* с *югера*, то это самое большое, чего от них может ожидать хозяин. Чтобы хлеба в большей части Италии давали когда-нибудь урожай сам-четыре, это едва ли можно припомнить.

Почему же виноградники так обесславлены? Не они, конечно, виноваты в этом, а люди, замечает Грецин. Во-первых, никто не прилагает старания к тому, чтобы проверить качество саженцев, и от этого большинство засаживает виноградники самыми скверными сортами; затем за молодыми лозами смотрят так, что, прежде чем окрепнуть и подняться, они начинают чахнуть, а если случайно им удаётся войти в силу, то уход за ними небрежен. Во всех своих прегрешениях или по крайней мере в большинстве из них хозяева готовы обвинить кого угодно, но только не себя, и жалуются, что им не приносят урожая виноградники, которые они погубили своей скупостью, невежеством или небрежностью. Пусть хозяин, который сочетает в себе знания и старательность, получит с каждого *югера* не сорок или по крайней мере тридцать *амфор*, как я считаю, а двадцать, по расчёту Грецина, берущего минимум, и тогда своим доходом он легко превзойдёт всех, кто носится со своим сеном и овощами. И Грецин тут не ошибается: как хороший счетовод, он, проведя подсчёт, видит, что эта отрасль сельского хозяйства особенно выгодна.

Пусть виноградники требуют очень больших расходов. Однако на семь *югеров* не понадобится больше одного виноградаря. Обычно считается, что его можно приобрести за гроши, купив на публичных торгах любого негодяя. Я расхожусь с мнением большинства и считаю, что прежде всего должен быть превосходный виноградарь. Пусть он стоит восемь тысяч *сестерциев* — сумма, в которую обойдется сам участок в семь *югеров*. Лозы вместе со всем, что для них требуется, т.е. с кольями и прутьями для обвязки, обойдутся, я считаю, в две тысячи на каждый *югер*; в общем расход равняется 29 тыс. *сестерциев*. Накинем сюда 3 480 *сестерциев*, которые можно было бы получить с этого капитала, поместив его по 6% на 2-летний срок, в течение которого виноградники как бы переживают период детства и не дают плода. Капитала с процентами выходит всего 32 480 *сестерциев*. Если хозяин, как ростовщик кредитору, одолжит такую сумму винограднику с расчётом на вечную выплату 6%, то его годовой доход должен равняться 1 950 *сестерциям*. При этом расчёте, однако, оказывается, что доход с 7 *югеров*, если верить Грецину, превос-

¹ ...дней, когда не пашут — в праздничные дни, по свидетельству Колумеллы, также выполнялся ряд работ: расчищались ручьи, пруды, каналы, сажались изгороди, купался скот, выжигались кусты, обрабатывались взятые в аренду виноградники и оливковые рощи, косились луга, выравнивался навоз, завозилось сено, изготовлялся сыр, приносились и привозились деревья для посадки и т.п.

ходит проценты, доставляемые 32 480 *сестерциями*. В самом деле, пусть в винограднике будут самые плохие сорта. При хорошем уходе, однако, каждый *югер* даст во всяком случае по одному *меху* вина; при самых дешёвых ценах на вино *мех* продается по 300 *сестерциев*; 7 *мехов* дадут, следовательно, 2 100 *сестерциев* — эта сумма уже превосходит шестипроцентный прирост с капитала.

Приведённый нами расчёт повторяет цифры Грецина. Но мы считаем, что виноградник, *югер* которого даёт меньше трёх *мехов*, следует выкорчевать. Кроме того, мы... не принимали во внимание чубуков, которые добывают из виноградника. Если дело происходит не в провинции, а в Италии, то доход с них покрывает всю сумму, истраченную на покупку земли. Никто не усомнится в этом, если просмотрит расчёты Юлия Аттика и мои. Я рассаживаю на *югере* виноградника между рядами двадцать тысяч чубуков; он сажает на четыре тысячи меньше. Допустим, что он прав; всё равно не окажется ни одного, даже самого плохого, места, доход с которого не превысил бы вложенных в него денег. Пускай шесть тысяч саженцев погибнут от небрежного ухода; оставшиеся десять покупатель купит охотно и с прибылью для себя за три тысячи *сестерциев*. Сумма эта на одну треть превысит те 2 тысячи, в которые... обходится один *югер* виноградника. Я, правда, дошёл до того в своём уходе за саженцами, что сельские хозяева с удовольствием платят мне по 600 *сестерциев* за тысячу их. Этого, правда, вряд ли сумеет добиться ещё кто-нибудь; вряд ли кто-нибудь поверит, что я получаю со своего именища столько вина... Поэтому я и поставил среднюю и обычную цену на саженцы, чтобы разногласия были невозможны и чтобы я мог скорее перетянуть на свою сторону тех, кто по невежеству боится заниматься виноградниками. Доход с посадок и надежда на будущие урожаи должны побуждать нас к тому, чтобы мы разводили их...

№2

ЛУКИАН, СНОВИДІННЯ, АБО ЖИТТЯ ЛУКІАНА, 9

Лукиан (120-180 pp.) народився в Самосаті, і Сирії, освіту одержав в Афінах, автор численних літературних творів, написаних головним чином в діалогічній формі або формі трактатів. Ф. Енгельс називав його Вольтером Античності, тому що у творах Лукіана сильна вільнодумна тенденція. Найбільш відомі твори: «Діалоги богів», «Про смерть Перергіна».

«Дитя моє, я — Образованность, к которой ты ведь уже привык и которую знаешь... Первая женщина предсказала тебе, какие блага ты доставишь себе, если сделаешься каменотёсом. Ты станешь самым простым ремесленником, утруждающим своё тело, на котором будут покоиться все надежды твоей жизни; ты будешь жить в неизвестности, имея небольшой и невзрачный заработок. Ты будешь недалёк умом, будешь держаться простовато, друзья не станут спорить из-за тебя, враги не будут бояться тебя, сограждане — завидовать. Ты будешь только ремесленником, каких много среди простого народа; всегда ты будешь трепетать перед сильным и служить тому, кто умеет хорошо говорить; ты станешь жить, как заяц, которого все травят, и сделаешься добычей более сильного. И даже если бы ты оказался Фидием или Поликлетом и создал много дивных творений, то твоё искусство все станут восхвалять, но никто, увидевши эти произведения, не захочет быть таким, как ты, если он только в своём уме. Ведь все будут считать тебя тем, чем ты и окажешься на самом деле — ремесленником, умеющим работать и жить трудом своих рук... Ты решаешься надеть какой-то грязный хитон и принять вид, мало чем отличающийся от раба. Ты собираешься сидеть, согнувшись над работой, имея в руках лом, резец и молот или долото, склонившись над работой и живя низменно и обыденно, никогда не подымая головы и ничего не замышляя, что было бы достойно свободного человека, заботясь только о том, чтобы работа была исполнена складно и имела красивый вид, а вовсе не о том, будет ли в тебе самом развита душевная гармония и стройность, точно ты ценишь себя меньше своих камней».

№3

НАДПИСИ З АЛЬЮСТРЕЛЯ В ІСПАНІЇ

Обидва надписи представляють собою фрагменти імператорських рескриптів, регулюючих порядки на рудниках і їх експлуатацію.

1) Проценты со сделки по серебряному руднику

Арендатор тех сделок, которые заключаются с аукциона в пределах Випаскского рудника, за исключением тех, которые совершает прокуратор рудников по приказу императора, должен получать 1% с продавца. Со стоимости копей, которые будет продавать прокуратор рудников, арендатор не имеет права требовать 1%. Если при назначении аукциона всё будет продано вместе, то тем не менее продавец обязан выплатить 1% арендатору, его компаньону или уполномоченному. Если арендатор, его компаньон или уполномоченный пожелают получить гарантию от продавца, тот обязан её дать. Арендатор, его компаньон или уполномоченный имеют право взыскать 1% также с той суммы, какая будет получена на аукционе. Тот, чьё имущество будет у аукциониста, если аукционист ни за кем не оставит его на торгах, а продаст, согласно условию, в течение десяти дней по сдаче аукционисту, он тем не менее обязан отдать 1% арендатору, его компаньону или уполномоченному. Если то, что, согласно этой статье закона, будет причитаться арендатору, его компаньону или уполномоченному, не будет отдано, возмещено или выплачено в трёхдневный срок с момента возникновения долга, оно должно быть отдано в двойном размере.

2) Правила продажи с торгов

Арендуемый продажу с торгов обязан предоставить аукциониста в пределах рудников. С того, кто производит продажу на 50 или менее *денариев*, взимается плата в размере 2%; с того, кто производит продажу более чем на 100 *денариев*, — 1%. Тот, кто будет продавать рабов, если продаст их 5 или меньшее число, обязан выдать арендатору, его компаньону или уполномоченному поголовную плату по ... денариев с каждой головы; если продаст большее число, то по 3 *денария*. Если какое-либо имущество будет продавать или сдавать в аренду *прокуратор* рудников от имени фиска*, то арендатор, его компаньон или уполномоченный обязан предоставить для этого имущества аукциониста. Тот, кто выставит описание какого-либо имущества для продажи, обязан уплатить арендатору, его компаньону или уполномоченному 1 *денарий*. Покупатель копей, которые продаст прокуратор рудников, обязан уплатить 1%. Если он не уплатит этого в 3-дневный срок, то обязан уплатить вдвое. Арендатору, его компаньону или уполномоченному предоставляется право брать залог. Тот, кто продаст через аукциониста мулов, самок мулов, ослов, ослиц, копей, кобыл, обязан уплатить по 3 *денария* с каждой головы. Тот, кто передаст аукционисту рабов или другое какое-либо имущество, и аукционист продаст, согласно условию, в течение 30 дней, обязан уплатить арендатору, его компаньону или уполномоченному столько же.

3) Аренда бани

Арендатор бани или его компаньон обязан всецело на свой счёт топить арендованную им баню ежедневно вплоть до самого кануна июльских *календ* и предоставлять её с восхода солнца до седьмого часа дня женщинам, а с восьмого часа до второго часа ночи мужчинам по усмотрению *прокуратора*, ведающего рудниками. Воду, протекающую из подпольных печей до самого верхнего бака и в бассейн, следует исправно предоставлять как мужчинам, так и женщинам. Арендатор должен брать с каждого мужчины по *пол-асса*, а с каждой женщины — по *ассу* медью. Освобождаются от платы отпущенники и рабы Цезаря, состоящие при *прокураторе* или получающие от него содержание, а также дети и солдаты. Арендатор, его компаньон или уполномоченный обязан по истечении срока аренды сдать в целости инвентарь бани и всё, что к ней относится, за исключением того, что испортится от старости. Находящиеся в пользовании медные сосуды должны быть в каждый тридцатый день исправно вымыты, вычищены и намазаны свежим жиром. Если в силу непреодолимых обстоятельств или несчастного случая окажется невозможным должным образом мыться, арендатор должен сделать соответственный пересчёт арендной платы. В других случаях, а также если он сделает что-нибудь для улучшения бани, он не должен делать никакого пересчёта. Арендатору не разрешается продавать никаких дров, кроме обрубок ветвей, негодных для плавильной печи. Если он сделает что-либо в нарушение этого, он обязан уплатить *фиску* по 100 *сестерциев* за каждый воз. Если данная баня будет действовать неисправно, то прокуратору рудников предоставляется присуждать арендатора к штрафу каждый раз, как она будет действовать неисправно, до 200 *сестерциев*. Арендатор должен иметь постоянно запас дров, достаточный на ... дней.

4) Аренда сапожного дела

Кто сделает что-либо из обуви или ремней, относящееся к сапожному ремеслу, забьёт сапожный гвоздь или продаст или же будет уличён в том, что он продал в пределах рудника что-либо иное, что должны продавать сапожники, тот должен уплатить арендатору, его компаньону или уполномоченному вдвое. Арендатор обязан продавать гвозди, согласно закону о железных рудниках. Арендатору, его компаньону или уполномоченному дозволяется брать залог. Чинить обувь не дозволяется никому, кроме тех, кто поправляет или чинит свою или господскую. Арендатор обязан поставлять всякого рода обувь; если же он этого не будет делать, каждый вправе покупать её, где угодно.

5) Аренда цирюльни

Арендатор имеет право не допускать, чтобы кто-либо другой в селе рудника Випаски или на его территории заводил цирюльню для извлечения дохода. Кто заведёт такую цирюльню, обязан будет уплатить за каждое пользование инструментами по ... денариев арендатору, его компаньону или уполномоченному, а самые инструменты должны перейти к арендатору. Исключение делается для рабов, которые будут обслуживать своих господ или сотоварищей по рабству. Бродячим цирюльникам, не посланным арендатором, право стрижки и бритья не предоставляется. Арендатору, его компаньону или уполномоченному предоставляется право брать залог. Тот, кто запретит брать залог, должен будет уплатить по 5 *денариев* за каждое запрещение. Арендатор может принимать в долю одного или нескольких пригодных мастеров.

6) Аренда сукновален

Отглаживать необработанную или обработанную одежду за плату не разрешается никому, кроме тех, кого подрядит или кому разрешит арендатор, его компаньон или уполномоченный. Тот, кто будет уличён в том, что он что-нибудь сделал в нарушение этого, должен уплатить арендатору, его компаньону или уполномоченному по 3 *денария* за каждую одежду. Арендатору, его компаньону или уполномоченному разрешается брать залог.

7) Правила для обрабатывающих шлаки и окалины

Кто в пределах Випаскских рудников... пожелает очищать, дробить, жечь, заготовлять, ломать, просеивать, промывать серебряные и медные шлаки или шлам и остатки от шлаков по мере или весу или кто предпримет какую бы то ни было работу в каменоломнях, те должны в трёхдневный срок заявить, каких рабов и наёмных рабочих они направляют на эту работу, и выплачивать по ... денариев арендатору ежемесячно накануне каждых *календ*: если они этого не сделают, то должны выплатить вдвое. Тот, кто внесёт в пределы рудников остатки меди или серебра из других месторождений, должен уплатить арендатору, его компаньону или уполномоченному по 1 *денарию* с каждых 100 *фунтов*. То, что, согласно этой статье закона, будет причитаться арендатору, его компаньону или уполномоченному, но не будет выплачено или обеспечено в положенный срок с момента возникновения долга, должно быть выплачено вдвое. Арендатору, его компаньону или уполномоченному разрешается брать залог, и в его пользу должно быть конфисковано то, что из его шлака будет очищено, раздроблено, выжжено, заготовлено, наломано, просеяно, намыто, а ровно и те каменные плитки, какие будут внесены в каменоломни, если не будет уплачено то, что причитается арендатору, его компаньону или уполномоченному; освобождаются от этого обязательства рабы и отпущенники плавильщиков серебра и меди, которые работают в плавильнях господ и патронов.

8) Школьные учителя

Школьных учителей по распоряжению прокуратора рудников следует освобождать от повинностей.

9) Заимка копей или уплата за право разработки

Тот, кто в пределах Випаскских рудников займёт или завладеет копью и участком с целью удержать его на законном основании, согласно закону, данному относительно рудников, должен в двухдневный срок с момента заимки или завладения заявить у откупщика этой подати с рудников, его компаньона или уполномоченного...

...Ульпию Элиану своему привет... по приказу Августа должен незамедлительно заплатить. Если кто-либо этого не сделает и будет уличён в том, что он плавил руду прежде уплаты цены так, как писано выше, то участок заимщика должен быть целиком

конфискован, а вся копь продана *прокуратором* рудников. Тот, кто докажет, что съёмщик плавил руду раньше, чем отсчитал причитающуюся *фиску* цену половины участка, имеет получить четверть участка.

Серебряные копии должны разрабатываться по правилу, заключающемуся в этом законе; цены на них будут соблюдаться, согласно щедротам священнейшего императора Адриана Августа, так, чтобы право владения тем участком, который будет за фиском, было бы за тем, кто первый даст цену за рудник и внесет 4 тыс. сестерциев *фиску*.

Тот, кто из числа пяти копей доведёт одну до руды, должен в остальных, как писано выше, продолжать работу без перерыва; если он этого не сделает, право заимки должно быть передано другому. Если кто-либо по прошествии двадцати пяти дней, предоставленных на покрытие расходов, хотя и начнёт сейчас же работу, но затем в течение десяти дней подряд работы производить не будет, право заимки должно быть передано другому. Право на заимку копии, проданной *фиском*, но не разрабатываемой шесть месяцев подряд, должно быть передано другому, с тем чтобы, когда из неё будет добываться руда, половинная часть по обычаю сохранялась за *фиском*.

Заимщику копей разрешается иметь каких он хочет компаньонов, с тем чтобы каждый нёс расходы в соответствии с той частью, в какой он будет компаньоном. Если кто-либо этого не сделает, то тот, кто будет нести расходы, должен выставить на *форуме* в самом людном месте на три дня подсчёт понесённых им расходов и через глашатая объявить, чтобы каждый внёс деньги на расходы в соответствии со своей частью. Тот, кто таковой суммы не внесёт или кто учинит мошенничество, дабы её не вносить, или в чём-либо обманет одного или нескольких компаньонов, должен быть лишён своей части копии, и эта часть должна перейти компаньону или компаньонам, которые несли расходы. И тем съёмщикам, которые понесли расходы в таком руднике, в котором было много компаньонов, должно быть дано право востребовать с компаньонов то, что окажется израсходованным добросовестно. Съёмщикам разрешается продавать друг другу, кто за сколько сможет, те части копей, которые они купили и оплатили их стоимость. Тот, кто пожелает продать свой участок или купить, должен сделать заявление прокуратору, который будет заведовать рудниками; покупать или продавать иначе не разрешается. Передавать свой участок тому, кто будет должником фиска, не разрешается.

Те, чья добытая руда будет складываться у копей, должны будут доставлять её на плавильни от восхода до захода солнца; кто будет уличён в том, что унёс руду с копей после захода солнца и до его восхода, должен внести *фиску* 1 тыс. *сестерциев*. Похитителя руды, если это будет раб, *прокуратор* должен высечь плетьюми и продать с тем условием, чтобы он всегда был в оковах и не находился ни на каких-либо рудниках, ни на территориях рудников; стоимость раба должна быть выплачена господину; свободного *прокуратор* должен покарать конфискацией и навсегда запретить ему доступ в пределы рудников.

Все копии должны быть тщательно укреплены и снабжены подпорами, для чего съёмщик каждой копии должен заменять прогнившее дерево новым сооружением. Портить или ломать столбы или подпоры, припасённые для крепления, или злонамеренно делать что-нибудь, что ослабило бы и расшатало эти столбы и подпоры, не допускается. Кто будет уличён в том, что он повредил копь, расшатал её, обвалил или злонамеренно сделал что-нибудь такое, что ослабило бы крепость данной копии, то, если это будет раб, он, высеченный плетьюми по усмотрению *прокуратора*, должен быть продан господином с тем условием, чтобы он не находился ни на каких рудниках; имущество свободного *прокуратор* должен отобрать в *фиск* и навсегда воспретить ему доступ в пределы рудников.

Тот, кто разрабатывает медные копии, должен отходить от канала, который отводит воду из рудников, оставляя с каждой его стороны свободными не менее пятнадцати *футов*. Повреждать канал не допускается. Прокуратор может разрешить для обследования нового рудника отводить от канала прокоп, с тем чтобы прокоп не имел более четырёх футов в ширину и глубину. Искать или выламывать руду ближе пятнадцати футов от обеих сторон канала не разрешается. Если кто-нибудь будет уличён в том, что он делал в прокопах что-нибудь иначе, то раб, высеченный плетьюми по усмотрению прокуратора, должен быть продан господином с тем условием, чтобы он не находился ни на каких рудниках; имущество свободного прокуратор должен отобрать в *фиск* и навсегда воспретить ему доступ в пределы рудников.

Тот, кто разрабатывает серебряные копии, должен отходить от канала, который отводит воду из рудников, оставляя с каждой его стороны свободными не менее шестидесяти *футов*, а те копии, какие он занял или получил в надел, он может разрабатывать так, как установлено, но ни за пределы своего участка не выходить, ни выброшенной породы не собирать, ни прокопов не проводить за пределами выделенной ему копии...

№4

НАСТІННІ ПЕРЕДВИБОРЧІ НАДПИСИ З ПОМПЕЇВ

1. Прошу вас сделать *эдилом* республики Гая Куспия Пансу. Предлагает Сатурнин с учениками ремесленников.
2. Все золотых дел мастера предлагают в *эдилы* Гая Куспия Пансу.
3. Все столяры предлагают в *эдилы* Куспия Пансу.
4. Воришки предлагают в *эдилы* Ватию.
5. Фруктовщики предлагают в *эдилы* Марка Церриния.
6. Носильщики предлагают в *эдилы* Марка Церриния Ватию.
7. Солевары предлагают в *эдилы* Марка Церриния.
8. Прошу вас сделать *эдилом* Саллюстия Капитона, предлагают трактирщики.
9. Усталые столяры-тележники предлагают в *эдилы* Марцелла вместе с Фабием и Кримием и Гаем Низием Инфантином повсюду.
10. Земледельцы Физенер и Фик предлагают в *эдилы* Марка Казеллия Марцелла.
11. Прошу вас сделать *дуумвиром* Гая Юлия Полибия. Настоятельно предлагают пекари.
12. Погонщики мулов предлагают в *дуумвиры* Гая Юлия Полибия.
13. Прошу вас сделать *эдилом* Нера, предлагают парфюмеры.
14. Прошу вас сделать *эдилом* Требия, предлагают хлебопёки.
15. Требия *эдилом* — цирюльники.
16. Все фруктовщики с Гельвием Весталом предлагают в *дуумвиры* по судоговорению Марка Голкония Приска.
17. Гермес... с птичниками предлагают в *эдилы* Гнея Гельвия.
18. Титу Меттию Потиту, прожившему 17 лет, — коллегия погонщиков мулов и ослов.
19. Я, Фабий Евпор, глава отпущенников, прошу сделать *эдилом* Куспия Пансу. Прошу вас сделать *эдилом* Марка Церрения Ватия. Предлагает Фабий Евпор и написал Инфантион.

Гай (II в. н.е.) — знаменитый римский юрист. Обставины його життя невідомі. До нас дійшов його трактат «Інституції», що послужив основним джерелом для «Інституцій» в «Corpus iuris civilis». Уривки з творів Гая увійшли також в «Дігести».

Важнейшее различие в правовом положении лиц то, что все люди — или *свободные* или *рабы*. Также из свободных одни — *свободнорожденные*, другие — *отпущенники*. Свободнорожденные — это те, кто родились свободными, отпущенники — те, кто отпущены из законного рабства.

Отпущенников существует три рода, ибо они или из числа *римских граждан*, или *латинов*, или *дедитициев**; их мы рассмотрим в отдельности и сначала дедитициев. Законом Элия Сенция предусмотрено, чтобы те рабы, которые в наказание были закованы господами и на которых наложены клейма или которые за вину были подвергнуты следствию под пыткой и в той вине были уличены, а также те, которые в наказание были отданы в цирк, чтобы сражаться с зверями, участвовать в играх, или были заключены в темницу, а затем были отпущены на волю тем же или другим господином, став свободными, находились в том же положении, что *пeregрины-дедитици*. *Пeregринами-дедитициями* именуется те, кто некогда, взявшись за оружие, сражались против римского народа и затем, будучи побеждёнными, сдались. Эти опозоренные рабы, каким бы образом и в каком бы возрасте они ни были отпущены, даже если они принадлежали полноправным господам, никогда не становятся *римскими гражданами* или *латинами*, но мы знаем, что они попадают в число *дедитициев*.

Если же раб не опозорен таким образом, мы говорим, что, будучи отпущен, он делается или *римским гражданином* или *латином*. Тот, в отношении кого сходятся три условия, чтобы он был старше 30 лет, принадлежал господину по квиригскому праву и был отпущен законным, выполненным по всем правилам актом освобождения, т.е. *виндиктой**, по цензу* или по завещанию, становится *римским гражданином*. Если какое-нибудь из этих условий отсутствует, он становится *латином*.

Требование о возрасте раба введено законом Элия Сенция. Этот закон предписывает, чтобы рабы моложе 30 лет, будучи отпущены, становились *римскими гражданами*, если только они освобождены *виндиктой* и если при этом совет признал законной причину их отпуска на волю. Законна же причина, когда, например, кто-нибудь отпускает в совете сына, дочь, брата, сестру, воспитанника, наставника или раба, чтобы сделать его *прокуратором**, или рабыню, чтобы вступить с ней в брак. Совет в Риме состоит из 5 сенаторов и 5 римских всадников, достигших совершеннолетия, в провинциях же — из 20 *римских граждан*. Он собирается в последний день провинциальных съездов, в Риме же рабы освобождаются советом в определённые дни. Рабов старше 30 лет обычно освобождают в любое время и даже как бы мимоходом, так что даже, например, когда *претор* или *проконсул* идёт в баню или в театр, он по пути может отпустить раба...

Рабы, отпущенные на других условиях, называются *латины Юнианы*. Латинами — потому, что они уподоблены *латинам* из колоний, Юнианами — потому, что получили свободу по закону Юния, дабы было видно, что некогда они были рабами. Закон Юния не позволяет ни им самим составлять завещания, ни получать имущества по чужим завещаниям, ни становиться по чьим-либо завещаниям опекунами. Говоря, что они не могут получать наследства по завещаниям, мы имеем в виду, что они не могут получать непосредственно по завещаниям и легатам; по *фидеикомиссам* же они могут получать наследство.

Те же, кто считаются *дедитициями*, никаким образом не могут наследовать по завещаниям, как и любой *пeregрин*, и сами они, по мнению большинства, не могут составлять завещания. Итак, у *дедитициев* — наихудший вид свободы. И им не открывает путь к *римскому гражданству* никакой закон, или *сенатусконсульт*, или императорское установление. Им запрещено пребывать в Риме или в пределах римского сотого милевого столба. Если они нарушат этот запрет, *дедитици* и их имущество продаётся с аукциона, с тем чтобы в Риме или в пределах сотого милевого столба они не оказались рабами и чтобы они никогда не отпускались на волю, а если будут отпущены, становились рабами римского народа. Так гласит закон Элия Сенция.

Не каждому желающему дозволено освобождать рабов. Ибо тот, кто освобождает для обмана кредитора или патрона¹, ничего этим не достигает, поскольку закон Элия Сенция запрещает такие освобождения. Тем же законом господину моложе 20 лет дозволено освобождать не иначе, как *виндиктой*, и если совет признал причину освобождения законной. Законная же причина освобождения, например, если освобождают отца, мать, наставника, молочного брата...

Кроме того, по закону Фуфия Каниния определено число рабов, освобождаемых по завещаниям. Тем, кто имеет более 2-х и не более 10-ти рабов, дозволено освобождать до половины этого числа; тем, кто имеет более 10-ти и не более 30-ти рабов, — до 1/3 этого числа. Тем, кто имеет более 30 и не более 100 рабов, дана власть освобождать до 1/4. Тем, кто имеет более 100 и не более 500, не дозволено освобождать более чем 1/5. Для тех, кто имеет более 500, не стоит определять часть этого числа, но закон предписывает, что никому не дозволено отпускать более 100. Если же кто имеет всего одного или двух рабов, этот закон его не касается, и он имеет полную власть их отпустить. Этот закон не относится и к тем, кто отпускает не по завещанию, а при жизни. Так что дозволено тем, кто освобождает рабов *виндиктой*, *цензом* или в *присутствии друзей*, освободить всех своих рабов, если, конечно, другие причины не препятствуют освобождению.

КОЛУМЕЛЛА ПРО РАБІВ, КОЛОНІВ, ВІДПУЩЕНИКІВ (ПРО СІЛЬСЬКЕ ГОСПОДАРСТВО, I)

I, 7. Когда все это устроено или получено, то от хозяина требуется прежде всего забота обо всем, а главное о людях. Это будут или колонны, или рабы, ходящие свободно или закованные. С колоннами хозяин пусть ведет себя ласково и сговорчиво и будет требовательнее к работе, чем к взносам; это и не так досадно и в общем более полезно. Там, где землю прилежно обрабатывают, она обычно дает доход и никогда не приносит убытка, если только не случится страшной бури или разбойничьего нападения. Поэтому колон не осмелится и просить скидки. Но и хозяин не должен цепко держаться за свое право во всем, чем он обязал колону: не требовать, например, строго соблюдения дней выплаты, привоза дров и прочих незначительных добавок, забота о которых доставляет селянину больше докуки, чем расходов. Не надо притязать на все, на что можно: недаром же в старину считалось, что «совершенная справедливость есть совершенная пытка». Нельзя во всем и спускать: ростовщик Альфий совершенно справедливо говорил, что «самые лучшие должники становятся плохими без напоминания». На моей памяти старый консуляр* и богатейший человек, Волузый, — я сам слышал его — утверждал, что самое счастливое имение то, где колоннами являются его уро-

¹ ...освобождает для обмана кредитора или патрона — подразумеваются отпущенники, патроны которых имели право на часть их имущества.

женцы, родившиеся словно в отцовском владении, уже с колыбели привязанные к месту, издавна привычному. Я совершенно убежден, что часто повторяющаяся сдача в аренду — зло и что еще хуже сдавать имение горожанину, который предпочитает обрабатывать землю не своими руками, а руками рабов. Сазерна говорил, что такой человек платит не деньгами, а тяжбой. Поэтому следует постараться чтобы колонами у нас были крестьяне, прочно у нас осевшие, раз нам самим нельзя или невыгодно обрабатывать землю собственными силами, а это случается только в тех местах, которые запустели от плохого климата и бесплодной почвы. Если же климат не очень нездоров, а земля не очень плоха, то собственный уход за землей всегда принесет больше, чем уход колона. Выгоднее даже поручить имение вилику, если только это не совсем нерадивый расхититель-раб. Оба порока, однако, и существуют, и усиливаются несомненно по вине самого хозяина: можно ведь остеречься и не поручать дела такому человеку, а если уж он поставлен, то постараться его устранить. В отдаленных же имениях, куда хозяину приезжать трудно, всякое хозяйство пойдет сноснее в руках свободных колонов, чем у рабов, особенно же хозяйство зерновое, которое колон не может разорить, как виноградные сады и виноградники, и которому приходится особенно плохо от рабов: они отдают волов на сторону, плохо кормят их и прочий скот, пашут небрежно, ставят в счет гораздо больше семян, чем на самом деле посеяли; за посевами ухаживают не так, чтобы они дали хороший урожай, а, снеся этот урожай на ток, они во время молотбы еще уменьшают его своей небрежностью и воровством. Они и сами расхищают его, и не оберегают от других воров, и не ведут честного счета ссыпанному. Так и выходит, что ославливают чаще имение, а виноваты надзиратель и рабы. Поэтому такие поместья, куда, как я сказал, хозяин приезжать не будет, следует, по-моему, сдавать в аренду.

8. Далее следует забота о том, к какой обязанности какого раба приставить и каких на какие работы определить. Прежде всего советую не назначать вилика из тех рабов, которые нравились своей внешностью, а также из тех, которые служили городским прихотям. Эта беспечная и сонливая порода, привыкшая к безделью, Марсову полю, цирку, театрам, к азартной игре, харчевням и публичным домам, только и мечтает, что об этих пустяках, и если свои привычки такой раб перенесет в имение, то хозяин потеряет не столько на самом рабе, сколько на всем хозяйстве. Нужно выбирать человека, с детства закаленного на сельской работе и испытанного на деле. Если его не окажется, надо ставить во главе такого раба, который все время трудился, уже вышел из ранней молодости, но не достиг еще старости: молодость лишила бы его распоряжение авторитетности, потому что люди пожилые сочли бы недостойным себя слушаться мальчишку, а старику усиленная деятельность уже не под силу. Пусть виликом будет человек среднего возраста и крепкого здоровья, сведущий в сельских работах или по крайней мере весьма озабоченный тем, чтобы поскорее их изучить. В нашем деле нельзя, чтоб один приказывал, а другой учил, а кроме того, не может по-настоящему требовать работы человек, который сам учится у своего подчиненного, что и как делать. Даже безграмотный человек, лишь бы у него была очень цепкая память, может хорошо управлять хозяйством. Такой вилик, по словам Корнелия Цельса, чаще принесет хозяину деньги, чем счетную книгу, потому что подделывать счета неграмотному трудно, а привлечь к этому делу другого, кто таким образом узнает об обмане, страшно.

Каков бы ни был вилик, ему нужно назначить в сожительницы женщину, которая сумела бы его и обуздать, а кое в чем и помочь; ему же следует приказать, чтобы он не устраивал пирушек с домашними, а тем более с посторонними. Иногда, однако, по праздникам, почета ради, он удостоит приглашением за свой стол раба, чье неизменное усердие и трудолюбие он заметил. Жертвоприношения он приносит только по распоряжению хозяина. Гаруспиков и предсказательниц не принимает: те и другие, распространяя пустые суеверия, толкают грубые души на расходы, а затем и на преступления. Ни города, ни базаров он не знает; разве пойдет купить или продать, что нужно. «Вилик, — как сказал Катон, — не должен быть гулякой»: он выходит за пределы имения только, чтобы познакомиться с какой-нибудь техникой работ, но и то лишь по соседству, чтобы быть при своей усадьбе. Он не потерпит, чтобы прокладывали тропинки и передвигали межи в имении; он не принимает гостей, кроме близких родственников и друзей господина. Удерживая от всего такого, надо настаивать на заботе об инвентаре и железных орудиях: пусть их у него будет вдвое больше, чем требуется по числу рабов, починенных и в порядке сложенных, чтобы ничего не просить у соседа: на это истратится больше рабочего времени, чем денег на такие предметы. Рабов он оденет, имея в виду больше пользу, чем красоту; они должны быть тщательно защищены от ветра, от холода и от дождя: от всего этого охраняют кожухи с рукавами, накидки, сшитые из лоскутьев, и плащи с капюшонами. При такой одежде в самый ненастный день можно что-нибудь делать под открытым небом. Вилик должен быть не только мастером в сельской работе; он должен, насколько это возможно для рабской души, обладать добродетелью, чтобы управлять твердо, но без жестокости, всегда награждать лучших, а к менее исправным быть все же снисходительным; пусть его скорее боятся за строгость, чем ненавидят за жестокость. Этого можно достичь, если он предпочтет удерживать своих подчиненных от вины, а не допускать по собственной небрежности проступки, которые придется наказывать. Лучший способ удержать самого отъявленного негодяя — это требовать от него выполнения урока и вилику всегда находиться тут же. Тогда и надзиратели за отдельными работами будут старательно выполнять свои обязанности, и остальные, устав от работ, предадутся скорее сну и покою, чем развлечениям. Если бы можно было осуществить те старинные, созданные добрыми нравами, но ныне заброшенные правила: вилик требует услуг от товарища-раба только в хозяйском деле; ест только на глазах рабов и только ту пищу, которая предложена и остальным. Тогда он позаботится, чтобы и хлеб, и остальная пища были тщательно приготовлены. Он позволит выйти за пределы имения только тому, кого пошлет сам, а посылать людей он будет только в случае крайней необходимости. Он не пустится в торговые обороты и не вложит хозяйских денег в скот или какие-нибудь товары: такая торговля отвлекает внимание вилика и не дает ему возможности свести концы с концами в хозяйских счетах: когда от него потребуют отчета в деньгах, он вместо денег покажет то, что купил. Главное же, чего от вилика нужно добиться: пусть он не считает себя знатоком там, где он ничего не знает, и пусть всегда старается узнать то, что ему неизвестно. Хорошо сделанная работа приносит много выгоды, но сделанная худо — ущерба гораздо больше. Главнейшее правило сельского хозяйства — всякое дело делать один раз: если приходится исправлять неумелую или небрежную работу, то хозяйские средства гибнут и нечего ждать в будущем такого изобилия, чтобы утраченное было восполнено, а потерянное время наверстано.

По отношению к остальным рабам следует держаться тех правил, в соблюдении которых я не раскаиваюсь: с сельскими рабами, которые хорошо себя вели, я чаще, чем с городскими, дружески заговариваю; понимая, что этой хозяйской ласковостью облегчается их постоянный труд, я иногда даже шучу с ними и больше позволяю им самим шутить. Я часто делаю вид, будто совещаюсь с более опытными о каких-нибудь новых работах: таким образом я узнаю способности каждого и степень его сообразительности. Я вижу, что они охотнее берутся за то дело, о котором, как они думают, с ними совещались и которое предпринято с их совета. Следующие правила приняты всеми осмотрительными людьми: я обхожу рабов, сидящих в эргастуле*; смотрю, хорошо ли они закованы, достаточно ли крепко и надежно место их заключения; не заковал ли или не освободил кого-нибудь вилик без ведома хозяина, так как здесь особенно строго должны соблюдаться два правила: если хозяин наложил на кого-нибудь такое наказание, то вилик не смеет снять колодок без хозяйского разрешения; если вилик по собственному усмотрению заковал кого-нибудь, то, пока об этом не узнает хозяин, он не смеет его расковать. Хозяин должен быть особенно внимателен к таким рабам и

должен следить, не обижают ли их с одеждой и с прочими выдачами: у них больше начальства — и вилики, и надзиратели за работой, и смотрители за эргастулом, — поэтому и обидам могут они подвергаться больше, а кроме того, эти люди страшнее, если их раздражить свирепостью или жадностью. Поэтому хороший хозяин расспросит и у них самих, и у тех рабов, которые ходят без цепей и которым можно больше доверять, получают ли они все, что им причитается по их положению; он сам попробует, хороши ли у них хлеб и питье, осмотрит их одежду, ручные колодки, обувь. Он часто предоставит им возможность жаловаться на тех, кто их обижает жестокостью или возводит напраслину. Мы, случалось, и освобождали по справедливым жалобам, и наказывали тех, кто мутит рабов, кто клеветает на своих надсмотрщиков, но людей работающих и старательных, наоборот, награждали. Плодовитым женщинам, которых следует почитать за определенное число ребят, мы даем отдых, а иногда, если они воспитали много детей, то и свободу. Та, у которой было трое сыновей, получала освобождение от работ, а та, у которой их больше, — и свободу. Такая справедливость и заботливость хозяина много содействует процветанию хозяйства.

Пусть хозяин не забывает, придя из города, помолиться пенатам*, а затем, — если будет рано, то немедленно же, а если поздно, то на следующий день, — осмотреть все имение, посетить каждую часть его и сообразить, какой ущерб порядку и охране имения нанесло его отсутствие: не пропала ли какая лоза, какое дерево или какие хлеба. Затем он пересчитывает скот и рабов, хозяйственный инвентарь и утварь. Если он будет в течение многих лет придерживаться такого обычая, то к старости у него в имении порядок и дисциплина утвердятся прочно. Как бы он ни одряхлел, рабы не посмеют им пренебрегать.

9. Следует сказать также, людей какого склада, телесного и душевного, к какой работе определять. Старшими пастухами следует назначать людей заботливых и очень честных. Оба эти качества в их деле нужнее, чем рост и сила, потому что от них требуется усердная забота о стадах и знания. Пахарю необходима прирожденная сметливость, но одной ее недостаточно: могучим голосом и складом пусть внушает он страх животным. Силу свою он должен, однако, умерять добротой и быть не свирепым, а только грозным; пусть воли его слушаются и живут долго, а не гибнут, вконец замученные и работой, и побоями. В чем состоят обязанности старших пастухов и пахарей, я еще скажу в своем месте; теперь достаточно напомнить, что для пахарей важнее всего сила и высокий рост; для первых качества эти не имеют значения. Мы сделаем пахарем, как я сказал, самого долговязого раба — и по той причине, которую я привел немного выше, и потому, что на этой работе рослый человек устает всего меньше, так как он опирается на ручку рала, почти не сгибаясь. Чернорабочий может быть любого роста, лишь бы был вынослив в работе. Виноградники требуют людей не столько высоких, сколько коренастых и мускулистых: при таком складе удобнее всего производить окопку, обрезку и вообще ухаживать за лозой. В этой отрасли сельского хозяйства честность требуется меньше, чем в остальных, потому что виноградарь должен исполнять свою работу под надзором и в толпе других рабов; у него же ум обычно бывает быстрее, а он как раз желателен по условиям данной работы. Она требует не только силы, но и живой сообразительности: поэтому виноградники обычно и возделывают закованные рабы. Честный человек, обладающий такой же сметливостью, сделает, конечно, все гораздо лучше, чем пройдоха. Я вставил это замечание, чтобы кто-либо не подумал, будто, по моему мнению, лучше обрабатывать землю руками преступников, а не руками порядочных людей. Думаю я и следующее: нельзя давать любую работу кому попало; нельзя, чтобы все занимались всем. Это совершенно невыгодно хозяину, потому ли, что никто никакое дело не считает своим, потому ли, что старания одного идут на пользу не ему одному, а всем и поэтому он от работы всячески уклоняется; кроме того, в плохой работе, выполненной многими людьми, нельзя уличать отдельных лиц. Потому пахарей следует обособить от виноградарей, а виноградарей от пахарей, а их от чернорабочих. Бригады рабов надо делать не больше чем в десять человек; в старину их называли декуриями и особенно одобряли, потому что за таким числом очень удобно следить на работе; надсмотрщик не растеряется здесь, как растерялся бы, имея дело с толпой. Поэтому в большом имении такие отряды надо посылать на разные участки и распределять работу так, чтобы ею занимались не по одному или по два человека, — если люди так разбросаны, то за ними трудно уследить, — но и не свыше десяти, потому что там, где работает целая толпа, никто не считает эту работу своей. Такой же распорядок не только возбуждает соревнование, но и уличает бездельников: когда в работе состязаются, тогда наказание отстающим принимается без жалоб и как справедливое.

Мы дали советы, касающиеся того, на что должен обратить особое внимание будущий хозяин: здоровую местность, дороги, соседей, воду, расположение усадьбы, величину имения, разных рабов и колонов, распределение обязанностей и работ. Своевременно перейти от этого к вопросу о возделывании земли, чем мы подробно и займемся в следующей книге.

VII. РИМСЬКА ІМПЕРІЯ ПРИ СЕВÉРАХ (193-235 pp.)

№1 СЕПТІМІЙ СЕВÉР (193-211 pp.)

(Діон Кассій, Римська історія, LXXV, 1; 2)

[Когда Севér стал императором,] всех действовавших в интересах Пертинакса он предал смерти, а преторианцев, прежде чем вступить в Рим, он собрал на равнине, причём они совсем не знали, что их ожидает. Там он долго и резко порицал их за непокорность своему императору, отставил от военной службы, отнял у них лошадей и выселил из Рима. Тогда все против своей воли стали бросать оружие, сходили с лошадей и разбредались в одних хитонах без поясов. Конь одного из преторианцев никак не хотел от него уйти, всё время шёл за ним и ржал; тогда тот зарезал своего коня и закололся сам. Видевшим это показалось, что конь с радостью принял свою смерть. После этого Севér вступил в Рим. До ворот города он ехал верхом на коне в снаряжении всадника, далее он шёл пешком, переодевшись в гражданскую одежду. За ним шло в полном вооружении всё его войско, как пешее, так и конное. Тут моим глазам представилось зрелище, самое блестящее из всех виденных мною. Весь город был украшен цветами, лавровыми венками и пестрыми тканями, сверкал огнями и окуривался фимиамом; люди были одеты в белые одежды, ликовали и громко прославляли Севера; солдаты в полном вооружении возвращались в отменном порядке, точно участвовали в праздничном или триумфальном шествии; тут же и мы шли в парадной одежде¹. Стоявшая по сторонам толпа страстно хотела увидеть Севера или услышать какие-нибудь его слова, точно он стал другим с переменной своей судьбы. И некоторые приподнимали друг друга, чтобы лучше взглянуть на него с более высокого положения.

¹ ...мы шли в парадной одежде — т.е. сановники, среди которых находился и сам историк.

Вступив таким образом в город, он стгоряча обещал нам, подобно прежним добрым императорам, что не казнит ни одного сенатора, поклялся в этом и, мало того, приказал общим голосованием придать силу закона тому, чтобы считать врагом общества даже самого императора, если он задумает совершить что-либо подобное, и всех, кто стал бы ему в этом помогать, как их самих, так и их детей. Но сам же первый нарушил этот закон и не соблюдал его, обрекая многих на смерть; даже Юлий Солон, записавший этот закон по его указанию, в скором времени был казнён. И вообще он сделал много неприятного для нас. Перед солдатами же он выставлял такую причину, что, мол, город доставляет ему беспокойство и своими чрезмерными тратами денег отягощает казну, главной же причиной было то, что он опирался не на расположение окружающих его людей, а возлагал все надежды лишь на военную силу.

Больше всего некоторые упрекали его за то, что, в то время как установлено, что отряд преторианцев состоял исключительно из жителей Италии, Иберии, Македонии и Норика и потому все преторианцы были по виду скромными и обладали простыми нравами, он их распустил, а вместо того приказал набрать такой же постоянный и нужный ему отряд из всех армий на равном основании и сделал это с таким расчетом, чтобы самому стать во главе его, а потому и оплачивал службу в этом отряде выше и объявил к тому же, что будет выдавать награды более искусным в военном деле. В действительности же он перевёл всю молодежь призывного возраста в Италию, привлекая её к участию в разбое и гладиаторских играх, вместо того чтобы брать её на военную службу, как раньше. Город же Рим переполнился смешанной солдатской чернью, дикой на вид, речь которой страшно слышать, слишком грубой, чтобы с нею общаться.

(Історії римських імператорів, Елій Спартіан, Севёр)

«Історії римських імператорів» («Scriptores historiae Augustae») — написаний латиною збірник 30 біографій римських імператорів, датований з кінця III по VI ст. В рукописах названі імена шести авторів: Елій Спартіан, Юлій Капітолін, Вулкацій Галікан, Елій Лампрідій, Требеллій Полліон, Флавій Вописк. Вважається, що біографії I—XXI належать першим чотирьом авторам, а біографії XXII—XXX — двом останнім. Збірник включав біографії імператорів, узурпаторів і претендентів на престол 117-284 рр., від Адріана до Нумеріана, але його середня частина, що відносилась до 244-253 рр., загинула. Автори явно виражають свою симпатію сенату, не схвалюючи ні спадкоємної монархії, ні втручання армії в політичне життя. Також висловлюється припущення, що «Історії римських імператорів» мають антихристиянську спрямованість, протиставляючи новій релігії ідеалізовану толерантність язичників. Втім, незважаючи на тенденційність, цей твір має велику цінність, тому що є єдиним збереженим джерелом відомостей про правління імператорів II і III ст. Він містить багато важливої інформації про життя двору і повсякденне життя, в ньому присутні численні анекдоти. Написаний в дусі сенаторської ідеології, він ілюструє політичну думку і релігійну руху епохи.

1. После того, как был убит Дидий Юлиан, императорскую власть получил Севёр, который был родом из Африки... [Его] предки были римскими всадниками раньше, чем право гражданства было дано всем¹... В раннем детстве, когда он ещё не приступил к изучению греческой и латинской литературы, в которых он впоследствии был особенно сведущ, он играл с мальчиками только в одну игру — в судьи: тут перед ним носили связки с топорами, он восседал, окруженный отрядом мальчиков, и творил суд... В день своего прибытия в Рим он застал человека, у которого он остановился, за чтением жизнеописания императора Адріана, что Севёр отметил как благоприятное знамение своих будущих успехов...

2. Молодость его была полна безумств, а подчас и преступлений. Он был обвинён в прелюбодеянии и оправдан проконсулом Юлианом, преемником которого он был в проконсульстве, сотоварищем по консульству и опять-таки преемником по императорской власти...

3. Он удостоился должности народного трибуна по назначению императора Марка [Аврелия] и, исполняя её, обнаружил исключительную строгость и энергию... На тридцать втором году он был назначен в преторы императором Марком — не из числа одетых в белую тогу, а из толпы соискателей... Он был поставлен во главе... легиона, стоявшего близ Массилии. После этого он поехал в Афины ради науки, святынь, сооружений и древностей. Но так как афиняне нанесли ему какие-то обиды, то он стал их врагом и, сделавшись императором, отомстил им, уменьшив их привилегии... Потеряв свою первую жену и пожелав взять вторую, он внимательно исследовал гороскоп невест, будучи сам очень опытным в астрологии. Узнав о том, что в Сирии есть некая девушка, в гороскопе которой значится, что она соединится с царём, он посватался к ней, то есть к Юлии [Домне], и благодаря содействию друзей получил её...

4. За свою строгость, внимательность и бескорыстие он стал любимым галлами больше, чем кто бы то ни было другой... Он был обвинён в том, что во время своего пребывания в Сицилии он спрашивал предсказателей или халдеев, будет ли он императором. Однако префекты претория, которым было поручено слушать это дело, оправдали его, так как Коммод уже начал вызывать к себе ненависть; клеветник был распят на кресте... Отправляясь к германским войскам, он купил обширные сады; до тех пор у него был очень тесный дом в Риме и одна небольшая усадьба в Венетской области...

5. До сих пор он командовал войском не как император. Когда же до германских легионов дошёл слух о том, что Коммод убит, а правит Юлиан, вызывая к себе всеобщую ненависть, они... провозгласили императором Севёра, хотя он, несмотря на угрозы многих, отказывался. Он дал воинам ... сестерциев, сколько никогда не давал ни один государь. Затем, упрочив за собой провинции, которые он оставлял в тылу, он направил свой путь в Рим. Повсюду, где он проходил, все подчинялись ему; иллирийские и галльские войска под давлением своих начальников присягнули ему... Севёру... удалось спастись от рук тех, кого Юлиан послал для его убийства. Он отправил письмо преторианцам и дал им приказ либо покинуть, либо убить Юлиана, и они немедленно послушались его: Юлиан был убит в Палатинском дворце, а Севёр приглашен в Рим. Итак, Север — что никогда ещё никому не удавалось — в одно мгновение ока оказался победителем и с оружием в руках направился в Рим...

7. ...Вступление Севёра в Рим вызвало чувства ненависти и страха: воины грабили всё, ни за что не платя, и грозили городу опустошением. На следующий день он пришёл в сенат, окруженный вооруженными людьми — не только воинами, но и друзьями. В курии он дал отчёт о причинах, заставивших его принять императорскую власть, и жаловался на то, что Юлиан послал для его убийства людей, известных тем, что они умертвили других полководцев... В то время, как он находился в сенате, воины, подняв мятеж, потребовали от сената по десяти тысяч сестерциев на человека — по примеру тех, которые привели в Рим Октавиана Августа и получили такую сумму. Север хотел обуздать их, но не мог этого сделать; успокоил он их щедрой раздачей и отпустил... Потом он заплатил долги своих друзей.

8. [Север явился в сенат и,] выступив с обвинениями против друзей Юлиана, присудил их к конфискации имущества и к смерти. Он разбирал множество судебных дел; судей, обвиненных провинциалами, он в случае доказанности вины жестоко наказывал... Он отправился для укрепления положения на Востоке... [Также] послал легионы в Африку, чтобы Нигер — через Ливию и Египет — не занял Африку и не заставил римский народ страдать от недостатка хлеба... Выйдя из города, он у Красных скал² вы-

¹ Право гражданства было дано почти всем жителям Империи в 212 г. эдиктом императора Каракаллы (211-217 гг.).

² Красные скалы (Saxa rubra) — место на Фламиниевой дороге в 9 км к северу от Рима.

держал крупнейший мятеж войска, поднявшийся из-за места, выбранного для разбивки лагеря... Предварительно он выслал легион для захвата Греции и Фракии, чтобы их не занял Песценний; но Нигер уже держал в своих руках Византий. Желая занять и Перинф, Нигер погубил много народа в войске и поэтому вместе с Эмилианом был объявлен врагом. Когда он стал приглашать Севера разделить с ним власть, Север с презрением отверг это предложение...

9. ...Он вступил в столкновение с Нигром, убил его в Кизике, а голову его приказал носить на копье. После этого он отправил в ссылку — вместе с их матерью — детей Нигра, которых он раньше воспитывал так же, как и своих детей... Он был разгневан на антиохийцев за то, что они издевались над ним, когда он был правителем на Востоке, и за то, что они помогали Нигру даже после того, как тот был побежден... У жителей Неаполя в Палестине он отнял право считаться городом за то, что они долгое время с оружием в руках стояли за Нигра. Он сурово наказал многих, последовавших за Нигром... Много городов, принадлежавших к той же партии, он подверг притеснениям и штрафам. Он убил тех сенаторов, которые воевали на стороне Нигра в звании военных начальников или трибунов. Затем он многое совершил в Аравии¹, привёл к покорности и парфян, а также адиабенцев, которые все сочувствовали Песценнию.

10. Возвращаясь в Рим после гражданской войны с Нигром, он получил сообщение о другой гражданской войне, начатой Клодием Альбином, который поднял восстание в Галлии...

11. ...После многих военных действий с переменным успехом Север сначала очень счастливо сразился с Альбином при Турнурии. Тут он подвергся огромной опасности вследствие падения своего коня, и уже думали, что он умер, поражённый свинцовой пулей, так что войско чуть было не избрало другого императора... Когда было принесено тело Альбина, он велел отрубить у полумертвого голову и отправить её в Рим вместе с письмом. Альбин был побеждён за десять дней до мартовских календ [19 февраля 197 г.]. Оставшуюся часть его труп Север велел положить перед его собственным домом, чтобы она долго там лежала. Кроме того, сидя верхом на коне, он направил его на труп Альбина и, когда конь испугался, он его так подстегнул, что тот, хотя был без узды, стал смело топтать труп. Некоторые добавляют, что Север велел бросить труп Альбина в Родан, а вместе с ним и трупы его жены и детей.

12. Было убито бесчисленное количество сторонников Альбина, среди них много первых лиц в Риме, много знатных женщин; имущество всех их было конфисковано и увеличило средства государственного казначейства. Одновременно было убито много видных испанцев и галлов. Наконец, он выдал воинам столько жалования, сколько не выдавал ни один из государей. Своим сыновьям он в результате этих конфискаций оставил такое состояние, каково не оставлял ни один из императоров, так как большую часть золота, имевшегося в Галлиях, Испаниях и Италии, он сделал императорской собственностью. Тогда было впервые учреждено управление частным имуществом императора²... Многие, сохранившие верность Альбину после его смерти, были побеждены оружием Севера. В то же время стало известно, что арабский легион перешёл на сторону Альбина. И вот, отомстив за отложение Альбина, убив множество людей, истребив и род Альбина, Север прибыл в Рим, гневаясь на народ и сенат. В сенате и на сходке он произнёс хвалебную речь Коммоду, назвав его богом, сказал, что Коммод не нравился только опозоренным людям...

13. Он убил без суда [множество] знатных лиц... И вот убийца стольких столь славных людей — ведь среди них было много консуляров и бывших прёторов, а все они вообще занимали виднейшее положение, считается у африканцев чуть ли не богом.

14. Он бросил львам Нарцисса, который задушил Коммод. Кроме того, он лишил жизни множество людей скромного общественного положения, не считая погибших в сражениях. После этого, желая привлечь к себе людей, он переложил почётную повинность с частных лиц на императорскую казну...

15. ...Он погубил многих за то, что они будто бы обращались к халдэям и прорицателям с вопросами относительно его жизни и здоровья; особенно подозрительно относился он ко всякому, кто был способен стать императором, ввиду того, что его собственные дети были ещё малолетними... Когда к Северу приехала его сестра, уроженка Лептиса, с трудом говорившая по-латыни, и императору пришлось много краснеть за неё, он, даровав её сыну тогу с широкой пурпурной полосой, а её самое щедро наделив подарками, приказал женщине вернуться на родину...

16. ...Уже на исходе лета Север [снова] вторгся в Парфию³ и, заставив царя отступить, дошёл до Ктесифонта и взял его, почти уже зимой: в этих местностях лучше вести войну зимой, так как воины питаются корнями растений и причиняют себе этим разные болезни и недомогания. Поэтому, хотя он и не мог идти дальше, так как парфяне оказывали сопротивление, а воины вследствие непривычной пищи страдали поносом, он всё же проявил настойчивость, взял город, обратил в бегство царя, перебил множество врагов и удостоился прозвания «Парфянского».

17. Во время этого похода он утвердил много прав за жителями Палестины. Под страхом тяжёлого наказания он запретил обращение в иудейство; то же он установил и относительно христиан. Затем он [отправился в Александрию и] дал александрийцам право иметь свой совет: до тех пор они жили без общественного совета, как и раньше при царях, довольствуясь одним судьей, которого дал им Цезарь. Кроме того, он внёс много изменений в их права. Впоследствии сам Север всегда говорил, что это путешествие было для него приятным и благодаря поклонению богу Сарáпису, и благодаря ознакомлению с древностями, и благодаря необычности животного мира и природы этих мест; действительно, он тщательно осмотрел и Мемфис, и статую Мёмнона, и пирамиды, и лабиринт...

18. Он покорил персидского царя Абгара, принял под свою власть арабов, заставил адиабенцев платить дань. Величайшей славой его правления является то, что он укрепил Британию, перегородив её поперёк всего острова стеной, доходившей с обеих сторон до Океана... Триполитании, откуда он сам был родом, он доставил полную безопасность, разбив весьма воинственные соседние племена, и тем самым обеспечил римскому народу на вечные времена ежедневную обильнейшую даровую раздачу масла. Север отличался не только неумолимостью по отношению к преступлениям, но и особым умением выдвигать способных людей. Достаточно много времени он отдавал занятиям философией и ораторским искусством и отличался необыкновенным рвением к наукам. Повсюду он был врагом разбойников... У себя дома он был менее осмотрительным и удержал при себе свою жену Юлию, прославившуюся своими любовными похождениями и виновную в участии в заговоре... Ему... принадлежит изречение по поводу того, что его, человека незнатного рода, судьба благодаря его образованию и военным заслугам привела по многим ступеням к императорской власти: «Я был всем, и всё это ни к чему».

19. Он умер в Эбораке [ныне Йорк] в Британии [в 211 г.], покорив племена, которые казались враждебными Британии, на восемнадцатом году своего правления, от тяжелой болезни, уже стариком... Север был похоронен в гробнице Марка Аврелия, ко-

¹ Речь идёт о первом парфянском походе Септимия Севера. После успешного завершения похода была создана (195 г.) провинция Осроена.

² Управление *частным имуществом* (*ratio privata*) императора было, по-видимому, впервые введено Антонином Пием (138-161 гг.): Септимий Север лишь восстановил этот институт, исчезнувший в мятежное время, наступившее после смерти Коммода.

³ Второй поход Септимия Севера был спровоцирован нападением парфян на недавно созданную провинцию Осроену. Поход завершился образованием провинции Месопотамия (199 г.).

того он так почитал, выделяя его из прочих императоров, что и Коммода признал божественным и считал необходимым добавлять всем императорам имя Антонина, подобно тому, как добавляется имя Августа...

23. В очень многих городах находятся замечательные его сооружения..., он восстановил в Риме все общественные здания, которые стали разрушаться от времени, почти нигде не выставляя своего имени, сохраняя повсюду надписи их создателей. Умирая, он оставил запас хлеба на 7 лет, так что ежедневно можно было расходовать по 75 тыс. модиев*; масла же он оставил столько, что в течение пятилетия его хватило на нужды не только Рима, но и всей Италии, в которой масла недостаточно. Говорят, последние слова его были следующие: «Я принял государство, со всех сторон раздираемое восстаниями, а оставляю умиротворённым даже в Британии. Старый, с больными ногами, я оставляю моим Антонинам крепкую власть, если они сами окажутся хорошими, но бессильную, если они будут дурными»...

№2 КАРАКАЛЛА (211-217 гг.)

(Едикт императора Каракаллы 212 г.)

Септімії Бассіан (188-217 гг.), син Септімія Севера, імператор Марк Аврелій Север Антонін Каракалла правив в 211-217 гг. Даний текст був записаний на фрагменті папірусу з Єгипту.

Император Цезарь Марк Аврелий Север Антонин [Каракалла] сказал:

«Теперь, устранив жалобы и прошения, следует лучше исследовать, каким образом мне воздать благодарность бессмертным богам за то, что этой победой... они меня спасли. Итак, я считаю, что смогу великолепно и благочестиво воздать должное их величю, если я сделаю почитателями богов *перегринов*¹, включив их в число моих людей. Поэтому я даю всем перегринам земного круга римское гражданство с сохранением всех категорий городов, исключая *дедитициев*². Следует не только... но также победой... Кроме того, этот эдикт умножит величие народа римлян, так как станет такое же достоинство...»

(Дион Кассий, Римська історія, LXXVII, 9, 22-23)

[Каракалла], страстный поклонник Александра, был в отношении своих солдат, которых при нём было очень много, крайне расточителен, пользуясь всяким поводом, чтобы вести одну войну за другой. В отношении же всех других людей он считал своим главным делом их притеснять, грабить, истреблять, причём не в меньшей мере и лиц из сенаторского сословия. Помимо золотых венков, которых он часто требовал для себя, будто бы непрерывно побеждал каких-то врагов, — я говорю здесь не о действительно изготовленных для него венках — большую ли это составило бы ценность? Я имею в виду ту массу денег, которыми под названием венков обычно города одаряют полководцев; я говорю о том множестве жизненных средств, которые мы со всех сторон ему приносили частью из готовых запасов, частью же затрачивая на это свои средства, о всём том, что он раздаёт своим солдатам в виде награды или чем он барышничает, а также и о множестве подарков, которые он вымогает как у богатых частных лиц, так и у провинций, говорю я и о налогах, и о других новых объявленных им поборах, и о том, что вместо $\frac{1}{20}$ он стал взимать $\frac{1}{10}$ долю за всякого отпускаемого на волю раба, за каждый остающийся после кого-нибудь надел и за каждый подарок, и о том, что он отменил льготы по наследованию имущества наиболее близкими к умершему лицами. Ради этого он на словах почтил всех живущих в пределах его власти правами римских граждан [т.е. объявил римлянами], на деле же он это сделал, чтобы и с этой стороны к нему поступало больше денег, потому что чужеземцы не платили большую часть упомянутых поборов. Кроме всего этого, нас вынуждают предоставлять ему всевозможные жилища всякий раз, как он выезжает из Рима, и создавать для него многочисленные остановочные пункты среди дорог, и снабжать их на наши средства быстро подвозимыми продуктами; а между тем он в них не только никогда не поселялся, но многие из них не пожелал даже осмотреть. Кроме того, мы подготовляли для него везде, где он проводил зиму или только собирался зимовать, арены для зрелищ псовой охоты и конных ристаний, не получая от него никакой платы. И всё это потом сейчас же срывалось, так что и делалось это, пожалуй, лишь для того, чтобы мы на этом разорялись...

...Хотя Антонин и говорил, что он сверх меры почитает Александра, однако он чуть было окончательно не истребил граждан его города. Услыхав, что у них обсуждаются и высмеиваются многие события и в неменьшей мере также его братоубийство³, он отправился в Александрию [в 215 г.], скрывая своё раздражение и, наоборот, притворно показывая александрийцам своё расположение. Прибыв в предместье Александрии и поздоровавшись с первыми, которые вышли ему навстречу, неся некоторые тайные священные предметы, как с почётными гражданами этого города, он, чтобы сделать их участниками общей судьбы, тут же приказал их убить, а потом, приведя всё свое войско в боевой порядок, обрушился на город, предупреждая всех граждан, чтобы они оставались дома, сам же он наперёд уже захватил все улицы и общественные здания. Чтобы представить последовательно все бедствие, постигшее в то время этот злосчастный город, я скажу, что там было убито столько людей, что я не решаюсь даже назвать их число. Он же [т.е. Каракалла], отписал сенату, что безразлично, сколько людей погибло и кто именно, потому что все они заслужили такой расправы⁴. Имущество горожан частью было разграблено, частью погибло. Вместе с александрийцами погибло также много посторонних людей и, между прочим, из числа прибывших вместе с Антонином, поскольку они не были узаны. Так как город был велик и в нём повсеместно убивали людей днём и ночью, никого нельзя было выделить, даже если бы кто этого очень хотел, но все погибли, где кому пришлось, и тела убитых сейчас же сбрасывались в глубокий ров, чтобы остальным не было видно, сколь велико постигшее их бедствие. Это всё претерпели местные жители, чужеземцы же разбежались, кроме купцов, и ясно, что всё их имущество было расхищено. Были разграблены и некоторые храмы. Большинство этих действий было произведено в присутствии Антонина и у него перед глазами: разграбление Сералеума он поручил несколькими лицам; ведь в этом храме люди за время этих избиений пребывали днём и ночью. Но стоит ли говорить об этом после того, как он осмелился посвятить бо- жеству меч, которым сразил своего брата. После этого он запретил все зрелища и общие пиршества в Александрии и приказал расселить её жителей и окружить территорию города сторожевыми постами, чтобы никто не мог свободно общаться друг с дру-

¹ *Перегрины* — чужеземцы.

² *Дедитици* — «сдавшиеся на милость победителей». Это испорченное место текста вызывает разные толкования. Одни исследователи понимают его в том смысле, что эдикт сохранил все категории гражданства, уничтожая лишь статус дедитициев, другие — что дедитиции в отличие от всех перегринов не получали римского гражданства.

³ В 212 г. Каракалла убил своего брата и соправителя Гету.

⁴ Александрийцы были сторонниками убитого Геты.

гом. Вот что сделал с несчастной Александрией этот авзонский зверь — так он назван в заключительном стихе данного о нём оракула; ...там сказано, что он возрадуется, получив прозвище зверя, если во исполнение этого оракула убьёт многих...

№3

ЕЛАГАБАЛ (218-222 гг.)

(ИСТОРИИ РИМСКИХ ИМПЕРАТОРОВ, ЕЛІЙ ЛАМПРІДІЙ, АНТОНІН ЕЛАГАБАЛ)

Варій Авіт Бассіан Елагабал (204-222 гг.) — римський імператор в 218-222 гг. По батьку він належав до сирійського аристократичного роду Варіїв. Його прадід, дід і батько були жерцями фінікійського сонячного бога Ела-Габала, покровителя сирійського міста Емеса. З материнського ж боку Бассіан перебував у спорідненні з імператорською фамілією: його бабка, Юлія Меса, була рідною сестрою Юлії Домни, супруги імператора Септімія Севера і матері Каракалли. Однак, його зв'язок з родом Северів був, можливо, ще ближчим і безпосереднішим: матір майбутнього імператора, Юлія Соємія, в юності перебувала в любовному зв'язку з Каракаллою, і говорили, що син її народився саме від молодшого Севера, а не від законного чоловіка. Після загибелі Каракалли, коли на престол вступив Макрін, Соємія з матір'ю і сестрою, Юлією Мамеєю, оселилися в Емесі. Тут син Соємій був посвячений в верхнього жерця фінікійського бога сонця, Ел(а)-Габала. Під ім'ям цього бога (де «ел» — семітське «бог» — через помилкову етимологію часто замінялося на грецьке «геліос» — сонце) став відомий і сам імператор, хоча офіційно не носив такого імені.

1. ...После убийства Макрина и его сына Диадумена [в 218 г.] императорское достоинство было перенесено на Вария Элагабала благодаря тому, что он считался сыном Бассиана¹. Был он жрецом Элагабала, или Юпитера, или Солнца² и присвоил себе имя Антонина либо для того, чтобы доказать такое именно своё происхождение, либо потому, что, как он узнал, имя это было в такой степени дорого людям, что благодаря этому имени был любим даже братоубийца Бассиан. Прежде он назывался Варием, а затем Элагабалом, потому что был жрецом бога Элагабала, которого он привёз с собой из Сирии и которому он воздвиг храм на том месте, где раньше был храм Орка...

2. Этот Элагабал был в такой степени послушен своей матери Симиамире³, что во всех государственных делах руководился её волей, а она жила во дворце наподобие блудницы и делала всевозможные мерзости; она находилась в позорной связи с Антонином Каракаллой и таким образом, как обычно считали, был зачат этот Варий, или Элагабал⁴...

3. ...[Когда он] был провозглашён государем, все желали его и ревностно верили в него⁵... Но как только Элагабал вступил в Рим... он освятил [бога] Элагабала на Палатинском холме, возле императорского дворца, и построил ему храм. Он стремился перенести в этот храм и лепное изображение Матери богов, и огонь Весты, и Палладий⁶, и священные щиты⁷, словом — всё, что глубоко чтят римляне. Он добивался того, чтобы в Риме почитался только один бог Элагабал. Кроме того, он говорил, что сюда надо перенести религиозные обряды иудеев и самаритян, а равно и христианские богослужения для того, чтобы жречество Элагабала держало в своих руках тайны всех культов.

4. ...На первое же заседание сената он велел вызвать свою мать. Прибыв туда, она была приглашена к сидениям консулов и присутствовала при редактировании, т.е. была свидетельницей составления сенатского постановления: Элагабал был единственным из императоров, при котором женщина вступила в сенат со званием *светлейшей*, словно мужчина. На Квиринальском холме он создал *сенакул*, т.е. женский сенат; прежде там происходили собрания матрон, но только в торжественные дни и в тех случаях, когда какая-нибудь матрона наделялась знаками отличия супруги консула — прежние императоры предоставляли это право своим родственницам, особенно тем, чьи мужья не занимали высоких должностей, — для того, чтобы эти родственницы не оставались на положении незнатных женщин. Под председательством Симиамиры составлялись смехотворные сенатские постановления, касающиеся законов о матронах: в каком одеянии должна ходить та или иная, кто кому — уступить дорогу, кто к кому подходить для поцелуя, какая должна ездить в парадной повозке, какая — на коне, какая — на вьючной лошади, какая — на осле, какая — в крытой повозке, запряжённой мулами, какая — на волах, какая должна передвигаться в сидячих носилках — и в кожаных ли или в костяных, выложенных слоновой костью или серебром, какая имеет право носить на обуви золото или драгоценные камни.

5. Когда он проводил зиму в Никомедии, занимаясь всяким грязным развратом, отдаваясь мужчинам и ведя себя по-свински, воины сразу раскаялись в том, что они сделали, — именно в том, что они составили заговор против Макрина с целью повалить государем этого Элагабала. Они стали склоняться на сторону двоюродного брата Элагабала — Александра⁸, которого после убийства Макрина сенат провозгласил *цезарем*. В самом деле, кто способен терпеть государя, у которого все полости тела служат для похоти, если даже зверя такого никто не потерпит? Наконец, и в Риме у него было только одно занятие: он имел при себе рассыльных, которые разыскивали для него людей с большими половыми органами и приводили их к нему во дворец для того, чтобы он мог насладиться связью с ними. Кроме того, у себя во дворце он разыгрывал пьесу о Парисе, сам исполняя роль Венеры, причём одежды его внезапно падали к его ногам, а сам он, обнажённый, держа одну руку у сосков груди, другой прикрывая срамные части тела, опускался на колени, выставляя свой зад, выдвигая его и подставляя своему любовнику. Кроме того, он раскрашивал себе лицо так, как рисуют Венеру; всё тело у него было вылощено. Он видел главный смысл жизни в том, чтобы быть достойным и способным удовлетворять похоть возможно большего числа людей.

6. Он продавал почётные должности, звания и полномочия как самолично, так и через своих рабов и служителей своего разврата. Он набирал людей в сенат, не считаясь с их возрастом, цензом, происхождением, а лишь за полученные от них деньги.

¹ Первоначальное имя Элагабала было Варий Авит, он был сыном Секста Вария Марцелла и Юлии Соэмии (Julia Soaemia). По тетке Авите Мамее он был двоюродным братом Александру Северу, по праделу Юлию Бассиану, жрецу бога Солнца, был в родстве с Юлией Домной, женой Септимия Севера и матерью Каракаллы. Мать Элагабала и бабка Юлия Меса объявили его сыном Каракаллы, чтобы облегчить ему путь к императорской власти. Официально Элагабал именовался как Цезарь Марк Аврелий Антонин, сын божественного Антонина (т.е. Каракаллы), внук божественного Севера. Как наследственный жрец бога-покровителя Эмеса Эла-Габала он назывался также Элагабалом.

² Бог-покровитель Эмеса почитался в виде упавшего с неба черного конусообразного камня. Когда Элагабал пришёл к власти, этот бог стал почитаться как Deus Sol Elagabalus или Invictus Sol Elagabalus. Понимание имени Элагабал как «бог Солнца» основано на этимологически неправильной греческой форме Heliogabalos. Ср. *сирийск.* ela-gabal и *араб.* ilah hagabal — «бог гор».

³ Правильная форма её имени была: Юлиа Соэмия Бассиана Августа, она была дочерью Юлии Месы и Юлии Авита, сестрой Юлии Мамеи.

⁴ Дион Кассий (79.6.2) сообщает о любовной связи Соэмии с воспитателем Елагабала.

⁵ Элагабал имел уже все императорские титулы, когда Третий Галльский легион провозгласил его императором. Сенату ничего не оставалось, как подтвердить солдатский выбор.

⁶ *Палладий* — культовое изображение Афины Паллады со щитом и поднятым копьем, гарантировавшее безопасность городу, в котором оно находилось. Это изображение должно было быть небесного происхождения. Начиная с III в. до н.э. Палладий идентифицировался римлянами с пенатами.

⁷ По преданию, во время царствования Нумы Помпилия (716-673 гг. до н.э.) с неба упал щит, от сохранения которого зависело существование Рима, поэтому царь приказал сделать 11 точно таких же щитов, чтобы вернее сохранить настоящий. Священные щиты хранились в курии салиев на Палатине.

⁸ *Александр* — сын Юлии Авиты Мамеи, младшей дочери Юлии Месы и Гессия Марциана, его первоначальное имя было Гессий Бассиан Алексан. После усыновления Александра Елагабалом и провозглашения цезарем в 221 г. он стал называться Марком Аврелием Александром, а после прихода к власти — Марком Аврелием Севером Александром.

Он продавал также военные командные посты — места трибунов, легатов, военных начальников, также — прокуратурства и места в дворцовых ведомствах. Возницы Протоген и Кордий сначала были его товарищами в состязании на колесницах, а затем — спутниками всей его жизни и участниками его действий. Многих, чьи тела ему понравились, он переводил со сцены, из цирка и с арены во дворец. Гиерокла он так любил, что целовал его в пах..., уверяя, что этим он совершает священнодействия в честь Флоры¹. Он позволил себе обесчестить деву-весталку². Унеся внутреннее хранилище, он надругался над святынями римского народа. Он хотел погасить вечный огонь. Он хотел уничтожить не только римскую религию, но и другие религии на всем земном круге; он стремился к единой цели — чтобы повсюду поклонялись богу Элагабалу. Осквернённый всякой нравственной грязью, он вместе с теми, кто его осквернял, ворвался в святая святых Весты, куда имеют доступ только девы-весталки и понтифики³. Он попытался унести священное внутреннее хранилище, схватив глиняный сосуд, который он считал подлинным (старшая дева-весталкаумышленно указала ему на него, как на подлинный), и, не найдя в нём ничего, он бросил его на землю и разбил на куски. Этим, однако, он не нанёс никакого вреда религии, так как, говорят, было сделано много похожих один на другой сосудов для того, чтобы никто не мог когда-либо унести настоящий. Всё же он унёс какую-то статую, которую он принял за Палладий, и, связав её золотыми цепями, поставил её в храме своего бога.

7. Он принял затем посвящение в таинства Матери богов и совершил тавроболии⁴, чтобы отнять её лепное изображение и другие святыни, которые хранятся внутри святилища. Он тряс головой среди кастрированных изуверов, подвязывал свои половые органы и делал всё, что обычно делают *галлы*. Похищенную святыню богини он перенёс во внутреннее хранилище своего бога. Жалобными криками и воем сирийского культа он изображал из себя Саламбо⁵, тем самым давая себе знамение грозившей ему гибели. Всех богов он называл служителями своего бога: одних он называл его спальниками, других — рабами, третьих — обслуживающими те или иные его нужды. Он хотел доставить камни, называемые божественными, из их собственного храма⁶, а изображение Дианы Лаодикейской из её святого святых, куда поставил его Орест...

8. Элагабал приносил и человеческие жертвы⁷, выбирая для этого по всей Италии знатных и красивых мальчиков, у которых были живы отец и мать⁸, — думаю для того, чтобы усилить скорбь обоих родителей. При нём находились и ежедневно действовали всякого рода маги, а он подбодрял их и благодарил богов, которые, по его представлениям, были их друзьями, и в то же время он рассматривал внутренности детей и мучил жертвенных животных согласно обрядам своего племени. Вступив в должность консула, он бросил народу на расхищение не деньги, не серебряные и золотые монеты, не лакомства, не мелких животных, а откормленных быков, верблюдов, ослов, оленей, повторяя, что это — по-императорски... Он устроил общественные бани в здании дворца и открыл для народа бани Плавциана, чтобы благодаря этому иметь возможность набирать для своих утех людей с большими половыми органами. С той же целью он тщательно заботился о том, чтобы по всему городу и среди всех матросов разыскивали *онобелов*: так называли тех, кто казался более мужественным...

10. ...Воины не могли больше переносить, что такая язва прикрывается именем императора: они стали вести об этом речи сначала наедине между собой, а затем и в кружках, всё более склоняясь на сторону Александра...

Зотик имел при нём такое значение, что все начальники дворцовых ведомств⁹ смотрели на него как на мужа их господина. Это был, вдобавок, тот самый Зотик, который, злоупотребляя такого рода близостью, торговал словами и решениями Элагабала, накапливая огромные богатства преимущественно тем, что морочил людей: одним он угрожал, другим давал обещания, всех обманывал. Выходя от Элагабала, он подходил к отдельным лицам со словами: «О тебе я говорил то-то, о тебе я слышал то-то, с тобой будет то-то». Он был из тех людей, которые, вступив в чрезмерно близкие отношения с государями, торгуют репутацией не только дурных, но и хороших государей и, пользуясь глупостью или простодушием императоров, не замечая этого, кормятся распространением позорящих слухов. Элагабал справил свой брак с Зотиком и совокупился с ним, причём была у него и посаженная мать, и он кричал: «Разрезай, Магир!»¹⁰...

...Он не только никогда не избегал непристойных выражений, но и изображал пальцами бесстыдное действие и не проявлял никакого стыда в обществе, даже когда его слышал народ.

11. Он делал вольноотпущенников наместниками, легатами, консулами, военными начальниками и опозорил все великие звания, давая их подлым и развращенным людям. Пригласив на праздник сбора винограда знатных друзей, он, сидя у корзин с виноградом, стал спрашивать наиболее почтенных людей, охотники ли они до утех Венеры, и когда старики краснели, он восклицал: «Краснеют: все в порядке!»¹¹ — молчание и краску стыда он принимал за утвердительный ответ. Затем он стал рассказывать о том, что он сам проделывал, [без всякой] стыдливости... Он первый ввёл обычай, чтобы на празднике сбора винограда рабы в присутствии господ произносили множество шуток о своих господах; сам он сочинял эти шутки, по большей части по-гречески... Были у него непотребные друзья — в числе их и старики, и с виду философы; нося на головах сетки, они признавались, что предаются непотребствам и имеют мужей. По словам некоторых, они это выдумывали, чтобы — благодаря подражанию порокам — стать милее ему...

¹ Флоралии, праздновавшиеся с 28 апреля по 3 мая. Флоралии были весёлым праздником, сопровождавшимся двусмысленными шутками, что, конечно, никак не оправдывает поведения Элагабала.

² Её звали Юлия Севера Августа. Элагабал женился на ней в 221 г., позднее прогнал её, но потом взял её в жены снова.

³ Элагабал не имел права входить в святилище храма Весты потому, что не был великим понтификом. Все римские императоры до Грациана были одновременно и великими понтификами (что означало и председательство в коллегии весталок) и в этом своём качестве могли входить в «святая святых Весты».

⁴ *Тавроболии* — жертвоприношение быка в честь Кибелы. Этот обряд греческого происхождения появился в Риме при Антонине Пие (138-161 гг.). Для совершения обряда вырывали глубокую яму, которую покрывали досками с отверстиями. На эти доски помещали быка, предназначенного для жертвоприношения. Жрец в шелковой одежде и со священными повязками на голове располагался в яме так, чтобы потоки крови зарезанного быка «омывали» его. Считалось, что кровь жертвенного животного очищает и возрождает душу, является залогом вечной жизни. Существование в Риме этого обряда прослеживается до IV в. н.э.

⁵ *Саламбо* — возлюбленная Адониса (Таммуза); культ этой финикийско-пунической богини напоминает культ Кибелы. Возможно, Саламбо идентична богине Тиннит. Удовлетворительной этимологии имени Саламбо до сих пор не существует.

⁶ *Священные камни*, находившиеся обычно в прорицалище, являлись идолами богини Кибелы из Пессинунта.

⁷ О человеческих жертвоприношениях Элагабала свидетельствует также Дион (79.11.3.).

⁸ Выражение *pueri patrum et matrum* в сакральном языке означало детей знати, родители которых были живы. Эти дети участвовали как прислужники в различных сакральных церемониях: в жертвоприношениях, на церемониях освящения и т.п.; выступали в молитвенном хоре, участвовали в церемонии свадьбы. Весталками также могли быть лишь *virgines patrum matrum*.

⁹ *Начальник дворцовых ведомств* входил в совет принцепса (*consilium principis*).

¹⁰ «Разрезай, Магир!» — прозвище Зотика по-гречески значит «повар». Отец Зотика был представителем этой профессии.

¹¹ Цитата из «Братьев» Теренция (643). Впервые это заметил Петрарка.

12. Префектом претория он назначил плясуна, который выступал в качестве актёра в Риме; префектом охраны¹ он сделал возницу Корпия; префектом продовольственного снабжения он поставил цирюльника Клавдия. На прочие почётные должности он выдвигал тех, кто заслужил его благосклонность благодаря огромным размерам своих срамных органов: ведать сбором двадцатой части наследств он велел погонщику мулов, велел и скороходу, велел и повару, и слесарю...

13. Среди этих непотребств своей бесстыдной жизни он приказал удалить от себя Александра, которого он усыновил, говоря, что раскаивается в этом усыновлении, и поручил передать сенату, чтобы у Александра было отнято имя Цезаря. Однако, когда в сенате было сообщено об этом, воцарилось глубокое молчание. Действительно, Александр был очень хорошим юношей, что впоследствии было доказано его правлением; своему приемному отцу он не нравился тем, что не был бесстыдником. ...Он был двоюродным братом Элагабала; он был любим воинами, мил сенату и сословию всадников². Однако Элагабал в своей ярости не остановился перед попыткой осуществить своё подлое желание: он даже подослал к нему убийцу... Он послал также в лагерь людей, чтобы они замазали глиной надписи на статуях Александра, как это обыкновенно делается по отношению к тиранам...

14. ...Как только были замазаны глиной надписи, все воины вспыхнули гневом...

16. ...Воины, и главным образом преторианцы... сговорились между собой и составили заговор с целью освободить государство. Прежде всего были умерщвлены различными способами соучастники его разврата, одних убили, отрубив им необходимые для жизни органы, другим пронзили нижнюю часть тела, чтобы их смерть соответствовала образу их жизни.

17. После этого бросились на Элагабала и убили его в отхожем месте, куда он бежал. Затем на виду у всех тащили его труп. Воины — в виде последнего надругательства — хотели бросить его труп в клоаку. Но так как оказалось, что эта клоака не могла вместить его, они сбросили его с Эмилиева моста в Тибр, привязав к нему груз, чтобы он не всплыл на поверхность и никогда не мог быть похоронен. Но прежде чем сбросить труп в Тибр, его протащили по всему пространству цирка. Его имя, то есть имя Антонина, за которое он так упорно держался, желая считаться сыном Антонина, было по приказу сената отовсюду оскоблено и осталось имя Вария Элагабала... Он — единственный из государей, [с которым совершили такое]³... Не имеется никаких общественных сооружений, которые были бы созданы им, кроме храма бога Элагабала, которого одни называют Солнцем, а другие — Юпитером, был восстановлен после пожара амфитеатр⁴ и достроена башня на Сульпициевой улице, которую начал строить Антонин, сын Севера. Баню открыл Антонин Каракалла, он и мылся в ней, и пускал туда народ, но не было ещё портиков, которые были впоследствии построены этим подложным Антонином и закончены Александром...

20. По отношению к сенаторам он проявлял иногда такое презрение, что называл их одетыми в тогу рабами; римский народ он называл годным только для обработки земли, а всадническое сословие ни во что не ставил. Городского префекта он часто после обеда звал на попойку, приглашая на неё и префектов претория. Если они отказывались пить, то начальники дворцовых ведомств принуждали их. Он хотел поставить в отдельных районах города Рима отдельных городских префектов, так, чтобы их было в Риме четырнадцать⁵; и он сделал бы это, проживи он дольше, причём он намеревался выдвинуть людей самых порочных и самых низких занятий...

№4

АЛЕКСАНДР СЕВЕР (222-235 гг.)

(ІСТОРІЇ РИМСЬКИХ ІМПЕРАТОРІВ, ЕЛІЙ ЛАМПРІДІЙ, АЛЕКСАНДР СЕВЕР)

1. После убийства Вария Элагабала [в марте 222 г.] к облегчению человеческого рода власть принял Аврелий Александр, уроженец города Арки, сын Вария, внук Варии и двоюродный брат самого Габала⁶...

2. ...Александр, матью которого была Маммея..., с раннего детства хорошо усвоивший полезные для гражданина и воина навыки, не пропускал, поскольку это зависело от него, ни одного дня, чтобы не упражняться в науках или в военном деле...

3. Он запретил называть себя владыкой (*dominus**)... Он велел снять драгоценные камни с одежды и обуви, которыми пользовался Элагабал. Он носил, как его и рисуют, белую незолоченую одежду, обыкновенные дорожные плащи и тоги⁷...

14. ...Необыкновенным был блеск его глаз, приводивший в смущение тех, кто долго смотрел на него; очень часто он проявлял способность предугадывания и обладал исключительной памятью, которую он... усилил с помощью мнемоники. Так как он достиг власти почти что мальчиком⁸, то все дела он вёл вместе с матерью... Это была женщина праведная, но скупая, страстно любившая золото и серебро.

15. Начав действовать как Август, он прежде всего отстранил от государственных дел, от службы и должностей всех судей, которых тот грязный человек выдвинул из числа самых мерзких людей; затем он произвёл чистку сената и сословия всадников...

Он предписал, чтобы дела и тяжбы сначала просматривались и разбирались правителями канцелярий и учёнейшими и преданными ему законоведами, из которых первым был тогда Ульпиан*, и только после этого ему делался доклад.

16. Он установил очень большое число разумных законов о правах народа и императорского казначейства. Ни одной правовой норме он не давал силы без согласия совета, в котором участвовали двадцать законоведов и не менее пятидесяти ученых и мудрых, и притом очень красноречивых людей... При этом спрашивалось мнение каждого и записывалось, кто что сказал...

¹ Префект охраны (*praefectus vigilum*) заведовал «когортами бодрствующих» (*cohortes vigilum*), которые несли пожарную службу в Риме и были одновременно ночной полицией; его юрисдикции подлежали грабители, воры и поджигатели. Должность префекта охраны была введена в 6 г. Августом. Уступая рангом лишь префектуре Египта, претория и продовольствия, префектура охраны до IV в. принадлежала к высшим всадническим должностям.

² Расположение солдат и гражданского населения к Александру подтверждают Дион (79.19.1) и Геродиан (5.8.2 сл.).

³ Хотя подобной экзекуции подвергся труп Вителлия, Элагабал всё-таки остается единственным в своем роде: Вителлия в клоаку не бросали.

⁴ Колизей, который пострадал при Макрине от удара молнии.

⁵ Август разделил Рим на 14 районов, во главе которых стояли муниципальные магистраты, избираемые по жребию или назначаемые императором из числа преторов (при Августе их было сначала десять, потом двенадцать), эдилов (шесть) и народных трибунов (десять); позднее наряду с ними появляются ещё другие чиновники (*procuratores a regionibus urbis*), но при Адриане их место заменяют кураторы, назначаемые из императорских вольноотпущенников. Александру Север фактически осуществил желание Элагабала, поручив районное управление кураторам-консулярам. Поставить во главе каждого района по городскому претору намеревался ещё Домициан.

⁶ *gabalus* — слово еврейского происхождения, имеющее значение «крест» или «виселица», а также (как бранное слово) человека, заслуживающего позорную казнь.

⁷ Повседневной одеждой императоров была белая тога. *Дорожный плащ* (*paenula*) — обычная одежда солдат и простых граждан; ношение *пенулы* запрещалось патрицианским магистратам.

⁸ Александр Север начал править в возрасте 13 лет. О влиянии, которое оказывала его мать Юлия Мамея на его действия в начале правления, подробно сообщает Геродиан (6.1.1-10).

18. ...Он запретил падать перед ним ниц, тогда как перед Элагабалом [падали] ниц, как это принято у персидских царей¹.

19. *Префекта претория* он назначил себе в соответствии с авторитетным суждением сената²...

Вольноотпущенников он никогда не вводил в сословие всадников³, утверждая, что сословие всадников — это питомник сенаторов...

21. ...Государственный процент он брал в размере 1/3 процента в месяц; при этом многим бедным людям он давал деньги без процентов для покупки земель, с тем чтобы уплата производилась из доходов...

...Своих воинов, где бы они ни находились, он хорошо знал и даже имел в своей спальне их списки с обозначением численности и сроков службы военных; оставаясь один, он всегда просматривал их отчётность и данные о численности, звании и жаловании, чтобы иметь полные сведения обо всём. Наконец, выступая среди военных по какому-нибудь делу, он многих называл по имени. Он делал для себя заметки о том, кого следует продвинуть, часто перечитывал все листочки с записями; в соответствии с последними он и поступал, отмечая тут же дни, а также — по чьему предложению кто был повышен. Он много помог снабжению провиантом римского народа: тогда как Элагабал растратил весь запас хлеба, Александр, произведя закупку на свои деньги, восстановил его в прежнем количестве.

22. Для того чтобы торговцы охотно приезжали в Рим, он дал им величайшие льготы. Он восстановил в полном размере выдачу народу масла, установленную Севером, — её сократил Элагабал, предоставив должность префекта продовольственного снабжения самым негодным людям...

Он сохранил привилегии иудеям. Он терпимо относился к христианам. Он настолько уважал понтификов, квиндецемвиров⁴ и авгуров⁵, что позволил им вновь рассмотреть и разрешить иначе некоторые дела касательно священных обрядов, уже решённые и законченные им самим⁶.

Наместников провинций, которых по имевшимся у него сведениям хвалили по заслугам все, а не только их приверженцы, он во время своих путешествий всегда возил с собой в своей повозке и награждал подарками, говоря, что воров следует отстранить от государственных дел и делать их бедняками, а людей неподкупных — удерживать на государственной службе и делать богатыми. Когда римский народ просил его о снижении цен, он спросил через глашатая, какой вид товара они считают дорогим. Все в один голос закричали: «Говядину и свинину». Тогда он, не снижая цен, запретил убивать свиноматов, поросят-сосунков, коров, телят⁷, не прошло и двух лет или даже одного года, как оказалось такое изобилие свинины и говядины, что, если прежде фунт продавался за восемь мелких монет, теперь цена того и другого вида мяса дошла до двух и даже до одной монеты за фунт.

23. Если при разборе дел, возбуждённых воинами против трибунов, он находил кого-либо из трибунов виновным, то наказывал его без снисхождения сообразно с характером его проступка. Обо всех он разузнавал через своих верных людей и через тех, о ком никто не знал, что они этим занимаются, так как, говорил он, всех можно подкупить взяткой. Рабы у него всегда ходили в рабской одежде, вольноотпущенники — в одежде свободнорожденных. Евнухов он исключил из своей прислуги и велел им служить на положении рабов у своей жены. Тогда как Элагабал был рабом своих евнухов, Александр свёл их к определённом числу и позволил им обслуживать в Палатинском дворце только женские дворцовые бани... Человека, который давал пустые обещания, торгуя его именем, и получил от какого-то военного сто золотых, он велел распять на той дороге, по которой чаще всего ходили в пригородные императорские имения его рабы.

24. Очень много легатских провинций он сделал наместническими, в проконсульских же провинциях он распоряжался, согласуясь с волей сената⁸. Он запретил устраивать в Риме смешанные бани; это было запрещено и раньше, но Элагабал разрешил. Налог со сводников, блудниц и продажных мужчин он запретил вносить в священное казначейство и назначил его на государственные расходы по ремонту⁹ театра, цирка, амфитеатра, стадиона. Он имел намерение запретить мужчинам торговать собою — то, что впоследствии осуществил Филипп, — но побоялся, что открытый позор превратится после запрещения в скрытый разврат, так как люди, одержимые бешеными страстями, стремятся к недозволенному, особенно тогда, когда оно запрещено. Он установил превосходный налог на портных, ткачей, стекольщиков, скорняков, слесарей, серебряных и золотых дел мастеров и других ремесленников и на эти деньги велел содержать для общего пользования термы, заложенные и им самим и прежними государями; он назначил и леса на нужды общественных терм. Он увеличил отпуск масла для светильников в термах, тогда как прежде последние не открывались раньше рассвета и закрывались до захода солнца¹⁰.

25. ...Сооружения прежних государей он восстановил и сам выстроил много новых, в том числе — термы, носящие его имя¹¹, рядом с теми, которые называются Нероновыми, проведя сюда акведук¹², ныне называемый Александровым. Рошу для своих терм он устроил на частных владениях, скупив их и разрушив на них строения... Термы Антонина Каракаллы он закончил и украсил, добавив к ним портики. Он первый осуществил во дворце александровский способ применения мрамора, соединяя два вида мрамора — порфиновый и лакедемонский, украсив такими мраморными плитами дворы в Палатинском дворце¹³. Собрав отовсюду художников, он расставил по городу колоссальные статуи. Он выбил много монет с изображением Александра, некоторые — из электра, а больше всего — золотых...

¹ Такое приветствие (*проскинесис*) было окончательно оформлено как придворный церемониал Диоклетианом (284-306 гг.), однако после отдельных неудачных попыток его ввести при Калигуле (37-41 гг.), Нероне (54-68 гг.) и Домициане (81-96 гг.) оно имело место уже в правление Коммода (180-192 гг.) и первых Северов (конец II — начало III в.).

² Назначение *префекта претория*, как и городского префекта, было полномочным правом цезаря. Об утверждении такого назначения сенатом речь идёт только в «Жизнеописаниях Августов», в биографии Александра Севера.

³ В республиканскую эпоху вступление во всадническое сословие было строго обусловлено свободным рождением. Впоследствии на это все меньше и меньше обращали внимание.

⁴ *Квиндецемвиры* — жреческой коллегии квиндецемвиров были поручены сохранение и толкование Сивиллиных книг и священнодействия, ими предписанные. Потом на неё был возложен надзор за официально вводимыми в Риме чужеземными культами.

⁵ *Авгуры* — коллегия авгуров, первоначально включавшая трёх членов, затем (в республиканскую эпоху) последовательно 6, 9 и 15 и, наконец, увеличенная Цезарем до 16 членов, имела задачей добиться согласия и поручительства Юпитера в вопросах, касающихся общественного блага. Сверх этих функций авгуров не занимались исследованием будущего и не приносили жертв.

⁶ Как великому понтифику цезарю принадлежало последнее слово в решении религиозных вопросов.

⁷ Некоторые исследователи считают это сообщение неправдоподобным.

⁸ В обоих случаях речь идёт об императорских провинциях, которым в конце предложения противопоставлены проконсульские, т.е. сенаторские.

⁹ Ремонт общественных зданий вменялся в обязанность цезарю.

¹⁰ Обычно общественные бани открывались в восьмом или девятом часу, т.е. вскоре после полудня, и закрывались перед наступлением ночи. Решение Александра Севера сделать возможными ночные посещения бань не подтверждается иными источниками.

¹¹ Речь явно идёт о Нероновых термах на Марсовом поле, восстановленных и расширенных Александром Севером; после этого они получили его имя.

¹² Этот акведук снабжался водой из источников с северной части Альбанской горы и шёл в северо-западном направлении к Пренестинским воротам.

¹³ Речь идёт о мраморной облицовке, в которой комбинируются плитки из красного порфира и зелёного лаконского камня.

26. Три раза он произвёл раздачу народу, три раза сделал воинам денежный подарок; он прибавил народу раздачу мяса. Заботясь также о бедных, он сократил проценты ростовщиков до 1/3 процента в месяц¹. Сенаторам, если они занимались ростовщицеством, он сначала запретил брать проценты, разрешая брать что-либо только в качестве подарка, а потом позволил брать полпроцента в месяц, но отменил всякие дары. Он поставил на форуме Траяна статуи выдающихся людей, перенося их туда отовсюду. Он оказывал большой почёт Павлу* и Ульпиану... Говорят, что Ульпиан* был у Александра и советником, и начальником канцелярии; но оба они, как говорят, были помощниками Папиниана*... Храм Исиды и Сераписа он украсил пристойным образом, добавив статуи, делосские изваяния и всё то, что имеет отношение к таинствам этих божеств... Мосты, построенные Траяном, он почти во всех местах восстановил, построил также несколько новых, а за восстановленными сохранил имя Траяна.

27. У него было намерение для всех ведомств и званий ввести особый род одежды, чтобы их можно было различать по одеянию, а также ввести особую одежду для рабов, чтобы их можно было распознавать в толпе народа — с той целью, чтобы помешать им поднимать мятежи, а вместе с тем — не давать рабам смешиваться со свободнорожденными. Против этого, однако, возражали Ульпиан и Павел, говоря, что отсюда произойдет очень много раздоров, поскольку люди склонны наносить друг другу обиды. Тогда он решил, что будет достаточно отличить римских всадников от сенаторов качеством полосы на тоге...

28. ...Он был весьма строгим судьей по отношению к ворам... Одного письмоводителя, который представил лживое изложение одного судебного дела в императорский совет, он сослал, приказав подрезать ему жилы на пальцах так, чтобы он никогда больше не мог писать. Когда некто из высокопоставленных, ведя скверную жизнь и даже когда-то обвинявшийся в воровстве, пожелал, движимый чрезмерным честолюбием, занять важное положение в армии и ему удалось проникнуть туда благодаря содействию дружественных ему царей, он тут же в присутствии своих покровителей был изобличен в воровстве. Выслушать его было приказано царям, виновность его была доказана, и он был осужден. Когда спросили у царей, какому наказанию присуждаются у них воры, они ответили: «К кресту»². Согласно с их ответом он и был распят. Так этот честолюбец был осужден приговором своих же покровителей и Александр сохранил славу милостивого человека... Он хотел, чтобы его считали происходящим от римского племени, ему было стыдно, когда его называли сирийцем, особенно когда в какой-то праздник антиохийцы, египтяне и александрийцы осыпали его по своему обыкновению насмешками, называя его сирийским архисинагогом и архиереем.

29. ...Проводил он время следующим образом. ...Если он не спал с женой, он совершал утром священнодействие в своём помещении для ларов, где у него стояли изображения и обожествлённых государей, только самых лучших, избранных, и некоторых особенно праведных людей, среди которых был и Аполлоний, а также, как рассказывает историк его времени, — Христос, Авраам, Орфей³ и другие подобные им, а равно и изображения предков. Если же он не мог это делать, то, смотря по условиям местности, он либо катался, либо ловил рыбу, либо гулял, либо охотился. Затем, если позволяло время, он... немного занимался государственными делами, так как и военные, и гражданские дела... рассматривались предварительно его друзьями, притом людьми безупречными, верными... Рассмотренные дела он утверждал, если ему не было угодно принять какое-нибудь новое решение. В случае надобности он ещё до рассвета начинал заниматься государственными делами и сидел до позднего часа; при этом он никогда не скучал, никогда не сидел мрачным или разгневанным...

30. После государственных дел, военных или гражданских, он с наибольшим усердием занимался чтением по-гречески; читал он книги Платона «О государстве». Когда же он читал по-латыни, то больше всего читал сочинения Цицерона «Об обязанностях» и «О государстве»; иногда он читал и речи, и поэтов, в том числе Серена Саммоника, которого он лично знал и любил, а также Горация. Прочитал он и описание жизни Александра, которому больше всего подражал, хотя и осуждал его склонность к пьянству и жестокость по отношению к друзьям, несмотря на то что и тот и другой порок его стараются оправдать хорошие писатели, которым он часто верил. После чтения он занимался борьбой или игрой в мяч, или бегом, или более легкими упражнениями, а затем, умастившись, купался, причём никогда... или очень редко пользовался горячей ванной, а всегда купался в водоёме... почти целый час. Он даже пил натошак холодную воду из Клавдиева акведука⁴ в количестве до одного сектария*. Выйдя из ванны, он съедал много хлеба и молока, яйца, затем пил вино, смешанное с мёдом⁵. Подкрепившись этим, он иногда приступал к завтраку, а иногда откладывал принятие пищи до обеда, но чаще все-таки завтракал. Он часто употреблял тетрафармакон⁶ Адриана...

31. После полудня он занимался писанием заключений и чтением писем; при этом всегда присутствовал секретарь, докладчик по прошениям и секретарь-напоминающий... Писцы или правители канцелярии прочитывали всё, а Александр собственноручно приписывал то, что считал нужным, руководясь при этом мнением того, кто считался наиболее красноречивым. После писем он принимал всех друзей вместе и со всеми одинаково беседовал; никогда ни с кем он не виделся наедине, кроме своего префекта... Ульпиана, который был раньше... его помощником. Если же он приглашал кого-либо другого, то приказывал призвать и Ульпиана. Вергилия он называл Платоном поэтов и изображение его вместе с изображением Цицерона имел в своём втором помещении для ларов, где находились изображения Ахилла и других великих мужей. Изображение же Александра Великого он почитал как святыню в большем помещении для ларов среди лучших и обожествлённых мужей.

33. Он назначил в Риме 14 попечителей города — из бывших консулов. Им он приказал разбирать городские дела вместе с префектом Рима, причём при рассмотрении дел требовалось присутствие всех или большинства. Он учредил корпорации вино-торговцев, продавцов бобов, сапожников и вообще корпорации всех ремесел, назначил им защитников из их среды и указал, какие из них подсудны каким судьям...

34. ...Когда он пировал среди своих, то приглашал либо Ульпиана, либо учёных людей для просвещённых бесед, которые, как он говорил, восстанавливали его силы и питали его...

37. Он часто посещал зрелища, но очень скупно одаривал их участников и говорил, что актеров, охотников и возниц следует содержать так, как наших рабов или охотников, или погонщиков мулов, или тех, кто обслуживает наши удовольствия...

¹ Существует мнение, что это сообщение представляет собой вымысел. Скорее всего, оно основано на законе Аркадия от 450 г. (2.33.4), в котором установлено, что сенаторы должны ссужать деньги из расчёта не более 6%.

² «К кресту» — казнь через распятие в императорскую эпоху применялась к рабам и свободным людям низших сословий. Сенаторы и всадники, а также декурiones не подвергались смертной казни на кресте. Присутствие, сообщаемое здесь, необычно. В худшем случае такое преступление влекло за собой высылку. С другой стороны, цезарь стоял над законом и мог сам определять меру наказания.

³ Присутствие Христа и Авраама наряду с языческими божествами надо считать вымыслом, несмотря на ссылку на современника. Упоминание Христа вызвано в первую очередь тем, что автор-язычник оспаривает абсолютные претензии христианства и косвенно призывает христиан проявлять терпимость по отношению к язычеству.

⁴ Заложенный Калигулой в 38 г., окончательно достроен Клавдием в 52 г.

⁵ Mulsum — напиток из мёда и виноградного сока или хорошего вина.

⁶ Тетрафармакон — блюдо, состоящее из четырех частей: фазаньего мяса, свиного вымени, ветчины и теста. В этом значении тетрафармакон встречается только в Ист. Авг. (см. также Адр. XXI.4). В других местах это слово обозначает целебную повязку для ран из четырёх компонентов.

39. Когда у него бывали друзья-военные, то, чтобы соблюсти обычай, введённый Траяном¹, — выпивать после десерта до пяти бокалов вина, он предлагал друзьям только один бокал — в честь Александра Великого, да и то не очень вместительный, разве только кто-нибудь прямо потребует большего — это дозволялось... Во всех районах Рима он устроил общественные зернохранилища, куда сносили свое добро те, кто не имел для хранения его собственных амбаров. Он добавил бани — во всех районах, которые их почему-либо не имели; ведь и ныне ещё многие бани называются банями Александра. Он построил прекрасные дома и подарил их своим друзьям — людям, отличавшимся особенной неподкупностью. Государственные подати он уменьшил до такого размера, что те, кто при Элагабале платил 10 золотых, теперь платили 1/3 золотого, т.е. тридцатую часть прежнего. Тогда впервые были отчеканены золотые монеты половинного размера². Тогда же, когда подать была уменьшена до 1/3 золотого, были отчеканены и 1/2 золотых, причем Александр говорил, что будут и четверти золотых, так как чеканить более мелких монет он не может³...

42. ...Скорородами⁴ были у него только его рабы, причем он говорил, что свободнорожденный должен бегать только на священных состязаниях⁵; повара, пекари, сукновальщики, банщики — только из рабов, если их не хватало, то он покупал новых. При нём получал содержание только один придворный врач; все прочие, которых было до шести, получали продовольственный паёк в двойном и тройном размере, притом — по одному хлебу чистому, а остальные иного вида. Выдвигая людей на должности судей, он, по примеру древних, как учит и Цицерон⁶, снабжал их серебром и всем необходимым, так что наместники провинций получали по 20 фунтов серебра, по 6 мулиц, по 2 мула, по 2 лошади, по 2 выходных одежды, по 2 домашних, 1 купальную, 100 золотых, 1 повара, 1 погонщика мулов; если они не были женаты, то — по 1 наложнице, так как без последних они не могли обходиться. По сложении с себя должности они должны были возратить мулиц и мулов, лошадей, погонщиков мулов и поваров, а все прочее сохраняли при себе, если хорошо исполняли свои обязанности; если же — плохо, то возвращали в четверном размере — с добавлением осуждения за казнокрадство или вымогательство...

44. ...Он установил содержание риторам, грамматикам, врачам, гаруспикам, астрологам, механикам, архитекторам и назначил им аудитории. Он приказал дать им учеников из сыновей бедняков с назначением этим ученикам продовольственного пайка, лишь бы они были свободнорожденными. И в провинциях он выказывал большое уважение к судебным ораторам, многим, о которых было известно, что они вели дела бесплатно, он назначил даже продовольственный паёк... Он часто посещал театральные зрелища. Театр Марцелла он хотел восстановить. Многим городам, которые после землетрясения лежали в развалинах, он дал денег из податных сумм на восстановление общественных и частных сооружений...

45. ...Держались в секрете военные тайны, о днях же его выступлений в поход заранее открыто объявлялось, так что уже за два месяца вывешивался эдикт, в котором было написано: «В такой-то день, в такой-то час я выступлю из Рима и, если будет угодно богам, остановлюсь у первой остановки». Затем перечислялись по порядку остановки, затем — лагерные стоянки, затем места, где следует получить продовольствие, и так далее, вплоть до границ с варварами. С этого же места начиналось молчание, и все шли в неведении, чтобы варвары не знали планов римлян...

47. Питание воинов во время похода он распределял так, что они получали продовольствие на остановках и не носили с собой, как это обычно делается, съестных припасов на 17 дней⁷. Исключение делалось только в варварской стране, но и там он помогал им мулами и верблюдами; при этом он говорил, что воинов он оберегает больше, чем самого себя, так как благополучие государства зависит от них. Больных воинов, даже самых младших, он сам навещал в палатках, возил в крытых повозках и помогал им всем необходимым. Если они заболели очень тяжело, он распределял их по городам и поместьям у наиболее уважаемых отцов семейств и у безупречных матрон. Понесенные последними расходы он возмещал независимо от того, выздоравливали ли воины или умирали...

55. Отправившись... в Персию с большим военным снаряжением, он победил могущественнейшего царя Артаксеркса⁸. Сам Александр обходил фланги, ободрял воинов, находился в пределах досягаемости копий, очень много действовал и своей собственной рукой, воодушевлял словами отдельных воинов на славные дела. Разбив и обратив в бегство столь могучего царя..., он немедленно вернулся в Антиохию и обогатил своё войско добычей, взятой у персов, позволив трибунам, военным начальникам и самим воинам сохранить у себя то, что они захватили в селениях. Тогда впервые у римлян появились рабы-персы...

58. ...Пленников из различных народов он подарил друзьям, если это позволял детский или молодой возраст этих людей. Однако людей, близких к царю и знатных, он назначил в войска — на невысокие должности. Земли, отнятые у врагов, он роздал пограничным начальникам и воинам, с тем, чтобы эти земли принадлежали им лишь в том случае, если и наследники их будут служить в войске, и чтобы земли никогда не переходили в частные руки⁹, он говорил, что воины будут ревностнее нести службу, если будут защищать и свои поля. Кроме того, он дал им скот и рабов, чтобы они могли обрабатывать полученную ими землю и чтобы соседившие с варварскими областями поля не были покинуты из-за недостатка в людях и вследствие старости владельцев — это он считал в высшей степени позорным.

59. После этого он жил, окружённый необыкновенной любовью народа и сената. Когда он отправился на войну с германцами, все были уверены в победе... Очень тяжело были и для государства и для него самого то, что германцы грабили и опустошали Галлию. В довершение позора этот народ, который, казалось, всегда подчинялся даже ничтожным императорам, теперь угрожал Римскому государству уже после победы над парфянами. Александр шёл большими переходами, ведя радостных воинов. Однако, узнав, что и здесь легионы мятежны, он приказал распустить их. Но галлы, народ по своему характеру суровый и непокорный, часто причинявший неприятности императорам, не могли вынести чрезмерной строгости этого человека, которая после Элагабала казалась ещё большей. Итак, когда он был с небольшим отрядом... в посёлке, называвшемся Сицилией¹⁰, его убили какие-то воины — не по общему решению войска, но как разбойники; это были главным образом воины, которые разбогатели от наград Элагабала и не могли терпеть строгого государя. Многие говорят, что его убили подсланные Максимином новобранцы, которые

¹ Здесь обыгрывается неумеренное пристрастие Траяна к вину; см. Адр. III.3 сл.; Дион. 68.7.4; Аврелий Виктор. О цезарях. 13.4.

² Это не соответствует действительности. Золотые монеты такого типа сохранились от всех императоров, правивших хоть сколько-нибудь продолжительное время, начиная с Цезаря и кончая Каракаллой. Исключения — Гальба, Отон, Вителлий, Пертинакс.

³ Монет в 1/2 и 1/4 золотого не сохранилось ни от Александра Севера, ни от императоров, правивших после него.

⁴ Речь идёт о почталюнах.

⁵ Соревнования по бегу, связанные со священными культами, происходили на празднике Робигалий 25 апреля, на Капитолийских играх, на празднике в честь основания города и на арвальских празднествах.

⁶ См. Цицерон. Против Верреса. 5.9.

⁷ Ср. Цицерон. Тускуланские беседы. 2.37; Аммиан. 17.9.2. Речь идёт лишь о дополнительной порции сухарей — около 2 кг, которых при необходимости солдату хватало на два дня, а не о всей 17-дневной порции.

⁸ Имеется в виду поход 232 г. против царя Ардашира I, основателя новоперсидской державы.

⁹ Мероприятия в отношении пограничных войск, приписанные Александру Северу, относятся, вероятно, к более позднему времени; соответствующие законы датированы IV и V в.

¹⁰ Александр Север был убит в Германии, вероятно, в Майнце или около него.

были даны последнему для обучения... Однако верно то, что его убили воины; при этом они говорили много оскорбительного о нём, как о мальчишке, и о его матери, скупой и жадной.

60. Правил он 13... Прожил он 29 лет... Он во всём руководствовался советами матери, вместе с которой он и был убит...

VIII. КРИЗА РИМСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА І ДЕРЖАВИ (235-284 pp.)

Римська імперія і римське рабовласницьке суспільство досягли свого найвищого розквіту в I—II ст. н.е. Цей розквіт був обумовлений поширенням класичного рабства і зв'язаних з ним соціально-економічних відносин по всій території держави. Однак в кінці II ст. н.е. внутрішні потенції рабовласницького способу виробництва стали всихати. Рабовласницькі відносини розвинутого типу перестали забезпечувати подальший розвиток суспільства і вступили в період кризи. Якщо на рубежі II—III ст. спостерігались лише перші симптоми, то в сер. III ст. криза рабовласницьких відносин досягла найбільшої глибини.

№1

ФАСЦІЙ ЦЕЦИЛІЙ КІПРІАН З ПОСЛАННЯ ДОНАТУ

Кіпріан, учень християнського апологета Тертуліана, був єпископом християнської общини в Карфагені з 248 по 256 р. У 256 р. був страчений під час гонінь на християн при імператорі Валеріані I (253-260 pp.). Добре знав настрої народних мас і становище в Імперії.

Смотри: дороги заняты разбойниками, моря заперты пиратами, всюду война, лагеря, кровавые ужасы. Весь мир орошен взаимно проливаемой кровью, и человекоубийство считается преступлением, только если его совершают отдельные лица, если же оно осуществляется публично, то считается доблестью. Безнаказанность за проступки обеспечивается не отсутствием виновности, а чудовищностью злодеяния.

...Преступления не только совершают, им обучаются...

...Пусть законы записаны на двенадцати таблицах, пусть они выставлены на меди для всеобщего сведения, перед лицом законов совершаются преступления, попираются права. Невинность не ограждается даже в том самом месте, где ее полагается защищать. Взаимные раздоры разгораются до неистовства, нет мира и среди того, и форум оглашается криками вражды. Там наготове и меч, и копье, и орудия пытки: щипцы, и дыба, и огонь. К единому человеческому телу применяется больше казней, чем сколько у него членов. Кто же оградит от всего этого? Патрон? Но он вероломен и обманщик. Судья? Но он торгует своими приговорами. Кто поставлен для пресечения преступлений, тот сам их допускает, и, чтобы погубить невинного обвиняемого, сам судья становится виновным.

Нет никакого страха перед законами, никакого уважения ни к следователю, ни к судье. Что продажно, то не внушает страха.

И тех, кого ты считаешь богачами, переходящими от одного увеселения к другому, вытесняющими бедняков из своего соседства, беспредельно расширяющими во всех направлениях свои поместья, обладающими большим количеством золота и серебра, у которых несметные богатства в деньгах, ссыпанных в кучи или зарытых в землю, и тех, среди всего их богатства, терзают беспокойство и опасения, как бы его не похитил грабитель.

№2

ГАЛЛІЄН (253-266 pp.) (ТРЕБЕЛІЙ ПОЛЛІОН, ГАЛЛІЄН)

Треbelлий Поллион, один из авторов сборника биографий римских императоров от Адриана до Нумериана, составленного в конце III — начале IV в. н.э. Император Галлиен правил в 253-266 гг., сначала как соправитель своего отца Валериана (253-260 гг.), а после пленения Валериана персами в 260 г. единолично. В правление Галлиена кризис римского общества в государстве достиг высшей точки.

XXIII, 1. После того как был взят в плен Валериан (в самом деле, с чего следует начинать жизнеописание Галлиена, как не с того главного бедствия, которое так тяжело отразилось на его жизни?), в то время как состояние государства стало шатким, когда Оденат уже захватил власть на Востоке, а Галлиен, узнав о пленении отца, радовался, — войска бродяжничали, роптали... военачальники все были охвачены... скорбью по поводу того, что... император... римский находится в рабстве у персов ... всех ... что Галлиен ... отец, когда было сделано так ... нравами ... погубил. Итак, в консульство Галлиена и Валузиана Макриана и Баллиста объединяются, созывают остатки войска и — ввиду шаткого состояния Римской империи на Востоке — обдумывают, кого бы избрать императором, так как Галлиен вел столь беспечный образ жизни, что войско даже не вспоминало о нем. Наконец, они решили объявить Макриана¹ и его сыновей императорами и взяться за защиту государства... Так, следовательно..., была возложена... императорская власть... на Макриана... Причины того, что на Макриана ... с сыновьями ... императорскую власть, были следующие: во-первых, в то время ни один полководец не считался мудрее его, ни один — более подходящим для управления государством; затем, он был очень богат, так что из своих частных средств мог покрывать общественные издержки. Сюда присоединилось и то обстоятельство, что его дети, очень храбрые молодые люди, всеми помыслами стремились к войне, так что были для легионов примером во всех ... военных...

2. Итак, Макриан ... отовсюду вспомогательные войска ... устремляется, заняв ... части, которые сам ... расположил так, чтобы ... императорскую власть ... эту войну организовал ... так как был равносильным всем ... что можно было собрать против него. Тот же Макриан назначил в Ахайю Пизона, одного из знатных и первенствующих в сенате, с той целью, чтобы он покончил с Валентом, который ведал там государственными делами, обремененный проконсульской властью. Узнав о том, что Пизон идет против него, Валент принял на себя императорскую власть. Итак, Пизон удалился в Фессалию. Там он был убит вместе с очень многими, когда Валент послал туда воинов; сам он также был провозглашен императором с прозвищем «Фессалийский». Макриан, задержав на Востоке одного из своих сыновей, сначала прибыл — после замирения — в Азию, потом направился в Иллирик. В Иллирике он завязал сражение с полководцем императора Авреола, который, став против Галлиена, взял на себя императорскую власть. Имя этого полководца было Домициан. Макриан имел при себе одного из своих сыновей и вел с собой 30 тыс. воинов. Макриан вместе со своим сыном, носившим имя Макриан, был побежден, и все войско перешло на сторону императора Авреола.

¹ Упомянутые в тексте Оденат, Макриан и другие полководцы провозглашались стоящими в разных частях Империи войсками в качестве императоров, но не признавались таковыми римским сенатом, другими римскими армиями и аристократией других провинций. Носителем власти всеримского императора считался Галлиен, остальные рассматривались как узурпаторы.

3. В то время как государство было охвачено смутой на протяжении всего круга земель, Оденат, узнав о том, что Макриан с сыном умерщвлены, что царствует Авреол, что Галлиен ведет дела крайне небрежно, поспешил ко второму сыну Макриана, чтобы захватить его с войском, если судьба предоставит такую возможность. Но те, кто были с сыном Макриана, носившим имя Квиет, вступив, по почину префекта Макриана — Баллисты, в соглашение с Оденатом, убили молодого человека и, перебросив через стену его труп, немедленно все сдались Оденату. Итак, Оденат стал императором почти всего Востока, в то время как Иллириком владел Авреол, Римом — Галлиен. Тот же Баллиста убил одновременно с Квиетом и хранителем сокровищ многих эмесян, к которым бежали воины Макриана, так что город был почти уничтожен. Между тем Оденат, как бы держа сторону Галлиена, направлял ему по поводу всех событий сообщения, соответствовавшие истине. Узнав о том, что Макриан со своими детьми убит, Галлиен — словно положение дел больше не внушало беспокойства и отец его был уже возвращен — предался разврату и удовольствиям. Он устроил цирковые игры, театральные представления, гимнастические игры, а также зрелища, охоты и гладиаторские игры и призывал народ веселиться и рукоплескать, словно в дни побед. Тогда как большинство скорбело по поводу того, что его отец в плену, его самого неумеренно радовала видимость блеска, падавшая на него от того, что его отца, казалось, слишком далеко завлекло стремление к доблести. Было известно, что, не будучи в состоянии выносить строгость своего отца, он горячо желал не чувствовать над своей головой отцовской взыскательности.

4. В то же время Эмилиан взял на себя императорскую власть в Египте и, захватив зернохранилища, подверг много городов бедствиям голода. Но полководец Галлиена Теодот, вступив с ним в бой, взял его в плен и к императору... отправил живым. Ведь Египет... был дан ... когда Эмилиан ... был ... удушен ... воины... Ввиду того что Галлиен погряз в роскоши и пороках, не занимаясь ничем, кроме забав и кутежей, и вел государственные дела так, как дети, которые в своих играх придумывают всякие должности, — галлы, которые в силу своих природных свойств не могут терпеть легкомысленных, выродившихся в смысле утраты римской доблести и утопающих в роскоши государей, призвали к власти Постума, найдя себе сочувствие и в войсках, так как последние жаловались на то, что император занят только развратом. Против него Галлиен... повел войско и, когда он стал осаждать город, в который вошел Постум ... причем его защищали галлы. Галлиен, обходя стены кругом, был ранен стрелой. Дело в том, что Постум был императором семь лет и крепкой рукой охранял Галлии от всех бушевавших вокруг них варваров. Под давлением этих бед Галлиен заключает мир с Авреолом, чтобы обратиться против Постума, и во время затяжной войны, где были различные осады и сражения, ведет дело то счастливо, то несчастливо. К этим бедам присоединилось еще и то, что скифы вторглись в Вифинию и разрушили ряд городов. Наконец, они подожгли и опустошили Астак, который впоследствии был назван Никомедией. Наконец, когда все части земного круга были потеряны словно вследствие заговора всего мира, началось и в Сицилии нечто вроде войны с рабами: там бродили разбойники, которые с трудом были разгромлены.

5. И все это происходило вследствие того, что Галлиен внушал к себе презрение. Ведь ничто в большей степени не подстрекает дурных людей к дерзостным поступкам, а хороших к достойным, чем страх перед дурным императором или презрение к распущенному. В консульство Галлиена и Фаустиниана¹ среди стольких бедствий, причиненных войной, произошло еще страшное землетрясение. Земля на много дней покрылась мраком. Были слышны раскаты грома, но это гремел не Юпитер, а грохотала земля. Во время этого землетрясения было поглощено много зданий с их обитателями, многие умерли от страха. Несчастье это было еще более тяжелым в городах Азии. Земля тряслась и в Риме и в Ливии. Во многих местах в земле образовались расщелины, причем во рвах появилась соленая вода. Много городов было затоплено морями. Итак, обратились за помощью к богам, справились в Сивиллиных книгах и совершили, согласно предписанию, жертвоприношение Юпитеру спасителю. Ведь вспыхнула также такая моровая язва и в Риме, и в ахейских городах, что в один день погибло от одинаковой болезни пять тысяч человек. В то время как судьба свирепствовала — в одних местах было землетрясение, в других разверзлась земля, в разных частях государства моровая язва опустошила римский мир, Валериан был в плену, большая часть Галлии была захвачена, пошел войной Оденат, теснил Авреол ... когда Эмилиан занял Египет, часть готов ... от которого, сказано выше, готам было присвоено, захватив Фракии, опустошили Македонию, осадили Фессалонику, и нигде не было видно ни малейшего успокоения. Все это... происходило вследствие презрения к Галлиену, человеку, предававшемуся всяким излишествами и, если бы только он почувствовал себя спокойным, готового на всякие позорные поступки.

6. В Ахайте сражались под начальством Марциана против тех же готов; побежденные, они ушли через страну ахейцев. Скифы, т.е. часть готов, опустошали Азию. Был разграблен и сожжен храм Эфесской Луны... Стыдно передавать то, что в такие тяжелые времена по случаю всех этих событий не раз говорил Галлиен, на горе человеческому роду обращая все это в шутку. Когда ему сообщили о том, что отпал Египет, он, говорят, сказал: «Ну что ж? Разве мы не можем существовать без египетского полотна?» Когда он узнал, что Азия разорена от сотрясения всех основ природы и набегов скифов, он сказал: «Ну что ж? Разве я не могу жить без пирожных?» После потери Галлии он... засмеялся и сказал: «Неужели безопасность государств обеспечивается атрабатскими плащами?» Так он подшучивал над всеми частями мира, когда терял их, словно дело шло об утрате малоценных предметов обихода. И в довершение всех бед, случившихся во времена Галлиена, город византийцев, славный своими морскими войнами, ключ к Понту, был так опустошен воинами того же Галлиена, что в нем не оставалось в живых никого решительно. В сущности, у византийцев нельзя найти ни одного старинного рода, только те, что спаслись, потому что уехали путешествовать или были на военной службе, могут быть представителями древнего знатного рода.

7. Итак, против Постума Галлиен начал войну вместе с Авреолом и полководцем Клавдием, который впоследствии стал императором; он был родоначальником рода нашего Цезаря Констанция. Постум получил много вспомогательных отрядов от кельтов и франков и выступил на войну вместе с Викторином, с которым он разделил власть. После многочисленных сражений, имевших различный исход, победа оказалась на стороне Галлиена. У Галлиена бывали внезапные вспышки решимости, так как временами он сильно переживал обиды. Словом, он двинулся, чтобы отомстить за византийцев, и хотя он не думал, что его впустят в стены города, однако был принят на следующий день и перебил всех невооруженных воинов, окружив их кольцом вооруженных и нарушив условие, которое он обещал соблюдать. В то же время — вследствие доблести и умелого командования римских полководцев — и скифы в Азии подверглись разгрому и вернулись в свои места. Перебив воинов в Византии, словно совершив этим великое дело, Галлиен стремительно помчался в Рим и, созвав сенаторов, отпраздновал десятилетие своего правления [263 г.] с небывалыми играми, невиданными дотоле торжественными шествиями, изысканными удовольствиями.

8. Прежде всего он направился на Капитолий, окруженный сенаторами, одетыми в тогу, и всем сословием всадников; перед ним шли воины в белом и весь народ; впереди их шли рабы почти всех граждан и женщины с восковыми свечами и светильниками. По обеим сторонам шло также впереди по сто белых быков с золотыми перевязями на рогах и блистая разноцветными шелковыми покрывалами; шли впереди белые овцы, но двести с каждой стороны, и десять слонов, которые были тогда в Риме, тысяча

¹ Консульство Галлиена (в пятый раз) и Фаустиниана, во время которого произошло страшное землетрясение, было в 262 г.

двести гладиаторов, пышно разодетые — в золоченых одеяниях матрон, прирученные дикие животные разных пород, с множеством украшений, крытые повозки с мимами и всякого рода актерами, кулачные бойцы, бившиеся между собой мягкими мячами, а не по-настоящему. Все скоморохи разыгрывали миф о циклопе, показывая при этом удивительные и поразительные вещи. На всех улицах стоял шум от игр, криков, рукоплесканий. Сам он в украшенной вышивками тоге и в тунике, расшитой пальмовыми ветвями, направлялся, как мы сказали, на Капитолий, окруженный сенаторами, со всеми жрецами, одетыми в претексты*. С той и другой стороны несли по пятьсот золоченых копий, по сто знамен, не считая знамен коллегий, драконов, значки храмов и всех легионов. Кроме того, шли переодетые люди, изображавшие разные племена: готов, сарматов, франков, персов, так что в каждой группе их было не меньше двухсот.

9. Этой пышностью нелепый человек думал обмануть римский народ, но римляне со свойственными им шутками выражали расположение — одни Постуму, другие Региллиану, иные Авреолу или Эмилиану, кое-кто Сатурнину — ведь говорили, что и этот последний уже является императором. Среди всего этого веселья слышались сильные сетования по поводу его отца, которого сын оставил неотомщенным и за которого так или иначе оплатили посторонние. Но на Галлиена подобные вещи не действовали: сердце его зачерствело от наслаждений, и он только спрашивал у окружающих его людей: «Что у нас на завтрак? Какие приготовлены удовольствия? Что будет завтра в театре и в цирке?» Так, совершив свой путь и принеся гекатомбы, он вернулся во дворец и — после пиров и угощений — посвящал прочие дни общественным развлечениям. Не следует обойти молчанием замечательно остроумную шутку. Когда в торжественном шествии вели толпу персов, будто бы пленных (смехотворная затея!), несколько шутников смешалось с персами, старательно осматривая все и с удивительным любопытством разглядывая лицо каждого. Когда их спросили, что означает эта необычная выходка, они ответили: «Мы ищем отца нашего государя». Когда это дошло до Галлиена, он не почувствовал ни стыда, ни печали, ни любви к отцу, он велел сжечь шутников живыми. Этот поступок причинил народу большую скорбь, чем можно было бы предполагать, воины же были огорчены в такой степени, что немного времени спустя оплатили ему за это.

10. В консульство Галлиена и Сатурнина¹ пальмирский царь Оденат получил императорскую власть над всем Востоком, главным образом по той причине, что он — благодаря своим смелым действиям — выказал себя достойным освящения своего высокого положения, в то время как Галлиен либо ничего не делал, либо тратил время на излишества, на нелепые и смехотворные затеи. Он немедленно объявил войну персам во имя отмщения за Валериана, — чем продолжал пренебрегать собственный сын последнего. Он немедленно занимает Низибис и Карры, причем низибийцы и каррцы сдались ему, браня Галлиена. Однако Оденат выказал по отношению к Галлиену почтительность: он отправил к нему взятых в плен сатрапов — едва ли не с целью посмеяться над Галлиеном и выставить в лучшем свете себя. После того как они были приведены в Рим, триумф, хотя победителем был Оденат, справил Галлиен, ни словом не упомянув об отце. Даже к богам он причислил его только потому, что его к тому принудили, после того как он услышал о смерти отца; в действительности последний был тогда еще жив, и сообщение о его смерти оказалось ложным. Между тем Оденат осадил в Ктесифонте множество персов и, опустошив вокруг всю местность, перебил бесчисленное количество людей. Но когда сюда спешно собрались для общей защиты из разных областей сатрапы, произошли длительные битвы с переменным успехом, но победа римлян оказалась более прочной. И так как Оденат имел в виду только одно — освободить Валериана, то он каждый день теснил врагов; однако, хотя он и был превосходным полководцем, он все же страдал от неудобств местности в чужой земле.

11. Пока такие события происходили в стране персов, скифы вторглись в Каппадокию. Захватив тамошние города, они, после продолжительной войны, шедшей с переменным успехом, устремились в Вифинию. Поэтому воины опять подумали об избрании нового императора. Не будучи в состоянии успокоить их и снова привлечь на свою сторону, Галлиен, по своему обыкновению, убил их всех. В то время как воины искали себе достойного государя, Галлиен был в Афинах архонтом, т.е. высшим должностным лицом — под влиянием того же тщеславия, которое внушило ему желание быть вписанным в число афинских граждан и принимать участие во всех священнодействиях. Так не поступали ни Адриан во время высшего благоденствия, ни Антонин среди полного мира, хотя они до такой степени увлекались греческой литературой, что даже, по мнению крупных людей, мало в чем уступали самым ученым мужам. Кроме того, он хотел быть зачисленным в ареопагиты², а к Римскому государству относился чуть ли не с презрением. Галлиен — чего нельзя отрицать — славился как оратор, как поэт и отличался во всех искусствах. Ему принадлежал тот эпиграммий, который оказался лучшим среди произведений ста поэтов. Когда он женил сыновей своих братьев, то — после того, как все греческие и римские поэты прочитали свои эпиграммы (а это продолжалось много дней) — он, держа руки новобрачных, по словам некоторых, несколько раз, как говорят, сказал так:

Дети, не медлите вы! Растворитесь в любовной усладе,
Слейтесь, воркуйте нежнее голубок, сомкните объятья
Ваши теснее плюща, целуйтесь раковин крепче!

Было бы долго передавать его стихи и речи, которыми он в свое время блистал среди поэтов и риторов. Но в императоре нужны одни качества, а от оратора или поэта требуются другие.

12. Хвалят один его прекрасный поступок. В консульство своего брата Валериана и Луцилла, близкого к нему человека, узнав, что Оденат опустошил страну персов, что Низибис и Карры возвращены под власть римлян, что вся Месопотамия стала нашей, наконец — что римляне дошли до Ктесифонта, что царь бежал, сатрапы взяты в плен, множество персов убито, Галлиен разделил с Оденатом власть, назвал его Августом и велел отчеканить монеты с изображением Одената, ведущего за собой пленных персов. И сенат, и город, и люди всех возрастов с радостью приняли весть об этом. Кроме того, он был очень находчив; хочется привести несколько случаев, чтобы показать его остроумие. Когда однажды он велел выпустить на арену огромного быка и вышел охотник, который должен был поразить его, но после десяти выходов не мог убить его, Галлиен послал охотнику венок. Так как все стали вполголоса выражать недоумение, почему такой в высшей степени неумелый человек получает венок, Галлиен велел объявить через глашатая: «Не суметь поразить быка столько раз — дело трудное». Когда кто-то продал его жене вместо настоящих драгоценных камней — стеклянные и она, узнав об этом, пожелала наказать его, Галлиен велел схватить продавшего как бы для того, чтобы отдать его на растерзание льву, а затем распорядился выпустить из клетки каллуна. Когда все удивились такой смешной выходке, он велел сказать через глашатая: «Он подделал, и с ним поступили так же», а затем отпустил торговца. Когда Оденат был занят войной с персами, а Галлиен, по своему обыкновению, увлекался самыми нелепыми вещами, скифы, построив

¹ Консульство Галлиена (в шестой раз) и Сатурнина было в 264 г.

² Т.е. хотел быть избранным в древний Совет ареопага, куда, как правило, избирали представителей самых знатных фамилий афинян.

суда, добрались до Гераклеи и оттуда вернулись с добычей в свою землю, впрочем, многие из них погибли от кораблекрушения, потерпев поражение в морском бою.

13. В это же время — вследствие козней своего двоюродного брата — был умерщвлен Оденат вместе со своим сыном Геродом, которого он также провозгласил императором. Тогда Зенобия, жена Одената, под тем предлогом, что оставшиеся дети его — Герениан и Тимолай — являются еще малолетними, сама взяла власть в свои руки и правила долго, не по-женски, не так, как правят женщины, но тверже и искуснее не только Галлиена (лучше которого могла бы править любая девушка), но и многих других императоров. [Галлиен], получив известие о гибели Одената, ...стал готовиться к войне с персами... и когда стараниями его полководца Гераклиана войска были собраны, он пытался вести дело, как искусный государь. Однако этот Гераклиан, отправившийся против персов, был побежден пальмирцами и потерял всех собранных им воинов — ведь Зенобия правила пальмирцами и многими восточными народами по-мужски. Между тем скифы, переплыв Евксин, вошли в Истр и причинили много бед на римской земле. Узнав об этом, Галлиен поручил византийцам Клеодаму и Афиною ведать восстановлением и укреплением городов. Бой произошел у Понта, и варвары были побеждены византийскими полководцами. Римляне под начальством Венериана победили также готов, причем сам Венериан погиб смертью воина. Затем готы опустошили Кизик и Азию, а потом и всю Ахайю, но были побеждены афинянами под начальством Дексиппа, описавшего эти события. Изгнанные оттуда, они прошли через Эпир, Македонию, Мезию. Между тем Галлиен, обеспокоенный, наконец, общественными бедствиями, встретился с готами, бродившими по Иллирику, и случайно перебил множество их. Узнав об этом, скифы, сделав укрепление из телег, попытались бежать через гору Гессак. Оттуда Марциан, ведя войну с переменным успехом, всех скифов ... что и побудило всех скифов возобновить войну.

14. Так полководец Гераклиан показал свою преданность государству. Не будучи в состоянии выносить порочность Галлиена, Марциан и Гераклиан приняли решение, чтобы один из них взял на себя императорскую власть ... и был избран Клавдий, лучший среди всех человек... который не участвовал в этом решении; он пользовался со стороны всех таким уважением, что казался действительно достойным императорской власти, как это впоследствии и подтвердилось. Это тот Клавдий, от которого ведет свое происхождение бдительнейший Цезарь Констанций. Когда они домогались императорской власти, в союзе с ними был некий Цероний, или Цекропий, начальник далматов, который очень ловко и разумно помог им. Но так как при жизни Галлиена они не могли взять на себя императорскую власть, то они решили совершить покушение на его жизнь, применив хитрость, чтобы в государстве, истощенном от бедствий, отстранить от управления человеческим родом эту негоднейшую язву и чтобы в дальнейшем государство, отданное во власть театра и цирка, не погибло от соблазна удовольствий. Хитрость была такого рода. Галлиен находился во вражде с Авреолом, который присвоил себе власть государя; он каждый день ожидал грозного... прибытия скороспелого императора. Зная это, Марциан и Цекропий неожиданно велели передать Галлиену, что Авреол уже подходит. И вот, собрав воинов, Галлиен выступил словно на верное сражение и тут был умерщвлен подосланными убийцами...

15. После убийства Галлиена произошел крупнейший мятеж среди воинов, которые в надежде на добычу и расхищение общественного достояния говорили, что у них отнят полезный, нужный, храбрый, способный вызвать зависть император. Поэтому решение государей было: успокоить волнение воинов теми мерами, какие обычно умиротворяют их. После того как через Марциана воинам было обещано и выдано по 20 золотых..., Галлиен, согласно решению военных, был записан в государственные фасты как тиран. Так были успокоены воины, и императорскую власть принял Клавдий, человек безупречный и по всей справедливости заслуживающий уважения, дорогой всем порядочным людям, друг отечеству, друг законам, любезный сенату и известный народу с хорошей стороны.

16. Такова была жизнь Галлиена...; рожденный только для своего брюха и удовольствий, он тратил дни и ночи на пьянство и разврат и довел дело до того, что чуть ли не двадцать тиранов опустошали весь круг земель, так что даже женщины правили лучше его. Чтобы не обойти молчанием его жалких затей, я упомяну о том, что он устраивал спальни из роз, строил укрепления из фруктов, виноградные гроздья сохранял по три года, в разгар зимы у него подавались дыни, он научил, как в течение всего года иметь молодое вино. Он всегда, в несоответствующие месяцы, угощал свежими зелеными фигами и фруктами, прямо с деревьев. Столы он всегда покрывал золотыми скатертями. У него были золотые сосуды, украшенные драгоценными камнями. Волосы свои он посыпал золотым порошком. Он часто выступал, окруженный сиянием. В Риме, где государи показывались всегда в тоге, его можно было видеть в пурпурной хламиде с золотыми застежками, украшенными драгоценными камнями. Он носил пурпурную золоченую мужскую тунуку, притом — с длинными рукавами. Перевязь у него была украшена драгоценными камнями. Ремни на его обуви были осыпаны драгоценными камнями, башмаки же он называл головными сетками. Пировал он открыто. Народ он умилостивлял раздачами. Подарки сенату он раздавал сидя. Матрон он приглашал к себе на совещание и, когда они целовали ему руку, давал им по четыре золотых со своим именем.

17. Услышав о том, что его отец Валериан взят в плен, он сказал то, что, говорят, сказал лучший из философов о сыне, которого он потерял: «Я знал, что я родил смертного» (Галлиен сказал именно так: «Я знал, что мой отец — смертный»). Был некий Анний Корникула, который в своих высказываниях лживо восхвалял его как твердого государя. (Однако хуже тот, кто этому поверил). Часто он выходил под звуки флейты, уходил под звуки органа, так как приказывал, чтобы его выход и уход сопровождался музыкой. Мылся он летом по семи или шести раз в день, зимой — по два или по три. Пил он всегда из золотых бокалов и не признавал стеклянных, говоря, что нет ничего более пошлого. Он всегда менял вина и никогда не пил на одном пире двух бокалов одного и того же вина. Часто за его столом возлежали наложницы. При второй смене блюд у него всегда были наготове шуты и мимы. Когда он шел в сады, называвшиеся по его имени, все дворцовые слуги следовали за ним. Шли и префекты, и начальники всех дворцовых ведомств. Они участвовали в пирах и плаваниях и мылись вместе с государем. Часто допускались к этому и женщины, с ним самим были прекрасные девушки, а с теми — безобразные старухи. Он часто шутил в то время, как со всех сторон терял власть над кругом земель.

18. По отношению к воинам, однако, он проявлял чрезмерную жестокость: в отдельные дни он убивал по три и по четыре тысячи воинов. Он предписал, чтобы ему была поставлена статуя больше Колосса — в виде Солнца, но он погиб раньше, чем она была окончена. Все же ее начали делать столь огромной, что, казалось, она будет вдвое больше Колосса¹. Он хотел поставить ее на вершине Эскивилинского холма и чтобы в ее руке было копьё, по древку которого ребенок мог бы подняться до самого верха. Но и Клавдию, и затем Аврелиану эта затея показалась глупой, тем более что он велел сделать еще коней и колесницу в соответствии с размерами статуи и поставить их на очень высоком постаменте...

¹ Имеется в виду огромная статуя бога Гелиоса (Колосс Родосский) высотой в 35 м, сооруженная в III в. до н.э. Она стояла у входа в порт Родоса.

1. Мы дошли до государя Клавдия, чью жизнь мы, учитывая желание Констанция Цезаря, должны тщательно описать... Непозволительно было бы умолчать о том государе, который оставил такое многочисленное потомство, который доблестно окончил войну с готами¹, который как победитель уврачевал общественные бедствия², который на благо человеческому роду, хотя и не по собственному почину³, но сам как будущий император удалил от кормила государственного правления чудовищного императора Галлиена; если бы он мог дольше пробыть в этом государстве, то вернул бы нам благодаря своим доблестям, своей рассудительности, своей предусмотрительности Сципионов, Камиллов и всех прочих древних героев.

2. Его правление... было кратковременным⁴, но оно было бы кратковременным и в том случае, если бы этот великий муж мог властвовать столько времени, насколько могло бы хватить человеческой жизни. Есть ли в нем что-нибудь, что не вызывало бы удивления, что не являлось бы замечательным, в чем он не превосходил бы древнейших триумфаторов? В нем — Доблесть Траяна, благочестие Антонина, умеренность Августа, все добрые качества великих государей соединились таким образом, что ему не было надобности брать пример с других, но, если бы не было перечисленных государей, он сам оставил бы пример для других. Ученейшие из астрологов считают, что человеку дано прожить 120 лет, и утверждают, что никому не уделено больше, добавляя при этом, что один только Моисей, близкий богу, как говорят книги иудеев, прожил 125 лет; когда он жаловался на то, что умирает молодым, ему, говорят, был дан неведомым божеством⁵ ответ, что никто не будет жить дольше. Поэтому, если бы Клавдий прожил даже 125 лет, его поразительная и удивительная жизнь учит, что даже неизбежная смерть его была бы неожиданной, как говорит Туллий о Сципионе (за Милона)⁶. Чем только не был велик этот великий муж в своей общественной и домашней жизни? Он любил родителей, — что в этом удивительного? Но он любил и братьев, — это уже может считаться достойным изумления. Он любил своих близких, — в наши времена это можно приравнять к чуду; он никому не завидовал, преследовал дурных. Судьям-ворам он выносил приговоры явно и открыто; к глупцам относился снисходительно, смотря на них как бы сквозь пальцы. Он дал превосходные законы. Управляя государством, он был таким, что его потомков выдающиеся государи выбирали в императоры, а сенат, если только он был хорош, желал их.

3. ...Я говорю о государе Клавдии, чей образ жизни, порядочность и вся государственная деятельность принесли ему такую славу у потомков, что римский сенат и народ оказали ему после его смерти небывалые почести. В его память, по единодушному решению сената, в римской курии был помещен золотой щит (clupeus)...; так что еще и сейчас можно видеть его рельефный погрудный портрет. В его память, чего раньше ни для кого не делалось, римский народ на свой счет поставил на Капитолии перед храмом Юпитера всеблагого и величайшего статую в десять футов. В его память, по решению всего мира, у роств была воздвигнута колонна, украшенная пальмовыми ветвями⁷, а на ней водружена статуя из серебра в 1500 фунтов. Он, как бы памятуя о будущем, расширил владения Флавиев⁸, принадлежавшие Веспасиану и Титу (я не хочу, однако, говорить Домициану). Он в короткое время закончил войну с готами...

4. Важно для тех, кто подражает хорошим государям..., узнать, какие постановления сената были вынесены относительно этого замечательного человека... Когда за восемь дней до апрельских календ было объявлено в самом святилище Матери, в день крови⁹, что Клавдий стал императором, а сенат не мог собраться из-за того, что совершались священнодействия, присутствовавшие, надев тоги, пошли в храм Аполлона, и по прочтении письма государя Клавдия о Клавдии было сказано: «Клавдий Август, да покровительствуют тебе боги!», — сказано 60 раз. «Клавдий Август, мы всегда желали иметь государем тебя или такого человека, как ты!», — сказано 40 раз. «Клавдий Август, в тебе нуждается государство!» — сказано 40 раз. «Клавдий Август, ты брат, ты отец, ты друг, ты хороший сенатор, ты подлинно государь!», — сказано 80 раз. «Клавдий Август, охрани нас от Авреола!», — сказано 5 раз. «Клавдий Август, охрани нас от пальмирцев!», — сказано 5 раз. «Клавдий Август, освободи нас от Зенобии и Витрувии!», — сказано 7 раз. «Клавдий Август, Тетрик ничего не сделал!», — сказано 7 раз.

5. Став императором, он прежде всего после столкновения с Авреолом, который ввиду того, что он был очень угоден Галлиену, был в тягость государству, удалил его от кормила правления и, послав народу эдикт, а сенату свое обращение, объявил Авреола тираном. К тому же... император не внял просьбе Авреола, предлагавшего заключить договор, и отверг ее, дав такой ответ: «Этого надо было просить у Галлиена; тот, чьи нравы соответствовали твоим, мог бы и побояться тебя!» Наконец, Авреол, по решению своих воинов, получил в Медиолане конец, достойный его жизни и нравов. Однако и его некоторые историки пытались хвалить, притом смехотворным образом. Так, Галл Антипатр¹⁰, прислужник важных лиц и позор для историков, начал об Авреоле таким образом: «Мы дошли до императора, оправдывающего свое имя». Нечего сказать, великое достоинство — получить имя, происходящее от названия золота. Среди гладиаторов, я знаю, такое имя часто дается хорошим бойцам. Совсем недавно в твоей программе¹¹ имелось это имя в списке участников игр.

6. ...Те готы, которые ушли от преследовавшего их Марциана и которых Клавдий не позволил выпустить¹², чтобы не произошло то, что действительно случилось, подняли все свои племена для грабительского набега на римлян¹³. Затем различные скифские народности — певки, грутунги, австроготы, тервинги, визы, гипеды, а также кельты и эрулы¹⁴, охваченные жаждой до-

¹ Имеется в виду война 269-270 гг.

² Имеется в виду битва при Наиссе (ср. Зосим. 1, 45, 1); за этот успех цезарь получил титул Готского.

³ Автор пытается оправдать участие Клавдия в заговоре против Галлиена, о чем пишут Зосим (1, 40, 2) и Зонара (12, 25).

⁴ Клавдий правил примерно с августа-сентября 268 г. по начало 270 г.

⁵ Неизвестное божество, т.е. бог иудеев. Это словоупотребление восходит к Лукану (2.593).

⁶ Ср. Цицерон, За Милона, 16.

⁷ Columna palmata — образование термина — словесная игра: автор смешивает ростральную колонну и расшитую пальмами тогу; и то и другое — награда победоносному полководцу.

⁸ Имеется в виду расширение храма рода Флавиев, который Домициан построил на Квиринальском холме, недалеко от дома Веспасиана. По всей вероятности, этот храм еще существовал в IV в.

⁹ 24 марта, один из дней цикла в честь Великой Матери (22-26 марта).

¹⁰ Автор характеризует вымышленного историка Галла Антипатра реминисценцией Саллюстия (Ист. фрагм. 1.55 Maurenbr.).

¹¹ Списки имен гладиаторов по парам с указанием оружия.

¹² Ср. Галл., XIII, 10; Зосим., 1, 42, 1.

¹³ После поражения, которое Галлиен и Марциан нанесли эрулам в 267 г., большая часть варваров сумела уйти. Весной 268 г. вместе с союзниками они снова вторглись на территорию страны, но были отброшены Клавдием.

¹⁴ Певки относились к восточногерманскому племени бастарнов и населяли остров Певке на Дунае (совр. остров Георга). Грутунги, австроготы, тервинги, визы, гипеды — готские племена. Некоторые исследователи считают, что под обозначением кельтов следует понимать остальные бастарнские племена; эрулы — племя, вероятно, скандинавского происхождения, возможные инициаторы похода.

бычи, вторглись в римскую землю и произвели там большие опустошения, пока Клавдий был занят другими делами... Ведь число вооруженных в этих племенах доходило тогда до 320 тысяч¹... У какого Ксеркса² было их столько? В какой сказке выдуманно это число? Какой поэт сочинил его? Было 320 тысяч вооруженных! Прибавь к этому рабов, прибавь домочадцев, прибавь обоз, прибавь то, что реки были выпиты, леса уничтожены, что сама земля, наконец, страдала, приняв на себя такую массу варваров.

7. Имеется его письмо, посланное сенату для прочтения народу, в котором он указывает количество варваров. Оно таково: «Римскому сенату и народу государь Клавдий... Отцы сенаторы, с удивлением выслушайте то, что истинно. 320 тысяч вооруженных варваров вступило на римскую землю. Если я одержу победу над ними, воздайте мне по заслугам. Если же я не одержу победы, то знайте, что я хочу вести войну после Галлиена. Все наше государство изнурено: мы бьемся после Валериана, после Ингенуя, после Региллиана, после Лоллиана, после Постума, после Цельса, после тысячи других, которые вследствие того, что император Галлиен внушал к себе презрение, отложились от нашего государства. У нас нет уже ни щитов, ни палашей, ни копий. Галлии и Испании — источник силы нашего государства, держит в своей власти Тетрик; всеми стрелками, стыдно сказать, владеет Зенобия. Что бы мы ни сделали, все будет достаточно великим». Однако Клавдий благодаря своей прирожденной доблести победил этих врагов; в короткое время он сокрушил их и лишь несколькими из них позволил вернуться в родную землю. Я спрашиваю: большой ли наградой за столь великую победу является щит в курии? Большой ли наградой является одна золотая статуя? Энный³ говорит о Сципионе: «Какую статую делает римский народ, какую колонну, которая способна рассказать о твоих деяниях?» Мы можем сказать, что славу Флавия Клавдия⁴, единственного на земле государя, поддерживают не колонны, не статуи, а сила общественного мнения.

8-9. Сверх того, варвары имели две тысячи судов, то есть двойное число сравнительно с тем, с каким также некогда вся Греция и вся Фессалия пытались завоевать города Азии⁵. Но что — выдумка поэтического стиля, а это относится к истинной истории. Итак, мы, писатели, льстим Клавдию, который уничтожил две тысячи варварских судов и истребил, разгромил, стер в порошок 320 вооруженных; частью предал огню, частью со всеми их домочадцами отдал в рабство римлянам тот огромный обоз, какой такая масса вооруженных могла заготовить себе и оборудовать, как мы узнаем из его же письма, написанного Юнию Брокху, защищавшему Илирик: «Клавдий Брокху. Мы уничтожили 320 тысяч готов, потопили две тысячи судов. Реки покрыты их щитами, все берега завалены их палашами и короткими копьями. Не видно полей, скрытых под их костями, нет проезжего пути, покинут огромный обоз. Мы захватили в плен такое количество женщин, что каждый воин-победитель может взять себе по две и три женщины. О, если бы государству не пришлось претерпеть Галлиена! О, если бы не пришлось вынести на себе шестьсот тиранов! Если бы остались целыми воины, которых унесли у нас разные сражения, если бы остались целыми легионы, которые Галлиен, горе-победитель, предал смерти, какое было бы прибавление у государства, если еще и теперь нашим старанием собрано для спасения Римского государства то, что осталось после крушения государственного корабля». Сражались же в Мезии, было много битв у Марцианополя. Многие погибли⁶ во время кораблекрушения, большинство царей было взято в плен, были взяты в плен знатные женщины различных племен, римские провинции были наводнены рабами-варварами и скифскими земледельцами. Гот стал поселенцем пограничной линии с варварами. Не было ни одной области, которая не имела бы раба-гота, попавшего в рабство после этого триумфа. Какое множество варварских быков увидели наши предки! Какое множество овец! Какое множество кельтских кобылиц, прославляемых молвой! Все это надо целиком отнести к славе Клавдия. Клавдий даровал государству и безопасность и изобилие богатств. Кроме того, бились у Византия, причем храбро действовали сами уцелевшие византийцы. Бились и у Фессалоники, которая в отсутствие Клавдия была осаждена варварами. Бились в разных областях, и везде под верховным командованием Клавдия над готами были одержаны победы, так что казалось, будто уже тогда Клавдий устанавливал спокойную жизнь в государстве для своего будущего внука Констанция Цезаря...

11. [В это время] пальмиры под предводительством Сабы и Тимагена начинают войну против египтян, но терпят поражение вследствие упорства и неутомимости египтян в бою. Однако египетский полководец Пробат⁷ был умерщвлен вследствие козней Тимагена. Все египтяне отдались под власть римского императора и присягнули отсутствовавшему Клавдию. В консульство Аттициана и Орфита [270 г.] божественное покровительство помогло начинаниям Клавдия; множество уцелевших варварских племен устремилось в Гемимонт и там так сильно страдало от голода и моровой язвы, что Клавдий считал уже недостойным победить их. Наконец, была окончена эта тягчайшая война, и римская мощь освободилась от опасений. ...В то время, когда уже была достигнута победа, большинство воинов Клавдия, опьяненные успехами, которые иногда смущают даже души мудрых людей, набросились на добычу, не думая о том, что даже очень небольшое количество врагов может обратить их в бегство, раз они душой и телом предаются похищению добычи. Словом, во время самой победы почти две тысячи воинов были перебиты небольшим количеством варваров, теми самыми, которые бежали. Когда об этом узнал Клавдий, он, стянув свое войско, схватил всех тех, кто проявил непокорный дух, и отправил их в Рим в оковах, предназначая их для общественных игр. Итак, то, что было сделано либо судьбой, либо воинами, было прекращено благодаря доблести хорошего государя. И не только победа над врагом, но и наказание оказались предусмотренными. В этой войне, которую вел Клавдий, необыкновенную доблесть проявили далматские всадники, потому что думали, что Клавдий происходит из этой провинции, хотя другие говорили, что он — дарданец и ведет свой род от родоначальника троянцев Ила и от самого Дардана⁸.

12. В это время скифы побывали и на Крите и пытались опустошить Кипр, но были побеждены повсюду, так как их войско страдало от болезней и голода. После окончания Готской войны стала распространяться очень тяжелая болезнь; тогда и Клавдий, сраженный болезнью, покинул смертных и устремился на небо, столь близкое ему в силу его доблестей⁹. После его переселения к богам и светилам его брат Квинтилл¹⁰, человек безупречный и, чтобы сказать правду, подлинный брат своего брата, принял императорскую власть, врученную ему всеобщим решением, не по праву наследования, а потому, что он заслужил ее своими добле-

¹ Это число встречается также у Зосима (1, 42).

² По Геродоту (7, 60; 8, 7), Ксеркс переправил через Геллеспонт 1700 тыс. воинов и 80 тыс. лошадей.

³ Энкомий* Сципиону Африканскому Старшему, о котором идет речь, не сохранился. По метрическим соображениям приведенные строки нельзя считать точной цитатой.

⁴ Для Клавдия засвидетельствовано два варианта полного имени: Марк Аврелий Клавдий и Марк Валерий Клавдий. Автор приписывает Клавдию родовое имя Флавиев, чтобы сделать правдоподобной легенду о происхождении Флавия Валерия Констанция Хлора от Клавдия.

⁵ Ср. Аммиан, 31, 5, 15. Имеются в виду события Троянской войны.

⁶ Ср. Зосим, 1, 42, 2; иначе Галлиен, XIII, 7.

⁷ По Зосиму (1.41.2), его звали Пробом; Дамерау считает, что его следует отождествить с Пробом, префектом Египта.

⁸ Другие источники ничего не сообщают о происхождении Клавдия.

⁹ Ср. Евтропий. 9.12.2. По Аврелию Виктору (О цезарях. 34.1 сл.) и Эпитоме (34.3), Клавдий искал на войне против готов возможности пожертвовать жизнью, так как в Сивиллиных книгах именно этим была обусловлена победа.

¹⁰ Марк Аврелий Клавдий Квинтилл; ко времени своего возвышения он находился в Италии.

стями; он стал бы императором, даже если бы не был братом государя Клавдия. В это время уцелевшие варвары попытались опустошить Анхиал и даже захватить Никополь. Но благодаря доблести провинциалов, они были уничтожены¹. Квинтилл же за краткостью времени не мог совершить ничего достойного императорской власти, так как на 17-й день своего правления... был убит таким же образом, как Гальба и как Пертинакс²...

13. Так как мы уже рассказали о его военных делах, то сейчас следует сказать хотя бы несколько слов о его роде и семье, чтобы не показалось, что мы обошли молчанием то, что необходимо знать. Клавдий, Квинтилл и Крисп были братьями. У Криспа была дочь Клавдия; от нее и Евтропия, знатнейшего мужа дарданского племени, родился Констанций Цезарь³. Были также и сестры, из которых одна, по имени Константина, выданная за трибуна ассирийцев, умерла в первые годы после брака. О его дедах нам известно мало. Многие писатели дают о них противоречивые сведения⁴. Сам Клавдий замечателен строгостью нравов, замечателен своим необыкновенным образом жизни и исключительной целомудренностью. Воздержанный в употреблении вина, он был охотником до еды; имел высокий рост, огненный взгляд, широкое и полное лицо и настолько крепкие пальцы, что часто одним ударом кулака выбивал зубы у лошадей и мулов. Он проделал нечто подобное, будучи еще юношей, на военной службе, когда во время Марсовых игр на поле была устроена борьба между всеми сильнейшими⁵. Рассердившись на того, кто вывернул у него не пояс, а половой орган, он одним ударом кулака выбил у него все зубы. К этому отнеслись снисходительно, так как это было мщение за оскорбленную стыдливость. Император Деций, в присутствии которого все это произошло, публично превозносил доблесть и стыдливость Клавдия и, одарив его браслетами и шейными цепями, потребовал от собрания воинов, чтобы они старались не причинять жестоких повреждений, которых не требуют правила борьбы. У самого Клавдия детей не было. Квинтилл оставил двоих, а Крисп, как мы сказали, дочь.

14. Теперь перейдем к суждениям, высказанным о нем разными государями, и остановимся на них не больше, чем это необходимо для того, чтобы было ясно, что рано или поздно Клавдий должен был стать императором. Письмо Валериана Зосимиону, прокуратору Сирии: «Мы назначили Клавдия, человека иллирийского происхождения, трибуном V Марсова храбрейшего и преданнейшего легиона⁶, этого человека следует поставить выше всех храбрейших и преданнейших людей древности. Ты будешь давать ему содержание из нашей частной казны: в год — 3 тыс. модиев* пшеницы, 6 тыс. ячменя, 2 тыс. фунтов* сала, старого вина — 3500 секстариев*, хорошего масла — 150 секстариев, масла второго сорта — 600 секстариев, соли — 20 модиев, воску — 150 фунтов, сена, мякины, винного уксуса, овощей, зелени — сколько ему нужно, шкур для палаток — 30 десятков, мулов — 6 в год, лошадей — 3 в год, верблюдиц — 10 в год, мулиц — 9 в год, изделий из серебра — 50 фунтов в год, филиппеев⁷ с нашим изображением — 150 в год и в виде годовых подарков — 47 и 160 третей⁸ золотого. Также в кубках, кружках и горшках — 11 фунтов. Туник военных красных — две в год, военных хламид — две в год, застежек серебряных позолоченных — две, золотую застежку с кипрской булавкой — одну. Один серебряный позолоченный пояс, одно кольцо весом в унцию с двумя драгоценными камнями, один обруч весом в семь унций, одну шейную цепь весом в один фунт, один позолоченный шлем, два щита с изображениями из золота, один панцирь — с возвратом. Два геркулианских копья⁹, две палки с остриями, два кривых ножа, четыре косы. Одного повара — с возвратом, одного погонщика мулов — с возвратом. Двух красивых женщин — из пленниц. Одну полупелкувую белую одежду с гирбитанским пурпуром, одну подпанцирную одежду с мавретанским пурпуром. Одного письмоводителя — с возвратом, одного распорядителя на пирах — с возвратом. Две пары кипрских ковров для ложа, две чистые нижние рубашки, два мужских шарфа, одну тогу — с возвратом, одну — с широкой пурпурной полосой — с возвратом. Двух охотников, чтобы следовать за ним, одного тележного мастера, одного домоуправителя, одного водоноса, одного рыбака, одного кондитера. Дров на день — тысячу фунтов, если есть запас, если же нет, то сколько и где будет; ежедневно четыре лопаты сухих дров. Одного банщика и дрова для бани; если их нет, пусть моется в общественной бане. Все прочие мелочи, которых нет возможности перечислить, ты будешь предоставлять ему в разумном количестве, но так, чтобы он ничего не переводил на деньги и, если чего-нибудь где-либо будет не хватать, то не предоставлять этого и не требовать взамен этого деньги. Все это я назначил ему в особом порядке не как трибуну, а как военному начальнику, потому что это такой человек, которому следовало бы дать еще больше».

15. Также из другого его письма префекту претория Аблавию Мурене, среди прочего: «Перестань жаловаться на то, что Клавдий до сих пор остается трибуном и не получил войска как военный начальник, на что... жалуется и сенат, и народ. Он назначен военным начальником и притом военным начальником всего Иллирика. Под его начальством войска фракийские, мезийские, далматские, паннонские, дакийские. Этот замечательный человек должен, и по нашему суждению, надеяться на консульство и, если это будет ему по душе, пусть получит, когда захочет, должность префекта претория. Ты, конечно, знаешь, что мы назначили ему такое содержание, какое полагается занимающему должность префекта Египта, столько одежд, сколько мы определили для проконсула Африки, столько денег, сколько получает управляющий горными разработками Иллирика, такое количество прислуги, какое мы сами себе назначаем по каждому городу, чтобы все поняли, какого мы мнения о таком человеке».

16. Также письмо Деция о том же Клавдии: «Деций Мессале, наместнику Ахайи, привет». Среди прочего: «Нашему трибуну Клавдию, ...молодому человеку, храбрейшему воину..., стойкому гражданину, который необходим и лагерю, и сенату, и государству, мы предписали направиться в Фермопилы и поручили ему наблюдение за пелопоннесцами, так как мы знаем, что никто лучше его не выполнит... обязанностей, которые мы на него возлагаем. Ты дашь ему 200 воинов из Дарданской области, 100 человек из панцирников, 60 из всадников, 60 из критских стрелков, 1000 хорошо вооруженных из новобранцев. Ведь хорошо, если мы поручим ему новонабранные войска, ибо нельзя найти человека, более преданного, более храброго, более почтенного, чем он».

17. Также письмо Галлиена, написанное тогда, когда были получены от тайных агентов сведения о том, что Клавдий негодует против него за его изнеженный образ жизни: «Ничто не произвело на меня такого тяжелого впечатления, как то, о чем ты общаешь в своем донесении: Клавдий, родственник и друг наш, под влиянием многих злостных сплетен, сильно разгневался. Поэтому прошу тебя, мой Венуст, если ты хочешь показать мне свою верность, постарайся умиротворить его с помощью Грата и Геренниана, но так, чтобы об этом не знали дакийские воины, которые уже сейчас неистовствуют: как бы они не приняли этого слишком близко к сердцу. Сам я послал ему подарки; ты постарайся, чтобы он принял их с удовольствием. Кроме того, следует

¹ Ср. Аммиан. 31.5.16 сл. Это сообщение относится к более раннему времени (Галлиен, Деций — Эмилиан).

² Ср. Евтропий. 9.12; Зонара. 12.26. По «Хронике 354 года» (I. С. 148) Квинтилл правил 77 дней, по Зосиму (1.47.1), несколько месяцев. На основании нумизматических данных можно принять срок приблизительно в 2 месяца. Эпитома (34.5) сообщает об убийстве цезаря; по Зосиму, он покончил с собой.

³ Генеалогия вымышленна. Клавдия и Евтропий, как и Константина (XIII.3), известны только автору Ист. Авг.

⁴ По Эпитоме (34.2), многие считали Клавдия сыном Гордиана II.

⁵ Ср. Максимин. III.4.; VI.5. Аммиан (30.7.2 сл.) сообщает подобное о Грациане Старшем.

⁶ V Марсов легион неизвестен; IV Марсов легион в начале V в. стоял в Аравии. Под трибуном имеется в виду командир легиона.

⁷ Филиппей первоначально обозначал золотую монету Филиппа II в 20 драмах; впоследствии это название распространилось на любые золотые монеты.

⁸ Triens первоначально обозначал медную монету достоинством в 1/3 асса*. Затем это название было перенесено на золотые монеты.

⁹ Копья получили распространение в римской армии со времен Диоклетиана.

позаботиться о том, чтобы он не догадался, что я об этом знаю, чтобы он не подумал, что я гневаюсь против него, и не был вынужден принять крайнее решение. Я послал ему две украшенные драгоценными камнями трехфунтовые жертвенные чаши, две золотые кружки с драгоценными камнями весом каждая в три фунта, серебряную тарелку с украшениями в виде ягод плюща весом в 20 фунтов, серебряный поднос с украшениями в виде листьев винограда весом в 30 фунтов, серебряную миску с украшениями в виде плюща весом в 23 фунта, серебряное блюдо с изображением рыбака весом в 20 фунтов, два оправленных в золото серебряных кувшина весом в шесть фунтов и в меньших сосудах 25 фунтов серебра, 10 египетских и разной работы чаш; две хламиды с каймой, блестящие по-настоящему¹, 16 различных одежд, белую полушелковую одежду, одну шелковую цветную ленту в три унции, три пары мягких парфянских сапог² из числа наших, 10 далматских коротких одежд, одну дарданскую плащеобразную хламиду, один иллирийский плащ, одну бардскую накидку с капюшоном, два мохнатых капюшона³, четыре сарептских платка; 150 золотых валерианов, 300 салонинских третей золотого».

18. Прежде чем достигнуть императорской власти, он получил из ряда вон выходящие отзывы и со стороны сената. По получении известия о том, что он вместе с Марцианом храбро боролся против разных племен в Иллирике, в сенате раздались возгласы: «Будь здоров, Клавдий, наш храбрейший полководец! Хвала твоим доблестям, твоей преданности! Мы все посвящаем Клавдию стацию! Мы все хотим видеть Клавдия консулом! Так действует тот, кто любит государство! Так действует тот, кто любит государей! Так действовали древние воины! Счастлив ты, Клавдий, благодаря суждениям о тебе государей, счастлив, благодаря своим доблестям, ты — консул, ты — префект! Живи, Валерий, и будь любим государем!» Долго было бы писать о нем столько, сколько он заслужил. Однако об одном обстоятельстве я не должен умолчать: и сенат, и народ и до того, как он стал императором, и в то время, как он был императором, и после того, как он перестал быть императором, любили его так, что можно вполне определенно сказать, что ни Траян, ни Антонины, ни кто-либо другой из государей не были так любимы.

№4

АВРЕЛИАН (270-275 гг.)

(ФЛАВИЙ ВОПСК СІРАКУЗЯНИН, БОЖЕСТВЕННИЙ АВРЕЛИАН)

3. ...Божественный Аврелиан родился в незнатной семье, по словам многих — в Сирмии, а по словам некоторых — в прибрежной Дакии⁴. [А один автор] заявляет, будто он родился в Мезии...

4. ...Обладая выдающейся силой, он, не пропуская ни одного дня, даже праздничного, даже свободного от занятий, упражнялся в метании копья, пускании стрел и во всём прочем, что относится к военному делу...

6. ...Ещё не став императором, он совершил много славных подвигов. Так, когда *сарматы* сделали набег на Иллирик, он сокрушил их один с тремя сотнями гарнизонных воинов⁵. Теоклий... рассказывает, что Аврелиан во время Сарматской войны в один день убил своей собственной рукой сорок восемь человек...

7. Будучи трибуном VI Галльского легиона⁶, он нанёс под Могонциаком сильное поражение вторгшимся и бродившим по всей Галлии *франкам*, убил семьсот человек, взял в плен и продал в рабство триста... Он внушал воинам такой страх, что под его начальством, после того как он один раз наложил необыкновенно суровую кару за нарушение лагерного порядка, никто уже больше не делал нарушений. Наконец, он единственный из всех военачальников подверг воина, совершившего прелюбодеяние с женой своего хозяина, такому наказанию: он велел наклонить верхушки двух деревьев, привязать их к ногам этого военного и сразу отпустить их, так что тот повис, разорванный пополам⁷...

Вот его письмо, написанное им по поводу военных дел своему заместителю: «Если ты хочешь быть трибуном даже больше — если ты хочешь быть живым, удерживай руки воинов. Пусть никто не крадет чужого цыпленка, пусть никто не трогает овцы, пусть никто не уносит винограда, пусть никто не топчет жатвы, пусть никто не вымогает масла, соли, дров. Пусть всякий довольствуется своим пайком. Пусть они живут за счёт добычи от врагов, а не за счёт слёз провинциалов. Пусть оружие будет вычищено, железные острия отточены, обувь прочна. Пусть старую одежду сменяет новая. Пусть их жалование будет у них в поясе, а не в трактире. Пусть носят шейную цепь, обруч на руке, кольцо. Пусть каждый чистит своего коня и вьючную лошадь, пусть не продаёт фуража животных, а за мулом, приписанным к центурии, пусть ходят все сообща. Пусть один служит другому как господину, но пусть никто не служит как раб; пусть они пользуются бесплатным лечением у врачей, ничего не дают гаруспикам, на постое ведут себя скромно. Кто будет заводить ссоры, тот должен быть бит»...

16. В силу... полученных им преимуществ и пожалований, Аврелиан занял во времена Клавдия такое блестящее положение, что после смерти Клавдия, когда был умерщвлен и брат его Квинтилл, Аврелиан один оказался обладателем верховной власти⁸...

18. ...Аврелиан в правление Клавдия командовал всей конницей... В это же время Аврелиан дал решительное сражение *свевам* и *сарматам* и одержал блестящую победу⁹. Но при Аврелиане было и поражение от маркоманнов* вследствие того, что была допущена ошибка: в то время как он не позаботился напасть с фронта на внезапно прорвавшихся врагов и когда он готовился преследовать их с тылу, все окрестности Медиолана подверглись жестокому опустошению. Однако впоследствии сами *маркоманны* были побеждены¹⁰. Среди такой тревоги, когда *маркоманны* производили повсюду опустошения, в Риме произошли очень большие мятежи; все боялись, как бы не случилось того, что было при Галлиене¹¹. Поэтому справились в Сивиллиных книгах... Там было найдено указание — принести жертвы в определённых местах, чтобы варвары не могли пройти по ним... таким образом, варвары были остановлены, а затем, когда они разбрелись по стране, Аврелиан всех их перебил...

21. Когда Аврелиан, сосредоточив в одном месте своё войско, пожелал вступить в столкновение со всеми врагами, он потерпел под Плаценцией такое поражение [271 г.], что Римская империя едва не распалась¹². Причиной такой опасности было ко-

¹ *Clamys limbata*. Некоторые считают, что эпитет *veri luminis* обозначает пурпур.

² Парфянские сапоги делались из мягкой красной кожи и доходили до колен.

³ *Cucutia villosa*. Об этой одежде ничего неизвестно.

⁴ О происхождении Аврелиана из Сирмии сообщается только здесь. Евтропий (9.13.1) говорит в этом случае о прибрежной Дакии.

⁵ Эта реплика, как и всё, что сообщается об Аврелиане до его воцарения, скорее всего, вымышлена за недостатком точных сведений.

⁶ Существование этого легиона, скорее всего, вымысел.

⁷ Эта казнь вымышлена автором по мифологическим образцам.

⁸ Автор не сообщает об участии Аврелиана в заговоре против Галлиена (253-268 гг.).

⁹ Имеется в виду поход Аврелиана против вандалов летом 270 г. Автор ошибочно относит его к правлению Клавдия.

¹⁰ Имеется в виду победоносный поход Аврелиана против аламаннов в 270 г.

¹¹ Имеется в виду продвигание *аламаннов* к Риму при Галлиене.

¹² После поражения Аврелиана в Далмации поднял восстание Септимий и в Галлии Домициан. В 271 г. *готы* ворвались во Фракию и Иллирию, а Зенобия расторгла договор с Римом.

варное и хитрое движение варваров. Не будучи в состоянии вступить в открытый бой, они скрылись в очень густых лесах и таким образом с наступлением вечера привели в замешательство наших...

Окончив борьбу с маркоманнами¹, Аврелиан... устремился в Рим преисполненный гнева и охваченный жаждой мщения, которого требовала серьезность мятежей... Казнив зачинщиков мятежа, он произвёл кровавое усмирение там, где можно было воздействовать более мягкими мерами. Были убиты... некоторые из родовитых сенаторов на основании легковесных обвинений...

Этот превосходный государь стал внушать страх, а не любовь; одни говорили, что такого государя надо глубоко ненавидеть, а не считать желанным; другие — что он хороший врач, но лечит дурным способом. После этих событий, увидев, что может повториться нечто, подобное тому, что было при Галлиене, он, посоветовавшись с сенатом, расширил стены Рима².

22. Закончив все дела, связанные с укреплениями, устройением города и восстановлением гражданского порядка, он направился против пальмирцев, то есть против Зенобии, которая от имени своих сыновей держала в своих руках власть на Востоке³. По пути он вёл много разного рода больших войн. Так, он победил варваров⁴, встретившихся с ним во Фракиях и в Иллирике, а за Дунаем уничтожил вождя готов Каннаба, или Каннабауда, с пятью тысячами человек⁵. Оттуда через Византий он прошёл к Вифинии и занял её без боя⁶. Дойдя до Тианы и найдя её запертой, он... в гневе воскликнул: «Собаки живой не оставлю в этом городе!» Благодаря решению воинов, воодушевлённых надеждой на добычу, и измене некоего Геракламмона, предавшего свою родину из страха быть убитым среди прочих, город был взят.

23. [Он] принял два решения... Мудрый победитель убил Геракламмона, предателя своей родины; когда же воины... требовали разрушения города, он ответил: «Да, я объявил, что в этом городе не оставлю ни одной собаки: всех собак убивайте!»...

24. Взят был город удивительным образом. Когда Геракламмон показал приподнятое в виде естественной насыпи место, куда мог подняться в императорском одеянии Аврелиан, последний взошёл туда и, подняв свою пурпурную хламиду, показал себя гражданам, находившимся в городе, и воинам, бывшим вне его, и таким образом был взят этот город, словно всё войско Аврелиана было уже на стенах... Однако в то время, когда он удалялся в свою палатку, перед ним внезапно предстал в том виде, в каком его обычно можно видеть, Аполлоний Тианский⁶, прославленный молвою и пользующийся великим авторитетом мудрец, древний философ и истинный друг богов, который и сам должен быть предметом поклонения, подобно божеству. Он сказал полатыни, чтобы его мог понять уроженец Паннонии, следующие слова: «Аврелиан, если ты хочешь победить, то тебе не следует помышлять об убийстве моих сограждан. Аврелиан, если ты хочешь быть императором, воздержись от пролития крови безвинных. Аврелиан, будь милостив, если ты хочешь жить». Аврелиан был знаком с обликом высокочтимого философа и видел его изображение во многих храмах. Словом, поражённый Аврелиан сразу обещал ему изображение, статуи и храм и изменил к лучшему свой образ мыслей...

25. Отвозив обратно Тиану⁷, Аврелиан, пообещав всем неприкосновенность, овладел Антиохией после небольшого сражения под Дафной⁸. С этих пор он..., повинаясь наставлениям высокочтимого мужа Аполлония, стал более человечным и милостивым. Затем под Эмесой⁹ произошёл крупный бой с Зенобией и её союзником Забой... Когда утомлённые всадники Аврелиана уже готовы были отступить и обратиться вспять, внезапно..., под воздействием божества, так как некий божественный образ ободрял воинов, пехотинцы восстановили порядок среди всадников. Зенобия вместе с Забой была обращена в бегство, и одержана полная победа. Спасши положение на Востоке, Аврелиан победителем вступил в Эмесу и немедленно направился в храм Элагабала¹⁰ под предлогом выполнения обетов от имени всех. Там он и нашёл тот образ божества, который, как он видел, покровительствовал ему на войне. Поэтому он и здесь заложил храмы, сделав необыкновенные приношения, и в Риме соорудил храм Солнцу, освящённый с великим торжеством...

26. После этого он направил путь в Пальмиру [весной 272 г.]... В пути он много перенёс от сирийских разбойников..., и во время осады он подвергался большой опасности, даже был ранен стрелой. Имеется его собственноручное письмо, посланное им Мукапору¹¹, где он... признаёт трудность этой войны: «Римляне говорят теперь, что я веду войну против женщины, как будто со мной сражается одна Зенобия и только своими собственными силами, однако врагов здесь столько, как если бы мне приходилось осаждать мужчину; но они — под начальством женщины, которая гораздо слабее из-за страха и нечистой совести. И выразить нельзя, сколько тут стрел, какое военное снаряжение, сколько копий, сколько камней. Нет ни одного места на стене, где не стояло бы по две и по три баллисты. Метательные орудия выбрасывают даже огонь...»

28. [Император послал Зенобии письмо с предложением сдаться, но правительница Пальмиры ответила высокомерным отказом.] Получив это письмо, Аврелиан не смутился, напротив — он даже разгневался. Собрав немедленно своё войско и своих начальников, он со всех сторон осадил Пальмиру; решительный вождь ничего не упустил из виду: всё довел до конца, обо всём позаботился. Он перехватил отряды, которые были посланы на помощь персами, подкупил конные отряды *сарацинов* и *армян*, и, действуя то жёстко, то мягко, привлёк их на свою сторону. Наконец, пустив в ход большие силы, он победил эту могущественнейшую женщину. Когда побеждённая Зенобия пыталась бежать на верблюдах, которых называют беговыми, и направилась к персам, она была захвачена посланной вдогонку конницей и передана в руки Аврелиана...

30. ...Среди воинов поднялся необыкновенный шум: все они требовали наказания Зенобии. Аврелиан, однако, считал недостойным убить женщину; казнив большинство тех, по чьему подстрекательству она начала, подготовила и вела войну, он сохранил эту женщину для триумфа, чтобы показать её очам римского народа. Из числа тех, кто был убит, тяжкой... была утрата

¹ В 271 г. Аврелиан преследовал отступающих к северу варваров и у р. Тицина нанес им окончательное поражение.

² Работы, вероятно, были начаты летом 271 г.; длина стен достигала 12 миль. Строительство было завершено при Пробе (267-282 гг.).

³ Около 266 г. пальмирский властитель Оденат пал от руки одного из своих родственников. Весьма возможно, что этот дворцовый переворот был произведён без участия Рима. Но заговорщики просчитались: руководящие круги пальмирского общества их не поддержали. Убийцы были схвачены и казнены, а во главе государства встала жена Одената Зенобия в качестве регентши своего сына Вабаллата. Зенобия была образованной и талантливой женщиной. Под её управлением Пальмира достигла ещё большего процветания, чем при Оденате. В течение нескольких лет все попытки Рима ликвидировать независимость Пальмиры оказались тщетными.

⁴ Аврелиан вытеснил готов в Дакию и одержал там над ними победу. На 271-272 гг. приходится образование новой провинции Дакии.

⁵ В начале 272 г.; к тому времени Проб уже изгнал пальмирцев из Египта.

⁶ Аполлоний Тианский — знаменитый философ-пифагореец II в. н.э.

⁷ Таким образом Аврелиан расчистил себе путь через сирийские и кликийские перевалы.

⁸ Первое столкновение с пальмирскими частями, при которых находилась Зенобия, произошло, вероятно, при Имме на Оронте.

⁹ Эмеса — последний значительный город на дороге в Пальмиру.

¹⁰ Бог Эла-Габал был богом-хранителем Эмесы.

¹¹ Мукапор — впоследствии тот убьёт Аврелиана. Аврелий Виктор (О цезарях. 36.2) называет его *дуксом*.

философа Лонгина, под руководством которого Зенобия... изучала греческую литературу¹... Итак, установив мир на всём Востоке, Аврелиан вернулся победителем в Европу [ранней осенью 272 г.]. Там он разбил войска *карпов*²...

31. Редко бывает, чтобы сирийцы сохранили верность: им это даже трудно. Когда Аврелиан был занят европейскими делами, пальмирцы, уже побеждённые и разбитые, подняли крупное восстание³. Сандариона, которого Аврелиан оставил там с гарнизоном, они убили вместе с шестьюстами стрелков и вручили власть некоему Ахиллу, родственнику Зенобии⁴. Однако Аврелиан в полной готовности вернулся с Родопы и разрушил город, так как он того и заслуживал...

32. Наконец, он вторично, но уже чувствуя себя в большей безопасности, вернулся в Европу⁵ и, проявляя свою прославленную доблесть, разбил бродивших здесь врагов. Между тем, пока Аврелиан совершал во Фракиях и по всей Европе свои необыкновенные подвиги, появился некий Фирм, который, не имея никаких законных знаков власти, завладел Египтом, словно последний был независимым государством. Аврелиан немедленно обратился против него, и его обычное счастье не изменило ему: он тотчас же отвоевал обратно Египет. Как человек жестокий, Аврелиан отомстил за замыслы⁶. Пылая сильным гневом из-за того, что Тетрик до сих пор ещё держит в своей власти Галлии, он устремился на запад. Тетрик сам передал ему свое войско, так как не мог больше выносить злодеяний последнего. Аврелиан принял власть над переданными ему легионами. Став, таким образом, государем всего мира, усмирив Восток, галлов и все земли со всех сторон, Аврелиан направил свой путь в Рим, чтобы представить очам римлян триумф над Зенобией и над Тетриком, то есть над Востоком и над Западом.

33. ...Триумф Аврелиана... был очень блестящим. Там было три царские колесницы; из них одна — колесница Одената, отделанная и разукрашенная серебром, золотом и драгоценными камнями; вторая — присланная персидским царем в подарок Аврелиану, такой же искусной работы; третья — которую сделала для себя Зенобия, надеясь вступить в ней в город Рим. И в этом она не ошиблась: вместе с ней она вошла в Рим побеждённая, в чужом триумфе. Была ещё одна колесница, запряженная четырьмя оленями⁷; она, говорят, принадлежала царю *готов*. На ней... Аврелиан въехал на Капитолий, чтобы там заклать оленей... Впереди шло двадцать слонов, двести различных прирученных диких животных из Ливии и Палестины [т.е. львы и леопарды] — Аврелиан немедленно роздал их частным лицам, чтобы не отягощать императорскую казну их прокормом; четыре тигра, жирафы, лоси⁸ и другие подобные звери — в полном порядке; 800 пар гладиаторов, не считая пленников из варварских племен, — *блеммии*, *аксомиты*, *арабы* из Счастливой Аравии, *индийцы*, *бактрийцы*, *иберы*, *сарацины*, *персы*, — все с произведениями своих стран; *готы*, *аланы*, *роксоланы*, *сарматы*, *франки*, *свевы*, *вандалы*, *германцы* со связанными руками как пленники. Среди них шли впереди и уцелевшие знатнейшие лица города Пальмиры, и *египтяне* — в наказание за восстание.

34. Вели и десять женщин, которые сражались в мужской одежде среди *готов* и были взяты в плен, тогда как много других женщин было убито; надпись указывала, что они из рода *амазонок*: впереди несли надписи, указывавшие названия племён. Тут же был Тетрик, одетый в алую хламиду, жёлто-зеленую тунику, галльские штаны⁹ рядом с ним шёл его сын, которого он объявил в Галлии императором. Выступала и Зенобия в украшениях из драгоценных камней, в золотых цепях, которые поддерживали другие. Впереди несли золотые венки от всех городов; названия последних были обозначены в высоко поднятых надписях. Много блеска придавали торжественному шествию сам римский народ, затем знамёна коллегий и лагерей, воины, воины-панцирники, сокровища царей, все войско и сенат, хотя и несколько опечаленный, так как сенаторы видели, что над ними справляется триумф. Наконец, лишь в девятом часу он прибыл на Капитолий и поздно вечером — в Палатинский дворец. В следующие дни для народа были устроены развлечения — театральные представления, цирковые игры, охоты, бои гладиаторов, морские сражения.

35. ...Аврелиан... раздавал римскому народу... свиное мясо, которое распределяется и донныне. Он установил очень много законов, притом благодетельных. Он учредил жреческие должности¹⁰, заложил храм Солнца и укрепил его портиками. Он назначил также средства для починки храмов и вознаграждения служителям культа. После этого он отправился в Галлию [в начале 275 г.] и освободил *винделиков* от осады, в которой их держали варвары. Затем он вернулся в Иллирик и, собрав... большое... войско, объявил войну персам, которых он разбил с великой славой уже в то время, когда победил Зенобию. Но в пути, в местечке Кенофрурии, находящемся между Гераклеей и Византием, он был убит по злому умыслу своего письмоводителя и рукою Мукалфа... Аврелиан был... государём суровым, жестоким, кровожадным. Так как в своей суровости он дошёл до того, что велел убить дочь своей сестры, хотя обвинение против неё было незначительное и недостаточно веское... Случилось — так роковым образом складываются обстоятельства, что своими угрозами он вызвал ненависть к себе со стороны подозреваемого им в чём-то Мнестея, который был у него письмоводителем по секретным бумагам и, как говорят, его вольноотпущенником. Зная, что Аврелиан никогда не грозит попусту, а если грозит, то никогда не прощает, Мнестей¹¹ составил список имён, в котором были перемешаны с именами тех, на кого Аврелиан действительно гневался, также имена тех, о ком он не думал ничего дурного, и добавил к ним своё имя для того, чтобы проявляемое им беспокойство вызвало больше доверия. Список он прочитал отдельным лицам, имена которых в нём значились, добавляя, что Аврелиан решил всех их убить и что они, если они настоящие мужчины, должны позаботиться о собственной жизни. Страх овладел теми, кто заслужил кару, а скорбь — теми, кто не имел вины, так как Аврелиан, казалось, не чувствовал признательности за все оказанные ему благодеяния и услуги, и они в пути, в вышеназванном месте, внезапно напали на государя и умертвили его [осенью 275 г.]...

38. В правление Аврелиана была также война с работниками монетного двора, которыми руководил счётный чиновник Фелициссим. Аврелиан подавил восстание... сурово, но при этом было убито семь тысяч его собственных воинов...

¹ Кассий Лонгин (210-273 гг.) — философ-платоник. В 250-267 гг. возглавлял Академию в Афинах. В 267-268 гг. по приглашению Зенобии прибыл в Пальмиру, стал учителем и советником царицы.

² Теснимые готами, карпы* вторглись на территорию страны к северу от устья Дуная. После победы Аврелиан поселил часть из них на римской территории (Аврелий Виктор. О цезарях. 39.43).

³ В 273 г. пальмирцы попытались склонить к восстанию префекта Марцеллина. Когда это не удалось и тот поставил Аврелиана в известность, они решились на открытый разрыв.

⁴ По Зосиму (1.56.2), его звали Антиохом.

⁵ По Зосиму (1.61.1), Аврелиан из Пальмиры отправился в Египет.

⁶ Имеется в виду разрушение Брухиона, одного из четырех районов Александрии.

⁷ Стоит отметить, что для кельтов, иллирийцев и германцев олень был связан с культом солнца.

⁸ Первые представляли животный мир Востока, вторые — Эфиопию, третьи — Север.

⁹ Галльского узурпатора вели в императорском облачении.

¹⁰ Речь идёт о жреческой коллегии, чьи члены (сенаторы) назывались понтификами солнца.

¹¹ У Зосима (1.62.1) он носит имя Эрос.

39. ...Видя, что Иллирик опустошен и Мезия разорена, он покинул созданную Траяном задунайскую провинцию Дакию, уведя оттуда войско и провинциалов¹, так как потерял надежду удержать её; уведённых оттуда людей он поселил в Мезии и назвал своей Дакией область, которая сейчас разделяет две Мезии...

45. Аврелиан установил на вечные времена подать из Египта в пользу города Рима в виде стекла, бумаги, полотна, пеньки и других вывозных товаров...

47. Из египетской подати он добавил одну унцию к хлебам, выпекавшимся в городе Рима. Он сам хвалится этим в одном письме, написанном им префекту продовольственного снабжения Рима: «Аврелиан Август префекту продовольственного снабжения Флавию Арабиану. Среди прочего, чем мы благодаря покровительству богов помогли Римскому государству, я больше всего горжусь тем, что увеличил все виды продовольственных пайков в городе на одну унцию. Для того чтобы эта мера стала постоянной, я поставил в Египте новых нильских корабельщиков, а в Риме — речных, поднял берега Тибра, прокопал проход там, где дно поднялось...»

48. Он решил производить и даровую раздачу вина римскому народу, чтобы наравне с даровым маслом, хлебом и свининой выдавалось и вино; этой мере, которая должна была стать постоянной, он придумал следующий вид. В Этрурии по Аппиевой дороге, вплоть до приморских Альп, тянутся на огромном пространстве плодородные и покрытые лесами земли. Он решил отдавать хозевам даром столько необработанной земли, сколько они захотят, и, поселив там рабов из числа пленных, засадить горы виноградными лозами, а получаемое отсюда вино раздавать так, чтобы императорская казна не получала отсюда никакого дохода, но отдавала все вино в распоряжение римского народа. Был уже произведен расчет количества единиц меры, бочек, кораблей, рабочих рук...

50. ...Он редко позволял себе развлекаться, но необыкновенно любил мимы; особенное удовольствие доставлял ему обжора, который поедал так много, что однажды съел перед его столом целого кабана, сто хлебов, барана и поросёнка и выпил, вставив себе воронку, больше кадки.

Если не считать некоторых мятежей внутри государства, то время Аврелиана было очень счастливым. Римский народ любил его, а сенат, сверх того, и боялся.

РОЗДІЛ 8 РИМСЬКА ІМПЕРІЯ В ЕПОХУ ДОМІНАТУ (284-476 рр.)

I. СТАНОВЛЕННЯ СИСТЕМИ ДОМІНАТУ (284-337 рр.)

№1 ДИОКЛЕТІАН (284-305 рр.)

(Флавій Євтропій, Коротка історія від заснування міста, IX)

19. ...Победоносное войско, возвращаясь из Персии... избрало императором Диоклетиана (284-305 гг.), родом из Далмации, мужа происхождения настолько незнатного, что многие считали его сыном простого писца, а другие утверждали, что он был вольноотпущенником сенатора Ануллина...

22. В то время во всем мире было неспокойно: Каравзий взбунтовался в Британии, Ахилл — в Египте, в Африке — пентаполитанцы², Нарсес³ вёл войну на Востоке. Диоклетиан возвёл в сан августа* Максимиана Геркулия (286 г.), Констанция и Максимиана [Галерия] сделал цезарями* (293 г.). Из них Констанций, говорят, приходился внуком Клавдию по дочери, Максимиан Галерий же родился в Дакии, недалеко от Сердики. И чтобы они ещё более сблизились между собой, Констанций взял в жёны Феодору, падчерицу Геркулия, от которой у него позже было шесть детей, братьев Константина⁴. Галерий же женился на дочери Диоклетиана Валерии, поэтому оба были вынуждены развестись со своими прежними жёнами. После нескольких неудачных стычек с Каравзием, мужем искусным в военном деле, они заключили с ним мир. Семь лет спустя Каравзия убил его сообщник Аллект⁵ (294 г.), который после этого в течении трёх лет сам управлял Британией (294-296 гг.). Он в свою очередь был убит при появлении на острове констанциева префекта претория⁶ Асклепиодота. Так, спустя десять лет Британия вновь стала римской провинцией.

23. Тем временем Цезарь Констанций успешно сражался в Галлии. У лингонов⁷ в один и тот же день испытал он превратности судьбы. Ибо при внезапном набеге варваров столь быстро был вынужден бежать в город, что, поскольку ворота его уже были закрыты, пришлось втаскивать его на стену при помощи верёвки. Но не прошло и пяти часов, как с подходом его войска он уничтожил около 60 тыс. *алеманнов*. Также и Август Максимиан закончил войну в Африке, покорив Пентаполис и принудив его к миру. Диоклетиан, осадив Ахилла в Александрии, взял её восемь месяцев спустя, а Ахилла убил. Одержав победу, он поступил сурово: весь Египет опустошил *проскрипциями* и убийствами. Однако через это мудро устроил и установил многое из того, что и поныне сохраняется.

24. Галерий Максимиан провёл первое сражение против Нарсеса между Каллиником и Каррами неудачно, проиграв более по неосторожности, чем по малодушию, ибо вступил в сражение с небольшим войском против многочисленного противника. И вот, разбитый, направился он к Диоклетиану. И когда последний встретился ему по дороге, то, говорят, Галерий был так нелюбезно принят, что несколько миль бежал в императорском одеянии за колесницей Диоклетиана.

¹ Со времен Галлиена (253-268 гг.) Дакия считалась потерянной. Аврелиан воспользовался благоприятной обстановкой после своей победы над *готами* в 271 г. для эвакуации провинции. Чтобы не стоять перед необходимостью официального признания её утраты, Аврелиан (он носил титул Великого Дакского) образовал новую провинцию Дакию из части Фракии и Дардании со столицей в Сердике.

² Пентаполитанцы — жители городов Киренаики.

³ Нарсес — царь Ирана в 299-302 гг.

⁴ Неточность: у Константина было 3 сестры и 3 брата.

⁵ Аллект — возможно, его казначей.

⁶ Префект претория — начальник императорской гвардии. Учитывая огромное влияние преторианцев на избрание и смещение императоров в III в., эта должность была очень почётной и влиятельной.

⁷ *Лингоны* — галльское племя, жило по соседству с *секванами*.

25. Но вскоре, собрав войска в Иллирии и Мезии, снова воевал Максимиан Галерий с Нарсесом, дедом Хормизда и Сапора¹, в Великой Армении, на этот раз с большим успехом, но всё с тем же малым благоразумием, хотя и храбро, ибо сам лично ходил в разведку всего с двумя или тремя всадниками. Прогнав Нарсеса, он захватил его лагерь, взял в плен его жён, сестёр и детей. Также захватил он бесчисленное множество персидской знати и богатейшую казну. Самого же Нарсеса загнал в пустынные пределы его царства. Потому, когда Галерий, еле сдерживая торжество, вернулся к Диоклетиану, находившемуся в Месопотамии с резервами, он был принят с великими почестями. После этого они вели разные войны вместе и порознь; подчинили персов и бастарнов², победили *сарматов*, расселив великое множество пленных из этих народов в пределах римских.

26. Диоклетиан был хитрым, но пронизательным, очень острого ума и суровостью своей пытался подавить чужую злобу. Он был весьма умелым и рачительным государём и первым в Риме ввёл царские обычаи вместо прежней римской свободы. Приказал ему кланяться, в то время как раньше его просто приветствовали, носил одежду и обувь, украшенную драгоценными камнями. Прежде императорское отличие в одежде заключалось только в пурпурном плаще, остальное же ничем не выделялось.

27. Геркулий был явно жесток и нелюбезного нрава, даже лицо его выражало свирепость. Следуя своей природе, он во всём поддерживал Диоклетиана самыми суровыми советами. Но когда Диоклетиан под тяжестью лет почувствовал невозможность управлять Империей, он уговорил Геркулия уйти в частную жизнь, а дела государственные передать более молодым. Неохотно последовал Геркулий его совету. Однако оба они в один день сменили знаки императорского достоинства на частную жизнь — Диоклетиан в Никомедии, Геркулий в Медиолане, после славного триумфа, который они совместно отпраздновали в Риме. Во время этого триумфа вели перед их колесницами жён, сестёр и детей Нарсеса. Диоклетиан поселился в Салоне, Геркулий — в Лукании.

28. Диоклетиан состарился в славном покое, будучи частным лицом на своей вилле, находившейся недалеко от Салоны. Мужественно поступил он, ибо единственный из всех правителей после основания римского государства добровольно покинул столь высокий пост и ушёл в частную жизнь³. Итак, сделал он то, чего никогда не было от сотворения людей, добровольно ушел в частную жизнь. Был причислен к Богам.

(Едикт Диоклетиана про ціни)

Этот эдикт известен из текстов отдельных надписей, найденных в течение XVIII—XIX вв. в Кариин, Египте и на островах Средиземного моря. Надписи на греческом и латинском языках.

Наше государство по воле бессмертных богов, памятуя о счастливо оконченных войнах, можно поздравить с наступлением спокойной эры существования и мирного развития, добытых после больших трудов и лишений. Хранить верно государство и заботиться об общественном благе есть долг римского достоинства и величия. Пусть мы, с помощью божеской милости прекратившие грабежи варварских народов, наводнявших нашу страну, на вечные времена добытый мир окружим защитой справедливости.

Если бы там, где без конца свирепствовала алчность, не шадившая человеческого рода, возраставшая не годами, месяцами и днями, но часами и минутами, могли обуздать доводы разума или если бы общее благо можно было легко примирить с этой необузданной распущенностью, которой оно подрывается, то, может быть, было бы уместно скрывать и затушевывать зло при наличии к тому же силы и терпения ко злу.

Но так как бешеная жадность равнодушна ко всеобщей нужде и так как у бессовестных спекулянтов считается религией в вихре жадности, в горячке наживы отступать от разрушения благосостояния всех скорее в силу необходимости, чем добровольно, так как далее не могут спокойно смотреть на это положение дел те, кого крайняя нужда довела до понимания переживаемого тяжелого момента, то нам в силу отеческой заботливости о людях надлежит вмешаться, чтобы справедливо судить о вещах, чтобы то, что люди тщетно стараются осуществить, было достигнуто для общего умиротворения нашими средствами. Насколько показывает общее мнение и сама действительность говорит за это, поздно приходит на помощь наша забота.

Когда мы взвешивали обстоятельства и колебались принять найденные средства, то можно было ожидать в силу законов природы, что люди, запутавшиеся в тягчайших преступлениях, сами будут стараться исправиться. Мы сочли за благо факты вопиющего грабежа не подвергать обсуждению тех преступных элементов общества, которые ежедневно становятся хуже, которые с какой-то душевной слепотой впадают в преступления против общества, на которых лежит тяжелое обвинение в жестокой бесчеловечности, в том, что они враги и отдельного человека, и общества в целом.

Итак, мы обращаемся к мероприятиям, уже давно ставшим необходимыми, и равнодушны к жалобам, чтобы вмешательство нашей исцеляющей руки не оказалось запоздалым или тщетным и не расценивалось бы как нечто маловажное бессовестными людьми, которые, зная нашу многолетнюю терпеливость, не пожелали ею воспользоваться во благо. Кто так закоснел душой и лишён всякого человеческого чувства, чтобы не знать и не чувствовать, что вакханалия цен как на предметы, поступающие на базары, так и на предметы, находящиеся в постоянной продаже в городах, так распространилась, что необузданную жадность не смягчают ни обилие товаров, ни бывающий временами урожай, что люди такого сорта, которые специально этим заняты, несомненно, в душе всегда стремятся к тому, чтобы даже вопреки движению звезд подчинить себе воздух и погоду, и в силу присущей им несправедливости не могут допустить, чтобы небесные дожди питали счастливые нивы и обещали будущие урожаи; что некоторые считают убытком для себя, если по милости неба земля дает изобилие земных плодов.

Жители наших провинций! Забота об общем благе заставляет нас положить предел корыстолюбию тех, которые всегда стремятся божественную милость подчинить своей выгоде и задержать развитие общего благосостояния, а также приобретать в годы неурожая, давая ссуды для посева и пользуясь услугами мелких торговцев, которые обладают каждый в отдельности такими несметными богатствами, что они были бы достаточными насытить целый народ, и преследуют личную выгоду, и гонятся за разбойничьими процентами. Мы должны объяснить причины, которые заставили нас отказаться от долгого нашего терпения, чтобы (хотя трудно убеждением или законодательным актом.. уничтожить разбушевавшуюся во всем мире стихию наживы) мероприятия наши более справедливо расценивались, чтобы люди, потерявшие меру, осознали необузданную жадность своих помыслов, как известного рода клеймо.

Кто не знает враждебную общественному благу наглость, с которой в форме ростовщичества встречаются наши войска, перебрасываемые по соображениям общественной безопасности не только по деревням, но и по городам на всём пути своего следования, ростовщики назначают цены на продаваемые предметы не только в четырехкратном или восьмикратном размере, но и в та-

¹ Нарсес — см. прим. 2; Хормизд II (302-309 гг.) и Шапур II (309-379 гг.) его преемники.

² *Бастарны* — племя, происхождение которого точно не установлено. Жили в нижнем течении Прута и Дуная.

³ До Диоклетиана Луций Корнелий Сулла также добровольно сложил с себя диктаторские полномочия в 79 г. до н.э. и ушёл на покой.

ком размере, что никакими словами это нельзя выразить. Кто не знает, что иногда войны ценой почётного подарка и жалования приобретают один предмет? Кто не знает, что жертвы всего государства на содержание войск идут на пользу хищников-спекулянтов?

Таким образом, оказывается, что наши воины награды за военную службу и свои пенсии ветеранов передают хищникам. Так и получается, что хищники изо дня в день грабят государство, сколько желают, руководясь всей совокупностью обстоятельств, выше изложенных; как это диктует сама человечность, признали мы, что цены на товары надо установить, что несправедливо, когда очень многие провинции наслаждаются счастьем желанной дешевизны и привилегией изобилия, чтобы, если дороговизна появится, (от чего да хранят нас боги), жадность, которая, как разбросанные поля, не может быть объята и ограничена, нашла бы себе сдержку в наших постановлениях, в нашем умеряющем законе.

Итак, мы постановляем, чтобы цены, указанные в прилагаемом перечне, по всему государству так соблюдать, чтобы каждый понял, что у него отрезана возможность их повысить. Конечно, в тех местах, где царит изобилие всего, не следует нарушать счастье дешёвых цен, о которых так заботятся, подавляя корыстолюбие. Продавцам и покупателям, у которых в обычае посещать порты и объезжать чужие провинции, надлежит в будущем так себя ограничить, чтобы, зная, что во время дороговизны установленные цены они не могут повысить, они бы так рассчитали все обстоятельства дела, чтобы было ясно, что они поняли, что никогда по условиям транспорта товары нельзя продавать выше таксы. Как известно, у наших предков был обычай запугать преступающих закон угрозой наказания, потому что редко благотельное мероприятие само по себе усваивалось и всегда вразумительный страх почитался лучшим наставником долга. Поэтому мы постановляем, что, если кто дерзко воспротивится этому постановлению, тот рискует своей головой. Пусть никто не считает, что закон суров, так как каждому предоставлена возможность избежать опасности через сохранение умеренности. Той же опасности подвергается человек, который из жадности к наживе будет соучастником в деле нарушения этого закона. В том же будет обвинен и тот, кто, владея необходимыми для пропитания и пользования средствами, скроет их. Наказание должно быть серьезнее для того, кто искусственно вызывает недостаток продуктов, чем для того, кто нарушает закон.

Мы предостерегаем всех от непослушания. Что постановлено в интересах всех, должно быть сохраняемо добровольно и с полным благоговением. Такое постановление обеспечивает пользу не отдельным общинам, народам и провинциям, не всему государству, на гибель которого совершали преступления те немногие лица, жадность которых не могли смягчить ни время, ни собранные богатства.

Перечень цен [подается со значительными сокращениями], выше которых никто не может взимать¹

§1. О хлебных и кормовых семенах

Пшеница	100	Очищенные бобы	100
Ячмень	100	Неочищенные бобы	60
Рожь	60	Чечевица	100
Пшено	100	Вика	80
Просо	50	Очищенный полевой горох	100
Индийское просо	50	Неочищенный полевой горох	60
Очищенная полба	100	Семена для сена	30
Полба	30	Семена для клевера	150
Овечий горох	100	Конопляное семя	80
Овес	30	Семена вики	80
Рожки	100	Мак	150
Лупин	60	Тмин	150
Варёный лупин	4	Семя редьки	150
Сушеные турецкие бобы	100	Горчица	150
Льняное семя	150	Приготовленная горчица	150
Сезам	200		

§7. О заработной плате

Деревенский батрак со столом за 1 день	25
Каменщик	50
Столяр	50
Плотник	50
Обжигатель извести	50
Работник по мрамору	60
Работник по мозаике	60
Маляр	75
Художник-маляр	150
Тележник	50
Кузнец	50
Пекарь	50
Морской плотник	60
Плотник для речных судов за 1 день со столом	50
Погонщик верблюдов, ослов	25
Пастух	20
Ветеринар за стрижку мулов	6
Брадобрей за 1 человека	2
За стрижку 1 овцы со столом	2

¹ Цены даются в денариях, но это не денарий республиканской или раннеимператорской эпохи, но гораздо менее ценная разменная монета, бывшая тогда в обороте. Мерой сыпучих тел служит *модий* — 8,8 л.

§8. О заработной плате металлистов

Меднику плата за работу по меди	8
За изготовление посуды	6
За изготовление фигур, статуй	4
За железную обивку	6
Носильщику воды за 1 день	25
Точильщику и полировщику за старую саблю	25
За старый шлем	25
За топор	6
За двойной топор	8
За лезвие сабли	100

§9. О труде пергаментщика и переписчика

Пергаментщику за пергамент величиной в квадратный фут	40
Переписчику за 100 строк лучшего письма	25
За 100 строк обыкновенного письма	20
Переписчику документов или вообще копиисту за 100 строк	10

§11. О плате за обучение

Учителю гимнастики за 1 ученика в месяц	50
Воспитателю за 1 ребенка в месяц	50
Начальному учителю за мальчика	50
Учителю арифметики в месяц	75
Стенографу в месяц	75
Переписчику в месяц	50
Учителю греческого, латинского языка	200
Учителю риторики или софисту	250
Адвокату или опытному юристу за подачу жалобы	250
За производство следствия	1 000
Архитектору за 1 ученика в месяц	100

№2

КОНСТАНЦИЙ ХЛОР (305-306 pp.) (ПАНЕГИРИК КОНСТАНЦИЮ ХЛОРУ, VIII, 1; 8; 9; 21)

Латинские панегирики — название сборника, содержащего панегирики, произнесенные галльскими ораторами IV в. н.э. в честь различных императоров (Констанция Хлора, Константина и др.).

...Столь много благодаря вашей доблести одержано побед, столько уничтожено всюду варварских племён, столь многие земледельцы приведены на римские поля, столь провинций восстановлено.

...Лесные убежища не могли укрыть варваров, и они отдались во власть твоей божественности. Они перешли с жёнами, детьми и толпами близких и имуществом на прежде пустынные места, дабы то, что они некогда, грабя, опустошали, теперь, подчинившись, сделали снова обработанным.

...Во всех портиках городов сидят толпы мужей, дрожащие от подавленной ярости..., закованные отроки и девушки пленных варваров, бормочущие на родном языке, и все они распределены для службы вашим провинциалам и будут отведены в предназначенные им для обработки пустыни... Пашет теперь и *хамавк* и *фриз*, и тот бродяга и другой грабитель возделывают поля и наполняют мои рынки скотом, и земледелец-варвар облегчает продовольственные поставки. Он приходит на рекрутский набор, покорно служит, подставляя спину, и рад военной службе...

Итак, подобно тому как при Диоклетиане приведённые по твоему приказу жители Азии наполнили пустынную Фракию, как при Максимиане по твоей воле лежащие пустынными поля *арвернов* и *треверов* обработали вернувшиеся на родину земледельцы и *франки*, снова подчинённые законам, так теперь благодаря твоей победе, непобедимый цезарь, всё, что осталось пустым у *амбланов*, и *белловаков*, и *трикассинов*, и в земле *лингонов*, вновь зазеленело, благодаря земледельцу-варвару...

№3

КОНСТАНТИН I (306-337 pp.)

(Флавий Евтропий, Коротка історія від заснування Міста, X)

2. Вскоре после смерти Констанция, сын его Константин, рожденный от незнатной матери, провозгласил себя в Британии императором (306 г.). Так место отца занял всем желанный правитель. Между тем в Риме преторианцы, учинив бунт, избрали августом Максенция (306-312 гг.), сына Геркулия, который жил недалеко от Города... Узнав об этом, Максимиан Геркулий, в надежде вновь обрести прежнюю власть, которую он оставил против своей воли, поспешил из Лукании в Рим (Луканию он выбрал в качестве своего местожительства, дабы спокойно состариться на тамошних прекрасных полях). Он убеждал в своих письмах Диоклетиана принять обратно оставленную власть, но тот только посмеялся над этим. Против взбунтовавшихся преторианцев и Максенция Галерий послал в Рим цезаря Севера с войском, куда тот и прибыл, но во время осады Города был предан своими солдатами. Максенций же, увеличив войско, укрепил свою власть. Север бежал в Равенну и был там убит¹ (307 г.).

3. После этого Максимиан Геркулий на сходке воинов, стремясь лишить своего сына власти, претерпел от них великое поношение. Тогда он уехал в Галлию, притворившись, будто бы изгнан своим сыном, дабы таким образом склонить к себе Константина, который в то время правил в Галлии и был любим и войском, и провинциалами. Он разгромил франков и алеманнов, взял в плен их вождей и, устроив великолепное гладиаторское зрелище, отдал их на растерзание диким зверям. И вот, по раскрытии коз-

¹ Точнее, в Равенне он попал в плен, затем был доставлен в Рим и там его принудили к самоубийству.

ней Геркулия, благодаря дочери его Фаустине, которая о коварстве его рассказала мужу, Максимиан бежал в Массилию, собираясь оттуда отплыть к своему сыну, но там был убит (310 г.)... Муж во всем жестокий, склонный к свирепости и коварству, недружелюбный, совершенно нерасположенный к добру.

4. Тем временем Галерий провозгласил нового императора — Лициния (308-324 гг.), родом из Дакии. Был он знаком ему с давних пор, особенно со времени войны против Нарсеса. Понравился тогда ему Лициний за энергичные дела свои и поступки. Вскоре последовала смерть Галерия (311 г.). Так государство римское оказалось во власти четырех новых императоров: Константина и Максенция, детей Августов, и Лициния и Максимиана, людей новых¹. Константин на 5 год своего правления начал гражданскую войну против Максенция, разгромил его во многих сражениях, а самого, свирепствовавшего в Риме против знати, победил у Мульвиева моста (312 г.) и таким образом овладел всей Италией. Некоторое время спустя на Востоке начал войну против Лициния Максимиан, но подобный же исход дела предупредил своей неожиданной смертью у Тарса (313 г.).

5. Константин, муж выдающийся и стремящийся воплотить все им задуманное, кроме того, желая быть первым во всем свете, начал войну против Лициния несмотря на то, что находился с ним в близкой родственной связи, ибо сестра его, Констанция, была женой Лициния. Сначала в Паннонии, затем, после тщательной подготовке к войне, у Цибала, победил он Лициния и завладел Далмацией, Мезией и Македонией, а также и другими провинциями.

6. После этого они еще много воевали; мир заключался и нарушался неоднократно. В итоге Лициний был побежден в морском и сухопутном сражениях у Никомедии и сдался (324 г.). Позже, вопреки клятве Константина, он был убит в Фессалониках, будучи уже частным лицом. С этого времени римское государство оказалось в руках одного августа и трех цезарей², чего ранее никогда не было, ибо дети Константина правили в Галлии, Италии и на Востоке. Однако, благоприятный исход всех этих дел весьма повредил душе Константина: начал он преследовать своих родственников и, в частности, сына своего³, мужа выдающегося, а также сына сестры своей⁴, юношу достойного нрава, убил, а вскоре и с женой своей [Фаустой] поступил так же, не говоря уже о многих своих друзьях.

7. Таким образом, в начальное время своего правления он может быть уподоблен лучшим правителям, в последующем же — посредственным. Наделен он был многими телесными и духовными дарованиями. Был очень неравнодушен к военной славе. На войне имел необыкновенную удачу, но не превосходящую его умения. Ибо после окончания войны гражданской разбил он в нескольких сражениях готов, а затем даровал им мир, и приобрел широкую добрую славу у варварских народов...

8. Много он внес справедливых законов, много и лишних, а некоторые даже были жестокими. Первым начал настолько возвышать город имени своего⁵, что сделал его соперником Рима. Начав войну против парфян, неоднократно уже вторгавшихся в Месопотамию, скончался на государственной вилле у Никомедии на 31 году своего правления, в возрасте 66 лет (337 г.). Кончина его была предвещена хвостатой звездой, которая довольно долго светила с необычайной силой; греки называют такие звезды кометами...

(Секст Аврелий Виктор, Про цезарів)

XL. [После отречения Диоклетиана и Максимиана] их места заняли Констанций и Арментарий, цезарями были назначены Север и Максимиан⁶, уроженцы Иллирика, первый — в Италию, второй — в те области, которыми управлял Иовий. Не желая мириться с этим, Константин⁷, при своем сильном и неукротимом характере, тогда уже, с юных лет охваченный страстным стремлением к власти, решил бежать и, чтобы сбить со следа преследователей, повсюду, где пролегал его путь, убивал казенный выючный скот и добрался до Британии; дело в том, что Галерий держал его как заложника под предлогом отеческого о нем попечения. И случайно там в те же дни отца его настиг рок⁸. После его смерти, при поддержке всех присутствующих Константин захватывает власть. А между тем в Риме чернь и отряды преторианцев объявляют императором Максенция⁹, несмотря на упорные протесты отца его, Геркулия. Когда об этом узнал Арментарий, он приказал поспешно выступить против этого противника цезарю Северу, находившемуся случайно близ города. Но пока он действовал под стенами столицы, он был покинут своими солдатами, подкупленными Максенцием обещанием наград; бежав, он оказался запертым в Равенне и там погиб¹⁰. Ожесточившись еще более, Галерий, прибегнув к совету Иовия, объявляет Августом цезаря Лициния¹¹, известного ему по старой дружбе; оставив его для охраны Иллирика и Фракии, он сам направляется в Рим. Там он задержался на осаде [города] и, так как его солдат стали так же соблазнять, как и прежних, он, опасаясь, как бы они его не покинули, ушел из Италии; несколько времени спустя он погиб от отравленной стрелы¹², успев приспособить для земледелия поля в Паннонии, вырубив для этого непроходимые леса и спустив в Дунай воды из озера Пельсона [ныне Балатон]. В связи с этим он дал провинции этой имя своей жены Валерии¹³. Он был императором пять лет, а Констанций всего один год, после того как оба они обладали властью цезарей в течение 13 лет. Настолько удивительны были эти двое по своим природным дарованиям, что если бы они опирались на просвещенность и не поражали своей неорганизованностью, то, несомненно, были бы самыми выдающимися правителями. Отсюда вытекает, что принцепсам необходимо обладать образованностью, обходительностью, особенно любезностью; без этих качеств дары природы остаются как бы незавершенными

¹ «Новый человек» — первоначально в среде римской знати презрительное название выходца из более низких сословий. Позднее вообще всякий выскочка.

² Это были будущие императоры Константин II (317-340 гг.), Констанций II (324-361 гг.), Констант (333-350 гг.).

³ Криспа, своего старшего сына в 326 г.

⁴ Лициния Младшего. Он погиб одновременно с Криспом.

⁵ Имеется в виду Константинополь, основанный в 323 г. и освященный в 330 г.

⁶ Валерий Галерий Максимиан Даза. Выходец из Иллирии, племянник Галерия. С 1 мая 305 г. цезарь восточной части империи; в 309 г. получил титул августа. Флавий Север, иллириец или далматинец, был любимцем Галерия; 1 мая 305 г. получил титул цезаря совместно с Максимином. После смерти Констанция Хлора в 306 г. Галерий дал Северу освобожденный титул августа.

⁷ Флавий Валерий Константин I Великий (27 февраля 272 г. — 22 мая 337 г.), сын Констанция Хлора; при Диоклетиане и Галерии служил в армии.

⁸ Констанций Хлор умер в июле 306 г. в Эборакуме (совр. Йорк) во время походов против пиктов и скотов. Уже 25 июля 306 г. Константин провозглашается августом войсками в Эборакуме.

⁹ Марк Аврелий Максенций (ок. 280 г. — 28 октября 312 г.), сын Максимиана. При поддержке преторианской гвардии и плебса провозгласил себя императором 28 октября 306 г., и смог добиться поддержки италийских городов и временно провинций Испании и Африки.

¹⁰ Север осадил Рим, но взять его не смог и отступил в Равенну. Максимиан, помогая сыну, осадил Равенну. Север сдался, его привезли в Рим и приказали покончить с собой, что он и сделал в апреле 307 г.

¹¹ Валерий Лициниан Лициний (265-325 гг.), выходец из семьи дакийского крестьянина, военачальник и друг Галерия, который провозгласил его 11 ноября 308 г. в Сирмии соправителем с титулом августа. Власть Лициния распространялась на Рецию и Паннонию.

¹² Согласно большинству источников, Галерий умер от болезни в мае 311 г.

¹³ Провинция Нижняя Паннония была разделена на две — Вторую Паннонию и Валерию. Валерия, дочь Диоклетиана, вышла замуж за Галерия в 293 г. После смерти Галерия на ней хотел жениться Максимиан Даза, но Валерия ему отказала, и Максимиан держал ее и ее мать Приску под стражей. После его смерти в 313 г. Валерия и Приска бежали в Никомедию к Лицинию. Вынужденные отсюда бежать, в 314 г. были пойманы и по приказу Лициния казнены.

или даже непригодными с виду, наоборот, [их наличие] доставило бессмертную славу персидскому царю Киру¹. А на моей памяти Константина, хотя он был украшен всякими добродетелями, общие молитвы всех возвышали до звезды. Конечно, если бы он поставил предел своей расточительности и честолюбию, этим качествам, при помощи которых в особенности сильные характеры, зайдя слишком далеко в своей погоне за славой, [обычно] впадают в противоположные крайности, ему было бы недалеко до бога.

Узнав, что Рим и Италия разграбляются и что два войска и два полководца разбиты или подкуплены, он, установив спокойствие в Галлиях, двинулся против Максенция. В то же время у пунийцев Александр, бывший в должности префекта, безрассудно добивался власти², так как он сам был слаб в силу возраста и, родившись в крестьянской семье в Паннонии, был сумасброден, а солдаты его были набраны в мятежной обстановке и плохо вооружены. Наконец, Руфий Волузиан, префект претория, и [другие] военачальники, посланные против него тираном с немногочисленными когортами, легко разбили его в сражении [в 310 г.]. После победы над ним Максенций приказал опустошить, разграбить и сжечь красу земель, Карфаген, и другие прекрасные города Африки; он был дик и бесчеловечен и становился еще хуже, отдаваясь своим страстям. [К тому же] он был настолько труслив и невоинственен и настолько погружен в бездействие, что, когда в Италии пылала война и его войска были рассеяны под Вероной, он не изменил привычного образа действий и не был взволнован смертью отца. А Геркулий, неудержимый по натуре, к тому же обеспокоенный бездельностью сына, неосмотрительно вернулся к власти. Когда же он под видом услуг, но замыслив козни, пытался атаковать зятя своего, Константина, он получил заслуженную им смерть³. Максенций с каждым днем становился мрачнее, наконец, с усилием выбравшись из города до Красных камней⁴ на девятой, примерно, миле, когда после поражения своего войска обратился в бегство к Риму, сам попал в засаду, приготовленную им для врага близ Мульвиева моста у переправы через Тибр [и погиб] на шестом году своей тирании [28 октября 312 г.]. По случаю его смерти сенат и народ предались совершенно невероятному ликованию, ибо он так их угнетал, что однажды дал разрешение преторианцам избивать людей и первым на основе негоднейшего обычая заставил сенаторов и земледельцев под видом подарка собирать ему деньги на его расточительство. Легионы преторианцев и их вспомогательные отряды, более пригодные для смут, чем для защиты города, из ненависти к ним были совершенно распущены, вместе с тем отменены были их особое вооружение и военная одежда. Кроме того, все постройки, воздвигнутые им с великолепием, святилище города и базилику сенаторы посвятили заслугам Флавия⁵. Впоследствии этим последним был с удивительной роскошью украшен Большой цирк, а также построены бани, не уступавшие другим. На самых людных местах ему были поставлены статуи, в большинстве из золота и серебра, а в Африке была учреждена должность жреца культа рода Флавиев; городу Цирте, разрушенному во время осады Александра, а теперь восстановленному и украшенному, было дано новое имя — Константиния. Нет более любезных народу и заслуживающих почета лиц, как освободители от тиранов; но уважение к ним становится еще больше, если сами они скромны и воздержаны. Ведь человеческие чувства, обманувшись в ожидании чего-либо хорошего, испытывают еще более глубокое разочарование, если после смены дурного правителя тяготы жизни все же остаются.

XLI. Пока все это происходило в Италии, на Востоке Максимин, после двух лет власти на голову разбитый Лицинием, погибает у Тарса⁶. Так власть над всей Империей осталась в руках двоих; хотя они и были в свойстве через сестру Флавия, выданную за Лициния⁷, они все в силу различия характеров с трудом сохраняли мир в течение трех лет. В самом деле, один носил в душе, кроме всего, великие планы, другой заботился лишь о бережливости и притом совсем по-деревенски. Затем Константин всем врагам своим оставлял почет и имущество и принимал их [в число друзей]; он был так благочестив, что первый отменил старинный род казни через распятие и перебивание голеней. Поэтому на него смотрели как на [нового] основателя [государства] и почти как на бога. У Лициния же не было предела пыткам и казням, по образцу рабских даже для невинных и знаменитых философов. После того как он был разбит во многих сражениях, когда дальнейшие его притеснения казались уже слишком тяжелыми, они ради свойства вступили в переговоры, и власть цезарей была предоставлена их детям: Криспу и Константину⁸, сыновьям Флавия, и Лициниану, сыну Лициния. Однако случившееся в те дни затмение солнца предсказало, что согласие, установившееся между ними, едва ли будет продолжительным и не принесет счастья его участникам. Итак, через шесть лет после этого мир был нарушен во Фракии, и Лициний, разбитый в бою, отступил к Халкедону. Там он призвал себе на помощь Мартиниана, разделив с ним власть, и погиб вместе с ним. Таким образом, в государстве установилась единоличная власть, но дети сохранили свои титулы цезарей, ибо в то время знаки цезарской власти были даны и нашему императору Констанцию⁹. Из них старший по возрасту (Крисп) неизвестно по какой причине по приказу отца был лишен жизни¹⁰; тогда же начальник стад верблюдов Калокер захватил остров Кипр и... объявил там себя царем. Когда он был замучен и казнен казнью рабов, что было законно, [Константин] с большим увлечением отдался основанию новой столицы, разрешению вопросов религии, а также реорганизации военной службы. А между тем разгромлены были полчища готов и сарматов и самый младший из его сыновей по имени Констант стал цезарем¹¹. Что из-за него произойдут (позже) в государстве смуты, показали чудесные предзнаменования: в ночь, последовавшую за предоставлением ему власти, все небо непрерывно пылало огнями. Через два, примерно, года после этого он в присутствии многих воинов объявил цезарем сына своего брата, носившего имя своего отца Далмация¹².

¹ Кир II Великий (558-530 гг. до н.э.), основатель персидской державы Ахеменидов. Подобная слава его объясняется популярностью романа Ксенофонта «Киропедия», где он представлен идеальным правителем.

² Викарий Домиций Александр выступил в 308 г.

³ Максимин рассорился со своим сыном Максенцием и был им выдворен из Италии, и в 308 г. вновь заявил о своем отречении от власти. После этого Максимин вернулся к Константину, который был женат на падчерице Максимиана Феодоре. Однако в 310 г. он наскоро собрал войско и попытался захватить Южную Галлию. Константин осадил его в Массилии. Часть сторонников Максимиана предала его и открыла ворота Константину. Максимин покончил жизнь самоубийством.

⁴ Красные камни — место на Фламиниевой дороге в 9 км. к северу от Рима.

⁵ Это Константин, поскольку он принадлежал к династии Констанциев и II-й династии Флавиев.

⁶ Максимин Даза проиграл Лицинию битву под Адрианополем 30 апреля 313 г., обратился в бегство и вскоре умер.

⁷ Флавия Юлия Констанция, дочь Констанция Хлора и Феодоры, сводная сестра Константина (который был сыном Констанция от первой жены Елены). В 314 г. в Медиолане она вышла замуж за Лициния. Умерла в 330 г.

⁸ Крисп был старшим сыном Константина и Минервины, простой женщины, с которой Константин жил до своего брака с Фаустой, дочерью Максимиана. Цезарем он стал в 17 лет, и получил в управление галльские провинции. Флавий Валерий Константин II (февраль 314-340 гг.), старший сын Константина и Фаусты; провозглашен цезарем вскоре после своего рождения.

⁹ Флавий Юлий Констанций II (7 августа 317 г. — 3 ноября 361 г.), сын Константина I, римский император с 9 сентября 337 г.

¹⁰ Во время войны Константина с Лицинием в 324 г. Крисп командовал частью войск отца, и победил флот Лициния в Геллеспонте. Вскоре Константин отобрал у него управление провинциями и стал держать при себе. В 326 г. Константин отправился в Рим и взял Криспа с собой. В Риме он приказал арестовать Криспа, увезти из города и убить. Вместе с ним был убит и Лициниан, сын Лициния и Констанции, сестры Константина.

¹¹ Флавий Юлий Констант (ок. 320-350 гг.), младший сын Константина I. Цезарем был провозглашен в 333 г.

¹² Это Далмаций Младший, старший сын Флавия Далмация Старшего, сына Констанция Хлора от второго брака с Феодорой. Став цезарем, Далмаций Младший получил в управление Фракию, Македонию и Грецию.

Итак, на 32-м году правления, после 13 лет единоличной власти над всем миром, достигнув 62 лет, он умер [22 мая 337 г.] в сельской местности недалеко от Никодемии, по названию Ахирона, в походе против персов.; смерть его была предсказана появлением роковой для царств звезды, именуемой кометой. Тело его было привезено в город его имени. Римский народ очень тяжело перенес его смерть, так как считал, что его оружием, законами и милостивым правлением город Рим был как бы обновлен. Через Дунай был построен мост; во многих удобных для этого местах были возведены крепости и бастионы. Отменены были чрезвычайные поставки масла и хлеба, особенно тягостные для жителей Триполиса и Никеи. Первыми были поставки современников Севера, расположенных к Северу, подносивших ему эти продукты как своему согражданину¹, но последующие правители, будто не зная того, обратили это подношение из расположения в тягостное обложение. На других наложил это в виде тяжелого взыскания Марк Бойоний [т.е. Марк Аврелий Антонин, 161-182 гг.] за то, что они не знали, что выдающийся ученый Гиппарх² был уроженцем их города. Тягостные поборы фиска* были сильно снижены, и вообще все казалось бы равным божественной мудрости, если бы он не открыл доступа к общественным должностям людям, мало достойным. Хотя это и часто случается, все же при столь высоком уме [правителя] и при наилучших нравах в государстве даже самые незначительные пороки ярко проявляются и потому легко замечаются: мало того, они приносят даже очень много зла, потому что при доблести правителя легко могут быть признаны за добродетель и вызвать подражание. Итак, сейчас же (после смерти Константина) неизвестно по чьим проискам убивают Далмация³, а потом, самое большее через три года, в роковой войне (с Константином) гибнет Константин (II)⁴. Констант возгордился этой своей победой, но так как он по молодости лет был очень неосторожен и необузданного нрава, к тому же поддавался влиянию дурных своих слуг, был, кроме того, крайне жаден и пренебрегал военными силами, он на десятом году после своего триумфа сделался жертвой преступления Магненция⁵, но успел подавить восстание соседних племен⁶. Он за деньги брал себе в заложники красивых мальчиков и ухаживал за ними, так как установлено, что он был предан пороку такого рода. О, если бы он все же остался жить со своими пороками! Ибо при грубом и суровом характере Магненция как выходца из варварского племени⁷, все, что случилось потом, настолько затмило собой все остальное, что по справедливости стали сожалеть о его правлении. Тогда же бесчестно захватил власть в Верхней Мезии Ветранион⁸, командовавший пехотой в Иллирике, человек низкого происхождения, совершенно необразованный и глупый, а потому и особенно по-деревенски грубый.

(Свєвїй Памфіл, Церковна історія)

Х, 5. Приведем теперь [Медиоланский эдикт 313 г.] императоров Константина и Лициния в переводе с латинского языка...

«С давних пор, считая, что не следует стеснять свободу богопочитания, но, напротив, надо предоставлять уму и воле каждого заниматься божественными предметами по собственному выбору, мы издали повеление как всем другим, так и христианам хранить свою веру и свое богопочитание. Но так как в указе, содержащем это разрешение, были упомянуты неопределенно многие и различные вероисповедания, то, возможно, некоторые вскоре лишились возможности хранить свою веру. Когда же я, Константин август, и я, Лициний август, благополучно прибыли в Медиолан и обсуждали всё, что относится к общей пользе и благополучию, то среди прочего, что сочли мы во многих отношениях полезным для всех, решили прежде всего издать постановление, которое поддерживало бы страх божий и благоговение, то есть даровать и христианам, и всем свободно, по своему собственному желанию выбирать веру...»

(Зосїм, Римська історія, II, 32-34)

[Константин] изменил обязанности магистров, некогда установленные. Когда было двое *префектов претория**, которые отправляли эту должность совместно, в их ведении и власти находились не только чиновники дворца, но и те, кому была поручена охрана столицы, и те, кто были помещены на всех границах. Эти же префекты претория, которых считали непосредственно следующими за императором, имели и право взыскивать налоги и налагать наказания против нарушающих военную дисциплину. Константин же разделил эту магистратуру на четыре. Одному префекту претория он передал весь Египет с Ливией, Пентаполем и Востоком до Месопотамии и, кроме того, Киликию, Каппадокию, Армению и весь приморский край от Памфилии до Трапезунта и до крепостей, расположенных у Фасиса; ему же поручена и Фракия и Мезия, ограниченная Гемом и Родопой и территорией города Добера; кроме того, прибавил Кипр и Кикладские острова, кроме Лемноса, Имброса и Самофракии. Другому он поручил Македонию, Фессалию, Крит, Грецию с прилежащими островами и оба Эпира и, кроме того, иллирийцев, даков, трибаллов, Паннонию до Валерии и, сверх того, верхнюю Мезию. Третьему — всю Италию и Сицилию и прилежащие острова, а также Сардинию, и Корсику, и Африку от Сиртов до Кирены. Четвертому — заальпийских кельтов и испанцев с британским островом.

Разделив таким образом магистратуру префектов, он тщательно старался и другими мерами уменьшить их власть. Во главе солдат на местах повсюду стояли центурионы и трибуны, а также дуксы — так именовались те, которые где-либо имели должность заместителей преторов; он же, установив должность военных магистров, одного пехоты, другого конницы, передал им власть набирать солдат и карать их, изъяв это из компетенции префектов. Это ухудшило дела как мирные, так и военные... Ясно, что когда префекты претория повсюду через своих чиновников взымали поземельные налоги и за их счёт осуществляли расходы на военные нужды, и они же имели право судить солдат и карать их за провинности по своему суждению, солдаты не решались нарушать свой долг, опасаясь как лишения содержания, так и наказания. Теперь, когда один даёт жалование, другой выносит при-

¹ Септимий Север (193-211 гг.) был родом из города Лептис Магна, одного из городов африканской Триполитании.

² Гиппарх из Никеи (190-125 гг. до н.э.), один из выдающихся астрономов Античности.

³ В 337 г. после смерти Константина в результате заговора сыновей Константина от Фаусты и придворных, во главе которого стоял Констанций II, было убито большинство родственников Константина I. Были казнены Флавий Далмаций Старший со своими сыновьями Далмацием Младшим и Аннибалианом Младшим; сенатор Прокул Опат, муж Анастасии, сводной сестры Константина I; Юлий Констанций, сын Констанция Хлора от Феодоры.

⁴ Константин II при разделе империи в 335 г. получил Галльскую префектуру (Британия, Галлия, Испания) и западную часть Северной Африки. Попытка Константина II взять под опеку своего младшего брата Константа (получившего в удел Иллирию, Италию и Африку) и захватить Италию привела к возникновению войны между братьями, во время которой Константин II в битве при Аквилее в 340 г. проиграл сражение и был убит. В результате Констант завладел всем Западом.

⁵ Флавий Магненций был варварского происхождения, служил в римской армии и прошел путь до комита*. Он организовал заговор, который завершился свержением Константа 18 января 350 г. Констант бежал, но недалеко от Пиренеев был убит.

⁶ Констант в 338 г. победил сарматов на Дунае, в 341-342 гг. одержал победы над франками на Рейне, в 343 г. — над пиктами и скоттами в Британии.

⁷ Магненций был британского происхождения.

⁸ Ветранион командовал римскими войсками, стоявшими в Иллирии. В 350 г. стал императором в Иллирии благодаря стараниям Константины, дочери Константина I и Фаусты.

говоры о наказании солдат, всё делается по произволу. Уже я не говорю о том, что большая часть продовольствия становится добычей дуков и их чиновников.

Совершил и иное Константин, что открыло варварам свободный путь к господству над римским народом. Когда Римская империя благодаря предусмотрительности Диоклетиана повсюду по крайним границам была окружена поселениями, крепостями и укреплениями, в них жили все войска, и не могло быть, чтобы варвары перешли границы, так как всюду войска бросались навстречу врагам, чтобы их отразить. Константин, уничтожив эти оборонительные сооружения, большую часть солдат увёл с границ и разместил в поселениях, не нуждающихся ни в каких военных силах. Он лишил защиты тех, кого тревожили варвары, спокойные и безмятежные города отяготил чумой солдатских постоев, из-за чего многие из них обратились в пустыню, самих солдат он развратил театрами и наслаждениями...

(Панегрик Константину, V, 4-12)

...Твой божественный отец¹ пожелал, чтобы разорившаяся община *эдуев*² поднялась и он её, погибшую, воссоздал. Он не только щедро давал деньги перед каждыми календами... но переводил отовсюду ремесленников... Эта община [*эдуев*] пришла в упадок не столько из-за разрушения укреплений, сколько из-за отсутствия сил, потому что её убила тяжесть нового ценза. Нельзя было по справедливости взыскивать с нас подати, раз мы имели земли, которые были описаны по общей для всей Галлии формуле ценза, хотя наша судьба не может ни с кем сравниться... Мы имеем и то число людей, которое было вписано в ценз, и меру полей, но в обоих случаях вредит лень негодных людей и коварство земли. Ибо нет у нас *рема*, или *нервия*, или соседнего *трикассинского пахаря*, или поля, доходы которых соревнуются с работой... Поле, которое никогда не отвечает усилиям земледельца, по необходимости покидают. Это происходит также из-за нужды сельских жителей, не выходящих из долгов, которым не позволено ни вырубать лес, ни отвести воду. Таким образом, вся та земля, которая была плодородной, или стала болотистой, или поросла кустарником. Эта долина, простирающаяся до Арара, была, как я слышал, некогда приятной, когда благодаря тщательной обработке земли отдельных владельцев бегущие источники имели выход на открытые долины. Теперь же, когда из-за запустения пути для воды закрыты, все земли, которые благодаря своему более низменному положению были более плодородными, превратились в омуты и болота. Наконец, и виноградники так выродились из-за запустения, что их почти не замечают...

Что скажу я об остальных районах этой общины, которые ты сам оплакиваешь?.. Начиная с того поворота, откуда дорога поворачивает в Бельгику, всё пусто, необработано, заброшено, безмолвно, мрачно. Даже военные дороги так неровны и круты и так опасны, что через них с трудом можно переправить двухколёсную повозку, наполвину полную или пустую. Из-за этого мы выполняем наши повинности с опозданием, так как для нас перевозка даже малого количества плодов труднее, чем для прочих перевозка большого количества... Ты сам нас позвал, сам заговорил, сам удостоил нас той помощи, о которой мы хотели просить... Ты скостил нам семь тысяч *капутов*³, ты отменил больше пятой части нашего ценза и, однако, ты часто спрашивал, достаточно ли нам этого... Отменой этих семи тысяч капутов ты дал силы остальным двадцати пяти, дал изобилие, дал спасение... Как многочисленны те, император, которых нужда заставила скрываться в горах и лесах или даже идти в изгнание! Благодаря этой льготе, т.е. прощению недоимок за пять лет, они вышли на свет, вернулись на родину, перестали обвинять свою бедность, бесплодие своих полей, ободрились духом, приготовились к работе, с лучшими надеждами приложили все усилия к обработке земли...

II. РИМСЬКА ІМПЕРІЯ в 337-395 рр.

№1

КОНСТАНЦІЙ II (337-361 рр.) (АММІАН МАРЦЕЛЛІН, РИМСЬКА ІСТОРІЯ, XVI)

8. ...Констанций, со своей чрезмерной подозрительностью, постоянно грезил покушениями на свою жизнь. Он уподобился в этом знаменитому сицилийскому тирану Дионисию⁴, который из-за этой своей слабости научил своих дочерей парикмахерскому искусству, чтобы не поручать бритьё своего лица кому-либо чужому...

На основании совершенно ясных свидетельств можно утверждать, что впервые Константин дал открыть пасть своим приближённым, а Констанций кормил их до отвала самым мозгом провинций. При нём первые люди всех рангов пылали ненасытной жадной обогащения без всякого стеснения перед правдой и справедливостью...

10. ...Констанций, как будто он запер храм Януса⁵ и повёрт всех врагов, захотел посетить Рим, чтобы после гибели Магненция⁶ [в 353 г.] справить триумф над римской кровью, не принимая никакого титула. Самолично он не победил никакого народа, находившегося в войне с Римом, не получил также вести о поражении какого-нибудь народа благодаря доблести своих полководцев, не прибавил новой области к римской державе, никогда не видели его в трудную минуту на поле брани первым или в числе первых. Но он хотел показать блистательную процессию, сверкающие золотом знамена, великолепную свиту мирному народу, не имевшему надежды увидеть когда-либо что-нибудь подобное и даже не мечтавшему об этом... Не стану рассказывать об огромных расходах на приготовления... [В 357 г.] пройдя через Окрикул⁷ любуясь оказываемыми ему великими почестями, окружённый грозной военной охраной, словно армией в боевом порядке, совершал Констанций свой путь, и взоры всех были прикованы к этому зрелищу. Когда он приближался к столице, сенат вышел ему навстречу, и он с радостным видом принимал почтительные приветствия сената, разглядывал почтенные лики людей патрицианского происхождения... Переноса свои взоры на народ, он приходил в изумление, с какой быстротой съехались в Рим люди со всех концов земли. И, как бы желая утратить Евфрат и Рейн видом

¹ Имеется в виду Констанций Хлор (в 293-305 гг. — соправитель Максимиана, в 305-306 гг. — император).

² *Эдуи* — крупное галльское племя, жившее между Лаурой и Саоной. Эдуи были в союзе с Римом еще до походов Цезаря; однако они приняли участие в великом галльском восстании под руководством Верцингеторикса (I в. до н.э.).

³ *Капут* (и *капитация*) — термин податной системы, введённой Диоклетианом. Единица обложения определялась тем количеством пахотной земли (*jugum*), которое может обработать один человек (*caput*), чтобы иметь средства к существованию. Налог взимался в натуральной форме. Городские жители, не имевшие земельных владений, облагались подушным налогом (*capitatio*).

⁴ Дионисий Старший — сиракузский тиран в 405-367 гг. до н.э., известный своей бесчеловечной жестокостью.

⁵ ...как будто он запер храм Януса — в Древнем Риме ворота храма бога Януса закрывались только во время мира.

⁶ Магненций — франк, в 350 г. устроивший заговор против сына Константина I Константа, объединившего под своей властью западную часть Империи. В 353 г. Констанций II победил Магненция.

⁷ Окрикул — ныне Отриколи, у подошвы горы S. Oreste, в древности Соракте.

оружия, он вслед за двойным рядом знамён восседал один на золотой колеснице, украшенной различными драгоценными камнями, игравшими на солнце переливающимся светом. Вслед за длинным строем передней части свиты несли драконов с пурпурными нашивками, прикрепленных к вершушкам копий, блиставшим золотом и драгоценными камнями; колеблемые ветром, они, словно разъяренные, шипели своей огромной пастью, и хвосты их вились в воздухе длинными извивами. По обеим сторонам шёл двойной ряд воинов со щитами, в шлемах, на которых переливающим светом играли султаны и в блестящих искрящихся панцирях. То тут, то там видны были закованные в доспехи всадники, которых называют *клибанариями*; покрытые панцирем и опоясанные железными полосами, они казались изваянными рукой Праксителя статуями, а не живыми людьми. Тонкие железные колечки, скрепленные между собою, охватывали все части тела, приспособляясь к их изгибам, так что при каком угодно движении тела одеяние плотно облегало его части.

Приветственные выкрики его императорского имени и отдававшиеся звуки рогов оставляли его невозмутимым, и он выказывал себя таким же величавым, каким видели его в провинциях. Будучи очень маленького роста, он наклонялся однако при въезде в высокие ворота, устремлял свой взор вперёд, как будто его шея была неподвижна, и, как статуя, не поворачивал лица ни направо, ни налево; он не подавался вперёд при толчке колеса, не сплевывал, не обтирал рта, не сморкался и не делал никаких движений рукой. Хотя это было для него привычными манерами, но как это, так и кое-что другое из его личной жизни являлось показателем большой выдержки, на которую, как можно думать, только он был способен. А то, что в течение всего времени своего правления он никогда никого не посадил рядом с собою на колесницу, ни с одним лицом неимператорского дома не разделил *консулата*, как это делали покойные императоры, и многое другое подобное, что он со времени своего возвышения на трон соблюдал как священнейшие законы, — это все я опускаю...

Вступив в Рим, обитель мирового владычества и всех доблестей, и дойдя до роств¹, он был поражён обилием дивных памятников, свидетелей древнего могущества, красовавшихся на форуме, повсюду, куда бы ни направлялся его взор. В курии он обратился с речью к знати, к народу — с трибунала; затем отправился во дворец, провожаемый восторженными криками, и получил то наслаждение, которое ожидал. Часто веселил его, когда он давал конные игры, острый язык римской толпы, не впадавшей в дерзкий тон, но и не терявшей в то же время прирожденное ей чувства свободы, и сам он соблюдал в отношениях с народом должную меру внимания...

Осмотрев многое с величайшим изумлением, император жаловался на бессилие и злую молву, которая, вообще все преувеличивая, при описании чудес Рима оказывается слабой...

№2 ЮЛИАН (361-363 гг.) (АММИАН МАРЦЕЛЛИН, РИМСЬКА ІСТОРІЯ)

XXII, 1. ...Один галльский оратор Апрункулий, назначенный впоследствии правителем Нарбоннской Галлии, человек опытный в *гаруспитине*, открыл ему грядущее, узнав его из рассмотрения... печени, которая оказалась покрытой двойной пленкой...

2. ...Вдруг явились [послы] и объявили ему о смерти Констанция [361 г.], добавив, что император в последнем предсмертном слове назначил его преемником своей власти. Эта весть чрезвычайно ободрила его, освободив от мучительных тревог... [и] он отдал приказ идти во Фракию... Бодро и весело следовали за ним солдаты, так как увидели, что к Юлиану сверх ожиданий перешла по праву верховная власть, добывать которую они шли с риском подвергнуться величайшим опасностям... О его прибытии тотчас узнали в Константинополе; стар и млад, мужчины и женщины высыпали ему навстречу, словно ожидая увидеть человека, сошедшего с неба. 11 декабря почтительно приветствовал его сенат при единодушно ликованию народной толпы, и, окруженный толпой солдат и граждан, он шёл как бы в боевом строю. Все взоры были устремлены на него не только с живым любопытством, но и с величайшим восхищением. Казалось каким-то сном, что этот совсем ещё молодой, небольшого роста человек, прославленный великими делами, после кровавого истребления царей и племён... достиг наконец предоставленного ему волей небес *принципата* безо всяких потерь со стороны государства...

4. ...Император занялся придворным штатом во всём его наличном и возможном составе... Нельзя не признать, что большая часть придворного штата являлась питомником всяких пороков, так что они заражали государство дурными страстями и раздражали многих более даже примером, чем безнаказанностью преступлений. Одни из них промышляли грабежом языческих храмов и, вынюхивая каждый случай, где можно было воспользоваться чем-нибудь, поднялись из крайней бедности до колоссальных богатств. Усвоив привычку захватывать чужое, они не знали никакой меры в дарениях, грабеже и расточении. Здесь зародилась распущенная жизнь, клятвопреступления, равнодушие к общественному мнению и то, что бессмысленная спесь осквернила позорным корыстолюбием свой кредит. Отсюда произошло дикое обжорство пиров, и вместо победных триумфов появились столовые торжества, широкое использование шёлка, расширение ткацкого ремесла, особая забота о кухне; под роскошные дома занимались все более широкие пространства... К этим мерзостям присоединились нарушения воинской дисциплины. Вместо бранного клича солдат распевал развратные песенки; не камень, как прежде, был постелью для воина, но пуховики и складные кровати; солдаты разыскивали кубки более тяжелые, чем их мечи, — уже стыдно было пить из глиняной посуды; жить желали только в мраморных дворцах... Солдаты тогда позволяли себе наглость и грабежи в отношении своих сограждан, а перед неприятелем проявляли трусость и бессилие; в полной праздности они обогащались путём разных происков и умели самым точным образом распознавать качества золота и драгоценных камней в полную противоположность недавнему прошлому. Известно, что при *цезаре* Максимиане², когда однажды был разграблен укрепленный лагерь персидского царя, один простой солдат нашел парфянский мешок с жемчугом; выбросив по своему неведению жемчуг, он пошёл прочь, довольный блестящей кожей мешка. Случалось в те дни, что Юлиан приказал позвать брадобрея постричь ему волосы. К нему вошёл какой-то парадно одетый господин. Увидев его, Юлиан изумился и сказал: «Я приказал позвать не придворного кассира, а брадобрея». На вопрос императора о том, какое вознаграждение он получает за своё ремесло, последовал ответ: по 20 рационов хлеба ежедневно, столько же рационов фуража для лошадей, так называемый *capita*, большой годичный оклад, а кроме того много богатых подачек. Обратив на это внимание, Юлиан отправил в отставку всех таких людей, а также поваров и других подобных, обычно получавших такое же вознаграждение, как людей, мало ему нужных, и разрешил им идти, куда хотят³.

¹ *Ростры* — ораторская трибуна на римском форуме, украшенная носами взятых в качестве трофеев вражеских кораблей.

² Максимиан (240-310) — соправитель (*цезарь*) Диоклетиана в 286-305 гг. и в 307-310 гг. — римский император, соперник Константина I (306-337 гг.).

³ По свидетельству Либания, брадобреев было 1 тыс., равно как и столько же поваров.

5. Хотя Юлиан с раннего детства был склонен к почитанию богов и, по мере того, как он мужал, в нём становилась все сильнее эта потребность, из-за разных опасений он отправлял относящиеся к богопочитанию культы по возможности в глубочайшей тайне¹. Когда же исчезли всякие препятствия, и он видел, что настало время, когда он может свободно осуществлять свои желания, он раскрыл тайну своего сердца и издал ясные и определённые указы, разрешавшие открыть храмы, приносить жертвы и восстановить культы богов. Чтобы придать большую силу своим распоряжениям, он созвал во дворец пребывавших в раздоре между собой *христианских епископов* вместе с народом, раздираемым *ересями*, и дружественно увещевал их, чтобы они предали забвению свои распри и каждый, беспрепятственно и не навлекая тем на себя опасности, отправлял свою религию. Он выставлял этот пункт с тем большей настойчивостью в расчёте, что когда свобода увеличит раздоры и несогласия, можно будет не опасаться единодушного настроения черни. Он знал по опыту, что дикие звери не проявляют такой ярости к людям, как большинство *христиан* в своих разномыслиях. Часто он говорил: «Слушайте меня, кого слушали *аламанны* и *франки*», думая что он подражает изречению императора Марка (Аврелия). Но он не замечал, что положение было совсем иным. Рассказывают, что когда Марк Аврелий на пути в Египет проезжал через Палестину, то, испытывая отвращение к вонючим и нередко производившим смуты *иудеям*, скорбно воскликнул: «О *маркоманны*, о *квады*, о *сарматы*! Наконец я нашёл людей хуже вас».

6. Примерно в то же время прибыло ко двору под влиянием разных слухов много *египтян*. Любители каверз, которым доставляет величайшее удовольствие запутывать тяжбы, *египтяне* имеют особенное пристрастие требовать многократного возмещения, если они что-нибудь заплатили сборщику податей, стараясь при этом добиться уменьшения своего долга или удобной отсрочки для уплаты того, что с них взыскивается, или же испугать богатых людей тем, что они привлекут их к ответственности за взяточничество. Все они, сбившись в кучу и перебивая друг друга, делали заявления *префектам претория* и самому императору и каркали, как вороны, высчитывая чуть ли не за 70 лет назад суммы платежей, которые были взысканы с них многими лицами по закону или в его нарушение. Так как они не давали ничем заниматься, то Юлиан в специальном указе повелел им всем переехать в Халкедон² и обещал вскоре туда явиться, чтобы разобрать окончательно все их дела. Когда они переправились на тот берег пролива, отдано было приказание начальникам судов... не смей перевозить *египтян*. Строгое соблюдение этого запрета освободило Константинополь от сутяжничества египтян, и, обманувшись в своей надежде, все они вернулись домой...

7. ...Занимаясь с полным вниманием упорядочением дел гражданского ведомства, Юлиан не упускал из виду и дел военных. На посты командиров он назначал только проверенных людей; во всех городах Фракии и пограничных крепостях исправлял укрепления и заботился всячески о том, чтобы расположенные по берегу Истра для отражения набегов варваров войска, которые... несли свою службу бдительно и храбро, не имели недостатка в оружии, одежде, провианте и не страдали от задержки уплаты им жалования... Когда близкие к нему люди советовали напасть на соседних *готовов*, часто проявлявших коварство и вероломство, он отвечал, что ищет лучшего врага: довольно для них и галатских купцов³, которые повсеместно продают их в рабство, не разбирая их сословных различий...

9. ...Устроив... все дела согласно обстоятельствам и времени и воодушевив солдат для предстоящих предприятий многократными речами и уплатой соответствующего жалования, Юлиан... покинул Константинополь, решив направиться в Антиохию. Он много сделал для благосостояния Константинополя; там он родился и любил этот город как свою родину и почитал его. Итак, он переправился через пролив, и миновав Халкедон и Либиссы, где погребён карфагенянин Ганнибал⁴, прибыл в Никомедию. Этот славный издавна город предшествующие императоры так расширили, не останавливаясь для этого в расходах, что... великое множество частных и общественных зданий придает ему облик одной из частей Вечного города [т.е. Рима]. Когда он увидел, что стены этих великолепных сооружений лежат в жалком прахе, молчаливая слеза выдала скорбь его духа... Скорбь его усилило то обстоятельство, что блиставшие некогда благосостоянием сенат и народ этого города вышли ему навстречу в жалких одеждах... Отпустил значительные средства на устранение разрушений... он заехал в Пессинунт, чтобы посетить древний храм Великой Матери богов...

Спеша увидеть Антиохию, изящный венец Востока, он направился туда по обычному пути. При приближении к городу, он был принят с общественными обетами, словно какое-нибудь божество, и был поражён криком огромной толпы, вопившей, что воссияло Солнце над восточными областями. Как раз в эти дни совершался ежегодный, издревле установленный праздник, называвшийся Адонии в честь любимца Венеры (Адониса), который, как гласит сказание, погиб от клыков кабана, — это символ жатвы созревших злаков. Можно было принять за печальное знамение, что при первом вступлении императора в этот огромный город, резиденцию государей, слышны были отовсюду завывающие звуки и скорбный плач...

10. В Антиохии Юлиан приятно провёл зиму, поддаваясь искушениям страстей, которые столь обильны повсюду в Сирии. Под видом отдыха он отдавал всё своё внимание судебным делам, не менее трудным и требовавшим не менее глубокого внимания, чем дела военные... Между прочим, он улучшил редакцию некоторых законов и, устранив двусмысленности, придал им полную ясность в том, что они повелевают и что запрещают. [Также] он запретил учительскую деятельность риторам и грамматикам христианского вероисповедания.

11. ...Тогда же был казнён... бывший *дукс* Египта Артемий по обвинению его александрийцами в тяжких преступлениях... [Когда] александрийцы узнали о смерти Артемия, возвращения которого с прежней властью они опасались, так как он угрожал отомстить многим за обиду, они обратили свой гнев против епископа Георгия⁵ который неоднократно уязвлял их... своим змеиным жалом. Сын шерстобитного мастера из киликийского города Епифании, он возвысился на горе многим, на несчастье себе и общему делу, и был назначен епископом Александрии, города, который нередко без повода со стороны и без достаточных оснований приходит в бурное волнение... Для этих горячих голов Георгий сам по себе явился сильным возбуждательным средством. Перед Констанцием, который имел склонность допускать наущничество, он оговаривал многих, будто они не повинуются его приказаниям, и, забыв о своем призвании, которое повелевает ему только кротость и справедливость, он опустил до смертоносной дерзости доносчика. Говорят, будто он между прочим злобно донёс Констанцию, что в этом городе все стоящие на его земле здания должны по справедливости платить налог в казну, как выстроенные основателем Александрии Александром Македонским с затратой крупных сумм государственных денег. К этим злым делам он прибавил ещё одно, которое вскоре низвергло его в пучину гибели. Когда он, вернувшись с императорской главной квартиры, с большой, по обычаю, свитой проходил мимо велико-

¹ Из-за опасений перед своим христианским, по преимуществу, окружением.

² Халкедон — ныне Кадыккой на азиатском берегу Босфора.

³ Из Галатии в Малой Азии.

⁴ В 195 г. до н. э. Ганнибал был вынужден покинуть Карфаген и переселиться сначала в Сирию к Антиоху III Великому, а затем в Вифинию, где в 183 г. до н. э. он и покончил с собой.

⁵ Епископ Георгий — преемник изгнанного Афанасия, поборника православия и врага арианства.

лепного храма Гения¹, то, обратив свой взор на храм, воскликнул: «Долго ли будет ещё стоять эта гробница?» Эти слова поразили многих, как удар грома. Стали бояться, как бы Георгий не предал разрушению и этот храм и в тайных кознях всячески не работал на его гибель. И вот, когда неожиданно пришло радостное известие о смерти Артемия, вся чернь в возбуждении от неожиданной радости устремилась с ужасным криком в дом Георгия. Его вытащили, подвергли всякого рода истязаниям, волокли по земле и до смерти затоптали ногами. Вместе с ним были убиты начальник монетного двора Драконций и некто Диодор, имевший звание *коми́та*, — их волокли по улицам, связав ноги верёвками. Первый провинился тем, что на монетном дворе, которым он управлял, приказал разрушить недавно воздвигнутый там жертвенник, второй — тем, что заведя постройкой церкви, очень ревностно стриг волосы подросткам, полагая, что длинные волосы имеют отношение к культу богов. Не удовольствовавшись этим..., толпа возложила растерзанные трупы убитых на верблюдов, отвезла их на берег моря и, предав немедленно огню, бросила в море пепел... Когда этих несчастных вели на страшную казнь, их могли бы защитить *христиане*, если бы ненависть к Георгию не была всеобщей...

12. [Юлиан] готовился между тем к походу против персов, который в своих широких замыслах задумал уже давно. Его возбуждало желание отомстить за прошлое, так как он знал и слышал, что этот дикий народ в течение почти шестидесяти лет терзал наш Восток жесточайшим грабежом и разбоем, и наши армии нередко были истреблены до последнего человека... Однако слишком уж часто и обильно он поливал жертвенники кровью животных: иной раз он закалывал по сто быков, без счёта приносил в жертву множество разного скота и белых птиц, которых отыскивали на суше и на море, так что каждый почти день можно было видеть, как наедавшихся без меры мяса и напившихся до бесчувствия солдат тащили по улицам в казармы на своих плечах прохожие из общественных зданий с пиров, которые следовало бы скорее запретить, чем допускать. Особенно отличались *кельты* и *пелланты*, распущенность которых превзошла в ту пору всякие пределы. Заявлять себя предсказателем можно было всякому, знал ли он дело, или нет, без определённой цели и установленных правил; всем разрешалось вопрошать оракулы и копаться во внутренностях животных, которые иногда дают указания на будущее; на всякий лад с преувеличенным разнообразием усиленно выискивали предсказания в пении и полёте птиц и других знаменьях.

XXIII, 1. ...[Юлиан] умел выказать заботу обо всех сторонах жизни государства и, желая оставить для будущих веков память о своём правлении великими сооружениями, задумал восстановить славный некогда иерусалимский храм, не жалея для этого никаких расходов. Веспасиан, а затем Тит выдержали целый ряд кровавых битв, прежде чем удалось осадить это здание и взять его штурмом². Спешное исполнение этого предприятия Юлиан поручил антиохийцу Алипию, который был до того вице-префектом Британии. Алипий усердно принялся за дело; правитель провинции Палестины оказывал ему содействие, но страшные клубы пламени, вырывающиеся частыми вспышками близ фундамента, сделали это место недоступным для рабочих, так как их несколько раз обожгло. Так и прекратилось это начинание из-за упорного сопротивления стихии.

XXV, 3. После своих многократных поражений [персы] боялись вступить в правильный бой с нашей пехотой, и незаметно сопровождали нас, устраивая засады, и, наблюдая за движением наших войск, шли по холмам по обеим сторонам нашего пути, так что наши солдаты, подозревая это, весь день не воздвигали вала и не устраивали прикрытия из палисада. Фланги были хорошо прикрыты, и армия передвигалась в соответствии условиям местности в виде четырехугольника, причём колонны довольно далеко находились одна от другой. Вдруг император, который в этот момент вышел немного вперед для осмотра местности и был без оружия, получил известие, что на наш арьергард неожиданно сделано нападение с тыла. Взволнованный этим неприятным известием, он забыл о панцире, схватил в тревоге лишь щит и поспешил на помощь арьергарду, но его отвлекло назад другое грозное известие о том, что передовой отряд, который он только что оставил, находится в такой же опасности. Пока он, забыв о личной опасности, спешил восстановить здесь порядок, персидский отряд *катафрактов* совершил нападение на находившиеся в центре наши центурии. Заставив податься левое крыло, неприятель стремительно стал нас окружать и повёл бой копьями и всякими метательными снарядами, а наши едва выдерживали запах слонов и издаваемый ими страшный рёв. Император поспешил сюда и бросился в первые ряды сражавшихся, а наши легковооружённые устремились вперед и стали рубить поворачивавших персов и их зверей в спины и сухожилия. Забывая о себе, Юлиан, подняв руки с криком, старался показать своим, что враг в страхе отступил, возбуждал ожесточение преследовавших и с безумной отвагой сам бросался в бой. *Кандидаты*³ которых разогнала паника, кричали ему с разных сторон, чтобы он держался подальше от толпы бегущих, как от обвала готового рухнуть здания, и, неизвестно откуда, внезапно ударило его кавалерийское копьё, рассекло кожу на руке, пробило ребра и застряло в нижней части печени. Пытаясь вырвать его правой рукой, он почувствовал, что разрезал себе острым с обеих сторон лезвием жилы пальцев, и упал с лошади. Быстро бежали к нему видевшие это люди и отнесли его в лагерь, где ему была оказана медицинская помощь. Вскоре, когда мало-помалу утихла боль и прошёл ужас, он, борясь смелым духом со смертью, потребовал оружия и коня, чтобы, вернувшись в ряды сражающихся, поднять боевой дух своих и показать, что он, забыв о себе, озабочен лишь судьбой других. Он проявил ту же силу духа..., что и знаменитый вождь Эпаминонд; тот, когда, смертельно раненый при Мантине⁴, был вынесен с поля битвы, с тревогой спросил о своём щите, а когда увидел его рядом с собой, умер от полученной раны с радостью... Но так как силы Юлиана не соответствовали его стремлениям, и продолжалось кровотечение, то он остался неподвижным и оставил всякую надежду на жизнь, когда на вопрос о названии места, где он был сражён, узнал, что называется оно Фригия...

№3

ВАЛЕНТИНИАН (364-375 pp.) I ВАЛЕНТ (365-378 pp.)

Повстання Прокопія (Амміан Марцеллін, Римська історія, XXVI)

В цьому фрагменті «Римської історії» Амміана Марцелліна мова йде про повстання Прокопія 365-366 pp. Прокопій був племінником імператора Юліана (336-363 pp.). В 366 р. війська імператора Валента (365-378 pp.) розгромили повсталих у Фракії і Прокопій був страчений.

б. Прокопій походив із знатної фамилії; родом він був із Киликії, де і отримав виховання. Родство з Юліаном⁵, який став внаслідок імператором, допомогло йому вихованню, і вже з першого свого виступлення на громадському по-

¹ Храм Гения — храм покровителя города.

² Иерусалим был осаждён в 68 г. армией под командованием Веспасиана. После того, как последний в 69 г. стал императором, войну продолжил его старший сын Тит, который в 70 г. взял город штурмом и разрушил храм.

³ *Candidati* — отряд телохранителей, состоявший в ведении *magistri officiorum*. В составе этого корпуса было много варваров.

⁴ Эпаминонд (418-362 гг. до н.э.), фиванский полководец и государственный деятель. В 371 г. до н.э. в битве при Левктрах разгромил спартанскую армию, возглавляемую царем Агесилаем, а в 362 г. до н.э. — антифиванскую коалицию при Мантине. В последней битве погиб и сам. Изобрёл ряд усовершенствований в военной тактике (например, «косой строй»).

⁵ Мать Прокопия была сестрой Василины, матери Юлиана.

прище он был на виду. В частной жизни и характере он отличался сдержанностью, был скрытен и молчалив. Он долго и превосходно служил нотарием и трибуном и был уже близок к высшим чинам. После смерти Констанция во время переворота он, как родственник императора, возымел надежды на высшее положение и был включён в число комитов¹. Уже и тогда было очевидно, что, если когда-нибудь представится такая возможность, он выступит как возмутитель общественного спокойствия. При вступлении в Персию Юлиан оставил его вместе с Сабинианом, предоставив последнему одинаковые права, в Месопотамии во главе значительных военных сил и поручил ему, как гласил смутный слух..., действовать сообразно тем обстоятельствам, о которых узнает, и если бы до его сведения дошло, что римское дело постигла в Персии неудача, позаботиться о провозглашении себя императором. Без всякого высокомерия и с большой осмотрительностью он исполнял возложенные на него обязанности. Когда же он узнал, что Юлиан был смертельно ранен и умер, что Иовиан получил верховную власть [в 363 г.] и что при этом распространился ложный слух, будто Юлиан при своем последнем издыхании высказывал желание, чтобы руль управления государством доверен был Прокопию, он стал бояться, как бы его не настигла по этой причине казнь без суда и решил скрыться. Еще больше напугала его смерть Иовиана, первого нотариуса. После смерти Юлиана некоторые военные люди называли его достойным императорского сана; он был заподозрен в мятежных начинаниях и погиб жестокой смертью. И так как Прокопий узнал, что его разыскивают весьма усердно, то, желая уклониться от бремени жестокой вражды, удалился в неизвестные отдаленные местности. Когда же он узнал, что Иовиан старательно разыскивает его убежище, а ему самому надоела звериная жизнь (так как он попал в такое жалкое положение с высокого, какое занимал раньше, терпел голод в диких местах и был лишен человеческого общества), под гнетом крайней необходимости он пробрался окольными путями в область Халкедона.

Там он скрывался... у своего верного друга, некоего Стратегия, который раньше служил в дворцовых войсках, а теперь был сенатором. Оттуда он нередко навещался в Константинополь, соблюдая величайшую осторожность... Как самый бдительный разведчик, собирал он, никем не узнаваемый со своим обросшим бородой лицом и исхудавшим телом, слухи, усиливавшиеся в ту пору, так как многие, осуждая, как обычно, настоящее, поносили Валента², под тем предлогом, что он одержим страстью к грабежу чужого имущества. Позорным подстрекателем Валента к жестокости был его тесть Петроний, возведённый внезапным скачком в патриции³ из командиров легиона *мартензиев*, человек равно отвратительный душой и телом. Он горел желанием обобрать догола всех без разбора, присуждал виновных и невиновных после изысканных пыток к уплате вчетверо, разыскивая недоимки давних времен с императора Аврелиана, и впадая в отчаяние, если ему приходилось отпускать кого-нибудь, не осудив его. К этим невыносимым качествам этого человека добавлялась и та беда, что, обогащаясь за счёт чужих стенаний, он был неумолим, жесток и до крайности бессердечен, не способен ни сам кого-либо оправдать, ни принять оправдание. Он, был ненавистнее Клеандра, который, занимая пост префекта при императоре Коммоде, особенно бессердечно посягал... на имущество разных лиц, и невыносимее, чем Плавциан, который также в звании префекта, но при Севере, в своем диком безумии привел бы все дела в полное замешательство, если бы его не поразил меч отмщения. Эти горестные события, которые при Валенте благодаря Петронию привели в запустение много домов, как бедных, так и знатных, и ожидание еще более тяжелого положения в будущем до глубины души угнетали граждан и солдат, стонавших под одинаковым бременем; обеты о перемене настоящего положения вещей при помощи Бога вышнего приносились с единодушным стенанием, хотя, конечно, втайне и без слов. Тайком наблюдал за всем этим Прокопий..., полагая, что, если ему улыбнется судьба, он без затруднений достигнет верховной власти... Случай дал ему чрезвычайно подходящий повод. По окончании зимы Валент спешил в Сирию и уже вступил в пределы Вифинии, как вдруг он получил донесение пограничных начальников о том, что племя готов, которых в ту пору оставили в покое, что и усилило их буйный дух, объединилось и собирается проникнуть в соседние местности Фракии. ...Император, желая беспрепятственно продолжать намеченный путь, приказал двинуть в достаточном количестве конницу и пехоту в места, подвергшиеся опасности вторжений варваров. Когда Валент ушёл далеко, Прокопий, надломленный продолжительными бедствиями, пришёл к мысли, что даже жестокая смерть легче тяготивших его бедствий, и решил сразу броситься навстречу всем опасностям. Готовый на все, отдавшись своему гибельному решению, он затеял дерзкое дело. Дивитенсы и тунгриканы-младшие⁴ получили приказ вместе с другими спешить на войну, грозившую вспыхнуть во Фракии. Им предстояла на обычном маршруте двухдневная остановка в Константинополе. Прокопий вознамерился склонить к возмущению эти легионы через нескольких знакомых ему людей, служивших в них, и поскольку было опасно и трудно говорить со всеми, доверился немногим. Соблазнившись надеждой на огромные награды, они дали ему под клятвой обещание сделать всё, что он хочет, а также обещали ему поддержку своих ближайших товарищей, среди которых они во время совещаний занимали первое место, поскольку превосходили остальных размером жалованья и военными заслугами.

Согласно уговору, как только рассвело, Прокопий направился с тревогой в сердце в Анастасьевы бани, названные так по имени сестры Константина, где, как это было ему известно, квартировались те легионы. Там сообщили ему соучастники его тайных замыслов, что на ночной сходке все согласились встать на его сторону. Ему гарантирована была личная безопасность, он был охотно и с честью принят тесной толпой продажных солдат, но оказался среди них как бы пленником. Как некогда преторианцы после убийства Пертинакса приняли (Дидия) Юлиана, выторговавшего императорский сан [в 193 г.]⁵ так и эти солдаты брали теперь под свою защиту Прокопия, который полагал в их среде первое начало своего злосчастного правления, и сами бдительно выматривали при этом всякую возможную выгоду. И вот стоял он бледный, как выходец с того света, и так как не удалось нигде найти пурпурного плаща, то он был одет в вышитую золотом тунику, как придворный служитель, от пяток до пояса на манер благородного отрока, а ноги были обуты в пурпурные башмаки; в левой руке он держал копье, украшенное также куском пурпурной материи, — точно так же как на сцене в театре внезапно появляется блестяще убранное видение из-за занавеса или при помощи какого-нибудь театрального приспособления. Поднятый на это посрамление всякой почести, он обратился с рабской речью к виновникам своего возвышения и, пообещав им большие богатства и всякие саны в связи с началом своего правления, вышел на улицу, окружённый тесным строем вооруженных солдат. Подняты были знамёна, и он стал уже выступать смелее, а вокруг него раздавался страшный лязг от ударов щитов один о другой, издававших зловещий звук, так как солдаты, опасаясь, чтобы с верхних этажей не стали в них бросать камнями и кусками черепицы, прикладывали щиты к самым гребням своих шлемов.

¹ *Комиты* — в Поздней империи титул высших чиновников. Они делились на разряды, или ранги: были *комиты* первого ранга, второго ранга и т.д.

² Валент — император восточной части Империи в 364–378 гг.

³ В IV в. в связи с исчезновением древнеримских патрицианских родов звание патриция стало почётным титулом, который присваивался лично императором за особые заслуги.

⁴ Дивитенсы и тунгриканы-младшие — имена легионов.

⁵ После убийства императора Коммода 31 декабря 192 г. его любовником атлетом Нарциссом императором 1 января 193 г. был провозглашён сын вольноотпущенника, консул 192 г., Пертинакс. В марте 193 г. он был в свою очередь убит преторианцами, выставившими титул императора на публичные торги, победителем на которых оказался богач Дидий Юлиан. В июне 193 г., когда к Риму подошли легионы во главе с Септимием Севером, объявившим себя мстителем за Пертинакса, Юлиан был свергнут с престола и убит.

Народ не выказывал Прокопию, набравшемуся смелости по мере выступления вперед, ни сопротивления, ни сочувствия. Однако стало сказываться свойственное толпе увлечение новизной, чему содействовало то обстоятельство, что все единодушно ненавидели, как было сказано, Петрония, копившего себе богатства насилием, так как он во вред всем слоям общества опять вызывал к жизни давно погребенные дела и в тумане далекого прошлого возрождавшиеся долговые обязательства. И вот Прокопий взойшел на трибунал; при всеобщем оцепенении вокруг царило зловещее молчание. Сознывая, что теперь он встал на вернейший путь к смерти, он испытывал затруднения с речью из-за охватившей все его члены дрожи и долго стоял в безмолвии. Наконец он начал что-то лепетать прерывающимся, как у умирающего, голосом, выставляя на вид свое родство с императорским домом. Слабые возгласы подкупленных людей поддержаны были беспорядочными криками черни, провозглашавшей его императором. Затем он быстро направился в курию и, не найдя там никого из сенаторов, но лишь небольшую кучку простонародья, поспешно вступил преступной ногой во дворец. Некоторые удивятся, конечно, тому, что это достойное осмеяния начало правления, затеянное столь неосторожно и легкомысленно, привело к таким скорбным бедствиям для государства; но они, по-видимому, не знают событий прошлого и полагают, будто это был первый такой случай. Но так именно возвысился Андриск из Адрамитта, человек самого низкого звания, до имени Псевдофилиппа и к македонским войнам прибавил тяжкую третью. Так во время правления Макрина поднялся в Антиохии явившийся из Эмезы Элагабал Антонин¹. Так неожиданное восстание Максимиана принесло смерть Александру Северу и Маммее, его матери². Таким же образом в Африке возвели на трон Гордиана Старшего, но ужас надвигавшихся опасностей вынудил его петлей покончить свою жизнь [в 238 г.].

7. Поставщики провианта, придворные служители, настоящие и бывшие солдаты... были привлечены... к сомнительной судьбе неожиданного претендента... Всех их опередил Софроний, тогда нотариус, а впоследствии префект Константинополя. Он застал Валента собирающимся покинуть Кесарию Каппадокийскую, чтобы из-за окончания тяжелой поры зноя в Киликии перебраться в Антиохию. Он рассказал ему о том, что произошло; Валент впал в сомнение, тревогу и смущение, но тому удалось направить его в Галатию, чтобы захватить возмущение прежде, чем оно успеет окрепнуть. Пока Валент приближался форсированным маршем, Прокопий самым решительным образом работал днём и ночью. Он подговорил нескольких подставных лиц, которые с хитрой наглостью заявляли, будто они прибыли, одни с востока, другие из Галатии; сочинив небылицу, будто Валентиниан умер, они заявили, что весь мир открыт новому государю. ...Для спасения себя от опасных людей Прокопий немедленно заключил в тюрьму Небридия, который недавно назначен был, благодаря проискам Петрония, преторианским префектом на место Саллюстия; а также Цезария, городского префекта Константинополя. Управление городом приказано было взять на себя с обычными полномочиями Фронемию, а быть магистром оффиций — Евфрасию; оба были *галлами*, имевшими репутацию образованных людей. Управление военными делами было предоставлено Гумоарию и Агилону, которые были вновь призваны на службу. Исход дела показал всю опрометчивость этого последнего распоряжения. А так как возникло опасение, что *комит* Юлий, командовавший военными силами, расположенными во Фракии, если он узнает о бунте, выступит с ближайших стоянок с целью подавить мятеж, то придумали ловкую хитрость: от имени Валента под предлогом серьезного совещания относительно передвижений варваров, он был вызван вырванным силою письмом содержащегося все еще в тюрьме Небридия. Заманив таким образом Юлия в Константинополь, его отдали под строжайший надзор. Посредством этого ловкого обмана приобретено было без пролития крови воинственное население Фракии и тем самым получена была великая подмога в мятежных предприятиях. После этой счастливой удачи стал заискивать у Прокопия Араксий и, предоставляя ходатайство своего зятя Агилона, стал префектом претория; точно так же многие другие заняли различные должности при дворе или получили места по управлению провинциями, одни против воли, другие предлагая сами себя и внося деньги. И как обыкновенно бывает при внутренних беспорядках, люди, принадлежавшие к подонкам общества, выдвинулись наверх самым дерзким образом, тогда как представители высшей знати низвергались со своего высокого положения и подвергались высылке и даже смертной казни.

Когда благодаря этим... обстоятельствам партия... упрочилась, оставалось собрать военную силу в достаточном количестве..., что... удалось без труда достигнуть. Пешие и конные части, которые были вызваны во Фракию для военных действий, при своем проходе через те местности встретили самый ласковый и заискивающий прием. Они были расквартированы все в одной местности и представляли вид уже целой армии. Поддавшись на щедрые обещания, солдаты... присягнули на имя Прокопия и обещали ему крепко стоять за него, защищая его даже ценой своей жизни. Очень благоприятным обстоятельством для их привлечения оказалось то, что Прокопий обходил ряды войск, имея на руках маленькую дочь Констанция, память о котором высоко почиталась³, и поддерживая тем самым родство с ним и с Юлианом. Очень кстати было для него и то, что он получил некоторые императорские инсигнии от матери этой девочки, Фаустины⁴, которая случайно была здесь. Он совершил еще одно действие для быстрого укрепления своего положения: выбрав несколько дерзких смельчаков, он отправил их для захвата Иллирика. Полагаясь вместо всего другого лишь на свою наглость, они распространяли золотые монеты с изображением нового государя и прибегали к другим соблазнам. Но Эквиций, командир военных сил в тех пределах, приказал их схватить и предал разного рода казням. Опасаясь подобных происков, он занял три тесных прохода, которые давали доступ в северные провинции: один — через Прибрежную Дакию, другой — самый известный — через Сукки, третий — через Македонию, который называют Аконтизма⁵. Эти меры предосторожности сделали тщетной надежду узурпатора захватить Иллирик, и вместе с тем от него ушли огромные военные средства.

Между тем Валент, который был очень смущён жестокой вестью, возвращался через Галлогрецию⁶. Услышав о том, что происходит в Константинополе, он продвигался вперед с опаской и в страхе. Поразивший его столь внезапно ужас лишил его всякой предусмотрительности. Он до того потерял голову, что помышлял сбросить императорские одежды, как тяжелую обузу; и, конечно, он бы это сделал, если бы не помешали его приближенные и не отговорили его от позорного шага. Поддержанный мнениями лучших, он приказал двинуться вперед двум легионам — то были *иовии* и *викторы* — и напасть на лагерь мятежников. При их приближении сам Прокопий, только что возвратившийся из Никеи, куда он ездил, поспешил с *дивитенсами* и пёстрой толпой дезертиров, которую ему удалось собрать за короткое время, к городу Мигду, расположенному на берегу реки Сангария⁷.

¹ Элагабал был провозглашен императором в 218 г. благодаря проискам своей бабки Юлии Месы, сестры Юлии Домны, вдовы императора Септимия Севера. Он сменил Макрина, убийцу сына Септимия Севера Каракалла (Севера Антонина).

² Император Александр Север (222-235 гг.) был двоюродным братом императора Элагабала; усыновлён им в 221 г. Императором стал благодаря своей бабке Юлии Месе и матери Юлии Маммее. Вместе с последней был убит во время солдатского мятежа подле нынешнего Майнца. Императором после него стал военачальник ещё Септимия Севера Максимиан (235-238 гг.).

³ Констанций II (317-361 гг.), римский император в 337-361 гг. Поддерживал арианство; закрыл языческие храмы, запретил жертвоприношения.

⁴ Последняя жена Констанция. Ее дочь от него родилась уже после смерти императора.

⁵ Аконтизма — южный проход по берегу моря, неподалеку от древнего Неаполя, нынешней Кавалы.

⁶ Галатия в Малой Азии.

⁷ Ныне Сакари, у турок — Айала.

Когда легионы уже сходились, готовые вступить в сражение, Прокопий, не обращая внимания на летавшие уже стрелы, как бы бросая вызов врагу своим выступлением вперед, один вышел между двух линий. По счастливой случайности он узнал во вражеском строе некоего Виталиана — знал ли он его действительно, существует сомнение, — приветствовал его по-латыни и дружелюбно вызвал его из строя вперед: тут он подал ему руку, поцеловал и при всеобщем изумлении держал такую речь: «Вот седея верность римских войск и религией скрепленная клятва! Вы миритесь, храбрейшие мужи, с тем, что за незнакомцев поднялось столько кинжалов своих людей! И для того, чтобы паннонский выродок, который всё низвергает и попирает, обладал верховной властью, о которой он не дерзал и мечтать, нам оплакивать свои и ваши раны! Лучше последуйте за отпрыском царского рода, который с полным правом поднял оружие не за тем, чтобы похитить чужое, но чтобы восстановить величие предков». Это спокойное слово подействовало на всех, и те, что пришли сюда на жаркий бой, склонив знамена и орлов, добровольно перешли к нему. Вместо грозного крика, который варвары зовут *barritus*, они провозгласили его императором, тесно сплотившись вокруг него и в полном единодушии привели назад в лагерь, поклявшись по военному обычаю, что Прокопий будет непобедим.

8. ...[Прокопий] в ту пору... беспрепятственно и свободно, и даже при всеобщем одобрении мог распространить свою власть на восточные провинции, жаждавшие переворота, возмущаясь из-за строгого режима, который в них держался. Но он беспокоился о привлечении на свою сторону некоторых городов Азии, старался разыскать людей, владевших искусством добывать золото из россыпей, а также таких, которые могли бы оказаться полезными сотрудниками в сражениях; последних он ожидал в большом числе и крупных размерах; так он терял время и сам затупил себя, как притупляется острый кинжал. Так некогда Песценний Нигер¹, которого римский народ неоднократно призывал на спасение гибнущего государства, благодаря промедлению в Сирии, был побежден Севером у Иссского залива в Киликии, где Александр [в 333 г. до н.э.] разбил Дария, и, будучи обращен в бегство, пал от руки простого солдата в одном из пригородов Антиохии.

9. ...Прокопий возил с собою в носилках маленькую дочь Констанция и её мать Фаустину, не отпуская их от себя как в походе, так и чуть ли не в строю, чтобы солдаты с тем большим пылом сражались за отпрыска императорского дома, к которому он причислял и себя самого... Против этих хитростей император нашёл способ поддержать своё колеблющееся положение. Он приказал вызвать к себе бывшего консула Арбециона, который давно уже был в отставке, чтобы успокаивающе подействовать на возбужденное настроение внушительным присутствием полководца времен Констанция. Так оно и вышло. Глубокий старец, превосходивший всех своим достоинством, указывал многим, склонным к измене, на свои почтенные седины, публично называя Прокопия разбойником, а солдат, увлечённых его обманом, своими детьми и сотрудниками в прежних ратных трудах; он просил их последовать лучше за ним, как своим отцом, который известен им счастливыми походами, чем за жалким проходивцем, который уже стоит накануне падения... Приободрившись благодаря этой удаче, Валент двинулся во Фракию. Когда при Наколии дело дошло до сражения, вождь мятежников Агилон предал свою партию в сомнительный момент и внезапно перешёл к врагам; за ним последовало множество других, которые размахивали уже копьями и потрясали мечи, готовые вступить в бой. С распущенными знаменами и повернутыми в обратную сторону щитами, что является самым ясным признаком измены, перешли они на сторону императора. Это совершенно неожиданное для Прокопия зрелище уничтожило все его надежды на спасение. Он бежал и пытался скрыться в окрестных лесах и горах. Спутниками его были Флоренций и трибун Бархальба. Этот последний, стяжавший себе известность в самых жестоких сечах со времен Констанция, был вовлечён в преступление не по своей охоте, а в силу необходимости. Прошла уже большая часть ночи; луна, блиставшая на небе с вечернего своего восхода, увеличивала ужас положения, и Прокопий, не видя возможности куда-либо уйти, в полной беспомощности, как это обыкновенно бывает в тяжкой нужде, взывал к своей горестной и жестокой судьбе. Когда он был погружен в тяжкие думы, спутники внезапно схватили и связали его, а с наступлением дня отвели в лагерь императора. Молча и в оцепенении предстал он перед ним. Ему тотчас отсекли голову и тем самым похоронили возникшую было тревогу междоусобной войны...

Народні хвилювання в Імперії (Амміан Марцеллін, Римська історія)

XXVII, 3. ...Измучили префекта [Лампадия, управлявшего Римом,] частые бунты, и особенно один, когда толпа черни подожгла было его дом поблизости от Константиновских бань², бросая в него факелы... Но быстро сбежавшая толпа соседей и друзей разогнала народ камнями и черепицами с крыш соседних зданий. В страхе перед этим насилием он удалился ещё в самом начале бунта к Мульвийскому мосту... и выжидал там, чтобы стихло это движение, вызванное серьезными причинами. Приступая к сооружению новых зданий или ремонту некоторых старых, он добывал материалы не из обычных источников, а поступал так: если нужно было железо, свинец, медь или что-либо подобное, то он посылал своих прислужников, которые под видом покупки грабили всякие материалы, не производя никаких уплат; не мог он поэтому избежать гнева раздражённых бедняков... Преемником ему явился бывший *квестор дворца* Вивенций, честный и разумный паннонец. Он управлял спокойно и мирно, и все продукты имелись в изобилии. Но и его напугали кровавые бунты народа, вызванные следующим обстоятельством. Дамас и Урсин сгорали желанием захватить епископское место. Партии разделились, и борьба доходила до кровопролитных схваток и смертного боя между приверженцами того и другого. Не имея возможности ни исправить этого, ни смягчить, Вивенций вынужден был удалиться за город. В этом состязании победил Дамас благодаря усилиям стоявшей за него партии. В базилике Сицинина³, где совершаются сходбища христианского обряда, в один день было найдено 137 трупов убитых людей, и долго пребывавшая в озверений чернь лишь мало-помалу успокоилась. Наблюдая роскошные условия жизни Рима, я готов признать, что стремящиеся к этому сану люди должны добиваться своей цели со всем возможным напряжением своих легких. По достижении этого сана им предстоит благополучие обогащаться добровольными приношениями матрон, развезжать в великолепных одеждах в экипажах, задавать пиры столь роскошные, что их блюда превосходят царский стол. Они могли бы быть поистине блаженными, если бы, презрев величие города, которым они прикрывают свои пороки, они стали бы жить по примеру некоторых провинциальных пастырей, которые, довольствуясь простой пищей и проявляя умеренность в питье, облачаясь в самые простые одежды и опуская взоры свои долу, заявляют себя перед вечным Богом истинными его служителями, как люди чистые и скромные...

XXVII, 9. В Исаврии⁴ разбойники, расходясь шайками по соседним местам, с полной свободой предавали грабежу города и богатые виллы, причиняя страшный вред Памфилии и Киликии. Состоявший в ту пору викарием Азии Музоний... видел, что они, не встречая никакого отпора, грозят разорить всю Азию... Когда дело дошло до крайности и от распущенных солдат нельзя было

¹ Легат Сирии, был провозглашен императором легионами в 193 г.; в 194 г. потерпел поражение от Септимия Севера и погиб.

² Константиновские бани были сооружены на Квиринале в 315 г. по приказу императора Константина (306-337 гг.).

³ Базилика Сицинина — ныне церковь S. Maria Maggiore в Риме.

⁴ Исаврия — небольшая область Малой Азии. Её жители — исавры — вместе с киликийцами были известны в Древности как морские разбойники.

ожидать никакой помощи, он сделал попытку напасть, если представится случай, на одну шайку грабителей, располагая лишь небольшим числом плохо вооруженных людей, которых называют диогмитами¹, но, проходя через одно узкое извилистое ущелье, попал в засаду, из которой не было выхода, и пал вместе со всеми своими людьми. Этот успех сделал разбойников ещё наглее, и поскольку они теперь стали предпринимать свои набеги ещё более дерзко, наши войска оставили, наконец, бездействие и, перебив некоторое число их, загнали прочих в горные теснины, где они живут. Так как им не давали и там покоя, и они не имели возможности добывать себе пропитание, то они стали, наконец, просить на некоторый срок мира по совету германикополитанцев² которые имели у них всегда значение, как их подстрекатели. Выдав заложников, как того у них потребовали, *исавры* долго держались спокойно, не отваживаясь ни на какие враждебные действия.

XXVIII, 2. ...В Галлии наглый разбой все усиливался на всеобщую гибель; особенно стали небезопасны большие дороги, и всё, что обещало какую-нибудь наживу, расхищалось самым дерзким образом. Наконец среди множества других лиц, ставших жертвой этих коварных нападений, оказался Констанциан, трибун императорской конюшни, свойственник Валентиниана...; его захватили из засады и вскоре затем убили. И как будто сами фурии вознамерились вызвать повсеместно такие же бедствия, в другом далеком крае расхаживали жестокие разбойники *маратокупрены*. Так назывались жители поселка этого наименования в Сирии близ Апамеи. При своей многочисленности они отличались большой ловкостью в разных коварствах и внушали большой страх, потому что под видом купцов и военных людей высокого звания разъезжали, не вызывая огласки, повсюду и нападали на богатые дома, виллы и города. Нельзя было спастись от их внезапного появления, так как они направились не в одно определённое место, а в различные и далеко отстоящие и врываются всюду, куда гнал ветер... Хотя эти шайки ограбили очень многих и, словно в каком-то безумии, испытывая жажду крови не меньше, чем добычи, произвели страшные избиения, но, чтобы рассказом о мелких событиях... не осложнить ход изложения, я упомяну лишь об одном коварно задуманном их злодеянии.

Собравшись в целый отряд под видом канцелярии чиновника казначейства с правителем провинции во главе, разбойники вошли вечером в город под зловещий крик глашатая и заняли вооруженной силой великолепный дом одного знатного человека под тем предлогом, что он приговорён к смерти с конфискацией имущества. Похитив драгоценную утварь, так как растерявшаяся от внезапного их появления прислуга не защищала своего господина, и перебив многих, они поспешно ушли до наступления дневного света. Но так как они, хотя и были отягощены награбленным у многих добром, не упускали случая пограбить ещё, то их настиг отряд имперских войск, напал на них и перебил всех до единого. Равным образом было перебито их подрастающее поколение, чтобы, возмужав, не сделалось похожим на родителей. Разрушены были и дома их, которые они обставили с большой роскошью за счёт ограбленных ими людей.

Имперія і готи. Битва при Адріанополі (378 р.) (Амміан Марцеллін, Римська історія, XXVII, XXXI)

XXVII, 4. Пока описанные события происходили в Галлии и Италии, во Фракии разгорелись новые войны. Валент, следуя плану, одобренному его братом, по указке которого он правил, поднял оружие на *готов*. Он имел к тому совершенно справедливый повод, а именно то, что те послали помощь Прокопию, когда он затевал междоусобную войну...

XXVII, 5. Когда Прокопий был побеждён во Фригии и внутренние раздоры прекратились, магистр конницы Виктор был отправлен к готам, чтобы определенно установить, на каком основании народ, дружественный римлянам и связанный договором прочного мира, оказал поддержку человеку, начавшему войну против законных государей. В качестве полного оправдания своего образа действий готы представили письмо самого Прокопия, который заявлял, что он принял верховную власть, принадлежащую ему как близкому члену Константина рода. В этом документе они признавали заслуживающее снисхождения оправдание своей ошибки. Узнав об этом из доклада того же Виктора, Валент не придал никакого значения этому пустому оправданию и двинул против них войска. Готы получили о том заблаговременно сообщение. Стянув все силы в одно место в начале весны, Валент расположился лагерем близ укрепления, называемого Дафна, и, наведя мост на палубах кораблей, переправился через реку Истр, не встретив никакого сопротивления. Его самоуверенность выросла ещё больше, когда он, предпринимая походы в разных направлениях, не встретил никого, кого бы мог победить или утратить. А готы, в страхе пред приближением огромной армии, направились в горы *серов*, крутые и доступные для прохода только людям, хорошо знакомым с местностью. Во избежание того, чтобы пришлось, потеряв всё лето, вернуться назад безо всякого военного успеха, он выслал вперед Аринфея, магистра пехоты, с летучими отрядами, и тот захватил часть готских семейств, пока те, не успев ещё достигнуть пересечённых горных местностей, скитались по равнине, где и могли быть взяты в плен. Только достигнув этого случайного успеха, он и вернулся невредимым со своими войсками, не нанеся чувствительных потерь противнику и сам не пострадал от него. С таким же рвением сделал он попытку проникнуть на вражескую территорию и в следующем году. Но, встретив препятствие в виде более широкого разлива Дуная, оставался на одном месте до глубокой осени в постоянном лагере, который разбил близ одного селения *карпов*. Так как вследствие сильнейшего разлива вод нельзя было ничего предпринять, он вернулся оттуда в Маркианополь на зимние квартиры.

Проявляя ту же настойчивость и на третий год, Валент воздвиг у Новиодуна³ мост на судах для переправы через реку, проварился в землю варваров и после продолжительного похода напал на воинственное племя гревтунгов⁴ обитавшее в отдалённых местах. После нескольких небольших стычек он встретился с самым могущественным в ту пору царем Атанарихом*, который отважился оказать ему сопротивление с очень сильным... войском. Атанарих был, однако, вынужден бежать, едва спасшись от гибели, а сам Валент со всеми своими вернулся в Маркианополь, как подходящий в тех местах пункт для зимовок. После различных случайностей этого трёхлетия были основания для окончания войны. Первое — то, что продолжительное пребывание императора на вражеской территории нагнало страх на варваров, второе — что запрет всяких торговых отношений ввергал варваров в крайний недостаток в самом необходимом. И вот они несколько раз отправляли послов с просьбой о прощении и даровании им мира. Император, человек недалёкий, но вообще весьма трезво оценивавший положение дел, пока его не развратили льстецы, и он не истерзал государство достойными вечных слёз убийствами, подверг этот вопрос тщательному обсуждению и решил, что следует дать *готам* мир. И вот с нашей стороны были посланы к ним Виктор и Аринфей, состоявшие тогда магистрами пехоты и конницы. Когда они подтвердили в своих донесениях, что готы согласились на предложенные условия, выбрано было подходящее место для заключения мира. И так как Атанарих заверял, что он связан страшной клятвой и заветом отца своего никогда не ступить

¹ Диогмиты выполняли функции городской полиции.

² Германикополь — главный город свободной Исаврии.

³ Близ п. Исаки на правом берегу нижнего Дуная.

⁴ Валент вряд ли доходил до областей, заселённых остготами, тем более, что, упомянув о гревтунгах, Аммиан говорит далее о войне с Атанарихом, царем тервингов, т.е. вестготов. См. ниже XXXI, 3.

на римскую землю и нельзя было его заставить, а императору было непочётно переходить к нему, то решено было, что они встретятся на гребных судах на середине реки. Император с оруженосцами с одной стороны и Атанарих со своими людьми с другой встретились для заключения мира, согласно условиям. Устроив это дело и получив заложников, Валент возвратился в Константинополь. Впоследствии Атанарих был изгнан из родной земли вследствие заговора близких ему людей, бежал в Константинополь, где и скончался. С подобающим великолепием его погребение было совершено по нашему обряду [т.е. греко-римскому].

XXXI, 4. И вот под предводительством Алавива *готы* заняли берега Дуная и отправили посольство к Валенту с смиренной просьбой принять их; они давали обещание, что будут вести себя спокойно и ставить вспомогательные отряды, если того потребуют обстоятельства... Искусившиеся в своем деле льстецы преувеличенно возносили счастье императора, которое предоставило ему совсем неожиданно столько рекрутов из отдалённых земель, так что он может получить непобедимое войско, соединив в одно свои и чужие силы, и государственная казна получит огромные суммы из военной подати, которая из года в год вносилась по провинциям. В этой надежде отправлены были разные лица, чтобы устроить переправу диких полчищ. Принимались тщательные меры к тому, чтобы не был оставлен никто из этих будущих разрушителей римского государства, хотя бы был поражён смертельной болезнью. Получив от императора разрешение перейти через Дунай и занять местность во Фракии, переправлялись они целыми толпами днём и ночью на кораблях, лодках, выдолбленных стволах деревьев, а так как река эта самая опасная изо всех и уровень воды был выше обыкновенного вследствие частых дождей, то много народа тонуло, как те, кто при крайнем переполнении судов слишком решительно плыли против течения, так и те, кто бросался вплавь... В то время когда... трудное положение государства требовало прославленных военными успехами командиров, теперь именно словно по вмешательству разгневанного божества во главе военных сил стояли, как на подбор, люди с запятанным именем. На первом месте были Лупицин и М^аксим, первый — *комит* во Фракии, второй — командир, вызывавший к себе ненависть; оба они могли соперничать между собой в неосмотрительности. Их зловерное корыстолюбие было причиной всех бед. Оставляя в стороне другие проступки, которые названные командиры или другие по их попустительству позволили себе самым позорным образом в отношении переходивших к нам иноземцев, ничем дотоле не провинившихся, я расскажу об одном столь же позорном, как и неслыханном, деянии... Когда варвары, переведённые на нашу сторону, терпели голод, эти опозорившие себя командиры завели постыдный торг: за каждую собаку, каких набирало их ненасытное корыстолюбие, они брали по одному рабу, и среди взятых уведены были даже сыновья старейшин...

XXXI, 5. ...Фритигерн с врожденной ему предусмотрительностью старался обеспечить себя на всякие возможные случаи в будущем, чтобы и императору высказать повиновение, и с могущественными царями быть в союзе. Он медленно продвигался вперед и в небольших переходах подошёл наконец к Марцианополю. Тут приключилось ещё другое тяжкое событие, которое воспламенило факелы фурий, загоревшиеся на гибель государства. Лупицин пригласил на пир Алавива и Фритигерна. Полчища варваров он держал в отдалении от стен города, выставив против них вооружённые караулы, хотя те настойчиво просили разрешить им входить в город для пополнения необходимых припасов, ссылаясь на то, что они теперь уже подчинены римской власти и мирные люди. Между горожанами и варварами, которых не пускали в город, вышла большая перебранка, и дело дошло до свалки. Рассвирепевшие варвары, узнав, что несколько их земляков захвачено, перебили отряд солдат и обобрали убитых. Секретным образом был об этом извещен Лупицин, когда он возлежал за роскошным столом в шуме увеселений, полупьяный и полусонный. Угадывая исход дела, он приказал перебить всех оруженосцев, которые как почётная стража и ради охраны своих вождей выстроились перед дворцом. Томившиеся за стенами *готы* с возмущением приняли это известие, толпа стала прибывать и озлобленными криками грозила отомстить за то, что, как они думали, захвачены их цари. Находчивый Фритигерн, опасаясь быть захваченным вместе с остальными в качестве заложников, закричал, что дело примет опасный оборот, если не будет дозволено ему вместе с товарищами выйти, чтобы успокоить народ, который взбунтовался, предположив, что вожди его убиты... Получив разрешение, все они вышли и были встречены с торжеством и криками радости. Вскочив на коней, они умчались, чтобы всюду поднять военные действия. Когда молва... распространилась об этом, весь народ *тервингов* загорелся жаждой боя. Среди многих зловещих предвестий о грядущих великих опасностях они подняли по своему обычаю знамена, раздали грозно звучащие трубные сигналы, стали рыскать грабительские отряды, предавая грабежу и огню селения и производя страшные опустошения, где только представлялось возможным. Лупицин с большой поспешностью собрал войска против них и выступил, действуя скорее наобум, чем по обдуманному плану. В девяти милях от города он остановился в готовности принять бой. Увидев это, варвары бросились на беспечные отряды наших и, прижав к груди щиты, поражали копьями и мечами всякого, кто был на их пути. В кровавом ожесточённом бою потеряны были знамена, пали командиры... После этого враги оделись в римские доспехи и стали бродить всюду, не встречая никакого сопротивления...

XXXI, 6. В ту пору, когда вести, приходившие одна за другой, сообщили повсюду об этих событиях, *готские князья* Сферид и Колия, которые были приняты вместе со своими земляками задолго до того и получили разрешение зимовать в Адрианополе, отнеслись ко всему происшедшему с полным равнодушием, ставя выше всего свою собственную безопасность. Неожиданно был им доставлен императорский приказ, повелевавший перейти на Геллеспонт. Они без малейшей дерзости попросили выдать им путевые деньги и провиант и разрешить двухдневную отсрочку. Начальник города, который был сердит на них за разграбление его пригородного имения, воспринял это враждебно и вооружил на их гибель всю чернь вместе с рабочими мастерских, которых там очень много, и, приказав трубачам играть боевой сигнал, грозил всем им смертью, если они не выступят немедленно, как было им приказано. Пораженные этим неожиданным бедствием и уstraшенные напором горожан, скорее стремительным, нежели обдуманным, *готы* застыли на месте; на них сыпались поношения и брань, в них попадали стрелы, и, раздраженные этим до крайности, они решились на открытый бунт. Перебив множество вырвавшихся вперед в дерзком задоре, остальных они обратили в бегство и перебили различным оружием. Затем они вооружились снятым с убитых римским оружием и, когда поблизости появился Фритигерн, соединились с ним как покорные его союзники, и стали теснить город бедствием осады. Долго они продолжали это трудное дело, совершали приступы то здесь, то там, иные, совершавшие подвиги выдающейся отваги, гибли неотомщенные, многих убивали стрелы и камни, метаемые из пращей. Тогда Фритигерн, видя, что не умеющие вести осаду люди терпят напрасну такие потери, посоветовал уйти, не доведя дело до конца, оставив там достаточный отряд. Он говорил, что находится в мире со стенами и давал совет приняться за опустошение богатых областей, не подвергаясь при этом никакой опасности, так как не было еще никакой охраны. Одобрив этот план царя, который, как они знали, будет деятельным сотрудником в задуманном деле, они рассеялись по всему берегу Фракии и шли осторожно вперед, причем сдавшиеся сами римлянам, их земляки, или пленники указывали им богатые селения, особенно те, где можно было найти изобильный провиант. Не говоря уже о врожденной дерзости, большой помощью являлось для них то, что каждый день присоединялось к ним множество земляков из тех, кого продали в рабство купцы, или тех, что в первые дни перехода на римскую землю, мучимые голодом, продавали себя за глоток скверного вина или за жалкий кусок хлеба. К ним присоединилось много рабочих с золотых приисков, которые не могли вынести тяжести налогов; они были приняты с единодушным согласием всех и сослужили большую службу блуждавшим по незнакомым местностям

готам, которым они указывали скрытые хлебные склады, места убежища жителей и тайники. Только самые недоступные или лежавшие далеко в стороне места остались не задетыми при их передвижениях. Не разбирали они в своих убийствах ни пола, ни возраста и всё предавали на своем пути страшным пожарам; отрывая от груди матери младенцев и убивая их, брали в плен матерей, забирали вдов, зарезав на их глазах мужей, через трупы отцов тащили подростков и юношей, уводили, наконец, и много стариков, кричавших, что они достаточно уж пожилы на свете. Лишив их имущества и красивых жён, скручивали они им руки за спиной и, не дав оплакать пепел родного дома, уводили на чужбину.

XXXI, 12. На рассвете [9 августа] войска [императора Валента] были быстро двинуты вперед, а обоз и вьюки помещены были у стен Адрианополя с соответственной охраной из легионов... Долго шли [они] по каменистым и неровным дорогам и знойный день стал близиться к полудню; наконец в восьмом часу, [т.е. около 2-х часов дня], увидели телеги неприятеля, которые по донесению лазутчиков были расставлены в виде круга. Пока варвары затянули по своему обычаю дикий и зловеющий вой, римские вожди стали выстраивать свои войска в боевой порядок: правое крыло конницы было выдвинуто вперед, а большая часть пехоты была поставлена, позади, в резерве... Левое крыло конницы строили с большими затруднениями, так как большая часть предназначенных для него отрядов была еще рассеяна по дорогам, и теперь, все они спешили быстрым аллюром. Пока крыло это вытягивалось, не встречая никакого противодействия, варвары пришли в ужас от страшного лязга оружия и угрожающих ударов щитов один о другой, так как часть их сил с Алафеем и Сафраком, находившаяся далеко, хотя и была вызвана, еще не прибыла. И вот они отправили послов просить о мире. Император из-за простого вида отнёсся к ним с презрением и потребовал, чтобы для заключения договора были присланы подходящие для этого знатные люди. Готы нарочно медлили, чтобы за время этого обманного перемирия могла вернуться их конница, которая, как они надеялись, должна была сейчас явиться, а с другой стороны, чтобы истомленные летним зноем солдаты стали страдать от жажды, в то время как широкая равнина блистала пожарами: подложив дров и всякого сухого материала, враги разожгли повсюду костры. К [тому же] людей и лошадей мучил страшный голод. ...Фритигерн, хитро рассчитывавший всякие виды на будущее..., послал от себя одного простого гота в качестве переговорщика с просьбой прислать ему как можно скорее выбранных лиц, как заложников... Это предложение... встретило похвалу и одобрение, и трибуну Эквицию, который тогда управлял дворцом, родственнику Валента, было предписано... отправиться немедленно к *готам*, как заложнику. Когда он стал отказываться, так как попал однажды в плен к ним и сбежал от них..., а поэтому боялся раздражения с их стороны, Рихомер сам предложил свои услуги и заявил, что охотно отправится, считая такое дело достойным и подходящим для храброго человека. И он уже отправился в путь, являя достоинства своего положения и происхождения... Он уже приближался к вражескому валу, когда стрелки и *скутари*, которыми тогда командовали ибер Бакурий и Кассион, в горячем натиске прошли слишком далеко вперед и завязали бой с противником: как не вовремя они полезли вперед, так и осквернили начало боя трусливым отступлением. Эта несвоевременная попытка остановила смелое решение Рихомера, которому уже не позволили никуда идти. А готская конница между тем вернулась с Алафеем и Сафраком во главе вместе с отрядом *аланов*. Как молния появилась она с крутых гор и пронеслась в стремительной атаке, сметая все на своем пути.

XXXI, 13. Со всех сторон слышался лязг оружия, неслись стрелы... Битва разгоралась, как пожар, и ужас охватывал солдат, когда по несколько человек заражались пронзёнными копьями и стрелами. Наконец оба строя сомкнулись наподобие сцепившихся носами кораблей и тесня друг друга, колебались, словно волны, от взаимных движений. Левое крыло подступило к самому табору, и если бы ему была оказана поддержка, то оно могло бы двинуться и дальше. Но оно не было поддержано остальной конницей, и враг сделал натиск массой; оно было раздавлено, словно разрывом большой плотины, и опрокинуто. Пехота оказалась, таким образом, без прикрытия, и манёвры были так близко один от другого, что трудно было пустить в ход меч и отвести руку. От поднявшихся облаков пыли не видно было неба, которое отражало угрожающие крики. Несшиеся отовсюду стрелы, дышавшие смертью, попадали в цель и ранили, потому что нельзя было ни видеть их, ни уклониться. Когда же высыпавшие несчетными отрядами варвары стали опрокидывать лошадей и людей, и в этой страшной тесноте нельзя было очистить места для отступления, и давка отнимала всякую возможность уйти, наши в отчаянии взялись снова за мечи и стали рубить врага, и взаимные удары секир пробивали шлемы и панцири. Можно было видеть, как варвар в своей озлобленной свирепости с искаженным лицом, с подрезанными подколенными жилами, отрубленной правой рукой или разорванным боком, грозно вращал своими свирепыми глазами уже на самом пороге смерти; сцепившиеся враги вместе валились на землю, и равнина сплошь покрылась распостертыми на земле телами убитых. Стоны умирающих и смертельно раненых раздавались повсюду, вызывая ужас. В этой страшной сумятице пехотинцы, истощенные от напряжения и опасностей, когда у них не хватало уже ни сил, ни умения, чтобы понять что делать, и копьё у большинства были разбиты от постоянных ударов, стали бросаться лишь с мечами на густые отряды врагов, не помышляя уже больше о спасении жизни и не видя никакой возможности уйти. А так как покрывшаяся ручьями крови земля делала неверным каждый шаг, то они старались как можно дороже продать свою жизнь и с таким остервенением нападали на противника, что некоторые гибли от оружия товарищей. Всё кругом покрылось чёрной кровью, и куда бы ни обратился взор, повсюду громоздились кучи убитых, и ноги нещадно топтали повсюду мертвые тела. Высоко поднявшееся солнце... палило римлян, истощённых голодом и жаждой, обременённых тяжестью оружия. Наконец под напором силы варваров наша боевая линия совершенно расстроилась, и люди... беспорядочно побежали... ..Император... бежал с поля битвы, с трудом пробираясь по грудам мертвых тел, к *ланциариям* и *маттиариям*, которые стояли несокрушимой стеной, пока можно было выдержать численное превосходство врага... Метая молнии из глаз, шли варвары за нашими, у которых кровь уже холодела в жилах. Одни падали неизвестно от чьего удара, других опрокидывала тяжесть напавших, некоторые гибли от удара своих товарищей; варвары сокрушали всякое сопротивление и не давали пощады сдававшимся. Кроме того дороги были преграждены множеством полумертвых людей, жаловавшихся на муки, испытываемые от ран, а вместе с ними заполняли равнину целые валы убитых коней вперемежку с людьми. Этим никогда не восполнимым потерям, которые так страшно дорого обошлись римскому государству, положила конец ночь, не освещенная ни одним лучом луны. Поздно вечером император, находившийся среди простых солдат..., пал, опасно раненый стрелой, и вскоре испустил дух; во всяком случае, труп его так и не был найден... Другие рассказывают, что Валент не сразу испустил дух, но несколько кандидатов и евнухов отнесли его в деревенскую хижину и скрыли на хорошо отстроенном втором этаже. Пока там ему делали... перевязку, хижину окружили враги, не знавшие, кто он. Это и спасло его от позора пленения. Когда [варвары] попытались сломать запертые на засовы двери и их стали обстреливать сверху, ...они снесли вязанки камыша и дров, подложили огонь и сожгли хижину вместе с людьми. Один из кандидатов, выскочивший через окно, был взят в плен варварами. Его сообщение о том, как было дело, повергло в большое горе варваров, так как они лишились великой славы взять живым правителя римского государства... Среди большого числа высокопоставленных людей, которые пали в этой битве, на первом месте следует назвать Траяна и Себастиана. С ними пали 35 трибунов, командовавших полками и свободных от командования, а также Валериан и Эквиций, первый заведовал императорской конюшней, а второй — управлением дворца... Уцелела... только треть войска.

...Только битва при Каннах была столь же кровопролитна, как эта, хотя при неблагоприятном повороте судьбы и благодаря военным хитростям неприятеля, римляне не раз оказывались временно в стесненном положении...

Арбогаст (Зосім, Римська історія, IV, 53)

Арбогаст, происходящий из племени *франков*., присвоил себе звание *магистра воинов* помимо авторитета *принцепса*. Видя, что солдаты ему подчинены, и будучи человеком достойным благодаря силе, знанию военного дела и презрению к деньгам, он достиг большого могущества. Он был велик, и держал себя свободно даже с *принцепсом*, и не давал делать то, что, по его мнению, было неправильно и бесполезно. Валентиниан переносил это с трудом и часто возражал ему, но ничего не достигал, ибо Арбогаста поддерживала любовь всех солдат. Наконец Валентиниан, не выдержав своего подчинения ему, увидев, что Арбогаст приближается к императорскому трону, гневно взглянув на него, протянул документ, которым отрешал его от *магистерства*. Тот, прочтя его, сказал: «Не ты дал мне власть и не ты можешь её отнять». Сказав это, он порвал документ, бросил его на землю и ушёл.

III. РИМСЬКА ІМПЕРІЯ В 395-476 рр.

№1 ГОНОРІЙ (395-423 рр.)

(Зосім, Римська історія, V, 42; VI, 1-13)

V, 42 ...Варварам были выплачены деньги. И Аларих разрешил горожанам покупать [продовольствие] в течение трёх дней и выходить из некоторых ворот и дал им возможность подвозить из гавани продукты. После того как граждане вздохнули и закупили то, что было им необходимо, варвары ушли из Рима и расположились лагерями в некоторых местах в Тусции. И почти все рабы, которые были в Риме, убежав за несколько дней из города, присоединились к варварам, так что, присоединив к себе толпы рабов, число их выросло до сорока тысяч...

VI, 1. Когда очень умеренные требования Алариха были так оскорбительно отвергнуты, он со всеми своими силами двинулся на Рим, решив упорно продолжать осаду города¹. Именно тогда для встречи с Гонорием прибыл посол от галльского узурпатора Константина². Это был Иовиан, известный своей ученостью и другими достоинствами. Он спросил, может ли быть утверждён предварительно согласованный мир, и может ли быть гарантировано прощение для убийц родственников Гонория Дидима и Верениана. В качестве оправдания он ссылался на то, что последние были убиты вовсе не в правление Константина. Поскольку Гонорий колебался, Иовиан заявил, что императору было бы благоразумно пойти на уступки, так как он совершенно погряз в италийских делах. Кроме того, если бы Иовиану было бы позволено возвратиться к Константину и разъяснить ему положение дел, то последний мог бы подойти со всеми галльскими, испанскими и британскими легионами для помощи в разрешении кризиса вокруг Италии и Рима. На таких условиях Иовиану было разрешено отбыть. А теперь, после все ещё достоверно не описанных событий в Галлии, мне было бы уместно изложить все, что там происходило с самого начала.

2. В царствование Аркадия, в седьмое консульство Гонория и второе Феодосия [407 г.], легионы в Британии взбунтовались и провозгласили императором Марка, повинувшись ему во всем, но после того, как он не выполнил их условий, его убили и выдвинули Грациана, которому дали пурпурную тогу, диадему и телохранителей, подобно настоящему императору. Через четыре месяца, будучи недовольными и Грацианом, солдаты сместили и убили его, а его преемником сделали Константина. После назначения Юстиниана и Небиогаста военными магистрами Галлии, Константин оставил Британию и переправился на континент. Достигнув Боннии в Нижней Германии, первого города после переправы через пролив, он задержался там на пять дней и за это время подчинил все войска вплоть до Альп, отделяющих Галлию от Италии. Таким образом Константин, казалось, получил прочную власть над империей, но Стилихон³ высылает против него магистра Сара⁴ со своими воинами. Последний вызывает на себя Юстиниана с его силами, разбивает большую часть его войска, убивает его самого и захватывает огромное количество добычи. Затем Сар осаждают Валентию, так как он знал, что Константин считает ее гарнизон очень надежным, и задерживается там. Оставшийся в живых магистр Небиогаст делает Сару мирные предложения. Сар по-дружески принимает их. Впоследствии, когда этот магистр изменил своей клятве, Сар без промедления убил его без малейшего уважения к собственным обещаниям. Когда же Константин назначил новыми магистрами франка Эдобинха и бритта Геронтия, Сар, напуганный их военным опытом и храбростью, отступает от Валентии. Осада крепости продлилась лишь семь дней. Под яростными атаками магистров Константина Сар бежал почти голым, а все свои трофеи был вынужден оставить багаудам⁵, с которыми столкнулся близ Альп, чтобы получить разрешение перейти в Италию. Вследствие этого, когда Сар благополучно ушел в Италию, Константин провел смотр своего войска и принял решение разместить равное количество солдат в каждом из проходов в Альпах. Таковых на пути их Галлии в Италию было три — в Коттийских, Пеннинских и Морских Альпах. Он полагал, что вышеупомянутые меры предосторожности было необходимо принять по следующим причинам.

3. Ранее, в шестое консульство Аркадия (его коллегой был Проб) [407 г.], вандалы в союзе со свевами и аланами перешли через Альпы и разграбили провинции по эту сторону от них. Они продвигались с таким кровопролитием и творили такие ужасы, что даже войска в Британии, которые тоже были укомплектованы варварами, под угрозой нападения выбрали себе узурпаторов — Марка, Грациана, а затем — Константина. В острых стычках с варварами римляне вышли победителями и убили множество врагов, но не преследовали тех, кто спасался бегством (в подобных случаях они должны были уничтожить их). Римляне позволили

¹ В последних главах книги V речь шла о начале осады Рима Аларихом (391-410 гг.), вождем вестготов из рода Балтов. Аларих в первые годы V в. был военным магистром Восточной империи. Поссорившись с ее властями, двинулся в Италию искать оплаты за свою службу на Западе.

² Рассказ переходит к событиям, связанным с узурпацией Константина. Флавий Клавдий Константин, возможно, простой солдат, был провозглашен императором британскими легионами в 407 г. Распространил свою власть также на часть Галлии и Испании. В 411 г. был осажден императорской армией в Арле, сдался и был убит по дороге в Рим (см. ниже: VI, 2).

³ Стилихон — фактический правитель Западной империи в 395-408 гг., сын римлянки и вандала на римской службе. Убит в результате дворцовых интриг 22 августа 408 г. (Зос. V, 34).

⁴ Сар — гот на римской службе, сторонник легитимного императора Гонория, личный враг Алариха.

⁵ Галльские повстанцы из крестьян, муниципалов и рабов, воевавшие против римской имперской администрации.

врагам оправиться от поражения, собрать множество сил и подготовиться к новым битвам. Вот по каким причинам Константин впоследствии установил гарнизоны для предотвращения свободного прохода варваров в Галлию. Он также полностью обезопасил Рейн, который был заброшен со времени императора Юлиана [360-363 гг.].

4. После устройства дел в Галлии Константин даровал тогу цезаря своему старшему сыну Константу и направил его в Испанию. Константин страстно хотел добиться власти над всеми теми провинциями и в тех границах, на которые номинально распространялась его власть. Для этого нужно было победить полководцев Гонория. Последние, пребывая в страхе, собирали войско из местных солдат и собирались напасть на Константина за Пиренеями. Если бы после этого император Гонорий вывел войско из Италии, то Константин мог бы быть полностью окружен и разбит. Поэтому Константин перешел в Испанию с магистром Геронтием, назначил Аполлинария префектом претория.., а также произвел назначения на другие гражданские и военные посты. Этим Константин вызвал гнев родственников императора Феодосия¹, которые были обеспокоены делами в Испании. В своей первой атаке противники Константа силами лузитанских отрядов превзошли себя. Затем они привлекли множество рабов и колонов и, хотя создали для Константа большую угрозу, их надежды были расстроены. В конце концов они вместе со своими семьями были пленены Константином. Когда их братья Феодосиол и Лагодий узнали о происшедшем, первый из них бежал в Италию, а другой — на Восток.

5. После таких успехов в Испании Константин возвратился к своему отцу Константину, выговорив себе выдачу Верениана и Дидима. На пути из Испании в Галлию Константин опередил магистра Геронтия с его галльскими гвардейскими легионами, а испанские легионы тем временем потребовали, чтобы их возглавил Константин как по обычаю, так и потому, что задача поддержания безопасности их страны не могла быть отдана на откуп чужеземцам. Верениан и Дидим, будучи приведены к Константину, были незамедлительно преданы смерти, а Константин был опять отправлен отцом назад в Испанию вместе с магистром Юстом. Обозлившись на Константа, Геронтий разбил его воинов и побуждал варваров в Галлии восстать против Константина. Последний не смог противостоять варварам, так как большая часть его сил ушла в Испанию. Это позволило варварам из-за Рейна совершать невозбращенные вторжения. Они нанесли жителям Британии и некоторым из галльских народов такой урон, что те отложились от Римской империи, более не повинаясь римскому закону, а вернувшись к своим племенным обычаям². Британцы, однако, вооружились своими силами и, показав много отваги, обеспечили собственную безопасность и свободу своих городов от набегов варваров. Тогда же вся Арморика и другие галльские провинции³, следуя примеру британцев, таким же образом освободились своими силами, изгнав римских чиновников и установив такое правление, какого они хотели.

6. Восстание британских и галльских провинций пришлось на время тирании Константина потому, что варвары воспользовались его бездарным правлением. Так как Аларих не принял ни мира, ни каких-либо заложников в указанные им сроки, он снова атаковал Рим и угрожал разгромить город, если граждане не объединятся с ним против императора Гонория⁴. И пока они размышляли над его требованиями, Аларих обложил город и, пройдя вниз по заливу, упорно осаждал его несколько дней до тех пор, пока в конце концов не принудил защитников к сдаче. Обнаружив все городские запасы провизии, Аларих угрожал раздать их своим войскам, если римляне в точности не выполнят его распоряжения. Весь сенат на своем заседании согласился со всеми требованиями Алариха, так как гибель была неизбежной, если бы не продовольствие, которое должно было быть доставлено в город из порта.

7. Исходя из этого, после приема посольства от Алариха сенаторы призвали его в город и, в соответствии с принятым порядком, возвели префекта претория Аттала на императорский трон, облачив его в пурпур и диадему⁵. После этого Аттал немедленно назначает Лампадия префектом претория, а Маркиана префектом города. Возглавив войско, Аттал перешел на сторону Алариха, равно как и Валент, а другие должности были распределены между прочими лицами по порядку. Затем, в сопровождении императорской гвардии, Аттал вступил во дворец, несмотря на многочисленные неблагоприятные предзнаменования. На следующий день он прибыл в сенат и произнес крайне надменную речь, в которой похвалялся тем, что приведет весь мир под власть римлян, и даже больше того — заморских обитателей. Возможно, под влиянием этих слов боги были рассержены на Аттала и некоторое время спустя низвергли его⁶. Римляне были довольны благоприобретением новых магистратов — хорошо управлявших ими, и наслаждались консульством Тертулла. Только род Анициев был опечален тем, что все кроме них стремились делать благодеяния. Они были недовольны всеобщим процветанием потому, что они фактически контролировали все богатства города. Аларих благоразумно убеждал Аттала бросить необходимые силы на Африку и Карфаген, чтобы сместить Гераклиана — сторонника Гонория, чтобы упредить его действия, мешавшие планам Алариха. Аттал не внял предупреждениям, обольстившись надеждами, которые были внушены прорицателями и убедившись, что Карфаген и всю Африку можно подчинить без битвы. Аттал решил послать Друму с войсками из варваров для смещения Гераклиана с его поста. Не вняв совету Алариха, Аттал поставил Константа военным магистром Африки и отправил его туда без достаточных сил. И когда положение в Африке оставалось таким неопределенным, Аттал нападает на императора в Равенне⁷.

8. Гонорий был повергнут в ужас и выслал легатов, чтобы просить Аттала разделить с ним власть, но назначенный Атталом префект претория Иовиан заявил, что Аттал не должен уступать Гонорию ни титулом императора, ни силой тела. Гонорий же после нанесения ему увечий⁸ должен был быть отправлен в ссылку на какой-либо остров. Все были встревожены надменностью этой речи, а император Гонорий уже был готов спастись бегством, собрав для этих целей множество кораблей в равеннской бухте. Но вскоре подошли шесть когорт, которые были обещаны Гонорию еще со времен Стилихона, но только теперь сумевшие прибыть с Востока в соответствии с договором. Они насчитывали четыре тысячи воинов. Словно пробудившись от глубокого сна, Гонорий поручил охрану стен [Равенны] событиям в Африке, так как ему было ясно: если Гераклиан одержит верх, и Африка будет в безопасности, он сможет в полную силу развернуть кампанию против Аттала и Алариха; но если его люди в Африке будут разбиты, он будет вынужден плыть со своими кораблями к Феодосию на Восток⁹, оставив Западную империю.

¹ Феодосий I Великий — отец императоров Аркадия и Гонория. Умер в 395 г. На Востоке с 408 г. правил семилетний сын Аркадия Феодосий Младший.

² Речь идет о прекращении римской власти над Британией (409 г.). После этого римляне уже никогда не восстанавливали там свой контроль. Местные легенды относят к этой и последующей эпохе деятельность короля Артура.

³ Галлия вскоре была возвращена в состав империи.

⁴ Речь идет о начале второй осады Рима Аларихом (всего их было три).

⁵ Приск Аттал — один из ведущих и знатнейших членов сената. Был объявлен императором в ноябре 409 г.

⁶ Один из ярких примеров выражения языческого мировоззрения Зосима.

⁷ Резиденцией императора была Равенна — неприступная крепость в болотах Эмилии — Северо-Восточной Италии.

⁸ Нанесение физических увечий делало претендента на трон нелегитимным. Это — наследие древнейшего индоевропейского обычая. Впоследствии это станет характерной чертой византийской борьбы за власть.

⁹ Феодосий Младший (408-455 гг.).

9. Таково было положение Гонория. Иовиан, который, как я уже упоминал, должен был отправиться в качестве посла к Гонорию, стал замысливать предательство, обольщенный некими агентами Гонория. В сенате он попросил извинения за то, что его миссия не состоялась, и произнес вызвавшую недоумение речь, в которой заявил, что нужно послать варваров на помощь Гераклиану. Эти же войска уже отбыли в Африку и не имели там успеха. Кроме того, надежды сенаторов на этот фронт были поколеблены смертью Константа. Аттала был всем этим озабочен и косвенно выказал свои намерения: в Африку были посланы дополнительные силы и средства, чтобы помочь исправить там положение. Когда об этом узнал Аларих, он был разгневан и разочарован правлением Аттала, ибо последний дошел до того, что без особых причин и шансов на успех поступал как торопливый глупец. В то же самое время Аларих решил отойти от Равенны, хотя и намеревался прежде не снимать осаду вплоть до полной сдачи. Таков был совет Иовиана, который тот дал, когда решил предаться делу Гонория. Иовиан постоянно оговаривал Аттала перед Аларихом с целью убедить последнего, что только Аттала претендует на твердую власть над империей, и потому хочет немедленно разделиться с Аларихом и его ближайшими родственниками.

10. Аларих же в то время желал остаться верным клятве, данной им Атталу. Магистр конницы Валент, заподозренный в измене, был убит. После этого Аларих напал на все города в Эмилии¹, не признававшие Аттала императором. Легко добившись привлечения на свою сторону прочих, Аларих осадил Бононию², но осада затянулась на много дней, и город он взять не смог. Поэтому он двинулся в Лигурию³, чтобы заставить ее признать Аттала императором. Гонорий направил послания городам Британии, призывая их позаботиться о себе своими силами; свои же войска он награждал деньгами, полученными от Гераклиана. У последнего теперь были полностью развязаны руки, так как он повсеместно добился верности всех войск.

11. Гераклиан взял все порты в Африке под такой строгий контроль, что ни зерно, ни масло, ни любые прочие продукты не могли доставляться в Рим, и на город обрушился голод во много раз более худший, чем в прошлый раз. Торговцы на рынках прятали имевшееся у них добро в надежде нажиться спекуляцией. Город был доведен до такого бедствия, что желавшие поесть человеческого мяса, выкрикивали в цирке: «Почем человечина?»

12. В это время Аттала входит в Рим и созывает заседание сената. После дебатов... было решено, что в Африку должны быть отправлены варварские подразделения, и что командование над ними должно быть поручено Друме... Но лишь только Аттала и некоторые его сторонники не получили большинства голосов, они не захотели посылать каких-либо варваров с римской армией. С этого времени Аларих стремился сместить Аттала, хотя Иовиан еще ранее подталкивал его к такому решению... Аларих вывел Аттала за Аримин, где тот жил, отнял его диадему и лишил пурпура, отослав все это императору Гонорию. Несмотря на это, Аларих всем показал, что Аттала остается не просто частным лицом. Он сохранил жизнь ему и его сыну Ампелию, пока действовал мир с Гонорием, а затем даровал им помилование. Сестра императора, Плацидия, также оставалась с Аларихом и, хотя она была лишь заложницей, пользовалась всеобщим почетом и вниманием, какие подобали члену императорской фамилии.

13. Таково было положение в Италии. Между тем, Константин вручил своему сыну Константу диадему, возведя его из цезаря* в августа*, а затем сместил Аполлинария с поста префекта претория, заменив его на кого-то другого. Аларих прибыл в Равенну, чтобы утвердить свой мир с Гонорием, но Судьба⁴ воздвигла неожиданное препятствие, ибо именно она вершила делами государства. Сар с некоторым числом варваров находился в Пицене, не будучи союзником ни императора Гонория, ни Алариха. Когда произошел его разрыв со всем войском, в котором он оказался. Когда Сар узнал о прибытии Алариха, он рассудил, что не сможет противостоять ему с тремя сотнями воинов, и решил идти к Гонорию, чтобы помочь ему в войне против Алариха⁵.

(Иордан, Гетика)

Иордан (ок. 500-560 гг.) — ромейский историк, остгот по происхождению (некоторые исследователи причисляют его к аланам). Был секретарем аланского военачальника Гунтигиса Базы, состоявшего на службе у Восточной Римской империи. Позднее Иордан, возможно, принял духовное звание; в некоторых рукописях именуется епископом. Главное сочинение Иордана «О происхождении и деяниях гетов» («De origine actibusque Getarum», сокр. «Getica») — один из важнейших источников по истории готов, Северного Причерноморья и всего периода истории *Великого переселения народов**. Будучи по содержанию сокращенным изложением не дошедших до нас трудов Кассиодора и Приска, сочинение Иордана содержит и сведения, которые он описал как очевидец событий; он использовал также народный эпос готов. «Getica» описывает историю готов, начиная с их переселения из Скандинавии и вплоть до войны остготов с Византией (труд был закончен в 551 г. и доведен до этих лет). Политическая тенденция сочинения Иордана отражает настроения той части остготской знати, которая желала соглашения с Византией, хотя бы ценой подчинения остготов последней. Труд Иордана содержит сведения и о других племенах, в частности краткие, но очень ценные данные о древнейших славянах. Другие сочинения Иордана — «Римская история» («De summa temporum vol origine actibusque Romanorum», сокр. «Romana») — компиляция из трудов Флора, Иеронима, Орозия и др.

145. ...После смерти Атанариха все его войско⁶ осталось на службе у императора Феодосия, предавшись Римской империи и слившись как бы в одно тело с римским войском; таким образом было возобновлено то ополчение федератов, которое некогда было учреждено при императоре Константине, и эти самые [готы] стали называться федератами⁷. Это из них то император, понимая, что они ему верны и дружественны, повел более 20 тысяч воинов против тирана Евгения, который убил Грациана⁸ и занял Галлии; одержав над вышесказанным тираном победу, император совершил отмщение.

146. После того как Феодосий, поклонник мира и друг рода готов, ушел от дел человеческих, сыновья его⁹, проводя жизнь в роскоши, принялись губить оба государства, а вспомогательным войскам [т.е. готам] отменять обычные дары; вскоре у готов появилось к ним презрение, и они, опасаясь, как бы от длительного мира не ослабела их сила, избрали себе королем Алариха*; он отличался чудесным происхождением из рода Балтов, второго по благородству после Амалов; род этот некогда благодаря отваге и доблести получил среди своих имя Балты, т.е. отважного.

¹ Эмилия-Романья — область вокруг Равенны.

² Совр. Болонья.

³ Область на северо-западе Италии по берегу моря.

⁴ Судьба, Fortuna, Tyche — чисто античное понятие о силе Рока, который правит даже богами.

⁵ Вскоре после этого, 28 августа 410 г. последовала третья осада Рима Аларихом и взятие города (подробнее см.: Бенедикти Р. Взятие Рима Аларихом // Византийский временник. — Т.20. — М., 1961. — С. 23-31). Падение Рима было событием всемирно-исторического значения. Вскоре, под его непосредственным влиянием, Аврелий Августин создает первую в античном мире линейную концепцию развития истории через последовательное падение всех земных империй — к Царству Божию («О Граде Божием»).

⁶ Sanctus exercitus готов, которые с 382 г. пошли на службу империи, было войском не Атанариха (он войска уже не имел), а Фритигерна.

⁷ Здесь идет речь о договоре от 3 октября 382 г. между Феодосием и Фритигерном, по которому вестготы разместились как федераты в Нижней Мезии и во Фракии.

⁸ Грациан, старший сын Валентиниана I, был убит узурпатором Максимом в 383 г. В ответ на это император Феодосий повел в Италию громадную армию из готов федератов и наемников — аланов и гуннов — с полководцами Рицимером и Арбогастом. Максим был разбит и обезглавлен под Аквилейей в августе 388 г. Узурпатор же Евгений, которого Иордан ошибочно считает убийцей Грациана, появился позднее, в 392-394 гг.

⁹ Сыновья императора Феодосия (ум. в 395 г.): Аркадий, который стал императором на Востоке (соправитель отца с 383 г., единолично правил с 395 по 408 г.) и Гонорий, который стал императором на Западе (соправитель отца с 393 г., единолично правил с 395 по 423 г.).

147-151. Вскоре, когда вышеназванный Аларих поставлен был королем, и, держа совет со своими, убедил их, что лучше собственным трудом добыть себе царство, чем сидя в бездействии подчиняться [царствам] чужим. И, подняв войско, через Паннонию — в консульство Стилихона и Аврелиана [400 г.] — и через Сирмий¹, правой стороной вошел он в Италию, которая казалась опустошенной от мужей²: никто ему не сопротивлялся, и он подошел к мосту Кандиана³, который отстоял на три милиария⁴ от столицы Равенны. Этот город открыт всего только одному подступу, находясь между болотами, морем и течением реки Пада⁵... Равенна лежит в лоне римского государства над Ионийским морем и наподобие острова заключена в разливе текущих вод. На восток от нее — море; если плыть по нему прямым путем из Керкиры⁶ и Эллады, то по правую сторону будут сначала Эпиры, затем Далмация, Либурния и Истрия, и так весло донесет, касаясь [все время берега], до Венетий⁶. На запад [от Равенны] лежат болота, на которых, как ворота, остается единственный крайне узкий вход. С северной стороны находится тот рукав реки Пада, который именуется Рвом Аскона⁷. С юга же⁸ — сам Пад, величаемый царем рек италийской земли, по прозванию Эридан⁹; он был отведен императором Августом посредством широчайшего рва, так что седьмая часть потока проходила через середину брода, образуя у своего устья удобнейший порт, способный... принять для безопаснейшей стоянки флот из 250 кораблей... Теперь же... то, что когда-то было портом, представляется обширнейшим садом, полным деревьев, на которых, правда, висят не паруса, а плоды¹⁰. Город этот славится тремя именами и наслаждается тройким расположением, а именно: первое из имен — Равенна, последнее — Классис, среднее — Цезарея между городом и морем; эта часть изобилует мягким [грунтом] и мелким песком, пригодным для конских ристаний.

152-156. Итак, когда войско вестготов приблизилось к окрестностям Равенны, то послало к императору Гонорию, который сидел внутри города, посольство: если он позволил бы готам мирно поселиться в Италии, они жили бы с римским народом так, что можно было бы поверить, что оба народа составляют одно целое; если же нет, то надо решить дело войной... и тогда победитель пусть и повелевает... Но император Гонорий опасался и того, и другого предложения; созвав на совет свой сенат, он раздумывал, как бы изгнать готов из пределов Италии. И пришло ему, наконец, в голову такое решение: пусть Аларих вместе со своим племенем, если сможет, отберет и возьмет в полную собственность далеколежащие провинции, т.е. Галлии и Испании¹¹, которые император почти потерял, так как их разорило нашествие короля вандалов Гейзериха¹². Готы соглашались исполнить это постановление и принять дар... и отправляются в переданную им землю. После их ухода, — а они не причинили в Италии никакого вреда, — патриций Стилихон*, зять императора Гонория (потому что император взял в замужество обеих его дочерей, Марию и Терманцию, одну за другой, но бог призвал к себе их обеих сохранившими девственность и чистоту); так вот этот Стилихон тайно подошел к Полленции¹³, городу в Коттийских Альпах¹⁴, — готы же не подозревали ничего дурного, — и, на погибель всей Италии и бесчестье себе, бросился в бой. Внезапно завидев его, готы сначала ужаснулись, но вскоре собрались с духом и, по своему обычаю возбудив себя ободряющими кликами, обратили чуть ли не все войско Стилихона в бегство и, отбросив его, уничтожили полностью; затем, разъяренные, они меняют предпринятый путь и возвращаются в Лигурию¹⁵, по которой только что прошли. Захватив там награбленную добычу, они также опустошают Эмилию¹⁶ и земли по Фламиниевой дороге¹⁷ между Пиценом¹⁸ и Тусцией¹⁹; они хватают как добычу все, что попадает по обеим ее сторонам, и в набегах доходят вплоть до Рима. Наконец, вступив в Рим [24 августа 410 г.], они, по приказу Алариха, только грабят, но не поджигают, как в обычае у варваров, и вовсе не допускают совершать какое либо надругательство над святыми местами. Выйдя из Рима, они двинулись по Кампании²⁰ и Лукании²¹, нанося тот же ущерб, и достигли Бриттиев. Там они осели надолго и предполагали идти на Сицилию, а оттуда в африканские земли. Ведь область Бриттиев лежит на крайнем конце Италии, расположенная в южной ее части; ее выступ составляет начало Апеннинских гор; вытянутая наподобие языка, она отделяет Адриатическое море²² от Тирренского; название свое она получила некогда от имени царицы Бриттии²³.

¹ Сирмий (слав. Срем, близ нын. Митровицы) — крупный город в Нижней Паннонии, на левом берегу реки Савы, правого притока Дуная. Сирмий был центром префектуры Иллирика и важным укрепленным форпостом Восточной Римской империи против натиска варваров из за Дуная.

² Италия к моменту появления Алариха (400-401 гг.) была «пуста», т.е. лишена войск, по той причине, что Стилихон со всей армией находился в Рэции, где отражал вандалов, которые затем двинулись к северо-западу и перешли Рейн в конце 406 г.

³ По видимому, это был мост через речку Кандиано, севернее Равенны.

⁴ Миллиарий отмечает расстояние, равное около 1,5 км. Называемый Иорданом мост отстоял, таким образом, от Равенны примерно на 4,5 км.

⁵ Ныне остров Корфу на Ионическом море.

⁶ Перечисление частей диоцеза Иллирика (в конце IV в.), расположенных вдоль восточного берега Адриатического моря: севернее Эпира и до города Салоны тянется Далмация, далее к северу от города Триеста — Либурния, далее — полуостров Истрия, за ним по берегу — провинция Венетии.

⁷ «Fossa Asconis» — название северного рукава реки Пада.

⁸ Явная ошибка Иордана, так как река По и все рукава ее дельты находятся к северу, а не к югу от Равенны.

⁹ Поэтическое название реки Пада — Eridanus (Вергилий, Georg., 1, 482: «fluviorum rex Eridanus» — «речных потоков царь Эридан»).

¹⁰ Игра слов: «arbor» значит и «растущее дерево», и «мачта корабля».

¹¹ Позднее, в конце V столетия, в таком же положении, как Аларих, оказался вождь остготов Теодорих. Не будучи в силах справиться с Теодорихом, император Зенон решил прельстить его перспективой завоевания Италии, занятой Одоакром, и тем самым удалить опасных варваров с территорий, близких к Константинополю.

¹² Гейзерих (428-477 гг.) — король вандалов. В 429 г. он переправил свое племя через Гибралтар на африканское побережье. Сообщение Иордана, что император потерял и Галлии и Испании вследствие нашествия вандалов, неверно, так как вандалы перешли Рейн в последний день 406 г., а в Испании они появились только осенью 409 г.; приближение же Алариха к Милану относится к 402 г.

¹³ Полленция — город у предгорья западной части Альпийского хребта, в так называемых Коттийских Альпах.

¹⁴ Коттийские Альпы — название не только западной части Альпийского хребта, но и провинции (с главным городом Генуей), граничившей на юге с Тосканой. Название «Коттийские Альпы» относится к горному перевалу в западных Альпах, по которому шли дороги из Северной Италии в Нарбоннскую Галлию. Дорогу через перевал строил в начале I в. н.э. один из кельтских царьков, подчинившийся Августу и именуемый в римских источниках Коттием.

¹⁵ Лигурия — провинция Италии с центром в Медиолане (ныне Милан); в IV в. Лигурия была отодвинута от морского побережья к северу от реки По.

¹⁶ Эмилия — провинция Италии, получившая свое название от римской военной дороги — via Aemilia (между городом Пьяченцей на реке По и городом Римини на Адриатическом море); она охватывала территорию бывшей Циспаданской (лежащей к югу от реки По) Галлии, но без выхода к Адриатическому морю.

¹⁷ Фламиниева дорога (via Flaminia) — одна из крупных римских военных дорог; она вела из Рима от подножия Капитолия через Фламиниевы ворота в городской стене по Этрурии и Умбрию до города Аримина (ныне Римини) на Адриатическом море. В IV в. Фламиния — провинция в Италии, вытянутая по побережью Адриатического моря от устья реки По до нынешнего города Сеннагалля.

¹⁸ Пицен — провинция в Италии между Апеннинскими и берегом Адриатического моря (от города Анконы до города Адрии).

¹⁹ Тусция — провинция в Италии, охватывавшая территорию древних италийских провинций Этрурии и Умбрии, с городами Флоренцией, Перуджей и др.

²⁰ Кампания — провинция в Италии; в IV в. Кампания занимала территорию вдоль берега Тирренского моря, к югу от Рима и до Неаполя, в глубину же — до цепи Апеннин.

²¹ Лукания — провинция в Италии, в IV в. примыкавшая к Кампании вдоль берега Тирренского моря и переходившая в провинцию Бруттиев, которая занимала всю южную оконечность Апеннинского полуострова (ныне Калабрию).

²² Собственно, не Адриатическое море, а его преддверие — Ионическое море.

²³ Название провинции «Бруттиев» произошло от имени народа бруттиев, покоренных Римом в III в. до н.э.

157-158. Итак, туда-то и пришел Аларих, король вестготов, с богатствами целой Италии, захваченными как добыча, и оттуда... предполагал через Сицилию переправиться в спокойную страну Африку, но... страшная пучина морская поглотила несколько его кораблей, а многие разбросала. Пока Аларих, потрясенный этой неудачей, размышлял, что ему предпринять, он был внезапно застигнут преждевременной смертью... Готы оплакивали его по своей огромной любви к нему; они отвели из русла реку Бузент около города Консенции¹, а река эта, ниспадая от подножия горы, течет целебной струей как раз близ этого города; посередине русла этого потока они, собрав толпу пленных, вырыли место для погребения и туда, в лоно этой могилы, опустили Алариха со множеством сокровищ, а затем вернули воды обратно в их русло. Но, чтобы никто никогда не узнал того места, землекопы были все умерщвлены. Королевскую же власть над вестготами они передали Атаульфу², кровному родичу Алариха, выдающемуся и внешне, и умом, потому что он был похож на Алариха, если не высотой роста, то красотой тела и благообразием лица.

159-163. Атаульф, приняв власть, вернулся в Рим и, наподобие саранчи, сбрил там все, что еще оставалось, обобрав Италию не только в области частных состояний, но и государственных, так как император Гонорий не мог ничему противостоять. Его сестру Пладию³, дочь императора Феодосия от второй жены, он увел из столицы пленницей⁴. Однако, принимая во внимание благородство ее происхождения, внешнюю красоту и девственную чистоту, он сочетался с ней законным браком в Форуме Юлия, городе [провинции] Эмилии⁵, с той целью, чтобы варвары, узнав об этом союзе, сильнее боялись империи, как соединенной с готами⁶. Гонория же августа, хотя и истощенного силами, он... не тронул, теперь уже как родственника, и двинулся к Галлии⁷. Когда он туда прибыл⁸, все соседние племена из страха стали придерживаться своих пределов; раньше же они, как франки, так и бургундионы, жесточайшим образом нападали на Галлии. А вандалы и аланы, о которых мы рассказывали, как они, по разрешению римских императоров, осели в той и другой Паннониях⁹, рассудив, что там едва ли им будет безопасно из-за страха перед готами..., перешли в Галлии¹⁰. Однако вскоре бежали они и из Галлий, которые незадолго до того заняли, и заперлись в Испаниях¹¹; они до сих пор помнили..., какое некогда бедствие причинил их народу король готов Геберих¹² и как он силою своею согнал их с родной земли. По такой вот причине Галлии были открыты для прихода Атаульфа¹³. Укрепив свою власть в Галлиях, гот начал сокращать о положении в Испаниях, помышляя освободить их от набегов вандалов; он оставил свои сокровища с некоторыми верными людьми и с небоеспособным народом в Барцилоне [ныне Барселона], затем проник во внутренние Испании, где сражался непрерывно с вандалами; на третий же год, после того как покорил и Галлии и Испанию, он пал¹⁴, пронзенный мечом Эвервульфа в живот, — того самого [Эвервульфа], над ростом которого он имел обыкновение насмехаться. После его смерти королем был поставлен Сегерих¹⁵, но и он, умерщвленный из-за коварства своих же людей, еще скорее покинул как власть, так и жизнь.

164-165. Затем уже четвертым после Алариха королем был поставлен Валия¹⁶, человек весьма строгий и благоразумный. Против него император Гонорий направил с войском Констанция¹, мужа сильного в военном искусстве и прославленного во мно-

¹ Консенция — ныне город Козенца в Калабрии (в V в. — в провинции Бруттиев), расположен на возвышенности, по сторонам которой протекают река Кратис и ее приток Бузент.

² Атаульф (410-415 гг.) — преемник Алариха; вывел вестготов из Италии в Галлию.

³ Галла Пладия (390-450 гг.) — дочь императора Феодосия I, сестра императоров Аркадия и Гонория; в 414-415 гг. — жена вестготского короля Атаульфа, в 421 г. — жена императора Констанция III; мать императора Валентиниана III. События, связанные с Галлой Пладией, игравшей значительную роль в Западной Римской империи, подробно отражены в «Истории» Олимпиодора, доведенной им до 425 г.

⁴ Галла Пладия была захвачена в плен Аларихом при взятии им Рима в августе 410 г. Атаульф (410-415 гг.), преемник Алариха, женился на Галле Пладии перед своим уходом из Италии в Южную Галлию. Так передает Иордан, говоря, что Атаульф, покидая Италию, относился к императору Гонорию уже как к родственнику. Но в более раннем источнике — в «Истории» Олимпиодора (§24) — сообщается, что Атаульф женился на Галле Пладии в Нарбонне, т.е. уже в Галлии, в доме знатного римлянина Ингения, причем Атаульф был облачен в римские одежды, а Галла Пладия — в одежды императрицы. Церемония происходила 1 января 414 г. Возможно, что знатное лицо, принимавшее у себя вождя вестготов и дочь императора Феодосия, и был тот житель Нарбонны, беседу с которым передает Орозий (VII, 43, 4-7).

⁵ Форум Юлия — на побережье Прованса (ныне Фрежюс). Обычно предполагается, что бракосочетание Атаульфа и Галлы Пладии произошло в Провансе, т.е. в Форуме Юлия, так как путь вестготов из Италии лежал на запад, в южную Галлию, и, по свидетельству Олимпиодора (§24), Атаульф женился на Галле Пладии в Нарбонне. Однако, если следовать сообщению Иордана, то приходится считать, что Атаульф отпраздновал свадьбу до того, как покинул Италию, и, быть может, именно в провинции Эмилии, т.е. в Форуме Юлия — Форли, а не в Форуме Юлия — Фрежюсе.

⁶ В данном случае автор отразил слабость империи, сказав о ней как о «присоединенной» к готам, а не наоборот. В связи с этим интересна запись Орозия, который сообщает о своей беседе с жителем города Нарбонны, ездившим в Палестину для свидания со знаменитым церковным писателем Иеронимом (ум. в 420 г.). «Набожный, степенный и серьезный» нарбоннец рассказал Орозию, что он был очень близок с королем вестготов, преемником Алариха Атаульфом, когда последний находился в Нарбонне. Нарбоннец передал мысли Атаульфа, которые тот не раз высказывал. Он (Атаульф) «вначале горел желанием уничтожить само имя [т.е. народ, племя] Римское, а всю землю Римскую превратить в империю готов и назвать ее таковою, чтобы была, попросту говоря, Готия из того, что некогда было Романей; Атаульф же стал бы теперь тем, чем был когда то Цезарь Август. Однако, после того как большой опыт доказал, что готы никак неспособны повиноваться законом вследствие необузданного своего варварства, а государству нельзя существовать без законов, ибо без них государство не есть государство, он (Атаульф) избрал для себя [путь] искать славы в полном восстановлении и увеличении римского имени силами готов; таким образом, он смог бы считаться у потомков виновником восстановления Римской империи, если уж ему не удалось изменить ее. Поэтому он был склонен как воздерживаться от войны (с Римом), так и стремиться к миру...» (Oros., VII, 43, 4-7).

⁷ Имеется в виду одна из префектур Западной Римской империи, а именно — префектура Галлий, содержащая три диоцеза: Галлию, Испанию, Британию.

⁸ Атаульф, король вестготов, пришел в Южную Галлию в 412 г. и расположил вестготов как федератов империи среди местного населения, на «стипендии» от Рима.

⁹ Верхняя Паннония находилась между Дунаем (выше города Аквинка) и рекой Дравой. Главный город Верхней Паннонии — Савария. Нижняя Паннония находилась между реками Дравой и Савой в их нижнем течении. Главный город Нижней Паннонии — Сирмий, Срем (близ нын. Митровицы).

¹⁰ Вандалы и аланы перешли на левый берег Рейна в последний день 406 г.

¹¹ Здесь «Галлии» противопоставлены «Испаниям». По «Notitia dignitatum» конца IV в., так называемый «Диоцез семи провинций», состоящий из семи частей общей Галлии — 1) Галлия Лугдунская, 2) Аквитания, 3) Галлия Нарбоннская, 4) Галлия Виеннская, 5) Секвания, 6) Альпы Грайские или Пеннинские и 7) Альпы Приморские, — противопоставлен «Диоцезу Испаний», состоящему из семи частей общей Испании — 1) Галлеция, 2) Лузитания, 3) Испания Тарраконская, 4) Испания Карфагенская, 5) Испания Бэтика, по реке Бэтису, нын. Гвадалквивир, 6) Тингитания (в Африке) и 7) Балеары. Вандалы, аланы и свевы перешли из Галлии в Испанию в сентябре или октябре 409 г. Вандалы заняли Галлецию, свевы — места по побережью океана (также в Галлеции), аланы разместились в провинциях Лузитании и Картагены, а вандалы силинги выбрали себе Бэтику; местные жители — Hispani — подчинились пришельцам и жили в городах и укреплениях.

¹² Геберих — король готов, предшественник Германариха*.

¹³ Так Иордан объясняет возможность захвата территорий племенами: одни племена освобождают земли, другие занимают их. По мнению Иордана, вследствие ухода в 409 г. в Испанию вандалов, аланов и свевов (до того рассыпавшихся по разным частям Галлии), для вестготов, двигавшихся под предводительством Атаульфа из Италии, оказались «открытыми» южные области Галлии. Вестготы, заняв их, забрали и ряд крупных старых городов — Нарбонну, Голозу, Бурдигалу (нын. Бордо).

¹⁴ Атаульф был убит в Барселоне осенью 415 г. Орозий ставит убийство Атаульфа в связь с его симпатиями к Римской империи и мирными отношениями с императором Гонорием. «Так как он [Атаульф], — пишет Орозий (VII, 43, 8), — усерднейшим образом следовал ее [жены своей, Галлы Пладии, сестры императора Гонория] просьбам и предложениям о мире, то и был убит в испанском городе Барселоне, как рассказывают, вследствие козней своих» («dolo suorum», т.е. готов).

¹⁵ Сегерих, король вестготов (415 г.) — преемник Атаульфа. Был убит по той же причине, что и его предшественник, а именно — из-за «склонности к миру» с Римской империей, как пишет Орозий (VII, 43, 9).

¹⁶ Валия — король вестготов (415-419 гг.), преемник Сегериха. Политика Валии была остро враждебна в отношении империи. Орозий говорит, что Валия был избран готами для того, чтобы нарушить мир с империей (VII, 43, 10).

гих битвах; император опасался, как бы Валия не нарушил союза, некогда заключенного с Атаульфом, и не затеял снова каких либо козней против империи, изгнав соседние с нею племена; наряду с этим он хотел освободить сестру свою Плацидию от позора подчинения [варварам], условившись с Констанцием, что если тот войной ли, миром ли или любым способом, как только сможет, вернет ее в его государство, то он отдаст ее ему в замужество. Констанций, торжествуя, отправляется в Испании со множеством воинов и почти с царской пышностью. С немалым войском спешит ему навстречу, к теснинам Пиринея, и король готов Валия. Там от обеих сторон были снаряжены посольства, которые сошлись на таком договоре: Валия вернет Плацидию, сестру императора, и не будет отказывать римской империи в помощи, если в ней случится нужда. В это время некий Константин², присвоив власть в Галлиях, сына своего Константа из монаха сделал цезарем. Однако он недолго держал захваченную власть, так как вскоре готы и римляне стали союзниками; сам он был убит в Арелате³, а сын его — во Вьенне⁴. Вслед за ними Иовин и Себастиан⁵ с той же дерзостью надеялись захватить власть, но погибли той же смертью.

166-172. В 12-й год⁶ правления Валии гунны были изгнаны римлянами и готами из Паннонии после почти 50-летнего обладания ею⁷. Тогда же Валия, видя, как вандалы, примерно во время консульства Иерия и Ардавура⁸, с дерзкой смелостью выступив из внутренних частей Галлии⁹, куда некогда загнал их Атаульф¹⁰, пустились опустошать и грабить все кругом в пределах его владений, т.е. на землях Испании, немедленно двинул на них свое войско. Но Гейзерих¹¹, король вандалов, был уже призван в Африку Бонифацием¹², который, будучи обижен императором Валентинианом, не мог иначе, как [подобным] злом, отомстить империи. Он склонил их своими упрашиваниями и перебросил через переправу в теснине, которая называется Гадитанским проливом¹³; он отделяет Африку от Испании едва семью милями¹⁴ и выводит устье Тирренского моря в бушующий океан. Гейзерих был весьма известен в Риме в связи с поражением, которое он нанес римлянам¹⁵; был он невысокого роста и хромым из за падения с лошади, скрытный, немногоречивый, презиравший роскошь, бурный в гнев, жадный до богатства, крайне дальновидный, когда надо было возмутить племена, готовый сеять семена раздора и возбуждать ненависть. Такой то человек вошел, приглашенный, как мы сказали, уговорами Бонифация, в империю в Африке; там он долго правил, получив, как говорится, власть от бога. Перед кончиной [24 или 25 января 477 г.] призвал он ряд своих сыновей и приказал им, чтобы не было между ними борьбы в домогательстве власти, но чтобы каждый по порядку и по степени своей... становился наследником; а за ним шел бы следующий. Они соблюдали это на протяжении многих лет и в благоденствии владели королевством, не запятнав себя, как обычно бывало у других варварских племен, междоусобной войной...

173-175. Валия, король готов, до того свирепствовал со своими войсками против вандалов, что намеревался было преследовать их и в Африке, если бы только не отвлек его тот же случай, который приключился некогда с Аларихом, когда тот направлял-

¹ Флавий Констанций — полководец императора Гонория, консул в 414, 417, 420 гг., префект претория Иллирика, совершивший походы в 411 и 413 гг. против узурпаторов, появившихся в Галлии. Был женат на Галле Плацидии, сестре Гонория. В 421 г., с февраля по день своей смерти (12 сентября), Констанций III был императором и соправителем Гонория.

² Константин — узурпатор; император и даже соправитель Гонория в Британии и Галлии в 407-411 гг. Константин объявил своего сына Константа цезарем, а затем императором; вместе они представляли значительную угрозу империи. Будущий император Констанций III, тогда еще военачальник Гонория, в 411 г. победил и обратил в бегство обоих узурпаторов — Константина и Константа. В ряду императоров Западной империи узурпатор Константин считается Константином III, а его сын — Константином II.

³ Арелат — город в Нарбоннской Галлии, на левом берегу нижней Роны (нын. город Арль). После взятия франками в 412 г. Трира Арелат стал главным городом той части Галлии, которая еще оставалась подчиненной Риму.

⁴ Виенна — нынешний город Вьенн на левом берегу Роны, ниже Лиона.

⁵ Иовин, родом галл, был провозглашен императором в 411 г. в Могунтиаке во Второй, или Нижней, Германии при поддержке двух варварских вождей: аланского — Гоара и бургундионского — Гунтиария. Обычно Могунтиак в Германии отождествляется с нын. Майнцем, но Могунтиак Нижней Германии, конечно, не Майнц, который находился в Первой, или Верхней, Германии. Могунтиак Нижней Германии находился где то на территории Бельгии, в пределах Льежского епископства. Атаульф был резко враждебно настроен к Иовину и не только не стал содействовать ему в борьбе против Гонория, но открыто принял сторону императора и помог Гонорию справиться с Иовином и его братом Себастьяном. Оба узурпатора были казнены, а головы их выставлены за стенами Равенны.

⁶ По видимому, ошибка автора или переписчика: такого года не могло быть, так как Валия правил вестготами только четыре года (с 415 по 419 г.).

⁷ Если считать, что гунны продвинулись в Паннонию в 405-406 гг. и обладали ею 50 лет, то время изгнания гуннов приходится на 455 г. Однако Марцеллин Комит, канцелярий императора Юстиниана и продолжатель «Историй», написанных Евсевием и Иеронимом (Марцеллин довел описание событий до 534 г.), поставил под 427 г. известие о том, что Паннонии были возвращены Риму после того как гунны владели ими 50 лет. Таким образом оказывается, что гунны появились в Паннониях уже вскоре после разгрома ими державы Германариха в 376 г. Во всяком случае, время изгнания (или ухода) гуннов из Панноний, будь то 455 или 427 год, не совпадает со временем правления Валии, короля вестготов (415-419 гг.).

⁸ Консульство Иерия и Ардавура на Востоке падает на 427 г. Иордан ошибается, сопоставляя этот год с годами правления Валии, короля вестготов.

⁹ Галлия (вернее Галлеция) — провинция в северо-западной части Пиренейского полуострова (нын. Галисия в Испании).

¹⁰ Атаульф воевал с вандалами в Испании в 413-415 гг.

¹¹ Гейзерих — король вандалов (428-477 гг.). При нем вандалы покинули Пиренейский полуостров и обосновались в Северной Африке. Современником Гейзериха, из вестготских королей, был не Валия, как пишет Иордан, а преемник его, Теодорих (419-451 гг.).

¹² Бонифаций — один из высших военачальников при императоре Гонории и особенно при Галле Плацидии и ее сыне Валентиниане III (425-455 гг.). Деятельность Бонифация развивалась в Африке, где он, «стратиг всей Ливии», командовал войском готов федератов и достиг полунезависимого положения. Олимпиодор (§42) отмечает его военные успехи и популярность среди населения. Но в 427 г. против Бонифация были двинуты войска империи. Источники не указывают причины этого похода против своего же стратига, к тому же защищавшего Африку и изгнавшего из владений империи «множество варварских племен». Кассиодор в хронике под 427 г. записал, что Бонифаций «держал Африку неправильно», а Прокопий указал, что он будто бы стал тираном, незаконно захватил власть, отторг Ливию от империи. Понимая, что сопротивление империи ему не по силам, Бонифаций, по свидетельству Прокопия и Иордана (писавших более ста лет спустя), якобы склонил вандалов переселиться из Испании в Африку, заключив с ними военный союз для совместного отражения врага (т.е. военных сил империи). Этот рассказ передает, по видимому, легенду. О «приглашении» вандалов Бонифацием писал Иордан (§167) и подробно рассказал Прокопий. Однако более ранние авторы не говорят об этом: даже в хронике Кассиодора, уже далекого от событий V в., но вполне в них осведомленного, появление вандалов в Африке связывается с приходом в Испанию вестготов, вытеснивших вандалов. О роли, которую играл Бонифаций в этом крупном движении племен, нет ни слова. Кассиодор обозначил это событие 427 годом, но, как известно, принято считать более точной датой, приводимую Идадием, — май 429 г. Объяснения, почему вандалы переправились в Африку, Идадий не дает. С указанным событием нельзя не сопоставить неоднократно отмечавшегося источниками стремления варварских племен переселиться в Африку в поисках мирной и сытной жизни. В 410 г. готы с Аларихом пошли из Рима на юг с целью попасть в Сицилию, а оттуда переправиться на африканское побережье: смерть Алариха расстроила их планы. Вестготы с королем Валией пыгались на кораблях достигнуть Африки, но их попытка не увенчалась успехом. Однако эти неудачи не изменили давнего намерения германских племен завоевать страну, богатую хлебом. Его осуществили вандалы. Бонифаций, будто бы сговорившийся с вандалами о разделе африканских земель империи на три части (две части — двум вандалским королям-братьям, одну — самому Бонифацию), вступил тем не менее в борьбу с пришельцами. Сначала он старался изгнать их, будто бы раскаявшись в намерении разделить Африку, как сообщает Прокопий, затем он выдержал длительную осаду (430-431 гг.) в городе Гиппоне в Нумидии. Тогда же из Рима и из Константинополя прибыло большое войско под предводительством Аспара; произошло сражение, которое выиграли вандалы. Африка была потеряна для империи, а Бонифаций в 432 г. вернулся в Рим. Плацидия, по видимому, чтобы умерить власть и влияние действительно всесильного Аэция, противопоставляла ему Бонифация. Она как будто даже заменила Аэция Бонифацием и этим вызвала крупные военные столкновения между ними (Марцеллин Комит — под 432 г. — называет эти столкновения «громадной войной»). Аэций ранил Бонифация, и тот умер от ран спустя три месяца, в 432 г.

¹³ Нынешний Гибралтар. Название пролива произошло от имени города Гады (Gades, нын. Кадикс).

¹⁴ «Семью милями» отделяется Африка от Испании. Ширина Гибралтарского пролива в наиболее широком месте равна 37 км, в наиболее узком — 13 км. Так как римская миля равна приблизительно 1,5 км, то, по Иордану, расстояние это указано как более узкое (несколько более 11 км).

¹⁵ Имеется в виду нападение Гейзериха на Рим 2 июня 455 г. и отмеченное рядом источников разграбление города в течение двух недель.

ся в Африку¹. Прославившийся в Испаниях, одержав там бескровную победу, [Валия] возвращается в Толозу и оставляет Римской империи... несколько ранее обещанных провинций. Много позднее его постиг недуг, и он удалился от дел человеческих в то самое время, когда Беремуд, рожденный Торисмундом..., вместе с сыном Витирихом [в 419 г.] переселился в королевство вестготов, [уйдя] от остготов, все еще подчиненных гуннскому игу в землях Скифии. Сознавая свою доблесть и благородство происхождения, он тем легче мог считать, что родичи передадут верховную власть ему, известному наследнику многих королей. Кто же, в самом деле, мог колебаться относительно Амала, если бы был волен избирать? Однако, он сам до известного времени не хотел обнаруживать, кто он такой. Готы же после смерти Валии поставили преемником ему Теодориха*. Придя к нему, Беремуд скрыл выгодным молчанием... блеск своего происхождения, зная, что царствующим всегда подозрительны рожденные от царского поколения. Итак, он претерпевал безвестность, чтобы не смущать установленного порядка. Вместе с сыном своим был он принят королем Теодорихом с высшими почестями, вплоть до того, что король не считал его чужим ни в совете, ни на пиру, и все это не из за благородства происхождения, о чем он не знал, но по причине твердости духа и силы ума, чего тот не мог скрыть.

№2

ВАЛЕНТИНИАН (425-455 pp.)

(Вождь гуннов Аттила, Иордан, Гетика)

176-179. ...По смерти Валии..., который был не слишком счастлив у галлов, ему наследовал Теодорих [418-451 гг.], гораздо более благополучный и счастливый. Он был человеком, исполненным высшей осторожности и умевшим использовать как душевные, так и телесные свои способности. Во время консульства Феодосия и Феста [439 г.] римляне, нарушив мир, пошли против [Теодориха] войной в Галлию, присоединив к себе гуннские вспомогательные войска. Их тревожила [память об] отряде готов-федератов, который под предводительством Гайны² ограбил Константинополь. Тогда военачальником был патриций Аэций*; он происходил из рода сильнейших мезийцев из города Доростора³, отцом его был Гауденций⁴. Выносливый в воинских трудах, особенно [удачно] родился он для Римской империи: ведь это он после громадных побоищ принудил заносчивое варварство свевов и франков служить ей. Римское войско двинуло против готов свои силы вместе с гуннскими вспомогательными отрядами под предводительством Литория. Долго стояли вытянутые ряды воинов обеих сторон: и те, и другие были сильны, и ни те, ни другие не оказали слабее [противника]; тогда, протянув друг другу десницу, они вернулись к прежнему соглашению, и после того, как был заключен союз и установлен обоюдный крепкий мир, войска разошлись.

В этом мирном договоре [участвовал] Аттила*, повелитель всех гуннов и правитель — единственный в мире — племен чуть ли не всей Скифии, достойный удивления по баснословной славе своей среди всех варваров. Историк Приск, отправленный к нему с посольством от Феодосия Младшего, рассказывает, между прочим, следующее: переправившись через громадные реки, а именно через Тизию, Тибизию и Дрикку⁵, мы пришли к тому месту, где некогда погиб от сарматского коварства Видигоя⁶, храбрый из готов; отсюда же неподалеку достигли селения, в котором стоял король Аттила; это селение, говорю я, было подобно обширнейшему городу; деревянные стены его, как мы заметили, были сделаны из блестящих досок, соединение между которыми было на вид так крепко, что едва-едва удавалось заметить — и то при старании — стык между ними. Видны были и триклинии*, протянувшиеся на значительное пространство, и портики*, раскинутые во всей красоте. Площадь двора опоясывалась громадной оградой: ее величина сама свидетельствовала о дворце. Это и было жилище короля Аттилы, державшего [в своей власти] весь варварский мир; подобное обиталище предпочитал он завоеванным городам⁷.

180-183. Этот самый Аттила был рожден от Мундука, которому приходились братьями Октар и Роас; как рассказывают, они держали власть до Аттилы, хотя и не над всеми теми землями, которыми владел он. После их смерти Аттила наследовал им в гуннском королевстве вместе с братом Бледою. Чтобы перед походом, который он готовил, быть равным [противнику], он ищет приращения сил своих путем братоубийства и, таким образом, влечет через истребление своих к всеобщему междоусобию. Но, по решению весов справедливости, он, взрастивший могущество свое искусным средством, нашел постыдный конец своей жестокости. После того как был коварно умерщвлен брат его Бледа, повелевавший значительной частью гуннов, Аттила соединил под своей властью все племя целиком и, собрав множество других племен, которые он держал тогда в своем подчинении, задумал покорить первенствующие народы мира⁸ — римлян и вестготов. Говорили, что войско его достигало пятисот тысяч⁹. Был он мужем, рожденным на свет для потрясения народов, ужасом всех стран, который, неведомо по какому жребью, наводил на все трепет,

¹ Когда Аларих после взятия Рима в 410 г. двинулся к югу, намереваясь переправиться в Сицилию, а затем в Африку, высланные вперед его корабли были разбиты бурей, а он сам вскоре умер.

² Гайна — комит*, гот по происхождению, магистр армии Восточной империи. Соединившись с восставшими против императора остготами, находившимися во Фригии, Гайна принудил императора Аркадия выпустить его. Гайну, вместе с готскими отрядами в Константинополь (в 399 г.). Население столицы, руководимое вожаками антигерманской группы, восстало против готов и перебило их несколько тысяч. Это случилось в 400 г. Гайна разорил Фракию и намеревался перейти Геллеспонт, но был задержан преданным Аркадию готом Фравиттой. Тогда Гайна ушел на Дунай; там он был схвачен гуннами и обезглавлен их вождем Ульдином, который в конце 400 г. послал его голову — в засоленном виде — как подарок Аркадию. Относя связанные с Гайной события в Константинополе, происшедшие в 400 г., к консульству Феодосия и Феста в 439 г., Иордан соединяет хронологически несовместимые явления, желая указать, что воспоминание о случившейся некогда беде в Константинополе в связи с пребыванием там готов Гайны заставило римлян относиться настороженно к готам и в последующие времена.

³ Город на нижнем течении Дуная, в провинции Нижней Мезии (нын. Силистрия).

⁴ Гауденций — магистр конницы («magister equitum») в Нижней Мезии, отец Аэция. Гауденций погиб в 424 г. в Галлии во время военного восстания. В «Истории франков» Григория Турского (II, VII (8)) рассказано о родителях Аэция: «Гауденций, отец, первый человек в провинции Скифии, начав с чина domestica в армии, продвинулся до высокого звания магистра конницы. Мать, по имени Итала, благородная и богатая женщина». Под «Скифией» здесь подразумевается выделенная из Нижней Мезии ее восточная часть, называвшаяся «Малой Скифией» (нын. Добруджа).

⁵ Тисса, Темеш — левый приток Дуная, впадающий в него ниже Тиссы, и Дрикка, которую пока не удалось отождествить ни с одной из известных близ Тиссы и Дуная рек.

⁶ Готский предводитель IV в., ставший впоследствии героем готских эпических песен. Возможно, что Видигой погиб в 332 г. в битве готов с сарматами (где-то на территории Баната, около реки Темеша), которых поддержали римские войска.

⁷ Иордан передал ценнейший рассказ Приска о дворце Аттилы. У Приска рассказывается о большом поселении или «деревне», в которой находилось жилище Аттилы. Это наиболее замечательное из жилищ гуннского вождя было, как записал очевидец, построено из бревен и досок и окружено деревянной оградой. «Дворец» возвышался над остальными постройками, так как был увенчан башнями и стоял на холме. При посещении Креки, жены Аттилы, Приск рассмотрел различные строения в пределах деревянной ограды: это были дома из досок и из бревен, украшенные резьбой. По сообщению Приска, послы впервые увидели Аттилу в его шатре, а затем дважды присутствовали на пирах в деревянном дворце.

⁸ Иордан считал «первенствующими народами мира» («primas mundi gentes») римлян и вестготов: именно на них двигался Аттила, и с ними, как с главной силой на западе, он сразился на Каталаунских полях. Вестготы, в отличие от остготов (которые к тому же выступали как союзники Аттилы), уже создали тогда свое государство.

⁹ Численность войска Аттилы перед походом в Галлию — полмиллиона человек — конечно, преувеличена Иорданом.

широко известный повсюду страшным о нем представлением. Он был горделив поступью, метал взоры туда и сюда и самими телодвижениями обнаруживал высоко вознесенное свое могущество. Любителю войны, сам он был умерен на руку, очень силен здравомыслием, доступен просящим и милостив к тем, кому однажды доверился. По внешнему виду низкорослый, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутый сединою, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом [кожи], он являл все признаки своего происхождения¹. Хотя он по самой природе своей всегда отличался самонадеянностью, но она возросла в нем еще от находки Марсова меча, признававшегося священным у скифских царей. Историк Приск рассказывает, что меч этот был открыт при таком случае. Некий пастух... заметил, что одна телка из его стада хромает, но не находил причины ее ранения; озабоченный, он проследил кровавые следы, пока не приблизился к мечу, на который она, пока щипала траву, неосторожно наступила; пастух выкопал меч и тотчас же принес его Аттиле. Тот обрадовался приношению и, будучи без того высокомерным, возомнил, что поставлен владыкою всего мира и что через Марсов меч ему даровано могущество в войнах.

184-186. Поняв, что помыслы Аттилы обращены на разорение мира, Гейзерих*, король вандалов... всяческими дарами толкает его на войну с вестготами², опасаясь, как бы Теодорих*, король вестготов, не отомстил за оскорбление своей дочери; ее отдали в замужество Гунериху³, сыну Гейзериха, и вначале она была довольна таким браком, но впоследствии, так как он отличался жестокостью даже со своими детьми, она была отослана обратно в Галлии к отцу своему с отрезанным носом и отсеченными ушами только по подозрению в приготовлении яда [для мужа]; лишенная естественной красоты, несчастная представляла собой ужасное зрелище, и подобная жестокость, которая могла растрогать даже посторонних, тем сильнее взывала к отцу о мщении. Тогда Аттила, порождая войны, давно зачатые подкупом Гейзериха, отправил послов в Италию к императору Валентиниану⁴, сея таким образом раздор между готами и римлянами, чтобы хоть из внутренней вражды вызвать то, чего не мог он добиться сражением; при этом он уверял, что ничем не нарушает дружбы своей с империей, а вступает в борьбу лишь с Теодорихом, королем вестготов. Желая, чтобы [обращение его] было принято с благосклонностью, он наполнил остальную часть послания обычными льстивыми речами и приветствиями, стремясь ложью возбудить доверие. Равным образом он направил письмо и к королю вестготов Теодориху, увещевая его отойти от союза с римлянами и вспомнить борьбу, которая незадолго до того велась против него. Под крайней дикостью таился человек хитроумный, который, раньше чем затеять войну, боролся искусным притворством.

187-190. Тогда император Валентиниан направил к вестготам и к их королю Теодориху посольство с такими речами: «Благоразумно будет с вашей стороны, храбрейшие из племен, [согласиться] соединить наши усилия против тирана, посягающего на весь мир. Он жаждет порабощения вселенной, он не ищет причин для войны, но — что бы ни совершил это и считает законным. Стихлавие свое он мерит [собственным] локтем, надменность насыщает своеволием. Он презирает право и божеский закон и выставляет себя врагом самой природы. Поистине заслуживает общественной ненависти тот, кто всенародно заявляет себя всеобщим недругом. Вспомните, прошу, о том, что, конечно, и так забыть невозможно: гунны обрушиваются не в открытой войне, где несчастная случайность есть явление общее, но — а это страшнее! — они подбираются коварными засадами. Если я уж молчу о себе, то вы-то ужели можете, неотмщенные, терпеть подобную спесь? Вы, могучие вооружением, подумайте о страданиях своих, объедините все войска свои! Окажите помощь и империи, членом которой вы являетесь. А насколько вожделенен, насколько ценен для нас этот союз, спросите о том мнение врага!» Вот этими и подобными им речами послы Валентиниана сильно растрогали короля Теодориха, и он ответил им: «Ваше желание, о римляне, сбылось: вы сделали Аттилу и нашим врагом! Мы двинемся на него, где бы ни вызвал он нас на бой; и хотя он и возгордился победами над различными племенами, готы тоже знают, как бороться с гордецами. Никакую войну, кроме той, которую ослабляет ее причина, не счел бы я тяжкой, особенно когда благосклонно императорское Величество и ничто мрачное не страшит». Криками одобряют комиты ответ вождя; радостно вторит им народ; всех охватывает боевой пыл; все жаждут гуннов врагов.

(Битва на Каталаунских полях 451 г., Иордан, Гетика)

191-193. ...И вот выводит Теодорих, король вестготов, бесчисленное множество войска... Войско счастливо, подкрепление обеспечено, содружество приятно... Со стороны римлян великую предусмотрительность проявил патриций Аэций, на котором лежала забота о Гесперийской стороне⁵ империи; отовсюду собрал он воинов, чтобы не казаться неравным против свирепой и бесчисленной толпы. У него были такие вспомогательные отряды: франки, сарматы⁶, арморицианы⁷, литицианы⁸, бургундионы, саксоны, рипариолы⁹, брионы — бывшие римские воины, а тогда находившиеся уже в числе вспомогательных войск, и многие другие как из Кельтики, так и из Германии.

¹ Наружность Аттилы (низкий рост, широкая грудь, крупная голова, маленькие глаза, редкая борода, приплюснутый нос, темная кожа) дана Иорданом по материалам очевидца, Приска, который был членом посольства к Аттиле. Приск отмечает четыре случая, когда он видел Аттилу. Впервые он увидел его в шатре сидящим в деревянном кресле. Вторично историк наблюдал гуннского вождя в роли судьи, выслушивавшего, стоя на крыльце, речи тяжущихся. Затем Приск дважды видел Аттилу на пирах в его деревянном дворце. Вероятно, со слов Приска Иордан рисует и внешний вид гуннов, сходный с детально очерченным портретом Аттилы. У Иордана в данном случае не чувствуется прямого заимствования сведений из труда Аммиана Марцеллина, содержащего широко известное описание внешности, образа жизни и характера гуннов (XXXI, 2, 2-11), за исключением, быть может, рассуждения о причине отсутствия густой бороды у гуннов.

² Предположение, что Гейзерих* побудил Аттилу начать войну против вестготов, столь же трудно обосновать, как и сообщение о том, что Стихливон призвал вандалов и аланов перейти Рейн в 406 г., и что Бонифаций, правитель Африки, подал мысль Гейзериху перевести вандалов из Испании в Африку в 429 г.

³ Гунерих — король вандалов (477-484 гг.), сын и преемник Гейзериха.

⁴ Император Валентиниан III (425-455 гг.).

⁵ Гесперийская сторона — западная. Еще древние греки называли Италию Гесперией, как страну, лежащую к западу от них. В данном случае под Гесперийской частью империи подразумевалась Западная Римская империя. Ко времени Каталаунской битвы (451 г.), в которой главными противниками были Аэций с вестготами и Аттила с гуннами и остготами, Западная империя уже потеряла Паннонию, Британию, большую часть Африки и большую часть Испании. Галлия, целиком еще ей принадлежавшая, была занята в значительной мере федератами (бургундами и вестготами), готовыми всегда выступить против империи, которой они служили; северо-западная часть Галлии — Арморики (морское побережье от устьев Соммы до Гаронны) — была охвачена восстаниями багаудов. Италия — центральная страна Западной империи — не имела сколько-нибудь боеспособной армии. Название «Гесперия» употреблялось и при Иордане. Им определяли западные владения (даже номинальные при остготах) империи в Италии.

⁶ Сарматами, выступавшими в числе союзников Аэция против Аттилы перед Каталаунской битвой, названы, по-видимому, аланы, о которых дальше говорится более определенно (аланы и их король Сангибан в стенах города Орлеана; аланы в строю войск Аэция во время Каталаунского сражения).

⁷ Арморицианы (Armoriciani) — жители Арморики, на морском побережье северо-западной Галлии. В узком смысле слова именем Арморики обозначалась Бретань (Brittania у Григория Турского).

⁸ Литицианы (Liticiani) — термин остается неясным.

⁹ Рипари (Ripari) — по всей вероятности, франки-рипуарии, жившие вдоль правого берега (ripa знач. берег) нижнего Рейна. Обращает внимание в перечне племен, союзников Аэция, следующее: ряд племен, данный Иорданом, включает в себя пять понятных этнических названий (франки, сарматы, арморицианы, бургундионы, или бургунды, саксоны, или саксы) и три непонятных, не похожих на этнические (литицианы, рипари, олибрионы).

Итак, сошлись на Каталаунских полях, которые иначе называют Мавриакскими¹; они тянутся на 100 лев²... в длину и на 70 в ширину... Этот кусок земли стал местом битвы бесчисленных племен. Здесь схватились сильнейшие полки с обеих сторон, и не было тут никакого тайного подползания, но сражались открытым боем...

194-196. Но раньше чем сообщить о самом ходе битвы, необходимо показать, что происходило вначале, перед сражением. Битва была настолько же славна, насколько была она многообразна и запутанна. Сангибан, король аланов, в страхе перед будущими событиями обещает сдаться Аттиле и передать в подчинение ему галльский город Аврелиан³, где он тогда стоял. Как только узнали об этом Теодорих⁴ и Аэций, тотчас же укрепляют они город, раньше чем подошел Аттила, большими земляными насыпями, стерегут подозрительного Сангибана и располагают его со всем его племенем в середине между своими вспомогательными войсками. Аттила, король гуннов, встревоженный этим событием и не доверяя своим войскам, устранился вступить в сражение. Между тем, обдумав, что бегство гораздо печальнее самой гибели, он приказал через гадателей спросить о будущем. Они, глядя по своему обычаю то во внутренности животных, то в какие-то жилки на обскобленных костях, объявляют, что гуннам грозит беда. Небольшим утешением в этом предсказании было лишь то, что верховный вождь противной стороны должен был пасть и смертью своей омрачить торжество покинутой им победы. Аттила, обеспокоенный подобным предсказанием, считал, что следует хотя бы ценой собственной гибели стремиться убить Аэция, который как раз стоял на пути его — Аттилы — движения. Будучи замечательно изобретательным в военных делах, он начинает битву около девятого часа дня, причем с трепетом, рассчитывая, что, если дело его обернется плохо, наступающая ночь выручит его.

197-201 Сошлись стороны... Каталаунских полях. Место это было отлогое; оно как бы вспучивалось, выростало вершиной холма. Как то, так и другое войско стремилось завладеть им, потому что удобство местности доставляет немалую выгоду; таким образом, правую сторону его занимали гунны со всеми своими [союзниками], левую же — римляне и вестготы со своими вспомогательными отрядами. И они вступают в бой на самой горе за оставшуюся [ничьей] вершину. Правое крыло держал Теодорих с вестготами, левое — Аэций* с римлянами; в середине поставили Сангибана..., который предводительствовал аланами; они руководствовались военной осторожностью, чтобы тот, чьему настроению они мало доверяли, был окружен толпой верных людей... По-иному было построено гуннское войско. Там в середине помещался Аттила с храбрейшими воинами... Крылья его войск окружали многочисленные народы и различные племена, подчинившиеся его власти. Среди них преобладало войско остготов, под предводительством братьев Валамира, Теодемира и Видемера, более благородных по происхождению, чем сам король, которому они служили, потому что их озаряло могущество рода Амалов. Был там и Ардарих⁵..., король бесчисленного полчища гепидов, который, по крайней преданности своей Аттиле, участвовал во всех его замыслах. Аттила же, взвешивая все с присущей ему проницательностью, любил его и Валамира, короля остготов, больше, чем других царьков. Валамир отличался стойкостью в сохранении тайн, ласковостью в разговоре, умением распутать коварство. Ардарих же был известен, как сказано, преданностью и здравомыслием. Не без основания Аттила должен был верить, что они будут биться с сородичами своими, вестготами. Остальная же, если можно сказать, толпа королей и вождей различных племен ожидала, подобно сателлитам, кивка Аттилы: куда бы только ни повел он глазом, тотчас же всякий из них предстал перед ним без малейшего ропота, но в страхе и трепете, или же исполнял то, что ему приказывалось. Один Аттила, будучи королем [этих] королей, возвышался над всеми и пекся обо всех.

Итак, происходила борьба за выгодную, как мы сказали, позицию этого места. Аттила направляет своих, чтобы занять вершину горы, но его предупреждают Торисмунд и Аэций, которые, взобравшись на верхушку холма, оказались выше и с легкостью низвергли подошедших гуннов благодаря преимущественному положению на горе.

202-207. Тогда Аттила, увидев, что войско его... пришло в смятение, решил вовремя укрепить его следующими речами: «После побед над таким множеством племен, после того как весь мир — если вы устоите! — покорен, я считаю бесполезным побуждать вас словами как не смыслящих, в чем дело. Пусть ищет этого либо новый вождь, либо неопытное войско. И не подобает мне говорить об общеизвестном, а вам нет нужды слушать. Что же иное привычно вам, кроме войны? Что храбрецу слаще стремления платить врагу своей же рукой? насыщать дух мщением — это великий дар природы! Итак, быстрые и легкие, нападём на врага, ибо всегда отважен тот, кто наносит удар. Презрите эти собравшиеся здесь разноязычные племена: признак страха — защищаться союзными силами. Смотрите! Вот уже до вашего натиска поражены враги ужасом: они ищут высот, занимают курганы и в позднем раскаянии молят об укреплениях в степи. Вам же известно, как легко оружие римлян: им тягостна не только первая рана, но сама пыль, когда идут они в боевом порядке и смыкают строй свой под черепахой щитов⁶. Вы же боритесь, воодушевленные упорством, как вам привычно, пренебрегите пока их строем, нападайте на аланов, обрушивайтесь на вестготов. Нам надлежит искать быстрой победы там, где сосредоточена битва. Когда пересечены жилы, вскоре отпадают и члены, и тело не может стоять, если вытащить из него кости. Пусть воспрянет дух ваш, пусть вскипит свойственная вам ярость! Теперь гунны, употребите ваше разумение, примените ваше оружие! Ранен ли кто — пусть добывается смерти противника, невредим ли — пусть насытится кровью врагов. Идущих к победе не достигают никакие стрелы, а идущих к смерти рок повергает и во время мира. Наконец, к чему фортуна утвердила гуннов победителями стольких племен, если не для того, чтобы приготовить их к ликованию после это-

¹ Каталаунские, или Мавриакские, поля (campi Catalaunici, campi Mauriaci) — знаменитая равнина в Шампани к западу от города Труа и левого берега верхней Сены, где во второй половине июня 451 г. произошла битва племен, возглавленных, с одной стороны, Аттилой, с другой — Аэцием. Принимая во внимание указание Иордана, что Каталаунские поля занимали огромные пространства, правильно предполагать, что сражение произошло около места Maurica или Mauriacus campus; это место (название которого пытаются связать с современными Moiréu в департаменте Об) находилось на громадной Каталаунской равнине, т.е. в Шампани (Campania); в число ее городов входил и Catalaunum (нын. Шалон-на-Марне).

² Галльский лев ≈ 2,25 км. Площадь поля, простиравшегося, по словам Иордана, на 100 лев в длину и на 70 лев в ширину равнялась, таким образом, 35437,5 кв. м, что не может соответствовать действительности, если только не подразумевать под Каталаунскими полями всю Шампань.

³ Аврелиан (civitas Aureliana) — город Орлеан на средней Луаре.

⁴ Теодорих I (Теодерид) — король вестготов, правил в 418/419-451 гг. Сын или зять Алариха I*. После смерти Валии Теодорих I был избран королем на общем собрании готов. По словам Иордана: «Он был человеком, исполненным высшей осторожности и умевшим использовать как душевные, так и телесные свои способности». Сам факт долголетнего правления Теодориха I говорит о том, что он умел лавировать между обеими частями своего народа: так, с одной стороны, он был достаточно враждебен к Риму, чтобы не разделить участи Атаульфы и Сигерика; с другой стороны, ему удалось умиротворять вестготскую знать и упорчить её положение, как земледельческой аристократии и правящего класса. В годы его царствования вестготы всё ещё значительно уступали римлянам в военной силе, и Теодорих никогда не совершал нападений на римскую территорию, не убедившись сначала, что римляне заняты в это время чем-то другим.

⁵ Ардарих (Ardaricus) — король гепидов, союзник Аттилы и преданный ему советник.

⁶ «Черепеха» («testudo») — известный прием защиты пешего римского войска при атаке или же штурме неприятельского лагеря. Солдаты первой шеренги опускали щиты, держа их перед собой вертикально; солдаты следующих шеренг поднимали щиты, держа их горизонтально над головой; таким образом получалась как бы броня, покрывавшая много рядов солдат. Эта движущаяся броня и именовалась «черепехой». Одно из лучших изображений «черепехи» имеется среди рельефов на колонне Траяна в Риме. Ближе к Иордану по времени упоминание о «черепехе» у Аммиана Марцеллина. Рассказывая о битве между готами и римскими войсками близ города Маркианополя, в Нижней Мезии (377 г.), он пишет: «соединив щиты в форме черепехи» (XXXI, 7, 12).

го боя? Кто же, наконец, открыл предкам нашим путь к Мэотидам¹, столько веков пребывавший замкнутым и сокровенным? Кто же заставил тогда перед безоружными отступить вооруженных? Лица гуннов не могло вынести все собравшееся множество. Я не сомневаюсь в исходе — вот поле, которое сулили нам все наши удачи! И я первый пушу стрелу во врага. Кто может пребывать в покое, если Аттила сражается, тот уже похоронен!» И зажженные этими словами все устремились в бой.

207-208. Хотя событие развивалось ужасное, тем не менее присутствие короля подбадривало унывающих. Сходятся врукопашную; битва — лютая, переменная, зверская, упорная. О подобном бое никогда до сих пор не рассказывала никакая древность, хотя она и повествует о таких деяниях, величественнее каких нет ничего, что можно было бы наблюдать в жизни, если только не быть самому свидетелем этого самого чуда. Если верить старикам, то ручей на упомянутом поле, протекавший в низких берегах, сильно разлился от крови из ран убитых; увеличенный не ливнями, как бывало обычно, но взволнованный от необыкновенной жидкости, он от переполнения кровью превратился в целый поток. Те же, которых нанесенная им рана гнала туда в жгучей жажде, тянули струи, смешанные с кровью. Застигнутые несчастным жребием, они глотали, когда пили, кровь, которую сами они — раненые — и пролили.

209-210. Там король Теодорих, объезжая войска для их ободрения, был сшиблен с коня и растоптан ногами своих же; он завершил свою жизнь, находясь в возрасте зрелой старости. Некоторые говорят, что был он убит копьем Андагиса², со стороны остготов, которые тогда подчинялись правлению Аттилы... Тут вестготы, отделившись от аланов, напали на гуннские полчища и чуть было не убили Аттилу, если бы он заранее, предусмотрев это, не бежал и не заперся вместе со своими за оградами лагерей, которые он держал окруженными телегами, как валом; хотя и хрупка была эта защита, однако в ней искали спасения жизни те, кому незадолго до того не могло противостоять никакое каменное укрепление.

211-213. Торисмуд³, сын короля Теодориха, который вместе с Аэцием захватил раньше холм и вытеснил врагов с его вершины, думая, что он подошел к своим войскам, в глухую ночь наткнулся, не подозревая того, на повозки врагов. Он храбро отбивался, но, раненный в голову, был сброшен с коня; когда свои, благодаря догадке, освободили его, он отказался от дальнейшего намерения сражаться. Аэций, равным образом оторванный от своих в ночной сумятице, блуждал между врагами, трепеща, не случилось ли чего плохого с готами; наконец, он пришел к союзным лагерям и провел остаток ночи под охраной щитов. На следующий день на рассвете [римляне] увидели, что поля загромождены трупами и что гунны не осмеливаются показаться; тогда они решили, что победа на их стороне, зная, что Аттила станет избегать войны лишь в том случае, если действительно будет уязвлен тяжелым поражением. Однако он не делал ничего такого, что соответствовало бы повержению в прах и униженности: наоборот, он бряцал оружием, трубил в трубы, угрожал набегом; он был подобен льву, прижатому охотничьими копытами к пещере и мечущемуся у входа в нее: уже не смея поднимаясь на задние лапы, он все-таки не перестает ужасать окрестности своим ревом. Так тревожил своих победителей этот воинственной король, хотя и окруженный. Сошлись тогда готы и римляне и рассуждали, что сделать с Аттилой, которого они одолели. Решили изнурять его осадой, так как он не имел запаса хлеба, а подвоз задерживался его же стрелками, сидевшими внутри оград лагерей и беспрестанно стрелявшими. Рассказывают, что в таком отчаянном положении названный король не терял высшего самообладания; он соорудил костер из конских седел и собирался броситься в пламя, если бы противник прорвался, чтобы никто не возрадовался его ранению и чтобы господин столь многих племен не попал во власть врагов.

214-217. Во время этой задержки с осадой вестготы стали искать короля, сыновья — отца, дивясь его отсутствию, как раз когда наступил успех. Весьма долго длились поиски; нашли его в самом густом завале трупов, как и подобает мужам отважным, и вынесли оттуда, почтенного с песнопениями на глазах у врагов. Виднелись толпы готов, которые воздавали почести мертвецу неблагозвучными, нестройными голосами тут же в шуме битвы. Проливались слезы, но такие, которые приличествуют сильным мужам... Отдав должное Теодориху, готы, гремя оружием, передают [наследнику] королевскую власть, и храбрейший Торисмуд, как подобало сыну, провожает в похоронном шествии славные останки дорогого отца.

Когда все было кончено, сын, движимый болью осиротения и порывом присущей ему доблести, задумал отомстить оставшимся гуннам за смерть отца; поэтому он спросил патриция Аэция.., что надлежит теперь делать. Тот же, опасаясь, как бы — если гунны были бы окончательно уничтожены — готы не утеснили Римскую империю, дал по этим соображениям такой совет: возвращаться на свои места и овладеть королевской властью, оставленной отцом, чтобы братья, захватив отцовские сокровища, силою не вошли в королевство вестготов и чтобы поэтому не пришлось ему... воевать со своими. Торисмуд воспринял этот совет не двусмысленно, — как он, собственно, и был дан, — но скорее в свою пользу и, бросив гуннов, вернулся в Галлии...

В этой... битве самых могущественных племен пало, как рассказывают, с обеих сторон 165 тысяч человек, не считая 15 тысяч гепидов и франков; эти, раньше чем враги сошлись в главном сражении, сшиблись ночью, переколов друг друга в схватке — франки на стороне римлян, гепиды на стороне гуннов.

218. Аттила, заметив отход готов, долго еще оставался в лагере, предполагая со стороны врагов некую хитрость... Но когда, вслед за отсутствием врагов, наступает длительная тишина, ум настраивается на мысль о победе, радость оживляется, и вот дух могучего короля вновь обращается к прежней вере в судьбу. Торисмуд же, по смерти отца на Каталаунских полях, где он сражался, вступает в Толозу⁴, вознесенный в королевское величие. Здесь, правда, толпа братьев и знатных радостно его приветствовала, но и сам он в начале правления был настолько умерен, что ни у кого не появилось и в мыслях начать борьбу за наследование.

219-224. Аттила же, воспользовавшись уходом вестготов и заметив распад между врагами на два [противоположных] лагеря.., успокоенный двинул скорее войско, чтобы потеснить римлян. Первым его нападением была осада Аквилейи⁵, главного города провинции Венетии; город этот расположен на остром мысу... Адриатического залива... После долгой и усиленной осады Аттила почти ничего не смог там сделать; внутри города сопротивлялись ему сильнейшие римские воины, а его собственное войско уже роптало и стремилось уйти. Однажды Аттила, проходя возле стен, раздумывал, распустить ли лагерь или же еще задержаться; вдруг он обратил внимание, что белоснежные птицы, а именно аисты, которые устраивают гнезда на верхушках домов, тащат птенцов из города и, вопреки своим привычкам, уносят их куда-то за поля. А так как был он очень проницателен и пытливым, то и представил своим следующее соображение: «Посмотрите... на этих птиц: предвидя будущее, они покидают город, которому гро-

¹ Слова Аттилы (по Иордану) о «пути на Мэотиду» («iter Meotidarum») важны в речи гуннского вождя, как напоминание о пути гуннов в Европу, который много столетий оставался закрытым. После того как гунны прорвались к западу от Мэотиды, в Европе стало ощутимо их нашествие. Аммиан Марцеллин отмечает слабую осведомленность древних писателей о гуннах тех времен, когда они еще жили восточнее Мэотиды: «Племя гуннов, слабо известное в древних памятниках, живет по ту сторону Мэотийских болот, примыкая к Ледовитому океану» (XXXI, 2, 1).

² Андагис (или Андаге) — представителем рода Амалов.

³ Торисмуд (или Торисмунд) — король вестготов (451-453 гг.).

⁴ Толоза (Tolosa) — главный город королевства вестготов в южной Франции (ныне Тулуза) на левом берегу реки Гаронны. Толоза отошла к франкам после того как франкский король Хлодвиг в 507 г. нанес тяжелое поражение вестготам и их королю Алариху II.

⁵ Аквилейя находится на северном берегу Адриатического моря, западнее Триеста. Венетия (или Венетии) — провинция в северо-восточной Италии.

зит гибель; они бегут с укреплений, которые падут, так как опасность нависла над ними. Это не пустая примета, нельзя счесть ее неверной; в предчувствии событий, в страхе перед грядущим меняют они свои привычки... Этим снова воспламенил он души своих на завоевание Аквилей. Построив осадные машины и применяя всякого рода метательные орудия¹, они немедля врываются в город, грабят, делят добычу, разоряют все с такой жестокостью, что, как кажется, не оставляют от города никаких следов. Еще более дерзкие после этого и все еще не пресыщенные кровью римлян, гунны вакхически неистовствуют по остальным венецианским² городам. Опустошают они также Медиолан³, главный город Лигурии, некогда столицу; равным образом разметывают Тицин⁴, истребляя с яростью и близлежащие окрестности, наконец, разрушают чуть ли не всю Италию. Но когда возникло у Аттилы намерение идти на Рим, то приближенные его..., отвлекли его от этого, однако не потому, что заботились о городе, коего были врагами, но потому что имели перед глазами пример Алариха*, некогда короля вестготов, и боялись за судьбу своего короля, ибо тот после взятия Рима⁵ жил недолго и вскоре удалился от дел человеческих. И вот, пока дух Аттилы колебался относительно этого опасного дела..., подоспело к нему посольство из Рима с мирными предложениями. Пришел к нему сам папа Лев⁶ на Амбулейское поле⁷ в провинции Венетии, там, где река Минций пересекается толпами путников. Аттила прекратил тогда буйство своего войска и, повернув туда, откуда пришел, пустился в путь за Дунабуй, обещая соблюдать мир. Он объявил перед всеми и, приказывая, угрожал, что нанесет Италии еще более тяжкие бедствия, если ему не пришлют Гонорию⁸, сестру императора Валентиниана, дочь П्लाцидии Августы, с причитающейся ей частью царских сокровищ. Рассказывали, что эта Гонория по воле ее брата содержалась заточенная в состоянии девственности ради чести дворца; она тайно послала евнуха к Аттиле и пригласила его защитить ее от властолюбия брата — вовсе недостойное деяние: купить себе свободу сладострастия ценою зла для всего государства. Аттила вернулся на свои становища⁹ и, как бы тяготясь бездействием и трудно перенося прекращение войны, послал послов к Маркиану¹⁰, императору Восточной империи, заявляя о намерении ограбить провинции, потому что ему вовсе не платят дани, обещанной покойным императором Феодосием¹¹, и ведут себя с ним обычно менее обходительно, чем с его врагами. Поступая таким образом, он, лукавый и хитрый, в одну сторону грозил, в другую — направлял оружие, а излишек своего негодования [излил], обратив свое лицо против вестготов. Но исхода тут он добился не того, какой имел с римлянами. Идя обратно по иным, чем раньше, дорогам, Аттила решил подчинить своей власти ту часть аланов, которая сидела за рекой Лигером¹², чтобы, изменив после их [поражения] самый вид войны, угрожать еще ужаснее. Итак, выступив из Дакии и Паннонии, провинций, где жили тогда гунны и разные подчиненные им племена, Аттила двинул войско на аланов. Но Торисмуд, король вестготов, предвосхитил злой умысел Аттилы с не меньшим, чем у него, хитроумием: он с крайней быстротой первый явился к аланам и, уже подготовленный, встретил движение войск подхлотившего Аттилы. Завязалась битва почти такая же, какая была до того на Каталаунских полях; Торисмуд лишил Аттилу всякой надежды на победу, изгнал его из своих краев без триумфа и заставил бежать к своим местам. Так достославный Аттила, одержавший так много побед, когда хотел унижить славу своего погубителя и стереть то, что испытал когда-то от вестготов, претерпел теперь вдвойне и бесславно отступил. Торисмуд же, отогнав гуннские полчища от аланов без всякого ущерба для себя, отправился в Толозу, но, создав для своих мирное существование, заболел на третий год царствования и, когда выпускал кровь из вены, был убит [в 453 г.], потому что Аскальк, враждебный ему его клиент, рассказал, что [у больного] отсутствовало оружие. Однако при помощи одной руки, которая оставалась у него свободной, он схватил скамейку и убил несколько человек, покушавшихся на него, став таким образом мстителем за кровь свою.

(Сальвиан, Про божье правление, V, 15-45)

Сальвиан — епископ Массилии (современный Марсель) в Галлии в середине V в. Дошедшее до нас произведение Сальвиана — его трактат «О божьем правлении» — значительно отличается по своей социально-политической направленности от большинства сочинений церковных авторов V в., которые оправдывали и защищали господствовавший государственный и общественный строй. Симпатии Сальвиана на стороне «маленьких людей»: городской и сельской бедноты, разоряющихся мелких землевладельцев. Он резко осуждает налоговый гнет, тяготевший над этими слоями, и притеснения, которые они испытывали со стороны богатых горожан и земельных магнатов. Трактат Сальвиана рисует яркую картину общественных отношений в одной из провинций Западной Римской империи в последние десятилетия её существования. Особенно важны его данные о патронажах, которые значительно пополняют те сведения об аграрных отношениях поздней империи, которые мы находим в юридических документах. Чрезвычайно интересны сообщения Сальвиана о настроениях народных масс, их стремлении избавиться от гнета Римского государства и жить под властью варваров. В целом трактат Сальвиана является одним из наиболее важных источников для изучения обстоятельств кризиса и падения Западной Римской империи.

¹ По-видимому, автор имеет в виду военные машины, в основу действия которых был положен принцип использования собственного веса, т.е. стенобитные орудия, тараны, а может быть и машины, действовавшие на основе стремления сильно скрученных канатов или сухожилий к раскручиванию, т.е. баллисты («torque» — «завивать», «закручивать», а также «метать пращой»). Возможно, что были уже в употреблении типичные для последующего времени машины, действовавшие силой противовеса (трабуции, манганы, блиды).

² Венецианские города — города провинции Венетий, на северо-востоке Италии. Кроме Аквилей, главного города провинции Венетий, были: Форум Юлийский (ныне Чивидалье дель Фриули), Конкордия, Альтин (ныне развалины Альтино), Тарвизий (ныне Тревизо), Вицетия (ныне Виченца), Патавий (ныне Падуа), Атрия (ныне Адрия), Верона, Мантуя и др.

³ Медиолан — Милан. В этот период Медиолан был главным городом провинции Лигурии, раньше же, с конца III до начала V в., он был столицей Западной Римской империи.

⁴ Тицин (ныне Павия) — город на реке Тичино, левом притоке По.

⁵ Взятие Рима Аларихом в 410 г. произвело настолько сильное впечатление, что смерть, внезапно застигшая завоевателя на пути в южную Италию, откуда он хотел переправиться в Сицилию, а затем в Африку, связывалась с «греховным» фактом захвата «столицы мира». Страх претерпеть судьбу Алариха удержал будто бы Аттилу от похода на Рим. Не один Аттила отказался от своих намерений, страшась смерти, подобной каре, постигшей некогда Алариха. Король вестготов Валия, потеряв в бурю свои корабли близ Кадикса (это напоминало гибель кораблей Алариха в 410 г.), отказался от похода в Африку.

⁶ Папа Лев I Великий (440-461 гг.).

⁷ Амбулейское поле — одна из станций на пути из Германии, с берегов Дуная, из провинции Рэтии, через Бреннер (самый удобный и издавна известный проход в Альпах) в Италию, около переправы через реку Минций (ныне Минчо).

⁸ Гонория (Iusta Grata Honoria) — дочь Галлы П्लाцидии и императора Констанция, племянница императоров Гонория и Аркадия, сестра императора Валентиниана III. Гонория родилась ок. 418 г. и вскоре была увезена матерью в Константинополь. С провозглашением императором Западной империи ее младшего брата Валентиниана (в 425 г.) Гонория вернулась в Италию и была заперта во дворце на всю жизнь для соблюдения обета девства. После нескольких попыток нарушить этот обет Гонория в 450 г. переслала через евнуха Гиацианта свое кольцо Аттиле, предлагая ему руку и приглашая его прийти за ней в Италию. Однако Гонории не пришлось соединиться с Аттилой — она была спешно отправлена в Константинополь, ко двору ее двоюродного брата, императора Феодосия II, и выдана замуж за человека, в политическом отношении незначительного. Описавшие это событие писатели ставили в связь с Гонорией и грандиозное движение гуннов в Галлию в 451 г. якобы для насильственного захвата земель Западной империи, которые Аттила рассчитывал получить в качестве «приданого» своей нареченной «невесты» Гонории.

⁹ Становища — места расселения — sedes (на равнине Тиссы).

¹⁰ Император Маркиан (450-457 гг.).

¹¹ Император Феодосий II (408-450), предшественник императора Маркиана (450-457 гг.) в Восточной империи.

¹² Река Лигер — река Луара во Франции. Трудно сказать, около какой части этой реки произошло сражение между вестготами и Аттилой, вероятнее всего, — в местах ее верхнего течения (она берет начало в гористой области Овернь, в горах Виварэ), так как Иордан рассказывает, что после битвы вестготы с королем своим Торисмудом вернулись в Толозу.

...Сначала я скажу о любви, которая, как учит господь, является главной добродетелью... Почти все варвары, которые как бы принадлежат к одному племени и подчиняются одному царю, любят друг друга, почти все римляне преследуют друг друга. Ибо какой гражданин не завидует другому гражданину? Кто выказывает по отношению к своему соседу сильную любовь?

Ведь все они, хоть и живут недалеко друг от друга, по своим чувствам взаимно далеки; хоть и объединены совместной жизнью, взаимно разъединены в своих мыслях. О, если бы это зло, хоть оно и является наихудшим, существовало бы только в отношениях между согражданами и соседями! ещё тяжелее то, что даже родственники не соблюдают законов родства. Ибо кто по родственному отношению к своим близким?

Кто выполняет долг любви и родства? Кто является в душе тем, кем он зовется? Кто настолько является родственником по своим сердечным чувствам, насколько он является им по своим кровным связям, в ком не пылает зависть, в чьи чувства не вторгается недоброжелательство, для кого не мука чужое благополучие? Кто не считает благо другого человека злом для себя? Кому настолько хватает своего счастья, чтобы желал счастья другому? Теперь во многих людях существует новое и неисчислимо зло: тому или иному человеку мало собственного счастья, если другой не несчастен.

Из этого самого неблагочестия проистекает ужасный обычай разорять друг друга взиманием налогов — обычай, абсолютно чуждый варварам и весьма свойственный римлянам. Но нет, не друг друга разоряют: если бы каждый претерпевал то же зло, которое он причиняет другим, это было бы ещё не так страшно. Тяжелее то, что немногие, для которых государственные налоги — собственная добыча, разоряют многих. Взимание налогов, причитающихся фиску*, они превращают в источник собственных доходов. И это делают не только высшие, но и чуть ли не самые низшие, не только правители, но и их подчиненные. Какие есть не только города, но и муниципии и села, где не было бы столько же тиранов, сколько куриалов? Впрочем, они случайно пользуются этим званием, так как сильный должен казаться обладающим также и почётом. Так почти все разбойники радуются и кичатся, если их изображают более страшными, чем они есть на самом деле. Какое есть, как я сказал, место, где достояние вдов и сирот не пожиралось бы главами городских общин, а вместе с ним и достояние почти всех благочестивых людей. И таких людей считают как бы вдовами и сиротами, так как они или не хотят защищаться из-за своей религиозности или не могут по причине своей невинности и скромности. Поэтому никто из них не находится в безопасности и никто, кроме высших, не защищён от разорительных грабежей, если только такие люди не равны по своему положению самим грабителям. В этом отношении преступная деятельность дошла до того, что, если человек не является дурным, он не может остаться неврежденным.

Но если столь многие грабят добрых людей, может быть, есть некоторые, которые помогают добрым во время этого их разорения, которые, как сказано в писании, вырывают терпящего нужду и бедняка из рук грешника... Кто окажет поддержку притесняемым и труженикам, если насилия бесчестных людей не сопротивляются даже служители божьи? Ведь многие из них либо молчат, либо если и говорят, то никак не осуждают эти насилия. Многие поступают так не из-за отсутствия твердости, а, как они сами полагают, из-за благоразумия и рассудительности. Они не хотят возглашать неприкрытую правду, так как уши бесчестных людей не могут её вынести, и эти люди не только бегут от неё, но и ненавидят и проклинают и, услышав её, не только не избегают и не боятся, но и презирают её с враждебностью и надменным упорством. И поэтому молчат те, которые могут говорить: они жалеют иногда дурных людей и не хотят говорить им неприкрытую правду, чтобы своей настойчивостью не вызвать ещё более дурные поступки.

Между тем бедняков грабят, вдов и сирот притесняют — всё это в такой степени, что многие из них, и происходящие не от неизвестных родов, и воспитанные с щедростью, бегут к врагам, чтобы не умереть от гнета государственного преследования, и как бы ищут у варваров римскую гуманность, так как не могут выносить среди римлян варварскую бесчеловечность. И хотя они отличаются от тех, к которым бегут, и обычаями, и языком, и даже тем, что, я бы сказал, им отвратителен запах варварских тел и одежд, предпочитают, однако, терпеть среди варваров чуждый им образ жизни, чем среди римлян жестокую несправедливость. Поэтому они повсюду переселяются или к готам или к багаудам или к другим варварам, обладающим властью в каких-либо областях, и не жалеют о том, что переселились, ибо предпочитают считаться пленниками, но быть свободными, чем быть пленниками, считаясь свободными. Поэтому именем римских граждан, которое ранее не только высоко ценилось, но и покупалось по дорогой цене, теперь пренебрегают и избегают его и считают не только малостоящим, но и почти ненавистным. Нет лучшего свидетельства тяжести римского ига, чем такой факт: многие люди, и почтенные, и знатные, которым положение римлянина должно было бы приносить блеск и почёт, были доведены жестокостью римских требований до того, что не захотели быть римлянами. И отсюда следует, что даже те, которые не убежали к варварам, принуждаются быть варварами, а именно большинство испанцев, и не меньшая часть галлов, и все, наконец, которых во всем римском мире римская жестокость делает неримлянами.

Теперь я поведу речь о багаудах¹, которые, будучи обездолены, унижены, погублены дурными и кровожадными правителями, лишившись права римской свободы, потеряли даже и честь называться римлянами. И мы обвиняем их в их несчастье, приписываем им имя, порождённое их бедствием, вменяем им в вину имя, которое сами создали: называем мятежниками, безнадежными людьми тех, которых мы сами вынудили быть преступными. Что же иное породило багаудов, как не наши непомерные взыскания, нечестность правителей, проскрипции и грабежи, творимые людьми, которые превратили взимание общественных повинностей в источник собственного дохода, а налоги — в свою добычу? Они, подобно крупным зверям, не управляли отданными под их власть людьми, но пожирали их и обогащались, не только грабя этих людей, как обычно поступают разбойники, но и терзая их и, так сказать, высасывая из них кровь. И получилось так, что люди, которых душили и губили грабежи правителей, становились как бы варварами, потому что им не было позволено быть римлянами. И они стали стремиться быть такими, какими раньше не были, ибо им не позволили остаться прежними людьми, они вынуждены были защищать хотя бы свою жизнь, видя, что свободу уже совершенно потеряли. А что изменилось теперь в тех условиях, которые в то время вынудили этих людей стать багаудами? Насилия и беззакония порождают у них желание стать багаудами, но их слабость мешает им это осуществить. Так они и существуют, подобно пленникам, под вражеским игом: в душе жаждут свободы, но испытывают гнет наихудшего рабства.

Так происходит почти со всеми низшими людьми: одна и та же причина побуждает их к двум совершенно различным вещам. Высшая сила заставляет их стремиться к свободе, но та же сила не дает возможности осуществить то, что она делает желанным... Но чего другого могут хотеть несчастные, которые подвергаются постоянному разорению от взыскания государственных повинностей, которым всегда угрожает тяжкое и неумолимое бедствие — продажа их имущества, которые оставляют свои дома, чтобы в этих самых домах не оказаться закованными, добиваются изгнания, чтобы не подвергаться пыткам. Для них приятнее враги, чем сборщики податей. Сами обстоятельства указывают им этот выход: они бегут к врагам от налогов. Но даже и это поло-

¹ Багауды (лат. Bagaudae — борющиеся), участники народно-освободительного антиримского движения в Галлии и Северной Испании в III—V вв. (крестьяне, мелкие ремесленники, колонны, беглые рабы).

жение, тяжкое и бесчеловечное, было бы все же менее тяжелым и прискорбным, если бы все переносили его в равной мере и обща. ещё недостойнее и мучительнее тот факт, что не все поддерживают общее бремя; мало того, бедняков гнетут подати богачей, и более слабые несут тяготы более сильных. Есть лишь одна причина того, что бедные люди не могут это вынести: взваливаемое на них бремя превышает их состояние. Они претерпевают самые различные вещи: нечто достойное зависти и нужду. Размеры их платежей вызывают зависть к ним, их имущественное положение приводит к нужде. Если посмотришь на их платежи, подумаешь, что они живут в изобилии, если увидишь их имущество, поймешь, что они нуждаются. Кто может определить причину этой неравномерности? Они платят налоги, как богачи, а бедны, как нищие. Скажу ещё больше: сами богачи иногда производят надбавки к податям, которые уплачивают бедняки. Но ты скажешь: раз у них самый большой ценз и самые большие платежи по налогам, как это возможно, чтобы они сами желали увеличить свой долг? А я и не говорю, что они увеличивают свой долг, поэтому они и увеличивают, что это не их долг. Скажу, каким образом.

Часто прибывают люди с новыми извещениями, с новыми распоряжениями, посланными высшими властями, которые вручаются немногим выдающимся лицам на погибель многих. В отношении их принимаются решения о новых повинностях, новых обложениях. Могущественные люди решают, что должны платить бедняки, авторитетом богачей принимается решение, что должна платить масса несчастных, сами же эти люди совершенно не испытывают последствий своего решения. Но ты скажешь, что посланцев высших властей нельзя не почтить и не принять с щедростью. О богачи, вы, которые первыми принимаете решения, будьте первыми в платежах, вы, наиболее щедрые на словах, будьте самыми щедрыми на деле! Ты, дающий моё, дай и своё... Но мы, бедняки, подчиняемся, о богачи, вашей воле. То, что вы, немногие, приказываете, все мы платим. Ваши решения угнетают нас новыми долгами, во всяком случае вы делаете ваш долг и нашим долгом. Что может быть несправедливее и недостойнее: вы, делающие всех должниками, сами свободны от долга? И даже самые жалкие бедняки платят всё то, о чём мы сказали, платят, совершенно не зная, по какой причине и на каком основании. Кому разрешено обсуждать, почему он платит, и выяснять, что должен? Это происходит неизбежно и в тех случаях, когда богачи гnevаются друг на друга, когда некоторые из них возмущаются, что какое-либо решение принято без совета и обсуждения с ними. Тогда слышишь, как некоторые из них говорят: «О недостойное преступление! Двое или трое постановляют губительное для многих, немногие влиятельные люди решают, что должны платить многие несчастные». Каждый богач, желая, чтобы ничего не решалось в его отсутствие, подчеркивает свое почётное положение, но не свою справедливость — тогда бы он хотел, чтобы ничего несправедливого не постановлялось в его присутствии. Потом они сами постановляют то, за что порицали других, или мстя за прежнее пренебрежение ими, или пользуясь захваченной властью. И благодаря этому несчастные бедняки находятся как бы между двух враждебных бурь в открытом море, испытывая давление то тех, то других.

Но, может быть, те, которые в этом отношении несправедливы, в других случаях являются умеренными и справедливыми, и неправедность в одних делах компенсируется порядочностью в других. Может быть, притесняя бедняков, когда производятся новые обложения, они помогают им, когда облегчается гнёт налогов; чрезвычайно угнетая маленьких людей новыми налогами, распространяют на них новые льготы. Напротив, и в тех, и в других случаях существует одинаковая несправедливость. Ибо как увеличение бремени сказывается на бедняках в первую очередь, так и его облегчение — в последнюю очередь. Если, как это недавно было, высшие власти сочтут, что нужно позаботиться об изнуренных городах или на сколько-нибудь уменьшить налоговые повинности, эту помощь, которая дана всем, делят между собой только богачи. Кто тогда вспомнит о бедняках? Кто призывает маленьких и нуждающихся людей к участию в общих льготах? Кто допускает к лекарству хотя бы в последнюю очередь того, кто первым несёт бремя?

...Где или у кого, кроме римлян, существует столько таких злодеяний? У кого, кроме нас, творится такое беззаконие? Франки не знают этого преступления, гунны свободны от этих преступлений, ничего такого нет ни у вандалов, ни у готов. Варвары из числа готов столь далеки от этого, что таким испытаниям не подвергаются даже живущие среди готов римляне. Поэтому там у всех римлян одно стремление: навсегда избежать перехода в римское право. У римского плебса там одна общая мольба: чтобы им было позволено вести вместе с варварами жизнь, какую ведут в настоящее время. И мы ещё удивляемся, что не побеждаем готов, в то время как римляне предпочитают быть у готов, чем у нас. Наши братья не только совершенно не хотят перебежать от них к нам, но и сбегаются к ним, оставляя нас. И я бы мог даже удивиться, что так не поступили решительно все платящие налоги бедняки и обездолженные, если бы не было одной причины, по которой они этого не делают. Ибо они не могут перенести туда свои состоянья и домишки, а также свои семьи. Ведь когда многие из них покидают свои участки и хижины, чтобы избежать налогов, разве они не хотят взять с собой, если бы представилась возможность, то, что вынуждены, оставлять? Но так как они не имеют силы сделать то, что было бы для них более предпочтительным, они делают единственное, что могут. Они предают себя под охрану и покровительство более сильных людей, делаются подданными богачей и как бы переходят под их право и власть. Я бы не считал это, однако, жестоким или недостойным, я бы даже приветствовал эту силу могущественных людей, под власть которых переходят бедняки, если бы эти люди не продавали эти патроцинии¹, если бы ту защиту слабых, о которой они говорят, они осуществляли бы в интересах человечности, а не алчности. Тяжело и жестоко то, что, как кажется, бедняков охраняют этим законом для того, чтобы их грабить, защищают этим законом несчастных для того, чтобы делать с помощью защиты ещё более несчастными. Ибо все те, которые кажутся защищаемыми, прежде чем их начинают защищать, отдают своим защитникам почти всё своё имущество. Таким образом, чтобы отцы получили защиту, сыновья лишаются наследства. Безопасность родителей приобретается ценой нищеты детей. Вот каковы помощь и патроцинии сильных: ничего не дают принятым под своё покровительство, но только берут себе. Этим соглашением что-либо временно передается родителям так, чтобы в будущем всё было отнято у детей. Все, что сильные люди предоставляют [перешедшим под их патроцинии], они [им] продают, и некоторые продают за очень тяжелую цену. И если бы ещё продавали в соответствии с вошедшим в употребление и общим обычаем, может быть, что-нибудь оставалось бы у покупателя. Это новый род купли и продажи. Продавец ничего не даёт и всё получает, — покупатель ничего не получает и лишается абсолютно всего... Это неслыханный род торговли: у продавцов растёт имущество — покупателям не остаётся ничего, кроме нищеты. Ведь и это само по себе невыносимо и чудовищно, а то, о чём я скажу, недоступно человеческому сознанию, да и слушать о таком едва ли возможно: многие бедняки, лишённые своего маленького имущества и ушедшие со своих участков, потеряв достояние, тем не менее вынуждены платить подати за потерянное; хотя у них исчезло владение, подушная подать не исчезла; они лишились собственности, но обременяются налогами! Кто может оценить это злодеяние? Захватчики распоряжаются их имуществом, и бедняки платят налоги вместо захватчиков. Дети, рожденные зависимыми, после смерти отца не имеют участков в своей собственности и изводятся сельскохозяйственными повинностями. Что же происходит благодаря стольким преступлениям, кроме

¹ Патроциний — модификация древнеримского патроната (покровительства, опеки) в поздней империи. В эту эпоху патроциний осуществлялся крупными земельными магнатами, под покровительство которых стекались те, кого угнетали чиновники, городские власти и т.д.

гибели от государственного притеснения людей, ограбленных частными лицами: у тех, у кого грабежом было похищено состояние, налоги похищают жизнь. Некоторые из тех людей, о которых мы говорим, или более сведущие, или которых сведущими сделала необходимость, потеряв свои участки из-за захватов или оставив их, спасаясь от сборщиков налогов, так как не могут держать, приходят в имения сильных людей и становятся колонами богачей.

Так поступают обычно те, которые, побуждаемые страхом перед врагами, сходятся к кастеллумам¹, или те, которые, лишившись унаследованного благосостояния, с отчаяния сбегаются к какому-нибудь убежищу. То же происходит с людьми, которые надевают на себя ярмо жалкого инквиллина², так как не могут больше сохранять положение или достоинство своих предков. Лишённые не только своего имущества, но и положения, разлученные не только со своим состоянием, но и со своей личностью и утратив и самих себя и все, что им принадлежало, они вынуждены необходимостью и потерять собственность, и лишиться права на свободу.

И всё же, как бы то ни было, эта ужасная участь, навязанная им несчастной необходимостью, была бы выносимой, если бы не было ещё более ужасного. Ещё тяжелее и страшнее то, что к этому добавляется более свирепое зло. Ибо этих людей принимают как пришельцев, они становятся в соответствии с ранее принятым решением туземцами в том месте, где поселились, и по примеру той могущественной колдуньи, которая по рассказам превращала людей в животных, все, принятые в имения богачей, изменяются, как от напитка Цицеи. Людьми, которых [богачи] принимают как посторонних и чужих, начинают владеть как собственными; тех, которые, как это известно, являются свободнорожденными, превращают в рабов...

РОЗДІЛ 9

ПІВНІЧНЕ ПРИЧОРНОМОР'Я В ЕПОХУ АНТИЧНОСТІ

І. ПІВНІЧНЕ ПРИЧОРНОМОР'Я В ЕПОХУ АРХАЇКИ І КЛАСИКИ (VIII—IV ст. до н.е.)

№1 СКІФІЯ ЗА «ІСТОРІЄЮ» ГЕРОДОТА, IV

Так звана «Скіфська оповідь» Геродота, що міститься в IV книзі його історичної праці, являє собою одне з найцінніших в античній літературній традиції і докладних свідочств про нашу країну і її населення в епоху Стародавності. Оповідь ця заснована як на особистих враженнях автора, який, очевидно, побував в Ольвії, так і на розпитуваннях місцевих північнопонтійських греків, а також на використанні праць інших, більш ранніх грецьких авторів, що подорожували цією країною. Не все з того, що розповідає Геродот, заслуговує довіри: деякі з його повідомлень — плід непорозуміння або поганої поінформованості, інші мають явно фантастичний характер. Однак основні з повідомлених ним свідчень про історію, побут і розселення північнопонтійських племен достовірні і в багатьох випадках повністю підтверджуються археологічними дослідженнями.

(Загальний опис Північного Причорномор'я)

99. От Истра уже начинается исконная Скифия, обращенная к полудню и ветру Ноту до города, называемого Каркинито-дою; отсюда страну, прилегающую к этому же морю, гористую и выступающую в Понт, заселяет племя тавров до так называемого Скалистого полуострова³; этот последний выступает в море, омывающее его с востока. Скифия с двух сторон ограничена морем, именно с юга и с востока, подобно Аттике.

100. За Таврикою, выше [т.е. севернее] тавров и на побережье восточного моря, живут уже скифы на западном берегу Боспора Киммерийского и Меотийского озера до реки Танаиса, которая впадает в угол этого озера. А начиная от Истра к северу по направлению внутрь материка Скифия граничит сперва с агатирсами, затем с неврами, далее с антропофагами [т.е. людоедами], наконец, с меланхленами*.

101. Так как Скифия представляет четырёхугольник, две стороны которого примыкают к морю, то линия, идущая внутрь материка, везде одинаковой длины с идущей вдоль моря: от Истра до Борисфена десять дней пути и столько же от Борисфена до Меотийского озера; так же и по направлению от моря внутрь страны до меланхленов, живущих выше скифов, двадцать дней пути; а дневной путь рассчитан у меня по двести стадиев [т.е. ок. 40 км]. Таким образом, поперечные стороны Скифии имеют по четыре тысячи стадиев; такой же длины и продольные стороны, идущие внутрь материка. Таков объем этой страны.

28. Вся описанная страна отличается столь суровым климатом, что в продолжение 8 месяцев там стоят нестерпимые холода; в это время не сделаешь грязи, пролив воды на землю, разве если разведешь огонь; море и весь Боспор Киммерийский замерзают, так что скифы, живущие по эту сторону рва⁴, идет в поход по льду и на повозках переезжают на ту сторону в землю синдов. Таким образом, в продолжение восьми месяцев бывает непрерывная зима; но и в остальные четыре месяца там стоят холода.

(Населення Північного Причорномор'я)

16. О том, что находится выше той страны, о которой здесь начат рассказ, никто не знает достоверно, и мне не случилось расспрашивать никого, кто мог бы утверждать, что он знает эти края как очевидец... Однако всё, что только нам удалось с достоверностью установить путём расспросов о самых далеких странах, будет рассказано здесь.

17. Начиная от апойкии* борисфенитов [т.е. Ольвии] — это самое центральное из приморских мест во всей Скифии — первыми от него живут каллипиды, которые являются эллиноскифами, а выше их — другой народ, называющийся алазонами⁵. Последние, как и каллипиды, во всём прочем живут совершенно так же, как и скифы, но хлеб они и сеют, и питаются им наравне с

¹ Кастеллум (лат. Castellum) — укрепление, форт, крепостца, замок.

² Инквиллины — одна из категорий колонов. Колоны — первоначально свободные арендаторы земли, со времени Константина (332 г. н.э.) — закрепощённое сословие. Колоны были прикреплены к обрабатываемым ими участкам земли.

³ Современный Гераклейский полуостров в юго-западной части Крыма.

⁴ О рве см. гл. 20.

⁵ Алазоны обитали в верховьях Южного Буга и к западу от него.

луком, чесноком, чечевицею и просом. Выше же алазонов живут скифы-пахари, которые сеют хлеб не для собственного потребления, но на продажу. Выше их живут невры¹, а на север от невов страна, насколько мы знаем, безлюдна.

18. Таковы народы, живущие по реке Гипанис к западу от Борисфена. А если переправиться через Борисфен со стороны моря, то там, во-первых, будет Гилея, а от неё вверх живут скифы-земледельцы, которых называют борисфенитами живущие при Гипанисе эллины, а сами себя они зовут ольвиополитами. Эти скифы-земледельцы живут к востоку на три дня пути, доходя до реки, которой дано имя Пантикап, а к северу простираются они на одиннадцать дней плавания вверх по Борисфену. А выше от них находится обширная пустыня, и за этой пустыней живут антропофаги — народ особенный и никак не скифский². Выше их — уже действительно подлинная пустыня, и там, насколько мы знаем, не живет ни один народ.

19. На восток же от этих скифов-земледельцев, если перейти за реку Пантикап, живут уже кочевые скифы, ничего не сеющие и не пашущие. Вся эта страна безлесна, кроме Гилеи. Кочевники же населяют страну, тянущуюся на восток на четырнадцать дней пути до реки Герра.

20. По ту сторону Герра находятся так называемые царские земли и самые лучшие и наиболее многочисленные скифы, считающие остальных скифов своими рабами. На юге они доходят до Таврики, а на востоке до рва, который вырыли потомки слепых³, и до торжища на Меотийском озере, которое называется Кремны⁴. Владения их доходят и до реки Танаис. Земли на север от царских скифов населяет другой нескифский народ — меланхлены*. Выше же меланхленов, насколько мы знаем, находятся болота и нет людей.

21. Если перейти Танаис, будет уже не скифская земля, но первая из областей принадлежит там савроматам, которые живут на пятнадцать дней пути к востоку начиная от крайнего внутреннего залива Меотийского озера. Вся эта земля лишена как дикорастущих, так и садовых деревьев. Вторую область занимают живущие севернее их будины⁵, населяющие землю, поросшую густым разнородным лесом.

22. Выше будинов к северу сперва простирается безлюдная полоса на расстояние семи дней пути, а за нею, если отклониться к востоку, живут тиссагеты — народ многочисленный и своеобразный. Живут же они охотой. Соседят с ними живущие в тех же местах так называемые иирки, также охотники⁶. ...Выше иирков по направлению к востоку живут другие скифы, отложившиеся от царских скифов и таким образом пришедшие в эти места.

23. Вся описанная нами земля до области этих скифов представляет собой равнину с глубокой почвой, а отсюда становится каменистой и неровной. Если пройти значительную часть и этой неровной страны, тут у подножья высоких гор⁷ живут люди, о которых говорят, что все они, как мужчины, так и женщины, от рождения плешивы, курносы, имеют большие подбородки и, хотя одеваются по-скифски, говорят на особом языке. Питаются они древесными плодами. Дерево, плодами которого они питаются, называется понтиком и всего более похоже на смоковницу. Плод оно приносит величиною в боб, он имеет косточку. Когда плод созревает, его отжимают через ткань и из него вытекает густой черный сок; название этого вытекающего сока «асхи». Его лизут или пьют, смешав с молоком, а из оставшейся гущи делают густую массу, которую едят. Овцы у них имеются в небольшом количестве, потому что пастбища у них скудные. Каждый поселяется под деревом, которое на зиму со всех сторон прикрывает толстым белым войлоком, а на лето обходится без войлока. Их никто из людей не обижает, так как их считают священными. Они даже не имеют оружия. Они разбирают споры у соседей, а когда какой-нибудь беглец прибежит к их защите, его никто уже не обижает. Называются они аргиппеями⁸.

24. Относительно страны до этих плешивых и относительно народов, живущих перед ними, сведения наши вполне надёжны, так как до них доходят некоторые из скифов, от которых, как и от эллинов из торжища борисфенитов и из других понтийских торжищ, нетрудно получить сведения. Те же из скифов, которые к ним приходят, пользуются для деловых сношений семью переводчиками и семью языками.

25. Итак, страна до этих плешивых известна, а о том, что выше их, никто не может сказать ничего достоверного, так как места эти отделены высокими неприступными горами, через которые никто не переходит. Плешивые же эти говорят — по-моему, неверно, — что в горах живут люди с козлиными ногами, а за ними другие, которые спят шесть месяцев. Этого я совершенно не принимаю, но достоверно известно, что на восток от плешивых живут исседоны⁹. Что находится, однако, к северу как от плешивых, так и от исседонов, неизвестно, кроме того, о чём они рассказывают.

(Військові звичаї скіфів)

64. Военные обычаи у них такие. Когда скиф впервые повергнет насмерть врага, он выпивает немного его крови, а головы всех, кого он убьёт в сражении, он приносит к царю. И тот, кто принесёт голову, принимает участие в дележе захваченной добычи, а непринесший не принимает. С головы он сдирает кожу следующим образом: сделав на ней круговой надрез около ушей, он берёт голову в руки и вытряхивает её из кожи; затем, очистив последнюю от мяса посредством бычьего ребра, разминает её в руках и, отделав её таким образом, пользуется ею как полотенцем, привязывая её к уздечке своего верхового коня, на котором он ездит, и гордится этим, ибо у них считается самым доблестным мужем тот, у кого окажется больше всего таких кож вместо полотенец¹⁰. Многие из них делают себе верхнее платье для надевания на себя из содранных с людей кож, сшивая их так, как сшиваются кожухи. А многие сдирают вместе с ногтями кожу с правой руки убитых вражеских воителей и выделывают из неё покрывки для колчанов. Действительно, человеческая кожа толста и блестяща, превосходя своей блестящей белизной почти все кожи. Многие же, содрав кожу со всего трупа, распяливают её на палках и, разъезжая повсюду на коне, возят её перед собой.

65. Так принято у них поступать с кожей врагов, а с самими головами — не всех, правда, врагов, но лишь самых злейших — скифы делают вот что. Отпилив всю часть черепа до бровей, вычищают его изнутри; если делает это бедняк, то он только обтя-

¹ Невры, видимо, жили в верховьях Днепра. Некоторые учёные считают их предками славян.

² Это утверждение Геродота — результат недостаточного знакомства греков с северными племенами.

³ В другом месте (IV, 3) Геродот рассказывает, что скифские женщины, когда мужа их ушли в длительный поход против мидян, вступили в связь со своими рабами. Родившиеся от этих связей дети потом выкопали ров «от Таврических гор до озера Меотиды», чтобы воспрепятствовать скифам вернуться в свои прежние владения.

⁴ Местонахождение Кремн неизвестно.

⁵ Будины, по всей вероятности, жили в Прикамье.

⁶ Можно предполагать, что тиссагеты и иирки жили в Прикамье и Приамурье.

⁷ Геродот имеет в виду Уральский хребет.

⁸ Аргиппеи, по-видимому, жили за Уралом, в северной части современного Казахстана.

⁹ Исседоны, по-видимому, жили на северном побережье Каспийского моря.

¹⁰ Обычай скальпировать врагов упоминается в эпосе осетин, которых некоторые учёные считают отдалёнными потомками скифов.

гивает череп снаружи сырой бычьей кожей и пользуется им в таком виде; но если он богат, то, обтянув череп сырой бычьей кожей, изнутри он покрывает его золотом и пользуется как чашей. Так поступают скифы и со своими родственниками, если у них возникает распря и если он у царя возьмёт верх над своим противником. Когда придут к нему гости, которым он оказывает внимание, он показывает такие черепа, поясняя при этом, что это были его родичи, но подняли против него междоусобную войну, а он одержал над ними верх. Рассказывают об этом как о геройских подвигах.

66. Раз в году каждый старшина округа замешивает чан вина, из которого пьют только те из скифов, которыми были убиты вражеские воины. Те же, которые не совершили этого, не вкушают этого вина и бесславно сидят в стороне, признанные недостойными такой чести; для них это величайший позор. Те же из них, кому удалось убить очень многих врагов, — те, имея сразу две чаши, пьют из них обеих разом.

70. Клятвенные договоры, с кем бы они ни заключались, скифы совершают следующим образом. Налив в большую глиняную чашу вина, они примешивают к нему кровь заключающих договор, сделав укол шилом или небольшой надрез ножом на теле, а затем, взяв и погрузив в чашу меч, стрелы, секиру и дротик, они долго молятся, и, наконец, пьют из чаши смесь как сами заключающие клятвенный договор, так и наиболее достойные из сопровождающих их.

(Похорони царів у скіфів)

71. Гробницы царей находятся в Геррах¹, до которых судоходен Борисфен. Тут, когда у них умрёт царь, они вырывают огромный четырехугольный ров и, когда он готов, берут труп, намазывают его воском, затем, вскрыв его живот и очистив его, наполняют нарубленным купером, ладаном, семенами сельдерея и анисом, опять зашивают и тогда на возу везут к другому племени. Те, к которым прибывает труп, делают то же, что и царские скифы: отрезают себе кончик уха; обстригают волосы, делают на руках кругом надрезы, исцарапывают себе лоб и нос, через левую руку протыкают стрелы. Оттуда на колеснице везут труп царя к другому подвластному ему племени, причём те, к кому он раньше прибыл, следуют за ним. Когда же они, сопровождая труп, объедут всех, они оказываются в области *герров*, которые из всех подвластных им племён живут на самом краю среди курганов. Положив после всего этот труп в могилу на подстилке и окружив покойника с обеих сторон воткнутыми в землю копьями, поверх них кладут доски и после всего покрывают камышом. В остальном пространстве могилы погребают одну из наложниц царя, предварительно задушив её, а также виночерпия, повара, конюха, прислужника, вестника, коней, а также по отборному экземпляру всякого прочего скота и, наконец, золотые чаши (серебра и меди они вовсе не употребляют). Совершив это, насыпают высокий курган, состязаясь в рвении сделать его выше.

72. По окончании года они делают вот что. Взяв из остальных слуг самых преданных (они природные *скифы*, ибо царю прислуживают те, кому он сам повелит, а купленных за деньги обслуживающих у них не бывает), из этих прислужников пятьдесят удушают вместе с пятьюдесятью отборнейшими конями. Вынув у них внутренности и очистив живот, наполняют его мякиной и зашивают. На двух деревянных брусках устанавливают половину колеса ободом вниз и вторую половину — на двух других брусках. Сколотив таким образом много подобных станков, пропускают через коней по всей их длине до самой шеи толстые деревянные колья, поднимают их на эти колесные ободы так, что передние ободья поддерживают плечи лошадей, а задние — животы у бёдер, причём обе пары ног остаются повисшими в воздухе. Наложив на лошадей уздечки с удилами, протягивают их вперед и привязывают к колышкам. А каждого из пятидесяти удушенных юношей поднимают на лошадь таким образом, что через каждый труп вдоль позвоночника пропускается прямой деревянный кол. Выступающий нижний конец этого кола втыкается в паз в другом колу, продетом через тушу коня. Установив вокруг кургана таких всадников, скифы расходятся.

73. Так погребают они своих царей².

(Скіфський цар Скіл і Ольвія)

78. У Ариапейта, царя скифов, среди других детей был сын Скил. Родился он не от местной женщины, но от истриянки³. Сама мать научила его эллинскому языку и грамоте. Несколько времени спустя Ариапейт был коварно убит Спаргапейтом, царем *агатирсов*, а Скил унаследовал царскую власть и одну из жён отца. ...Царствуя над скифами, Скил совсем не любил скифского образа жизни, но в результате полученного им воспитания гораздо более склонялся ко всему эллинскому. Поэтому он поступал следующим образом: всякий раз, когда он приводил скифское войско к городу *борисфенитов* — а *борисфениты* эти сами называют себя милетянами⁴, — он, приходя в этот город, оставлял своё войско перед городом, веля запирасть за собою ворота. Здесь, сняв с себя скифское платье, он одевался по-эллинически и так без охраны и без всякой свиты прохаживался по городской площади; у городских же ворот стояла стража, чтобы никто из скифов не увидел его в такой одежде. И во всём остальном он вёл эллинский образ жизни и совершал жертвоприношения богам по эллинскому обычаю. Так проводил он месяц или около того, а затем удалялся из города, снова переодевшись в своё скифское платье. Это он проделывал часто, даже дом выстроил для себя в Борисфене и взял в него себе жену из города *борисфенитов*.

79. Так как надо было случиться с ним несчастьем, произошло это по такому поводу. У него явилось сильное желание быть посвящённым в вакхические таинства Диониса — Вакха. Когда он должен был принять посвящение, случилось многозначительное чудо: был у него в городе *борисфенитов* обширный и роскошно отделанный дом, окружённый оградой, о котором я несколько ранее упоминал; вокруг него стояли сфинксы и грифоны из белого мрамора⁵, этот-то дом божество поразило своей стрелой, и он весь сгорел. Однако это ничуть не удержало Скила от принятия посвящения, а ведь скифы осуждают эллинов за их вакхические празднества, говоря, что не подобает выдумывать себе такого бога, который заставляет людей неистовствовать⁶. Когда Скил был уже посвящён в вакхические таинства, какой-то из *борисфенитов* прибежал в стан скифов и сказал им: «Вот вы, скифы, смеетесь над нами, что мы предаёмся вакхическим празднествам и что нами овладевает божество. Теперь божество это овладело и вашим царём — он справляет вакхическое празднество и неистовствует под наитием бога; если же вы мне не верите, следуйте за

¹ Местонахождение Герр не установлено. Судя по Геродоту, они находились где-то в районе Днепровских порогов, до которых река была судоходной.

² Описание похоронного обряда подтверждается во всех существенных чертах материалом археологических исследований.

³ *Истриянки*, т.е. гречанки, уроженки греческого города Истрии на западном побережье Чёрного моря.

⁴ Граждане Ольвии именовали себя *милетянами*, так как город их был основан (в первой половине VI в. до н.э.) выходцами из Милета.

⁵ В 60-х годах XIX в. на территории ольвийского городища был найден мраморный сфинкс середины V в. до н.э., теперь хранящийся в Одесском археологическом музее.

⁶ Участники культа бога-покровителя виноделия Диониса-Вакха во время празднеств этого бога доводили себя до иступленного состояния — религиозного экстаза.

мною и я вам это покажу». Скифские старшины последовали за ним, а этот *борисфенит*, тайком возведя их на башню, поместил их там. Когда же с толпой вакхантов проходил мимо Скил и скифы увидели его в состоянии вакхического иступления, они пришли в сильнейшее негодование и, выйдя из башни, объявили всему войску, что они видели.

80. Когда после этого Скил вернулся в свою ставку, скифы, поставив над собою брата его Октамасада, сына дочери Терей¹, противопоставили его Скилу. Последний, узнав о том, что против него предпринимается, а также о причине этого, спасается бегством во Фракию. Октамасада, узнав об этом, пошёл войной на Фракию. Когда он очутился на Истре, фракийцы выступили против него. Они уже должны были вступить в бой, но Ситалк² послал объявить Октамасаду: «К чему нам меряться силами друг с другом? Ты ведь сын моей сестры, и у тебя в руках мой брат. Выдай мне его, а я передам тебе твоего Скила. Не будем ни ты, ни я подвергать наши войска опасности». Вот что объявил Октамасаду через глашатая Ситалк. Действительно, у Октамасада находился бежавший брат Ситалка, нашедший у него убежище. Октамасада соглашается с предложением, сделанным ему, и, выдав Ситалку своего родного дядю по матери, получил своего брата Скила. И Ситалк, также получивший своего брата, удалился, а Скилу Октамасада велел тут же отрубить голову³. Так скифы защищают свои обычаи, и таким суровым наказаниям они подвергают тех, кто перенимает чужие.

№1

ОЛЬВИЯ I ХЕРСОНЕС

(Ольвийский декрет про грошовый обіг)

Надпись на мраморной плите, найденная в 70-х годах XIX в. на Малоазийском берегу Босфора в развалинах древнего святилища Зевса, датируется первой пол. IV в. до н.э. Это наиболее ранний эпиграфический документ, отражающий экономическую жизнь города, в котором денежное обращение было уже настолько развито, что городские власти могли диктовать свои условия валютного обмена иностранным купцам.

Въезжать в Борисфен дозволено всякому желающему на следующих условиях.

Совет и народ постановили по предложению Каноба, сына Фрасидаманта:

1. Разрешается ввоз и вывоз всякого чеканного золота и чеканного серебра.

2. Всякий желающий продать или купить чеканное золото или чеканное серебро должен продавать и покупать на камне в эkkлeсиастерии⁴; кто же продаст или купит в другом месте, подвергнется конфискации: продавец — продаваемого серебра, а покупатель — цены, за которую купил.

3. Продавать же и покупать всё на городские деньги — на медь и серебро ольвиополитов⁵; кто же продаст или купит на другие, будет лишён: продавец — того, что продаст, а покупатель — цены, за которую купит; взыскивать будут с нарушивших в чём-либо это постановление те, которые возьмут на откуп штрафы с нарушителей закона⁶, преследуя их судебным порядком.

4. Золото продавать и покупать по десяти с половиной статов за статов кизикский, не дешевле и не дороже; а всякое другое чеканное золото и чеканное серебро продавать и покупать по взаимному соглашению.

5. Пошлины никакой не взыскивать ни за чеканное золото, ни за чеканное серебро, ни с продавца, ни с покупателя... [конец надписи не сохранился.]

(Понтійська експедиція Перікла 437 р. до н.е., Плутарх, Порівняльні життєписи, Перікл)

20. Прибыв в Понт с большой эскадрой, блестяще снаряжённой, он [т.е. Перикл] сделал для эллинских городов всё, что им было нужно, и отнёсся к ним дружелюбно⁷, а окрестным варварским народам, их царям и князьям он показал великую мощь, неустрашимость, смелость афинян, которые плывут куда хотят и всё море держат в своей власти⁸. Жителям Синопы Перикл оставил тринадцать кораблей под командой Ламаха и отряд солдат для борьбы с тираном Тимесилеем⁹.

(Декрети полісів про дарування іноземцям проксеній, IV—III ст. до н.е.)

Проксенія (от *pro* — в защиту и *xenos* — чужеземец) — форма межполисной связи, устанавливавшейся через проксенов. Проксенами назывались граждане, оказывавшие в своем полисе по личной инициативе или по поручению государства гостеприимство и помощь (размещение приезжих, посредничество в дипломатии и т.д.) гражданам или послам другого полиса и пользовавшиеся в чужом полисе за это рядом привилегий (право непосредственного обращения к совету, народу, должностным лицам, в суд, приобретения недвижимости и т.д., иногда — полных гражданских прав). Проксенія устанавливалась между отдельными гражданами различных полисов, между гражданином одного полиса и другим полисом, между двумя полисами. В период эллинизма проксеніей называлось также предоставление привилегий вообще чужестранцу, оказавшему особые услуги полису.

1. Проксенія двух афинян в Ольвии

В добрый час. Ольвиополиты дали афинянам Ксантиппу, сыну Аристофонта, ерхиейцу, Филополиду, сыну Филополида, дейрадиоту¹⁰, им самим и потомкам их *проксенію*, право гражданства, освобождение от пошлин на все товары, какие бы ни ввезли или вывезли они сами, или дети их, или братья, владеющие совместно с ними отцовским имуществом, или слуги; дали и право входа в гавань и выхода из неё как в мирное, так и в военное время неприкосновенно и беспрепятственно.

¹ Терей — царь фракийского племени *одрисов*, живших на территории современной Болгарии.

² Ситалк — царь *одрисов*, преемник Терей, умер в 424 г. до н.э.

³ В Добрудже было найдено кольцо, на щитке которого сохранилась надпись с именем Скила, датируемая серединой V в. до н.э. Можно, таким образом, полагать, что в основе рассказа о Скиле лежат подлинные события.

⁴ Камень на площади или в помещении, где происходило народное собрание (эkkлeсия), служивший трибуной для выступающих.

⁵ В первой половине IV в. до н.э. монетный двор Ольвии выпускал полноценные литые монеты из меди весом в 100-120 г и чеканные серебряные монеты достоинством в две драхмы (статеры) и в одну драхму. Обращает на себя внимание то, что медь упоминается в тексте декрета на первом месте, что, очевидно, свидетельствует о высокой её стоимости на денежном рынке.

⁶ В Ольвии, как и во многих других греческих полисах, штрафы с нарушителей государственных постановлений сдавались на откуп: откупщики авансом вносили в казну заранее определенную сумму, примерно соответствующую сумме штрафов, а затем сами собирали последние с нарушителей.

⁷ В каких именно эллинских городах, кроме Синопы, побывал флот Перикла, точно неизвестно.

⁸ Видимо, здесь имеются в виду вожди скифских и фракийских племен.

⁹ Т.е. афиняне свергли в Синопе тиранический строй и утвердили у власти сочувственно настроенную к ним демократию.

¹⁰ Наименование афинян по демам, к которым они принадлежали.

2. Проксения родосца в Херсонесе

Проксения Тимагора, родосца. Совет и народ постановили, Теотим, сын такого-то, Антигон, сын Прона, сына Автея, предложили: дать Тимагору, сыну Никагора, родосцу, проксению и право гражданства самому и роду его, и право въезда и выезда им самим и имуществу их в военное и в мирное время.

№2

БОСПОРСЬКЕ ЦАРСТВО

(Територіальний ріст Боспорського царства)

Значительная территория, во много раз превышающая обычные владения греческих государств-полисов, — отличительная историческая особенность Боспора. Рост владений Боспора за счёт подчинения ему Феодосии и земель, населённых местными племенами на Таманской стороне пролива, нашёл своё отражение в приводимых ниже надписях-посвящениях IV в. до н.э. с титулатурой боспорских правителей — Спартокидов. Те же надписи содержат сведения о существовавших на Боспоре культах.

1. Демарх, сын Скифа, посвятил Афродите Небесной, владычице Апатура¹, при Левконе, *архонте* Боспора и Феодосии².
2. Файдим, сын Файниппа, посвятил Аполлону Дельфинию при Левконе, *архонте* Боспора и Феодосии и царе *синдов*, *торегов*, *дандариев* и *псессов*³.
3. Такой-то, сын Койрана⁴, посвятил за свою дочь Итию Артемиде Эфесской при Перисаде, архонте Боспора и Феодосии и царе *синдов* и всех *меотов*⁵.
4. Кассалия, дочь Посия, посвятила Афродите Небесной при Перисаде, *архонте* Боспора и Феодосии и царе *синдов*, *меотов*, *фатеев*, *досхов*⁶.

Статую Фебу твою посвятит, Антистасий, бессмертный
Памятник сын Фаномах смертному создал отцу
В оные дни, когда всю землёй от пределов Кавказа
Вплоть до таврийских границ славный владел Перисад⁷.

(Есхин, Проти Ктесіфона, 171)

Был некто Гилон⁸ из дема Керамеев. Он предал врагам Нимфей на Понте, находившийся тогда во владении нашего государства, и после доноса бежал из города, не подчинившись приговору. Он прибыл на Боспор, получил там в дар от тиранов так называемые Кепы и женился на женщине, правда, богатой, клянусь Зевсом, и принесшей в приданое много золота, но родом из скифов⁹.

(Хлібна торгівля Боспору в IV ст. до н.е.)

Надпись первой половины IV в. до н.э. из города Митилены на о. Лесбос, согласно которой митиленским хлеботорговцам предоставили на Боспоре значительные привилегии. Обычная пошлина на вывозимое зерно составляла в Боспорском государстве $\frac{1}{30}$ его стоимости; привилегия, дарованная митиленцам, состояла, во-первых, в том, что для них эта пошлина была снижена вдвое (до $\frac{1}{60}$ стоимости вывозимого хлеба), и, во-вторых, при вывозе на большую сумму (10 *талантов* — около 260 кг серебра) пошлина снижалась втрое (до $\frac{1}{90}$ стоимости вывозимого хлеба).

Левкон и его сыновья даровали митиленцам право платить с пшеницы обычную пошлину в размере шестидесятой и в размере девяностой на стоимость вплоть до десяти талантов.

(Демосфен, Промова проти Лептіна, 31-33)

Речь знаменитого оратора Демосфена (384-322 гг. до н.э.) обращена к афинянам, к которым принадлежал и оратор; отсюда употребление личных местоимений в первом лице, сохранённое и в переводе. Речь была произнесена в 355/354 г. до н.э. Лептин, противник Демосфена, предложил отменить все торговые и налоговые преимущества афинян; в случае принятия этого предложения оно распространялось и на иностранцев, получивших права афинских граждан в качестве почётного отличия и награды, в том числе и на царя Боспора Левкона I (389-349 гг. до н.э.). Демосфен стремился убедить афинян, что это будет и невыгодно, и несправедливо, а в связи с этим обрисовал роль боспорского хлеба в хозяйстве Афин.

31. ...Вы ведь, конечно, знаете, что к нам привозится хлеба гораздо больше, чем ко всем другим. Хлеб, привозимый водою из Понта, по количеству равняется всему привозимому из прочих рынков хлебу. И понятно: это происходит не только оттого, что эта земля производит огромное количество хлеба, но и потому, что её правитель Левкон даровал беспошлинность купцам, везущим хлеб в Афины, и обнародовал приказ, чтобы отплывающие к вам грузились первыми. Имея от вас такую льготу для себя и своих детей, он со своей стороны дал её всем вам.

32. Рассмотрите теперь, как велика эта милость! С купцов, вывозящих из его владений хлеб, он взимает в виде пошлины одну тридцатую часть стоимости; оттуда ввозится сюда около четырёхсот тысяч *медимнов* хлеба [ок. 22 500 т], как это можно ви-

¹ Афродита Небесная — одно из главных божеств Боспора.

² Под Боспором здесь подразумевается не всё государство, а его столица город Пантикапей (нынешняя Керчь); Феодосия — город, существующий и в настоящее время под этим названием. Царь Левкон I (389-349 гг. до н.э.) завершил завоевание Восточного Крыма и территории Прикубанья; впервые выпустил золотые монеты в г. Пантикапей.

³ *Синды* — оседлое земледельческое племя, близкое к скифам и известное ещё Геродоту; *тореты*, *дандарии* и *псессы* — родственные племена, жившие к северу от Синдикки до самого устья Дона.

⁴ Имя посвятившего надпись лица отбито; возможно, что это был не сын, а дочь упомянутого здесь Койрана.

⁵ Вместо перечисления местных племен в надписи с именем Парисада (или Перисада), сына Левкона, использован собирательный термин «всех *меотов*».

⁶ В этой надписи упомянуты кроме *синдов* и *меотов* также племена *фатеев*, жившие в районе реки Фат, которая впадала в Азовское море, а также *досхов*, локализация которых затруднительна.

⁷ В стихотворной надписи Фаномаха, сына Антистасия (надпись переведена размером подлинника), могущество Перисада I (349-309 гг. до н.э.), быть может, несколько преувеличено, поскольку в качестве границ Боспорского государства названы Кавказ и горы Южного Крыма. Однако нет сомнения, что к концу IV в. до н.э. Боспор стал сравнительно крупным и могущественным государством.

⁸ Гилон был дедом по матери оратора Демосфена, политического противника Эсхина, и потому вполне вероятно, что последний намеренно представлял факты, порочащие Гилона, в самом неблагоприятном для него виде. Не вполне ясно, входил ли в это время, т.е. в конце Пелопоннесской войны, Нимфей в состав Афинского союза.

⁹ Стремясь опорочить Демосфена, Эсхин подчеркивает, что тот имел в числе ближайших предков скифянку.

деть из записи у хлебных приставов. Следовательно, он дарит вам десять тысяч *медимнов* с трёхсот тысяч, а со ста тысяч — приблизительно три тысячи.

33. Притом он так далёк от мысли лишать нас этого благодеяния, что, устроив новый торговый порт Феодосию, которая, по словам моряков, ничуть не хуже Боспора [т.е. Пантикапея], и здесь даровал нам беспоплиность. О прочем я умалчиваю, хотя мог бы многое сказать о благодеяниях, которые оказал вам как сам Левкон, так и его предки, припомню только, что в позапрошлом году, когда повсюду оказался недостаток в хлебе, он прислал вам хлеба не только в достаточном количестве, но даже столько, что от продажи его было вырублено пятнадцать талантов.

(Проксенія пірейця в Боспорському царстві)

Проксенія такого-то, сына Дионисия, пирейца¹. Перисад и его сыновья дали² такому-то, сыну Дионисия, пирейцу, и его потомкам *проксению*, освобождение от пошлин на все товары во всем Боспоре, им самим и их слугам, а также право входа в гавань и выхода из неё как в военное, так и в мирное время неприкосновенно и беспрепятственно.

(Афінський декрет на честь правителів Боспору — Спартока і Перисада, синів Левкона, і брата їх Аполлонія)

Надпись на большой мраморной плите с рельефом, изображающим чествуемых Афинским Народным Собранием сыновей боспорского правителя Левкона I, датируется апрелем 346 г. до н.э.

При архонте Фемистокле, в восьмое пританство филы Эгеиды, при секретаре Лисимахе, сыне Сосидема, ахарнейце, при Феофиле, алимусийце, эпистате, Андротион, сын Андрона, гареттиец³, предложил: на то, о чём сообщили письмом Спарток и Перисад и о чём заявляют прибывшие от них послы, ответить им, что афинский народ восхваляет Спартока и Перисада за то, что они хорошие мужи и обещают афинскому народу заботиться о высылке хлеба, как заботился их отец, и ревностно ему служить во всём том, в чём народ нуждается, и через их послов сообщить им в ответ, что, делая это, они не получат ни в чём отказа со стороны афинского народа. Так как они дают афинянам те же привилегии, какие дали Сатир и Левкон, пользоваться Спартоку и Перисаду теми же привилегиями, какие народ дал Сатиру и Левкону; и венчать золотым венком по тысяче драхм⁴ в великие Панафинеи каждого из них обоим; раздатчикам наград делать венки в каждый первый год великих Панафиней согласно с постановлением народа, ранее вынесенным для Левкона, и публично возвещать о том, что афинский народ венчает Спартока и Перисада, сыновей Левкона, за доблесть и благорасположение к афинскому народу. Так как они посвящают венки Афине-Полиаде⁵, то раздатчикам наград посвящать те венки в храм, написав на них: «Спарток и Перисад, сыновья Левкона, посвятили Афине, будучи увенчаны афинским народом». Казначеем народа выдавать деньги раздатчикам наград на венки из средств, разделяемых по народным постановлениям; в настоящее же время сборщикам выдать на венки из воинских сумм. Написать это постановление секретарю совета на каменной плите и поставить рядом с плитами Сатира и Левкона, а деньги на надпись казначеем народа выдать тридцать *драхм*. Восхвалить послов Сосия и Феодосия за то, что они заботятся о прибывающих из Афин на Боспор, и пригласить их на обед в *пританей* на завтра. Относительно денег⁶, которые должны быть возмещены сыновьям Левкона, то, чтобы они их получили, провести дело тем *проэдрам*, которым выпадает жребий председательствовать на народном собрании восемнадцатого, в первую очередь после религиозных вопросов, чтобы сыновья Левкона получили деньги и не упрекали афинский народ. Дать тех моряков⁷, которых просят Спарток и Перисад, а послам записать имена всех моряков, каких они выберут, у секретаря совета. Всем тем, кого они запишут, быть хорошими исполнителями приказаний по отношению к детям Левкона изо всех своих сил. Полиевкт, сын Тимократа, криозец, предложил: «Во всем остальном точно так же согласно с предложением Андротиона увенчать Аполлония, сына Левкона, из тех же средств».

II. ПІВНІЧНЕ ПРИЧОРНОМОР'Я В ЕПОХУ ЕЛЛІНІЗМУ (336-30 pp. до н.е.)

№1 ОЛЬВІЯ

(Юстин, XII, 2, 16)

Марк Юниан Юстин (II в. н.э.) написал на латинском языке краткое изложение не дошедшей до нашего времени большой всеобщей истории Помпея Трога, жившего в конце I в. до н.э. — начале I в. н.э. Згаданий в урывку поход Зопіріона відбувся в 331 р. до н.е.

Зопирион, оставленный Александром Великим в качестве наместника Понта, полагая, что его признают бездеятельным, если он не совершит никакого предприятия, собрал 30 тыс. войска и пошёл войной на скифов, но был уничтожен со всей армией и поплатился таким образом за необдуманное начатие войны с невинным народом.

(Макробій I, 11, 33)

Макробий (конец IV — начало V в. н.э.) — римский грамматик, в комментариях которого сохранилось много упоминаний об исторических фактах, почерпнутых из не дошедших до нашего времени произведений античных авторов.

¹ Под «пирейцем» следует понимать гражданина города Амиса, который в это время был переименован в Пирей.

² Это до сих пор единственный известный случай, когда проксения даётся не от имени «совета и народа», а от имени единоличного правителя и его детей.

³ Ахарнеец, алимусиец, гареттиец (далее также криозец) — обычные для афинских декретов указания на демы, к которым принадлежат эти граждане.

⁴ Имеется в виду не стоимость венка, а его вес (1 тыс. драхм составляет 4 360 г золота).

⁵ ...они посвящают венки Афине-Полиаде — т.е. Спартоку и Перисаду предстояло передать полученные венки в храм Афины, причём посвящательную надпись от их имени должны были сделать афинские должностные лица, ведавшие раздачей наград.

⁶ Относительно денег... — о каких деньгах идёт речь, неизвестно.

⁷ Дать тех моряков... — в праве вербовать афинских моряков для боспорского флота следует видеть привилегию.

Борисфениты, осаждённые Зопирионом, отпустили на волю рабов, дали права гражданства иноземцам, изменили долговые обязательства и таким образом смогли выдержать осаду врага.

(Договір між Ольвією і Мілетом)

Надпись, найденная в Милете, датируется временем около 330 г. до н.э. Согласно этому документу, между Ольвией и её метрополией — Милетом, который именно в это время освободился от персидского владычества, были восстановлены исконные («отеческие») связи.

Следующие отчие установления у ольвиополитов и милетян:

1. Милетянин в городе Ольвии да приносит жертвы на тех же самых алтарях, что и ольвиополит, и да имеет доступ в те же самые святилища на тех же самых основаниях, как ольвиополиты.

2. Милетяне в Ольвии да будут освобождены от податей на тех же основаниях, как и были прежде¹; если же он [т.е. милетский гражданин, проживающий в Ольвии] пожелает отправлять государственные должности [в Ольвии], пусть явится он в совет и, записавшись, да отправляет их, и пусть будет он повинен налогам, как и остальные граждане².

3. Да будет у них [т.е. у милетян, живущих в Ольвии] право на *проедрию*, и да вызываются они на состязания, и да возносят молитвы в поминальные дни на тех же основаниях, как и в Милете возносят молитвы.

4. Если же будет у милетянина тяжба в Ольвии, пусть пользуется он правосудием и пусть получит решение в пятидневный срок в отделении суда, где разбираются дела граждан.

5. Пусть будут свободны от податей все милетяне, кроме тех, которые имеют права гражданства в другом городе и принимают участие в управлении и в судах³. На тех же условиях и ольвиополиты в Милете да будут свободны от налогов, и да пользуются ольвиополиты остальным таким же образом в Милете, как и милетяне в городе Ольвии.

(Будівництво укріплень в Ольвії, кін. IV — поч. III ст. до н.е.)

Надпись (в стихах) Клеомброта, видного ольвийского гражданина, была вделана в башню, построенную на его средства.

Клеомброт, сын Пантакла, посвятил башню Гераклу и Народу⁴

Башню у берега реки, о Геракл, тебе и Народу
Щедрой рукою создав, здесь посвятил Клеомброт,
Дивную видом, защитницу граждан в военные бури,
Славу всех предков своих даром таким превзойдя.
Родиной, ныне счастливой, отпрыск Пантакла, за это
Почеть бессмертная в дар присуждена для тебя⁵.

(Декрет на честь Протогена)

Декрет народного собрания Ольвии, вынесенный в честь ольвийского гражданина Протогена, — одна из самых содержательных северочерноморских надписей. В форме подробного перечня заслуг чествуемого декрет этот с необычайной яркостью раскрывает перед нами картину тяжёлого кризиса, постигшего ещё недавно цветущий город. Надпись, вырезанная на двух сторонах мраморного столба, была найдена в 20-х годах XIX в. и с тех пор неоднократно издавалась и комментировалась. По времени её обычно относят ко второй половине или к концу III в. до н.э.

Сторона А

Совет и народ постановили двадцатого числа⁶, архонты и Семь⁷ предложили: так как и Геросонт, отец Протогена, оказал городу много важных услуг и деньгами и деятельностью, и Протоген, унаследовав от отца доброжелательность к народу, всю жизнь продолжал говорить и действовать наилучшим образом: во-первых, когда царь Сайтафарн⁸ прибыл в Канкит⁹ и потребовал даров по случаю проезда, а общественная казна была пуста, он по просьбе народа дал 400 золотых¹⁰; и когда архонты заложили священные сосуды на городские нужды Полихарму за 100 золотых и не могли их выкупить, а иностранец хотел уже нести их к мастеру, Протоген сам выкупил их, уплатив эти 100 золотых; и когда архонты во главе с Демоконтом дёшево купили вина на 300 золотых, но не могли уплатить эту сумму, он по просьбе народа дал эти 300 золотых; и при жреце Геродоре¹¹, когда случился голод и хлеб продавался по пяти медимнов за золотой, народ же вследствие угрожающей опасности считал нужным заготовить достаточное количество хлеба и пригласил к этому имевших запасы, он первый выступил и обещал две тысячи медимнов по десяти медимнов за золотой, и в то время как другие немедленно получили плату, он, оказав снисхождение на год, не взыскал никаких процентов; и при том же жреце, когда явились во множестве сайи¹² за получением даров, а народ не мог им дать и попросил Протогена помочь его стеснённым обстоятельствам, он, выступив, предложил 400 золотых; и, будучи избран членом коллегии Девяти¹³, он предложил от себя не менее 1500 золотых в счёт будущих доходов, из которых были вовремя удовлетворены многие

¹ Речь идёт об освобождении милетских граждан от особых налогов, которыми облагались иностранцы, проживавшие в Ольвии; ниже подчеркивается, что они платили те же налоги, что и ольвиополиты.

² Милетские граждане, таким образом, платили в Ольвии налоги лишь в том случае, если активно участвовали в её политической жизни.

³ Смысл этого постановления таков, что милетский гражданин, который приобретает гражданство в каком-либо другом городе, лишается в Ольвии своих преимуществ.

⁴ Имеется в виду обожествленный собирательный образ ольвийского демоса.

⁵ Из текста надписи не ясно, какая именно награда была дана Клеомброту.

⁶ *Двадцатого числа* — месяц не назван; подобное указание на число без упоминания месяца встречается и в других ольвийских документах; следует полагать, что время собраний, регулярно из года в год собиравшихся в одни и те же дни, было хорошо известно гражданам.

⁷ *Архонты* — ежегодно переизбиравшаяся коллегия из пяти граждан, стоявшая во главе Ольвии; *Семь* — коллегия, ведавшая храмовой казной.

⁸ Сайтафарн — царь *сайев*, ближайшего к Ольвии племени; как видно из дальнейшего, Сайтафарн взимал с *ольвиополитов* различные поборы, которые составители декрета, впрочем, называют подарками.

⁹ Канкит — резиденция Сайтафарна, расположенная на небольшом расстоянии от Ольвии; возможно, речь идёт о Каменском городище на Днепре.

¹⁰ *Золотыми* в декрете называются монеты Филиппа и Александра.

¹¹ В Ольвии годы обозначались по именам ежегодно сменявшихся жрецов.

¹² *Сайи* — одно из местных племен, обитавшее, по-видимому, неподалеку от Ольвии.

¹³ *Коллегия Девяти* — орган, ведавший в Ольвии финансами.

скиптроносцы¹ и немало даров было выгодно приготовлено для царя; и когда было отдано на откуп снаряжение посольства в резиденцию царя, согласно постановлению, по которому откупщики должны были получить от города 300 золотых, и взял на откуп Конон, но вследствие того что архонты не могли заплатить эти деньги, которые были у откупщиков податей, Конон и его товарищи отказались от откупа, и вследствие этого было три переторжки и в третий раз откуп остался за Формионом, то Протоген, увидев, что город подвергнется большим неприятностям, явился в собрание и сам дал эти 300 золотых; и когда при жреце Плейстархе снова случился сильный голод и хлеб продавался по 1½ медимна за золотой, но было очевидно, что будет дороже, — как и стал вскоре же медимн продаваться по 1½ золотого, — и поэтому народ испугался и счёл необходимым сделать закупку хлеба, а для этого приглашал зажиточных оказать услуги, Протоген первым, когда состоялось собрание, обещал на закупку хлеба 1 тыс. золотых, которые немедленно принёс и дал — из того числа 300 без процентов на год — и, дав всю сумму золотом, получил медью из четырехсот; первый же обещал 2500 медимнов пшеницы, из которых пятьсот дал по 4¼ медимна за золотой, а 2 тыс. — по 2⁷/₁₂ медимна за золотой, и между тем как другие предложившие хлеб в это время немедленно получили следовавшие им суммы из доставленных денег, он, оказав снисхождение на год, получил деньги без всяких процентов, и вследствие этой услужливости Протогена народу было доставлено много денег и немало хлеба; и когда царь Сайтафарн явился на ту сторону² за дарами и архонты, создав народное собрание, объявили о прибытии царя и о том, что в казне нет никаких сумм, Протоген, выступив, дал 900 золотых; когда же послы Протоген и Аристократ взяли эти деньги и явились к царю, то царь, недовольный дарами, разгневался и выступил в поход... и архонтов недостойным образом, вследствие чего народ, собравшись, пришёл в ужас и послов к... [текст последних строк надписи на этой стороне столба поврежден, а несколько строк, по-видимому, вовсе утрачено.]

Сторона В

Еще же, когда наибольшая часть города со стороны реки, именно весь район гавани и прилегающий к прежнему рыбному рынку до того места, где герой Сосий³, не была окружена стеною, а перебежчики извещали, что галаты и скиры⁴ составили союз и собрали большие силы, которые и явятся зимою, а сверх того ещё, что тисаматы, скифы и савдараты⁵ ищут укрепленного места, точно так же боясь жестокости галатов, и когда вследствие этого многие впали в отчаяние и приготовились покинуть город, а вместе с тем в стране случилось много и других печальных событий — все рабы и пограничные миксэллыны⁶, числом не менее тысячи пятисот, бывшие в предыдущую войну союзниками в городе, были совращены врагами, и выселились многие иностранцы и немалое количество граждан, — вследствие этого собравшийся народ, придя в уныние и представляя себе угрожающую опасность и ужасы, приглашал всех зажиточных людей помочь и не допустить, чтобы отечество, с давних лет оберегаемое, попало под власть врагов, и, между тем как никто не предлагал своих услуг ни для всего, ни для части того, о чём просил народ, Протоген обещал сам выстроить обе стены и наперёд предложил все расходы на них, хотя ему предстояло истратить не менее тысячи золотых, и тотчас принеся в собрание 500 золотых в виде залога, отдал все работы на откуп через глашатая; и вследствие того что подрядчики сделали расчёт на наличные деньги, сберёг для города немалую сумму; ещё же, когда многие подрядчики отказались от работ, Протоген сам произвёл работы для города, и не причинил никакого ущерба народу, и, издержав на обе стены 1500 золотых и выдав большую часть этой суммы золотом, получил медью из четырёхсот; отстроил он и пришедшие в ветхость башни, именно обе башни у больших ворот, Категеторову, Придорожную и Эпидавриеву⁷, а также исправил житницу и построил пилон у места выставки товаров; ещё же, когда город платил фрахты частным лицам, возившим камни, вследствие того что казённые суда были испорчены и не имели ничего из оснастки, он предложил и их починить и, издержав на всё это двести золотых, немедленно сдал отчёт, вследствие чего народ, и прежде часто награждавший его венками, увенчал и тогда за сдачу отчёта; ещё же, когда оставалось неоконченным прясло стены, что у башни Посия по направлению к верхней части города, народ, пригласив его, попросил окончить и это четвёртое прясло, и Протоген, не желая отказываться ни от каких услуг, взял на себя и эту постройку, на которую предложил сто золотых. Приняв на себя общественное управление и должность казначая и распоряжаясь самыми важными городскими доходами, он никого из откупщиков податей не выгнал из имения и ни у кого не отчуждал ничего из имущества, но, снизойдя к их стесненному положению, одним простил долги, другим дал отсрочки на столько времени, сколько они желали, и не взыскивал никаких процентов. Распоряжаясь большею частью общественных сумм, он в течение 3-х лет непрерывно всем управлял честно и справедливо, сдавая отчеты в установленные сроки, а излишки доходов за время своего управления засчитывал себе в уплату за долги — хотя в действительности этого не было — и таким образом освободил город от долгов и очистил от процентов. И когда все в городе находилось в упадке вследствие войн и неурожаев и средства совершенно истощились, так что народ вследствие этого попросил его сделать месячные отсрочки и позаботиться о кредиторах и должниках, он первый, хотя долги ему и отцу его простирались до шести тысяч золотых, предложил народу располагать им как ему угодно, и когда народ попросил его простить должникам их долги, он всем всё простил и, считая, что для него нет ничего дороже благосклонности к нему народа... [конец надписи не сохранился.]

№2 ХЕРСОНЕС

(Присяга херсонесских громадян)

В тексте присяги запечатлелись основные особенности государственного строя Херсонеса. Не совсем ясно, представляла ли она собой обычную присягу, какую приносили достигшие совершеннолетия юноши при получении ими гражданских прав, или это чрезвычайная клятва, вызванная какими-то особыми обстоятельствами, связанными с обострением социально-политической борьбы. Плита с текстом присяги была найдена на территории древнего города в 1890-1891 гг. Датируется присяга началом III в. до н.э.

¹ Скиптроносцы — очевидно, мелкие племенные правители, подвластные царю сайев Сайтафарну.

² Т.е. на левый берег Бугского лимана, против Ольвии.

³ Т.е., где стояла статуя Сосия, — ближе нам неизвестного ольвийского героя.

⁴ Галаты — кельтское племя; скиры — германское.

⁵ тисаматы, скифы и савдараты — местные северочёрноморские племена.

⁶ Миксэллыны (букв. смешанные эллины) — смешанное греко-туземное население, жившее в окрестностях Ольвии.

⁷ Названия ольвийских башен, по всей вероятности, происходили от имён строивших их граждан.

Клянусь Зевсом, Геей, Гелиосом, Девой¹, богами и богинями олимпийскими и героями, которые владеют городом, землёй и укреплениями херсонеситов:

1) я буду единомышлен о спасении и свободе города и граждан и не предаю ни Херсонеса, ни Керкинитиды, ни Прекрасной Гавани, ни прочих укреплений, ни прочей земли, которой херсонеситы владеют либо владели, — ничего никому, ни эллину, ни варвару, но буду оберегать для народа херсонеситов;

2) я не буду ниспровергать демократию, и желающему предать или ниспровергнуть не дозволю, и не утаю этого, но извещу городских демиургов;

3) я буду врагом злоумышляющему и предающему или склоняющему к отпадению Херсонес, или Керкинитиду, или Прекрасную Гавань, или укрепления, или область херсонеситов;

4) я буду служить демиургом или членом совета как можно лучше и справедливее для города и граждан;

5) я буду охранять для народа *састер*² и не разглашу ничего тайного ни эллину, ни варвару, что может повредить городу;

6) я не буду давать или принимать дара во вред городу и гражданам;

7) я не буду замышлять никакого несправедливого дела против кого-либо из неотпавших граждан³, и не дозволю этого, и не утаю, но заявлю и на суде подам голос соответственно законам;

8) я не буду вступать в заговор против общины херсонеситов и против кого-либо из граждан, кто не объявлен врагом народа; если же я вступил с кем-либо в заговор или связан какой-либо клятвой или обещанием, то лучше будет мне и моим близким нарушить их, а соблюдая — напротив⁴;

9) если я узнаю о каком-либо существующем либо возникающем заговоре, я извещу об этом демиургов;

10) хлеб, свозимый с равнины, я не буду ни продавать, ни вывозить с равнины в другое место, но только в Херсонес.

Зевс, и Гея, и Гелиос, и Дева, и боги олимпийские! Если буду я соблюдать всё это, да будет благо и мне самому, и потомству моему, и всему мне принадлежащему; если же не стану соблюдать, да будет зло и мне самому, и потомству, и всему мне принадлежащему, и пусть ни море, ни земля не приносят мне плода, пусть женщины не разрешаются благополучно от бремени... [*конец присяги утрачен.*]

(Розмежування на приналежній Херсонесу території виноградників)

Надпись, датируемая III в. до н.э., вырезана на пьедестале статуи, воздвигнутой согражданами в честь Агасикла. Археологическими исследованиями установлено, что территория современного Гераклеяского полуострова действительно была разделена межевыми насыпями на участки, принадлежавшие гражданам Херсонеса; по всей вероятности, Агасикл проводил межевые работы на этой территории.

Народ поставил статую Агасиклу, сыну Ктесия, предложившему декрет о гарнизоне и организовавшему его; размежевавшему виноградники на равнине; бывшему строителем стен; устроившему рынок; бывшему стратегом; бывшему жрецом; бывшему *гимнасиархом*⁵; бывшему *агораномом*⁶.

(Надпись на честь Сіріска)

О культуре и религии Херсонеса дает представление надпись второй половины III в. до н.э. в честь Сирииска. Из этого документа видно, что в Херсонесе существовала своя историография.

Гераклид, сын Парменонта, предложил: так как Сирииск, сын Гераклида, прочитал трудолюбиво описанные им явления богини Девы⁷ и рассказал об отношениях к царям Боспора, а также бывшие дружественные отношения с городами исследовал в соответствии с достоинством народа, то, чтобы он получил достойные почести, пусть постановит совет и народ похвалить его за это, и *симмнамонам*⁸ увенчать его золотым венком в Дионисии в двадцать первый день, и провозгласить: «Народ награждает венком Сирииска, сына Гераклида, за то, что он описал явления Девы, а также правдиво и согласно с достоинством государства исследовал бывшие дружественные отношения с городами и царями». Народное постановление написать *симмнамонам* на каменной плите и выставить в притворе храма Девы; деньги же на расходы выдать согласно решению казначею священных сумм. Это решено советом и народом в десятый день [*такого-то месяца и года*].

(Полісн, Військові хитрощі, VIII, 56)

Приводимый ниже отрывок из произведения Полиена, греческого писателя II в. н.э., составившего сборник рассказов о военных хитростях, несмотря на свой полуанекдотический характер, отражает засвидетельствованные и другими источниками исторические факты: тяжёлое положение Херсонеса, теснимого своими ближайшими соседями — скифами, и ту роль, которая принадлежала женщинам у сарматов.

Амага. Амага, жена Медосакка⁹, царя сарматов, живших на побережье Понта¹⁰, видя, что муж её предаётся роскоши и пьянству, по большей части сама чинила суд и расправу, сама расставляла гарнизоны в своей стране, отражала набеги врагов и помогала обижаемым соседям. Блестящая слава о ней разнеслась по всей Скифии, так что и жившие на Таврическом полуострове херсонеситы, обижаемые царём соседних скифов, попросили её принять их в число союзников. Амага сначала послала скифскому

¹ Наряду с обычными греческими божествами в Херсонесе почиталась Дева — местное таврское божество.

² *Састер* — непереводимое слово, смысл которого неясен. Под *састером* херсонесской присяги понимают городской арсенал либо главную городскую святыню — древнюю деревянную статую богини Девы.

³ Из этого места присяги видно, что часть граждан «отпала», т.е. не признавала существовавшей в городе власти; из следующего пункта можно заключить, что участие в заговорах также было нередким явлением. Всё это подтверждает точку зрения, согласно которой присяга возникла в момент ожесточённой социальной борьбы.

⁴ Смысл этой витиеватой формулы тот, что гражданин, связанный клятвой с заговорщиками, должен нарушить эту противогосударственную клятву.

⁵ *Гимнасиархи* — богатые граждане, обязанностью которых было содержать на собственный счёт *гимнасии* — помещения, предназначенные для физических упражнений, состоявшие из огороженных дворов, портиков и скамей для бесед философов и риториков (*эксэдр*).

⁶ *Агораномы* — должностные лица, наблюдавшие в древнегреческих городах за порядком на рынках.

⁷ ...прочитал... описанные им явления богини Девы — т.е. Сирииск прочитал перед гражданами Херсонеса своё произведение, видное место в котором принадлежало «явлениям Девы»; под последними надо понимать такие случаи из истории города, для объяснения которых религиозная фантазия херсонеситов не могла подыскать других причин, кроме вмешательства богини-покровительницы.

⁸ *Симмнамоны* — должностные лица, в функции которых входило оформление и обнародование постановлений совета и народа.

⁹ Имена Амаги и её мужа не засвидетельствованы другими источниками.

¹⁰ Проникновение к берегам Понта сарматов, первоначально кочевавших в степях Среднего и Нижнего Поволжья, относится к рубежу III и II вв. до н.э.

царю приказание прекратить свои набеги на Херсонес; когда же скиф не послушался, то она выбрала 120 человек, сильнейших душой и телом, дала каждому по три лошади, и, проскакав с ними в одни сутки тысячу двести стадиев, внезапно явилась ко двору скифского царя и перебила всех стражей у ворот. Скифы пришли в смятение от неожиданности и вообразили, что нападающих не столько, сколько они их видят, а гораздо более. Амага же, ворвавшись со своим отрядом во дворец, убила царя и бывших с ним родственников и друзей, страну отдала херсонеситам, а царскую власть вручила сыну убитого, приказав ему править справедливо и, помня о смерти отца, не трогать соседних эллинов и варваров.

(Договір Херсонеса з понтійським царем Фарнаком, 179 р. до н.е.)

Начальная часть этой найденной на территории Херсонеса надписи не сохранилась. Из уцелевшей части видно, что начиналась она с перечня обязательств, принятых на себя херсонесскими гражданами. О договоре Херсонеса с Фарнаком (179 г. до н.э.) упоминает Полибий (XXV, 2).

...но будем содействовать охране его царства¹ по мере возможности, пока он останется верен дружбе с нами и будет соблюдать дружбу с римлянами, ничего не предпринимая против них². Если мы будем соблюдать клятву, да будет нам благо, если же нарушим — всё обратное. Клятва эта свершена в пятнадцатый день месяца Гераклия, при царе³ Аполлодоре, сыне Герогейта, и секретаре Геродоте, сыне Геродота.

Клятва, которой поклялся царь Фарнак, когда явились к нему послы Матрий и Гераклий:

«Клянусь Зевсом, Геей, Гелиосом, всеми богами и богинями олимпийскими: я навсегда буду другом херсонеситам и, если соседние варвары⁴ выступят походом на Херсонес или на подвластную херсонеситам землю либо будут чинить несправедливости херсонеситам и те призовут меня, буду помогать им, поскольку позволит мне время, и никоим образом не буду замышлять зла против херсонеситов, и не пойду походом на Херсонес, и не подниму оружия против херсонеситов, и не совершу против херсонеситов ничего такого, что могло бы повредить народу херсонеситов, но буду содействовать по мере возможности сохранению его демократии, пока они останутся верными дружбе со мной, и, принеся такую же клятву, будут соблюдать дружбу с римлянами и не будут предпринимать против них ничего. Если я буду соблюдать клятву, да будет мне благо, если же нарушу — всё обратное».

Клятва эта принесена в 157 году, в месяце Даисии, как считает царь Фарнак⁵.

(Херсонесский декрет на честь Діофанта)

Декрет в честь Диофанта, полководца понтийского царя Митридата VI Евпатора (120-63 гг. до н.э.). Надпись на постаменте статуи конца II в. до н.э. Начало надписи отбито.

[*Номофилаки такие-то и стоящий во главе управления такой-то*], сын Зета, предложили: так как Диофант, сын Асклепидора, синопец, являясь нашим другом и благодетелем, пользуясь, как никто другой, доверием и уважением со стороны царя Митридата Евпатора, постоянно оказывается для каждого из нас виновником блага, склоняя царя к прекраснейшим и славнейшим деяниям; будучи уже приглашен им и приняв на себя войну против *скифов*, он прибыл в наш город и отважно совершил со всем войском переправу на ту сторону. Когда же скифский царь Палак внезапно напал на него с большим полчищем, он, поневоле приняв битву, обратил в бегство *скифов*, считавшихся до тех пор непобедимыми, и сделал так, что царь Митридат Евпатор первым воздвиг трофей в знак победы над ними. Подчинив себе соседних *тавров* и основав на том месте город, он отправился в боспорские местности и там в короткое время совершил много великих дел. Снова вернувшись в наши места и взяв с собой граждан цветущего возраста, он проник в середину Скифии; когда же *скифы* сдали ему царские крепости Хабеи и Неаполь, вышло так, что почти все *скифы* сделали подвластными царю Митридату Евпатору; за это благодарный народ почтил его приличествующими почестями как освобожденный уже от владычества варваров.

Когда же *скифы* обнаружили врожденное им вероломство, отложились от царя и изменили положение дел и когда царь Митридат Евпатор по этой причине снова выслал Диофанта с войском в Херсонес, Диофант, хотя время склонялось к зиме, взяв своих воинов и сильнейших из граждан, двинулся против царских крепостей *скифов*, но, будучи задержан непогодой, вернулся в приморские местности, овладел Керкинитидой, укреплениями и приступил к осаде жителей Прекрасной Гавани; когда же Палак, полагая, что ему содействует время, собрал всех своих и кроме того привлёк на свою сторону народ *ревксиналов*, постоянная кровительница херсонеситов Дева, и тогда содействуя Диофанту, посредством случившихся в храме чудес предзнаменовала имеющее совершиться деяние и вдохнула смелость и отвагу всему войску; когда Диофант сделал разумную диспозицию, воследовала для царя Митридата Евпатора победа славная и достопамятная на все времена, ибо из вражеской пехоты почти никто не спасся, а из всадников ускользнули лишь немногие.

Не теряя затем ни минуты в бездействии, Диофант, взяв войско, пошёл в начале весны на Хабеи и Неаполь со всей тяжестью... бежать, а остальных *скифов* совещаться о... Отправившись в боспорские местности, Диофант устроил тамошние дела прекрасно и полезно для царя Митридата Евпатора; когда же *скифы* с Савмаком во главе произвели государственный переворот и убили выкормившего его боспорского царя Перисада, а против Диофанта составили заговор, он, избежав опасности, сел на отпущенный за ним херсонесскими гражданами корабль и, прибыв в Херсонес, призвал на помощь граждан; имея ревностное содействие со стороны посылавшего его царя Митридата Евпатора, в начале весны он явился с сухопутным и морским войском, а кроме того взял и отборных из граждан на трёх кораблях и двинулся из нашего города, взял Феодосию и Пантикапей, покарал виновников восстания, а Савмака, убийцу царя Перисада, захватив в свои руки, отправил в царство Понтийское и снова приобрёл власть для царя Митридата Евпатора над Боспором. Кроме того, он, содействуя отправляемым народом посольствам во всем полезном херсонеситам, является благосклонным и ревностным.

Итак, чтобы и народ оказался воздающим достойную благодарность своим благодетелям, да постановит совет и народ увенчать Диофанта, сына Асклепидора, золотым венком в праздник Парфений во время процессии, причем *симнамоны* сделают следующее провозглашение: «Народ награждает венком Диофанта, сына Асклепидора, синопца, за его доблесть и благосклон-

¹ Т.е. Понтийского государства в Малой Азии.

² Характерно, что в это время роль Рима уже была настолько велика что два причёрноморских государства обуславливают соблюдение договора лояльностью по отношению к Риму.

³ Царём назывался в Херсонесе ежегодно переизбираемое должностное лицо — эпоним, именем которого назывался соответствующий год.

⁴ Угроза соседних племен, скорее всего скифов, побуждала херсонесских граждан искать помощи у понтийского царя (см. ниже декрет в честь Диофанта).

⁵ В Понтийском царстве существовало особое летосчисление, однако в данном тексте счёт ведётся по эре, началом которой было воцарение Александра Македонского (336 г. до н.э.).

ность к себе». Поставить также его медную статую в полном вооружении на Акрополе подле алтарей Девы и Херсонеса; об этом позаботиться вышеупомянутым должностным лицам, чтобы было сделано как можно скорее и лучше; постановление же начертать на пьедестале статуи, а потребные на это издержки выдать казначеям священных сумм. Так постановили совет и народ в девятнадцатый день месяца Дионисия, при царе Агеле, сыне Лагорина, при председателе эсимнатов Мении, сыне Гераклия, при секретаре Дамаскиле, сыне Атанея.

(Борьба племен Тавриды проти Диофанта, Страбон, Географія, VII, 4, 3-4; 3, 17; 4, 7)

Этот город [т.е. Херсонес Таврический] прежде пользовался автономией, но потом, будучи опустошаем варварами, принуждён был взять себе в покровители Митридата Евпатора, желавшего идти на варваров, живущих выше перешейка до Борисфена и Адрия. Эти походы были подготовкой к войне с римлянами. Поэтому он [т.е. Митридат], побуждаемый такими надеждами, охотно послал войско в Херсонес и стал воевать со скифами, бывшими тогда под властью Скилура и его сыновей с Палаком во главе... Он силою подчинил их себе и в то же время сделался властителем Боспора, который добровольно уступил ему тогдашний его владетель Перисад. С тех пор и доныне город Херсонес подчинён владыкам Боспора...

Долгое время этот город [т.е. Пантикапей] и все соседние поселения вокруг устья Меотиды по обе его стороны находились под единоличной властью правителей из дома Левкона, Сатира и Перисада, вплоть до того Перисада, который добровольно передал власть Митридату. Эти правители назывались тиранами, хотя в большинстве были люди достойные, начиная от Перисада и Левкона; Перисад признан даже богом. Последний правитель, одноимённый с ним, будучи не в состоянии бороться с варварами, требовавшими большей дани, чем прежде, уступил власть Митридату Евпатору, после которого царство подчинено власти римлян...

Роксоланы воевали и с полководцами Митридата Евпатора под предводительством Тасия; пришли они на помощь Палаку, сыну Скилура, и считались народом воинственным; однако против сомкнутой и хорошо вооружённой фаланги всякое варварское племя и легко вооружённое войско оказывается бессильным. И действительно, *роксоланы* в числе почти пятидесяти тысяч не могли устоять против шести тысяч, бывших под начальством Митридатова полководца Диофанта, и большинство их погибло...

Кроме перечисленных пунктов в Херсонесе существовали и укрепления, которые построил Скилур и его сыновья и которые служили для них опорными пунктами в военных действиях против Митридатовых военачальников, именно Палакий, Хаб и Неаполь. Был также и Евпаторий, основанный Диофантом, полководцем Митридата. На расстоянии около пятнадцати стадиев от стены херсонеситов есть мыс, образующий порядочной величины залив, направляющийся к городу. Выше него лежит морское болото с солеварней. Здесь была и гавань Ктенунт. Для того чтобы бороться со скифами, царские, [т.е. Митридатовы], военачальники во время осады поставили на упомянутом мысу гарнизон, оградив это место стеной и засыпав вход в залив до самого города [т.е. Херсонеса], так что можно было без затруднений переправляться сухим путем и из двух городов сделался как бы один. С этих пор они легче отражали скифов. Когда же последние напали и на укрепление перешейка при Ктенунте и стали заваливать ров тростником, то царские воины ночью сжигали часть плотины, выстроенную днём, и таким образом сопротивлялись до тех пор, пока не победили. Теперь вся эта страна находится под властью боспорских царей, которых назначают римляне.

(Посольство херсонесцев до Юлия Цезаря)

Номофилаки... Ламах сын Деметрия, Аполлоний сын Зета и стоящий во главе управления Атений сын Стратоника предложили: так как Гай Юлий Сатир, сын Теогена, сделанный гражданином Херсонеса при наших отцах, достойный всех благодарностей за его труды по участию в государственном управлении, посланный в Рим к римскому сенату и Гаю Юлию Кесарю, консулу в третий раз, диктатору в третий раз... [конец надписи отбит.]

№3

БОСПОРСЬКЕ ЦАРСТВО

(Міжусобна боротьба синів Перісада I, Діодор Сицилійський, Історична бібліотека, XX, 22-25)

Рассказ о междоусобной борьбе сыновей Перисада I, вспыхнувшей после его смерти в 309 г. до н.э., по всем признакам был заимствован Диодором у какого-то очень хорошо осведомленного в боспорских делах, может быть, местного боспорского историка. Рассказ этот — одно из немногих и самых надежных литературных свидетельств по истории Боспора.

22. В Понте по смерти Перисада, царя Киммерийского Боспора, сыновья его Евмел, Сатир и Притан подняли между собой войну из-за власти. Старший из них, Сатир, получил власть от отца, царствовавшего тридцать восемь лет; но Евмел, вступив в дружеские отношения с некоторыми из соседних варварских народов и собрав значительные военные силы, стал оспаривать у брата власть.

Сатир, узнав об этом, двинулся против него со значительным войском; перейдя через реку Фат¹ и приблизившись к неприятелям, он окружил свой лагерь телегами, на которых привёз огромное количество провианта, затем выставил войско и сам по скифскому обычаю стал в центре боевого строя. Союзниками Сатира в этом походе были греческие наемники в числе не более двух тысяч и столько же фракийцев, а всё остальное войско состояло из союзников-скифов в количестве двадцати с лишком тысяч пехоты и не менее десяти тысяч всадников. На стороне Евмела был царь *фатеев* Арифарн² с двадцатью тысячами конницы и двадцатью двумя тысячами пехоты.

Когда произошло упорное сражение, Сатир, окруженный отборными воинами, завязал конную стычку со свитой Арифарна, стоявшего против него в центре боевого строя, и после значительных потерь с той и с другой стороны принудил наконец варварского царя обратиться в бегство. Сначала Сатир бросился его преследовать, убивая всех попадавшихся на пути, но немного спустя, услышав, что брат его Евмел одолевает на правом фланге и обратил в бегство его наёмников, он прекратил преследование и поспешил на помощь побеждённым; сделавшись вторично виновником победы, он разбил всё неприятельское войско, так что для всех стало ясно, что и по старшинству происхождения и по храбрости он был достоин наследовать отцовскую власть.

¹ Река Фат не может быть с уверенностью отождествлена ни с одной из известных нам рек Приазовья, в связи с чем вызывает затруднение и локализация племени *фатеев*.

² Царь Арифарн, как и упоминающийся дальше Агар, известен только из этого рассказа.

23. Те из воинов Арифарна и Евмела, которые уцелели в сражении, бежали в царскую крепость; она стояла у реки Фат, которая обтекала её и вследствие своей значительной глубины делала неприступной¹. Кроме того, она была окружена высокими утёсами и огромным лесом, так что имела всего два искусственных доступа, из которых один, ведущий к самой крепости, был защищён высокими башнями и наружными укреплениями, а другой был с противоположной стороны в болотах и охранялся палисадами; притом здание было снабжено прочными колоннами и жилые помещения находились над водой.

Ввиду того что крепость была так хорошо укреплена, Сатир сначала опустошил неприятельскую страну и предал огню селения, в которых захватил пленных и множество добычи. Затем он сделал попытку вторгнуться силой через проходы, причём со стороны передовых укреплений и башен принуждён был с потерей многих воинов отступить, но с луговой стороны ему удалось овладеть деревянными укреплениями. Разгромив их и перейдя через реку, он начал вырубать лес, через который нужно было пройти к царской крепости.

Когда эта работа быстро подвигалась вперед, царь Арифарн, опасаясь, что крепость будет взята приступом, стал обороняться мужественнее, так как всё спасение заключалось в победе. Он расставил по обе стороны прохода стрелков, которые и стали без труда поражать воинов, вырубавших лес, так как последние вследствие густоты деревьев не могли ни предохранять себя от стрел, ни защищаться против стрелков. Три дня воины Сатира рубили лес, с трудом и опасностями пролагая себе дорогу; на четвертый день они приблизились к стене, но, осыпаемые тучей стрел в тесной позиции, потерпели огромный урон. Предводитель наёмников Мениск², отличавшийся и умом и храбростью, бросился через проход к стене и вместе со своими товарищами стал храбро атаковать укрепления, но был отражён превосходящими силами неприятеля. Сатир, увидев его в опасности, поспешил на помощь и, выдержав натиск неприятелей, был ранен копьём в руку. Почувствовав себя дурно вследствие раны, он возвратился в лагерь и при наступлении ночи скончался, пробыв царём всего девять месяцев после смерти отца своего Перисада.

Начальник наёмников Мениск, сняв осаду, отвел войско в город Гаргазу³ и оттуда по реке перевёз останки царя в Пантикапей к брату его Притану.

24. Последний, устроив великолепные похороны и положив тело в царскую гробницу, быстро явился затем в Гаргазу и здесь принял начальство над войском и царскую власть. Евмел завёл было через послов переговоры относительно предоставления ему части государства, но Притан не обратил на них внимания и, оставив в Гаргазе гарнизон, возвратился в Пантикапей, чтобы упрочить свою власть.

В это самое время Евмел при помощи варваров захватил Гаргазу и немало других городов и укреплений. Притан выступил против него с войском, но Евмел одержал победу над братом и, оттеснив его к перешейку близ Меотийского озера, принудил сдаться на капитуляцию, в силу которой Притан передал ему войско и отказался от царской власти. Прибыв затем в Пантикапей, где была постоянная резиденция боспорских царей, Притан попытался было вернуть себе власть, но потерпел неудачу и бежал в так называемые Кепы, где и был умерщвлён.

После смерти братьев Евмел, желая упрочить свою власть, приказал умертвить друзей Сатира и Притана, а также их жён и детей. Удалось спастись только одному Перисаду, сыну Сатира, очень молодому человеку: бежав из города верхом на коне, он нашёл убежище у скифского царя Агара. Так как граждане выражали негодование по поводу убийства царём своих родственников, то Евмел, созвав народ на собрание, произнёс речь в свою защиту и восстановил унаследованный от отцов образ правления⁴; кроме того, он согласился на сохранение беспощинности, которой пользовались жители Пантикапея при его предках, обещал освободить всех от податей и говорил ещё о многом другом, желая расположить к себе народ.

Скоро возвратив благодеяниями прежнее расположение всех граждан, он во всё остальное время царствования правил своими подданными согласно с законами и возбуждал к себе немалое удивление своими достоинствами.

25. Он постоянно оказывал услуги византийцам, синопцам и большинству других эллинов, живших по берегам Понта. Так, когда каллатийцы, осаждённые Лисимахом, очутились в бедственном положении из-за недостатка продовольствия⁵, он принял к себе тысячу человек, удалившихся вследствие недостатка в пище, и не только дал им безопасное убежище, но даже предоставил город для поселения, а кроме того, разделил на участки так называемую Псою и область. Для защиты плавающих по Понту он вступил в войну с варварскими народами, обыкновенно занимавшимися пиратством, — *гениохами*, *таврами* и *ахейцами*⁶ — и очистил море от пиратов, за что и получил самый лучший плод благодеяния — похвалу не только в своём царстве, но почти по всей *ойкумене*, так как торговые люди разнесли молву о его великодушии. Он присоединил значительную часть соседних варварских земель и доставил своему царству гораздо большую известность. Он задумал было вообще покорить все племена, окружающие Понт, и скоро привёл бы в исполнение свой замысел, если бы скорострительная смерть не пресекла его жизнь. Пробыв на престоле пять лет и столько же месяцев, он скончался от несчастного случая [в 303 г. до н.э.].

(Полиен, Військові хитрощі, VI, 9)

Хотя достоверность сообщаемых Полиеном событий находится под большим сомнением, но рассказы его передают напряжённую обстановку времени поздних Спартокидов (середина и вторая половина III в. до н.э.), которая не нашла почти никакого отражения в других литературных источниках.

*Перисад*⁷. Понтийский царь Перисад в одной одежде строил войско, в другой — вступал в битву с врагами, в третьей — обращался в бегство в случае надобности: ставя войско в строй, он хотел быть видным для всех, в опасности не хотел быть видным никому из врагов, наконец, во время бегства не желал быть узнаваемым ни своими, ни врагами.

*Левкон*⁸. Левкон, нуждаясь однажды в деньгах, объявил, что думает чеканить новую монету и что каждый должен принести к нему наличные деньги, для того чтобы они были перечеканены и остались годными. Подданные принесли ему всё, что у них

¹ Местонахождение этой крепости неизвестно.

² *Предводитель наёмников Мениск*... — т.е. греческих и фракийских наёмных воинов, которые были упомянуты выше.

³ Город Гаргаза упоминается только в этом рассказе, и местоположение его неизвестно.

⁴ ...унаследованный от отцов образ правления — букв. отцовский строй, под которым, очевидно, подразумевается восстановление полисного самоуправления в Пантикапее.

⁵ Речь идёт о восстании Каллатии против Лисимаха, правителя Фракии, которое после нескольких лет упорного сопротивления было подавлено.

⁶ *Гениохи* и *ахейцы* жили на побережье Кавказа, *тавры* — в Южном Крыму.

⁷ Перисад, упоминаемый в этом отрывке, — внук Евмела, правивший в 284-245 гг. до н.э.

⁸ Левкон, о котором здесь и далее идёт речь, правил в третьей четверти III в. до н.э.

было; тогда он наложил новый штемпель и на каждой монете надписал двойную против прежней стоимость; таким образом он вырубил половину собранных денег, не причинив убытка никому из граждан¹.

Левкон, узнав, что многие из его друзей и граждан составили против него заговор, созвал всех купцов² и попросил у них взаймы все деньги, сколько у кого было, говоря, что ему выдают врагов. Когда же купцы с полной готовностью одолжили деньги, он собрал их во дворец, открыл составленный гражданами заговор и попросил купцов быть его телохранителями, так как они получают свои деньги только тогда, если спасут его. И действительно, купцы, желая спасти свои деньги, вооружились и сделались: одни — его личными телохранителями, другие — стражами дворца. Тогда Левкон при помощи их и наиболее преданных ему друзей схватил и перебил участников заговора, упрочил за собой власть и отдал купцам деньги.

(Страбон, География, VII, 4, 3; 4)

3. Этот город [т.е. Херсонес] прежде пользовался автономией, но, будучи опустошаем варварами, принуждён был взять себе в покровители Митридата Евпатора, желавшего идти на варваров, живущих выше перешейка до Борисфена и Адрия. Эти походы были подготовкой к войне с римлянами. Поэтому он, побуждаемый такими надеждами, охотно послал войско в Херсонес и стал воевать со *скифами*, бывшими тогда под властью Скилура и его сыновей с Палаком во главе... Он силой подчинил их себе и в то же время сделался властителем Боспора, который добровольно уступил ему владелец Перисад...

4. ...Долгое время этот город [т.е. Пантикапей] и все соседние поселения вокруг устья Меотиды по обе его стороны находились под единоличной властью правителей из дома Левкона, Сатира и Перисада вплоть до Перисада, который передал власть Митридату. Эти правители назывались тиранами, хотя в большинстве были достойные, начиная от Перисада и Левкона. Перисад признан даже богом. Последний правитель, одноимённый с ним, будучи не в состоянии бороться с варварами, требовавшими большей дани, чем прежде, уступил власть Митридату Евпатору, после которого царство подчинено власти римлян.

IV. ПІВНІЧНЕ ПРИЧОРНОМОР'Я В ЕПОХУ РИМСЬКОЇ ІМПЕРІЇ

№1

ПРИРОДНІ УМОВИ І ПОБУТ ПЛЕМЕН ПІВНІЧНОГО ПРИЧОРНОМОР'Я

(Страбон, География, 3, 14-19; 4, 1; 4, 2-6)

Между *гетами* и Понтийским морем, от Истра по направлению к Тирасу, лежит гетская пустыня, ровное и безводное пространство... Отсюда до судоходной реки Тираса девятьсот стадиев. В промежутке есть два больших озера, из которых одно имеет сообщение с морем, так что может служить и гаванью, а другое не имеет входа. При устье Тираса находится башня, называемая Неоптолемовой, и деревня, известная под названием Гермонактовой. Если подняться по реке на 140 стадиев, то на обоих берегах встретятся города: один — Никония, а другой, на левом берегу, — Офиусса; жители побережья этой реки говорят, что, если подняться на 120 стадиев, то встретится город. На расстоянии пятисот стадиев от устья этой реки лежит в открытом море остров Бельый, посвящённый Ахиллу.

Затем следует река Борисфен, судоходная на протяжении шестисот стадиев, и неподалеку от неё другая река Гипанис и остров перед устьем Борисфена с гаванью. В двухстах стадиях по Борисфену лежит одноимённый с рекою город. Он называется также Ольвией и представляет собой большой торговый порт, основанный милетянами. Всё пространство, лежащее выше упомянутого промежутка между Борисфеном и Истром, занимают, во-первых, пустыня *гетов*, затем *тирегеты*, за ними *язиги-сарматы*, так называемые царские, и *урги*; все они по большей части — кочевники, но немногие занимаются и земледелием; эти последние, говорят, живут также по Истру, нередко на обоих берегах его. Внутри материка *бастарны* живут в соседстве с *тирегетами* и *германцами*, вероятно и сами принадлежат к германскому племени и будучи разделены на несколько колен... Самые северные племена, занимающие равнины между Танаисом и Борисфеном, называются *роксоланами*... Они носят шлемы и панцири из сырой воловьей кожи и сплетенные из прутьев щиты, а наступательным оружием им служат копья, лук и меч. Подобным образом вооружено и большинство других варваров. Кибитки кочевников сделаны из войлока и прикреплены к повозкам, на которых они живут; вокруг кибиток пасётся скот, мясом, сыром и молоком которого они питаются. Они следуют за своими стадами, выбирая всегда местности с хорошими пастбищами; зимою — в болотах около Меотиды, а летом — и на равнинах.

За островом, лежащим перед Борисфеном, сейчас к востоку идёт морской путь к мысу Ахиллова бега, месту, лишённому растительности, но называемому рошей и посвященному Ахиллу. Затем — Ахиллов бег, выдающийся в море полуостров; это узкая коса, длиною около тысячи стадиев по направлению к востоку; наибольшая ширина её — два стадия, а наименьшая — четыре плетра. От материка, находящегося по обе стороны перешейка, она отстоит на шестьдесят стадиев; почва на ней песчаная, вода колодезная. Посредине её перешеек, имеющий около сорока стадиев. Заканчивается полуостров у мыса, называемого Тамиракой и имеющего пристань, обращённую к материка. За мысом находится значительный залив Каркинитский, простирающийся сверху приблизительно на тысячу стадиев; другие, однако, говорят, что до внутреннего угла залива расстояние втрое больше. Жители побережья называются тафриями. Залив этот называют также Тамиракским, соименно мысу. Здесь находится перешеек шириною в сорок стадиев, отделяющий так называемое Гнилое озеро от моря и образующий полуостров, называемый Таврическим и Скифским. Некоторые, впрочем, утверждают, что ширина перешейка равна тремстам шестидесяти стадиям. Гнилое озеро, как говорят, имеет в ширину даже четыре тысячи стадиев и составляет западную часть Меотиды, с которой оно соединено широким устьем. Оно очень болотисто и едва судоходно для шитых лодок, так как ветры легко открывают мели и затем снова их наполняют водою, так что эти болота непроходимы для более значительных судов...

¹ При всей своей анекдотичности рассказ этот не лишён исторической основы: при Левконе II в Боспорском государстве была осуществлена денежная реформа, одним из элементов которой являлась надчеканка прежних сортов монеты.

² Т.е. иноземных купцов, находившихся в столице Боспора.

(Пліній Старший, Природнича історія, IV, 80-81)

Пліній Старший (23-79 гг. н.э.) — римский ученый, автор многочисленных трудов по естествознанию, истории, риторике. До нас дошла его самая крупная работа энциклопедического характера — «Естественная история» в 37 книгах, представляющая собой свод современных ему сведений (заимствованных, по свидетельству самого Плиния, более чем из 2 тыс. трудов) по астрономии, физике, географии, ботанике, зоологии, медицине и минералогии.

К северу от Истра, вообще говоря, все племена считаются скифскими, но прибрежные местности занимали разные племена, то *геты*, у римлян называемые *даками*, то *сарматы*, или по-гречески *савроматы*, а из их числа *гамаксобии*, или *аорсы*, то неблагородные, рабского происхождения, *скифы*, или *трогодиты*, затем *аланы* и *роксоланы*. Страны, лежащие выше, между Дануviем и Геркинским хребтом, до Паннонских стоянок в Карнунте и до полей и равнин живущих там в соседстве германцев, занимают *язиги-сарматы*, а горные хребты и ущелья до реки Патисса — прогнанные ими *даки*. От реки Мара, или Дурии, отделяющей их от *свебов* и от царства Ваннианского, противоположную область занимают *бастернеи* и затем другие германцы... Имя *скифов* повсюду переходит в имена *сарматов* и *германцев*, так что древнее имя осталось только за теми племенами, которые занимают самые отдалённые страны и почти неизвестны прочим смертным.

(Птолемей, Географічне керівництво, III, 5, 1-7)

Клавдий Птолемей (II в. н.э.) — знаменитый астроном, математик и географ. Жил в Александрии, современник римского императора Антонина Пия (138-161 гг.). До нас дошёл ряд его трудов (некоторые благодаря переводу их на арабский язык), из которых наибольшее значение имеют руководство по географии в 8 книгах и большой труд по астрономии в 13 книгах. Птолемей — автор гелиоцентрической системы, опровергнутой Коперником.

Европейская Сарматия ограничивается на севере Сарматским океаном по Венедскому заливу и частью неизвестной земли... С запада Сарматия ограничивается рекой Вистулой, частью Германии, лежащей между её истоками и Сарматскими горами, и самими горами... Южную границу составляют *язиги-переселенцы* от южного предела Сарматских гор до начала горы Карпата... и соседняя Дакия... до устья реки Борисфена и далее береговая линия Понта до реки Каркинита... Восточную границу Сарматии составляют перешеек от реки Каркинита, озеро Бика, береговая линия Меотийского озера до реки Танаиса, самая река Танаис, наконец, меридиан, идущий от истоков Танаиса к неизвестной земле до вышесказанного предела... Заселяют Сарматию очень многочисленные племена: *венеды* — по всему Венедскому заливу; выше Дакии — *невкины* и *бастерны*; по всему берегу Меотиды — *язиги* и *роксоланы*; далее за ними в глубь страны — *гамаксобии* и *скифы-аланы*.

(Помпоний Мела, Землеопис, III, 4, 33-34)

Помпоний Мела (первая половина I в. н.э.) — уроженец Испании, автор написанного на латинском языке географического очерка «Землеописание» в 3 книгах. В своём труде использовал данные более древних античных географов и историков.

Сарматия, более пространная внутри, чем по морскому берегу, отделяется от следующих земель рекой Вистулой и, опускаясь вниз, доходит до реки Истра. Население её по одежде и вооружению ближе всего подходит к парфянскому, но отличается более суровыми нравами, подобно самому климату. Сарматы не живут в городах и даже не имеют постоянных мест жительства: они вечно живут лагерем, перевозя своё имущество и богатства туда, куда привлекают их лучшие пастбища или принуждают отступающие или преследующие враги, племя воинственное, свободное, непокорное и до того жестокое и свирепое, что даже женщины участвуют в войнах наряду с мужчинами; для большего удобства движений у девочек немедленно после рождения прижигается правая грудь и вследствие этого рука делается свободной для нанесения ударов, а грудь — мужской.

(Йосиф Флавій, Іудейська війна, II, 16, 4)

Зачем говорить о *гениохах* и *колхах*, о племени *тавров*, о *бастарнах* и живущих вокруг Понта и Меотиды народах, которые прежде не признавали и собственного владыки, а теперь удерживаются в подчинении тремя тысячами тяжеловооружённых воинов, и сорок военных кораблей поддерживают мир на суровом и несудоходном прежде море?...

№2

ОЛЬВИЯ І ТІРА

(Декрет на честь ольвіополіта Теокла, кін. II — поч III ст. н.е.)

Какие города увенчали покойного Теокла сына Сатира золотыми венками: Ольвиополиты, Никомедийцы, Никейцы, Гераклеоты, Византийцы, Амастриане, Тиане, Прусийцы, Одесситы, Томиты, Истриане, Каллатиане, Милет, Кизик, Апамея, Херсонес, Боспор, Тира, Синопа.

При архонтах во главе с Теоклом сыном Сатира в четвертый раз, месяца боэдромиона пятнадцатого дня, в состоявшемся всенародном собрании, по докладу Антифонта сына Анаксимена, архонты предложили: так как Теокл сын Сатира, муж, происходящий от предков славных и оказавших много услуг нашему отечеству в посольствах, всяких должностях и благодеяниях как отдельным гражданам, так и пребывающим у нас иностранцам, последовал достоинству предков и обнаружил доблесть и благосклонность к отечеству, как и его предки, и в добром характере, и в честном поведении, и в благосклонности вообще во всём и ко всем, так что своею умеренностью, любовью к отечеству и гостеприимством к эллинам превзошёл своих предков и сравнялся с великими благодетелями нашего отечества, и для посольств добровольно предлагая свою деятельность, и в попечении о работах и в постройках потрудился, так что через него наш город сделался красивее и славнее, и в должностях, которые он занимал, и в жречестве, и в стратегиях, и во всех общественных службах безукоризненно во всем отдавал себя в распоряжение отечества, относясь спокойно и ровно ко всем, управлял всем безупречно и справедливо; занимая в четвертый раз высшую должность, — ибо следовало таким мужам начальствовать и множество раз, — направляя свою деятельность ко всяческому согласию, обращаясь со своими сверстниками как брат, со старшими как сын, с детьми как отец, украшенный всякими добродетелями, он был похищен завистливым роком до окончания срока службы, так что граждане и иностранцы, вследствие похищения смертью мужа, стоявшего во главе города, опечалились; а совет, народ и города, из которых пребывали у нас иностранцы, сочли достойным, чтобы Теокл был увенчан золотым венком, и было сделано провозглашение через глашатая, что совет, народ и родные города пребывающих у

нас иностранцев увенчивают Теокла сына Сатира, превзошедшего всех, от века отличавшихся заботами об общем благе и приносивших пользу городу; чтобы его изображение на щите было поставлено на общественный счёт в гимнасии, о постройке которого он сам имел попечение; чтобы это постановление было вырезано на белокаменной плите и воздвигнуто на самом видном месте города, для того чтобы все узнали, что этот муж был дерзновенен в мужестве, не медлителен в добродетели, спасителен для сограждан и человеколюбив к иностранцам, или для поощрения лиц, могущих любить отечество и благодетельствовать ему.

(Дион Хрисостом, Борисфенітська промова)

Дион Хрисостом (I—II вв. н.э.) — известный оратор, получивший прозвище «Златоуст». Уроженец Вифинии, жил в Риме, при Домициане был изгнан, при Антонине снова вернулся в Рим. Автор 80 речей, из которых для нас представляет наибольший интерес так называемая «Борисфенитская речь», поскольку Дион лично посетил Ольвию в конце I в. н.э.

Город борисфенитов по величине не соответствует своей прежней славе вследствие неоднократных разорений и войн: находясь уже так давно среди варваров, — и притом почти самых воинственных, — он постоянно подвергается нападениям и несколько раз был уже взят врагами; последнее и самое сильное разорение его было не более как сто пятьдесят лет тому назад: *геты* взяли и его, и остальные города по левому берегу Понта вплоть до Аполлонии. Из-за этого дела тамошних эллинов пришли в крайний упадок: одни города совсем не были восстановлены, другие — в плохом виде, и при этом нахлынула в них масса варваров. Много сделано было захватов во многих частях эллинского мира, рассеянного по разным местам. После разгрома борисфениты снова заселили город, как мне кажется, по желанию *скифов*, нуждавшихся в торговле и посещениях эллинов, которые по разрушении города перестали приезжать туда, так как не находили соплеменников, которые могли бы их принять, а сами *скифы* не желали и не умели устроить им торговое место, по эллинскому образцу. О бывшем разорении свидетельствуют плохой вид построек и тесное расположение города на небольшом пространстве: он пристроен лишь к небольшой части прежней городской черты, где остаётся ещё несколько башен, не соответствующих ни величине, ни силе нынешнего города; находящееся между ними пространство тесно застроено домишками почти без промежутков и обнесено очень низенькой и непрочной стенкой. Некоторые башни стоят так далеко от заселенной ныне местности, что нельзя даже представить себе, чтобы они принадлежали одному городу. Все это служит явными признаками его разорения, а затем ещё то, что в храмах не осталось ни одной целой статуи, но все они изуродованы, равно как и бывшие на надгробных памятниках...

...Почти все борисфениты усердно читают этого поэта [т.е. Гомера], вероятно потому, что они и теперь ещё воинственны, а может быть, вследствие любви к Ахиллу; они чрезвычайно чтят последнего, построили ему один храм на так называемом Ахилловом острове, а другой в самом городе, и кроме Гомера ни о ком другом не хотят и слушать. Хотя они по-эллински говорят уже не совсем чисто из-за того, что живут среди варваров, но все-таки «Илиаду» почти все знают наизусть...

(Посвячення бані в Ольвії, 198 р. н.е.)

В добрый час. Отеческим богам и за вечное пребывание императора Луция Септимия Севера Пертинакса и Марка Аврелия Антонина Кесаря Августа и всего их дома город ольвиополитов построил баню с штучным полом на общественные средства и посвятил при правителе епархии Косконии Гентиане, при отце города Каллисфене сыне Каллисфена, при архонтах с Каллисфеном сыном Дада во главе: таком-то сыне Каллисфена, Маркиане сыне Домниона, Рувине сыне Филадельфа, Конкордии сыне Атты; архитектором был такой-то, никомедиец, он же и томит...[*надпись местами повреждена*]

(Посвячення з Ольвії, 248 р. н.е.)

Латинская надпись из Ольвии от 248 г. н.э. Это последняя датированная надпись, упоминающая о римском гарнизоне в Ольвии.

За здравие господ наших императоров Филиппа Августа, консула в третий раз, и Филиппа императора во второй, Пирр Бит, воин, поставил алтарь Меркурию.

(Посвячення з Тіри)

Латинский напис 116-117 pp.

Императору Нерве Траяну Цезарю, Лучшему Августу, Германскому, Дакийскому, Парфянскому, облечённому трибунской властью двадцатый раз, консулу шестой раз, — Квинт Помпей Фалькон, легат Августа, пропретор, совершил посвящение при посредстве вексилляции V Македонского легиона и его вспомогательных отрядов, попечением Марка Энния Илладиана, центуриона V Македонского легиона.

(Листування з приводу звільнення громадян Тіри від мита)

Большая мраморная плита, найденная на берегу Днестра у села Коротное. Два первых письма написаны по-латыни, третье — по-гречески. Датируется 201 г. н.э., когда Тира входила в состав римской провинции Нижней Мезии. Первый документ — письмо императора Септимия Севера и его сына Каракаллы наместнику провинции Л. Овинию Тертулли, второй — их послание прокуратору Иллирика Гераклиту, третий — письмо Тертулла к властям Тире, сохранявшей свою автономию.

I. *Копия письма к Тертулли.* Мы послали к тебе письмо, адресованное к Гераклиту, из которого ты узнаешь сделанное нами постановление относительно свободы от пошлин, которую присваивают себе тириане. Хотя мы обыкновенно допускаем её не иначе как по обсуждении оснований для такой привилегии и по рассмотрении происхождения свободы от пошлин, но в данном случае мы со справедливой снисходительностью сохранили то, что казалось давно вошедшим в употребление на каком бы то ни было основании, как для того, чтобы не лишиться их давнишнего обычая, так и для того, чтобы впоследствии постановления о принятии тех или других лиц в число граждан были представляемы на благоусмотрение сиятельного правителя провинции.

II. *Копия письма к Гераклиту.* Несмотря на то, что гражданская община тириан не объясняет происхождения данной ей льготы и что присвоенное неправильно или произвольно не может быть подтверждено давностью времени, однако же, принимая

во внимание грамоты родителя нашего, блаженной памяти Антонина, а также и братьев-императоров и почтеннейшего правителя Антония Гибера, мы, что касается самих тирян и тех, которые приняты ими в число граждан по их законам, не желаем никакого изменения прежнего обычая. Посему право на привилегию, на каком бы то ни было основании испрошенное или приобретённое, пусть остаётся за ними и относительно предметов торговли, с тем однако же, чтобы они помнили о необходимости предъявлять их надлежащим властям по прежнему обычаю, для различения товаров, подлежащих оплате пошлиной. Но так как доходы Иллирика не должны уменьшаться вследствие происков, то да будет им известно, что те, которые впоследствии будут принимаемы в число граждан, только в таком случае будут иметь право пользоваться свободой от пошлин, если сиятельный легат и друг наш особым декретом объявит их достойными права гражданства. Мы полагаем, что если они не будут неблагодарными, то оценят всю величину и важность оказанной им милости, так как мы, не входя в рассмотрение происхождения их льготы, повелели признавать их достойными чести гражданами.

III. *Письмо Тертулла.* Овиний Тертулл властям, совету и народу тирян желает здравствовать. Копию благоговейно чтимых посланий, присланных мне от владык наших, непобедимых и благополучнейших императоров, я предпослал моему настоящему письму, дабы вы, узнав божественные к вам щедроты, благодарили их высокую судьбу. Желая вам здоровья и благополучия на многие лета. Дано в 13 день до мартовских календ, Ленеона 8 дня. Поставлено в консульство Мукиана и Фабиана, в 145 году, при архонте П. Элии Кальпурнии.

№3

ТАВРИЙСЬКИЙ ПВОСТРІВ І БОСПОРСЬКЕ ЦАРСТВО ЗА СТРАБОНОМ (ГЕОГРАФІЯ, XI, 2, 2-11)

Если плыть из Тамиракского залива, то влево будет городок и другая гавань херсонесцев. Затем, если плыть вдоль берега, к югу выдается большой мыс, составляющий часть целого Херсонеса. На нём расположен город гераклеотов, колония живущих на южном берегу Понта, называемый также Херсонесом и находящийся в 4 400 стадиях плавания от устья Тираса. В этом городе есть святилище Девы, какой-то богини, имя которой носит и находящийся перед городом, на расстоянии 100 стадиев, мыс, называемый Парфением. В святилище находится храм богини и статуя. Между городом и мысом есть три гавани, затем следует древний Херсонес, лежащий в развалинах, а за ним бухта с узким входом, возле которой преимущественно устраивали свои разбойничьи притоны *тавры*, скифское племя, нападавшее на тех, которые спасались в эту бухту; называется она бухтою Символов. Она с другой бухтой, называемой Ктенунтом, образует перешеек в сорок стадиев. Это и есть тот перешеек, который замыкает Малый Херсонес, составляющий, как мы сказали, часть большого Херсонеса и имеющий на себе город, носящий одинаковое с полуостровом название — Херсонес... Начиная от бухты Символов до города Феодосии тянется Таврическое побережье длиной около тысячи стадиев, неровное, гористое и открытое для северных ветров...

За вышеупомянутой горной областью лежит город Феодосия с плодородной равниной и с гаванью, пригодной даже для сотни судов. Он был прежде границей владений *боспорцев* и *тавров*. Затем следует плодородная страна до Пантикапея, столицы *боспорцев*, построенной при устье Меотиды. От Феодосии до Пантикапея около 530 стадиев; вся эта земля богата хлебом, имеет деревни и город с хорошей гаванью, называемый Нимфеем. Пантикапей представляет собою холм, со всех сторон заселенный, окружностью в 20 стадиев; с восточной стороны от него находится гавань и доки приблизительно для 30 кораблей, есть также акрополь; основан он милетянами...

Вход в Меотиду называется Киммерийским Боспором; начинается он с довольно значительной ширины, именно около 70 стадиев, где и переправляются из окрестностей Пантикапея в ближайший азиатский город Фанагорию, а оканчивается гораздо более узким проливом. Этот проход отделяет Европу от Азии, подобно тому как и река Танаис, текущая с противоположной ему стороны с севера в озеро и его устье. Она изливается в озеро двумя рукавами, находящимися один от одного на расстоянии около шестидесяти стадиев. Есть и город, соименный реке, самое большое торговое место у варваров после Пантикапея. Влево для въезжающего в Боспор Киммерийский лежит городок Мирмекий в двадцати стадиях от Пантикапея. Вдвое дальше от Мирмекия отстоит деревня Парфений, у которой самая узкая часть пролива, всего около двадцати стадиев; на азиатской стороне против него лежит деревня, называемая Ахиллием... Весь этот берег, мимо которого приходится плыть, со стороны Европы пустынен, а с правой стороны не безлюден. Вся окружность озера, по достоверным свидетельствам, имеет девять тысяч стадиев. Большой Херсонес и по виду и по величине похож на Пелопоннес; им владеют боспорские повелители, после того как он весь сильно пострадал от непрерывных войн. Раньше боспорские тираны владели лишь небольшой областью при устье Меотиды и при Пантикапее до Феодосии, а наибольшую часть страны до перешейка и Каркинитского залива занимало скифское племя *тавров*...

Что касается Херсонеса, то, за исключением горной области на морском берегу до Феодосии, вся остальная часть его представляет равнину с хорошей почвой и чрезвычайно богатую хлебом: земля, вспаханная как попало любым пахарем, дает урожай сам-тридцать. Жители давали в дань Митридату 180 тыс. *медимнов* хлеба и двести талантов серебра вместе с азиатскими местечками возле Синдики. И в прежние времена отсюда вывозился хлеб к эллинам, подобно тому как солёная рыба из Меотиды. Рассказывают, что Левкон послал из Феодосии афинянам два миллиона сто тысяч *медимнов*. Эти самые жители полуострова специально назывались земледельцами, вследствие того что обитавшие выше их были кочевниками, питавшимися мясом различных животных, преимущественно же кониной, а также кобыльим сыром, молоком и сывороткой... Кочевники занимаются более войною, чем разбоем, и войны ведут из-за дани; предоставив землю во владение желающим заниматься земледелием, они довольствуются получением условленной умеренной дани, не для наживы, а для удовлетворения ежедневных жизненных потребностей... Земледельцы же, хотя и сльвут в отношении воинственности за людей более мирных и более цивилизованных, но, будучи корыстолюбивы и соприкасаясь с морем, не воздерживаются от разбоев и тому подобных незаконных средств к обогащению...

Танаис течет из северных стран, однако в направлении, не прямо противоположном Нилу, как полагает большинство, а восточнее его и, подобно ему, из неизвестных истоков... При впадении реки в озеро лежит одноименный с рекою город Танаис, основанный эллинами, владеющими Боспором. Недавно его разрушил до основания царь Полемон за неповиновение; раньше он служил общим торговым местом для азиатских и европейских кочевников и для приезжающих по озеру из Боспора. Первые доставляли рабов, шкуры и разные другие товары кочевников, а другие взамен привозили на судах платье, вино и прочие предметы, свойственные цивилизованному образу жизни. Перед городом на расстоянии ста стадиев лежит остров Алопекия, имеющий смешанное население, неподалеку на озере есть и другие островки. Танаис отстоит от устья Меотиды на две тысячи двести стадиев, если плыть прямо на север, а если плыть вдоль берега, то немного больше.

При плавании вдоль берега первым от Танаиса на расстоянии восьмисот стадиев будет так называемый большой Ромбит, в котором есть множество пунктов для ловли рыбы, идущей на засол. Затем, на расстоянии еще восьмисот стадиев, — малый Ром-

бит и мыс также с рыбными ловлями, но меньших размеров... На всём этом побережье живут *меоты*, хотя и занимающиеся земледелием, но воинственностью не уступающие кочевникам. Они разделяются на довольно многие племена; ближайšie к Танаису отличаются большей дикостью, а прилегающие к Боспору — более мягкими нравами...

Вступившему в Корокондамское озеро представляется значительный город Фанагория, затем Кепы, Гермонасса и Апатур, святилище Афродиты. Из них Фанагория и Кепы лежат на названном острове, по левую руку для вплывающего в него, а прочие города — по правую, за Гипанисом, в Синдике. В Синдике же недалеко от моря лежат и столица *синдов* Горгиппия и Аборака. Все народы, подвластные боспорским правителям, называются *боспорянами*. Столицей европейских *боспорян* служит Пантикапей, а азиатских — Фанагорий (ибо город носит и такое название). Торговым пунктом для привозимого из Меотиды и от лежащих за ней варваров служит, как кажется, Фанагорий, а для доставляемых туда с моря — Пантикапей. Есть и в Фанагории известное святилище Афродиты Апатуры...

К числу меотов принадлежат сами *синды*, *дандарии*, *тореаты*, *агры* и *аррехи*, а также *тарпеты*, *обидиакены*, *ситтакены*, *доски* и многие другие. К ним же относятся и *аспургианы*, живущие между Фанагорией и Горгиппией на пятьсот стадиев...

№4

НАДПИС ТИБЕРИЯ ПЛАВЦІЯ СІЛЬВАНА

Надгробная надпись римского полководца и администратора Плавция Сильвана найдена в Италии, датируется второй половиной I в. н.э. При Нероне (54-68 гг.) он был легатом провинции Мёзии. В правление Веспасиана (69-79 гг.) его успешное управление Мёзией было отмечено и награждено.

Тиберию Плавцию Сильвану Элиану сыну Марка, понтифику, члену коллегии августалов, триумвиру по плавке и чеканке золота, серебра и меди, квестору Тиберия Цезаря, легату V легиона в Германии, претору города Рима, легату и комиту Клавдия Цезаря в Британии, консулу, проконсулу Азии, легату пропретору Мёзии, куда он перевёл в качестве данников более ста тысяч задунайских жителей с их женами, детьми и царями. Он подавил поднявшееся среди *сарматов* волнение, хоть большая часть войска была им отослана в экспедицию в Армению. Ранее неизвестных или враждебных римскому народу царей он заставил впредь поклоняться римским знаменам на охраняемом им побережье. Царям *бастарнов* и *роксоланов* он отослал сыновей их братьев-даков, захваченных в плен или вырванных из рук врагов; от некоторых из них он принял заложников, чем укрепил и продлил мир в провинции. Он заставил также скифского царя снять осаду с Херсонеса, который находится за Борисфеном. Он первый из этой провинции облегчил снабжение римского народа хлебом, доставив большое количество пшеницы. Сенат почтил его, посланного легатом в Испанию и затем назначенного префектом города, триумфальными отличиями по инициативе императора Цезаря Веспасиана, слова из речи которого приведены ниже: «Он так управлял Мёзией, что не должен бы отличаться почетными триумфальными украшениями от меня; они должны быть шире, нежели это установлено обычаем для префекта города Рима». Во время исполнения им той же префектуры города Рима император Цезарь Веспасиан Август сделал его консулом во второй раз.

№5

ХЕРСОНЕС

(Посвящения статуі легата провинції Мезії в Херсонесі)

Надпись вырезана на подножии статуи памятника наместнику Нижней Мёзии С. Октавию Фронтому, датируется около 92 г. н.э.

Секста Октавия Фронтон, легата и пропретора Домициана Цезаря, бога, Августа Германского, поставил народ.

(Державний устрій Херсонеса в II ст. н.э.)

Мраморное подножие статуи из Херсонеса, надпись датируется серединой II в. н.э. Это почетная надпись в честь Аристана, занимавшего ряд должностей и успешно выполнившего поручения города во время посольств к римскому императору Антонину Пию и боспорскому царю Ремиталку. В конце надписи указано имя скульптора Кефисодота.

Аристана, сына Аттина, любящего отечество поставил народ.

1) Бывшего послом для ходатайства о свободе к богу Августу в течение шести лет и утомившегося; 2) Исполнявшего должность продика¹; 3) Исполнявшего должность номофилака²; 4) Прекрасно исполнявшего должность демиурга³; 5) Успешно бывшего послом к царю Реметалку о союзе; 6) Прекрасно исполнявшего должность жреца и награждённого медным изображением; 7) Управлявшего государственной казной и выяснившего денежные средства городу; 8) Успешно бывшего послом к царю Реметалку во второй раз; 9) Прекрасно исполнявшего должность дамиурга и награждённого медным изображением; 10) Бывшего прекрасным гражданином.

Статую исполнил Кефисодот.

(Декрет херсонесців на честь громадян Гераклеї Понтійської)

Надпись из Херсонеса, датируется серединой II в. н.э.

В добрый час. Проедры херсонеситов, что в Таврике, предложили. Так как благочестивейшие отцы гераклеоты с родственным сочувствием оказали попечение о нашем спасении, приложив всяческое старание и всю истинную любовь, послали к богу нашему и владыке императору Титу Элию Адриану Антонину посольство просить за нас, ни в чём не оказав небрежения, и божественные ответы и благосклонно данные благодеяния удостоили сделать известными через достославнейших мужей Гераклида сына Менестея и Прокла сына Мемнона, дабы добропорядочность их стала очевидно, — мы всенародно признали должным воз-

¹ *Продик* — должность юридического характера, возможно, третейский судья.

² *Номофилаки* — должностные лица, в обязанности которых входило хранение государственных документов и надзор за проведением народных собраний и заседаний совета. Возможно, функции их были схожи также и с нынешними судебными исполнителями.

³ *Дамиург* — должностное лицо высокого ранга. Место и функции в государственном управлении Херсонеса точно не выяснены, но должность носила политический характер.

дать им приличествующими воздаяниями. Посему, да постановит совет и народ возблагодарить за это наш великий прародительский город, первый в Понте... [*конец надписи отбит.*]

(Посвящения з Херсонеса)

Латинская надпись из Херсонеса, поставлена командиром эскадры, стоявшей в городе. Датируется периодом между 180 и 185 гг. н.э.

За благополучие императора Марка Аврелия Антонина Коммода Августа и Флавия Сергиана Сосибия, военного трибуна I Италийского легиона, достойнейшего юноши, под попечением которого я действовал, и за благополучие моё и тех, что со мною, я, Тит Аврелий Секунд, сын Тита, Камилиевой трибы, из Равенны, триерарх Мезийского Флавиева флота, заслуженно и с радостью, охотно исполнил обет. Преемники их в консульство Матерна и Брадуа.

(Посвящения з Харакса)

Надпись найдена на Ай-Тодоре (Крым), датируется концом II — началом III в. н.э.

Юпитеру Всеблагому Величайшему Хранителю. Тит Флавий Цельзин, консульский бенефициарий XI Клавдиева легиона, соорудил по обету за здоровье своё и сыновей.

№6

БОСПОРСЬКЕ ЦАРСТВО

(Діон Кассій, Римська історія, XLII, 45-47; IV, 24)

Фарнак был сын Митридата и владел Боспором Киммерийским, как сказано выше; задумав возвратить себе всё отцовское царство, он поднял восстание во время самого междоусобия Цезаря и Помпея, так как римляне были тогда заняты собственными делами... Возгордившись победой над римским полководцем К. Домицием Кальвином, Фарнак присоединил другие области в Понте, после упорного сопротивления взял и разграбил Амис, перебил в нём всех взрослых и поспешил в Вифинию и Азию с теми же надеждами, как его отец. Но, получив в это время известие о возмущении Асандра, которого он оставил правителем Боспора, не продолжал своего наступательного движения. Именно Асандр, как только получил известие, что Фарнак ушёл от него далеко вперёд, и понял, что если ему даже удастся в данное время скрыть свои замыслы, то все-таки впоследствии дело не окончится благополучно, восстал против него, имея в виду угодить римлянам и получить от них власть на Боспоре. Услышав об этом, Фарнак двинулся было против него, но напрасно: получив известие, что Цезарь находится уже в пути и спешит в Армению, он возвратился и встретился с ним при Зеле... В тот же день, прямо с дороги, Цезарь сразился с Фарнаком. На некоторое время он был приведен в замешательство конницей и косами, но затем одолел с помощью тяжёлой пехоты. Фарнак бежал к морю и затем хотел силой пробиться в Боспор, но Асандр задержал его и убил. Цезарь снова подчинил все области, которые Фарнак отрезал у римлян и их союзников, и всё возвратил прежним владельцам, кроме некоторой части Армении, которую подарил Ариобарзану. Он вознаграждал свободой амисенцев, дал Митридату Пергамскому тетрархию в Галатии с именем царя и позволил ему воевать с Асандром, чтобы, победив его, отнять у него и Боспор за то, что он оказался изменником другу...

В Боспоре Киммерийском произошло восстание: некто Скрибоний, выдававший себя за Митридатова внука и уверявший, что он получил царскую власть от Августа после смерти Асандра, взял в замужество супругу его, по имени Динамия, которой было передано мужем управление государством и которая действительно была дочерью Фарнака и внучкой Митридата, и стремился овладеть Боспором. Проведав об этом, Агриппа послал против него Полемона, царя прилежащей к Каппадокии части Понта. Полемон уже не застал в живых Скрибония, так как боспоряне раньше убили его, узнав о его замысле. Когда же они и ему [т.е. Полемону] оказали сопротивление из страха быть отданными под его власть, он вступил с ними в битву. Одержав победу, он не успел подчинить их себе, пока Агриппа не прибыл в Синопу с намерением идти на них походом. Тогда они положили оружие и сдались Полемону. Динамия сделалась его женой, очевидно, по решению Августа.

(Діон Кассій, Римська історія, LX, 28, 7)

Митридат, царь Боспора, замыслив изменить политику, стал готовиться к войне с римлянами. Так как мать его была против этого и, не успев в своей попытке уговорить его, хотела бежать, то он, с целью скрыть свои намерения, сам продолжая приготовление к войне, отправил своего брата Котия послом к Клавдию с поручением передать ему дружественные заверения. Котий, злоупотребив оказанным доверием ему как послу, донёс обо всём и стал царем Боспора вместо Митридата.

(Таціт, Анналі, XII, 15-19)

Между тем Митридат Боспорский, который метался по разным местам, потеряв своё могущество, узнаёт, что римский полководец Дидий ушёл и с ним главная сила армии, что в новом царстве оставлены Котий, ничего не знающий юноша, да несколько когорт с Юлием Аквиллой, римским всадником. Отнёсшись с презрением к тому и другому, он созывает племена, заманивает пербежчиков; наконец, составив армию, он прогоняет царя дандариев и овладевает его царством. Узнавши об этом и полагая, что вот-вот он нападет на Боспор, Аквила и Котий, ввиду того, что царь сираков Зорсин возобновил враждебные действия, не считали достаточными свои силы и также старались найти дружественную поддержку извне: они отправили послов к Евнону, управлявшему народом аорсов. Для них не трудно было заключить союз, указывая на римское могущество в противоположность бунтовщику Митридату. Таким образом они условились: Евнон будет пускать в бой свою конницу, а римляне займутся осадой городов.

Затем, приведя войско в порядок, они выступают в поход. Фронт и тыл его занимали аорсы, середину — когорты и боспоряне, вооружённые римским оружием. Неприятель был таким образом разбит, и они пришли в Созу, город Дандарики, который был покинут Митридатом по причине ненадежного настроения местных жителей. Они сочли нужным завладеть им и оставили в нём гарнизон. После этого пошли на сираков и, перейдя через реку Панду, облагают город Успе, лежащий на возвышенном месте и снабжённый стенами и рвами; но стены, построенные не из камня, а из плетня и прутьев, с насыпанной в середине землёю, не

могли держаться против наступающих, а выведенные выше их башни приводили осаждённых в смятение (бросавшимися с них зажигательными стрелами) и копьями. Если бы ночь не прекратила сражения, взятие приступом города было бы начато и окончено в один день. На следующий день осаждённые отправили послов с просьбой пощадить свободных жителей; они предлагали десять тысяч рабов. Победители отвергли предложение на том основании, что убивать сдавшихся было бы бесчеловечно, а окружить стражей такое множество людей было бы трудно: пусть лучше они падут по праву войны! Вместе с тем воинам, которые уже поднялись по лестницам на стены, был дан сигнал к резне. Избиением жителей Успе был внушен страх остальным, которые решили, что негде найти безопасное убежище, коль скоро оружие, укрепления, места с устроенными препятствиями или высоко лежащие, а также реки и города одинаково не могут задерживать неприятеля. Поэтому Зорсин после долгого размышления о том, следует ли ему хлопотать о Митридате, дела которого дошли до крайнего положения, или о своём родном царстве, отдал предпочтение пользе своего народа, дал заложников и пал ниц перед изображением цезаря, к великой славе римского войска, которое, одержав бескровную победу, было уже, как известно, на расстоянии трёх дней пути до Танаиса. Но на обратном пути счастье этого войска было не таково, так как некоторые из кораблей (ибо оно возвращалось морем) были выброшены на берега тавров и окружены варварами, которые умертвили префекта когорты и многих из вспомогательного отряда.

Между тем Митридат, не находя никакой опоры в оружии, размышлял, к чьему милосердию прибегнуть. Брата своего Котия, который раньше предал его, потом стал ему неприятелем, он боялся. Из римлян не было тут никого с таким значением, чтобы обещания его могли иметь большую цену. Он обратился к Евнону, который не имел к нему личной ненависти и был силен недавно заключённой с нами (т.е. с римлянами) дружбой. Поэтому, надев на себя платье и приняв вид, наиболее подходивший к его настоящему положению он входит во дворец и, бросившись к коленям Евнона, говорит: «Перед тобой Митридат, столько лет искомый римлянами на суше и на море и явившийся добровольно! Распорядись, как хочешь, с потомком великого Ахемена, чего одного лишь враги у меня не отняли!»

Евنون, тронутый большой знатностью мужа, переменной судьбы и не лишённой достоинства просьбой, поднимает его, коленопреклонённого, и хвалит за то, что он избрал народ аорсов, избрал его десницу для испрошения себе прощения. Вместе с этим он отправляет послов и письмо к цезарю [т.е. к римскому императору Клавдию]...

(Постанова громадян Сінопи на честь боспорського царя Савромата I)

Латинская надпись на мраморной колонне (конец I — начало II в. н.э.).

Царя Тиберия Юлия Савромата, друга императора и римского народа, превосходнейшего, поставила в соответствии с декретом декурионов Колония Юлия Счастливая Синопа.

(Відпущка раба з Боспора)

Надпись найдена у ст. Запорожская (Краснодарский край), датируется 105 г. н.э.

В царствование царя Тиберия Юлия Савромата, друга Кесарей и друга римлян, благочестивого, года 402, месяца Апеллея 1 числа, Гликாரия, жена Аполлония, посвящает Филодеспота, собственного своего вскормленника, Зевсу и Гере Килидов; освобождение совершено с одобрения моих наследников — Дата, старшего сына, и Мэоя, и Тавриска, и Аполлония.

(Надгробок воїна з Пантікапея)

Луций Волузій, воин Кипрской когорты, второй центурии.

(Посвячення боспорського царя на честь імператора)

Надпись на подножии статуи императора Каракаллы из Пантикапея. Датируется 201-202 гг. н.э.

Императора Цезаря Марка Аврелия Антонина Августа, благодетеля своего и принадлежащего ему царства, поставил Тиберий Юлий царь Савромат, друг Цезаря и друг римлян, благочестивый, в 498 году.

(Храмове землеволодіння)

Мраморная плита, найденная на берегу Таманского залива, датируется 151 г. н.э.

Тиберий Юлий царь Реметалк, друг Кесарей и друг римлян, благочестивый, земли, посвященные в Фианнеях Литодором, и пелатов, как о том записано на рядом стоящей плите, уменьшившиеся с течением времени, собрав все и увеличив, восстановил для богини в их первоначальной целостности, попечением Александра, сына Мирина, заведующего священными делами, в 448 году, месяца Апеллея 20.

(Торгівельна діяльність храмів)

Надпись найдена в Горгиппии (современная Анапа), конец её сильно поврежден. Датируется концом II — началом III в. н.э.

В добрый час. В царствование царя Тиберия Юлия Савромата, друга Кесарей и друга римлян, благочестивого, такого-то года, месяца Даисия; богу Посейдону при царе Савромате, сыне великого царя Реметалка, фиас навклеров, которые соорудили статуи и воздвигли храм от основания, за что и царь почтил бога и фиас правом беспошлинно вывезти тысячу артаб зерна. Фиаситы при жреце Афенодоре сыне Селевка, первом правителе царства, и при синагоге Мойродоре сыне Неокла, правителе Горгиппии, и при фронтистах Коссе Атте сыне Коссы, и Фарнаке сыне Нумения, правителе священного хозяйства. Фиаситы: Панталеон сын Фарнака, стратег; Мойродор сын Атамадза, стратег; Хрестион сын Папы; Макарий сын Афенодора, ведающий налогами, сдаваемыми на откуп...

(Дексіпп, Літопис, фрагмент 16-а)

Дексіпп (Ш в. н.э.) — афинский софист, историк и политический деятель, автор «Исторической хроники» в 2 книгах, «Истории диадохов» в 4 книгах и «Скифики» — сочинения, посвящённого готским войнам и, в основном, сохранённого нам Зосимом.

Скифы, называемые *готами*, большой массой переправившись при Деции через реку Истр, подвергли опустошению подвластную римлянам страну; они победили мисийцев, бежавших в Никополь. Выступивший против них Деций, как рассказывает Дексіпп, перебил их тридцать тысяч, но затем был разбит в битве, так что потерял взятый им Филиппополь, и множество фракийцев было перебито. При возвращении скифов в свои пределы Деций-богоборец снова напал на них, но был убит вместе с сыном ночью при Абрите, или так называемом Темброниевом форуме, и скифы возвратились домой со множеством пленников и добычи.

(Зосім, Нова історія, I, 31-33)

Зосим (вторая половина V в. н.э.) — автор «Новой истории», написанной на греческом языке, в которой давалось краткое изложение событий от правления Августа до 410 г. н.э. Будучи ярким противником христианства, Зосим считал главной причиной ослабления римского могущества падение языческой религии.

Бораны попытались даже переправиться в Азию и легко устроили это при посредстве жителей Боспора, скорее из страха, чем из расположения давших им суда и показавших путь при переправе. Пока у них были цари, получавшие власть по праву наследования от отца к сыну, то вследствие дружбы с римлянами, правильно организованных торговых отношений и ежегодно посылаемых им императорами даров они постоянно удерживали *скифов*, желавших переправиться в Азию. Когда же по исчезновении царского рода во главе правления стали недостойные и потерянные люди, то, боясь за себя, они предоставили *скифам* проход через Боспор в Азию, переправив их на собственных судах, которые они взяли обратно, и возвратились домой. Когда *скифы* стали опустошать всё, что было на пути, жители побережья Понта удалились в глубь страны и в лучшие укрепления, а варвары прежде всего напали на Питиунт, окружённый огромной стеной и имевший весьма удобную гавань... Суккесиан, стоявший во главе местного гарнизона, выступил с бывшими там силами и прогнал варваров... Но когда Валериан отозвал Суккесиана... скифы снова взяли у боспорян суда и переправились в Азию. Удержав суда и не позволив боспорянам, как прежде, возвратиться на них домой, они пристали близ Фасиса... Сделав безуспешную попытку взять святилище, они пошли прямо на Питиунт. Без малейшего затруднения взяв это укрепление и вырезав бывший в нём гарнизон, они двинулись дальше. Раздобыв большое количество судов и воспользовавшись для плавания пленными, умевшими грести, они при тихой погоде, простоявшей почти всё лето, подступили с моря к Трапезунту, большому и многолюдному городу, имевшему, кроме местных воинов, десять тысяч других. Начав осаду, они даже во сне не надеялись взять силой город, обнесённый двумя стенами, но, узнав, что воины преданы лени и пьянству, не всходят даже на стену и не упускают ни одного случая понежиться и попить, они приставили к стене в доступном месте заранее приготовленные для этого брёвна и, небольшими кучками взобравшись по ним ночью, взяли город; одни из солдат, поражённые внезапным и неожиданным нападением, бежали из города через другие ворота, а другие были перебиты неприятелями. Взяв город таким способом, варвары овладели бесчисленным множеством сокровищ и пленных; ибо почти все окрестные жители собрались в этот город, как в безопасное убежище. Истребив храмы и жилища и вообще всё, что служило к украшению или увеличению города, а затем опустошив и всю его область, варвары возвратились на родину с огромным количеством кораблей.

(Амміан Марцеллін про аланів, Історія, XXXI, 2, 13-25)

Истр со множеством притоков течет мимо земли *савроматов*, простирающейся до реки Танаиса, составляющей границу Азии и Европы. За ней тянутся бесконечные степи Скифии, населенные *аланами*, получившими свое название от гор... Аланы — нет надобности перечислять теперь их различные племена — живут на далёком расстоянии одни от других и, подобно кочевникам, перемещаются на огромные расстояния; с течением времени они, однако, приняли одно имя и теперь все вообще называются *аланами* из-за своих обычаев, дикого образа жизни и одинакового вооружения. У них нет никаких шалашей, нет и заботы о хлебопашестве; живут они мясом и изобилием молока, помещаются в кибитках с изогнутыми крышками из древесной коры и перевозят их по беспредельным степям. Придя в место, изобилующее травой, они располагают свои кибитки в виде круга и питаются, как звери; истребив весь корм для скота, они снова везут свои, так сказать, города, расположенные на повозках. На них мужчины вступают в брак с женщинами, на них рождаются и воспитываются дети; это их постоянные жилища, и куда бы они ни пришли, то место полагают и своим родным очагом. Гоня перед собой упряжных животных и стада, они пасут их; наибольшую заботу они прилагают к уходу за лошадьми. Там есть вечнозеленые равнины вперемежку с рощами плодовых деревьев; поэтому куда бы они ни переселялись, они не терпят недостатка ни в пище для себя, ни в корме для скота; это производит влажная почва и большое количество протекающих там рек. Все, что по возрасту и полу непригодно для войны, держится около кибиток и занимается мирными делами; молодежь же, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором ходить пешком; все они вследствие разнообразных упражнений являются дельными воинами... Почти все аланы высоки ростом и красивы, с умеренно белокурыми волосами; они страшны сдержанно-грозным взглядом своих очей, очень подвижны вследствие легкости вооружения и во всем похожи на *гуннов*, только с более мягким и культурным образом жизни. С целью грабежа или охоты они доезжают до Метийского болота и Киммерийского Боспора, даже до Армении и Мидии. Как мирный образ жизни приятен лицам спокойным и тихим, так им доставляют удовольствие опасности и войны. Счастливым у них считается тот, кто испускает дух в сражении, а стариков или умерших от случайных болезней они преследуют жестокими насмешками, как выродков и трусов; они ничем так не хвастаются, как убиением какого-нибудь человека, и в виде славных трофеев навешивают вместо украшений на своих боевых коней кожи, содранные с голов убитых. У них не видно ни храмов, ни святилищ, нигде не усмотреть у них даже покрытых соломой хижин; они по варварскому обычаю втыкают в землю обнажённый меч и с благоговением поклоняются ему, как Марсу, покровителю стран, по которым они кочуют. О будущем они гадают странным образом: собирают ивовые прутья, в определенное время раскладывают их с какими-то тайными наговорами и таким образом узнают, что им предвещается. Они не имели никакого понятия о рабстве, будучи все одинаково благородного происхождения, и в судьи они до сих пор выбирают лиц, отличавшихся в течение долгого времени военными подвигами.

Семенем всех несчастий и корнем разнородных бедствий, которые возбудила воинственная ярость обычным, все смешивающим пожаром, послужила, как нам известно, следующая причина. Племя *гуннов*, о котором мало знают древние памятники, живет за Меотийскими болотами у Ледовитого океана и превосходит всякую меру дикости. При самом рождении делаются на щеках ребенка глубокие надрезы острым оружием для того, чтобы рост выступающих в свое время волос притуплялся образующими морщины рубцами, и таким образом они стареют безбородыми и лишенными всякой красоты, подобно евнухам; все они отличаются плотными и крепкими членами, толстыми затылками и вообще столь чудовищным и страшным видом, что можно принять их за двуногих зверей или уподобить сваям, которые грубо вытесываются при постройке мостов. При столь неприятном человеческом облике они так дики, что не употребляют ни огня, ни приготовленной пищи, а питаются кореньями полевых трав и полусырым мясом всякого скота, которое кладут между своими бедрами и лошадиными спинами и скоро нагревают парением. Они никогда не прикрываются никакими строениями и питают к ним отвращение как к гробницам, отрешенным от обычного людского обихода. У них нельзя найти даже покрытого тростником шалаша; кочуя по горам и лесам, они с колыбели приучаются переносить холод, голод и жажду; и на чужбине они не входят в жилища за исключением разве крайней необходимости; у них даже не считается безопасным находиться под кровлей. Они одеваются в одежды холщевые или сшитые из шкурок лесных мышей; у них нет различия между домашней и выходной одеждой; раз надетая туника устарелого цвета снимается или меняется не прежде, чем от долговременного гниения расплзается в лохмотья. Головы они прикрывают кривыми шапками, а волосатые ноги защищают козьими шкурами; обувь, не пригнанная ни на какую колодку, мешает выступать свободным шагом. Поэтому они плохо действуют в наших стычках; но зато, как бы приросшие к своим выносливым, но безобразным на вид лошаденкам и иногда сидя на них по-женски, они исполняют все обычные свои дела; на них каждый из этого племени ночует и днюет, покупает и продает, ест и пьет и, пригнувшись к узкой шее своей скотины, погружается в глубокий сон с разнообразными сновидениями. Если случится рассуждать о серьезных делах, они все сообща советуются в том же обычном положении. Они не подчинены строгой власти царя, а довольствуются случайным предводительством знатнейших и сокрушают все, что попадет на пути. Иногда, угрожаемые нападением, они вступают в битвы клинообразным строем, со свирепыми криками. Будучи чрезвычайно легки на подъем, они иногда неожиданно и нарочно рассыпаются в разные стороны и рыщут нестройными толпами, разнося смерть на широкое пространство; вследствие их необычайной быстроты, нельзя и заметить, как они вторгаются за стену или грабят неприятельский лагерь. Их потому можно назвать самыми яростными воителями, что издали они сражаются метательными копьями, на конце которых вместо острия с удивительным искусством приделаны острые кости, а врукопашную, очертя голову, рубятся мечами и на врагов, сами уклоняясь от ударов кинжалов, набрасывают крепко свитые арканы для того, чтобы, опутав члены противника, отнять у него возможность усидеть на коне или уйти пешком. У них никто не занимается хлебопашеством и никогда не касается сохи. Все они, не имея ни определенного места жительства, ни домашнего очага, ни законов, ни устойчивого образа жизни, кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят жизнь. Здесь жены ткнут им жалкую одежду, спят с мужьями, рожают детей и кормят их до возмужалости. Никто из них не может ответить на вопрос, где его родина; он зачат в одном месте, рожден далеко оттуда, вскормлен еще дальше. В перемирии они неверны и непостоянны, быстро увлекаются всяким дуновением новой надежды и во всем полагаются на свою необузданную храбрость. Подобно неразумным животным, они не имеют никакого понятия о чести и бесчестии; они уклончивы и темны в речах, никогда не связаны уважением к религии; они пылают неудержимой страстью к золоту и до такой степени непостоянны и вспыльчивы, что иногда в один и тот же день без всякого подстрекательства изменяют своим союзникам и снова примиряются без всякого посредничества.

Этот подвижный и неукротимый народ, пылающий неудержимой страстью к похищению чужой собственности, двигаясь вперед среди грабежей и резни соседних народов, дошел до аланов, прежних массагетов.

ГЛОСАРИЙ

А

Авгу́ры — жреческая коллегия в Риме, учреждённая, по преданию, Ромулом (753-717 гг. до н.э.). Сначала состояла из 3-х человек, при Цезаре — из 16. Авгуры занимались гаданием по птицам (полёт или крик птиц, клевание зерна курами и т.п.), а также толковали различные небесные знамения.

А́вгуст (лат. *augustus* — «священный», «великий») — титул римских императоров. Для императриц применялся титул «августа». Впервые термин был использован в качестве почётной части когномена* императора Октавиана Августа (30 г. до н.э. - 14 г. н.э.). Затем титул «августов» носили последующие римские императоры вплоть до Диоклетиана (284-305 гг.). При нём титул «август» стал более формальным, обозначая единоличного правителя империи, в руках которого была сосредоточена вся полнота власти, в отличие от цезарей* — младших соправителей с ограниченными полномочиями.

Авгу́сты — жреческая коллегия в Риме, учреждённая для культа императора Августа.

Авенти́н — один из холмов, на которых расположен Рим. По преданию, район, заселенный в древнейшем городе плебеями*.

Агатилл — эллинистический поэт, точное время его жизни не известно.

Агнаты — лица, объединенные общей семейной властью домовладыки, главы семейства (*pater familias*). Агнатское родство — родство юридическое; родство по крови у римлян называлось когнатским.

Агонистики, или Циркумцеллионы — участники движения беднейших слоёв населения римской Африки в IV—V вв. н.э. Хотя это движение имело религиозную окраску, оно, по существу, было направлено против господствующих классов римского общества.

Агри́кола, Гней Юлий (40-93 гг. н.э.) — римский полководец, отличился во время походов в Британию. Был наместником Британии в 77 г. Биография Агриколы написана Тацитом, который был его зятем.

Агриппа, Марк Випсаний (63 г. до н.э. - 12 г. н.э.) — сподвижник Октавиана Августа, римский полководец и государственный деятель. Участник Перузинской войны (41-40 гг. до н.э.), в 37 г. до н.э. — консул. Морские победы Агриппы при Милах и Давлохе (30 г. до н.э.) решили исход войны с Секстом Помпеем, а при мысе Акции (31 г. до н.э.) — в войне против Антония и Клеопатры. В 20-19 г. до н.э. подавил восстание германских племён. Известен своей строительной деятельностью в Риме (акведуки, термы, Пантеон). Написал не дошедшую до нас автобиографию.

Адорация — торжественное выражение почитания богов, заключавшееся в земных поклонах, целовании рук, ног и т.д. Со времени Диоклетиана адорация вводится в дворцовый церемониал применительно к особе императора

Адриано́поль — город во Фракии, где в 378 г. н.э. восставшие вестготы разгромили римскую армию под командованием императора Валента (364-378 гг.).

Адскрипти́ции — одна из категорий колонов*. Адскриптиции были прикреплены к обрабатываемой ими земле.

Азия — римская провинция, образовавшаяся после того, как пергамский царь Аттал III Филометор (139-133 гг. до н.э.) завещал свое царство Риму. В состав провинции входили следующие области Малой Азии: Мисия, Лидия, Иония, Кария, а позже и Фригия.

Акарнания — самая западная область Средней Греции (в римское время была присоединена к Эпиру).

Аквилифер — знаменосец римского легиона.

Акрополь — укрепленная и, как правило, возвышенная часть города у греков (равнозначно русскому понятию «кремль»).

Акции — коса при входе в Амбракийский залив с знаменитым храмом Аполлона. У Акции 2 сентября 31 г. до н.э. Август одержал победу над флотом Антония и Клеопатры.

Актор — 1) истец; 2) раб или вольноотпущенник, которому поручалось управление имуществом. В эпоху империи *actores publici* заведовали кассами городских общин.

Ала — 1) название вспомогательных частей в римской армии, набиравшихся или в союзных общинах, или в провинциях; 2) вспомогательные отряды конницы.

Алабанда — город в Малой Азии (в Кари или Фригии), крупный торговый центр.

Алалкомений — месяц беотийского календаря (15 октября—15 ноября).

Аланы — союз кочевых племен, в который, очевидно, входили сарматы и массагеты. Они занимали обширные степные пространства от Дона до Аральского моря и от Кавказа до предгорий Урала.

Аларих I — король вестготов, с 376 г. н.э. во главе своих соплеменников начавший борьбу против римлян. Сначала Аларих опустошал балканские области, затем вел военные действия на территории Италии. Дважды он осаждал Рим и 24 августа 410 г. взял его, причем ворота города были открыты рабами. Вскоре после взятия Рима Аларих умер.

Алеманны, Аламанны — германское племя, упоминающееся впервые в источниках нач. III в. н.э. Предполагается, что их предками были семноны и другие племена свевской группы. Прорвали в III в. границу Римской империи между Рейном и Дунаем, заняв т. наз. *agri decumates* (десятинные поля). В IV—V вв. продвинулись далее на юг, захватили и колонизовали территорию современной юго-западной Германии, Эльзаса и вост. Швейцарии, однако в 496 г. были разбиты и подчинены франкским королем Хлодвигом.

Алия — небольшая река, приток Тибра. У Алии 18 июля 390 г. до н.э. римляне потерпели сокрушительное поражение от галлов. После этой битвы галлы, не встречая сопротивления, заняли Рим.

Аллоброги — одно из галльских племен, жившее в гористой части Нарбонской Галлии. Были покорены римлянами в 121 г. до н.э., но и после этого не прекратили борьбу против Рима (попытка восстания в 61 г. до н.э.).

Альбий — латинское название реки Эльба. Она впервые стала известна римлянам во время походов Друза (9 г. до н.э.) и Тиберия (5 г. н.э.).

Амис — один из причерноморских городов, колония Фокеи или Милета, входил в состав Понтийского царства.

Ампий, Тит Бальб — в 63 г. до н.э. народный трибун, в 58 г. до н.э. — претор, затем наместник в Азии. Во время гражданской войны он примкнул к Помпею, после победы Цезаря был выслан, но Цицерон выхлопотал ему разрешение вернуться.

Амфора — сосуд с двумя ручками, как правило, с узким горлом. Обычно предназначался для хранения вина, оливкового масла, меда. Амфора служила также крупной мерой жидких тел.

Ангарий — гонец, вестник.

Андриск — узурпатор, правивший в Македонии в 149-148 гг. до н.э. Происходил из города Адрамиттия в Пергаме. В 150 г. до н.э. он провозгласил себя Филиппом, сыном последнего царя Македонии, Персея. Андриск не нашёл широкой поддержки в Македонии и обратился за помощью к Деметрию Сотеру (царю Сирии). Деметрий, вероятно не желая ссориться с Римом, передал Андриска в руки римлян. Однако Андриск смог бежать из плена в Малую Азию, где он все-таки нашёл поддержку и сумел собрать армию из фракийцев. В 149 г. до н.э. он вторгся в Македонию и, одержав две победы над римлянами, смог овладеть Фессалией. Он обратился к Карфагену, с помощью которого надеялся удержать власть. Но в 148 г. до н.э. войско Андриска было разбито римлянами, а сам он попал в плен. В 146 г. до н.э. Андриск шёл в триумфе римлян и возможно вскоре был ими казнен. После этого Рим окончательно превратил Македонию в провинцию.

Аниен — река в Италии (приток Тибра), протекавшая на границе владений латинян и сабинян.

Анисоциклов — винт или эластичная пружина.

Аниций Галл — римский полководец, консул 160 г. до н.э. В звании претора разгромил иллирийского царя Гентия, союзника македонского царя Персея (179-168 гг. до н.э.), взял его в плен и привел в Рим в своем триумфальном шествии.

Аннона — годовой сбор, в особенности зерна, хранившийся в государственных кладовых. Этим зерном снабжали население Рима по сниженным ценам (или бесплатно). Иногда анноной назывался солдатский паек. В эпоху Поздней империи — специальный налог, взимаемый с различных категорий землевладельцев.

Антиной — прекрасный юноша, фаворит императора Адриана (117-138 гг.). После смерти был обожествлен, и в память о нем были учреждены игры. Часто изображался в виде Диониса как идеал юношеской красоты.

Антиох III Великий (223-187 гг. до н.э.) — сирийский царь из династии Селевкидов. Вёл неоднократные войны с Египтом, а также на восточной границе своего государства против парфян и бактрийцев, совершил удачный поход в Индию. Во время войны с римлянами (192-188 гг. до н.э.) Антиох сначала имел некоторый успех, занял ряд греческих городов, но затем был вытеснен с Балканского полуострова. Окончательное поражение он потерпел в 190 г. до н.э. в битве при Магнесии (Малая Азия) и был вынужден заключить мир с римлянами на весьма тяжелых условиях. В 187 г. до н.э. в одной из военных стычек при ограблении храма Бэла в Элимаиде был убит.

Антиох Сиракузский (V в. до н.э.) — сицилийский историк, автор истории Сицилии и Италии, которая до нас не дошла (за исключением незначительных фрагментов).

Анхиз — легендарный царь Дарданы (в Малой Азии), возлюбленный богини Афродиты, от которой у него родился сын Эней. После разрушения Трои сопровождал своего сына в его странствиях, умер в Сицилии.

Аорсы — одно из племён (или союз племен) Северного Кавказа (упоминаются Тацитом).

Апамея — название нескольких городов в Азии. Из них наиболее крупными были Апамея у реки Оронта в Сирии и Апамея у реки Меандра во Фригии.

Апеллей — македонское название месяца, соответствовал египетскому месяцу фаофи (28 сентября—27 октября).

Апелляция — обращение к должностному лицу с тем, чтобы оно своим вмешательством воспрепятствовало совершению какой-либо несправедливости. В период республики строго отличалась от провокации, т.е. обращения к народу для отмены несправедливого приговора.

Аподитерий — помещение для раздевания в римских банях (термах).

Апулия — область в юго-восточной части Апеннинского полуострова (севернее Калабрии).

Аргос — древний город в Арголиде — области, расположенной в северо-восточной части Пелопоннеса.

Арелата (ныне Арль) — город в Нарбоннской Галлии, с 46 г. до н.э. — римская колония.

Аримин — древний город в Умбрии, к югу от устья реки Рубикон. Это был первый город, занятый Цезарем в начале гражданской войны 49-45 гг. до н.э.

Ариобарзан — царь Каппадокии, неоднократно изгоняемый из своего царства Митридатом. Утвердился на престоле лишь после побед Помпея. Один из его сыновей, носивший также имя Ариобарзана, поддерживал Помпея против Цезаря, но сумел сохранить хорошие отношения и с последним.

Ариовист — вождь германского племени свевов. Воевал против эдуев, был объявлен союзником и другом римского народа. Когда Цезарь прибыл в Галлию, эдуи призвали его к себе на помощь. В 58 г. до н.э. от потерпел от Цезаря сокрушительное поражение (в районе современного города Страсбурга).

Арретины — жители Арретинума, одного из крупных городов Этрурии.

Арсак (Артак) II — армянский царь, взятый в плен персами и умерший в плену в 367 г. н.э.

Артаба — персидская мера емкости — $1\frac{1}{16}$ аттического медимна, т.е. около 56 литров.

Арура — мера земельной площади. Египетская арура составляет около 0,2 га, греческая — около 0,024 га.

Асандр — полководец боспорского царя Фарнака II (63-47 гг. до н.э.), когда последний был разбит Цезарем. Асандр восстал против побежденного царя и приказал его убить. Затем потерпел поражение от Цезаря и был лишен власти.

Асс — римская медная монета, равная первоначально по весу 1 римскому фунту*. С введением серебряных монет ценность его все больше понижалась: в эпоху Поздней Республики и Империи асс — мелкая разменная монета.

Атанарих (366-381 гг.) — король вестготов; умер в Константинополе в январе 381 г. Рассказ Иордана о приглашении Атанариха в Константинополь, о его восхищении столицей и о торжественном погребении Атанариха после его внезапной смерти является наиболее ярким и полным. Эпизод с Атанарихом вскрывает важную сторону политики Империи, проводившейся при Феодосии (379-395 гг.), когда устои империи колебались под напором варварских нашествий. Империя перетягивала варваров на свою сторону, чтобы их руками и их оружием оборонять свои границы от их же соплеменников. По Зосиму, Атанариха изгнали три предводителя разных частей готов, а именно: Фритигерн, Аллотей (Алафей) и Сафрак, направлявшиеся в поход для захвата Македонии и Эпира. Атанарих бежал с ближайшими соратниками к Феодосию в Константинополь, вскоре умер там и был почтен «царским погребением». В хронике Проспера Аквитанского, отмечено, что Атанарих был убит на 15-й день после того как был принят в Константинополе. По видимому, Феодосий, учитывая известность и славу Атанариха среди готов, намеревался пышными похоронами вождя завоевать симпатию опасных врагов. Зосим сообщает, что варвары, прибывшие с Атанарихом, были ошеломлены «преизбытком» роскоши и стали нести охрану берегов Дуная. Следует заметить, что с Атанарихом могло прийти в столицу не больше 200-300 его ближайших дружинников; готы, которые стали на охрану границ, принадлежали, несомненно, к войску Фритигерна*.

Атий, Тит Лабиев — народный трибун 63 г. до н.э., сначала легат и сторонник Цезаря, в 49 г. до н.э. перешел на сторону Помпея. Принимал участие в сражениях при Фарсале, Тапсе и Мунде на стороне помпейцев; в последнем из этих сражений был убит.

Аттал III — пергамский царь, умер в 133 г. до н.э., завещав свое царство римлянам (см. Азия*).

Аттик, Тит Помпоний (109-32 гг. до н.э.) — римский всадник, друг Цицерона. Считался одним из образованнейших людей Рима, много содействовал переписке и распространению произведений своих современников. В политической жизни участия не принимал.

Аттик, Юлий — римский писатель. Его сочинения, как и сочинения Грецина*, служили источником для Колумеллы. Жил при Тиберии (14-37 гг. н.э.).

Аттила (умер в 453 г.) — предводитель гуннов* в 434-453 гг. (совместно с братом Бледой, которого он убил в 445 г.). С территории современной Венгрии гунны распространили своё господство над многими народами, жившими севернее Дуная и от Рейна до Украины. В 447 г., опустошив Фракию, Иллирию, гунны дошли до Фермопил и окрестностей Константинополя. В 451 г. Аттила вторгся в Галлию. В союзе с вестготами командующий армией Западной Римской империи Аэций* нанёс поражение армии Аттилы в битве на Каталаунских полях (в 451 г.) и обратил её в бегство. В 452 г. Аттила опустошил Северную Италию, и только вмешательство посольства во главе с папой Римским Львом вынудило его отступить. Умер во время подготовки похода против Восточной Римской империи.

Аускул — город в Апулии, под которым в 279 г. до н.э. Пирр одержал победу над римлянами. Однако эта победа стоила ему огромных потерь («пиррова победа»).

Ауспиции — благоприятные или неблагоприятные предзнаменования. Наблюдение за этими предзнаменованиями также называлось ауспициями и производилось магистратами с участием авгуров*.

Афродита Апатура — верховное женское божество, соответствовавшее малоазиатской матери богов. Почиталась под указанным именем в Фанагории.

Ахайя — 1) название области, расположенной в северной части Пелопоннеса; 2) название, применяемое ко всей Греции (до Фессалии) после того, как она была превращена в римскую провинцию.

Ахемен — родоначальник персидской царской династии Ахеменидов, жил, по Геродоту, в VII в. до н.э. при царе Фраорте и был его наместником в Персиде.

Ахеяне, ахейцы — одна из главных ветвей греческой народности. Первые государства, сложившиеся на территории Пелопоннеса, были основаны именно ахейцами. Они же были носителями так называемой микенской (или ахейской) культуры.

Ахиллов бег — длинная песчаная коса на северном побережье Понта, между устьем Борисфена и Каркенитским заливом. Здесь легендарный греческий герой Ахилл якобы устроил состязание в беге.

Аэций Флавий (Flavius Aetius, 390-454 гг.), полководец Западной Римской империи. Под его командованием в 451 г. в битве при Каталаунских полях римские войска и их союзники-варвары разгромили гуннов, предводительствуемых Аттилой. Убит императором Валентинианом III, опасавшимся усиления власти и авторитета Аэция.

Б

Баварии — воинственное мавретанское племя, состояли в союзе с Фараксеном*.

Багаи — город в Северной Африке.

Багауды (борющиеся) — участники крупнейшего восстания колонов и рабов, начавшегося в 80-х годах III в. н.э. и охватившего Галлию и Испанию.

БазИлика — в Риме здание, предназначенное для судебных заседаний и торговых сделок. С времен императора Константина многие базилики стали превращаться в церкви; с тех пор их архитектура стала образцом, используемым при закладке новых христианских церквей.

Балеарии — жители Балеарских островов (Майорки и Минорки).

Баллиста — каменное орудие, снабженное тетивой и напоминавшее по виду большой самострел на станке; употреблялось при приступах и осадах.

Баргилия — город в Карии на берегу залива того же названия.

Барка, Гамилькар — выдающийся карфагенский полководец, выдвинувшийся в конце I Пунической войны (264-241 гг. до н.э.). После окончания войны подавил бунт наемников в Карфагене, в дальнейшем отправился в Испанию и завоевал большую часть страны. Был убит в одном из сражений. Отец знаменитого карфагенского полководца Ганнибала*.

Бастарны — кельтское, или германское, племя. Они рано пришли в соприкосновение с греками и римлянами. Были в союзе с Митридатом, позже принимали участие в маркоманнских войнах (II в. н.э.).

Батавы — германское племя, известное своей воинственностью. В 69-70 гг. н.э. под руководством Цивилиса подняли восстание против Рима. Восстание было подавлено, но с тех пор батавы были освобождены от уплаты податей.

Бенефициарии — солдаты, освобожденные от тяжелых работ (и несшие обычно охрану полководца).

Бетика — южная часть Испании, орошаемая рекой Бетис (ныне — Гвадалquivир), славилась плодородием, развитым ремеслом и торговлей.

Бибул, Марк Кальпурний — известен как сотоварищ Цезаря по консульству (59 г. до н.э.) и одновременно как его ярый противник. Впоследствии поддерживал Помпея.

Бига — двуконная упряжка.

Бика — большое болото на восточной стороне перешейка Тафрос (современный Перекоп), сообщавшееся с Меотидой (ныне — Гнилое море, или Сиваш).

Биссатида — местность на северном побережье Африки, располагавшая удобной гаванью.

Бойи — племена кельтского происхождения, расселявшиеся на территории современной Ломбардии, Тироля и Богемии. Были покорены римлянами в период между I и II Пуническими войнами и их владения частично вошли в состав провинции Gallia Cisalpinga.

Бонония (ныне Болонья) — город в Цизальпинской Галлии, был занят бойями* и превращен в главный город их области. С 189 г. до н.э. — римская колония.

Бораны — одно из понтийских племен; вместе с готами, герулами и др. совершали морские набеги на владения Римской империи (III в. н.э.).

Борисфен (ныне — Днепр) — при его слиянии с Гипанисом (ныне — Буг) находилась Ольвия — цветущий торговый город, колония Милета.

Боздромион — греческий месяц, соответствующий сентябрю—октябрю.

Брундизий — город в Калабрии, на берегу Адриатического моря. Славился своей прекрасной гаванью. Из Брундизия обычно отправлялись морским путем в Грецию (в Дирахий или Эпидамн).

Брут — 1) Луций Юний — полубогородительный политический деятель, сыгравший решающую роль в свержении последнего римского царя Тарквиния Гордого. В 510 г. до н.э. был избран первым римским консулом (с Тарквинием Коллатином); 2) Деций Юний Альбин — один из видных офицеров Цезаря, участник галльских походов. В дальнейшем — наместник Цизальпинской Галлии. Принял участие в заговоре против Цезаря. После убийства Цезаря вел военные действия против Антония; 3) Марк Юний — родственник Катона Младшего, ещё в молодости проявил склонность к занятиям историей и философией. Во время гражданской войны поддерживал Помпея, но затем был прощён и приближён Цезарем. Принял участие в убийстве Цезаря 15 марта 44 г. до н.э. Вместе с Кассием вел войну против Октавиана и Антония, после поражения при Филиппах (42 г. до н.э.) покончил жизнь самоубийством.

Булевты — члены Буле (Совета) в Афинах. Со времени Клисфена (508-500 гг. до н.э.) Буле состояло из 500 членов, избиравшихся жребием по 50 человек от каждой филы.

Бухта Символов — гавань на берегу *Херсонеса Таврического**.

В

Вакханаліі — свята на честь Діоніса (Вакха), які з II ст. до н.е. набули характеру оргій*.

Валент (364-378 гг. н.э.) — римский император, потерпевший от вестготов сокрушительное поражение в 378 г. при Адрианополе и погибший в этом бою.

Валерий, Флакк Луций — 1) сторонник Мария, консул 86 г. до н.э. (вместе с Цинной); был убит во время похода против Митридата своим легатом Фимбрией; 2) сын предыдущего, претор 63 г. до н.э., в 62 г. до н.э., пропретор в Азии, в дальнейшем был привлечен к суду за злоупотребления, но оправдан благодаря защите Цицерона.

Вандалы — германское племя, жившее у *Меотидского озера**, затем по берегам Балтийского моря. Позднее вандалы заняли горы между Силезией и Богемией и оттуда проникли в Дакию. В начале V в. н.э. они переходят в Испанию и образуют в южной части страны самостоятельное государство. Под руководством своего вождя Гейзериха в 439 г. н.э. заняли римскую Африку.

Ваннианское царство — римское клиентское государство за Дунаем, основанное после изгнания Марбоды*. Свое название получило от имени Ванния — члена царского дома квадов*.

Варрон — 1) Гай Теренций — консул 216 г. до н.э., командовал римской армией в битве при Каннах и был разбит Ганнибалом; 2) Марк Теренций (116-28 гг. до н.э.) — знаменитый римский ученый-«энциклопедист», автор многочисленных трудов, из которых наибольшее значение имели «Древности» (в 41 кн.).

Вейенты — жители этрусского города Вей, который, согласно традиции, был взят римлянами после десятилетней осады (396 г. до н.э.). Его жители были проданы в рабство, а территория Вей превращена в римскую государственную землю (*ager publicus*).

Вексилларий — знаменосец, носивший вексиллум, т.е. четырехугольное знамя, прикрепленное к древку. Вексиллум, как правило, знамя конницы.

Вексилляция — отделение, заслуженные солдаты, составляющие последний резерв.

Велике переселення народів — переселення в IV—VII ст. племен германців (готів, вандалів, франків, бургундів і ін.), сарматів, гуннів, слов'ян і ін. на територію Римської імперії, яке прискорило її занепад.

Венедский залив — так географ Птолемей называл юго-восточную часть Балтийского моря.

Венеды — славянские племена, впервые упомянутые Плинием Старшим. Историк VI в. н.э. Иордан писал, что племена венедов весьма многочисленны и имеют различные названия, но главным образом называются склавинами и антами.

Венера — богиня любви и красоты у римлян, отождествлялась с греческой Афродитой.

Венузия — итальянский город на границе Апулии и Лукании; с 292 г. до н.э. — римская колония. Родина Горация.

Весталки — жриці богині Вести, що підтримували в її храмі священний вогонь. Обиралися з дівчаток знатних сімей, повинні були служити богині 30 років, дотримуючи обітниць безшлюбності. Весталок, що порушили обітницю, живими закопували в землю.

Вестины — сабельское племя, жившее на востоке Средней Италии. Состояли в союзе с марсами и пелигнами. Окончательно подчинены римлянами после Союзнической войны.

Виаторы — государственные посыльные (курьеры), которые передавали различные извещения, в том числе и вызовы в суд. Они же могли производить аресты. Виаторы делились на несколько декурий, так, например, консулы и преторы имели в своем распоряжении 3 декурии виаторов.

Викарий — 1) раб, принадлежащий другому рабу; 2) со времени императора Константина — титул наместника диоцеза*.

Викториат — серебряная монета с изображением богини победы, равна 1/2 денария*.

Виктория — богиня победы у римлян, соответствовала греческой Nike.

Вилик — управляющий виллой из числа рабов (или вольноотпущенников*), нашедшийся поэтому по отношению к другим рабам в привилегированном положении.

Виндикта — юридический акт отпущения раба на волю, который принимал обыкновенно форму мнимого процесса; раб объявлялся свободным в силу судебного решения. Название этого юридического акта происходило от жезла, которым касались раба.

Виродакта — германская богиня.

Вистула — река в Польше (ныне Висла). По определению древних географов река на границе между Германией и Сарматией.

Висург — река в Германии (ныне Везер).

Вифиния — область в Малой Азии. Находилась сначала под властью лидийцев, затем персов, с середины III в. до н.э. — самостоятельное государство. В 74 г. до н.э. вифинский царь Никомед III завещал свое государство римлянам, и Вифиния вошла в состав провинции Азии, позже была присоединена к Понту.

Волкаций — 1) друг наместника Сицилии Верреса; 2) консул 66 г. до н.э., противодействовал осуществлению т.н. первого заговора Катилины.

Вольсиний — этрусский город на берегу озера, носившего то же название. Был завоеван римлянами в 265 г. до н.э.

Вольски — италийское племя, жившее по течению реки Лирис, вплоть до Тирренского моря. После длительных войн в середине IV в. до н.э. были покорены римлянами.

Всадники, эквиты (лат. equites, от лат. equus, «конь») — одно из привилегированных сословий в Древнем Риме. Первоначально — в Царскую эпоху и в Раннереспубликанский период — это была сражавшаяся верхом патрицианская знать. По реформе Сервия Туллия (VI в. до н.э.) всадники, выделенные в 18 центурий, составляли часть высшего цензового разряда римских граждан. Впоследствии, в связи с образованием в Риме нобилитета (III в. до н.э.), всадники превратились во второе после сенаторов сословие. С развитием торговли и ростовщичества в разряд всадников стали вступать (по цензу) владельцы крупных мастерских, ростовщики. К концу II в. до н.э. всадники превратились в особое сословие римского общества — денежную аристократию, материальной базой которой было владение крупными денежными средствами и движимым имуществом. Обычными занятиями всадников были торговля и откуп налогов с провинций. Они образовали верхний слой общества в муниципиях, имели крупные поместья, занимали административные должности, были юристами и т.п. Хотя политическое влияние всадников было менее значительным, чем сенаторов, в их руках сосредотачивались огромные капиталы. Особое значение всадники приобрели в период гражданских войн поздней Республики как судьи.

Г

Галатия — с III в. до н.э. представляла собой отдельную область Малой Азии, граничившую с Фригией, Вифинией, Пафлагонией и Понтом. Она была занята галльскими племенами, которые постепенно смешались с греками (галлогреки). В 25 г. до н.э. при императоре Августе Галатия была превращена в римскую провинцию.

Гараманты — одно из африканских племен, жившее в районе оазиса Фазании и к югу от него.

Гарган — берег Апулии между устьем реки Френто и городом Сипонт. Иногда называется Гарганской горой.

ГаруспикИ — гадатели этрусского происхождения, не составлявшие, как остальные жрецы, особой коллегии (до времени императора Клавдия). Они занимались главным образом гаданием по внутренностям жертвенных животных.

Гекатомба (от греч. hekaton — сто и bus — бык) — в Древней Греции жертвоприношение, первоначально состоявшее из 100 быков; впоследствии гекатомбой называлось всякое значительное общественное жертвоприношение. В переносном смысле — огромные жертвы войны, террора, эпидемии.

Гекатон — философ-стоик, ученик Панетия; о нем часто упоминает Сенека. Его произведения до нас не дошли.

Гектор — легендарный герой, сын троянского царя Приама и вождь троянцев во время войны с греками.

Гелланик Лесбосский (480-395 гг. до н.э.) — родился в Митилене на острове Лесбос. Один из древнейших греческих историков (логографов), его произведения до нас не дошли.

Гемин Сервий — 1) Публий, консул, вел борьбу с карфагенянами в Сицилии во время I Пунической войны; 2) Гней, консул 217 г. до н.э., оказывал помощь Фламинию, погиб в битве при Каннах (216 г. до н.э.).

Гемина, Луций Кассий — современник III Пунической войны, один из ранних римских историков (анналистов). Его исторический труд до нас не дошел.

Гениохи — племя, жившее на северо-восточном берегу Понта у подножья Коракских гор.

Геноманы, или ценоманы — одно из галльских племен, расселившихся в северной Италии на левом берегу реки По.

Генуа — важный торговый город в Лигурийском заливе. Во время II Пунической войны был разрушен карфагенянами; в дальнейшем римляне его восстановили.

Геракл (Геркулес) — знаменитый герой греческих мифов, совершивший много различных подвигов.

Гераклея — название ряда городов в Античности (в Вифинии, Фракии, Элиде, южной Италии и т.д.).

Гераклит — наместник Иллирика в III в. н.э. при императорах Септимию Севере и Каракалле.

Германарих (Эрманарих) (ум. 375 г.), — король остготов из рода Амалов. Стоял во главе возникшего в Северном Причерноморье племенного союза, в который наряду с готами входили некоторые аланские, славянские, фракийские племена. Вел войны с соседями, значительно расширив территорию, подвластную остготам. «Государство» Германариха было непрочным, его подрывали выступления покоренных племен, в частности росомонов. Потерпев жестокие поражения от гуннов, Германарих покончил жизнь самоубийством, племенной союз был разгромлен гуннами.

Германик Цезарь (15 г. до н.э. — 19 г. н.э.) — сын Нерона Клавдия Друза, племянник Тиберия и внук Августа. Прославился своими неоднократными походами в Германию, во время которых он одержал ряд крупных побед. Был чрезвычайно популярен в Риме и среди войск. Так как этой популярности чрезвычайно завидовал Тиберий, то подозревали, что Германик был отравлен.

Герники — небольшое племя сабинского происхождения; входило в состав Латинского союза (с 486 г. до н.э.). Окончательно были подчинены римлянами в конце второй Самнитской войны.

Геронты — пожизненно избиравшиеся члены герусии* в Спарте.

Герусия — совет старейшин в Спарте, состоял из 28 членов и 2 царей, которые также входили в состав герусии. Орган рабовладельческой аристократии

Гетерии — объединения, товарищества частного порядка, задачей которых были: взаимоподдержка, культурная связь. Несмотря на свой частный характер, аристократические или демократические гетерии играли иногда видную роль в политической жизни Греции (например, при олигархическом перевороте в 411 г. до н.э. в Афинах).

Гетулы — племена, населявшие северо-западную часть Ливии. Они пользовались покровительством Мария, в дальнейшем поддерживали Цезаря.

Геты — северофракийское племя, весьма близкое к дакам*. В 60-45 гг. до н.э. геты были объединены энергичным правителем Биребистой, однако после его смерти «царство» распалось.

Геух — земельный собственник.

Гиерон II — правитель Сиракуз в Сицилии, в 268 или 265 г. до н.э. был провозглашен царем. В начале I Пунической войны поддерживал карфагенян, но после взятия римлянами Мессаны перешел на сторону последних и оставался верен этому союзу и во время II Пунической войны.

Гимнасий — помещение для занятий физическими упражнениями в греческих городах. Гимнасии состояли из дворов, окруженных портиками, бань, экседр (т.е. мест для бесед философов и раторов) с каменными скамьями вдоль стен.

Гипанис — название рек в Северном Причерноморье: 1) Южный Буг (Геродот, Страбон) и 2) Кубань (Страбон).

Гипеды (гепиды) — готское племя, происходившее, по Иордану, из Скандинавии.

Гирпины — сабинское племя, обитавшее в плодородной долине, граничившей с Луканией, Кампанией и Апулией.

Гирций Авл — один из военачальников и приверженцев Цезаря, участник галльских походов и гражданский войны. Автор VIII книги комментариев Цезаря о галльской войне. В 43 г. до н.э., будучи избран консулом (вместе со своим другом Пансой), он выступил против Марка Антония, дважды разбил его, но в последнем из этих сражении был убит.

Гладиаторы — набирались из рабов, пленных, осужденных преступников. Проходя подготовку в специальных школах, они затем сражались друг с другом на аренах цирков. Впервые гладиаторские игры были устроены в Риме в 254 г. до н.э.

Гомологи — колонны*, жители села, связанные круговой порукой в уплате податей.

Готы — германские племена, жившие первоначально на острове Готланд, затем переместившиеся на южное побережье Балтийского моря, а оттуда — в степи Северного Причерноморья. Они возглавляли крупный племенной союз, в который входили различные этнические элементы, возможно и славянские. Среди готов выделялись две ветви: восточная (остготы) и западная (вестготы); границей между ними был Днестр. Готские племена неоднократно вторгались в пределы Римской империи; эти вторжения особенно усилились в период *Великого переселения народов**.

Грациан (359-383 гг. н.э.) — старший сын императора Валентиниана*, с 369 г. — соправитель отца. После смерти Валентиниана был провозглашен императором. Издал ряд строгих законов против язычников и еретиков. Вел военные действия против алеманнов*, сарматов* и готов*.

Грециан, Юлий — римский писатель, на которого ссылается Колумелла*, упоминая его произведение о возделывании винограда.

Грунги (грейтунги) — то же самое, что и восточные готы* (остготы).

Гунны — крупное племенное объединение, сложившееся в конце III в. до н.э. на территории Центральной Азии. В середине I в. до н.э. «держава» гуннов раскололась на два племенных союза, причем основная масса гуннов двинулась через Казахстан к Аральскому и Каспийскому морям. Это был первый толчок к *Великому переселению народов**. В дальнейшем гунны не раз вторгались в пределы Римской империи, а в середине V в. н.э. Италия испытала опустошительное вторжение гуннов под руководством их вождя Атиллы*.

Гунтамунд — король вандалов (с 484 г. н.э.). Сражался с маврами, пытался овладеть Сицилией, но без успеха.

Д

Даисий — македонское название месяца, соответствующего египетскому фармути (27 марта—25 апреля).

Даки (даи) — северофракийские племена, близкие к гетам*. Входили в состав племенного объединения Биребисты. В I в. н.э. сильное объединение даков было создано «царём» (т.е. племенным вождём) Децебалом. В войнах с римлянами даки имели ряд успехов (при Домициане, 81-96 гг.), и только Траян (98-117 гг.) в упорной борьбе завоевал Дакию, которая затем была превращена в римскую провинцию.

Дакия — занимала территорию современной Румынии, Молдавии и Трансильвании. В 106 г. н.э. после войн Траяна стала римской провинцией (см. даки*).

Далмация — область древней Иллирии (узкая полоса побережья от северного угла Адриатического моря до Эпира). В начале I в. н.э. была включена в состав римской провинции Иллирик.

Дандарии — племена, жившие на берегах Меотидского озера (Азовского моря).

Данувий — Дунай (более древнее название — Истр). Впервые упоминается у Гесиода и Геродота.

Дедитиции — первоначально название неприятелей, сдавшихся на милость победителя. Во времена Империи так назывались некоторые категории отпущенников, получивших ограниченное освобождение.

Дейотар — в I в. до н.э. правитель Галатии, помогавший Лукуллу* и Помпею в войне с Митридатом. За это сенат наградил его царским титулом и расширил его владения. Во время гражданской войны выступал сначала на стороне Помпея, потом Цезаря. В дальнейшем он был обвинен в покушении на жизнь Цезаря, но оправдан благодаря защитительной речи Цицерона.

Декапроты — см. децемпримы*.

Декурион — член муниципального совета (сената). Декурионы были привилегированным сословием муниципиев* и колоний* (муниципальная знать).

Декурия — муниципальный совет (сенат). В широком смысле — отделение из 10 человек. На такие отделения с древнейших времён разделялись курии патрициев*, всадников* и сенаторов* (а также коллегии судей).

Дельфы — город в Фокиде (Средняя Греция), знаменитый своим храмом и оракулом.

Денарий — римская монета, равная 4 сестерциям*.

Дендрофоры — 1) древоносцы, которые в торжественных религиозных процессиях носили по городу вырванные с корнем деревья; 2) во времена Империи коллегии дендрофоров были обязаны поставлять лес для общественных построек.

Дефензор — 1) заступник перед судом (патрон*); 2) со времени Константина (IV в. н.э.) — название лица, имевшего поручение от того или иного города защищать этот город от притеснений и несправедливостей.

Дефрут — фруктовый или ягодный отвар.

Децемпримы (или декапроты) — десять первых членов муниципального совета.

Деций, Гай Мессий Траян (249-251 гг. н.э.) — был провозглашен императором войсками в Мезии. Одержал победу над императором Филиппом Арабом. При Деции было проведено первое широкое (в масштабах всей Империи) гонение на христиан. В борьбе с готами, которые вторглись во Фракию и Македонию, погиб в одном из сражений.

Диана — богиня, подательница света и жизни, богиня родов, охоты, луны. Римляне отождествляли ее с греческой Артемидой.

Дигесты (digesta) — часть *Кодификации Юстиниана**. Включает отрывки из сочинений римских классических юристов, в основном по вопросам частного права.

Диойкет — глава финансового ведомства в эллинистическом Египте.

Диокл Пепаретский — греческий историк, живший, очевидно, в III в. до н.э., уроженец острова Пепарета. Автор несохранившегося труда по древнейшему периоду римской истории.

Диофант — полководец Митридата VI, подавивший восстание Савмака на Боспоре (II в. до н.э.).

Диоцез — административно-территориальная единица, введенная Диоклетианом. Вся территория Римской империи была разделена на 12 диоцезов, которые в свою очередь делились на провинции (всего 101 провинция).

Долабелла, Публий Корнелий — во время гражданской войны между Цезарем и Помпеем был сначала на стороне последнего, затем перешел к Цезарю. Был народным трибуном в 47 г. до н.э., возобновил законопроект о кассации долгов. Долабелла поднял восстание, в котором приняли участие плебеи и отпущенники. Восстание было подавлено Марком Антонием.

Долий — большой глиняный сосуд тыквообразной формы для вина.

Доместики — 1) члены семейства; 2) домашние войска при позднейших римских императорах; 3) чиновники, принадлежащие к *officium* наместников провинции.

Доминус (*dominus*, «владыка», «хозяин», «господин») — обычное обращение не только раба к господину или сына к отцу, но и *клиента** к *патрону**, ученика к учителю и вообще младшего к старшему, подчинённого к вышестоящему, а также формой вежливого обращения к незнакомому лицу. Это слово становилось оскорбительным для гражданского сознания римлян лишь в том случае, когда они чувствовали, что оно выступает в своем буквальном значении, и тогда оно характеризовало власть даже более одиозную, чем власть царя (*rex*), и приближалось к современному значению слова «тиран». Август, имея большой политический престиж, запретил именовать себя «владыкой» скорее из-за своеобразной щепетильности, чем боясь оскорбить гражданские чувства римлян (впоследствии эти чувства были оскорблены Калигулой и Домицианом именно потому, что эти императоры принуждали так себя именовать). Тибериус повторил подобный запрет. В письмах к Траяну, который хорошо знал, «как различны по своей природе деспотия (*dominatio*) и принципат» (Плиний, Панегирик, 45, 3), Плиний Младший обращается к императору, употребляя слово «владыка», и это звучит почти как обращение равного к равному. Как видим, всё зависело от того, какой смысл вкладывался в это слово: Антонин Пий — образец человеческих добродетелей — однажды назвал себя, может быть и сам не обратив на это внимания, владыкой (см. Дигесты. 14.2.9; что, впрочем, не осталось незамеченным средневековыми юристами, которые сделали далеко идущие выводы). Сам Александр Север назван в календаре римского гарнизона в г. Дура-Европос. Аврелий Виктор (О Цезарях. 39.4), свидетельствуя о том, что Диоклетиан был первым императором после Калигулы и Домициана, открыто (*palam*) поощрявшим называть себя владыкой, порицает императора именно за надменность, а не за сам титул, так как этот лояльный историк жил уже в ту эпоху (вторая половина IV в.), когда слово «владыка» входило в официальную титулатуру императоров. В надписях на монументах это слово впервые встречается при Септимии Севере, но постоянно входит в официальную титулатуру императоров оно стало лишь после Диоклетиана, при Лицинии (307-324 гг.) и Константине (306-337 гг.).

Домицилий — 1) жилище; 2) местожительство, под которым в юридическом смысле подразумевается место, являющееся центром гражданских отношений определенного лица.

Донатизм — религиозное течение, получившее своё название от епископа африканского города Каза Нигра — Доната. Донатисты считали, что истинная вера сохранилась лишь в Африке, и защищали независимость церкви от государства. С донатизмом было связано идеологически движение агонистиков*.

Драхма — греческая монета. В мине* было 100 драхм, в драхме — 6 оболов*.

Дротик — метательное копье. У римлян называлось *pilum*.

Друенция — левый приток Родана (ныне Роны). В Древности Друенция была судоходна.

Друз, Марк Ливий, младший — народный трибун 91 г. до н.э., провёл ряд реформ, исключил из состава судов всадников, но одновременно пополнил сенат 300 «достойными» представителями всаднического сословия, расширил удешевленную продажу хлеба, предлагал вывести ряд колоний. Внес законопроект о предоставлении прав римского гражданства италикам. Вокруг этого законопроекта разгорелась ожесточенная борьба. Друз был убит. Его смерть послужила сигналом к восстанию италиков (Союзническая война, 91-88 гг. до н.э.).

Дуки — со времени Диоклетиана — военные начальники в провинциях. Кроме того, этот титул давался членам консистории (совета) императора, а также видным военным при отставке.

Дубликарий — воин, получающий двойное жалование или довольствие.

Дупондий — монета, равная 2 ассам* или 24 унциям*.

Дуумвиры — два высших должностных лица в римских муниципиях и колониях. Они были верховными судьями, председателями городского сената и наблюдали за всем городским управлением. Избирались ежегодно муниципальными комициями*. Во времена Империи юрисдикция дуумвиров была значительно урезана.

З

Зела — крепость в Понтийском государстве. Помпей сделал ее городом. Здесь Цезарь разбил Фарнака (2 августа 47 г. до н.э.).

Зенобия Септимия (240 - после 274 гг.) — вторая жена царя Пальмиры* Одената II, который, признав себя вассалом Римской империи в 258 г., получил от императора в 261 г. пост главнокомандующего на Востоке и был направлен римлянами против Сасанидов. Разбив персов, Оденат принял титул Август и присоединил к Пальмирскому царству обширные территории в Сирии. После его убийства в 267 г., Зенобия приняла на себя бразды правления от имени их малолетнего сына Вабаллата. Зенобия, собственное имя которой предположительно по-арабски звучало как Зейнеб, а по-арамейски как Бат-Себин или как Бат-Заббай, была высокообразованной женщиной. Она пригласила философа-неоплатоника Лонгина для воспитания её сына, а затем назначила его министром. Зенобия оказывала также покровительство епископу Павлу из Самосаты. После того, как император Галлиен отказал её сыну в подтверждении титулов, дарованных Оденату, Зенобия объявила о независимости от Рима и за короткое время подчинила своей власти всю Сирию, восточную часть Малой Азии и Египет. К этому времени Галлиен был убит, а наследовавший ему Клавдий II умер от чумы. Новый император Аврелиан выступил против Зенобии, разбил её войска в битвах при Антиохии и Эмессе и, в 272 г. пленив Зенобию, вновь подчинил Пальмирское царство Империи. В 274 г. во время триумфального шествия Аврелиана Зенобия была проведена через Рим в золотых цепях. После этого она жила в поместье Тибур (Тиволи) возле Рима.

И

Иберия — название в Древности двух стран: 1) Испании и 2) Грузии.

Иды — в римском календаре название дня в середине месяца. В марте, мае, июле и октябре иды приходились на 15-й день, в остальные месяцы — на 13-й.

Иконий — главный город малоазийской области Ликаонии.

Илион (или Троя) — город в Малой Азии. Прославился вследствие десятилетней осады его ахейскими греками (Троянская война, 1193-1183 гг. до н.э.). Одному из эпизодов этой осады и войны посвящена гомеровская «Илиада». Раскопан Шлиманом и Дорпфелем.

Иллирик — см. Иллирия*.

Иллирия (у римлян — Иллирик) — область Балканского полуострова, простиравшаяся на все восточное побережье Адриатического моря. Делилась на: 1) собственно римскую провинцию (северная часть), населенную яподами*, либурнами* и далмата-

ми (см. Далмация*), и 2) греческую Иллирию, подчиненную в IV в. до н.э. Македонии Филиппом II (большая часть современной Албании).

Иммунитет — в Римской империи освобождение от общественных повинностей (иногда — от опеки).

Император — в широком смысле всякое лицо, которому вручался империй*. В эпоху Республики — титул, дававшийся солдатами на поле битвы победоносному полководцу. При империи — постоянный титул римских принцевсов*.

Империй — высшая власть должностного лица, включавшая верховное командование армией, право над жизнью и смертью граждан и некоторые религиозные функции (право ауспийций*).

Индикт — законное правило, предписание.

Индюльгенция — помилование виновного. Особенно часто практиковалась в эпоху Империи при торжественных случаях (день рождения императора, вступление на престол и т.д.).

Инквилины — одна из категорий колонов*.

Инсигнии — внешние знаки отличия должностных лиц в Риме. Например, инсигнии высших магистратов*: тога претекста, курульное кресло, свита из ликторов.

Инститоры — римские розничные торговцы. Выступали в качестве агентов крупных (оптовых) торговцев или самостоятельно, торгуя в лавках, а иногда и вразнос.

Интеррекс — междуцарь. В древнейшем Риме назначался сенатом и управлял до избрания очередного царя. В республиканскую эпоху также назначался сенатом в случае смерти обоих консулов (до истечения срока их полномочий) и вплоть до вступления в должность вновь избранных.

Интерцессия — право магистратов* противодействовать решению своих коллег по должности или других магистратов. Частым явлением были интерцессии народных трибунов друг против друга или против консулов.

Иовиан (363-364 гг.) — римский император, преемник Юлиана*. Заключил тяжелый для Рима мир с персами (уступка ряда областей, признание независимости Армении).

Иренархи — в Империи провинциальные чиновники, следившие за охраной общественного порядка и ведавшие розыском преступников.

Исавры — жители Исаврии — небольшой области Малой Азии. Вместе с киликийцами (см. Киликия*) были известны в Древности как морские разбойники.

Истр — см Данувий*.

Итал — легендарный царь сицилийцев (сикулов), переселившийся в Италию, которая якобы от него и получила свое название.

Ицилий, Луций — народный трибун 465 г. до н.э., которому приписывалось проведение закона о разделе земель на Авентине* между беднейшими гражданами.

К

Кавдий — город в Самниуме (на Аппиевой дороге), недалеко от Кавдинского ущелья, где римляне в 321 г. до н.э. позорно капитулировали перед самнитами.

Кавний — город в южной Карию; торговый центр.

КалАтия — город в Италии. Упоминается в связи с самнитскими войнами.

Календы — начальные дни каждого месяца в римском календаре.

Камилл, Марк Фурий — знаменитый римский полководец. Согласно традиции, взял после десятилетней осады город Вейи (396 г. до н.э.); в 390 г. до н.э., после взятия Рима галлами, был назначен диктатором и разбил галлов, за что получил почетный титул «отца отечества» (*pater patriae*).

Кампания — область Средней Италии, расположенная южнее Лация. Славилась своим плодородием. Наиболее крупные города: Капуя, Кумы, Неаполь, Помпеи.

Канабы — гражданские поселения, выросшие вокруг крепостей, занятых легионами. Их жителями были римские граждане и отслужившие свой срок солдаты.

Капитолий — один из римских холмов, в Древности представлял собой крепость.

Каппадокия — государство, расположенное в восточной части Малой Азии. Фактическая зависимость Каппадокии от Рима началась со времени Суллы, в I в. н.э., при Тиберии страна была превращена в римскую провинцию.

Капут (и Капитация) — термин податной системы, введенной Диоклетианом. Единица обложения определялась тем количеством пахотной земли (*jugum*), которое может обработать один человек (*caput*), чтобы иметь средства к существованию. Налог взимался в натуральной форме. Городские жители, не имевшие земельных владений, облагались подушным налогом (*capitatio*).

Капуя — крупный город в Кампании*. Во время II Пунической войны перешел на сторону Ганнибала.

Кармента — прорицательница, мать Эвандра, которой приписывалось основание города на Палатинском холме задолго до возникновения Рима. В честь Карменты в Риме был воздвигнут храм и названы одни из городских ворот.

Кастор и Поллукс — древнегреческие герои-полубоги. По одному из вариантов мифа — сыновья Зевса и Леды. Их имена стали синонимом братской неразлучной дружбы. В награду за нее Зевс превратил их в созвездие Близнецов.

Катехумены — так назывались наставляемые в основах христианского учения.

Катон Порций Марк Младший (95-46 гг. до н.э.) — римский политический деятель, судебный оратор, философ, известный своей справедливостью и неподкупностью. Видный оптимат, убежденный республиканец и противник Цезаря, Катон поддерживал Гнея Помпея. После победы Цезаря в 46 г. до н.э. в битве при Тапсе над приверженцами Помпея покончил с собой.

Квадрантал (амфора) — римская мера жидких тел, равная 2 урнам, или 8 конгиям.

Квадруплатор — доносчик, получавший четвертую часть того, что взыскивалось с его жертвы.

Кватровиры — четыре должностных лица, следившие за исправностью улиц в городах.

Квесторы — должностные лица в Римской республике. Первоначально имели судебные функции, затем стали казначеями. Городские квесторы ведали эрарием (государственной казной и архивом), провинциальные (военные) квесторы были помощниками правителя провинции (ведая финансовую часть провинциального управления), а иногда и замещали его.

Квиндецемвиры — члены коллегии из 15 человек. В Риме создавались подобные коллегии жрецов (например, ведавшая сивиллиными книгами), а иногда и комиссии по наделению землей.

Квинквентаней — мавры, вторгавшиеся в римские владения в Африке.

Квинквенналы — должностные лица в муниципиях, ведавшие вопросами ценза*. Избирались на пять лет.

Квинкий, Тит Фламиний — консул 198 г. до н.э., командовал римской армией во Второй Македонской войне, разбил Филиппа V при Киноскефалах (197 г. до н.э.). На следующий год на истмийских играх он от имени Рима провозгласил «свободу и независимость» Греции, что было, по существу, демагогическим актом.

Квиритское право (*ius Quiritium*) — система норм гражданского права, развившаяся на основе законов XII таблиц и применявшаяся только к римским гражданам.

Квириты — древнейшее наименование римских граждан. Возможно, что так первоначально назывались сабиняне; после слияния сабинской и римской общин это название было распространено и на римлян.

Кельты — крупная народность, включавшая в себя ряд племен. Населяли территорию Галлии и частично северной Италии. Римляне называли их галлами.

Керкина — остров у берегов Северной Африки с городом того же имени.

Кефалеоты — сборщики подушных податей.

Киликия — юго-восточная прибрежная часть Малой Азии. Страна резко делилась на две части, долинную и горную (или суровую). В этой последней обитали племена писидов* и исавров*, известные как морские разбойники.

Кимвры — народ, видимо, кельтского происхождения. В 113-110 гг. до н.э. вместе с тевтонами нанесли ряд крупных поражений римлянам. В 101 г. до н.э. были разбиты Марием при Верцеллах.

Кирена (Киренаика) — область на северном берегу Африки, славилась своим плодородием. Была колонизована греками, затем находилась под властью персов. С 117 г. до н.э. здесь царствовала побочная ветвь династии Птолемеев. В дальнейшем — римская провинция. Киреной назывался также главный город страны, основанный греками в VII в. до н.э.

Кири — греческое название острова Корсики.

Кистофор — монета, имевшая обращение в Азии, равная 4 греческим драхам (или 4 римским денариям).

Клавдий Квадригарий — поздний римский анналист, современник Суллы. Орывки из его летописи сохранились главным образом Авлом Гелием.

Клодий, Публий Пульхр — народный трибун 58 г. до н.э., ярый враг Цицерона, добившийся его изгнания. Был близок к Цезарю. В 53 г. до н.э. возглавлял движение городского плебса, люмпен-пролетарских элементов (и даже рабов), из которых составлялись вооруженные отряды. В 52 г. до н.э. в стычке с отрядом Милона, кандидата в консулы, был убит.

Клузийцы — жители этрусского города Клузиум, столицы царя Порсенны.

Когнаты — родственники по женской линии. Когнатство в отличие от агнатства* — кровное, а не юридическое родство.

Когномен — индивидуальное прозвище, данное некогда кому-либо из представителей рода, часто переходило на потомков и становилось названием семьи или отдельной ветви рода: Cicero — Цицерон, Caesar — Цезарь. Например, к роду Корнелиев принадлежали семьи Сципионов, Руфинов, Лентулов и т.д. Наличие когномена не обязательно и в некоторых плебейских родах (у Мариев, Антониев, Октавиев, Серториев и др.) личные прозвища, как правило, отсутствовали. Однако отсутствие когномена было исключением из правил, так как многие роды Рима были столь древнего происхождения, что каждый из них насчитывал по несколько ветвей. Так как личное имя отца переходило к старшему сыну, то для того, чтобы отличить сына от отца, приходилось употреблять третье имя. В надписях встречаются Луций Сергий Первый, Квинт Эмилий Второй; в одной надписи дед, сын и внук именуется Квинт Фульвий Рустик, Квинт Фульвий Аттиан и Квинт Фульвий Каризиан. Когномены возникли значительно позднее, чем личные и родовые имена, поэтому значение их в большинстве случаев понятно. Они могут говорить о происхождении рода (Фуфии переселились в Рим из кампанского городка Cales и поэтому имели когномен Calenus), о памятных событиях (в плебейском роду Муциев появился когномен Scaevola (левша) после того, как в 508 г. до н.э. во время войны с этрусками Гай Муций сжёг свою руку на огне жаровни, чем привёл в трепет врагов и их царя Порсенну), о внешности (Crassus — толстый, Laetus — тучный, Maser — худой, Celsus — высокий, Paullus — невысокий, Rufus — рыжий, Strabo — косоглазый, Nasica — остроносый и др.), о характере (Severus — жестокий, Probus — честный, Lucro — обжора и др.).

Когорта — боевая единица римской армии. Со времени Мария в легионе было 10 когорт, по 500-600 человек в каждой. Когорта подразделялась на 3 манипулы*.

Кодификация Юстиниана, «Корпус гражданского права» (*Corpus juris civilis*) — собрание римских законов и сочинений юристов, составленное в VI в. н.э. по распоряжению византийского императора Юстиниана I (527-565 гг.). Включает Институции, Дигесты* и Кодекс Юстиниана. Основа кодификации Юстиниана — римское право, переработанное с учетом новых социально-экономических и политических условий. 13 февраля 528 г. Юстиниан I создал комиссию из 10 человек с участием Трибониана и уже 7 апреля 529 г. был обнародован кодекс Юстиниана, который вообрал в себя все императорские постановления I—VI вв. Затем Юстиниан решил таким же образом систематизировать и так называемое «древнее право» (*ius vetus*), то есть сочинения римских юристов, их комментарии к гражданскому и преторскому праву. 15 декабря 530 г. он издал указ о создании комиссии из 15 человек во главе с Трибонианом, в составе двух преподавателей из Константинопольской Академии (Теофил и Кратин) и двух — из Беритской (Дорофей и Анатолий), а также 11 адвокатов. Задача комиссии — написание Дигест, т.е. извлечение из сочинений классических римских юристов — была выполнена к 16 декабря 533 г. Одновременно Трибониан, Теофил и Дорофей подготовили Институции, учебник для студенчества; они вступили в силу 21 ноября 533 г. Наконец, 16 ноября 534 г. вышла новая редакция кодекса — добавлено более 300 новых постановлений. Уже после смерти Юстиниана к трем основным частям корпуса были добавлены «Новеллы», написанные Юлианом из Константинополя в 556 г., — собрание императорских постановлений, вышедших в 535-556 гг., после издания кодекса. Сам Юстиниан назвал свое творение «храмом римской юстиции», средневековые юристы присвоили ему наименование «Корпуса гражданского права». Он включает в себя: 1) Институции (состоят из 4 книг, по структуре и содержанию это в значительной мере повторение Институций Гая); 2) Дигесты (состоят из 50 книг, вообрли в себя цитаты из почти 2 тыс. сочинений 39 юристов); 3) Кодекс (состоит из 12 книг, в подражание законам XII таблиц); 4) Новеллы (содержат 122, наиболее полное собрание позднего времени — 168 новелл).

Коллегиат — член общества, корпорации, обычно связанной с коммунальными услугами (напр., пожарной команды).

Коллегии — профессиональные и религиозные союзы свободных граждан; древнейшие из них считались учрежденными Нумой Помпилием.

Коллинские ворота — ворота в городской стене Рима (северная часть). Здесь Сулла в 82 г. до н.э., вернувшись из восточного похода, одержал решительную победу над войском маррианцев.

Колоны — первоначально свободные арендаторы земли, со времени Константина (332 г. н.э.) — закрепощенное сословие. Колоны были прикреплены к обрабатываемым ими участкам земли.

Колхи — одно из картвельских племен в западном Закавказье. Жили в долине реки Фасис (Риони), а также по южному берегу Черного моря (до Трапезунта).

Комиты — в Поздней Римской империи титул высших чиновников. Они делились на разряды, или ранги: были комиты первого ранга, второго ранга и т.д.

Комиции — народные собрания в Риме. Существовало три вида народных собраний: 1) куриатные комиции (древнейший вид собраний; в эпоху Поздней республики потеряли значение); 2) центуриатные комиции и 3) трибутные комиции.

Комиций — место в Риме между форумом* и курией*, предназначенное для проведения народных собраний.

Коммагена — самая северная часть Сирии. Города: Самосата, Германикея, Антиохия у Тавра и др.

Компиталии — религиозный праздник в Риме в честь ларов — хранителей улиц, алтари которых находились обычно у перекрестка (compta) улиц.

Конвент римских граждан — объединения, общества римских граждан, живущих в провинциях.

Конгий — римская мера жидких тел (см. квадрантал*).

Констанций II (337-361 гг. н.э.) — римский император, вел войны с алеманнами* и персами. Войска провозгласили императором его двоюродного брата Юлиана; между братьями предстояло столкновение, но Констанций умер.

Консуалии — празднество в честь бога земледелия Консуса, включавшее в себя конные ристания. В дальнейшем Консус отождествлялся в Риме с Нептуном.

Консул — высшее должностное лицо в Римской республике, имевший военную и гражданскую власть. Ежегодно избиралось два консула.

Консулары — 1) бывшие консулами; 2) титул наместников провинций.

Кориолан, Гней Марций — римский полководец, прославился при завоевании города вольсков Кориолы. В 491 г. до н.э. пытался уничтожить должность народных трибунов, был приговорен к изгнанию. Вместе с войском эквов и вольсков двинулся на Рим, но после длительных переговоров отступил и кончил жизнь в изгнании.

Корнелий Бальб, Луций — служил сначала под начальством Помпея, затем был близок к Цезарю, выполняя ряд ответственных поручений последнего. Он выхлопотал у Цезаря прощение Цицерону. После смерти Цезаря примкнул к Октавиану, в 40 г. до н.э. был консулом.

Корникулярии — секретари при префекте претория.

Космет — слуга, ведавший туалетом своего хозяина.

Коттий — вождь нескольких альпийских племен. Он был поставлен Октавианом во главе всех альпийских народностей, покоренных римлянами.

Креуза — в римских легендах жена Энея, мать Аскания.

Ксеркс (485-465 гг. до н.э.) — персидский царь, организовавший так называемый третий поход персов на Грецию в 480 г. до н.э.

Кураторы — в Империи чиновники, имевшие надзор над различными отраслями городской жизни (curator frumenti — ведавший раздачей хлеба, curator aquarum — смотритель водопроводов и т.п.). Некоторые корпорации имели также своих кураторов, они часто упоминаются в надписях.

Куриалы — см. декурионы*.

Курия — объединение 10 родов (в свою очередь 10 курий составляли трибу*). Кроме того, курией называлось место, где заседал сенат (например, curia Julia).

Курульное кресло — принадлежность высших (курульных) магистратур*. В Древности делалось из слоновой кости, позже — из мрамора и металла.

Курульные магистраты — имевшие в числе знаков отличия *курульное кресло**. К таковым относились: консулы*, преторы*, цензоры*, курульные эдилы*, диктатор* и начальник конницы.

Л

Лаи — категория сельского населения, упоминаемая в ряде придунайских надписей. Термин неясен, возможно, что это этническое название, но не менее возможно, что это социальный термин.

Лаодикея — название ряда городов, данное им Селевком в честь своей матери Лаодики. Наиболее крупным и цветущим торговым городом была Лаодикея приморская в Сирии.

Ларинаты — жители Ларина в области френтанцев (ager Frentanus) в Средней Италии.

Лары — у римлян обоготворенные души умерших. Эти божества, по верованиям римлян, обитали на перекрестках и в домах. Они были охранителями домашнего имущества и семьи.

Латинский союз — федерация городов (по преданию 30) Лациума, главой которых была сначала Альба Лонга, а затем — Рим.

Лациум (Лаций) — область в Средней Италии, получившая якобы свое название от легендарного царя Латина.

Левкон (389-349 гг. до н.э.) — боспорский царь. Подчинил Боспору Феодосию и распространил свою власть на Таманский полуостров.

Легат — 1) посол римского (или иностранного) государства; 2) помощник (адъютант) римских полководцев, а в дальнейшем и наместников провинций; 3) во времена Империи военачальники или наместники в императорских провинциях.

Легион — боевая единица римской армии. После реформы Мария легион (5-6 тыс. человек) делился на 10 когорт*.

Лекифы — сосуды для масла, иногда изготовлявшиеся из кожи.

Ленеон — старинное название аттического месяца гамелиона (16 января—15 февраля).

Либер и Либера — вместе с богиней растительного царства Церерой представляли собою плебейскую троицу божеств. Либер отождествлялся с греческим Дионисом, а Либера — с Корой, дочерью Деметры. Сама Деметра отождествлялась с Церерой.

Либертины — вольноотпущенники.

Либрипенд — армейский казначей, отвешивавший паек или выдававший жалованье солдатам.

Либурия — часть побережья Иллирии. Население Либурии занималось главным образом морской торговлей и разбоем. У римлян либуриями назывались легкие скоростные корабли, которые были в употреблении у либурических купцов и пиратов.

Ливия — у греков название Африки (слово Африка вошло в употребление в период римского владычества). Геродот считал, что Ливия с юга и запада омывается Атлантическим океаном, Геродот делит ее на три части: Египет, Эфиопию и собственно Ливию.

Лидия — область в западной части Малой Азии. Население было родственно фригийцам и карийцам. Лидия при Кире была покорена персами. В дальнейшем входила в состав римской провинции Азии*.

Ликаония — область в Малой Азии между Каппадокией, Киликией, Писидией и Фригией.

Ликия — область и полуостров на южном берегу Малой Азии. Ликия была захвачена персами, затем некоторое время находилась под властью Родоса. Превращена в римскую провинцию во второй половине I в. н.э.

Ликторы — служители и свита высших римских должностных лиц (магистратов*). Они несли перед ними фасцы (пучок прутьев с воткнутой в него секирой) — символ высшей власти.

Лилибей — название мыса и города в западной части Сицилии. Город Лилибей был важнейшим опорным пунктом карфагенян в конце I Пунической войны.

Лингоны — одно из галльских племен, жившее в районе Вогез.

Лисимахия — название двух городов, основанных полководцем Александра Македонского Лисимахом. Один из них находился в Херсонесе Фракийском, другой — в южной части Этолии.

Литурги — общее наименование в Римской империи должностных лиц, ответственных за выполнение различных обязанностей сельских общин.

Литургии — в Афинах общественные повинности богатых граждан, выражавшиеся в устройстве на свой счет общественных празднеств, поставки для государства оснащенных кораблей и т.д.

Лициний Столон, Гай — народный трибун 376 г. до н.э., автор знаменитых законопроектов (вместе с Л. Секстием), согласно которым устанавливалась максимальная норма оккупации из фонда *ager publicus*, проводилась частичная отмена долгов и плебеи допускались к должности консулов. В 364 г. до н.э. был избран консулом (вторично — в 361 г. до н.э.).

Логографы — древнейшие греческие летописцы, происходившие, как правило, из Ионии. Из них наиболее известны Гелланник из Митилены, Гекатей из Милета и др. Из их произведений до нас дошли лишь небольшие отрывки.

Лузитания — область в древней Испании (северная часть *Hispania ulterior*).

Лукания — область в Южной Италии. Население области — луканы — народ, видимо, самнитского происхождения.

Лукреций, Квинт Офелла — сначала сторонник Мария, затем перешел к Сулле. Осаждал Мария младшего в г. Пренесте, взял город и жестоко расправился с побежденными. В 81 г. до н.э. по приказанию Суллы был убит.

Лукулл Луций Лициний (117-56 гг. до н.э.) — римский полководец и политический деятель. Сторонник Суллы, был его квестором в период I Митридатовой войны 89-84 гг. до н.э. Эдил в 79 г., претор в 77 г., консул в 74 г. Командуя в 74-66 гг. до н.э. римскими войсками в войне против Митридата VI (III Митридатова война), Лукулл добился значительных успехов, однако своей строгостью возбудил недовольство солдат и в 66 г. до н.э. был заменен Помпеем. Вскоре после возвращения в Рим он отошёл от политической деятельности. Его богатство и роскошная жизнь вошли в поговорку («лукуллов пир»).

Луперкалии — празднество в честь бога Фавна (который как покровитель стад и охранитель их от волков имел прозвище Луперка), отмечавшееся 15 февраля. На этом празднике Фавну приносились в жертву козлы и козы с особыми искупительными обрядами.

Луперки — жрецы Луперка (Фавна), совершавшие религиозные обряды во время луперкалий*.

Лутаций, Катулл Гай — консул 242 г. до н.э., победитель карфагенян в битве при Эгатских островах.

Луцерия — город в Апулии*. Во время самнитских войн был сначала покорен самнитами, затем взят и разрушен римлянами (римляне в дальнейшем восстановили его в качестве колонии).

М

Маврусийцы — греческое название мавретанских племен.

Магистр — 1) во времена Империи титул крупных сановников, например *magister officiorum* — министр императорского двора; 2) в западных провинциях — сельский староста.

Магистрат — 1) посадова особа в Стародавньому Римі; 2) міське управління, а також будівля, в якій воно знаходиться.

Магон — имя нескольких знаменитых карфагенян: 1) Магон Великий (VI в. до н.э.) прославился военными деяниями и сочинением о земледелии, которое по решению римского сената было переведено на латинский язык; 2) брат Ганнибала, талантливый полководец, особенно отличился в битве при Каннах и во время военных действий в Испании.

Макрон, Невий Серторий (21 г. до н.э. - 38 г. н.э.) — политик и военачальник, участник придворных интриг. В 31-38 гг. — начальник императорской стражи телохранителей (*praefectus praetorio*) и после низвержения Сеяна (31 г.) — любимец императора Тиберия. Впоследствии Макрон и его супруга Энния поставили на Калигулу (34 г.). 16 марта 37 г. Макрон присутствовал при смерти Тиберия (Тацит считает, что именно он задушил императора). В 38 г. Калигула приказал арестовать Макрона и Эннию; вскоре они покончили жизнь самоубийством (Тацит, *Анналы*, VI, 29; *LIV*, 561; Дион Кассий, 59, 10).

Мамертинцы — италийские наёмники, называвшие себя сынами Марса или мамертинами. Захват ими сицилийского города Мессаны вызвал конфликт между римлянами и карфагенянами и послужил, таким образом, поводом к I Пунической войне (264-241 гг. до н.э.).

Мамурра — римский всадник из г. Формии. Служил в Галлии под начальством Цезаря, нажил большие богатства.

Манипула — тактическая единица римской армии, состоявшая из двух центурий*.

Манциево держание — участок, обрабатываемый колоном* (в Северной Африке) на условиях, определяемых так называемым «Манциевым законом» — образцовым уставом крупного имения.

Манцин, Гай Гостилий — консул 137 г. до н.э., потерпел ряд поражений от нумантинцев* в Испании, после чего заключил с ними мирный договор, который был отвергнут в Риме как позорный.

Маны — добрые духи или души умерших, которые считались у римлян высшими существами и даже богами (*di manes*). Они находились в подземном царстве и в определенное время являлись на землю.

Мар — так называет Тацит северный приток Дуная.

Мареота — озеро в Нижнем Египте, на запад от Нила. Служило гаванью для Александрии.

Маркоманны — германское племя, относящееся к свевам*. В I в. н.э. жили на территории современной Чехии и находились в зависимости от Рима, но к концу II в. усилились и предприняли ряд походов в пределы Империи. Маркоманнские войны начались в 166-167 гг., когда маркоманны и квады* вторглись на территорию империи, что вылилось в затяжную оборонительную войну на дунайской границе. В 168-172 гг. римские войска под командованием Марка Аврелия вытеснили германские и сарматские племена с территории империи. В 172-175 гг. римляне активизировали наступательные действия, однако смогли лишь ненадолго установить контроль над частью территории совр. Чехии и вост. Венгрии. Маркоманнские войны продолжались до 180 г. включительно.

Маррукины — небольшое племя сабельского происхождения; жили в восточной части Средней Италии. В самнитских войнах и в Союзнической войне выступали против Рима вместе с марсами*.

Марс — бог войны, покровитель Рима (как отец Ромула и Рема), древнейшее божество латинян. В дальнейшем отождествлялся с Аресом. Октавиан Август, как мститель за своего приемного отца (т.е. Юлия Цезаря), соорудил в Риме храм в честь Марса Мстителя.

Марсы — италийское племя, очевидно, сабельского происхождения. Жили в Средней Италии, в районе Фуцинского озера. В период самнитских войн ожесточенно боролись против римлян вместе с другими сабельскими племенами. Во время Союзнической войны (91-89 гг. до н.э.) были главной ударной силой восставших италийских общин.

Марцелл, Марк Клавдий (270-208 гг. до н.э.) — римский полководец, активный участник II Пунической войны. Особенно прославился взятием отложившихся от Рима в ходе войны Сиракуз (212 г. до н.э.) после длительной (трехлетней) осады.

Массилия (ныне — Марсель) — колония, основанная в VI в до н.э. фокейскими греками на лигурийском берегу в Галлии, крупный торговый и культурный центр. Во время войны Цезаря и Помпея встал на сторону последнего, за что был обложен обременительными налогами. С этого времени значение Массилии заметно падает.

Мастия (и Тарсена) — города в южной Испании, недалеко от Геркулесовых столпов.

Матерь богов (Magna mater) — так называли римляне малоазиатскую богиню земли Кибелу, которая у греков отождествлялась с Реей. В Риме ее культ был введен в 204 г. до н.э. по указанию *Сивиллиных книг**.

Медимн — древнегреческая мера сыпучих тел, равная 52,53 литра.

Междуцарь — см. интеррекс*.

Мезия — область по нижнему течению Дуная (территория современной Сербии), населенная фракийским племенем мезов. Дата образования Мезии как римской провинции точно неизвестна. Очевидно, ее следует отнести к концу правления Августа. С этого времени провинция Мезия простиралась вдоль нижнего Дуная от реки Дрины до Черного моря, ее южная граница шла вдоль Балканского хребта. При Домициане Мезия была разделена на Верхнюю и Нижнюю.

Меланхлены — древний народ, обитавший в Восточной Европе в I тыс. до н.э. Геродот помещает их к северу от скифов, к востоку от андрофагов и к западу от будинов. Некоторые связывают меланхленов с регионом Воронежа. Есть также сведения, что они обитали на территории Харьковской области. Назывались так потому, что носили чёрные одежды (греч. «чёрноодетые»). По Геродоту, они носили короткие чёрные плащи. Не принадлежа к скифскому племени, меланхлены были очень похожи на скифов по образу жизни и характеру, то есть были кочевниками. Меланхлены имели собственных «царей» и принимали в ответственных случаях самостоятельные решения, которые могли не совпадать с пожеланиями скифов. Эти «цари» участвовали в совете царей Великой Скифии около 512 г. до н.э. и отказались поддержать скифов. После конфликта со скифами, предположительно, они ушли севернее, к реке Оке. Раньше учёные относили их к предкам славян. Но археологические раскопки курганов меланхленов показали их близкое родство в образе жизни и генотипу к иранским народам. Практически в каждой могиле находят скифский меч — акинак. Иногда меланхленов считают либо балтами юхновской культуры, либо киммерийцами*.

Меотида — древнее название Азовского моря (по имени обитавших здесь меотов).

Меркурий — бог торговли и всяких промыслов у римлян, отождествлявшийся с греческим Гермесом.

Месор — египетское название месяца (25 июля—23 августа).

Мессана — город в Сицилии у пролива, отделяющего остров от Италии. В 282 г. до н.э. город был захвачен италийскими наемниками (мамертинцами), что послужило предлогом для развязывания I Пунической войны.

Мессапии — одна из ветвей обширного племени япигов*.

Метрет — древнегреческая мера жидких тел, равная 39,39 литра.

Метрокоmia — 1) главная колония; 2) сельская община в восточных провинциях.

Миласейцы — жители Миласы, одного из крупнейших городов Кари* (в Малой Азии).

Милон, Тит Анний — народный трибун 57 г. до н.э. Враждовал с Клодием*, в частности по вопросу о возвращении Цицерона из ссылки. В 52 г. до н.э. эта жестокая вражда кончилась смертью Клодия, который был убит людьми Милона в стычке на Аппиевой дороге. После этого Милон, несмотря на знаменитую защитительную речь Цицерона, был приговорен к ссылке.

Мим — драматизированный фарс. Мимы были в моде у греков в эллинистическую эпоху, затем они перешли к римлянам. Мим как театральное представление, несомненно, народного происхождения. Мимами назывались также и сами актеры, участники этих представлений.

Минерва — богиня ремесел, искусств, наук и мудрости у римлян. Считалась покровительницей Рима. Дочь Юпитера, явившаяся из его головы в виде вооруженной девы. Отождествлялась с греческой Афиной.

Министр — служитель частного или должностного лица.

Минуций Ферм, Марк — претор в Азии (85 г. до н.э.), под его началом Цезарь начинал свою военную службу.

Мисена — город у Мисенского мыса в Кампании* (южнее Кум). Здесь в 39 г. до н.э. триумвирами был заключен мир с Секстом Помпеем.

Мисия — северо-западная область Малой Азии, распадавшаяся на 5 частей: 1) Малая Мисия, 2) Великая Мисия; 3) Троада; 4) Эолида и 5) Тевтрания. Население области в древнейшие времена делилось на фригийцев и троянцев, затем — на мисийцев (вероятно, фракийского происхождения) и на эолян.

Митридат VI Евпатор (132-63 до н.э.) — царь Понтийского государства с 121 (фактически с 111) до 63 гг. до н.э. Дважды посылал войска в Крым, чтобы предотвратить захват Херсонеса Скифским царством. Третий поход имел целью подавление восстания боспорских скифов, которое возглавил Савмак* (107 г. до н.э.). После этого царь Перисад V передал Митридату управление Боспорским государством. Зависимыми от царя Понта оказались почти все греческие города Причерноморья. Он подчинил также Малую Армению и Колхиду. Установив дружеств. отношения с варварами (скифы, сарматы, фракийцы и др.), Митридат VI обеспечил пополнение своей армии войсками союзников. Стремясь преградить путь римской экспансии, пытался овладеть Каппадокией, Галатией, Вифинией. Первая война с Римом (89-84 гг. до н.э.) развивалась сначала удачно, римляне были изгнаны из Малой Азии, Митридат VI занял Грецию. Потом римские войска Суллы принудили армии Митридата VI к отступлению. Мир, заключенный в Дардане, сохранил за царем Понта основные его владения. Период после Второй войны (83-81 гг. до н.э.) Митридат VI использовал для подготовки к Третьей войне (74-63 гг. до н.э.), которая началась с захвата Митридатом VI Вифинии. Война шла с переменным успехом, но в 65 г. до н.э. войска Помпея нанесли окончательное поражение Митридату VI. Бежав в Пантикапей, он пытался организовать новый поход на Рим. Восстание греческих городов разрушило эти планы; не желая попасть в плен, Митридат VI лишил себя жизни.

Митридат Пергамский — происходил из галатского царского дома. Оказал существенную помощь Цезарю в Александрийской войне (взятие Пелусия, битва у Нила).

Модий — римская мера сыпучих тел, равная 8,75 литра.

Моргантина — город во внутренней части (или на восточном берегу) Сицилии.

Муниципал — член муниципального совета.

Муниципии — первоначально покоренные или сдавшиеся Риму общины, имевшие внутреннее самоуправление. Они считались общинами без права голосования (*civitas sine suffragio*). После Союзнической войны все италийские города получили полные права римского гражданства, а в 45 г. до н.э. Цезарь установил единообразное управление всех муниципиев по римскому образцу: комиции, сенат (*ordo decurionum*), несколько должностных лиц. Постепенно эти порядки были распространены и на провинциальные города (в эпоху Империи).

Мутина — город в Циспаданской Галлии (в прежней области бойев). После смерти Цезаря Марк Антоний в течение четырех месяцев (44-43 гг. до н.э.) осаждал в этом городе Децима Брута (Мутинская война).

Муций Сцевола, Квинт — 1) Авгур, в 120 г. до н.э. —наместник в Азии, в 117 г. до н.э. — консул, юрист и философ, учитель Цицерона и Аттика; 2) Великий понтифик, в 100 г. до н.э. — наместник в Азии, в 96 г. до н.э. — консул; убит в 82 г. до н.э. по приказу Мариа Младшего.

Н

На́бис (207-192 гг. до н.э.) — спартанский тиран эллинистической эпохи. Он опирался на наемников, низшие слои свободного населения и рабов, распределяя между ними конфискованные земли и богатства. Набис до известной степени был продолжателем политики Агиса и Клеомена. Стоя во главе Спарты, вел борьбу с Ахейским союзом и римлянами. В 192 г. до н.э. был предательски убит в Спарте во время военного смотра.

Наварх — командующий флотом в Спарте. В Афинах полководцы были одновременно и командующими флотом.

Навикулярии — владельцы транспортных судов, корабельщики.

Навклеры — 1) судовладельцы; 2) управляющие.

Назика Публий Корнелий Сципион Серапион (181-132 гг. до н.э.) — видный римский военный и политический деятель, великий понтифик в 141-132 гг. до н.э., консул 138 г. до н.э. Ярый враг Тиберия Гракха, инициатор стычки, в которой Гракх был убит.

Неаполь Скифский — столица Скифского царства. Был основан Скилуrom на берегу Малгира (около современного Симферополя).

Нератий Приск — известный юрист и государственный деятель эпохи Траяна — Адриана.

Нервии — одна из ветвей племени белгов*. Во время галльских войн Цезаря были почти полностью истреблены.

Нисан — седьмой месяц еврейского календаря, совпадает с мартом — апрелем.

Нобилитет (от лат. *nobilitas* — знать) — в Древнем Риме слой знатных людей. В царскую эпоху знатью были только патриции, во времена Республики семья приобретала известность (знатность), если ее представители исполняли курульные магистратуры (курульный эдилитет, претуру, консулат). По мере допуска к курульным должностям плебеев складывалась прослойка плебейской знати, которая, вместе с патрициями, образовала патрицианско-плебейский курульный нобилитет (IV—III вв. до н.э.). На рубеже III—II вв. до н.э. круг знати (нобилей) сузился: знатность стали связывать с исполнением только консульской должности, — сформировался консулярный нобилитет в составе примерно 20 патрицианских и 30 плебейских семей. Римская знатность имела строго потомственный характер: новоиспеченный курульный магистрат считался «новым человеком» в кругу nobiliter, и лишь потомки курульных магистратов (позднее консулов), имевшие маски знатных предков, приобретали статус знатности. Нобилитет являлся правящей олигархией Римской республики: узкий круг потомственных консуляров господствовал в сенате и передавал высшие должности, по выражению Цицерона, «из рук в руки» своим детям и внукам. Состав и привилегии нобилитета не определялись законом — они зиждились на общественном мнении и инерции избирателей, голосовавших за представителей известных семей. Крушение Республики было крушением власти нобилитета. В эпоху Империи, с исчезновением неписаных преимуществ знати, исчезло и псевдопонятие нобилитета.

Ном — греческое название территориальных округов в Египте.

Номáды — греческое название кочевников.

Номенклатор («именователь») — раб, в обязанности которого входило знать и называть хозяину гостей, рабов, подаваемые кушанья, а также напоминать о тех или иных событиях, обязанностях и т.д.

Номофилаки — должностные лица в греческих государствах; в Спарте они наблюдали за выполнением законов, в Афинах коллегия из 7 номофилаков следила за деятельностью ареопага*, а иногда и экклесии для предупреждения противозаконных действий.

Ноны — название 9-го дня перед идами*, считая и день non и день ид.

Норба — город в Лациуме. Был разрушен во время сулланских междоусобных войн.

Но́рик — область на юге от Дуная (значительная часть современной Австрии), населенная племенами нориков и тавриков. В 13 г. до н.э. была превращена в римскую провинцию. В древности славилась обилием металлов (в частности, железа).

Нуманция — крупнейший город Кельтиберии (тарраконской Испании), первоклассная крепость. После длительной осады и капитуляции Манцина* город в 133 г. до н.э. был взят Сципионом Эмилианом.

Нундины — девятый, или последний, день римской недели, считавшийся днем отдыха от полевых работ.

Нуцерия — 1) город в Кампании, был разрушен во время самнитских войн, затем восстановлен; 2) город в Умбрии (на Фламиниевой дороге).

О

Обол — мелкая греческая монета. В драхме* было 6 оболов.

Олимпиады — общегреческие игры в Олимпии. Они имели такое значение, что греки вели счет времени (с 776 г. до н.э.) по олимпиадам (период времени в четыре года), а имена победителей заносились в списки рядом с именем архонта-эпонима в Афинах или с именами эфоров в Спарте.

Омфала — лидийская царица, к которой был отдан на три года в рабство Геракл. По ее прихоти Геракла рядили в женские одежды и он вместе со служанками выполнял домашние работы, сама же Омфала облачалась в львиную шкуру героя и носила его палицу.

Операрии — работники, рабочие. Термин был распространен во времена Империи.

Опоротека — помещение для фруктов (типа кладовой).

ОптимАты — название, применяемое в Риме к сторонникам сената и традиционных (аристократических) форм правления.

Им противопоставлялись популяры* — противники сенатской республики.

Оптион — младший офицер римской армии (унтер-офицер).

Оргія — эзотеричний релігійний обряд, таємна служба богам. Оргії відбувались під час свят, пов'язаних з культурами богів переважно календарного циклу і продуктивних сил природи: Астарти, Кібели, Орфея, Аттіса, Діоніса (Вакха) тощо. Оргії часто набували непогамовного характеру: в екстатичному піднесенні віруючі будітмо вступали в прямий контакт з божеством і здійснювали несамовітні речі (ексцеси сексуального характеру, поїдання сирого м'яса, нанесення поранень, осклоплення і навіть вбивство).

Ординарий — в римской армии начальник небольшого отряда или солдат легиона.

Оригинарии — название колоннов*, которые по происхождению (или по месту рождения) принадлежали к этой категории населения.

Орик — город в греческой Иллирии (недалеко от Керавнийских гор).

Орнитон — птичник, птичий двор.

Офиуса — древнее название острова Кипра.

II

Павел, Юлий — римский юрист III в. В 426 г. сочинениям Павла была придана обязательная юридическая сила. Извлечения из работ Павла составили шестую часть Дигест* Юстиниана.

Павни — египетское название месяца (26 мая — 24 июня).

Паг — римская сельская община, подразделение сельских триб*.

Пад (ныне — По) — главная река Италии, которая стала известна римлянам со времени галльского нашествия. Река была судоходная начиная с впадения в нее реки Тицина (левый приток).

Палак — скифский царь, преемник Скилура. Вел наступательные действия против Херсонеса, который обратился за помощью к Митридату VI Понтийскому. Палак в конечном счете потерпел поражение от полководца Митридата — Диофанта (II в. до н.э.).

Палестра — место обучения гимнастике и борьбе, школа.

Палики — божества земли, почитаемые в Сицилии (в районе Этны, в окрестностях г. Палики). Это были близнецы, отцом которых был Зевс, а матерью — нимфа Талея (дочь Гефеста).

Палантий — древний город в Аркадии (к западу от Тегеи); отсюда, по преданию, Эвандр* колонизовал Италию.

Пальмира — город, основанный, по преданию, иудейским царем Соломоном (965-928 гг. до н.э.) в оазисе Сирийской пустыни. Крупный центр транзитной торговли. В III в. н.э. при Оденате и Зенобии* достиг наивысшего расцвета, но в 273 г. город был завоеван и разрушен императором Аврелианом.

Памфилия — область в Малой Азии — узкая береговая полоса между Ликией* и Киликией*. Вошла в состав Пергамского царства, а в дальнейшем — в состав Рима.

Панда — река в Скифии.

Паннония — римская провинция, включала в себя значительную часть территории современной Венгрии, часть Австрии и Югославии. Делилась на Верхнюю и Нижнюю. Представляла собой равнину, покрытую лесами и перерезанную отрогами Альп. До римского завоевания была населена племенами иллирийского происхождения.

Панса, Вибий — вместе с Гирцием был консулом в 43 г. до н.э. В битве под Мутиной в апреле 43 г. до н.э. они разбили войско Антония, но Гирций пал в битве, а Панса умер от тяжелых ран на следующий день.

Папиниан, Эмилий (150-212 гг.) — выдающийся римский юрист и государственный деятель. В 426 г. сочинениям Папиниана была придана обязательная юридическая сила. 595 фрагментов из сочинений Папиниана вошли в состав Дигест Юстиниана.

Парфении — так назывались в Спарте незаконнорожденные дети от связей между спартиатами и периеками.

Патисса (ныне — Тисса) — река, на которой стоял город язигов* Партиск.

Патримониум — 1) имущество (перешедшее по наследству от отца), 2) собственное имение императора.

Патриции (лат. patricii, от pater — отец) — древнейшая римская знать. По свидетельству римских авторов, представители сенатских семей царской эпохи. Само слово «патриций» античные историки производили от официального наименования сенаторов (лат. patres). По суждению некоторых историков, патриции — исконные римские граждане, противопоставляемые негражданам-плебейам. При семи царях сенат состоял только из патрициев. Введение в него новых членов сопровождалось возведением их в патрицианский ранг (патриции младших родов), после допуска в сенат плебеев* в первый год Республики, старинные сенаторы-патриции образовали замкнутое сословие. Лишь в 445 г. до н.э. по закону Канулея были разрешены браки между патрициями и плебейами, дети от таких браков причислялись к сословию отца. В начале Республики исключительно патриции избирались магистратами, жрецами и членами жреческих коллегий. Под натиском плебеев к началу III в. до н.э. политические привилегии патрициев были отменены. Они сохранили лишь статус знатности, не зависевший от реального положения семьи (обедневшие патриции) и некоторые незначительные преимущества: только патриции избирались междуцарями, фламинами Юпитера, Марса и Квирина, жрецами-салиями и т.д. В конце Республики было около двух десятков патрицианских родов. Император Август возвел некоторые знаменитые плебейские семьи в патрицианский ранг.

Патрон — защитник, покровитель. Институт патроната и клиентелы существовал с древнейших времен. В эпоху поздней республики, а особенно империи, развивается патронат по отношению к целым областям и провинциям (см. патроциний*).

Патроциний — модификация древнеримского патроната (покровительства, опеки) в Поздней Империи. В эту эпоху патроциний осуществлялся крупными земельными магнатами, под покровительство которых стекались те, кого угнетали чиновники, городские власти и т.д.

Пафлагония — страна в Малой Азии (на восток от Вифинии*). Была подчинена Крезом, затем перешла под власть персов, в дальнейшем входила как составная часть в римскую провинцию Галатию.

Пахон — египетское название месяца (26 апреля — 25 мая).

Пеан — 1) эпитет некоторых олимпийских богов, например Аполлона, Диониса, означающий — целитель; 2) один из видов дорической (или хорической) лирики, первоначально, видимо, связанный с культом Аполлона. В дальнейшем благодарственная, хвалебная или боевая песнь.

Пекулий — имущество (земельный участок, мастерская, лавка и т.п.), передаваемое главой семьи в распоряжение члена семьи или раба с условием выплаты определенной части дохода с этого имущества в виде оброка. Право собственности на выделенное имущество целиком сохранялось за главой семьи.

Пелаты или шестидольники — беднейшие крестьяне в Аттике, арендовавшие землю у крупных владельцев, уплачивая им $\frac{5}{6}$ получаемого урожая.

Пелигны — сабинское племя в Средней Италии. Принимали участие в Союзнической войне.

Пенаты — римские божества, охранители домашнего очага и семьи. Государство, рассматриваемое римлянами как большая семья, также имело своих пенатов.

Пентаполь — союз пяти городов в Киренаике (Ливии): Кирена, Береника, Арсиноя, Птолемаида и Аполлония.

Пентелийские горы — расположены в Аттике (на юго-восток от Парнета), известны разработками мрамора.

Пентийцы — жители Пеонии, одной из областей Македонского царства (на границе с Иллирией*).

Перегрины — название чужезмцев (иностранных) в Риме. Так как они не пользовались никакими правами, то должны были находить себе патрона* из числа римских граждан. По мере увеличения числа перегринов в Риме за ними были признаны некоторые имущественные права и были созданы особые суды для разбора дел между перегринами и римскими гражданами. Судопроизводство в этих случаях вел специальный praetor peregrinus.

Перисад — имя ряда боспорских царей. При Перисаде I (349-310 гг. до н.э.) Боспорское царство переживает свой расцвет, при последнем Перисаде происходит восстание Савмака* и подчинение Боспора войсками Митридата VI.

Перистиль — внутренний открытый дворик в греческом и римском доме. Часто был окружен колоннадой.

Персей (179-166 до н. э.) — последний македонский царь из династии Антигонидов, правивший Македонией после смерти Филиппа V Македонского в 179 г. до н.э. Годом ранее Персей убедил отца отравить своего брата Деметрия, как потенциального узурпатора. Одним из первых действий Персея при восшествии на трон стало возобновление переговоров с Римом. Прочие действия Персея также не шли во благо государству. Он стал вмешиваться в дела соседей, занял Дельфы, изгнал римских послов из Македонии и заключил династический брак. Все эти события дали повод римлянам вмешаться в дела Македонии. Вскоре Рим и Персей объявили друг другу войну, получившую название Третьей Македонской (171-168 гг. до н.э.). Несмотря на ряд успехов македонян в начале войны, она закончилась победой римлян во главе с Луцием Эмилием Павлом в битве при Пидне (168 г.) и пленением царя и заключением его в темницу в Риме. Антигонидское государство было разделено на четыре части. Позже, Андриск* на полтора года сбросил римскую власть, но после поражения в 146 г. до н.э. Македония окончательно лишилась независимости и стала провинцией римской республики. В июне 2005 г. гробница Персея Македонского была найдена близ города Л'Акуила у древней Валериевой дороги.

Пертика — земельная мера, 100 пертик составляет плетр*.

Пертинакс Гельвий Публий (126-193 гг.) — римский император (193 г.). Сын вольноотпущенника. При Марке Аврелии служил на офицерских должностях во время Парфянской и Маркоманнских войн, а также занимал административные всаднические должности, затем член сената. В 175 и 192 гг. был консулом. Был наместником провинций Верхняя и Нижняя Мезия, Дакия. При Коммодe он был наместником провинции Сирия, Британия, проконсулом Африки. В 192 г. стал префектом Рима. Римский император с 1 января 193 г. Пытался продолжать политику последних Антонинов и восстановить дисциплину в армии. Был убит солдатами в 193 г.

Пидна — город в Македонии, ставший знаменитым вследствие произошедшей здесь битвы (168 г. до н.э.), в которой римляне разбили македонское войско царя Персея*.

Пирр (319-272 гг. до н.э.) — эпирский царь, крупный полководец. В 281 г. до н.э. по просьбе тарентинцев выступил против римлян. Одержав в Южной Италии две крупных победы над римской армией, Пирр воевал затем в Сицилии против карфагенян. В 270 г. до н.э. Пирр вернулся в Италию, но в сражении при Беневенте был разбит.

Писидия — горная область в Малой Азии, которая до IV в. до н.э. считалась частью Памфилии.

Питиунт (грузинская Бичвинта) — милетская колония на черноморском побережье Кавказа.

Пицен — область в Средней Италии. Жители области назывались пиценами, или пицентинами, и были, вероятно, сабинского происхождения.

Плебэи, плебс (лат. plebeii, plebs) — в Древнем Риме все граждане, не принадлежавшие к сословию патрициев. По мнению некоторых ученых — пришлое население древнейшего Рима, не имевшее (подобно афинским метекам) гражданских прав до реформ царя Сервия Туллия. В период Ранней Республики плебеи резко противостояли патрициям*, добиваясь политического равноправия, раздела завоеванных земель, смягчения долговой кабалы. К 287 г. до н.э. они завоевали право исполнять все магистратуры и вошли в главные жреческие коллегии. Верхушка плебса образовала вместе с патрициями новую, патрицианско-плебейскую знать — нобилитет*. В период Поздней Республики слово плебеи (плебс) получило еще одно значение: простой народ, т.е. все граждане, числившиеся ниже сенаторского и всаднического сословий. В переносном смысле — простолюдины.

Плебисциты — так назывались в Риме постановления плебейских народных собраний (concilia plebis).

Плеторий — народный трибун 264 г. до н.э.; ему приписывается проведение закона об обязанностях городского претора*.

Плетр (или плефр) — греческая мера площадей, равная 0,095 га.

Полемон — царь Понта, а затем Малой Армении, с 14 г. до н.э. — Боспора. Был убит в 1 г. н.э., ему наследовала жена, а затем сын Полемон II, который, однако, недолго удержался на престоле.

Поликлет — знаменитый греческий скульптор, соперник Фидия. Он был главой школы в Аргосе, для которой характерны реалистические тенденции.

Полития — государственное устройство или форма правления. Из-под пера Аристотеля и его школы вышла целая серия «политий», т.е. описаний государственного устройства различных стран, в том числе и дошедшая до нас «Афинская полития».

Поллукс (греч. — Полидевк) — один из близнецов Диоскуров (см. Кастор*).

Померий — незастроенное, считавшееся священным, пространство по обе стороны городской стены. Для Рима, по преданию, померий был определен Ромулом при основании города.

Понтифики — одна из важнейших жреческих коллегий в Риме, наблюдала за правильностью выполнения всех религиозных обрядов, за другими жрецами, за календарем и т.д. Верховный понтифик (pontifex maximus) выбирался пожизненно; во времена Империи это звание обычно вручалось императорам особым сенатским постановлением.

Порций Лека, Марк — участник заговора Катилины, в его доме обычно происходили собрания заговорщиков.

Посейдон — в греческой мифологии бог моря, брат Зевса. У римлян с ним отождествлялся Нептун.

Презид — 1) глава той или иной коллегии (торговцев, ремесленников и т.п.); 2) по административной реформе императора Константина (306-337 гг.) — правитель провинции.

Прекарий (лат. *praecarium*, от *praeces* — просьба), в Поздней Античности и Раннем Средневековье право пользования землей, предоставляемой земельным собственником на более или менее длительный срок по обращенной к нему просьбе. Был формой вовлечения еще свободных крестьян в зависимость (особенно когда разорявшийся мелкий земельный собственник сначала «дарил» землю, а затем получал ее назад как прекарий и обязан был за это нести повинности).

Прекрасная Гавань — одно из владений Херсонеса на северо-западном берегу Крыма (в районе современной Евпатории).

Прекрасный мыс — расположен на север от Карфагена.

Пренесте — древний город Лациума, расположенный к юго-востоку от Рима и входивший некогда в Латинский союз.

Препозиты — начальники (главным образом военные); препозитура — должность.

Претекста — 1) римская трагедия как по своему содержанию, так и по одежде действующих лиц (*toga praetexta*); 2) римская одежда — тога, с пурпурной каймой. Ее носили некоторые жрецы и курульные магистраты (а также дети до определенного возраста).

Преторианцы (*praetoriani*) — первоначально охрана полководцев, затем императорская гвардия, привилегированные воинские части. Играли большую роль в дворцовых смутах и переворотах.

Преторий — 1) палатка полководца в военном лагере; 2) бывший претор.

Преторы — высшие руководители судопроизводства в Риме, впоследствии управители провинций. Сначала ежегодно избиралось 2 претора, при Сулле их число было доведено до 8, при Цезаре — до 10, а затем даже до 16. В древнейшие времена преторы были высшими магистратами, но затем были заменены консулами*.

Примипиларии — во времена Империи должность в римской армии, примерно соответствующая должности провиантмейстера.

Примицерий — начальник, старшина, первый по положению.

Принципалы — 1) общее название первых магистратов или императорских чиновников; 2) офицеры.

Принципы — военный термин, обозначавший воинов второго ряда в римском легионе времен Республики. Эти ряды соответствовали военной опытности граждан: I ряд — гастаты (молодежь), II ряд — принципы (возмужалые воины), III ряд — триарии (опытные ветераны).

Продик — греческий софист с острова Кеоса, современник Сократа (469-399 гг. до н.э.). Вел преподавание риторики в Афинах, был знаменит как оратор. Его речи до нас не дошли.

Проедры — с первой четверти IV в. до н.э. избираемые жеребьевкой 9 членов буле в Афинах, которые затем были председателями в буле и экклесии.

Прокопий — родственник императора Юлиана (361-363 гг.), в 365 г. поднял восстание против Валента (364-378 гг.), когда он был правителем восточной части Империи.

Прокуратор — 1) домоправитель в римских богатых семьях; 2) во времена Империи — чиновник, посылавшийся в императорские провинции (вместо прежних квесторов*), 3) управитель крупного имения (во времена Империи).

Пропреторы — титул, получаемый преторами*, когда они после годичного выполнения своих обязанностей направлялись для управления той или иной провинцией.

Проскрипции (от лат. *proscriptio*, букв. — письменное обнародование) — списки лиц, объявленных в силу тех или иных политических причин вне закона, а также их физическое уничтожение (тот, кто попадал в проскрипционные списки, мог быть безнаказанно убит, имущество его подвергалось конфискации). Использовались в политической борьбе, для сведения личных счетов, а также как средство обогащения. Впервые проскрипции были объявлены при Сулле (82-79 гг. до н.э.), вторично — в период II триумvirата (43-36 гг. до н.э.). Вследствие проскрипций 43 г. до н.э. было умерщвлено 300 сенаторов и 2 тыс. всадников, не говоря уже о массовых убийствах, которыми сопровождалась проскрипция.

Протектор — телохранитель.

Пруса — город в Вифинии* (Малая Азия).

Птолемей — один из полководцев Александра Македонского, диадох*. После его смерти получил Египет и под именем Птолемея I Сотера («Спасителя», 305-282 гг. до н.э.) стал основателем династии царей эллинистического Египта (правила в 305-30 гг. до н.э.).

Публиканы — откупщики государственных налогов в провинциях, различных общественных работ и построек в самой Италии. Часто объединялись в общества (*societates*). Публиканами в Риме были главным образом представители денежной аристократии, т.е. всадничества*.

Пульвинарии, или лектистерий (т.е. «божья трапеза»), — род жертвоприношения, когда изображения богов расставлялись на особых подушках перед накрытым столом.

Путеоланец — житель Путеол, приморского города в Кампании.

Р

Рационал — казначей, кассир; в эпоху Империи — управляющий личными доходами и расходами императора.

Реата — древний город в Средней Италии. Родина Марка Теренция Варрона*, выдающегося римского ученого.

Регий — крупный город в Южной Италии (Бруттий*), основанный, по преданию, в VIII в. до н.э. Отсюда часто переправлялись через Мессинский пролив в Сицилию.

Рекуператоры — члены судейской коллегии, разбиравшей жалобы провинциалов на вымогательства наместников, а иногда и дела, возникавшие между самими римскими гражданами.

Реметалк — фракийский царь, современник Цезаря и Августа. Вскоре после его смерти Фракийское царство, которое уже давно было зависимо от Рима, прекращает свое существование.

Ремы — одно из крупных бельгийских племен (жили по реке Матроне). Изъявили покорность Цезарю и пользовались его покровительством.

Res mancipi — термин римского права. Законы XII таблиц относили к *res mancipi* недвижимое имущество в пределах Италии, рабов, скот, а также сельские сервитуты*. Эти вещи могли передаваться от прежнего собственника новому собственнику путем особого обряда, который назывался манципацией*.

Реция — одна из балкано-дунайских провинций Рима. Покорена римлянами в 16 г. до н.э.
Рогация — законопроект, который становился законом (lex) после принятия его в комициях*.
Родан — ныне Рона, главная река Галлии.
Роксоланы — сарматское племя, жившее между Борисфеном* и Танаисом*. Вели борьбу вместе со скифами против войск Митридата VI Евпатора*. В середине I в. н.э. часть роксоланов дошла до Дуная.
Ромбит (большой и малый) — две реки, впадающие с востока в Меотиду*.
Ростры — 1) балки, снабженные железными острями и прикреплявшиеся к носу корабля (для поражения вражеских судов); 2) ораторская кафедра (с окружавшей ее частью форума).
Руминальская смоковница — была посвящена Румине — покровительнице молодых стад у римлян. По преданию, основатели Рима — Ромул и Рем — были вскормлены волчицей под руминальской смоковницей.
Рупилий, Публий — консул 132 г. до н.э. Участвовал в подавлении Первого сицилийского восстания рабов (под руководством Эвна).

С

Савмак — вождь восставших рабов в Боспорском царстве (107 г. до н.э.).
Сазерна — имя двух римских авторов (отец и сын), писавших по сельскохозяйственным вопросам (жили в начале I в. до н.э.). Их материал используют Варрон*, Плиний Старший* и Колумелла*.
Салии — «прыгуны», две старинных жреческих коллегии (по 12 человек каждая) в Риме. Они избирались только из патрициев*. Во время праздников в честь Марса (1, 15 и 19 марта) исполняли военные пляски и древние песнопения.
Сальтуарий — лесничий, должность лесничего.
Сальтус — крупное поместье в Империи. Большая часть сальтуса, как правило, делилась на участки и сдавалась в аренду колонам*.
Самниты — наиболее многочисленное племя из сабелльской группы италийских племен. Они покорили осков*, и из смешения осков и самнитов произошли кампанцы. Большая часть самнитов, населяя среднюю часть Апеннинских гор, долгое время сохраняла черты первобытнообщинного строя. В период распространения римского господства на Италию создается Самнитская федерация, оказавшая упорное сопротивление римлянам.
Самос — остров, расположенный недалеко от берегов Лидии. В конце VII в. до н.э. находился под властью тирана Поликрата, затем персов. Во время греко-персидских войн 500-449 гг. до н.э. состоял в союзе с афинянами. В 441 г. до н.э. самосцы подняли восстание против Афин, но оно было подавлено Периклом (444-429 гг. до н.э.). Во время Пелопоннесской войны 431-404 гг. до н.э. остров был покорен Лисандром, в дальнейшем входил в состав II Афинского морского союза.
Сапор II — персидский царь из династии Сасанидов. При нем происходили войны с римлянами из-за Месопотамии и Армении, которые кончились для Рима тяжелым миром.
Сарды — столица Лидии (Малая Азия), резиденция царей, а в дальнейшем — персидских сатрапов.
Сарисса — македонское копье длиной до 5 м.
Сарматы (савроматы) — племена, населявшие нижневолжские и приуральские степи. Это были кочевые скотоводческие племена, близкие по языку и культуре к скифам*. Особенностью социально-экономического строя сарматов, отмечаемой рядом древних авторов, были сильные пережитки матриархата.
Сарсинаты — жители города Сарсины в Умбрии, родины Плавта*.
Сатир I (407-389 гг. до н.э.) — боспорский царь из династии Спартокидов. При нем была завоевана Феодосия и началось укрепление Боспорского царства.
Сатурналии — римские празднества в честь Сатурна, длившиеся 7 дней (с 17 декабря). В эти дни прекращались всякие работы, делались друг другу подарки, господа садились за один стол со своими рабами (в воспоминание о царствовании Сатурна в Италии, которое отождествлялось с «золотым веком», когда существовало всеобщее равенство и довольство).
Севириат — должность севира, т.е. члена коллегии шести.
Секстантарий — римский асс*, ценность которого понизилась в 6 раз по сравнению с первоначальной.
Секстилий — шестой месяц римского календаря, в дальнейшем переименованный в август (в честь Октавиана Августа).
Сенатусконсулт — решение римского сената, имевшее полную законную силу (в отличие от auctoritas senatus).
Сенатусконсулты, вырезаемые на камне или на меди, хранились в государственном архиве.
Сеноны — крупное галльское племя, жившее на территории современной Франции (Иль де Франс и Шампань). На рубеже V—IV вв. до н.э. сеноны передвинулись в Паданскую долину (Северная Италия) и в результате длительных и кровопролитных войн с римлянами были почти полностью истреблены.
Сентий, Гай Сатурнин — консул 19 г. до н.э.; с 10 г. до н.э. управлял провинцией Сирия, затем принимал участие в походах против германцев под начальством Тиберия.
Сентин — город в Умбрии, здесь в III в. до н.э. самниты* потерпели крупное поражение от римлян.
Сарапеум — храм Сараписа (египетский бог душ усопших); самый знаменитый из таких храмов находился в Александрии при Птолемах, в нем помещалась богатая библиотека, сгоревшая во время Александрийской войны.
Сервилий, Публий Исаврик — 1) в 78 г. до н.э. вел военные действия в Азии и покорил Исаврию; 2) его сын в 54 г. до н.э. — претор, в 48 г. до н.э. — товарищ Цезаря по консульству. В 43 г. до н.э. поддерживал Цицерона и выступал против Антония.
Серторий Квинт — крупный римский полководец и политический деятель. Участник войны с кимврами и Союзнической войны. Один из вождей марианской оппозиции. С 83 г. до н.э. наместник в Испании, в 81 г. до н.э. под давлением сулланских войск бежал в Африку, но затем вернулся обратно. Управляя Испанией, опирался на местную иберийскую знать. Против Сертория в Испанию был направлен Помпей, борьба шла несколько лет с переменным успехом, но в 72 г. до н.э. в результате заговора Серторий был убит и власть римлян в Испании восстановлена.
Сесквипликарий — солдат, получающий полуторный рацион (в награду за проявленную храбрость).
Сестерций — римская серебряная монета, равная до 217 г. н.э. 2½ ассам*, а затем — 4 ассам.
Сетия — город в Латиуме, который сначала находился в союзе с вольсками*, затем подпал под власть римлян.
Сеян, Луций Юлий (20 г. до н.э. - 31 г. н.э.) — сын Сея Страбона, принятый через усыновление в род Элиев. При Тиберии достиг безграничного доверия императора. С Друзом, сыном Тиберия, он был послан в Паннонию для подавления вспыхнувшего среди находившихся там легионов мятежа. Здесь он сделался префектом претория и в этом качестве соединил в один лагерь на Виминальском холме когорты преторианцев. Супругу Друза, Ливию, он соблазнил и заставил её отравить мужа (23 г.). Сыновей Германика спасла от подобной участи бдительность их матери Агриппины. Сеян побудил императора оставить Рим и переехать

на остров Капри (29 г.). Он даже домогался брака с вдовой Друза, Ливией, однако Тиберий помешал этому (26 г.). Сеян действовал в Риме в качестве наместника императора: жертвами его интриг сделались Агриппина и её сыновья Друз и Нерон. В конце концов Сеян стал готовить государственный переворот, но Тиберий узнал об этом. При помощи нового префекта претория Сертория Макрона Сеян был арестован в сенате и казнён; подобная участь постигла в 31 г. детей, родственников и многих приверженцев казнённого, а само его имя — приговорено к забвению (*damnatio memoriae*).

Сивиллины книги — сборник древних прорицаний, приписываемых пророчице Сивилле Кумской. Хранение и толкование этих книг было поручено в Риме особой коллегии жрецов.

Сигилларии — двухдневный праздник, следовавший за Сатурналиями.

Сидицины — племена, жившие в Северной Кампании, на границе с Самнием.

Сизенна, Луций Корнелий — римский историк, современник Суллы, принадлежит к так называемым младшим анналистам. В его «Историях» изложение, видимо, доводилось до смерти Суллы; «Истории» Саллюстия являлись продолжением этого труда.

Сильван — бог лесов, полей, стад, межи. Один из наиболее популярных римских богов среди широких масс трудового населения.

Синдика — область расселения меотийского племени синдов, простиравшаяся от Таманского полуострова до современного Новороссийска.

Синдики — представители города или коллегии в Римской империи.

Синнада — город на севере Фригии (Малая Азия) у горы, славившейся мраморными разработками.

Сирт (малый) — местность на северном побережье Африки, располагающая удобной гаванью.

Скилур (II в. до н.э.) — скифский царь, при котором Скифское государство с центром в Неаполе* достигает своего расцвета.

Скифы — племена, населявшие южную часть Причерноморья от устья Дуная, нижнего Буга и Днепра до Азовского моря и Дона. Они подразделялись на оседло-земледельческие и кочевые, скотоводческие племена. В IV в. до н.э. возник большой племенной союз под главенством скифского царя Атея, а во второй половине III в. до н.э. складывается Скифское государство, которое достигает своего расцвета во II в. до н.э. при царе Скилуре*.

Скотусса — город в Фессалии. Здесь в 197 г. до н.э. Фламиний одержал крупную победу над Филиппом V Македонским*.

Скрофа, Гней Тремеллий — римский автор, писавший по вопросам сельского хозяйства. Его труды используют Варрон*, Плиний Старший* и Колумелла*.

Солид — римская золотая монета, введенная с 312 г. н.э. (вместо *aureus*, равна 25 денариям*).

Стадий — греческая мера длины $\approx 184,97$ м.

Статер — золотая монета, которая чеканилась в Лидии и часто встречалась в обращении у греков. Существовал и серебряный аттический статер (или тетрадрахма).

Статор — 1) один из титулов Юпитера («останавливающий отступающих»); 2) ординарец, слуга римского императорского чиновника в провинции.

Стилахон, Флавий (360-408 гг.) — римский полководец, по происхождению вандал*. Выдвинулся на военной и дипломатической службе при императоре Феодосии I (379-395 гг.). Женится на его племяннице. После смерти Феодосия I Стилахон, назначенный опекуном малолетнего императора Гонория (395-423 гг.), фактически стал правителем западной части Империи. Вёл успешные войны с варварами на границах империи: в Британии, на Рейне и Дунае. В 402 г. дважды одержал победы над Аларихом I*, в 406 г. над Радагайсом*. Был убит по приказу Гонория в результате придворных интриг.

Стратеги — первоначально название командующих афинским ополчением, в дальнейшем название перешло на командиров наемных войск. Стратегами назывались также военные командиры в Ахейском и Этолийском союзах; им принадлежала высшая исполнительная власть.

Суккесиан — начальник римской крепости Питий на Понте. При Валериане успешно отразил нашествие боранов*. Был назначен префектом претория и послан в Антиохию.

Сципион — 1) Публий Корнелий Африканский, Старший — знаменитый римский полководец, активный участник II Пунической войны, победитель Ганнибала при Заме (202 г. до н.э.). Умер в 183 г. до н.э.; 2) Публий Эмилиан Африканский, Младший — знаменитый римский полководец, сын Эмилия Павла; в род Сципионов вступил вследствие усыновления его сыном Сципиона Африканского, Старшего. В 146 г. до н.э. под его командованием римляне взяли Карфаген (III Пуническая война). В вопросах внутренней политики стоял на консервативных позициях, был противником реформ Гракхов.

Т

Тавр — горный хребет в Малой Азии.

Тавромений — крупный город на восточном побережье Сицилии у горы Тавра. Основан в IV в. до н.э. сикулами.

Талант — основная единица денежно-весовой системы Древней Греции. Эвбейский талант был равен 26 кг, эгинский 37 кг. Талант (эгинский и эвбейский) делился на 60 мин* (мина равна 100 драхам*, драхма — 6 оболам*).

Танаис — 1) ныне Дон; 2) город в устье Дона со смешанным греко-меотским населением.

Тарент — один из крупнейших и богатейших городов Южной Италии. В 281 г. до н.э. в связи с угрозой самостоятельности города со стороны римлян жители Тарента обратились за помощью к Пирру*.

Тарракон — древний иберийский город на восточном побережье Испании. Со времени проникновения Сципиона в страну стал одним из важнейших опорных пунктов для римлян.

Тарс — древняя столица Киликии* на реке Киднос.

Тebtунис — местность в Египте. Отсюда до нас дошли знаменитые тебтунисские папирусы — архив канцелярии комограмматея (писца).

Тервинги — другое название вестготов* (так же как грейтунги — другое название остготов*).

Теодорих I (418-451 гг.) — король вестготов. Как союзник Рима вел войны против вандалов (в 20-х гг.) и свевов (446 г.), стремясь в то же время использовать ослабление римской власти в Галлии для расширения вестготского королевства и укрепления его самостоятельности. Погиб в битве на Каталаунских полях (451 г.).

Термы — так назывались в Риме общественные бани, устраиваемые часто с необычайной роскошью (например, термы Каракаллы).

Тертулл Корнут — друг Плиния Младшего, состоял с ним в переписке; был одновременно с Плинием консулом.

Тетрадрахма — см. статер*.

Тетрархия — система разделения власти между четырьмя соправителями (императорами), введенная Диоклетианом.
Тетрастиль — колоннада из четырех колонн; здание с четырьмя колоннами.
Тиатира — крупный город в Лидии* (Малая Азия).
Тиба — небольшое поселение в Азии, на восток от Пальмиры*.
Тиби — египетское название месяца (27 декабря — 25 января).
Тимей (352-256 гг. до н.э.) — греческий историк, родившийся в Сицилии, но проживший большую часть жизни в Афинах. Его главный труд посвящен истории Сицилии (68 книг); до нас дошли лишь незначительные фрагменты.
Тира — греческий город на Днестровском лимане. Ныне — Белгород Днестровский.
Тисба — город в юго-западной части Беотии. По преданию, был назван по имени беотийской нимфы.
Тот — египетское название месяца (29 августа — 27 сентября).
Тразименское озеро — находится в восточной Этрурии между городами Кортонна, Перузия и Клузий. Здесь в 217 г. до н.э. Ганнибал разбил римскую армию под командованием консула Фламиния.
Траллы — 1) город в Кари* (Малая Азия); 2) иллирийское племя.
Трапезунт — колония Синопы на восточном берегу Черного моря, крупный торговый центр (особенно в римское время).
Требаций, Гай Теста — один из друзей Цицерона, рекомендованный им Цезарю. Позже был в дружеских отношениях с Горацием. Автор ряда трудов юридического характера.
Требия — первый приток реки Пада. Здесь в 218 г. до н.э. Ганнибал одержал свою вторую крупную победу над римлянами.
Тревиры — одно из галльских племен (Gallia Belgica), славившееся своей конницей. Их столица Augusta Trevirorum превратилась во времена империи в крупный торговый центр (ныне — Трир).
Триба — территориальный округ в Риме. В середине III в. до н.э. в Риме было 35 триб, из них 4 городских и 31 сельская.
Трибаллы — крупное фракийское племя, жившее в основном на территории Нижней Мезии.
Трибуны плебейские — должностные лица в Римской республике, первоначальной обязанностью которых была защита прав и интересов плебеев*. В дальнейшем пользовались большим авторитетом и властью. Ежегодно избиралось сначала 2, затем 5 и наконец 10 трибунов.
Триерарх — тот, кто выполнял одну из государственных повинностей в Афинах, а именно: должен был соорудить и содержать военный корабль (в течение года). Триерарх обычно командовал содержимым на его средства кораблем.
Триокала — укрепленный город в западной части Сицилии. Был оборонным пунктом восставших рабов под руководством Трифона (104 г. до н.э.).
Трирема — преобладающий тип римского военного судна (во времена республики) с тремя рядами весел (у греков — триера).
Турма — подразделение (обычно из 500 всадников) алы* — конных войск, поставляемых римлянам союзниками, а затем набравшихся в провинциях.
Тусция (Туския) — Этрурия.

У

Ульпиан, Домиций (170-228 гг.) — один из ведущих юристов «золотого века» римской юриспруденции. Он внёс большой вклад в разработку всех отраслей римского права. Первым дал определение публичного и частного права, а также — классическую формулировку абсолютной императорской власти («Все, что угодно *принцепсу*, имеет силу закона»). Будучи не только учёным-теоретиком, но и крупным государственным деятелем, Ульпиан стремился приспособить право к потребностям общества и государства. Сочинения Ульпиана, важнейшие из которых — комментарии «К эдикту» (в 83 книгах) и «К Сабину» (в 51 книге), написаны простым ясным языком и адресованы не только правоведам, но и всем причастным к судебной и административной деятельности, рассчитаны как на жителей Италии, так и провинций. Особое значение имеют многочисленные трактаты Ульпиана «Об обязанностях...» магистратов, высших сановников и наместников провинций, главный из которых — «Об обязанностях проконсула» (в 10 книгах). В них Ульпиан одним из первых в римской юриспруденции дал непревзойдённую по своей ясности, глубине и полноте трактовку административного и уголовного права и вместе с тем практическое руководство, адресованное римским администраторам. В работах Ульпиана заметны тенденции к унификации, кодификации и регламентации. В сочинениях, написанных в жанре комментариев, он собрал, систематизировал и изложил в простой и ясной форме мнения наиболее авторитетных римских юристов почти по всем вопросам гражданского и преторского права. В трактатах по административному и уголовному праву Ульпиан одним из первых систематизировал и прокомментировал многочисленные императорские указы, тем самым подведя итоги развитию традиционной римской юриспруденции и заложив основу будущей Юстиниановой кодификации. При Александре Севере (222-235 гг.) он был начальником ведомства продовольственного снабжения Рима (*префектом анноны*), затем — командующим императорской гвардии (*префектом претория*), а фактически — правителем Римской державы вместо малолетнего императора. В 228 г. был растерзан взбунтовавшимися преторианцами прямо в императорском дворце на глазах у Александра Севера.
Умбры — италийское племя, населявшее область верхнего течения Тибра.
Урна — римская мера жидкостей, равная 13,13 литра, или ½ амфоры*.
Утика — крупный и богатый город в Северной Африке. По преданию, был основан почти за 300 лет до Карфагена (колония финикийского города Тира).

Ф

Фабий Максим, Квинт, Кунктатор — в 217 г. до н.э. после многочисленных поражений, понесенных римлянами в борьбе с Ганнибалом, был избран диктатором*. Являлся сторонником тактики изматывания врага, избегал решительных сражений, за что и получил свое прозвище Кунктатор, т.е. медлитель.
Фабий Пиктор, Квинт (III в. до н.э.) — старейший римский анналист, автор истории Рима на греческом языке, доведенной до войны с Ганнибалом. Его трудом пользовались Полибий, Дионисий, Ливий и др.
Фаланга — сомкнутый военный строй в несколько рядов в глубину. Особенно известна была македонская фаланга, усовершенствованная Филиппом II: 16 рядов в глубину, вооружена сариссами* и т.д.
Фалиски — небольшое племя в Южной Этрурии, близкое к латинам.
Фаменот — египетское название месяца (25 февраля — 26 марта).

Фаофи — египетское название месяца (28 сентября — 27 октября).

Фараксен — один из африканских царьков, боровшийся в III в. н.э. против римлян.

Фасис — 1) река в Малой Азии (очевидно, Рион); 2) город в устье упомянутой реки, милетская колония.

Фасос — остров в Эгейском море, лежащий недалеко от фракийского побережья.

Фазтон — в греческой мифологии сын Гелиоса, бога солнца. Он умолил отца доверить ему на один день управление солнечной колесницей, но не справился с конями; колесница помчалась к земле; здесь от невыносимой жары стали гореть леса, пересыхать реки. Чтобы спасти землю, Зевс поразил Фазтона молнией.

Фезулы — город в Этрурии (ныне — Фьезоле).

Фермопилы — узкий горный проход из Северной Греции (Фессалия) в Среднюю (Локрида). Здесь во время нашествия Ксеркса на Грецию (480 г. до н.э.) небольшой спартанский отряд героически сражался с персами.

Фециалы — коллегия жрецов в Риме, их обязанностью было объявлять войну (и заключать мир) при выполнении определенных религиозных обрядов.

Фиас — 1) религиозная коллегия; 2) вакхический хоровод.

Фиваида — т.е. Верхний Египет с центром в городе Фивы.

Фидеикомисс — завещательное распоряжение наследникам в отношении какого-либо третьего лица, которое само не могло наследовать умершему (рабы, перегрины* и т.д.).

Фиденаты — жители этрусского города Фидены, союзного с Вейями*.

Фидий (V в. до н.э.) — знаменитый греческий скульптор, современник Перикла.

Фила — характерное для родового строя деление населения. В древнейшие времена население Аттики делилось на 4 филы (племени), каждая фила состояла из 3-х фратрий («братство», объединение родов), каждая фратрия включала в себя 30 родов. Во главе каждой филы стоял филобасилей; в древнейшие времена и войско (ополчение) строилось по филам.

Филарх (III в. до н.э.) — греческий историк, автор «Историй» в 28 книгах, от которых до нас дошли небольшие отрывки.

Филипп V Македонский (221-178 гг. до н.э.) — македонский царь. В союзе с ахейцами воевал против этолийцев, затем заключил союз с Ганнибалом и выступил против римлян (Первая Македонская война). После заключения мира Филипп объединился с Антиохом III Сирийским для борьбы против Египта. Его действия против городов Малой Азии, против Родоса и Пергама привели к новому обострению отношений с Римом. В 200 г. до н.э. начинается Вторая Македонская война, которая вначале шла с переменным успехом, но в 197 г. до н.э. римские войска под командованием Тита Квинкция Фламинина нанесли Филиппу V решительное поражение (между Киноскефалами и Скотуссой).

Филиппополь — укрепленный город во Фракии, основан Филиппом II Македонским. Во времена римского владычества был главным городом Фракии.

Филиппы — город в Македонии, основанный Филиппом II в IV в. до н.э. Здесь в 42 г. до н.э. войска триумвиров разгромили силы «республиканцев» Брута и Кассия.

Филомелий — город в юго-восточной части Фригии* (Малая Азия).

Фиск — учрежденная Августом императорская казна (доходы от императорских провинций, завещаний, конфискаций и т.п.) в отличие от общегосударственной казны (эрарий*).

Фламины — так назывались в Риме жрецы различных храмов. Особенное значение среди них имел фламин Юпитера (flamen Dialis), фламин Марса (flamen Martialis) и фламин Квирина (flamen Quirinalis).

Фокида — область в Средней Греции. На территории Фокиды находился знаменитый Дельфийский храм; разграбление сокровищ этого храма фокидянами привело к так называемой Священной войне (356-346 гг. до н.э.), в результате которой войска Филиппа II Македонского проникли в Грецию.

Фоллис (или фоллий) — в период Поздней империи золотая монета, составная часть солида*.

Фортуна — римская богиня случая и судьбы, соответствовала греческой Тюхе. Один из ее титулов — Примигения — означал, видимо, что она определяла судьбу каждого при рождении. Первый храм ей на Капитолии, по преданию, построил римский царь Сервий Туллий, который, будучи сыном рабыни, достиг царского венца.

Фракия — крупная страна, простиравшаяся на север от Греции до реки Савы, на запад — до берегов Черного моря. Фракийские племена были чрезвычайно многочисленны (одрисы, геты, даки и др.). У южнофракийских племен государство возникло в середине V в. до н.э., на севере Фракии — лишь в I в. до н.э. Северная часть Фракии была подчинена Крассом (Мёзия), южная часть завоевана римлянами в 26 г. до н.э.

Фраксин — дротик из ясеневоего дерева.

Франки — союз германских племен, живших по нижнему течению Рейна. Они сыграли важную роль в падении Западной Римской империи.

Фрегеллы — город вольсков на территории Лациума, покорен римлянами в IV в. до н.э.

Френтаны — небольшое племя самнитского происхождения, жили в Средней Италии.

Фригия — крупная область в Малой Азии. В дальнейшем значительная часть Фригии вошла в состав Пергамского царства, а затем — римской провинции Азии*.

Фризы — германское племя, жившее по обе стороны Рейна, недалеко от его устья.

Фритигерн — один из вождей вестготов во время их наступления на Империю во второй пол. IV в. Ловкий политик, он вступил в борьбу (369-372 гг.) с Атанарихом*, первым самостоятельным правителем (366-381 гг.) вестготов. Победенный своим противником, Фритигерн обратился к императору Валенту, принял арианство и с римской помощью водворился в своих владениях, способствуя распространению среди своих соплеменников арианства и романизации и вызывая тем самым еще большую ненависть со стороны Атанариха, яркого язычника. После 375 г. гунны, покорив остготов, начали теснить вестготов. Атанарих, не будучи в состоянии противостоять врагам, с частью вестготов удалился в Трансильванию; другая часть, под предводительством Фритигерна и Алавива, искала убежища на землях Империи. Император Валент разрешил им разместиться в Мезии. Здесь вестготы подвергались эксплуатации корыстолюбивой римской администрацией. Обязанные выдавать готам даром съестные припасы, чиновники утаивали в свою пользу назначенные для этого деньги, вследствие чего готы терпели недостаток в продовольствии и принуждены были отдавать все свое имущество и даже продавать в рабство жен и детей, чтобы приобрести незначительное количество хлеба и мяса. Голод и притеснения побудили готов к открытому мятежу. Руководителем этого восстания сделался Фритигерн. Он собрал под свои знамена готов и всех недовольных гнетом, разбил под Марцианополем Лупицина, опустошил Мезию, Фракию и Македонию и пошел к столице. Подоспевший из Сирии Валент двинулся против него, но, не дождавшись помощи от своего соправителя Грациана, завязал решительное сражение и был наголову разбит Фритигерном под Адрианополем (9 августа

378 г.). После этого сражения, в котором пал сам император и уничтожено было войско, Фритигерн опустошил Эпир, Ахайю и навел страх на весь Балканский полуостров. Во время этих походов Фритигерн умер около 381 г.

Фронтист — 1) уполномоченный по делам (прокуратор*); 2) в папирусах — опекун несовершеннолетних и женщин.

Фрументарий — 1) поставщик хлеба; 2) интендант (по продовольствию); 3) со времени Адриана — чин тайной полиции.

Фульвий Флакк, Квинт — консул 257 г. до н.э.; удачно воевал с галлами; в 216 г. до н.э. — главный понтифик, в 212 г. до н.э. снова был избран в консулы, воевал против карфагенян и взял у них обратно Капую.

Фунт — римская мера веса = 12 унциям* ≈ 330 г.

Фурии — 1) в Риме — богини мщения, обитающие в подземном царстве. Соответствовали греческим Эринниям; 2) город на юге Италии, на берегу Тарентинского залива. Во время похода Ганнибала город сильно пострадал.

Х

Халдеи — семитическое племя, появившееся в конце II тыс. до н.э. в южной части Месопотамии. Цари халдейской династии были основателями Нововавилонского царства. В дальнейшем в Риме халдеями называли астрологов, так как искусство гадания по звездам было заимствовано от вавилонских жрецов.

Хамавы — одно из германских племен, жившее между Эмсом и Зюдерзее.

Хелидония — весенний праздник на острове Родосе (в месяце боедромион*), когда мальчики с пением ходили по улицам и собирали дары во имя ласточки.

Херсонес — название ряда полуостровов: 1) Фракийский Херсонес — простирался в юго-западном направлении между Фракийским морем и Геллеспонтом; 2) Таврический, или Скифский, Херсонес — Крымский полуостров. Его западная часть называлась Гераклеиским Херсонесом, ибо туда переселились гераклеяцы и основали город Херсонес; 3) Кимврский Херсонес — Ютландский полуостров. Кроме того, это же название имел ряд мысов (например, Chersonesus Magna в Африке).

Хитон — греческая нижняя одежда, тип рубахи из шерсти (дорический) или из льна (ионический). Он препоясывался в талии и имел рукава (или рукавные прорехи).

Ц

Цезарь (титул) — когномен* (фамильное имя Caesar), ставший самым прославленным среди всех римских имен, принадлежал одной ветви рода Юлиев. Сверхсмертия Юлия Цезаря настолько возвысили его (вплоть до обожествления), что усыновленный им внучатый племянник Октавиан не только принял имя своего приемного отца, как и полагалось при усыновлении, но продолжал пользоваться им после того, как получил новое имя Август и сделался первым римским императором. Преемники Августа, независимо от того, состояли они в родстве с Цезарем или нет, неизменно следовали его примеру, нарекая себя Цезарями. Кроме самого императора, это имя получали только члены его семьи (а с 135 г. — еще и наследник императора). Так имя Цезарь превратилось в титул. В официальном именовании императора он обычно помещался на втором месте, сразу после титула Император, и предшествовал всем личным именам (например, Император Цезарь Веспасиан). В поздней империи звание цезаря означало статус младшего императора, который состоял при старшем, именовавшемся августом, и должен был со временем его сменить (например, цезари Галерий и Констанций Хлор при соответствующих августях Диоклетиане и Максимиане).

Цельс, Авл Корнелий — современник Тиберия (14-37 гг.), автор большого труда по сельскому хозяйству, медицине и военному делу. До нас дошла часть VI—XIII книг, посвященных медицине.

Ценз — всеобщая перепись, введённая для римских граждан, по преданию, Сервием Туллием (578-535 гг. до н.э.) с целью упорядочения сбора налогов и военной службы. Во II в. до н.э. государственные налоги были отменены и ценз превратился в перепись. Он проводился в Риме специальными должностными лицами — цензорами*, которые, кроме того, осуществляли надзор за нравственностью граждан и контроль над государственными финансами. Впоследствии ценз проводился и в римских провинциях.

Цензор (от *sensere* — «оценивать») — должностное лицо, осуществлявшее главным образом проведение ценза*. Должность учреждена Сервием Туллием, первоначально для регулирования податей и военной службы. В 434 г. до н.э. пятилетний срок службы цензора по предложению Эмилия Мамерка был сокращён до 18 месяцев, позже должность цензора стала пожизненной. Для плебеев должность стала доступна с 350 г. до н.э. и тогда стали выбираться соответственно 2 цензора. Цензоры выбирались из бывших консулов, никто не мог занимать эту должность дважды. Спектр функций цензоров при Республике включал: 1) собственно ценз; 2) надзор за нравами (*sensura morum*), наказание при этом называлось не *poena*, а *ignominia* или *nota*. Оно заключалось, смотря по общественному положению виновного, в исключении из сената (*senatu movere*) или из всаднического сословия (*equum adimere*) или в понижении в трибе (*tribu movere*) либо в исключении из всех триб вообще (*tribubus omnibus movere*), в таком случае виновный становился эрарием* (*aerarius*), так как это могло сочетаться с более крупным обложением податью. Цензор имел право издания эдиктов* против роскоши; 3) финансовый контроль: отдача на откуп общественных земель, государственных доходов и поземельных податей, а следовательно, и рудников, таможенных пошлин, торговли солью и т.д., а также наблюдение за всеми оплачиваемыми казною вещами и поставками, например за вооружением войск, их перевозкой и др. 4) надзор за сооружением и содержанием общественных зданий и заведений, при котором строительство и ремонт цензоры поручали предлагавшим минимальную плату. Все цензорские документы назывались *tabulae censorum*. В 81 г. до н.э. диктатор Сулла упразднил должность цензора, но уже в 70 г. до н.э. цензорат был восстановлен. Цезарь около 46 г. до н.э. вновь ликвидировал должность цензора — до повторного, но уже формального восстановления принцепсом Августом. После двух цензоров времён Августа, Планка и Павла, цензорские полномочия принимал на себя только сам принцепс (Август это делал трижды). Затем, после длительного перерыва, цензорами в 43 г. были император Клавдий и Луций Вителлий (отец будущего императора Вителлия); в 73 г. — император Веспасиан вместе со своим сыном и соправителем Титом. Начиная с Домициана император имел цензорские полномочия пожизненно.

Цензорин — 1) один из так называемых 30 тиранов во время Галлиена (III в. н.э.). После непродолжительного правления был убит солдатами; 2) римский грамматик III в. н.э. и автор сочинения «*De die natali*», где сообщаются некоторые исторические данные.

Центонарии — ремесленники, ткавшие из лоскутьев покрывала.

Центурионы — командиры центурий. В каждом легионе было 60 центурионов, они различались между собой должностными степенями, высший из них назывался примипилом*.

Центурия — буквально «сотня». Сначала существовали лишь центурии всадников, но затем появились и пехотные центурии (манипул легиона делился на 2 центурии). После реформы Сервия Туллия все римские граждане были разделены на 193 центурии и голосование в народном собрании (центуриатные комиции) происходило также по центуриям. Таким образом, центурия

становится не только военной, но и административно-политической единицей. Впоследствии — также мера земельной площади, равная 200 югерам*.

Церера — богиня растительности, земледелия и хлеба в Риме. Отождествлялась с греческой Деметрой. Культ Цереры имел особое распространение среди римского крестьянства.

Цериал (Цереал), Петилий Квинт — римский полководец, во время правления Веспасиана (69-79 гг.) подавил движение батавов под руководством Цивилиса*.

Цериалитет, или цереалитет — должность цереального эдила, ведавшего снабжением города продовольствием.

Цецилий Метелл, Квинт — 1) Македонский, претор 148 г. до н.э., победитель Андриска (Лже-Филиппа); 2) Нумидийский, консул 109 г. до н.э. вел военные действия против Югурты, добился ряда успехов, но затем был заменен Марием.

Цивилис, Юлий — вождь германского племени батавов, поднявшего в 68-69 гг. н.э. восстание против римского господства. Несмотря на то, что к восставшим присоединились галлы, оно было подавлено.

Цинна, Луций Корнелий — консул 87 г. до н.э. (от демократических кругов). После отъезда Суллы в Азию вместе с Марием произвел антисулланский переворот. До 84 г. до н.э. фактически был диктатором в Риме, в 84 г. до н.э., при подготовке к отпору возвращающимся войскам Суллы, был убит солдатами.

Цинций Алимент, Луций — один из старших римских анналистов, современник II Пунической войны (218-201 гг. до н.э.). Автор «Анналов» — труда, написанного на греческом языке, до нас дошли незначительные фрагменты.

Циркумцеллионы — см. агонистики*.

Цирта — крупный город в Нумидии, резиденция нумидийских царей, в дальнейшем — римская колония.

Цирцеи — город на побережье Лация*. По преданию, в нем когда-то жили сыновья волшебницы Цирцеи*.

Цирцея (греч. — Кирка) — волшебница с острова Эя; превратила спутников Одиссея в свиней, а его самого удерживала на своем острове целый год.

Э

Эвандр (лат. Euandros, греч. Εὐάνδρος, «хороший человек») — в древнеримской мифологии герой, сын Гермеса и аркадской нимфы, дочери Ладона. Его мать называли Фемида, Феспиида и Кармента. В юности встречался с Приамом и Анхизом. За 60 лет до Троянской войны (1193-1183 гг. до н.э.) выселился из аркадского города Паллантия, в царствование Фавна прибыл на место будущего Рима и назвавший холм, на котором он поселился, по имени своей родины Палациумом (Палатинский холм). Согласно Павсанию, во главе отряда из Паллантии был послан для вывода колонии и основал город на берегу Тибра, отсюда название Палатин. Его статуя была в Паллантии. Он научил обитавших здесь аборигенов Лациума письменам и музыке и учредил в честь Пана праздник Луперкалий*. По различным авторам, он принёс алфавит из Аркадии в Италию, где его мать Кармента переделала его в латинский, научил аборигенов письменности. Научил аборигенов сеять и запрягать быков. По другим версиям, он был либо сыном Эхема и Тимандры; либо внуком Палланта, и убил своего отца по наущению матери. По еще одному сказанию, Эвандр — сын Никостраты (у римлян Карменты), оказал гостеприимство Гераклу, гнавшему быков Гериона. Воздвиг алтарь Гераклу и принес ему в жертву телку. Этот алтарь и храм Геракла сгорели при Нероне — в 64 г. н.э. Есть также мнение, что Эвандр — не что иное, как греческий перевод латинского Faunus, а Пан, Фавн, Луперк и Эвандр — одно и то же божество. Некоторые исследователи видят в мифе об Эвандре отражение микенской колонизации Лациума в XIII в. до н.э.

Эвмен — 1) один из полководцев и приближенных Александра Македонского; 2) Эвмен I (263-241 гг. до н.э.) — пергамский царь, победитель Антиоха I при Сардах; 3) Эвмен II (197-159 гг. до н.э.) — пергамский царь, союзник римлян; принимал участие в свержении Набиса в Спарте, оказывал римлянам помощь в их борьбе с Антиохом III Сирийским.

Эвокат — сверхсрочный солдат римской армии.

Эгатские острова — расположены у западного побережья Сицилии; здесь в 242 г. до н.э. консул Гай Лутаций Катулл в морском сражении одержал над карфагенским флотом решающую победу.

Эгеста (или Сегеста) — город, находившийся недалеко от северного побережья Сицилии (между Панормом и Дрепаном). Легенда приписывала его основание троянцам, в частности Энею*.

Эдикт (ediceo — объявлять) — письменное или устное распоряжение (властное заявление) магистрата* при вступлении в должность. Эдикт содержал программу деятельности магистрата и имел обязательную силу на протяжении срока его полномочий. Эдикты издавали и эдилы*, но особенное значение имели эдикты преторов*. Фактически основные правовые положения преторского эдикта переписывались из года в год и, таким образом, приобретали нормативный характер (постоянный эдикт). В период принципата и домината эдикт стал видом императорского закона. Во II в. н.э. римский юрист Сальвий Юлиан составил окончательный текст преторского эдикта («вечный эдикт») по указанию Адриана.

Эдилы — должностные лица в Римской республике. Сначала это была плебейская должность, затем стали избираться и патрицианские эдилы (так называемые курульные). Их главные функции: 1) надзор за городом — за улицами и зданиями, за порядком, полицейские функции; 2) надзор за продовольствием, закупка хлеба и распределение его среди беднейшего населения (так называемые цереальные эдилы); 3) организация общественных игр (во время Поздней Республики). Эта обязанность требовала обычно расхода больших личных средств.

Эдуи — крупное галльское племя, жившее между Лаурой и Саоной. Эдуи были в союзе с Римом еще до походов Цезаря; однако они приняли участие в великом галльском восстании под руководством Верцингеторикса (I в. до н.э.).

Эквы — италийское племя (близкое к латинянам), жившее в горной части Лация. В союзе с Вольсками вели долгие войны с римлянами, пока не были ими покорены.

Эклогист — сборщик недоимочных платежей с отдельных лиц в Афинах или с союзных городов.

Эконом — чиновник в эллинистическом Египте (и царстве Селевкидов), ведавший финансами.

Элея (Велия) — город в Лукании*, основанный фокейцами в VI в. до н.э. Здесь находился центр элеатской школы, к которой принадлежали философы Зенон, Парменид, Левкипп, Демокрит и др.

Элимея — юго-западная область Македонии с городом Элима.

Эмилиий Павел, Луций — 1) консул 219 и 216 гг. до н.э. Пал в битве при Каннах, которую начал против его воли его сотоварищ по консульству Теренций Варрон; 2) Македонский, сын предыдущего, консул 182 г. до н.э., получил триумф за победу над лигурийцами, в III Македонской войне одержал решительную победу при Пидне (168 г. до н.э.) над войсками Персея*.

Эмпорий — торговый пункт, складочное место для товаров.

Эмфитевсис — наследственная (и бессрочная) аренда земли.

Эней — сын Анхиза* и Афродиты, троянский герой. После разрушения Трои, по древним вариантам мифа, остается в Троаде и властвует над нею, по более поздним вариантам — переселяется в Лациум и его потомки основывают Рим. От Энея через его сына Аскания-Юла выводил свою родословную знатный римский род Юлиев, и в частности Юлий Цезарь.

Энкомий (греч. Ἐγκόμιον — восхваление) — сочинение, прославляющее определенное лицо. Энкомии, написанные в стихах, предназначались для праздничного шествия или пира; их исполнение сопровождалось игрой на флейте, форминге, лире. Энкомии писали многие поэты, в частности Симонид, Пиндар. В прозе Энкомий — панегирик* или риторическое упражнение, в котором восхвалялся мифологический персонаж или реальное лицо.

Энна — крупный город в центре Сицилии; был опорным пунктом восставших рабов под руководством Эвна (Первое сицилийское восстание 138-132 гг. до н.э.).

Эпиникий — 1) победные празднества у греков обычно в честь победителя на играх; 2) песни в честь победителей, исполнявшиеся во время пиров.

Эпир — западная область Северной Греции (во времена римлян к ней была присоединена Акарнания), гористая страна; в Древности была населена племенами хаонов, фоспиров, молоссов и др. Единое государство было создано в начале III в. до н.э. Пирром, в дальнейшем Эпир был подчинен римлянами. В Древности был знаменит город Додона благодаря своему оракулу.

Эпистратег — начальник области (объединения номов) в эллинистическом Египте.

Эпитома (греч. еπίτομη — уривок) — скороченный выклад научовой або літературної праці.

Эпиф — египетское название месяца (25 июня — 24 июля).

Эпóним — 1) в Греции — должностные лица, по имени которых обозначались годы. Так, например в Афинах был архонт-эпоним, в Спарте — эфоры и т.д.; 2) чиновник в Афинах во времена Римской империи. Обязанности его неизвестны.

Эрарий — государственная казна в Римской республике. Она помещалась в здании храма Сатурна, и ею ведали квесторы* (см. фиск*).

Эргастул — тюрьма для рабов, имевшаяся обычно в крупных поместьях богатых римских рабовладельцев.

Эрик — крепость и гора на западе Сицилии; опорный пункт карфагенского полководца Гамилькара в конце I Пунической войны.

Эсквилин — один из семи знаменитых римских холмов, на которых уже в Древности располагался город (Septimontium).

Этолийцы — члены Этолийского союза, образовавшегося в конце IV в. до н.э. и включавшего в свой состав ряд общин Средней Греции (и частично Пелопоннеса). Союз имел федеративное устройство, и высшая власть принадлежала союзному собранию.

Этруски (расены) — могущественный народ неизвестного происхождения, населявший в древности Италию. Расцвет этрусского могущества относится к VI в. до н.э., когда вся Италия, и в частности Рим, находились под их господством.

Эфес — крупный ионийский город в Малой Азии, был знаменит храмом Артемиды, который сжег Герострат, по преданию, в ночь, когда родился Александр Македонский.

Эфоры — коллегия из пяти должностных лиц в Спарте; избирались народным собранием. Они имели судебные и контрольные функции, вплоть до контроля над действиями царей и привлечения их к судебной ответственности.

Ю

Юба — нумидийский царь, принимал участие в гражданской войне между Цезарем и помпеянами на стороне последних. После поражения при Тапсе (46 г. до н.э.) бежал и вскоре покончил жизнь самоубийством.

Юг (земельный) — мера земли, равная площади, которую можно обработать за один день при помощи двух быков.

Югер — римская мера площади, равная примерно 0,25 га.

Югурта — нумидийский царь, ведший в течении почти шести лет (111-105 гг. до н.э.) войну с римлянами и добившийся в ходе этой войны крупных успехов. Югурта широко применял военные хитрости, а также подкуп римских военачальников. В конечном счёте был разбит Марием и взят в плен Суллой. Его вели в триумфе, а затем он был казнён.

Юнона — в Риме считалась супругой Юпитера и была как бы его женской ипостасью. Оба божества даровали дождь и урожай, успех и победу. Отождествлялась с греческой Герой.

Юпитер — верховный бог римского Пантеона, отец богов и властитель людей. Отождествлялся с Зевсом.

Я

Япиги — племена, населявшие Калабрию. Происхождение их неясно, во всяком случае это были не италийские племена.